

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ третій.

ЯНВАРЬ.

1872 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Письмо къ вельможамъ, правителямъ государства. Соч. сенатора кн. М. М. Щербатова.	1	VI. Незданными стихотворенія М. Ю. Лермонтова: 1) Жалоба турка, 2) Къ Нзерь. Сообщ. П. А. Шфремовъ	84
II. Записки академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ 1787—1855. Глава I-я. Сообщ. Т. П. Пассежа	16	VII. Мертвыя Души, поэма Н. В. Гоголя: незданные отрывки и варианты. Сообщ. М. М. Вогоявленскій	85
III. Графъ Николай Семеновичъ Мордвинцовъ. 1754—1845 гг. Мнѣнія, проекты и записки его по государственнѣмъ вопросамъ: 1. Трудопоощрительный банкъ. 1802 г. Сообщ. гр. А. А. Мордвинцовъ.	33	VIII. Воспоминанія о П. В. Гоголѣ, Н. В. Берга.	118
IV. К. Ф. Рыльскій: 1) Дума: Волжскій, 2) Послания: къ К—ну, и 3) къ NN. Сообщ. П. А. Шфремовъ.	62	IX. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей П. Ф. Карабачевымъ: царствованіе Екатерины II-й (129) 2 Записка о Воейковѣ. Сообщ. Е. С. Сербиковичъ. (147). 3. Альбомъ Н. Ф. Щербяны: эпиграмы, шутки, пародіи. 1854—1864 гг. (150).
V. Графъ М. М. Сперанскій: 1) философскіе отрывки и афоризмы. Сообщ. А. Ф. Вычшовъ. 2) Записки и письмо, Сообщ. П. И. Савваитовъ и Ф. В. Карабачевъ.	68	XI. Библиограф. листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. томъ третій, ч. XV, письма 151 — 155: — Морская язва, чума въ Россіи. Матажъ въ Москвѣ. Убіеніе арх. Амвросія. 1771 г.

При этой книгѣ приложенъ портретъ академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Гравировалъ г. Герасимовъ.

Принимается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1872 г. Цѣна съ доставкой въ Петербургъ и Москвѣ и съ пересылкой въ прочіе города—**восемь руб.**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

1872.

1-я книжка «Русской Старины» вышла 1-го января.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Сергія Соловьева. Томъ двадцать первый. М. 1871, Унив. тип. 8°, 379, II и 2 нелум. стр. Цѣна 2 р.

Выходящій ежегодными томами трудъ почтеннаго московскаго историка достаточно уже извѣстенъ по своимъ отличительнымъ качествамъ. Нынѣ вышедшій томъ, посвященный началу царствованія Елисаветы, состоитъ изъ четырехъ главъ: I—Брауншвейгская емилія, II—Событія конца 1741-го и въ 1742 году, III—1743-й годъ, IV—1744-й годъ. П. Г.

Умственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Книга для воспитателей Е. Водовозовой. При книгѣ приложены: таблицы чертежей и сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ и подвижныхъ игръ съ народными мелодіями. Спб. 1871. Ц. 2 р.

Съ каждымъ годомъ у насъ все болѣе чувствуется потребность въ педагогическихъ трудахъ, которые могли бы служить руководствомъ для родителей въ важномъ дѣлѣ воспитанія маленькихъ дѣтей. Поэтому книга Ел. Ник. Водовозовой является какъ нельзя болѣе кстати. Такъ какъ по физическому воспитанію дѣтей у насъ есть кое-какія хорошія сочиненія, то авторъ въ своемъ трудѣ посвящаетъ одну большую главу нравственному воспитанію, и затѣмъ во всей остальной книгѣ говорить о воспитаніи умственномъ. Главною цѣлю г-жи Водовозовой было не столько выяснять общіе педагогическіе вопросы, сколько дать родителямъ возможно болѣе практическихъ указаній на то, какъ развивать ребенка въ первые годы его жизни, какія занятія давать ему, какими бесѣдами сопровождать эти занятія и т. д. Для занятій, которыя могли бы развивать дѣтей, составительница книги находитъ пригоднымъ матеріалъ, который даетъ Фребель. Но она не принимаетъ системы Фребеля цѣликомъ, не подражаетъ ему во всемъ безусловно, а признавъ лишь, такъ сказать, остовъ этой системы, принимаетъ ее совершенно самостоятельно къ русской жизни. Въ этой книгѣ воспитателя найдутъ указанія на то, какими работами, играми, физическими упражненіями на воздухѣ и въ комнатѣ, разсказами, сказками, словосочиненіями, арифметическими задачами и наблюденіями надъ явленіями природы можно занимать ребенка въ первое десятилѣтіе его жизни. Если наши воспитатели и воспитательницы воспользуются указаніями автора,—ихъ дѣти будутъ являться въ среднія учебныя заведенія несравненно болѣе подготовленными, чѣмъ они являются туда теперь, а слѣдовательно и ихъ дальнѣйшее развитіе пойдетъ го-

раздо успѣшнѣе и правильнѣе. Кромѣ таблицъ, объясняющихъ различныя дѣтскія работы, къ книгѣ приложенъ сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ и подвижныхъ игръ съ народными мелодіями, музыка профессора Спб. Консерваторіи А. И. Рубца. Этотъ сборникъ будетъ въ высшей степени полезенъ не только для дѣтскихъ садовъ, но и для народныхъ школъ. (Онъ продается и отдѣльно отъ книги за 1 р.).

Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей Е. Водовозовой. Часть I—съ 10 картинками, рисованными на деревѣ Павловымъ—208 стр., ч. II—176 стр. Спб. 1871. Цѣна за обѣ части—1 р. 50 к.

Наша дѣтская литература и очень богата и очень бѣдна въ одно и тоже время: богата, продуктами книгопродавческой спекуляціи и очень бѣдна дѣйствительно пригодными и полезными для дѣтей трудами. Но особенно у насъ мало книгъ для маленькихъ дѣтей, доступныхъ ихъ пониманію. Разсказы г-жи Водовозовой предназначены преимущественно для дѣтей младшаго возраста (отъ 8 до 12 лѣтъ). Содержаніе ихъ, какъ показывается и заглавіе, знакомятъ исключительно съ русскою природою и бытомъ русскаго народа, преимущественно съ трудовою жизнью крестьянина и ремесленника. Изъ животных, растений и явленій природы г-жа Водовозова беретъ тѣ, которыя всего ближе и доступнѣе ребенку, и разсматриваетъ ихъ въ связи съ жизнью. Главное достоинство разсказовъ живость и занимательность: это не сухое описаніе, а очерки, читающіеся съ интересомъ, нерѣдко лишены поэзіи. Книга эта бесспорно займетъ видное мѣсто въ нашей дѣтской литературѣ. Внѣшность изданія вполне изящна; картинки прекрасны.

Гусъ. Его отношеніе къ православною церкви. Сочиненіе А. Гильфердинга. Спб. Тип. Майкова 1871 м. 8°, 2 нел. и 79 стр.

Гуситовъ обыкновенно считаютъ протестантами, ссылаясь, между прочимъ, на то, что Лютеръ признавалъ Гуса своимъ предшественникомъ, и что гуситы стали славиться съ протестантами. Это—одно мнѣніе. Другое—рѣшительно называетъ гуситовъ православными.

Въ виду этихъ двухъ мнѣній, живо интересующихъ нашу современность, голось знатока весьма важно. Потому мы и указываемъ на брошюру извѣстнаго слависта А. О. Гильфердинга, посвященную разъясненію этого вопроса.

Не отрицая историческаго средства гуситства съ протестантизмомъ и, съ другой стороны, приводя весьма важный документъ, именно соборное дѣяніе констан-

См. продолж. на слѣд. страницѣ обертки.

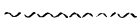
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1872 г.

ТОМЪ V.

САНКТЛЕТЕРБУРГЪ.

Печата В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

1872

А. Л. ВИТБЕРГЪ.

Академикъ, строитель храма Спасителя въ Москвѣ.

1787—1855.

Гравир. Герасимовъ.

Доволено ценсурю. С.-Петербургъ, 11 декабря 1871 г.
Печатня В. И. Головина, Владимирская, д. № 15, кв. № 3.

ПИСЬМО КЪ ВЕЛЬМОЖАМЪ ПРАВИТЕЛЯМЪ ГОСУДАРСТВА,

соч. сенатора кн. М. М. Щербатова.

Читатели „Русской Старины“ уже знакомы съ однимъ изъ наиболѣе интересныхъ сочиненій исторіографа Екатерины II-й, сенатора кн. Михаила Михайловича Щербатова (р. 1733 ум. 1791 г.), а именно съ записками его: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, напечатанными во II-мъ и III-мъ томахъ нашего изданія*). Нынѣ мы представляемъ другое произведеніе этого желчнаго, безпощаднаго къ своимъ современникамъ писателя: „Письмо къ вельможамъ, правителямъ государства“. Письмо не вдается въ личности, не оскорбляетъ никого изложеніемъ хотя и правдивыхъ, но позорныхъ фактовъ изъ жизни тѣхъ или другихъ дѣятелей; тѣмъ не менѣе, хотя въ чертахъ общихъ—письмо представляетъ очень сильную сатиру на нравы высшего сословія эпохи Екатерины II. Документъ интересенъ въ ряду прочихъ сочиненій кн. Щербатова—для обрисовки его политической дѣятельности, а еще болѣе для исторіи нравовъ его времени. Не нужно однако забывать, что суровый сенаторъ—какъ ни рѣзокъ въ характеристикѣ современныхъ ему „вельможъ, правителей государства“, прежде всего человекъ своего времени, не чуждъ его недостатковъ и предубѣжденій; довольно, напримѣръ, отмѣтить въ томъ же „письмѣ“ мнѣніе автора въ пользу откупа, существованіе котораго онъ хотя и признаетъ зломъ, но такимъ, „которое—по обстоятельствамъ государства—нужно“ и т. п.

*) «Русская Старина» изд. 1870 г., т. II-й, стр. 13—56; 99—116 (тамъ же, на стр. 13—15 помѣщено краткое извѣстіе о жизни кн. Щербатова); изд. 1871 г. т. III, стр. 673—688. Въ I-мъ томѣ «Русск. Стар.» (изд. перв., стр. 28—30; изд. второе стр. 415—417) помѣщены написанные кн. Щербатовымъ: «Планъ исторіи царствованія Екатерины II и опытъ предисловія къ таковой исторіи».

Печатаемъ настоящій документъ съ копии (въ листъ, 15 полулистовъ), современной князю Щербатову и исправленной его собственной рукой. Сообщеніемъ его мы обязаны Василию Ѳедоровичу Ратчу, покойному собирателю матеріаловъ въ новѣйшей отечественной исторіи.

Ред.

Милостивые государи! Достигну до старости моихъ дней и видя приближающуюся мою смерть, сила ваша, ни мщеніе не страшны мнѣ становятся. Ибо что вы можете у меня отнять? Остатокъ малаго числа дней, изъ коихъ каждый означенъ новыми болѣзненными припадками. Да хотя бы и сего не было, изъ юности своей привывши разсуждать о состояніи смертныхъ тварей и о неизбѣжности отъ всякихъ несчастій, я и тогда уже душу мою укрѣпилъ противу ударовъ щастія. Я видѣлъ падшихъ въ несчастіе вельможъ, снисловившихъ свою гордость, слабость свою и подлость являть. Видѣлъ другихъ вельможъ, утѣсняющихъ себя нижнихъ, лишать ихъ имѣній и жизни; но зрилъ въ ихъ дѣяніяхъ не болѣе силы и могущества, каковыя самый разбойникъ можетъ имѣть, который грабитъ и убиваетъ, или пресмыкающійся червь, поядающій плоды земные, надежду тщательнаго земледѣльца, или каковаго насѣкомаго, умерщвляющаго своимъ ядомъ челоуѣка. Я видѣлъ царей и вельможъ, умирающихъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ своея младости, коихъ, вмѣстѣ съ жизнію, исчезала вся надежда, пышность и великолѣпіе; и они въ пепелъ обратились, и память ихъ не по тому судилась, какое они мѣсто на грязномъ маломъ кому нашей стихіи, что мы землю называемъ, занимали, но потому каковы они были. Я видѣлъ надъ собою многія несчастія, былъ обманутъ щастіемъ, претерпѣлъ въ имѣніяхъ своихъ ущербъ; лишился моихъ ближнихъ, которыхъ не перестаю оплакивать. Вижу нынѣ вами народъ утѣсненный, законы въ ничтожность приведенные; имѣніе и жизнь гражданскую въ неподлинности; гордостью и жестокостію вашею лишеныя души ихъ бодрости, и имя свободы гражданской тщетнымъ учинившееся и даже отнятія смѣлости страждущему жалобы приносить.

Се первое изъ сихъ паче укрѣпило меня противу суровостей рока или, лучше сказать, вашихъ самопроизвольствъ, а второе побудило меня мысли мои вамъ начертать.

Не злобою я на васъ дышу, не страстію какою побужденъ;

истина и человеколюбіе суть путеводители мои. А посему не могу я васъ считать извергами природы, рожденными отъ какихъ свирѣпѣйшихъ звѣрей, питанныхъ млекою бабры или медвѣдicy, и воспитанныхъ среди льдистыхъ бугровъ Кавкаса. Вы человеки, рожденные отъ подобныхъ намъ, воспитанные между нами съ млекою матерей своихъ, питались ученіемъ нашего святаго закона; а посему не природа есть причиною вашихъ пороковъ, но незнаніе самаго объясненія вашей должности, забвеніе самихъ себя и страсти ваши, иже содѣлываютъ изъ васъ не людей, но нѣкихъ чудовищей, созданныхъ на несчастіе и на погибель вашихъ согражданъ.

Первое объясненіе, долженствующее впечатлѣнно быть въ сердцахъ вашихъ, что есть вельможа? Се есть не иной кто, какъ человекъ по роду-ли своему, по достоинству-ли, или по случаю, возвышенный превыше другихъ равныхъ ему человѣческихъ тварей; приближенъ къ престолу царскому и обогащенный щедродаровитостію монарха отъ сокровищъ народныхъ.

Самыя сія объясненія не показываютъ ли каждому вельможѣ и должности его. Возвышенъ онъ превыше другихъ равныхъ ему человѣческихъ тварей. Но сіе нѣсть механическое возвышеніе, коимъ можно и навозъ на верхъ высокой башни положить, но возвышеніе метафизическое, знаменующее, что кто возвышенъ предъ другимъ саномъ, тотъ долженъ возвыситься и добродѣтелями. Но гордость, самохотѣніе, презрѣніе законовъ, сластолюбіе, праздность, нераченіе и невѣжество возвышаютъ-ли человека? Поелику онъ есть человекъ предъ другими, а впадая въ сіи погрѣшности, не становитесь-ли изъ знатнѣйшей Богомъ созданныхъ тварей, т. е. человекъ, подлѣйшими изъ всѣхъ животныхъ? Не чинитесь-ли вы сей самой кучею навозною, на верхъ великолѣпной башни вознесенною? Не чинитесь-ли вы изъ человекъ, и человекъ изящныхъ, подобны жукамъ, подобно какъ они любящихъ жить въ навозѣ, такъ вы въ порокахъ?

Приближены вы къ престолу царскому. Но для чего? Не для того-ли, чтобы вѣрно ему служить и чтобы его милосердія чрезъ васъ къ низайшей части подданныхъ отражались. А могутъ-ли они имѣть такое отраженіе, когда сему отраженію гордость, лѣнь, своехотѣніе и прочее сопротивляется. Вы въ

престолу царскому приближены съ тѣмъ, чтобы учинить любима вашего государя, но вы его дѣлаете ненавидима народу.

Вы обогащены щедродаровитостію монарха отъ сокровищъ народныхъ; то чѣмъ же вы можете ему и народу воздать? Не совершенной-ли то вѣрностью къ тому, кто васъ обогащаетъ, усердіемъ и нелицемѣрнымъ отероженіемъ своихъ мыслей, хотя бы они противны ему были, являя симъ, что въ подвигахъ вашихъ къ его службѣ вы не сами себя въ предметъ имѣете, не собственный вашъ прибытокъ, но славу монарха, которому служите. Чѣмъ вы воздадите народу, коего сокровищи служатъ къ обогащенію вашему? Не тѣмъ-ли, что явите ему снисхожденія, окажите попеченіе ваше о его блаженствѣ и явите, что вы достойны благодѣтелями народа именоваться?

Обыкновенно вельможи суть и правители государства. Воззримъ же, что сіе именованіе разумѣтъ и какія замыкаетъ въ себѣ должности?

Самое именованіе правитель являетъ, что онъ долженъ быть тотъ, кто направляетъ теченіе вещей къ лучшему благоустройству. Ибо незачѣмъ бы имѣть правителей, если бы они токмо для развращенія и поврежденія употреблялись. Монархъ есть одинъ; все видѣтъ и все обнять въ государствѣ, а паче въ пространномъ, не можетъ. Онъ опредѣляетъ разныхъ правителей, коимъ удѣляетъ часть своей власти, дабы способомъ и посредствомъ оныхъ повсюдова законы были исполняемы; дабы знаки его милостей повсюду разливались; дабы каждый безопасенъ былъ о своей жизни, чести и имѣніяхъ. Но власть сія препоручается не на самопроизвольность каждаго, но есть предписанія законовъ, которыхъ частные правители должны токмо исполнители быть, и исполнители незлостные, ищущіе вины, преступленія и наказанія; но исполнители представляющіе лицо отца народа, т. е., милосердые и снисходительные, а къ тому справедливые и тщательные, нисходительные и всѣми способами тщанимся, не токмо силою законовъ, но и своимъ примѣромъ, ввести благодѣланіе въ народъ, утвердить его умоначертаніе, возвысить его душу, безъ чего никакая добродѣтель быть не можетъ, и не токмо законными дѣяніями своими, но и каждымъ малѣйшимъ своимъ поступкомъ должны показывать свое благосердіе и снисхожденіе.

Но какъ все сіе вами исполняемо?

Вы опредѣлены быть исполнители законовъ; но прилагаете ли вы прилежное ваше стараніе достигнуть до совершеннаго познанія оныхъ, вникнуть въ притчины сочиненія каждаго изъ нихъ? Оставляете вы сію важную науку вашимъ секретарямъ, которые или для собственныхъ своихъ пользъ васъ обманываютъ, или вы сами, не справаяся и чрезъ секретарей вашихъ о подлежащихъ законахъ, самопроизвольно судите, похищаете надъ властію монаршею; не правите, но въ разстройку приводите правительство; отнимаете у подданныхъ извѣстныя имъ правила, которымъ должны послѣдовать; въ презрѣніе приводите самыя законы, и жизнь, честь и имѣніи гражданъ во всегдашней опасности становятся.

Вы говорите, что се есть для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ. Но все, что скоро, еще хорошимъ назваться не можетъ. Природа сама намъ представляетъ примѣры: нужные тварямъ произрастеніи не на сѣхъ растутъ, но всему надлежитъ время и спѣлость, дабы совершенство свое получило. Какъ же вы думаете безумной вашу поспѣшностью какую пользу сдѣлать. Пусть совѣсть ваша чиста; пусть желаніе ваше есть скорѣе содѣлать судъ обиженному; пусть бы знали и законы, но возможно ли безъ мучительства требовать, чтобы каждый подданный подвергался къ единому вашему суду; чтобы иногда тѣлесныя припадки, иногда оттого, что не выспитесь ночь, препровождая ее въ роскоши, иногда совсѣмъ посторонней вещь бывъ раздражены, сужденіи бы ваши зависѣли отъ вашего веселаго или огорченнаго расположенія. Но пусть, повторяю, вы бы и знаніе законовъ имѣли, есть ли такая на свѣтѣ память, которая бы могла упомнить содержаніе и точный разумъ всѣхъ законовъ, которые у насъ многія листовыя книги сочиняютъ, изъ коихъ бѣльшая часть писаны на неупотребительномъ языкѣ. Какъ же сворохватныя ваши рѣшенія, безъ справокъ и сличенія учиненныя, могутъ быть справедливы.

Видны въ сужденіяхъ вашихъ предубѣжденія къ лицамъ. Въ самой ли истинѣ или напрасно вы ихъ получили, не стыдитесь и не страшитесь на ономъ сужденіи свои основывать, а иногда и не суда отнимаете честь людей. Войдите сами въ себя, подумайте о слабостяхъ человѣческихъ; воль часто и яснѣйшія вещи

намъ темны кажутся, то можно ли кому благоразумному человѣку понадѣяться на единое свое сужденіе, и страстью или предубѣжденіемъ пораженный человѣкъ есть вполнину безумный, а вы въ семь-то вашемъ безуміи судите судьбу и честь людей. Законы для того составлены, что они лицепріятія не имѣютъ; пристрастія въ нихъ нѣтъ: да судится каждый по законамъ, да отступленіе человѣка отъ извѣстныхъ ему правилъ накажется, а не потому, что кто внушилъ управляющему вельможѣ о комъ худо или ему что показалось. Но вы на сіе говорите, что хитрость развратныхъ людей есть такая, что никакіе законы не могутъ предупредить ихъ коварства и злости и часто они, за недостаткомъ законовъ, безъ наказанія остаются. Сему оспорить не можно. Но не лучше ли если бы кто виновной и избѣжалъ наказанія, нежели когда, отъ вашего самохотѣнія, упрежденія или худаго воззрѣнія, безвинный кто претерпитъ и разрушится безопасность гражданская, защищаемая законами. Вы тщитесь наказать другихъ за проступокъ противу законовъ или за вредный подъ нихъ подборъ, нарушая сами оныя и считая ихъ достойными наказанію, сами уже ясно злѣйшими извергами, разрушителями законовъ и злодѣями, достойными жесточайшаго себѣ наказанія учиняетесь.

Въ самомъ исполненіи вами законовъ я вижу такія нелѣпости, которыя, конечно, въ слезы и содроганіе каждаго добраго гражданина приводятъ. Лучшіе изъ васъ, затвердя, какъ сороки, слово милосердіе, не знаете что оно знаменуетъ, послабляете ящимъ преступленіямъ. Поймите, что милосердіе есть единое изъ приписаній приличныхъ божеству, равно какъ и правосудіе, то можетъ ли что въ божествѣ быть противурѣчительно. А потому милосердіе есть то, когда взирая на обстоятельства, на слабости человѣческія и пр., самое правосудіе смягчается, а не есть ослабленіе. Титъ, императоръ, нареченный благопріятный роду человѣческому, примѣръ милосердія въ земныхъ владыкахъ, обливался слезами при подписаніи смертной кому казни, но ее подписывалъ, когда необходимо то правосудіе требовало.

Другіе, напротиву того, думая строгостью одною все привести въ порядокъ, якобы удобно было какія кому дѣла исполнять, озлобя прежде всѣхъ съ вѣмъ онъ ихъ исполнять долженъ, не взирая ни на слабости, ни на обстоятельства, ни иногда на

невозможность, за удовольствіе считаютъ токмо наказанія налагать. Не знаютъ они сего правила, долженствующаго бы быть начертаннаго въ сердцахъ правителей: Слабости препятствуютъ милосердію и покоряются ему; беззаконія сопротивляются милосердію и вооружаются противу него. Слабости челоуѣчествомъ извиняются, беззаконія изверствомъ самимъ извиниться не могутъ. Се есть правила, иже составляютъ самыя основанія законовъ. Симъ бы вы должны послѣдовать, и если бы нашли самыя законы противорѣчущіе вашимъ добрымъ намѣреніямъ, могли бы принести предъ престолъ монаршій, во власти законодательной, ваши представленія о поправленіи самыхъ законовъ, а не самимъ вамъ чинить похищенія надъ вышнею властью, коей вы есть хранители; прописавъ законы въ глухихъ вашихъ писаніяхъ, давать прощеніе или усугублять самую строгость законовъ, являя первымъ себя несмысленными похитителями вышней власти, а вторымъ—злодѣями, приличнѣйшими быть палачами, нежели правителями государства.

Разныя встрѣчаются вамъ дѣла, а между тѣмъ и такія, которыя требуютъ особливаго разбору актовъ. Вы вступаете своими особами, не войдя ни въ обстоятельства, ни въ силу актовъ, иже составляютъ безопасность гражданскихъ имѣній; судите въ единую минуту, рѣшите безъ справокъ и гражданъ въ разореніе приводите. Не учиняетесь ли вы симъ совершенно сходны разбойникамъ, которые наглостію имѣніе чужое похищаютъ. Но вы въ оправданіе говорите, что вамъ точно извѣстно, что акты сіи несправедливы; что то имѣніе похищено или у государя, или у частныхъ людей. Не спорю; но вы ли есть законъ? Оставьте такія дѣла теченію закона, пусть несправедливость ихъ доважется. Если же и такъ вещи сокрыты, или такия обстоятельства приведены, что похититель останется владѣтелемъ похищеннаго, не лучше ли, чтобъ государь или нѣкоторые граждане отъ хитрости такой претерпѣли, нежели бы вашимъ скоростижнымъ сужденіемъ похитилась власть у государя, разрушились законы и погибла бы безопасность подданныхъ, а вы-бы разбойниками учинились?

Пристрастіи ваши суть наиболѣе очевидны въ опредѣленіи вами судьей. Едва вы входите въ начальство, уже несмысленная

родня ваша важныя мѣста получаютъ; другіе — ваши искатели, хотя ихъ прежнее пребываніе въ судьяхъ противу ихъ свидѣтельствуесть, паки въ мѣста опредѣляются; въ единыхъ мѣстахъ тогда какъ отрѣшаете однихъ, другихъ, не меньше участвующихъ въ злоупотребленіи законовъ, тогда же повышеніе получаютъ. Пусть вы себѣ въ оправданіе скажете о сродникахъ, что ваше надзираніе надъ ними научитъ ихъ должности и добрыми вы ихъ судьями содѣлаете; пусть скажете о прежде-бывшихъ у дѣлъ, что ваше строгое наблюденіе возвратитъ ихъ къ правосудію; пусть скажете о участвующихъ въ злоупотребленіяхъ, что обстоятельства не дозволили имъ онымъ сопротивляться, — оправданіи ваши тщетны. Если вы, по пристрастію родства, опредѣлили кого, то не можетъ ли быть то же пристрастіе и въ наблюденіи за нимъ? и какъ возможно вамъ, бывъ главными начальниками, входить во всѣ подробности нижнихъ чиновъ? кто на ближняго вашего родственника или свойственника осмѣлится вамъ принести жалобы? и слѣдственно большая часть дѣлъ его сокрыты отъ васъ будутъ. Какъ вы надѣетесь привысшаго къ распутству человѣка обратитъ къ порядку, когда и надъ собою толь мало власти имѣете, что не стыдитесь его опредѣлить? Какъ вы можете извинить обстоятельствами злоупотребленіе законовъ? Какъ вы можете ихъ въ доскональность знать, и какъ вы можете понадѣяться на человѣка, сказывающаго вамъ, что онъ для товарищества плутоваль? А опредѣленіе такихъ, выводя васъ пристрастными на позорище и показуя, что вы не достоинства, но прихоти своей ищите, развратить не токмо сихъ, но и множество другихъ и вы, еслибы и хорошія имѣли намѣренія, коихъ, по крайней мѣрѣ, знаковъ не видно, безуспѣшны въ предпріятіяхъ останетесь; а народъ увидитъ въ васъ пристрастнаго себѣ злодѣя.

Не хочу я васъ обвинять въ здоимствѣ, ибо сіе обвиненіе является мнѣ мерзко, и не могу я подуматъ, чтобъ души ваши до того были уподлены. Охотно желаю васъ хотя добрымъ намѣреніемъ оправдать, возлагая болѣе худые ваши поступки на невѣжество ваше, нежели на умысленныя развращенія вашего сердца. Однако, если вы не здоимцы, то, по крайней мѣрѣ, вы толь малоумны, что тщитесь показывать себя такими предъ народомъ. Ибо что можетъ сказать народъ, видя ваше сласто-

любіе и роскоши, превосходящія ваши доходы? Что онъ скажетъ, видя ваше уваженіе ко всѣмъ богатымъ людямъ; видя похлѣбствы ваши ко зловреднымъ откупщикамъ? Сколько каждаго изъ васъ содѣлалъ имъ благодѣяній, вспомошествовая, явобы для своего прибытку, всѣхъ ихъ разореніямъ и притѣсненіямъ народа. Вы, иже во всемъ строгіе смотрители являетесь, пресѣкли ли вы несправедливую продажу соли, несправедливой ея вѣсъ, подмѣшанія самаго песку и прибавленія цѣны? Пресѣкли ли вы въ откупѣ табуку разныя вврадшіяся злоупотребленія, яко недовѣсы, подмѣсъ худаго и прочее? Нѣтъ, все сіе въ прежнемъ злоупотребленіи остается. Тщетно народъ жалуется, тщетно онъ вопіетъ. Вездѣ онъ притѣсненъ и нигдѣ отъ васъ защиты не обрѣтаетъ. Что сіе знаменуетъ? Вы говорите, что для пользы коронныхъ доходовъ вы принуждены вспомошествовать откупщикамъ? Да развѣ корона отдавала имъ откупъ на тѣхъ основаніяхъ, чтобы они разоряли народъ, повредили бы вѣсы и мѣры и испортили бы примѣсомъ вещей самыя нужныя вещи для жизни человѣческой? Естьли такія суть ваши мысли, то вы разрушаете связь народную съ государемъ и государствомъ и суть побудители возмущенія. Если же не такія, чего ради вы толь во всемъ имъ способствуете? Никто изъ гражданъ не долженъ быть притѣсненъ. Откупщики есть зло, но зло, по обстоятельствамъ государства, нужное. Не утѣсняйте ихъ, исполните съ ними точно тѣ условія, на которыхъ они обязались. Не утѣсняйте ихъ, но не давайте имъ и народъ утѣснять. И тѣмъ болѣе сіе заслуживаетъ вашего вниманія, что сіи люди изъ давныхъ лѣтъ привыкли, для своего корыстолюбія, отягощать и притѣснять народъ. Зачѣмъ же вы дѣлаетесь соучастниками такихъ притѣсненій? Зачѣмъ вы, потворствуя откупщикамъ, разрываете неразрывную цѣпь, связующую народъ съ государемъ? Зачѣмъ вы въ недѣйствительность, ради откупщиковъ, приводите законы? Убо либо здонмство въ васъ дѣйствуетъ, либо вредомъ власти моваршей, по неразумію вашему, хотите симъ богатымъ людямъ угождать. Въ первомъ случаѣ вы злодѣи, а во второмъ — безумные.

Нерѣдко случалось мнѣ примѣтить въ тѣхъ изъ васъ, которые наиболѣе хвастаются оказывать дѣятельности: они во все входятъ; то, что должно исправлять полицейскому офицеру, что должно дѣлать нижнему судѣ, все на себя приѣмлютъ. Бѣгаютъ какъ

безумные по городу; на все сами взирають; принимаютъ множество бумагъ; ворпятъ съ глупыми или съ плутами своими секретарями ихъ разсматривать и, въ малостяхъ упражняясь, отъ великаго время отнимають, и народъ въ существительныхъ вещахъ своего блаженства страждетъ. Сія похожи на тѣхъ лошадей, которыя на нашихъ фабрикахъ ходятъ въ колесѣ — хотя вается ей что великое пространство пути прошла, но она все на одномъ мѣстѣ пребываетъ — а въ самомъ дѣлѣ показываетъ васъ быть мелочными людьми, удобными токмо къ нижнимъ чинамъ, а не въ большіе правители государства. Ибо что вы бѣганіемъ своимъ дѣлаете? Примѣтите самое малое число злоупотребленій, которое велите исправить. Они на малое время и то часто исправятся, дабы послѣ со вреднѣйшею силою умножиться.

Не та ваша должность. Она состоитъ въ наблюденіи, чтобы подначальствующіе ваши каждый исправлялъ свою должность. Не совсѣмъ охулительно очей вашихъ наблюденіе; но не тотъ, кто мѣры и вѣсы неправые держитъ, не тотъ, кто поврежденные товары продаетъ, толико наказанія достоинъ, ибо онъ сіе дѣлаетъ для своей прибыли, для обогащенія своего торгомъ; но тотъ, кому повелѣно за симъ надзирать, который сугубое содѣлываетъ преступленіе; ибо безъ взятковъ такого бы упущенія не содѣлалъ и народъ бы не допустилъ быть обмануту. Но малоуміе ваше до того простирается, что вы и не знаете, кого какъ должно наказывать. Достоинъ нѣкоего наказанія продавецъ за такое злоупотребленіе, но сугубаго наказанія достоинъ надзиратель. А симъ вы и упускаете. Бѣганье ваше становится тщетно; труды ваши пропадаютъ; злоупотребленіе, послѣ малой частной поправки, умножается, и вы достойно заслуживаете имя людей, незнающихъ, къ чему свой трудъ, къ чему какія наказанія употребить, и въ презрѣніе народу впадаете. Случалось мнѣ видѣть, когда по таковымъ обѣганіямъ, съ усталыми ногами, принудя долго себя нужнымъ ожидать, приходите запыхавшись домой, обращаете у проселщиковъ разныя жалобы, кладя подъ пазуху ихъ, уже думаете, что волико бумагъ, толико судебъ человѣческихъ въ рукахъ вашихъ держите. Бѣдныя, прижимаете рукою своею судьбы другихъ людей! подумайте прижать вѣрно свою судьбу, свою добрую славу, естли вы ее когда имѣли! Уходите съ важнымъ видомъ, оставя множество другихъ, отъ воихъ ничего не

выслушали, еще нѣсколько часовъ васъ дожидаться. Подумайте сами, не суть ли вы таковымъ поступкомъ достойны смѣха и поруганія. Возможно ли вамъ сдѣлать выписки и точное рассмотрение на сто, или болѣе, просьбъ, которыя вамъ подадутся въ каждую недѣлю. Вы себя изнуряете; похищаете должность нижнихъ судей; требованіемъ отъ тѣхъ мѣстъ объясненій отнимаете у нихъ время исполнять теченія правосудія и, наконецъ, по незнанію вашему, подвергаетесь несправедливо еще рѣшить. Но вы говорите, что каждый притѣсненный долженъ имѣть къ вамъ прибѣжище и просящаго не отженете отъ себя. Похвально правило, но вы его не понимаете. Не тѣмъ неотвергается просящій, не тѣмъ обидимый защищается, чтобъ между многихъ бумагъ принять мало дѣльныхъ, лишитъ себя нужнаго времени на важныя рѣшенія, затруднить судебныя мѣста справками и запросами, и малоразумныя повелѣнія учинить. Неотвергни просящаго, но тѣмъ, чтобы, въ назначенный день и часъ тобою, онъ нашель тебя готоваго жалобы выслушать, а не долженъ бы нѣсколько часовъ быть тебя ожидать; ибо какъ скоро ты такой день и часъ назначилъ, онъ не твой, а просителевъ,—и ты не имѣешь права имѣніемъ другихъ, въ огорченіе самымъ тѣмъ, ожиданія тебя распредѣлять. Принявъ ихъ просьбы, можешь ли ты всѣхъ удовольствовать? можешь ли безъ справокъ положить свои рѣшенія? можешь ли справки взять, не остановя теченіе дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ? можешь ли предложеніями твоими не подать поводу къ узнанію твоихъ расположеній, а потому и не побудить судей, трепещущихъ предъ вами, судить сходственно съ вашими мыслями? А все сіе въ ущербъ правосудія.

Не лучше ли бы было вамъ отречься отъ принятія такихъ просьбъ, которыя къ судебнымъ мѣстамъ принадлежать. Пусть происходитъ на самыя тѣ судебныя мѣста жалоба. Посѣщайте, вмѣсто бѣганья вашего по площадямъ и по улицамъ, судебныя мѣста. Отрекитесь таковыя просьбы на судебныя мѣста въ домъ своемъ принимать, но лучше принимать жалобы въ самыхъ тѣхъ судебныхъ мѣстахъ; тогда проситель, бывъ введенъ вами въ самое судебное мѣсто, судьи, словесно съ показаніемъ производства, объясняютъ обстоятельства дѣла и вамъ, безъ переписки, безъ затрудненія судебныхъ мѣстъ, останется наблюдать, ведя

особливую записеу о жалобахъ, чтобы вездѣ въ порядкѣ и безволокитно дѣла производились. Вы будете покойны, просители васъ въ домѣ не будутъ отягчать; судебныя мѣста, страшася вашего присутствія, будутъ въ порядкѣ и безволокитно дѣла производить и не затруднятся многими переписками, а и самыя просители получать себѣ удовольствіе; противной же сему поступокъ не покажетъ ли ясно въ васъ, что вы ниже и спокойствія своего съискать не умѣете.

Грубой и властной вашъ обычай, а паче, когда несчастный народъ видитъ васъ подкрѣпленныхъ какими временщиками, до того доводитъ народъ, что онъ впадаетъ въ нѣкое онѣменіе, видя себя вами обиженъ, видя вами разрушенныя законы, видя преимущества отъ монарховъ данныя—вами отнятыя, претерпѣвая угнетеніе и разореніе, не смѣютъ даже жалобу на васъ производить. Что я говорю на васъ, но ниже не смѣютъ и вамъ справедливости своей изъяснить! Таковое ослабленіе народа, вами причиненное, не точно ли есть такое, о каковомъ Цицеронъ, при паденіи Римскія республики, говоритъ въ письмѣ своемъ къ Куріону: «*Sed, me hercule, ne cum veneris non habes jam quod cures, ita sunt omnia debilitata jam prope et extincta*» *), но страшуся, что не можешь ты найти способовъ употребить твоихъ попеченій, ибо тоlikое есть здѣ ослабленіе разумовъ, и скажу почти истребленіе. А по семъ: «*Miseris temporibus ac perditis moribus*»—отъ несчастныхъ временъ и разврата нравовъ. Се есть обыкновенныя слѣдствія угнетенія; разумы придутъ въ ослабленіе, сердца въ уныніе, и нравы развратятся, и люди, желающіе своего щастія, не могли получить оное прямыми и законными путями, обратятся къ подлости и обману.

Какая же вамъ польза отъ сего происходитъ?

Вы подвергнуты къ тысячи обманамъ, чинящихъ васъ подверженныхъ презрѣнію самыхъ тѣхъ, которые вамъ наиболѣе раболѣпствуютъ; законы приходятъ въ ослабленіе, ибо находятъ ихъ безсильныхъ безумныя ваши поступки исправить; сердца и разумы уподобляются, нравы повреждаются и приключенное вами зло не мимоходящее, но долговременное становится;

*) Эта и слѣдующая цитата написаны рукою кн. М. М. Щербатова.

а все сіе или отъ вашего неразумія, или отъ желанія быть превыше законовъ. А самое сіе уже безуміе ваше и покажетъ; ибо естли вы не взираете на защищеніе законовъ, естли щастіе перемѣнится, естли васъ непостоянная фортуна будетъ угнетать, въ чемъ вы найдете себѣ защищеніе? Но какая вамъ и честь повелѣвать безсловеснымъ и поработеннымъ народомъ? Вы чловѣки, за честь себѣ цитаете повелѣвать равными себѣ; но приведа ихъ въ свотское состояніе, становитесь не правители равныхъ себѣ, но дурные пастухи безсловесныхъ свотовъ!

Тягостно мнѣ, а иногда и смѣшно видѣть вашу надменность, мерзко мнѣ видѣть ваши прихожія наполненныя людьми, ожидающихъ вашего явленія. Укрѣпивъ себя противу досады, я иногда хочю видѣть сіе глупое и безчестное роду чловѣческому поворище, гдѣ купно съ одной стороны подлость, а съ другой, то есть, съ вашей—глупая гордость является. Естли бы вы взяли трудъ размышлять, нельзя бы вамъ себѣ не представить, что непріятно бы вамъ было другаго ждаты, зачѣмъ же вы сіе непріятство на другихъ налагаете? Но войдемъ въ подробности о семъ вашемъ поступкѣ. Двоѣкіе люди къ вамъ приходять, единые для изъявленія почтенія вамъ, то скажите, какого вы почтенія болѣе желаете, того ли, которое относится къ вашему сану и украшеніямъ, или того, которое относится къ вашей особѣ? Естли перваго, то выставьте ваши знаки и патенты въ вашихъ прихожихъ и подпишите: господинъ сего дома есть тоѣмо сіе, а впротчемъ онъ чючела. Естли вы хотите, чтобы оно къ особѣ вашей относилось, то можете ли вы получить его, проповѣдывая своимъ поступкомъ, что вы и жить не умѣете, ибо почтеніе почтеніемъ платится. Вторые приходять съ просьбами своими. Но и тѣ должны ли васъ ожидать? Вы возведены на высокую степень правленія, для того ли чтобы подобно павлинамъ, которые въ числѣ умныхъ птицъ не считаются, распустя хвостъ свой собою красоваться?

Вы возведены для пользы народной, убо важная нужда чловѣка есть нужда ваша. Зачѣмъ же униженнаго самою нуждою, еще долгимъ ожиданіемъ васъ—унижать? Зачѣмъ, естли онъ имѣетъ тогда другія нужды, ожиданіемъ васъ сдѣлать ему упустить нужное время? Естли несправедлива его просьба, зачѣмъ прежде

законовъ его наказывать? Естьли же справедлива, зачѣмъ хотѣтъ, чтобы онъ и справедливость униженіемъ получилъ?

Я знаю вашъ отвѣтъ; ибо часто случалось мнѣ съ таковыми о семъ говаривать. Вы говорите, что «не гордость ваша и не тщеславіе притчина сему, но обязанность исполнять дѣла, которыя занимають васъ и не позволяютъ вамъ тотчасъ вытти въ ожидающимъ васъ». Отвѣтъ вашъ во всей своей ясности безуміе ваше и неспособность отърываетъ, ибо, понеже вы не умѣете распредѣлять время, какъ же можете благоразумно рѣшить дѣла?

Я самъ имѣлъ щастіе быть въ такихъ должностяхъ, что множество людей до меня нужду имѣли. Я самъ всегда обязанъ былъ многими дѣлами; но никогда никто меня пяти минутъ не ожидалъ и дѣла мои нимало упущены не были. Не въ похвалу ума моего я принужденнымъ нахожусь сіе сказать; ибо сіе мнѣ стоило малаго размышленія, но чювствованіе чловѣка ожидающаго того, до кого ему дѣло есть. Вотъ что я тогда придумалъ и исполнялъ, не дѣлая ни себѣ помѣхи и не принуждая никого себя ждать. За первое себѣ поставилъ я правило, что естьли кто имѣетъ нетерпящую время нужду, тотъ во всякое время, хотя бы то было ночью, имѣлъ право даже велѣть меня разбудить; ибо и сонъ мой и успокоеніе не должны повреждать состояніе послѣдняго гражданина. По семъ назначилъ я дни для моего успокоенія и для исправленія дѣлъ въ моемъ кабинетѣ, въ которые просилъ всѣхъ, чтобы меня въ сіи дни, окромѣ крайней нужды, не беспокоили. Наконецъ и во дни, когда я принималъ всѣхъ, назначилъ часы, въ которые принимать, и каждой, зная тотъ часъ, приходилъ и меня уже не дожидался; естьли же кто пришелъ ранѣе *), безъ крайней нужды, тотъ уже долженъ былъ винить или свои часы или себя, естьли нѣсколько подождетъ. А симъ способомъ я имѣлъ все нужное время для своихъ дѣлъ, и просители никогда меня не ожидали.

А посему оправданіе ваше есть тщетно и поступокъ вашъ ясно показуеетъ малость вашей души. Хотя вы сколько ни силитесь скрывать малость вашу, она самимъ**) вамъ чювствительна. Сами вы себя дивитесь, какъ вы могли вельможами и правите-

*) Приписано на полѣ рукою кн. Щербатова.

**) Приписано на полѣ рукою кн. Щербатова.

лями государства учиниться, а потому, не имѣя ничего въ себѣ, но взаимствуя все отъ вашихъ чиновъ, вы оными и гордитесь.

Я окончу наконецъ сіе непріятное вамъ писаніе показаніемъ еще единныя вашей малости. Вы, по всему вышеписанному, овазываете себя врагами нижнихъ себя, оказываете же себя врагами и равныхъ вамъ. Насило кто изъ васъ бывасть въ правитель-ство возведенъ на мѣсто другаго, то первое ваше попеченіе состоитъ охулять всѣ поступки того.

Войдите въ себя и подумайте, не совершенную ли подлость души вашей сіе знаменуетъ.

Вы, бывъ не въ чинахъ, являли тому почтеніе, можетъ быть и льстили его слабостямъ; вошедъ на его мѣсто вдругъ стали его укорять, не сдѣлавъ еще ничего дутчего. Тщеславіе ваше уже льстится, унижа его возвыситъ себя. Но подумайте, не тѣмъ другихъ унижаютъ, что ихъ злословятъ; будьте предъ малымъ предшественникомъ своимъ велики, онъ безъ злословія вашего унижится, а вы возвышены будете. Безумное ваше хвастовство не будетъ васъ погонять какъ плетью, что нибудь явное (славное?) сдѣлать, чѣмъ бы злословіи ваши оправданы быть могли; а потомъ часто и безъ разсужденія, что содѣлаете; а симъ хотя того превратить въ карлу, сами пигмеи становитесь!

Хотите ли вы быть великими и почтены? Старайтесь послѣдовать вѣщанію законовъ; ничего наспѣхъ и по произволению тоемо своему не дѣлайте; исправляйте отъ слабости или отъ обстоятельство людей падшихъ; наказуйте упрямыхъ преступниковъ; явите, что вы превыше чину вашего; отвергните гордость, явите ласку и снисхожденіе; любите правду и благоправіе и сами примѣромъ тому будьте и, наконецъ, старайтесь устроить безопасность и спокойствіе и выгоды народныя.

Безъ хвастовства слава васъ увѣнчаетъ и чины не будутъ вамъ украшеніемъ, но вы особю своею ихъ будете украшать, и благословеніе имени вашего народомъ переживетъ вашъ вѣкъ и будетъ сопротивляться непостоянству щастія.

Сенаторъ, Кн. М. М. Щербатовъ.

(Около 1787 г.).

ЗАПИСКИ АКАДЕМИКА ВИТБЕРГА,

строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

р. 1787 † 1855 г.

Поэтъ-художникъ въ зодчествѣ, Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ—принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ талантамъ нашего отечества. Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія имя его славилось въ Россіи и было извѣстно въ Европѣ; созданный Витбергомъ проектъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ признаваемъ былъ въ свое время—посмѣлости и колоссальности идеи—величайшимъ произведеніемъ зодчества новѣйшаго времени.

Между тѣмъ русская литература не представляетъ ни одной сколько-нибудь полной біографіи Витберга, ни одного обстоятельнаго изложенія его геніальныхъ плановъ, мыслей и предначертаній. Все, что было напечатано по этому предмету, состоитъ изъ крайне отрывочныхъ, незначительныхъ и по объему и по содержанію замѣтокъ, изъ которыхъ едвали не самая полная замѣтка принадлежитъ А. И. Герцену; она помѣщена въ его извѣстной книгѣ: „Тюрьма и ссылка“, но состоитъ изъ нѣсколькихъ лишь страничекъ.

Редавція „Русской Старины“, поставляя одной изъ своихъ главнѣйшихъ задачъ обнародованіе документовъ, служащихъ къ ознакомленію съ жизнью и дѣятельностью отечественныхъ талантовъ на всѣхъ поприщахъ ихъ служенія Россіи, озаботилась собраніемъ матеріаловъ и къ біографіи Витберга. Старанія наши увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ: дѣти покойнаго Витберга—Любовь Александровна, Софья Александровна Казначеева и Фѣдоръ Александровичъ Витбергъ, равнымъ образомъ ученикъ ихъ отца художникъ Д. Я. Чарушинъ, также лично знавшій покойнаго Витберга—академикъ д. с. с. И. И. Свѣзевъ, В. А. Яковлевъ и В. П. Булгаковъ сообщили много какъ подлинныхъ матеріаловъ, такъ и устныхъ разсказовъ объ Александрѣ Лаврентьевичѣ. Но самый полный, самый интересный матеріалъ

въ этомъ отношеніи полученъ нами отъ глубокоуважаемой Татьяны Петровны Пассекъ, вдовы известнаго писателя Вадима Пассека.

Татьяна Петровна доставила намъ Записки (автобіографію) Александра Лаврентьевича Витберга. Они занимаютъ семь большихъ тетрадей, написанныхъ въ іюль мѣсяцѣ 1836 года, въ Вяткѣ, рукою одного изъ близкихъ друзей и почитателей таланта Витберга. Рукопись написана весьма блѣдными чернилами, крайне связнымъ почеркомъ, наскоро, со множествомъ недомолвокъ, но очевидно не только со словъ, но совершенно подъ диктовку Витберга; изъ многочисленныхъ поправокъ, вставокъ и набросковъ отдѣльныхъ замѣтокъ на поляхъ тетрадей видно, что записки многократно читаны Витбергу и, по его указаніямъ, были добавляемы и исправляемы.

Въ 1846 году владѣлецъ рукописи, покидая отечество, оставилъ ее своему другу дѣтства Т. П. Пассекъ и та, свято сохранивъ драгоцѣнный историческій матеріалъ, передала его въ распоряженіе „Русской Старины“. Имъ мы и начинаемъ обнародованіе матеріаловъ къ полной біографіи строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Въ изданныхъ до сихъ поръ многочисленныхъ матеріалахъ мы оживили память о многихъ славныхъ мужахъ Русской земли. Считаемъ себя счастливымъ, что можемъ присоединить къ нимъ гениальнаго русскаго художника, который является предъ потомствомъ въ своей собственной исповѣди, полной жизни, искренности и замѣчательнаго увлеченія.

Записки А. Л. Витберга начинаются съ 1812 или вѣрнѣе съ 1813 года, т.-е. прямо съ того времени, когда въ художникѣ зародилась мысль о созданіи храма, достойнаго той высокой идеи, которая легла въ основаніе его проекта. Для связи и полноты разсказа считаемъ необходимымъ привести нѣсколько данныхъ къ первому періоду біографіи художника. Свѣдѣнія эти заимствуемъ изъ обширной рукописной его біографіи, составленной и намъ сообщенной его сыномъ Федоромъ Александровичемъ.

Отецъ художника Витберга, Лаврентій Самойловичъ, шведскій бюргеръ, выѣхалъ въ Россію съ женою своею Анной Ивановной въ 1779 г. Ландсгерихтъ, потомъ учитель нѣмецкаго языка въ Ревелѣ, Лаврентій Самойловичъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, 15-го января 1787 г., родился у него сынъ Карлъ, впоследствии знаменитый художникъ Александръ Витбергъ. Въ 1795 году отецъ опредѣлялъ его на казенный счетъ въ Горный корпусъ. Вслѣдствіе сильнѣйшей золотухи, мальчикъ не могъ продолжать занятій и въ 1798 году взятъ былъ домой. Домашній уходъ скоро поправилъ здоровье ребен-

ка и онъ сталъ ходить учиться въ Анненскую школу, — гдѣ впервые проявился въ немъ талантъ и именно къ живописи.

Учитель рисованія обратилъ на него вниманіе и послѣ долгихъ усилій, съ большимъ трудомъ, тѣмъ не менѣ успѣлъ убѣдить старика Витберга отдать юношу въ Академію Художествъ.

26-го октября 1802 г. Витбергъ былъ зачисленъ въ Академію казеннымъ пансіонеромъ; успѣхи его настолько были велики, что онъ получилъ здѣсь нѣсколько наградъ: такъ, при переходѣ въ 4-й курсъ ему дали вторую серебряную медаль „за дѣленіе съ натуры“; въ срединѣ 1806 г. вторую серебряную медаль за „рисунки съ натуры“, въ концѣ того же года, по особому представленію въ конференцію Академіи—Витбергу одному дали „за рисунки съ натуры“ — первую серебряную медаль. Въ 1807 году, по программѣ почетнаго любителя Академіи Художествъ, графа Северина-Потоцкаго, Витбергъ получилъ за картину „Три отрока“ (сюжетъ изъ библіи) большую золотую медаль. Въ этомъ-же году онъ былъ выпущенъ изъ Академіи, причѣмъ получилъ аттестатъ 1-й степени, чинъ 14-го класса и былъ оставленъ при Академіи „пансіонеромъ для воляжированія“.

Въ 1808 году, Витбергъ получилъ новую награду—золотую медаль за картину „Русская Правда“. Во время исполненія этой картины, съ нимъ случилось происшествіе, которое онъ помнилъ всю жизнь и не разъ рассказывалъ въ средѣ семьи. Однажды, усердно трудясь надъ „Русской Правдой“ въ своемъ кабинетѣ, Витбергъ совершенно забылся и опустилъ голову; потомъ машинально поднялъ ее и взоръ его остановился на томъ углу, въ которомъ было свалено различное оружіе. Вдругъ онъ видитъ, что отъ кучи наваленнаго хлама отдѣлилась какая-то бѣлая фигура и медленно подходитъ къ нему. Онъ до того перепугался, что не могъ ни двинуться, ни говорить. Наконецъ первый испугъ прошелъ и онъ вскрикнулъ:

„Кто ты и что тебѣ нужно?“

„Дочь правды“ — былъ отвѣтъ, и фигура скрылась.

Въ слѣдующемъ 1809 году, Академія Художествъ присудила Витбергу золотую медаль за картину „Андромаха, оплакивающая Гектора“. Въ этомъ же году молодой художникъ назначенъ помощникомъ къ профессору Угрюмову, для обученія воспитанниковъ натурнаго класса Академіи.

Около этого времени онъ влюбился въ одну изъ своихъ ученицъ по рисованію, дочь бригадира Василя Артемьева, Елизавету Васильевну, — которая отвѣчала ему взаимностью. Любовь молодыхъ людей встрѣтила неожиданное препятствіе: гордый отецъ и слышать не хотѣлъ о бракѣ дочери съ какимъ-нибудь художникомъ, занимающимся не

„дворянскимъ дѣломъ“—живописью. Молодой человекъ, раздѣляя ли глупый предрасудокъ, или вѣрнѣе въ угоду бригадиру—писалъ въ его дочери: „.....Я самъ говорилъ, что я не иначе и прошу руки вашей, милый другъ, какъ когда буду имѣть приличное дворянину мѣсто, ибо я не имѣлъ и намѣренія оставаться артистомъ, будучи происхожденіемъ изъ дворянъ; оставался же при Академіи только для вояжа. Итакъ, милая Лизетъ, другъ мой вѣрный! будемъ просить Бога, дабы онъ намъ помогъ, ибо сами собою мы ничего не сдѣлаемъ; да благословить онъ насъ и устроить все такъ, какъ его святой волѣ угодно будетъ!..“

Дѣло женитьбы затнулось, а между тѣмъ 29-го іюня 1813 года, Витбергъ отправился на два мѣсяца въ отпускъ въ Москву. Въ день празднованія коронаціи, 15-го сентября, онъ, по просьбѣ давнишняго своего пріятеля—Дмитрія Павловича Рунича, управлявшаго почтовою частью въ Москвѣ, устраиваетъ иллюминацію предъ почтамтомъ и ставить аллегорическія картины съ приличными надписями. Живя въ Москвѣ, Витбергъ имѣетъ порученіе рисовать виньеты и картины изъ событій 1812 года и портреты тѣхъ изъ гражданъ, которые отличились въ отечественную войну; работа эта предпринята была по просьбѣ графа Ѳ. Ѳ. Ростопчина для изданія, которое однако не осуществилось; несомнѣнно впрочемъ, что эта работа, сблизивъ художника съ непосредственными участниками великихъ событій 1812 года, имѣла свою долю въ развитіи быстро охватившей его идеи—созданіи храма въ память именно этихъ грозныхъ событій... Идея эта возникла въ художникѣ еще въ Петербургѣ... Но здѣсь начинается исповѣдь самого Витберга.

Ред.

I.

По окончаніи европейской *) войны**), императоръ Александръ Благословенный въ Вильнѣ, 1812 г., декабря 25 издалъ манифестъ, коимъ онъ возвѣщалъ народу своему о желаніи воздвигнуть храмъ во имя Христа Спасителя, какъ памятникъ славы Россіи, какъ молитву и благодареніе Искупителю рода человеческого за искупленіе Россіи.

Храмъ во имя Христа Спасителя! Идея новая. Доселѣ христіанство воздвигало свои храмы во имя какаго-либо праздника, какаго-нибудь святого; но тутъ явилась мысль всеобъемлющая—

*) Европейской вм. зачеркнутого: «всемірной».

**) Въ подлинномъ зачеркнуто: «Наполеона».

Ред.

Ред.

2*

она и могла только явиться государю, проникнутому чувствомъ религіознымъ — каковъ тогда былъ императоръ Александръ.

Я видѣлъ императора Александра въ Казанскомъ соборѣ, въ то время, когда еще врагъ попиралъ грудь Россіи, когда Москва готовилась сдѣлаться добычею его; видѣлъ какъ онъ являлся въ народъ смущеннымъ, падшимъ духомъ, какъ бы стыдился поражений своихъ. Конечно, эта эпоха бѣдствій сильно подѣйствовала на его душу; онъ, нѣкогда уступившій мощному генію Наполеона, подписавшій тильзитскій миръ, тогда объявлялъ, что до гибели не положить оружія.

Въ то время, увидѣвъ всю ничтожность силы міра сего, въ немъ зародилась мысль религіозная, которой онъ остался вѣренъ и одушевленный коею, онъ Богу отдалъ свои побѣды и его возжелалъ благодарить храмомъ симъ.

Я понималъ желаніе Александра, и въ душѣ артиста оно должно было найти вѣрный отголосокъ. Къ сему присоединилось еще одно чувство: я пламенно желалъ, чтобъ храмъ сей удовлетворилъ требованію царя и былъ достоинъ народа. Россія, мощное, обширное государство, столь сильно явившееся въ мірѣ, не имѣетъ ни одного памятника, который былъ бы соотвѣтственъ ея высотѣ. Я желалъ, чтобъ этотъ памятникъ былъ таковъ. Но чего можно было ждать отъ нашихъ художниковъ, кромѣ блѣдныхъ произведеній школы, безцвѣтныхъ подражаній! Слѣдственно надлежало обратиться къ странамъ чуждымъ. Но развѣ можно было ждать произведенія народнаго, отечественнаго, русско-религіознаго, отъ иностранца? Его произведеніе могло быть хорошо, велико, но не соотвѣтствовать ни мысли отечества, ни мысли государя.

Я понималъ, что этотъ храмъ долженъ быть величественъ и колоссаленъ, перевѣситъ, наконецъ, славу храма Петра въ Римѣ; но тоже понималъ, что и выполнивъ сіи условія, онъ еще будетъ далекъ отъ цѣли своей. Надлежало, чтобъ каждый камень его и всѣ вмѣстѣ были говорящими идеями религіи Христа, основанными на ней, во всей ея чистотѣ нашего вѣка; словомъ, чтобъ это была не груда камней искуснымъ образомъ расположенная; не храмъ вообще—но христіанская фраза, текстъ христіанскій. Храмъ наружный долженъ состоять изъ формъ и украшеній; но формы сіи могутъ быть произвольными или извлеченными изъ

самой религии. Если кто-либо скажетъ, что это не нужно, то мы сохлёмся на людей, которые часто живутъ цѣлую жизнь безъ всякой высокой идеи. Ну, конечно, они живутъ; но это ли полная, настоящая жизнь!

Даже и Витрувій (римскій архит. при Августѣ и Тиберіи) извлекалъ свои пропорціи изъ формъ тѣла человѣческаго.

Но каковъ же храмъ, чисто христіанскій?

«Вы есте храмъ Божій и Святый Духъ въ васъ обитаетъ».

И слѣдственно изъ самой души человѣка надлежало извлечь устройство храма.

Но что такое человѣкъ?

Дошедши до сего, естественно ли человѣку, умѣющему чувствовать, не стараться всѣми силами понять, постигнуть мысль, которая внезапно является ему окруженная мракомъ, но которой свѣтъ онъ предчувствуетъ. Долго занимала она меня; но занимаясь никогда архитектурой и полагая невозможнымъ успѣшное рѣшеніе моей задачи, я съ скорбью долженъ былъ ограничиться одной идеею.

Въ то время многіе уже занимались составленіемъ проектовъ, которые должны были быть внесены на высочайшее усмотрѣніе. Разсматривая проекты нѣкоторыхъ изъ товарищей моихъ по Академіи, я видѣлъ во многихъ таланты, но ни въ комъ идея меня одушевлявшей. Мучимый и приводя ее въ болѣшую ясность, я отправился въ Москву. Взявъ отпускъ изъ Академіи, въ Петровъ день 1813 года, оставилъ я Петербургъ, и тогда въ первый разъ разстался съ родимымъ городомъ и съ родителемъ.

Давно желалъ я видѣть первопрестольный градъ Россіи. Можно себя представить, какъ онъ долженъ былъ на меня подѣйствовать, сожженный, обгорѣлый, пустой и надъ развалинами коего царилъ величественный Кремль, одинъ уцѣлѣвшій среди гибели памятникъ древнихъ несчастій—одинъ перенесшій и этотъ ударъ.

Я явился въ графу Ростопчину, съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ въ 1812 году, вслѣдствіе моего большаго рисунка Марса Посадница, который весьма понравился его патріотическому чувству, и который я поднесъ ему*).

*) «Графъ увидѣлъ у конференцъ-секретаря Лабзина мою картину «Марса Посадницу».

Графъ приглашалъ меня къ себѣ и желалъ, чтобъ я занялся виньетами и картинами для предполагаемаго имъ описанія патріотическихкихъ подвиговъ отечественной войны, которое впрочемъ не состоялось, по ипохондріи, его начинавшей беспокоить. Графъ предлагалъ мнѣ съ сею цѣлью комнату у себя подлѣ кабинета, но я не предвидѣлъ успѣшности занятій въ такой близости у вельможи и предпочелъ предлагаемую квартиру г. Рунича, управляющаго почтамтомъ. Съ нимъ и еще однимъ знакомымъ часто гуляли мы по Москвѣ, и наконецъ, приведши меня въ Кремль, спросили мое мнѣніе для рѣшенія ихъ спора: одинъ думалъ, что предполагаемый императоромъ храмъ всего приличіе воздвигнуть въ Кремлѣ, другой почиталъ, что это мѣсто тѣсно и неудобно.

Рожденный въ Петербургѣ, на плоскомъ мѣстѣ, взошедши въ Кремль, я былъ пораженъ красотою его положенія, величественностью вида раскрывающаго полгорода. Мысль храма, соединенная съ изящностью мѣста, возобновилась въ душѣ моей. Мы взошли въ Спасскія ворота, и я, замѣтивъ нѣкое пустое мѣсто между Москворѣцкою башней и Тайницкими воротами, оставилъ пріятелей и пошелъ туда, чтобъ снизу отъ Москвы-рѣки взглянуть на Кремль и возвратился къ нимъ въ Тайницкія ворота. Бывшія неустроенныя, смутныя идеи храма тѣснились въ головѣ моей, и одушевленный прелестью мѣста, я высказалъ имъ мою мысль о храмѣ и о превосходствѣ онаго въ Кремлѣ, и новыя идеи исполненія, рожденныя самимъ мѣстомъ, прибавились къ религіозной идеѣ. И самые два взрыва, сдѣланные въ стѣнѣ, казались мнѣ превосходнѣйшими мѣстами для учрежденія двухъ великолѣпныхъ входовъ въ храмъ. Мѣсто Кремля мнѣ нравилось и рѣкою и гористымъ положеніемъ, гдѣ можно устроить три храма по косоугору.

Одушевленный моею идеею, я распространился о мысляхъ моихъ насчетъ храма, и Руничъ*), одаренный горячею душою, просилъ меня убѣдительно, неотступно, для него хотя въ альбомѣ набросать главный очеркъ моихъ идей храма. Я отвѣчалъ, что легко было говорить мнѣ, чувствуя это; но незная архитектуры, мудрено мнѣ было (бы) исполнить его просьбу. Странно, что внутренно я чувствовалъ совсѣмъ другое: въ то же

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «приведенный въ восторгъ».

время, какъ я отказывалъ ему, твердо рѣшился уже заняться. И говоря, что я не знаю архитектуры, моя внутренняя мысль возражала мнѣ: но кто же мѣшаетъ тебѣ знать ее? Ибо чего не зналъ сегодня, то могу знать завтра и т. д. Когда Провидѣніе дадо способность, то отъ твердой воли зависитъ уже развитіе *) одной. И слово хочю положило основаніе моему занятію.

Между малымъ числомъ книгъ, я случайно нашелъ Витрувія**), котораго философскій взоръ на архитектуру раскрылъ мнѣ многое. Занятія эти были мной производимы въ мезонинѣ московскаго почтамта, гдѣ я пользовался двухлѣтнимъ гостепріимствомъ Рунича, которое тѣмъ болѣе мнѣ цѣнно, что, уклоняясь отъ прочихъ занятій, средства мои были ограниченны.

Съ другаго же дня я началъ означать чертежами мои мысли. Само собою разумѣется, что первыя произведенія были смѣшныя уроды; но это не пугало меня. Воля была сильна, жива, но трудъ чрезвычайный; я взялся за архитектурныя книги, чтобъ правиламъ науки подчинить свои мысли. Совѣтываться было не съ кѣмъ. Я зналъ, и не занимаясь архитектурой, ограниченность понятій бѣльшей части нашихъ водчихъ. Я началъ изучать древности, и безъ всякаго пособія посторонняго труда, рылся въ книгахъ и въ сочиненіяхъ знаменитѣйшихъ писателей. Руководимый внутреннимъ инстинктомъ, я несомнѣвался въ успѣхѣхъ, зная свой талантъ въ исторической живописи, за которую я получилъ всѣ медали отъ Академіи и былъ назначенъ путешествовать на счетъ одной.

Я провелъ два года въ непрерывныхъ трудахъ. Спустя полгода, я показывалъ Руничу уже довольно удовлетворительный эскизъ. Идеалъ прояснялся, принималъ форму болѣе опредѣленную. Мечта моя облекалась въ правильную вещественность.

Но я оставилъ всѣ прочія занятія, даже разсѣянности, и употребилъ все время на одинъ предметъ, ободряемый внутреннимъ голосомъ, который ярко говорилъ мнѣ, что проектъ мой долженъ удовлетворить требованію государя.

Между тѣмъ двухмѣсячный срокъ моего отпуска миновался, и Академія требовала моего возвращенія, ссылаясь на требова-

*) «Развитіе», вм. зачеркнутого: «употребленіе».

Ред.

**) Зачеркнуто на погѣ: «чертежи храма Солнца въ Палермѣ»...

Ред.

ніе адмиралтействъ-воллегіи, которой я обѣщаль даромъ росписать плафонъ въ церкви кронштадтской.

Это было слѣдующимъ образомъ: желая, по нѣкоторымъ причинамъ, удалиться на время изъ Петербурга и, еще болѣе, желая произвести нѣчто изящное въ плафонной живописи и вполнѣ понимая недостатки плафона въ Казанскомъ соборѣ Шугуева, гдѣ несоблюдена ни оптика, ни перспектива, я взялся за самую умѣренную цѣну (4,000 р.); но вскорѣ, призвавъ меня въ адмиралтействъ-коллегію, объявили мнѣ тамъ, что кто-то изъ членовъ Академіи беретъ дешевле. Я замѣтилъ имъ, что ежели хотять дѣлать подрядъ *), то я несогласенъ, объясняя имъ притомъ, изъ какихъ побудительныхъ причинъ я взялся за сію работу,—но они не поняли меня.

Они говорили о пользѣ казны, о необходимости соблюдать ее.

— Тогда я еще сдѣлаю полезнѣе для казны, что возьму еще дешевле, т.-е. даромъ и чтобъ они спросили другого, согласенъ ли онъ сдѣлать?

Они удивились и спрашивали какая мнѣ отъ того выгода? Но наконецъ согласились на сію сходную цѣну.

Тогда мнѣ представился случай ѣхать въ Москву, которымъ я и воспользовался, считая что меня не могутъ послѣ того поудить къ скорому исполненію добровольной жертвы. Но какъ я сказалъ, времени прошло много и Академія, поручившаяся за меня, настоятельно требовала моего возвращенія. Я писалъ имъ о перемѣнѣ моихъ занятій, о цѣли оной, но не внимая сему, требовала она, чтобъ я явился. Тогда, увлекаясь первыми порывами, писалъ я въ Академію о неблагородномъ поступкѣ адмиралтействъ-воллегіи, и по счастію вице-президентъ не пустилъ въ ходъ этой бумаги, которая навлекла бы мнѣ огромный вредъ. Но все это безповоило меня, отрывало отъ занятія, которому я предался всею душою и одинъ голосъ извѣстнаго поэта и государственнаго мужа Ив. Ив. Дмитріева **) успокоилъ меня и

*) «Подрядъ» вмѣсто зачеркнутого: «переторжка».

Ред.

**) Ив. Ив. Дмитріевъ, слыша о моемъ проектѣ, желалъ его видѣть, былъ у меня и я вполнѣ увидѣлъ, какъ душа поэта всегда сильно сочувствуетъ всякой мысли высокой и живой. Съ того времени мы остались знакомыми; наконецъ онъ просилъ меня помочь въ расположеніи его дома, и по моему проекту былъ выстроенъ онъ у Спиридонія.

А. В.

заставлялъ скорѣе рѣшиться оставить Академію и все выгоды, не жели свои труды *).

Наконецъ надежды мои стали сбываться, мысль моя ближе и ближе выражалась въ красотѣ, приходила въ опредѣленную ясность и хотя я далеке былъ отъ того, чтобы быть имъ доволену, но чувствовалъ, что я сталъ на ту дорогу, гдѣ только надлежало усовершенать, а главное, основное готово.

Трудны были эти два года. Много было жертвы принесено проекту и моей идеѣ. Занятія, которыя могли меня обезпечить и въ настоящемъ и въ будущемъ, вояжъ, который предстоялъ мнѣ на счетъ Академіи и который я ожидалъ 6 лѣтъ, наконецъ знакомство, связи—всѣмъ пренебрегъ я для одного невѣрнаго, какъ казалось многимъ, занятія.

Но какою же результатъ былъ всехъ сихъ усилій и жертвъ? Здѣсь мѣсто сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Что заставляло рѣшиться на столь трудное и важное предпріятіе?

Съ восторгомъ видѣлъ я мысль Александра воздвигнуть храмъ во имя Христа Спасителя—эти три слова раскрыли мнѣ новую жизнь императора, искушаемаго бѣдствіями и скорбями; я видѣлъ его высокое христіанское одушевленіе—и вотъ начало перваго желанія удовлетворить требованію царя достойнымъ храмомъ. Могли ли его удовлетворить обыкновенные храмы, въ числѣ которыхъ множество произведеній высоко изящныхъ, но созданы безъ всякой религіозной идеи? И могли-ли они быть таковыми, когда по большей части зодчіе пеклись только объ архитектурной красотѣ, не имѣя мысли религіознаго взгляда.

Вотъ требованія новаго храма: Чтобы все наружныя формы храма были отпечаткомъ внутренней идеи. Какъ писаніе говоритъ, что человекъ самъ храмъ, то надлежало искать идеи для храма наружнаго во внутреннихъ идеяхъ самого человека. Рассматривая себя, найдемъ, что онъ состоитъ изъ трехъ началъ (principium): тѣла, души и духа.

Эту тройственность необходимо было выразить, сколько возможно ясно, въ частяхъ храма.

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что впоследствии трудъ мой совершенно извѣстнымъ К. Брюловымъ, который тогда уже начиналъ оказывать высокія дарованія.

Мнѣ казалось недостаточнымъ, чтобы храмъ удовлетворялъ только требованіямъ церкви греко-россійской — но вообще всѣмъ христіанскимъ, ибо самое посвященіе его Христу показывало его принадлежность всему христіанству. Слѣдственно храмъ долженъ былъ быть тройственный, т.-е. храмъ тѣла, храмъ души, храмъ духа; но такъ какъ человекъ, пребывая тройственнымъ, составляетъ одно, такъ и храмъ, при своей тройственности долженъ былъ быть единымъ. Эта тройственность вездѣ: и въ Божествѣ и въ природѣ, даже въ мышленіи.

Въ жизни Спасителя мы находимъ три періода, которые согласны съ его тройственностью. Воплощеніе Христа — принятіе на себя смертнаго тѣла, Преображеніе, показывающее до какого просвѣтленія очищенное тѣло душевными свойствами доведено быть можетъ — и Воскресеніе, показывающее въ какое духовное состояніе тѣло доведено быть можетъ. Тѣмъ болѣе надлежало выразить три храма тремя моментами жизни Спасителя, что весь храмъ долженствовалъ быть Ему посвященнымъ. Впрочемъ мое дѣло было только собрать изъ священнаго писанія мѣста и раскрыть ихъ и приложить къ искусству, на что я и чувствовалъ призваніе. Разумѣется, что и самыя наружныя формы храма должны были соответствовать своему внутреннему смыслу. Понимая, что ничего не можетъ быть произвольно въ жизни Спасителя, я размышлялъ о таинствѣ Христа, я чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ находя, что я оное вполне ясно не понимаю и опасался возраженій остраго ума, каковъ былъ у Вольтера. Это было мнѣ прискорбно. Долго мучась сей идеею, однажды внутреннее возрѣніе меня привело къ слѣдующему:

Я вообразилъ себѣ Творца точкою. Назвавъ ее единицею, Богомъ, поставилъ циркуль и очертилъ кругъ, коего центръ эта точка; эту периферію назвалъ множественностью — твореніемъ. Италъ, я имѣлъ единицу и множественность, Творца и твореніе. Какъ эта точка можетъ соединиться съ периферіею, наблюдая за черченіемъ я видѣлъ, что расходящіяся ножки циркуля дѣлаютъ прямую линію, коихъ безконечное множество одной величины составляютъ кругъ и которые всѣ, пересѣкаясь въ центрѣ, составляютъ кресты; и слѣдственно крестомъ соединяется съ Творцомъ природа. Такимъ образомъ я получилъ три формы: линію, крестъ и кругъ,

составляющія одну таинственную фигуру, совершенно успокоившую меня; и съ этой минуты я постигъ сію тайну.

Я мгновенно рѣшилъ воспользоваться симъ открытіемъ и мгновенно приспособить ее къ храму, тѣмъ болѣе что я нашелъ, что уже многіе писатели (кои мнѣ были неизвѣстны), занимавшіеся таинствомъ природы (?), я нашелъ важность сихъ фигуръ и въ послѣдствіи у натурфилософовъ, которые изъ оныхъ началъ выводили ея важность. Форму линіи въ природѣ наилучше выражаетъ параллелограмъ, коего одна сторона безконечно-малая. Сію форму я присвоилъ первому храму, названному храмомъ тѣлеснымъ, тѣмъ болѣе что и математическая линія, превращаясь въ тѣло, производитъ параллелепипедъ. Сверхъ того уже и потому эта форма приличествовала, что тѣло человѣческое безъ духа полагается въ могилу той же формы, ибо не предстоить надобности класть тѣло въ другую форму. Этотъ храмъ долженствовалъ быть прислоненъ къ землѣ, такъ какъ и тѣло человѣческое прислонено къ ней.

Тремя сторонами находясь въ горѣ, а съ выходящей восточной стороны, съ которой онъ принималъ свѣтъ, и далѣе углубляясь въ мрачность (онъ) оканчивался катакомбами. Алтарь долженъ былъ быть освѣщенъ посредствомъ прозрачнаго изображенія Рождества на огромныхъ стеклахъ и никакого другого свѣта не должно было быть въ алтарѣ. Христосъ есть свѣтъ міра. Гранитные столпы, какъ первозданная матерія, твердые, должны были поддерживать сводъ храма и стѣны украшенныя мрамора чернаго, дикаго и бѣлаго.

Перейдемъ къ украшеніямъ. Я убѣжденъ, что они не должны быть употребляемы для одной красоты, но они должны быть іероглифами, языкомъ религіи. Нынѣ поступаютъ съ ними произвольно и небрежно. Египтяне и индѣйцы посредствомъ наружныхъ фигуръ передавали свои внутреннія мысли, которыя могли пониматься только тѣми, кто углублялся въ ихъ разборъ. Они не заботились о красотѣ. Греки, заимствовавъ свое просвѣщеніе у египтянъ, получили отъ нихъ одну символику для аллегорій, и гоняясь за одной наружной красотой производили украшения изящныя, но безсильныя, доставшіяся въ наслѣдство новымъ художникамъ. Древніе христіане отвергли ихъ совсѣмъ, относя все это въ язычеству и отдаваясь отъ нихъ, въ послѣдствіи приняли наконецъ готизмъ. Готическая архитектура, можетъ неимѣющая

той высокой изящности греческой архитектуры, имѣть свое величіе: большая часть ея зданій были воздвигнуты людьми посвятившими всю жизнь на воздвиженіе храмовъ; и гдѣ же болѣе должно исбавить строгости украшеній, какъ не въ храмѣ Божіемъ, гдѣ всякая черта должна говорить о истинахъ религіи. Вслѣдствіе сего храмъ тѣлесный украшенъ во вкусѣ только греческомъ большимъ барельефомъ, занимающимъ обѣ стѣны; этотъ барельефъ заключаетъ въ себѣ исторію смерти Апостоловъ и Христа, чѣмъ самымъ научаетъ какимъ образомъ должно приносить тѣло смертное въ жертву Христу. Мѣсто его могло ли быть приличнѣе какъ не вдавленное въ землю, одна восточная сторона его выходитъ наружу, чтобъ воспринимать свѣтъ. Такимъ образомъ общій характеръ его выражаетъ мрачность—катакомбу. Къ сему тѣлесному храму почель я приличнымъ примѣнать воспоминаніе о жертвахъ 1812 года, кои положили животь свой за отечество; т.-е. богатую катакомбу, которая предала бы потомству память всѣхъ убіенныхъ за отечество воиновъ, имена коихъ отъ солдата до военачальника должны были быть написаны на стѣнахъ катакомбы гдѣ долженствовала быть и панихида о нихъ. Тѣлесный храмъ оканчивается катакомбою, находящеюся въ серединѣ фундамента второго храма. Катакомба освѣщается термолотинами. Такъ какъ, въ греко-россійской церкви, владется подъ престоломъ частица мощей, людей въ жертву принесшихъ себя Христу, такъ и тутъ, въ основу тѣлесному храму, положены-бы были тѣла погибшихъ жертвъ за тѣлесное отечество, и въ храмѣ, въ воспоминаніе 1812 года воздвигнутомъ, служили бы потомству воспоминаніемъ сихъ событій, и смерть сихъ воиновъ причина воздвиженія онаго.

Нижній храмъ посредствомъ внутреннихъ лѣстницъ соединялся со вторымъ храмомъ, храмомъ душевнымъ или моральнымъ, который начинался уже на поверхности горы, открытой со всѣхъ сторонъ. Форма сего храма должна была состоять изъ креста; какъ первый состоялъ изъ линій, такъ второй изъ пересѣченія двухъ линій. Какъ форма параллелограмма приличествовала смертному тѣлу, такъ форма креста приличествуетъ душѣ, т.-е. тѣлу, оживленному духомъ, составляющимъ настоящую нашу жизнь и дѣйствование. Тамъ форма тѣла была сложенная, здѣсь распростертыя руки составляютъ крестъ, хотя казать-

ся можетъ, что одно тѣло распинается, но не мертвое, а тѣло одушевленное духомъ, гдѣ воля его можетъ рѣшиться или нѣтъ на страданіе; и слѣдственно крестъ принадлежитъ душевной части человѣка и есть какъ бы середина между смертнымъ духомъ и бессмертнымъ духомъ его,—есть соединеніе тѣла съ духомъ, есть средство соединенія человѣка съ Богомъ. Здѣсь храмъ во имя Преображенія, т.-е. тѣло просвѣтленное, очищенное *) волею души. Въ этомъ среднемъ храмѣ алтарь долженъ освѣщаться Преображеніемъ Христовымъ. Какъ форма храма должна приличествовать его наименованію, такъ и самое освѣщеніе; онъ долженъ имѣть полусвѣтъ, такъ какъ и есть наша жизнь смѣсь добра и зла. Знатокъ живописи и музыки знаютъ пріятность для взора полусвѣта **) и для слуха полувзвуха, имѣющаго столь огромное вліяніе на душу, что все вмѣстѣ напоминаетъ намъ средину нашего бытія. Какъ въ нижнемъ храмѣ составляетъ украшеніе смерть, такъ здѣсь жизнь; т.-е. барельефъ окружающій весь второй храмъ долженъ заключать жизнь и дѣянія Христа и его апостоловъ какъ указаніе того, какъ это смертное тѣло, одушевленное духомъ Божиимъ, должно жить.

Изъ второго храма ведутъ лѣстницы въ третій, верхній, составляющій храмъ духовный (божественный). Какъ второй храмъ состоялъ изъ креста, который есть слѣдствіе линіи, такъ третій состоитъ изъ чистаго круга, слѣдствіе креста. Сверхъ того, какъ кругъ не имѣетъ ни начала ни конца, то онъ есть лучшею линіею для выраженія безконечности.

Какъ крестъ объясняется въ отношеніе къ душевной части, такъ здѣсь периферіею выражается духъ (насколько матерія можетъ выразить оный). Здѣсь алтарь освѣщается чрезъ Воскресеніе Христа Спасителя. Самый же храмъ ярко освѣщенъ, насколько архитектура позволяетъ оное, чтобы какъ нижній долженъ быть мраченъ, такъ храмъ духа самый яркій, и сей-то храмъ духовный сообщаетъ свѣтъ храму душевному. Отсего и происходитъ полусвѣтъ средняго храма, т.-е. часть мрака и часть свѣта.

Окны размѣщены такъ, чтобы изъ нижняго они не были видны, инако они разрушили бы полутонъ его освѣщенія. Вмѣсто же

*) «Очищенное», вмѣсто зачеркнутаго: «божественнаго».

**) Одно слово не разборчиво.

Ред.

Ред.

обыкновеннаго свѣта въ куполѣ 3-го храма должно было видимо быть ярко освѣщенный большой искусственный свѣтъ на плафонѣ купола, изображающаго отверстое небо и освѣщеннаго своими окнами невидимыми.

Какъ во 2-мъ храмѣ украшенія были изъ дѣяній апостольскихъ (относящ. къ духовнымъ свойствамъ), такъ здѣсь барельефъ, окружающій сей храмъ, представляетъ исторію Спасителя въ видѣ духа, то-есть тѣ случаи, кои были послѣ воскресенія, когда Христосъ является въ духовномъ тѣлѣ *), является ученикамъ, и наконецъ вознесеніе, какъ отшествіе изъ сего міра.

Такимъ образомъ въ храмѣ выражалась и изображалась вся исторія Спасителя, имени коего онъ посвящался.

Такова идея этого тройственнаго храма относительно внутреннихъ его частей; но наружность его должна была представлять одно цѣлое, единое зданіе. Такъ какъ внутренній храмъ долженъ былъ представить духовнаго человека, такъ и наружный долженъ былъ не отрываться отъ сей идеи въ своей общности.

Идея главнаго входа съ нижней площади храма состояла въ томъ: лѣстница раздѣляетъ большую террасу на двѣ половины; съ террасы входъ въ нижній храмъ и съ обѣихъ сторонъ уступы, ведущіе на верхнюю площадь ко второму храму.

Вокругъ сквозной чугунной колонады, поддерживающей главный куполъ храма желѣзной конструкціи, кольцеобразно помѣщены были съ каждой стороны пять статуй главнѣйшихъ добродѣтелей. Съ одной стороны добродѣтели Вѣтраго завѣта, съ другой Новаго завѣта, означающія что для того, чтобъ войти въ истинный храмъ Христовъ, въ самого себя, нельзя войти безъ прохожденія главнѣйшихъ добродѣтелей, которымъ научаемся изъ двухъ Завѣтовъ и которыя суть слѣдующія: вѣра, надежда, любовь, чистота и смиреніе. Для большей ясности тутъ должны были быть означены тексты священнаго писанія, такимъ образомъ и сама терраса невольно назидала бы проходящаго.

Наружность втораго храма, обходъ, украшена одними изображениями пророковъ, свидѣтельствовавшихъ еще въ ветхозавѣтномъ храмѣ о пришествіи Христа, но которые сами не могли быть въ

*) Зачеркнуто: «своемъ въ аду».

храмъ новымъ. Сображаясь съ догматами церкви сдѣланъ обходъ кругомъ втораго храма, гдѣ бы могли совершать всѣ процессіи не терпя препятствій отъ погоды.

Третій храмъ, духовный, украшаютъ духовныя существа—ангелы, окружая весь храмъ въ верхней его части. Весь стиль храма надлежало избрать въ греческомъ характерѣ, который своей правильностью и изящностью формъ придавалъ-бы возможное величіе зданію, поражая своею простотою. Согласно мѣстности примикалась къ нижнему храму колонада, составляющая какъ бы бокъ горы. Стѣна украшена барельефами исторіи побѣдъ 1812 г. съ помѣщеніемъ надъ ними важнѣйшихъ реляцій и манифестовъ. По концамъ ея два памятника изъ завоеванныхъ пушекъ, которыя впоследствии времени перемѣнились въobelisks *).

Но что побуждало меня къ сей жизни труда и занятія? Три причины могутъ побудить человѣка къ лишениямъ и трудамъ:

- 1) корысть, — самая низкая страсть, матеріальная;
- 2) слава — побужденіе уже высшее, облагороженное, настолько выше, насколько мысль, идея, выше всякой матеріи;
- 3) любовь божественная, прославленіе Творца, столько же выше 2-й, сколько вѣра выше мысли, ангелы выше человѣка.

Много можетъ перенести человѣкъ, побуждаемый славой, но онъ падеть не видя успѣха; но напутствуемый вѣрою можетъ перенести все, и ропотъ не вырвется изъ груди его. Мысль посвятить мою жизнь Богу, торжественною пѣснью ему, вотъ что занимало меня и, разумѣется, при первомъ прочтеніи программы я увидѣлъ возможность совершить сіе. Не зданіе хотѣлось мнѣ воздвигнуть а молитву Богу.

Такимъ образомъ продолжалъ я трудиться для осуществленія моей идеи. Много стоило это труда, быть въ одно время учени-

*) Въ 1817 г. Каподистрія, бывшій король Греціи, желалъ чрезвычайно, чтобъ объясненіе сего храма было издано и даже поручилъ оное сдѣлать своему секретарю Стурдзѣ, который что-то и печаталъ очень неудовлетворительное. Въ 1817 г. Каподистрія давалъ для меня обѣдъ, состоявшій изъ весьма малаго числа лицъ и тамъ очень горячо убѣждалъ надать описание храма; но я отговаривался тѣми усовершенствованіями, которыми я намѣренъ еще заняться и что еще не пришло время для публикаціи, которую онъ бралъ на себя. Кстати замѣтимъ, что тутъ присутствовалъ графъ Воронцовъ, желавшій, чтобъ подобный храмъ въ маломъ видѣ былъ воздвигнутъ у него въ Крымскихъ имѣніяхъ, но я не могъ согласиться на это. А. В.

комъ и учителемъ и облевать столь трудную религиозную идею въ вещественность, сохраняя при томъ требованія искусства. Подражать нельзя было и не хотѣлось; оригинальная идея требовала оригинальнаго изображенія. Часто увлекался я то изящностью язычества греческаго, то готизмами христіанскихъ храмовъ; очень понималъ я, что готическій храмъ, имѣющій свое величіе, произошелъ отъ желанія христіанъ ярко отдѣлать себя отъ всего языческаго; но съ тѣмъ вмѣстѣ я не могъ согласиться принять безотчетность готическихъ формъ преимущественно передъ простотою и изящностью греческихъ. Мнѣ казалось, что это однажды излившаяся красота, которая какъ бы превратилась въ норму, осуществивъ идею изящнаго. Посему эта красота и остановила меня. Конечно, величественная простота языческихъ храмовъ не удовлетворяла храму христіанскому; давно старались замѣнить тѣмъ, что въ христіанскихъ храмахъ, начали воздвигать вуполы на языческихъ портикахъ. Я сколько возможно разсматривалъ важнѣйшія зданія сего рода, въ особенности храмъ св. Петра. Сколько ни имѣть онъ достоинствъ, но стиль его нечистъ, неизященъ и въ немъ множество недостатковъ. Но несмотря на то онъ авторитетомъ своимъ долго связывалъ мои идеи, и потому въ первомъ проектѣ я удержалъ эллипсоидальную форму вупола, хотя въ то же время изящна полусфероидальная форма Римскаго Пантеона. Несмотря на всѣ усилія, я долго не могъ сладить всѣхъ требованій, и недовольный ничѣмъ я въ безпрестанныхъ занятіяхъ выработывалъ свой проектъ, который воплѣтъ былъ совершенъ, понять въ идеѣ; но который выразить и развить я не могъ еще во всей ясности, согласно со всѣми требованіями искусства, перенеся на бумагу однѣ главнѣйшія мысли.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРАФЪ НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧЪ
МОРДВИНОВЪ

1754—1845.

МНѢНІЯ, ПРОЕКТЫ И ЗАПИСКИ

ПО ВОПРОСАМЪ

ФИНАНСОВЫМЪ, ЮРИДИЧЕСКИМЪ И ПОЛИТИЧЕСКИМЪ.

1801—1842.

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но вамъ ли увивать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ Советъ бодрствуетъ Мордвиновъ!

К. О. Рылѣевъ.

(„Русск. Старина“, изд. 1871 г., т. IV, стр. 664).

Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ — одинъ изъ славнѣйшихъ государственныхъ мужей XIX вѣка. Обширный умъ, громадное образованіе, необыкновенное знаніе нуждъ своего отечества — имъ пламенно любимаго, и замѣчательное гражданское мужество сдѣлали его предметомъ гордости современниковъ, и удивленія потомства.

Государственная дѣятельность Мордвинова до сихъ поръ извѣстна почти только по разсказамъ и легендамъ, уже успѣвшимъ сложиться или по нѣсколькимъ, большей частью, неудовлетворительнымъ спискамъ вѣдомостей его мѣній и записокъ.

Главнѣйшій памятникъ, оставленный гр. Мордвиновымъ — это тринадцать томовъ, тщательно написанныхъ и самимъ имъ провѣренныхъ: мѣній, записокъ, проектовъ и предложеній по самымъ разнообразнымъ вопросамъ государственнаго и общественнаго бытія нашего отечества.

Трудъ этотъ обнимаетъ почти полъ столѣтіе, именно:

съ 1801 по 1842 г. .

Внуку адмирала — графу Александру Александровичу Мордвинову принадлежитъ прекрасная мысль обнародовать произведенія ума его славнаго дѣда. Съ этою цѣлю гр. А. А. предложилъ «Русской Старинѣ» постепенно ихъ напечатать въ томъ самомъ порядкѣ, въ какой они приведены самимъ составителемъ.

Съ чувствомъ признательности къ гр. А. А., и съ благоговѣніемъ къ памяти безсмертнаго государственнаго мужа, приступаемъ мы къ изданію этихъ важныхъ историческихъ памятниковъ.

Желая исполнить это дѣло, сколь возможно, обстоятельнѣе, мы обратились къ Владиміру Степановичу Иконникову, профессору кievскаго университета, съ просьбою оказать намъ содѣйствіе. Г. Иконниковъ, занятый вышѣ составленіемъ обширной и интересной монографіи о жизни и трудахъ гр. Николая Семеновича Мордвинова, съ полнѣйшею готовностью изъявилъ согласіе обставить документы, гдѣ то окажется нужнымъ, примѣчаніями и представить нижеслѣдующее краткое извлеченіе изъ біографіи славнаго адмирала.

Ред.

Въ ряду отпадныхъ явленій настоящаго царствованія, безъ сомнѣнія, видное мѣсто займетъ то возбужденіе литературной дѣятельности въ области русской исторіи, благодаря которому новый періодъ ея пересталъ уже быть недоступнымъ для общества. Старѣйшее изъ нашихъ періодическихъ историче-

скихъ изданій — «Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ» еще съ 1858 года получило новый видъ, посвящая значительный отдѣлъ памятникамъ новой русской исторіи. Затѣмъ появились новыя изданія, посвященныя исключительно послѣдней. Эти изданія успѣли настолько заинтересовать общество, что нѣкоторыя изъ нихъ выдержали по два тисненія. Русское историческое общество, пользующееся непосредственнымъ покровительствомъ Наслѣдника Цесаревича, въ теченіе четырехъ лѣтъ успѣло издать восемь томовъ матеріаловъ, весьма полновѣсныхъ какъ по объему, такъ и по содержанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ тѣхъ же издателей занялись разборомъ семейныхъ архивовъ, а правительство обратило вниманіе на приведеніе въ извѣстность матеріаловъ, хранящихся въ официальныхъ архивахъ (государственномъ, государственнаго совѣта, синодальномъ, министерства юстиціи). Понятно, что при такомъ серьезномъ отношеніи къ обработкѣ отечественной исторіи и самая обработка ея должна была получить болѣе рациональное направленіе. Внимательное отношеніе къ памятникамъ новой русской исторіи не могло не отразиться на сосредоточеніи вниманія изслѣдователей въ этой области. Нельзя однако не замѣтить, что болѣе другихъ періодовъ новой русской исторіи посчастливилось времени царствованія императора Александра I. Труды барона М. А. Корфа (Жизнь гр. Сперанскаго), М. И. Богдановича (Исторія царствованія императора Александра I, VI т.), М. И. Сухомлинова (Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи при императорѣ Александрѣ I), А. А. Пыпина (Общественное движеніе при императорѣ Александрѣ I, Библейскія общества въ Россіи, Русскія отношенія Бенгтама) и др. уже даютъ возможность съ достаточною полнотою представить характеръ этой интересной эпохи. Тѣмъ не менѣе мы не могли не замѣтить значительнаго пробѣла въ названныхъ трудахъ, который такъ чувствуется опущеніемъ въ нихъ столь разносторонней и обширной дѣятельности, какова дѣятельность графа Николая Семеновича Мордвинова, который, быть можетъ, одинъ можетъ стать въ исторіи того времени рядомъ съ гр. Сперанскимъ.

Имѣя въ виду въ самомъ непродолжительномъ времени представить подробную біографію графа Мордвинова въ связи съ современными ему общественными явленіями, мы пока ограничиваемся краткимъ очеркомъ его дѣятельности.

По словамъ отца Н. С. Мордвинова, Семена Ивановича, оставившаго послѣ себя записки, недавно изданныя морскимъ министерствомъ (СПб. 1868 г.), фамилія Мордвиновыхъ ведетъ начало отъ Мурата Мордвинова, взятаго при Іоаннѣ Грозномъ заложникомъ въ Россію и получившаго помѣстье близъ Копорья. Затѣмъ Мордвиновы встрѣчаются въ рядахъ московскаго служилаго дворянства и при первыхъ Романовыхъ получаютъ новыя земли въ новгородскомъ уѣздѣ. Въ борьбѣ Петра Великаго съ царевною Софією Мордвиновы были на сторонѣ перваго. Отецъ Николая Семеновича былъ выбранъ самимъ Петромъ для обученія въ новгородской цифирной школѣ, откуда былъ переведенъ въ нарвскую школу, а затѣмъ зачисленъ въ морскую академію. Въ 1717 году Семенъ Ивановичъ былъ отправленъ для изученія морского дѣла во Францію гдѣ пробылъ 6 лѣтъ. По возвращеніи своемъ въ Россію, онъ былъ зачисленъ на службу въ Кронштадтъ, гдѣ состоялъ адъютантомъ и переводчикомъ при вице-адмиралѣ Гордонѣ. Семенъ Ивановичъ благоговѣетъ передъ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго.

По смерти Петра Семенъ Ивановичъ несъ различныя обязанности по адмиралтейскому управленію, предсѣдательствовалъ въ комиссіи разсмотрѣнія законовъ (1754 г.) и участвовалъ въ комиссіи для приведенія флота въ луч-

шее состояніе (при Петрѣ III). При Петрѣ III Семенъ Ивановичъ былъ возведенъ въ званіе вице-адмирала, а Екатерина II пожаловала его въ адмиралы. Онъ же извѣстенъ какъ авторъ сочиненій: «Каталогъ, содержащій о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, а также о полномъ въ знатныхъ мѣстахъ, заливахъ и рѣкахъ наводненіи и прочая къ мореплаванію надлежащая въ разныхъ по С.-Петербургскому меридіану таблицахъ»; «Книга полного собранія о навигаціи» (4 части); «Толкованіе о геометріи»; «Книга объ эзернциіи флота на морѣ» (рукопись); «Книга морскихъ сигналовъ». Кроме того Семенъ Ивановичъ представлялъ модель баркаса и особеннаго рода компаса, оказавшіяся полезнѣе прежнихъ.

Семенъ Ивановичъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Ѳ. С. Муравьевой, а во второй на Н. И. Еремѣевой, отъ которой имѣлъ нѣсколькихъ сыновей, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія два старшихъ: Александръ (р. 1753 г.) и Николай (р. 1754 г. 17 апр.). Оба они были записаны въ морской корпусъ. Александръ Семеновичъ былъ впоследствии повѣреннымъ отъ русскаго правительства въ Генуѣ (1781—1785 г.) и Венеціи (съ 1785), въ званіи министра. Съ нимъ-то переписывалась императрица Екатерина II (1790—1791 гг.) о приглашеніи въ Россію извѣстнаго французскаго эмигранта Сенажъ де-Мельяна, который имѣлъ намѣреніе писать исторію Россіи. Николай же Семеновичъ въ январѣ 1774 г. былъ посланъ въ Англію, для усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ, гдѣ пробылъ три года. Но пребываніе его въ Англіи имѣло и другое значеніе: тамъ онъ проявилъ тѣмъ уваженіемъ къ англійской наукѣ и англійскимъ учрежденіямъ, которое потомъ постоянно высказывается въ его мнѣніяхъ и проектахъ. Бэконъ, Ньютонъ, Адамъ Смитъ и Бентамъ казались ему четырьмя геніями, которые болѣе всего сдѣлали для счастья человѣчества. Женявшись же впоследствии въ бытность въ Италіи (1783), на дочери англійскаго консула въ Ливорно, Генриетѣ Александровнѣ Кобле, Н. С. Мордвиновъ окончательно проникся англійскою жизнію, такъ что домашняя жизнь его устроилась на англійскій манеръ.

Еще до возздки своей за границу Николай Семеновичъ состоялъ адъютантомъ у адмирала Ноульса, управлявшаго Дунайскою флотиліей; по возвращеніи же изъ-заграницы и съ открытіемъ въ Херсонѣ черноморскаго адмиралтейскаго правленія, онъ былъ приглашенъ туда (въ сентябрѣ 1785 г.) Потемкинымъ, какъ опытный морякъ, въ старшіе члены правленія, гдѣ и занялся составленіемъ правилъ для сооруженія флота. Во время второй турецкой войны Мордвиновъ принималъ участіе въ сраженіи въ Лиманѣ, за которое былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. *) и командовалъ русскою флотиліей при осадѣ Очакова въ званіи контръ-адмирала.

По смерти Потемкина Екатерина II назначила Мордвинова, въ званіи вице-адмирала, предсѣдателемъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія (1792 г.), переведеннаго не задолго передъ тѣмъ въ Николаевъ. Николай Семеновичъ дѣятельно принялся за устройство новаго города и черноморскаго флота. По этому поводу онъ подалъ нѣсколько проектовъ. Вмѣстѣ съ Суворовымъ, завѣдывавшимъ на югѣ военною частью, онъ строилъ планы объ изгнаніи турокъ изъ Европы и вѣрилъ въ легкость этого изгнанія (Храпо-

*) Въ 1793, за турецкую же войну, Николай Семеновичъ получилъ орденъ св. Владимира 1 ст. См. списки замѣчательныхъ русскихъ людей, Карабанова.

внѣцѣй, 279). Уже 24 ноября 1792 г. Мордвиновъ былъ пожалованъ орденомъ Александра Невскаго.

Не долго впрочемъ пользовался онъ спокойствіемъ въ своемъ новомъ положеніи. Тамъ ему пришлось столкнуться съ такимъ ловкимъ интриганомъ, какъ де-Рибасъ, который, отчасти благодаря женитьбѣ на незаконной дочери Бецкаго, отчасти выбору мѣста для новаго порта, гдѣ возникла Одесса, пользовался значительнымъ расположеніемъ при дворѣ и старался занять мѣсто Мордвинова, которому онъ былъ подчиненъ. Пока царствовала Екатерина II наветы де-Рибаса не имѣли успѣха; но со вступленіемъ на престолъ императора Павла, легко поддававшагося первымъ впечатлѣніямъ, Мордвиновъ былъ вызванъ вмѣстѣ съ де-Рибасомъ въ Петербургъ, и въ то время какъ послѣдній, послѣ непродолжительной опалы, успѣлъ возвыситься до званія начальствующаго въ адмиралтейской коллегіи и стать докладчикомъ по адмиралтейскимъ дѣламъ у государя (впрочемъ онъ вскорѣ умеръ), Мордвиновъ былъ сначала преданъ суду, потомъ отставленъ, снова возвращенъ къ своему мѣсту, откуда уже въ началѣ 1801 года переведенъ въ балтійскій флотъ и назначенъ, въ званіи адмирала, членомъ адмиралтейской коллегіи, гдѣ и застало его новое царствованіе. Впрочемъ, возвращеніемъ милости императора Павла Мордвиновъ, кажется, былъ обязанъ заступничеству Е. И. Нелидовой, пользовавшейся, какъ извѣстно, вниманіемъ государя.

Вступивъ на престолъ, императоръ Александръ на первыхъ же порахъ обратилъ вниманіе на улучшение разныхъ отраслей управленія, обсужденіемъ котораго былъ занятъ «неофициальный комитетъ», состоявшій изъ гр. В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева, вн. Ад. Чарторыжскаго и гр. П. А. Строганова, въ которомъ принималъ участіе самъ государь. Въ этомъ же комитетѣ были замѣчены важныя недостатки въ устройствѣ русскаго флота и адмиралтейскомъ управленіи, нуждавшихся въ новомъ представителѣ, и здѣсь же было рѣшено замѣнить гр. Куселева адмираломъ Мордвиновымъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ государь предлагалъ членамъ комитета совѣтоваться то съ Лагарпомъ, то съ Мордвиновымъ. Занимаясь постоянно финансовыми вопросами и сельскимъ хозяйствомъ, Мордвиновъ еще въ 1801 г. представлялъ проектъ «трудопоощрительнаго банка», имѣвшій цѣлью развитіе промышленныхъ силъ страны и обезпеченіе производительнаго труда. Вступивъ въ управленіе морскимъ вѣдомствомъ, Николай Семеновичъ немедленно озаботился возобновленіемъ баллотировки при производствѣ въ чины, введенной Петромъ Великимъ и уничтоженной императоромъ Павломъ. Тогда же (1802 г.), какъ члену совѣта, Мордвинову пришлось высказаться по поводу знаменитой тяжбы между гр. Салтыковымъ и гр. Кутайсовымъ за амбисскія дельта, доставшіяся первому во время наводъовъ при Екатеринѣ пустопорожными землями и назначенныя по указу императора Павла послѣднему. Мордвиновъ, основываясь на бездоказательности правъ гр. Салтыкова, доказывалъ незаконность посягательства на права гр. Кутайсова, но, вооружаясь тутъ же противъ монополіи, онъ предлагалъ согласиться на вознагражденіе послѣдняго или по личному его заявленію, или по назначенію сената. Впослѣдствіи государь опредѣлилъ вознагражденіе гр. Кутайсову и велѣлъ отвести новыя земли гр. Салтыкову. Но это мнѣніе замѣчательно по многимъ мыслямъ объ отношеніи къ правамъ частныхъ лицъ, и оно-то на первыхъ порахъ составило славу Мордвинова.

Съ образованіемъ министерствъ (по указу 8 сентября 1802 г.) Мордвиновъ былъ назначенъ министромъ морскихъ силъ; во онъ пробылъ въ этомъ званіи всего нѣсколько мѣсяцевъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ (Вигель) причиною этого

были его рѣзкія сужденія; но сюда, вѣроятно, также примѣшалось соперничество его товарища вице-адмирала Чичагова, не задолго до того сдѣланнаго докладчикомъ по дѣламъ морского вѣдомства и дѣйствительно занимаемаго мѣсто Мордвинова. Послѣ этого Николай Семеновичъ оставался членомъ комитета по улучшенію русскаго флота, а въ 1806 г. совсѣмъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ и былъ избранъ предводителемъ собиравшагося тогда земскаго ополченія московской губерніи.

Въ числѣ наиболѣе выдающихся плановъ новаго правительства безъ сомнѣнія стоятъ его проекты по части законодательства. Надежды лучшихъ людей того времени обращались къ Бентаму, сочиненіе котораго о гражданскомъ и уголовномъ законодательствѣ появилось и въ русскомъ переводѣ въ 1805 — 1806 гг., по высочайшему повелѣнію. Ближайшими послѣдователями у насъ идей Бентама были Сперанскій и особенно Мордвиновъ, который, вслѣдствіе близкихъ отношеній къ брату Бентама, управлявшему нѣкогда бѣлорусскими имѣніями Потемкина, вступилъ въ весьма близкія отношенія и къ самому Бентаму. Эти отношенія поддерживались постоянно, даже тогда, когда примѣненіе идей Бентама къ русскому законодательству оказалось немислимъ.

Съ образованіемъ государственнаго совѣта 1 января 1810 г., Н. С. Мордвиновъ былъ назначенъ членомъ его, а Сперанскій—государственнымъ секретаремъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Мордвинову досталось предсѣдательство въ департаментѣ государственной экономіи. На первыхъ же порахъ Николаю Семеновичу пришлось стать въ весьма близкія отношенія къ Сперанскому, который, въ виду напряженнаго финансоваго положенія Россіи, занимался въ это время финансовымъ проектомъ, сущность котораго основывалась на строгомъ сбереженіи, уменьшеніи выпуска ассигнацій и отчетности. Этими началами Мордвиновъ оставался вѣренъ и впоследствии, постоянно настаивая на осуществленіи ихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ постоянно отстаивалъ святость контрактовъ, заключенныхъ между казною и частными людьми. Идя рука объ руку въ извѣстныхъ вопросахъ съ Сперанскимъ, Мордвиновъ сохранилъ расположеніе къ нему даже въ моментъ его паденія, громко заявляя свое несочувствіе къ совершившемуся факту, а затѣмъ и самъ уѣхалъ въ Пензу. Сперанскій всегда уважалъ «благородный образъ мыслей» Николая Семеновича и считалъ его однимъ изъ тѣхъ умовъ, который могъ бы по достоинству быть оцѣненнымъ даже въ образованнѣйшихъ европейскихъ государствахъ.

Со времени кампаніи 1812 года и до 1816 года нормальный порядокъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ былъ замѣненъ временнымъ, состоявшимъ въ соединеніи дѣлъ по департаментамъ; но съ возобновленіемъ обычнаго теченія дѣлъ Мордвиновъ снова сталъ предсѣдателемъ департамента экономіи. Здѣсь онъ снова является проводникомъ прежней финансовой системы и вступаетъ въ борьбу съ министромъ финансовъ Гурьевымъ, продолжавшуюся даже послѣ перемѣщенія Мордвинова предсѣдателемъ въ департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ (1821 г.) и окончившуюся только съ выходомъ Гурьева изъ министерства (1823). Оставаясь вѣрнымъ прежней мысли объ улучшеніи экономическаго состоянія Россіи посредствомъ развитія частной промышленной дѣятельности, Мордвиновъ издалъ въ 1813—1816 гг. «Разсужденіе о могущихъ послѣдовать пользахъ отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ*»),

*) Въ этомъ сочиненіи между прочимъ Мордвиновъ высказываетъ мысль о необходимости введенія подоходнаго налога.

выдержавшее три изданія и весьма благосклонно встрѣченное за границу. Желая содѣйствовать устройству такого банка Мордвиновъ не разъ писалъ о немъ къ Сперанскому, бывшему губернаторомъ въ Пензѣ. Къ этому періоду относится сближеніе Мордвинова съ Н. И. Тургеневымъ, служившимъ помощникомъ статсъ-секретаря при его департаментѣ и глубоко уважавшимъ Николая Семеновича за его открытый характеръ.

Въ половинѣ 1818 года Мордвиновъ уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ два года, а въ 1821 году онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, въ которомъ, какъ самъ говорить въ письмѣ къ Бентаму, старался дѣйствовать въ его духѣ. Дѣйствительно, во всѣхъ судебныхъ процессахъ, восходившихъ на заключеніе государственнаго совѣта, Мордвиновъ всегда обращалъ вниманіе на мотивы, вызвавшіе преступленіе, настаивалъ на гуманномъ отношеніи къ преступнику и ратовалъ за смягченіе наказанія, назначеннаго сенатомъ. Въ этомъ отношеніи его ратованіе за смягченіе наказанія составляетъ въ его мнѣніяхъ такой же постоянный принципъ, какъ въ борьбѣ съ Гурьевымъ его настоянія на уменьшеніи налоговъ. Его мнѣнія объ уничтоженіи кнута (по поводу составленія новаго уголовного кодекса), клеветы на преступниковъ и смертной казни представляютъ дальнѣйшее развитіе того гуманнаго взгляда, который такъ явно обнаруживаетъ въ Мордвиновѣ послѣдователя Бентама.

Въ нашей литературѣ не разъ высказывалось мнѣніе о Н. С. Мордвиновѣ, какъ о рѣшительномъ консерваторѣ въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ такомъ видѣ нельзя принять этого мнѣнія. Мордвиновъ смотрѣлъ на крѣпостное состояніе крестьянъ, какъ на рабство (вопреки Каразиннымъ и Шиншковымъ), которое не должно существовать; онъ называетъ «суетою» толки объ освобожденіи безъ осуществленія его и предлагалъ совершить его на основаніи выкупной системы, предоставляя впрочемъ крестьянамъ одну личную свободу. Но такъ думали тогда и многие изъ «крайнихъ» (напр., нѣкоторые изъ декабристовъ). Мордвиновъ смотрѣлъ также на крѣпостное состояніе, какъ на неизбѣжный феодальный періодъ въ исторіи русскаго общества. Н. И. Тургеневъ, безъ сомнѣнія самый горячій защитникъ эманципаціи крестьянъ въ то время, прямо говоритъ, что онъ навѣрное встрѣтилъ бы Н. С. Мордвинова въ рядахъ защитниковъ полной эманципаціи крестьянъ, если бы она была предпринята. Онъ рассказываетъ, что, въ бытность Н. С. предсѣдателемъ департамента гражданскихъ дѣлъ, куда поступало много тяжбъ между помещиками и крестьянами, ему пришлось однажды встрѣтить и его фамилію въ числѣ подписавшихся не въ пользу крестьянъ. Но когда онъ разъяснилъ Мордвинову сущность дѣла, то онъ, уже въ засѣданіи совѣта, всталъ и торжественно отказался отъ прежняго мнѣнія, чѣмъ и содѣйствовалъ рѣшенію дѣла въ пользу крестьянъ.

Въ званіи предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ Мордвиновъ пробылъ до 1838 года *). Не разъ, то въ качествѣ предсѣдателя департамента экономіи или гражданскихъ дѣлъ, то какъ членъ государственнаго совѣта, Н. С. Мордвиновъ отказывался отъ подписи тѣхъ мнѣній его, которыхъ онъ не раздѣлялъ, какъ напримѣръ по вопросу о государственной росписи, когда министръ финансовъ Гурьевъ сдѣлалъ ее тайною для членовъ государственнаго совѣта, въ вопросѣ о торговомъ уставѣ 1824 года, отличавшемся стѣснительными правилами, въ вопросѣ о

*) Въ 1823 г., онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

винныхъ откупатъ (1838 г.) Съ 1823 г. по 1840 г. Н. С. былъ постоянно избираемъ въ председатели императорскаго вольнаго экономическаго общества и на этомъ поприщѣ онъ оказалъ важную услугу государству. Съ его председательствомъ значительно оживилась дѣятельность общества. Своими пожертвованіями и побужденіями къ жертвованію другихъ, онъ содѣйствовалъ образованію такъ-называемаго «Мордвиновскаго капитала»; онъ содѣйствовалъ устройству публичныхъ лекцій въ обществѣ; съ его именемъ соединено распространеніе оспопрививанія въ Россіи, о которомъ онъ постоянно ратовалъ и какъ государственный дѣятель. Съ его же именемъ соединяется основаніе московскаго общества сельскаго хозяйства (1820). По его же инициативѣ возникъ комитетъ, имѣвшій спеціальною цѣлью изысканіе мѣръ къ улучшенію земледѣлія (1833 г. *). Здѣсь Мордвинову пришлось встрѣтиться съ напрасною въ такомъ случаѣ бережливостію тогдашняго министра финансовъ гр. Канкринъ. Но результатомъ дѣятельности этого комитета все-таки было устройство образцовыхъ фермъ, учрежденіе Горьгорѣцкаго земледѣльческаго института, изданіе земледѣльческой газеты и введеніе кафедръ по сельскому хозяйству въ университетахъ. Еще въ 1830 г. Н. С., какъ председатель в. о. общества, входилъ съ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ объ образованіи по губернскимъ городамъ публичныхъ библиотекъ, которыя, по его мысли, должны были содѣйствовать не только распространенію знаній, но и развитію духа общественной и общеннаго мнѣнія. Впрочемъ, эта мысль была приведена въ исполненіе въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ.

Гласное судопроизводство, упрощеніе законодательства, сокращеніе воинской службы болѣе нежели на половину, въ видахъ облегченія народной повинности и развитія промысловъ, развитіе всевозможныхъ отраслей промышленности на началахъ товарищества (рыболовства, разработки каменнаго угля, рудокопства и т. п.); улучшеніе путей сообщенія посредствомъ каналовъ, пароходовъ и особенно желѣзныхъ дорогъ; заведеніе не только городскихъ, но и сельскихъ банковъ и сберегательныхъ кассъ; распространеніе трезвости въ народѣ введеніемъ въ употребленіе вмѣсто водки пива; наконецъ самое широкое распространеніе въ обществѣ знаній посредствомъ публичныхъ лекцій и библиотекъ, сельскихъ школъ и сельскихъ библиотекъ—вотъ вопросы постоянно занимавшіе Мордвинова и только въ наше время приводимые въ осуществленіе. Во главѣ же ихъ онъ ставилъ образованіе народа: «Народное просвѣщеніе есть первое начало стяжаемаго богатства», говоритъ Мордвиновъ.

Н. С. по большей части велъ жизнь уединенную. Любимымъ обществомъ его былъ кружокъ литераторовъ. Близость къ Шишкову, съ которымъ связывала его прежняя служба по морскому вѣдомству, вывела его въ общество «Бесѣды русскаго слова», гдѣ онъ состоялъ попечителемъ. Н. С. былъ также членомъ академіи наукъ. Изъ литераторовъ къ нему были близки Воейковъ, Грибоѣдовъ, Рылѣевъ, который посвятилъ ему свои «Думы», изд. въ 1825 г. и написалъ въ честь его большую оду: «Гражданское мужество» (см. Рус. Старину 1871 г., ноябрь) и др. Пушкинъ думалъ вывести Мордвинова, какъ представителя «умныхъ людей» 20-хъ годовъ въ своемъ романѣ «Пеламъ». Изъ людей государственныхъ къ Мордвинову были близки гр. Потоцкій, кн. Друцкой-Любецкій, о которыхъ современники говорятъ, какъ о людяхъ серьезной образованности, и Ермоловъ, уже по возвращеніи своемъ съ Кавказа. Въ по-

*) Послѣ этого (1834 г.) Мордвиновъ былъ возведенъ въ титулъ потомственнаго графа.

слѣднее время, по преклонности лѣтъ, Мордвиновъ рѣдко бывалъ въ совѣтѣ, но онъ до того довѣрялъ Ермолову, что, увидавъ его подиись на принесенномъ журналѣ, не обинуясь подписывалъ свое имя. Въ обществѣ на Н. С. смотрѣли, какъ на русскаго Катона; а дамы и дѣвицы весьма дорожили его поцѣлуемъ, разсказать которые онъ имѣлъ почему-то особенное право (Аксаковъ, Семейная хроника). Н. С. дожилъ до глубокой старости и умеръ въ 1845 г.

Семейство Николая Семеновича состояло изъ сына—Александра Николаевича и дочерей: Натальи Николаевны, бывшей за т. с. Львовымъ, Вѣры Николаевны, вышедшей за бывшаго оберъ-прокурора сената Столыпина, одного изъ близкихъ людей къ Сперанскому, и Надежды Николаевны.

Этими фактами мы ограничиваемся пока, такъ какъ имѣли въ виду собственно ознакомленіе читателей «Русской Старины» съ главными сторонами дѣятельности лица, радѣ многочисленныхъ мнѣній котораго послѣдуетъ непосредственно за этимъ, но которыя были бы не всегда ясны безъ предварительнаго очерка жизни ихъ автора. Мнѣнія Н. С. Мордвинова составляютъ 13 полновѣсныхъ томовъ въ рукописи in folio, съ собственноручными его пометками и краткимъ на счетъ ихъ завѣщаніемъ сыну, слѣдующаго содержанія: «Завѣщаю сыну моему Александру Николаевичу мнѣнія мои, переписанныя въ сихъ книгахъ числомъ (до 350), изъ дому никому не давать, дабы отъ небреженія или нахѣренія онъ не утратилъ. Н. Мордвиновъ». Свои мнѣнія Н. С. раздѣляетъ на финансовыя, тяжбыныя, уголовныя, законодательныя и политическія. Въ числѣ финансовыхъ мнѣній находится обширная коллекція мнѣній, подаваемыхъ Н. С. по поводу росписей государственныхъ доходовъ и расходовъ въ царствованія императоровъ Александра I и Николая I, проекты объ устройствѣ банковъ, о вольномъ экономическомъ обществѣ, о развитіи земледѣлія въ Россіи и т. п. Къ тяжбынымъ и уголовнымъ относится рядъ мнѣній, высказанныхъ имъ въ государственномъ совѣтѣ по поводу судебныхъ процессовъ; законодательныя и политическія мнѣнія касаются современныхъ вопросовъ по законодательству и устройству Россіи, въ томъ числѣ и по поводу составленія свода законовъ. Только небольшая часть мнѣній Н. С. была напечатана въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи» въ «Историческомъ сборникѣ» (Лондонъ) и «Сборникѣ Русскаго историческаго общества», но и тѣ не всегда являлись въ исправномъ видѣ, такъ какъ издатели не могли пользоваться подлинными бумагами.

Изданіе «мнѣній» Н. С. Мордвинова редакціей «Русской Старины» открывалось его проектомъ «Трудопоощрительнаго банка», который, по мысли Н. С., долженъ былъ не только содѣйствовать развитію производительнаго труда въ Россіи ссудю капиталовъ, но и представлять въ этомъ отношеніи образовательное учрежденіе, имѣя въ своемъ совѣтѣ ученыхъ членовъ: физика, химика, минералога, механика, опытнаго сельскаго хозяина и заводчика, которые могли бы давать дѣятельности банка возможно-лучше направленіе. Дѣятельность совѣта должна была обнимать: земледѣліе, скотоводство, рукодѣліе, рудокопство, рыболовство. При банкѣ предполагалось устроить бібліотеку, коллекцію машинъ и орудій, наконецъ школу. Банкъ же долженъ былъ сообщать, по требованію, хорошихъ механиковъ и людей, опытныхъ въ означенныхъ отрасляхъ промышленности. Несмотря, однако, на частыя настоянія Н. С. объ учрежденіи такого банка, онъ оказался неосуществимымъ. Въ мнѣній своемъ о причинахъ разстройства финансовъ въ Россіи, поданномъ въ 1825 г., Мордвиновъ говоритъ: «Еще въ 1801 г., излагателемъ сего мнѣнія начертанъ и подписанъ былъ его императорскимъ величествомъ проектъ трудопоощрительнаго банка, кото-

рнй нотожъ высочайше предоставленъ былъ разсмотрѣнію государственнаго совѣта, но, по сложности его, предварительно заключено было прочесть оный каждому порознь члену. Кѣмъ теперь изъ нихъ прозекъ сей прочитывается— неизвѣстно, но рѣшительнаго заключенія объ немъ никакого еще учинено не было. Многое изъ оного могло бы нынѣ извлечено и приспособлено быть съ вѣрною пользою къ вспомогательнымъ, на предметъ распространѣнія народной промышленности, ссудамъ».

В. С. Илюминъ.

С.-Петербургъ, 1871 г., 18 декабря.

I.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ МАНИФЕСТА *)

о

ТРУДОПОЩРИТЕЛЬНОМЪ БАНКѢ.

Взирая на пространство Богомъ врученной намъ державы, на многоразличные климаты ея, на тучность земель, на произрастающее и могущее произрастать на оныхъ, на предметы народныхъ польвъ, внутри земли и въ моряхъ кроющіеся и на обиліе водъ, орошающихъ все лице имперіи, возжелали мы всѣ сіи дары природы, весь сей обширный залогъ общественныхъ благъ обратить въ совершенную для всѣхъ и каждаго пользу.

Вступивъ на престолъ, предназначали мы себѣ степени движенія въ прохожденіи великаго званія нашего. Не изтекъ еще годъ царствованія, какъ разными манифестами ознаменовали мы любовь и усердіе къ отечеству нашему. Въ 12-й день декабря утвердили мы право всякому участвовать въ дарахъ плодородія земнаго и трудами своими стяжать отъ нѣдръ земли довольство себѣ и обогащеніе. Нынѣ основываемъ особое въ государствѣ учрежденіе, для пособія въ томъ и наставленій, подъ именемъ государственнаго трудопоощрительнаго банка. Постановляемъ оный на тѣхъ непреложныхъ истинахъ: что деньги не имѣютъ иной цѣны, кромѣ относительной къ народному труду, что если трудъ въ цвѣтущемъ состояніи и количество денегъ въ государствѣ соразмѣрно количеству выработываемыхъ въ ономъ чрезъ одинъ годъ произведеній; то золото, серебро и всякая другая металлическая *) и бумажная монета имѣютъ истинную и постоянную свою цѣну; а ежели напротивъ, то золото и всякая монета унижена въ своемъ достоинствѣ; но единое трудолюбіе народное и благоуспѣшность въ произведеніи веществъ, въ есте-

*) Въ подлинникѣ вычеркнуты слѣдующія за симиъ слова: «мысль, соображеніе».

Ред.

*) Видѣто слова: «металлическая».

ственнымъ потребностямъ и услажденію человѣческому относящихся, суть прямыя богатства и мѣра величія державъ; ибо гдѣ только сіи послѣднія преуспѣваютъ, тамъ, во-первыхъ, всѣ собственные предѣлы и всѣ сословія народныя во всемъ нужномъ изобилуютъ; а сверхъ того отдѣляя избытки свои въ продажу другимъ землямъ, стяжаютъ и безъ-ущербно у себя удерживаютъ золото и прочія драгоценности. Многія страны, какъ то извѣстно, не имѣвъ достаточно золота ни серебра, презобилвали во всемъ для жизни и услажденія потребномъ и были дѣйствительно богаты; другія же вопреки и златомъ изобилуя, но нуждаясь въ житейскихъ потребностяхъ, не иначе какъ скудными почестья должны. Съ учрежденіемъ предположеннаго банка связь объясненныхъ истинъ и произтекающее изъ оныхъ слѣдствие, что когда количество производимаго всенароднымъ трудомъ ежегодно возрастать будетъ, то для удобства въ обмѣнахъ таковыхъ новыхъ произведеній, яко единственнаго предмета, съ каковымъ введены въ употребленіе деньги, должно приумножаемо быть и количество монеты,—возруководствовали насъ указать нашему Ассигнаціонному Банку, дабы по мѣрѣ требованій перваго, яко посредника и сообразителя надобности въ прибавѣ денегъ съ успѣхомъ народной дѣятельности, производилъ оному отпускъ ассигнацій.

Имперіи, какъ и все въ природѣ, постепенно и чрезъ время къ метѣ возможнаго совершенства своего приходятъ, но великіе духи владыкъ предускоряютъ ихъ шествіе. Полны суть всѣ вѣка примѣрами сей истины; но отечество наше поразительною быстротою преуспѣянія своего,—вѣкъ Петра Великаго, вѣкъ Екатерины Великой паче всѣхъ запечатлѣли оную. При всемъ томъ степень подобающаго Россіи величія высоко еще отстоитъ. Много еще потребно ей отъ силы приходитъ въ силу и отъ высоты въ высоту. Подобаеть ей развиться, величиться, усовершенаться во внутреннихъ силахъ и добротяхъ, отъ природы щедро на нее изліянныхъ. Подобаеть безплодное обратить въ плодъ. Надлежитъ рачительнѣйшимъ воздѣланіемъ земли побудить оную щедрѣе източать изъ нѣдръ своихъ плодотворную силу. Нужно самое производство полевыхъ и всѣхъ вообще хозяйственныхъ работъ содѣлать чрезъ искусство, при меньшемъ разточеніи силъ, ощутительнѣйшимъ и благоуспѣшнѣйшимъ. Паче же всего должно пещись о размноженіи народа, о приумноженіи для работы рукъ человѣческихъ. Полезность прививанія оспы малолѣтнимъ,—полезность освященная извѣстнымъ свѣту великодушнымъ поступкомъ въ Бозѣ почивающей любезной бабки нашей, есть единое изъ средствъ предъ обѣщающихъ, что при повсемѣстномъ употребленіи онаго число народа могло бы вскорѣ возрасти вдвое. По-

лезно бы было посредствомъ механическихъ пособій умножить силу людскую, — воды и другіа стихіа *) содѣлать сподвижниками человѣку. Долженствовало бы, въ согласность дарованнаго нами на покупку земель права, чтобы изъ общихъ и чрезполосныхъ владѣній составились въ теченіи времени удѣльные и порядочныя имѣнія. Подобаетъ сокровища внутри земли содержащіяся извлечь на поверхность ея, а такожъ и кроющимися въ глубинѣ морей воспользоваться, которыя съ меньшимъ трудомъ обратитъ можно въ преимущественнѣйшее, нежели самыя драгоценныя руды, златостыжаніе. Отечество наше толико есть пространно и столь различныя объемлетъ широты мѣстъ, что можетъ оно все то у себя имѣть домашняго проѣзращенія, что на разстояніи всей Европы порождается, и сѣверныя провинці онаго съ полуденными, въ отношеніи обмѣна избытковъ своихъ, почитаемы быть могутъ въ томъ же видѣ, какъ сѣверъ и югъ въ Европѣ. Надлежитъ и симъ разчетомъ отечественныхъ удобностей и вообще всѣми дарами и благодѣяніями природы воспользоваться. Попеченіе о изысканіи способовъ къ тому прилежитъ неисконно мысли нашей и сердцу, искренно благопріятствующему пользамъ вѣрнѣнаго намъ отъ Бога народа; и се такового нашего отеческаго попеченія начальнымъ полагаемъ знакомъ возвѣщаемое симъ нашимъ манифестомъ заведеніе банка и изданный оному по основанію правилъ и чувствій нашихъ уставъ.

Заключая въ семъ нашемъ установленіи совмѣстно и неограниченность денежныхъ по всѣмъ благонамѣреннымъ и основательнымъ предпріятіямъ пособій и содѣлательность здравомысленныхъ, опытныхъ, благоуправляющихъ способностей каждаго и силы, сообразныхъ существу всякаго предпріятія и мѣстнымъ обстоятельствамъ наставленій; являя въ расположеніи денежной ссуды, не только совершенно-безкорыстное со стороны короннаго участія, но и самое щедрое и благоуважительное къ частнымъ каждаго выгодамъ соразмѣреніе; и дая собою примѣръ подъемлемаго нами на пользу общую труда и всеминутнаго бдѣнія, примѣръ образа мыслей и душевныхъ чувствованій, — воззываемъ на первѣ избраннѣйшее и знаменитѣйшее сословіе имперіи нашей, предводительствующее всегда во благихъ для государства значаніяхъ, досточтимое дворянство не упуститъ и нынѣ случая ознаменовать добродѣтели свои ревностнѣйшимъ споспѣшествомъ благому изволенію нашему и примѣромъ своимъ въ общепользныхъ трудахъ; — призываемъ новоучрежденное нами сословіе земскихъ владѣльцовъ познать цѣну дарованнаго имъ отъ насъ

*) Вѣсто слова: «Элементы».

права, и посредствомъ неослабнаго прилежанія къ трудамъ обратить оное сколько къ прочному своему и родовъ своихъ благоденствію, столько и къ усиленію государственнаго могущества; — обращаемся вновь при семъ случаѣ и къ мірскому духовенству, которому въ самыхъ еще первыхъ дняхъ нашего на престолѣ вступленія дали мы возчувствовать сладость той обязанности его, чтобы быть примѣромъ народу въ трудолюбіи и во всѣхъ хозяйственныхъ упражненіяхъ; — возбуждаемъ градскихъ жителей распространять внутри оградъ своихъ заведеніе къ производству *) всего того, что до нынѣ большею частію отъ искусства и трудовъ иныхъ земель занимствовать обмыли. Поощряя бодрствованіе многихъ и возмущая дреманіе нѣкихъ привлекаемъ всякое вообще званіе, всякой возрастъ содѣлаться во всей полнотѣ трудолюбивыми и полезными себѣ и ближнему, — приглашаемъ иностранныхъ воспользоваться естественными преимуществами и сокровищами, каковыми имперія наша во всемъ пространствѣ обладаетъ.

Мы надѣемся, что когда любовь къ труду усугубится во всѣхъ сословіяхъ любезно-подданныхъ нашихъ; когда многіе капиталы, находящіеся нынѣ не въ такомъ, какъ бы должноствовало, обращеніи, изымутся и обратятся прямо на добрые и прямо полезные предметы; когда время, заботы и издержки, употребляемые на излишества, роскошію внушаемая, устремлены будутъ въ полной мѣрѣ во всеобщему благоденствію, тогда достоиніе обширной имперіи нашей восприметъ образъ истиннаго величія, славы и могущества; тогда во всѣхъ стезяхъ своихъ и отношеніяхъ къ другимъ царствамъ получить она истинное сравненіе. Приятно сердцу нашему воображать и упоеваться надеждою о столь вожделѣнномъ состояніи любезнаго отечества нашего. Приятно намъ пламенѣть всегда желаніемъ узрѣть по всему пространству онаго грады и села процвѣтающія, нивы плодородіемъ обилующія, пустыни населенныя; жилища вездѣ выгодныя и спокойныя; узрѣть всѣхъ бодрыхъ, незнающихъ скуки, считающихъ дни счастья своего во дняхъ благословеннаго трудолюбія; всѣхъ спокойныхъ и довольныхъ своею участію. Се единственный наиважнѣйшій предметъ нашихъ желаній, нашихъ выгодъ и неослабныхъ попеченій; ибо благо народа почитаемъ существеннымъ утѣшеніемъ нашего сердца. Во всемъ ономъ да благоуправить всѣхъ и насъ самихъ десница вышняго!

1808 года.

*) Вмѣсто: «къ произведенію».

УСТАВЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТРУДОПООЩРИТЕЛЬНОГО БАНКА.

0

ДОЛЖНОСТИ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1. О чинахъ въ главномъ правленіи. Главное правленіе состоитъ: изъ главнаго попечителя; — изъ товарища его; — изъ членовъ управляющихъ, коихъ числомъ пять, по числу отдѣленій, составляющихъ главные предметы банка; — изъ членовъ совѣта, кои суть слѣдующіе: физикъ, химикъ, минералогистъ, механикъ, знающій сельское хозяйство и заводчикъ; — изъ членовъ почетныхъ, коихъ число есть неопредѣленное, поелику въ оное приеѣмлетъ всякъ искусный въ земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ и упражняющійся въ полезныхъ всякаго рода заведеніяхъ и работахъ.

2. О присутствіи членовъ. Члены управляющіе всегда заѣдають и управляютъ дѣлами. Члены совѣта призываются для совѣщанія по предметамъ до знаній ихъ касающимся. Члены почетные приглашаются по обстоятельствамъ, когда главное правленіе находитъ будетъ соприсутствіе ихъ нужнымъ.

3. О пяти главныхъ частяхъ, или отдѣленіяхъ правленія. Главные предметы, кои составляютъ будутъ 5 отдѣленій или частей въ главномъ правленіи суть: 1) земледѣліе, 2) скотоводство, 3) рукодѣлія, 4) рудокопные заводы и 5) рыболовля.

4. Предметы учрежденія банка. Намѣреніе учрежденія сего есть всѣми образами вспомошествовать, поощрять и возбуждать охоту къ трудолюбію, яко источнику, изъ котораго проистекаетъ богатство, изобиліе, сила и благоденствіе народное; а потому всякъ искусный въ хозяйственныхъ заведеніяхъ, но неимѣющій довольнаго достатка къ произведенію умозрѣній своихъ въ дѣйство, приобѣгаетъ съ просьбою къ главному онаго правленію и получаетъ отъ него руку помощи.

5. Какого роду заведенія подлежатъ вниманію правленія. Всѣ хозяйственныя заведенія, сельскія упражненія, художества, ремесла и рукодѣлія бывають двоякія, одни общепользныя, а другія малопользныя; одни приносятъ существенный прибытокъ и составляютъ изобиліемъ производимыхъ ими вещей истинное богатство народное, другія служатъ къ кратковременному наслажденію, или къ ненужному украшенію и роскошѣ нѣкотораго числа людей. И таковыя послѣднія изъ нихъ не должны обращать на себя вниманія банка,

но только первыя, каковы на примѣръ суть: осушеніе болотъ и содѣланіе оныхъ удобными къ произведенію всякаго рода произрастеній; исправленіе и удобреніе качествъ земли, введеніе новыхъ и лучшихъ образцовъ земледѣлія, построеніе нужныхъ для сельскаго хозяйства зданій, изобрѣтеніе удобнѣйшихъ для воздѣлыванія полей и домашняго рукодѣлія орудій, заведеніе скотоводства и умноженіе родовъ онаго, превосходнѣйшихъ руномъ и тучностію, постановленіе мельницъ, устроеніе фабрикъ, обрабатывающихъ свойственныя Россіи и могущія рождаться въ ней произрастенія, сооруженіе рудоконныхъ и иныхъ приносящихъ общенародную пользу заводовъ, распространеніе рыбныхъ промысловъ, и тому подобное.

6. На какомъ основаніи просить отъ правленія помощи и оную давать. Желаящій сдѣлать какое-нибудь полезное заведеніе и получить помощь отъ банка, долженъ отнестись въ главное правленіе и представить планъ начинаемому имъ дѣлу, съ подробнымъ и полнымъ описаніемъ и показаніемъ всѣхъ обстоятельствъ онаго: на какомъ мѣстѣ намѣренъ оное заводить, въ какую по смѣтамъ его цѣну оное обойтись можетъ, во сколько времени предполагаетъ его совершить, какіе способы къ производству онаго употреблять будетъ и какую прибыль отъ него имѣть надѣется. Все сіе нужно знать правленію; поелику оное прилежно въ намѣреніе вникнуть и разсмотрѣть долженствуетъ: во-первыхъ, подлинно-ли заведеніе сіе толь прибыльно и общеплезно, что предприемлющему оное достойно есть подать пособіе; во-вторыхъ, избранныя имъ къ произведенію онаго способы точно-ли суть хозяйственные и нѣтъ-ли лучшихъ и надежнѣйшихъ средствъ, помощію коихъ возможно, или съ выщею прочностію, или въ кратчайшее время, или съ меньшими издержками и равнымъ успѣхомъ до того-жъ самаго достигнуть. Буде правленіе таковыя найдетъ, то объ оныхъ ему предлагаетъ и наставляеть его въ томъ; ибо существенная должность правленія сего, яко пекущагося о государственномъ хозяйствѣ и народномъ благѣ мѣста есть совокупно съ начинающими какое-либо хозяйственное дѣло входитъ въ подробное объ ономъ сужденіе, и тѣмъ, коихъ представленія окажутся достойными вниманія, вспомошествовать не токмо покровительствомъ и деньгами, но даже свѣдѣніями своими и совѣтами.

7. О засвидѣтельствствованіи справедливости показаній займщика. Представленные правленію отъ просителя помощи планъ и подробное описаніе новоприемлагаго имъ заведенія должны быть засвидѣтельствованы губернаторомъ и знаменитѣйшимъ той округи дворянствомъ двумя или тремя особами: въ томъ, что все сказанное

имъ о мѣстномъ положеніи, тако-жь о цѣнахъ и обо всѣхъ обстоятельствахъ того края, есть безпримѣсная и точная истина.

8. Ссуду денегъ производить не вдругъ, а постепенно. Когда въ правленіи внимательнымъ окомъ разсмотрѣнъ будетъ подробно-описанный и свидѣтельствомъ утвержденный планъ просителя и когда банкъ удостоверится о дѣйствительной пользѣ, удобности и выгодахъ начинаемаго имъ дѣла, тогда опредѣляетъ ему помощь, съ начала частью только просимаго капитала, предполагая, что на самомъ опытѣ могутъ открыться ему лучшіе хозяйственные виды и распоряженія къ производству той работы, и тогда яко вѣще искусившемуся и показующему уже нѣкую очевидность успѣха отпускаемо будетъ ему болѣе число денегъ.

9. Правила денежной ссуды. Правленіе при ссудѣ займа денегами, основываясь будетъ на слѣдующихъ, въ разсужденіи процентовъ, правилахъ: поелику заведенія могутъ быть разныя, одніе заключающія въ себѣ самую важную, а другія меньшихъ степеней важности пользу государственную; иныя бываютъ постоянныя и прочныя, другія же преходящія и тлѣнности подверженныя; иныя наконецъ приносящія больше, а другія меньше, ежегодной прибыли хозяину; а потому правленіе, соображаясь съ симъ, даетъ займщику разныя льготы и получаетъ съ данной ему суммы различныя проценты; а именно: полагаетъ льготныхъ, то есть такихъ годовъ, въ которые ничего не платится, одинъ, два, три и четыре; по прошествіи коихъ получаетъ взносу три, четыре, пять, восемь процентовъ, такимъ образомъ, что если заведеніе есть одно изъ заключающихъ въ себѣ важнѣйшую государственную пользу какъ-то: земледѣіе, тогда дается самая большая льгота, то есть, четыре года, и взимается самый малый платежъ, то есть три процента; а когда заведеніе подвержено тлѣнію и упадку, какъ на примѣръ: мельница, или иное сему подобное устройство, котораго существованіе есть больше или меньше долговременное, такожь больше или меньше ежегоднаго для хозяина прибытку приносить; въ такомъ случаѣ правленіе, по своему усмотрѣнію, полагаетъ меньшее число льготныхъ годовъ и болѣе процентовъ; но условясь единовременно съ займщикомъ, не премѣняетъ уже своего положенія до самой окончательной съ нимъ раздѣлки, развѣ если бы самъ зайщикъ, для какихъ либо причинъ или выгодъ своихъ, пожелалъ уплату процентовъ перемѣнить изъ малыхъ въ большія части*).

10. Цѣны принимаемымъ въ залогъ деревнямъ. Денеж-

*) Сію статью объясняетъ статья 42.

ная ссуда производима будетъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній по числу душъ, въ послѣднюю ревизію написанныхъ, принимая оныя изъ губерній: Московской, Рязанской, Ярославской, Костромской, Тульской, Калужской, Орловской, Воронежской, Нижегородской, Казанской, Саратовской, Псковской, Тверской и Новгородской по 75 руб.; изъ губерній: Санктъ-Петербургской, Смоленской, Пензенской, Тамбовской, Вятской, Симбирской, Владимирской и Курской по 65 руб.; изъ губерній: Астраханской, Вологодской, Тамбовской, Оренбургской, Минской, Кіевской, Бѣлорусскихъ, Литовскихъ, Малороссійскихъ, Слободской, Украинской, Подольской, Волинской и Войска Донскаго, по 50 руб.; и наконецъ съ губерній: Пермской, Архангельской, Иркутской и Новороссійской по 40 р. за каждую душу.

11. О преимуществѣ деревень гдѣ прививается оспа. Такия деревни, въ коихъ прививаніе коровьей, или другаго рода, оспы всѣмъ малолѣтнимъ введено въ употребленіе и уже до трехъ лѣтъ продолжаемо было, приниматься будутъ въ залогъ, каждая душа 30 р. свыше противу выше показанныхъ цѣнъ, съ обязательствомъ продолженія и впредь столь полезнаго для человѣчества заведенія.

12. О томъ же. Принимаются въ семь Трудопоощрительномъ Банкѣ въ залогъ такия деревни, которыя хотя уже и заложены въ заемномъ или вспомогательномъ банкахъ; но въ оныхъ всѣмъ дѣтямъ привита оспа и предосторожность сія три года уже наблюдаема была, и имянно: изъ заложенныхъ въ первомъ, то есть заемномъ, каждая душа пріемлется симъ банкомъ по губерніямъ первоизчисленнымъ въ предъидущей 10 статьѣ въ 65 р.; по губерніямъ втораго отдѣленія въ 55 р.; по губерніямъ третьяго въ 40 р.; по послѣднимъ же въ 30 р.; а изъ состоящихъ во вспомогательномъ банкѣ таковыхъ деревень всякая душа по всѣмъ вообще губерніямъ пріемлется въ 30 рубляхъ, соображаясь при томъ съ тѣмъ перемѣщеніемъ губерній въ классы противу росписи вспомогательнаго банка, каковое значится по 10-й статьѣ сего устава.

13. О Курляндскихъ и другихъ имѣніяхъ. О курляндскихъ, лифляндскихъ, эстляндскихъ и таврическихъ имѣніяхъ, касательно пріема въ залогъ оныхъ по сему новоучрежденному банку, сдѣлано будетъ положеніе впредь.

14. О домахъ, заводахъ и прочемъ, въ закладъ представляемомъ. Принимаются въ залогъ и состояція въ столицахъ и во всѣхъ городахъ каменные дома и лавки, такожь заводы каменные и фабрики, такіе вообще, которые суть застрахованы, и въ той цѣнѣ въ каковой они на страхъ отданы съ предварительнымъ удо-

ствовѣреніемъ о состояніи и благонадежности впредь таковыхъ закладовъ.

15. О свидѣтельствахъ на имѣнія. Въ удостовѣреніе банка о закладываемомъ въ ономъ имѣніи письменными свидѣтельствами, поступать сообразно узаконеніямъ для банковъ прежде уже изданнымъ.

16. О неприкосновенности закладовъ. Заложное имѣніе въ банкѣ пока въ ономъ состоитъ въ закладѣ, не подвергается ни описи, ниже коему либо другому взыскаію, ни по казеннымъ, ни по частнымъ искамъ, и словомъ ни по какимъ причинамъ.

17. О ссудѣ безъ залоговъ. Чтобы вѣнще распространить всякаго рода полезныя заведенія, то правленіе не должно лишать вниманія своего и таковыхъ, кои одарены знаніями и способностями, но недвижимаго имѣнія въ достаточномъ числѣ, или и вовсе, въ залогъ для полученія изъ банка капитала представить не могутъ, равномѣрно и такихъ, кои въ обезпеченіе испрашиваемаго капитала не въ состояніи представить имѣнія, а только одно вѣрное поручительство.

18. Представлять на утвержденіе роспись о всѣхъ испрашивающихъ повзаимствованія. О всѣхъ испрашивающихъ отъ банка повзаимствованія денегъ правленіе представляетъ намъ роспись, показывая въ оной количество просимой каждымъ суммы, предметъ займа, раздѣленіе на части, на основаніи 8-го пункта сего устава, назначаемаго въ отпускъ каждому капитала, льготные годы, проценты и другія нужныя подробности; по утвержденіи же нами таковой росписи, удовлетворяетъ просителей, посылая приказъ банку съ обстоятельнымъ прописаніемъ, на какомъ основаніи ссуду произвестъ положено.

19. Способъ къ умноженію въ государствѣ искусныхъ художниковъ. Получающихъ капиталъ безъ залога, или по одному токмо поручительству, на устроеніе какихъ либо фабрикъ и разныхъ художественныхъ заведеній правленіе не упуститъ обязывать къ выучиванію на оныхъ ремесламъ, ими знаемымъ, нѣкотораго числа природныхъ русскихъ, ограничивая именно число лѣтъ, въ теченіи коихъ обученіе должно быть совершаемо; дабы симъ способомъ могли умножиться въ государствѣ искусные художники.

20. О преимуществѣ имѣній, въ коихъ на удобреніе земли иждивеніе употреблено. Ежели кто, получа капиталъ изъ банка, употребитъ его на удобреніе земли въ своемъ имѣніи и подъ залогъ онаго проситъ будетъ новаго позаймствованія денегъ, то сверхъ суммы, опредѣленной 10-мъ пунктомъ сего устава, по разно-

сти положенія губерній, имѣють выдаваемы быть ему еще двѣ трети противу того капитала, какой дѣйствительно употребленъ будетъ на удобреніе земли въ томъ имѣніи.

21. О вольныхъ трудопоощрительныхъ обществахъ по губерніямъ. Правленіе имѣеть пещись, чтобы по всѣмъ губерніямъ составиться могли вольныя трудопоощрительныя общества.

22. Дальнѣйшія попеченія о трудопоощреніи. Сказано уже, что банкъ всякому заводящему какое либо полезное дѣло, или работу, вспомошествоуетъ деньгами, и хотя таковое пособіе само по себѣ весьма поощряетъ къ трудолюбію; однако-жь главное правленіе не довольствуется тѣмъ и простираетъ гораздо далѣе свои о томъ попеченія, а имено: оно неусыпно старается собрать полныя и достаточныя свѣдѣнія, съ вѣрнымъ и подробнымъ топографическимъ описаніемъ, не токмо обо всѣхъ губерніяхъ, но даже обо всѣхъ уѣздахъ и округахъ во всей пространной россійской имперіи; дабы во всякое время знать, что въ какомъ краю съ удобностію воздвигнута или заведено быть можетъ. Сія свѣдѣнія собираетъ оно чрезъ губернаторовъ, чрезъ инспекторовъ своихъ, чрезъ переписку съ живущими тамъ извѣстнаго искусства и опытности людьми, чрезъ бесѣдованіе съ пріѣзжими отголъ очевидцами, или наконецъ, чрезъ заимствованіе и почерпаніе изъ книгъ, описывающихъ тѣ страны. Снабдивъ себя всѣми таковыми познаніями и находя въ которомъ нѣсть краю, что можно съ выгодною дѣлать какое либо заведеніе, правленіе, описавъ удобность и пользу онаго, не упуститъ сообщить о томъ губернатору того края, или какому иному начальствующему тамъ чиновнику, прося его предложить тамошнимъ помѣщикамъ, земскимъ владѣльцамъ и обывателямъ городскимъ, не пожелаетъ-ли кто изъ нихъ воспринять на себя таковыхъ заведеній? Такимъ образомъ правленіе не токмо обѣщаніемъ вспомошествованія своего, но убѣжденіемъ о пользахъ, разсчисленіемъ прибыли и достаточными наставленіями стараться будетъ поощрять и руководствовать къ трудолюбію.

23. Сношеніе съ учеными обществами. Правленіе имѣеть сношеніе съ С.-Петербургскою Академіею Наукъ и съ здѣшнимъ вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, тако-жь и съ находящимися внѣ имперіи нашей обществами, учрежденными для сельскаго хозяйства и художествъ.

24. О новыхъ изобрѣтеніяхъ. Обо всякихъ новыхъ изобрѣтеніяхъ правленію должно имѣть свѣдѣніе и стараться тѣ изъ оныхъ, кои нужны и полезны, вводить въ употребленіе въ Россіи.

25. Какъ новыя изобрѣтенія дѣлать извѣстными въ государствѣ. Когда потребно будетъ о какомъ-либо новомъ изобрѣте-

ни, или вымыслѣ, или умозрѣніи сообщить въ разныя мѣста, дабы оно повсюду сдѣлалось извѣстнымъ, и чтобъ изъ многого числа узнавшихъ о томъ людей скорѣе сыскаться могли охотники, могущіе воспользоваться тѣмъ и произвести оно въ дѣйство; тогда правленіе старается то, о чемъ настойтъ дѣло, ясно и подробно описать и каждое таковое предначертаніе напечатать. Потомъ во всякую губернію, или куда надобно, разсылаетъ оно по нѣскольку экземпляровъ таковыхъ листовъ, для раздачи безденежно любопытствующимъ о семъ знать;—дома же у себя собирая сіи листы, составляетъ изъ нихъ книги.

26. О типографіи. Для печатанія таковыхъ листовъ и иныхъ подобныхъ сему сочиненій и дѣлъ, при банкѣ должна состоять особая типографія.

27. О библіотекѣ. Правленіе старается завести у себя, какъ на своемъ отечественномъ, такъ и на другихъ языкахъ, koliko возможно, полную библіотеку, содержащую въ себѣ всѣ доселѣ издавныя сочиненія и описанія о земледѣліи, фабрикахъ, заводахъ, сельскихъ строеніяхъ, орудіяхъ руководѣльныхъ, рыбныхъ ловляхъ и тому подобныхъ вещахъ, приумножая оную ежегодно тѣми новыми изданіями, которыя будутъ выходить въ ученое свѣтъ.

28. О кабинетахъ натуральной исторіи и руководѣлій. Равнымъ образомъ обязанности главнаго правленія подлежать будетъ заведеніе кабинетовъ: 1) натуральной исторіи, 2) исторіи руководѣлій тѣхъ провинцій, на которыя поощренія банковыя простираются будутъ.

29. О содержаніи разныхъ художниковъ. Правленіе содержитъ при себѣ нѣкоторое число механиковъ и другихъ разныхъ художниковъ, коихъ употребляетъ для производства работъ, посылая ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ ради какого-нибудь заведенія таковыя люди нужны.

30. Отрывать изъ правленія искусныхъ мастеровъ по отзывамъ просителей. Буде заимщикъ въ прочномъ основаніи и устроеніи предпринятаго имъ дѣла не имѣетъ довольнаго знанія и не можетъ въ краю своемъ отыскать разумѣющаго оно дѣло чело-вѣка, въ такомъ случаѣ, по отзыву его, правленіе отрываетъ отъ себя, на счетъ просителя, искуснаго въ подлежащемъ знаніи художника, для произведенія въ дѣйство той работы.

31. О выписываніи скота, книгъ и прочаго по отзывамъ заимщиковъ. Равнымъ образомъ, по отзывамъ заимщиковъ, правленіе не оставитъ выписывать для нихъ изъ заграничныхъ мѣстъ: скотъ, сѣмена, инструменты, книги и прочее тому подобное, отдавая имъ

оныя по обошедшимся цѣнамъ, въ число опредѣленной въ ссуду имъ суммы.

32. Объ училищѣ. Должно также при банкѣ состоять училище, въ которомъ преподаются наставленія въ разныхъ искусствахъ и художествахъ, дабы впредь можно было имѣть своихъ знающихъ людей.

33. Обучать въ чужихъ краяхъ земледѣлію и винограда насажденію. Правленіе непрерывно содержитъ въ Англіи для изученія правиламъ земледѣлія по 6-ти, — а въ такихъ странахъ, гдѣ лучше обрабатывается виноградъ по 4-е ученика.

34. О образованіи изъ молодыхъ людей хорошихъ сельскихъ хозяевъ. Правленіе, избирая часть изъ учениковъ академіи художествъ, или воспитательныхъ домовъ, стараться будетъ о образованіи изъ нихъ хорошихъ сельскихъ хозяевъ, дабы они въ состояніи были управлять съ пользою имѣніями, и сами для себя заводить благоустроенныя хозяйства (фермы).

35. Объ иностранныхъ сотрудникахъ въ полезныхъ заведеніяхъ. Препоручаются въ особое покровительство и попеченіе банковаго правленія иностранцы, желающіе для упражненія въ земледѣліи и всякихъ руководствіяхъ водворяться на казенныхъ, въ вѣчно владѣніе предоставляемыхъ имъ, земляхъ, коихъ смежность съ казенными селеніями будетъ имъ доставлять удобность въ наймѣ работниковъ.

36. Способъ къ прекращенію въ Россіи общихъ и чрезполосныхъ владѣній. Къ искуснѣйшимъ изъ иностранныхъ земледѣльцовъ приставляемы будутъ изъ малолѣтнихъ работники, коимъ оставаться въ полной зависимости и неотлучно при сихъ своихъ хозяевахъ до 22-хъ лѣтъ возраста. По истеченіи же оныхъ лѣтъ изучившіеся въ правилахъ сельскаго хозяйства молодые земледѣльцы, водворяясь на особыхъ казенныхъ (земляхъ), вѣчно же имъ предоставляемыхъ, получать будутъ на свои обзаведенія суммы по правиламъ банка; дабы тѣмъ умножить въ Россіи земскихъ владѣльцевъ и впоследствии времени прекратить общія и чрезполосныя владѣнія, сколько благу государства вредныя, столько и въ особенности для каждаго не прибыточныя.

37. О церковныхъ земляхъ и священникахъ. Правленіе старается, чтобы на церковныхъ земляхъ употребляемъ былъ самый лучший образъ земледѣлія, дабы оныя служить могли примѣромъ въ обдѣлываніи земель сосѣднихъ, не оставляя сверхъ того воспользоваться тѣмъ уваженіемъ, каковое сельскіе жители имѣютъ къ своимъ священникамъ; дабы сихъ употребить орудіями ко внушенію поселя-

намъ наилучшихъ правилъ земледѣлія и вообще всего сельскаго хозяйства.

38. О заведеніи въ разныхъ мѣстахъ благоустроенныхъ сельскихъ хозяйствъ для примѣра. Поелику примѣръ весьма много споспѣшествовать можетъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія по части сельскаго хозяйства, то правленіе должно стараться о скорѣйшемъ заведеніи во всѣхъ уѣздахъ тѣхъ губерній, на которыя дѣйствія банка постепенно разширяемы будутъ, по крайней мѣрѣ по 4 фермы въ каждомъ.

39. О наградахъ къ поощренію трудолюбія и пруспѣянія въ сельскихъ работахъ и познаніяхъ. Нанослѣдокъ, дабы къ таковому распространенію просвѣщенія и поощренію трудолюбія не упустить воспользоваться всѣми споспѣшительными въ семъ случаѣ пособіями, предоставляется правленію, съ утвержденія нашего, производить приличныя награды всѣмъ тѣмъ, кои въ какой-либо части сельскаго хозяйства, какъ-то въ раздѣленіи полей своихъ на гораздо большее противу нынѣшняго число, или въ другомъ тому подобномъ, отличатся будутъ; и въ особенности такимъ, кои, сами трудяся въ сельскихъ работахъ и ремеслахъ, прилежнымъ соревнованіемъ своимъ покажутъ ощутительнѣйшіе другихъ успѣхи въ оныхъ, по сообразности прилагаемаго у сего примѣрнаго расположенія таковыхъ наградъ, для коихъ и особая сумма до ста тысячъ рублей въ годъ правленію сему назначается.

40. О награжденіяхъ книгами, инструментами и прочимъ. Въ число денежныхъ награжденій должны помѣщаемы быть и вещественныя, состоящія въ выписныхъ лучшаго сорту инструментахъ, книгахъ, сѣменахъ, баранахъ и другомъ скотѣ; ибо награды сего рода и для самихъ получающихъ оныя ощутительнѣе быть могутъ, и вмѣстѣ содѣйствовать будутъ къ просвѣщенію народному и къ распространенію лучшихъ скотныхъ заводовъ и посѣвовъ въ имперіи.

41. О содержаніи инспекторовъ для мѣстныхъ объѣздовъ. Правленіе имѣетъ инспекторовъ, коихъ время отъ времени посылаетъ осматривать: всѣ ли тѣ работы, на кои отпущены изъ банка деньги, производятся съ должнымъ успѣхомъ и хозяйствомъ. Сверхъ сего непосредственнаго отъ банка надзиранія, губернаторы, каждый въ своемъ вѣдомствѣ, должны также по отношеніямъ правленія наблюденіемъ своимъ дѣлать оному пособіе. Инспекторы же банковые должны быть люди искусные и свѣдущіе въ сельскомъ хозяйствѣ, въ заводахъ и всякаго рода руководѣліяхъ.

42. Во сколько времени расплата займщиками совер-

шаема быть можетъ. Получившій отъ банка ссуду, если по минованіи льготныхъ лѣтъ обязанъ будетъ уплачивать ежегодно по три процента, то чрезъ 26 лѣтъ оному удовлетворяетъ; если по четыре, то чрезъ 20; если по шести, то чрезъ 14; а буде наконецъ по восьми, то въ 12 лѣтъ совершенно расплачивается и получаетъ обратно свой закладъ. Столь щедрою ссудою изволяемъ вознаграждать трудолюбіе каждаго, обогащающаго себя и купно отечество свое *).

43. Какъ поступать съ приличающимися въ подлогахъ. Подавая столь щедрю помощь и устроая благо общее на личной каждаго пользѣ, хотя и не уповательно, чтобы могли случиться отъ кого-либо изъ займщиковъ суммъ обманъ или подлогъ каковой въ представляемыхъ закладахъ; однако буде бы, противу всякаго чаянія, могъ оказаться кто изблеченнымъ въ томъ, таковаго предавать всей строгости законовъ.

44. Взысканіе съ нарушителей предположеній своихъ. Если кто, взявши изъ банка для каковаго-либо заведенія деньги, не устроитъ онаго, или не будетъ продолжать, въ теченіи назначаемаго срока для выплаты капитала, а употребитъ деньги на другіе свои виды, то съ таковаго правленіе имѣетъ требовать обратно всей выданной ему суммы, поступая въ томъ на законномъ основаніи, со взысканіемъ притомъ за всѣ протевшія, со времени платы погодныхъ процентовъ, лѣта, таковыхъ вторичныхъ, а за льготные годы двойныхъ процентовъ. Но буде смерть займщика, или какія-либо естественныя препятствія и обстоятельства пресѣкутъ, противу воли его, продолженіе заведенія его и будетъ то самыми убѣдительнѣйшими и никакому сомнѣнію неподверженными доказательствами утверждено, въ таковомъ случаѣ правленіе возвращаетъ къ себѣ часть только капитала, по расчисленію остающихся годовъ.

45. О не исправныхъ плательщикахъ процентовъ. Когда банкъ донесетъ главному правленію, что займщикъ съ истеченіемъ трехъ мѣсяцевъ по прошествіи года не вноситъ процентовъ, въ такомъ случаѣ правленіе, изслѣдовавъ причины таковой неисправности, или отдаетъ имѣніе его на законныхъ правилахъ въ смотрѣніе опеки, или поступаетъ по предыдущей статьѣ сего устава.

46. О пособіяхъ правленію отъ всѣхъ мѣстъ. Въ отношеніяхъ правленія по дѣламъ банковымъ, всякое правительство въ нашей имперіи долженствуетъ помогать, сохранять и пещись о безопас-

*) По сему положенію возвратится изъ даннаго въ ссуду капитала отъ 3-хъ процентовъ 78 изъ 100, отъ 4-хъ — 80, отъ 6-ти — 84, отъ 8-ми — 96; но отъ получаемыхъ процентовъ съ вносимыхъ въ банкъ уплатъ занятаго капитала, банкъ возвращаетъ себѣ полный капиталъ.

ности во всякомъ случаѣ, гдѣ бы законы банковые требовали себѣ удовлетворенія; потому, во-первыхъ, правительствующій сенатъ, уважая могущія быть представленія отъ онаго, даетъ отъ себя повелѣнія въ сходство оныхъ, и чинитъ строгое взысканіе съ подчиненныхъ ему мѣстъ за неисполненіе; а какъ сей новоучреждаемый банкъ сопрягаетъ въ себѣ и благо народное и государственныя выгоды, то относимъ мы въ существенную должность губернскихъ прокуроровъ и стряпчихъ, чрезъ напоминаніе и представленія свои по всѣмъ дѣламъ изъ главнаго правленія его отнесеннымъ въ губерніи, ходатайствовать каждому въ своемъ мѣстѣ о немедленномъ исполненіи.

47. Образъ сношенія съ присутственными мѣстами. Главное правленіе имѣетъ со всѣми правительствами сношеніе посредствомъ записокъ за подписаніемъ члена и за скрѣпкою секретаря; въ сенатъ же дѣлаетъ представленія.

48. О канцелярскихъ чинахъ. Правленіе, избирая для писмоводства и счетовъ, какъ по своей, такъ и банковской канцеляріямъ, способныхъ чиновниковъ, опредѣляетъ ихъ въ должности, по своему разсмотрѣнію.

49. Опредѣленіе членовъ. Для опредѣленія на убылыя мѣста изъ членовъ, какъ главнаго правленія, такъ и банка, правленіе сіе избираетъ людей достойныхъ и представляетъ намъ на утвержденіе.

50. Объ отличныхъ хозяевахъ. Правленіе докладываетъ намъ ежегодно объ отличившихся во всякихъ полезныхъ работахъ и заведеніяхъ, дабы свѣдомы намъ были имена, какъ усердныхъ сыновъ отечества, такъ и чужестранцевъ, упражняющихся во благомъ для имперіи нашей.

51. Откуда суммы на ссуду, и особливо на штатныя и другіе расходы получаемы быть должны. Капиталъ для ссуды, двумя милліонами рублей ежегодно ограничиваться долженствующій, поступаетъ въ банкъ изъ ассигнаціоннаго банка, а суммы на содержаніе банковаго штата, на ежегодную раздачу наградъ и на всѣ вообще расходы, правленіе получаетъ изъ государственнаго казначейства.

52. Куда употреблять представляемые зайщиками проценты. Сверхъ же отпускаемыхъ ежегодно для раздачи въ займы двухъ милліоновъ, обращаемы будутъ на сію раздачу и проценты, которые стануть поступать въ уплату отъ получившихъ изъ банка капиталы.

53. Свидѣтельство цѣлости суммъ. Правленіе свидѣтельствуетъ ежемѣсячно цѣлость суммъ, находящихся въ банкѣ.

54. Свидѣтельство книгъ. Правленіе получаемы имъ отъ

банка, по прошествіи года, бухгалтерскія и казначейскія книги счи-
таеть и счисляетъ одну съ другою, такъ какъ и съ подаваемыми при
нихъ, за подписаніемъ директоровъ, документами и балансами; а по
окончаніи сего свидѣтельства, вникая во всѣ подробности, записы-
ваетъ въ журналъ.

55. Сообщение денежныхъ счетовъ ассигнаціонному
банку. Правленіе ежегодно препровождаетъ въ государственный
ассигнаціонный банкъ записку о полученныхъ изъ онаго въ теченіи
того года суммахъ, ради повѣрки.

56. Отчетъ о ссудныхъ суммахъ. Правленіе должно давать
намъ отчетъ о розданныхъ имъ суммахъ, различая имянно: на какія
заведенія сколько оныхъ выдано, донося при томъ объ успѣхахъ по
всѣмъ частямъ и предположеніяхъ банковыхъ.

57. Зависимость банка единственно отъ императорскаго
величества. Сему правленію и банку онаго состоятъ единственно
подъ нашимъ императорскимъ покровительствомъ и высочайшимъ вѣ-
дѣніемъ; не зависѣтъ ни отъ какого въ государствѣ правительства,
и во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ, кромѣ намъ самимъ, никому отчета
не давать.

58. О жалованной грамотѣ. Государственный трудопоощри-
тельный банкъ долженствуетъ получить жалованную нашу грамоту
на его установленія, права и преимущества, за подписаніемъ соб-
ственныхъ руки нашей и съ приложеніемъ государственной печати.

О должности банка. 59. О чинахъ въ банкѣ. Банкъ со-
стоитъ изъ пяти, одного старшаго и четырехъ другихъ директоровъ.

60. Главнѣйшія обязанности банка. Банкъ принимаетъ и
роздаетъ деньги, содержитъ ясно счетныя книги, охраняетъ поря-
докъ и вѣрность залоговъ, даетъ по принадлежности знать о запре-
щеніи или разрѣшеніи закладныхъ имѣній, такожъ даетъ квитанціи
въ получаемыхъ деньгахъ, за подписомъ присутствующихъ и казначея.

61. О старой монетѣ. Старые серебряные рубли банкъ отсы-
лаетъ на монетной дворъ, для передѣлки въ новую монету, ради
единообразія въ оной и лучшаго разчета.

62. О пени, налагаемой на неисправныхъ плательщи-
ковъ процентовъ. Хотя займщику по истеченіи года въ первый
день должно внести въ банкъ проценты; но на всѣ случаи, которые
могутъ воспятить въ томъ исправность, банкъ даетъ десять дней
льготы, а буде по прошествіи оныхъ зайщикъ въ платежѣ про-
центовъ оказался бы неисправнымъ и просрочилъ бы, отъ истечения
года, мѣсяцъ, то банкъ съ такового за первый мѣсяцъ взыскиваетъ
пени по одному проценту съ рубля, со всего дѣйствительнаго капи-

тала; буде и другой мѣсяць просрочить, не заплатя процентовъ, то и опять одинъ такой же процентъ взыскивается; то же чинить и за третій мѣсяць; но далѣ трехъ мѣсяцовъ просрочки банкъ уже пени не полагаетъ, но относится своему правленію.

63. О пересылкѣ процентовъ въ банкъ чрезъ почты и губернскія правленія. Въ облегченіе способовъ къ уплатѣ процентовъ дозволяется займщикамъ пересылать оныя на почтахъ, или же вносить въ губернскія правленія съ надлежащею въ пользу почтъ платою; но съ тѣмъ, чтобы деньги въ свое время могли достигнуть въ банкъ.

64. Запрещенія всякихъ поборовъ и пошлинъ. Запрещается банку при выдачѣ и приѣмѣ своихъ суммъ ничего и ни подъ какимъ видомъ, кромѣ установленныхъ ежегодныхъ процентовъ, ни отъ кого не требовать, и въ ономъ никакихъ пошлинъ и за гербовую бумагу поборамъ не быть.

65. О случаяхъ пересылки банкомъ чрезъ почту суммъ. Если случится банку пересылать къ кому-либо деньги чрезъ почту, то полупроцентныя и вѣсовыя въ пользу почтъ деньги вычитаетъ изъ суммъ пересылаемыхъ.

66. Образъ банковаго дѣлопроизводства. Въ банкѣ не дѣлаются особыя опредѣленія по приказному обряду, но въ журналѣ изображается учиненное по всякъ день краткимъ слогомъ свойственнымъ купеческому обряду.

67. Образъ сношенія съ посторонними мѣстами. Банкъ имѣетъ сношеніе со всѣми правительствами посредствомъ записокъ, за подписаніемъ директора и за скрѣпою секретаря.

68. Образъ веденія бухгалтерскихъ книгъ. Банковыя бухгалтерскія книги вестъ по примѣру другихъ банковъ.

69. О вѣдомостяхъ отъ казенной палаты. Казенныя палаты, какъ съ нынѣшней ревизіи, такъ и съ подаваемыхъ впередъ о числѣ душъ сказокъ, имѣютъ доставлять въ банкъ вѣдомости, сколько числомъ, за кѣмъ и въ какихъ селеніяхъ состоитъ мужеска полу душъ, в извѣщать оныя о случающихся переводахъ помѣщиками крестьянъ изъ одного въ другое мѣсто, что банкъ сличаетъ, соображаетъ и отмѣчаетъ.

70. О храненіи суммъ. Отъ дверей большой кладовой, гдѣ хранится главная сумма, печати должны быть у старшаго и самаго младшаго директоро́въ; ключи же у 3-хъ остальныхъ директоро́въ; а отъ сундука, что въ сей кладовой для расходной суммы, печать у одного и ключъ у одного же изъ директоро́въ, и другой ключъ у казначея. На случай болѣзни кого-либо изъ директоро́въ поручаетъ

таковой свой ключъ, или печать, одному изъ сочленовъ своихъ, кого избереть, а казначей въ такихъ случаяхъ поручаютъ свои ключи одинъ другому.

71. О еженедѣльныхъ обязанностяхъ директоровъ. Директоры обязаны каждую субботу слычать всѣ расчеты о пріемахъ и выдачахъ, въ теченіи недѣли послѣдовавшихъ, свидѣтельствовать всѣ приходныя и расходныя книги, и цѣлость суммъ въ расходномъ сундуѣ повѣрять.

72. О ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ. Банкъ по истеченіи всякаго мѣсяца, освидѣтельствовавъ денежную казну противъ настольныхъ реэстровъ и книгъ казначейскихъ и бухгалтерскихъ, подаетъ правленію обстоятельныя вѣдомости.

73. Упражнение банка при истеченіи года. Отъ 24-го декабря по 7-е января банкъ занимается единственно совершеніемъ старыхъ и приуготовленіемъ новыхъ книгъ, тако-же сочиненіемъ балансовъ, и полный о всемъ за прошедшій годъ отчетъ представляетъ главному правленію.

74. О ежегодномъ представленіи въ правленіе книгъ для свидѣтельства. Банкъ по истеченіи года представляетъ правленію для освидѣтельствованія и повѣрки всѣ бухгалтерскія и казначейскія оконченныя книги, съ принадлежащими къ нимъ документами, переплетенными по номерамъ и помѣсячно; а по обратномъ ихъ полученіи, буде найдутся сходными, даетъ банкъ каждому казначею и бухгалтеру свидѣтельство за подписомъ всѣхъ директоровъ, и въ томъ, что начета на нихъ не оказалось; но если напротивъ того, книги сіи явятся невѣрными; то въ такомъ случаѣ да взыщется неисправность съ виновныхъ по всей строгости.

Примѣрное расположеніе наградъ, въ поощреніе хозяевъ и работающихъ, за отличія назначаемыхъ, соразмѣряя таковыя отличія между первыми, то-есть хозяевами или владѣльцами, по пространству одной губерніи; а между послѣдними, то-есть, трудящимися въ сельскихъ работахъ, по пространству каждаго уѣзда тѣхъ губерній, на кои попеченія банка распространяться будутъ.

I.

О хозяевахъ.

1. Кто истребитъ въ своемъ владѣніи пареннну и раздѣлитъ поля свои на большее и выгоднѣйшее противу нынѣшняго число; удобрить и засѣеть оныя въ такомъ пространствѣ, чтобъ было не меньше 60-ти десятинъ, а раздѣленіе полей не меньше какъ на 4 части, тѣ получаютъ награды: 1) 10,000; 2) 6,000; 3) 4,000.

2. Кто по числу полей, но не менѣе 4-хъ, окопаетъ ихъ рвомъ не менѣе 1-й сажени глубины и ширины, обсадитъ колючимъ растеніемъ не менѣе 4-хъ полей, каждое не менѣе 6-ти десятинь, тѣ получаютъ: 1) 8,000; 2) 5,000; 3) 3,000.

3. Кто неудобность земли своей исправить или глиною, или пескомъ, или известью, или мергелемъ, смотря по качеству мѣста, не менѣе какъ на разстояніи 12-ти десятинь, тѣ получаютъ: 1) 6,000; 2) 4,000; 3) 3,000.

4. Кто заведетъ отъ англійскихъ, гишпанскихъ и другихъ превосходныхъ родовъ барановъ, не менѣе 600-тъ, рожденныхъ на его землѣ, тѣ получаютъ: 1) 6,000; 2) 3,000; 3) 2,000.

5. Кто заведетъ отъ англійскихъ и голландскихъ быковъ своего приплоду, не менѣе 60-ти быковъ и коровъ, тѣ получаютъ: 1) 6,000; 2) 3,000; 3) 2,000.

6. Кто осушитъ болотистыхъ мѣстъ, не менѣе какъ на 100 десятинь, тѣ получаютъ: 1) 5,000; 2) 3,000; 3) 2,000.

7. Кто засѣетъ березы на песчаной или мѣловой землѣ, не менѣе 20-ти десятинь, тѣ получаютъ: 1) 5,000; 2) 3,000; 3) 2,000.

8. Кто посѣетъ датлевины, не менѣе 60-ти десятинь, тѣ получаютъ: 1) 5,000; 2) 3,000; 3) 2,000.

9. Кто посѣетъ моркови, рѣпы, картофелей, свеклы, или другихъ кореньевъ, для корму скота, не менѣе 20-ти десятинь, тѣ получаютъ: 1) 4,000; 2) 3,000; 3) 2,000.

10. Кто заведетъ китайскихъ свиней своего приплода, но не менѣе 100 тѣ получаютъ: 1) 3,000; 2) 2,000; 3) 1,000.

11. Кто введетъ въ употребленіе пахать землю плугами, тамъ гдѣ пашутъ сохами, продолжая пахать не менѣе 4 лѣтъ, и каждый годъ не менѣе 60-ти десятинь, тѣ по истеченіи сего времени получаютъ: 1) 3,000; 2) 2,000; 3) 1,000.

12. Кто введетъ въ употребленіе воловъ вмѣсто лошадей и будетъ пахать оными въ теченіи 4 лѣтъ, не менѣе, какъ по 60-ти десятинь ежегодно, тѣ получаютъ: 1) 3,000; 2) 2,000; 3) 1,000.

13. Кто введетъ въ употребленіе въ своемъ владѣніи прялки съ колесами и будетъ употреблять не менѣе ста прялокъ въ теченіи трехъ лѣтъ и нарядетъ оными нитокъ ежегодно, тѣ получаютъ: 1) 3,000; 2) 2,000; 3) 1,000.

И другое сему подобное, для введенія въ имперіи россійской полезное.

II.

О исправляющихъ сельскія работы.

1. Кто нарядетъ нитки самыя ровныя и самыя тонкія, но не менѣе 10 фун., тѣ получаютъ: 1) 300; 2) 250; 3) 200.

2. Кто полотна самаго тонкаго и самаго лучшаго выработаетъ, не менѣе 100 аршинъ, тѣ получаютъ: 1) 300; 2) 250; 3) 200.

3. Кто въ деревнѣ первой привьетъ оспу дѣтамъ своимъ, тотъ получаетъ 250.

4. Кто въ деревнѣ возраститъ живыхъ у себя болѣе отъ другихъ дѣтей, не менѣе 6-ти, такъ чтобъ меньшому самому было 6-тъ лѣтъ, тѣ получаютъ 1) 400; 2) 250; 3) 200.

И прочее сему подобное.

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. Ө. РЫЛЪЕВЪ.

I.

Волинскій.

ДУМА.

«Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ,
Иль мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукой, безъ боязни.

«Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ, въ часы кровавой брани,
Неотразимою грозой,
Какъ покорители Казани.
Пусть удивляетъ... Но когда
Онъ все творить то изъ тщеславья:
Бѣда несчастному, бѣда!
Онъ сынъ не славы, а безславья.

«Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства —
И на проклятіе вѣкамъ
Предается рабъ сей отъ потомства.
Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!

«Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной или за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу!»).

Противъ тирановъ лютыхъ твёрдъ,
Онъ будетъ и въ цѣляхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою ²⁾ гордъ,
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

«Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ ³⁾ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ ⁴⁾
Пришлецъ иноплеменный цѣли:
Онъ на него — какъ хищный врагъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи!

«И пусть ⁵⁾ падеть — но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной,
И онъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы, герою въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.

«Вражда къ тиранству ⁶⁾ закипитъ
Неукротимая въ потокахъ —
И Русь священная узритъ
Власть чужеземную ⁷⁾ въ обломкахъ».
Такъ, сидя въ крѣпости, въ цѣпяхъ,
Волынской думалъ справедливо;
Чистъ совѣстью и правъ въ дѣлахъ,
Свой жребій несъ онъ горделиво ⁸⁾.

Странъ сѣверныхъ отважный сынъ,
Презрѣвъ я казнь, и Бирономъ,
Дерзнулъ на пришлеца одинъ
Всю правду высказать предъ треномъ ⁹⁾.
Открылъ царичъ корень зла,
Любимца гордаго пороки,
Его ужасныя дѣла,
Коварный умъ и правъ жестокий.

Свершилъ, исполнилъ долгъ святой,
Открылъ вину народныхъ обидствій,
И ждалъ съ безтрепетной душой
Дѣянью правому послѣдствій ¹⁰⁾.
Не долго вольности лишенъ,
Герой влачилъ свои оковы ¹¹⁾;
Однажды вдругъ запоровъ звонъ —
И входитъ стражъ къ нему ¹²⁾ суровый.

Проникъ — и осѣнясь крестомъ,
 Сказалъ онъ: «За тебя, свобода!»
 И къ мѣсту казни съ торжествомъ
 Шелъ бодро вѣрный другъ народа.
 Притекъ... увидѣлъ палача —
 И голову склонилъ безъ страха;
 Свергнуло лезвіе меча —
 И кровью освѣтилась плаха! ¹³⁾

Сыны отечества! въ слезахъ
 Ко храму древнему Самсона!
 Тамъ за оградой, при вратахъ
 Почіеть прахъ врага Бирова!
 Отецъ семейства! приведи
 Къ могилѣ мученика сына;
 Да закипитъ въ его груди
 Святая ревность гражданина!

Любовью къ родинѣ дыша,
 Да все для ней онъ переноситъ ¹⁴⁾,
 И, благородная душа,
 Пусть личность всякую отброситъ.
 Пусть будетъ чести образцомъ,
 За страждущихъ — желѣзной грудью,
 И вѣчно заклятымъ врагомъ
 Постыдному ¹⁵⁾ правосудью.

Примѣчанія. Въ рукописи, съ которой мы привели текстъ „Думы“, находятся слѣдующіе варианты и различія съ напечатаннымъ нынѣ и въ изданіи 1825 года текстами: 1) въ изд. 1825 г. было:

«Но тотъ, кто съ гордыми въ борьбѣ
 Наградъ не ждетъ и ихъ не проситъ,
 И, забывая о себѣ,
 Все въ жертву родинѣ приноситъ».

2) „правотомъ“ поставлено въ рукописи вмѣсто зачеркнутого: „какъ невинный“. 3) Было: „какъ сынъ добра“. 4) Было: „для гражданъ“. 5) Было: „И хоть падеть“, какъ осталось и въ изд. 1825 г. 6) Было: вмѣсто „тиранству“ „къ неправдѣ“. 7) Было: „Неправосудіе“. 8) Было:

Такъ сидя въ крѣпости въ цѣпяхъ
 Волинскій разсуждалъ угрюмый.
 Блестѣлъ огонь въ его очахъ,
 И по чегу блуждали думы.

Въ изд. 1825 г. напечатано: „Душею чистъ и правъ въ дѣлахъ“ и пр. 9) Было:

Презрѣвъ и казни и Бирона,
 Дерзнулъ на пришлеца одинъ
 Управы требовать у трона.

10) Было:

И ждалъ съ невинною душой,
Открытой истинѣ послѣдней.

11) Было: „Влачилъ въ темницѣ онъ оковы“, а потомъ исправлено: „Волынскій несъ свои оковы“. 12) В м. „въ нему“ было „тюрмы“.

13) Въмѣсто этой строфы въ изд. 1825 г. напечатаны двѣ слѣдующія:

Проникъ—и осѣнись крестомъ,
Сказалъ: «За истину святую
И казнь мнѣ будетъ торжествомъ!
Я мнилъ спасти страну родную.
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мнѣ враговъ коварныхъ злоба?
Я посвящалъ себя добру,
И вѣренъ правдѣ былъ до гроба!»

Въ его очахъ при мысли сей
Сверкнула съ гордостью отвага,
И бодро изъ тюрмы своей,
Шелъ другъ общественнаго блага.
Пришель... увидѣлъ палача... и пр.

Кромѣ того, въ рукописи 6-й стихъ строфы было: „И шею протянулъ безъ страха“. 14) Было: „Да все онъ твердо переносить“.

15) Было: „И ужасомъ неправосудью“, а потомъ трижды исправлено: коварному, преступному и наконецъ—позорному.

II.

Къ Н-му.

Въ отвѣтъ на стихи, которыми онъ совѣтовалъ мнѣ навсегда остаться въ Украинѣ:

Чтобъ я младые годы
Лѣнвымиъ своею убилъ!
Чтобъ я не носившилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ, нѣтъ! Тому во вѣкъ
Со мною не случится;
Тотъ жалкій человекъ,
Кто славой не влѣкнется!
Кумиръ молодой души—
Она меня трубою
Будя въ вѣмой глуши
Вслѣдъ кличетъ за собою
На берега Невы!

И такъ простите вы:
Краса благой природы
Цвѣтущіе сады,

И пышные плоды,
 И Дона тихи воды,
 И миръ души моей,
 И кровъ уединенной,
 И тишина полей
 Страны благословенной,
 Гдѣ гора и суетъ,
 И обольщеній чуждый
 Прожить-бы могъ поеть
 Безъ прихотливой нужды;
 Гдѣ-бъ дни его текли
 Подъ сѣнью безмятежной,
 Въ объятяхъ дружбы нѣжной
 И родственной любви!

Все это оставляя,
 Плающій поеть
 Направилъ свой полѣтъ,
 Совѣтамъ не внимая,
 За чародѣйкой вслѣдъ!
 Въ тревожномъ шумѣ свѣта,
 Средь горя и заботъ,
 Въ мои младыя лѣта,
 Быть можетъ, для поэта
 Она вѣнокъ советъ.
 Онъ мнѣ въ уединенъ,
 Когда я буду съдъ,
 Послужить въ утѣшенъе
 Средь дружескихъ бесѣдъ.

1820.

III.

Нъ Н. Н.

Когда душа изнемогала
 Въ борьбѣ съ болѣзнию роковой,
 Ты посѣтить, мой другъ, желала
 Уединенный уголь мой.

Твой голось нѣжный, взоръ волшебный
 Хотѣлъ страдалца оживить,
 Хотѣла ты покой дѣлебный
 Въ взволнованную душу злить.

Твое отрадное участъе
 Твое вниманье, милый другъ,
 Мнѣ снова возвратили счастье
 И исцѣлили мой недугъ.

Съ одра болѣзни рокового
 Я всталъ и бодръ и веселъ вновь

И въ сердцѣ запылала снова
Къ тебѣ давнишняя любовь.

Такъ мотылекъ, порхая въ полѣ,
И крылья опаливъ огнемъ,
Опять стремится поневолѣ
Къ востру, въ безуміи слѣпомъ.

1822.

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

ГРАФЪ М. М. СПЕРАНСКІЙ.

родился 1 января 1772 г., умеръ 11 февраля 1839 г.

1 января 1872 г., въ день выхода настоящей книги, русское общество празднуетъ столѣтній юбилей дня рожденія одного изъ славнѣйшихъ мужей нашего отечества. «Русская Старина» вноситъ лепту въ общую сокровищницу воспоминаній, которыми чтутъ сегодня русскіе люди память достойнѣйшаго изъ своихъ согражданъ.

Предлагаемые нами матеріалы состоятъ: 1) изъ неизданныхъ философскихъ отрывковъ, изъ сочиненія, надъ которымъ трудился Сперанскій въ 1830-хъ годахъ. Собственноручные эти отрывки, вмѣстѣ съ прочими бумагами Сперанскаго, пожертвованы въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1857 г. дочерью покойнаго графа, нынѣ покойною Е. М. Фроловою Багрѣвой. Въ числѣ тѣхъ же бумагъ находятся богословскіе отрывки, подробный дневникъ путешествія Сперанскаго по Сибири, съ 1 марта 1819 года по 8 февраля 1821 г., и большое собраніе писемъ. Дневникъ и письма вошли въ роскошное изданіе особаго сборника, который подъ непосредственною редакціею академика А. Θ. Бычкова — выйдетъ на дняхъ въ свѣтъ. Сборникъ изданъ издвигеніемъ Императорской Публичной Библіотеки; 2) кромѣ философскихъ отрывковъ, весьма обязательно намъ сообщенныхъ А. Θ. Бычковымъ, мы представляемъ нѣкоторыя данныя, не безынтересныя для біографіи Сперанскаго. Онѣ сообщены Ф. В. Карзиннымъ и П. И. Савваитовымъ. Ред.

Происхожденіе понятія объ отношеніяхъ человѣка къ самому себѣ. Есть движенія, въ коихъ человѣкъ властенъ, есть другія, въ коихъ онъ не властенъ.

Но власти нѣтъ, гдѣ нѣтъ повиновенія.

Слѣдственно есть обязанность и есть необходимость въ дѣяніяхъ человѣческихъ.

Отсюда первыя понятія объ отношеніяхъ человѣка къ самому себѣ. Это есть отношенія власти и обязанности.

Есть дѣянія, въ коихъ человѣкъ властенъ и въ коихъ онъ самому себѣ можетъ повиноваться.

Понужденіе и побужденіе. Понуждать есть представлять необходимость—страшить разрушеніемъ бытія.

Побуждать есть возбуждать желаніе добра.

Сильное побужденіе есть то же, что и повелѣніе (jussum). Здѣсь существо повелѣвающее есть идея добра.

Когда сіе повелѣніе есть сообразно съ бытіемъ и пользою другихъ, когда оно уравниваетъ ихъ съ нами, когда предметъ его равно безобиденъ и взаимно и слѣдовательно предполагаетъ добрую ихъ волю и согласіе, когда въ подобномъ случаѣ и мы готовы изъявить имъ равное согласіе, тогда сіе побужденіе есть jussum ex aequo или просто jus.

Слѣдовательно въ правѣ есть двѣ стихіи: 1) я имѣю побужденіе; моя воля возбуждена, я желаю (свобода естественная); 2) я желаю того, что не вредить никому, желаю того, что я дозволилъ бы и другимъ, если бы они того же пожелали прежде меня, желаю не стѣснять ихъ свободы и готовъ то же сдѣлать равно и для нихъ.

О побужденіяхъ. Чтобъ видѣть, должно смотрѣть; чтобъ смотрѣть, должно вникать; чтобъ вникать должно хотѣть, должно быть побужденнымъ; чтобъ быть побужденнымъ, должно обратить вниманіе; чтобъ внимать, должно хотѣть; чтобъ хотѣть, должно имѣть побужденіе и такъ далѣе—кругъ безконечный; гдѣ остановиться?—на побужденіи—побужденіе не предполагаетъ вниманія, какъ аеть воли, но предполагаетъ внимательность, какъ свойство души всегда отверстое, какъ склонность въ вниманію всегда дѣйствующую. Я не потому внимаю побужденію, что хочу ему внимать: но если бы я и не хотѣлъ внимать: то не могу не внимать, я внимаю ему по необходимой силѣ моей: внимательность всегда готова, всегда отверста къ воспріятію побужденій. Тутъ есть физическая необходимость.

Разсмотримъ послѣдствія сей необходимости, изслѣдуемъ ея силу. Внимательность моя занята побужденіемъ; но такъ-ли она имъ занята, объята или наполнена, чтобъ мнѣ не оставалось никакой власти надъ собою, чтобъ побужденіе совершенно мною обладало, чтобъ воля моя не могла не желать.

Есть побужденія сильныя, непреодолимыя и есть слабыя; есть состоянія души, въ коихъ и самыя сильныя побужденія не дѣйствуютъ, и есть другія, въ коихъ и самыя слабыя становятся непреодолимы.

Слѣдовательно не всякое побужденіе обладаетъ внимательностію и не во всякомъ состояніи оно можетъ быть совершенно обладено.

Но отъ чего побужденія одни бываютъ сильны, другія слабы—отъ чего состоянія души бываютъ различны?

Два міра окружаютъ душу и дѣйствуютъ на нее непрерывно.

Внимательность ея непрестанно обращена въ двѣ стороны, во внѣшнюю и внутреннюю—сія послѣдняя именуется отраженіемъ, reflexio.

Никогда внѣшнее побужденіе не приходитъ, не возбудивъ внутренняго, ему соотвѣтствующаго или противоположнаго. Нѣтъ для нея простыхъ побужденій—всѣ сложны; внѣшнему міру всегда есть нѣчто соотвѣтствующее во внутреннемъ, и какъ одинъ звукъ всегда побуждаетъ свою квинту, такъ и въ побужденіяхъ.

Отсюда происходитъ сила или слабость побужденій. Если побужденія міра внѣшняго и внутренняго согласны: тогда сложная сила ихъ бываетъ нарочита и неодолима; напротивъ она бываетъ слаба, когда побужденіе внѣшняго міра противно внутреннему.

Самосозерцательность. Слѣдовательно необходимое дѣйствіе побужденія на внимательность тогда только производитъ необходимое движеніе воли, когда побужденіе объемлетъ совокупно оба ея конца: внутренній и внѣшній.

Внимательность въ человѣкѣ, всегда отверстая ко внѣшнимъ и внутреннимъ побужденіямъ, всегда бываетъ освѣщена разумомъ, то есть, склонность къ измѣненію состояній всегда неразлучна со способностію предвидѣть послѣдствія измѣненій и отношеній ихъ къ благу или злу.

Долгъ. Двѣ есть свободы: свобода отъ принужденія; свобода отъ обязанности.

Та и другая свобода является не въ желаніи добра общаго, но въ выборѣ добра опредѣленнаго. Коренное свойство воли есть: 1) желать вообще добра; 2) быть свободнымъ въ выборѣ особенно опредѣленнаго добра. Быть свободнымъ нетокмо отъ принужденія, но и отъ обязанности.

Она свободна отъ принужденія, когда побужденіе къ выбору опредѣленнаго добра находится не въ чувствахъ, но въ разумѣ или въ согласіи съ разумомъ.

Она свободна отъ обязанности внѣшней, когда желаетъ добра для себя, а не для другихъ.

Она свободна отъ обязанности внутренней, когда желаетъ добра для самого добра, а не для пользы; когда желаетъ добра совершеннаго.

Слѣдовательно есть два долга: внѣшній и внутренній; первый можетъ быть исполненъ, а второй никогда: ибо никогда человѣкъ здѣсь на землѣ не можетъ достигнуть добра совершеннаго—посему онъ всегда состоитъ въ долгу неоплатномъ.

И отъ сего-то долга неоплатнаго заимствуютъ свою силу всѣ другіе долги платимые.

Посему и совершенной свободы на землѣ быть не можетъ. Воля всегда къ ней стремится, но никогда ее не достигаетъ. Одинъ Сынъ можетъ свободить отъ закона.

Но чѣмъ ближе къ Сыну, тѣмъ ближе къ свободѣ—къ самостоятельности.

Желать добра совершеннаго, есть желать самостоятельности.

Но самостоятельность ведетъ также къ Сыну; онъ есть полнота plenitudo (Malah).

Совѣсть. Совѣсть есть преклонность воли, влекущая насъ къ добру совершенному. Все, что способствуетъ сей наклонности принести намъ удовольствіе, рождаетъ въ насъ ощущеніе свободы и достоинства.

Все, что ей противно рождаетъ напротивъ чувство неволи и униженія.

Единство въ триничномъ союзѣ. Въ триничномъ союзѣ есть единство: союзъ съ Богомъ есть отецъ; союзъ съ другими есть сынъ, ибо онъ есть глава единого тѣла; союзъ съ собою есть духъ святой, ибо въ семъ союзѣ человѣкъ есть существо духовное, святое, отдѣльное отъ плоти, всецѣлое.

Ни союзъ съ собою, ни союзъ съ другими, ни союзъ съ Богомъ не возможны отдѣльны; ни отецъ безъ сына, ни сынъ безъ отца, ни духъ безъ сына и отца—невозможны.

Долгъ есть стремленіе къ добру совершенному. Стремленіе къ добру совершенному, поколику оно противодѣйствуетъ другому стремленію къ добру чувственному, настоящему, превращается въ долгъ. Если бы не было противодѣйствія: то не было бы и долга.

А какъ сіе противодѣйствіе почти бываетъ непрестанно, то отсюда и долгъ непрерывенъ, постояненъ.

Правда есть чувство долга нашего къ союзу, къ единству, къ достиженію добра совершеннаго.

Не всякой обязанности противопоставляется право. Есть долгъ безъ права.

Симъ различается долгъ неоплатный отъ платнаго.

Воля два имѣетъ существенныя свойства: свободу и обязанность. Свободѣ данъ разумъ, долгу—совѣсть.

О совѣсти. Совѣсть не есть только сознаніе добра и зла; но удовольствіе или скорбь, и слѣдовательно внутреннее чувство. Разумъ судить о добрѣ и злѣ, но можетъ судить и безъ чувства. Сила сего чувства опредѣляетъ силу совѣсти. Сіе чувство образуется природою, но усовершеншается подобно другимъ чувствамъ, воспитаніемъ, примѣрами и обстоятельствами жизни.

Не на познаніи разума, но на самъ чувствѣ основана нравственность дѣяній. Разумъ ему содѣйствуетъ, но не производитъ. Посему чувство сіе справедливо именуется нравственнымъ.

Сіе-то самое чувство составляетъ обязательную силу такъ-называемаго закона естественнаго; и сіе самое чувство отличаетъ сужденіе разума о добрѣ и злѣ отъ всѣхъ другихъ его опредѣленій, и посему правильнѣе заимствовать самое именованіе сего закона не отъ того, что въ немъ есть общаго со всѣми другими дѣйствіями разума, но отъ отличія его, отъ силы обязательной, отъ чувства естественнаго, и слѣдовательно законъ сей должно именовать нравственнымъ, такъ какъ и вообще вся наука законовѣдѣнія принадлежитъ къ порядку наукъ нравственныхъ, а не наукъ естественныхъ.

Отъ сего и самое понятіе законовъ положительныхъ будетъ правильнѣе и точнѣе. Правило въ законѣ положительномъ есть большею частію то же, что и въ такъ-называемомъ законѣ естественномъ; но обязательная сила не то же. Она не рождается сама собою отъ естественнаго чувства, но устанавливается, полагается извнѣ, и потому-то и законъ именуется положительнымъ.

Симъ пресѣкаются многія смѣшенія въ понятіяхъ, точнѣе опредѣляются и границы сихъ законовъ и свойства науки.

Симъ отсѣкается и то нелѣпое понятіе, что положительные законы не суть законы, челоуѣку естественные, но полагаются однимъ внѣшнимъ произволомъ, тогда, какъ законы сіи основаны на томъ же самомъ разумѣ и слѣдовательно на природѣ, объемлемой въ обширнѣйшемъ ея видѣ, не на отдѣльной ея части, на челоуѣкѣ въ обществѣ, но на челоуѣкѣ въ обществѣ, окруженномъ природою.

Начало смѣшенія здѣсь состоитъ въ томъ, что не различали и не познали точно составныхъ частей закона. Назвали отдѣльнымъ закономъ положительнымъ то, что составляетъ токмо часть силы его обязательной. Наприм. постановленіе о наказаніяхъ за убійство назвали закономъ отдѣльнымъ, тогда какъ оно не есть законъ, но часть закона: не убій. Законъ сей по правилу его есть естественный, но по обязательной его силѣ есть положительный.

Сей же самый законъ именуется и закономъ совѣсти и правды (loi de l'équité).

Совѣсть. Я не угадалъ и не предвидѣлъ будущаго, а могъ предвидѣть—терцію зло. Совѣсть упрекаетъ меня въ легкомысліи или въ невѣжествѣ, хотя бы внѣшнія обстоятельства мои и измѣнились. Я внутренно имѣю сознаніе, что я виноватъ предъ собою.

Слѣдственно совѣсть есть чувство, внутреннее сознаніе вины предъ собою въ недосмотрѣ, въ ошибкѣ разчета. Это относится къ

неудачамъ и злу физическому, уже совершившемуся, уже постигнутому. Но и прежде нежели оно постигнется, внутреннее чувство объемяется страхомъ будущаго, боится, а страхъ есть зло.

Чего же бояться? — Несчастія? — Но если бы я не боялся, не предвидѣлъ несчастія — совѣсть моя молчала ли бы? Но могу ли я не бояться, сдѣлавъ ошибку? Могу. Но могу ли не бояться, расторгнувъ единство, прервавъ союзъ? — Страхъ не есть-ли необходимое послѣдствіе расторженія союза?

Совѣсть обезпечиваетъ разумъ въ измѣреніи взаимности пользы. Что можетъ обезпечить разумъ въ измѣреніи взаимности пользы? — Совѣсть. Совѣсть отдаетъ все за ничто, потому что отдаетъ не чужому, а своему. Самому себѣ.

Совѣсть есть начало вѣры, вѣра есть увѣренность въ пресуществленіи.

Начало истины и правоты. Первый вопросъ при каждомъ измѣненіи души состоитъ въ томъ, есть-ли измѣненіе; второй вопросъ: откуда происходитъ измѣненіе, есть-ли оно мысленное или чувственное, мнимое или дѣйствительное.

Изъ самаго существа перваго вопроса слѣдуетъ, что душа имѣетъ уже понятіе объ истинѣ, когда не можетъ сомнѣваться въ событіи измѣненія. Слѣдственно есть истина въ сознаніи. Изъ втораго вопроса слѣдуетъ, что душа имѣетъ твердое и достовѣрное понятіе о двухъ родахъ состояній, мнимомъ и дѣйствительномъ: иначе не могла бы она исвать въ нихъ различія, не было бы и вопроса. Есть-ли же вопросъ представился: то сіе означаетъ, что опытъ показалъ ей нѣкоторые признаки, раздѣляющіе сіи два состоянія, и сила вопроса состоитъ только въ томъ, чтобы найти сіи признаки въ настоящемъ случаѣ. Слѣдственно душа имѣетъ понятіе объ истинѣ формы, или происхожденіи ея измѣненій.

Третій вопросъ: точно-ли то дѣйствительное состояніе, въ коемъ я нахожусь, есть то самое, въ которомъ я прежде находился, и которое называлъ я извѣстнымъ именовемъ.

Слѣдственно сила третьяго вопроса есть сравнивать два состоянія души съ тѣмъ, чтобы найти ихъ сходство или несходство, чтобы подчинить ихъ одному или двумъ различнымъ именамъ, есть исвать истины. Найти и опредѣлить сіе сходство или сіе различіе есть найти истину.

Доколѣ душа не вопрошаетъ себя, какъ назвать то состояніе, въ коемъ она находится: дотолѣ она токмо чувствуетъ, сознаетъ, что она находится въ семъ состояніи и вмѣстѣ чувствуетъ пріятно-ли оно, или непріятно.

Но какъ скоро она сдѣлаетъ себѣ вопросъ, какъ назвать сіе состояніе, она размышляетъ, она ищетъ истины.

Разсмотримъ сперва побужденіе къ сему вопросу.

Оно состоитъ въ томъ, что не назвавъ сего состоянія нельзя перевести его въ сферу мысленныхъ состояній, нельзя себѣ его присвоить и слѣдственно нельзя имѣть признаковъ, чтобъ избѣгать его на будущее время есть-ли оно неприятно, или чтобъ желать его есть-ли оно пріятно. Слѣдственно побужденіе къ вопросу состоитъ въ свойствѣ души переводить чувствуемныя состоянія въ мысленное, чтобъ присвоить ихъ себѣ, чтобъ обладать ими; а побужденіе къ сему обладанію состоитъ въ томъ, чтобы не быть въ рабствѣ внѣшнихъ предметовъ, чтобы не терпѣть состояній по нуждѣ, чтобы имѣть свободу избирать или отвергать состояніе по своему усмотрѣнію, а не подвергаться имъ по случаю; ибо, есть-ли душа ищетъ измѣненій: то ищетъ потому, что хочетъ быть въ нихъ счастливою, слѣдовательно, она ищетъ измѣненій пріятныхъ, а не прискорбныхъ.

Поступимъ теперь къ тому, какъ разрѣшаетъ душа вопросъ сей.

Налагать каждому состоянію новое имя было бы умножать сферу мысленныхъ состояній до безконечности и не быть въ состояніи обнять ихъ соображеніемъ.

Аеорисмы философскіе и юридическіе Самое высокое понятіе, какое можно дать о человѣкѣ и его судьбѣ есть то, что онъ созданъ по образу и подобию Божію.

Тщетны всѣ усилія древнихъ и новыхъ софистовъ найти выраженіе болѣе общее и болѣе объемлющее: всѣ отвлеченія ихъ подобны лепетанію дѣтей; они стоятъ ниже сего начала, и если они не ложны, то необходимо подчинены ему.

Въ человѣкѣ благоволилъ Всевышній явить, выразить, напечатлѣть образъ и подобіе своей неизмѣняемой вѣчности (*absoluti*).

Здѣсь, въ семъ образѣ и подобіи Божіемъ заключаются разумъ, свобода воли и любовь, три силы въ одномъ началѣ бытія всесовершеннаго нераздѣльно соединенныя.

Предметъ разума есть истина, познаніе сущности вещей, то есть познаніе того, что въ вещахъ есть непреложнаго, совершеннаго.

Предметъ воли есть желаніе сего совершенства.

Предметъ любви есть наслажденіе имъ, гдѣ бы оно ни находилось, безъ присвоенія.

Отсюда разумъ и свобода воли или власть надъ собою.

Отсюда безконечныя желанія и стремленіе къ совершенству.

Совершенство въ вещахъ есть истина, въ дѣянiяхъ—правда.

Человѣкъ ищетъ истины, когда ищетъ того, что въ вещахъ есть непрѣмѣннаго среди всѣхъ измѣненiй.

Онъ ищетъ правды, когда ищетъ въ дѣянiяхъ одной общей, неизмѣняемой цѣли. Сiя цѣль есть польза всеобщая безъ всякой прiимѣяемой корысти.

Въ немъ начинается перевѣсъ совершеннаго надъ относительнымъ, духа надъ плотiю, вѣчнаго надъ временнымъ, безконечнаго надъ личнымъ.

Сколько естественно человѣку исканiе истины, столько свойственно стремленiе къ правдѣ.

Помраченiе разума и заблужденiе воли не опровергаютъ, но доказываютъ сiя свойства, какъ изъятiе утверждаетъ бытiе правила.

Двойная необходимость: бытiе и счастье, être et bien-être.

Человѣкъ покоренъ двумъ законамъ природы: закону бытiя и закону усовершенiя: онъ хочетъ не токмо быть, но и быть счастливымъ.

Если бы человѣку не были даны силы къ достиженiю совершенства: то не было бы вмѣняемости. Слѣдовательно главный вопросъ:—достаточны-ли сiя силы? — Отвѣтъ:—онъ созданъ съ перевѣсомъ de l'absolu, то-есть, его разумъ можетъ найти истину въ вещахъ и сохранить правду въ побужденiяхъ.

Сiя-то силы и достаточность ихъ выражаются свободою.

Всѣ дѣянiя человѣка получаютъ два направленiя: пользу и добро нравственное.

Польза—добро нравственное съ присвоенiемъ.

Нравственное добро есть польза безъ присвоенiя;—гдѣ я ничтожно.

Степень безкорыстiя есть степень правды.

Склоненiе къ себѣ есть отвлеченiе отъ общаго, есть неравенство, inéquité, — равенство aequum, — оно есть отступленiе отъ главнаго пути, отъ направленiя, отъ правила, отъ правды. — Сiе главное, общее направленiе есть правда, путь прямой, правый.

Онъ правильнымъ или правымъ называется потому, что для всѣхъ общiй; въ немъ всѣ сходятся, conveniunt, путь согласiя, и всѣ вмѣстѣ идти могутъ; тогда какъ всѣ другiе пути непрѣмѣнно расходятся, каждый ведетъ къ своей цѣли. Слѣдовательно для всякаго другаго мой путь не есть правый, истинный, вѣрный: иди имъ онъ непрѣмѣнно отойдетъ отъ своей цѣли и придетъ не туда, куда жемаль, ибо придетъ къ моей цѣли.

Il y a deux sorte de liberté tout-à-fait distinctes: absolue et relative.

Le principe de la liberté absolue est l'indéstructibilité de l'esprit; c'est la liberté des enfans de Dieu.

Le principe de la liberté relative est la prépondérance de la raison sur le sens; de l'absolu sur le relative; de l'infini sur le fini; de la Nature spirituelle, sur la Nature sensitive; prépondérance cependant, qui ne va pas jusqu'au sacrifice de l'existence et qui disparaît en présence de cette nécessité.

Ainsi les actes sont affranchis d'une nécessité relative; mais pas d'une nécessité absolue.

Le contrat social est libre dans le premier sens, mais non pas dans le second.

—
L'homme du temps et l'homme de l'éternité.

—
Добрая нравственность есть согласие права съ долгомъ.
Худая—есть борьба.

—
Какъ желанія образуются посредствомъ свободы; такъ склонности сопровождаются долгомъ.

—
Три состоянія политическихъ:

Подданство.	}	Дворяне. Духовенство. Горожане. Сельскіе обитатели.	}	Власть Самодержавная.
-------------	---	--	---	-----------------------

Крѣпость,—собственность лица { власть вотчинная.
Рабство,—никакой собственности { господство.

—
Les lois de la morale = l'autorité morale.

L'autorité morale = raison universelle.

Les lois Constitutionnelles = основные законы.

Lois administratives = уставы.

Lois politiques = органиques, учреждения.

—
Храни союзъ,—храни объѣтъ = будь тѣмъ сегодня, чѣмъ ты былъ вчера.

— Для чего? — Это условіе сохраненія твоего совмѣстнаго бытія и его усовершенія.

Всякій союзъ основанъ на совмѣстномъ бытіи.

Сохраненіе бытія основано на совмѣстности.

Совмѣстность бытія есть уже союзъ.

NB. Le droit est sacré parceque l'existence de l'homme est sacrée.
Каждый союзъ есть видъ союза бытія.

—
Что истина для разума: то добро—для воли.

Истина есть существо вещей; добро есть устройство и усовершеніе бытія.

Но сохранить и усовершеннть бытіе она не можетъ безъ союза.

Слѣдовательно, воля, желая добра, должна желать союза.

—
Право государственное различается отъ права гражданскаго тѣмъ:

1) Что цѣль его не въ немъ самомъ, но внѣ его. — Оно есть власть, установленная для защиты другой власти.

2) Что оно располагаетъ не своими собственными, но присвоенными ему силами.

3) Что оно само себя защищаетъ и охраняетъ, между тѣмъ какъ право гражданское имъ защищается и охраняется, воспрещая себѣ самоуправство. Право государственное всегда есть власть верховная (*imperium*), а право гражданское есть просто власть (*potestas*).

Между *jus* и *imperium* есть та разность, что *jus* всегда основано на предъидущемъ законѣ, а въ *imperium* законъ предшествуетъ праву; во право самое есть законъ; то-есть, лицо, коему ввѣрено *imperium*, имѣетъ и власть законодательную; напротивъ *in jure* власть законодательная имѣетъ свои установленія, различныя отъ власти правительственной. — Слѣдовательно, *imperium* есть соединеніе власти законодательной и правительственной въ одномъ лицѣ: — это самодержавіе.

Для природы есть одно направленіе; для всѣхъ есть два: быть въ союзѣ — и безъ союза. Жить одному, для себя — и жить совокупно, для себя и для другихъ.

Воля имѣетъ два состоянія: равнодушіе и независимость. — Противоположное первому есть состояніе склонности; второму, — состояніе обязанности. Воля рѣдко бываетъ въ двухъ первыяхъ; чаще въ послѣднихъ, а еще чаще въ первомъ, нежели во второмъ. Правомъ опредѣляется состояніе движениіи воли.

Всѣ силы воли суть силы нравственныя; воля имѣетъ двѣ силы и два состоянія. Одни изъ нихъ содѣйствуютъ въ составленіи правовъ; другія въ образованіи ихъ. Первыя суть: произвольность и свобода; безъ нихъ нѣтъ права.

Вторыя суть обязанности воли.

Каковы обязанности, каково чувство долга: таковъ и нравъ.

Чувство или сознание долга можетъ быть сильно или слабо; самый долгъ можетъ быть истинный или ложный. Слѣдовательно, чтобы нравы были добры, надобно: 1) чтобы долгъ былъ истинный. 2) Чтобы чувство его было сильно, дабы содержать склонности въ ихъ направленіи и отражать противныя побужденія.

Когда и какъ долгъ бываетъ истиннымъ? Долгъ отъ союза; — когда союзъ есть добръ: тогда и долгъ истиненъ.

Союзъ добръ, когда онъ основанъ на любви; — злъ, когда основанъ на самолюбіи: ибо первый союзъ основывается на совмѣстности бытія; второй, — на исключительности; а добро есть сохраненіе бытія.

Афоризмы юридическіе и богословскіе. *La vie de l'homme sur la terre se compose de deux élémens: il y a 1) une existence intégrale et 2) une existence individuelle ou partielle.*

Toutes les fois qu'il agit dans l'intérêt momentané d'une partie de son être, sans avoir égard aux autres, il ne jouit que d'une existence individuelle.

Les actions, au contraire, qu'il entreprend par les déterminations combinées de tout l'ensemble de son être, de sa nature, de tous ses rapports, dans lesquels il est placé, appartiennent à son existence intégrale.

De ces deux élémens de la vie de l'homme l'existence intégrale (et primordiale), et la seule conforme à sa destination primordiale, c'est celle qui a été primitive.

I. Человѣкъ можетъ поступать по правиламъ разума, а не по однимъ впечатлѣніямъ; въ семъ состоитъ свобода воли. Она есть сила превозможенія правила надъ чувствами; — изъятіе отъ принужденія.

II. Правилами образуются склонности или нравы; въ семъ состоитъ нравственность дѣяній.

III. Правила, а слѣдовательно, и нравственность могутъ быть худы или добры.

IV. Достоинство правилъ, и слѣдовательно, нравственности, опредѣляется сообразностію ихъ съ бытіемъ человѣка.

V. Нравственное бытіе есть двойко: отдѣльное и совокупное.

Свойства бытія того и другаго.

I. Человѣкъ есть существо нравственное, то есть, имѣющее свободу и потому могущее себя вести не по однимъ чувственнымъ впечатлѣніямъ, но и по склонностямъ, кои болѣе или менѣе имъ же самимъ и образуются; сіи склонности называются нравами.

II. Правила сперва суть истины; потомъ, когда разумъ ихъ одобритъ къ исполненію, тогда они превращаются въ предметъ желаній, составляютъ склонности, нравы.

Когда истина превращается въ правило поведения: тогда она становится долгомъ, и не требуетъ уже побуждений.

Всякое желаніе неисполненное, есть долгъ; но въ особенности долгомъ называется желаніе, основанное на правдѣ.

Совокупная сообразность всѣхъ нравственныхъ уваженій въ правилѣ поведения, есть правда.

Сообразная совокупность всѣхъ законовъ природы, въ какомъ-либо предложеніи отрицательномъ или утвердительномъ, есть истина. Если хотя и одинъ законъ противенъ или несогласенъ, то предложеніе есть ложно.

—

Не союзъ общественный, но право державное основано на договорѣ, на присягѣ.

Присяга есть договоръ, коего запитіе есть вѣчное осужденіе.

—

Всѣ спасаются благодатию, то есть, одинъ никто самъ собою спастись не можетъ; спасаютъ его другіе, соединяясь съ нимъ во Христѣ. Христосъ спасаетъ; сіе соединеніе изображается помазаніемъ.

—

Ходи предо мною и будь непороченъ. Живи въ моемъ присутствіи, созерцай и будь весь въ общемъ союзѣ, absolute, integer, la vie integrale, consumatio; будь моею славою.

—

Жизнь Божія есть слава. Жизнь отдѣльная, жизнь въ самомъ себѣ, есть жизнь ложная, болѣзнь въ тѣлѣ; истинная жизнь есть жизнь въ другомъ.

—

Жить есть:

1) Assimilare, se reproduire; таинственная сила сѣмени строить себѣ тѣло.

2) Werden, состоять, искать состоянія, измѣненія своихъ чувствованій, быть чѣмъ-нибудь; это дѣло души и дѣло духа; душа, коей существо есть измѣняться съ измѣненіями природы: быть зеркаломъ; дѣло духа, который непрестанно ищетъ что-нибудь сознать.

Богъ не живетъ первою жизнію потому, что онъ не умалается, и слѣдовательно, не можетъ себя воспроизводить.

Но живѣ Господь; Онъ живетъ второю жизнію: Онъ есть любовь; а предметъ любви въ другомъ; Онъ есть Духъ, а духу свойственно сознать, все сознаваемое, все возможное; а какъ міръ возможенъ, то бытіе его есть потребность духа столько же, какъ и потребность любви.

Сообщ. академикъ А. Ф. Вычшовъ.

II.

Дополненіе къ вчерашнему разговору.

1796.

Послѣ этого заголовка должны слѣдовать мѣсяць, число и годъ, когда написано было ниже помѣщаемое стихотвореніе, которое въ 1842 году списалъ я въ Новгородѣ у одного изъ учениковъ М. М. Сперанскаго. Къ сожалѣнію, этотъ списокъ затерялся гдѣ-то; въ памяти же удержались только тѣ стихи, которые сообщаются здѣсь. Самый разговоръ между Сперанскимъ и другомъ его П. А. Словцовымъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1796 году должна была рѣшиться судьба Сперанскаго: ему приходилось или согласиться на убѣжденія митрополита Гавріила вступить въ монашество, или послѣдовать предложенію вн. Куракина выйти въ свѣтское званіе. Изъ предлагаемаго стихотворенія видно, что чрезъ вступленіе въ монашество открывалось Сперанскому очень близкое архіерейство, которое, кажется, не могло не льстить 25-лѣтнему префекту александроневской семинаріи. Съ другой стороны и предложеніе вн. Куракина занять должность въ генераль-прокурорской канцеляріи представляло Сперанскому пріятныя виды въ будущемъ. Все это, конечно, заставляло Сперанскаго немного подумать о своемъ положеніи и о своей будущности, сообразить выгоды и невзгоды, какія могли встрѣтиться ему на томъ или другомъ жизненномъ пути, и—своими думами подѣлиться съ своимъ другомъ.

Петръ Словцовъ, учитель въ тобольской и петербургской семинаріяхъ; въ первой училъ онъ философіи. Двѣ проповѣди его выставлены были завистію какъ доказательство тому, что онъ вольнодумецъ и человѣкъ вредный юношеству; посему послали его въ Валаамскій монастырь; настоятель донесъ о его жизни и образѣ мыслей съ самой лучшей стороны и его освободили. Слѣдовавшая затѣмъ служба у министра финансовъ опять прервана была неожиданно; графъ Румянцовъ вполнѣ цѣнилъ высокія дарованія и честность его; но, самъ безкорыстный, Словцовъ считалъ и всѣхъ подчиненныхъ безкорыстными. Слѣдствіемъ было то, что по высочайшей волѣ 6-го мая 1808 г. отправленъ онъ былъ на службу въ штатъ Сибирскаго генераль-губернатора. Здѣсь (съ 1815 г.) онъ былъ директоромъ гимназій, потомъ (до 1829 г.) визитаторомъ всѣхъ учебныхъ заведеній Сибири. Сперанскій былъ другомъ его до гроба. Это былъ одинъ изъ людей необыкновенныхъ († 1843 г.).

О Словцовѣ въ „Москвитанинѣ“ 1844 г. ч. 5, 385. ч. 6, 220. Со-

чиненія его: а) Похвальное слово царю Іоанну Васильевичу. Спб. 1807 г. б) Похвальное слово Минину и Пожарскому, Спб. 1806 г. в) Прогулка вокругъ Tobольска, М. 1834 г. г) Два Сципіона Африканскіе, М. 1835 г. д) Историческое обозрѣніе Сибири, ч. 1. 1838 г. Вторая часть вышла уже послѣ смерти его, Спб. 1844 г. е) Письма изъ Сибири въ 1814 г., Казань. 1815 г., весьма любопытны. ж) Въ рук. остается описаніе Черноморскаго края.

П. И. Саввантовъ.

Полно, другъ, съ фортуною считаться
И казать ей философскій взоръ;
Время съ разсужденіемъ разстаться,
Если счастье катитъ на дворъ.

Вѣтеръ вѣетъ вамъ благополучный:
Для чего-жъ сидѣть бы въ заперти?
Для чего вдаваться мысли скучной,
Что застанетъ буря на пути?

.....
Панагія хоть и на груди;
Вѣчно сердце станетъ биться,
Хоть себя крестъ-на-крестъ огради.

Пестра мантия съ златыми рясы
Хоть покроютъ стать твою и ходъ,
Но закроютъ-ли глаза невластны
Отъ плутовокъ-набожныхъ красоть,

Коя въ церковь съ полными грудями
Ходятъ показаться женихамъ,
И, предъ образомъ курясь духами,
Отъ сердецъ приѣмлютъ фиміамъ?

Полно, другъ мой, мыслями ристаться;
Полно, сидя съ книгой, умъ копить;
Время, время съ пристанью разстаться
И по вѣтру парусъ распустить.

Какъ гальботъ твой по зыбямъ помчится,
Такъ причаль за бортъ и мой челнокъ.
Если валъ девятый и случится,
То ударъ мнѣ съ боку, чай, легокъ.

П. Словцовъ.

III.

Письмо В. Н. Каразина къ М. М. Сперанскому *).

Христось Воскресе! Подъ симъ заглавіемъ, всякой пишущій можетъ почитать себя равнымъ съ тѣмъ, кому онъ пишетъ. И для того я спѣшу пользоваться столь благопріятнымъ временемъ, дабы не быть въ необходимости употреблять титуловъ милостиваго государя и превосходительства, которые, не знаю почему, дики для моего сердца писавши къ вамъ Михайло Михайловичъ!

Мы были друзья нѣкогда. Не одно письмо отъ васъ я храню: гдѣ вы меня... и единственнымъ, душевнымъ другомъ называете. Отъ чего все это перемѣнилось, и до такой крайности? (я разумѣю здѣсь не молчаніе ваше на какое-нибудь одно или два мои письма, между вами и Магницкими я умѣю дѣлать различіе; но напоминаю себѣ обѣдъ въ домѣ вашемъ, при которомъ я только у стола былъ, и при которомъ я увидѣлъ впервые, что вы меня изъ остатка лишь пристойности у себя терпите.) Отчего?... видно надобно искать тому причины въ обстоятельствахъ. Тщетно я ищу ея въ самомъ себѣ. Я могъ быть легкомысленъ, затѣйливъ, и пр. и пр. Но чоренъ, или съ другой какой стороны недостоянъ прежнихъ чувствованій вашихъ!... никогда.

Было время, въ которое чрезъ меня же о васъ, т. е. о истинныхъ вашихъ достоинствахъ **) едва-ль не впервые свѣдали: ибо я смѣлъ говорить о васъ съ тѣмъ жаромъ, къ которому дружба лишь способна, когда меня спрашивали о связяхъ моихъ. Это впротчемъ, какъ было до нынѣ, такъ и будетъ только одному Богу извѣстно.

Теперь дѣло не о томъ. Вы многомогущи; я имѣю прямую нужду въ пособіи.

Почестей и значенія мнѣ не надобно. До нынѣ, какъ вы видите, бывъ на свободѣ, и имѣя способности сдѣлать себѣ имя, я и тѣмъ не занимаюсь. Я ищу только безопасность семейственной жизни: и ея имѣть я не могу съ моими тяжкими долгами. Нажилъ я ихъ, не картами, не позорною жизнію, но предпріятіями въ пользу края моего рожденія и другими, вамъ извѣстными: такими, скажу опять, кои могутъ быть необдуманны, маловозможны и пр. и пр., но злонамѣренны, или низки!.. нивогда Меня бросили на площади безъ всякаго милосердія! я издерживалъ на все, про все собственныя деньги,

*) Письма и сочиненія В. Н. Каразина см. въ „Русской Старинѣ“, изд. 1870 г., т. II, стр. 307—313; 532—566; изд. 1871 г., т. III, стр. 16—38; 330—335; 335—366; 700—718; 718—719; 719—722; т. IV, 68—79.

**) Не о лицѣ, которое конечно было уже извѣстно.

нахватывая ихъ гдѣ только могъ. Но послѣ моей отставки, насилу, изъ милости, выпросилъ мнѣ доброй князь Чарторыскій столько, чтобъ я могъ выѣхать изъ Петербурга, и въ тому, въ дополненіе, принужденъ я былъ еще заложить послѣдній перстень.

„До тебя-ли теперь?“ слышу. Вы не даете мнѣ договорить. Все знаю! но я вѣдь не подаюнія прошу. Я представилъ проектъ технической, полезной государству, можетъ быть полезнѣе всѣхъ тѣхъ, которые представлены были когда-нибудь. Вы можете узнать о немъ отъ Ив. Ив. Бахтина. Прося помощи не чрезвычайной, общей, изъ суммъ на этотъ предметъ нарочно назначенныхъ, я даю въ залогъ мое имѣніе, втрое стоящее сей суммы. Доказываю, что это вѣроятно. Вижу, что не сомнѣваются: но... хотять, требуютъ, чтобъ я открылъ весь мой секретъ. Какъ мнѣ рисковать имъ? Какъ мнѣ, не въ состояніи бывши надѣяться, что тѣже люди, до окончанія сего дѣла усидятъ на мѣстахъ, рисковать послѣднимъ средствомъ, которое мнѣ (въ случаѣ отказа) помощь отъ частныхъ людей доставить обѣщаетъ?

Можетъ быть довольно одного только вашего слова. Заставьте ихъ не искать затрудненія тамъ, гдѣ быть его не должно.

Ради Бога! позовите къ себѣ добраго моего Ивана Ивановича нарочно для меня. Поговорите съ нимъ съ четверть часа: отъ него вы узнаете и это, — и болѣе. Вѣроятно найдутся и другія средства, столько-жъ благородныя, помочъ мнѣ. Лишь бы не служба, для которой я не гожусь, и которая для меня не надобна. (Исключая развѣ со временемъ одна ученая часть, и въ томъ мѣстѣ, которое я основалъ; и для того только, чтобы сколько-нибудь поправить испорченное).

Я васъ не убѣждаю. Да и что помогло-бы тутъ мое убѣжденіе!

Вы знаете исторію аглицкой Елисаветы и графа д'Ессекса. Елисавета — вы, Ессекс — я; а письмо это то кольцо, которымъ онъ бы могъ спасти себя, еслибы послалъ его. Я его посылаю.

Если я писалъ только къ тайному совѣтнику, etc. etc. etc., а не къ человѣку... Богъ съ вами!

Апрѣля 18, 1810. Москва.

Примѣчаніе. Вас. Наз. просилъ пособія на учрежденіе селитровареннаго завода по новому, имъ открытому способу, общавшему значительное удешевленіе селитры, производствомъ которой и поставкой въ казну тогда особенно занимались въ Малороссіи. Надѣялся, что не откажутъ по примѣру тому, какъ не отказали его тестю, Бланкеннагелю, просившему также пособія отъ казны на учрежденіе перваго въ Россіи свекло-сахарнаго завода. Объ акціонерныхъ компаніяхъ тогда и думать нельзя было, особливо человѣку безъ денежныхъ средствъ и покровительства. Письмо осталось безъ отвѣта. Послано было страховымъ.

Сообщ. Ф. В. Каравинъ.

6*

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Изъ черновыхъ его тетрадей.

I.

Жалобы турка.

(Письмо къ другу иностранцу).

Ты зналъ ли дикій край подъ знойными лучами,
Гдѣ рощи и луга поблещіе цвѣтутъ?
Гдѣ хитрость и безпечность злобѣ дань несутъ?
Гдѣ сердце жителей волнуемо страстями?
И гдѣ являются порой,
Умы и хладныя, и твердыя, какъ камень?
Но мощь ихъ давится безпрерывной тоской
И рано заснетъ въ нихъ добра спокойный пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за успѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!...
Другъ! этотъ край.... моя отчина!

II.

Къ Нэерѣ.

Скажи для чего передъ нами
Ты въ кудри вплетаешь цвѣты?
Себя-ль украшаешь ты розой
Прелестной, минутной какъ ты?
Зачѣмъ приводить намъ на память,
Что могутъ ланиты твои
Увანуть, что взоръ твой забудетъ
Восторги надеждъ и любви?
Дивлюсь я тебѣ: равнодушно,
Безпечно ты смотришь впередъ;
Смѣешься надъ временемъ, будто
Нэеру оно обойдетъ.
Ужель ты безумнымъ несельемъ
Прогнать только хочешь порой
Грядущего тѣни? Ужели
Чужда ты неселью души?
Пять лѣтъ протекутъ: ни лобзаньемъ,
Ни сладкой улыбкою глазъ
Къ себѣ на душистое ложе
Опять не заманишь ты насъ.
О! лучше умри поскорѣе
Чтобъ юной красавецъ свазалъ:
«Кто былъ этой дѣвы милѣе?
«Кто раньше ее умиралъ?»

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА,

ИЛИ

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА

Н. В. ГОГОЛЯ.

НОВЫЕ ОТРЫВКИ И ВАРЬЯНТЫ.

Издаваемые нынѣ отрывки и варианты — относятся ко второму тому «Мертвыхъ Душъ». Этотъ томъ, какъ извѣстно, составлялся въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ 1845 году Гоголь подвергнулъ его первому сожженію. Затѣмъ, вновь написанный, онъ выдерживалъ безконечныя поправки и дополненія. Лѣтомъ 1851 г. трудъ былъ оконченъ, осенью авторъ готовился приступить къ издавію, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя — бросилъ его въ огонь вмѣстѣ съ черновыми набросками третьяго тома.

Кое-что однако уцѣлѣло: то были пять главъ второго тома. Онѣ изданы впервые въ 1855 году, племянникомъ Гоголя, Н. П. Трушковскимъ.

«Первая глава второго тома «Мертвыхъ Душъ» — пишетъ издатель въ предисловіи — сохранилась вся и болѣе другихъ подверглась поправкамъ и передѣлкамъ автора. Извѣстно, что она была впоследствии совсѣмъ обработана; въ такомъ видѣ авторъ читалъ ее нѣкоторымъ изъ своихъ друзей; онъ самъ говорилъ зимою 1850 года, что «съ первой главы туманъ сошелъ». Въ августѣ 1851 года Гоголь прочелъ С. П. Шевыреву шесть главъ совершенно оконченныхъ къ печати, и седьмую почти готовую.

«Начало первой главы: описаніе деревни Тентетникова (какъ и вообще всѣ описанныя мѣстности), за тѣмъ воспитаніе Тентетникова въ школѣ, поступленіе его на службу, поправлено и передѣлано столько разъ, что даже трудно рѣшить, что именно слѣдуетъ выбирать. Наконецъ портретъ Улянки только набросанъ, — говорятъ, что очеркъ ея былъ удивительный, — сама слова даже не дописаны; можетъ быть изъ этого именно очерка предстала-бы потомъ, какъ самъ авторъ общалъ въ 1-й части своей поэмы, та чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія.» — Вторая глава прервана въ самомъ интересномъ мѣстѣ, когда слѣдуетъ примиреніе генерала съ Тентетниковымъ и разговоръ ихъ о 1812 годѣ; да и въ самомъ разговорѣ генерала съ Чичиковымъ, по разговорамъ слышавшихъ чтеніе самого автора, недостаетъ многого»....

Въ 1857 году, въ Петербургѣ вышло собраніе сочиненій и писемъ Н. В. Гоголя — въ изданіи П. А. Кулиша. Въ четвертомъ томѣ помѣщены обѣ части «Мертвыхъ Душъ». Въ предисловіи ко второй — издатель пишетъ слѣдующее:

«Н. П. Трушковскій, въ предисловіи своемъ къ изданному имъ впервые второму тому «Мертвыхъ Душъ», говоритъ, что сочиненіе это дошло до насъ въ «черновыхъ, давнишнихъ тетрадахъ, нечаяннымъ образомъ уцѣлѣвшихъ отъ сожженія». Но тетрадей, заключающихъ въ себѣ продолженіе «Мертвыхъ Душъ», нельзя назвать черновыми, въ собственномъ смыслѣ слова. Онѣ были

тщательно списаны самим Гоголемъ съ предшествовавшей имъ черновой рукописи *), и потомъ уже испещрены множествомъ разновременныхъ поправокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передѣланы цѣлыя листы и страницы (рукопись на почтовой бумагѣ, листового формата), въ другихъ прибавлены новыя, или измѣнены старыя строки, фразы и слова; однѣ поправки сдѣланы при перепискѣ текста, другія по готовой уже рукописи; однѣ — одновременно, другія — въ нѣсколько приемовъ и разными червилами: черными, блѣдыми, рыжими, а мѣстами и карандашомъ. Изъ всего этого видно, что Гоголь много разъ принимался исправлять и передѣлывать свое сочиненіе»....

Г. Кулишъ напечаталъ въ своемъ изданіи второй томъ «Мертвыхъ Душъ» въ двойномъ видѣ: «сначала такъ, какъ онъ былъ переписанъ набѣло рукою Гоголя, а потомъ въ томъ видѣ, въ какомъ Гоголь желалъ представить его публикѣ».

Въ послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Гоголя, исполненныхъ его наследниками (М. изд. 1862 г.—4 тома и послѣднее М. 1867 г.—4 т.) вторая часть «Мертвыхъ Душъ» напечатана дословно такъ, какъ и въ изданіи г. Кулиша.

Представляемые нами отрывки составляютъ часть варьянты, частью дополненія тѣхъ списковъ первыхъ главъ второго тома «Мертвыхъ Душъ», которыя до сихъ поръ найдены и изданы.

Отрывки эти сохранились въ рукописи, принадлежавшей другу и товарищу Гоголя по воспитанію въ Нѣжинскомъ лицей, Николаю Яковлевичу Прокоповичу (ум. въ 1857 г.). Рукопись (въ 4-ю долю) подарена была Прокоповичемъ на память его сослуживцу по преподаванію въ I-мъ кадетскомъ корпусѣ полковнику Н. Ф. Я—му. Полковникъ, живя впоследствии въ губернскомъ городѣ Могилевѣ, познакомился съ директоромъ училищъ Могилевской губерліи—Михиломъ Максимовичемъ Богоявленскимъ и, по его просьбѣ, охотно позволялъ снять точную копію съ своего манускрипта.

Эту кошію М. М. Богоявленскій, — нынѣ директоръ С.-Петербургскаго коммерческаго училища, — весьма обязательно предоставилъ намъ напечатать на страницахъ «Русской Старины».

По тщательномъ сличеніи печатаемаго списка г. Богоявленскаго съ изданіями II-го тома «Мертвыхъ Душъ», въ рукописи оказываются слѣдующія главнѣйшія разности:

1) Совершенно новыя эпизоды: въ разсказѣ о службѣ Тентетникова, именно столкновение съ начальникомъ отдѣленія Лвницкимъ и арестъ Тентетникова.

2) Разсказъ дяди Тентетникова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ и его съ нимъ обращеніи.

3) Рѣчь Тентетникова къ крестьянамъ и крестьянкамъ, по приѣздѣ въ деревню и разсужденіе мужиковъ и бабъ о баринѣ.

4) За исключеніемъ этихъ трехъ эпизодовъ, не вошедшихъ въ печатныя изданія, весь разсказъ о жизни Тентетникова въ деревнѣ переданъ въ рукописи противъ печатнаго значительно короче, причемъ во многихъ словахъ и цѣлыхъ оборотахъ встрѣчаются разности противъ соответственныхъ мѣстъ въ изданіяхъ.

5) Во II-й главѣ—въ рукописи совершенно новыя мѣста: размышленія Пет-

*) Кроме послѣднихъ листовъ, которые переписаны наскоро, или написаны начерно.

рищева о службѣ и о «подлецахъ», которые ее продолжают; замѣчаніе его о Михайловскомъ-Данилевскомъ и др.

6) Сватовство Чичикова у генерала Бетрищева его дочери Улиньки за Тентетникова.

7) Обѣдъ Чичикова у Бетрищева.

8) Возвращеніе Чичикова къ Тентетникову; рассказъ его о визитѣ Бетрищеву, о сватовствѣ, объ исторіи генераловъ. Тентетниковъ принимаетъ на себя роль исторіографа и ѣдетъ съ Чичиковымъ къ Бетрищеву. Примиреніе.

9) Въ прочихъ мѣстахъ II-й главы рукопись представляетъ разности противъ изданій въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ.

10) Въ III-й главѣ рукопись имѣетъ ненапечатанныя подробности о предъобѣденной закускѣ у Пѣтуха, и сонъ Чичикова; прочія затѣмъ мѣста этой главы отличаются отъ изданій 1855, 1857 и слѣдующихъ гг. только нѣкоторыми словами и выраженіями, но эти различія хотя и маловажны встрѣчаются во многихъ мѣстахъ.

Всѣ указанные нами — небывшіе еще въ печати отрывки — незначительны по объему, но въ нихъ искрится неподражаемый, умершій съ Гоголемъ юморъ, поразительная мѣткость выраженія и художественное воспроизведеніе лицъ, мѣстностей, всего, до чего только касалась кисть гениальнаго мастера. — Независимо отъ этого даже мельчайшіе варианты въ сочиненіяхъ Гоголя для каждаго изъ его почитателей — а таковы всѣ грамотные русскіе — интересны уже потому, что они знакомятъ насъ съ процессомъ творчества безсмертнаго художника.

Долгомъ считаемъ поблагодарить М. М. Богоявленскаго за его сообщеніе.

Ред.

ГЛАВА I.

(Начало главы въ рукописи совершенно сходно съ печатнымъ, то-есть: обращеніе къ самому себѣ: почему авторъ все описываетъ «бѣдность, да несовершенство нашей жизни», затѣмъ великолѣпный очеркъ великорусской природы, описаніе имѣнія Тентетникова, видъ съ балкона; обрисовка Тентетникова, отамъ о немъ генерала Бетрищева и др., наконецъ описаніе дня изъ жизни Тентетникова... далѣе въ рукописи слѣдуетъ):

... Что же дѣлалось потомъ до самаго ужина, право, уже и сказать трудно. Кажется, просто, ничего не дѣлалось. Развѣ что подержалось (sic) на колѣняхъ смазливую Палашку или Авдотку, приходившихъ въ спальню для уборки комнаты. И вотъ какъ проводилъ время одинъ одишешенецъ, молодой тридцати-трехъ-лѣтній человекъ: сидѣлъ сиднемъ, въ халатѣ и безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться наверхъ, не хотѣлось растворить окна и впустить свѣжаго воздуха въ комнату. И прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой гость-посѣтитель, ровно не существовалъ для самого хозяина. Изъ этого видно, что Андр. Ив. Тентетниковъ принадлежалъ къ семейству людей, которыхъ имена прежде были: увальни, лежебоки, бай-

баки, а которых теперь называют: мыслителями, умозрителями, философами. Родятся ли уже сами собою такіе характеры или образуются потомъ?—Андрей Ивановичъ родился лежебокомъ, байбакомъ. Сынъ достаточныхъ родителей, до десяти лѣтъ прозябалъ дома. Десяти лѣтъ, потерявъ родителей, попалъ въ заведеніе какого-то Теодора Ивановича, усерднаго, но крайне неспособнаго человѣка.

Онъ бился изъ того только, чтобы въ его заведеніи читалось какъ можно болѣе курсовъ, и какъ можно пространнѣе. И Боже мой, чего тамъ ни читалось. И физика, и химія и всѣ отрасли естественной исторіи, и физиологія, и сравнительная анатомія, и логика, и метафизика, и наконецъ, верхъ всего — всеобщая исторія человѣчества. Эту исторію человѣчества излагали въ такомъ обширномъ размѣрѣ, что въ три года профессоръ едва успѣвалъ прочесть введеніе, да развитіе общихъ казихъ-то нѣмецкихъ городовъ. Вся эта галиматья слушалась всѣми воспитанниками заведенія, слушалась и Андреемъ Ивановичемъ, слушалась и оставалась въ головѣ какъ-то безобразными клочками. Кончилось ученіе—Андрей Ивановичъ рѣшился вступить въ службу, и не взглянувши на прекрасный родной уголокъ, такъ поражающій всякаго гостя-посѣтителя, не поклонившись праху своихъ родителей, понесся въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится со всѣхъ сторонъ Россія наша молодежь — служить, выслуживаться, или просто схватывать верхушки бездѣтнаго, холоднаго какъ ледъ, общественнаго, обманчиваго образованія. По протекціи дяди, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Онуфрія Ивановича, опредѣлился, впрочемъ съ большимъ трудомъ, въ какой-то департаментъ.

Скоро Тентетниковъ свыкся со службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ полагалъ-было вначалѣ, но чѣмъ-то второстепеннымъ. Она служила ему распредѣленіемъ времени. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, дослужившійся до этого чина сорокалѣтнею безпорочною службою, за что и получалъ золоченную, съ лавровымъ вѣнкомъ, пряжку, съ цифрами XL, которую носилъ на груди вмѣстѣ съ дворянскою медалью и Владиміромъ 4-й степени, съ надписью за 35 лѣтъ, дядя радовался успѣхамъ племянника, который, черезъ шесть мѣсяцевъ службы, получилъ чинъ губернскаго секретаря. (Дядя служилъ четыре года прежде чѣмъ попалъ въ 14-й классъ).

Дядя сталъ уже помышлять, что изъ племянника будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Въ числѣ друзей Андрея Ивановича попались двое, которые были то, что называются разочарованные, огорченные люди. По природному своему телячьему свойству, Тентетниковъ поддался ихъ влиянію, и хотя самъ ничего въ жизни

не перенесъ, ни въ чемъ не разочаровался, счелъ себя тоже разочарованнымъ и огорченнымъ. Пріятели его не могли переносить равнодушно всего, что казалось имъ несправедливостью. Имъа надобность въ снисхожденіи къ себѣ другихъ, сами были крайне неснисходительны ко всѣмъ. Тентетниковъ заразился сильнымъ негодованіемъ противъ общества вообще, и противъ начальниковъ, стѣсняющихъ свободу человѣка, въ особенности. Нервная раздражительность заставила его замѣчать тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и вниманія не обращалъ. Вдругъ ему не понравился начальникъ его отдѣленія, Θεодоръ Θεодоровичъ Лѣницынъ. Тентетниковъ сталъ отерывать въ немъ бездву недостатковъ; ему показалось, что Лѣницынъ, въ разговорахъ съ высшими, весь превращался въ приторный сахаръ, и въ укусъ, когда обращался къ подчиненному; что онъ готовъ былъ служить начальству какъ лакей; что онъ даже бросался подавать шинель и галоши директору департамента, и по уходѣ директора поглядывалъ, поджидая не подастъ ли ему шинели и галоши какой-нибудь столоначальникъ, и когда нашелся такой столоначальникъ, улыбался и цѣдилъ сквозь зубы: „премного вамъ обязанъ, почтеннѣйшій“, вмѣсто того, чтобы сказать: „напрасно вы унижаетесь“; что онъ, Лѣницынъ, бралъ на дурное замѣчаніе тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленіемъ въ праздники, и вымѣщалъ по службѣ тѣмъ, которыхъ бралъ на дурное замѣчаніе за неявку въ праздники. Тентетниковъ почувствовалъ къ нему нервическое отвращеніе. И совершенно напрасно. Конечно, Лѣницынъ былъ изъ подленькихъ. Но какое дѣло подчиненному до того, подлецъ ли или нѣтъ его начальникъ, и какое начальникъ имѣетъ право на полное душевное уваженіе своихъ подчиненныхъ. Да притомъ же, какая тутъ подлость подать галоши начальнику. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассуждали всѣ начальники отдѣленія департамента, какъ сдѣлалась извѣстною исторія Тентетникова съ Лѣницынымъ. А исторія случилась вотъ какъ:

Въ одно утро, когда директоръ, подписавъ свое имя на поднесенныхъ ему бумагахъ, закрылъ присутствіе и отправился въ англійскій клубъ, отдохнуть послѣ тяжелыхъ служебныхъ трудовъ, въ передней, по обыкновенію, случился Лѣницынъ и пособилъ швейцару подать шинель и галоши его превосходительству,—Тентетниковъ и два пріятеля, игравшіе роли разочарованныхъ и огорченныхъ, случились тутъ же, и были свидѣтелями подаванія шинели и галошъ. Тентетниковъ вспыхнулъ весь благороднымъ негодованіемъ при видѣ этого униженія, но удержался. Вдругъ начальникъ отдѣленія, недовольный, конечно, тѣмъ, что его подчиненные были свидѣтелями подаванія

шинели и галошъ, обратился къ нему съ свойственнымъ начальнику достоинствомъ:

— „Вы, г. Тентетниковъ, съ вашими пріятелями слишкомъ рано оставляете присутствіе. Я уже давно собираюсь замѣтить вамъ это, и нахожу нужнымъ прибавить, что службою вашею я рѣшительно недоволенъ“.

Тентетниковъ еще удержался: — „Я стараюсь, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, въ точности исполнять служебныя обязанности.“

— „Вы ихъ, сударь, не понимаете. Вы, я вижу, вольнодумецъ. Первая обязанность службы — должное уваженіе къ начальникамъ; а этого-то въ васъ и нѣтъ“.

Тентетниковъ не выдержалъ: — „Я уважаю тѣхъ, которые заслуживаютъ уваженіе, и которые уважаютъ сами себя. Служу не начальству, а государю и отечеству, и презираю тѣми, которые исполняютъ лакейскія должности у своихъ начальниковъ“.

Говоря это, весь красный, Тентетниковъ сдѣлалъ два шага къ Лѣницыну. Но Лѣницынъ, съ первыхъ словъ, понялъ въ чемъ дѣло, и, какъ человекъ благоразумный, шмыгнувъ къ двери, и изъ-за двери показал сжатый кулакъ Тентетникову, приговаривая: „хорошо, любезный, вотъ я тебѣ покажу кому ты служишь“.

На другой день Тентетниковъ былъ посаженъ подъ арестъ за то, что въ поданной имъ къ подписи бумагѣ, слово капиталъ было написано такъ, что можно было принять за капитанъ. Тутъ же объявлено ему было, что если подобныя погрѣшности, доказывающія совершенную неспособность къ службѣ, будутъ замѣчены, то онъ, Тентетниковъ, будетъ исключенъ изъ службы.

На слѣдующій день директоръ департамента призвалъ въ присутствіе Тентетникова, и съ свойственною начальнику строгостью сдѣлалъ выговоръ за то, что имъ, Тентетниковымъ, недоволенъ начальникъ отдѣленія: „Знайте, молодой человекъ, было прибавлено съ достоинствомъ, что въ моемъ департаментѣ не терпится ни нерадѣніе, ни неспособность, а болѣе всего непочтительность къ начальству — и если вами недоволенъ такой достойный человекъ, каковъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, то этого уже достаточно, чтобы васъ не терпѣть на службѣ. Я вамъ совѣтую подать въ отставку“.

Съ ужасомъ узнавъ объ этомъ дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ: — „Ради самого Христа! подумалъ ли ты съ кѣмъ ты задрался. Ты не долженъ оставлять службу; ты не можешь оставлять службу. Ты обязанъ новиниться и просить прощенія у Ѳеодора Ѳеодоровича“.

— „Я, я буду просить прощенія у этого подлеца! Нѣтъ, дядюшка вы не захотите моего униженія“.

— „Какое тутъ униженіе, любезнѣйшій, вѣдь онъ начальникъ. Помилуй, Андрюша! Да если смотрѣть на это, что начальникъ выругаешь, да обижаться этимъ, да бросать службу, такъ этакъ никому бы не пришлось служить. Знаешь ли, братъ, каковъ мой начальникъ, графъ Сидоръ Андреевичъ. Вотъ ужъ, можно сказать, собака, а добрѣйшая, благороднѣйшая душа. Сколько разъ онъ меня, дѣйстви-тельнаго статскаго совѣтника, называлъ дуракомъ, ну, что дуракомъ, просто по-матерному выругаешь, и что же? черезъ два часа ничего не помнитъ и опять дружески разговариваетъ, спрашиваетъ скоро ли опять жена отелится“.

— „А вы-то, дядюшка, тоже черезъ два часа ничего не помните? Впрочемъ, къ чему все это? Я болѣе не намѣренъ служить. Это дѣло рѣшеное. У меня есть другая служба: 300 душъ крестьянъ, имѣніе въ разстройствѣ, управляющій дуракъ. Государству немного утраты, что вмѣсто меня другой сядетъ въ канцеляріи переписывать бумаги, но большая потеря, если 300 человекъ не заплатятъ податей, или пойдутъ по-миру. Что, вы думаете, я не понимаю всей отвѣтственности передъ Богомъ, отечествомъ и совѣстью за крестьянъ, кото-рыхъ участь ввѣрена мнѣ судьбою. Нѣтъ, дядюшка, я понимаю всю великость, всю святость моихъ обязанностей. Я буду жить въ де-ревнѣ, улучшу бытъ моихъ крестьянъ, образую ихъ нравственно и религіозно и сдѣлаю изъ нихъ людей, тогда какъ они теперь скоты. Я даже упрекаю себя за потерянное время на службѣ. Я бы уже успѣлъ многое сдѣлать. Но я сдѣлаю, непременно сдѣлаю“.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ. Онъ непонималъ жизни безъ службы и былъ увѣренъ, что молодой человекъ въ деревнѣ, пропащій человекъ. Онъ подумалъ немного и началъ въ такомъ родѣ: „Но все-же-таки... но какъ-же-таки... запропасть себя въ деревнѣ? И какое общество можетъ быть между мужичьемъ? Здѣсь, все-таки, на улицѣ попадетъ генераль, князь — пройдеши мимо какого-нибудь... тамъ, ну, все-таки, нѣкоторыи образомъ облагораживаешься. Ну, и главное, столица, просвѣ-щенная Европа, просвѣщеніе... ну, а тамъ, все что ни попадется, все это или мужикъ, или баба. Помилуй, Андрюша, не губи себя. Ну посмотри на меня, ну что былъ бы я безъ службы, ну что? а теперь ижью, благодаря Творца, и чинъ, и почетный крестъ; и под-чиненные боятся и начальство подъ часъ ласкаетъ“.

„Хорошо тебя ласкаетъ твой графъ Сидоръ Андреевичъ“, подумалъ про себя Тентетниковъ и прибавилъ вслухъ:

— „Дядюшка, вы напрасно теряете время, я рѣшился, и дѣло кончено“.

— „Такъ пропадай же ты себѣ въ деревнѣ, живи съ мужиками да съ бабами, умирай губернскимъ секретаремъ и не знай меня“, сказалъ сердито дядя, плюнуль, хлопнулъ дверью и ушелъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого разговора Тентетниковъ былъ уже въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ пронеслось его дѣтство, приближался къ тому прекрасному уголку, которымъ не могъ вдоволь налюбоваться гость-посѣтитель. По мѣрѣ приближенія въ душѣ его стали просыпаться дѣтскія впечатлѣнія. И вдругъ забилося у него сердце. И ему живо представились всѣ подробности его счастливаго дѣтства; и онъ увидѣлъ себя малюткою, котораго вель за руку отецъ, гуляя по полямъ; и онъ увидѣлъ мать, выходящую на встрѣчу отцу, возвращающемуся съ усталымъ малюткой, и онъ почувствовалъ себя на рукахъ матери, которая прижимала его къ сердцу и спрашивала съ нѣжностью, не слишкомъ-ли онъ усталъ; и невольныя слезы брызнули изъ глазъ Андрея Ивановича, и онъ упрекнулъ себя въ томъ, что въ первый разъ только вспомнилъ о родителяхъ, что до сихъ поръ не поклонился даже ихъ праху.

Тентетниковъ; вѣхалъ въ деревню, славно застроенную; подѣхалъ къ прекрасному господскому дому, окруженному дивнымъ, густо-разросшимся садомъ, и восхищенный всѣмъ, что видѣлъ, назвалъ себя пошлымъ дуракомъ за потерянное время на службѣ въ переписываніи бумагъ. „Экой я былъ болванъ, экой пошлый дуракъ! Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, а я, дуракъ, забавлялъ себя въ кропатели мертвыхъ бумагъ. Хорошо, что не послушался увѣщаній дяди. Да и спасибо подлецу Лѣницыну, что выгналъ меня изъ службы“.

На другой день, узнавъ о приѣздѣ барина, мужики и бабы собрались къ крыльцу.

Сороки, вичьи, повойники, зипуны, бороды всѣхъ родовъ: заступомъ, лопатой и клиномъ, рыжія, русыя, бѣлыя какъ серебро, покрыли весь дворъ. Мужики загремѣли: „Кормилецъ, дождались мы тебя!“ Бабы заголосили: „золото, серебро ты сердечное“. И всѣ подходили къ нему и кланялись въ ноги.

Тентетникову не понравилось это униженіе человѣческаго достоинства. Онъ остановилъ низкіе поклоны и сталъ говорить мужикамъ рѣчь о томъ, что „человѣкъ долженъ уважать себя и не унижаться передъ равнымъ себѣ существомъ, что онъ такой-же человѣкъ какъ и они,—что онъ приѣхалъ съ тѣмъ, чтобы ихъ просвѣтить и осчастли-

вить". И многое говорил имъ Тентетниковъ въ духѣ равенства и свободы, о которомъ начитался въ книгахъ.

Мужики слушали и ничего не понимали. Но на вопросы, которые по временамъ дѣлалъ Тентетниковъ, приговаривая безпрестанно: „не правда-ли мои друзья?“ бормотали: „вѣстимо родимый“.

Баринъ приказалъ угостить мужиковъ водкою и закускою.

Пошла попойка и разговоры.

— „А что, дядя Пахомъ, баринъ-то говорить красно?“

— „Ну, извѣстно что красно, вѣдь ихъ только тому и учать“:

— „А что, бишь, онъ говорилъ, я стоялъ подальше и не слышалъ?“

— „Ну, а Богъ его вѣдаетъ, что онъ баялъ. Что-то похоже на то, какъ отецъ Аѳанасій въ церкви баеть. Вѣстимо книжки; это не по намъ“.

Бабы тоже разсуждали: „Ишь какой онъ добренькій, и въ ноги-то вланяться недаеть. А ужъ молодецъ какой. И все говорить: Полюбите меня, полюбите, да и посматриваетъ на дѣвокъ. Ишь ты какой, весь въ покойнива отца“.

Тентетниковъ хотѣлъ-было серьезно приняться за управление имѣніемъ, но скоро все это страшно ему опротивѣло.

Мужики поняли, что баринъ ничего не смыслить по хозяйству и стали его надувать. Приказчикъ обокрадывалъ немилосердно. Ключница—тоже; буфетчики—тоже. Всѣ они смекнули, что баринъ доброе существо, но лѣнивъ и безъ энергіи. Съ перваго же дня, они замучили его вопросами, какъ и что дѣлать прикажетъ, и донесеніями о томъ, что каждымъ изъ нихъ сдѣлано.

Ему, занятому мыслями объ усовершенствованіи человѣка вообще, и русскаго въ особенности, всѣ эти мелочи деревенскаго хозяйства показались до того тягостными и противными, что онъ скоро запретилъ и говорить о хозяйствѣ. Хозяйство пошло своимъ порядкомъ, подъ наблюденіемъ плута-прикащика. Въ-полгода все надоѣло Тентетникову. Виды на прекрасныя окрестности надоѣли; чудесный садъ надоѣлъ. Охота надоѣла. Деревенскія красавицы, къ которымъ Андрей Ивановичъ обращался въ рѣчи своей съ словами: полюбите меня, полюбили и страшно надоѣли. Вздумалъ-было искать развлеченія въ знакомствѣ съ сосѣдями—и это надоѣло. Заниматься книгою не надоѣло, и она одна спасала молодого человѣка отъ отчаянія—и онъ сосалъ ее по пѣлымъ днямъ.

Одно обстоятельство чуть-было неразбудило его и чуть-было не произвело переворота въ его характерѣ. Случилось что-то похожее на любовь. Но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ.

Въ сосѣдствѣ, въ 10-ти верстахъ, проживалъ генераль Бетрищевъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не весьма благосклонно о Тентетниковѣ. Генераль жилъ генераломъ, хлѣбосолюствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди приѣзжали къ нему изъявлять почтеніе, самъ визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ русскія книги и имѣлъ дочь, удивительное существо. Иногда случается человѣку увидѣть во снѣ что-то подобное, и съ тѣхъ поръ онъ уже во всю жизнь свою грезить этимъ сновидѣніемъ. Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ-то странно: ее учила англичанка-гувернантка, незнавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ; отцу некогда было заниматься дочкой: онъ служилъ. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее, и потому хорошо, что судьба помѣшала ему заниматься ея воспитаніемъ. Наружностью Улинька была удивительно изящное существо. Душевыми качествами она плѣняла всякаго. Это была олицетворенная прямота. Чувство справедливости, благороднаго негодованія противъ всего неблагороднаго были въ ней развиты въ высшей степени. Состраданіе къ несчастнымъ не имѣло предѣловъ. При первой просьбѣ она бросала просившему все, что имѣла, неподумавши что неприлично бросить кошель со всѣмъ что въ немъ было. Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, въ ней, казалось, все стремилось за мыслью: выраженіе лица, выраженіе разговора, движеніе рукъ, самыя складки платья какъ бы стремились въ ту же сторону и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ во слѣдъ за собственными словами. Ни предъ кѣмъ она не боялась обнаружить свои мысли, и никакая сила не могла заставить ее молчать, когда ей хотѣлось говорить. Тентетникову не могла не понравиться Улинька. Онъ влюбился въ нее по-своему, лѣнливо, флегматически, но все-таки влюбился и рѣшился просить руки; но не дошло до этого. Генераль сначала принималъ Тентетникова довольно хорошо и радушно; но сойтись между собою они не могли. Разговоры оканчивались всегда почти споромъ и сопровождались какими-то непріязненными ощущеніями съ обѣихъ сторонъ; потому что генераль, какъ генераль, не любилъ противорѣчій и возраженій; а Тентетниковъ, какъ челоѣкъ проникнутый уваженіемъ къ своему челоѣческому достоинству, не любилъ признавать деспотическую власть генерала въ сужденіяхъ. Разумѣется, что ради дочери прощалось многое отцу, и миръ у нихъ кое-какъ держался, покуда не приѣхали къ генералу родственницы, графиня Бордырева и княжна Юзякина, отставныя фрейлины прежняго двора, удержавшія и до нынѣ кое-какія связи въ Петербургѣ. Въ слѣдствіе этихъ связей генераль передъ ними немножко подличалъ. Тентетни-

кову показалось, что съ прибѣда ихъ генералъ сталъ къ нему холодне, не замѣчалъ его и обращался съ нимъ слишкомъ небрежно, употребляя даже повременамъ выраженія:

„Любезнѣйшій, послушай братецъ“. Одинъ разъ даже онъ сказалъ ему „ты“. Это взорвало Тентетникова. Стиснувъ зубы, онъ сказалъ тихимъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его, и все внутри его кипѣло: „Я благодарю васъ, генералъ, за расположеніе. Словомъ ты вы меня вызывае на тѣсную дружбу, обязывая и меня говорить вамъ ты. Но различіе въ лѣтахъ препятствуетъ такому фамиллярному обращенію“.

Генералъ смутился. Но какъ генералу не приходилось остаться въ дуракахъ передъ молокососомъ, то онъ запинаясь сказалъ, что слово ты было сказано имъ не въ томъ смыслѣ, что старикъ иной разъ позволительно сказать молодому человѣку: ты. (О чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова). Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство ихъ кончилось, и любовь Тентетникова прекратилась при самомъ началѣ. Потухнулъ блеснувшійбыло на минуту свѣтъ, и все повертело на жизнь, которую читатель видѣлъ въ началѣ главы: на лежаніе и бездѣйствіе. Въ домѣ водворились по прежнему гадость и безпорядокъ. Половая щетка оставалась посреди комнаты по цѣлымъ днямъ, вмѣстѣ съ соромъ.

Панталоны заходили иногда въ гостинную.

Опять начали убирать и кабинетъ и спальню черномазья Палашки и Авдотки, которымъ, на время любви къ Улинкѣ, былъ запрещенъ входъ въ комнаты барина.

Слука вновь одолѣла Андрея Ивановича!

Взявши перо въ руки съ тѣмъ, чтобы позаняться сочиненіями объ усовершенствованіи человѣческаго рода вообще и русскаго народа въ особенности, Тентетниковъ чертилъ имъ на бумагѣ каракульки, или же выписывалъ: милостивый государь! съ восклицательными знаками или: вашъ покорный слуга Андрей Тентетниковъ. Иногда перо чертило само собою, безъ вѣдома хозяина, головку, повидимому женскую, въ которой однакоже не узнала бы себя Улинька: Тентетниковъ рисовалъ плохо.

Такое было состояніе души Андрея Ивановича однажды, когда онъ, по обычаю, подходилъ съ трубкою и чашкою въ рукахъ къ окну, но къ удивленію своему не слышалъ ни Григорья, ни Перфильевны. Выглянувъ въ окошко, онъ замѣтилъ какое-то необыкновенное движеніе и суету. Поваранокъ и поломойка бѣжали отворять ворота. Въ воротахъ показались лошадинны морды, точно какъ онѣ смотрятъ на триумфальныхъ воротахъ: морда направо, морда налево,

и морда на срединѣ. За мордами послѣдовали и самыя кони, а за ними на козлахъ кучеръ и лакей въ широкомъ сюртукѣ, подпоясанный носовымъ платкомъ. За ними господинъ въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ остановился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что другое какъ легкая рессорная бричка. Господинъ, необыкновенно приличной наружности, соскочилъ на крыльцо, съ быстротою и ловкостью почти военнаго человѣка.

Вошедши въ комнату, гость раскланялся съ такою же ловкостью, почти военнаго человѣка, сохраняя наклоненіе головы нѣсколько на бокъ. Въ короткихъ, но определенныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностью и любознательностью; что государство наше, которому по обширности не представляютъ равнаго даже отдаленныя времена древности, изобилуетъ замѣчательными предметами, не говоря уже объ изобиліи промысловъ и разнообразіи почвъ; что въ проѣздъ свой по здѣшнему краю, онъ увлекся картиннымъ мѣстоположеніемъ деревни Тентетникова; что, несмотря однакожъ на мѣстоположеніе, онъ не дернулъ бы обезпокоить его, еслибы не случилось, по поводу весеннихъ разливовъ и дурныхъ дорогъ, внезапной изломки въ его экипажѣ, требующей починки; что, впрочемъ, онъ чрезвычайно обяванъ этой изломкѣ, доставляющей ему случай засвидѣтельствовать личное почтеніе Андрею Ивановичу. Окончивъ рѣчь, гость съ обворожительной пріятностью подшаркнулъ ногою, обутой въ щегольскія лакированныя полусапожки, застегнутыя на перламутровыя пуговицы, и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнулъ тутъ-же нѣсколько назадъ съ легкостью резиннаго мяча.

Озадаченный сначала неожиданнымъ приѣздомъ гостя, Андрей Ивановичъ успокоился, заключивъ изъ словъ его, что это долженъ быть какой-нибудь ученый, собирающій растенія или предметы ископаемыя. И даже обрадовался при этой мысли, и вознамѣрился удержать подольше ученаго, котораго общество развлечетъ его вѣчную, неодолимую скуку. Онъ поблагодарилъ случай, доставившій ему знакомство съ такимъ человѣкомъ, изъяснилъ готовность споспѣшествовать во всемъ, предложилъ своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ, просилъ распоряжаться какъ бы въ собственномъ домѣ и пробить въ немъ какъ можно дольше, отдохнуть съ дороги и переждать время весеннихъ разливовъ и дурныхъ дорогъ. Гость принялъ обязательное предложеніе и былъ усаженъ въ большія вольтеровскія кресла. Андрей Ивановичъ занялъ другое напротивъ, предложилъ чашку чая и при-

готовился слушать рассказъ по части естественной исторіи, которой онъ когда-то тоже учился въ заведеніи Θεодора Ивановича.

Но гость не говорилъ о предметахъ естественной исторіи и скоро Андрей Ивановичъ убѣдился, что онъ ѣздитъ по Россіи не для собиранія букашекъ, замѣчательныхъ растений и ископаемыхъ предметовъ. Гость повелъ рѣчь о событіяхъ міра. Заговорилъ о превратностяхъ судьбы, поворотилъ разговоръ къ своей особѣ, уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣроломными вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много мѣстъ и должностей, что даже сама жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще рассказалъ такого, изъ чего можно было заключить, что онъ практическій человѣкъ. Въ заключеніе рѣчи вскорчался въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще не слыхивалъ. Подчасъ попадется въ оркестръ такая пройдоха-труба, которая когда хватить, покажется что врякнуло не въ оркестръ, но въ собственномъ ухѣ; точно такой-же звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома и немедленно за нимъ вослѣдовало благоуханіе одеколона, невидимо распространенное ловко встряхнутымъ батистовымъ платкомъ.

Андрею Ивановичу показался гость весьма интереснымъ человѣкомъ; онъ повторилъ приглашеніе остаться подольше у него въ гостяхъ и переждать время дурныхъ дорогъ. — Гость принялъ предложеніе.

Читатель вѣроятно догадался, что гость былъ никто другой, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ; какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Однакоже выраженіе лица, приличное обхожденіе остались все тѣже. Даже какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ; еще ловче подвертывалъ ножку подъ ножку, когда садился въ кресла; еще болѣе было мягкости въ выборѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженіяхъ, болѣе умѣнья держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлѣе и чище свѣга были на немъ воротничекъ и манжета, и, несмотря на то, что онъ былъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ, хоть бы сейчасъ на именинный обѣдъ.

Щеки и подбородокъ были такъ выбриты, что одинъ слѣпой могъ не полюбоваться пріятною выпуклостью и круглостью ихъ.

Послѣ чашки чаю, хозяинъ проводилъ гостя въ назначенные для него покои. — Въ домѣ произошло преобразование. Половина его, до тѣхъ пребывавшая въ слѣпотѣ съ заколоченными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Въ прояснившихся комнатахъ все начало раз-

мѣщаться. Комната, назначенная быть спальней Чичикова, вмѣстила въ себѣ вещи необходимыя для ночного туалета. Комната, назначенная быть кабинетомъ... но прежде необходимо было знать, что въ этомъ кабинетѣ было три стола: одинъ письменный передъ диваномъ, другой ломберный между окнами передъ зеркаломъ, третій угольный, въ углу между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ, служащій теперь переднею, съ инвалидною мебелью. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось Чичиковымъ вынутое платье, а именно: панталоны подъ фракъ, панталоны черныя, панталоны сѣренкїя, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ, сюртукъ и два фрака (жилеты же бѣлаго пике и лѣтнія брюки отошли къ бѣлью въ комодъ). Все это размѣстилось одно на другомъ пирамидкой, и прикрылось сверху шелковымъ носовымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядомъ сапоги: одни не совсѣмъ новыя, другїя совсѣмъ новыя, лакированныя полусапожки и спальныя. Они также стыдливо завѣсились платкомъ, — такъ какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На письменномъ столѣ передъ диваномъ тотчасъ размѣстились въ большомъ порядкѣ: шкатулка, портфель, банка съ одеколономъ, сургучъ, зубная щетка, новый календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье помѣстилось въ комодъ, находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало отдать прачкѣ, было завязано въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Сабля, ѣздившая по дорогамъ для внушенїя страха ворами, была повѣшена тоже въ спальнѣ на гвоздѣ недалеко отъ кровати. Все приняло видъ необыкновенной чистоты и опрятности. Нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился. Утвердился прїятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, ходитъ въ баню и вытираетъ себя мокрою губкою по воскресеньямъ.

Въ переднемъ залѣ покушался-было утвердиться на время запахъ служителя Петрушки, но Петрушка скоро былъ перемѣщенъ въ кухню, какъ оно и слѣдовало.

(Далѣе въ рукописи, по сличенїи съ изд. 1855 г. стр. 39—58, и изд. 1857 г. стр. 284—293; тамъ же стр. 423—433—нѣтъ никакой перемѣны до того мѣста во II-й главѣ, когда разсказывается о прїѣздѣ Чичикова къ генералу Бетрищеву и передается его разговоръ).

Г Л А В А II.

(Послѣднїя слова Чичикова при представленїи генералу):

Тергѣніемъ, можно сказать, повить и спеленанъ, будучи, такъ сказать, самъ одно олицетворенное тергѣніе, ваше превосходительство“.

Генералу видимо понравился этот кудрявый слогъ. Онъ заелючивилъ, что Чичиковъ ученый и образованный человѣкъ.

— „Что же, вы оставили службу совершенно или намѣрены еще служить?“

— Оставилъ, ваше превосходительство, совершенно оставилъ. Служилъ, ваше превосходительство, по мѣрѣ силъ моихъ и по указанію совѣсти. Имѣлъ несчастье встрѣтить враговъ, завистниковъ моей безукоризненной, добросовѣстной службы. Сколько перенесъ отъ нихъ, покушавшихся на самую жизнь, того ни словá, ни краски, ни даже самая кисть не сумѣетъ передать.

Генераль подумалъ: должно быть достойный человѣкъ. Человѣкъ съ истинными достоинствами непременно, встрѣтивши на службѣ зависть и недоброжелательства, бросить службу. Только дураки, да подлецы умираютъ на службѣ, и пожалуй дослуживаются и до генераль-губернаторовъ.

— „Что же вы намѣрены теперь дѣлать съ собою?“

— На склонѣ жизни, ваше превосходительство, ишу уголка, гдѣ бы провести остатокъ дней. Ъзжу по Россіи, осматриваю и изучаю наше благословенное отечество, которое по пространству не уступить даже ни одному изъ древнихъ государствъ. Судьба привела меня въ здѣшній край, а случай заставилъ на время поселиться у близкаго сосѣда, вашего превосходительства.

— „У кого это?“

— У Тентетникова, ваше превосходительство.

Генераль поморщился.

— Онъ, ваше превосходительство чрезвычайно, раскаивается въ томъ, что не показалъ должнаго уваженія...

— „Къ чему?“

— Къ заслугамъ вашего превосходительства.... Не находить словъ.... Говорить, если бы я только могъ передъ его превосходительствомъ чѣмъ-нибудь.... потому что поздно, говорить, научился цѣнить мужей спасавшихъ отечество, говорить.

— „Послушайте, что же онъ? Да вѣдь я не сержусь, сказалъ смягчившійся генераль:—въ душѣ моей я даже искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ“.

— Совершенно справедливо изволите выражаться, ваше превосходительство. Истинно, преполезный можетъ быть человѣкъ, и съ даромъ слова, и владѣетъ перомъ.

— „Ну, писать-то онъ, я чай, пустяки, какіе-нибудь стихи.“

— Ни какъ нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки... Онъ что-то дѣльное пишетъ... Исторію, ваше превосходительство.

— „Исторію? О чемъ исторію?

— Исторію.... Тутъ Чичиковъ замаялся. И отъ того-ли, что передъ нимъ сидѣлъ генераль, или просто, чтобъ придать болѣе важности предмету, прибавилъ: исторію о генералахъ, ваше превосходительство.

— „Какъ о генералахъ, о какихъ генералахъ?...

Чичиковъ совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнуть и мысленно сказалъ себѣ: и, Господи Боже мой, что это за вздоръ несу я?

— „Извините, я не очень понимаю... Что-жъ это выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи: и притомъ всѣхъ-ли генераловъ, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?

— Именно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году. Приговаривая это, онъ подумалъ: Боже мой, да что-жъ это вру я, несчастный?

— „Такъ что-жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ. Я могъ бы сообщить ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ. Вѣдь, если онъ ограничится одними печатными свѣдѣніями, какимъ-нибудь Михайловскимъ-Данилевскимъ, то пропустить не одного истинно отличившагося на полѣ чести въ это достославное время.

Генераль очевидно намекалъ на самого себя, о доблестяхъ котораго какъ-то забылъ сказать Михайловскій-Данилевскій.

— Робѣеть, ваше превосходительство, послѣ случившагося въ домѣ вашего превосходительства, рѣшительно робѣеть.

— „Какой вздоръ! изъ-за какого-нибудь пустого слова.... да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, готовъ самъ къ нему заѣхать.

— Онъ не допустить до этого ваше превосходительство, онъ самъ пріѣдетъ — сказалъ Чичиковъ, совершенно оправясь, ободрившись и подумавши: Экая оказія! Какъ генералы припились встать, а вѣдь языкъ-то взболтнулъ съ дуру.

(Отсюда нѣтъ перемѣны противъ изд. 1855 г. стр. 61 — 69; изд. 1867 г. стр. 294 — 299, и 435 — 439; гдѣ генераль говоритъ):

— Полюби насъ черненькими а бѣленькими насъ всякой полюбить.... Очень, очень хорошо! — Любятъ, любятъ, точно любятъ поощренье, продолжалъ генераль.

Погладь, погладь его! а вѣдь безъ поощренья такъ и красть не станеть.... ха, ха, ха!

Чичиковъ былъ въ неописанномъ духѣ. Онъ смекнулъ, что генераль весельчакъ и добрякъ, и что подтачивая ему, да подслуживая, можно всего добиться.

Разсчитывая уже мысленно какую пользу можно будет извлечь изъ этого для себя собственно, онъ рѣшился теперь устроить дѣло Тентетникова. Когда камердинеръ удался, генералъ заговорилъ: — „Такъ твой Тентетниковъ занимается исторіею объ отечественныхъ генералахъ. Что-же, это хорошее дѣло; это дѣлаетъ честь молодому человѣку. Наша молодежь, неслужащая, только и знаетъ что картинки, да шампанское, да невинныя развлеченія съ Палашками, да Агашками.“

— Я вамъ доложу, ваше превосходительство, что Андрей Ивановичъ рѣдкій молодой человѣкъ. И состояніе у него прекрасное — одного только ему недостаетъ.

— „Чего же это?“

— Подруги жизни.

— „Что же онъ не женится?“

Чичиковъ немного промолчалъ. Потомъ какъ бы собравшись съ мыслями, сказалъ:

— Вы мнѣ простите, ваше превосходительство, мою дерзость?

— „Что такое?“

— Съ вашимъ умомъ, съ вашею проникательностью, ваше превосходительство, конечно вы не могли не замѣтить, что Андрей Ивановичъ крайне неравнодушенъ къ прелестному, дивному созданію — къ вашей дочери. Онъ льстилъ себя надеждою, что ваше превосходительство не откажете ему въ величайшемъ для него счастьи, и назовете его своимъ сыномъ. Непростительная, неумѣстная гордость съ его стороны, въ которой впрочемъ онъ сильно раскаивается, испортила все дѣло. — Генералъ призадумался.

— „Послушайте любезнѣйшій, сказалъ наконецъ онъ, я люблю быть откровеннымъ. Я не нахожу ничего предосудительнаго въ вашемъ пріятелѣ. Признаю его человѣкомъ неглупымъ. Происхожденіе и состояніе его меня удовлетворяетъ. Хозяинъ онъ плохой, но это слѣдствіе молодости и неопытности. Я ему не разъ твердилъ, что русскій мужикъ и человѣкъ — двѣ вещи совершенно различныя, и что его филантропія совершенная дичь. Онъ не соглашался со мною, но согласится со временемъ. Относительно гордости, которая была причиной нашей размолвки, я даже цѣню эту гордость, это уваженіе къ себѣ, въ особенности когда онъ самъ сознается, что она иногда неумѣстна въ отношеніи къ людямъ, имѣющимъ свои заслуги передъ отечествомъ. При всемъ томъ, не имѣя ничего противъ Тентетникова, я предоставляю моей дочери свободный выборъ. Она у меня одна и я не стану ее неводить.“

— Стало быть, ваше превосходительство, еслибы дочь ваша, это дивное, прелестное созданіе, была согласна...

— „Я не имѣю ничего противъ г-на Тентетникова.

Чичиковъ бросился къ генералу и поцѣловалъ въ звѣзду на груди.

Доложили что подано на столъ. Генеральъ провелъ Чичикова въ столовую, представилъ сестрицамъ княжнамъ, назвавъ его Чижиковицъ. Чичиковъ раскланялся съ ловкостью совершенно военнаго человѣка, и на французскій привѣтъ сестрицъ княженъ, пробормоталъ что-то, какъ будто бы французскими звуками. Читатель знаетъ, что по-французски онъ не зналъ ни бель меса. За обѣдомъ генераль былъ немного задумчивѣе. Подъ конецъ, однакожъ, развеселился и разсказалъ сестрицамъ княжнамъ симпатическій анекдотъ. Княжны не нашли въ немъ ничего забавнаго, можетъ быть, потому что разсказывалъ не самъ Чичиковъ, который, какъ мы видѣли, былъ мастеръ разсказывать. — Все время Чичиковъ велъ себя совершенно прилично.

Въ тотъ же вечеръ онъ воротился къ Тентетникову. Андрей Ивановичъ встрѣтилъ его на крыльцѣ и повидимому ожидалъ съ нетерпѣніемъ.

— Ну, Андрей Ивановичъ, сердитесь на меня если хотите, но я обворожень генераломъ.

— „Да я и самъ нахожу, что онъ человѣкъ почтенный, но гордость его...

— Не договаривайте пожалуйста. Знаете ли вы что онъ самъ къ вамъ собирался сегодня?

— „За чѣмъ?

— Доказать вамъ, что онъ не гордъ; что онъ васъ цѣнитъ и уважаетъ; что для него крайне больно, что одно пустое слово поселило между вами размолку.

— „Онъ хотѣлъ ко мнѣ пріѣхать первый?

— Уже были поданы лошади, когда я пріѣхалъ.

— „Такъ стало быть я въ немъ ошибся. Я поправлю мою ошибку и завтра же предупрежду его.—Видѣли вы Уленьку?

— Дивное, прелестное созданіе. Знаете Андрей Ивановичъ, вы родились въ рубашкѣ. Соединить въ себѣ и молодость, и умъ, и красоту, и состояніе, и найти подругу жизни подобную Уленькѣ... Это такіа блага, которыя не всякому посылаются судьбою.

Тентетниковъ вскочилъ со стула и сталъ быстро прохаживаться.

— „Такъ вы думаете, что онъ не откажетъ?

— Не думаю, а увѣренъ въ этомъ.

— „Увѣрены?

— Увѣренъ, потому что изъ любви къ вамъ, изъ преданности

вамъ, я обдѣлалъ за васъ ваше дѣло. Да, я рѣшился сказать генералу то, что помѣшала вамъ сказать ваша гордость: что вы желаете, что вы сочтете счастьемъ для себя назваться его сыномъ.

— „Вы это ему сказали, Павелъ Ивановичъ?

— Сказалъ, Андрей Ивановичъ, потому что не могъ перенести мысли, что два созданія, такія какъ вы и Уленька, самую судьбою назначенныя одно для другого, разлучены по поводу гордости чловѣка, достойнѣйшаго впрочемъ, но до крайности щекотливаго.

— „Вы сказали... и генераль...

— Генераль сказалъ то, что сказалъ бы всякій на его мѣстѣ: что онъ цѣнитъ Андрея Ивановича, что онъ увѣренъ въ счастьи Уленьки съ Андреемъ Ивановичемъ...

Тентетниковъ не далъ договорить и бросился на шею Павлу Ивановичу.

— „Вы мой благодѣтель, вы мой лучший другъ — я никогда не забуду оказанной вами услуги.

Чичиковъ позволилъ себя расцѣловать и даже самъ выпроилъ слезу—но тутъ же подумалъ: хорошо брать, даромъ-то я ничего не дѣлаю; и ты и твой генераль отблагодарите меня посущественнѣе.

До поздней ночи продолжался разговоръ Чичикова съ Тентетниковымъ.—Нужно было сказать про исторію о генералахъ, и это крайне затрудняло Павла Ивановича знавшаго, что Тентетниковъ лгать не любитъ. Однакожъ и это сошло благополучно. Передавая разговоръ свой съ генераломъ, Чичиковъ сказалъ, что генераль интересовался знать чѣмъ занимается Тентетниковъ дома, и что онъ, Чичиковъ, сказалъ, что Андрей Ивановичъ сочиняетъ что-то серьезное, кажется въ историческомъ родѣ. Тогда генераль сказалъ: похвальное занятіе; у насъ не разработана исторія самаго интереснаго времени, времени борьбы Россіи съ непріятелемъ въ 12-мъ г. Тогда Чичиковъ сказалъ, что, кажется, не это-ли время и взялъ Андрей Ивановичъ за предметъ своихъ разслѣдованій. Это извѣстіе чрезвычайно обрадовало генерала, который даже обѣщался сообщить много, ему только извѣстныхъ подробностей о 12-мъ годѣ.

— „Помилуйте, сказалъ Тентетниковъ, да за что же это, да я никогда и не думалъ заниматься исторією 12-го года.

— Знаю, любезнѣйшій, знаю, что вы занимаетесь исторією чловѣчества вообще. Но посудите, генераль, русскій генераль, пойметъ ли онъ важность, пользу вашихъ изслѣдованій. Иное дѣло исторія о генералахъ. Это ему понятно, онъ самъ генераль. Да притомъ же что такое? Вѣдь вы ученый чловѣкъ; вѣдь вы можете написать исторію не только 12-го, но какого угодно года! И почему же не напи-

сать, когда будущему вашему тестю, отцу вашей Уленьки, желательно имѣть истинную исторію 12-го года, и когда онъ доставитъ вамъ всѣ нужные матеріалы, ему только извѣстные, которые безъ того остались бы никому неизвѣстными.

Тентетниковъ подумалъ что дѣйствительно полезно было бы, для отечественной исторіи, собрать матеріалы къ исторіи 12-го года, извѣстныя одному только его будущему тестю, отцу его Уленьки, и рѣшился воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ. Въ сущности ему все равно было что ни писать, потому что до сихъ поръ онъ занимался однимъ только обдумываніемъ сочиненія.

— „Генераль говорилъ, продолжалъ Чичиковъ, что вы не должны ограничиваться однимъ печатными свѣдѣніями и официальными документами, какимъ-нибудь Михайловскимъ-Данилевскимъ, потому что Данилевскій, изъ пристрастія, пропустилъ многихъ, достойныхъ исторіи, генераловъ.

— Ну, вотъ видите, Павелъ Ивановичъ, въ какое положеніе вы меня поставили вашею излишнею ревностью; генераль станетъ говорить со мною о генералахъ 12-го года и о Данилевскомъ, а вѣдь я и не читывалъ Данилевскаго.

— „Что-же за бѣда, Андрей Ивановичъ. Почему же не угодитъ вашему будущему тестю, отцу вашей Уленьки. А то что онъ станетъ съ вами говорить о генералахъ 12-го года и о Данилевскомъ, рѣшительно ничего не значить. Вы только дайте ему говорить, да соглашайтесь, и пожалуй, повременамъ верните, что у Михайловскаго-Данилевскаго это совсѣмъ иначе изложено.

Тентетникову не совсѣмъ нравился этотъ совѣтъ; но нечего было дѣлать. Онъ видѣлъ, что Чичиковъ, добрѣйшая, благороднѣйшая душа, изъ усердія зашелъ немножко далеко и рѣшился, ради Уленьки, сдѣлаться исторіографомъ 12-го года.

Изъ переданнаго разговора Чичиковымъ, Тентетниковъ заключилъ, что теперь все дѣло въ полученіи согласія Уленьки, и рѣшился не откладывать въ дальній ящикъ. На другой же день, онъ отправился вмѣстѣ съ Чичиковымъ къ генералу. Генераль встрѣтилъ его въ гостиной, взялъ его за обѣ руки, поблагодарилъ за то, что его предупредилъ, усадилъ въ кресла и не вспомнилъ ни слова о размовкѣ; явились дамы, чопорныя сестрицы, графиня и княжна, по всегдашнему желтыя, и дивное, прелестное созданіе, Уленька, съ румянцемъ на щекѣ, доказывавшимъ, что послѣ отъѣзда Чичикова былъ кое-какой разговоръ съ папашей насчетъ сердечныхъ обстоятельствъ, и что цѣль пріѣзда Андрея Ивановича не совершенно ей неизвѣстна,

За столомъ генераль былъ необыкновенно разговорчивъ.

(Даже въ нашей рукописи, какъ и въ печатныхъ изданіяхъ 1856 и 1857 гг.

пропущены: бесѣда о генералахъ 12-го года, помолвка Уленьки за Тентетникова; ея молитва, плачь на гробѣ матери; бесѣда помолвленныхъ въ саду. — По порученію Бетрищева, Чичиковъ отправляется къ родственникамъ, для извѣщенія о помолвкѣ дочери, и ѣдетъ къ одному изъ нихъ — полковнику Кошкареву).

ГЛАВА III.

Если полковникъ Кошкаревъ точно сумасшедшій, то это недурно, говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ и пространныхъ полей, когда все исчезло и остались только одинъ небольшой сводъ да два облака въ сторонѣ.

— Ты, Селифанъ, спросилъ-ли хорошенько, какъ дорога къ полковнику Кошкареву?

— Я, Павелъ Ивановичъ, извольте видѣть, такъ все хлопоталъ около коляски, что мнѣ некогда было, а Петрушка спрашивалъ у кучера.

— „Вотъ и дуракъ! На Петрушку связано не полагаться. Петрушка бревно, Петрушка глушь, Петрушка чай и теперь пьянъ....

— Вѣдь тутъ не мудрость какая, сказалъ Петрушка полуборотая и глядя искоса — окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять лугомъ, ничего больше и нѣтъ.

— „А ты окромѣ сивухи ничего въ ротъ не бралъ. Хорошъ, очень хорошъ! Ужъ вотъ, можно сказать, удивилъ красотою Европу.

Сказавъ это, Чичиковъ погладилъ подбородокъ свой и подумалъ: „Какая, однакожъ, разница между просвѣщеннымъ дворяниномъ и грубою лакейскою физиогноміей“.

Между тѣмъ, коляска стала спускаться; открылись луга и пространства усаженные осиновыми рощами.

Тихо вдрагивая на упругихъ рессорахъ, продолжалъ бережно спускаться незамѣтнымъ вогоромъ покойный экипажъ, и наконецъ понесся лугами, мимо мельницъ, то съ легкимъ громомъ по мостамъ, то съ небольшой покачкой по тряскому мявину изменной земли, и хотя-бы одинъ бугорокъ или вочка дали себѣ почувствовать бокамъ. Утѣшеніе, а не коляска!

Быстро пролетали мимо тонкія ольхи и серебряные тополи, ударяя вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ, Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно онѣ сбрасывали картузъ, который летѣлъ къ Чичикову, а иногда и на землю, такъ что суровый служитель долженъ былъ соскакивать съ козелъ и поднимать картузъ. Выбивая пылъ изъ картуза и нахлобучивая на голову, Петрушка бранилъ глухихъ деревья и хоаяина, который посадилъ ихъ, но придержать рукою картузъ не хотѣлъ, надѣясь, что это уже послѣдній разъ, и что больше

не случится. Къ деревьямъ скоро присоединилась осина, береза, ель. Лѣсъ затемнѣлъ и готовился превратиться въ ночь. Но вдругъ отовсюду промежъ вѣтвей и пней сверкнули проблески свѣта, какъ-бы сіяющаго зеркала. Деревья зарѣдѣли. Вотъ передъ ними озеро, водная равнина, версты четыре въ поперечникѣ. На супротивномъ берегу надъ озеромъ высипала сѣрыми бревенчатыми избами деревня. Крики раздавались въ водѣ: съ противнаго берега тащили неводъ. Случилась оказія: вмѣстѣ съ рыбою запутался какъ-то круглый человѣкъ, такой-же мѣры въ вышину какъ и въ толщину, точный арбузь или боченокъ. Онъ былъ въ отчаянномъ положеніи и кричалъ во всю глотку: Телепень Денисъ! передавай Кузьмѣ! Кузьма! бери конецъ у Дениса. Ненапирай такъ, Оома Большой! Ступай туда, гдѣ Оома Меньшой!... Говорю вамъ, оборвете сѣти!“.

Арбузь, какъ видно, боялся не за себя: потонуть, по причинѣ толщины, онъ не могъ, и, какъ-бы ни кувиркался, желая потонуть, вода все вытащила-бы его на верхъ. И если-бы сѣло къ нему на спину еще двое, онъ, какъ упрямый пузырь, остался-бы съ ними на водѣ, слегка только повяхтывая подъ ними, да пуская носомъ волдыри. Но онъ боялся крѣпко, чтобъ не оборвался неводъ и не ушла рыба и потому, сверхъ прочаго, тащили и его, накиннутыми веревками, нѣсколько человѣкъ стоявшихъ на берегу.

— Долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкваревъ, сказалъ Селифанъ, указывая внѣзому на плавающій пузырь.

— Почему?

— Потому, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣе чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина.

Между тѣмъ притащили значительно барина, заутаннаго въ сѣти. Почувствовавъ, что можетъ достать до земли ногами,—онъ сталъ на ноги, и въ это время увидѣлъ спускающуюся съ плотины коляску и въ ней сидѣвшаго Чичикова.

— Обѣдали-ли? закричалъ баринъ, выскоча на берегъ, опутанный въ сѣть, какъ въ лѣтнее время дамская ручка въ сквозную перчатку, держа одну руку надъ глазами, козыркомъ, въ защиту отъ солнца, другую пониже на манеръ медицѣйской Венеры.

— Нѣтъ, сказалъ Чичиковъ, приподнимая картузь и раскланиваясь изъ коляски.

— Ну такъ благодарите же Бога!

— А что, спросилъ съ любопытствомъ Чичиковъ, держа надъ головою картузь.

— А вотъ, что! Брось, Оома Меньшой, сѣть, да приподними осетра изъ лоханки! Телепень Кузьма, ступай, пособи!

Двое рыбаковъ приподняли изъ локани голову какого-то чудовища.

— Вона какой князь! Изъ рѣки зашелъ, кричалъ круглый баринъ, снимая съ себя сѣти правою рукою и все еще держа лѣвую на манеръ стыдливой Венеры. Поѣзжайте во дворъ, я за вами. Кучеръ, возьми дорогу пониже, черезъ огородъ. Побѣги, Ѳома Большой снять перегородку!.. Онъ васъ проводитъ, а я сейчасъ.

Длинноногий Ѳома Большой, какъ былъ въ одной рубашкѣ, побѣжалъ передъ коляскою, черезъ всю деревню, гдѣ у всякой избы были развѣшены бредни и сѣти: всѣ мужики были рыбаки. Потомъ вынулъ изъ какого-то огорода перегородку. Огородами вѣхала коляска на площадь бливъ деревянной церкви. За церковью, подальше были видны крыши господскихъ строеній.

„Чудаковать этотъ Кашваревъ“, думалъ про себя Чичиковъ.

— А вотъ и я здѣсь, раздался голосъ съ боку. Чичиковъ оглянулся. Баринъ уже вѣхалъ подлѣ него, одѣтый. На немъ былъ травянисто-зеленый нанковый сертукъ, желтые штаны, а шея безъ галстука, на манеръ Купидона. Боконъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Чичиковъ хотѣлъ что-то сказать ему, но толстякъ исчезъ.

Дрожки опять показались на томъ мѣстѣ, гдѣ вытаскивали рыбу, раздался снова голоса: Ѳома Большой, да Ѳома Меньшой, Кузьма да Денисъ!

Когда Чичиковъ подѣхалъ къ крыльцу дома, къ величайшему его изумленію толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятія. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались, по старому русскому обычаю, тоекратно навкрестъ, причемъ, впрочемъ, толстый баринъ не цѣловалъ, а только прикладывалъ къ губамъ Чичикова попеременно то одну, то другую толстыя свои щеки. Чичиковъ точно ткнулся три раза въ мягкую подушку.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства, сказалъ Чичиковъ.

— Отъ какого превосходительства?

— Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитриевича.

— Кто это Александръ Дмитриевичъ?

— Генералъ Бетрищевъ, отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Незнакомъ.

Чичиковъ пришелъ еще въ большее изумленіе.

— Какъ-же это? Я надѣюсь, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кашкаревымъ?

— Нѣтъ, не надѣйтесь. Вы пріѣхали, слава Богу, не къ нему, а ко мнѣ.... Петръ Петровичъ Пѣтухъ; Пѣтухъ, Петръ Петровичъ, подхватилъ хозяйнѣ.

Чичиковъ остолбенѣлъ.

— Какъ-же? сказалъ онъ обратясь съ Селифану и Петрушеѣ, которые оба разинули рты, — выпуча глаза, одинъ, сидя на козлахъ, другой стоя у дверцы коляски, — какъ-же это вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано къ полковнику Кашкареву, а вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

— Ребята сдѣлали отлично. Ступайте на кухню, тамъ вамъ дадутъ по чашорухѣ водки, сказалъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ. Отгладывайте коней и ступайте сейчасъ въ людскую.

— Я, право, совѣшусь, такая неожиданная ошибка, проговорилъ Чичиковъ.

— Не ошибка, живо проговорилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ, не ошибка. Вотъ вы прежде попробуйте каковъ обѣдъ, да потомъ скажете ошибка-ли это? Покорнѣйше прошу, сказалъ, взявши Чичикова за руку и вводя во внутреннія покои.

Изъ покоевъ имъ на встрѣчу вышли двое юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ, тонкіе, точно ивовые хлысты; цѣлымъ аршиномъ вытнало ихъ выше отцовскаго роста.

— Сыновья мои, гимназисты, пріѣхали на праздники. Николаша, ты побудь съ гостемъ; а ты, Алексаша, ступай со мною. Сказавъ это хозяйнѣ исчезъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша, кажется, былъ будущій человекъ дрянцо. Онъ разсказалъ съ первыхъ-же разовъ Чичикову, что въ губернской гимназій нѣтъ никакой выгоды учиться; что онъ съ братомъ хочетъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провинція не стоитъ того, чтобы въ ней жить.

— Понимаю, подумалъ Чичиковъ, кончите дѣло кандитерскими да бульварами.

— А что, спросилъ онъ вслухъ, въ какомъ состояніи имѣніе вашего батюшки?

— Заложено, сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившись въ гостинной—заложено.

— Плохо, подумалъ Чичиковъ, этакъ скоро не останется ни одного имѣнія. Нужно торопиться.

— Напрасно, однакожъ, сказалъ онъ съ видомъ сожалѣнія, поспѣшили заложить.

— Какъ напрасно, сказалъ Пѣтухъ. Всѣ заглядываютъ; говорятъ выгодно. Какъ-же отставать отъ другихъ? притомъ все жить здѣсь. Дай-ка попробую пожить въ Москвѣ. Вотъ сыновья то же уговариваютъ. Хотятъ столичнаго просвѣщенія.

„Дуракъ, дуракъ“, подумалъ Чичиковъ. „Проматывать все, да и дѣтей сдѣлать мотами. Имѣннице порядочное. Поглядишь, и мужикамъ хорошо, и имъ не дурно. А какъ просвѣтишься тамъ у рестораноу, да по театрамъ, все пойдетъ къ чорту. Жилъ бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ“.

— А вѣдь я знаю, что вы думаете, сказалъ Пѣтухъ.

— Что? спросилъ Чичиковъ смутившись.

— Вы думаете: дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ, зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ. Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Неуспѣетъ стриженная дѣвка косы заплести, какъ онъ поспѣетъ.

— Батюшка, Платонъ Михайлычъ ѣдетъ, сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

— Верхомъ на гнѣдой, подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну. Ты думаешь, Алексаша, нашъ игривый хуже его.

— Хуже, не хуже, но выступка все-таки....

— Гдѣ, гдѣ? закричалъ Пѣтухъ, подступивъ къ окну.

— Кто это Платонъ Михайловичъ, спросилъ Чичиковъ у Алексаши.

— Сосѣдъ нашъ: Платонъ Михайлычъ Платоновъ, прекрасный человекъ, отвѣчалъ Алексаша.

Между тѣмъ вошелъ въ комнату красавецъ, стройнаго роста, глаза темные, волосы свѣтлорусые. Гремя мѣдными ошейниками, мордастый песъ, собака-страшилище, именемъ Ярбъ, вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Обѣдали? спросилъ хозяинъ.

— Обѣдалъ.

— „Чтожъ вы смѣяться, что ли, надомною пріѣхали. Чтожъ мнѣ въ васъ послѣ обѣда?“

Гость усмѣхнувшись сказалъ:

— Утѣшу васъ тѣмъ, что я ничего не ѣлъ за обѣдомъ: вовсе нѣтъ аппетита.

— А каковъ былъ уловъ! Еслибы вы видѣли какой осетрище пожаловалъ! какіе карасищи!

— Даже досадно васъ слушать, отчего вы всегда такъ веселы?

— Да отчего-же скучать, помиуйте, сказалъ хозяинъ.

— Какъ отчего скучать, оттого что скучно.

— Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте хорошенько пообѣдать.

Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку: прежде никто не скучалъ.

— Да полно хвастать; будто ужъ вы никогда нескучали?

— Никогда. Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скуки. Поутру проснешься, тутъ сейчасъ поварь; нужно заказывать обѣдъ; тутъ чай; тутъ приващикъ; тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда, не успѣлъ вскрапнуть, опять поварь, нужно заказывать ужинъ... Когда же скучать?

Во все время разговора, Чичиковъ разсматривалъ гостя, который нзумлялъ его необыкновенной красотой, стройнымъ картиннымъ ростомъ, свѣжестью неспорченной юности, дѣвственной чистотой, ни однимъ прыщикомъ неопозореннаго лица его. Оно оставалось какъ-то сонно, несмотря на проницескую улыбку, время отъ времени оживляющую его.

— Я также, позвольте замѣтить, сказалъ Чичиковъ, не могу понять, какъ, при такой наружности, какова ваша, скучать. На вашемъ мѣстѣ, я, и всякій, развѣ при оцутительномъ недостаткѣ денегъ..... или въ случаѣ какихъ-нибудь враговъ, готовыхъ покуситься даже на самую жизнь....

— Повѣрьте, прервалъ съ усмѣшкою красавецъ-гость, что для разнообразія я желалъ бы даже имѣть враговъ, хоть какую-нибудь тревогу... Ну хоть бы кто разсердилъ меня! И того нѣтъ. Скучно да и только!

— Ну, можетъ быть, заботы по имѣнью, недостаточность земли или малое количество душъ.

— Ничуть. У насъ съ братомъ земли десять тысячъ десятинъ, а при нихъ болѣе тысячи душъ крестьянъ.

— Странно, непостижимо! Но, можетъ быть, неурожай, болѣзни, много вымерло мужеска пола людей?

— Напротивъ, все въ лучшемъ порядкѣ; братъ мой отличнѣйшій хозяинъ.

— И при этомъ скучать! Непонимаю! сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

— А вотъ мы скуку сейчасъ разгонимъ, сказалъ хозяинъ. Бѣги, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы намъ поскорѣе онъ прислалъ растегайчиковъ. Да гдѣ-же ротозѣй-Емельянъ—и воръ, Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски.

Дверь растворилась, и ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка вошли съ салфетками, покрыли столъ и поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоевъ. Вокругъ подноса съ графинами остави-

лось ожерелье тарелокъ со всякой подстрекающей снѣдью. Пѣтухъ пособлялъ слугамъ поскорѣе уставлятъ закуску.

— Гдѣ же моя рюмка?

На особомъ подносикѣ ротозѣй-Емельянъ подалъ рюмку величиною въ стаканъ. Пѣтухъ взялъ ее въ руки и наливая изъ графина, до самыхъ краевъ, сказалъ обращаясь къ Чичикову:

— Это моя пропорція: ровно столько сколько помѣщается во рту. Пью передъ закускою только одну рюмку, но полномѣрную.

Проговоривъ это онъ мигнулъ Чичикову, открылъ ротъ трубою, закинулъ голову и разомъ опрокинулъ въ себя всю рюмку, такъ что щеки его раздулись, и Чичиковъ испугался не захлебнулся ли хозяинъ. Но хозяинъ не захлебнулся. Пропустилъ горлою живительную влагу, протянувъ руки съ графиномъ и рюмкою къ Чичикову. Чичиковъ принялъ ихъ и все смотрѣлъ въ глаза хозяина, который, проглотивъ пропорцію, могъ только выговорить:

— Отличная!—и проводя рукою по груди и животу прибавилъ—согрѣваетъ и поощряетъ.

Чичиковъ налилъ себѣ нѣсколько капель живительной влаги и передалъ графинъ Платонову, который вовсе отказался отъ согрѣвающей и поощряющей влаги. За то гимназисты приложились къ ней какъ слѣдуетъ, однакожь, не изъ батюшкиной пропорціи, а меньшими рюмками. Затѣмъ Петръ Петровичъ налегъ на закуску. Слуги поворачивались расторопно, безпрестанно принося что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Хозяинъ улепетывалъ все съ необыкновенною скоростью, такъ что масло въ два ручья текло у него по подбородку, а ему некогда было обтереться салфеткою; подчивалъ Чичикова, неразговаривая, потому что ротъ былъ весь набитъ до-нельзя, а только подсовывая то то, то другое, и издавая какіе-то невнятные звуки.

Платоновъ почти незакусывалъ: уткнулъ нѣсколько разъ вилкою въ кусочекъ селедки, подержалъ ее на вилкѣ, укусилъ разъ, другой и заѣлъ кусочкомъ хлѣба. Хозяинъ невыдержалъ:

— Просто аппетитъ пропадаетъ, смотря на васъ, Платонъ Михайловичъ... Водки не пить, не закусываете... и хотите, чтобъ скука отъ него отвязалась.

— Помилуйте, Петръ Петровичъ! да закуска портитъ обѣдъ, а я намѣренъ у васъ обѣдать.

— Вадоръ говорить, кто говорить, что закуска портитъ обѣдъ. Нѣтъ, сударь, закуска располагаетъ къ обѣду, закуска поощряетъ къ обѣду. Разумѣется, какая закуска... А главное, чтобы пока закусы-

ваше, разливали супъ въ столовой... это главное... Вы видите, что я не оставляю закуски нарочно, пока не подадутъ на столъ.

— Кушанье готово, доложилъ ротозѣй Емельянъ. Пѣтухъ вскочилъ со стула, захвативши два бутерброда съ языкомъ и швейцарскимъ сыромъ, сложилъ ихъ вмѣстѣ, сунулъ въ ротъ и показалъ рукою гостямъ въ столовую; проговорить ничего не могъ, потому что ротъ былъ набитъ до-нелзя.

Вошли въ столовую, гдѣ, кромѣ ротозѣя-Емельяна и вора-Антошки, находился еще казачекъ Петрушка-мерзавецъ. Названія эти были даны служителямъ Петра Петровича имъ самимъ, такъ себѣ, для поощренья. Баринъ вовсе не хотѣлъ браниться; это они знали; онъ былъ добрякъ. Но ужъ русскій человѣкъ какъ-то не можетъ обойтись безъ брани. Она ему нужна, какъ рюмка живительной лаги для сваренія въ желудкѣ: согрѣваетъ и поощряетъ. Чтъ жъ дѣлать! такая натура прѣснаго не любить.

За обѣдомъ хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Тутъ уже онъ не торопился какъ за закуской. Говорилъ, шутилъ, похваливалъ всякое блюдо, прищелкивалъ языкомъ и слѣдилъ немилосердно за тѣмъ ѣдятъ ли гости. Чуть замѣчалъ, что у кого одинъ кусокъ, подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: безъ пары ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ. У кого два, подкладывалъ третій, приговаривая: Богъ тройцу любитъ. Съѣдалъ гость три, онъ ему: гдѣ же бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто же строитъ избу объ трехъ углахъ? На четыре была у него поговорка, на пять тоже.

Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть-ли не двадцать ломтей, и думалъ: „ну, теперь ничего не приберетъ хозяинъ“. Не тутъ-то было. Не говоря ни слова, хозяинъ положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ съ почками, да и какого теленка?

— Два года воспитывалъ на молокѣ, сказалъ хозяинъ, ухаживалъ какъ за сыномъ.

— Не могу, сказалъ Чичиковъ.

— Вы попробуйте да потомъ и скажете: не могу.

— Не взойдетъ; нѣтъ мѣста.

— Да, вѣдь, и въ церкви не было мѣста; а пришелъ городничій, нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ упасть. Вы только попробуйте, этотъ кусокъ тотъ же городничій.

Попробовалъ Чичиковъ, дѣйствительно, кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а казалось уже ничего нельзя было помѣстить.

„Ну, какъ этакому человѣку ѣхать въ Петербургъ или въ Москву.

Съ такимъ хлѣбосољствомъ, онъ тамъ въ одинъ годъ проживется въ путь". Такъ думалъ Чичиковъ, доѣдая кусокъ теменца, помѣщавшагося въ животѣ, какъ городничій въ черевѣ.

Съ виномъ была та же исторія: хозяинъ то и дѣло подливалъ да подливалъ. Чего не допивали гости, давалъ допивать Николашѣ и Алексашѣ, которые такъ и хлопали рюмку за рюмкой, но встали изъ-за стола какъ будто ни въ чемъ не бывало, точно выпили по стакану воды. Напередъ ужъ видно было на какую часть человѣческихъ познаній они обратятъ вниманіе, по пріѣздѣ въ столицу.

Съ гостями было не то: насилу они перетаскились на балконъ и на силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ засѣлъ въ какое-то четырехмѣстное кресло, и подумавши сказалъ съ грустью: „Господи Боже мой, ну много ли нужно человѣку, вотъ и сытъ!“ Сказавъ это, онъ тутъ же заснулъ. Тучная, толстая собственность его превратилась въ кузнечный мѣхъ, стала издавать черезъ открытый ротъ и носовые продухи такіе звуки, какихъ не бываетъ и въ военной мушкетѣ. Тутъ было все: и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый гулъ, точно собачій лай.

— Экъ его насвистываетъ, сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ разсмѣялся.

— Разумѣется, если этакъ пообѣдать, какъ тутъ придти скуѣ. Тутъ сонъ придетъ. Не правда-ли?

— Да. Но я, однакожъ, вы меня извините, не могу понять какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ.

— Какія же?

— Да, мало ли: для молодого человѣка: танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ, а не-то — жениться.

— На комъ?

— Да будто въ окрестностяхъ нѣтъ хорошихъ, богатыхъ невѣстъ?

— Есть много чучель. Да, вѣдь, онѣ-то и есть олицетворенная скука, если не что-нибудь похуже.

— Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить—и богатая мысль сверкнула въ головѣ Чичикова.

— Да вотъ прекрасное средство, сказалъ онъ глядя въ глаза Платонову.

— Какое?

— Путешествіе.

— Куда же ѣхать?

— Да если вамъ свободно, поѣзжайте со мною, сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: а это было бы хорошо.

тогда бы можно было и издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ.

— А вы куда ѣдете?

— Покажѣсть ѣду я не столько по своей надобности, сколько по надобности другого. Генераль Ветрищевъ, близкій пріятель и можно сказать благотворитель, просилъ навѣстить его родственниковъ. Конечно, родственники родственниками, но, отчасти, такъ-сказать, и для самого себя, ибо видѣть свѣтъ, коловращеніе людей.... какъ это ни говори — есть какъ-бы живая книга, вторая наука. Сказавши это, Чичиковъ между тѣмъ помышлялъ: право было-бы хорошо: можно даже и всѣ издержки на его счетъ, даже и отправиться на его лошадакъ, а мой-бы покормились у него въ деревнѣ.

„Что-жь? Почему не проѣздитесь, думалъ между тѣмъ Платоновъ. Дома-же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата, стало быть разстройства никакого. Почему-жь, въ самомъ дѣлѣ не проѣздитесь?“

— „А согласны-ли вы, сказалъ онъ вслухъ, погостить у брата денъка два? иначе онъ меня не отпустить.“

— Съ большимъ удовольствіемъ, хотъ три.

— „Ну такъ по рукамъ, ѣдемъ! сказалъ оживясь Платоновъ. Они хлопнули по рукамъ.“

— Куда, куда? вскрикнулъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. Нѣтъ сударьки! и колеса у коляски приказалъ снять; а вашего жеребца, Платонъ Михайловичъ, угнали отсюда за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра, послѣ ранняго обѣда, пожалуй и поѣзжайте себѣ.

(Далѣе въ рукописи противъ изданій 1855 г. стр. 93 — 97; изд. 1867 года, стр. 312 — 315; 451 — 453 нѣтъ никакой перемѣны, до словъ):

Много еще Пѣтухъ заказывалъ блюдъ.

— Пропалъ совершенно сонъ! сказалъ Чичиковъ, перевертываясь, и закуталъ голову въ подушки, и закрылъ себя всего одѣялами, чтобы не слышать проклятаго Пѣтуха. Но и сквозь подушки и одѣяла раздавалось безпрестанно: „Да поджарь! да поджарь, да дай взойтить хорошенько!...“

— Поджарить-бы тебѣ, да попечь хорошенько твой языкъ — сказалъ про себя Чичиковъ, и рѣшился ждать окончанія заказыванія обѣда. Заснулъ нашъ Чичиковъ уже на какомъ-то индюкѣ. И грезился ему во снѣ Петръ Петровичъ Пѣтухъ, откормленнымъ, огромнымъ индюкомъ, безъ перьевъ. И видѣлъ онъ, какъ поваръ поймалъ индюка, посадилъ живого на вертель и сталъ припекать, обливая горячимъ масломъ. И, странное дѣло, показалось еще, что Петръ Пе-

тровичъ, въ видѣ идиота, сидя на вертелѣ, приговаривалъ безпрестанно: „Поджарь, поджарь, припеки хорошенько,“!...

Всю ночь грезились эти бредни Павлу Ивановичу.

На другой день, за раннимъ обѣдомъ, сдѣланнымъ, по словамъ Пѣтуха на скорую руку, гости до того объѣлись, что Платоновъ не могъ уже ѣхать верхомъ. Жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха, Платонъ Михайловичъ съ Чичиковымъ въ коляскѣ. Мордатый пестъ пошелъ лѣнливо за коляской. Онъ тоже объѣлся.

— „Это ужъ слишкомъ! сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали за ворота.

— А не скучаетъ, — вотъ что досадно, сказалъ Платоновъ.

— Было-бы у меня, какъ у тебя, пятьдесятъ тысячъ годового дохода — подумалъ Чичиковъ, да я бы скуку и на глаза не пустилъ.

(Далѣе въ рукописи противъ печатныхъ изданій нѣтъ вариантовъ).

Сообщ. М. М. Боголюбовой.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. В. ГОГОЛѢ.

1848—1852.

Въ первый разъ встрѣтился я съ Гоголемъ у С. П. Шевырева въ концѣ 1848 года. Было нѣсколько человѣкъ гостей, принадлежавшихъ къ московскому кружку литераторовъ, которыхъ называли славнофилами. Сколько могу припомнить, всѣ они были приглашены на обѣдъ для Гоголя, только-что воротившагося изъ Италіи и находившагося тогда въ апогеѣ своего величія и славы. Трудно представить себѣ болѣе избалованнаго литератора и съ болѣшими претензіями, чѣмъ былъ въ то время Гоголь. Вся Россія любитъ во всемъ пересолить; Москва еще больше. Московскіе друзья Гоголя, точнѣе сказать приближенные (дѣйствительнаго друга у Гоголя, кажется, не было во всю жизнь) окружали его неслышаннымъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ. Онъ находилъ у кого-нибудь изъ нихъ, во всякій свой пріѣздъ въ Москву, все что нужно для самаго спокойнаго и комфортабельнаго житія: столъ съ блюдами, которыя онъ наиболѣе любилъ; тихое, уединенное помѣщеніе и прислугу, готовую исполнять всѣ его малѣйшія прихоти. Этой прислугѣ съ утра до ночи строго внушалось, чтобъ она отнюдь не входила въ комнату гостя безъ требованія съ его стороны; отнюдь не дѣлала ему никакихъ вопросовъ; не подглядывала (сохрани Богъ!) за нимъ. Всѣ домашніе снабжались подобными-же инструкціями. Даже близкіе знакомые хозяина, у кого жилъ Гоголь, должны были знать, какъ вести себя, если неравно съ нимъ встрѣтятся и заговорятъ. Имъ сообщалось, между прочимъ, что Гоголь терпѣть не можетъ говорить о литературѣ, въ особенности о своихъ произведеніяхъ, а потому никоимъ образомъ нельзя обременять его вопросами: „что онъ теперь пишетъ?“ а равно: „куда поѣдетъ?“ или: „откуда пріѣхалъ?“ И этого онъ также не любилъ. Да и вообще-моль подобныя вопросы въ разговорѣ съ нимъ не ведутъ ни къ чему: онъ отвѣтитъ уклончиво, или ничего не отвѣтитъ. Ѣдетъ въ Малороссію,

скажетъ: въ Римъ; ѣдетъ въ Римъ, скажетъ: въ деревню къ такому у то . . . стало-быть, зачѣмъ понапрасну беспокоить!

Я достаточно былъ „намуштрованъ“ по этой части и какъ-то такъ сжился съ понятіями московскихъ друзей Гоголя, что въ нему нужно относиться именно такъ, какъ они относились, что это было для меня въ высшей степени естественно и просто. Шумъ имени Гоголя, эффектъ его приѣздовъ въ Москву (по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ кружкахъ), желаніе многихъ взглянуть на него хоть въ щелку—все это производило на меня въ ту пору весьма сильное впечатлѣніе. Признаюсь: подходя къ двери, за которою я долженъ былъ увидѣть Гоголя, я почувствовалъ не меньше волненія, съ какимъ, одиннадцать лѣтъ спустя, подходилъ въ первый разъ къ двери марсальскаго героя.

Гостиная была уже полна. Одни сидѣли, другіе стояли, говоря между собою. Ходилъ только одинъ, небольшого роста человѣкъ, въ черномъ суртукѣ и брюкахъ, похожихъ на шаровары, остриженный въ свободу, съ небольшими усиками, съ быстрыми и пронизательными глазами темнаго цвѣта, нѣсколько-блѣдный. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, руки въ карманы, и тоже говорилъ. Походка его была оригинальная, мелкая, невѣрная, какъ-будто одна нога старалась заскочить постоянно впередъ, отчего одинъ шагъ выходилъ какъ-бы шире другаго. Во всей фигурѣ было что-то несвободное, сжатое, скомканное въ кулакъ. Никакого размаху, ничего открытаго нигдѣ, ни въ одномъ движеніи, ни въ одномъ взглядѣ. Напротивъ взгляды, бросаемыя имъ то туда, то сюда, были почти-что взглядами изъ-подлобья, наискось, мелькомъ какъ-бы лукаво, не прямо другому въ глаза, стоя передъ нимъ лицомъ къ лицу. Для знакомаго немного съ фізіономіями хохловъ—хохоль былъ тутъ видѣнъ съ разу. Я сейчасъ сообразилъ, что это Гоголь, больше такъ, чѣмъ по какому-либо портрету. Замѣчу здѣсь, что ни одинъ изъ существующихъ портретовъ Гоголя не передаетъ его какъ надо. Лучшій—это литографія Горбунова съ портрета Иванова, въ халатѣ *). Она, случайно, вышла

*) Исторія этого портрета можетъ быть рассказана, какъ черта Гоголева характера. М. П. Погодинъ постоянно просилъ своего пріятеля о портретѣ тотъ общалъ. Проходили однакоже дни, мѣсяцы, годы—портрета не было. Однажды, послѣ отъѣзда Гоголя изъ Москвы, отъѣзда, какъ всѣ его отъѣзды внезапнаго, таинственнаго, безъ всякихъ проводовъ нашли въ номерѣ, гдѣ онъ жилъ, какъ-бы забытый портретъ. Общій голось присудилъ отдать его М. П. П., какъ виновнику того, что портретъ, такъ или ииначе, явился. Почему-бы не отдать руками? Почему портретъ не конченъ? Почему это только эскизъ, набросанный кое-какъ, когда торопятъ, грозятъ уйти, не сидятъ спокойно? Во всемъ этомъ, во всѣхъ этихъ мудреныхъ продѣлкахъ Гоголь ри-

лучше оригинала; что до сходства: лучше передала эту хитрую; чумацкую улыбку — не улыбку, этот смѣх мудренаго хохла какъ-бы надъ цѣломъ міромъ... Гоголевская мина вообще схвачена вѣрнѣе всего въ очеркѣ Э. А. Мамонова, сдѣланномъ наизусть. Но этотъ очеркъ страдает недостатками, свойственными произведеніямъ такого рода: многое невѣрно, носъ длиннѣе, чѣмъ былъ у Гоголя; онъ такъ длиненъ, какъ Гоголь (одно время занимавшійся своею физиономіею) его воображалъ. Волосы не совсѣмъ такъ. Зато галстукъ повязанъ точь-въ-точь какъ повязывалъ его Гоголь.

Хозяинъ представилъ меня. Гоголь спросилъ: „долго-ли вы въ Москвѣ?“ — И когда узналъ, что я живу въ ней постоянно, замѣтилъ: „ну, стало-быть наговоримся, натолкуемся еще!“ — Это была обыкновенная его фраза при встрѣчахъ со многими, фраза, ровно ничего незначившая, которую онъ тутъ-же и забывалъ.

Въ обѣдъ, за который мы всѣ скоро сѣли, Гоголь говорилъ немного, вещи самыя обыденныя.

Затѣмъ я сталъ видать его у разныхъ знакомыхъ славянофильскаго кружка. Онъ держалъ себя бѣльшею частію въ сторонѣ отъ всѣхъ. Если онъ сидѣлъ и къ нему подсаживались съ умысломъ „потолковать, узнать: не пишетъ-ли онъ чего-нибудь новаго?“ — онъ начиналъ дремать, или глядѣть въ другую комнату, или просто — за просто вставалъ и уходилъ. Онъ измѣнялъ обыкновеннымъ своимъ порядкамъ, если въ числѣ приглашенныхъ вмѣстѣ съ нимъ оказывался одинъ малороссіанинъ, членъ того-же славянофильскаго кружка. Какимъ-то таинственнымъ магнитомъ таянодо ихъ тотчасъ другъ ко другу: они усаживались въ уголъ и говорили нерѣдко между собою цѣлый

суется едвали не больше, чѣмъ на портретѣ, какъ-бы забытомъ имъ въ Москвѣ, когда онъ уѣзжалъ куда-то. Наконецъ и то: почему портретъ рисовалъ Ивановъ, живописецъ вовсе не портретный?...

О портретѣ работы Моллера (опять-таки не портретиста) слышалъ я, что онъ заказанъ былъ Гоголемъ для отсылки въ Малороссію, въ матери, послѣ убѣдительныхъ просьбъ цѣлаго его семейства. Гоголь повидному думалъ тогда, какъ-бы сняться покрасивѣе; надѣлъ сюртукъ, въ какомъ никогда его не видали, ни прежде, ни послѣ; растянулъ по жилету невѣроятную бюсерную цѣпочку; сѣлъ прямо, можетъ быть для того, чтобъ спрятать отъ потомковъ сколь возможно болѣе свой длинный носъ, который, впрочемъ, былъ не особенно длиненъ.

Опубликованіе портрета Гоголя, сдѣланное друзьями безъ его вѣдома, взбѣсило его. Онъ долго не могъ забыть этого и въ такъ-называемомъ завѣщаніи, въ ст. VII, говоритъ: «Завѣщаніе... Но я вспомнилъ, что уже не могу этимъ располагать. Неосмотрительнымъ образомъ похищено у меня право собственности: безъ моей воли и позволенія опубликованъ мой портретъ“...

Н. В.

вечеръ, горячо и одушевленно, какъ Гоголь (при мнѣ по крайней мѣрѣ) ни разу не говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ великоруссовъ.

Если-жъ не было малороссіянина, о которомъ я упомянуль, — появленіе Гоголя на вечерѣ, иной разъ нарочно для него устроенномъ, было почти всегда минутное. Пробѣжить по комнатамъ, взглянуть; посидить гдѣ-нибудь на диванѣ, большею частію совершенно одинъ; скажетъ съ инымъ пріятелемъ два-три слова, изъ благоприличія, небрежно, Богъ-вѣсть гдѣ летая въ то время своими мыслями — и былъ таковъ.

Ходилъ онъ вѣчно въ одномъ и томъ-же черномъ сюртукѣ и шароварахъ. Бѣлья не было видно. Во фракѣ, я думаю, видали Гоголя немногіе. На головѣ, сколько могу припомнить, носилъ онъ большею частію шляпу, лѣтомъ — сѣрую, съ большими полями.

Однажды, кажется въ томъ-же 1848 году, зимой, былъ у Погодина вечеръ, на которомъ Щепкинъ читалъ что-то изъ Гоголя. Гоголь былъ тутъ же. Просидѣвъ совершеннымъ истуканомъ, въ углу, рядомъ съ читавшимъ, часъ или полтора, со взглядомъ, устремленнымъ въ неопредѣленное пространство, — онъ всталъ и скрылся...

Впрочемъ, положеніе его въ тѣ минуты было точно затруднительное: читалъ не онъ самъ, а другой; между-тѣмъ вся зала смотрѣла не на читавшаго, а на автора, какъ бы говоря: „А! вотъ ты какой, господинъ Гоголь, написавшій намъ эти забавныя вещи!“

Другой разъ было назначено у Погодина-же чтеніе комедіи Островскаго Свои люди сочтемся *), тогда еще новой, надѣлавшей значительнаго шума во всѣхъ литературныхъ кружкахъ Москвы и Петербурга, а потому слушающихъ собралось довольно: актеры, молодые и старые литераторы, между прочимъ графиня Ростопчина, только-что появившаяся въ Москвѣ послѣ долгаго отсутствія и обращающая на себя немалое вниманіе. Гоголь былъ званъ также, но пріѣхалъ среди чтенія; тихо подошелъ къ двери и сталъ у притокови. Такъ и простоялъ до конца, слушая повидимому внимательно.

Послѣ чтенія онъ не проронилъ ни слова. Графиня подошла къ нему и спросила: „Что вы скажете, Николай Васильевичъ?“ — „Хорошо, но видна нѣкоторая неопытность въ пріемахъ. Вотъ этотъ актъ нужно-бы подвинуть, а этотъ покороче. Эти законы узнаются послѣ и въ непреложность ихъ не сейчасъ начинаешь вѣрить“.

Больше ничего онъ не говорилъ, кажется, ни съ кѣмъ, во весь тотъ вечеръ. Къ Островскому, сколько могу припомнить, не подходилъ ни разу. Послѣ однако я имѣлъ случай не разъ замѣтить, что

*) Она носила тогда названіе: Банкротъ.

Гоголь цѣнить его талантъ и считаетъ его, между московскими литераторами, самымъ талантливымъ. Разъ, въ день его именинъ, которыя справлялъ онъ, въ бытность свою въ Москвѣ, постоянно у Погодина въ саду, — ѣхали мы съ Островскимъ откуда-то вмѣстѣ на дрожжахъ и встрѣтили Гоголя, направлявшагося къ Дѣвичьему полю. Онъ соскочилъ со своихъ дрожжей и пригласилъ насъ къ себѣ на именины; мы тутъ-же и повернули за нимъ. Обѣдъ, можно сказать, въ исторической аллеѣ, гдѣ я видѣлъ потомъ много памятныхъ для меня другихъ обѣдовъ съ литературнымъ значеніемъ, — прошелъ самымъ обыкновеннымъ образомъ. Гоголь былъ ни веселъ, ни скученъ. Говорилъ и хохоталъ болѣе всѣхъ Хомяковъ, читавшій намъ, между прочимъ, знаменитое объявленіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ *) о волкахъ съ бѣлыми лапами, явившееся въ тотъ день. Были: молодые Аксаковы, Кошелевъ, Шевыревъ, Максимовичъ...

Графиня Ростопчина завела въ томъ году субботніе литературные вечера, на которыхъ бывали всѣ молодые московскіе литераторы того времени. Изъ прежнихъ являлся изрѣдка одинъ Погодинъ. Впрочемъ, разъ я видѣлъ тамъ еще Н. Ф. Павлова. Гоголь не заглянулъ почему-то ни разу, не смотря на старое знакомство съ хозяйкой, у которой, по ея словамъ, очень часто бывалъ въ Римѣ. Ему первому прочла она своего Барона. Гоголь выслушалъ очень внимательно и просилъ повторить. Послѣ того сказалъ: „пошлите безъ имени въ Петербургъ: не поймутъ и напечатаютъ“ **). Она такъ и сдѣлала. Понялъ или нѣтъ тотъ, кто получилъ, этого я не знаю, но стихи были напечатаны и прошли нисколько незамѣченные большинствомъ. Тѣмъ Наполеона видѣли въ рисункѣ немногіе. Когда явилось истолкованіе за границей, полиціи было приказано отобрать гдѣ можно курьезный листокъ и это послужило къ большому распространенію и славѣ сказанныхъ стиховъ.

Въ слѣдующемъ 1850 году я видалъ Гоголя чаще всего у Шевырева. Говорили, что онъ пишетъ второй томъ Мертвыхъ Душъ, но никому не читаетъ, или ужъ крайне-избраннымъ. Вообще, въ это время, въ этотъ послѣдній періодъ жизни Гоголя въ Россіи, очень рѣдко можно было услышать его чтеніе. Какъ онъ былъ избалованъ тогда относительно этого и какъ раздражителенъ, достаточно покажетъ слѣдующій случай. Одно весьма близкое къ Гоголю семейство, старые, многолѣтніе друзья, упростили его прочесть что-то изъ „второго тома“. Приняты были всѣ извѣстныя мѣры, чтобы не произошло

*) 9-го мая 1849 года.

**) Я слышалъ это отъ самой графини.

какой помѣхи. Отпить заранѣе чай, удалена прислуга, которой приказано болѣе безъ зова не входить; забыли только предупредить няньку, чтобы она не являлась въ обычный часъ съ дѣтьми прощаться. Едва Гоголь уѣлся и водворилась вождедѣнная тишина — дверь скрипнула и нянька, съ вереницею ребятъ, не примѣчая никакихъ знаковъ и маханій, пошла отъ отца къ матери, отъ матери къ дядюшкѣ, отъ дядюшки къ тетюшкѣ... Гоголь смотрѣлъ-смотрѣлъ на эту патріархальную процедуру вечерняго прощанія дѣтей съ родителами, сложилъ тетрадь, взялъ шляпу и уѣхалъ. Такъ рассказывали.

Въ ту эпоху слыхалъ Гоголя читающимъ чаще другихъ Шевыревъ, чуть-ли не самый ближайшій къ нему изъ всѣхъ московскихъ литераторовъ. Онъ завѣдывалъ обыкновенно продажей сочиненій Гоголя. У него же хранились и деньги Гоголя; между прочимъ былъ ввѣренъ какой-то особый капиталъ, изъ котораго Шевыревъ могъ, по своему усмотрѣнію, помогать бѣднымъ студентамъ, не говоря никому, чьи это деньги. Я узналъ объ этомъ отъ Шевырева только по смерти Гоголя. Наконецъ, Шевыревъ исправлялъ, при изданіи сочиненій Гоголя, даже самый слогъ своего пріятеля, какъ извѣстно, не особенно заботившагося о грамматикѣ. Однако, исправивъ, долженъ былъ все-таки показать Гоголю, что и какъ исправилъ, разумѣется, если авторъ былъ въ Москвѣ. При этомъ случалось, что Гоголь скажетъ: „нѣтъ, ужъ оставь по прежнему!“ Красота и сила выраженія иного живаго оборота для него всегда стояли выше всякой грамматики.

Жилъ въ то время Гоголь крайне тихо и уединенно у графа Толстаго (что послѣ былъ оберъ-прокуроромъ) въ домѣ Талызина, на Никитскомъ бульварѣ, занимая переднюю часть нижняго этажа, окнами на улицу; тогда-какъ самъ Толстой занималъ весь верхъ. Здѣсь за Гоголемъ ухаживали какъ за ребенкомъ, предоставивъ ему полную свободу во всемъ. Онъ не заботился ровно ни о чемъ. Обѣдъ, завтракъ, чай, ужинъ, подавались тамъ, гдѣ онъ прикажетъ. Бѣлье его мылось и укладывалось въ комоды невидимыми духами, если только не надѣвалось на него тоже невидимыми духами. Кромѣ многочисленной прислуги дома служилъ ему, въ его комнатахъ, собственный его человекъ, изъ Малороссіи, именемъ Семенъ, парень очень молодой, смиренный и чрезвычайно преданный своему барину. Тишина во флигелѣ была необыкновенная. Гоголь либо ходилъ по комнатѣ, изъ угла въ уголь, либо сидѣлъ и писалъ, катая шарики изъ бѣлаго хлѣба, про которые говорилъ друзьямъ, что они помогаютъ разрѣшенію самыхъ сложныхъ и трудныхъ задачъ. Одинъ другъ собралъ этихъ шариковъ цѣлыя вороха и хранить благоговѣнно... Когда писаніе утомляло ичч-надоѣдало, Гоголь подымался наверхъ, къ хозяйшю, не то—

надѣвалъ шубу, а лѣтомъ испанскій плащъ, безъ рукавовъ, и отправлялся пѣшкомъ по Никитскому бульвару, большою частію налѣво изъ воротъ. Мнѣ было весьма легко дѣлать эти наблюденія, потому что я жилъ тогда какъ-разъ напротивъ, въ зданіи коммерческаго банка.

Писалъ онъ въ то время очень мало. Машина портилась съ каждымъ днемъ больше и больше. Гоголь становился мрачнѣе и мрачнѣе...

Однажды, кажется у Шевырева, кто-то изъ гостей, не смотря на принятую всѣми знавшими Гоголя систему не спрашивать его ни о чемъ, особенно о литературныхъ работахъ и предпріятіяхъ,—не удержался и замѣтилъ ему, „что это онъ смолкъ: ни строки, вотъ уже сколько мѣсяцевъ сряду!“—Ожидали простаго молчанія, какимъ отдѣливался Гоголь отъ подобныхъ вопросовъ, или ничего незначащаго отвѣта. Гоголь грустно улыбнулся и сказалъ: „Да! какъ странно устроены человѣкъ: дай ему все, чего онъ хочетъ, для полнаго удобства жизни и занятій, тутъ-то онъ и не станетъ ничего дѣлать; тутъ-то и не пойдетъ работа!“

Потомъ, помолчавши немного, онъ сообщилъ слѣдующее:

„Со мною былъ такой случай: ѣхалъ я разъ между городками Джансано и Альбано *), въ іюлѣ мѣсяцѣ. Среди дороги, на бугрѣ, стоитъ жалкій трактиръ, съ бильярдомъ въ главной комнатѣ, гдѣ вѣчно гремать шары и слышится разговоръ на разныхъ языкахъ. Всѣ проѣзжающіе мимо непременно тутъ останавливаются, особенно въ жаръ. Остановился и я. Въ то время я писалъ первый томъ Мертвыхъ Душъ и эта тетрадь со мною не разставалась. Не знаю почему, именно въ ту минуту, когда я вошелъ въ этотъ трактиръ, захотѣлось мнѣ писать. Я велѣлъ дать столикъ, усѣлся въ уголокъ, досталъ портфель и подъ громъ катаемыхъ шаровъ, при невѣроятномъ шумѣ, бѣготнѣ прислуги, въ дыму, въ душной атмосферѣ, забллся удивительнымъ сномъ и написалъ цѣлую главу, не сходя съ мѣста. Я считаю эти строки одними изъ самыхъ вдохновенныхъ. Я рѣдко писалъ съ такимъ одушевленіемъ. А вотъ теперь нивто кругомъ меня не стучитъ, и не жарко, и не дымно“....

Въ другой разъ, въ припадкѣ подобной литературной откровенности, тоже кажется у Шевырева, Гоголь разсказалъ при мнѣ, какъ онъ обыкновенно пишетъ, какой способъ писать считаетъ лучшимъ.

„Сначала нужно набросать все, какъ придется, хотя-бы плохо, водянисто, но рѣшительно все, и забыть объ этой тетради. Потомъ, черезъ мѣсяцъ, черезъ два, иногда и болѣе (это скажется само-собой) достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не

*) Въ Паллской области.

такъ, много лишняго, а кое-чего и недостаетъ. Сдѣлайте поправки и замѣтки на поляхъ — и снова забросьте тетрадь. При новомъ пересмотрѣ ея новыя замѣтки на поляхъ, и гдѣ не хватитъ мѣста — взять отдѣльный клочекъ и приклеить съ боку. Когда все будетъ такимъ образомъ исписано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тутъ сами собой явятся новыя озаренія, урѣзы, добавки, очищенія слога. Между прежнихъ вскочать слова, которыя необходимо тамъ должны быть, но которыя почему-то никакъ не являються сразу. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не дѣлайте ничего, или хоть пишите другое. Придетъ часъ: вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тѣмъ-же способомъ и когда снова она будетъ измарана, перепишите ее собственноручно. Вы замѣтите при этомъ, что вмѣстѣ съ крѣпчаніемъ слога, съ отдѣлкой, очисткой фразъ — какъ-бы крѣпчаетъ и ваша рука; буквы ставятся тверже и рѣшительнѣе. Такъ надо дѣлать по-моему восемь разъ. Для иного, можетъ быть, нужно меньше, а для иного и еще больше. Я дѣлаю восемь разъ. Только послѣ восьмой переписки, непремѣнно собственною рукою, трудъ является вполне художнически законченнымъ, достигаетъ перла созданія. Дальнѣйшія поправки и пересматриванье, пожалуй, испортятъ дѣло; что называется у живописцевъ: зарисуешься. Конечно, слѣдовать постоянно такимъ правиламъ нельзя, трудно. Я говорю объ идеалѣ. Иное пустишь и скорѣе. Человѣкъ все-таки человѣкъ, а не машина“.

Писалъ Гоголь довольно красиво и разборчиво, болѣею частью на бѣлой почтовой бумагѣ большого формата. Такими бывали по крайней мѣрѣ послѣднія, доведенныя до полной отдѣлки его рукописи.

Разъ я видѣлъ Гоголя въ большомъ московскомъ театрѣ, во время представленія Ревизора. Хлестакова игралъ Шумскій; городничаго Щепкинъ. Гоголь сидѣлъ въ первомъ ряду, противъ середины сцены, слушалъ внимательно и разъ, или два хлопнулъ. Обыкновенно (какъ я слышалъ отъ его друзей) онъ бывалъ не слишкомъ доволенъ обстановкой своихъ пьесъ и ни одного Хлестакова не признавалъ вполне разрѣшившимъ задачу. Шумскаго чуть-ли не находилъ онъ лучшимъ. — Щепкинъ игралъ въ его пьесахъ, по его мнѣнію, хорошо. Это былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Гоголю людей. Всѣ почти пьесы Гоголя шли въ бенефисы Щепкина и потому не дали автору ничего ровно.

Въ 1851 году мнѣ случилось жить съ Гоголемъ на дачѣ у Шеврева, верстахъ въ 20-ти отъ Москвы, по рязанской дорогѣ. Какъ называлась эта дача, или деревня, не припомню. Я приѣхалъ прежде, по приглашенію хозяина, и мнѣ былъ предложенъ для житья уединенный флигель, окруженный старыми соснами. Гоголя совсѣмъ не

ждали. Вдругъ, въ тотъ же день послѣ обѣда, подкатила къ крыльцу наемная карета на парѣ сѣрыхъ лошадей и оттуда вышелъ Гоголь, въ своемъ испанскомъ плащѣ и сѣрой шляпѣ, нѣсколько запыленный.

Въ домѣ былъ я одинъ. Хозяева гдѣ-то гуляли. Гоголь вошелъ балконной дверью, довольно живо. Мы распѣловались и сѣли на диванъ. Гоголь не преминулъ сказать обычную свою фразу: „ну, вотъ теперь наговоримся: я приѣхалъ сюда пожить!“....

Явившійся хозяинъ просилъ меня уступить Гоголю флигель, котораго я не успѣлъ даже и занять. Мнѣ отвели комнату въ домѣ, а Гоголь перебрался ту же минуту во флигель со своими портфелями. Людямъ, какъ водится, было запрещено ходить къ нему безъ зову и вообще не вертѣться безъ толку около флигеля. Анахоретъ продолжалъ писать второй томъ Мертвыхъ Душъ, вытягивая изъ себя клещами фразу за фразой. Шевыревъ ходилъ къ нему и они вмѣстѣ читали и перечитывали написанное. Это дѣлалось съ такою таинственностью, что можно было думать, что во флигелѣ, подъ сѣнію старыхъ сосенъ, сходятся заговорщики и варятъ всякія зелья революціи. Шевыревъ говорилъ мнѣ, будто-бы написанное несравненно выше перваго тома. Увы! дружба сильно увлеклась...

Къ завтраку и къ обѣду Гоголь являлся не всегда, а если и являлся, то сидѣлъ почти не дотрогиваясь ни до одного блюда и глотая по временамъ какія-то пилюльки. Онъ страдалъ тогда разстройствомъ желудка: былъ постоянно скученъ и вялъ въ движеніяхъ, но нисколько не худъ на лицо. Говорилъ немного и тоже какъ-то вяло и неохотно. Улыбка рѣдко мелькала на его устахъ. Взоръ потерялъ прежній огонь и быстроту. Словомъ, это были уже развалины Гоголя, а не Гоголь.

Я уѣхалъ съ дачи прежде и не знаю, долго-ли тамъ оставался Гоголь. Лѣто того года я прожилъ у себя въ деревнѣ и когда воротился въ Москву, то услышалъ, что Гоголемъ написано уже одиннадцать главъ втораго тома, но онъ все ими недоволенъ, все поправляетъ и переписываетъ.... вѣроятно, переписка этихъ одиннадцати главъ повторилась болѣе восьми завѣтныхъ разъ.

Зимой, въ концѣ 1851 и въ началѣ 1852 года здоровье Гоголя разстроилось еще больше. Впрочемъ, онъ постоянно выходилъ изъ дому и бывалъ у своихъ знакомыхъ. Но около половины февраля захирѣлъ не на шутку и слегъ. По крайней мѣрѣ уже его не видно было пробирающимся по Нивитскому и Тверскому бульварамъ. Само собою разумѣется, что всѣ лучшіе врачи не отходили отъ него, въ томъ числѣ былъ и самъ знаменитый А. И. Оверъ. Онъ нашелъ нужнымъ поставить влистіръ и предложилъ сдѣлать это лично. Гоголь согласился, но когда приступили къ исполненію, онъ закричалъ не-

истовнымъ голосомъ и объявилъ рѣшительно, что мучить себя не позволитъ, что бы тамъ ни случилось. „Случится то, что вы умрете!“ сказалъ Оверъ. — Ну что-жь! — отвѣчалъ Гоголь: я готовъ... я уже слышалъ голоса...

Все это передавали мнѣ окружавшіе въ то время Гоголя. Онъ все-таки не казался такъ слабъ, чтобъ, взглянувъ на него, можно было подумать, что онъ скоро умретъ. Онъ нерѣдко вставалъ съ постели и ходилъ по комнатѣ, совершенно такъ, какъ-бы здоровый. Посѣщенія друзей, повидимому, болѣе отягощали его, чѣмъ приносили ему какое-либо утѣшеніе. Шевыревъ жаловался мнѣ, что онъ принимаетъ самыхъ ближайшихъ къ нему ужъ черезъ-чуръ по-царски; что свиданія ихъ стали похожи на аудіенціи. Черезъ минуту, послѣ двухъ-трехъ словъ, ужъ онъ дремлетъ и протягиваетъ руку: „извини! дремлется что-то!“ — А когда гость уѣзжалъ, Гоголь тутъ-же вскакивалъ съ дивана и начиналъ ходить по комнатѣ.

Къ сочиненію своему онъ сталъ относиться въ это время еще болѣе подозрительно, только съ другой, религіозной стороны. Ему воображалось, что можетъ быть тамъ заключается что-нибудь опасное для нравственности читателей, способное ихъ раздражить, разстроить. Въ этихъ мысляхъ, приблизительно за недѣлю до кончины, онъ сказалъ своему хозяину, Толстому: „я скоро умру; свежи пожалуйста эту тетрадь къ митрополиту Филарету и попроси его прочесть, а потомъ, согласно его замѣчаніямъ, напечатай“.

Тутъ онъ передалъ графу довольно большую пачку бумагъ, въ видѣ нѣсколькихъ тетрадей, сложенныхъ вмѣстѣ и перевязанныхъ шнуркомъ. Это было одиннадцать главъ второго тома Мертвыхъ Душъ. Толстой, желая откинуть отъ пріятеля всякую мысль о смерти, не принявъ рукописи и сказалъ: „помилуй! ты такъ здоровъ, что можетъ быть завтра или послѣ-завтра самъ свежешь это къ Филарету и слушаешь отъ него замѣчанія лично“.

Гоголь какъ-будто успокоился, но въ ту-же ночь, часу въ третьемъ, всталъ съ постели, разбудилъ своего Семена и велѣлъ затопить печь. Семень отвѣчалъ, что надо прежде открыть трубу на верху, во второмъ этажѣ, гдѣ всѣ спятъ: перебудитъ! „Поди туда босикомъ и открой такъ, чтобы никого не будить!“ сказалъ Гоголь. Семень отправился и дѣйствительно открылъ трубу такъ осторожно, что никто не слышалъ, и воротясь, затопилъ печь. Когда дрова разгорѣлись, Гоголь велѣлъ Семену бросить въ огонь ту связку бумагъ, которую утромъ отдавалъ Толстому. Семень говорилъ намъ послѣ, будто бы онъ умолялъ барина на колѣняхъ не дѣлать этого, но ничто не помогло: связка была брошена, но никакъ не загоралась. Обгорѣли только

углы, а середина была цѣла. Тогда Гоголь досталъ связку кочергой и отдѣливъ тетрадь отъ тетради, бросалъ одну за другой въ печь. Такъ рукопись, плодъ столькихъ тягостныхъ усилій и трудовъ, гдѣ несомнѣнно были многія прекрасныя страницы, сгорѣла.

Была-ли это минута просвѣтленія, минута высокаго торжества духа надъ тѣломъ, убаюканнымъ льстивыми словами недалъновидныхъ и добродушныхъ друзей, — минута, когда великій художникъ проснулся въ слабомъ, отходящемъ въ иную жизнь человѣкѣ, и сказалъ: „нѣтъ! это не то, что нужно... задача не выполнена: сожги!“ — Или это была совсѣмъ другая минута, — минута умственного разстройства? Я готовъ стоять за первое...

Подвигъ (если это былъ подвигъ) совершился однако же не вполне: въ шкапу нашлись потомъ наброски Гоголя, приведенные въ нѣкоторую полноту и довольно чисто переписанные рукою самого Гоголя на большихъ почтовыхъ листахъ. Забылъ онъ объ этихъ тетрадяхъ, что-ли, или оставилъ ихъ умышленно?...

21 февраля Гоголя не стало. Объ этомъ быстро узналъ весь городъ. Скульпторъ Рамазановъ снялъ ту же минуту съ покойнаго маску. Кто-то положилъ лавровый вѣнокъ. Двое неизвѣстныхъ мнѣ художниковъ сдѣлали очеркъ лица покойнаго, въ гробу, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Эти листки ходили по Москвѣ. Но грубая спекуляція, а можетъ и просто глупость, выпустила тогда-же въ свѣтъ нелѣпную литографію, изображавшую сожженіе рукописи: Гоголь сидитъ, въ халатѣ, передъ пылающимъ каминомъ, мрачный, со впалыми щеками и глазами. Подлѣ стоитъ на колѣняхъ Семенъ. Свади подбирается смерть, съ изогнутыми атрибутами. Рукопись пожирается пламенемъ...

Похороны были торжественныя. Нѣкоторые изъ знакомыхъ Гоголя вынесли гробъ на плечахъ. Въ томъ числѣ находился и я. Свѣтъ былъ чрезвычайно глубокъ, при легкомъ морозѣ. У Никитскихъ воротъ мы передали гробъ студентамъ, которые шли кругомъ кучами и постоянно просились насъ замѣнить. Студенты донесли гробъ до своей церкви, считавшейся въ то время самой аристократической и модной. Тамъ произошло отпѣваніе. Въ числѣ многихъ официальныхъ лицъ высшаго круга я видѣлъ попечителя московскаго учебнаго округа, генераль-адъютанта Назимова, въ полной формѣ. Изъ университетской церкви гробъ понесли также на рукахъ вплоть до кладбища, въ Даниловъ монастырь, верстъ 6—7. Тутъ я опять увидѣлъ Назимова, надъ самой могилкой, когда въ нее опускали гробъ.

Гоголь положенъ неподалеку отъ Языкова. На гробницѣ написано изреченіе Ефрема Сирина: „горькимъ словомъ моимъ посмѣюсь“....

Январь 1871. Варшава.

Н. В. Вергъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Историческіе разскзы и анекдоты, записанныя со словъ именитыхъ людей
П. В. Карабановымъ.

VII *).

Царствованіе Екатерины II.

39.

Когда Екатерина, бывъ избранной невѣстой великому князю Петру Оеодоровичу, ѣхала въ Россію, для встрѣчи ея отъ двора былъ посланъ въ Ригу генераль-маіоръ Юрій Юрьевичъ фонъ-Броунъ, впоследствии тамъ находившійся генераль-губернаторомъ. Принцесса, по прибытіи въ городъ, отъ усталости скоро прошла въ назначенныя для нея комнаты, не удостоив вниманія присланнаго генерала, которому, по возвышеннымъ его чувствамъ, показалось сіе оскорбительнымъ; вскорѣ выслала она пригласить его въ 6 часовъ утра для свиданія. Въ назначенное время Броунъ является къ принцессѣ, которая обласкавъ его, продолжала, что рожденная въ жаломъ нѣмецкомъ княжествѣ, судьбою назначена жить и умереть въ великой имперіи; встрѣтись на границѣ съ первымъ россійскимъ чиновникомъ, со всею откровенностью просить (подавая перо и бумагу) безпристрастно описать ей: умъ, характеръ, достоинства, пороки и связи всѣхъ извѣстныхъ особъ, составляющихъ дворъ императрицы Елизаветы, обѣщая хранить въ тайнѣ; что симъ средствомъ можетъ приобрести ея довѣренность и дружбу, а ложнымъ показаніемъ презрѣніе. Сіе предложеніе исполнено въ точности. Принцесса по пріѣздѣ въ Петербургъ, всѣхъ удивила внимательнымъ обхожденіемъ и вскорѣ успѣла привлечь къ себѣ всеобщую любовь. Броунъ дѣйствительно былъ ея другомъ, имѣлъ

*) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587; 685—696.

позволеніе не спрашиваясь прїѣзжать въ Петербургъ и во всякое время ходить къ ней по малой лѣстницѣ; говорилъ правду и наводилъ страхъ на ея фаворитовъ, не исключая самого князя Потемкина.

(Сей анекдотъ переданъ покойнымъ княземъ Михаиломъ Никитичемъ Волконскимъ, московскимъ градоначальникомъ, изустно слышавшимъ отъ поманутаго графа Броуна).

40.

Когда составлялся заговоръ въ пользу Екатерины II, многіе опасались фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, полагая его съ противной стороны; наконецъ недоумѣніе разрѣшилось слѣдующимъ образомъ: послѣ обѣда, когда графъ по привычкѣ легъ отдохнуть, докладываютъ ему что Григорій Григорьевичъ Орловъ, производитель извѣстнаго заговора, проситъ у него скорой аудіенціи. Графъ, переверотаясь на другую сторону, отвѣчалъ: „не говорить, а дѣйствовать должно“.

41.

Въ 1762 г. Екатерина, по принятіи присяги, рѣшилась-было съ гвардіею и прочими полками идти противъ Петра III. Всѣ преданные единогласно представили, что жизнь ея подвергнется великой опасности. Тогда призвавъ Михаила Львовича Измайлова (1799 г.), присланнаго съ порученіями, сказала: „Вы видите, что не только войско, но и народъ возсталъ противъ императора; какъ другъ возьмитесь склонить его къ миру“. Измайловъ просилъ, что-бъ утвердили за нимъ село „Дедново“ (знаменитая волость на Окѣ близъ Коломны) ибо-де императоръ обѣщаль пожаловать при коронаціи. Измайловъ поѣхалъ въ Ораніенбаумъ и кончилъ по желанію Екатерины, которая сверхъ назначеннаго великаго имѣнія, наградила еще орденомъ св. Александра Невскаго (28 іюня 1762 г.); въ послѣдствіи чиномъ генералъ-лейтенанта, но политически отдаляла отъ себя — на вопросъ для чего? сказано: „измѣня другу, вѣренъ быть не можетъ.... не Минихъ того не купишь!“ ...

(Изустное преданіе).

42.

Въ 1762 года, когда Екатерина на лошади проѣзжала, гвардейскіе полки, для принятія присяги, княгиня Екатерина Романовна Дашкова слѣдовала за нею; въ сіе время привезена была Андреевская лента, которую императрица возлагая на себя, сняла бывшую на ней Екатерининскую и передала сію послѣднюю Дашковой, а потомъ оглянувшись, увидѣла оную на плечѣ княгини и разсмѣявшись сказала:

„Поздравляю“. — И я васъ поздравляю, отвѣтствовано смѣлой женщиной.

(Изуство отъ ея дочери Анастасіи Михайловны Щербининой).

43.

При восшествіи своемъ на престоль Екатерина II дала подписку въ томъ, что ей царствовать до 20-ти лѣтняго возраста наслѣдника цесаревича, которая вскорѣ потребована обратно чрезъ министра графа Панина. Когда слухъ о семъ разнесся, то нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ заговорѣ противъ Петра III, — какъ-то: Ѳедоръ Александровичъ Хитровъ, Николай Ивановичъ Рославлевъ, Михаилъ Ефимовичъ Ласунскій и другіе, — возроптали. Хитровъ, по неосторожности, сказалъ Надеждѣ Андреевнѣ Паниной, женѣ Василя Андреевича, которая по близости съ Орловыми въ мигъ сообщила графу Алексею Григорьевичу. Въ слѣдующую ночь Хитрова съ прочими участниками берутъ съ постели къ допросу, и въ скоромъ времени развозятъ подъ присмотръ въ собственныя ихъ деревни. Впослѣдствіи они освобождены, но Хитровъ не воспользовался, будучи уже въ могилѣ. За сей доносъ дочь Паниной взята во дворъ и войдя въ совершенныя лѣта, пожалована во фрѣйлины.

44.

Въ скорости по восшествіи Екатерины II на престоль, въ пирушкѣ за бутылками, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ назвалъ камергера, что послѣ былъ дѣйств. тайн. совѣтникомъ, Петра Ивановича Вырубова — Зарубиннымъ. Тотъ обидѣлся, а графъ сказалъ: „Ну, есть-ли о чемъ хлопотать, что Зарубинъ, что Вырубовъ, все изъ одного и того же дерева“.

45.

Въ первую Турецкую войну (1770 г.) отъ графа Румянцова предписано было князю Репнину съ корпусомъ его ийти на помощь къ Вейсману, но князь не успѣлъ подкрѣпить сего генерала, который разбитъ Турками и палъ на полѣ сраженія. Фельдмаршалъ въ первомъ жару написалъ Репнину: „Прибавляйте силы вашему ползущему корпусу... еслибы вы это сдѣлали при Минихѣ, васъ повѣсили бы! Не подумайте, что я не могу сдѣлать подобнаго... мое великодушіе васъ прощаетъ“.

46.

Александръ Гавриловичъ Замятнинъ, любимецъ Румянцова, острый и забавный, во время Турецкой войны, за обѣдомъ у фельдмаршала

бился объ закладъ съ товарищами своими, что назоветъ его плутомъ.... Вскорѣ Румянцовъ, посмотря на него, спросилъ: „отчего такая задумчивость?“ — Давно тревожитъ меня мысль, отвѣчалъ Замятинъ, что въ человѣческомъ родѣ двѣ противоположныя крайности: или дуракъ или плутъ. — „Къ какому жѣ классу людей, мой батюшка, меня причисляешь?“ разсмѣявшись продолжалъ Румянцовъ. — Конечно, не къ первому, отвѣчалъ проказникъ.

47.

Въ 1-ю турецкую войну (1770 г.), во время перемирія графъ Румянцовъ потребовалъ чиновника по дипломатической части. Назначенный къ отправленію, свѣдавъ, что Задунайскій любитъ курить изъ глиняныхъ трубокъ, изъ усердія расположился поднести цѣлый ящикъ, но не позаботился уложить ихъ. — Фельдмаршалъ обрадовался ибо трубокъ оставалось не много и приказалъ раскрыть при себѣ ящикъ; а когда увидѣлъ одни обломки, то разсердился и сказалъ, указывая на свое сердце: „тутъ-то много“, а потомъ на голову: „да здѣсь нѣтъ“.

48.

Въ 1771 г. во время моровой явы въ Москвѣ и послѣдовавшаго возмущенія, для водворенія спокойствія отправленъ былъ изъ Петербурга императрицынъ приближенный гр. Григорій Орловъ, который презрѣлъ всѣ опасности и водворилъ порядокъ. — Государыня, по его возвращеніи, приказала въ честь ему выбить медаль съ надписью: „таковаго сына Россія имѣетъ“. — Орловъ не принялъ самую императрицею вручаемыя для раздачи медали и стоя на колѣнахъ сказалъ: „я не противлюсь, но прикажи переменить надпись, обидную для другихъ сыновъ отечества“. — Выбитыя медали брошены въ огонь и появились съ поправленною надписью: „таковыхъ сыновъ Россія имѣетъ“.

49.

Князь Николай Сергѣевичъ Волконскій, еще гвардіи офицеромъ, приѣзжаетъ къ главнокомандующему Москвы къ князю Михаилу Никитичу Волконскому *), сидѣвшему уже за обѣдомъ и не имѣя времени извиниться, слышитъ его голосъ: „знаете ли пословицу: — мы къ обѣднѣ, — тамъ отпѣли; мы къ обѣду, — тамъ отѣли; мы въ кабахъ, — только такъ“.

50.

Въ началѣ 1774 г. съ приобрѣтеніемъ Бѣлоруссіи, предположено было учредить Полоцкую губернію, которая по времени перешла въ

*) Съ 21 ноября 1771 г. по 11 апрѣля 1780 г. Умеръ въ 1788 г.

Псковскую. Императрица опредѣляла въ оную губернаторомъ Михаи-
ла Никитича Кречетникова *) и вице-губернаторомъ Федора
Леонтьевича Карабанова**). Препнее ихъ знакомство обратилось
въ дружескую связь, которая много послужила къ водворенію порядка
въ край вновь приобрѣтенномъ. Къ несчастію послѣдняго, дѣвица
Мавра Сергѣевна Давыдова, обоемъ повраившаяся, произвела
между ними холодность, обратившуюся въ настоящую ссору. Кара-
бановъ, испрося четырехъ-мѣсячный отпускъ, не захотѣлъ служить
болѣе, и былъ уволенъ отъ сей должности. Императрица зная при-
чину, воспользовалась ею къ испытанію Кречетникова, находивша-
гося въ Петербургѣ по дѣламъ службы; государыня въ кабинетѣ при
графинѣ Брюсовой***), продолжительно разговаривая съ нимъ, слег-
ка коснулась его образа мыслей на счетъ сослуживца и была довольна
его умнымъ и справедливымъ отвѣтомъ; оставшись съ Брюсовой
сказала: „знаешь ли ихъ ссору?.. Кречетниковъ, говоря правду,
увеличиваетъ мою довѣренность“.

(Отъ статсъ-дамы графини Брюсъ).

51.

Гвардіи капитанъ Петръ Михайловичъ Лунинъ, на пути изъ Мо-
сквы въ Петербургъ въ 1774 г. съѣхался съ княземъ Лобановичемъ****),
родственникомъ графа Петра Ивановича Панина, посланнымъ отъ
него съ извѣстіемъ о взятіи Пугачева*****). На ночлегѣ въ Новгородѣ
Лобановъ открылся о семь Лунину, который заплатя большіе прогоны,
въ ту же ночь наскоро ускакалъ въ Петербургъ и прямо явился къ
князю Потемкину съ увѣдомленіемъ; а онъ побѣжалъ къ импера-
трицѣ (которая была крайне встревожена успѣхами Пугачева). Въ
ту же минуту Лунину объявленъ чинъ полковника. Черезъ короткое
время приѣзжаетъ Лобановъ съ официальными донесеніями; тогда

*) Род. 172.. † 9 мая 1793 г.

***) Род. 1 февраля 1738 г. ум. бригадиромъ 19 мая 1813 г. Женатъ на
Анастаси Григорьевнѣ Киселовской, р. 17 окт. 1781 г. ум. 29 окт. 1791 г.
Отецъ собирателя этихъ разсказовъ.

****) Гр. Прасковья Александровна Брюсъ, рожд. граф. Румянцева, сестра
фельдмаршала, р. 7 октября 1729 г. ум. 22 августа 1786 г.

*****) Кн. Александръ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій род. 1754 ум. 1830 г.

*****) Это донесеніе гр. Панина къ импер. Екатеринѣ, отъ 18 сентября 1774 г.,
напечатано въ «Сборн. Рус. Истор. Общ.» 1871 г. т. VI, стр. 149. Кн. Лоба-
новъ догналъ Лунина, посланнаго накануне съ донесеніемъ, отъ 17 сентября
1774 г.; смотр. тамъ-же стр. 145 и записки Рунича въ «Русск. Старинѣ» т. II
стр. 345—346.

Лунинъ, потребовавший къ отвѣту, сказалъ, что, услышавъ столь пріятное и къ спокойствію императрицы служащее извѣстіе, не могъ воздержаться, чтобы не сообщить онаго. Государыня узнала и сказала: „что сдѣлано, того не поворотить“.

52.

По изданному въ 1775 г. учрежденію о губерніяхъ, въ 1776 г. опредѣленнымъ былъ генераль-губернаторомъ Яковомъ Ефимовичемъ Сиверсомъ открыта Новгородская губернія. Избранный губернский предводитель дворянства генераль-поручикъ Дмитрій Михайловичъ Будкевичъ съ прочими особами отправлены въ Петербургъ для донесенія императрицѣ. Депутація представлена была 27-го декабря мѣсяца и губернский предводитель затруднился въ продолженіи говоренной имъ рѣчи. Екатерина, желая вывести его изъ смущенія, подала руку, а Будкевичъ отвѣчалъ: „государыня я договорю.“ Генераль-адъютантъ Пассекъ засмѣялся и мгновенно почувствовалъ въ движеніи лица неудовольствіе императрицы, которая пройдя за кавалергардовъ съ гнѣвомъ сказала ему: „никогда не воображала, чтобы вы могли имѣть столь дурное сердце: что подданный предъ государемъ ошибся, это, сударь, достойно слезъ“.

(Отъ оберъ-гофмаршала князя Федора Сергѣевича Барятинскаго).

53.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1775 года весь дворъ прибылъ въ Москву, по случаю предполагаемаго мирнаго торжества съ Турками. Въ самое короткое время въ прошедшемъ году выстроено было огромное изъ брусевъ деревянное зданіе, соединяющее домъ князя Голицына (что нынѣ кн. Сергія Михайловича) со многими другими. Кабинетъ императрицы помѣщенъ возлѣ парадныхъ комнатъ на большую улицу и по вышинѣ былъ очень колодезь. Не смотря на сіе она всегда очень продолжительно занималась дѣлами; однажды замѣтила, что секретари ея Григорій Николаевичъ Теловъ и Сергѣй Матвѣевичъ Кузьминъ*) очень прозябли, для сего приказала подать имъ кофію, какой всегда сама употребляла. (Екатерина чай употребляла только въ болѣзненномъ состояніи, а кофіей ей подавали самый крѣпкій, называемый моква; его ровно фунтъ варили въ вызолоченномъ кофейникѣ, изъ котораго выливалось только двѣ чашки, чрезмѣрная крѣпость умѣрялась большимъ количествомъ сливокъ). Когда помѣнутые секретари по чашкѣ онаго выпили, то отъ непри-

*) Тайн. сов. 13 марта 1777 г., кав. св. Александра Невскаго.

вычки почувствовали сильный жаръ, бiенiе сердца и дрожанiе въ рукахъ и ногахъ, отчего приведены были въ робость; а императрица расхохотавшись сказала: „теперь знаю средство согрѣвать васъ отъ служъ“.

(Отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ив. Ив. Козлова).

54.

Екатерина за большимъ обѣдомъ, разговаривая съ послами, съ горячностію поддерживала мнѣніе несвойственное ея разуму. Въ нѣкоторомъ отдаленіи Григорій Николаевичъ Тепловъ*) сказалъ, что сожалѣть надо о семъ разговорѣ предосудительномъ ея уму и сердцу. Государыня, имѣя тонкій слухъ, поняла разговоръ, и обратясь къ Теплому, спросила о чемъ онъ говорить? Тепловъ, къ удивленію всѣхъ, отвѣчалъ ей сущую правду. Императрица замолчала, но примѣтны были на лицѣ пятна и въ губахъ движеніе. Послѣ кофію, по обыкновенію подойдя къ дверямъ, откланялась и ушла во внутреннія комнаты. Тепловъ, окруженный толпою царедворцевъ сказалъ, что, зная нравъ государыни долженъ былъ говорить истину, а въ противномъ случаѣ не возвратно бы лишился хорошаго о себѣ мнѣнія. Вскорѣ приходитъ за нимъ камердинеръ Поповъ и всѣ придворные съ нетерпѣніемъ ждутъ развязки. Послѣ продолжительной конференціи Тепловъ возвращается съ богатой табакеркой осыпанной крупными брилліантами; онъ получилъ ее изъ рукъ Екатерины при слѣдующемъ привѣтствіи: „вотъ знакъ признательности за данный урокъ, но прошу быть снисходительнѣе въ большомъ обществѣ; открывайте табакерку мнѣ въ осторожность, когда замѣтите ошибки въ моихъ сужденіяхъ“.

(Отъ князя Барятинскаго).

55.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны между придворными служителями былъ обычай, что ежели они въ первый разъ входили къ ней въ комнату, то поставя принесенное, молились Богу, низко кланялись и подходили къ монаршей ручкѣ, а потомъ выполняли свою должность; сей обычай продолжался при Екатеринѣ и уже между новыми служителями непримѣтно измѣнился. Старый и заслуженный мундшенекъ, Осипъ Петровичъ, котораго Екатерина всегда отличала, уволивъ отъ дежурства кромѣ нѣкоторыхъ торжественныхъ дней. Сей мундшенекъ, при фаворитѣ Завадовскомъ**) войдя съ кофіемъ, по

*) Род. 1719 г. ум. 30 марта 1779 г., статсъ-секретарь.

**) Род. 1788 г., ум. 10 января 1812 г. Въ случаѣ съ ноября 1777 г. по 8 іюня 1778 г.

обыкновенію заставлялъ императрицу, съ примѣрнымъ терпѣніемъ, смотрѣть на его продолжительныя движенія. Завадовскій удивляется ея снисхожденію, а Екатерина отвѣчаетъ: „безразсудно огорчать тѣхъ, которые вѣрно и усердно служатъ; всякій обычай отъ долговременной привычки становится необходимымъ“.

(Отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, бывшаго генералъ-регемейстера Ив. Ив. Козлова).

56.

Иванъ Николаевичъ Корсаковъ (1778 г.), войдя въ силу при Екатеринѣ, плѣнилъ ее своимъ пріятнымъ голосомъ. Государыня увидѣла князя Орлова и сказала ему, что не могла довольно наслышаться, а тотъ отвѣчалъ:

„Эти соловьи недолго поютъ,—только до Петрова дни“.

57.

1779 года, когда императрица подтвердила полезное предпріятіе снабдить Москву водою изъ такъ называемаго „Громоваго источника“ при селѣ „Большихъ Мытищахъ“ по Троицкой дорогѣ—устройство и главное смотрѣніе за работами водопровода препоручила генералъ-инженеру Федору Вильямовичу Бауру, человѣку честному и искусному по сей части и дозволила ему свободный доступъ для личнаго объясненія.

58.

Главнокомандующій въ Москвѣ, князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ-Крымскій *) получа иманной указъ о доставленіи князю Кантемиру**) 20 т. суммы, приказываетъ исполненіе магистратскому судѣ, статскому совѣтнику Терентію Ивановичу Черкасову, который возвратясь доложилъ, что свѣтлѣйшій наградилъ его сотнею рублей. Долгоруковъ съ видомъ презрѣнія сказалъ ему: „Терентій обирай денежки“, и обратясь къ правителю канцеляріи довершилъ: „Поповъ не зови его ко мнѣ обѣдать“.

(Василій Степановичъ Поповъ, умершій дѣйств. тайн. совѣтн.).

59.

Екатерина въ 1780 году путешествуя чрезъ Бѣлоруссію для свиданія съ римскимъ императоромъ Іосифомъ II, извѣстившись, что онъ уже въ Могилевѣ и ожидаетъ ея прибытія. Первое свиданіе двухъ

*) Съ 11-го апрѣля 1780 г. по свою кончину 30 января 1782 г.

**) Кн. Дмитрій Констант. Кантемиръ р. 1749 г., ум. 1820 г., ввукъ молдавскаго господаря прибывшаго при Петрѣ Великомъ въ Россію.

столь славныхъ монарховъ было весьма любопытное. Въ продолженіе вечера знатнѣйшіе вельможи, свиту императрицы составлявшіе, подлѣ предлогахъ усталости, разошлись по своимъ комнатамъ. Когда доложили о вечернемъ столѣ, Екатерина сказала, что не ужинаетъ; — „такъ позвольте мнѣ остаться съ вашимъ величествомъ“, отвѣчалъ Іосифъ. На вопросъ: кто всѣхъ старѣе за ужиномъ?—доулаживаетъ о Василѣ Ивановичѣ Левашевѣ и князѣ Николаѣ Сергѣевичѣ Волконскомъ; приказано сказать имъ, чтобъ не спѣшили. Тутъ-то великая Екатерина умомъ своимъ обворожила Іосифа, который безпрекословно принялъ всѣ ея политическія предложенія. По сигналу встать мнѣ за ужина; государыня, по обыкновенію привѣтствуи каждаго разговоромъ, подошла къ Левашову съ Волконскимъ и вполголоса по французски сказала: „Онъ въ моемъ рукавѣ“ (по русски—карманѣ).

(Изустно отъ князя Волконскаго).

60.

Когда германскій императоръ Іосифъ II пріѣхалъ въ Петербургъ, императрица Екатерина II, представляя ему вельможи, составившихъ ея общество, о графѣ Александрѣ Сергѣевичѣ Строгановѣ сказала: „Онъ такъ богатъ, что не можетъ придумать средства промотаться“.

61.

Генераль-маіорша Марья Дмитріевна Кожина, рожденная Философова, по жительству въ Псковской губерніи имѣла короткое знакомство съ недостаточнымъ домоу Ланскихъ. Обстоятельства перемѣняются: сынъ *) попалъ въ случай при дворѣ, а три дочери пожалованы во фрейлины. Кожина, бывъ въ Петербургѣ обласкана послѣдними, часто у нихъ бывала во дворцѣ. Ланскія сказали ей, что братъ ихъ заказалъ прекрасную дорожную карету сдѣлать, а Кожина по нескромности открылась въ городской молвѣ, что Петръ Яковлевичъ Мордвиновъ **) попадетъ при дворѣ въ службу. Гвардіи Преображенскаго полка маіоръ Ѳеодоръ Матвѣевичъ Толстой (любимой чтець Екатерины во время ея отдыха, и котораго жена ***) получила въ подарокъ богатныя брилліантовыя серги)

*) Александръ Дмитріевичъ род. 1758 г., ум. 25 іюня 1784 г., былъ въ слѣбъ съ 1780 г. по кончину.

**) Служилъ въ конной гвардіи, 29 іюня 1778 г. изъ вахм. произведенъ въ корнеты; 1787—въ ротмистры; 7-го января 1794 г. переведенъ въ армію полковникомъ.

***) Наталья Ѳеодоровна рожд. Лопухина.

изъ зависти къ князю Потемкину рекомендовавшему Ланскаго, заплатившаго ему неблагодарностью, дѣйствительно искалъ, съ помощію другихъ, выдвинуть Мордвинова. Ланскіе передаютъ брату, а тотъ императрицѣ. Научаютъ гвардіи офицеровъ Александра Александровича Арсеньева *) и Александра Петровича Ермолова **) жаловаться на Толстаго въ дурномъ его поведеніи; хотя Екатерина сіе знала, но къ нему всегда благоволила, а тутъ изъ расположенія къ Ланскому переимѣнилась. Толстой впадаетъ въ немилость. Мордвиновъ изъ гвардіи увольняется ***), а Кожина подвергается гнѣву. Екатерина приказываетъ начальнику тайной канцеляріи Шишковскому за неводержность наказать Кожину, примолвя: „она всякое воскресенье бываетъ въ публичномъ маскарадѣ, поѣзжайте сами, взявъ ее оттуда въ тайную экспедицію, слегка тѣлесно накажите и обратно туда же доставьте со всею благопрістойностью“ ****).

62.

Къ московскому главнокомандующему, князю Долгорукову-Крымскому († 1782 г.) въ вѣкторіальный день на обѣдъ приглашенъ былъ только-что пріѣхавшій, служащій генералъ-поручикъ, Каульбарсъ*****) и опоздалъ. За столомъ началось движеніе стульевъ, чтобъ помѣстить его, а князь съ неудовольствіемъ громко сказалъ: „не безпокойтесь! развѣ неизвѣстна русская пословица, что нѣмецъ (вездѣ) мѣсто сыщеть“.

63.

Въ 1782 г. Екатерина въ эрмитажѣ за игрою на билліардѣ à la guette, получила извѣстіе о смерти московскаго главнокомандующаго князя Долгорукаго-Крымскаго; въ слезахъ отдавая мазъ свой князю Барятинскому, сказала: „Потеря не возвратимая!... Кто

*) Род. 1756 г. ум. ноября 1784 г., впоследствии сенаторъ.

***) Род. 1754 г. ум. 1836 г. былъ въ силѣ при дворѣ послѣ Ланскаго съ 1785 г. по июнь 1786 г.

****) Невѣрно: оставался въ конной гвардіи до 1-го января 1794 г.

*****) Шишковскій, Стенавъ Ивановичъ, род. 21 декабря 1719 г. ум. 12 мая 1794 г., Жена Алена Петровна N. N., ум. 7 авг. 1805 г. Единственная дочь Шишковскаго, Марія Стенавовна была за тайн. сов. сенаторомъ Петромъ Митусовымъ, отцемъ сенатора же дѣйств. тайн. сов. Григорія Петровича Митусова, умерш. въ июнѣ 1871 г., 84-хъ лѣтъ отъ роду;—оставилъ наслѣдство, состоящее въ 300,000 руб. капиталу, трехъ домахъ въ Спб. и загородной дачи, все это наслѣдовалъ онъ исключительно отъ матери своей;—имѣніе его перешло къ дѣтямъ роднаго его брата. О Шишковскомъ см. въ «Русск. Старинѣ» 1870 г., т. II, замѣтку П. А. Ефремова, стр. 637—639.

*****) Карлъ Ивановичъ Каульбарсъ пожалованъ въ генералъ-поручикъ только 22 сентября 1786 г.

будетъ объявлять сыну?... Поберегите его". Распечатавъ пакетъ, удалилась и въ тотъ вечеръ не выходила.

(Отъ кн. Ѳедора Сергѣевича Барятинскаго).

64.

1783 г. когда Екатерина получила отъ графа Орлова-Чесменскаго уведомленіе о смерти его брата князя Орлова, собственноручно написала ему слѣдующее: „я имѣла въ немъ друга; вмѣстѣ съ вами оплакиваю его; чувствую въ полной мѣрѣ цѣну потери и никогда не позабуду его благодарній“.

(Отъ князя Ѳедора Сергѣевича Барятинскаго).

65.

Игуменя весьма малаго Крестовоздвиженскаго Нижегородскаго монастыря, по случаю храмоваго праздника просить преосвященнаго Дамаскина *), только что прибывшаго въ епархію, служить обѣдню. Грубый архіерей отвѣчалъ: „Что ты затѣяла... Какъ мнѣ служить? — весь твой монастырь — (съ лукавико)!“

66.

Императрица въ 1785 году предпринявъ путешествіе въ окрестность Вышняго Волочка, для обозрѣнія водяной коммуникаціи, проѣзжая Чудово, вспомнила, что день воскресный и вздумала идти къ обѣднѣ приходской деревянной церкви; престарѣлый священникъ встрѣтилъ ее со крестомъ, но церковниковъ нигдѣ отыскать не могли и на клиросѣ поставленъ былъ школьникъ недоросль, который отъ страха чуть шевелилъ губами. Левъ Александровичъ Нарышкинъ **) на клиросѣ началъ подпѣвать и проказничать; императрица подозревая исправника Рыкачева, приказала напомнить ему, что здѣсь не мѣсто; но когда единственный пѣвецъ ушелъ ударить къ „достоиню“ и пѣніе остановилось, то сама государыня, всегда смѣшливая, очень расхохоталась. По окончаніи обѣдни сказала исправнику: „сообщить начальству, что такіе безпорядки въ церкви Божій не должны быть терпимы“.

(Отъ исправника Рыкачева).

67.

Императрица въ 1785 года, въ маѣ мѣсяцѣ изъ Вышняго Волочка вздумала внезапно посѣтить древнюю столицу. За обѣденнымъ сто-

*) Дамаскинъ (Дмитрій Семеновичъ Рудневъ) одинъ изъ ученѣйшихъ нашихъ іерарховъ, р. 1737 г. ум. въ декабрѣ 1795 г. Архіепископомъ Нижегородскимъ былъ съ 1784 г. по 1794 г.

**) Оберъ-штабмейстеромъ съ 21 апр. 1773 г.; род. 26 февр. 1733 г., ум. 10 дек. 1799 г.

ломъ въ селѣ „Городнѣ“ спросила у губернскаго предводителя Ѳеодора Леонтьевича Карабанова о разстояніи до вновь сотвореннаго ея, изъ казенной волости, города „Корчеви“ и пожелала узнать подробности; на отвѣтъ, что положеніе города выгодное и полезное для торговли, но что по новости не можетъ еще придти въ цвѣтущее состояніе, Екатерина сказала: „припомните, и Москва была деревня“.

(Домашнее свидѣніе).

68.

1785 г. когда Екатерина II обозрѣвая водяную коммуникацію, вдругъ рѣшилась изъ Вышняго Волочка ѣхать въ Москву, директоръ капеллы Марко Ѳеодоровичъ Полторацкій, изъ малороссійскихъ пѣвчихъ взысканный императрицею Елизаветою, обще съ женою Агафоклеей Александровной просилъ монархиню осчастливить присутствіемъ извѣстное ихъ село „Грузины“, близъ Торжка находящееся, нѣкогда удостоенное посѣщеніемъ Елизаветы. На вопросъ о разстояніи, было упомянуто о ближней дорогѣ, которая была неисправна, а повезли по дальней. Императрица, замѣтя сіе, была уже въ скучномъ расположеніи; войдя въ домъ полюбопытствовала узнать объ одномъ селеніи и тотчасъ припомнила о поданной отъ крестьянъ жалобѣ по спорному о землѣ дѣлу; къ тому же забыли приготовить свѣжаго молока, которое она лѣтомъ въ жажду употребляла, и котораго не дождавшись, скоро уѣхала. Въ шестимѣстной каретѣ сидѣла съ государыней Тверской генералъ-губернаторъ Архаровъ; не любя Полторацкихъ, и желая развеселить монархиню, началъ шутить на ихъ счетъ; когда она сказала, что услуга не соотвѣтствуетъ прочему, Архаровъ подхватилъ, что помѣщица, по склонности къ малороссійскимъ воламъ, находитъ выгоднѣе при винокуренномъ заводѣ содержать ихъ, нежели коровъ; но и ихъ немного и всѣ стѣльны. Государыня развеселилась и во всю дорогу не могла воздержаться отъ смѣха, а войдя въ подъѣздный дворецъ въ Торжкѣ, спросила: „Николай Петровичъ! есть-ли у твоихъ коровъ молоко?“ На другой день, чрезъ камеръ-фрейлину Протасову *) объявлено Полторацкимъ пріѣхавшимъ благодарить, что государыня, по причинѣ усталости, принять ихъ не можетъ.

(Отъ князя Барятинскаго, сидѣвшаго съ государыней; еще тутъ были камеръ-фрейлина Протасова, Ермоловъ и Л. А. Нарышкинъ).

69.

Екатерина въ продолженіи достославнаго своего царствованія много занималась строеніемъ, но не обладала знаніемъ и вкусомъ, по-

*) Анна Степановна Протасова род. 1745 г. ум. 12 апрѣля 1786 г.

правками много портила.—Славный Баженовъ приводилъ къ окончанію отличный готическій дворецъ въ селѣ „Царицынѣ“, когда императрица въ 1785 г. внезапно посѣтила древнюю столицу. Назначенъ день для обозрѣнія зданія и съ отличнымъ благоволеніемъ приказано Баженову представить тамъ жену и дѣтей. Дворецъ не понравился; государыня, въ гнѣвѣ возвращаясь къ экипажамъ, приказываетъ начальнику Кремлевской экспедиціи, Михаилу Михайловичу Измайлову, сломать оный до основанія. Баженовъ останавливаетъ ее: „Государыня! Я достоинъ вашего гнѣва, не имѣлъ счастья угодить вамъ, но жена моя ничего не строила“. Императрица, оборотясь, допустила все семейство къ ружью и не сказавъ ни слова, уѣхала. Въ своемъ родѣ рѣдкое зданіе вскорѣ сломано*).

(Изустное преданіе сенатора Ивана Ивановича Ковлова при семь бывшего).

70.

Въ исходѣ 1786 г. Екатерина, готовясь къ зимнему путешествію, чрезъ Бѣлоруссію въ Тавриду, для дорожной шубы приказала принести предъ себя множество дорогихъ собольихъ мѣховъ съ образцами богатыхъ парчей и выбрала самую блестящую съ битью. Марья Савишна Перевусихина**) сказала:

— Матушка государыня! вѣдь вы ручки исцарапаете.

— „Чтоже дѣлать голубушка, возразила Екатерина, я должна быть одѣта такъ, чтобы съ перваго взгляда всякой могъ узнать, что я императрица“.

*) Василій Ивановичъ Баженовъ род. 1 марта 1737 г., ум. въ С.-Петербургѣ 2-го августа 1799 г. Сперва адъюнктъ Академіи Художествъ, потомъ въ 1765 г. академикъ, а за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, указомъ отъ 26 февраля 1799 г., первый вице-президентъ академіи. По порученію императрицы Екатерины II, въ селѣ Царицынѣ, начата постройка готическаго дворца, но оставлена въ 1787 году, такъ какъ сооруженіе найдено государынею «слишкомъ мрачнымъ». Баженовъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ масонскаго общества, въ которое, какъ увѣряютъ, привлеченъ и великаго князя Павла Петровича. По порученію великаго князя, который послѣ немилости Баженова при высочайшемъ дворѣ, принялъ его подъ свое покровительство, Баженовъ воздвигнулъ множество построекъ въ Гатчинѣ, въ Павловскѣ, въ Кронштадтѣ и въ Петербургѣ. По восшествіи на престолъ императоръ Павелъ пожаловалъ его изъ коллежскихъ совѣтниковъ прямо въ дѣйствительные статскіе совѣтники 8 ноября 1796 г. и подарилъ ему 1,000 душъ; потомъ — 26 февраля 1799 г.—назначилъ его первымъ вице-президентомъ академіи.

**) Род. 174. г., ум. апрѣля 1826 г.

71.

Присланный отъ прусскаго двора, съ увѣдомленіемъ о кончинѣ Фридриха II, баронъ Келлеръ, 4 октября 1786 г., представленъ былъ камергеромъ княземъ Кольцовымъ-Масальскимъ*). Екатерина приняла Келлера въ Тронной у окна. Масальскій по отданіи трехъ поклоновъ подвелъ его къ императрицѣ, а самъ отошелъ; по окончаніи аудіенціи, посланныя выведенъ былъ тѣмъ же порядкомъ и камергеръ остановился у дверей ожидать отпуска. Екатерина, подзавъ его сказала: „знаете ли что покойный Фридрихъ не послалъ бы его ко мнѣ, а поставилъ бы въ первую шеренгу“.

(Отъ князя Кольцова-Масальскаго).

72.

Въ 1787 г. на одномъ ночлегѣ, во время путешествія въ Тавриду, Марью Савишну Перекусихину помѣстили въ комнату, наполненную чемоданами и дорожными припасами. Государыня, войдя къ ней, съ сожалѣніемъ сказала: „Неужели ты позабыта!“ — Сколько та ни старалась ее успокоить, но Екатерина, потребовавъ князя Потемкина, сдѣлала ему выговоръ: „заботясь обо мнѣ, не забывайте моихъ ближнихъ, особливо Марью Савишну; она мой другъ; чтобъ ей также было покойно, какъ и мнѣ“. Потемкинъ крайне былъ встревоженъ сею оплошностью.

(Отъ князя Николая Сергѣевича Волконскаго, находившагося въ свитѣ).

73.

Въ 1788 г. Екатерина, не подозрѣвая короля шведскаго въ намѣреніи объявить войну Россіи, располагалась большую часть флота отправить въ Средиземное море противу турокъ; сколько ни убѣждали ее остановиться исполненіемъ, но она оказывалась непреклонной. Наконецъ упросили ее, чтобъ дозволила во дворцѣ составить совѣтъ, на которомъ она не присутствовала. Всѣ единогласно сказали, что послѣдствія могутъ быть пагубны для Петербурга, но никто не хотѣлъ идти къ ней съ докладомъ. — Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ**), извѣстный твердостью духа, вызвался на это.

При входѣ его государыня спросила: „Что скажете, батюшка?“

— Совѣтъ поручилъ донести вашему величеству, что онъ находитъ исполненіе воли вашей не токмо неудобнымъ, но и опаснымъ, а потому и невозможнымъ по многимъ обстоятельствамъ.

*) Кн. Николай-Андрей Александровичъ Кольцовъ-Масальскій, впоследствии оберъ-гофмейстеръ род. 4 декабря 1758 г., ум. 16 апрѣля 1843 г.

**) Впоследствии, при императорѣ Павлѣ, фельдмаршалъ, род. 6 декабря 1735 г., ум. 8 іюля 1804 г.

Екатерина въ гнѣвъ, по обыкновенію засучивая рукава платья своего, сказала: „Кто далъ право совѣту такъ держо противиться предпріятію мною обдуманному?“

— Осмѣливаюсь вѣщать истину вашему императорскому величеству, продолжалъ Пушкинъ.

— Вы забываетесь, съ сердцемъ сказала она...

— Любовь къ славѣ вашей и пользамъ отечества тому виною, со слезами повторилъ Пушкинъ.

— Оставьте меня!

Отворотясь, чрезъ краткое время Екатерина одумалась и отмѣнила повелѣніе готовить флотъ къ отпуску. Открылось злобное намѣреніе короля шведскаго и война объявлена. Пушкинъ, надъ не многочисленной и наскоро собранной арміей, назначенъ главнокомандующимъ; доведя оную до шведской границы остановился. Государыня многократно чрезъ эстафетовъ понуждала его идти далѣе, но онъ не повиновался, доколѣ не получилъ достаточнаго поддержанія.

(Отъ графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина).

74.

Въ 1788 г., когда уже начинали угадывать намѣреніе короля шведскаго объявить войну Россіи, командующій лейбъ-гвардіи коннымъ полкомъ, любимецъ императрицы Петръ Ивановичъ Боборыкинъ*) имѣлъ неосторожность выводить полкъ для ученія въ ту заставу, въ которую долженствовало выступить назначаемое въ походъ войско. Въ одно утро оберъ-полиціймейстеръ, такой же ея любимецъ, Николай Ивановичъ Рылѣвъ, по обыкновенію довода до свѣдѣнія государыни всякаго рода происшествія, не сообразясь доложилъ ей: „репортуу вашему императорскому величеству, что конная гвардія въ походъ выступила“.

— Что ты сказываешь! въ сильномъ волненіи сказала Екатерина.

*) Боборыкинъ—2-го іюня 1788 г. изъ премьеръ-маіоровъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка. 17-го мая 1789 г., по волѣ императрицы, сдалъ полкъ секундъ-маіору Александру Римскому-Корсакову, а когда сей послѣдній отправился въ финляндскую армію, то снова вступилъ—18 іюня 1789 г.—въ командованіе конной гвардіей, каковую должность исправлялъ по 5-е марта 1792 г. При Павлѣ—7-го января 1797 г.—по словесному приказу—исключенъ изъ списковъ конно-гвардейскаго полка. Его сестра, Анна Ивановна, была матерью графа Мамонова, бывшаго при дворѣ въ случаѣ. Любопытную характеристику Боборыкина дѣлаетъ Добрынинъ въ своихъ запискахъ, подъ 1800-мъ годомъ. См. «Русскую Старину», 1871 г., т. IV, стр. 334—338.

— Чернь во множествѣ проводила полкъ чрезъ Калининъ мостъ за заставу, и въ то время толкуясь, продолжалъ Рыдѣвъ.

— Какой вздоръ! повторила императрица, и сейчасъ приказала послать за Боборыкинъмъ.

При входѣ его съ досадою сказала:— „Бойтесь ли Бога?.. въ такое критическое время, какая неосторожность! Вы, сударь, дали поводъ къ народному волненію, чего отъ васъ не ожидала...“ И прииѣтно уменьшила благоволеніе, что и продолжалось до полкового праздника; а въ сей день императрица послѣ обѣдни во дворцѣ, указывая на поставленную водку и завтракъ, сказала: „Помиримтесь, Петръ Ивановичъ! Кто старое вспомнить, тому глазъ вонъ!“ (древняя поговорка).

(Отъ Николая Петровича Архарова).

75.

Въ 1788 г., въ послѣднюю турецкую войну при Екатеринѣ, — контръ-адмиралъ Войновичъ, родомъ изъ Черногоріи, — за отличіе представленъ былъ къ награжденію — орденомъ св. Георгія 3-го класса.

Безбородко—22 октября 1788 г.—поднося императрицѣ грамату для подписанія, не замѣтилъ, что въ попыхахъ по ошибкѣ Войновичъ въ ней названъ графомъ.

Сей случай открылъ Войновичу возможность просить государыню объ утвержденіи въ семь достоинствъ.

Безбородко, находя себя виновнымъ, сталъ на колѣни, а Екатерина сказала: „Мы оба не правы, гдѣ рука тутъ и голова — должны согласиться“. Марко Войновичъ вступилъ въ службу въ 1770 году, а впоследствии былъ адмираломъ, директоромъ Черноморскихъ училищъ; св. Анны, св. Георгія 3-го класса и св. Владиміра 4-й степени кавалеромъ.

Умеръ Войновичъ въ 1808 году.

76.

Въ исходѣ 1789 г., князь Потемкинъ расхваливалъ государынѣ адъютанта своего князя Алексѣя Ивановича Горчакова *), съ намѣреніемъ удалить отъ двора Зубова, возведеннаго графомъ Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ, и котораго Таврической не любилъ. Она не знала Горчакова и захотѣла увидѣть. Потемкинъ прислалъ его во дворецъ съ картиной. Екатерина разсмотрѣвши со вниманіемъ, сказала: „Картина не дурна, но не имѣетъ экспрессіи“.

(Отъ Николая Петровича Архарова).

*) Род. 20 мая 1769 г. впоследствии военный министръ съ декабря 1815 г. по ноябрь 1819 г.

73.

Екатерина послѣ обѣденнаго стола тотчасъ уходила для отдохновенія на короткое время; случилось, что всѣ служащіе при ней удалились къ Марьѣ Савишнѣ Перекусихиной и занялись игрой въ ла-мушъ. Государыня, не могли заснуть, позвонила въ колокольчикъ, потомъ подошла къ сонеткѣ— все нѣтъ никого; наконецъ отворяетъ дверь къ Перекусихиной и говоритъ: „Не безпокойтесь!... Захаръ Константиновичъ! сходи съ запиской къ графу (Зубову *), я приму твои карты“. Послѣ нѣсколькихъ вѣдачь сказала: „довольна, что вспомнила игру, въ которую давно не играла“.

(Отъ Перекусихиной).

79.

Въ 1790 г., по отраженіи шведовъ адмираломъ Крузомъ, Екатерина водой отправилась осматривать укрѣпленія у Красной-горки и шла пѣшкомъ по значительному разстоянію, до дома приготовленнаго для обѣда и отдыха; разговаривая съ адмираломъ (Федоромъ) Петромъ Ивановичемъ Пущиннымъ, спросила, кто могъ бы удовлетворить свѣдѣніями о шведскомъ флотѣ, изъ подначальствующихъ при адмиралѣ Грейгѣ. Тутъ же представленъ былъ контръ-адмиралъ Евстафій Степановичъ Одинцовъ, находившійся у него въ довѣренности. Екатерина, занявшись разговоромъ, подошла къ дому и при входѣ на лѣстницу подала ему руку, а за столомъ посадила его такъ, чтобъ можно было продолжать разсужденіе. Одинцовъ, сообщая императрицѣ подробности непріятельскаго морского вооруженія, довершилъ, что шведскій флотъ гроша не стоитъ. Въ чертахъ государыни замѣчено было удовольствіе, сими словами произведенное. На другой день онъ получилъ золотую табакерку, наполненную червонцами, съ собственноручной запиской: „гроши контръ-адмиралу Одинцову“.

80.

Честному и справедливому московскому главнокомандующему князю Прозоровскому, по подовѣрнію, не нравился вице-губернаторъ Небольсинъ. На званомъ пиру у послѣдняго, когда хозяинъ пригласилъ къ поставленной водкѣ, Прозоровскій сказалъ: „Извольте видѣть, Василій Александровичъ: за хлѣбомъ да за солью лучше говорить правду; по резону потому намъ не ужиться, сирѣчь я съ тобою розно думаю“. На другой день Небольсинъ подавъ бумагу объ отставкѣ.

*) Въ случаѣ при дворѣ съ 1789 по 1796 г.

81.

Въ 1792 г. въ Москвѣ составилось общество изъ большого числа извѣстныхъ особъ и имѣло собственный домъ, гдѣ нынѣ Спасскія казармы; предсѣдательствовалъ въ ономъ человѣкъ обширнаго ума, отставной армейскій поручикъ Николай Ивановичъ Новиковъ. (Сіе общество въ публикѣ именовано было: мартинистами). Екатерина съ негодованіемъ смотрѣла на сіи совѣщанія и въ посмѣяніе писала комедіи и проverbs, какъ-то: „Обманщикъ“, „Обольщенный“, „Сибирскій Шаманъ“, „Разстроенная семья“ и проч. Наконецъ поручила главнокомандующему Москвы, князю Прозоровскому*) произвестъ слѣдствіе и разрушить оное. Новиковъ сперва высланъ изъ Москвы, а потомъ посаженъ въ шлиссельбургскую крѣпость. Въ продолженіе помнутаго слѣдствія, государыня въ Петербургѣ Николаю Петровичу Архарову сказала: „что всегда успѣвала управляться съ турками, шведами и поляками, но, къ удивленію, не можетъ сладить съ армейскимъ поручикомъ!

(Отъ Архарова),

82.

Генераль-прокуроръ князь Вяземскій, по случаю паралича, отпущенъ былъ къ водамъ, и надѣялся по возвращеніи опять вступить въ должность**), но узнавши, что назначенъ ему преемникомъ графъ Самойловъ, сказалъ своему подчиненному Борзову: „Обуль насъ Иванъ Карповичъ! обуль изъ сапогъ въ лапти.“

83.

Въ 1793 г. Екатерина, отправляя кн. Николая Сергѣевича Волконскаго къ прусскому двору съ препорученіями, много разговаривала съ нимъ о постороннихъ предметахъ и коснулась графа Александра Романовича Воронцова***). „Онъ не имѣетъ настоящаго ума государственнаго“, сказалъ Волконскій.

— „Почему вы такъ заключаете?“ возразила императрица.

— „При отличномъ воспитаніи, обширныхъ свѣдѣніяхъ, онъ много читалъ, слышалъ и видѣлъ, но для русскаго этого недостаточно; потому что онъ не знаетъ ни отечества, ни свойствъ своихъ подчиненныхъ, съ

*) Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, главнокомандующій Москвой съ 19 февраля 1790 по 21 марта 1795 г., впоследствии фельдмаршалъ, ум. 1809 года.

**) 17 сент. 1792 г., ум. 8 янв. 1793 г.

***) Впоследствии государственный канцлеръ (8 сент. 1802 г.); род. 4 сент. 1741 г., ум. 2 дек. 1806 г.

которыми имѣеть частыя сношенія, то долженъ ошибаться“, отвѣчалъ князь.

— Очень справедливо, довершила императрица.

(Отъ помянутаго кн. Волконскаго, бывшаго въ числѣ избранныхъ въ обществѣ императрицы).

84.

Въ 1793 г. Яковъ Борисовичъ Княжнинъ за трагедію „Вадимъ Новгородскій“ высланъ былъ изъ Петербурга. Черезъ краткое время оберъ-полицеймейстеръ Рылѣевъ, докладывая императрицѣ о прибывшихъ въ столицу, наименовалъ Княжнина. „Вотъ какъ исполнятся мои повелѣнія“, съ сердцемъ сказала она, „поди и узнай вѣрно— я поступлю съ нимъ, какъ императрица Анна“. Окружающіе докладываютъ, что вмѣсто Княжнина пріѣхалъ бригадиръ Князевъ, а между тѣмъ и Рылѣевъ возвращается. Екатерина съ веселымъ видомъ встрѣчая его, нѣсколько разъ повторила:

— „Николай Ивановичъ!... ты не могъ различить князя съ княж-
номъ“ *).

(Изустное преданіе Николая Петровича Архарова).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка объ отношеніяхъ Н. М. Карамзина къ А. О. Воейкову.

Въ октябрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника (стр. 613—615), въ статьѣ подъ заглавіемъ „Мое знакомство съ Воейковымъ въ 1830 году“, помѣщенъ рассказъ, какъ въ одинъ изъ литературныхъ у него вечеровъ пріѣхалъ къ нему г. Телешевъ, котораго онъ передъ всѣми назвалъ бывшимъ секретаремъ и ближайшимъ человѣкомъ Н. М. Карамзина, а Телешевъ объяснилъ, что покойный его благодѣтель и начальникъ Николай Михайловичъ, умирая въ 1827 (должно бы сказать: въ 1826) году, оставилъ ему нѣсколько пакетовъ для передачи нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ одинъ на имя его (Воейкова), заключавшій въ себѣ два собственноручно Карамзиннымъ написанные стихотворенія. Телешевъ извинялся, что передаетъ пакеты такъ поздно (спустя три года), объяснялъ тому причины; Воейковъ же цѣловалъ и его и привезенный пакетъ.

„Такъ-то“—продолжаетъ сочинитель статьи— „Воейковъ, казалось,

* О степени достовѣрности этого рассказа можно узнать изъ статьи П. А. Ефремова въ «Русской Старинѣ» 1871 г., т. III, стр. 726—732. Въ «Русской Старинѣ» 1871 г. т. III, стр. 733—781 напечатана упоминаемая Карамзинимъ трагедія Княжнина: «Вадимъ Новгородскій».

обожалъ Карамзина, а совсѣмъ тѣмъ онъ, въ 1824 году, почему-то разсердясь на нашего знаменитаго историографа, благодѣтельствовавшаго ему, имѣлъ нахальство написать на Н. М. Карамзина, на этого прототипа честности и благородства, слѣдующіе ругательные стихи:

Вотъ въ передней рабъ-писатель,
Карамзинъ-хамелеонъ,
Земледѣль, законодатель, и проч.

„Стихи эти“ — сказано внизу въ примѣчаніи (стр. 615) — „находятся въ полномъ Домѣ сумашедшихъ, напечатанномъ въ Берлинѣ, и экземпляръ ихъ имѣется въ Публичной библиотекѣ. Но совсѣмъ тѣмъ извѣстный старинный нашъ писатель Борисъ Михайловичъ Федоровъ, и нынѣ здравствующій, упорно увѣрялъ меня, что тутъ ошибка въ имени и что стихи эти не на Карамзина, а на Каразина будто бы написаны“

Сочинитель статьи, какъ видимъ, глубоко уважаетъ память историографа; но когда въ его статью вкралась нѣкоторыя, касающіяся Карамзина, невѣрности, то нельзя умолчать объ нихъ.

Имѣвъ счастье лично и постоянно пользоваться благодѣтельнымъ расположеніемъ незабвеннаго Николая Михайловича, особенно же въ послѣдніе шесть лѣтъ его жизни, и бывши также знакомъ съ Иваномъ Яковлевичемъ Телешевымъ, обязанностию почитаю заявить, что Николай Михайловичъ никогда не имѣлъ при себѣ секретаря, а Телешевъ бывалъ у него въ качествѣ учителя дѣтей его, какъ и самъ онъ изъяснилъ въ свѣдѣніи, которое доставилъ М. П. Погодину для біографіи историографа. (Н. М. Карамзинъ, М. 1866. томъ II, 430). Поэтому онъ и не могъ называть Карамзина начальникомъ, а только благодѣтелемъ, къ которому и во всю жизнь свою питалъ чувство глубочайшей благодарности.

Относительно разсказа о пакетахъ тутъ должно быть какое-нибудь недоразумѣніе, тѣмъ болѣе что Карамзинъ никогда не былъ въ литературныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Воейковымъ, и ежели ему оказывалъ иногда благосклонное вниманіе, то единственно изъ того, что Воейковъ былъ женатъ на его (по первой женѣ) племянницѣ, вполне достойной добраго участія и сочувствія. Нельзя также не замѣтить, что Николаю Михайловичу вовсе некогда было переписывать чужіе стихи, когда и собственный свой трудъ отдавалъ переписывать супругѣ и дочерямъ своимъ, а въ годъ своей кончины онъ даже съ трудомъ брался за перо, и то лишь по необходимости.

Что касается отрывка изъ стихотворенія Воейкова Домъ сумашедшихъ, мы всѣ, за 50 лѣтъ предъ симъ читавшіе это произведеніе,

твердо знаемъ, что въ немъ одинъ только разъ и то съ особеннымъ уваженіемъ, упомянуто имя Карамзина, въ томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ видитъ въ этомъ домѣ зюла его — Кутузова, грызущаго бюстъ Карамзина, и заключаетъ свое видѣніе словами:

Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ.

А тотъ отрывокъ, который приведенъ сочинителемъ статьи, прибавленъ былъ уже послѣ (какъ и другія мѣста о разныхъ лицахъ) и направленъ былъ, какъ справедливо замѣтилъ и Б. М. Федоровъ, не на Карамзина, что очевидно и изъ самыхъ словъ отрывка, къ нему непримѣнимыхъ; берлинское же изданіе 1858 года намъ не авторитетъ и не можетъ похвалиться исправностію, когда и въ примѣчаніяхъ къ нему Магницкій названъ понечителемъ петербургскаго учебнаго округа, а Руничъ — ректоромъ петербургскаго университета *).

7 декабря 1871.

Е. Сербиновичъ.

*) Вполнѣ исправный текстъ «Домъ Сумашедшихъ» напечатанъ въ «Сборникѣ студентовъ С.-Петербургскаго университета» и тамъ не сдѣлана ошибка, которую вслѣдъ за берлинскимъ изданіемъ (въ высшей степени небрежнымъ) повторилъ г. В. Б. Пошлая выходка Воейкова — дѣйствительно направлена не на Карамзина, а на Василія Назаровича Каразина, одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей эпохи Александра I-го. Многие изъ трудовъ Каразина были напечатаны въ «Русской Старинѣ». Этотъ честнѣйшій и самыхъ возвышенныхъ, благородныхъ убѣжденій человекъ, былъ учредителемъ министерства народнаго просвѣщенія, способствовалъ увеличенію въ Россіи числа университетовъ, для чего съ необыкновенною энергіею собралъ съ двухъ лишь губерній 2½ милліона рублей (ассигнаціи), составилъ первое въ Россіи частное общество для развитія сельскаго хозяйства и промышленности, безбоязненно говорилъ и письменно излагалъ свои взгляды на важнѣйшіе государственные вопросы, тяжело пострадалъ — и за все за это навлекъ при жизни ругательства и глумленья Аракчеевыхъ, Воейковыхъ и друг. лицъ, и до сихъ поръ не одѣвень потомствомъ, претендующимъ на безпристрастіе въ сужденіяхъ объ историческихъ дѣятеляхъ прошлаго времени.

Ред.

АЛЬБОМЪ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА ЩЕРБИНЫ.

1853 — 1863.

Приводимъ нѣсколько эпиграммъ и шутокъ изъ альбома известнаго поэта Николая Федоровича Щербины, умершаго 10-го апрѣля 1869 г. въ С.-Петербургѣ. Копію съ этого альбома, имъ самимъ вывѣренную, г. Щербина подарилъ въ наше собраніе рукописей не задолго до своей смерти. Эпиграмма подъ № 28 весьма обязательно сообщена П. А. Ефремовымъ, въ библиотекѣ котораго также находится списокъ съ альбома Щербины, имъ самимъ вывѣренный. Двѣ или три изъ сообщаемыхъ эпиграммъ и шутокъ были напечатаны.

Ред.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Бергу и другимъ нѣмцамъ славянофиламъ.

Тепленько нѣмцамъ у славянъ,
И нѣмцы всѣ славянофилы:
Не мудрено что нашъ кафтанъ
И мурмола ихъ сердцу милы..
Несемъ мы, Бергъ, почти что вѣкъ
Опеку нѣмцевъ не по силамъ....
Я слишкомъ русскій человекъ,
Чтобъ сдѣлаться славянофиломъ.

2.

Н. Н.

Пугая стаю ястребиную
Съ рѣки цензурной онъ слетѣлъ.
Какую-жъ пѣсню лебединую
За то на «Парусѣ» онъ пѣлъ.

3.

Московскимъ краснымъ.

Монтаньяры вшивой горки!
«Красный цвѣтъ лишь дурню мнѣ!» —
Такъ народъ нашъ дальновзоркій

Этой кѣткой поговоркой
Васъ на вѣки заклеилиъ.

4.

Молитва современныхъ писателей.

О ты! кто принялъ имя слова!
Мы просимъ твоего покровя:
Избави насъ отъ похвалы
Позорной «Сѣверной Пчелы»
И отъ цензуры Гончарова.

5.

Журналу „Весельчакъ“.

Всѣхъ патриотовъ «Весельчакъ»,
Тулаго юмора кабакъ,
Приводить въ слезы и раздумье
О нашемъ жалкомъ остроумьѣ.

6.

Вопросъ Н. Ѳ. Щербинѣ

отъ гг. Плещеева, Сѣверцова и Тихменева.

Полу-хохолъ и полу-грекъ
Но Нѣжинскій, а не Милетскій,
Скажи: къ чему ты въ злобѣ дѣтской,
Свой жалкій каратаешь вѣкъ?

Отвѣтъ грека Плещееву Сѣверцову и Тихменеву.

Хоть эллинь я изъ Таганрога
Но все-жъ я грекъ, не сынъ рабовъ...
За нами въ прошломъ славы много
Къ намъ уваженіе вѣковъ.
У васъ—за стѣнки, плети, кѣтки,
У насъ—свобода дѣлъ и словъ;
И чѣмъ древнѣе ваши предѣя,
Тѣмъ больше съѣли батаговъ.

7.

Газета „Молва“.

Къ молвѣ названье не пристало:
Ея подписчиковъ такъ мало,
Что хоть зови ее отнимѣ:
«Гласъ вопиющаго въ пустынѣ».

8.

Еще „Молва“

Про все въ Россіи говорятъ
И болтовня у насъ въ природѣ,
Лишь о «Молвѣ» одной молчатъ,
О ней лишь нѣтъ молвы въ народѣ.

9.

Н. Н.

Писателю, обезпечившему себя казнокрадствомъ, служа въ Крыму по провiантской части. Онъ сказалъ: что теперь онъ экс-чиновникъ и экс-писатель.

Хоть теперь ты экс-писатель,
Экс-провiантскiй ты дѣлецъ,
Экс-казны ты обиратель,
Все же ты не экс-подлецъ.

10.

Н. Н.

Всякiй слухъ меня тревожить.
И тяжелъ душѣ моей,
Въ горлѣ мнѣ першить и гложеть
И языкъ сдержать не можетъ
Ни одну изъ новостей.

11.

Н. Н.

Не уколола никого
Его критическая тупость,
Бездарность честная его
И добросовѣстная глупость.

12.

„Русская Бесѣда“.

(Аппол. Алексан. Григорьеву).

Все татарское Россiи,
Все чѣмъ глушь вѣдмедкiй людъ
За народныя стѣхи
Намъ въ «Бесѣдѣ» выдають.
Духу въ ней—суходенье,
Философiя—дьячка.
Смысла здраваго усненье,
Воскресенье „Маяка“.

1856—1857.

13.

„Москвитиникъ“.

Увы! съ эклиптической всемирной
Я былъ въ разладѣ всегда
И солнце въ высотѣ экваторной
Упрекъ мнѣ сущiй и бѣда:
Когда давно уже бывало
На Козерогѣ Фебъ стоялъ
Едва всходилъ еще отсталый
На знакъ Рака мой журналъ.

14.

Автору всѣхъ возможныхъ „Пустячковъ“.

Отецъ снотворный Анапцова,
 Жеманный авторъ Пустячкова,
 Наслѣдникъ истинной Хвостова
 Москвы посмѣшище, С... въ,
 Къ моимъ врагамъ пристаъ недавно
 И опозорилъ тѣмъ враговъ:
 Имъ тяжело, а мнѣ забавно!...
 И такъ да здравствуетъ С... въ!

Къ чему же эта эпиграмма?
 Онъ жалокъ всѣмъ и безъ того:
 Его стихи — источникъ срама
 И лучшей насмѣлки на него.

15.

Двойное горе.

(У гроба Гоголя).

Слышимъ вопли, стонъ и крики
 Лучшихъ роднымъ сыновъ:
 «Умеръ Гоголь нашъ великій,
 Живъ и здравствуетъ Су . . овъ».

16.

Ним. Вас. Сушнову.

Да, призванья есть благія
 И не даромъ, о поэтъ!
 Времена познавъ крутыя
 Свой тебѣ несетъ Россія
 Благодарственный привѣтъ.
 Насъ враги одолевали,
 Намъ скорбѣть не стало силъ,
 Мы веселью чужды стали:
 Издагъ ты свои «Печали»
 И всѣхъ насъ развеселилъ!

Членъ клуба здравого смысла.

17.

Кто онъ?

Другъ мощны буржуазин
 Онъ пивку-мужика
 За трибуна всей Россіи
 Выдаетъ откупщика.

Видя въ томъ свои удобства
 Генерала скрыгъ онъ спѣсь,

Демократства и холопства
Удивительная смѣсь!

18.

Въ часовнѣ Иверской.

«Здѣсь воздухъ напоенъ дыханіемъ молитвы» *)
Сюда мошенники приходятъ для ловитвы,
Здѣсь умиленіе безъ носовыхъ платковъ,
И благочестіе нерѣдко безъ часовъ.

19.

По поводу Н. Н.

Родъ Пожарскихъ прекратился
И за Русь не встанетъ онъ...
Русскій палецъ и осрамился—
Жидъ пожарный заступился
За поруганный законъ.

20.

По взятіи Севастополя *).

Все назадъ, на оборотъ
На святой Руси идетъ,
Гдѣ изъ ботика сталъ флотикъ,
А изъ флотика сталъ флотъ,
Но лишь выпалъ трудный годъ
И остался только ботикъ.

1858 г.

21.

Загадка.

Скажите кто межъ насъ хамелеонъ душой
Московскихъ умниковъ безграмотное эхо?
Есть несчастію другихъ кто-бъ первый сталъ слепой
И ноги-бъ цаловалъ у всякаго уснѣха?

22.

Передъ памятникомъ Петра Великаго.

Нѣтъ не змѣя всадникъ мѣдный
Растопталъ стремясь впередъ,
Растопталъ народъ нашъ бѣдный,
Растопталъ простой народъ.

*) Стихъ С. П. Шевырева, изъ сонета 'къ Иверской часовнѣ.

***) По поводу стиховъ Венедиктова:

«И родилъ тотъ ботикъ—елотикъ,
Этотъ елотикъ—елоть родилъ».

23.

Петербургъ.

Вглядѣвшись въ Петербургъ и все въ немъ созная,
Невольно выскажешь понятіе свое:
О Боже мой! посредственность какая!
О Боже мой! какое дурачье!

24.

Общій другъ.

Людей известныхъ былъ любителемъ
И даровымъ ихъ погребомъ;
Онъ сталъ въ увѣдѣ предводителемъ
А слыгъ въ столицѣ онъ хлыщемъ.

25.

Эпитафія купцу.

Съ мясистою супружницей своей
Онъ въ банкѣ парился и объѣдался сыто...
О сколько имъ обмануто людей
И сколько чаю перепито!

26.

Эпитафія.

Отечество свое не мало одолжилъ:
Совѣтникомъ коллежскимъ онъ служилъ.

27.

Эпитафія Апполону Александровичу Григорьеву.

Въ угарѣ на себя напущенныхъ идей,
Онъ бѣгалъ какъ шальной по площади журнальной
Иубѣжденія онъ съ рѣзкостью нахальной,
Что годъ мѣнялъ въ горячности своей.
И вотъ скончался онъ, какъ должно сумасброду.
Безплодный вѣкъ его въ пустыхъ трудахъ протѣкъ,
Зане всю жизнь свою, лишь сѣялъ онъ песокъ
И съ ярмыя паюсомъ толокъ въ журналахъ воду.

28.

Н. Н.

Я пересталъ быть либераломъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ откупишь-накалъ,
Покончивъ выгодно съ кружаломъ,
Себѣ на откупъ гласность взялъ.

Я пересталъ быть либераломъ,
Когда онъ денегъ далъ,
И сталъ подкупленнымъ журналомъ
Нашъ обличительный журналъ.

Я либераловъ избѣгаю,
 При нихъ боюсь я за платокъ,
 И за часами наблюдаю,
 И дальше прячу кошелекъ.

29.

Современная поэзія.

Пародія.

Темно ужъ на улицѣ стало
 И хлопьями снѣгъ выпадать,
 Она у окошка стояла
 А я у валичекъ стоялъ.

Закинувь свой плащъ, на сторожѣ
 Я робкіе взоры бросаешь,
 Боюсь, чтобы дворникъ, о Боже!
 Метлою меня не прогналъ.

Все было мнѣ какъ то неловко,
 О чемъ то я тяжело вздохнула;
 Она мнѣ кивнула головкой,
 А я ей рукою махнула.

30.

Николаю Герасимовичу Устрялову.

Смѣшины намъ твой восторгъ и клики
 Устряловъ, старшій балагуръ,
 Мы видимъ даже Петръ Великій
 Былъ гениальный самодуръ.

31.

Выдержки изъ книги: „Мечты и звуки“.

Мадригалы.

Къ кухаркѣ сосѣда моего и сослуживца профессора Куницына, въ
 которую я былъ страстно влюбленъ, овдовѣвши послѣ второй жены:

I.

Какъ отъ тебя страстями пышетъ жарко
 О аппетитная Куницына кухарка!

II.

Въ сѣяніи дна и при мерцаніи огарка
 Равно прелестна ты Куницына кухарка!

III.

Что всѣ Аспазія, что Иоанни д'Арки
 Предъ прелестью Куницыной кухарки!

IV.

Въ Италію, гдѣ пѣлъ любовь Петрарка
 Съ тобою убѣжимъ, Куницына кухарка.

Характеръ.

32.

Roma l'antica.

Отрывокъ изъ Одиссеи послѣдняго сумасброда. Пародія на поэму Григорьева:
«Venezia la bella».

Я милую мою въ античный Римъ привезъ;
Дремала при лунѣ всемірная столица
И я исполненъ былъ какихъ то дикихъ грѣзъ,
И глухыхъ и больныхъ, дождемъ кропящихъ слезъ.
Мнѣ видѣлись вездѣ трагическія лица
И я завылъ тогда, какъ нѣкій ярый пѣсъ,
А милая моя завyla, будто псыца,
И въ вѣчномъ городѣ такой поднялся вой,
Что заревѣли вдругъ козель, осель, ослица,
И крикнулъ «караулъ» французскій часовой.

33.

Чухонскія Аомны.

Фельетонъ въ стихахъ *).

Свѣтъ журнала не читаетъ,
Гдѣ какой то господинъ
О бов-тонѣ рассуждаетъ,
Какъ «въ дворянствѣ мѣщанинъ».
Изъ передней всѣ салоны
Господинъ тотъ изучилъ:
Другъ-швейцаръ ему законы,
Тайны свѣта сообщилъ.
Съ той поры чернилъ излишекъ
Онъ для правды расточалъ,
Накрахмаленныхъ манишекъ
Безпощадный Ювеналъ.
Другъ Ивана Хлестакова
И Тряпичкинъ нашихъ дней,
Пишетъ гимны въ честь портаго
Бравъ на мыслящихъ людей.
..... рьянаго витію
Онъ собой изобразилъ,
И на цѣлую Россію
Вдругъ печатно протрубилъ:
Что онъ за-просто бываетъ
Съ княземъ Сержемъ у Дюсо
И по Невскому гуляетъ
Возлѣ львовъ какъ Nonsean.

*) Этотъ «фельетонъ» написанъ на Ив. Ив. Панаева, подписывавшаго свои замѣтки словами: «Новый поэтъ». Пв. Ив. Панаевъ очень ловко отразилъ ударъ въ него направленный: онъ напечаталъ злую шутку Щербини въ своихъ же замѣткахъ въ «Современникѣ».

Князь, всему извѣстно міру,
 Зналь приличія всегда,
 Не пускалъ къ себѣ въ квартиру
 Пьяныхъ франтовъ никогда.
 Съ той поры онъ въ фельетонѣ
 Ежемѣсячно твердилъ,
 Что онъ ѣдитъ въ фатовѣ,
 Рисковъ себѣ купилъ.
 Что его (до мелкой пражки)
 Славный Шармеръ одѣвалъ,
 Что голландскія рубашки
 Утро каждое мѣнялъ.
 Онъ не можетъ похвалиться
 Ни талантомъ, ни умомъ,
 Пусть себѣ онъ отличится
 Передъ публикой бѣльомъ...
 Въ свой романъ карикатурный
 Вписуе онъ друзей своихъ,
 И журналъ литературный
 Сдѣлалъ органомъ портныхъ,
 Но журнальную букашку
 Не замѣтилъ модный свѣтъ,
 Какъ въ голландскую рубашку
 Не радился нашъ поэтъ.

34.

Хвалебная пѣснь

Блаженному борзописцу Н. Н. литературы ради породивому.

Радуйся, Испаніи невѣданіе,
 Радуйся, Испаніи описаніе,
 Радуйся, живописи непониманіе,
 Радуйся, о живописи трактованіе,
 Радуйся, жандармовъ трепетаніе;
 Радуйся, музыкѣ неразумнѣіе,
 Радуйся, о музыкѣ разсужденіе,
 Радуйся, пустозвонныхъ фразъ строеніе;
 Радуйся, женѣ омерзеніе,
 Радуйся, гостинодворскій гядалгю,
 О ялѣшивнѣи час-продавчѣ радуйся!

Вфреанъ Окринъ.

35.

Эпиграмма на самаго себя.

Вкусивъ всѣ горести коварства и измѣны,
 Негодный ни къ чему, не знаю какъ и быть,
 Осталось только мнѣ теперь вступить на сцену
 И Маріо собой достойно замѣнить *).

*) Щербина года за три до смерти потерялъ голосъ и умеръ отъ задушенія.

ВЪ РЕДАКЦИИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Записки А. Т. Белотова 1738—1771 гт., два тома. Спб. 1870—1871 гт., стр. 1002 и 1120, въ два столбца. (Это приложеніе къ «Русск. Стар.» 1870 и 1871 гт.). Цѣна въ отд. изданіи за оба тома 6 руб.

II. Записки М. Н. Глинки 1804—1854 гт., въ четырехъ частяхъ. Спб. 1871 г., въ 8 д. съ рисункомъ памятника Глинки, съ апофеозомъ въ честь Глинки, рисунокъ академика М. О. Никѣшина и со снимкомъ предсмертнаго письма Глинки. Цѣна 2 руб.

III. Записки Екатерины Александровны Жвостовой, рожд. Сушковой 1812—1841 гт. Эти записки заключаютъ въ себѣ очерки быта высшаго русскаго общества и новыя данныя для біографіи поэта Лермонтова. Спб. 1871 г. 8 д. 260 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп.

IV. Грабъ Аракчеевъ и весныя поселенія. 1809—1831 гт. Новые рассказы очевидцевъ о бунтѣ поселянъ въ 1831 году. Подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта военныхъ поселянъ. Подлинная переписка гр. Аракчеева. Спб. 1871 г. въ 8-ю д. Цѣна 1 руб. 50 коп.

V. Записки князя Якова Петровича Шаховскаго, 1705—1772 г. С.-Петербургскаго полиціймейстера при Бироуѣ, обер-прокурора Синода и генераль-прокурора Сената при императрицѣ Елисаветѣ. (Выйдутъ непременно въ февралѣ). Спб. 1872 г. Цѣна 1 р. 50 к.

VI. Записки Гавриила Ивановича Добрынина, 1752—1823 гт. три части. Изданіе второе, значительно исправленное и вывѣренное по подлинной рукописи Добрынина. Спб. 1872 г. 8 д. 380 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

VII. Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ, сочиненіе капитана Джона Перри, переводъ съ англійскаго кн. О. М. Дондуковой-Борсаковой, съ предисловіемъ М. М. Семескаго. Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва. 1872 г. въ 8 д. стр. 200. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Это полный, безъ пропусковъ, переводъ сочиненія извѣстнаго инженера Перри, выписаннаго изъ Англій Петромъ Великимъ въ 1698 г. и пребывавшаго въ Московскомъ государствѣ до 1715 г. Въ книгѣ заключается много подробностей о состояніи Россіи въ 1698—1715 гт. Переводъ исполненъ съ англійскаго языка, съ весьма рѣдкаго Лондонскаго изданія 1716 г.

Примѣчаніе. Въ виду продолжающихся требованій на высылку книгъ: «Дневникъ Мерца о пребываніи его въ Москвѣ въ 1698—1699 гт. и о стрѣльцкихъ казняхъ», издан. подъ редакціей М. М. Семескаго и книги: «Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г.» изд. его же—считаемъ необходимымъ объявить, что книги эти давно разошлись всѣ до послѣдняго экземпляра.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ, также у Ив. Гр. Соловьева въ Москвѣ, и у самой издательницы въ С.-Петербургѣ (Васильевскій островъ, на углу 15-й линіи и Средняго проспекта, д. Мартынова) продаются слѣдующія книги

Елисаветы Николаевны Водовозовой:

I.

УМСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ДѢТЕЙ

ОТЪ ПЕРВАГО СОЗНАНІЯ ДО ВОСЬМИЛѢТНЯГО ВОЗРАСТА.

КНИГА ДЛЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

Е. Водовозовой.

Нравственное и умственное развитіе дѣтей.— Работы, игры, физическія упражненія на воздухѣ и въ комнатѣ, рассказы, сказки, загадки, пословицы, ариметическія задачи и наблюденія надъ явленіями природы.

При книгѣ приложены: чертежи и сборникъ дѣтскихъ пѣсней и подвижныхъ игръ съ народными мелодіями — музыка А. И. Рубца.

Изд. 1871 г. Спб. Цѣна 2 руб.

II.

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ПРИРОДЫ.

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Е. Водовозовой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, съ 10-ю картинами, рисованными на деревѣ Н. А. Пановымъ, гравированными Кубло.—Изд. 1871 г. Спб. Цѣна 1 руб.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.—Изд. 1871 г. Спб. Цѣна 50 коп.

тинопольскаго патриарха, въ которомъ гуситское исповѣданіе признано за тождественное съ вѣроу православной церкви, — А. Ф. Гильбердингъ ставитъ слѣдующій вопросъ: «Чѣмъ намъ считать Гуса и гуситовъ: православными, какъ сказали восточные святители, или протестантами какъ они являютя въ исторіи? Восточная церковь ни одной протестантской секты никогда не признавала за православную; въ какой-же мѣрѣ могутъ быть православными Гусъ и гуситы, которыхъ историческая связь съ протестантизмомъ есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію?»

Отвѣтъ А. Ф. Гильбердинга, въ числѣ другихъ весьма любопытныхъ его выводовъ, слѣдующій: Гусъ, находясь въ вліяніи современной ему православной церкви, отнесся къ ней съ особеннымъ сочувствіемъ; онъ не думалъ объ учрежденіи новой церкви, но требовалъ лишь очищенія католической отъ злоупотребленій и ложныхъ ученій. П. Г.

Двадцатый томъ. Историческій сборникъ издаваемый Н. Бартевнымъ. М. Тип. Іогансона, 1872, 8°, 4 нел. 494 и 1 нел. стр. Ц. 3 р.

Историческія повременныя изданія часто бываютъ обременяемы наплывомъ матеріала, болѣею частью — цѣльнаго, т. е. относящагося къ известной эпохѣ, вопросу, лицу, области, городу, и т. п. Поэтому, при таковыхъ изданіяхъ само собою возникаетъ система историческихъ сборниковъ, помогающая своевременному обнародованію любопытѣйшихъ матеріаловъ. При этомъ, взгляды историческихъ изданій на систему вѣдѣхъ сборниковъ бываютъ различны: одни полагаютъ систему во времени, вслѣдствіе чего таковые сборники даютъ читателямъ хотя любопытные, но совершенно случайные, ничѣмъ между собою не связанные документы. Другіе же, не находя достаточныхъ основаній для системы сборника въ чисто-внѣшнихъ признакахъ или границахъ времени, особенно дорожатъ цѣльностью и внутреннею связью, приурочивая матеріалы, входящіе въ составъ сборника, къ одному известному: или лицу, или вопросу, или эпохѣ, и пр.

Нынѣ вышедшій сборникъ П. И. Бартева есть продуктъ первой системы, почему содержаніе его весьма разнообразно и разнохарактерно. Это — недостатокъ настоящей книги. Достоинство же состоитъ въ нѣсколькихъ матеріалахъ положительно интересныхъ. Записки Басаргина, вошедшія въ этотъ сборникъ, составляютъ явленіе весьма важное въ литературѣ записокъ русскихъ дѣателей; есть нѣсколько и другихъ статей — любопытныхъ, по отношенію къ характеристикѣ русскаго общества въ царствованіе Александра I-го. Между прочимъ замѣтимъ, что вошедшая сюда одна био-

графическая статья, написанная Н. Бестужевымъ — перепечатана съ крайне несправедливымъ заграничнымъ изданіемъ, и то лишь въ отрывкахъ. Въ распоряженіи «Русской Старины» находится подлинная рукопись Н. А. Бестужева — такъ намъ известно, редакція въ свое время, подѣлился ею съ читателями.

Не смотря на указанные недостатки, новое изданіе П. И. Бартева заслуживаетъ полнаго пожеланія ему успѣха въ выпускѣ слѣдующихъ томовъ. За почтеннымъ хранителемъ Чертковской бібліотеки навсегда останется заслуга — издателя, который непрерывнымъ рядомъ выпущенныхъ имъ сборниковъ, памятниковъ новѣйшей отечественной исторіи — значительно усилилъ въ русскомъ обществѣ любовь и потребность къ этого рода чтенію. Искренно желаемъ, чтобы нѣкоторая скороспѣлость въ изданіяхъ г. Бартева рѣже бы вліяла какъ на составъ выпускаемыхъ имъ сборниковъ, такъ и на ихъ внѣшность. Положимъ что «не красна изба углами, а красна пирогами», но если печать скверна, если бумага слишкомъ выбрана экономно, если вообще изданіе, какъ говорится, съ рою, то какъ-то грустно становится за почтенныхъ дѣателей, записки или документы которыхъ являются въ столь непривлекательной обстановкѣ и, продаваемые несоответственно дорогою цѣною — какъ бы дѣлаются предметомъ спекуляціи. П. А. Г.

Второе прибавленіе (за 1870-й годъ) къ систем. каталогу русскихъ книгъ, продающихся въ кн. маг. А. Ф. Базунова. Составилъ В. И. Межовъ. Спб. Тип. Безобразова. 1872, 8° 2 нел., VIII, LIX, XX, и 80 стр., Ц. р. 25 коп.

Важность и польза предпринятаго А. Ф. Базуновымъ изданія систематическаго каталога несомнѣнны: объ этомъ упомянуть мы уже имѣли случай. Теперь можемъ прибавить слѣдующее известіе, свидѣтельствующее о развитіи нашего общества и его ободряющемъ вниманіи къ предпріятію А. Ф. Базунова, именно: каталога г. Базунова разошлось въ настоящее время четыре тысячи экземпляровъ!

Но вполне заслуженное почтеннымъ книгопродавцемъ-издателемъ вниманіе общества должно поощрить составителя (г. Межова) къ болѣшему вниманію при размѣщеніи книгъ по разрядамъ: встрѣчаются случаи, впрочемъ не особенно частые, когда нѣкоторыя книги попадаютъ въ неподлежащія отдѣлы. Зависитъ это, главнымъ образомъ, отъ системы, которую не мѣшало бы упростить.

Тѣмъ же А. Ф. Базуновымъ предпринято весьма полезное изданіе «Бібліотеки современныхъ писателей». Вышло уже три тома, содержащія въ себѣ очерки и рассказы Глѣба Успенскаго. П. Г.-дѣт.

О ПОДПИСКѢ НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1872 г., третій годъ изданія.

ИЖКМЪ ВСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложенія, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, — **шесть рублей** за весь годъ, т. е. за 12 книгъ.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамилии и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губернии и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спасо-Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына и д. Трута, кв. № 12.

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для печатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адреса: или — **Василію Арсеньевичу Семевакому**, или: — **Михаилу Ивановичу Семевакому**: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію «Русской Старины».

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. записокъ Болотова, Гарасова, Лагарпа, М. А. Бестужева, и архивовъ кн. Голицына-Нутцова, кн. Щербатова, кн. Куракинскихъ, гр. Стальбергъ, свѣтл. кн. П. М. Волконскаго, Шишова, Бахтина, — записки: гр. Г. П. Чернышова, адмир. Мозакова, зап. М. М. Горбачевскаго, кн. С. Г. Волконскаго (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Маевского, кн. Барклая-де-Толли, кн. А. А. Шаховскаго, партиз. Деиса Давыдова, М. Н. Снобелева, В. К. Кюхельбенера (1831—1841 гг.); генерала Фельшера, ак. жыв. А. В. Ступина (1776 — 1861 г.), бывш. попеч. Д. П. Руинича; автобіографія академика Витберга; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790 — 1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; Н. Ф. Опочинина (о 1831 г.); Н. В. Берга: воспомин. о Гоголѣ; записки Н. В. Веригина и др. Письма Волинскаго и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ — А. Г. Пупарева; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Пикара (1782 г.); письма Ематерины II; письма императоровъ: Павла I, Александра I, цесар. Константина; императ. Елизаветы Алексѣевны; Кюльбюна; гр. Аракчеева, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеваковской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова, мѣстн. гр. Н. С. Мордвинова, письма графа Толм (1831 г.); 60 писемъ митроп. Евгенія Болховитинова; неизданныя бумаги А. С. Грибоѣдова, К. Н. Батюшкова болѣе 80 писемъ), Г. С. Батюшкова, Жуковскаго, Языкова, Туманскаго, Рылѣва, Пушкина, статья В. Н. Каразина; сообщенія акад. А. Ф. Бычкова, Я. Н. Грота, М. П. Погодина, П. Н. Щербальскаго; статья: профес. М. Д. Бѣлова, Н. С. Тихонравова, Г. Н. Гюнади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Наровича, М. Н. Лонгинова, проф. Бриннера, М. П. Дурова, Сообщ. А. М. Княжевича, П. А. Муханова, кн. П. Д. Волконскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, Н. И. Панова, Н. Н. Салифонтова, Ф. Н. Овчинникова, Д. И. Снобелева, М. П. Корнилова, К. П. Колзанава, Н. Ф. Крузе, гр. Э. К. Чапскаго, кн. Гагарина, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, бар. Ф. А. Бюлера, М. Ф. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Наменскихъ и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго князя Александра Арнадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рымнинскаго, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ третій.

ФЕВРАЛЬ.

1872 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записка Витберга, 1813—1824 гг. гл. VII — XII. Сообщ. Т. П. Пассежъ	159	рны», о присылкѣ рукописи: «Казначейша» Лермонтова	296
II. Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ: его мѣтнія, 1802 г. Сообщ. гр. А. А. Мордвиновъ.	193	X. Насмѣльный бракъ, рыцарская баллада гр. Е. П. Ростопчиной. 1845 г. Сообщ. В. и В. Ф. Вулгарины	—
III. Баснописецъ Хемницеръ. Статья Акад. Я. Е. Грота.	215	XI. Письма Л. В. Дубельта къ Ф. В. Булгарину. 1846 г. Сообщ. Т. А. Сосновскій	299
IV. Императоръ Павелъ I: повелѣнія с.-петербургскимъ военнымъ губернаторамъ 1797—1799 гг. Сообщ. П. А. Мухомовъ	235	XII. М. И. Глинна: письма и программы о либреттѣ оперы: «Русланъ и Людмила», съ объясненіями В. В. Стасова. Сообщ. В. В. Ширшовъ	300
V. Князь М. И. Голенцишевъ-Мутузозъ: письма къ жемъ 1810—1812 гг. Сообщ. Ф. Е. Опочининъ	257	XIII. О подпискѣ на памятникъ М. И. Глинни	330
VI. К. Ф. Рыльцевъ: Думы, сатира на Арапчезева и посланіе. Сообщ. П. А. Ефремовъ	270	XIV. Дослѣдкі Дмитрія Самозванца. Статья Е. А. Кеммерера	—
VII. Первый приходъ Гоголя къ Щепкину. Сообщ. В. И. Веселозовскій	222	XV. Въ память о П. А. Мухомовѣ († 16 дек. 1871 г.)—М. П. Погодина	335
VIII. М. Ю. Лермонтовъ: невзданныя стихотворенія, отрывки и письма. Сообщ. П. А. Ефремовъ	284	XVI. Запѣтки Н. Булича и Ф. Толстого	346
IX. Приглашеніе ред. «Русской Старины», о присылкѣ рукописи: «Казначейша» Лермонтова		XVII. О подпискѣ на памятникъ А. С. Пушкину.	348
		XVIII. Библиограф. листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ).	

ПРЕДЛОЖЕНІЕ: Записка А. Т. Болотова 1738-1794 гг. томъ третій, ч. XV, письма 155 — 158; Бытъ русскаго дворянства 1772—1773 гг.

При этой книгѣ приложенъ датографическій снимокъ съ письма кн. М. И. Голенцишева-Мутузоза о Бородинской битвѣ 1812 г.

Принимается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1872 г. Цѣна съ доставкой въ Петербургъ и въ Москвѣ и съ пересылкой въ прочіе города—**восемь** руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, домъ № 15.

1872.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Русскій календарь на 1872 годъ А. Суворина. Первый годъ. Спб. Тип. Сущинскаго, 1872. 6. 12°. 4 нн., IV. и 432 стр. Ц. 1 р. (Осталось весьма немного экзмп.).

«Календарь А. С. Суворина не есть порождение спекуляціи. Несмотря на первый годъ своего бытія, календарь этотъ резко отличается отъ прочихъ новизною системы и живостью изложенія текста. Отличія эти, между прочимъ, слѣдующія: весьма полезная таблица нахождения дней недѣли въ XIX вѣкѣ; ясно и внятно изложенные ключи къ календарямъ астрономическому и церковному; календарь примѣтъ, обычаевъ и повѣрій на Руси; иностранные государи и правители (при каждомъ отмѣчено его денежное содержаніе); списокъ государей по возрасту; население Россіи (начиная съ 1-й ревизіи 1722 г.); финансы, церковь и школа представлены весьма наглядно (напр. къ 1 января 1871 г. въ русскихъ университетахъ не доставало 202 профессоровъ, цѣлой трети!); даже: печать, земство, судъ, армія, флотъ, торговля, народное хозяйство, и пр. и пр. Во что обходится намъ администраторы, сколько каждый изъ нихъ получаетъ, гдѣ окончилъ курсъ—все это можно найти въ календарѣ г. Суворина. Словомъ: почти ничего не пропущено (кромя нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ въ статьѣ «Петербургъ»), почти ничего нѣтъ лишняго (грау средняго времени въ святцахъ, особыя таблицы восхожденія и захожденія солнца и планетъ, разстояніе между городами, ихъ широты и долготы—было бы можно безъ вреда опустить); кстати: пространство губерній практичѣе и нагляднѣе изобразить въ десятинахъ, чѣмъ въ милахъ и километрахъ; во всемъ календарѣ, въ его системѣ, видна руководящая мысль. Финляндіи, странѣ, какъ извѣстно, пользующейся нѣсколько отличными отъ нашихъ правами, отведено почетное мѣсто, особая глава. Кроме того: помѣщена весьма полезная статья Б. К. Арсеньева: Практическія замѣтки по гражданскимъ дѣламъ, на тему, для всякаго важную: «какъ ограждать себя, во возможности, отъ процессовъ, и какъ вести процессъ, если нельзя обойтись безъ него».

Бумага, шрифтъ и форматъ календаря—вполнѣ удовлетворительныя: но да не посятуетъ почтенный издатель—корректурѣ въ его книгѣ весьма невнимательная: 2—3 опечатки на страницу, это—*minimum*. Кроме того есть и ошибки, неизбѣжны конечно въ каждомъ опытѣ. Отмѣтимъ напр., какъ курьезъ одну на 404 стр., гдѣ

Давиловъ род. 1769 г. сдѣланъ авторомъ «Записокъ», написанныхъ въ 1771 году. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, трудъ г. Суворина вполнѣ заслуживаетъ поддержки и вниманія русскаго общества.

Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ VII. Спб. 1871. XXXVI и 471 стр. Ц. 3 р.

Въ настоящемъ томѣ положено начало изданію полнаго собранія писемъ императрицы Екатерины II. Небольшая часть его занята перепискою Екатерины до вступленія ея на престолъ, а затѣмъ все остальное посвящено ея корреспонденціи въ первые четыре года царствованія. По этому уже можно судить, какъ обширно будетъ это собраніе, а между тѣмъ сюда еще не вошла дипломатическая переписка императрицы; ея законодательныя и литературныя работы будутъ также изданы особо. Всего интереснѣе въ настоящемъ выпускѣ собственноручныя отрывочныя замѣтки Екатерины, набросанныя ею въ послѣдніе годы царствованія императрицы Елизаветы. Весьма важно наставленіе князю Вяземскому объ усмиреніи горнозаводскихъ крестьянъ: оно даетъ намъ понятіе о томъ, какъ широко распространилось это возмущеніе и насколько опаснымъ считала его императрица. Очень жаль только, что приложенные къ этому наставленію списки съ жалобъ заводчиковъ на крестьянъ и крестьянъ на заводчиковъ не сохранились, а они объяснили бы весьма наглядно жалкое положеніе приписныхъ крестьянъ. Извѣстное наставленіе Екатерины князю Вяземскому при вступленіи его въ должность генералъ-прокурора, нынѣ напечатано полнѣе съ подлинника. Очень важно наставленіе графу Румянцеву при назначеніи его малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ (1764 г.). Интересенъ также докладъ комиссіи о правахъ и преимуществахъ русскаго дворянства, сочиненный г. Тепловымъ и переписанный рукою императрицы, и мн. др. Само собою, что этими немногими указаніями мы не исчерпали всего содержанія настоящаго тома; важность и интересъ всего этого изданія—очевидны для cadaго. Будемъ надѣяться, что русское историческое общество не замедлитъ продолженіемъ настоящаго сборника, который, вмѣстѣ съ печатаемыми тѣмъ же обществомъ протоколами комиссіи для составленія новаго уложенія, составитъ основный источникъ для изученія царствованія Екатерины II.

См. продолж. на слѣд. страницѣ обертки.

ЗАПИСКИ АКАДЕМИКА ВИТБЕРГА,

строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ

р. 1787 † 1855 г.

П *).

Прежде нежели я приступлю въ дальнѣйшему повѣствованію о приѣздѣ въ Петербургъ, я долженъ разсказать нѣкоторые факты частной жизни, имѣвшіе большое вліяніе на меня.

Лѣтомъ 1815 года, услышалъ (я) о возвращеніи императора въ Петербургъ. Ив. Ив. Дмитріевъ, одушевленный идеею храма моего, какъ поэтъ, совѣтывалъ мнѣ стараться, чтобъ объясненіе сего храма было сдѣлано мною на словахъ императору, ибо «живое слово, говорилъ онъ, болѣе дѣйствуетъ нежели письмо».

Я возражалъ ему, что у меня на это нѣтъ никакихъ средствъ, и что я объ этомъ заботиться не буду, ибо ежели суждено мо-

*) См. «Русскую Старину» 1872 г., т. V, стр. 16—32. Къ первой главѣ Записокъ Витберга — П. Н. Петровъ сообщилъ намъ слѣдующія примѣчанія:

«Русск. Стар.», т. V, стр. 18. Въ Академіи были тогда возрасты, а не курсы. Витбергъ кончилъ курсъ Академіи въ 1809 г., слѣдовательно не могъ быть выпущенъ изъ Академіи въ 1807 году, когда получилъ онъ вторую золотую медаль и оставленъ пансіонеромъ для возможности получить въ слѣдующій выпускъ первую золотую медаль; этой вождѣльной награды удостоенъ онъ отъ Академіи въ собраніи 1 сентября 1809 года, выполнивъ картину по программѣ «Андромаха, оплакивающая Гектора». Картина эта теперь находится въ академическомъ музеѣ. Только съ первой медалью воспитанники имѣли право получать пенсію отъ казны на пребываніе за границею на извѣстное число лѣтъ.

Стр. 21. Сюжетъ изъ Марѣи Посадницы былъ общею программою по Академіи для историческихъ живописцевъ въ 1808 году, и въ годовое собраніе 1 сентября никому не было дано первой золотой медали, а вторая—досталась Дмитрію Ивановичу Иванову, съ которымъ Витбергъ не хотѣлъ состязаться въ живописи, выполнивъ одинъ только эскизъ въ рисунокѣ. Картина Иванова

ему проекту быть избраннымъ, онъ будетъ избранъ, а нѣтъ—предоставляю волѣ Провидѣнія.

По окончаніи проекта и когда слухъ о немъ носился по Москвѣ, я объяснялъ *) его у графа Ростопчина, при многочисленномъ собраніи, собираясь ѣхать въ Петербургъ, чтобъ передать оберъ-прокурору св. синода, князю Ал. Ник. Голицыну, проектъ свой (ему назначено было собирать проекты). Тамъ графъ Левъ Кирилловичъ Разумовскій желалъ имѣть подробнѣйшее объясненіе у себя дома, видя что при многочисленномъ собраніи я не могъ такъ свободно объяснять его.

Графъ былъ очень тронутъ идеей до слезъ, и съ восторгомъ спросилъ: чѣмъ онъ можетъ быть полезнымъ, чтобъ дать этому дѣлу ходъ, предвидя затрудненія, которыя оному сдѣлаютъ.

— «Братъ мой министръ просвѣщенія (тогда онъ былъ президентомъ Академіи Художествъ)**). Онъ можетъ многое (сдѣлать) для васъ; я полагаю не лишнимъ снабдить васъ при поѣздѣ въ Петербургъ письмомъ къ брату».

Я возражалъ: «Извините графъ, ежели отвѣтъ мой покажется страненъ и невѣжливъ. Сердечно благодарю за участіе принимаемое (вами) въ семъ дѣлѣ. Но строгость моихъ правилъ, коимъ

теперь въ Эрмитажѣ. Подъ именемъ картины у Лабзина Витбергъ конечно разумѣетъ маленькій эскизъ свой, также окованный, какъ и тотъ («Изведеніе Петра изъ темницы»).

На стр. 24, по крайней неразборчивости рукописи, вклатась ошибка: напечатано «Шугуева», вмѣсто Шебуева. Василій Козмичъ Шебуевъ, воспитанникъ Академіи, потомъ пансіонеръ ея, профессоръ и ректоръ живописи, дѣйствительно, вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, написалъ въ стилѣ Пуссена — которому онъ обыкновенно старался подражать въ своихъ композиціяхъ—эскизъ плафона въ главный куполъ Казанскаго собора, но до исполненія въ натурѣ не дошло. Произведеніе Шебуева существуетъ, оно было на Лондонской всемірной выставкѣ 1862 г.

П. П.

Съ своей стороны считаемъ не лишнимъ отиѣтитъ одну обмолвку автобиографа: на стр. 31, въ подстрочномъ примѣчаніи, Витбергъ называетъ графа Каподистрія — королемъ Греціи; онъ былъ — ея президентъ. Всѣ слѣдующія примѣчанія къ настоящимъ мемуарамъ сдѣланы, по нашей просьбѣ, также П. Н. Петровымъ, извѣстнымъ знатокомъ исторіи русскаго искусства.

Ред.

*) «Объяснялъ» вмѣсто зачеркнутаго: «показывалъ».

Ред.

**) Министръ народнаго просвѣщенія съ 1812 года по 1827 годъ имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ императорскую Академію Художествъ, но управлялъ ею до 1817 года вице-президентъ П. П. Чекалевскій (1750—1817), а послѣ него президентъ—А. Н. Оленинъ (1763—1843 г.).

П. П.

измѣнить не могу, запрещаетъ мнѣ пользоваться всякимъ искательствомъ, а письмо ваше будетъ походить на протекцію; ибо я поставилъ правиломъ по этому дѣлу ничего не просить, чтобъ видѣть волю и указаніе Провидѣнія. Какъ трудъ мой важенъ, то я боюсь искательствами натянуть успѣхъ и взять на себя столь трудное дѣло, сопряженное съ раздраженіемъ многихъ и ежели тогда я не въ силахъ буду выполнить. Еслиже, вопреки моимъ правиламъ, дѣло будетъ имѣть надлежащій ходъ и успѣхъ, тогда я заключу, что оно имѣетъ назначеніе свыше, и въ такомъ случаѣ я въ состояніи буду перенести всѣ препятствія».

Графъ нашелъ мой отзывъ не токмо не обиднымъ, но былъ радъ, что я такъ разсуждаю, хотя впрочемъ считалъ не излишнимъ письмо къ брату.

Я отвѣчалъ, что пожалуй приму его; но только, чтобъ онъ замѣтилъ, что я не прошу оное.

Многія другія особы показывали вниманіе *).

Наконецъ я собрался въ 1815 году въ Петербургъ. Но я всѣхъ менѣе былъ доволенъ моимъ проектомъ, видя впрочемъ, что онъ удовлетворяетъ характеру серьезной архитектуры. Впрочемъ увѣренность была, что мой проектъ будетъ избранъ и (я) твердо полагался.

На дорогѣ въ Петербургъ, я остановился въ Твери у почтмейстера Новокщенова, съ которымъ я познакомился въ Москвѣ, ибо и онъ жилъ въ почтамтѣ; я провелъ тамъ съ недѣлю, желая ему оставить памятникъ моихъ трудовъ, гдѣ я познакомился съ свѣдущимъ математикомъ Карбоньеромъ, впоследствии инженеромъ, и о которомъ упоминаю потому, что послѣ мы съ нимъ встрѣтились инако. Онъ въ моемъ проектѣ особенно вникалъ въ конструкцію купола, который у меня былъ проектированъ изъ желѣза. Въ Твери нашелъ я обѣщанное письмо къ Алексѣю Кирилловичу Разумовскому и, сверхъ того, къ Александру Николаевичу Голицыну — отъ Льва Кирилловича Разумовскаго.

Между тѣмъ, слухъ о моемъ проектѣ дошелъ до многихъ и предупредилъ меня въ Петербургѣ. Я уже говорилъ, что нѣкоторые изъ моихъ товарищей тоже занимались имъ, въ числѣ ихъ былъ одинъ Мельниковъ, нынѣ профессоръ Академіи Ху-

*) Въмѣсто этого было написано и зачеркнуто: «Многія особы въ Москвѣ оказывали чрезвычайное вниманіе моему проекту.....»

дожествъ*); онъ мнѣ показывалъ свой проектъ еще прежде отъѣзда въ Москву; но могъ-ли онъ мнѣ понравиться, когда никакой мысли не лежало въ основаніи его идеи. Несмотря на то, что Мельникова программы обыкновенно были хороши, ибо онъ имѣлъ хорошій талантъ, но его проектъ былъ испещренъ мелочами.

Слухъ о моемъ проектѣ и о духѣ, въ коемъ онъ составленъ, дошелъ до него. Возвратясь въ Петербургъ, я встрѣтился съ нимъ на улицѣ; онъ вспыхнулъ въ лицѣ и я понялъ этотъ румянецъ, и первое слово было о моемъ проектѣ; удовлетворяя его желанію, я звалъ его на другой день придти посмотрѣть оный.

Въ назначенный часъ онъ явился. Внимательно смотря на проектъ, первый вопросъ его былъ: «И неужели ты самъ чертилъ его?»

— Твой вопросъ обиденъ, возразилъ я. Это похоже на то, ежели бы у сочинителя спросили, самъ ли онъ перебѣлилъ такъ хорошо.

— Все такъ; но, помилуй, ты прежде не умѣлъ чертить.

— Умѣю теперь.

— Но такъ скоро?

— Стоитъ твердо желать и успѣхъ несомнѣненъ. Сначала я чертилъ дурно и мысли мои выражались уродствами, потомъ занятіе, размышленіе дали мнѣ силы, одушевленіе; любовь довершила остальное. Вотъ смотри рядъ, черезъ который я дошелъ до проекта, сказалъ я ему, подавая портфель гдѣ хранились у меня всѣ чертежи отъ перваго до послѣдняго.

Съ жадностью перебиралъ Мельниковъ эти листы и удивленіе его не уменьшалось. Онъ былъ доволенъ, хвалилъ; но я требовалъ его мнѣнія какъ товарища и артиста, на что онъ отвѣчалъ:

*) Профессоръ, потомъ ректоръ архитектуры въ императорской Академіи Художествъ, Авраамъ Ивановичъ Мельниковъ, (1784—1854) былъ художникъ съ высокимъ талантомъ и съ большими практическими званіями строительнаго дѣла. Композиціи его отличались глубокою обдуманностью и замѣчательны вкусомъ и тактомъ. Онъ строилъ церковь Николая Чудотворца, въ Грязной (нынѣ Николаевской) улицѣ. Съ отзывомъ автобіографа о Мельниковѣ трудно согласиться буквально, а слѣдуетъ принимать его только въ смыслѣ различія взглядовъ на предметъ, его и Витберга.

— Стыдно ихъ сказать, они есть, но такія мелочи, что совѣстно говорить.

Окончивъ это, онъ просилъ сказать ему идею, внутреннюю мысль храма.

— Мельниковъ, сказалъ я ему, ты занимаешься тѣмъ же предметомъ; много уже я сдѣлалъ, показавъ тебѣ свой проектъ; но ты хочешь еще знать и внутреннюю идею,—этого не дѣлается; но я докажу довѣренность, которую имѣю въ тебѣ; человѣкъ съ талантомъ не можетъ быть подлецомъ.

Послѣ этого я объяснилъ ему храмъ свой; но объясненіе мое было не систематично, безъ послѣдовательности, разбивчиво, и я скрылъ отъ него главную синтетическую мысль, изъ коей развивались всѣ частности зданія. Впрочемъ онъ и не могъ бы понять меня; хорошій артистъ, онъ далекъ былъ отъ религіознаго взора на эти предметы. Казалось онъ довольствовался моимъ объясненіемъ и въ душѣ его не возникало дальнѣйшихъ вопросовъ.

Когда я кончилъ, я видѣлъ, что его удивленіе не прошло и въ тоже время что-то грустное, обиженное было на лицѣ его.

— Вотъ тебѣ и объясненіе, сказалъ я ему въ заключеніе: хотя я и не предполагаю, чтобы ты когда-либо воспользовался имъ съ черной цѣлью; но ежели бы и хотѣлъ, то вотъ тебѣ моя рука, что это для тебя рѣшительно невозможно; ты все перепутаешь.

И въ самомъ дѣлѣ могъ ли человѣкъ, неимѣющій самъ той идеи и еще болѣе неспособный ее имѣть, слыша объясненіе нѣкоторыхъ частей, въ разбивку, безъ порядка, могъ ли онъ удовлетворительно, отчетливо, не зная общности, передать эти мысли и не должны ли были они у него перепутаться съ другими мыслями и слѣдственно дойти до нелѣпости.

Мельниковъ увѣрялъ.

Впослѣдствіи увидимъ, какъ поступилъ онъ и увидимъ всю вѣрность высказаннаго здѣсь мнѣнія. Теперь прибавлю, что г. Мельниковъ распространилъ въ Академіи слухъ о достоинствѣ такого труда и съ похвалою относился о моемъ проектѣ.

III.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ собиралъ проекты и я тотчасъ явился къ нему, и съ письмомъ отъ графа Разумовскаго. Князь сказалъ, что онъ давно слышалъ о моихъ занятіяхъ и хотѣлъ со мною познакомиться, притомъ замѣтилъ, что онъ не можетъ ничего особеннаго сдѣлать для моего проекта, а какъ и всѣ прочіе повергнетъ разсмотрѣнію императора.

— Я и не прошу ничего особеннаго, возразилъ я, но вотъ, впрочемъ одна просьба: я письменнаго объясненія храма не сдѣлаю и непремѣнно хочу оное сдѣлать лично; доведите это до свѣдѣнія императора.

Князь обѣщалъ. Онъ назначилъ (мнѣ) на третій день явиться съ проектомъ и сдѣлать полное объясненіе онаго.

Князь сказалъ, что вѣроятно проектъ мой потребуетъ большихъ издержекъ; «это одно можетъ остановить выборъ его и потому хорошо было бы, ежели вы занялись отдѣлкою другаго *) проекта въ меньшемъ видѣ. Государь еще будетъ не скоро, успѣть можете».

Я обѣщалъ **), понявъ всю важность словъ князя.

Являсь въ назначенное время, я нашелъ (у князя) архимандрита Филарета, впоследствии столь извѣстнаго, Александра Александровича Ленивцева друга князя, и оберъ-шенка Кошелева и камергера Кологривова. При сихъ лицахъ сдѣлалъ я полное объясненіе своего проекта. Я наиболѣе обращалъ свои замѣчанія Филарету, — который тогда сталъ обращать вниманіе своими проповѣдями, — желая знать, нѣтъ ли чего противнаго догматамъ россійской церкви? съ какою цѣлью, вѣроятно, князь его и пригласилъ. Филаретъ вполне оправдывалъ мои идеи и весьма находилъ ихъ приличными греко-россійской церкви, сдѣлавъ одно замѣчаніе:

— Вы помѣстили семь добродѣтелей: вѣру, надежду, любовь, чистоту, смиреніе, благодать и славу, которыя, какъ вы говорите, помѣщены на извѣстномъ образѣ храма Премудрости; но я полагаю, что послѣднія двѣ добродѣтели: слава и бла-

*) «Другаго», вмѣсто зачеркнутаго «экономическаго».

Ред.

**) Въ подлинникѣ слова: «понявъ всю важность словъ князя и началъ заниматься» — зачеркнуты.

Ред.

годать, болѣе бы могли относиться ко внутренности храма, нежели ко внѣшности его.

Найдя замѣчания его весьма основательными, тотчасъ измѣнилъ это. Князь остался весьма доволенъ.

При прощаніи, сказалъ онъ мнѣ:

— Ежели любите хорошее служеніе, каждое воскресенье въ моей домовой церкви собираются мои пріятели, приглашаю и васъ.

Я не преминулъ быть, и князь спрашивалъ:

— Какъ вамъ нравится церковь?

— Довольно хороша для домовой церкви, но иконостасъ съ погрѣшностями; но наиболѣе не нравятся мнѣ царскія врата (онѣ были устроены извѣстнымъ Воронихинымъ).

— Да, мнѣ и самому не очень нравится иконостасъ, сказалъ князь; но что именно находите вы въ царскихъ вратахъ?

— Во-первыхъ, самыя врата имѣютъ характеръ грубый, въ то время, какъ по своей идеѣ онѣ должны быть прозрачны и легки; далѣе, главнѣйшій недостатокъ, что завѣса голубаго цвѣта.

— Какого-жъ цвѣта должна она быть? спросилъ князь съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Именно краснаго.

— Почему?

Отвѣтъ мой состоялъ изъ текста св. Павла: «имущему дерзновеніе, братіе, входитъ во Святая, кровію Иисусъ Христовой чрезъ завѣсу путемъ новымъ и живымъ, его же обновилъ есть намъ, сирѣчь плотію своею».

Князь былъ изумленъ рѣзкостью идеи и тотчасъ меня просилъ сдѣлать чертежъ для царскихъ вратъ, который я ему сдѣлалъ, торопясь удовлетворить просьбу его, ибо онъ желалъ, чтобъ они были готовы къ приѣзду императора, который часто посѣщалъ его церковь и, слѣдовательно, могъ бы увидѣть трудъ мой.

Я сдѣлалъ рисунокъ, по коему царскія врата состояли какъ бы изъ лучей свѣта изъ иконостаса; находя хорошо изображенными эти лучи въ образѣ Троицы, я составилъ царскія врата изъ продолженія ихъ. Внизу помѣщенъ былъ бѣлый квадратный красугольный камень, на которомъ, въ видѣ барельефа, изображены были Благовѣщеніе и 4 Евангелиста, ниже, на самомъ

камнѣ, текстъ вышепрописанный. На камнѣ лежали на поставѣ потиръ, а выше, въ самыхъ лучахъ, какъ бы носился самый вѣнецъ терновый. Сквозь лучи видна завѣса, составленная изъ краснаго креста на бѣломъ полѣ, чтобы отдѣлить христіанскую завѣсу отъ ветхозавѣтной въ храмѣ Соломоновѣ; къ сему велъ и слѣдующій текстъ: «И убѣлиши ризы своя въ крови агнчей» (Апокалипсисъ).

Между тѣмъ съ другимъ письмомъ явился я къ министру просвѣщенія, подъ вліяніемъ котораго находилась Академія Художествъ. Графъ принялъ чрезвычайно благосклонно письмо и назначилъ въ тотъ же день быть у него съ проектомъ. Я исполнилъ это. Около двухъ часовъ провелъ я у него въ кабинетѣ съ величайшимъ удовольствіемъ. Графъ былъ пораженъ новостью идеи и сказалъ:

— Это новая поэзія въ архитектурѣ.

Надежить знать, что графъ слылъ человѣкомъ неприступнымъ и гордымъ; онъ удалялся ото всѣхъ, даже отъ своихъ домашнихъ. Члены Академіи никогда не удостоивались быть принимаемы имъ. Ласки его къ молодому человѣку-пансіонеру Академіи, два часа проведенные съ нимъ въ кабинетѣ, наконецъ похвалы моему проекту, который онъ называлъ чистымъ произведеніемъ вдохновенія, раздражили Академію.

Несмотря на размолвку мою съ Лабзинимъ, я, занимаясь столь важнымъ предметомъ, находилъ нужду забыть неприятности и явился къ нему *); но я хотѣлъ показать ему, что благодарность къ нему у меня не изсякла. Сверхъ того, я хотѣлъ представить свой проектъ на разсмотрѣніе Академіи въ ея общее засѣданіе, которое скоро надлежало быть, а Лабзинъ былъ конференцъ-секретаремъ. Несмотря на гордый характеръ Лабзина, онъ принялъ меня съ сердечнымъ удовольствіемъ.

— Покажи-же, братъ, свои труды, о которыхъ такъ много говорятъ.

— Мнѣ весьма будетъ пріятно слышать ваше мнѣніе, возразилъ я, по предмету столь близкому его душѣ.

Вскорѣ удовлетворилъ я его желаніе. Сначала все шло хорошо и Лабзинъ былъ доволенъ; но среди самаго объясненія произошелъ горячій споръ.

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «пріемъ былъ холоденъ».

Я сказалъ: «Вотъ, Александръ Федоровичъ, вы хвалите мои труды теперь, а когда я жилъ въ Москвѣ, не вы ли съ Академіей затрудняли меня письмами и мучили своими требованіями, вмѣсто того, чтобы способствовать развитію моему. Въ васъ и въ Академію я нашелъ наибольшее препятствіе, и теперь я отъ нее ничего хорошаго не жду».

Лабзинъ спросилъ: «Но чего же ты хочешь отъ Академіи, вѣдь ты ее оставилъ и отказался отъ вояжа?»

— Быть баллотировану въ члены Академіи по сему проекту, который я хочу представить.

Лабзинъ вспыхнулъ и вскричалъ:

— Это не по формѣ, ты знаешь порядоки, Академія назначаетъ тему...

— Но я никакой другой программой не буду заниматься; сверхъ того, Академія за три года предлагала мнѣ быть членомъ, отъ чего я отказался въ пользу путешествія; отчего же теперь она откажетъ послѣ столь важнаго труда. Я посвятилъ себя одному храму, на него употреблены всѣ силы души моей, и для выполненія формъ Академіи не хочу чертить какую-нибудь конюшню.

Кончилось тѣмъ, что не желая слышать волкія слова, я завернулъ свой проектъ, не продолжая объясненіе, — и откланялся. Въ тотъ же день я явился съ той же цѣлью въ вице-президенту академіи Чекалевскому, который былъ очень обрадованъ моимъ приходомъ. Я объявилъ ему желаніе представить проектъ для баллотированія въ члены.

— Очень радъ, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ; но скажите, любезнѣйшій, вы прежде вѣдь не занимались архитектурой? Какъ же вы сдѣлали такой огромный проектъ, и какъ предпринять такое трудное дѣло?

— Правда, что я прежде не занимался архитектурой, но кто же можетъ поставить предѣлъ Тому, кто раздаетъ таланты и дарованія? не показываетъ ли самое слово, что это дается свыше тому, кому Онъ возжелаетъ.

Чекалевскій сдѣлалъ престранную фізіономію; обыкновенная доброта перемѣшалась съ сомнѣніемъ и онъ сказалъ: «хорошо, хорошо».

Онъ былъ занятъ и я расстался съ нимъ.

И каково-же было мое удивленіе черезъ нѣсколько дней узнать, что добрый Чекалевскій съ сердечнымъ участіемъ говорилъ: «какъ жаль, вѣдь Витбергъ помѣшался. Онъ мнѣ говорилъ о какихъ-то отравленіяхъ, о Богѣ».

Этотъ языкъ, коимъ я говорилъ, казался имъ языкомъ безумія!

Хотя мнѣ было и очень смѣшно, но однако я боялся, что этотъ слухъ распространится и что странно будетъ Академіи разсматривать проектъ умалишеннаго. Изъ размолвки съ Лабзиннымъ, тѣмъ болѣе, что я уже зналъ раздраженіе (противъ меня) академиковъ за пріемъ министра, я понялъ уже, какія препятствія я долженъ былъ встрѣтить въ общемъ собраніи Академіи.

Между тѣмъ, какъ до 1-го сентября (время баллотирования въ Академіи), оставалось времени довольно, то оно посвящено было составленію меньшаго проекта въ тѣхъ же идеяхъ.

Наконецъ, наканунѣ 1-го сентября, я явился къ князю Александру Николаевичу.

— Завтра намѣренъ я представить проектъ мой на разсмотрѣніе Академіи; но какъ я надѣюсь на большія затрудненія тамъ, то прошу ваше сіятельство. Я почти увѣренъ, что гг. архитекторы употребятъ всѣ усилія, чтобъ меня не баллотировали по проекту не ими заданному, имѣя въ сей формѣ предлогъ отказа. Я уже передалъ вице-президенту Академіи бумагу, которой объясняю всѣ мои труды въ Москвѣ, въ видѣ отчета; тамъ просилъ я его, ежели не вѣрятъ въ мои успѣхи, то сдѣлать мнѣ строгій словесный экзамень изъ всѣхъ частей архитектуры, какого ни одинъ архитекторъ у насъ не выдерживалъ. И потому прошу ваше сіятельство, чтобъ профессора не могли меня отринуть, когда предложитъ вице-президентъ; то (и вы) какъ членъ Академіи, (благоволите) дать голосъ въ пользу экзамена.

Въ Академіи, когда было это предложено, сначала обращались къ Гваренги, но онъ возразилъ, что какъ почетный членъ, онъ предоставляетъ (это дѣло) гг. профессорамъ. Старшій профессоръ Михайловъ *) замѣтилъ, что «дѣйствительно мы знаемъ, что г. Витбергъ никогда не занимался архитектурой, и потому не можетъ не казаться страннымъ проектъ столь огромный».

*) Андрей Алексѣевичъ Михайловъ, потомъ ректоръ архитектуры въ Академіи Художествъ, уволенный въ отставку при введеніи въ дѣйствіе устава 1830 года. А. А. Михайловъ строилъ церковь св. Екатерины мученицы на Васильевскомъ острову, близъ Тучкова моста.

Добрый вице-президентъ замѣтилъ, что Витбергъ желаетъ быть по этому проекту подвергнутъ словесному экзамену, и надѣется удовлетворить членовъ Академіи въ основательности своихъ познаній.

— Но столь огромный проектъ, сказалъ г. Михайловъ, потребуетъ слишкомъ много времени и гг. члены, вѣроятно, не могутъ посвятить на это столько времени.

Г. профессоръ едва кончилъ свое замѣчаніе, какъ г. конференцъ-секретарь Лабзинъ сказалъ довольно велегласно и важно:

— Такъ какъ г. Витбергъ въ своемъ отчетѣ, о занятіяхъ въ Москвѣ, довольно подробно говоритъ о занятіяхъ по механикѣ, гидравликѣ, архитектурѣ, то, я полагаю, всего приличнѣе, чтобъ составить изъ ученыхъ лицъ по тѣмъ предметамъ комитетъ, который могъ бы рассмотреть его труды и оцѣнить ихъ.

Надобно согласиться, что Лабзинъ, какъ умный человекъ, сдѣлалъ замѣчаніе умное и улыбка на устахъ профессоровъ показала, что всѣ согласны съ предложеніемъ конференцъ-секретаря. Съ изумленіемъ глядѣлъ я на князя Александра Николаевича, молчащаго, и на президента *), который не употребилъ своего голоса; впрочемъ, на его лицѣ видно было негодованіе. Наконецъ министръ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— На чемъ остановились члены, я считаю неумѣстнымъ возражать и въ первыя минуты горячности могъ-бы наговорить вещей лишннихъ.

Министръ, уѣзжая, сказалъ:

— Въ Академіи всегда происки, кабалы.

Съ внутреннимъ раздраженіемъ явился я на другой день къ князю Александру Николаевичу, но онъ меня предупредилъ:

— Явно, что профессора архитектуры слишкомъ противъ васъ раздражены.

— Это натурально; но я ожидаю отзыва вашего сѣятельства, какъ почетнаго члена, насчетъ моего экзамена.

— Нельзя было этого сдѣлать, когда всѣ согласились составить комитетъ.

*) Президента тогда не было, а управлялъ Императорскою Академіею Художествъ, какъ мы замѣтили уже, вице-президентъ П. П. Чекалевскій. Можно думать, что президентомъ называетъ автобіографъ министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго.

— Но я не такъ недалновиденъ, сказалъ я, чтобъ не понимать цѣли этого комитета; страшно мнѣ было-бы согласиться экзаменоваться изъ всѣхъ частей, которыми я занимался мимоходомъ и только въ отношеніи къ архитектурѣ, по предложенію конференцъ-секретаря. Впрочемъ, я увѣренъ, что ни одинъ изъ профессоровъ Академіи не можетъ выдержать подобнаго экзамена.

Не помню, какъ князь отдѣлался *), и совѣтовалъ заниматься болѣе всего вторымъ проектомъ—что я и исполнилъ.

Между тѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, явился я въ совѣтъ Академіи съ вопросомъ, намѣрена ли Академія удовлетворить моему избранію въ члены по проекту или нѣтъ?

Михайловъ отвѣчалъ **).

— Вы знаете порядокъ: примите программу отъ Академіи и она не откажетъ вамъ въ достоодолжномъ вознагражденіи.

— Но я уже сказалъ, что я никакими предметами, вромѣ храма, не могу заниматься въ архитектурѣ, тѣмъ болѣе, что я въ скоромъ времени намѣренъ оставить Петербургъ.

— Въ такомъ случаѣ Академія не можетъ удовлетворить вашего требованія.

Я снова спѣшилъ удалиться, чтобъ удержаться въ границахъ умѣренности.

Между тѣмъ, приближалось время приѣзда государя и мнѣ—ѣхать для бракосочетанія въ Москву; почему я счелъ за нужное писать къ графу Алексѣю Кирилловичу***), которому писалъ, что скоро ѣду изъ Петербурга и потому мнѣ рѣшительно нужно знать, намѣрена-ли Академія удовлетворить справедливому требованію? И ежели нѣтъ, то я долженъ буду несправедливость отказа сего поставить на видъ государя императора.

Вслѣдствіе сего, министръ при первомъ свиданіи съ вице-президентомъ и конференцъ-секретаремъ сказалъ имъ о полученномъ отъ меня письмѣ и совѣтывалъ черезъ нихъ (членамъ) Академіи быть осторожными въ своихъ дѣйствіяхъ.

— Я понимаю характеръ этого молодаго человѣка, онъ много трудился, исполненъ дарованій; эти люди не унижаются и тверды;

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «но ловко».

Ред.

**) «Михайловъ отвѣчалъ», вм. зачеркнутаго: «мнѣ было сказано, что».

Ред.

***) Разумовскому, министру народнаго просвѣщенія.

П. П.

хуже будетъ, ежели онъ выполнитъ государю, а онъ приваждетъ Академіи исполнить его требованія, тогда стыдѣе будетъ намъ!*)

На это Лабзинъ отвѣтствовалъ:

— Академіи нимало не будетъ стыдно исполнить волю монарха.

Министру нечего было спорить и онъ, прекращая разговоръ, сказалъ:

— Дѣлайте, что хотите, но я бы совѣтовалъ кончить доброй манерой.

Все и кончилось «доброй манерой». Одинъ знакомый совѣтовалъ мнѣ еще разъ сходить къ вице-президенту; мнѣ не хотѣлось, я боялся увлечься негодованіемъ, долго не рѣшался, но наконецъ пошелъ, именно потому, что не хотѣлъ. Отъ него-то я узналъ, что академики потому не внимали моей просьбѣ, что боялись, что я имъ загорожу дорогу, и что они, долгое время работающіе на этомъ поприщѣ, должны будутъ уступить мнѣ. Но я брался объяснить профессорамъ, что не загорожу имъ дороги.

Добрый вице-президентъ узнавъ, что я ищу званіе члена для того, чтобъ имѣть какое-либо значеніе, вступая въ бракъ, совѣтывалъ мнѣ баллотироваться не по архитектурѣ и для этого послать Академіи какой-нибудь изъ прежнихъ трудовъ.

Я говорилъ, что все это ученическіе опыты и болѣе всего (обработанный сюжетъ «Освобожденіе ап. Петра»).

Эскизъ (этотъ) освобожденія ап. Петра изъ темницы (и) былъ мною доставленъ вице-президенту. Составили экстраординарный совѣтъ изъ всѣхъ профессоровъ**) и единогласно избрали меня въ

*) Въ подлинномъ, на погѣ, приписка: «Проектъ Михайлова, представленный у князя Александра Николаевича съ моимъ объясненіемъ». Ред.

**) Витбергъ выбранъ въ академики живописи по рѣшенію совѣта 31 января 1816 г. Въ журналѣ этого собранія, въ пунктѣ 13-мъ, это обстоятельство описано подробно (см. стр. 74 II ч. «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ»). Вотъ это опредѣленіе Совѣта в Академіи 1816 г. 31 января: «Г. вице-президентъ представилъ Совѣту картину, писанную бывшимъ пансіонеромъ сей Академіи, Карломъ Витбергомъ, представляющую освобожденіе ангеломъ св. Петра изъ темницы, съ таковымъ объясненіемъ, что оный Витбергъ, во время долговременнаго пребыванія его въ Москвѣ, за разными своими занятіями, не имѣлъ случая произвестъ по его художеству въ живописи исторической чего-либо особеннаго для сужденія о его талантахъ, но написалъ сію картину по эскизу, который еще, бывши въ ученикахъ, онъ дѣлалъ и который тогда заслужилъ ему одобреніе Академіи и предложилъ, не

члены; изъ 30 балловъ были только 3 черныхъ. Вице-президентъ увѣрялъ, что я ѣду изъ Петербурга и, вѣроятно, женившись, брошу архитектурныя занятія. Узнавши причину, почему я искалъ, они съ радостью исполнили предложеніе вице-президента. Вице-президентъ поздравлялъ меня письменно, замѣчая, что никто не былъ баллотированъ одними профессорами и съ такимъ большинствомъ. Черезъ нѣсколько дней прислали и дипломъ *).

IV.

Между тѣмъ и второй (малый) проектъ пришелъ къ окончанію. Распоряженіе Академіи о принятіи меня членомъ было совершенно во времени, ибо черезъ нѣсколько дней оно уже не доставило-бы мнѣ того удовольствія.

Вскорѣ послѣ того воспослѣдовало прибытіе государя императора изъ чужихъ краевъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, по приѣздѣ императора, прислалъ за мною князь Александръ Николаевичъ, который мнѣ объявилъ, что на другой день надлежало быть готовымъ: предстать предъ лицо государя.

— Государь будетъ у меня у обѣдни; встати императоръ увидитъ кое-что изъ вашихъ трудовъ у меня въ церехи (царскія врата были уже сдѣланы), и послѣ обѣдни будетъ разсматривать поступившіе ко мнѣ проекты, въ томъ числѣ и вашъ; итакъ, будьте здѣсь, чтобъ тотчасъ явиться, ежели государь спроситъ.

разсудить-ли совѣтъ по сей картинѣ его, Витберга, какъ воспитанника Академіи и потому художника извѣстнаго, удостойте званія академика, почему приглашены были и другіе гг. профессора, не составляющіе членовъ совѣта, и дѣло сіе предложено на рѣшеніе баллотированіемъ и большинствомъ балловъ, оны, Витбергъ, избранъ въ академики».

Что касается до проекта храма Спасителя, — въ томъ видѣ, какъ былъ онъ у составителя въ 1816 году, — то это была первая идея, нисколько не обработанная и безъ объясненій автора, по собственнымъ словамъ его, могла быть непонятна. Для техниковъ же строительнаго дѣла — каковы профессора архитектуры — подобное произведеніе любителя не могло служить предметомъ серьезнаго разбора, потому, очень естественно, и отнеслось такъ къ нему собраніе; еще, въ тому же, на актѣ стѣсняемое присутствіемъ министра и кандидата на министерство, — какимъ оказывался князь Н. А. Голицынъ, въ октябрѣ этого года вступившій и въ управленіе de facto.

II. II.

*) Въ подлинномъ зачеркнуто: «Дипломъ этотъ былъ маленькимъ утѣшеніемъ въ большихъ непріятностяхъ».

Ред.

Приглашеніе сіе было согласно съ тѣмъ условіемъ, которое я сдѣлалъ, что иначе не могу объяснить какъ лично мой проектъ.

На другое утро я проснулся очень рано. Естественно, что хотя давно я ожидалъ сего дня, но что по приближеніи онаго я былъ озабоченъ: 1) я никогда не имѣлъ счастья быть представленъ государю, слѣдовательно, боялся (чтобъ) не смѣшаться; 2) я объяснялся не довольно громкимъ голосомъ, а государь худо слышалъ; 3) я не могъ не понимать, что объясненія, мною дѣлаемые, были довольно пространны, несвязны и наполнены повтореніями, но здѣсь надлежало объяснять кратко и, съ тѣмъ вмѣстѣ, столько полно, чтобъ ни одна изъ главныхъ идей не была пропущена.

Впрочемъ, эти мысли не сбивали меня; я надѣялся сладить со всѣмъ, (потому что) чистота намѣренія и вѣра въ Провидѣніе заставляли меня думать, что я превозмогу, или что само собою все учредится.

Въ такихъ мысляхъ я оставался покойнымъ.

Проснулся часа въ три; вставать было рано: всѣ спали въ въ домѣ сестры, гдѣ я жилъ, и я, не вставая, началъ обдумывать новую методу объясненія, которая была-бы несравненно короче и яснѣе. О подробностяхъ я не думалъ и расположилъ только главные части его, предоставляя *) настоящему одушевленію остальное. Я былъ доволенъ имъ. Такимъ образомъ, въ надлежащее время явился я въ домъ князя Александра Николаевича **).

По окончаніи обѣдни, въ кабинетъ князя былъ поданъ завтракъ. Послѣ завтрака, я былъ потребованъ въ кабинетъ.

Несмотря на спокойное состояніе духа, въ которомъ я былъ, я смутился въ это время. Я взошелъ. Государь, въ другой сторонѣ кабинета занимаясь съ княземъ Александромъ Николаевичемъ, держалъ въ рукѣ книгу. Замѣтивъ мой входъ, сложилъ книгу и кивнувъ головою, взглянулъ на меня, и взглянулъ такъ, что все смущеніе въ одно мгновеніе прошло: я былъ развязанъ, столь много исполненъ былъ этотъ взглядъ добротою, взглядъ унаслѣдованный отъ императрицы Екатерины. Государь послѣ продолжалъ разсматривать книгу; спустя нѣсколько минутъ, поло-

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «минутному».

Ред.

***) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «обѣдня уже кончилась».

Ред.

жили книгу и подошелъ въ столу*). Нѣсколько проектовъ лежали на большомъ столѣ, среди кабинета. Въ числѣ сихъ проектовъ былъ проектъ Гваренги, въ родѣ Пантеона, известнаго водчаго, который строилъ ассигнаціонный банкъ въ С.-Петербургѣ; за его проектъ весьма ходатайствовала императрица Марія Федоровна; (былъ) присланный изъ Италіи еще проектъ, совершенно не соответствующій греческой церкви; (изъ) нашихъ водчихъ—Воронихина (въ византійскомъ вкусѣ); Михайлова — которому принадлежитъ проектъ Петровскаго театра въ Москвѣ, произведенный г. Бове, который дозволялъ, чтобъ ему присвоили сей проектъ, а чугунныя укрѣпленія ложъ принадлежать тоже не Бове, а — Девису, тоже желѣзныя укрѣпленія, стропилы.....

Государь обратился ко мнѣ и съ необыкновенной благосклонностью сказалъ мнѣ:

— Я рассматривалъ вашъ проектъ и съ нетерпѣніемъ жду слышать объясненія. (Императоръ имѣлъ обыкновеніе, видя первый разъ человека, говорить въ).

Я поспѣшилъ подойти къ столу, чтобъ арранжировать мѣсто; но государь предупредилъ меня, сдвинувъ въ сторону свертки, взялъ стулъ, подвинулъ его къ столу и сѣлъ; съ одной стороны сѣлъ князь Александръ Николаевичъ. Государь указалъ мнѣ на стулъ, съ другой стороны стоявшій; но я этимъ не воспользовался, но, стоя съ правой стороны, началъ свое объясненіе. Я развернулъ оба проекта; но государь замѣтилъ, чтобы я отложилъ маленькій проектъ, который хорошъ, но похожъ на прочіе изъ числа обыкновенныхъ вещей.

— Мнѣ нравится большой проектъ. Въ немъ я замѣтилъ особенную оригинальность.

Александръ слушалъ съ необычайнымъ вниманіемъ, часто глядя мнѣ въ глаза. Остерегался прерывать мою рѣчь и тогда только спрашивалъ повторенія, когда не дослышалъ чего. Переспрашивая что-то, государь указывалъ рукою на планѣ; пламенно объясняя, я сдвинулъ руку императора и былъ до того увлеченъ, что даже забылъ извиниться и впоследствии уже догадался о несообразности сего дѣйствія. Передъ окончаніемъ я замѣтилъ слезу на глазахъ Александра.

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «во мнѣ».

Цари рѣдко плачутъ! Вотъ была полная награда для меня, которую нельзя промѣнять на ордена и отличія.

По окончаніи полнаго объясненія (государь) сказалъ:

— Я чрезвычайно доволенъ вашимъ проектомъ. Вы отгадали мое желаніе, удовлетворили моей мысли объ этомъ храмѣ. Я желалъ, чтобы онъ былъ не одна куча камней, какъ обыкновенныя зданія, но былъ одушевленъ какой-либо религіозной идеею; но я никакъ не ожидалъ получить какое-либо удовлетвореніе, не ждалъ, чтобы кто-либо (былъ) одушевленъ ею, и потому скрывалъ свое желаніе. И вотъ я разсматривалъ до 20-ти проектовъ, въ числѣ которыхъ есть весьма хорошіе, но все вещи самыя обыкновенныя. Вы же заставили камни говорить. Но увѣрены-ли вы, что всѣ части вашего храма будутъ удобоисполнимы?

Натурально государь ждалъ получить отвѣтъ удовлетворительный; но вышло другое.

— «Нѣтъ, государь», отвѣчалъ я.

Этотъ отвѣтъ привелъ государя въ недоумѣніе, и недождаюсь другаго вопроса, я прибавилъ:

— «Представленный вашему величеству проектъ мой есть трудъ охотника, изучавшаго архитектуру на самомъ проектѣ. И потому весьма вѣроятно, что въ немъ много найдется, что надлежитъ привести въ лучшій порядокъ при практическомъ исполненіи. Я довольствовался *) выразить токмо мои мысли объ этомъ предметѣ, предоставляя архитекторамъ привести оное въ исполненіе. Съ своей стороны, я уже вполне награжденъ воззрѣніемъ вашего величества на мой трудъ».

Тутъ же я указалъ на одинъ предметъ, затруднявшій меня.

— Такъ вы до этого времени не занимались архитектурой?

— «Нѣтъ, государь, я изучился ей надъ этимъ проектомъ».

— Какъ же вы могли рѣшиться на столь трудное предпріятіе, не занимаясь архитектурой? спросилъ государь съ удивленіемъ, и выжидая моего отвѣта.

— «На этотъ вопросъ, ваше величество, я ничего болѣе сказать не могу, какъ только то, что сильно желалъ заняться этимъ предметомъ, чтобы выразить свою мысль; твердо бывъ увѣренъ, что все зависитъ отъ твердой воли нашей, и что, имѣя какія-

*) «Я довольствовался», вм. зачеркнутого: «я чувствовалъ себя обязаннымъ».

либо способности можемъ сегодня успѣть въ томъ, чего мы вчера не знали».

— Да, это справедливо, мы сейчасъ говорили объ этомъ съ княземъ; человекъ все можетъ, ежели захочетъ. И вы тоже доказываете своимъ трудомъ. Но,—разсматривая меня, сказалъ государь,—я желалъ бы знать нѣсколько ходъ вашего воспитанія.

— Я родился въ Петербургѣ и лѣтъ десяти былъ отданъ родителями въ Горный кадетскій корпусъ. Спустя годъ, состоялся высочайшій указъ объ отдахъ въ оспенный домъ всѣхъ дѣтей, неизлѣвленныхъ оспы; родители, боясь сего, взяли меня домой; докторъ привилъ мнѣ дурную матерію, слѣдствіемъ чего скопившаяся матерія въ правомъ боку составила опухоль. Сдѣлана была операція. Рана была открыта и продолжалась два года, вслѣдствіе чего я долженъ былъ оставить корпусъ. Я былъ отданъ въ пансіонъ лютеранской (церкви) св. Анны, гдѣ по совѣту почтеннаго Шлейсера, (меня) оперировавшаго, долженъ былъ обучаться латинскому языку для того, чтобъ впоследствии учиться медицинѣ. Но когда я оканчивалъ свой курсъ въ сказанномъ пансіонѣ, то во мнѣ стало открываться другое желаніе. Во-первыхъ, по чувствамъ моимъ, я не могъ хладнокровно предаваться наукѣ, (въ) коей (не) прилежаніе и небрежности могли быть смертельными несчастнымъ страдальцамъ, и потому имѣлъ уже отвращеніе отъ самой науки. Напротивъ, большую склонность имѣлъ я къ изящнымъ искусствамъ, къ чему меня поощряли еще болѣе слова учителя, говорившаго, что «самъ Богъ велитъ вамъ быть въ Академіи». Я открылъ моему родителю желаніе. Онъ не хотѣлъ мнѣ препятствовать *) и я поступилъ въ Академію, избравъ историческую живопись, какъ высшую часть. Въ четыре года я успѣлъ превзойти всѣхъ моихъ товарищей и получить всѣ медали. Я былъ назначенъ для усовершенствованія путешествовать въ чужіе края на счетъ Академіи. Случившаяся война и упадокъ курса воспрепятствовали путешествію, ибо давали 800 р. въ годъ, которые составляли заграницей 200 (червон.). Такимъ

*) По семейнымъ преданіямъ, напротивъ, отецъ Витверга сильно противился поступленію сына въ Академію;—добывая себѣ хлѣбъ тажемымъ трудомъ комнатнаго живописца и даже, какъ говорить преданіе, росписывая гербы на экипажахъ—старикъ смотрѣлъ на живопись, какъ на ремесло, далеко не привлекательное. См. «Русск. Стар.» т. V, стр. 18.

образомъ прошли 6-ть лѣтъ въ ожиданіи. Въ 1815 г. представился случай ѣхать въ Москву; я взялъ отпускъ отъ Академіи. Съ самаго изданія манифеста вашего величества о намѣреніи соорудить храмъ, мнѣ казалось, что я отгадываю или понимаю вашу мысль. Идея моя была безъ исполненія, по незнанію архитектуры; наконецъ въ Москвѣ, при возрѣніи (sic) Кремля, гдѣ два пріятели желали знать мое мнѣніе о построеніи храма въ Кремлѣ, идея моя усилилась, и я, осмотрѣвъ мѣстоположеніе Кремля, рѣшился исполнить мысль свою и заняться проектомъ и изучить архитектуру, пренебрегая всѣми (посторонними) занятіями. Такимъ образомъ трудился я два года, и наконецъ составилъ проектъ, который имѣю теперь счастье представить вашему величеству. Итакъ, этотъ проектъ есть только выраженіе мысли моей. Если проектъ вашему величеству нравится и если угодно вашему величеству, чтобъ онъ былъ осуществленъ, то я желалъ бы имѣть время на поправленіе его, съ помощію Того, Кому онъ посвящается, и тогда, я надѣюсь, что онъ будетъ изъять всѣхъ ошибокъ.

— И я увѣренъ, сказалъ пылко императоръ, ударивъ меня по плечу.

Этимъ разговоръ кончился. Государь далъ *) знакъ удалиться, склоненіемъ головы; я вышелъ.

Я былъ въ восторгѣ отъ императора. Это чувство любви, разлитое въ его взорахъ, заставило бы меня влюбиться въ него, ежели бы я былъ женщиной). Чего не въ состояніи сдѣлать подданный для таковаго царя!

Итакъ, исполнилось то, въ чемъ я былъ, страннымъ образомъ, увѣренъ темнымъ предчувствіемъ, увлекавшимъ меня въ занятіе новое, неизвѣстное, безъ задатка школьнаго ученія **).

V.

На другой день я явился къ князю (Голицыну).

— Объясненіе ваше вчерашнее было прекрасно, сказалъ онъ, несравненно лучше всѣхъ предъидущихъ. Государь былъ чрезвычайно вами доволенъ. Но онъ несогласенъ предоставить

*) Зачеркнуто: «бла» — вѣроятно «благосклонно».

**) Все послѣдующее отдѣлено въ подлинникѣ толстою чертою || на позѣ написано: «ко 2-му отдѣлу».

Ред.

Ред.

12*

производство дѣла другимъ; онъ хочетъ, чтобы вы были (строителемъ), полагая, что ежели вы въ состояніи были создать этотъ проектъ и выучиться архитектурѣ, то можете обработать и дальнѣйшее при помощи людей, но подъ личнымъ вашимъ руководствомъ. Теперь государь даетъ вамъ время обработать, по вашему желанію, проектъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, причисляетъ васъ въ своему Кабинету, съ полученіемъ 2,000 руб. жалованья, и жалуетъ единовременную награду, состоящую изъ 5,000 р.

На это возразилъ я*), что весьма высоко цѣню милость государя, но что же я буду дѣлать въ Кабинетѣ; гораздо лучше желалъ бы я помѣститься гдѣ-нибудь по вѣдомству Путей Сообщенія.

— Хорошо, сказалъ князь, помолчавъ, я вамъ дамъ письмо въ генер. Бетанкуру **). Государь замѣтилъ сдѣланныя подъ руководствомъ вашимъ царскія врата, и нашелъ въ нихъ новую идею, которая весьма понравилась. Что же касается до нѣкоторыхъ подробностей по практической части, государь желаетъ, чтобы вы посовѣтовались съ Стасовымъ, отъ котораго можете многое заимствовать и не терять времени за собственнымъ обработываніемъ.

Это оскорбило меня нѣсколько и я возразилъ:

— «Ежели государь считаетъ меня достойнымъ на избранное дѣло, то я найду время на обработываніе. А совѣтоваться съ архитекторами мнѣ будетъ непріятно. Они мнѣ теперь враги, и чего же я могу ждать отъ ихъ совѣта? Боюсь ихъ швольнаго ученія. И вы, князь, знаете мои чувства на этотъ счетъ».

— Вы хотите, спросилъ онъ, чтобы я передалъ ваши слова императору?

— Да, непременно, ваше сіятельство; лучше пусть онъ благовоременно знаетъ меня. Впрочемъ, прибавилъ я, противъ Стасова ничего не имѣю, и напротивъ, уже одно то, что онъ учился не въ Академіи и гонимъ ею ***) говоритъ въ его пользу, хотя я его и не знаю.

*) Слова: «на это...» до «государь замѣтилъ» въ подлинникѣ зачеркнуты.
Ред.

**) Генералъ Огюстенъ де-Бетанкуръ, извѣстный механикъ, былъ въ это время управляющимъ публичными сооруженіями и путями сообщеній. II. II.

***) Стасова, Василья Петровича (1769—1848), Академія Художествъ не могла ни гнать, ни поощрять, потому что онъ былъ только почетнымъ воль-

Князь передалъ мои слова государю, но государь велѣлъ мнѣ сказать, что зная чувства Стасова, онъ рекомендовалъ мнѣ (его), что и теперь повторяетъ свои совѣты.

Нечего было дѣлать, я отправился къ Стасову. Въ немъ нашелъ я совсѣмъ не ученаго педанта, но истиннаго артиста, высоко образованнаго, съ превосходнымъ взглядомъ на науку, и который точно во многомъ способствовалъ къ объясненію нѣкоторыхъ, не совсѣмъ ясныхъ мѣстъ архитектуры. Стасовъ мнѣ сказалъ, что императоръ уже говорилъ о моемъ проектѣ съ нимъ, и что онъ ему весьма нравится; но сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія, кои были столь основательны, что я ими тотчасъ и воспользовался.

Впослѣдствіи князь Александръ Николаевичъ объявилъ мнѣ, что государю не угодно, чтобъ храмъ былъ воздвигнутъ въ Кремлѣ, ибо неприлично разрушать древній Кремль и самое зданіе будетъ неумѣстно, смѣшиваясь съ византійскими зданіями Кремля. Вслѣдствіе чего князь обѣщалъ меня снабдить инструкціею для отъѣзда въ Москву, ибо государь предоставилъ мнѣ избраніе мѣста,—куда я и самъ просился для совершенія брака.

Передъ отъѣздомъ моимъ, однажды, я былъ внезапно потребованъ къ графу Аракчееву, черезъ курьера, пришедшаго отъ князя Александра Николаевича. Графъ самъ подѣзжалъ къ дому князя и строжайшимъ образомъ приказалъ эзекутору, чтобъ я самъ явился къ нему въ извѣстный часъ по волѣ государя. Мнѣ было очень странно и грозное приглашеніе, и то, что онъ самъ подѣзжалъ къ дому князя, отъ коего я зналъ вполне объ отношеніяхъ графа. Послѣ я узналъ, что причина этого слѣха была та, что онъ (графъ) забылъ приказаніе государя, а въ тотъ день въ обѣдъ надлежало ему донести о томъ государю.

Я явился къ графу. Онъ принялъ меня весьма благосклонно.

нимъ общникомъ ея и всегда, по мѣсту служенія, бывалъ независимъ отъ академическаго начальства и совѣта. Напротивъ того, при императорѣ Николаѣ I, Академія и президентъ ея Оленинъ очень дорожили добрыми отношеніями со Стасовымъ и, во многихъ случаяхъ, за время даже Александра I, Академія выражала къ этому строителю свое уваженіе. Въ общинѣ и избранъ Стасовъ безъ всякаго замѣненія съ своей стороны—единогласно, что вовсе не свидѣтельствуетъ о враждебности къ нему. Въ академіи же Стасовъ, избранный въ назначенные, прямо не попалъ, потому что не бралъ программы.

П. П.

Онъ объявилъ что государь поручилъ ему сказать мнѣ, что «прежде нежели вы уѣдете въ Москву, его величеству угодно рассмотреть со мною *) проесть въ Таврическомъ дворцѣ», куда ежели потребуютъ меня, чтобъ я былъ готовъ. А если за мною не пришлютъ, то чтобы я явился къ нему въ 5-ть часовъ.

Въ назначенное время я явился къ графу, который объявилъ мнѣ, что государь думаетъ, что горка на Лузѣ **) мѣсто весьма удобное для храма, которое имѣеть и востокъ и рѣву, входящую въ составъ проекта.

«По подробномъ рассмотрѣннн проекта вы немедленно пришлете свое мнѣніе; впрочемъ, относитесь къ князю Александру Николаевичу, отъ котораго вы и будете получать нужныя предписанія».

Получивъ всѣ нужныя предписанія, я отправился въ Москву. Сверхъ того, мнѣ было выдано, по высочайшему повелѣнію, за наемъ квартиры 1,500, и на дорогу 1,000.

VI.

Приѣхавши въ Москву, весною 1816 г., я не могъ остановиться у Рунича въ почтамтѣ, ибо мѣсто его уже занималъ К. Я. Булгаковъ. Тотчасъ явился я къ архіепископу Августину, съ которымъ я уже былъ знакомъ черезъ извѣстнаго доктора М. Я. Мудрова ***).

Я въ немъ (въ Мудровѣ) видѣлъ человѣка съ особенными дарованіями, и, несмотря на горячій нравъ свой, одареннаго весьма добрымъ сердцемъ. Онъ былъ доволенъ моими идеями и не находилъ ни-

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «съ графомъ».

Ред.

**) Это такъ-называемая Вшивая горка, на высокомъ крутомъ берегу Москвы-рѣки, при впаденіи въ нее рѣки Лузы, противъ Воспитательнаго дома, гдѣ, на вершинѣ холма, стоитъ каменная церковь Благовѣщенія, построенная при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, очень оригинальной архитектуры, извѣстная Москвѣ (по приѣзду Никиты мученика) подъ именемъ Никиты мученика на Вшивой горкѣ. Она дѣйствительно занимаетъ картинный пунктъ, съ котораго, какъ на блюдечкѣ, видны разомъ: и Кремль, и Замоскворѣчье, и часть города, идущая къ Андроникову монастырю.

П. П.

***) Матвѣй Яковленичъ Мудровъ, медикъ, профессоръ московскаго университета, пріятель А. Ѳ. Лабзина, воспитывавшаго его племянницу вмѣсто дочери. Мудровъ сдѣлалъ ссылаемому въ 1822 году Лабзину торжественную встрѣчу; онъ не устранился непріятностей за оказаніе почести человѣку, находящемуся подъ гнѣвомъ монарха.

П. П.

чего противнаго въ нихъ грекороссійской церкви. Мы съ нимъ сблизились и я часто бывалъ у него. Черезъ него познакомился я еще съ московскимъ духовенствомъ. Августинъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами:

— Ну, поздравляю васъ съ успѣхомъ; я впередъ былъ увѣренъ, что проектъ будетъ одобренъ, и потому уже очистилъ мѣсто для храма.

— «Благодарю, ваше преосвященство; но вѣроятно тутъ встрѣтится ошибка, ибо государю не угодно, чтобы храмъ былъ строенъ въ Кремлѣ, и я теперь приѣхалъ для разсмотрѣнія мѣста на Вшивой-гореѣ» *).

— Ну не бѣда, возразилъ Августинъ, сломанная церковь Николая Гастунскаго, противъ архіерейскаго дома**), всегда была не на мѣстѣ.

Архіепископъ приглашалъ меня остановиться въ одномъ изъ его подворьевъ, подъ названіемъ Заборовскаго. Я благодарилъ за предложеніе; но замѣтилъ, что я скоро отправляюсь для браво-сочетанія, и что мнѣ, женатому, можетъ быть, будетъ неприлично жить въ архіерейскомъ подворьѣ.

— «Ничего, для васъ можно позволить. Итакъ, прошу свободно расположиться въ Заборовскомъ подворьи». Тамъ я и помѣстился.

Немедленно занялся я разсматриваніемъ мѣста на Вшивой-гореѣ; послѣ сего доносилъ я вн. Александру Николаевичу, что слѣдующія неудобства находятся при выборѣ сего мѣста: 1) что не доставало достаточнаго пространства для нужной площади храма; 2) что многіе изъ купцовъ, имѣвшіе тутъ дома, успѣли уже обстроиться послѣ пожара и что слѣдовало всѣ сіи дома пріобрѣсть покупкою, что могло потребовать большую сумму, особенно, принявъ въ уваженіе, что (тутъ-же) и прекрасный огромный домъ Шепелева, который одинъ могъ стоить болѣе милліона и безъ котораго мѣсто было бы недостаточно; 3) а какъ при таковыхъ покупкахъ не обходится безъ того, чтобъ богатый не былъ въ выгодѣ, а бѣдный притѣсненъ, теряя свой послѣдній домъ, то

*) Въ подлинникѣ вездѣ пишется: «Шивая-гора»—явная ошибка. Ред.

**) По всей вѣроятности, подъ именемъ Николая разстрѣланнаго слѣдуетъ разумѣть бывший въ старину, въ Кремлѣ, противъ Чудова монастыря—резиденція мѣстныхъ архипастырей—храмъ Николая Гостунскаго, сильно пострадавшій во время бытности французовъ и, затѣмъ, разобранный. П. П.

прилично ли на такомъ основаніи воздвигать храмъ, предоставляю на благоразсмотрѣніе правительства.

По отправленіи сей бумаги въ Петербургъ, (отправился я въ) Смоленскую губернію, въ помѣстье будущаго моего тестя.

Подробности о семъ будутъ въ своемъ мѣстѣ.

Бракосочетаніе мое было въ селѣ Царево-Займище, въ церкви деревянной. Она замѣчательна, какъ построенная еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и потому, что тутъ князь Кутузовъ принялъ команду надъ арміею.

Спустя нѣсколько времени, я возвратился въ Москву, куда ожидали императора и царскую фамилію, чтобы оттуда ѣхать въ Петербургъ.

По возвращеніи въ Москву, послѣ свадьбы, куда приѣхала и царская фамилія, я былъ потребованъ графомъ Аракчеевымъ, который мнѣ объявилъ, что такъ какъ я нахожу неудобнымъ мѣсто на Вшивой-горѣ, (то) государь приказываетъ осмотрѣть мѣсто пороховыхъ магазиновъ, близъ Симонова монастыря, и чтобы въ 5-ти часамъ вечера я доставилъ письменно мое мнѣніе.

Отправясь въ назначенное время, я узналъ, что въ монастырѣ былъ графъ, и что слѣдственно имъ оно избрано, и что нужно будетъ мнѣ оспаривать его, ибо мѣсто негодилось. Но какъ я рѣшилъ во всѣхъ дѣйствіяхъ поступать прямо, то я рѣшился и тутъ мнѣніе мое высказать все, которое къ назначенному времени я и представилъ. Неудобства были слѣдующія: 1) Хотя мѣстоположеніе превосходно, но нижняя площадь храма должна будетъ подвергаться разлитію Москвы рѣки; 2) проѣздъ въ храмъ не можетъ быть прямой, а съ боку, отъ Рогожской заставы, что для важности предмета есть уже недостатокъ; 3) еслибъ проложить прямую дорогу, минуя заставу и сдѣлать мостъ черезъ рѣку, прямо противъ фасада храма, то это не имѣло бы успѣха, ибо дорога шла бы самой бѣдной частью города, состоящей изъ однѣхъ лачугъ; 4) самый Симоновъ монастырь, хорошій теперь, въ византійскомъ (sic) вкусѣ, потерялъ-бы много, будучи возгнѣнъ новаго зданія, въ греческомъ (sic) стилѣ. Съ другой стороны и новое зданіе пострадало бы отъ пестроты стараго.

Графъ сильно сталъ оспаривать мои доказательства, то находя, что площадь можно возвысить, то что дорогу можно проложить. Я не считалъ приличнымъ уступать и опровергалъ всѣ до-

казательства графа, какъ по справедливости дѣла, такъ и потому, что графъ могъ для испытанія спорить, чтобы увидѣть твердъ ли я во мнѣнїи и не уступлю ли ему изъ угожденія.

Наконецъ разговоръ нашъ принялъ видъ горячаго спора. Можетъ графъ давно уже не слыхалъ, чтобы опровергали его мысли. Пренїе продолжалось добрыхъ полчаса; я не поддался, и каково же было мое удивленіе, когда графъ вдругъ сказалъ:

— «Однако же я согласенъ съ вами», чѣмъ почти и подтвердилъ мое подозрѣніе. «Но какое же другое мѣсто вы бы имѣли въ виду?»

— Кромѣ Воробьевыхъ горъ, ни одного.

— «Вы хотите, чтобы я такъ государю и доложилъ?»

— Прошу, ваше сіятельство.

— «Въ такомъ случаѣ будьте готовы; вѣроятно, его величество завтра утромъ позоветъ васъ».

Мы разстались.

На слѣдующее утро я, по приказанію императора, явился къ нему. Когда я вошелъ въ кабинетъ, государь встрѣтилъ меня слѣдующими словами:

— «Ты избираешь Воробьевы-горы; я радъ, что мы такъ согласны. Хотя я прежде и назначилъ мѣсто хорошее, Вшивую-горку, но ты мнѣ объяснилъ неудобства; сверхъ того, оно и потому не хорошо, что зданіе пугалось бы съ городскими строениями. Напротивъ, на мѣстѣ Воробьевыхъ-горъ оно чисто и открыто, и горы, какъ корона Москвы, совершенно приличествуютъ (sic). Ктому же, это мѣсто мое».

Сказавъ нѣсколько словъ въ пользу сего мѣста, я приводилъ нѣкоторые примѣры мѣстоположенія извѣстныхъ зданій въ Европѣ, которыя рѣдко помѣщались въ самомъ городѣ. — «Если мѣсто это кажется отдаленнымъ, то, во-первыхъ, полагаю, совершенно согласно съ мнѣніемъ вашего величества, что оно совершенно открыто, и въ самомъ городѣ нѣтъ достаточнаго мѣста, потребнаго для изящнаго зданія. Это же не есть обыкновенная церковь, куда стекается народъ,—ихъ много и въ городѣ;—но съ тѣмъ вмѣстѣ и великолѣпный памятникъ. Церковь св. Петра въ Римѣ за стѣною города *), также въ Лондонѣ церковь св. Па-

*) Это не точно. Петровская базилика за Тибромъ, но стѣна городская тутъ никогда не проходила.

вля далека отъ центра города. Ибо нельзя обнимать красоту зданія, когда нельзя его видѣть свободнымъ на довольно большое пространство, которое въ городѣ имѣть трудно. Здѣсь еще превосходное удобство дѣлаетъ Дѣвичье-поле, позволяющее видѣть зданіе въ его геометральномъ видѣ. Не менѣе пріятно видѣть на этомъ мѣстѣ рощу, посаженную великимъ Петромъ. Долгое время мѣсто сіе, по красотѣ своей имѣло загородный дворецъ и не неприлично, чтобъ вмѣсто дома царскаго былъ воздвигнутъ домъ Божій. Я смотрѣлъ съ этого мѣста на Москву: сколь городъ ни обширенъ и ни великъ, но онъ вѣжется ничтожнымъ съ мѣста храма; величина города, поглощенная отдаленіемъ, смиряется передъ храмомъ».

— Да, или, лучше сказать, Москва лежитъ какъ бы у ногъ храма Спасителя.

— Еще одна изъ главнѣйшихъ историческихъ причинъ избранія сего мѣста есть та, что оно лежитъ между обоими путями непріятели, взшедшаго по Смоленской дорогѣ и вышедшаго по Калужской; окраины горы были какъ бы послѣднимъ мѣстомъ, гдѣ былъ непріятель. Наконецъ, не менѣе важно и то, что мѣсто сіе изобилуетъ глиною и пескомъ, что очень полезно для построенія, и составляющіе (sic) капиталъ для зданія и, сверхъ того, находясь выше Каменнаго моста, по теченію рѣки, даетъ безпрепятственную возможность для доставленія водою матерьяловъ. Условныя требованія были: рѣка и востокъ; здѣсь они выполнены вполнѣ и востокъ даетъ еще возможность обратиться въ садъ востокъ, что одушевить зданіе и будетъ служить мѣстомъ отдохновенія.

Государь съ большимъ вниманіемъ слушалъ доводы, соглашался съ ними и, прощаясь, сказалъ, что скоро надѣется видѣться со мною въ Петербургѣ.

— «Гдѣ, вѣроятно, ты скоро представишь мнѣ нѣкоторые усовершенствованія твоего проекта и примѣненія въ избранному мѣсту».

Государю угодно было такого-то дня (sic) самому осмотрѣть это мѣсто; то оному я сталъ готовить генеральный планъ. Государь обѣдалъ въ этотъ день у князя Н. Б. Юсупова, въ с. Васильевскомъ, находящемся на Воробьевыхъ-горахъ, возлѣ избираемаго мѣста, и оттуда предположено было отправиться въ мѣсту осмотра. Между тѣмъ, я приготовилъ планъ мѣстоположенія для удобнѣйшаго озна-

комленія государя императора съ общностью идей. Я не успѣлъ его (сдѣлать) заблаговременно и едва окончивъ, отправился на горы, спѣша на мѣсто; я поѣхалъ съ однимъ пріятелемъ, который былъ свидѣтелемъ моихъ занятій,—чиновникомъ почтамта Серапинымъ. На Дѣвичьемъ-полѣ взоры мои были обращены на Воробьевы-горы, боясь, что опоздаю. Тамъ было большое стеченіе народа; день былъ совершенно ясный, небо чисто; но надъ самыми горами, гдѣ толпился народъ, на совершенно чистомъ небѣ линія облаковъ, коихъ форма, число обратило особенное вниманіе. Я глядѣлъ на нихъ, не говоря моему товарищу; но и тотъ самъ замѣтилъ.

— «А видите ли, какое странное явленіе?»

— Да, я уже видѣлъ; это, конечно, присутствіе Благословеннаго царя привлекаютъ небеса *) въ этому мѣсту.

— «Нѣтъ, сказалъ товарищъ, это оміамъ будущаго храма вашего» NB!

Съ трудомъ, прибывши на горы, я могъ добраться къ государю черезъ толпы народа. Изображеніе облаковъ я, въ видѣ рисунка, довелъ до его величества, гдѣ (sic) онъ, вѣроятно, хранится. Государь замѣтилъ, что много встрѣчается страннаго относительно храма.

Послѣ сего я вскорѣ отправился въ Петербургъ и занялся обработываніемъ своего чертежа, и дѣломъ 1817 года имѣлъ счастье представить государю обработанный проектъ. Когда назначилъ онъ явиться мнѣ, я былъ боленъ и боялся не быть въ состояніи объяснить государю чертежа. Но князь Александръ Николаевичъ говорилъ, что надлежитъ себя переломить, и что Богъ знаетъ, когда государь будетъ имѣть опять свободное время, и что онъ предваритъ государя о болѣзненномъ состояніи моемъ. Я явился во дворецъ, гдѣ уже находился князь Александръ Николаевичъ. Государь принялъ чрезвычайно благосклонно, спрашивалъ о моей болѣзни, о причинѣ оной, требовалъ, чтобъ я сѣлъ, и я долженъ былъ исполнить.

(Государь) остался весьма довольнымъ перемѣнами, сдѣланными мною въ чертежѣ.

Наконецъ было положено, чтобъ я отправился въ Москву для

*) Въсто зачеркнутого: «самые облака».

приготовленія фундамента для закладки храма; для содѣйствія мнѣ въ семь я былъ снабженъ письмомъ—отъ 6-го августа 1817 г., день Преображенія—отъ князя Александра Николаевича, по приказу его величества, къ графу Торماسову, главнокомандующему въ Москвѣ,—чтобъ оно было готово къ приѣзду въ Москву государя, и закладка назначена 12 октября, т.-е. въ день изгнанія непріятели.

VII.

Въ Москвѣ остановился я опять въ Заборовскомъ подворьѣ, августъ 1817 г. Немедленно явился я къ графу Тормасову съ требованіемъ содѣйствія, что я предоставлено имъ было требовать отъ строительной комиссіи.

Проложивъ главную проекціонную*) линію и очистивъ востокъ отъ вустарниковъ, чтобы можно было дойти свободно до мѣста, гдѣ надлежало положить первый камень, я просилъ Августина лично окропить и благословить мѣсто закладки.

Преосвященный не могъ въ тотъ день удовлетворить моей просьбѣ, но на другой день обѣщался быть, будучи близко, въ Даниловомъ монастырѣ, гдѣ освящалъ раку Св. . . .**), куда и меня пригласилъ, и тутъ мы были на монашеской трапезѣ, я и Мудровъ.

Послѣ обѣда поѣхали на Воробьевы-горы, гдѣ преосвященный съ духовенствомъ необыкновенно радостно отслужилъ молебенъ съ водосвятиемъ. Окропилъ мѣсто святою водою и водрузилъ на показанномъ мѣстѣ простой крестъ; тутъ же составленный работниками. Послѣ чего, на другой же день, началась выемка земли и приготовленіе фундамента, оставляя конусообразно мѣсто креста. Несмотря на всю мою торопливость, работники не могли прежде окончить выемку земли, какъ только въ 13-му сентября,—день празднованія обновленія храма. Хотя я собирался утромъ туда, но отвлеченный иными дѣлами явился послѣ обѣда и только къ этому времени поспѣли работники. Призвавъ священника съ Воробьевыхъ-горъ, который отслужилъ молебенъ, я снялъ крестъ, водруженный преосвященнымъ Августиномъ, держалъ его въ рукѣ до тѣхъ поръ, пока работники срыли находящійся подъ нимъ конусъ земли, и опустивши, водрузилъ

*) Въмѣсто зачеркнутого: «дистанціонную».

**) Имя святого въ рукописи не обозначено.

его въ грунтъ, положивъ крестообразно 4 камня около него. Священникъ и бывшіе тутъ довершили облачиваніе камнями креста. Оставя работникамъ дальнѣйшее забучиваніе фундамента, я поспѣшилъ въ Успенскій соборъ, куда согласился я быть съ Мудровымъ, чтобы видѣть богослуженіе воздвиженія креста, которое я никогда не видѣлъ, и которое только совершается въ Успенскомъ соборѣ. Какое же было мое удивленіе, когда, взойдя въ соборъ, я увидѣлъ дѣйствіе, много сходное съ совершеннымъ на горахъ. Торжество сіе весьма великолѣпно и состоитъ въ томъ, что архипастыръ, то воздвигалъ, то понижалъ съ благоговѣніемъ боготоржественный и увѣнчанный розами крестъ, при пѣніи священныхъ гимновъ, и когда крестъ понижали, то два іерея поливали на него розовую воду. Множество свѣчей придавали особую торжественность этой процессіи.

Съ окончаніемъ фундамента устраивалась терраса *) для процессіи закладки, достаточной величины, чтобы могла помѣститься царская фамилія, главное духовенство и придворный штатъ и отъ террасы—лѣстница до верха горы и дорога отъ Москвы-рѣки, съ лѣстницами-же на крутыхъ скатахъ.

Между тѣмъ, я узналъ, что понтонная рота находится близъ Тарутина и просилъ главнокомандующаго, чтобы его содѣйствіемъ отражено было два понтона въ Москву и были бы наведены ко дню закладки храма, ибо шествіе должно было начинаться съ Дѣвичьяго-поля. Графъ сначала согласился; но на другой день предложилъ мнѣ, не лучше-ли сдѣлать временной деревянный мостъ на сваяхъ. Я возразилъ, что таковой мостъ будетъ стоять довольно дорого**), а понтоны ничего нестоятъ.

— Впрочемъ, я это предоставляю распоряженіямъ вашего сіятельства. Мои занятія оканчиваются горами и ежели ваше сіятельство возьмете на свою отвѣтственность, то я не вхожу въ сіи подробности.

— «Послѣ этого дайте мнѣ письменный отзывъ, что вы не требуете такого моста».

На это я возразилъ, что поелику я ни письменно, ни сло-

*) Сбоку рукописи на полѣ: «Въ полуторѣ, на 15 саж. вертикальной вы-
соты отъ воды».

Ред.

**) На полѣ отиѣтка: «Мостъ по смѣтѣ долженствовалъ стоить до 19,000 р.».

Ред.

весно такого моста не требовалъ, то не нахожу надобности давать объ этомъ письменнаго отзыва.

Какъ я могъ замѣтить, графъ былъ недоволенъ.

Въ другой разъ графъ спрашивалъ меня откуда начнется шествіе: изъ Кремля или изъ (Ново) Дѣвичьяго монастыря, и что ему это нужно знать потому, что по осеннему времени надлежитъ устроить отъ (Ново) Дѣвичьяго монастыря до рѣки деревянную дорогу.

Я отвѣчалъ, что не знаю откуда государь прикажетъ начать шествіе, и спросилъ, что могла бы, по мнѣнію графа, стоять такая дорога?

— Съ чѣмъ-то 20,000 руб.

Находя, что эта сумма довольно значительна, я (отвѣчалъ, что) не имѣлъ никакого порученія съ другой стороны рѣки распоряжаться.

Графъ старался убѣдить, что это необходимо для приличія церемоніи, и я отвѣчалъ, что его воля и его отвѣтственность.

Между тѣмъ терасса покрывалась досками. Чувствуя себя нездоровымъ, я дни два не былъ на горахъ, однако зналъ о томъ, что Карбонье начиналъ готовить матеріалы *).

Государь императоръ прибылъ въ Москву и того-жъ дня вечеромъ поздно, около полуночи, я былъ потребованъ къ его величеству. Первыя слова государя императора были: «каково теперь твое здоровье?» Тутъ только далъ я полную цѣну словамъ, сказаннымъ мнѣ передъ отъѣздомъ до С.-Петербурга.

Государь спрашивалъ: «все ли будетъ готово къ надлежащему дню?»

Государь мнѣ сказалъ, (что) ему сказали, будто терасса довольно прочно устраивается.

— Ее еще и не начинали укрѣплять, ваше величество. И вѣроятно это-то самое сбило понятія лица, дожившаго вашему императорскому величеству, тѣмъ болѣе, что она уже покрывается досками. Позднее осеннее время заставляло опасаться ненастья и снѣга; въ такомъ случаѣ ежели бы я занялся укрѣпленіемъ стоекъ терассы, то работники должны были бы безъ за-

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «Между тѣмъ за нѣсколько дней до пріятія царской фамилии, однажды вечеромъ является ко мнѣ отъ генерала инженерный майоръ Хозиусъ, говоря, что генералъ Карбонье.... См. ниже.

крышки производить не такъ успѣшно работу, а укрѣплять стойки все равно прежде или послѣ. Предположеніе мое оправдалось. Не успѣли закрыть настлѣвку, какъ сырая погода и потомъ снѣгъ случились.

Государь остался доволенъ объясненіемъ и сказалъ, что увѣренъ, что я въ этомъ случаѣ не ошибусь.

— «Тормасовъ, продолжалъ государь, мнѣ что-то говорилъ о дорогѣ и о мостѣ черезъ рѣку и что ты не соглашаешься съ нимъ, то я желаю знать твое мнѣніе» *).

Я объяснилъ его величеству вышесказанное о мостахъ и о дорогѣ, поставляя на видъ, что кромѣ цѣны моста, понтоны очень приличны, ибо они служили и въ самую войну — что весьма понравилось государю. Что же касается о дорогѣ черезъ Дѣвичье поле, это тоже не нужно.

— «Что касается до меня, я довольно привыкъ ходить во время кампаніи, жена не отстанетъ отъ меня, а духовенство вѣроятно не затруднится тѣмъ. Итакъ, нѣтъ надобности бросать 40 т. для двухъ часовъ и когда можно безъ нихъ обойтись».

На другой день утромъ явился ко мнѣ инженерный майоръ Хозиусъ, сказавъ, что начальникъ его, генералъ Карбонье, поручилъ ему спросить, должна ли стелится деревянная дорога по Лужницкому полю?

— Обстоятельство это до меня не касается; это дѣло главнокомандующаго въ Москвѣ, второму я уже говорилъ мое мнѣніе.

Хозиусъ оставался въ недоразумѣніи, что ему дѣлать, говоря, что матеріалъ навезенъ.

Я возразилъ, что — «вѣроятно начальникъ вашъ знаетъ, что дѣлать».

— Конечно такъ, но онъ самъ, кажется, не увѣренъ, угодно ли это будетъ государю, или нѣтъ?

— Въ такомъ случаѣ я вамъ скажу, что рѣшительно государю это не будетъ угодно, ибо я изустно вчера слышалъ въ 12 часовъ вечера, а съ тѣхъ поръ никакого приказанія быть не могло.

Хозиусъ поблагодаривъ, съ нѣкоторыми озоличностями спросилъ: «а какъ быть съ дорогою на Воробьевыхъ-горахъ?»

*) Въ подлинникѣ на полѣ: «Вѣроятно вопреки мнѣнія, здѣсь приведеннаго госуд. импер., дорога сія была сдѣлана».

— Съ какою?

— Я, по приѣзанію генерала, началъ выравнивать дорогу и срывать нѣкоторыя крутыя мѣста, а въ другихъ надлежитъ сдѣлать лѣстницы.

— А! это дѣло другое, это касается собственно до моего лица, и какъ смѣли вы, г. маіоръ, и вашъ генералъ распоряжаться тамъ, не испросивъ моего согласія? Таковое дѣйствіе считаю я насильственнымъ и оскорбительнымъ для меня, а о такомъ самовольномъ поступкѣ гг. инженеровъ я доведу до свѣдѣнія государя.

Тутъ я разгадалъ, кто императору говорилъ о терассѣ.

Хозиусъ испугался и сказалъ, что все это можно оставить.

— Нѣтъ, сказалъ я, не оставить, а привести все въ прежній видъ, насыпать, гдѣ срыли и срыть гдѣ насыпано, чтобъ вашего труда нигдѣ не было.

Съ тѣмъ вмѣстѣ я вынулъ чертежъ иной дороги и сказалъ: «вашъ генералъ напрасно хотѣлъ меня предупредить; вотъ здѣсь назначено все, что нужно сдѣлать».

Послѣ сего явился я къ графу Торماسову: во-первыхъ, объявить ему, что государь вполне одобрилъ мое мнѣніе противъ деревянной дороги и моста, съ тѣмъ вмѣстѣ и о сказанномъ государемъ императоромъ о терассѣ. А такъ какъ въ лицѣ доносителя я вижу лицо неблагопріятствующее мнѣ, кромѣ графа, дознать, еѣмъ это было сказано.

— Это я докладывалъ государю.

— Но это вы не могли, графъ, сказать отъ себя, кто же вамъ донесъ? ибо вы не знаете этихъ дѣлъ.

Графъ затруднился; въ это время вошелъ генералъ Карбонье и графъ, извиняясь, что нужно ѣхать, указалъ на генерала и сказалъ, что онъ объяснитъ.

Я, обращаясь къ г. Карбонье, сказалъ ему, какое подозрѣніе на него наводятъ послѣднія слова графа и довольно горячо упрекалъ его въ предосудительности чернить дѣло, еще недоконченное.

Карбонье говорилъ, что терасса не будетъ болѣе укрѣпляться и боялся за царскую фамилію.

— Въ такомъ случаѣ вы должны были бы сообщить мнѣ ваше мнѣніе и узнали бы неосновательность его, а теперь вы сдѣлали доносъ.

Разговоръ разгоричался. Карбонье сверими шагами ходилъ по горницѣ. Не считая приличнымъ продолжать разговоръ, я оставилъ его и вышелъ. Потомъ отправился я на горы и нашель, что г. Хезіусъ распорядился такъ, какъ я требоваль.

На другой день я отправился на работы послѣ обѣда, не успѣвъ посѣтить ихъ въ обыкновенное утреннее время. Когда я хотѣлъ возвращаться, то замѣтилъ, что снизу тянется команда военнорабочихъ солдатъ отъ рѣки, которая идетъ прямо къ терассѣ. Я остался ожидать ихъ прибытія. Офицеръ вскорѣ вошелъ туда, вызывая туда команду.

— Зачѣмъ вы сюда идете? спросилъ я его.

Офицеръ не замѣренъ былъ обращать на меня вниманія, дерзко отвѣчалъ, что ему велѣно оставить команду для испытанія терассы.

— Этого я вамъ не позволю сдѣлать, воротитесь назадъ и скажите это вашему начальнику.

Офицеръ, засмѣявшись, сказалъ, что это невозможно, ибо онъ дѣлаетъ вслѣдствіе приказанія.

— Но, пошевелѣ, будетъ возможно; если вы силою захотите наставлять, то я силою велю рабочимъ ее прогнать. Впрочемъ, не совѣтую доводить до этого. Я здѣсь одинъ, по высочайшему повелѣнію, непосредственной начальникъ; теперь вы видите, что имѣю право на это.

Офицеръ сдѣлался възвѣвающимъ и былъ въ затруднительномъ положеніи, что дѣлать. Я сказалъ ему, что сейчасъ поѣду къ графу Тормасову и чтобы онъ не боялся за слѣдствіе. Что и было сдѣлано; но какъ графъ отдыхалъ въ это время (то) я оставилъ графу записку, въ коей, описавъ дѣло, заключилъ, что когда терасса будетъ укрѣплена, я извѣщу его сіятельство и тогда, для удостовѣренія, можетъ поставить команду.

Но я не хотѣлъ этого сдѣлать и потому вознамѣрился не укрѣплять терассу до послѣдней ночи передъ процессіей. Такимъ образомъ все было готово снаружи прежде, нежели укрѣплялись стойки, что еще болѣе смущало ихъ.

Наканунѣ торжества, ночью, при огнѣ съ фонарями, вся внутренность терассы была наполнена работниками такъ, что въ два-три часа она была укрѣплена, а утромъ, незадолго до процессіи, извѣстилъ я графа, что терасса укрѣплена. Само собою

понятно, что графъ уже не могъ тогда сдѣлать никакого распоряженія.

Наканунѣ императоръ явился на горы, гдѣ я все нужное ему объяснялъ. Сходя отъ мѣста закладки (императоръ) сказалъ: «говорятъ, будто на этомъ мѣстѣ есть много ключей?»

— Да, государь, и вотъ одинъ изъ самыхъ прелестнѣйшихъ, и я ими воспользуюсь для извѣстныхъ, вашему величеству, водяныхъ украшеній. Впрочемъ, ненадобно полагать, чтобъ сіи ключи служили препятствіемъ важнымъ, хотя и потребуютъ нѣкоторыхъ издержекъ.

— Конечно, я не могу надѣяться что-либо видѣть при себѣ, — (сказалъ государь), но, при предпріятіяхъ огромныхъ, нечего смотрѣть на какія-нибудь издержки.

12 октября 1817.

Подробности о закладкѣ находятся въ особой книжкѣ, изданной около того времени въ Москвѣ, соч. Соколова.

Закладка стоила безъ малаго 24,000 руб.

Деньги получались изъ строительной комиссіи по счету генерала Карбонье. Счетъ этотъ показываетъ, на какихъ основаніяхъ онъ дѣланъ. Матеріалъ остался отъ дороги, но неизвѣстно, куда поступилъ. Сверхъ того показаны порціоны военнорабочимъ съ августа до марта; а какъ закладка была 12 октября, (то) спрашивается, что же они дѣлали 5 мѣсяцевъ для сего предмета?

(Продолженіе будетъ).

Г Р А Ф Ъ
НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧЪ МОРДВИНОВЪ.
—
МНѢНІЯ, ПРОЕКТЫ И ЗАПИСКИ.
—

II *).

Предложеніе комитету по Черноморской коммерціи.
1802.

Скорое и точное правосудіе и личная неприкосновенность—суть первѣйшимъ залогомъ благосостоянія обществъ и спокойной вѣждаго жизни.

Сія начальныя уваженія должны предшествовать всѣмъ прочимъ правамъ и выгодамъ, которые даруемы бывають приводимымъ въ лучшее состояніе, или вновь основываемымъ городамъ и провинціямъ; особенно же твердость оныхъ благополезна и необходима для тѣхъ мѣстъ, куда принято намѣреніе привлечь жителей изъ чужихъ краевъ.

Соображая нынѣшнее состояніе Крыма и другихъ южныхъ предѣловъ имперіи по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, которые не образованы еще порядочно и далеко отстоятъ отъ той степени благосостоянія, который предъготованъ имъ естественными преимуществами и удобствами въ производствѣ торговли,—необходимостію зрится, чтобы для возстановленія силъ того края и къ приведенію въ цвѣтушій образъ тамошней коммерціи, обращено было наибольшее вниманіе на важность преднаписанныхъ началъ.

По основанію того нужно, во-первыхъ: опредѣлить туда непосредственнаго попечителя, въ званіи инспектора коммерціи, котораго долгъ будетъ, по прибытіи въ каждый изъ приморскихъ городовъ,

*) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г., т. V, стр. 33—61. Вверху настоящаго мнѣнія рукою адмирала Мордвинова отмѣтки: «Исправлено», и другая «закон.», т.-е. законодательное. Годъ выставленъ рукою составителя.

избрать въ оныхъ по трое гражданъ, изъ самыхъ просвѣщенныхъ и благомысленныхъ людей. Сія избранные должны будутъ исправлять въ теченіе одного года должности предсѣдателя, тако-жъ перваго и втораго членовъ коммерческаго суда.

Обязанность каждаго коммерческаго суда будетъ: 1) Относиться прямо къ государственнымъ министрамъ (смотря по роду и принадлежности дѣла) во всемъ томъ, что къ отвращенію вреда и стѣсненія торговли въ подвѣдомственномъ ему городѣ простираться будетъ. 2) Давать защиту и покровительство каждому гражданину лично противъ всякаго насильственнаго поступка, хотя бы то произошло отъ полицейской, либо другой власти. 3) Отправлять правосудіе во всѣхъ дѣлахъ до коммерціи касающихся.

По прошествіи года, предсѣдатель суда увольняется отъ своей должности, въ которую первый членъ, а сего мѣсто занимаетъ младшій членъ, послѣднее же званіе замѣщается новоизбираемымъ отъ инспектора, въ концѣ каждаго года, достойнымъ гражданиномъ.

Когда отъ начала учрежденія коммерческихъ судовъ минууетъ шесть лѣтъ, тогда удостоеніе въ предсѣдателя и члены онаго производимо будетъ общимъ выборомъ судей предшедшихъ и оканчивающагося годовъ, подъ руководствомъ тогдашняго предсѣдателя.

Выборы сія происходятъ будутъ не въ одно, но во всѣхъ городахъ, время, но по порядку мѣстнаго ихъ положенія, одного за другимъ: дабы инспекторъ, ради содѣйствія въ избраніи самыхъ честныхъ и благоразумныхъ судей, могъ успѣвать вездѣ лично присутствовать, не имѣя, впрочемъ, никакого участія въ голосахъ собранія, и умоляясь отъ и малѣйшаго стѣсненія свободы подающихъ голоса.

Предпомянутые судьи будутъ одни разбирать и рѣшить всѣ тяжбы или дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя до коммерціи по всѣмъ ея частямъ и зависимостямъ относящіяся. Здѣсь разумѣтся: купеческія общества или компаніи, всякая продажа; предварительныя соглашенія, комиссія, курсы, маклерскіе прибитки, повлажа *) товаровъ подъ сохраненіе, обѣты, обязательства, морскіе и сухопутные перевозки, фракты, случающіеся на морѣ ущербы товаровъ, по нуждѣ, страховыя постановленія, и всѣ другія, подобныя дѣла, между купеческими, ремесленниками, корабельными шкиперами и вообще, какъ въ оптовой, такъ и въ мелочной торговлѣ упражняющимся на суду внимательно надлежитъ всегда разсматривать, чтобы входящія въ оныя тяжбы касались единственно или до коммерціи, или до навигаціи, или до мануфактуры, и чтобы хотя одинъ изъ тяжущихся

*) Русско Мордвинава.

составлять записаннымъ по городскимъ книгамъ, въ какомъ-либо или помещиковыхъ выше званій гражданства.

Разбору коммерческаго суда принадлежать будутъ все банкротства и предъявленіе векселей при случаяхъ отказыванія чьего-либо отъ платежа, либо и проволочки въ уплатѣ денегъ по онымъ, не взирая, отъ купца ли и ремесленника, либо и отъ чиновника какого данъ вексель. Не если только подписанъ оный въ городѣ, суду подвѣдомственномъ, или назначено въ ономъ произвести платежъ; то для приобрѣтенія и удержанія всеобщаго, только нужнаго, довѣрія въ векселямъ своего города, судъ, со всею законною властію, дѣйствуетъ въ недоужнаніи законодатель въ до какихъ обидъ и потерей. Коммерческій судъ, по приглашенію кредиторовъ какого-либо оказавшагося банкротомъ гражданина, долженствуетъ присутствовать въ ихъ собраніи, и когда откроется злоупотребленіе, то долгъ его будетъ осудить виновнаго по всей строгости законовъ и рѣшеніе свое привести въ исполнимость, чего никакое другое правительство не будетъ имѣть права остановить.

Вслѣдствіе чего могутъ сами судьи идти въ домъ банкрота, могутъ на имущество его налагать печати и снимать ихъ, дѣлать оному опись, забирать бумаги, утреждать, на законномъ основаніи, продажу движимому и недвижимому имѣнію и распределять деньги на удовлетвореніе кредиторовъ.

Никакой судъ или членъ суда, никакой начальникъ, либо чиновникъ, ни военный, ни гражданскій не можетъ входить въ разбирательство или сужденія таковыхъ дѣлъ, кои относятся къ разбору коммерческаго суда, подъ итрафомъ немедленнаго исключенія изъ службы и заплата двухъ тысячъ рублей пенн; а есть-ли при томъ впоследствии такіе убытки, то претерѣвшихъ оны повиненъ будетъ удовлетворить.

Въ дѣлахъ, не превосходящихъ въ существѣ своемъ четырехъ тысячъ рублей, судъ коммерческій рѣшительныя заключать будетъ приговоры, безъ всякаго, со стороны высшихъ правительствъ, перенесенія; равнымъ образомъ и по таковымъ обстоятельствамъ, контрактамъ и роспискамъ, въ коихъ упомянуто будетъ явно, чтобы не апеллировать на коммерческій судъ, разрѣшаемо будетъ отъ сего суда окончательно, до какой бы суммы дѣла таковыя ни простирался.

Апелляція на рѣшеніе коммерческаго суда переносится непосредственно въ коммерцъ-коллегію.

Опредѣленія коммерческаго суда будутъ выношены, хотя бы и апелляція недовольною стороною предпринята была. Приемлющій дѣло на апелляцію, долженъ предварительно внести въ судъ.

наличныя *) деньги, сколько присуждено; и въ семъ случаѣ никакое поручительство не можетъ быть уважено. Но дабы присужденная ко вносу сумма могла до времени разрѣшенія дѣла въ коммерцъ-коллегии оставаться обезпеченною для апеллятора, то оную отсылать въ казенный банкъ, который за все время и проценты по своимъ правиламъ заплатитъ въ пользу того, кому достанется сумма.

Приговоры коммерческаго суда какъ въ рѣшительныхъ, такъ и во взятыхъ на апелляцію дѣлахъ должны по всему пространству имперіи отъ гражданскихъ и военныхъ начальствъ, безъ всякаго противурѣчія или надобности въ подтвердительномъ предписаніи другой какой-либо власти или присутственнаго мѣста, въ непремѣнной точности быть выполняемы.

Судьи коммерціи во время своего служенія считаются будутъ: предсѣдатель въ 7-мъ, члены въ 8-мъ, а по переходѣ ими должностей въ 9-мъ классахъ. Имѣющіе же чины, соотвѣтственные первопрписаннымъ двумъ классамъ, поступаая въ должности, пріобрѣтають право считаться однимъ классомъ выше.

Секретари коммерческаго суда, переводчики и канцелярскіе служители будутъ избираемы отъ судей, которые однако же безъ воли инспектора не будутъ имѣть власти перемѣнять ихъ. Число канцелярскихъ чиновъ, опредѣленіе имъ жалованья и изобрѣтеніе способовъ, откуда брать сумму на содержаніе ихъ, зависѣть будутъ отъ времени и мѣстныхъ въ каждомъ особо городѣ соображеній, съ утвержденія при томъ инспектора коммерціи. Ежели на содержаніе канцелярии не будетъ доставать суммы отъ сбора пошлинъ, платимыхъ каждымъ изъ жителей при вписываніи въ число гражданства; то недостатокъ награждать добровольною складкою жителей.

Судъ будетъ имѣть опредѣленные часы для засѣданія, въ которые являться будутъ тяжущіеся лично, или, въ самыхъ трудныхъ и законныхъ препятствіяхъ, извѣря ходатайство другимъ.

Производство писменныхъ дѣлъ будетъ на нашемъ отечественномъ языкѣ съ итальянскимъ переводомъ.

Въ судебныхъ засѣданіяхъ по дѣламъ яснымъ и никакихъ изслѣдованій не требующимъ, какъ-то: платежъ по векселю, продажа за наличныя деньги, заплата въ срокъ за взятые товары и другіе подобные случаи, гдѣ не нужны справки, рѣшенія производимы будутъ тотчасъ, не откладывая до другаго присутствія; въ другихъ же тяжбахъ, которыя требуютъ будутъ обширнаго соображенія и разсмотрѣнія, судъ назначать будетъ тяжущимся одного третью, а важ-

*) Подчеркнутыя слова написаны рукою Мордвинова.

для стороны отъ себя по одному избереть. Снъ учинять разборъ дѣлу по правиламъ третейскаго суда. Приговоръ ихъ когда представленъ будетъ въ судъ и сей утвердить его своими подписями, тогда дѣло получаетъ рѣшительный свой конецъ.

Еслии кто изъ тяжущихся, въ намѣреніи отклонить скорое окончаніе тяжбы, не назначить съ своей стороны третью въ теченіи 24-хъ часовъ, то платитъ штрафу сто рублей и лишается уже права назначенія по собственному выбору; а вмѣсто его коммерческій судъ проаводитъ оное.

Третейскій судъ не даетъ знать тяжущимся о силѣ приговора своего до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ утвержденія оному въ коммерческомъ судѣ. Еслии коммерческій судъ найдетъ приговоръ третейскаго суда несогласнымъ съ своимъ мнѣніемъ, тогда третейскій судъ соединяется съ коммерческимъ и дабы содѣлать нечетное число, призывается одинъ изъ старыхъ судей. Дѣло рѣшается окончательно по большинству голосовъ, не выходя изъ присутствія.

Никто не можетъ отказаться отъ выбора въ судьи коммерціи, а тако-же и въ третью, еслии кѣмъ на то приглашаемъ будетъ.

Купечествующіе, подъ защитою коммерческаго суда, ограждены будутъ въ личной неприкосновенности во всей мѣрѣ законной свободы.

Они будутъ изъяты отъ всякихъ постоевъ и отъ рекрутства, а равно и отъ всякихъ налоговъ денежныхъ въ замѣнъ сихъ повинностей.

Они увѣрены будутъ, что ни по какимъ гражданскимъ дѣламъ никто не будетъ имѣть власти нарушать ихъ домашній покой, какимъ-либо осмотровъ, разысканіемъ и тому подобнымъ.

Они будутъ безопасны отъ взытія подъ арестъ по предположеннымъ дѣламъ изъ домовъ и оградъ своихъ; въ воскресные же дни и гласные праздники греческаго исповѣданія, тако-же ночью по захожденіи солнца, ни изъ какаго мѣста.

Въ уголовныхъ дѣлахъ не могутъ они иначе арестуемы быть, какъ съ дозволенія коммерческаго суда, который не иначе соглашаться будетъ на то, какъ въ явномъ уголовномъ преступленіи, влекущемъ за собою неизбежное уголовное наказаніе, утверждаясь или на основательномъ подозрѣніи публики, или на показаніи формальнаго доносителя, который предварительно уже задержанъ быть долженъ.

Впадшіе въ уголовное преступленіе не будутъ прежде препровождаемы изъ своего въ губернской городъ, какъ по изслѣдованіи дѣла на мѣстѣ и по учиненіи формальнаго приговора о нихъ въ полиціи, или другомъ присутственномъ мѣстѣ, которое, въ согласность узаконеній, будетъ имѣть долгъ перво разбирать и рѣшить дѣла.

Коммерческій судъ, при производствѣ дѣла въ постороннемъ мѣстѣ надъ подвѣдомственнымъ ему гражданиномъ, въ правѣ будетъ опредѣлять съ своей стороны депутата и когда будетъ имѣть достаточный поводъ къ законной его защитѣ, можетъ предъявлять съ своей стороны итѣнне.

Гражданинъ, подпавшій обвиненію, можетъ, для отвращенія разстройки въ своихъ дѣлахъ, представлять по себѣ поручительство; и судъ коммерческій будетъ назначать количество суммы, до каковой ручательство должно простираться, сообразно важности дѣла. Поручки, признанныя отъ коммерческаго суда состоятельными отвѣтствовать опредѣленно на непредвидимый случай суммою, не отвергаются никакимъ присутственнымъ мѣстомъ.

Въ дѣлахъ, не навлекающихъ прямо личнаго уголовного преступленія, какъ-то: подозрѣніе о спрятанныхъ въ чьемъ-либо домѣ воровскихъ вещахъ, объ укрывательствѣ злодѣя, и сему подобномъ, одинъ изъ членовъ коммерческаго суда можетъ, безъ огласки въ публикѣ, подъ предлогомъ случайнаго посѣщенія притти въ домъ подозрѣваемый, и увѣриться о изыскуемой истинѣ; и буде сей судья, послѣ обыска, утвердить присягою, что не нашелъ онъ въ домѣ томъ никакого укрывательства, то и остается уже таковой домъ отъ прежняго подозрѣнія свободнымъ.

Коммерческій судъ будетъ имѣть крайнее попеченіе, чтобы подобныя розыски, въ частныхъ и могущихъ отъ единой злобы происходить притязаніяхъ, всевозможно отвращаемы были, а только приступать къ онымъ въ таковыхъ случаяхъ, когда сопряжено съ тѣмъ возстановленіе общаго спокойствія и безопасности жителей, и коль скоро кто изъ купечествующихъ подвергнется аресту по непосредственному ли коммерческаго суда рѣшенію или по присужденію другой власти, согласіемъ сего суда утвержденному, то доносить немедленно о всемъ инспектору коммерціи.

Такъ какъ служеніе членовъ коммерческаго суда не будетъ сопровождаться никакимъ жалованьемъ, ни прибытками, а будетъ оному основаніемъ одинъ безкорыстный подвигъ въ пользу и спокойствію согражданъ своихъ, и поелику безудержное и неподозрительное отправление правосудія, есть одно изъ важнѣйшихъ содѣйствій ко благоустройству обществъ, для того министръ-коммерціи обо всѣхъ отличающихся изъ нихъ не оставитъ доносить ежегодно на высочайшее усмотрѣніе, дабы усердіе ихъ было извѣстно государю, и отличныя достоинства могли получать возмездіе.

III.

Мнѣніе относительно Крыма *).

1802.

Въ началѣ всеподданнѣйше поднесеннаго о сей странѣ доклада написано, что комитетъ входилъ во всѣ подробности дѣла по спорамъ о земляхъ, нынѣ въ Крыму существующихъ, между татарами и новыми того края помѣщиками; а такожъ и въ объясненіе настоящихъ тому причинъ. Въ историческомъ описаніи доклада значится по сему предмету: „что съ воспослѣдованія въ 1794 году высочайшаго указа, касательно принадлежащихъ въ собственность татарамъ дворянскихъ имѣній, татары отыскивая собственныя свои земли, захваченныя будто при межеваніи новыми владѣльцами, начали помѣщиковъ беспокоить, и посылали чрезъ депутатовъ въ столицу жалобу о неправильномъ завладѣніи ихъ земель, по коей въ 1796 году высочайше было указано: неправильно взятое настоящему хозяину возвратить, или другимъ пристойнымъ образомъ здѣлать удовлетвореніе“. Соображая силу заключительныхъ пунктовъ доклада, въ коихъ при концѣ 4-го пункта удостоются помѣщики снисхожденія, какъ будто въ дѣйствительной своей винности неправильнаго присвоенія участковъ татарскихъ въ такомъ видѣ, что невинны они, если правительство безъ всякаго разбору поступало, удобопонятно есть подозрѣніе о завладѣніи первыми собственностію послѣднихъ.

Но таковое разумѣніе есть противно справедливости, и потому образование доклада не можетъ имѣть вѣрнаго основанія. Прямая же истина есть та, что всѣми землями въ теченіи пяти послѣднихъ лѣтъ пользовались татары, а помѣщики безъ суда и до рѣшенія были лишены всѣхъ пользы и доходовъ отъ своихъ имѣній.

Слѣдуютъ къ доказанію того мои доводы:

Чтобы удостовѣриться въ непричастности помѣщиковъ завладѣнію татарскихъ земель, нужно только прочесть историческое вступленіе съ того мѣста „въ какомъ положеніи достался Крымъ Россіи—до той рѣчи“ въ какомъ положеніи находились жители Крыма по 1794 годъ.

Тамъ значится, во-первыхъ, „что по присвоеніи Крыма Россіею большая часть мурзъ и татаръ, удалась за границу, оставили свои земли, которыя и поступили въ казенное вѣдомство, вмѣстѣ со многими ханскими удѣлами, а такожъ и остававшимися въ пустѣ, послѣ выведенныхъ въ Россію грековъ и армянъ землями“. О числѣ выѣхавшихъ за границу татаръ и выведенныхъ въ Россію христіанъ извѣстно

*) Означка: «тяж.», т.-е. «тяжебное, юридическое».

съ достовѣрностію, что первыхъ болѣе двухъ третей оставили Крымъ, а послѣднихъ до 30,000.

Во-вторыхъ, обстоятельно описывается тамъ, „какимъ порядкомъ приняты были въ казенное вѣдѣніе таковыя земли“.—Татара, бывъ сами отводчиками оныхъ, могли утаить истинныя границы предшешихъ владѣній; но не можетъ быть никакого вѣроятія, чтобы въ томъ числѣ показали они свои собственныя земли и сами, произвольно, лишились своей собственности.

Теперь тѣ самые отводчики присвоаютъ себѣ всѣ земли, поступившія въ сходство ихъ показаній въ казну, и на томъ же самомъ основаніи отданныя помѣщикамъ. А сверхъ того даже и такія оспорируются татарами земли, которыя достались владѣльцамъ, по куплѣ, отъ самихъ татаръ и мурзъ изъ родоваго владѣнія.

Въ-третьихъ объясняется тамъ же, „что раздача земель по пожалованіямъ производилась всегда въ сходство тѣхъ вѣдомостей, которыя сочинены были чиновниками, объѣзжавшими при началѣ Крымъ для описанія оставшихся вездѣ земель, и которыя хранились всегда у правителя бывшей тамошней области“. Естьли бы въ числѣ отводимыхъ во владѣніе помѣщикамъ изъ казны земель допускаемо было отъ начальства захватывать и собственныя татарскія земли; то и не существовали бы всѣ тѣ участки, кои дѣйствительно принадлежать татарамъ, и кои на всѣхъ межевыхъ планахъ показаны. Согласно съ симъ и историческое вступленіе доклада исповѣдуетъ, объясняя именно: „что татара, имѣющіе собственныя по яснымъ доказательствамъ участки, владѣли ими безспорно, хотя оныя лежали и внутри дачь, отведеннымъ новымъ помѣщикамъ“.

Что было и у татаръ опредѣлительное различіе между землями въ собственность имъ принадлежащими, и между землями, на коихъ они жили, не имѣя никакого права собственности на тѣ земли,—доказывается, что съ первыхъ не платили ничего—а съ послѣднихъ, яко наемныхъ, платили.

Въ числѣ вышедшихъ за границу двухъ третей крымскихъ жителей, едва не всѣ удалились богатые, остались же неподвижно вообще почти бѣдные; и сіи бѣдные, числомъ едва одну треть прежнихъ жителей составляющіе, которыхъ правительство съ намѣреніемъ всегда оставляло безъ надѣленія землями, возобладали всѣми почти тамошними имѣніями.

Въ историческомъ вступленіи доклада изъяснены причины, для коихъ сочтено было за полезное раздавать въ Крыму российскимъ и другихъ націй дворянамъ земли. Въ запискѣ же моей, комитету представленной, приводилъ я частію на видъ сдѣланіе тѣхъ причинъ, по

концѣ удѣрживалось правительство отъ подданія татаръ землямъ, и которыя нескрыты суть отъ свѣдѣній всѣхъ тѣхъ, кому токмо памяти: коловратность тогдашнихъ обстоятельствъ; долговременная непрестѣкаемость выѣздовъ татарскихъ за границу; ненадѣянность правительства на вѣрность подданства остальныхъ, по новости ихъ усновленія, по сосѣдству турецкаго владѣнія, по известной приверженности ихъ къ туркамъ и вѣчно враждебной, напротивъ того, къ христіанамъ ненависти; по предусматриванной неизбежности въ разрывѣ мира съ Портою, и по угрожавшей въ таковомъ случаѣ опасности мгновеннаго возмущенія татаръ въ горныхъ мѣстахъ; напоследокъ же и то обстоятельство, по которому съ дѣйствительнымъ наступленіемъ войны отобраны были у нихъ повсемѣстно всякія оружія и лошади, жители приморскихъ мѣстъ были удалены во внутреннія крымскія селенія и всѣ присутственныя мѣста изъ Акмечети и другихъ городовъ, по небезопасному тогда отъ татаръ пребыванію, переведены были въ перекопскую крѣпость.

Еслибъ справедливость дозволяла согласиться, что помѣщики завладѣли нѣкоторыми татарскими участками; то невозможно при томъ отвергнуть, чтобъ помѣщики не имѣли въ Крыму земель, принадлежащихъ ихъ во всемъ правѣ собственности? Но они въ продолженіи минувшихъ 5-ти лѣтъ лишены были татарами всѣхъ своихъ владѣній и всякихъ доходовъ по онымъ; ибо во все то время татара вездѣ самоправно косили сѣно, снимали хлѣбъ, собирали фрукты, рубили и продавали лѣса, пасли скотъ свой, не платя помѣщикамъ никакой взаимности ни деньгами, ни произрастеніями.

О таковомъ насиліи хотя помѣщики и приносили начальству жалобы, но оное устранилось отъ всякаго чистосердечнаго имъ покровительства. И хотя, при началѣ татарскихъ мятежей, отданы были нѣкоторые изъ нихъ, за уничтоженіе межевыхъ признаковъ и другія тому подобныя наглости, подъ судъ, но впоследствии никто не былъ наказанъ и все было обращено въ претензію о земляхъ; и помѣщики во все оное время были токмо зрителями тѣмъ самоуправствъ, съ каковыми татара распоряжали ихъ имѣніями и доходами. Самымъ новѣйшимъ доводомъ сему служить поданная въ комитетъ военнымъ губернаторомъ Михельсономъ записка, въ которой предлагалъ онъ отнять у всѣхъ христіанъ-помѣщиковъ земли и раздать оныя татарамъ.

Послѣ пятилѣтняго терпѣнія лишитъ помѣщиковъ, какъ докладомъ вообще предпоставляется, первыхъ правъ собственности и по мѣрѣ ослабленія оныхъ возвыситъ преимущества самовластныхъ похитителей чуждыхъ земель, и тѣмъ утвердитъ навсегда дѣйствіе коварной

нбеди и волю содѣлюющихъ зло всей землѣ, было бы надъ всюкую мѣру, и несправедливо и жестоко.

Образъ владѣнія землями, предписуемый въ докладѣ, составляетъ новый родъ собственности, вопреки не только всѣмъ нашимъ узаконеніямъ, но и всѣмъ началамъ, принятымъ о собственности во всѣхъ государствахъ и признаваемыхъ отъ всѣхъ, всегда за необходимыми.

При всемъ томъ удобнѣе бы еще согласиться можно было съ подобнымъ образомъ мыслей, если бы по крайности таковыя правила начертывались для руководства намѣреваемыхъ впредь раздачь земель; но ихъ постановляютъ для тѣхъ земель, кои за 18-ть лѣтъ до сего розданы, а и того паче достались многимъ по куплѣ и укрѣплены законнымъ образомъ.

Какое можетъ быть тамо благо и польза отъ владѣнія, гдѣ отнята власть по волѣ онымъ распоряжать? Двѣ воли при собственности несовмѣстны.

Собственность, ежели судить объ ней въ относительномъ къ составу общества смыслѣ, есть то-же, что пожертвованіе каждымъ, за нѣкоторую часть земли, личной своей свободой и независимости. Собственность первый есть камень всѣхъ законоположеній. Безъ оной и безъ твердости правъ, ея ограждающихъ, нѣтъ никому надежды, ни въ законахъ, ни въ отечествѣ, ни въ государѣ. Отъ сего единственно источника и связь общества воспріяла свое начало. Содѣлались царства и отечества.

Ослабить убо правъ только священнѣйшаго общественнаго союза, и что одно и то же значить—нарушать вереникъ отечественникъ и всеобщикъ уставовъ, кажется не долженствовало бы.

Самый верховнѣйшій и съ благосостояніемъ государства нераздѣльной законъ есть тотъ: чтобъ всѣ коренные уставы пребыли тверды и непоколебимы, и нетолкуемы различно. Безъ сего же государственныя узаконенія не могутъ имѣть ни силы, ни важности, ни святости.

Не только что твердость въ правахъ собственности, но и самая точность въ опредѣленіи оныхъ необходимо нужны. Нужны они какъ для богатыхъ, такъ равно и для бѣдныхъ. Для всякаго состоянія людей должимъ они быть непоколебимы. Если нарушить, или ослабить права собственности въ отношеніи къ владѣльцамъ дворянамъ, то что же будетъ увѣреніемъ въ ненарушимости оныхъ впредь, относительно владѣльцовъ-простолюдиновъ?

Неизблемость и точность въ опредѣленіи правъ собственности сдѣлались вѣщце нужными и важными въ имперіи российской съ 12 декабря сего знаменитаго дня—съ котораго право владѣнія землями распространено на нижній родъ людей. Для сихъ самыхъ, менѣе по-

кредиторствамъ, да иже бы владѣть права собственности такъ твердо и основательно, чтобы никакимъ образомъ, никакимъ толкованіемъ, ни примѣры сего мудраго, и во благо России постановленнаго, права ни ослабить, ниже въ маломъ чемъ отступить могли.

Изъ доклада явствуетъ, между прочимъ, что возмѣстятъ помянутыя о невинности слѣдствіяхъ, въ разуменіи маловажнаго вреда населенію Тавриды, если право собственности временно нарушаемо будетъ; однако, не усматривается, чтобы было принято въ соображеніе то обстоятельство, что въ числѣ имѣющихъ крымскихъ владѣльцевъ суть большею частію иностранцы и что, если снѣ права собственности нарушены будутъ, то вреда нельзя будетъ ожидать ни въ примѣры приглашеніямъ, ни успѣшнаго дѣйствія отъ манифеста о порто-франко.

Присутствуя въ замѣчанію довадцати пунктовъ первого, нахожу я первый изъ нихъ помѣщеннымъ безъ причины. Надобно, чтобы прежде доказано было приращеніе помѣщичьихъ въ татарской зависимости; и если бы сие было въ самомъ существѣ, то надлежало и въ историческомъ вступленіи доклада объявить о томъ; — но въ исторіи вовсе ничего о семъ не упоминается, и изъ какихъ предмудрыхъ обстоятельствъ пунктъ сей извлоченъ, неизвѣстно. При всемъ томъ въ 5-мъ пунктѣ ясно есть сказано: „что татарамъ вольно переходить отъ помѣщичья къ другому“; и для того впрочемъ въ 1-мъ, „что они не могутъ быть ни за кѣмъ удержаны“, есть не только извѣстное, но и заключающее въ себѣ напрасной упрекъ крымскимъ дворянамъ; и на послѣдокъ несообразно было бы съ высочайшимъ монаршимъ саномъ подтверждать то, чего его величество государь императоръ никакими уваженіями своими не ослабилъ.

Второй пунктъ могъ бы впрочемъ быть и основательнѣе, еслибы неуполномоченн были въ ономъ свидѣтельскія и вообще главныя показанія столько же дѣйствительными въ доказательствѣ собственности, какъ и самые неопровергаемые и неизменные документы. Такого постановленія извести немысль ко временамъ VII вѣка.

Первый шагъ врасхѣщенія и благоустройнаго образованія государства въ Европѣ ознаменовался изданіемъ закона: „чтобы въ дѣлахъ до собственности принадлежащихъ не были принимаемы гласныя свидѣтельства, коль скоро только тяжба свыше 25-ти франковъ составляетъ“. Все народы приняли сие кореннымъ закономъ; — и у насъ по указанію вершенія дѣлъ по свидѣтельскимъ сказкамъ до 50-ти только рублей обращены.

Внѣ уже довольно очевидно я, какою важности есть собственность; — немысль же не при испытаніяхъ объ оной имѣть мѣсто глаго-

ное показаніе, столь нерѣдко управляемое внутренними страстями человѣческими? Страсти человѣскія никѣмъ изъ законодателей не были включены въ число сомыслъ, вѣроятіе заслуживающихъ.

Всѣ законодатели и политическіе писатели единообразно представляютъ, что собственность должна быть утверждаема на мѣди и на камнѣ. Если же собственность зависима будетъ отъ гласнаго свидѣтельства, то твердость оныя неминуемо подвергнется колебанію.

Дозволивъ утверждать собственность словесными показаніями не только въ Крыму, но и повсемѣстно въ государствѣ, мимо данныхъ и купчихъ крѣпостей, воспримутъ прибѣгающе къ сему способу и всякой пожелаетъ присвоивать сосѣда своего землю.

Уже сему множество примѣровъ происходило въ самомъ Крыму, гдѣ на однихъ участкахъ по три и болѣе притязателей татаръ оказывалось, изъ коихъ каждый въ защиту своей стороны особыхъ представлялъ свидѣтелей.

Въ законахъ ясно есть сказано: „что въ собственномъ своемъ дѣлѣ никто не можетъ свидѣтельствовать“;—въ Крыму же всѣ вообще татара спорить съ помѣщиками, и старожилые ихъ не суть изъяты изъ числа тажущихся. Слѣдовательно, предоставляя имъ дѣлать показанія о земляхъ, предоставляется въ собственномъ дѣлѣ свидѣльствовать.

Ежели что наибаче способствовало къ умноженію въ Крыму тажбъ со времени татарскаго возмущенія, то неблагонамѣренное введеніе комиссіею тамошнюю свидѣтельство старожилельскихъ.

Ежели словесныя показанія повсемѣстно отвергаются въ дѣлахъ, до собственности касающихся, то кольми паче не должны оныя существовать въ Крыму, гдѣ татара, какъ и въ самомъ докладѣ значить, ложную присягу нещитаютъ за преступленіе, въ разсужденіи христіанъ.

Поелику въ докладѣ ничего не сказано, въ противоположность татарскихъ доказательствъ—чѣмъ и христіанскихъ помѣщиковъ собственность утверждаема быть можетъ; для того могутъ уразумѣть, что нынѣшнее установленіе клонится къ уничтоженію всѣхъ данныхъ, купчихъ крѣпостей, межевыхъ книгъ, наслѣдствъ, а также и къ ослабленію продолжавшагося чрезъ 18-ть лѣтъ сновойнаго, и на вѣрѣ къ правительству и къ законамъ основаннаго, владѣнія крымскихъ помѣщиковъ.

Неоговорено также, что свидѣтельства старожилель при таковыхъ только случаяхъ могли бы быть приняты, еслибы ни одна изъ тажущихся сторонъ не имѣла документовъ; и потому должно разумѣть, что отменяется и указъ 7205 года, который гласить: „въ крѣпостныхъ дѣлахъ быть по крѣпостямъ, а не въ крѣпостныхъ по романску“.

По моему мнѣнію, такъ какъ въ прежнія — не слова просвѣщенія, какъ имѣть — времена у самыхъ татаръ находились въ употребленіи письменные документы, — о чемъ и въ самой исторіи доклада объяснено сими словами: „право на владѣніе земель какъ мурзы, такъ и простые татары должны были свидѣтельствовать жалованными грамотами, купчими и проч.“; для того долженствовало бы и на будущія времена постановить, чтобы однѣ дѣйствительныя грамоты и купчія приемлемы были въ доказательство принадлежности кому-либо изъ татаръ земель.

Начиная замѣчанія мои о третьемъ пунктѣ, отношу, во-первыхъ, сюда все то, что я ни сказалъ выше о собственности; а къ тому продолженію, что приведеніе въ правила взаимныхъ обязанностей между татарами, на владѣльческихъ земляхъ живущими, къ ихъ хозяевамъ и владѣльцами земель къ поселянамъ не можетъ не быть стѣснительно для обѣихъ сторонъ; ибо симъ съ одной стороны нарушаются права собственности, съ другой же — права личной свободы *).

Повинность восьмидневной работы на помѣщика со стороны татаръ, сколь ни кратковременна впрочемъ, но будучи установлена властію, оскорбляетъ свойство правъ личной свободы *). Работать по долгу, и работать по доброму согласію — не есть едино. Въ первомъ случаѣ неволя, въ последнемъ — исполненіе своего уговора. Между 365-ю и 8-ю днями рабства есть токмо различіе во времени.

Но если бы необходимо нужно было отложить добровольныя, до нынѣ существовавшія между татарами и владѣльцами условія, и вмѣсто правъ собственности и преимуществъ личной свободы, узаконить мѣру объединенныхъ повинностей, то надлежало бы по крайности пройти разсмотрѣніемъ всѣ тѣ случаи и обстоятельства, кои относятся до пользованія татаръ помѣщичьими землями. Случаи таковыя многочисленны. Я же упомяну о нѣкоторыхъ токмо для примѣра:

Не сказано ничего въ докладѣ, по назначенію-ль помѣщиковъ или по своему выбору могутъ татара занимать мѣста подъ пашни, сѣнокосы, пастьбу скота и для другихъ нуждъ; впрочемъ же прозойти можетъ много примѣровъ, что хозяинъ распеллагать будетъ какое-либо мѣсто занять подъ свою собственную пашню, а оное самое и татара употребить для своихъ нивъ пожелаютъ. Подобнымъ образомъ помѣщикъ расположится оставить какое-либо мѣсто подъ насажденіе своего сада или подъ сѣнокосъ, а татара усиливаться будутъ спахивать оное подъ свой хлѣбъ, или имѣть для пастьбы своего скота. И вторая сторона сильнѣе тогда будетъ?

*) Слова «свободы» написалъ рукою Мордвинова, вмѣсто зачеркнутыхъ «вольности».

Насильно скотоводства татарскаго, сѣнокошенія для нѣтъ, посѣвныя и другія—сверхъ хлѣба—прорастеній, ничего въ положеніи не упомянуто. Во всемъ томъ, отъ кого зависѣть будутъ дополнителныя разрѣшенія?

Многіе татары, имѣя въ округахъ владѣльческихъ земель собственныя селенія, могутъ на оныхъ провращать свой хлѣбъ, по владѣльческимъ же землямъ будутъ токмо пасты свои скотъ. Многіе однимъ только скотоводствомъ, либо лѣснымъ промысломъ, либо другими какими оборотами, безъ хлѣбопашества, жить стануть. И воѣ таковыя будутъ ли, хотя малѣйшую, приносить пользу владѣльцамъ?

Могло бы и такихъ еще довольно быть примѣровъ, что татары, имѣющіе собственныя свои въ дачахъ помѣщичьихъ участки, начали бы отдавать оныя въ наемъ другимъ по добровольному уговору, пользуясь сами безъ наемца помѣщичьи.

По разуму же окончанія 8-го пункта помѣщичьи земли въ 3-хъ бывшихъ канскихъ кадиланахъ должны будутъ совершенно всѣмъ доходовъ съ мѣбнй своихъ лишиться.

Впрочемъ, и не можно постановлять опредѣлительныхъ и единообразныхъ для всѣхъ мѣбъ и земель правилъ; ибо качества оныхъ столь многоразличны по положенію, по добротѣ, по плодородію, по качеству прорастеній—винограда или сѣна,—по близости и удаленію отъ городовъ, по различнымъ степенямъ удобренія и по разнымъ цѣнамъ, за вся бушлени мѣбнй.

Чтобы достигнуть числа и мѣру всѣхъ сихъ разнобразностей, то надобно стать выше всѣхъ познаний.

Сие все доказываетъ, сколь неудобносполнительно начертаніе правилъ, кои стремятся вопреки естественныхъ *) и оущественныхъ правъ, которыя клонятся къ стѣненію правъ собственности и воленности.

Опытность достаточна бы должна утвердить насъ въ той истинѣ, коей исторія всѣхъ земель научаетъ: что гдѣ токмо правительство имѣнивалось во управленіе прижитовъ частныхъ людей, и принимало на себя учреждать отвѣтствія однихъ къ другимъ, всегда впоследствии времени оказывались неудачи, со вредомъ частнымъ и ущербомъ общаго блага.

По моему мѣбнію—надлежало бы предоставлять каждому свободу учреждать собственную свою пользу и выгоды.

Надлежало бы, въ соблюденіе обостороннихъ правъ и приращенія: какъ потому, что татары, до сего времени, при ханахъ и при цинши-

*) Русско Мордвинова, вмѣсто зачеркнутого: «натуральныхъ». Фед.

нѣтъ правленіи, добровольно всегда условлялись съ владѣльцами земель о предоставленіи имъ свободнаго хлѣбопашества и прочихъ выгодъ; такъ и потому, что всѣ тамошніе древніе и нынѣшніе владѣльцы дѣлали понинѣ условія отъ доброй своей воли съ тѣми, конимъ отдавали свои земли въ употребленіе — оставить таковое обыкновеніе во всей своей силѣ навсегда непреложно.

Добровольной уговоръ есть всегда самый угоднѣйшій, самый легчайшій, самый естественнѣйшій.

Но если бы опредѣлительное, о взаимныхъ повинностяхъ татаръ и владѣльцевъ, положеніе постановлялось въ томъ предположеніи, чтобъ помѣщики не могли отягощать живущихъ на ихъ земляхъ татаръ; то въ ослабленіе такового опасенія предлежитъ та удобность въ охраненіи всей власти и воли своей при уговорахъ, каковую могутъ имѣть всегда татары, будучи властны переходить отъ одного помѣщика къ другому.

Узаконять то, что долженствуетъ быть свободно, значить будетъ то-же самое, что постановлять отъ правительства на всѣхъ торжашахъ цѣну между продавцами и покупающими; тако-же въ городахъ, за какую точно цѣну отдавать въ наемъ дома, и сему подобное.

Послѣ всего мною сказаннаго да не будетъ мнѣ возбранно спросить: для какихъ причинъ, для какого блага отложены всѣ принятыя повсемѣстно правила и понятія; для чего отложены отечественныя узаконенія; для чего отложены самыя правила и обычаи той самой страны, для коей новыя постановленія узаконить предположено?

Началомъ четвертаго пункта отъемется у помѣщиковъ власть ссылатъ татаръ со своихъ владѣній, а началомъ пятаго подтверждается свобода татарамъ въ переходахъ отъ одного помѣщика къ другому. О семъ послѣднемъ правѣ вѣтъ и не долженствуетъ быть никакого прекословія; но для чего и первыхъ совращать права собственности? Отъ такового несоразмѣренія произойдетъ очевидно та противоположность, что дворяна не иное что будутъ, какъ по одному токмо наименованію хозяева помѣстьевъ своихъ, и такъ сказать, невольники оныхъ; татара же, бывъ сами по себѣ изъяты отъ всякой привязанности къ мѣсту, содѣлаются полновластными учредителями всѣхъ существенныхъ польвъ и доходовъ, каковыя стяжаетъ отъ земли всякій дѣйствительный и свободный хозяинъ.

При всемъ же томъ не положено даже никакого различенія въ самыхъ имѣніяхъ. Могла бы уже возлагаема быть толь тягостная зависимость на однихъ тѣхъ, конимъ достались земли безденежно по пожалованіямъ. Но употребившіе капиталы свои на покупку таковыхъ —

паче же отъ самихъ татаръ оныя купившіе—какъ могутъ поверстаны быть наравнѣ съ первыми въ сію неволю?

Израженная въ окончаніи 4-го пункта доклада рѣчь: „что правительство безъ всякаго разбора поступало“—въ раздачѣ земель помѣщикамъ, и невыполненіи закона о надѣленіи оными поселанъ, есть главнѣйшее положеніе, на которомъ всѣ пункты доклада основаны. Но чѣмъ сіе доказано?

Чтобы положить основательное, до столь важной части Россіи касающееся, заключеніе, надлежало бы, кажется, предвѣрительно удостовѣриться въ истинѣ, чрезъ истребованіе нужныхъ справокъ, плановъ (каковыя должны находиться и здѣсь при межевомъ сената департаментѣ) и разныхъ свѣдѣній.

Надлежало бы прежде удостовѣриться, что земель больше роздано, нежели сколько осталось оныхъ послѣ выѣхавшихъ за границу татаръ и выведенныхъ въ Россію грековъ и армянъ. Если бы, при сравненіи количества таковыхъ оставшихся земель, съ количествомъ розданныхъ во всѣ прошедшіе годы, оказалось послѣднее превышающимъ, тогда и можно бы было вѣрить неправильной раздачѣ земель.

Но соображая всѣ обстоятельства происходившаго въ Крыму отвода имѣній, возможно будетъ познать, что едвали гдѣ съ таковою разсмотрительностію и точностію производимы были подобныя роздачи. Въ оной соблюдена всякая осторожность, ибо предвѣрительно учинено было чрезъ посланныхъ двухъ чиновниковъ подробное описаніе принадлежавшихъ выѣхавшимъ земель, — коихъ притомъ раздѣлъ не вдругъ, а въ теченіи многихъ лѣтъ производимъ былъ, такъ, что и теперь еще есть оныя въ остаткѣ; сверхъ того, справедливость и снисходительность къ татарамъ, ибо руководствуемось было въ назначеніи окружныхъ границъ добровольными самихъ ихъ показаніями, и въ оставленіи ими за собою лучшихъ, послѣ грековъ и армянъ, садовъ; мурзами же многихъ даже лѣсныхъ и другихъ угодій, такъ что нѣкоторые изъ нихъ чрезъ сіе пришли нынѣ въ несравненно богатѣйшее прежняго состояніе;—никакого прещенія чинимо не было.

Касательно же долговременнаго ненадѣленія татаръ, по примѣру прочихъ казенныхъ поселанъ землями, то сіе не токмо не можетъ показывать оплошности, либо неосновательности со стороны правительства, а напротивъ того, ознаменовываетъ дальновидность и благоразуміе онаго. Выше уже приведены мною на видъ истинныя тому причины, въ коихъ отнестъ должно и начальное выселаніе во множествѣ татаръ изъ Крыму, а тако-жъ и стараніе раздавать земли въ горной части христіанамъ.

По моему мнѣнію, вмѣсто сокращенія власти помѣщицѣй, клоня-

шагось къ неминуемому утѣсненію хозяйственныхъ заведеній, должноствовало бы еще, для частныхъ и государственной пользы, предположить правиломъ, что буде кто изъ помѣщиковъ, вознамѣрясь на своей землѣ обзавести какое-либо собственное хозяйство, невмѣстнымъ находить будетъ продолженіе сообитанія на оныхъ татаръ, то-бы правительство всемѣрно споспѣшествовало въ преселеніи татаръ на казенныя земли.

Бывшее доселѣ, совмѣстное татаръ съ помѣщиками распоряженіе земель, не непохожо на собравшуюсь въ одно мѣсто толпу людей, препятствующихъ, одни другимъ, располагать и производить собственные дѣла на пользу. Отъ сего содѣлался тамо всеобщій вредъ, дороговизна въ хлѣбѣ и другихъ припасахъ время отъ времени возрастаетъ.

Польза самой казны требовала бы, чтобъ не токмо не привязывать татаръ къ помѣщичьимъ владѣніямъ, но употребить еще всѣ способы къ водворенію ихъ на порожнихъ земляхъ, которыя во множествѣ оставаться должны безъ всякаго плодородія, и даже безъ приношенія обыкновенныхъ въ казну доходовъ; между тѣмъ, какъ и у частныхъ владѣльцовъ руки связаны.

Такъ какъ въ 7-мъ пунктѣ доклада предполагается: „что если гдѣ, при размежеваніи земель, неостанетъ пропорціональнаго количества десятинъ на валичное число дворовъ, оттуду излишнихъ переселять въ другія достаточнѣйшія землею мѣста“;—почему таковое положеніе одинаково распространить можно и на прочихъ, по извѣстной привычкѣ татаръ къ частымъ перемѣнамъ своего жительства. Для поселянна домъ одинъ, безъ другихъ выгодъ, не можетъ составлять никакой привязанности.

На послѣдокъ въ 4-мъ же пунктѣ доклада изъяснено опасеніе: „что введеніе татаръ въ новыя права можетъ родить безчисленныя тяжбы и совершенное замѣшательство“. По 2, 3, 4 и 5-му пунктамъ доклада предоставляются для татаръ такія права и выгоды, которыхъ они до сего не имѣли и имѣть не могли; слѣдовательно, онѣ суть новыя.

Въ шестомъ пунктѣ доклада говорится: „что до времени разрѣшенія всѣхъ о земляхъ споровъ и сообразнаго тому размежеванія оныхъ оставаться каждому при своемъ владѣніи“. Теперь большею частію имѣній помѣщичьихъ владѣютъ, по насилію, татары, и для того, по темнотѣ означеннаго выраженія, не можно будетъ знать опредѣлительно, нигѣшніе ли, пользующіеся землями татары, или тѣ, коимъ по пожалованію, либо по куплѣ достались оныя должны будутъ остаться преимущественно при таковыхъ владѣніяхъ?

Значущее въ семь же 6-мъ пунктѣ предположеніе на отводъ земель поддесятинно для каждаго татарскаго двора, не можно, кажется, быть вмѣстѣ съ силою высочайшаго указа отъ 12-го декабря, по самому естеству своему противящагось общему чрезполосному владѣнію, и такъ сказать, положившаго предѣлъ закону о надѣленіи казенныхъ поселянъ по 15-ти десятинъ.

Таковой законъ могъ долгѣе токмо существовать, покуда поселянинъ лишень былъ права на приобрѣтеніе собственной земли и не могъ пользоваться оною иначе, какъ токмо вообще съ другими; теперь же, когда онъ благосердіемъ монаршимъ извлечень изъ только уничиженнаго состоянія, когда всякъ усыновленъ и огражденъ въ правахъ собственности, несовмѣстны уже отнюдь такового роду распоряженія.

Но здѣсь, повидимому, устранена только прозорливая цѣль высочайшаго онаго указа и чрезполосное въ Крыму владѣніе твердымъ и непремѣннымъ закономъ постановляется!

Чрезполосный отводъ земель въ горной части полуострова по 20-ти десятинъ на хозяина, не можетъ быть и удобоисполнителенъ на дѣлѣ, о чемъ для удостовѣренія достаточно будетъ взглянуть токмо на карту горныхъ странъ. Таковое новое постановленіе о собственности въ горной части будетъ не иначе, какъ возстаніе противу самаго естества!

На степяхъ и равнинахъ чрезполосныя владѣнія, при всей своей невыгодности, существовали донныѣ, потому, что земли тамо большею частію одинаковой доброты и удобообраздѣлительны; между горъ же не токмо въ Крыму, но и нигдѣ въ горныхъ странахъ, никогда подобнымъ образомъ не были отводимы къ селеніямъ земли. Да и какое тамо надѣленіе землями всѣхъ порознь жителей быть можетъ, гдѣ изъ тысячи десятинъ едва нѣсколько десятковъ удобной земли выскиваться могутъ.

Адмиралъ Ушаковъ имѣеть на Белбекѣ владѣніе изъ 4,000 десятинъ, но въ числѣ оныхъ пашенныхъ всего токмо двадцать.

Въ горной части неудобныя подъ хлѣбопашество земли издревле занимаемы были подъ сады и виноградъ, кои и впредь для сего съ великою пользою употребиться могутъ; однако всѣ таковыя заведенія не должны, и не могутъ быть вообще деревнямъ принадлежащими, а должны быть отдѣленными порознь каждаго двора владѣніями. Садъ не можетъ быть общею собственностью. Садъ долженъ принадлежать единому хозяину, и хозяину достаточному, могущему терпѣливо дожидать прибытка отъ винограднаго насажденія перанѣ пяти, отъ фруктовыхъ же деревьевъ не прежде 15-ти и 20-ти лѣтъ.

Когда въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстахъ Крыма татара присвоили земли вообще къ селеніямъ своимъ, то сады пропали. Въ общихъ чрезполосныхъ имѣніяхъ нигдѣ и никогда садовъ не бывало.

Итакъ, по всѣмъ соображеніямъ, преднамѣренный отводъ въ горахъ по 20-ти десятинъ на татарскія семейства, очевидно клонится къ искорененію тамо навсегда тѣхъ произрастеній, для коихъ такіа мѣста природою предназначены и есть тоже, что законъ: не быть никогда садамъ въ Крыму.

Въ заключеніи да будетъ мнѣ дозволено сказать мысли мои вообще о правилахъ, для Крыма предполагаемыхъ. Сія правила должны войти въ число законовъ, но она въ нынѣшнемъ начертаніи не имѣютъ образованія, законамъ подобающаго; по виду оныхъ споры могутъ еще болѣе увеличиться, содѣлаться вѣще затруднительными для рѣшенія и ввести тяжбы на такіа земли, кои уцѣлѣли доселѣ отъ оныхъ; не имѣютъ согласія ни съ естественными законами, ни съ началами, принятыми за коренные уставы во всѣхъ обществахъ и государствахъ; не благополезны въ приложеніи къ Крыму, не благополезны въ приложеніи ко всему государству.

Законы должны быть ясны, во всѣхъ частяхъ соотвѣтственны, единому смыслу приверженны, неизблемы, исполнены благотворенія; и такъ какъ настоятъ дѣло о прекращеніи споровъ, то, по всей мѣрѣ благоразумія, способствующіе ко приведенію въ точность правъ и предѣловъ собственности каждаго.

Доселѣ говорилъ я токмо о томъ, что могло бы предохранить Крымъ отъ крайняго упадка; предстоитъ еще тотъ важнѣйшій предметъ, который одинъ токмо силенъ распространить и утвердить навсегда естественныя доброты и преимущества сей земли, и во благосостояніи оной основать благо всей полуденной страны — самой богатѣйшей части Россіи. Въ таковомъ соображеніи и въ толь важномъ видѣ подобаетъ воззрѣть на Крымъ! — на Крымъ, который по сіе время не существовалъ еще въ довлѣемыхъ отношеніяхъ своихъ къ имперіи російской.

Исторія самая древнѣйшая научаетъ насъ, что татары упражнялись всегда въ земледѣліи и скотоводствѣ.

Писатели послѣдующихъ временъ единогласно то-же повторяютъ.

Опытность и очевидность утверждаютъ, что татары неспособны жить и занимать земли къ садамъ годныя.

Разсудокъ говоритъ, что въ виноградныхъ земляхъ должно жить искуснымъ въ разведеніи сего растенія въ садахъ сроднымъ къ садоводству; хлѣбопашцамъ же и скотоводцамъ — на поляхъ и степяхъ.

Благо общее требуетъ, чтобъ въ горнюю часть Крыма привлекаемы были иностранцы, понимающіе цѣну толико благодатной страны.

Послѣдствіе пользы отъ учрежденія порто-франко зависитъ не иначе отъ такового распоряженія.

Самая безопасность тамошняго края сего же постановленія требуетъ.

Благоразуміе прежнихъ времявъ при султанскомъ, ханскомъ и при начальномъ російскомъ владѣніи, предписуетъ правило: какъ и нынѣ поступить?

Итакъ, исторія древняя, всѣ писатели новѣйшіе, опытность, очевидность, разсудокъ, благо общее, учрежденіе порто-франка, благоразуміе прежнихъ времявъ, благоусмотрѣніе впредъ и безопасность самой земли сопрягаются всѣ единообразно и неоспоримо, что горняя часть, то-есть садовая, не должна быть населена татарами, а иностранцами, кои призываются для населенія Крыма посредствомъ выгодъ, предполагаемыхъ съ учрежденіемъ порто-франко.

Крымъ пришелъ въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ вывели изъ горной части христіанъ, и татары вошли въ ихъ сады и мѣста. Вредъ произошелъ великій, но правительство умалчивало, предоставляло случаю исправить сей вредъ. Нынѣ намѣреваются поставить закономъ, и навсегда, временный протекшій вредъ!

Если-бы правительство прежнимъ благоразумнымъ своимъ молчаніемъ о горнихъ татарахъ, ненадѣленіемъ ихъ въ садовой части землями, а отведеніемъ тамо владѣній христіанамъ — и неознаменовало своего прямо мудраго намѣренія, то должно бы при настоящемъ случаѣ — когда обращено вниманіе къ устроенію сего края — закономъ постояннымъ утвердить то, что разумъ, польза и политика требуютъ — и требовали всегда.

На какихъ земляхъ будутъ поселиться иностранцы, когда горная садовая земля, удобная подъ виноградъ, подъ маслину, подъ красильныя деревья — роздана будетъ татарамъ, незнающимъ ни одного изъ таковыхъ произрастеній?

Какая есть польза раздавать земли садовыя незнающимъ ихъ обрабатывать и тѣмъ, кои по сіе время не имѣли таковой собственности? ибо самое наименованіе деревень въ горной части, яко-то: Мускомья, Календи, Василевсь, Никита и всѣхъ прочихъ, доказываетъ, что заселена была сія часть преимущественно греками и другими христіанами.

Какая есть польза во всемъ томъ частная? Какая есть польза общественная?

Равнымъ образомъ, какой можетъ быть вредъ частный или об-

щественный, чтобы люди, способные къ земледѣлю и скотоводству, заселены были въ плоской части Крыма — полезной для ихъ самихъ и для блага общаго?

Еще и понинѣ у многихъ въ свѣжей памяти содержится, что въ прежнее время, когда татары жительствоваши въ плоской части Крыма и прилежали къ сродному имъ хозяйству земледѣлія и скотоводства, не только вся страна тамошняя изобиловала во всѣхъ жизненныхъ произведеніяхъ*), но и Константинополь, въ великомъ множествѣ, довольствовался оттуда пшеницею и баранами. Теперь же, сколь противоположно тому состояніе Крыма содѣлалось? Онъ снабжается нынѣ хлѣбомъ изъ Россіи.

Если-бы утвержденъ былъ изготовленный нынѣ докладъ, то исчезнуть неминуемо тѣ благолѣпные виды, подъ коими Тавриду нѣкогда узрѣть возжелѣнно было: Тавриду, изобилующую виноградомъ, маслинною, померанцами и прочими богатѣйшими для имперіи російской произрастеніями. Не населенный Крымъ, не просвѣщенный, не оживляемый трудомъ и искусствомъ, но скудный, дикій, унылый, ускоряющій къ своему ничтожеству, и паче отъ закона запечатлѣнный въ такомъ ничтожествѣ—Крымъ пребыть уже на вѣки долженствуетъ во убыточеніе и бремя державной Россіи.

Съ душевнымъ сокрушеніемъ изрекаю: пелены сей погребальной да не воснется рука моя.

Положенія мои, которыя въ запискѣ изъяснены были мною Комитету для благоустроенія Крыма, заключаются въ слѣдующихъ четырехъ статьяхъ:

1. Всѣмъ татарамъ, какого бы состоянія ни были, всѣ тѣ участки, на которыя они имѣютъ письменныя справедливыя доказательства, отмежевать и утвердить за ними, въ какихъ бы то дачахъ ни было; съ тѣхъ уже участковъ татарамъ никому ничего не платить.

2. Всѣ татары, которые пользовались и нынѣ пользуются чужими землями, какъ-то: ханскими, мурзинскими и новымъ владѣльцамъ принадлежащими, платить будутъ обязаны произведеніями отъ земли и исправлять работы, по добровольному условію съ помѣщиками, въ судѣ засвидѣтельствованному; будучи при томъ вольны выходить, равномѣрно и помѣщики ихъ высмать, когда захотятъ, объявляя о томъ другъ другу за 4 мѣсяца впередъ, о чемъ также давать знать и правительству.

*) Рукою Мордвинова: «произведеніяхъ», вмѣсто зачеркнутого: «продуктахъ».

3. Таковыхъ выходцовъ стараться привлекать къ заселенію плохой части Крыма, по удобному тамъ мѣстоположенію для хлѣбонашества и скотоводства.

4. Уничтожить нынѣ существующую комиссію о разборѣ земель.

Сообщ. гр. А. А. Мордвиновъ.

Примѣчаніе. Съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи правительство стало заселять его русскими поселенцами, а земли — отдавать русскимъ помѣщикамъ. Но въ большинствѣ случаевъ, по словамъ Мертваго (см. его Записки, гл. IV), онѣ достались угодникамъ Потемкина и Зубова, управлявшихъ, одинъ за другимъ, тамошнимъ краемъ. Заботясь, какъ можно болѣе, объ увеличеніи своихъ участковъ, новые владѣльцы не рѣдко посягали на участки сосѣднихъ татаръ и обременяли тѣхъ изъ нихъ, которые жили по найму на ихъ земляхъ. Вслѣдствіе этого, переселеніе татаръ изъ Крыма получило обширные размѣры; съ другой стороны плохой составъ администраціи и суда вредно вліялъ на отношенія оставшихся, такъ какъ чиновники, цитавшіеся плодами рукъ своихъ, нерѣдко сами содѣйствовали возникновенію многочисленныхъ тяжбъ между туземцами и поселенцами. По этому поводу, въ началѣ царствованія императора Александра I-го, была послана въ Крымъ особая комиссія для разбора возникшихъ столкновеній. Предсѣдателемъ же ея былъ назначенъ сенаторъ И. В. Лопухинъ. «Причиною учрежденія сей комиссіи — говоритъ онъ въ своихъ запискахъ: — были жалобы татаръ подстрекуемыхъ завистью, непріязнью между собою и разными личностями дворянъ и чиновниковъ, начиная отъ нижнихъ до самыхъ высшихъ, такъ что сіе касалось и до игравія знатнѣйшихъ ролей при дворѣ. Однимъ словомъ, сія комиссія родилась больше отъ споровъ на паркетѣ, по которому охотники ходить всегда тѣснятся и скользятъ, нежели въ обильныхъ долинахъ и великолѣпныхъ горахъ романтической Тавриды» («Записки Лопухина», 117).

Однако интригамъ не было конца, и въ теченіи трехъ лѣтъ не было рѣшено ни одного дѣла, а когда вступилъ въ управленіе губерніею Мертваго, то оказалось, что абединчество въ Крыму было такъ распространено, что многіе изъ просителей-татаръ и не знали о содержаніи просьбъ, которыя они подавали по наущенію. Вслѣдствіе этого, Мертваго долженъ былъ переимѣнить весь составъ администраціи и судебныхъ мѣстъ.

Вопросъ о земляхъ крымскихъ татаръ вызвалъ мнѣніе и со стороны Мордвинова. Въ его защитѣ правъ владѣльцевъ нѣкоторые видѣли защиту собственныхъ интересовъ, такъ какъ онъ владѣлъ землями въ Байдарской долинѣ; но изъ одного изъ послѣдующихъ мнѣній видно будетъ, что Мордвиновъ имѣлъ на своихъ участкахъ самое незначительное число татаръ. Въ его защитѣ правъ русскихъ владѣльцевъ въ Крыму слѣдуетъ видѣть защиту правъ частныхъ лицъ, разъ признанныхъ и утвержденныхъ закономъ, а защита частной собственности противъ вышательства казны составляетъ, какъ увидать читатели дагѣе, постоянный мотивъ въ мнѣніяхъ Мордвинова, относящихся къ этому вопросу. Будучи противникомъ всякой регламентаціи, Мордвиновъ уязвляеть въ настоящемъ мнѣніи тотъ путь, которымъ можно выйти изъ затруднительнаго положенія и правительству, и заинтересованнымъ сторонамъ.

Кіевъ, 1872 г. января 10.

В. С. Иконниковъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ХЕМНИЦЕРЪ.

1745 — 1784.

Новыя о немъ извѣстія по рукописнымъ источникамъ.

(Читано въ годичномъ собраніи Академіи Наукъ 29 декабря 1871 года).

Исторія нашей литературы XVIII-го столѣтія, несмотря на многіе въ послѣднее время изданные документы и свѣдѣнія, все еще довольно мало извѣстна. Мы недостаточно знакомы особенно съ ея интимной, закулисной стороною, съ тѣмъ бытомъ и сношеніями писателей, гдѣ они являются просто людьми, внѣ своей общественной и литературной дѣятельности. Между тѣмъ, всякій разъ, когда удастся приподнять завѣсу, заслоняющую отъ насъ ихъ всеневную жизнь, за ихъ, такъ сказать, оффиціальную ролью, за ихъ торжественными одами и условными формами ихъ сочиненій мы открываемъ много любопытнаго, много живыхъ подробностей современной дѣйствительности, безъ которыхъ и самые труды ихъ оставались бы для насъ не вполне понятными. Пользуясь находящимися въ нашихъ рукахъ бумагами Хемницера и Львова, я попытаюсь предложить небольшой очеркъ этого рода изъ послѣдней половины прошлаго вѣка.

На горизонтѣ тогдашней литературы имя Хемницера свѣтится довольно ярко. Онъ прожилъ менѣе 40-ка лѣтъ, приобрѣлъ извѣстность только небольшимъ сборникомъ басенъ, и однако-жъ его право на вниманіе потомства признается безспорнымъ. Недалеко еще то время, когда басни его безпрестанно вновь издавались то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ: и дѣйствительно, при всей безыскусственности своей формы и простотѣ построенія, онѣ обличаютъ столько ума, здраваго смысла и знанія свѣта, что невольно располагаютъ читателя въ пользу автора.

Все, что мы до сихъ поръ знали о Хемницерѣ, умершемъ въ 1784 году, основывалось на двухъ краткихъ очеркахъ его биографіи, изъ которыхъ одинъ напечатанъ при первомъ посмертномъ изданіи его басенъ (1799) другимъ его Н. А. Львовымъ, а другой, пополненный немногими лишь свѣдѣніями, въ словарь Ванташъ-Каменскаго (1847).

Эти очерки знакомятъ насъ только съ общимъ ходомъ службы Хемницера и съ нѣкоторыми чертами его личности, отличавшейся крайнимъ простодушіемъ и разсѣянностію. Въ недавнее время, изъ рукописей Державина выяснились, болѣе прежняго, близкія отношенія Хемницера къ литературному кружку, въ которомъ рядомъ съ знаменитымъ лирикомъ стояли Львовъ и Капнистъ. Скучность современныхъ біографическихъ извѣстій о нашемъ баснописцѣ происходила, конечно, не отъ недостатка свѣдѣній, какими располагалъ Львовъ, а отъ понятій той эпохи, когда у насъ еще не дорожили точностью фактовъ и подробностями, изъ которыхъ слагается литературная и общественная исторія. Впрочемъ, въ послѣдствіи Капнистъ задумалъ-было написать болѣе обстоятельную біографію Хемницера, и для того взялъ у Львова собранные съ этою цѣлю матеріалы; но намѣреніе это осталось неисполненнымъ. Недавно внукъ автора Ябеды, Иванъ Семеновичъ Капнистъ, предоставилъ въ распоряженіе наше подлинныя рукописи Хемницера и нѣкоторыя другія, относящіяся къ нему бумаги. Хотя онѣ, по всей вѣроятности, сохранились не совсѣмъ въ полномъ видѣ и хотя разрѣшаютъ далеко не всѣ вопросы, возникающіе при ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, тѣмъ не менѣе, онѣ проливаютъ новый свѣтъ на его жизнь и характеръ.

Извѣстно, что отецъ Хемницера выѣхалъ изъ Саксоніи и былъ на послѣдокъ инспекторомъ петербургскаго сухопутнаго госпиталя. Мы узнаемъ теперь, что онъ занималъ передъ тѣмъ должность военнаго штабъ-лекаря. По желанію друзей своего сына, онъ, послѣ смерти его, составилъ на нѣмецкомъ языкѣ біографическую о немъ записку, въ которой особенно драгоцѣнны извѣстія о дѣтствѣ и воспитаніи талантливаго баснописца.

Изъ этой записки прежде всего оказывается, что Хемницеръ родился не въ Петербургѣ и не въ 1744 году, какъ думали до сихъ поръ, а въ Астраханской губерніи, 5 января 1745 года. Мѣстороженіемъ его была Енотаевская крѣпость (нынѣ уѣздный городъ Енотаевскъ), основанная за три, передъ тѣмъ, года на Волгѣ, въ 140 верстахъ отъ Астрахани. Только-что ребенокъ началъ говорить, мать и отецъ стали знакомить его съ азбукой, и онъ непримѣтно выучился читать и писать. Онъ не любилъ ни лакомствъ, ни игрушекъ, которыя ломалъ и бросалъ. Замѣчая въ немъ большую любознательность при тихомъ, меланхолическомъ нравѣ, отецъ принялся давать ему уроки въ нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ и въ первыхъ правилахъ арифметики, а потомъ отдалъ его въ Астрахани къ пастору Нейбауэру, который сознавался, что Хемницеръ, на 6-мъ году понавъ уже въ синтаксическій классъ, опередилъ собственнаго его 9-ти-лѣтняго

сына. Желая съ пользою употребить и остальные свободные часы его, отецъ прискалъ человѣка, который бы научилъ его читать и писать по-русски, а знакомый инженерный офицеръ кое-какъ преподавалъ ему ариметику и геометрію. Вообще въ тѣхъ мѣстахъ еще не было учебныхъ заведеній; мальчикъ по собственной охотѣ читалъ или рисовалъ, а на досугѣ давалъ уроки своимъ двумъ маленькимъ сестрамъ.

Въ 1755 году отецъ рѣшился оставить постылый для него край. Мать съ тремя дѣтьми предприняла далекое путешествіе въ Петербургъ. Сыну шелъ тогда 11-й годъ. Въ дорогѣ разъ, ночью, онъ чуть не пропалъ: въ темнотѣ, отошедши отъ повозки, онъ заблудился-было въ степи; калмыцкій конвой потерялъ его, и насилу ужъ потомъ онъ какъ-то отыскался. По прибытіи въ Петербургъ на другой годъ, отецъ помѣстилъ его къ учителю латинскаго языка при врачебномъ училищѣ, которое возникло при военномъ госпиталѣ, основанномъ Петромъ Великимъ; это было первымъ началомъ учрежденнаго при Екатеринѣ II медико-хирургическаго института. Здѣсь онъ по собственному влеченію сблизился съ самыми дѣльными и прилежными товарищами и узналъ отъ нихъ всю остеологию, такъ что въ подробности могъ описать человѣческій остовъ. Такова была подготовка Хемницера къ медицинскому поприщу, къ которому отецъ назначалъ его. Но къ прискорбію старика случилось, что уже на 13-мъ году отъ роду сынъ, послушавшись какихъ-то постороннихъ людей, вздумалъ искать счастья въ военной службѣ: онъ поступилъ въ солдаты пѣхотнаго нотебургскаго полка. „Можно представить себѣ—говоритъ отецъ—каково было положеніе юноши при такомъ суровомъ образѣ жизни, безъ покровительства и помощи, при большой чувствительности и благородствѣ души. Офицеръ, который сулилъ ему золотыя горы, оказался обманщикомъ и злодѣемъ; но за то (продолжаетъ біографъ) полковникъ, вовсе незнакомый мнѣ человѣкъ, полюбилъ парня, принялъ въ немъ участіе и сталъ его повышать, хотя названный гонитель и тутъ старался вредить ему“. Въ томъ же 1757 году, по случаю Семилѣтней войны, отду пришлось, въ званіи штабъ-лекаря, отправиться съ арміею въ Пруссію, и онъ совершенно потерялъ сына изъ виду. Наконецъ, находясь въ Эльбингѣ при раненыхъ, онъ узналъ, что нотебургскій полкъ стоитъ въ Кѣнигсбергѣ. Тогда онъ написалъ къ полковнику, прося отпустить къ нему молодого Хемницера, который вскорѣ и обрадовалъ отца своимъ пріѣздомъ. „Я долженъ—говоритъ отецъ—искренно похвалить его скромность въ отношеніи къ его гонителю, о поступкахъ котораго я имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія отъ офицеровъ. Когда я заводилъ о томъ рѣчь, онъ только отвѣчалъ: „И, батюшка, слава Богу, что я опять съ вами!“ Полковникъ, не могъ нахвалиться имъ!“...

Этими словами, къ сожалѣнію, кончается біографическая записка отца, которая при всемъ своемъ неискusstномъ изложеніи дышитъ любовью къ сыну. „Поистинѣ—приписано на поляхъ—я не припомню, чтобы онъ въ дѣтствѣ поведеніемъ своимъ когда-нибудь прогнѣвилъ насъ“.

Изъ другой бумаги—аттестата, выданнаго Хемницеру въ 1769 г., видѣнъ ходъ военной службы его. Благодаря доброму расположенію полковника, онъ скоро получилъ офицерскій чинъ, и незадолго до воцаренія Екатерины II, былъ назначенъ въ адъютанты къ генераль-майору Остерману, а потомъ, въ чинѣ поручика, находился при главнокомандующемъ, князѣ Александрѣ Михайловичѣ Голицынѣ, для курьерскихъ посылокъ. Въ помянутомъ аттестатѣ на вопросъ: „Гдѣ былъ въ походѣ и у дѣлъ противъ непріятеля“, отмѣчено: „Въ 1759 году въ Помераніи, Бранденбургіи, Швеціи и Саксоніи, а на баталіи не бывалъ“. (Слѣдовательно извѣстіе, что онъ участвовалъ и въ турецкомъ походѣ, оказывается невѣрнымъ). Но военная служба, въ которой онъ пробылъ 12 лѣтъ, такъ же мало удовлетворяла его, какъ и прежнія занятія медицинскими науками, и впоследствии онъ сравнивалъ военное поприще съ анатомическимъ театромъ, отъ котораго бѣжалъ. Вскорѣ мы видимъ его гиттенфервальтеромъ при горномъ училищѣ, только-что основанномъ въ началѣ 1770 годовъ, когда ему было съ небольшимъ 25 лѣтъ. Можно догадываться, что по происхожденію отца его изъ саксонскаго города Фрейберга, любовь къ минералогіи была наслѣдственной въ родѣ Хемницера. Управление горнымъ вѣдомствомъ было въ рукахъ Михаила Ѳеодоровича Соймонова, сына столь извѣстнаго петровскаго адмирала и впоследствии сибирскаго губернатора. Съ Соймоновымъ былъ въ родствѣ П. А. Львовъ, который повидимому и участвовалъ въ перемѣнѣ службы Хемницера.

О новомъ его положеніи я тщетно надѣялся найти какія-либо данныя въ архивахъ горнаго департамента и горнаго института. Ни въ томъ, ни въ другомъ за это время не оказалось никакихъ свѣдѣній. Таково, къ прискорбію изслѣдователей, состояніе бѣльшей части нашихъ архивовъ. Изъ официальныхъ документовъ мы знаемъ только, что горное училище возникло вслѣдствіе просьбы башкирскихъ рудопрмышленниковъ учредить при бергъ-коллегіи заведеніе для воспитанія горнозаводчиковъ. Между тѣмъ, управление бергъ-коллегіею поручено было оберъ-прокурору сената Соймонову (который вслѣдъ затѣмъ назначенъ сенаторомъ), и по его-то плану въ 1773 г. основано было горное училище; онъ сдѣлался первымъ директоромъ новаго заведенія, помѣщавшагося въ зданіяхъ нынѣшняго горнаго института, купленныхъ у графа Шереметева. Этотъ Соймоновъ, Мих. Ѳед., ко-

того не надо смѣшивать съ двоюроднымъ братомъ его, Петромъ Александровичемъ, былъ въ послѣдствіи главнымъ попечителемъ опекунскаго совѣта въ Москвѣ и умеръ тамъ въ 1804 году. Въ немъ Хемницеръ нашелъ не только добраго начальника, но и покровителя. Съ учрежденіемъ, въ 1774 году, ученаго собранія при училищѣ, въ числѣ членовъ этой коллегіи является и маркшейдеръ Хемницеръ. Черезъ два года Соймоновъ, для поправленія здоровья, предпринимаетъ путешествіе за границу и беретъ съ собою Хемницера. Они употребили болѣе года на посѣщеніе Германіи, Франціи и Голландіи. Съ ними вмѣстѣ отправился въ чужіе края и родственникъ Соймонова, Львовъ, который жилъ въ его домѣ, но въ городѣ Спа онъ отдѣлился отъ нихъ и уѣхалъ обратно въ Россію.

Имя Львова такъ тѣсно связано съ біографіею Хемницера, что мы должны остановиться на этомъ лицѣ. Хотя Львовъ и не приобрѣлъ большой извѣстности какъ писатель, однакожъ онъ игралъ значительную роль въ тогдашней литературѣ, не только по своему положенію въ свѣтѣ, которое давало ему возможность поддерживать своихъ друзей-писателей, но и по вліянію на эстетическую сторону ихъ трудовъ.

Львовъ началъ свою службу очень скромно въ измайловскомъ полку, но, благодаря своимъ дарованіямъ и связямъ, онъ, по возвращеніи изъ-за границы, занялъ мало по-малу видное мѣсто въ иностранной коллегіи или, вѣрнѣе, въ почтовомъ управленіи, которое тогда входило въ составъ ея. Этимъ онъ обязанъ былъ сближенію съ Бакунинымъ, а потомъ и съ Безбородкой. Петръ Васильевичъ Бакунинъ приобрѣлъ большой вѣсъ еще въ то время, когда дипломатическими дѣлами завѣдывалъ графъ Н. И. Панинъ, а вице-канцлеромъ былъ графъ Остерманъ, человекъ весьма честный, но безъ особеннаго вліянія. Бакунинъ пользовался расположеніемъ Панина, былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Потемкину и къ кабинетнымъ секретарямъ императрицы, снискалъ милость и довѣріе самой Екатерины II. Онъ былъ даровитъ, предприимчивъ и трудолюбивъ; иностранные посольства наперерывъ старались привлечь его на свою сторону, но это посчастливилось особенно англичанину Гаррису (лорду Маллсбѣри)*. Значеніе Бакунина еще усилилось при Безбородкѣ, у котораго онъ былъ правою рукою. Львовъ жилъ сперва у Бакунина, а потомъ, переселясь къ Безбородкѣ, сдѣлался у него домашнимъ человекомъ. Пламенный любитель всѣхъ отраслей искусства и знатокъ во многихъ

* E. Heggmann: *Gesch. d. russ. Staates. Ergänz. Band.*, стр. 612 (Донесеніе Сакена).

изъ нихъ, — поэтъ, живописецъ, архитекторъ, механикъ, а отчасти и музыкантъ, Львовъ, въ этотъ вѣкъ изысканной роскоши и прихоти, былъ человѣкомъ особенно сподручнымъ для вельможи, неистощимаго въ заботахъ о возможно великолѣпномъ устройствѣ своего дома. Въ то же время Львовъ писалъ стихи, издавалъ лѣтописи и пѣсни, и принадлежалъ къ кругу лучшихъ литераторовъ того времени; сблизившись съ Капнистомъ, какъ кажется, еще въ измайловской школѣ, гдѣ оба они учились, онъ черезъ него сошелся съ Державинимъ, а чрезъ Державина съ сослуживцами его по сенату, Храповицкимъ и Ал. Сем. Хвостовымъ, который извѣстенъ своимъ сатирическимъ талантомъ. Въ этомъ даровитомъ кругу Львовъ былъ опять общимъ совѣтникомъ; друзья показывали ему свои новыя произведенія и прислушивались къ тонкимъ замѣчаніямъ русскаго Шапелля, какъ его иногда называли. Онъ выражалъ весьма своеобразные для того времени литературные взгляды, указывалъ на недостатки у Ломоносова, выше всего ставилъ простоту и естественность, понималъ уже цѣну народнаго языка и сказочныхъ преданій для поэзіи. Такое расположеніе должно было установить особенную симпатію между нимъ и Хемницеромъ; кажется, знакомство ихъ началось вскорѣ послѣ 1770 г., когда было напечатано первое извѣстное стихотвореніе Хемницера, весьма плохая ода на взятіе турецкой крѣпости Журжи. Въ 1774 г. онъ напечаталъ стихотворный переводъ героиды Доръ „Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы“ *) и уже посвятилъ этотъ трудъ Львову, называя его „любезнымъ другомъ“. По возвращеніи изъ путешествія по Европѣ, Хемницеръ какъ-будто переродился, полюбилъ общество и съ новымъ жаромъ предался литературнымъ занятіямъ. Державинъ свидѣтельствуетъ, что ему отчасти онъ былъ обязанъ за разумные совѣты, благодаря которымъ могъ, около 1780 года, вступить на путь самостоятельнаго творчества. Все показываетъ какъ неутомимо Хемницеръ работалъ надъ самимъ собою. Участіе его въ трудахъ ученаго собранія при горномъ училищѣ не осталось безслѣднымъ. Въ 1778 году напечаталъ онъ свой переводъ или, по словамъ Львова, передѣлку минералогическаго сочиненія нашего академика Лемана подъ заглавіемъ: „Кобальтословіе или описаніе красильнаго кобальта“, а вслѣдъ затѣмъ появились переводные труды по той же наукѣ другихъ лицъ, предварительно просмотрѣнные и исправленные Хемницеромъ, который въ это время носилъ уже званіе оберъ-берг-

*) Библиографическая рѣдкость, которой не нашлось ни въ одной изъ петербургскихъ библиотекъ; Н. С. Тихонравовъ обязательно доставилъ мнѣ принадлежащій ему экземпляръ ея.
Я. Г.

мейстера. Въ одной изъ названныхъ книгъ упомянуто о принадлежавшей ему коллекціи минераловъ.

Стараясь такимъ образомъ распространять въ Россіи горныя свѣдѣнія, ученое собраніе предприняло съ этою цѣлью и составленіе горнаго словаря. Къ этому-то труду относится черновая замѣтка Хемницера о необходимости перелажать иностранныя научныя термины на русскій языкъ, хотя бы новыя наименованія сначала и принимались неохотно. „Еслибы—говоритъ онъ—сіе несчастное предразсужденіе оставалось всегда господствующимъ, то никакой языкъ не былъ бы очищенъ и не дошелъ бы до совершенства. Русскій языкъ, надъ всѣми прочими языками возвышающійся своимъ основаніемъ, всѣ къ сооруженію превосходнѣйшаго зданія части содержитъ и требуетъ только, чтобы таковыя собрать, и тогда сооруженіе совершится такое, которое конечно красотю своею состязаться можетъ съ другими. Учрежденное при горномъ училищѣ собраніе, трудящееся о переложеніи иностранныхъ горныхъ названій на русскій языкъ, будетъ, если не производить новыя слова, то, по крайней мѣрѣ, прискивать дѣйствительно преобладающія, но кон, по несчастію все еще будучи разсѣяны, странствуютъ въ неизвѣстности, собирать ихъ и ставить на мѣсто иностранныхъ“.

Но Хемницеръ, ни по своему воспитанію, ни по своимъ литературнымъ связямъ, ни, наконецъ, по роду своихъ способностей, не могъ ограничиться одною ученою дѣятельностію. Вскорѣ послѣ его минералогическаго труда появилось въ Петербургѣ первое собраніе его басенъ, небольшая книжка подъ заглавіемъ: „Басни и сказки NN“, безъ означенія года изданія. Одинъ изъ біографовъ его (Бавтышъ-Каменскій) рассказываетъ, что, до напечатанія этихъ басенъ, Львовъ первый узналъ о нихъ и вмѣстѣ съ Каннистомъ долго уговаривалъ автора не скрывать отъ публики сочиненій, которыми онъ долженъ гордиться. Хемницеръ возражалъ, что слишкомъ явные въ нихъ намеки на современность могутъ повредить его службѣ и что надобно прежде многое передѣлать. Наконецъ однако-жъ онъ согласился и издалъ свои басни (какъ самъ онъ показываетъ, въ 1779 году)*, только не выставляя своего имени и взявъ съ друзей обѣщаніе не выдавать его.

Между тѣмъ, въ управленіи горнаго училища готовились переимѣны. Учрежденіемъ о губерніяхъ бергъ-коллегія должна была упраздниться, а училище поступить въ вѣдѣніе казенной палаты. Въпротивно, пред-

*) А не въ 1778, какъ до сихъ поръ означалось во всѣхъ бібліографическихъ указателяхъ. Я. Г.

стоявшія преобразованія и побудили Соймонова еще въ 1781 году отказаться, подъ предлогомъ болѣзни, отъ своей должности, а вслѣдъ за нимъ вышелъ въ отставку и Хемницерь. Но не имѣя никакого сомнѣнія, онъ вынужденъ былъ въ своромъ времени искать новой службы. Есть довольно распространенное (со словъ Бантышъ-Каменскаго) преданіе, будто княгиня Дашкова доставила Хемницеру мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. Но для насъ теперь несомнѣнно, что онъ этимъ назначеніемъ обязанъ былъ Львову, которому очень легко было заинтересовать въ пользу его графа Безбородко.

Въ юнѣ 1782 года Хемницерь выѣхалъ изъ Петербурга и прожилъ года 1½ въ Смирнѣ, а въ мартѣ 1784 умеръ въ далекомъ азіатскомъ городѣ, жертвою унынія и тѣлесныхъ недуговъ. Объ этой послѣдней и самой печальной эпохѣ жизни бѣднаго писателя мы получаемъ теперь самыя обстоятельныя свѣдѣнія, благодаря сохранившемуся собранію писемъ его къ Львову, писанныхъ частью съ дороги, частью изъ самой Смирны. Въ нихъ веселость непринужденной пріятельской бесѣды часто смѣняется тяжелою грустью при обращеніи мыслей къ новому уединенному положенію на чужбинѣ. Считаю не безынтереснымъ остановиться на этихъ письмахъ.

Чтобы вполне понять содержаніе ихъ, необходимо напередъ точнѣе обозначить отношенія между обоими переписывавшимися. Почти въ каждомъ письмѣ Хемницерь съ особенною нѣжностью говорить о какомъ-то не называемомъ имъ другѣ Львова. Онъ посылаетъ этому лицу поклонны, ждетъ отъ него отвѣтовъ, получаетъ подарки. Въ позднѣйшихъ письмахъ становится яснымъ, что этотъ другъ—женщина. Кто же именно? Это была та самая Марья Алексѣевна Дьякова, которой Хемницерь посвятилъ свои басни и которая, по преданію, прочитавъ ихъ, замѣтила: „Природа рассказала, Хемницерь написалъ“.

На Вас. островѣ, въ 3-й линіи, жилъ въ своемъ домѣ сенатскій обер-прокуроръ Алексѣй Аванасьевичъ Дьяковъ. У него были три дочери-красавицы, которыя впослѣдствіи вышли замужъ за трехъ друзей-литераторовъ, Львова, Капниста и Державина. Старшая изъ нихъ, сдѣлавшаяся женою Капниста, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ; другія двѣ получили образованіе дома. Дьяковъ, по свойству съ Бакуниннымъ, былъ вхожъ во многіе знатные дома и дочери его блистали на самыхъ аристократическихъ петербургскихъ вечерахъ, напримѣръ у Льва Александровича Нарышкина. Львовъ, познакомившись съ Дьяковыми, влюбился въ одну изъ сестеръ, Марью Алексѣевну, и около 1780 г. обвѣнчался съ нею тайно, противъ воли своихъ и ея родителей. Тотчасъ послѣ свадьбы, молодая возвратилась въ отцовскій домъ, и бракъ ихъ долго оставался непризнаннымъ. Въ это время,

если вѣрить одному преданію, и Хемницеръ, не зная тайны своего друга, сдѣлалъ предложеніе Марьѣ Алексѣевнѣ. Несмотря на то, его отношенія къ обоимъ супругамъ остались самими дружескими. Путь ко-нецъ перешелъ, не задолго передъ своею смертію, онъ радуется, узнавъ, что другъ Николай Александровичъ уже можетъ безъ страха

• подписываться Львовомъ.

Первое письмо Хемницера писано изъ Херсона, на пути въ Константинополь. Херсонъ былъ основанъ Потемкинныиъ только за 3 года передъ тѣмъ, и имѣя путешественникъ не можетъ удивиться быстрому возрастанію и украшенію города. Здѣсь онъ принужденъ былъ пробыть болѣе двухъ недѣль, въ ожиданіи яхты, назначенной для доставленія его въ Константинополь, той самой, которая не задолго до того отвезла туда и новаго русскаго посланника, Булгакова. Съ грустью и тѣгостными предчувствіями сѣлъ на нее литераторъ-консулъ. „Представляю себѣ, пишетъ онъ, что скоро не увижу я берега моего отечества, — и всѣхъ тѣхъ, которые мнѣ жизнь пріятною дѣлали, долженъ буду воображать какъ будто не на одномъ уже мірѣ со мною“. Въ Константинополѣ онъ написалъ письмо отъ Львова, неслыханно его обрадовавшее. Тяжелъ былъ перевѣдъ изъ Херсона: „Мнѣ дано знать Черное море! Еще и теперь ноги насилу поддержи-ваютъ. Съ 31 июля по 5 августа все начало, и послѣдніе соки изъ хрипучаго дерева выкачало“. Къ Булгакову новый его подчиненный явился съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Державина, который такъ отзывался о Хемницерѣ: „Хотя своими добродѣтелями и любезнымъ поведеніемъ онъ несумнѣнно приобрѣтетъ благоволеніе и пріязнь вашу, но на первый однако случай, предваряя о его свойствахъ, скажу вамъ: Се истинный израиль, въ немъ же льсти нѣтъ“.

Посланникъ принялъ Хемницера дружелюбно, перевелъ его съ яхты къ себѣ на житье и сказалъ, что „все, чего онъ ни пожелаетъ, въ его услугахъ“. Въ Константинополѣ былъ тогда мѣсяцъ рамазанъ, и надо было дожидаться его окончанія, т.-е. прожить весь августъ, чтобы получить отъ Порты указъ о назначеніи въ Смирну консулѣ.

Константинополь, своимъ мѣстоположеніемъ и южною природою, сильно поразилъ воображеніе впечатлительнаго Хемницера: „Каналь цареградскій, восклицаетъ онъ: что это за видъ! Домъ Як. Ив. или лучше сказать садъ, что это за садъ! Считаю его первымъ здѣсь, гдѣ каждое мѣсто первымъ почестся можетъ“. Большая часть слѣдующаго письма наполнена описаніемъ турецкой столицы; нашъ путешественникъ поѣхалъ осматривать ее вечеромъ, чтобы увидѣть хва-ленное освѣщеніе по случаю рамазана. Онъ отправился изъ Буюкь-дере водою съ двумя спутниками, знавшими турецкій языкъ. Азиат-

ская иллюминація показалась однако-жъ очень бѣдною петербургскому жителю временъ Екаторины. Въ 10-мъ часу вечера они высадились на берегъ и зашли въ кофейню, гдѣ очутились посреди многочисленной толпы турокъ, потому что весь день, отъ восхода до заката солнца, магометане въ рамазанъ не пьютъ я не ѣдятъ. На другой день онъ осматривалъ, между прочимъ, Софійскую церковь. Описывая достопримѣчательности города и его страшную нечистоту, Хемницеръ замѣчаетъ, что, ходя по Константинополю цѣлый день, онъ былъ болѣе всего пораженъ, когда двое турокъ, разсуждая о чемъ-то, отъ искренняго сердца рассмѣялись. „И вотъ, прибавляетъ онъ, первый смѣхъ или первая наружная веселость души, которую я, видѣвъ не одну тысячу людей, по лицу и по подобію такъ называемыхъ, встрѣтитъ случай имѣть“. Здѣсь, какъ уже и въ Херсонѣ, Хемницера сильно тревожили двѣ заботы: съ одной стороны, онъ, по рассказамъ о Смирнѣ, убѣдился, что ему тамъ придется играть роль высшаго дипломатическаго чиновника, въ которой онъ ни по своимъ привычкамъ, ни по характеру не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія; съ другой стороны, вопросъ о размѣрѣхъ будущаго его содержанія еще не былъ рѣшенъ, и онъ не зналъ, отъ кого будетъ получать свое жалованье. „Всѣ говорятъ, замѣчаетъ онъ, что мѣсто прекрасное, только всѣ говорятъ также, что моего званія люди живутъ совершенно на ногѣ аддеградскихъ министровъ, если не пынѣе. Признаюсь тебѣ, что это мнѣ мало покою даетъ... Знаешь ли ты, что я уже самъ привычаю, что я на себя не похожу... нѣтъ, ужъ не написалъ бы ты такого письма, въ которомъ бы ты меня небеснымъ Иваномъ назвалъ“.... О своемъ матеріальномъ положеніи въ Смирнѣ надѣялся онъ узнать отъ Булгакова; но посолъ отозвался, что жалованья дать ему не можетъ, и что оно будетъ идти чрезъ генераль-прокурора князя Вяземскаго. „Неужели его сіятельство не соблаговолитъ мнѣ его доставлять безъ всякаго моего претерпѣнія?.. я право думалъ, что корпусъ дипломатическій отъ своего алтара питается“.

Наконецъ, 20 сентября 1782 года, Хемницеръ пріѣхалъ въ Смирну. По тогдашнему значенію Россіи, возвеличенной недавними побѣдами и миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи, прибытіе русскаго консула было здѣсь событіемъ. Когда онъ въ первый разъ съѣхалъ съ яхты, вся набережная была покрыта народомъ, собравшимся смотрѣть его. „Согрѣшилъ я тутъ, пишетъ онъ, что вспомнилъ о собственныхъ стихахъ:

«По улицамъ смотрѣть зеленаго осла
Кипитъ народу безъ числа».

„Мой пріѣздъ сюда всю тревогу здѣшняго народа о предстоящей, по мнѣнію ихъ, войнѣ въ ничто обратилъ, и сколько до меня слухи до-

ждать, то и прочіе консулы будто бы подъ моею подпорою жить здѣсь нишѣ думаютъ надежныѣ. Какова Россія!“ Въ другой разъ такъ охарактеризовано политическое величіе Екатерининской монархіи: „Многіе въ нашемъ отечествѣ живучи, не чувствуютъ своего блаженства столько, сколько чувствовать должны. Здѣсь-то прямо видѣть можно, чтѣ мы есть, видя зависть, кипящую беспрестанно въ толпѣ иноплемennыхъ“.

Скоро мы видимъ его посреди должностныхъ занятій. „Консульскія (дѣла), рассказываетъ онъ, по маленьку идутъ, да идутъ: книги заведены, проѣзжающія и отъѣзжающія суда съ ихъ экипажами и манифестами вносятся безъ запусценія... Ссоры да ссоры судимы и разрѣшаемы безъ волокитства“ и проч. Съ хлопотами по должности являются уже и неприятели и затрудненія, необходимыя при разноплеменномъ и разнохарактерномъ населеніи края. „Издавна, пишетъ онъ, водворилось здѣсь своевольство всякой такой сволочи“ (т. е. безпаспортныхъ матросовъ), „чему больше всего виною здѣшнихъ судей правосудіе, состоящее въ удовлетвореніи, смотря по деньгамъ, и потому почти всякій день франки рѣжутъ турокъ, а турки—франковъ, а иногда и франки между собой рѣжутся, и всѣ откупаются, кто можетъ и хочетъ“. Или въ другомъ письмѣ: „Передъ моимъ сюда пріѣздомъ рагузейцы съ славянами перерѣзались: мщеніе за мщеніе, и наконецъ, сдѣлавшись война общею, славяне всѣ бросились—было къ рагузейскому консулу, въ домъ, который, по счастью, успѣлъ спастись въ домъ голландскаго консула, гдѣ высидѣлъ 2 недѣли карантину, пока все утихло, а то быть на ножахъ. Между моими такой генеральной баталіи кажется быть не уповательно: приказаніе дано строгое навсегда къ предупрежденію подобнаго“. По поводу одного разбоя, въ которомъ участвовалъ русскій подданный, Хемницеръ принялъ законныя мѣры взысканія; но между тѣмъ, русскаго безъ суда повѣсили, а прочіе трое, венеціанцы, по ваятіи съ нихъ выкупа, были освобождены. Нашъ консулъ немедленно донесъ о такомъ беззаконіи министерству. Онъ является энергическимъ заступникомъ русскіхъ интересовъ, отвращаетъ всякія несправедливости въ отношеніи къ православнымъ, заботится о построеніи греческой и русской церкви. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ пишетъ, что сначала турки пробовали поступать съ нимъ такъ-же нагло, какъ съ другими консулами, и хотѣли „сдѣлать его оброчнымъ крестьянникомъ“, но это имъ не удалось. „Теперь, прибавляетъ онъ, мой кади другимъ тономъ говорить. Когда нашего матроса вѣшать собирались, говорилъ драгоманамъ: приходите сюда съ карманами, набитыми венеціанскими цекинами; а теперь своимъ туркамъ говорить: читайте указы, отъ порты посланные о рус-

скихъ, и у васъ сердце выскочить. Нѣтъ, послѣ принужденія заставить ихъ подписать миръ на барабанѣ, не встаетъ было-бы умаливать ихъ... Теперь только и твердятъ, что Московъ, т. е. русскихъ, трогать не надобно... Такимъ образомъ имя российское защитой служить теперь и прочимъ". Кади, желая задобрить строгаго консула, прислалъ ему въ подарокъ ковры и платки, вышитыя женщинами, но получилъ ихъ обратно съ благодарностью, какъ бы за доставленіе случая подивиться прекрасной работѣ.

Читая въ письмахъ Хемницера эти извѣстія о его дѣятельности въ Смирнѣ, мы не узнаемъ того простодушнаго и разсѣяннаго чело-вѣка, какимъ его описываютъ намъ во время петербургской его жизни и заграничнаго путешествія. Такъ Львовъ рассказываетъ, что во время представленія Вольтерова „Танкреда“ въ Парижѣ, когда на сцену вышелъ знаменитый актеръ Леканъ (Lekain), Хемницеръ, сидя въ партерѣ, до того заблудился, что всталъ и низко поклонился, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе всего театра. „Высокій ростъ его, замѣчаетъ при этомъ Львовъ, мнѣ никогда не былъ такъ примѣтенъ“. На счетъ его наружности прибавлю, что, по семейному преданію Львовыхъ, онъ былъ очень дурень собою; въ доказательство тому служить сохранившійся у В. Н. Воейковой (дочери Львова) изящный попиртъ, на которомъ означенъ 1776 годъ, съ силуэтомъ Хемницера; передъ изображеніемъ пирамиды представлена группа амуровъ; двое изъ нихъ, держа въ рукахъ силуэтъ, подаютъ его другимъ, а эти, увидѣвъ образину, падаютъ отъ испуга.

Тонъ смирнскихъ писемъ показываетъ совершенную непринужденность въ сношеніяхъ обоихъ друзей: видно, что между ними смѣхъ, шутки, остроты были дѣломъ обыкновеннымъ. Иногда пріятели побуждаютъ другъ друга къ добру и благоразумію. Желаніе видѣть Львова всегда тѣмъ же заставляетъ Хемницера однажды сказать: „объ одномъ тебя прошу: Бога ради не теряй, если когда и въ высшемъ степени министра будешь, ту привѣтливость и развязность души, которую ты имѣешь. Тебѣ сказывать нечего, сколь полезно это для себя, а для людей пріятно. Куда какъ скверно быть буквою!“ Хемницеръ благодаритъ Львова за доставленіе его басенъ въ парижскую королевскую бібліотеку и за присылку медали на открытіе памятника Петру Великому. Вообще Львовъ является добрымъ гениемъ скромнаго баснописца, и въ письмахъ послѣдняго постоянно звучитъ струна чистосердечной и почтительной благодарности къ болѣе вліятельному, хотя и младшему другу. Его посредству Хемницеръ былъ обязанъ и вниманіемъ обоихъ высшихъ представителей министерства иностранныхъ дѣлъ; не разъ онъ радуется извѣстію, что донесенія и письма

его приняты благосклонно Безбородкой и Бакуниннымъ. Львовъ однажды сираживалъ его, зачѣмъ онъ въ письмахъ къ гр. Воронцову и къ другимъ высокопоставленнымъ лицамъ иногда не позволяетъ себѣ одной изъ тѣхъ забавныхъ шутокъ, въ которыхъ онъ считался мастеромъ. „Другъ мой, отвѣчалъ Хемницеръ: ты знаешь, что я только Я съ друзьями быть могу; а гдѣ не друзья мои, тамъ ужь отъ меня толку не жди: гдѣ каждое слово на вѣски класть надобно, тутъ, самъ ты знаешь, шутить неловко: да ничего и на умъ не припадетъ“. Въ другомъ письмѣ онъ такъ обрисовываетъ ту же сторону характера своего: „Несчастіе мое (если это несчастіемъ назвать можно), что я податься на знакомства никакъ не могу, если поводовъ къ заключенію дружбы не предвижу. А здѣсь (т.-е. въ Смирнѣ) головы, сердца и души—что говорить!“

Въ отношеніи къ различнымъ народностямъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло въ Смирнѣ, онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе туркамъ передъ греками и армянами: „Турокъ, по крайней мѣрѣ, что сказалъ, то и сдѣлалъ, разумѣется турокъ не франкизованный. Греки же сегодня придутъ тебѣ сказать то, а завтра другое: только безпрестанныя попытки, не удастся ли обмануть: когда увидятъ, что нѣтъ, ничего и не дѣлаютъ. Словомъ тебѣ сказать, что каждое ихъ дыханіе обманъ и весь воздухъ зараженъ обманомъ“. Съ такимъ же презрѣніемъ отзывается онъ о французахъ, которые въ Средиземномъ морѣ старались переманивать русскихъ матросовъ на свои суда. Неблагопріятное мнѣніе о французахъ не мѣшало однакожъ Хемницеру любить ихъ языкъ, который онъ кажется усвоилъ себѣ самоучкою, такъ же, какъ и итальянскій: на томъ и на другомъ въ письмахъ его попадаются цѣлыя тирады, написанныя довольно правильно, и въ одномъ мѣстѣ онъ выражаетъ свою радость, что путешествіе доставляетъ ему случай усовершенствоваться въ итальянскомъ языкѣ.

Между тѣмъ, житье въ Смирнѣ становилось ему все болѣе и болѣе невыносимо. Одиночество страшно тяготило его и онъ часто вспоминалъ, что писалъ ему Капнистъ, узнавъ о его намѣреніи ѣхать въ Смирну: „Да подумалъ ли ты хорошенько, что ты сдѣлалъ! Да ты-таки безъ друзей тамъ съ ума сойдешь!“ Нельзя безъ грустнаго чувства читать жалобъ Хемницера на свое положеніе: „Надобно вообразить, говорить онъ, каково скрыть въ себѣ самомъ все что думаешь: одинъ дома, одинъ внѣ дома, одинъ вездѣ“. Въ началѣ слѣдующаго года онъ пишетъ опять: „представь... когда изъ христіанской, т. е. нравственной земли, оставя друзей, родныхъ, отечество, вдругъ увидитъ себя человѣкъ посреди неизвѣстной ему земли, обитаемой, гово-

рять людьми, которыхъ не находить, одинъ безъ друга, безъ родного. Долженъ вступить въ новую и никогда ему извѣстной не бывшую перспективу должности и дѣлъ. Скажешь не разъ: гдѣ я? что я? скажите мнѣ, кто-нибудь! никто ни отвѣчаетъ. А если какой-нибудь голосъ гдѣ и отдастся, такъ этотъ голосъ таковой, отъ котораго больше съ дороги сбиться, нежели настоящій путь свой продолжать можно. Снести боль, когда она есть, не охнувъ ни разу, кажется, и ты не потребуешь, даромъ что ты на бумагѣ превеликій моралистъ-стойкъ“.

Послѣднее письмо писано Хемницеромъ 29 февраля, ровно за три недѣли передъ смертью его. Рассказывая о вынесенной имъ тяжелой болѣзни, онъ сознается, что жизнь смирнская ему не въ „сутернѣ“ (не въ терпезѣ) и что „кромѣ отечества и самаго Петербурга, для него нѣтъ спасенія. Представь себѣ, прибавляетъ онъ, только это одно положеніе для человѣка, который чувствуетъ и можетъ быть больше нежели бы хотѣлъ, что бы его безпрестаннымъ сего рода огнемъ не сожигало: проглотить все то, чего бы, въ разсужденіи нынѣшнихъ для Россіи радостныхъ дней, русской же душѣ сообщено было и каждый бы разъ новое въ твоей душѣ восхищеніе произвело и ее бы радовало, вмѣсто того зри и виждь: вотъ змии шипящія, а ты молчи: глотай, все глотай“...

Навонецъ онъ мечтаетъ объ отставкѣ, о пенсіи: „Вотъ тебѣ, другъ мой, что на душѣ у меня. Теперь потяну еще, пока сможется. Хлѣбъ мой насущный, я знаю, будетъ очень маленькими ломтинами рѣзаны, да была бы только душа сытѣе. Ну, полно. Прости“.

Таковы были послѣднія слова, посланныя имъ другу изъ добровольнаго, далекаго изгнанія: онъ умеръ 20 марта 1784 года.

Въ его ранней кончинѣ мы видимъ печальный примѣръ суетности человѣческихъ расчетовъ: онъ оставлялъ Россію съ мыслию обезпечить себѣ честнымъ образомъ безбѣдное состояніе. Онъ мечталъ, какъ будетъ употреблять нажитыя деньги на пользу общества, и такъ говорилъ: „если кто-нибудь захочетъ подрядить Хвостова*) писать пасквили на хорошихъ писателей, напр. на фонъ-Визина, я заплачу ему вдвое, чтобъ онъ этого не дѣлалъ“.

Замѣтка такого содержанія написана Хемницеромъ сперва по-французски, а потомъ переложена въ русскіе стихи. Довольно многочисленны автографы его представляютъ любопытное дополненіе къ его баснямъ. Мы можемъ прослѣдить здѣсь процессъ ихъ сочиненія. У Хем-

*) Александра Семеновича, написавшаго извѣстное «Посланіе творцу посланія» (фонъ-Визину). См. въ книгѣ князя Вяземскаго «фонъ-Визинъ», приложенія, стр. 330.

нищера водились записныя тетради, куда онъ постепенно вносилъ зараждавшіеся у него планы басенъ, излагая ихъ сначала прозою въ самой краткой формѣ. Многіе изъ такихъ плановъ въ послѣдствіи имъ выполнены, другіе остались только въ первоначальномъ видѣ. Далѣе онъ записывалъ то въ прозѣ, то въ стихахъ являвшіяся ему отдѣльныя мысли, отмѣчая при нихъ, что онѣ могутъ пригодиться для такой-то басни или сатиры. Иногда записывались мысли практическаго значенія, напр. слѣдующее:

„Главное правило въ сочиненіи. Нужнѣй всего, чтобы прежде нежели писать о чемъ-нибудь начнешь, расположеніе твое сдѣлано было хорошее. Расположеніе въ сочиненіи подобно первому начертанію живописной картины: если первое начертаніе лица дурно, то сколько бы живописецъ послѣ чертъ хорошихъ ни положилъ, лицо все будетъ не то, которому быть должно: стихи или частныя мысли сами собою сколь прекрасны ни будь, при худомъ расположеніи все будутъ дурны“.

Кромѣ указанныхъ уже стиховъ, противъ Алекс. Хвостова направлено нѣсколько рукописныхъ эпиграммъ Хемницера, обвиняющихъ его въ двоедушіи и въ томъ, что онъ сталъ бранить стихи Львова, когда не имѣлъ въ немъ болѣе надобности. Предметъ насмѣшекъ составляетъ также другой плохой писатель, Рубанъ, прославившійся своими стихами на памятникъ Петру Великому. Есть и другія эпиграммы, въ которыхъ мишенью служатъ особенно користолюбіе и вѣточничество.

Изъ остальныхъ неапечатанныхъ опытовъ Хемницера въ стихахъ нельзя умолчать о двухъ довольно обширныхъ сатирахъ, написанныхъ на худыхъ судей и на подъячихъ, предметъ, доставлявшій, какъ извѣстно, содержаніе для многихъ тогдашнихъ комедій и сатиръ между прочимъ Сумаровову. Сатиры Хемницера, къ сожалѣнію, вовсе не отдѣльны; это не болѣе какъ черновія редакціи, любознѣтны тѣмъ, что знакомятъ насъ съ приемами его при сочиненіи стиховъ. Къ тому же предмету, т.-е. къ нападкамъ на судей, относится одна изъ неизданныхъ басенъ его, или притча, которая по краткости своей можетъ быть здѣсь приведена какъ образчикъ:

Она оваглавлена Добрый Царь, и намекаетъ на учрежденія Елизаветы II:

«Какой-то царь, принявъ правленье,
Съ нимъ принявъ также попеченье
Счастливымъ сдѣлать свой народъ,
И первый шагъ его былъ тотъ,
Что сдѣлать новый онъ законъ и учрежденье,
Законамъ старымъ въ поправленье;

А чтобъ законъ исполненъ былъ,
 То старыхъ и судей онъ новыми смѣнилъ.
 Законы новме народу даны были,
 И переиѣна вся была бы хороша;
 Но скоро новме по старому судили,
 Повеже старая въ судьяхъ была душа;
 А это зло тотчасъ поправить
 Царь способу не находилъ,
 Но долженъ былъ
 То воспитанію и времени оставить».

Большая часть автографовъ Хемницера относятся къ баснямъ его. Вопросъ, почему онъ посвятилъ себя преимущественно баснѣ, разрѣшается очень просто, съ одной стороны, характеромъ его ума, наблюдательнаго, обогащеннаго опытами жизни, склоннаго къ положительнымъ выводамъ; а съ другой тѣмъ, что именно въ то время басня раздѣляла съ одой владычество въ мірѣ поэзій: благодаря блестящему успѣху Лафонтена и своей обманчивой легкости, басня пустила корни во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Впрочемъ, Хемницеръ сперва заплатилъ дань лирическому увлеченію эпохи, и въ то самое время, когда его ровесникъ Державинъ еще только настраивалъ свою громозвучную лиру, въ 1770 году, Хемницеръ напечаталъ оду на побѣду надъ турками при Журжѣ, слабое подражаніе Ломоносову, любопытное по недостаткамъ языка, надъ трудностями котораго авторъ впоследствии такъ мастерски восторжествовалъ. Это тѣмъ болѣе удивительно въ Хемницерѣ, что онъ въ семействѣ своемъ съ дѣтства могъ слышать только нѣмецкій языкъ. Между тѣмъ одно изъ главныхъ достоинствъ его басенъ составляетъ именно языкъ, поразительный по своей четотѣ и народному складу. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи военная служба Хемницера, сблизившая его съ народомъ, а потомъ общество литераторовъ, друзей его, имѣли рѣшительное на него вліяніе. Очарованный образцами художественной басни у Лафонтена и Геллерта, онъ первый въ русской литературѣ понялъ, какое существенное значеніе въ этомъ родѣ поэзій принадлежитъ простотѣ и естественности разсказа. Надобно вспомнить, что онъ съ своими баснями въ первый разъ (1779 г.) выступилъ за цѣлое десятилѣтіе до извѣстности Карамзина и когда еще не было ни Душеньки Богдановича, ни Недоросля фонъ-Визина. Было бы слишкомъ много требовать, чтобы Хемницеръ, побѣдивъ трудности языка, въ то же время достигъ совершенства въ механизмѣ стиха. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ риму онъ облегчилъ себѣ трудъ стихосложенія тѣмъ, что большую часть стиховъ заканчивалъ глаголами. За то у него нигдѣ не видно ни жалѣйшей натяжки: теченіе рѣчи совершенно

естественно; стихъ ложится подъ перомъ его непринужденно, не подвываясь искусственной передѣлкѣ. Однообразіе наглагольныхъ риѣмъ, вотъ главный упрекъ, какого заслуживаетъ Хемницеръ со стороны стихотворной формы. Но онъ уже понимаетъ важность народности, и не только выражается народнымъ языкомъ, но любитъ употреблять поговорки и пословицы.

Надобно согласиться, что въ отношеніи къ народности Хемницеръ не могъ остаться безъ вліянія на Крылова, который уже нашель у него готовый, хотя еще и несовершенный типъ настоящей русской басни, нашель отдѣльныя черты того, чему самъ умѣлъ впоследствии дать такое полное развитіе. Отсюда понятно, почему дѣтъ 30 тому назадъ басни Хемницера попали въ число книгъ, развозимыхъ по ярмаркамъ, и сдѣлались предметомъ спекуляціи для досужныхъ издателей.

Что касается до содержанія басенъ Хемницера, то прежде всего надобно раздѣлить ихъ на переводныя и оригинальныя. Изъ 91 басни его 5 басенъ переведено имъ изъ Лафонтена, 18 изъ Геллерта, и по одной изъ Вольтера, Дорá и Ножана, всего 26, положимъ даже около 30 басенъ переводныхъ. Остальныя 60, слѣдовательно $2\frac{1}{2}$ всего количества, оригинальныя. Переводы его вообще довольно близки къ подлинникамъ: правда, онъ не всегда дорезаетъ подробностями, жертвуя ими для чистоты рѣчи и легкости стиха; но въ общемъ ходѣ разсказа онъ строго держится подлинника. Въ оригинальныхъ басняхъ Хемницера есть конечно много соотношеній съ современностью; но если уже и въ басняхъ Крылова часто потерянь ключъ для разъясненія связи ихъ съ дѣйствительностью, то тѣмъ менѣе возможно разгадать тайный смыслъ Хемницеровыхъ. Мѣстами однакожъ можно подмѣтить и въ нихъ намеки на современныя обстоятельства и лица. Такъ въ притчѣ Лжець говорится:

«Въ то время самое, какъ опыты здѣсь были,
Что могутъ ли въ огнѣ алмазы устоять,
Въ бесѣдѣ нѣважой объ этомъ говорили».

Эти слова относятся вѣроятно къ пребыванію въ Петербургѣ Каліостро въ 1779 г. *), незадолго до изданія 1-й книги басенъ Хемницера. Таковъ же смыслъ заключенія басни Хитрецъ, переведенной изъ Геллерта:

Вотъ я у насъ такого зналъ,
Который о себѣ въ народѣ наставлялъ,
Что можетъ видѣться съ духами,
Всѣмъ ихъ показывать и съ ними говорить,

*) Замѣчаніе М. Н. Лонгинова.

Болезни всё гнать
Одними порошками.

И собирались тожь къ нему смотрѣть духовъ,
И порошки его въ болѣзняхъ принимали;
Однакоже духовъ, какъ слышно, не видали,
А отъ чудесныхъ порошковъ
Скорѣ нежели отъ прочихъ умирали.

Въ концѣ басень Хемницера, начиная съ самаго перваго ихъ изданія, печатались двѣ подъ общимъ заглавіемъ „Чужія басни“. Всѣ повѣрили, что онѣ написаны не имъ, а одинъ изъ поддѣйшихъ издателей, Сахаровъ, даже исключилъ ихъ поэтому изъ собранія басень Хемницера. Мы напротивъ убѣждены, что онѣ названы чужими только потому, что ихъ прииѣненіе было слишкомъ ясно для современниковъ и что авторъ хотѣлъ отклонить отъ себя всякую въ томъ отвѣтственность. Въ первоначальномъ изданіи онѣ показаны „чужими“ только въ оглавленіи, а не въ текстѣ, да и по своему складу и языку обѣ ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ басень собранія. Смыслъ одной изъ этихъ „чужихъ“ басень не подлежитъ сомнѣнію: подъ мартышкою, обойденною при производствѣ, и оберъшутюмъ, упомянутымъ въ послѣднемъ стихѣ, надобно разумѣть Д. А. Нарышкина. Не такъ ясенъ смыслъ, скрывающійся въ другой баснѣ: „Львиный указъ“, заимствованной изъ Лафонтена и рассказывающей про зайца, который, при ссылкѣ всѣхъ рогатыхъ изъ львиного царства, счелъ нужнымъ также удалиться, опасаясь чтобы его ушей не приняли за рога. Въ числѣ остальныхъ басень есть нѣсколько такихъ, въ которыхъ замѣтна полемическая подкладка: такова особенно басня Черви, направленная противъ плохихъ писателей, раздраженныхъ извѣстною сатирою Капниста и вооружившихся противъ него за это нападеніе.

Прекраснымъ садомъ кто-то шелъ,
И въ немъ гнѣздо червей нашелъ;
А черви гадина такая, .
Въ саду, какъ язва моровая.
Какъ недруговъ такихъ
Найти и не напасть на нихъ?
Не вытерпимъ никакъ, чтобъ саду не вредили.
И тотъ, кто по саду ходилъ,
Взявъ палку, ихъ гнѣздо разрылъ.
Лишь только ихъ разворошши,
Всей кучею они на палку поползли,
Какъ будто бы войной противъ нея пошли.
На палку куча наступала,
А палка между тѣмъ все кучу разрывала.
Сатирою тронъ дурныхъ писцовъ,
Не оберешься бранныхъ словъ.

Въ подтвержденіе нашей мысли служить то, что эта басня первоначально была напечатана въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ 1780 года (сент.), гдѣ, нѣсколько ранѣе, появилась и сатира Капниста. Неудивительно, что выраженные въ этой послѣдней мысли иногда отражаются въ басняхъ Хемницера. Капнистъ говоритъ наприимѣръ:

... «тотъ, честенъ, такъ глупецъ;
Другой уменъ, такъ глупъ, ханжа, обманщикъ, льстецъ».

или:

«Но сколько тягостно быть честнымъ, каждый знаетъ».

Эта мысль послужила Хемницеру темой для двухъ басенъ. Вотъ одна изъ нихъ, озаглавленная „Гадатель“:

«Дѣтина молодой хотѣла узнать впередъ,
Счастливо-ль онъ или нѣтъ
На свѣтѣ проживеть,
О чемъ не рѣдко размышляетъ
И любопытствуетъ узнать.
И для того велѣлъ гадателя призвать.
И что съ нимъ случится? его онъ вопрошаетъ.
Гадатель былъ старикъ, людей и свѣтъ онъ зналъ.
Дѣтинѣ этому печально отвѣчалъ:
«Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ и уменъ».

Но большая часть мыслей, положенныхъ въ основу басенъ Хемницера, несомнѣнно выработаны имъ самостоятельно, среди тяжелыхъ опытовъ жизни, доставившихъ ему глубокое пониманіе людей и свѣта. Подъ самой простой, невидной оболочкой мы иногда встрѣчаемъ у него важныя истины, относящіяся не только къ судьбѣ частнаго человѣка, но и къ общественному или государственному быту. Таковы басни: „Привязанная собака“, „Волчье разсужденіе“, „Лѣстница“, „Лѣвивые и ретивые кони“.

Современники оцѣнили талантъ Хемницера. Изъ рукописныхъ замѣтокъ его мы узнаемъ, что уже и 1-е изданіе его басенъ, напечатанное безъ имени автора, нашло въ публикѣ хорошій приѣмъ. Это подтверждается и тѣмъ, что уже черезъ три года понадобилось 2-е ихъ изданіе; оно было умножено цѣлою книгою новыхъ басенъ, которыя онъ едва ли бы написалъ, еслибъ не встрѣтилъ одобренія въ обществѣ. Послѣ смерти Хемницера, въ бумагахъ его нашлось еще собраніе неизданныхъ басенъ; вмѣстѣ съ прежними онѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, были роскошно напечатаны въ 1799 г. по распоряженію друзей его. Изданіе это украшено виньетами работы Оленина и силуэтомъ автора, вѣроятно сдѣланнымъ первою женой Державина. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ, изданія басенъ Хемницера быстро слѣдовали одно за другимъ.

Но въ 50-хъ годахъ они мало по-малу прекращаются, и нынѣ мы тщетно стали бы искать его басенъ въ книжной торговлѣ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности намѣрено восполнить этотъ недостатокъ новымъ изданіемъ ихъ съ извлеченіями изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи рукописей. Хемницеръ достоинъ жить въ памяти потомства уже и однѣми своими баснями; но мы позволяемъ себѣ думать, что онъ приобрѣтаетъ на это еще болѣе права теперь, когда образъ его, какъ человѣка и писателя, яснѣе и полнѣе прежняго восстанавливается передъ нами изъ подлинныхъ его бумагъ и заgrabной переписки. Онъ является тутъ лицомъ замѣчательнымъ и по необыкновеннымъ обстоятельствамъ своей жизни, и по высокой чело-вѣчности, и по горячей любви къ Россіи. Все это въ немъ тѣмъ поразительнѣе, что при полученномъ имъ въ молодости недостаточномъ воспитаніи онъ позднѣйшимъ развитіемъ своимъ былъ обязанъ, какъ и многіе знаменитые дѣятели той эпохи, самому себѣ. Съ отбѣнкомъ спеціальнаго образованія Хемницеръ, въ тѣ годы, когда другіе лишь начинаютъ учиться, поступаетъ въ армію рядовымъ и отправляется въ походъ за границу; послѣ того, 30-ти лѣтъ отъ роду, онъ вдругъ становится ученымъ дѣятелемъ горнаго вѣдомства и издателемъ минералогическихъ трудовъ. Затѣмъ, напечатать собраніе басенъ, онъ печально умираетъ въ другой части свѣта, но оставляетъ по себѣ почетное имя въ исторіи русской литературы. Ясно сознавая глубокія язвы современнаго общества, онъ обличаетъ ихъ мѣткимъ, хотя и аллегорическимъ словомъ; но ни это горькое сознаніе, ни иностранное происхожденіе не мѣшаютъ ему быть преданнымъ и благодарнымъ сыномъ своего отечества. Можно по всей справедливости назвать Хемницера однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ писателей Екатерининскаго вѣка. Къ чести его повторимъ эпитафію, написанную имъ самому себѣ:

«Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился
И умеръ голъ, какъ голъ родился».

Я. К. Гротъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

1754 — 1801.

I.

Высочайшія повелѣнія и указы с.-петербургскимъ военнымъ губернаторамъ.

1797—1801.

На страницахъ «Русской Старины» напечатано довольно много повелѣній, приказовъ и указовъ императора Павла I-го. Таковы: приказы его, отданные при народѣ в. к. Александру Павловичу въ первые три дня царствованія Павла, 7, 8 и 9 ноября 1796 г. («Р. Ст.» 1870 г., т. I, стр. 30, изд. пера., втор.—417); Указы и распоряженія 1796—1798 гг. («Русск. Стар.» 1870 г. т. II, стр. 515); Распоряженія императора Павла объ улучшеніи русскаго слога 1796 г. и высочайшее повелѣніе объ изыятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими, 1798 г. («Русск. Стар.», 1870 г. т. II-й, стр. 531); Указы и распоряженія, состоявшіеся въ 1796—1800 гг. («Рус. Стар.» 1871 г., т. III, стр. 628).

Нынѣ къ наданному нами присоединяемъ довольно большое собраніе высочайшихъ повелѣній, за то же время, данныхъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторамъ, въ 1797—1801 гг., сначала графу Буксгевдену, а потомъ барону, съ 1799 г.—графу фонъ-дёръ-Палену.

Это собраніе—весьма важное для исторіи царствованія Павла—сообщено намъ покойнымъ членомъ государственнаго совѣта Павломъ Александровичемъ Мухановымъ въ спискѣ, по свидѣтельству покойнаго, съ дипломатическою точностью имъ снятаго еще въ царствованіе императора Александра I-го съ подлинниковъ, хранившихся въ одномъ изъ петербургскихъ архивовъ. Повелѣнія и указы с.-петербургскимъ военнымъ губернаторамъ, какъ объясняютъ въ примѣчаніи къ своему списку П. А. Мухановъ,—писаны частью на грубой почтовой бумагѣ, въ четвертку, частью на сѣрыхъ большихъ листахъ, есть даже на доскуткахъ. Большая часть ихъ писаны рукою приближенныхъ къ императору Павлу особъ, между прочими Ѳ. В. Ростовчанинъ, Обольяниновъ, нѣкоторые-же дѣлкомъ написаны рукою государя, но положительно всѣ подписаны собственною рукою Павла I-го. Семь изъ его повелѣній на нѣмецкомъ языкѣ; помещаемъ ихъ въ переводѣ Л. А. Т. и въ подлинникѣ.

Въ виду особой важности и интереса настоящихъ документовъ мы нашли необходимымъ обставить ихъ возможно полными примѣчаніями. Трудъ этотъ исполненъ М. Д. Хмировымъ.

Ред.

1797.

I.

Господинъ генераль-лейтенантъ графъ Буксгевденъ *). Прошение бывшего 3-го чугуевскаго казацкаго полку подполковника Сазонова **) возвратите ему надбранное, а самого его отошлите въ военную коллегію для опредѣленія куда слѣдуетъ. Равномѣрно ежели есть въ С.-Петербургѣ и другіе ему подобныя шатающіеся безъ мѣстъ офицеры, то, по сношенію съ военною коллегіею, выпроводите ихъ изъ города

*) Буксгевденъ, Федоръ Федоровичъ, впоследствии графъ, потомокъ бременскихъ крестоносцевъ, род. въ Лифляндіи, 3 сентября 1750 г.; воспитывался въ артил. и ниж. кадет. корп. (нынѣ 2-я воен. гимн.) съ 1764 г., и кадетомъ участвовалъ въ первой турецкой войнѣ; пожалованъ ниж.-прапорщ. 1770; орденомъ св. Георгія 4 класса, подъ Бранловемъ, 1771 г.; назначенъ адъютантомъ къ кн. Григ. Григ. Орлову, въ 1772 г., и съ нимъ ѣздилъ за границу; въ чинѣ полковника, сдѣланъ флиг.-адъют. имп. Екатерины II, 1787 г.; командуя, въ чинѣ бригадира, кексгольмск. грен. полкомъ (нынѣ имп. австрійскаго), отличился противъ шведовъ, при Роченсалмѣ, 13 авг., за что получилъ Георгія 3 кл. и чинъ ген.-майора, въ 1789 г.; пожалованъ аннинскою лентой, 1790 г.; участвуя въ кампаніи польской, подъ начальствомъ Суворова, назначенъ отъ него командантомъ усмирненной Варшавы, получилъ золотую шагу и орденъ Владимира 2 класса, въ 1794 г.; вскорѣ за симиъ возведенъ въ графское прусскаго королевства достоинство и сдѣланъ командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; пожалованъ ген.-поручик. и шефомъ кексгольскаго полка, 12 ноября 1796 г.; получилъ alexандровскую ленту, 15 февраля, возведенъ въ графское руссійской имперіи достоинство, 5 апрѣля, и назначенъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, 17 іюня 1797 г.; уволенъ отъ службы, съ правомъ, за участіе въ 67-ми сраженіяхъ, носить военный мундиръ, 2 сентября 1798 г.; призванный изъ Германіи имп. Александромъ I, назначенъ предсѣдателемъ комитета уравненія городскихъ повинностей по С.-Петербургу, въ январѣ 1802 г.; пожалованъ въ генералы-отъ-инфантерій, 31 марта, и назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу, 21 сентября 1803 года; командовалъ съ отличіемъ лѣвымъ крыломъ русскои арміи подъ Аустерлицемъ, 20 ноября 1806 г.; получилъ орденъ св. Владимира 1 класса, 24 февраля 1806 г.; св. Андрея нервованнаго. 30 августа 1807 года; назначенный главнокомандующимъ противъ шведовъ, взялъ Свеаборгъ, завоевалъ всю Финляндію, награжденъ алмазными знаками ордена св. Андрея и георгіевскои звѣзды 2 класса, въ 1808 г.; удалившись отъ службы, въ 1809 г., ум. въ своемъ замкѣ Лоде, 23 августа 1811 г.—Былъ женатъ на Наталіи Александровнѣ Алексѣевой, побочной дочери импер. Екатерины II и кн. Григ. Григ. Орлова, отъ брака съ которой оставилъ двухъ сыновей и трехъ дочерей. Потомство его существуетъ и теперь. М. X.

**) Объ этомъ Сазоновѣ мы нашли слѣдующій высочайшій приказъ имп. Павла, отъ 29 ноября 1800 г.: «отставленный изъ чугуевскаго полку подполковникъ Сазоновъ принимается въ службу и опредѣляется въ тотъ же полкъ».

М. X.

куда кто изъ нихъ назначенъ, дабы они праздно не проживали. Пробываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Въ Павловскѣ, 28-го іюня 1797 г.

Помѣты вверху: «№ 1, № 29-й. Получено 29 іюня 1797. Къ исполненію»; на оборотѣ: «по сему писано полицеймейстеру Муравьеву 29 іюня № 37 и въ государственную военную коллегію того-жъ числа № 38».

II

Господинъ генералъ-лейтенантъ графъ Буксгевденъ. Когда прїѣдетъ въ Петербургъ или губернію *) выключенный изъ службы коллежничъ Моцонковъ (Моцонловъ ?) и будетъ жить въ домѣ ли тещи своего статскаго совѣтника Галопица, или въ другомъ какомъ мѣстѣ, повелѣваемъ вамъ имѣть за поведениемъ его наблюденіе. Пробываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Въ Петергофѣ, 2-го іюля 1797 г.

Помѣты вверху: «№ 60-й; № 3. Къ исполненію». На оборотѣ помѣта: «По сему писано губернатору Алексѣеву 5 іюля № 65 и полицеймейстеру Муравьеву того-жъ числа № 66».

III

Господинъ генералъ-лейтенантъ и с.-петербургскій военный губернаторъ, графъ Буксгевденъ. Исключеннаго изъ службы Гарновскаго**)

*) Слова: «или губернію» приписаны между строкъ рукою государя. П. М.

**) Гарновскій, военный совѣтникъ (5-го класса), внукъ часовщика Гарнова, известнаго въ московской нѣмецкой слободѣ при Петрѣ II. Всѣмъ обязаный князю Потемкину, Гарновскій завѣдывалъ всѣми хозяйственными дѣлами «великолѣпнаго князя Тавриды» и когда, въ 1777 г., явилась въ Петербургѣ графиня Кингстонъ, известная авантюристка, онъ втерся къ ней въ добродѣтельность и управлялъ имѣніемъ, купленнымъ ею на Невѣ. Съ 1783 года ему же, вмѣстѣ съ архитекторомъ Старовымъ, поручена постройка, для князя Потемкина, такъ-называвшагося конногвардейскаго дома, нинѣшняго таврическаго дворца. При перепродажѣ этого дома въ казну, въ 1789 г., Потемкинъ, между прочимъ, писалъ къ Безбородко: «Много меня обрадуете, если домъ мой съ рукъ у меня сойдетъ, ибо, не живши въ немъ, убытку довольно; цѣну, во что стаятъ, возьмите у Гарновскаго». Въ 1790 г., Гарновскій сталъ воздвигать величавый домъ себѣ, одновременно и рядомъ съ Державиннымъ, которому, протюла законныя вѣрны вышки, загородилъ свѣтъ, на что Державинъ жаловался конціи, и главное — написалъ оду, второму сосѣду, напечатанную впервые въ 1806 г. Многие стихи этой оды относятся прямо къ Гарновскому. Намр. стихами:

И около, презраннымъ взглядомъ
Мое строеніе слегка
Съ своимъ обозрѣвая рядомъ—

прикажите посадить подъ караулъ въ первой караулнѣ и потомъ отошлите къ генераль-прокурору для отдачи подъ судъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Въ Петергофѣ, 16-го іюля 1797 г.

Помѣты: «Получено іюля 16 числа». «Къ исполненію», «№ 1»; на оборотѣ: «По сему писано генераль-маіору барону Аракчееву 18 числа, № 217; того-жъ числа къ князю Курakinу № 218».

IV.

Гатчино, 21-го сентября 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ графъ Буксгевденъ. Препровождаю присемъ къ вамъ для изслѣдованія, по донесенію генерала отъ артиллеріи Меллисино *), рапорты, о происшедшей дракѣ на пушечномъ дворѣ. Пребываю вамъ благосклонный. Павелъ.

Помѣты: «Получено 22 сентября. № 643-й, № 4»; на оборотѣ: «По сему писано генералу Меллисино, сентября 22 числа, № 788. Оберъ-полицеймейстеру Муравьеву того-жъ числа № 797 и — его императорскому величеству — 26-го сентября».

Державинъ указываетъ понятную гордость выскочки, чувствующаго превосходство своего строевія, нажитаго нечисто, передъ сосѣднимъ. Въ стихахъ:

Быть можетъ, что сіи чертоги,
Назначенныхъ тобой царямъ —

открывается намѣреніе Гарновскаго: сбить, со временемъ, свой домъ которому-нибудь изъ членовъ царской фамиліи. Стихи:

И, ахъ! сокровища Тавриды
На баргахъ свозилъ въ пирамиды

Средь полицейскихъ ссоръ!

объясняются поступкомъ Гарновскаго, который, по смерти своего благодѣтеля, началъ было перевозить изъ таврическаго дворца къ себѣ картины, мебель, даже строевые матеріалы, но остановленъ вмѣшательствомъ наследниковъ кн. Потемкина, особенно однимъ изъ нихъ, ген.-прокуроромъ графомъ Самойловымъ. Между тѣмъ, Гарновскій наслѣдовалъ, по завѣщанію, значительное имущество графини Кингстонъ, но не надолго. Съ водареніемъ имп. Павла, случай Гарновскаго кончился, огромные подряды на армію, переходившіе чрезъ его руки, прекратились, на немъ самомъ оказались громадныя начеты, все его имущество пошло съ молотка и домъ, сосѣдній дому Державина, купила князя, обратившая его въ конно-гвардейскія конюшни, такъ что 4-я строфа оди «второму сосѣду» — можетъ считаться буквально пророческою. Домъ Гарновскаго, у нзмайловскаго моста, и теперь носитъ названіе своего хозяина, который, будучи вовлеченъ въ тяжбу съ наследниками графини Кингстонъ, кончалъ новыя неудачи, и освобожденный изъ крѣпости, заключенъ вскорѣ въ городскую тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Слѣдственно, и 5-я строфа оди «второму сосѣду» — оправдалась фактически.

М. X.

*) Меллисино, Петръ Ивановичъ, генералъ отъ артиллеріи, сынъ лекаря, выѣхавшаго въ Россію изъ Венеціи при Петрѣ I, и бывшаго потомъ, при

V.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и с.-петербургскій военный губернаторъ, графъ Буксгевденъ. По содержанію приложеннаго при семъ прошенія с.-петербургскаго троицкаго собора священника Стефанова, желающаго, по дозволенію митрополита здѣшняго, построятъ на порожнемъ близъ того собора мѣстѣ, по плану отъ полиціи ему данному, домъ, повелѣваемъ снабдить его данною, утверждающею означенное мѣсто въ потомственное его владѣніе. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Въ Гатчинѣ, 18-го октября 1797 года.

Помѣты: «№ 901; № 6. Получено 19 октября. Къ исполненію. Писано». На оборотѣ листка: «По сему писано въ полицію октября, 19 дня № 1126».

1798.

VI.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и с.-петербургскій военный губернаторъ, графъ Буксгевденъ. Содержащагося въ полиціи за долги престарѣлаго закройщика Мейера прикажите тотчасъ освободить хотя на мою поруку, объявивъ ему, что дѣло его о домѣ, отданномъ несравненно въ меньшей суммѣ, нежели въ какую онъ оцѣненъ, и то одному только кредитору, когда двадцать два человекъ другихъ займодавцовъ оставлены безъ удовлетворенія, я повелѣлъ сенату рассмотреть безъ очереди. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный.

Павелъ.

Въ Павловскомъ, 27-го апрѣля 1798 года.

Помѣты: «№ 240.— Получено 28 апрѣля 1798 года, № 1350».

Аннѣ Ивановнѣ, вице-президентомъ медицинской коллегии. Воспитывался въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ (потомъ 1-й кадетскій, нынѣ первое павловское военное училище), съ 12 марта 1740; выпущенъ подпоручикомъ, съ оставленіемъ при корпусѣ, 7 сентября 1750; произведенъ въ генералъ-поручика, 12 августа 1782 г.; назначенъ директоромъ артил. и инженер. кадетскаго корпуса (нынѣ 2-я военная гимназія), въ началѣ 1783; по воцареніи имп. Павла, произведенъ въ генералъ-аншефа съ оставленіемъ и директоромъ корпуса, 11 ноября, при чемъ назначенъ командовать и всею артиллеріею «безъ названія фельдцейхмейстеромъ» 6 декабря, 1796; украшенный орденомъ св. Андрея, 5 апрѣля, ум. 26 декабря того же 1797 г. Участвуя въ кадетскихъ представленіяхъ трагедій А. П. Сумарокова, и въ корпусѣ и во дворцѣ имп. Елизаветы, Мелиссыно былъ однимъ изъ главныхъ образователей русскаго театра.

М. Ж.

VII.

Нашему генералу отъ кавалеріи и санктпетербургскому военному губернатору, барону фонъ-деръ Палену *). Всемилоствѣйше пожаловать въ вѣчное и потомственное владѣніе нашему тайному совѣтнику и генералу-прокурору Лопухину**) купленный въ казну нашу

*) Паленъ, фонъ-деръ, баронъ, потомъ графъ, Петръ Алексѣевичъ (Петръ-Лудвигъ) членъ остзейской фамиліи стариннаго померанскаго происхожденія. Род. 17 іюня 1745; вступивъ въ военную службу, находился отъ бомбардиръ-сержантомъ, при переворотѣ 1762 г.; достигнувъ чина генераль-маіора, отличился въ войнѣ противъ шведовъ, за которую получилъ орденъ св. Георгія 3 класса 14 апрѣля 1789 г., аннинскую ленту—6 іюля, и орденъ св. Владимира 2 класса—8 сентября 1790 г.; въ чинѣ генераль-поручика, по протекціи фаворита Зубова, назначенный генераль-губернаторомъ курляндскимъ, пожалованъ александровской лентой, 21 апрѣля 1795 г.; вскорѣ по воцареніи имп. Павла, именно 9 января 1797 г., получилъ повелѣніе: «сдавъ губернію, отправиться немедленно въ мѣсто, по росписанію арміи, ему назначенное», а 26 февраля того же года состоялся о немъ высочайшій приказъ такого содержания: «генераль-лейтенантъ фонъ-деръ-Паленъ, за почести и встрѣчи, дѣлаемые партикулярнымъ людямъ, какъ-то при проѣздѣ князя Зубова, и за отлучку безъ увольненія въ Митаву для провожанія его же, выключается изъ службы»; привятой, послѣ годовой отставки, снова въ службу, онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи 31 марта, назначенъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ 28 іюля, и пожалованъ орденомъ св. Андрея первозваннаго, 7 ноября 1798 г.; получилъ графское достоинство Россійской Имперіи, 22 февраля 1799 г.; при сформированіи двухъ армій, назначенъ начальникомъ первой, въ Литвѣ, 14 августа, а по распредѣленіи вновь инспекцій, опредѣленъ начальствовать инспекціями: финляндской, с.-петербургской, лифляндской, литовской и смоленской, съ возвращеніемъ ему званія с.-петербургскаго военнаго губернатора, 13 ноября 1800 г.; принималъ главное участіе въ событіи 11 марта и уволенъ отъ службы, 1 апрѣля 1801 г.; ум. 13 февраля 1826 г. Въмѣстѣ съ званіемъ с.-петербургскаго военнаго губернатора, носилъ и два другія: первоприсутствующаго въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и главнаго директора почтъ. Отъ брака съ Юліаной Ивановной Шепингъ, оставилъ трехъ дочерей и пятерыхъ сыновей, изъ которыхъ извѣстнѣе прочіихъ графъ Петръ Петровичъ, генераль-инспекторъ всей кавалеріи и кавалеръ всѣхъ руссійскихъ орденовъ, ум. 19 апрѣля 1864 г., на 86 году жизни и 72-мъ службѣ. М. К.

**) Лопухинъ, Петръ Васильевичъ, впоследствии князь, род. въ 1753 г., отъ брака маіора Василя Алексѣевича Лопухина съ дѣвицей Хоненовой, и записанный капраломъ въ Преображенскій полкъ, съ 1760, послѣдовательно, оставаясь въ домѣ родительскомъ, получалъ званія: фурьера, въ 1763 г.; капитанармуса, въ 1764 г.; сержанта, въ 1765 г., а съ производствомъ въ прапорщики, явился на дѣйствительную службу, въ 1769. Производство его двигалось успѣшно: въ 1775 г. онъ былъ уже капитанъ-поручикомъ, въ 1777 г. пожалованъ полковникомъ, «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ»; сдѣланъ генераль-губернаторомъ ярославскимъ и вологодскимъ, въ 1793 г. Воцарившійся

домъ вице-адмирала Рибаса, состоящій въ С.-Петербургѣ, въ первой адмиралтейской части однимъ фасомъ въ Милліонную, а другимъ на набережную, повелѣваемъ вамъ предписать куда слѣдуетъ объ отдачѣ ему онаго. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонный. Павелъ.

Въ Гатчинѣ, августа 20 дня 1798 года.

Помѣты: «№ 2-й»; на оборотѣ: «августа 22 и писано того-жъ».

VIII.

Господинъ генераль отъ кавалеріи, баронъ фонъ-деръ Паленъ. Призовите къ себѣ князя Михаила Любомирскаго*) и объявите ему именемъ монмъ, чтобъ онъ велъ себя смирно и кротко, а что въ противномъ случаѣ навлечетъ онъ себѣ большія неприятности. По исполненіи же сего, скажите ему, чтобъ онъ выѣхалъ въ 24 часа изъ Петербурга и придавъ ему фельдъегеря, отправьте его въ Дубно на пребываніе. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный. Павелъ.

Въ Гатчинѣ, 27-го августа 1798 года.

Помѣты: «№ 3-й»; на оборотѣ: «Полученъ 27 августа». Повелѣніе писано рукою Ѳ. В. Ростопчина. П. М.

ся имп. Павелъ, переименовавъ Лопухина тайнымъ совѣтникомъ, повелѣлъ ему присутствовать въ сенатѣ и далъ александровскую ленту, 17 декабря 1796 г.; назначилъ его генераль-прокуроромъ и украсилъ андреевской лентой, 7 ноября 1798 г.; возвелъ въ княжеское достоинство российской имперіи, 19 января, пожаловалъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, 12-го, и титуломъ свѣтлости, 22 февраля, къ чему присоединилъ староство Корсунь, въ Богуславскомъ уѣздѣ Киевской губерніи, наконецъ, право употреблять на лиреѣ придворные цвѣта, 11 марта 1799. Въ томъ же году, 7 іюля, князь Лопухинъ, по собственному прошенію, уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ. Однако императоръ Александръ I повелѣлъ ему снова присутствовать въ государственномъ совѣтѣ; въ 1816 г. Лопухинъ наименованъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, Нося эти званія, князь Лопухинъ ум. 6 апрѣля 1827 года. Тѣло его погребено въ родовомъ селѣ, Порховскаго уѣзда, Псковской губерніи. Отъ двухъ браковъ, съ Прасковьей Иваловою Левшиной и Екатериной Николаевной Шетневою, князь П. В. Лопухинъ имѣлъ шесть дочерей (объ известнѣйшей изъ нихъ, княгинѣ Аннѣ Петровнѣ Гагариной. см. ниже прим.) и сына, оставшагося бездѣтнымъ. Генераль-прокурорство князя П. В. Лопухина ознаменовано замѣчательнымъ узаконеніемъ, 19 ноября 1798 г., объ изъясненіи отъ тѣлеснаго наказанія людей, имѣющихъ болѣе 70-ти лѣтъ. Въ «Запискахъ» княгини Екат. Ром. Дашковой, князь Лопухинъ изображенъ человекомъ «фальшивымъ, скрытнымъ, мстительнымъ». Известно, что онъ не ладилъ съ графомъ Кутайсовымъ и дружилъ графу Аракчееву. Девизомъ его, на гербѣ, было: Благодаръ. М. X.

*) Любомирскій, князь Михаилъ Станиславичъ, польскій генераль-лейтенантъ, выключенный изъ русской службы имп. Павломъ. — Отъ брака съ Магдалиной Рачинской, онъ имѣлъ, кромѣ дочери, двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій, князь Іосифъ Михайловичъ, былъ русскимъ тайнымъ совѣтникомъ. М. X.

IX.

Баронъ Петръ Алексѣвичъ! Посовѣтуйте бывшему оберъ-гофмейстеру, графу Румянцову *), чтобъ онъ не заживаясь въ Санктпетербургѣ, поѣхалъ въ другое какое мѣсто. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный

Павель.

Въ Гатчинѣ, 17-го сентября 1798.

Помѣта: «№ 4-й». На оборотѣ: «Донесено 19».

X.

Господинъ генераль отъ кавалеріи, баронъ фонъ-дербъ-Паленъ. Еслибъ повелѣнія мои на границѣ данныя незастали ѣдущаго сюда

*) Румянцовъ, графъ Николай Петровичъ, старшій изъ трехъ сыновей графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, отъ брака съ княжною Екатериной Михайловной Голицыной. Родился въ 1756 году; записанъ сержантомъ въ артиллерію въ мартѣ 1762 г.; произведенъ въ прапорщики севенского полка въ 1770 г.; поѣхалъ учиться за границу въ 1774 г.; пожалованъ камергеромъ, 5 мая 1779 г., и вскорѣ же отправленъ полномочнымъ министромъ къ германскому сейму, во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ получены имъ: владимірская звѣзда 2 класса, въ 1784 г., и чинъ тайнаго совѣтника, 1 января 1791 г.; за сопровожденіе братьевъ Людовика XVI въ Кобленцъ, награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, 24 ноября 1792 г.; назначенъ полномочнымъ, при дворѣ изгнанниковъ Бурбоновъ, въ Митавѣ, въ 1793 г.; вынужденный кознями завистниковъ, оставилъ посольскую дѣятельность,— 24 іюня 1795 года; воцарившимся императоромъ Павломъ призванъ ко двору гофмейстеромъ—13-го; пожалованъ оберъ-гофмейстеромъ, 23-го, и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ 26 ноября 1796 г.; сдѣланъ сенаторомъ и главнымъ директоромъ заемнаго банка, въ 1797 г.; исправляя должность генераль-прокурора, получилъ андреевскую ленту, 4 мая 1798; по воцареніи императора Александра I, наименованъ членомъ государственнаго совѣта, съ повелѣніемъ быть главнымъ директоромъ водныхъ коммуникацій и экспедиціи объ устройствѣ дорогъ, 17 августа 1801 г.; опредѣленъ министромъ коммерціи, въ 1802 г.; назначенъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта, въ 1810 г.; огорченный до апopleksii нашествіемъ Наполеона, просилъ увольненіе въ 1812 г., но получилъ таковое только 4 августа 1814 г.; снарядилъ на свое иждивеніе и отправилъ въ трехлѣтнее кругоземное плаваніе корабль «Рюрикъ», подъ командой лейтенанта Коцебу, въ 1815 г.; далъ способу извѣстному археологу Строеву начать четырехлѣтнее ученое путешествіе по Россіи, въ 1817 г.; послалъ начальнику Камчатки, Рикорду, суммы для награжденія чукчей, пускавшихъ развѣдывать страны сѣвернѣ Берингова пролива, въ 1818 г.; далъ деньги на первую поѣздку чиновниковъ русскихъ американскихъ колоній внутрь сѣверной Америки, въ 1819 г.; кромѣ всего этого, учредилъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ комиссію печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, на изданіе которой внесъ 60 тыс. руб.; завелъ драгоценное собраніе книгъ, рукописей, монетъ, минераловъ и проч., извѣстное подъ названіемъ Румянцовскаго Музея и недавно перенесен-

изъ Стокгольма шведскаго уроженца Захрисона, а потому и пріѣхаль бы онъ въ С.-Петербургъ, вы тотчасъ сообщите о прибытіи его канцлеру моему князю Безбородко *). Пребываю впрочемъ вамъ благо-склонный.

Павель.

Въ Гатчинѣ, 22-го сентября 1798.

Помѣти вверху, «№ 5»; наоборотъ: «24 сентября, прибылъ—26».

XI.

Господинъ генераль отъ кавалеріи и с.-петербургскій военный губернаторъ, баронъ фонъ-деръ-Паленъ. Всемилоствѣйше пожаловавъ

ное изъ Петербурга въ Москву; издалъ самъ или помогъ издать другимъ семнадцать сочиненій разныхъ авторовъ по русской исторіи; отправлялъ на свой счетъ молодыхъ людей за границу извлекать свѣдѣнія изъ иноземныхъ сочиненій о Россіи, и платилъ значительныя суммы иностраннымъ ученымъ за такой же трудъ. Полезная жизнь гр. Румянова прекратилась въ С.-Петербургѣ, 3 января 1826 г. Тѣло его погребено въ м. Гомель, Могилевской губерніи. Женатъ онъ не былъ.

М. X.

*) Безбородко, князь Александръ Андреевичъ, потомокъ изстари благородной польско-малороссійской фамиліи Ксенжицкихъ, родился 14 марта 1747 г. въ Глуховѣ, отъ брака малороссійскаго генеральнаго писаря Андрея Яковлевича Безбородко съ дѣвицей Евдокіей Михайловной Забыло. Кончивъ, съ отличными успѣхомъ, курсъ наукъ въ кievской академіи, поступилъ въ военную службу, въ 1765 г.; нося званіе бунчуковаго товарища, управлялъ канцелярією графа П. А. Румянова (впослѣдствіи Задунайскаго), съ 1767 г.; вмѣстѣ съ гр. Румяновымъ явился къ торжественію Кучукъ-Кайнарджискаго мира въ Москву, въ 1775 г.; сдѣлавшись лично и съ хорошей стороны извѣстнымъ Екатеринѣ II, пожалованъ бригадиромъ, 1 января, а за успокоеніе татаръ крымскихъ, награжденъ 1,400 душъ въ Бѣлороссіи, 5 мая 1779 г.; причисленъ къ иностранной коллегіи, «для всѣхъ негодіацій», съ чиномъ генераль-маіора, 24 ноября 1780 г. Блестательная служба его хорошо извѣстна. При воцареніи имп. Павла, пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ 1 класса, 8 ноября 1796 г.; въ день коронованія Павла, 5 апрѣля, получилъ достоинство князя российской имперіи, съ титуломъ свѣтлости, а еще черезъ двѣ недѣли, возведенъ въ званіе канцлера, 21 апрѣля 1797 г.; получилъ затѣмъ портретъ имп. Павла и большой крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго, ослѣдственные крупными брилліантами; орловскую вотчину, бывшую князя Кантемира, 30,000 десятинъ въ Воронежской губерніи, наконецъ, 6,000 душъ на выборъ; князь Безбородко ум. въ Петербургѣ, 6 апрѣля 1799 г. Тѣло его погребено въ налаткѣ у Благовѣщенской церкви александровской лавры. Женатъ онъ не былъ и все огромное состояніе его досталось брату, Ильѣ Андреевичу, который, въ память канцлера, основалъ, въ Нѣжинѣ, лицей князя Безбородко. «Въ тѣлѣ толстомъ—говоритъ очевидецъ графъ Сегюръ—Безбородко скрывалъ умъ тончайшій». Въ «Русской Старинѣ» 1870 г., т. II, (стр. 298) напечатаны письма гр. В. П. Кочубея объ учрежденіи гимназій высшихъ наукъ въ гор. Нѣжинѣ 1806 г. (Лицей кн. Безбородко).

М. X.

статскому совѣтнику и бергъ-коллегии первому члену Канкрину*) состоящій въ С.-Петербургѣ въ четвертой адмиралтейской части подъ № 29 домъ, бывшій купца Клипина, повелѣваемъ оный отдать поманутому Канкрину въ собственность.

Павелъ.

Въ Гатчинѣ, ч. 23-го сентября 1798 г.

Помѣты: «№ 6». На оборотѣ: «пол. 23; рапортъ посланъ 24 въ сенатъ и писано».

ХІІ.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи, баронъ фонъ-дербъ-Паленъ. Коль скоро дѣйствительный статскій совѣтникъ Обресковъ**) сдѣлаеть вамъ, по волѣ моей, нѣкоторое сообщеніе относительно иностранца Фердинанда, то арестовавъ онаго, отправьте въ с.-петербургскую крѣпость, въ казематы. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Павелъ.

Въ Гатчинѣ, сентября 26-го 1798.

Помѣты: «№ 7». «Отдано 28 сен.» Слово «казематы» приписано между строкъ рукою государя.

П. М.

ХІІІ.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи, баронъ фонъ-дербъ-Паленъ. Всемилостивѣйше пожаловавъ въ вѣчное и потомственное владѣніе лютеранской кирки св. Петра пастору Лампе казенное порожнее мѣсто, какъ значить въ планѣ у сего приложенномъ***), лежащее на Петровскомъ острову между дворцомъ нашимъ и мѣстомъ обгороженнымъ, на которомъ бѣлютъ воскъ для двора нашего,—повелѣваемъ силою сего отдать ему то мѣсто; но какъ въ семъ планѣ особливо отдѣ-

*) Канкринъ, Францъ Ивановичъ, уроженецъ ландграфства Гессенъ-Кассельскаго, вступилъ въ русскую службу 3 мая 1784 г. и опредѣленъ членомъ бергъ-коллегии, съ чиномъ коллежскаго совѣтника; 17 марта 1798 г. пожалованъ въ статскіе совѣтники; въ 1800 г., состоя на службѣ въ солданомъ правленіи, перевелъ туда же и оставшагося за границей 26-ти-лѣтняго сына своего, Егора (впослѣдствіи графъ и извѣстный министръ финансовъ); завѣдывалъ Старорусскими соланными варницами и ум. въ 1816 г. дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ.

М. Ж.

**) Обрѣзковъ, Петръ Алексѣевичъ, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Алексѣя Михайловича Обрѣзкова, извѣстнаго посланника имп. Екатерины II въ Константинополь. Началъ службу съ 1772 г.; пожалованъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, 5 апрѣля 1797 г.; находился при особѣ государя и въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ 1798 г. Ум. тайнымъ совѣтникомъ до 1840 г. Былъ женатъ дважды: 1) на княжнѣ Софьѣ Александровнѣ Щербатовой и 2) на баронессѣ Елизаветѣ Семеновнѣ Остенъ, рожденной Волчковой, извѣстной красавицѣ, бывшей потомъ и за третьимъ мужемъ, княземъ Степ. Александр. Хилковимъ.

М. Ж.

***) Плана при подлинникѣ не имѣется.

П. М.

жно нѣкоторое строеніе, то и соизволяемъ, чтобъ помянутому па-
стору отдано было также и то строеніе, которое окажется удобнымъ
къ отдачѣ, по сношенію вашему съ кѣмъ нужно будетъ то сдѣлать.
Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Въ С.-Петербургѣ, октября 11, 1798.

Помѣты: «№ 8». «11 получень».

XIV.

Господинъ с.-петербургскій военный губернаторъ, баронъ фонъ-
дери-Паленъ. Итальянскій дворецъ*), въ коемъ помѣщенъ былъ си-
ротскій домъ**), повелѣваемъ отдать въ воспитательному дому подъ
гошпиталь. Пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

С.-Петербургъ, ноября 22 дня, 1798 года.

Помѣты: «№ 9». «№ 48» «22 получень. Писано тогда-жъ».

XV.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи, с.-петербургскій военный гу-
бернаторъ, баронъ фонъ-дери-Паленъ. Рескриптомъ нашимъ въ сей
день дѣйствительному тайному совѣтнику, государственнаго ассигна-
ціоннаго банка главному директору, графу Завадовскому у***) дан-

*) Итальянскій дворецъ, на берегу Фонтанки, близъ Невскаго проспекта,
построенъ Петромъ I, въ 1712 г., по образцу итальянскихъ увеселительныхъ
домовъ, какъ во внѣшней архитектурѣ, такъ и во внутреннемъ убранствѣ.
Имѣя дѣлю учредить при этомъ дворцѣ общественныя гулянья, царь Петръ
развелъ тутъ обширный садъ, простиравшійся далеко за Литейную улицу.
Впослѣдствіи, къ дворцу были пристроены просторныя оранжереи съ парни-
ками, а при императрицахъ Аннѣ и Елизаветѣ въ этомъ дворцѣ складывали
для высочайшаго осмотра товары, привозимыя сибирскими караванами. 7 ок-
тября 1799 г. началась перестройка дворца въ нынѣшній видъ, а 13 іюля
1800 г. переведенъ сюда, изъ зданія Коммерческаго Училища въ Чернышевскомъ
переулкѣ, Екатерининскій институтъ, открытый 25 мая 1798 г. и помѣщавшійся
первоначально въ нынѣшнемъ Таврическомъ дворцѣ. М. X.

**) Сиротскій домъ—учрежденъ имп. Павломъ I, въ 1797 г., для дѣтей
обоого пола, оставшихся послѣ военныхъ, и названъ Домомъ Призрѣнія Си-
ротъ. Дѣти эти были помѣщены первоначально въ итальянскомъ дворцѣ (см.
выше), изъ котораго, въ 1799 г., переведены на Петербургскую сторону, въ
бывшій Оспенный домъ. Тамъ, въ 1807 г. сироты раздѣлились: мужское отдѣ-
леніе—образовало Павловскій кадетскій корпусъ (нынѣ Константиновское воен-
ное училище), переведенный въ бывшій домъ гр. Румянцевой, у Обухова мо-
ста; а женское—осталось на мѣстѣ и вѣрнее покровительству императрицы
Маріи Федоровны. Съ 1834 г. оно находится въ новоотстроенномъ для него
зданіи, замѣнившемъ Оспенный Домъ, и носить названіе Александринскаго
Сиротскаго Дома. М. X.

*) Завадовскій, графъ Петръ Васильевичъ, второй изъ пяти сыновей
бунчуковскаго товарища Василія Завадовскаго, отъ брака съ дочерью под-

нимъ, повелѣли мы, по представленію вашему, потребную на отстройку лейбъ-гренадерскихъ *) казармъ сумму восемьдесятъ девять тысячъ пятьсотъ тридцать рублей пятьдесятъ девять копейекъ отпустить изъ суммъ онаго банка заимообразно на счетъ доходовъ поземельнаго сбора; вамъ же повелѣваемъ по поступленіи сихъ доходовъ, какъ оную сумму, такъ и прежде занятія непременно возвратить. Павелъ.

10 Декабря 23 дня 1798 года Въ С.-Петербургѣ.

Помѣты: <Получень 23 декабря> <№ 10;—113;—№ 1>.

1799.

XVI.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи с.-петербургскій военный губернаторъ, графъ фонъ-деръ-Паленъ, въ день сего мая наша любезная

коморья Михайла Ширая, родился въ 1739 г., черниговской губерніи, стародубскаго уѣзда, въ д. Красновичахъ, и воспитывался сначала въ домѣ дяди, подкоморія Ширая, потомъ въ оршанскомъ іезуитскомъ училищѣ, наконецъ, въ кievской академіи. Блестящая карьера его при Екатеринѣ II хорошо известна. По воцареніи имп. Павла получилъ андреевскую ленту и сдѣланъ графомъ имперіи російской, 5 апрѣля 1797 г.; былъ строителемъ Исакиевскаго собора, главнымъ директоромъ банковъ, занимался администраціей части медицинскій, присутствовалъ въ сенатѣ и засѣдалъ въ совѣтахъ женскихъ учебныхъ заведеній, въ 1798 г.; подъ конецъ царствованія имп. Павла, уединился въ свои богатые малороссійскія помѣстья (до 6 тыс. душъ крестьянъ), откуда вызванъ новымъ имп. Александромъ I, въ самый день его воцаренія, 12 марта, и прибывъ ко двору, получилъ въ свое вѣдѣніе комиссію составленія законовъ, 5 іюня 1801 г.; занялъ первый новоучрежденное мѣсто министра Народнаго Просвѣщенія въ 1802 г.; ум. 10 января 1812 г., въ С.-Петербургѣ.—Тѣло его погребено на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ Александрo-Невской лавры. Отъ брака съ красавицей, графиней Вѣрой Николаевной Апраксиной († 1845), гр. Завадовскій оставилъ дочь, за д. т. с. Каблуковымъ, и двухъ сыновей, изъ которыхъ только младшій имѣлъ одного сына, умершаго въ юности. Графъ П. В. Завадовскій былъ очень хорошъ собой, владѣлъ слѣшкомъ 10 тыс. душъ крестьянъ, полученныхъ имъ отъ щедротъ Екатерины, и оставилъ по себѣ, какъ министръ Народнаго Просвѣщенія, добрую память.

М. X.

*) Основаніе лейбъ-гренадерскаго полка относится къ 1756 г., въ которомъ имп. Елизавета, указомъ 30 марта, повелѣла: отнять отъ извѣстныхъ десяти пѣхотныхъ полковъ третья гренадерскія роты, свести ихъ въ одинъ полкъ и, по сформированіи послѣдняго, именовать его Первымъ гренадерскимъ полкомъ, а квартиры назначить ему въ новоладожскомъ уѣздѣ. Въ шестимѣсячное царствованіе Петра III, полкъ этотъ, 13 марта 1762 г., раздѣленъ на три баталіона, получившіе названія: 1-го, 2-го и 3-го гренадерскихъ баталіоновъ. Послѣ переворота 28 іюня 1762 г., имп. Екатерина II, уничтожая многія нововведенія своего предшественника, указомъ 11 февраля 1763 г., повелѣла: Первый гренадерскій полкъ восстановить въ прежнемъ

невѣства, великая княгиня Елизавета Алексѣевна *) разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ намъ внуки, а ихъ императорскимъ высочествамъ дочери нареченной Маріею. Извѣщая васъ о семъ радостномъ происшествіи, увѣрены мы, что поспѣшите возвѣстить о немъ въ нашей столицѣ для принесенія въ храмъ молитвъ Всевышнему по сношенію съ преосвященнымъ Амвросіемъ, архіепископомъ Казанскимъ **). Впрочемъ пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Въ Павловскѣ, мая 18 дня 1799 года.

Помѣта: «№ 9», «№ 16»; «№ 10».

видѣ, т.-е. на основаніяхъ указа 30 марта 1756 г., — что и было сдѣлано. Въ числѣ наградъ российской арміи, за подвиги въ турецкую войну, первый гренадерскій полкъ, указомъ 10 іюля 1775 г., повелѣно именовать Лейбъ-гренадерскимъ полкомъ, и званіе его полковника императрица приняла на себя. Казаринъ, начатая отстройкою съ 1799 г., лейбъ-гвардіи (съ 1813 г.) гренадерскій полкъ нашѣмъ готовили и занялъ только въ 1811 г. Казаринъ эти, на Петербургской сторонѣ, слывутъ Петровскими, — по названію Петровкой рукава правой стороны Малой Невы, обтекающаго тутъ Петербургскую сторону.

М. X.

*) Елизавета Алексѣевна, до принятія православія. Луиза-Марія-Августа, дочь Карла-Людовика, наследнаго принца (потомъ маркграфъ) баденъ-дурлахскаго, отъ брака съ Амаліей-Фредерикой, принцессой гессенъ-дармштадской, родилась 13 января 1779 г., въ Карлсруэ. Избранная импер. Екатериной II въ невѣсты великому князю Александру Павловичу, она прѣѣхала въ Петербургъ 31 октября 1792 г., митрополитомъ по обряду греко-российской церкви 9-го, обручена великому князю 10-го мая, и обвѣнчана съ нимъ 28 сентября 1793 г.; сдѣлалась матерью впервые, 18 мая 1799 г.; потеряла это дитя, 27 іюля 1800 г.; ум. въ гор. Бѣлевѣ (Тульской губерніи), 4 мая 1826 г. Тѣло ея, привезенное въ Петербургъ 14-го, погребено въ Петропавловскомъ соборѣ 21 іюня того же года.

М. X.

***) Амвросій (Подобѣдовъ), въ мѣрѣ Андрей, сынъ священника, род. 30 ноября 1742 г., въ погостѣ Стоговѣ, Переслаль-Загѣскаго уѣзда, Владимирской губерніи. Боячьевъ курсъ наукъ въ Троицкой семинаріи, былъ преподавателемъ тамъ же, съ 1764 г.; принялъ постриженіе, съ именемъ Амвросія, въ 1768 г. Пожалованъ архіепископомъ въ Казань, 27 марта 1785 г.; вызванный въ Петербургъ, для присутствованія въ св. Синодѣ, произнесъ Екатерининѣ привѣтствіе, за которое получилъ алмазный крестъ на влобукъ и пожизненную пенсію въ 2,000 руб., въ 1796 г.; по водареніи имп. Павла, оставилъ непронесеннымъ уже приготовленное «слово» на погребеніе имп. Екатерины. и награжденъ Александровскою лентой, 10-го ноября 1796 г.; встрѣтивъ имп. Павла въ Казани, украшенъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, 14 декабря 1798 г.; пожалованъ андреевской лентой, 20 февраля, и переименованъ архіепископомъ с.-петербургскимъ, эстляндскимъ и финляндскимъ, 10 октября 1799 г.; добавлено ему званіе архіепископа новгородскаго, 19 декабря 1800 г.; наканунѣ дня смерти имп. Павла, возведенъ въ санъ митрополита, 10 марта 1801 г.; ум. 21 мая 1818 г. — Тѣло его погребено въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ.

М. X.

XVII.

(Переводъ). Господинъ генералъ отъ кавалеріи фонъ-дёръ-Паленъ. По полученіи сего вышлите немедленно изъ Петербурга отставного синодскаго прокурора князя Хованскаго и отставного генераль-маіора Корсакова; приказавъ—первому отправиться въ Симбирскъ, а второму — въ Саратовъ, гдѣ они должны оставаться безвыѣдно. Къ вамъ благосклонный

Павелъ.

Павловскъ, 15 іюня 1799 г.

(Подлинникъ). Herr General der Kavallerie von der Pahlen. Nach Empfang dieses werden Sie unverweilt den verabschiedeten Procureur des Sinod's, Fürsten Chwanoffsky *) und den verabschiedeten General Major Korsakoff aus Petersburg herauschicken; mit dem Befehl ersterem nach Simbirsk und letzterem nach Saratoff zu reisen wo Sie ohne Entfernung bleiben sollen. Ihr wohlaffectionirter.

Paul.

Pawlofsky 15-ten Juni 1799.

Помѣты: «№ 12»; «о высылкѣ князя Хованскаго и генераль-маіора Корсакова».

XVIII.

(Собственноручно).

Якобинскія правила и противныя власти отъѣзду, посылаемого Чичагова **) къ вамъ, принудили меня приказать запереть его въ рavelинъ подъ вашимъ смотрѣніемъ.

Павелъ.

Примѣчаніе: Помѣты: «№ 11»; «№ 120» на оборотѣ: «21 іюня, съ фельд-егеремъ». Вся записка собственной руки государя, писанъ на лоскуткѣ сѣрой бумаги (1799 г.).

П. М.

*) Хованскій, князь Василій Алексѣевичъ, старшій изъ четырехъ синод-вей князя Алексѣя Васильевича Хованскаго, отъ брака съ Екатериной Никитичной Зотовой.—Род. 1 апр. 1755; вступилъ на службу въ 1770 г.; назначенъ оберъ-прокуроромъ св. Синода, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго советника, 19 декабря 1796 г.; пожалованъ аннинскою лентой, 15 августа 1798 г.; отставленъ въ 1799 г.; ум. 27 іюля 1830 г.—Былъ женатъ два раза: 1) на Екатерины Петровны Нарышкиной, 2) на Еленѣ Васильевнѣ Дмитріевой-Мамоновой, рожд. Толстой,—и оставилъ трехъ дочерей отъ перваго брака.

М. Х.

**) Чичаговъ, Павелъ Васильевичъ, сынъ извѣстнаго екатерининскаго адмирала, Василя Яковлевича Чичагова, родился въ 1765 или 1766 г.; записанъ на службу, въ 1776 г., и началъ ее, дѣйствительно, гвардіи сержантомъ, въ 1779 г.; пожалованный арміи поручикомъ, назначенъ флигель-адъютантомъ къ своему отцу, вице-адмиралу, въ 1782 г.; съ производствомъ отца въ адмирала, опредѣленъ къ нему генеральсь-адъютантомъ, 6 сентября 1783 г.; сдѣлалъ кампанію въ Средиземное море, на кораблѣ «Константины», до августа 1784 г.; участвовалъ въ морскихъ бояхъ съ шведами, въ 1789 г., и награжденъ: за ревальское сраженіе — орденомъ св. Георгія 4 класса, а за выборгское, о которомъ онъ же привезъ извѣстіе, — золотой шишгой, съ надписью:

XIX.

(Переводъ). Господинъ генералъ отъ кавалеріи фонъ-дѣръ-Паленъ. По полученіи сего посадите въ крѣпость прокурора военной коллегіи Арсеньева, который обратился ко мнѣ съ просьбою о мѣстѣ обер-прокурора въ сенатѣ, и который, надо полагать, вольнодумецъ. Къ вамъ благосклонный
Павель.

Петергофъ, 1 іюля 1799 г.

(Подлинникъ). Herr General der Kavallerie von der Fahlen. Nach Empfang dieses werden Sie den Procureur des Kriegs Kollegium Arsenieff *) der sich an Mich gewandt um die Stelle eines Oberprocureurs des Senats zu erhalten, und der ein Freigeist seyn soll: werden Sie in die Festung setzen. Ihr wechlafectionnirter
Paul.

1-ten July anno 1799. Peterhoff.

Помѣтм: «№ 14»; «г. военной коллегіи о прокурорѣ Арсеньевѣ».

XX.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи, графъ фонъ-дѣръ-Паленъ. Извольте навѣстить господина контръ-адмирала Чичагова и объявить ему мою волю, чтобы онъ избралъ любое, или служить такъ, какъ долгъ подданнической требуетъ безъ всякихъ буйственныхъ потребованій и идти на посылаемой къ англійскимъ берегамъ эскадрѣ, или остаться въ равелинѣ; и обо всемъ, что отъ него узнаете, донесите мнѣ. Впрочемъ пребываю къ вамъ благосклоннымъ. Павель.

Въ Петергофѣ, іюля 1 дня 1799 г.

Помѣта: «№ 13».

«за храбрость», и чиномъ капитана 1 ранга, въ 1790 г.; командовалъ кораблемъ «Софія Магдалина», въ 1791 г.; отправленъ «для довершенія практическихъ морскихъ примѣчаній» въ Англію, гдѣ провелъ время съ іюня 1792 до августа 1793 г.; при воцареніи имп. Павла, пожалованъ бригадиромъ, въ 1796; получилъ аннинскую шпагу, въ іюлѣ, и вышелъ въ отставку, по прошенію, въ октябрѣ 1797 г.; принятый вновь на службу контръ-адмираломъ, 8 мая, онъ, на своей эскадрѣ, повезъ въ Голландію часть вспомогательнаго русскаго корпуса (именно дивизію Эссена), 21 іюля, и прибылъ съ ней къ Текселю, 5-го сентября 1799 г.; возвратился изъ этой экспедиціи, съ остатками разбитаго русскаго корпуса, уже лѣтомъ 1800 г.; служба его при Александрѣ 1-мъ и неудачное участіе въ отечественной войнѣ, когда онъ не успѣлъ загородить дорогу Наполеону у рѣки Березины — хорошо извѣстны. Ум. въ Парижѣ 20 августа 1849 г. Послѣ него остались любопытныя «Записки», небольшая часть которыхъ, именно о кампаніи 1812 г., напечатана въ «Revue Contemporaine» 1855 г.
М. X.

*) Арсеньевъ, Николай Ивановичъ, сынъ статскаго совѣтника Ивана Михайловича, помѣщика алексинскаго, род. въ 1760 г.; записанъ въ службу съ 1769 г.; состоялъ прокуроромъ военной коллегіи съ 30 іюля 1797 г.; былъ

XXI.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи, графъ фонъ-дербъ-Паленъ. Освободя контръ-адмирала Чичагова, прикажите ему явиться въ Петергофъ къ адмиралу графу Кушелеву*). Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Павель.

Въ Петергофѣ, іюля 2 дня, 1799 года.

Помѣта: «№ 14».

XXII.

Графъ Петръ Алексѣевичъ**). Найдите поляковъ Червинскаго и Крейца, и за пустягъ извѣстія ими писанныя посадите въ крѣпость. Пребываю вамъ благосклонный.

Павель.

Петергофъ, 7-го іюля 1799.

XXIII.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи и с.-петербургскій военный губернаторъ, графъ фонъ-дербъ-Паленъ. Повелѣваемъ вамъ войти во всѣ подробности относящіяся до строенія Исакиевской церкви***) и какъ къ

впослѣдствіи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и губернаторомъ курляндскимъ, ум. 8 февраля 1830 г. Отъ брака съ княгинею Анной Александровной Хованской, оставилъ четырехъ сыновей и дочь.

М. X.

*) Кушелевъ, графъ Григорій Григорьевичъ, родился въ началѣ 1750-хъ годовъ, воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ сержантовъ котораго выпущенъ въ адъютанты морскихъ солдатскихъ баталіоновъ, 22 іюля 1770 г.; находясь полковникомъ въ гатчинскомъ отрядѣ великаго князя Павла Петровича, при самомъ воцареніи послѣдняго, назначенъ «адъютантомъ его императорскаго величества» 7 ноября, пожалованъ генералъ-маіоромъ. 8-го, аннинской лентой, 9 ноября, получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, 31 декабря 1796 г.; александровскую ленту, въ день коронаванія имп. Павла, 5 апрѣля 1797 г.; чинъ адмирала, съ званіемъ вице-президента адмиралтействъ-коллегіи, 24 октября 1798 г.; возведенъ въ графское руссійской имперіи достоинство, 22 февраля; пожалованъ большимъ крестомъ ордена св. Іоанна Иерусалимскаго, 30 марта, и андреевской лентой, 29 іюня 1799 г.; по смерти имп. Павла, оставилъ службу, въ 1801 г.: ум. 80-ти-лѣтнимъ старцемъ, въ 1833 г. Былъ женатъ два раза; отъ перваго брака, съ неизвѣстною, оставилъ дочь, за княземъ Ал. Александр. Лобановымъ-Ростовскимъ; отъ втораго, съ графиней Любовью Ильиничной Безбородко, родной племянницей знаменитаго канцлера, имѣлъ двухъ сыновей, графовъ Александра и Григорія, изъ которыхъ старшій, въ силу указа 6 апрѣля 1816 г., принялъ имя и гербъ графовъ Безбородко, ставъ, такимъ образомъ, родоначальникомъ фамиліи графовъ Кушелевыхъ-Безбородко.

М. X.

***) Графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-дербъ-Паленъ, см. о немъ на стр. 240-й.

М. X.

***) Исакиевскій соборъ, напоминающій день рожденія имп. Петра I, учрежденъ первоначально въ 1710 г., въ одномъ изъ очищенныхъ строеній адмиралтейства 1705 г. Мѣсто этого собора, занимаемое, вѣроятно, нынѣшними элин-

оной принадлежать разныя мраморныя ломки, относящіяся также и къ Михайловскому замку*), то вамъ, яко начальствующему въ С.-Петербургѣ, поручаю по онымъ снестись съ нашимъ оберъ-гофмейстеромъ, графомъ Тизенгаузеномъ**) и совокупно съ нимъ рассмотретьъ все, что

гати, въ точности неизвѣстно, да и самъ онъ уничтоженъ пожаромъ. Новая закладка, по плану итальянскаго архитектора Матернови, произведена на мѣстѣ нынѣшняго сената, въ 1717 г., и соборъ освященъ въ 1727 г., но сгорѣлъ снова, отъ молніи, въ 1735 г. Остатки погорѣвшаго собора разобраны до основанія, и соборъ перенесенъ дальше отъ Невы, въ 1766 г., а самая закладка новаго зданія изъ мрамора, по плану архитектора Ринальди, произведена не раньше весны 1768 г. Императоръ Павелъ I, желая открыть богѣ мѣстность, скрадываемую громадностью зданія и поспѣшить окончаніемъ собора, приказалъ архитектору Бреннѣ уменьшить предположенные размѣры, въ особенности куполы и колокольни, и довершить храмъ (при Екатеринѣ II доведенный до половины) пока мѣсть кирпичемъ. Планъ Ринальди, передѣланный Бреннѣ, оказался совершенно неудовлетворительнымъ. Въ немъ не было никакой гармоніи между создаваемой церковью и окружающими строениями, быстро возвышавшимися и тѣснившимися вокругъ исакиевской площади, такъ, что нельзя было не замѣтить безобразія общаго и частей зданія. Вслѣдствіе этого начались разсужденія объ архитектурѣ и затянулись. Не раньше 1813 г. назначенъ былъ новый конкурсъ, неудовлетворившій однако имп. Александра I. Въ 1816 г. пріѣхалъ изъ Франціи молодой архитекторъ Монферранъ. Онъ представилъ свой проектъ собора въ 1817 г., утвержденный вполнѣ имп. Александромъ въ 1818 г., и закладка нынѣшняго зданія произведена 26 июля 1819 г. Окончаніе постройки и освященіе исакиевскаго собора совершилось въ нынѣшнее царствованіе. М. X.

*) На мѣстѣ этого замка стоялъ, съ 1742 г. лѣтній деревянный дворецъ имп. Елизаветы, а отъ него, вплоть до екатерининскаго канала, тянулся огромный садъ (часть его—теперешній садъ дворца вел. кн. Елены Павловны), въ темныхъ аллеяхъ котораго любила прогуливаться имп. Екатерина II. Преемникъ ея, имп. Павелъ, повелѣвъ, приказомъ 20 ноября 1796 г., «бывшей лѣтней дворецъ—называть Михайловскимъ дворцомъ» произвелъ, 26 февраля 1797 г., торжественную закладку нынѣшняго зданія замка по плану архитектора Бреннѣ, и черезъ два года, благодаря усиленнымъ работамъ (даже по ночамъ, при фонаряхъ), переселился со всей семьей и дворомъ въ новоотстроенный дворецъ. По смерти имп. Павла, въ 1801 г., михайловскій замокъ, покинутый царскою фамиліей и лишенный своихъ мебели, развезенныхъ по другимъ дворцамъ, поступилъ въ вѣдѣніе гофъ-интендантской конторы и служилъ квартирой, въ числѣ множества другихъ чиновъ, генералу Дибичу (вполнѣдствіи фельдмаршала). Съ 1819 г. михайловскій замокъ переданъ военному вѣдомству и занятъ теперь помѣщеніемъ инженерныхъ властей, а также Николаевской инженерной академіи. Комната, въ которой умеръ Павелъ I, въ теченіе полустолѣтія по его кончинѣ была наглухо заперта. Въ нынѣшнее царствованіе въ ней устроена церковь. М. X.

**) Тизенгаузенъ, графъ Иванъ Андреевичъ, членъ остзейской фамиліи, род. въ 1745 г.; началъ службу съ 1772 г.; пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, 22 сентября 1792 г.; при воцареніи имп. Павла, сдѣланъ гофмаршalomъ, 6 ноября, и получилъ александровскую ленту 19 ноября 1796 г.; надзиралъ за

до нихъ относится и вообще до окончанія работъ и употребленія матеріаловъ по сему строенію.

Павель.

Петергофъ, іюля 11 день, 1799 года.

Помѣта «№ 18».

XXIV.

Господинъ генераль отъ кавалеріи и с.-петербургскій военный губернаторъ графъ фонъ деръ Паленъ. Въ слѣдствіе письма моего, которое вы получите отъ генерала-адъютанта, графа Ливена*), имѣете вы, по извѣстному вамъ приключенію, той княгинѣ Щербатовой отказать пріѣздъ ко двору моему, выслать ее изъ Петербурга, и въ примѣръ другимъ запретить въѣздъ въ столицы и въ мѣста моего пребыванія. Пребываю къ вамъ благосклонный.

Павель.

Петергофъ, іюля 20 день 1799 года.

XXV.

Господинъ с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ, графъ фонъ-деръ-Паленъ. По полученіи сего, имѣете вы немедленно над-

гофъ-интендантской конторой въ 1797—1798 гг.; произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники, украшенъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, съ правами кавалеровъ большого креста, 18 декабря 1799 г.; ум. оберъ-гофмейстеромъ, въ 1815 г. Отъ брака съ Екат. Ів. Стакельбергъ, имѣлъ, кромѣ дочери, двухъ сыновей, изъ которыхъ младшій, флигель-адъютантъ графъ Федоръ, женатый на дочери князя Кутузова, Елизав. Мих., убитъ подъ Аустерлицемъ, 20 ноября 1805 г. Письма о немъ М. И. Голенничева-Кутузова, см. въ «Русской Старинѣ» 1870 г., т. III, стр. 55.

М. X.

*) Ливенъ, Христофоръ Андреевичъ, впоследствии князь, членъ одной изъ древнѣйшихъ летскихъ семействъ остзейскаго края, средній сынъ ген.-маіора барона Отто-Генриха Ливена, отъ брака съ Шарлоттой Карловной Поссе. Род. въ 1773 г.; получилъ первый офицерскій чинъ, въ 1789 г.; сдѣланный, въ чинѣ генераль-маіора, генераль-адъютантомъ имп. Павла I, наименованъ командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, 10 декабря 1798; пожалованъ орденомъ св. Анны 1 класса, 11 января, и возведенъ, вмѣстѣ съ матерью, въ графское руссiйской имперіи достоинство, 22 февраля 1799 г.; управляя, съ того времени, военнымъ министерствомъ, получилъ шведскій орденъ Меча большого креста, въ 1800 г.; получилъ андреевскую ленту и, вмѣстѣ съ матерью, возведенъ въ княжеское руссiйской имперіи достоинство, 22 августа 1826 г.; пожалованъ орденомъ св. Владиміра 1 класса, въ 1830 г.; назначенный въ 1834 г. состоять попечителемъ при его высочествѣ Наслѣдникѣ престола (нынѣ царствующій Государь Императоръ), сопровождая Наслѣдника престола въ его заграничномъ путешествіи, ум. въ Римѣ, 29 декабря 1838 г. Отъ брака съ Даріей Христофоровной Бенкендорфъ, имѣлъ четырехъ, а оставилъ двухъ сыновей.

М. X.

вернаго совѣтника Латура и графа Борга*) посадить обонхъ въ Шлюссельбургскую крѣпость и поручить надъ ними смотрѣніе тамошнему коменданту. Пребываю къ вамъ благосклонный. Павелъ.

Г. Гатчина, сентября 2-й день 1799 года.

Помѣты: «№ 18; № 20». Слово «посадить» написано рукою государя между строкъ, вмѣсто зачеркнутаго: «отправить», самое же повелѣніе писано, какъ кажется, рукою Обольянина.

П. М.

XXVI

Тайное.

Господинъ генераль отъ кавалеріи графъ фонъ-дербъ-Паленъ. Находящагося у васъ господина Сибурга, отправьте, въ сопровожденіи фельдъегера, въ Оренбургъ, гдѣ его и сдать генераль-маіору Бахметеву**), коему вручить и прилагаемый при семъ рескриптъ. Пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

Сентября 9 дня 1799 г. Гатчино.

Помѣта «№ 19».

XXVII.

Господинъ генераль отъ кавалеріи графъ фонъ-дербъ-Паленъ. По найденнымъ злоупотребленіямъ въ порядкѣ и по части казеннаго интереса въ камеръ-коллегіи, повелѣваю вамъ приставить караулъ въ домъ тайнаго совѣтника Попова*), никуда его не выпускать и сдѣ-

*) Борхъ, графъ Осипъ Ивановичъ (Иосифъ-Генрихъ), младшій изъ двухъ сыновей великаго короннаго канцлера и воеводы лифляндскаго Іоанна Андрея Борха, отъ брака съ Луизой Зибертъ. Род. въ 1753 г.; служилъ полковникомъ въ гвардейскихъ гусарахъ польскихъ и въ народной кавалеріи великаго княжества литовскаго, а по присоединеніи Литвы къ Россіи, наименованъ статскимъ совѣтникомъ и избранъ въ предводители дворянствомъ Витебской губерніи. Умеръ въ 1835 г., оставивъ, отъ брака съ Анной Петровной Богомолецъ, сына и четырехъ дочерей.

М. X.

**) Бахметевъ, Николай Николаевичъ, старшій изъ трехъ сыновей гвардіи капитана Николая Ивановича Бахметева, отъ брака съ Софьей Львовной Масловою. Род. въ началѣ 1770-хъ гг.; служилъ въ преображенскомъ полку, изъ сержантовъ котораго выпущенъ гвардіи подпоручикомъ, 2 января 1791 г.; быстро пройдя оберъ-офицерскіе чины въ измайловскомъ полку, съ воцареніемъ имп. Павла I произведенъ въ генераль-маіоры и пожалованъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, 10 декабря 1798 г.; получилъ аннинскую ленту, въ день коронаванія имп. Александра I, 15 сентября 1801 г.; прослуживъ съ отличіемъ кампанію 1812 г., ум. генераль-лейтенантомъ, около 1830 г. Жена не былъ.

М. X.

***) Поповъ, Василій Степановичъ, извѣстный правитель канцеларіи князя Потемкина-Таврическаго, началъ службу съ 1765 г.; по воцареніи Павла I, произведенъ въ тайные совѣтники, 15 ноября 1796 г.; за «употребленіе воинскихъ чиновъ въ партикулярную службу», подвергнутъ взысканію съ него рекрута безъ зачета, 14 марта 1797 г.; находился президентомъ камеръ-коллегіи, въ 1798 г.; продолжалъ службу дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ

дать по вышесказанному обстоятельству наиподробнѣйшее изслѣдованіе и намъ донѣсти. Павелъ.

Г. Гатчина, сентября 21-й день 1799 года.

Помѣта: «№ 20». Слова «и намъ донѣсти», равно какъ и подпись собственноручныя. П. М.

XXVIII.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи, графъ фонъ-дербъ-Паленъ. Получилъ я донесеніе ваше отъ 27 октября о сдѣланной покражѣ на Монетномъ дворѣ рядовымъ Гарнизоннаго князя Долгорукова 2 полку, вслѣдствіе котораго повелѣваю вамъ начать слѣдствіе надъ военными—въ генералъ-аудиторіатѣ, а надъ прочими—гражданскимъ судомъ; найденныя же остальные деньги изъ покраденныхъ возвратитъ въ монетный дворъ, куда онѣ принадлежатъ; Гарнизоннаго же князя Долгорукова 2 полка маіору Сенъ-Никола *) и штабсъ-капитану Подушкину объявите мое благоволеніе за сдѣланное ими откритіе онаго воровства и если по слѣдствію дѣла найдутся они достойны награжденія, то оное и получать. Пребываю вамъ благосклонный. Павелъ.

Октября 27-го дня 1799. Гатчина.

Помѣта: «№ 21».

XXIX.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи, графъ фонъ-дербъ-Паленъ. Домъ, въ которомъ нынѣ живетъ генералъ-провіантмейстеръ Обольяниновъ **) повелѣваемъ изъ вѣдомства казеннаго исключить, поелки мы оный со всѣмъ строеніемъ и мѣстомъ къ нему принадлежащими, всемилюбовѣйше пожаловали ему, генералу-провіантмейстеру Обольянинову въ вѣчное и потомственное его владѣніе. Пребываемъ къ вамъ благосклонный. Павелъ.

Помѣты: «Полученъ ноября 12 дня 1799 года». «№ 27».

и председателемъ департамента гражданскихъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ, ум. въ С.-Петербургѣ, 5 ноября 1822 г. Тѣло его погребено на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ александровской лавры. В. С. Поповъ былъ человѣкъ весьма свѣдущій, и въ имѣніи своемъ, Рѣшетловѣ (Полтавской губерніи), собралъ замѣчательную бібліотеку. М. Х.

*) Этотъ же маіоръ Сенъ-Никола сдѣланъ почетнымъ кавалеромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, 10 августа 1800. М. Х.

**) Обольяниновъ, Петръ Хрисанфовичъ, происходилъ изъ небогатыхъ, но старинныхъ дворянъ. Записанный на службу кадетомъ, въ 1768 г., онъ получилъ чины прапорщика и подпоручика въ 1769 и т. д.; произведенъ въ полковника, 1795 г.; во вѣрениі имп. Павла, пожалованъ генералъ-маіоромъ 8 ноября, назначенъ генералъ-провіантмейстеромъ 6-го деп. и украшенъ аннинской лентой, 30 декабря 1796 г.; получилъ александровскую ленту, 2,000 душъ въ Саратовской губерніи, 5 апрѣля 1797 г.; произведенъ въ генералъ-лейтенанта въ 1798 г.; пожалованъ командорскимъ крестомъ ордена св. Іоанна

XXX.

Господинъ генераль отъ кавалеріи и Санктпетербургскій военный губернаторъ графъ фонъ-деръ Паленъ. Состоящій въ первой адмиралтейской части, перваго квартала, подъ номеромъ семьдесятъ четвертымъ, казенный, Почтоваго правленія, бывшій статскаго совѣтника Либрехта домъ, всемилоостивѣйше жалуюмъ въ вѣчное и потомственное владѣніе полковницѣ Аннѣ Левшиной*); пребываемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Г. Гатчина, ноября 24 день, 1799.

Помѣта: «№ 25».

XXXI.

(Собственнооручно).

Господинъ Генераль отъ Кавалеріи графъ фонъ-деръ Паленъ. Отставленнаго отъ службы и отъ всехъ должностей бывшаго Мануфактуръ-Коллегіи президента Саблукова**) повелѣваю вамъ выслать изъ Санктпетербурга. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ. Павелъ.

Г. Гатчина, декабря 8 день, 1799 г.

Примѣчаніе: Все повелѣніе писано и подписано рукою государя. Помѣта: «№ 24».

П. М.

XXXII.

(Собственнооручно).

Господинъ Генераль отъ кавалеріи и Санктпетербургскій военный губернаторъ графъ фонъ-деръ-Паленъ. Все казенныя высканіи

Иерусалимскаго, въ 1799 г.; назначенъ генераль-прокуроромъ, 2 февраля, произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, 6 апрѣля, и получилъ андреевскую ленту 19 декабря 1800 г.; состоя членомъ совѣта, учрежденнаго при имп. Павлѣ, лишился своего благодѣтеля-государя, 12 марта, и уволенъ отъ службы имп. Александромъ I, 16 марта 1801 г. Ум. 22 сентября 1841 г., въ своемъ новоторжскомъ селѣ Толочкѣ, гдѣ погребено и тѣло его. Считаютъ, что одними сервизами, серебряными и фарфоровыми, Обольяниновъ получилъ отъ имп. Павла больше, чѣмъ на 120,000 рублей. При Обольяниновѣ началъ свою знаменитую дѣятельность графъ М. М. Сперанскій.

М. Ж.

*) Эта Левшина — была жена родного дяди княгини Анны Петровны Гатчинной, рожденной Лопухиной, статсъ-дамы, пользовавшейся особенной благосклонностью имп. Павла.

М. Ж.

**) Саблуковъ, Александръ Александровичъ, сынъ коллежскаго совѣтника, бывшаго кофешевка имп. Петра III, началъ службу въ 1762 г.; прохода ее успѣшно, награжденъ орденомъ св. Владимира II класса, 22 сентября 1786 г.; пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, 2 сентября 1793 г.; получилъ Аннинскую ленту, 1 января 1795 г.; при водареніи имп. Павла былъ сенаторомъ и мануфактуръ-коллегіи президентомъ, въ 1796 г.; ум. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, членомъ государственнаго совѣта, почетнымъ опекуномъ и Александровскимъ кавалеромъ, въ маѣ 1828 г., въ С.-Петербургѣ; тѣло его погребено на кладбищѣ Александровской лавры.

М. Ж.

простирающіяся до тысячи рублей тѣмъ кои онымъ подвергнулись до наступающаго 1800 года и содержатся за то въ Санктпетербургѣ въ тюрьмахъ, всемилостивѣйше прощаемъ — повелѣвая оныхъ съ нихъ не взыскивать, и ихъ изъ подъ караула освободить. Пребываемъ къ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Г. Гатчина, декабря 8 дня 99 г.

Примѣчаніе: Все письмо и подпись — руки государя. Помѣта: «№ 25».

XXXIII.

Господинъ генераль отъ кавалеріи графъ фонъ-дербъ-Паленъ. Состоящій въ казенномъ вѣдомствѣ въ 1-й адмиралтейской части, подъ № 54 бывшій Пажескій домъ, всемилостивѣйше пожаловали мы въ вѣчное и потомственное владѣніе лейбъ-медику, коллежскому совѣтнику Гриву, *) со всемъ принадлежащимъ къ оному дому мѣстомъ и строеніемъ, вслѣдствіе чего имѣете вы сдѣлать по сему предмету должное распоряженіе. Пребываемъ къ вамъ благосклонны. Павелъ.

С.-Петербургъ, декабря 30 день, 1799 г.

Помѣта: «№ 28».

*) Этотъ лейбъ-медикъ «Гривъ» былъ сынъ доктора Якова Гриве (1703 — 1763), отъ второго брака съ Елизаветой Тамесъ. Единокровная сестра его, Юганна, была за лейбъ-медикомъ Яковомъ Монсеємъ.

М. X.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АРХИВЪ

КНЯЗЯ М. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО,

(1745—1813).

нынѣ принадлежащій правнуку его Ѳ. К. Опочинину.

III*).

Письма Голенищева-Кутузова къ женѣ.

Продолжаемъ выдержки изъ небольшихъ, но многочисленныхъ семейныхъ писемъ М. И. Голенищева-Кутузова. Многія изъ нихъ мы совершенно опускаемъ, такъ какъ они, кромѣ чисто домашнихъ распоряженій, ласкъ и заботъ о дѣтяхъ ничего не заключаютъ.

Замѣтимъ при этомъ, что печатаемая нынѣ письма кн. М. И. Голенищева-Кутузова мы препровождали на просмотръ къ одному изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ ветерановъ отечественной войны 1812 года, къ И. П. Липранди. Возвращая ихъ, съ отгѣтками и примѣчаніями, генералъ Липранди въ слѣдующихъ словахъ выразилъ свое мнѣніе: «...Приношу душевную благодарность за доставленіе мнѣ случая—узнать князя такъ, какъ нѣкоторые изъ приближенныхъ къ нему знали его; сознаюсь, что, относительно душевныхъ качествъ его, далеко не раздѣлялъ ихъ сознанія, а принадлежалъ къ большинству — совершенно различнаго мнѣнія. Въ 1812 году, по обязанности, какъ оберъ-квартирмейстеръ, я ежедневно выдавалъ его, иногда не нѣскольکو разъ — пріѣзжая за двенадцатію, и не разъ посылаемъ былъ къ нему въ бородинскій день съ донесеніемъ; но это ознакомляло меня только—какъ съ полководцемъ; изъ возвращаемыхъ же писемъ, онъ весь на распаху, въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ, и я такого мнѣнія, что собранныя всѣ эти письма въ хронологическомъ порядкѣ пролиятъ бы большой свѣтъ на лучшую эпопею нашей отечественной исторіи».

«Относительно мѣста погребенія его внутренностей, въ окрестностяхъ Бунцау, отъ современниковъ я не могъ добиться толку, но ми имѣлъ современныя статьи о семъ, съ достаточною подробностью говорящія о мѣстѣ, какъ напримѣръ Мих. Данилевскаго, бывшаго при немъ, и еще какаго-то московскаго профессора, чрезъ два года посѣщавшаго Бунцау и мѣстность

*) См. «Русскую Старину» 1870 г., т. I, издан. перв., стр. 249 и 325; издан. второе, стр. 483; т. II, стр. 498;—1871 г., т. III, стр. 49 и 201. Ред.

погребенія его внутренностей, съ очень достаточною подробностью и авторитетъ этотъ не подлежитъ сомнѣнью: времена измѣнились, теперь всѣ знаютъ гдѣ погребенъ какой-либо комедіантъ, но».....

И. П. Липранди.

Для объясненія фактовъ, упоминаемыхъ въ предлагаемой серіи писемъ—отмѣтимъ, что Кутузовъ въ концѣ 1809 г., вслѣдствіе неудовольствій съ ка. Прозоровскимъ былъ отозванъ изъ молдавской арміи и назначенъ Литовскимъ военнымъ губернаторомъ. Мих. Илар. пробылъ въ Вильнѣ полтора года. Въ мартѣ 1811 г. назначенный главнокомандующимъ дунайской арміей, отправился въ Бухарестъ; куда и прибылъ 7-го апрѣля; 22 іюня близъ Рущука съ 18 т. войска разбилъ 60 т. турецкую, бывшую подъ начальствомъ его давняго знакома Ахметъ-Бея. Затѣмъ заманивъ часть турецкой арміи на лѣвый берегъ Дуная, онъ ее полонилъ 26 ноября, а другую часть—вновь разгромилъ на правомъ берегу, взявъ въ тоже время Силистрію и Туртукай. Портретъ государя и возведеніе въ графское достоинство были наградами за компанію 1811 г. Первые мѣсяцы 1812 г. проведены Кутузовымъ въ заботахъ о заключеніи съ турками мира, тѣмъ болѣе необходимаго, что Наполеонъ уже подвигался на Россію. Миръ заключенъ 16 мая 1812 г. Начальство надъ арміей сдано Чичагову. Изъ Бухареста Кутузовъ переехалъ въ Волынскую губ., въ помѣстье Горошки. Въ іюнѣ прибылъ въ Петербургъ; 17 іюля избранъ дворянствомъ въ начальники ополченія; возведенъ въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости; 8 августа сдѣланъ главнокомандующимъ; 11 августа отъѣздъ изъ Петербурга; 17 августа прибытіе къ арміи; 22 августа въ Бородинѣ; 26 августа бородинская битва; 29 августа на дорогѣ къ Москвѣ.

Ред.

1810.

16-го января. Вильна. Буду отвѣчать на твое прежнее письмо объ деревни. [Мнѣ всегда нехотѣлось продавать деревни, для того, что, продавши деревню, издержатся деньги, и не будетъ ни денегъ, ни деревни; а ежели такіе большіе авантажи, какъ ты, мой другъ, говоришь, то напиши во мнѣ за сколько продать можно, и какъ распорядиться деньгами.

Слухи обо мнѣ въ Петербургѣ, объ которыхъ ты пишешь, не дай Богъ, чтобы сбылись. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ, Михайло Го. Ку **).

4-го февраля, Кіевъ (1810 г.?). Контракты были дрескверные; я былъ иногда въ отчаяніи, думая о твоёмъ положеніи; даже съ горестію всегда принималъ твои письма; а иногда не могъ собраться и писать къ тебѣ, и безпокоюсь день и ночь. Наконецъ вотъ что могъ сдѣлать для тебя: посылаю за поташъ жемчугу, тысячъ на тридцать ассигнаціями. На всякой связкѣ написана цѣна, сверхъ того два веселя Комаровскому, изъ которыхъ онъ одинъ тотчасъ заплатитъ,

**) Во всѣхъ письмахъ окончаніе такое же, т.-е. «дѣтямъ благословеніе, вѣрный другъ Михайло Го. Ку.»

Ред.

а другой погода, какъ получить деньги. Обоихъ векселей будетъ на двадцать двѣ тысячи, а потому и нечего жемчуга бросать за бездѣнокъ и торопиться продавать. По здѣшнему считаютъ жемчугъ этотъ недорогъ и цѣна сходная, для того, что я уступилъ по полтора серебрянныхъ рубля съ берковца. Всего у тебя сберется пятьдесятъ и нѣсколько тысячъ, и когда изворотиться, то отдай изъ нихъ Парашинькѣ, Катинькѣ и Дашинькѣ, по три тысячи. Аннушкѣ и Лизанькѣ уже я отправлю. Ты видишь мой другъ, что это, что я тебѣ послалъ, гораздо больше моего полугодового дохода. Увѣдомь, всѣ ли въ банкъ внесены проценты. Если малаго чего недостаетъ, то доплатишь. Я взялъ еще 2,000 за поташъ, но долженъ былъ на контрактахъ заплатить долгу князю Долгорукову двѣ тысячи червонныхъ за долгъ, который сдѣлалъ ѣдучи въ армію, тысячу черв. за хлѣбъ, что въ деревнѣ купленъ на фабрики, да плутовской процессъ проигралъ безъ меня на полторы тысячи червонныхъ; да на переводъ банкира Виленскаго также заплатилъ. Да Лизанька что нибудь стоитъ. Этого не жаль, только бы было ей въ пользу. А за всѣми за этими расходами, Богъ знаетъ, какъ буду жить цѣлый годъ. Можетъ быть, мой другъ, тебѣ не будетъ нужды, какъ мнѣ кажется, заглядывать дому. Обо всемъ меня увѣдомь. Съ Маріей Дмитріевной я кончилъ и твой вексель къ тебѣ пришлю.... Заѣду въ Горошки на два дни и оттуда въ Вильну. Катериновскую дачу продалъ за 45,000 ассигнаціями. Деньги заплатить, или въ маѣ, или на будущихъ контрактахъ, а пока платить по осьми процентовъ. Райгородокъ объявилъ, что продаю, но такъ много эти контракты продажъ, что нѣтъ способу; однако взялъ время подумать Шодуаръ, купецъ, и предлагаетъ, чтобы взять деньги съ князя Зубова. Можетъ быть изъ этого что-нибудь выйдетъ....

12 апрѣля. Вильна.Я въ Ведерниковѣ *) очень ошибся и никакого счету отъ его получить не могу, и теперь объ деревняхъ меньше знаю, чѣмъ прежде; и ко мнѣ пишетъ, чтобы я отъ его денегъ не требовалъ, что много ему надобно, много расходовъ и формально отказывается, между тѣмъ, заводитъ новости, по русскому обычаю, и жалобы отъ мужиковъ превеликія. Это все тѣмъ печальнѣе, что здѣсь жить очень дорого, однако какъ-нибудь лучше я буду въ долгъ жить, чѣмъ вы. Однако же, ей Богу, отъ Ведерникова письма голова кругомъ пошла, не знаю, что я буду дѣлать....

23-го апрѣля. Вильна.Объ деньгахъ я въ превеликомъ затрудненіи. Богъ знаетъ какъ я исправлюсь. Особливо боюсь на смерть,

*) Управляющій въ имѣніи Кутузова въ Подольской губерніи.

чтобы не ввести въ бѣду Парашеньку и поспѣть переслать къ июню въ Петербургъ. Ведерниковъ чисто отказался, что у него денегъ не будетъ, и съ поташомъ ввелъ меня въ хлопоты съ купцомъ, для того, что поташа по срокъ не поставили. Жалованья возьму тысячи двѣ, но много ли это, и здѣсь живу въ долгъ. Много надобно было завести. Живописца на большіе портреты здѣсь нѣту, а есть миніатюрные, изъ которыхъ одинъ меня уже и пишетъ....

8-го мая. Вильна. Посылаю, мой другъ, 3,000 рублей, и то заложишь табакерку, чтобы скорѣе достать, отошли поскорѣе въ банкъ.

У меня новый способъ лечить глаза, то-есть не мочить ничѣмъ, кромѣ что легохонько обтирать. Есть такого рода боль, что ничѣмъ нельзя мочить, а ежели очень зудять, или ломать, то налить въ маленькую скляночку воды, и завернувъ въ салфетку, держать у глаза, отчего боль тотчасъ унимается.

19-го іюля. Вильна.Скажи пожалуйста что нибудь объ Иванѣ Логиновичѣ, каковъ онъ, хотя живъ ли? Ломоносовъ, о которомъ ты пишешь, раненный возвратился изъ чужихъ краевъ, очень умный человѣкъ. Онъ здѣсь былъ дни три и съ женою, которая сестра Остеновой....

19-го октября. Вильна. Это письмо, мой другъ, должно придти вмѣстѣ съ Дашенькой, которая меня, видя ихъ вмѣстѣ съ мужемъ, очень обрадовала. Онъ необыкновенно хорошій человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ *). Объ себѣ скажу, что я. слава Богу, здоровъ. Все увидишь и услышишь отъ Опочинина. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

23-го ноября. Вильна. Милая Аннушка здравствуй. Я давно, мой другъ, къ тебѣ не писалъ, да и ты давно уже ко мнѣ не пишешь. Это, я думаю, оттого, что была больна Катерина Ильинишна. Je ressue jé né sais comen une lètre dé Lise par Mauskou, ou jé trouve dé la poésie dé Michel, pour le jour dé sa grande maman, malgré tous les plesirs de Vilno qui jé vous assure ne manque point, jé m'en nue souvent loin dé vous. J'ai tous cependant pour mé plaire issi, car jé baucoup d'ammis dé deux séxes **). Я думаю, что Мишинька начинаетъ меня забывать и мнѣ этого очень жаль. Rapélez vous ou pou

*) Федоръ Петровичъ Опочининъ, родной дѣдъ владѣльца настоящихъ бумагъ, Федора Константиновича Опочинина. Фед.

***) (Переводъ). Я получилъ, не знаю какъ, отъ Лизаньки письмо, черезъ Москву, въ которомъ нашель стихи Миши на день рожденія его бабушки. Несмотря на всѣ виленскія удовольствія, въ которыхъ, увѣрю васъ, нѣтъ недостатка, я часто вдали отъ васъ скучаю. Здѣсь однако я нахожу все, чтобы здѣшняя жизнь могла мнѣ нравиться, ибо имѣю многихъ друзей обоего пола.

d'une mad. Tikozka à Varsovie dé la société de mad. Vauban? Si vous vous en rappelez dite lui un mot dans une de mes lettres *). Всѣхъ сестрицъ поцѣлуй **).

1811.

16-го февраля, Вильна.... Что не слышать объ столовыхъ деньгахъ? Это очень скучно. Здѣсь разореніе жить,—такая дороговизна, что невѣроятно. Все, что въ Петербургѣ мѣдный рубль, то здѣсь серебряной.... Какъ Валъвильша играла Зоиру? Здѣшнимъ театромъ нечего хвастать. Что хорошо, такъ это редуты. Много очень и хорошо танцуютъ. Сегодня я обѣдалъ у Шуазелевой, то-есть Потопея, которая была фрейлинка и много ѣла. Теперь ѣсть меньше и говорить, что во дворцѣ ѣла много отъ голоду...

20-го февраля, Вильна. Я, мой другъ, весьма заботился, какъ бы тебѣ доставить деньги на заплату долга, и другого способа не изобрѣлъ, какъ просилъ князя Волконскаго, который поѣхалъ въ Москву, чтобы тотчасъ отправилъ къ тебѣ 2,500 руб., а его, столько же принялъ здѣсь на себя долгу, который заплачу кой часъ продамъ поташъ; а 1,500 пришлю непременно на будущей почтѣ, отселѣ прямо. Увѣдомь, пожалуйста, о полученіи ихъ, и какъ долгъ заплатишь. Здѣсь была вчера съ Полънова, проѣздомъ изъ Вѣны. Я у ней два раза былъ. У насъ вчера съ карнавалъ кончился, а у насъ еще продолжается до середины. Очень дико, что сегодня чистый понедѣльникъ, а спектакль, и завтра послѣдній маскарадъ...

1-го апрѣля, Букарестъ. Сейчасъ отправляю фельдъегеря и скажу тебѣ, мой другъ, что я до арміи доѣхалъ. Я къ тебѣ не писалъ съ тѣмъ фельдъегеремъ, который ѣхалъ при выѣздѣ моемъ изъ Вильны. Сейчасъ получилъ твое письмо и отъ Дашечки. Я очень новорожденную люблю. Внуки у меня имѣютъ преимущество передъ ввучатами.

6-го апрѣля, Букарестъ. Я, мой другъ, доѣхалъ до Букареста здоровъ; но здѣсь нѣсколько дней похворалъ желудкомъ; но это прошло. Николай Михайловичъ (Каменскій ***) очень худъ, было легче,

*) (Переводъ). Помните ли, или нѣтъ, мадамъ Тихоцкую въ Варшавѣ, изъ общества г-жи Вобанъ? Если помните, скажите ей словечко въ одномъ изъ нашихъ писемъ.

***) Французскія слова приведены съ соблюденіемъ правописанія подлинника. Ред.

***) Графъ Каменскій назначенъ былъ вмѣсто кн. Багратиона главнокомандующимъ молдавской арміи (въ февралѣ 1810 г.). Въ 1811, уже въ тяжелой болѣзни получивъ отъ императора рескриптъ, въ коемъ предписано ему сдать команду арміею Голенищеву-Бутузову и отправиться, коль скоро возможно будетъ, въ Житомиръ, гдѣ принять начальство надъ 2-ю арміею, но смерть постигла его 4 мая 1811 г. Онъ скончался на 34-мъ году отъ рожденія.

но сдѣлалась жестокая грудная болѣзнь; сегодня опять немного лучше. Богъ знаетъ на долго ли? Я ему не велѣлъ сказывать, что я приѣхалъ, и онъ думаетъ, что командуетъ арміей. Отъ Лизаньки еще здѣсь не получалъ извѣстій, но она чрезъ два моихъ письма знаетъ, что я изъ Вильны поѣхалъ и я писалъ къ ней ѣдучи чрезъ Яссы. Больше писать недосугъ.... Сейчасъ пришли мнѣ сказать, что Николаю Михайловичу сказали, что я скоро буду на его мѣстѣ; чему онъ очень обрадовался, говоря, что онъ никакъ не выѣдетъ прежде моего приѣзда и потомъ уѣдетъ въ Одессу.

13-го апрѣля, Букарестъ.... Вчерась первый разъ былъ у Каменскаго, такъ какъ будто бы только приѣхалъ. Обрадовался очень и оба мы заплакали. Отъ слабости такъ худа у его память, что чрезъ минуту все забудетъ о чемъ говорилъ и спрашиваетъ то же, но обо мнѣ очень часто вспоминаетъ и заботится очень объ квартирѣ моей и обо всемъ, что мнѣ надобно. Пока у его былъ—безпрестанно: „дадюшка“ и руки цѣлуешь. Только припадки его все худы; нынѣче показалось новое. Доктора называютъ эпилептическіе обмороки и это очень опасно...

15-го апрѣля, Букарестъ. Сегодня ѣдетъ адъютантъ Каменскаго въ Петербургъ... Кромѣ болѣзни бѣднаго Николая Каменскаго (котораго я очень люблю и жалѣю)... здѣсь все хорошо. Только сдѣлалось печальное приключеніе третьяго дни: князь Суворовъ, бывъ въ Букарестѣ, возвращался въ Яссы, гдѣ стоитъ его дивизія, приѣхалъ къ рѣкѣ Рымнику, которая такъ, какъ здѣшнія рѣки, вдругъ наводнилась. Всѣ тутъ бывшіе, видя невозможность, уговаривали его не ѣхать въ бродъ, но онъ по упрямству никого не послушался и поѣхалъ; коляску оборотило верхъ дномъ, три человѣка спаслись, а онъ утонулъ. Съ симъ адъютантомъ послалъ рапортъ. Замѣчательно то, что на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ его побѣдилъ и названъ Рымникскимъ, онъ прежде переломилъ руку, а послѣ утонулъ. Былъ добрый человѣкъ и здѣсь всѣми любимъ...

23-го апрѣля, Букарестъ. Господинъ Воейковъ, флигель-адъютантъ, возвращается въ Петербургъ и беретъ это письмо, онъ меня всякой день видѣлъ и скажетъ, что здоровъ; но я никогда такъ не берегся. Бѣдный молодой Самойловъ только что приѣхалъ, то и занемогъ нервной горячкой; трудень, но говорятъ неопасенъ! Воейковъ очень честный и добрый человѣкъ; примите хорошо. Николая Каменскаго отправилъ въ Одессу и очень въ худомъ состояніи; дай Богъ, чтобъ довезли....

26-го апрѣля, Букарестъ. Сегодня отправляется курьеръ и сколь мнѣ ни хлопотно, однакоже писалъ къ Дашенькѣ и Катинкѣ.

Я съ приѣзду долго прихварывалъ; что-то было на желудкѣ! Теперь, кажется, здоровъ. Вѣда та, что то, что мое здоровье поддерживало, того нѣту, т.-е. веселость по вечерамъ, а этого теперь, по безпрестанной заботѣ, имѣть нельзя. Лучшаго доктора, что былъ въ арміи, Малахова, отпустилъ съ Каменскимъ, а ко мнѣ ходитъ молодой человѣкъ, который былъ нѣсколько знакомъ въ Петербургѣ; можетъ быть и ты слышала, который предсказалъ Вѣлосельскому, что умереть. Здѣсь главное должно беречься, чтобы не простудиться.... Обрѣзкова хочу представить къ себѣ въ адъютанты. Катенинъ ведетъ себя хорошо....

29-го апрѣля, Бухарестъ. Я, слава Богу, здоровъ, но отъ хлопотъ скучаю и болѣе отъ того, что не знаю когда съ вами увижусь.... Написали мой портретъ миниатюрный, но не очень малъ; сказываютъ, что похожъ чрезвычайно; но для меня не довольно молодъ и не довольно хорошъ. Боюсь съ этимъ фельдъегеремъ отправить, не знаю попадетъ ли въ Петербургъ.... Ежели Анна Ларионовна въ Петербургѣ, то кланяйся пожалуйста. Вчера съ подарили мнѣ здѣшнее дворянство табакерку съ надписью и съ миниатюрой.

3-го мая, Бухарестъ. Спѣшу, мой другъ, отправить курьера, и едва имѣю время написать къ тебѣ, что я здоровъ и для куріозности посылаю проповѣдь здѣшняго митрополита, ученаго грека, говоренную по-гречески въ прошедшее воскресенье въ бытность мою у его въ соборѣ. Сказываютъ, по-гречески прекрасно; въ переводѣ, сказываютъ, многія красоты потеряны; но и тутъ видна глубокая чувствительность вездѣ... Виноватъ, не успѣли послать представленіе объ Обрѣзковѣ....

28-го мая, Бухарестъ. Я еще, слава Богу, здоровъ, мой другъ,— для того, что и мѣсяцы такіе еще, что болѣзней мало. Я всей моей жизни проводилъ въ здѣшнемъ краю до десяти лѣтъ и не былъ еще здѣшними болѣзнями боленъ. Я нечитаю грудной болѣзни, которую я имѣлъ прошлой разъ въ Яссахъ. Не могу я быть лѣто въ Бухарестѣ. Теперь, на первой случай, переносу себя въ Русуку, и конечно до ноября мѣсяца покоенъ не буду... Я не могу теперь въ Русуку съ Лизенькой сѣздать: нѣсколько дней займусь однимъ полномочнымъ турецкимъ, который завтра будетъ для миру. Но это еще все не конгрессъ. Дай Богъ, чтобы хоть чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ обрадовать Государа миромъ... Замѣшались немножко твои 20 тыс.; но надѣюсь, съ будущимъ курьеромъ увѣдомить, что посланы. Дѣтямъ благословеніе. Объ Обрѣзковѣ и Бибииковѣ отправлено.

23-го іюня, лагерь предъ Русукомъ за Дунаемъ. 22-го, то-есть вчера, Богъ всемогущій даровалъ мнѣ побѣду: я выигралъ

баталію надъ визиремъ, который былъ конечно въ шестидесяти тысячъ; это не моими, а конечно вашими молитвами. Слава Богу здоровъ, но усталость такая, что едва могу держать перо. Я весьма доволенъ генералами и любовью солдатъ; дрались на всѣхъ пунктахъ пять часовъ и вездѣ хорошо.... Примѣтенъ анекдотъ, что визирь получилъ отъ меня наканунѣ баталіи шесть фунтовъ чаю; онъ до его охотникъ и приказывалъ мнѣ, приславъ лимоновъ и апельсиновъ. Мы съ нимъ весьма учтивы и часто навѣдываемся о здоровьѣ. Обнимаю тебя, мой другъ, и дѣтей съ внучатами. Боже ихъ благослови. Вѣрный другъ Михайла Го. Кутузовъ.

29-го іюля. Журжа. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, и по сю пору все хорошо. Только никто послѣ баталіи еще не возвратился, оттого и объ васъ ничего не знаю. Письмо къ Марьѣ Антоновнѣ *) вели вѣрно отдать,—это отвѣтъ на ее....

3-го августа. Журжа. Благодарю, мой другъ, за письма съ Кейсаровымъ, въ нихъ много хорошаго есть и худого нѣсколько, но какъ же быть, надобно было писать. Дѣло, которое, какъ ты пишешь, сбыться можетъ, меня не испугаетъ. Не одинъ курьеръ отсалъ не поѣхалъ безъ писемъ. Должны это быть фельдъегеря, которые иногда до меня не доѣзжаютъ съ казною въ Яссы или Букарестъ, и оттолъ возвращаются. Милость государеву я чувствую въ полной мѣрѣ и точно въ такомъ видѣ, какъ я ему писалъ, благодаря. Легче выиграть баталію, нежели какъ всѣхъ наградить по ихъ желанію; такъ и теперь есть недовольные. Денегъ таки-удѣлю тебѣ и съ будущимъ курьеромъ напишу къ Гурьеву. Пусть не сердятся дѣти, что не пишу особливо....

13-го августа. Журжа. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, и вмѣстѣ съ симъ пишу и Лизанькѣ, чтобы ее успокоить. И подлинно, что же я могу сказать противъ Хитрова; вѣдь уже она не въ такомъ положеніи, чтобы намъ ей выбирать жениховъ. Скажите объ Аннушкѣ, пріѣхала ли она и будетъ ли? Мое письмо, что я-было въ Петербургъ писалъ, отослали ли къ ней; да сдѣлай милость не затеряйте письма къ Марьѣ Антоновнѣ....

20-го августа. Журжа. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ. Болѣзней хотя здѣсь и есть, но все трехсуточные. Третьяго дня такъ же было-занемогъ и уже здоровъ, кромѣ слабости. Не могу довольно благодарить Бога, какъ здѣсь, въ главномъ корпусѣ, люди хорошо держутся. Болѣзни все маленькія и незначущія. Труднаго времени

*) Вѣроятно Нарышкиной, близкому другу императора Александра I-го.
Ред.

остається до половины сентября. Мои собственные люди всё перебывали больны и теперь всё здоровы. Только въ другихъ мѣстахъ не вездѣ такъ, есть корпусы, гдѣ много лихорадокъ....

Пожалуйста, чтобы не пропало письмо, которое я писалъ къ Марьѣ Антоновнѣ.

26-го августа. Калиени(?). Сегодня, или завтра, ѣдетъ курьеръ въ Петербургъ. Мой другъ, я слава Богу здоровъ, живу въ хатѣ и про турковъ не слышимъ.

Кажется, здѣсь болѣзней нѣтъ, кромѣ обыкновенныхъ, лагерныхъ, то-есть, желудочныхъ, но я мало воды пью и для того этому неподверженъ. Людей нельзя удержать отъ незрѣлыхъ фруктовъ, и оттого хворають. Денегъ жду всякой день изъ деревни, за поташъ, и тотчасъ пришлю....

27-го августа. Журжа. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ. Сегодня получилъ два твоихъ письма, одно съ Волконскимъ, другое съ Шеншинимъ. Пока успѣю отвѣчать, Волконскому скажи, что его рекомендація у меня всегда хороша будетъ. Посылаю копію съ рескрипта и съ моего письма къ государю. Не знаю, такъ ли я ему хорошо сказалъ, какъ я хорошо чувствовалъ. Рескриптъ очень лестный. Кейсаровъ думалъ, что онъ у тебя есть. Павлушу довели благополучно; я думаю отдать его на годъ въ пенсіонъ въ Одессу, тамъ хорошо и дешево....

Скажи, не пропало ли какъ-нибудь письмо къ Марьѣ Антоновнѣ?

7-го сентября. Журжа. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, и незабочусь никакъ объ визирѣ, которому, Богъ мнѣ поможетъ, не дамъ ни шагу впередъ сдѣлать. Вѣрь, что мы здѣсь очень спокойны. Дѣтямъ благословіе. Вѣрный другъ Михайло Г. Ку.

25-го сентября. Журжа. Я, мой другъ, слава Богу, здоровъ и спокоенъ, для того, что покажѣтъ, по милости Божіей, все-таки понемногу непріятеля бьемъ, и уповаю, что будетъ всему хорошій конецъ. Дай Богъ, чтобы сіе нашло тебя здоровую. Дѣтямъ кланяйся, поблагодари за письма, извини, что не пишу. Боже ихъ благослови....

3-го октября. Близъ Журжи. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ. Визирь больше нежели когда-нибудь раскаивается что перешелъ Дунай. Вчера было происшествіе, которое не часто бываетъ: отъ меня корпусъ на той сторонѣ Дуная атаковалъ визирской лагерь, который со всѣмъ богатствомъ взять. Визирь убѣжалъ, съ своимъ войскомъ по сю сторону, къ своему главному корпусу и окруженъ отсюда. Дай Богъ добрый конецъ всему; люди наши свѣжи и храбры. Теперь надобно только Богу молиться. Дѣтей всѣхъ цѣлую. Боже ихъ благослови. Вѣрный другъ Михайло Го. Кутузовъ.

10-го октября. При Слободен или при Журжѣ. Я, мой другъ, славу Богу, здоровъ, только такъ усталъ, что на силу кожу, нѣсколько мѣсяцевъ на аванпостахъ. Съ визиремъ зачалъ и о мирѣ говорить. Турки, которые заперты восемь дней, уже ѣдятъ лошадиное мясо, безъ хлѣба и безъ соли, и не сдаются. Вотъ письмо къ Ка. Алексан. Бибиковой *); отправьте отъ себя и поручите кому сказать ей осторожно; впрочемъ ему очень хорошо и онъ здоровъ. Визирь мнѣ приказалъ сказать, что онъ хочетъ опробовать гдѣ ему лучше будетъ жить, у дяди, или у отца, то-есть отецъ онъ. Вчера съ къ визирю привезли десять лимоновъ, изъ которыхъ онъ отдалъ ему пять....

16-го октября. Журжа. У меня все идетъ хорошо, слава Господу силъ. Армія турецкая заперта. Силистрія и Туртукай взяты, у Видина Зассъ прогналъ турковъ за Дунай и самъ переходитъ. Объ мирѣ говоримъ, только хлопотъ много и заботъ. Дѣтямъ мое благословеніе, впередъ буду писать къ нимъ много. Вѣрный другъ Михайло Г. К.

17-го октября. Журжа. Сегодня, мой другъ, получилъ твое письмо отъ 5-го октября и сегодня же отправляю курьера. Скажу, что я, слава Богу, здоровъ, но въ хлопотахъ и объ мирѣ, и объ войнѣ. Съ послѣднимъ курьеромъ забылъ сказать, что Бибикова визирь прислалъ ко мнѣ, безъ размѣна и безъ всякой отъ меня просьбы. Онъ хотя не тяжело раненъ, но отпускаю его полегчить въ отпускъ. Рука можетъ быть у его нѣсколько проболить. Объ Албрехтѣ не забуду....

29-го октября. Журжа. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, послѣднее письмо получилъ со своимъ офицеромъ, который у тебя жилъ. Знаю по твоему письму, что получили извѣстіе отъ меня объ сраженіи 2-го октября, но отъ двора еще ни строчки не имѣю. Не знаю писалъ ли я тебѣ, что я Бибикова отпустилъ, для излеченія раны, домой. Впрочемъ я забочусь очень о мирѣ, и визирю кажется очень хочется, видно онъ удержался на мѣстѣ, чему я, признаюсь, радъ, онъ изъ турковъ рѣдкій; онъ могъ лишиться и головы, и это бы меня очень опечалило. Дѣтки любезныя, и дѣтки ваши, Боже васъ благослови....

11-го ноября. Журжа. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, забочусь и хлопочу безпрестанно.... Дѣтки мои милныя, ей Богу, не могу къ вамъ писать особливо, такъ голову отъ хлопотъ раздуло, что ни что нейдетъ въ голову. Боже васъ благослови.

26-го ноября. Журжа. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, все у меня хорошо и все по желанію. Сегодня армія турецкая, что на

*) Павелъ Бибиковъ былъ взятъ турками въ плѣнъ.

этой сторонѣ, вышла безъ оружія и ее поведутъ по деревнямъ. Оставили 56 пушекъ въ ретраншементѣ и наши пойдутъ по квартирамъ. Ежели Богу угодно, то на сихъ дняхъ буду въ Букарестѣ. Спѣшу отправить курьера наскоро.

Забылъ тебя поздравить графиней, но указу еще нѣтъ здѣсь. Долго не было отъ меня курьера, для того, что нѣсколько времени это тянулось и всякій день дожидался конца, и насилу дождался.

Любезныя, милыя и единственныя мои дѣтки, простите, что не пишу, въ Букарестѣ награжу все, много буду писать. Боже васъ и дѣтей вашихъ благослови. Кланяйтесь мужьямъ.

13-го декабря. Букарестѣ. Наконецъ приѣхалъ отдыхать въ Букарестѣ, послѣ такой трудной кампаніи. Не мудрено, что я при довольномъ здоровьи состарѣлся, это самъ вижу по лицу. Только, кажется, Букарестѣ очень былъ радъ меня увидѣть; встрѣча была превеликолюбная, и два дня городъ былъ иллюминированъ и вездѣ были транспаранты съ греческими надписями и иные очень, сказываютъ, хороши, вездѣ что-то много Темистокла. Вчерась, въ день рожденія государя, у меня былъ большой обѣдъ и въ клубѣ балъ, гдѣ людей множество было, домъ большой и повернутыя были негдѣ. Ты, мой другъ, пишешь: скоро ли надѣюсь быть съ вами? Это Богъ знаетъ и врядъ эту зиму буду ли, не такъ-то скоро какъ вы думаете, и право иногда очень скучно. Албрехтъ представленъ въ офицеры. На сихъ дняхъ ѣдетъ въ Петербургъ Бенкендорфъ, съ нимъ буду писать. Къ Аннушкѣ, Парашѣ и Лизанкѣ писалъ съ этимъ курьеромъ, а къ меньшимъ напишу съ будущимъ, не успѣешь вдругъ ко всѣмъ....

1812.

4-го января, Букарестѣ. Поздравляю тебя, мой другъ, съ новымъ годомъ, и всѣхъ васъ. Я, слава Богу, здоровъ, но не очень весель, для того, что грущу объ васъ. Сегодня получилъ письмо твое съ Лачиновымъ и оставилъ его у себя на ординарцахъ. Дипканца послалъ въ Кіевъ, онъ оттуда пришлетъ денегъ, что только возможно будетъ. Вложенное здѣсь письмо къ Баншаурову, сдѣлай милость отдай скорѣе. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ Михайла Г. Ку.

19-го января, Букарестѣ. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, и грущу также, какъ ты, что живу Богъ знаетъ гдѣ и въ старости никого своихъ не вижу. Честолюбія во мнѣ никогда не было, а теперь что старѣе, то меньше. Сен. Мобанъ приѣхалъ и кажется малый очень изрядный. За кружку благодарю, но дорогой разбилась; однако же велѣлъ склеить. Объ Ильинѣ и я забочусь; но не знаю, что удастся. Получила Анна Степановна Протасова мое письмо? Что

сдѣлали съ векселями Комаровскаго? Любезнаго Федора Петровича (Опочинина) поздравляю и ея превосходительство Дашеньку; обоихъ цѣлую и благодарю за табакъ.

12-го февраля, Бухарестъ. Давно, мой другъ, не получалъ отъ тебя писемъ.... Я съ недѣлю хворалъ, не здѣшнею болѣзною, но колики мои обыкновенныя, или геморроидальный кашель. Вообще я старѣюсь и, право, служить мнѣ уже становится очень трудно. Здѣсь сегодня въ Бухарестѣ вещь небывалая: Romberg даетъ концертъ, по два червонца за входъ, и будетъ, конечно, множество. На сихъ дняхъ дѣлали отъ насъ четыре экспедиціи на льду за Дунай;—всѣ счастливы. И Самаринъ былъ въ одной....

20-го февраля, Бухарестъ. Я, слава Богу здоровъ, мой другъ; сегодня получилъ твое письмо отъ 17-го генваря, по почтѣ, но свѣжія твои письма, отъ 3 и 4 февраля, съ курьеромъ. Не знаю, мой другъ, какъ бы съ тобой видѣться. Надежда къ миру еще не исчезла; полномочные живутъ здѣсь. Ежели же продолжится война, то мнѣ никакъ нельзя будетъ быть въ Бухарестѣ въ маѣ мѣсяцѣ. Сегодня ѣдетъ курьеръ съ извѣстіемъ объ экспедиціи, которая была сдѣлана по берегу Чернаго моря удачно: плѣнныхъ до 1,000 чело-вѣкъ и много городовъ разорили... Мнѣ тошно какъ я объ васъ и объ внучатахъ вздумая; многихъ и въ лицо не знаю. Старость болѣе всего требуетъ домашняго утѣшенія, а что я старъ, то право чувствую. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ Михайло Г. Ку.

3-го августа, Бронницы. (На дорогѣ изъ Спб. къ арміи). Вчера былъ въ соборѣ новгородскомъ и молился объ васъ. Сегодня получилъ подарки отъ султана; не очень мудрены. Хотѣлъ отправить съ Кудашевымъ, но съ великимъ княземъ никого нѣтъ, кромѣ камердинера.

16-го августа, Торжокъ. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, и завтра буду въ арміи. Дѣтямъ благословеніе. Всѣмъ кланяйся....

Генераль Бенитсенъ здоровъ и со мною воротился въ армію; скажи это Марѣ Оадѣевнѣ.

19-го августа, при Гжацкой пристани. Я, слава Богу, здоровъ мой другъ, и питаю много надежды. Духъ въ арміи чрезвычайный, хорошихъ генераловъ весьма много. Право недосугъ, мой другъ. Боже благослови дѣтей. Вѣрный другъ Михайло Г. Кутузовъ *).

22-го августа (при селѣ Бородинѣ). Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, и съ надеждой на Бога; армія въ полномъ духѣ. Солдаты изъ Смоленска вынесли чудотворный образъ Смоленской Богоматери

*) Письмо это имѣетъ, для исторіи, огромное значеніе: оно писано семейству, а потому въ немъ высказана правда о духѣ арміи, которую Барклай умѣлъ сохранить.

29го абагеман.

Вітаємо Вас з усією родиною з
дружб. і привітаннями від
імени Самкиїв та
Гонимих дітей. Усім
Григорієм, Євгені
дружб. ~~та~~ Михайло П. П.

и сей образъ вездѣ сопутствуетъ намъ. Всѣмъ нашимъ кланяюсь. Дѣтямъ благословіе. Вѣрный другъ Михайло Г. К. *).

29-го августа (село Кожухово, близъ Можайска). Я слава Богу здоровъ, мой другъ, и не побить, а выигралъ баталію надъ Бонапартнемъ. Дѣтямъ благословіе. Вѣрный другъ Михайло Г. К. **).

*) Въ этотъ день армія заняла позицію бородинскую, Кутузовъ остановился на мѣстѣ «Татариново» въ $\frac{1}{2}$ верстѣ за позиціею. Здѣсь повтореніе о духѣ арміи и это письмо есть драгоцѣнный документъ. И. Л.

**) Вполнѣ справедливо, что честь бородинскаго дня принадлежать намъ: Наполеонъ насъ атаковалъ и успѣлъ только въ томъ, что нашъ лѣвый флангъ отступилъ на вторую позицію, не потерявъ своихъ правыхъ флангомъ связи съ лѣвымъ остальной арміи. Армія оставалась на занимаемой ею позиціи послѣ прекращенія дѣла, т. е. натисковъ Наполеона, еще семь часовъ и выступивъ изъ Можайску не оставила никакого слѣда, что всѣ французскіе историки свидѣтельствуютъ. Авангардъ-же Платова занималъ позицію до полудня 27-го числа, бригада пѣхоты Де-Росси стояла у самихъ горокъ до полудня-же 27-го числа, и только тогда, когда Платовъ получилъ приказаніе отступать, непріятель началъ медленно двигаться за нами и пр. Слѣдовательно въ военномъ смыслѣ побѣда за нами, ибо Наполеонъ насъ не сломилъ. Въ моей книгѣ Пятидесятилѣтіе бородинской битвы это разъяснено подробно по самымъ иносемнымъ фактамъ.

И. П. Дипради.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. Е. К. Опочининъ.

К. О. РЫЛЪЕВЪ.

Въ настоящее время—когда всѣми уже сознано, что сочиненія Рылѣева, не имѣя ничего общаго съ его политическою дѣятельностью,—принадлежать къ чисто литературнымъ и притомъ замѣчательнымъ по таланту произведеніямъ,—полное и тщательно составленное собраніе ихъ, въ ряду изданій прочихъ сочиненій лучшимъ русскихъ поэтовъ, положительно необходимо. По этому мы искренно желаемъ, чтобы изданіе предпринятое дочерью поэта, почтенною Н. К. Пущиной,—вышло скорѣе въ свѣтъ; за полноту и тщательность его выполненія ручается то, что редакцію его принялъ на себя, по просьбѣ Настасьи Кондратьевны,—извѣстный библиографъ П. А. Ефремовъ.

Съ своей стороны «Русская Старина» впервые послѣ многолѣтняго перерыва напомнила читателямъ многія, лучшія произведенія талантливаго автора поэмы «Войнаровский». Такъ, П. А. Ефремовымъ разобраны, приведены въ порядокъ и напечатаны въ «Русской Старинѣ», съ подлинныхъ рукописей Рылѣева, значительная часть его произведеній, смотр. въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. II стр. 524—526; 1871 г. т. III стр. 64—114; 485—525; 647; т. IV, стр. 80, 419, 562—571; 1872 г. т., V, стр. 62—68.

Нынѣ П. А. Ефремовъ сообщилъ намъ еще нѣсколько стихотвореній Рылѣева; одно изъ нихъ было помѣщено въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. (библиографическая рѣдкость), а другая въ изданіи сочиненій Рылѣева 1825 г., которое также давно вышло изъ продажи. Ред.

Вотъ отрывокъ изъ предисловія, которое предпослано Рылѣевымъ „Думамъ“ въ его изд. 1825 г.:

„Напомянуть юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнущъ съ лѣтами и творять храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта“.

„Такъ говорить Нѣмцевичъ *) о священной цѣли своихъ историче-

*) Spiewy Historiczne. Niemcewicza. Смот. предисловіе.

скихъ пѣсанъ (Spiewy Historiczne); эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя Думы. Желаніе славить подвиги добродѣтельныхъ или славныхъ предковъ для русскихъ не ново; не новы самый видъ и названіе Думы.

„Дума, старинное наслѣдіе отъ южныхъ братьевъ нашимъ, наше русское, родное изобрѣтеніе. Поляки заняли ее отъ насъ. Еще до сихъ поръ украинцы поютъ Думы о герояхъ своихъ: Дорошенкѣ, Печакѣ, Сагайдачномъ, Палѣѣ, и самому Мазепѣ приписывается сочиненіе одной изъ нихъ. Сарницкій *) свидѣтельствуетъ, что на Руси пѣлись элегии въ память двухъ храбрыхъ братьевъ Струсовъ, павшихъ въ 1506 году въ битвѣ съ Валахами. Элегія сія, говоритъ онъ, у русскихъ Думами называются. Соглашая заунывный голосъ и тѣлодвиженія со словами, народъ русскій иногда сопровождаетъ пѣніе оныхъ печальными звуками свирѣли....“

Рылѣевъ.

ДУМЫ.

I.

Глинскій **).

Подъ сводомъ обширнымъ темницы подземной,
 Буда лучъ привѣтный отрадныхъ свѣтлякъ
 Страшнѣе проникнуть; гдѣ въ области темной
 Лишь блѣдный свѣтъ лампы, мерцае, бродякъ,
 Гремѣвшій въ Варшавѣ, Литвѣ и Россіи
 Безславьемъ и славой свершенныхъ имъ дѣлъ,
 Въ тяжелой цѣпи по рукамъ и по выи,
 Князь Глинскій задумчивъ сидѣлъ.

*) Annales Regni Pol. t. II. k. 1198. Слово въ слово: «Anno 1506 duo fratres Strusii, (Felix i Serzy, iak Swiadczy Niesiecki Herb VI, 218) adolescentes bellicosi a Valachis oecubuerunt. De quibus etiam nunc elegiam quas Dumas Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id quod canitur exprimentes, quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus; hæc eadem imitando exprimit». Рылѣевъ.

**) Князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, нѣкогда знатный и богатый литовскій вельможа. Родъ его происходилъ отъ татарскаго князя, выхавшаго изъ Орды во времена В. К. Витовта. Воспитанный въ Германіи, Глинскій принялъ тамошніе обычаи, долго служилъ императору и отличался храбростію и умомъ. Возвратясь въ отечество, онъ снискалъ милость короля Александра и былъ его любимцемъ и другомъ. Когда (въ 1508 г.) Сигизмундъ сдѣлался королемъ, завистники обнесли предъ нимъ Глинскаго. Главный врагъ его былъ панъ Забрзесенскій. Князь Глинскій, обще съ двумя братьями, передался вел. князю московскому Василію Іоанновичу, былъ принятъ имъ съ уваженіемъ и сдѣланъ воеводою. Глинскій оражался противъ своихъ соотечественниковъ и оказалъ особенныя услуги при взятіи Смоленска (1514 г.). Князь обѣщалъ его сдѣлать владѣтелемъ сего княжества; но не сдержалъ слова. Глинскій вошелъ въ пере-

Волось уцѣлѣвшихъ сѣдѣ остатки
 На сморщенно вѣкомъ и грустью чело
 Спадали кудрями, вѣясь въ беспорядкѣ:
 Страданье на Глинскомъ бразды провело...
 Сидѣль онъ склоенный на длань головою,
 Утормоку думой въ янувшемъ лежалъ;
 Заучалъ, средь безмолвья дѣлами порою
 И тяжело, стоная, издыхалъ.

При немъ неотступно въ темницѣ сидѣла
 Прелестная дѣва-отрада слѣнца;
 Свободой, и счастьемъ, и свѣтомъ презрѣла,
 И блажа всё въ жертву она для отца.
 Блескъ пышный чертога для ней замѣнила
 Могильная мрачность темницы сырой;
 Здѣсь дѣвичью прелесть дочь нѣжная скрыла
 И жизни зарю молодой.

«О, долго ли будешь стояла, лить слезы?
 Рекла она нѣжно, печали забудь!
 Быть можетъ расторгнешь сіи ты желѣзы:
 Надежда лелѣветъ и узниковъ груди!
 Быть можетъ, остатокъ несчастливой жизни,
 Спокою волненье и бурю души,
 Какъ гражданинъ вѣрный, на лонѣ отчизны
 Ты счастливо кончишь въ тиши».

«На лонѣ отчизны! воскликнула измѣнникъ,—
 Не мнѣ утѣшаться надеждою сей:
 Страшась угрызений, стонающей плѣнникъ,
 Несчастный, и вспомнить трепещеть о ней.
 Могуль быть покоенъ хотя на мгновецъ?
 Чары совѣсти тайно терзаетъ меня;
 Къ себѣ самому я цитаю презрѣнья
 И мучусь, измѣну кляня.

«Природа дала мнѣ возможныя блага,
 Чтобъ славнымъ быть въ мирѣ, или грознымъ въ войнѣ:

пкему съ Огтемундомъ и нацѣрешъ былъ ему передаться: его схватили, привезли въ Москву и заключили въ темницу. Тамъ онъ просидѣлъ болѣе двѣнадцати лѣтъ. Великій князь женился на его племянницѣ, княжнѣ Еленѣ, дочери брата его Василия. Черезъ годъ, царица выпросила своему дядѣ прощенье (1527 г.) и кн. Глинскій пришелъ еще въ большую силу. По кончинѣ вел. князя, Елена сдѣлалась правительницею государства. Князь Михаилъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ членовъ думы. Неокромная слабость племянницы къ любимцу ея, князю Тельникову-Оболонскому, возбуждала въ немъ справедливое негодованіе: онъ смѣлъ дѣлать ей увѣщанія и подпасть гибну; снова его заключили въ темницу, гдѣ онъ и умеръ (въ 1534 г.). (Примѣч. 1825 г.) П. М. Строева.

Богатство, познавъ, порода, отвага —
 Все съ щедростью было низложено мнѣ
 Желалъ еще славы и лавровъ побѣды;
 Душа трепетала, духъ юный кипѣлъ....
 Вдругъ поднялжся тучей на Польшу соседни —
 И лавръ мнѣ достался въ удѣлъ.

«Могольскія орды влетѣли бѣдою:
 Литва задыхалась въ пылу боевомъ —
 И старцы, и жены, и дѣти толпою
 Влеклися въ неволю сирѣбнымъ врагомъ;
 И въ пепель деревни и пыльные грады;
 И буйный татаринъ въ крови утопалъ;
 Ни вѣку, ни полу не зрѣли пощады —
 Мечъ жадный надъ всѣми сверкалъ.

«Встревожень невзгодой, я къ хищнымъ на встрѣчу
 Съ дружиною храбрыхъ помчался грозой,
 Достигъ — и отважно въ кровавую стѣчу,
 И кровь полилася, напѣваясь, рѣвой.
 Покрылись тѣлами поля и равнины:
 Литвинъ и татаринъ упорно стоялъ;
 Но съ яростью новой за мною дружины —
 И гордый моголь побѣждалъ.

«Боролся съ кончиной властитель державной;
 Тревогой и плачемъ наполненъ дворецъ —
 И вдругъ, о побѣдѣ и громкой и славной,
 Отъ Глинскаго съ вѣстью примчался гонецъ.
 Чело Александра веселость покрыла:
 «Когда торжествуетъ родная страна,
 Онъ рекъ предстоящимъ, тогда и могла,
 Повѣрьте, друзья, не страшна!»

«Симъ подвигомъ славнымъ чрезмѣру надманный,
 Не могъ укротить я волненья страстей —
 И родъ Забржезенскихъ, давно мнѣ враждебный,
 Внезапно средь ночи палъ жертвой мечей.
 Погاہъ онъ — и други мнѣ стали врагами,
 И, предавъ душою лишь мести одной,
 Дерзнулъ я внестися съ чужими полками
 Въ отчаяну свирѣпой войной.

«О мука! о советъ — тиранъ неотступной...
 Ни зрѣище отяговъ родимой земли,
 Ни тайной гласъ сердца малъ днани преступной,
 Въ часъ битвы, исторгнуть меча не могли!
 Среди раздраженныхъ, пылающихъ мщеньемъ,
 И арыхъ, и грозныхъ душой москвитягъ,

Увы, къ преступлѣнью влекомъ преступленьемъ,
Разилъ я своихъ согражданъ!...

«Бой конченъ—и Глинскій узрѣлъ на равнинѣ
Разтерзанныхъ трупы и груды костей;
Душа предалась невольно кручинѣ
И брызнули слезы на грудь изъ очей.
Не въ пору позналъ я тоску преступленья!
Вся гнусность измѣны представлялась мнѣ;
Молилъ Сигизмунда проступкамъ забвенья;
Мечталъ о родной сторонѣ!

«Но гений враждебный о тайнѣ душевной
Царю въ злое время извѣстие далъ,
И русскій властитель, смущенный и гнѣвный,
Раскаянье сердца измѣной назвалъ:
Лишилъ меня зрѣнья убійцы руками,
Забывши и славу и старость мою;
И дадо царицы опутавъ цѣпями,
Забросилъ въ темницу сію.

«Лѣтъ десять живу я въ могилѣ сей холодной;
Ни звѣзды, ни солнце не свѣтять ко мнѣ;
Тоскою, угрюмый, въ душѣ безотрадной
И думой стремлюся къ родимой странѣ.
Примѣтно слабѣю въ утраченныхъ силахъ,
Чуть сердце трепещеть, нѣмѣетъ мой гласъ,
И медленнѣй льется кровь холодная въ жилахъ,
И смерти ужъ близится часъ.

«О дочь моя! скоро, надъ гробомъ рыдая,
Ты бросишь на прахъ мой горсть чуждой земли.
Скорѣе, другъ юный, бѣги сего края:
Отъ милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народъ нашъ, дѣяньями славной,
Издавна извѣстный въ далекихъ краяхъ,
Проступки несчастныхъ отцовъ своенравно
Не будетъ отмщать на дѣтихъ.

«Край милый увидишь—и сердца утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь;
И башни, и храмы, и предковъ палаты,
И сердцу святыя гробницы узришь!
Отда проклиная, дочь милую нѣжно
И ласково примутъ отчизны сыны—
И ты дни окончишь въ тиши безмятежной
На лонѣ родимой страны.

«Пусть рокъ мой—исполненъ тоской и мученьемъ,
Пребудетъ примѣромъ отчизнѣ моей!

Да каждый, пылая преступнымъ отищеньемъ,
 Ищи не помянуть стезею страстей!
 Да идишь во мнѣ моей родины братья,
 Что рано, нль поздно—измѣнѣ взгрезать
 Ужасныя сердцу согражданъ проявлять,
 И совѣсть отъ сна пробуждать!»—

Несчастный умолкнулъ съ душевной тоскою:
 Вдругъ стоишь по темницѣ—и Глинскій уналь
 На дочери лоно сѣдой головою
 И холодъ кончины его оковагь!..
 Такъ Глинскій—мужъ думы и пламенный воинъ,
 Погибъ на чужбинѣ, какъ гнусный злодѣй;
 Хвалы бы онъ вѣчно былъ въ мирѣ достойнъ,
 Когда бы не буря страстей.

II.

Смерть Ермака.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
 Во мракѣ молнии летали;
 Безперервно громъ гремѣлъ
 И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
 Ко славѣ страстию дыша,
 Въ странѣ суровой и угрюмой,
 На дикомъ брегѣ Иртыша
 Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
 Побѣдъ и громозвучной славы,
 Среди раскинутыхъ шатровъ
 Безпечно спали, близъ дубравы.
 «О спите, спите»—мигъ герой,
 «Друзья, подъ бурей ревущей;
 Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
 На славу, нль на смерть зовущій!

«Вамъ нуженъ отдыхъ; сладкій сонъ
 И въ бурю храбрыхъ успокоить;
 Въ мечтахъ напомнить славу онъ
 И силы ратниковъ удвоить.
 Кто жизни не щадилъ своей
 Въ разбояхъ злато добывал:
 Тотъ думать будетъ ли о ней,
 За Русь святую погибая?

«Своей и вражьей кровью смывъ
 Всѣ преступленья буйной жизни,
 И за побѣды заслуживъ

Благословенія отчизни —
 Намъ смерть не можетъ быть страшна;
 Свое мы дѣло совершили;
 Сибирь карю покорена,
 И мы — не праздно въ міръ живи!»

Но роковой его удѣлъ
 Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ,
 И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
 На жертву любопытнымъ взглядомъ.
 Ревѣла буря — дождь шумѣлъ,
 Во мракѣ молніи летали;
 Безперерывно громъ гремѣлъ
 И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ берегахъ,
 Вадымалися сѣдныя волны,
 И рассыпались съ ревомъ въ прахъ,
 Бія о брегъ казачьи чолны.
 Съ вождемъ покой въ объятыхъ сна
 Дружина храбрая вкушала;
 Съ Кучумомъ буря лишь одна
 На ихъ погибель не дремала!

Страшась вступить съ героемъ въ бой,
 Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный,
 Прокрался тайною тропой,
 Татаръ толпами окруженный.
 Мечи свергнули въ ихъ рукахъ —
 И окровавилась долина,
 И пала грозная въ бояхъ,
 Не обнаживъ мечей, дружина...

Ермакъ воспрянулъ ото сна,
 И, гибель зря, стремится въ волны,
 Душа отвагою полна,
 Но далеко отъ берега чолны!
 Иртышъ волнуется сильнѣй —
 Ермакъ всѣ силы напрягаетъ,
 И мощною рукой своей
 Валу сѣдне расцѣкаетъ...

Плыветъ... Ужъ близко челнока —
 Но сила року уступила,
 И закипѣвъ страшнѣй, рѣка
 Героя съ шумомъ поглотила.
 Лишивши силъ богатыря
 Борются съ ярою волною,
 Тяжелый панцирь — даръ царя,
 Сталъ гибели его виною.

Ревѣла буря... Вдругъ луной
Иртышъ кипящій осребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ бронѣ мѣдной озарился.
Носились тучи, дождь шумѣлъ,
И молніи еще сверкали,
И громъ вдали еще гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

III.

Вогданъ Хмѣльницкій.

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникалъ,
Скользя по сводамъ, лучъ дневницы
И ужась мѣста озарилъ —
Въ цѣпяхъ, и грозный, и угрюмый,
Лежалъ Хмѣльницкій на землѣ;
Въ немъ мрачныя кнѣзи думы
И выражались на челѣ.

Темницы мертвое молчанье
Ни стонъ, ни вѣдохъ не нарушалъ;
Надежду мести и страданье
Герой въ груди своей питалъ.
«Такъ, такъ, — ояъ думалъ — часъ настанеть!
Освобожденный отъ оковъ,
Забитый узникъ бурей гранеть
На притѣснителей враговъ!

«Отмстить холодное презрѣнье
Къ священнѣйшимъ правамъ людей,
Отмстить убійства и хищенье,
Безчестье женъ и дочерей!
Позорныя разрушить цѣпи,
И рабства сокруша кумиръ,
Вновь водворить въ родимыя стени
Съ святой свободой тихій миръ.

«Покроеть ржа враговъ молчути
И прахъ ихъ вѣтеръ разнесеть,
Застонуть и жима супруги
И мать дѣтей не обойметъ.
А ты, пришлецъ иноплеменный,
Тиранъ родной страны моей,
Мучитель мой ослѣпелый,
Чашицкій, трепещи, злодѣй!

«За кровь пролитую, за слезы
И женъ, и старцевъ, и сиротъ,

За все—и за сія жегъзы
Тебя мое отмщенье ждѣтъ!..
Но гдѣ о вольности мечтаю?
Увы! въ темницѣ дни влача,
Свой вѣкъ, быть можетъ, окончаю
Отъ рукъ презрѣнныхъ палача!

«И долго, можетъ быть, стеная
Подъ тяжкимъ бременемъ оковы,
Хмѣльницкаго страна родная
Пребудетъ жертвою враговъ!»
Чела страдальца видѣ суровый
Мрачнѣе сталъ отъ думы сей,
И на заржавыя оковы
Упали слезы изъ очей.

Вдругъ слышнть: загремѣли створы,
Со скрипомъ дверь отворена —
И входитъ, потупила взоры,
Младая, робкая жена.
«Кто ты?—Хмѣльницкій зауменный
Представшей незнакомѣ рекъ —
Оковы-ль снять?.. о часъ блаженный!
О, еслибъ этотъ часъ притекъ!

«Иль съ жестокою душою,
Съ презрѣньемъ хладнымъ на очахъ,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня въ цѣпахъ?» —
«О, нѣтъ!—привѣтно провозносить —
Въ душѣ любви нитая жарь,
Жена Чаплицкаго приноситъ
Тебѣ съ рукой свободу въ даръ».

«Жена Чаплицкаго!» — «Мученье
И вмѣстѣ мужество твое
Вдохнули въ душу мнѣ почтенье
И сердце тронули мое:
Я полюбила — и пылала
Изъ смѣхъ оковы тебя извлечь;
Я связь съ тираномъ разорвала;
Будь мой!» — «Я твой!» — «Прими свой мечъ!»

«Мой мечъ!» Хмѣльницкій восклицаетъ, —
«Живъ Богъ!.. и ты погибѣ, злодѣй!
Заря свободы засияетъ
Отъ блеска мстительныхъ мечей!» —
Сребрила доль царяда ноши,
Въ брега волною Дибирь плескалъ,

Огнѣннѣ удива — у рѣчи
Истерѣннѣи конь стоялъ.

Герой всмочилъ, веселья полный,
Летитъ — и зрѣть ноля отцовъ,
И вокругъ его, какъ моря волны,
Рекъ толпятся казачковъ
«Друзья! — онъ къ храбримъ восмаицаетъ —
За мной, чью грудь волнуеть месть,
Кто рабству смерть предпочитаеть,
Кому всего дороже честь!

«Самъ Богъ неборникъ угнетеннымъ!
Вѣдѣи — рѣшительность и я!
На встрѣчу ко врагамъ презрѣннѣи,
На Воды Желтѣя, друзья!»
И вотъ сошлись два народа.
И съ шрестью вступили въ бой
Оъ тѣранотвоиъ бодрѣя свобода,
Климъ отвагою младою.

Сармакъ, и храбрый и надменный.
Вотще уморствовать хотѣлъ;
Вѣнца, рабѣтѣи, побѣжденнѣи,
Вѣшкалъ мечей и ивѣтѣи стрѣлъ.
Преслѣдуя, какъ ангелъ мѣщенѣя,
Герой вездѣ враговъ сражалъ,
И трупѣи ихъ безъ погребенѣя
Волкамъ въ добычу разметалъ!...

И воцарилася свобода
Съ тѣкъ норъ въ украинскѣи стенахъ,
И стала счастиемъ народа
Цвѣсть радость въ селахъ и градахъ.
И чѣя посломъ небесъ желанимъ
Въ замѣну войхъ награды и хвалы,
Вождя-героя — Богомъ даннѣи
Народа общѣи гласъ назвалъ.

IV.

Къ временщику.

(Подражаніе Персѣевой сатиры «къ Рубеллію»).

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ, и другъ неблагодарный,
Нелестный тиранъ родной страны своей,
Внешенный въ важный санъ пронырствами злодѣи!
Ты на меня взирать съ презрѣнѣиемъ дерзаешь,
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый глѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!

Изъ устъ твоихъ хула достойникъ квалъ вѣнецъ!
 Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобой уничиженьемъ!
 Могу-ль увнзяться твоимъ пренебреженьемъ!
 Коль самъ съ презрѣннемъ а на тебя являю,
 И гордъ, что чувства твоихъ въ себѣ не найду?
 Что сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?
 Что власть ужасная и санъ твой величавый?
 Ахъ! лучше скрыть себя въ безвѣтности простой,
 Чѣмъ съ низкими отростами и подлою душой
 Себя, для строгаго оцѣнокъ согражданинъ авора,
 На судъ ихъ выставить, какъ будто для позора!
 Когда во мнѣ, когда нѣтъ доблестей прямыхъ,
 Что пользы въ санѣ мнѣ, я въ вочестяхъ моихъ?
 Не санъ, не родъ — одни достоинства почтены;
 Сеянь, и самне цари безъ нихъ — презрѣны!
 И въ Цицеронѣ мной не вонсулъ — самъ онъ чтимъ,
 За то, что имъ спасенъ отъ Катилинн Ричъ...
 О, мужъ, достойный мужъ! почто не можешь снова
 Родившись, согражданинъ спасти отъ рева авора?
 Тиранъ, востренищи! родиться можеть онъ!
 Иль Кассий, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
 О, какъ на лиръ я потщусь того прославить,
 Отечество мое кто отъ тебя избавить!
 Подъ лицензиремъ ты мыслишь, можеть бить,
 Отъ вора общаго причини ала укрить...
 Не зная о своемъ ужасномъ положенн!
 Ты заблуждаешься въ несчастномъ осгѣпленн!
 Какъ не притворствуешь я какъ ты ни хитришь,
 Но свойства злобныя души не утаишь:
 Твои дѣла тебя изобличать народу;
 Познаеть онъ — что ты стѣсниль его свободу,
 Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищети,
 Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
 Тогда востренищи, о временници надменни!
 Народъ тиранствами ужасенъ разъяренни!
 Но если злобный роетъ, аледѣя полюбя,
 Отъ справедливой мяды я сохранить тебя,
 Все тренищи, тиранъ! — за зло и вѣроломство
 Тебѣ свой приговоръ провзнесеть потомство!
 1820.

V.

Вѣрѣ Николаевнѣ Отольпинной.

Не отравляй души тоскою,
 Не убивай себя: ты мать;
 Священный долгъ передъ тобою —
 Прекраснымъ чадъ образовать.
 Пусть ихъ сограждане увидятъ
 Готовыхъ пасть за край родной,
 Пускай они возненавидятъ

Неправду пламенной душой;
 Пусть въ сонмѣ юныхъ исполноровъ
 На ужасъ гордыхъ ихъ узримъ,
 И смѣло скажемъ: «знайте, имъ
 Отецъ—Столыпинъ, дѣдъ—Мордвиновъ»
 1825.

Примѣчанія: 1. Дума „Глинскій“ первоначально была напечатана въ XIX ч. „Трудовъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности“ и отсюда оттиснута отдѣльной брошюрой (Спб. 1822, in 8°, 8 стр.). Изъ вариантовъ этого изданія мы укажемъ только важнѣйшія; именно 13-я строфа оканчивалась стихами:

Лишилъ меня зрѣнья владыка суровый
 Забивши и славу, и старость мою,
 На дадо царицы надѣлъ онъ оковы
 И свелъ его въ бездну сію.

Послѣдніе же стихи „Думы“, въ перепечаткѣ, помѣщенной въ „Новостяхъ Литературы“ (1822, № 14) были измѣнены такимъ образомъ:

Такъ Глинскій, мужъ Думы и пламенный воинъ,
 Погибъ на чужбинѣ, въ тюремной глуши!
 Хвали-бы онъ вѣчной былъ въ мірѣ достоинъ,
 Когда-бъ не надменность души!

Пользуемся случаемъ, чтобъ указать на крайнюю недобросовѣстность лица, составлявшаго библиографическія примѣчанія къ Лейпцигскому изданію сочиненій Рылѣва, считающемуся лучшимъ. Господинъ этотъ (Л. Л. Л.) вездѣ ставитъ помѣтки: „перепечатано тамъ-то и тамъ-то безъ перемѣнъ“, тогда какъ въ 10-ти случаяхъ 9 обозначается съ перемѣнами, какъ напр. эта „Дума“, или отрывки изъ Воинаровскаго, которые въ „Звѣздѣ“ 1823 года напечатаны полнѣе чѣмъ въ полномъ изданіи 1825 г., или примѣчаніе самого Рылѣва о Волынскомъ, пропущенное въ изданіи 1825 года, и ми. др. Слѣд. Л. Л. Л. только хотѣлъ похвастаться, что онъ работалъ по изданію, а не спекулировалъ.

2. Стихотвореніе: „Бъ временнику“ напечатано Рылѣвымъ, за его подписью, въ ежемѣсячномъ изданіи „Невскій Зритель“ *) (Спб. 1820 г., часть IV, кн. 10, октябрь, стр. 26—28. Книга процензурована Ив. Тимковскимъ); достойно замѣчанія, что вслѣдъ за сатирою помѣщенъ (стр. 29—31), очевидно въ цензурныхъ цѣляхъ, „Польской“, стихотвореніе слабое, но звонкое; при немъ слѣдующее при-

*) Журналъ этотъ издавался съ января 1820 г. по июль 1821 г. Снятиннымъ, Кругликовымъ, Яковлевымъ и Рожновымъ, при постоянномъ участіи В. К. Кюхельбекера и К. Ф. Рылѣва.

мѣчаніе: „Польской—написанный еще въ началѣ 1814 года и доставленный къ издателямъ отъ друга автора К. Θ. Р—ва“. Вотъ нѣсколько строкъ изъ него:

Сыны Россіи! чада славы!
Которымъ равныхъ въ мірѣ нѣтъ!
О, родъ героевъ величавый!
Красуйся средь своихъ побѣдъ.

Х о р ъ.

А ты, премудрый царь—кѣмъ Россіи
Дѣла великія творять,
Велю колоссныя кодоосы
Вселенну въ прахъ преобратать и т. п.

Стихотвореніе подписано „Петръ Ракитинъ“. Кстати замѣтимъ, что буквальный переводъ Персіевой сатиры: „къ Рубеллію“—явился ранѣе перевода Рылѣева; онъ сдѣланъ довольно извѣстнымъ поэтомъ начала XIX вѣка Михайломъ Васильевичемъ Милоновымъ, и напечатанъ въ журналѣ: „Благонамѣренный“, откуда вошелъ и въ собраніе стихотвореній Милонова (Спб., 1819 г. стр. 10—13). Вотъ нѣсколько строкъ этого перевода:

Царя коварный льстець, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестями души, пронырствомъ вознесенный,
Ты мещашъ на меня съ презрѣніемъ твой взглядъ! и т. д.

Современники Рылѣева видѣли въ его подражаніи Рубеллію прямую, грозную и крайне смѣлую сатиру на Аракчеева; впрочемъ злой чамати временщикъ не захотѣлъ себя узнать въ рѣзкомъ портретѣ.

П. А. Вфремовъ.

Первое знакомство Гоголя съ Щепкинымъ.

По поводу послѣдней статьи о Гоголѣ, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“, 1872 г. (т. V, стр. 118—128) сынъ знаменитаго артиста, П. М. Щепкинъ передалъ намъ слѣдующее о первомъ посѣщеніи Гоголемъ семьи его отца, Михаила Семеновича:

„Мы знали, что Гоголь, бывшій профессоромъ петербургскаго университета и только-что напечатавшій „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, пріѣхалъ въ Москву. Это былъ его первый пріѣздъ сюда. Не помню, какъ-то на обѣдъ къ отцу собралось человѣкъ двадцать пять—у насъ всегда много собиралось; столъ по обыкновенію накрытъ былъ въ залѣ; дверь въ переднюю, для удобства прислуги, открыта настежь. Въ серединѣ обѣда вошелъ въ переднюю новый гость, совершенно намъ незнакомый. Пока онъ медленно радѣвался,

всѣ мы, въ томъ числѣ и отецъ, оставались въ недоумѣніи. Гость остановился на порогѣ въ залу и, окинувъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ, проговорилъ слова всѣмъ извѣстной малороссійской пѣсни:

Ходить гарбузь по городу,
Пытается своего роду:
Ой, чи живы, чи здоровы
Вси родичи гарбузовы?

Недоумѣніе скоро разъяснилось — нашимъ гостемъ былъ Н. В. Гоголь, узнавшій, что мой отецъ тоже, какъ и онъ, изъ малороссовъ.

Н. В. Бергъ едва-ли вѣрно подмѣтилъ ту черту характера Гоголя, что онъ былъ въ обществѣ молчаливъ и не общителенъ до странности и оживлялся только столкнувшись нечаянно съ кѣмъ-нибудь изъ малороссовъ. Гоголь въ нашемъ кружкѣ — а большинство было русское — былъ всегда самымъ очаровательнымъ собесѣдникомъ: рассказывалъ, острилъ, читалъ свои сочиненія никѣмъ и ничѣмъ не стѣняясь. Нелюдимомъ онъ являлся только на тѣхъ вечерахъ, которые устраивались такъ часто съ Гоголемъ многими изъ его почитателей и почитательницъ....“

Сообщаемъ эту замѣтку въ убѣжденіи, что нѣтъ ни одной мелкой черты, которая была бы лишней въ отношеніи такихъ дѣятелей, какъ Н. В. Гоголь и М. С. Щепкинъ.

12 января. Москва. 1872 г.

В. И. Веселовскій.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

1814 — 1841.

Лермонтовъ, убитый на 27-мъ году жизни, началъ печатать свои произведенія въ 1837 г., такъ что вся литературная дѣятельность его, насколько она проявилась въ печати, ограничивается менѣе нежели четырьмя годами. До 1837 г. появилось въ журналахъ двѣ его поэмы, но онѣ были сообщены редакціямъ помимо воли самого поэта, хотя писать началъ онъ почти ребенкомъ и первые, сохранившіеся опыты его относятся къ 1828 г., т. е. къ 14-лѣтнему его возрасту. Эти дѣтскіе и юношескіе наброски представляютъ цѣлую массу тетрадокъ, изъ которыхъ бѣольшая часть принадлежитъ къ 1830 и 1831 годамъ. Вѣроятно, Лермонтовъ современемъ уничтожилъ бы ихъ и ничто изъ нихъ не появилось бы въ печати; но преждевременная смерть поэта заставила обратить вниманіе на эти тетрадки тѣхъ лицъ, которые ими владѣли и почти тотчасъ послѣ кончины его начали печататься его дѣтскіе стихи, притомъ безъ всякаго означенія времени, въ которое они были написаны. Издатели сочиненій Лермонтова внесли ихъ безъ всякаго же порядка въ собранія его произведеній, отчего образовалась самая неприглядная смѣсь, ибо на ряду съ превосходнымъ, вполне отдѣланнымъ стихотвореніемъ являлся и дѣтскій лепетъ ребенка. Дудышкинъ, вполне сознавая, что юношескія произведенія поэта вредятъ полнотѣ впечатлѣнія законченныхъ его твореній, но представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики развитія его поэтической дѣятельности, отдѣлилъ ихъ въ особый томъ и пополнилъ еще многими, до того времени не напечатанными. Къ несчастью онъ слишкомъ прихотливо обошелся съ имѣвшимся у него матеріаломъ, ибо, напр., изъ стихотворенія почти въ 60 строкъ онъ бралъ 21-ю и 22-ю, потомъ 25—30-ю и печаталъ, не означая, что это отрывокъ и даже не указывая, что между 2 и 3 стихами сдѣлалъ пропускъ и такимъ образомъ давалъ, собственно говоря, свое стихотвореніе, составленное изъ стиховъ Лер-

монтова (напр. Письмо). Иногда онъ вычеркивалъ стиха 2—3 въ срединѣ стихотворенія, также не означая пропуска, отчего являлись, напр., рима „жестокій“ и „несчастной“. Иногда онъ останавливалъ печатанье на запятой, отбрасывая почти половину стихотворенія, не лучшую, но и не худшую противъ напечатанной половины (напр. Грузинская пѣсня). Иногда изъ поэмы въ 3 частяхъ и въ 400—500 строкъ онъ составлялъ одно цѣлое, стиховъ въ 50, вырывая стихи изъ всѣхъ 3 частей и не ведѣ обозначая точками пропуски, такъ что стихи, раздѣленные между собой цѣлою сотнею другихъ, печатались рядомъ, какъ непосредственно слѣдующіе другъ за другомъ (напр. Корсаръ). Наконецъ были напечатаны такіа пьесы, гдѣ Лермонтовскаго не было почти ни строки, напр. „опера Цыгани“, набросокъ состоящій изъ выписокъ изъ „Московского Вѣстника“ и изъ Пушкина и видимо составившійся съ какою-то постороннею цѣлью, напр. для игры въ домашнемъ спектаклѣ. Изъ многочисленныхъ переводовъ Лермонтова изъ Шиллера Дудышкинъ не помѣстилъ ни одного, какъ будто Лермонтовъ вовсе не обращалъ вниманія на Шиллера и началъ прямо съ Байрона. Выборъ дѣтскихъ стиховъ для печати оказывается также очень прихотливымъ, потому что, имѣя возможность познакомиться съ подлинными тетрадами поэта, мы замѣтили, что обыкновенно взято сразу нѣсколько стихотвореній, вѣдомъ пропущены цѣлыя тетради безъ выписокъ и опять бралась сразу-же группа стихотвореній, несмотря на то, что въ пропущенныхъ случались такіа, въ которыхъ хотя и неясно, но все таки слышался мотивъ, преобладавшій въ стихотвореніяхъ позднѣйшей эпохи развитія поэта, а выписывались напр. подобныя вещи: „Недаромъ она недаромъ съ отставнымъ гусаромъ“ (и все!).

Изъ названныхъ нами тетрадей поэта выписываемъ нѣсколько стихотвореній, единственно какъ матерьялъ для характеристики развитія его поэтической дѣятельности. Первые два отрывка взяты нами изъ тетради лекцій по „Географіи“ въ юнкерской пѣхотѣ, слѣдующія три изъ юнкерскихъ-же тетрадокъ 1832—34 года, хранящихся въ Публичной Библиотекѣ, а остальные изъ рукописей 1830—1831 гг. Письма къ теткѣ и великому князю Михаилу Павловичу взяты нами также изъ рукописей, принадлежащихъ Публичной Библиотекѣ*).

П. А. Ефремовъ.

* Два стихотворенія, изъ числа выписанныхъ П. А. Ефремовымъ для теперешней замѣтки, помѣщены въ «Русской Старинѣ», 1872 г. т. V, стр. 84; но, въ сожалѣнію, въ нихъ вклялись опечатки. Въ «Жалобѣ турка» (1829 г.) надо читать 8-й стихъ: «и равно гаснетъ....», а въ «Неарѣ» (1830 г.) 3-й стихъ: «Себя-ли украсишь ты розой» и 16-й: «Чужда ты веселью душой». Ред.

Отхотворенія и черновые наброски изъ подлинныхъ тетрадей
М. Ю. Лермантова.

I.

(Отрывокъ).

1.

Его отецъ *) богатый былъ маркизь,
Но жертвой сталъ народнаго волненья:
На фонарѣ однажды онъ повисъ,
Какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья.
Пріяель нашъ — парижскій Адонисъ,
Оставивъ прахъ родителя судьбиннѣ,
Не поклонился гордой гильотиннѣ:
Онъ молча проклялъ вольность и народъ
И Мирабо, и весь его причетъ,
Потомъ, взявъ трость и сумочку, отъ скуки
Пришелъ въ Россію поспрять науки.

2.

И Саша мой любилъ его разсказъ
Про сборища мятежныя, про шумный
Напоръ страстей и про послѣдній часъ
Вѣвчаннаго страдальца. Надъ безумной
Парижскою толпою много разъ
Носилося его воображенье:
Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ паденье,
Межъ тѣмъ, какъ нищихъ буйный миллионъ
Кричалъ, смѣясь: «Да здравствуетъ законъ!»
И, въ недостатокъ хлѣба или злата,
Просилъ одной лишь крови у Марата.

3.

Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ:
Прелестная на звучныхъ ступени
Всходила женщина... Слѣды забота
Слѣды живыхъ, но тайныхъ уривовъ
Видѣлись на лицѣ ея. Народъ
Рукоплескалъ... Вотъ кудри золотныя
Посыпались на плечи молодца,
И голова, носившая вѣнецъ,
Склонилась на плаху... О Творецъ!
Одумайтесь хоть разъ еще, злодѣи,
Взгляните вы на вѣжность этой шеи!..

*) Губернера Саша, героя неоконченной поэмы. Здѣсь и въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ мы означаемъ точками не вполне разобранные нами стихи.

4.

И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
 И загремѣла жадная сѣкира.
 И ты, поэтъ! высокаго чела
 Не уберегъ! Твоя живая лира
 Напрасно по вселенной разнесла
 Все, все, что ты считалъ своей душою —
 Слова, мечты, съ надеждой и тоскою...
 Напрасно!... Ты прошелъ кровавый путь,
 Не отомстивъ, и творческую грудь
 Ни стихъ язвительный, ни смѣхъ холодный
 Не посѣтилъ — и ты погибъ бесплодно...

5.

И Франція упала за тобой
 Къ ногамъ убійцъ, бездушныхъ и холодныхъ;
 Никто не смѣлъ возвысить голосъ свой;
 Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
 Никто не вышелъ съ твердою душой.
 Трехцвѣтныя знамена величаво
 Изъ стана въ станъ неслись на пирь кровавый

 Межъ тѣмъ какъ въ тайнѣ взоръ Наполеона
 Въ нихъ зрѣлъ ступени будущаго трона...

II.

Когда надеждѣ недоступный,
 Не смѣя плакать и любить
 Пороки юности преступной
 Я мнилъ страданьемъ искупить;
 Когда бывшее ежечасно
 Очамъ являлося моимъ
 И все, что свято и прекрасно,
 Отозвалось мнѣ чужимъ —
 Тогда молитвой безразсудной
 Я долго небу докучалъ
 И вдругъ услышала голосъ чудный,
 «Чего-ты просишь?» онъ вѣщалъ.
 Ты, бѣдный, палъ, но я-ль виновенъ?
 Смири страстей своихъ порывъ,
 Будь какъ другіе хладнокровенъ,
 Будь какъ другіе терпѣливъ.
 Твое блаженство было ложно,
 Ужель мечты тебѣ такъ жалъ?
 Глупецъ! Гдѣ посохъ твой дорожный?
 Возьми его, пускайся вдаль.
 Пойдешь-ли ты черезъ пустыню

Иль городъ пышный и большой
 Не обожай ни чью святыню,
 Нигдѣ приютъ себѣ не строй!...“

Далѣе набросано и перечеркнуто еще пять стиховъ.

III.

П о с в я щ е н ь е.

Опять явилось вдохновенье
 Душѣ безжизненной моей
 И превращаетъ въ гѣснопѣнье
 Тоску, развалину страстей:
 Такъ посреди чужихъ стеной,
 Подругъ внимательныхъ не зная,
 Прекрасный путникъ, птичка рая,
 Блестя лазоревымъ крыломъ,
 Сидитъ на деревѣ сухомъ.
 Пускай шумитъ, бушуетъ вьюга —
 Она поетъ лишь объ одномъ:
 Она поетъ о солицѣ юга!

И ты звѣзда любви моей,
 Товарищъ бурь моихъ суровыхъ,
 Послушай гѣсни прежнихъ дней —
 Давно ужъ нѣтъ у сердца новыхъ!
 Ни мрачныхъ думъ, ни думъ святыхъ
 Не измѣнила власть разлуки.
 Тобою полны счастья звуки,
 Меня узнаешь ты въ другихъ!...

Начало этого стихотворенія было напечатано въ видѣ эпиграфа къ „Измаиль-Бей“, а слѣдующее стихотвореніе въ печати появилось безъ окончанія.

IV.

Ч е л н о к ъ.

По произволу дивной власти
 Я выкинуть изъ царства страсти,
 Какъ послѣ бури на песокъ
 Волной расшибленный челнокъ.
 Пускай приливъ его ласкаетъ,
 Въ обманъ не вдастся инвалидъ —
 Свое безсиліе онъ знаетъ
 И притворяется, что спитъ;
 Никто ему не ввѣритъ бодръ
 Себя иль ноши дорогой —
 Онъ не годится и на волгъ!
 Погибъ: — и дажь ему покой!...

V.

Что толку жить!... Безъ приключеній
 И съ приключеньями — тоска
 Вездѣ, какъ безповойный геній,
 Какъ вѣрная жена, близка!
 Прекрасно съ шумной быть толпою,
 Сидѣть за каменной стѣною,
 Любовь и ненависть сознать,
 Чтобъ разъ объ этомъ поболтать,
 Невольно указать повсюду —
 Подъ гордой важностью лица
 Въ мужчинѣ глупаго льстеца
 И въ каждой женщинѣ — Іуду.
 А потрудитесь разсмотрѣть —
 Все веселѣе умереть.

Бонецъ! Какъ звучно это слово,
 Какъ много — мало мыслей въ немъ;
 Послѣдній стонъ — и все готово,
 Безъ дальнихъ справокъ. А потомъ?
 Потомъ васъ чинно въ гробъ положутъ
 И черви вашъ скелеть обгложутъ,
 А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
 Придавитъ монументомъ васъ,
 Проститъ вамъ каждую обиду
 По добротѣ души своей,
 Для пользы вашей — и церковей
 Отслужитъ, вѣрно, панихиду,
 Которой, я боюсь сказать,
 Не суждено вамъ услышать.

И если вы скончались въ вѣрѣ,
 Какъ христіанинъ, то гранитъ
 На сорокъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ,
 Названье ваше сохранить.
 Когда-жъ стѣснитса ужъ кладбище,
 То ваше узкое жилище
 Разроютъ смѣлою рукой
 И гробъ поставятъ къ вамъ другой.
 И молча ляжетъ съ вами рядомъ
 Дѣвица нѣжная! Одна,
 Мила, покорна, хоть блѣдна...
 Но ни дыханіемъ, ни взглядомъ
 Не возмутится вашъ покой —
 Что за блаженство, Боже мой!

IV.

П и с ь м о.

Свѣча горитъ! дрожащею рукою
 Я окончалъ завѣтныя чертъ,
 Болѣзнь и парка мчались надо мною,
 И много въ грудь тѣснилося. И ты
 Напрасно чашу мнѣ несла здоровья,
 (Такъ чудилось) съ веселіемъ въ глазахъ,
 Напрасно стала здѣсь у изголовья.
 И поцалуй любви горѣлъ въ устахъ...
 Прости на вѣкъ! Но вотъ одно желанье:
 Приди ко мнѣ, приди въ послѣдній разъ,
 Чтобъ усладить предсмертное страданье,
 Чтобъ потушить огонь сомкнутыхъ глазъ,
 Чтобъ сжать мою хладѣющую руку...
 Далеко ты! Не слышишь голоса мой!
 Не при тебѣ узнаю смерти муку!
 Не при тебѣ оставлю міръ земной!
 Когда-жъ письмо въ очахъ твоихъ печальныхъ
 Откроется.... прочтешь его.... тогда
 Быть можетъ я, при пѣсняхъ погребальныхъ,
 Сойду въ мой домъ подземный навсегда!.....
 Но ты не плачь, мы ближе другъ отъ друга,
 Мой духъ всегда готовъ къ тебѣ летать,
 Или, въ часы безпечнаго досуга,
 Сокриво, прелести твои лобзать.
 Настанетъ ночь, приѣдешь изъ собранья
 И въ ложу тайному придеши одна;
 Посмотришь въ зеркало, и паръ дыханья
 Почувствуешь, и не увидишь сна,
 И пыхнетъ огонь на дѣвственныхъ ланитахъ.
 Къ груди молодой прильнетъ безвѣстный духъ,
 И надъ главою мелькнетъ призракъ забытый,
 И звукъ влетитъ въ твой удивленный слухъ.
 Узнай въ тотъ мигъ, что это я изъ гроба
 На мрачное свиданье прилетѣлъ:
 Такъ! душная земли вѣмой утроба
 Не всѣхъ тѣней презрительный удѣлъ!
 Когда-жъ въ савяхъ, въ блистательномъ катаньи,
 Проѣдешь ты на парѣ вороныхъ;
 И за тобой въ любви живомъ страданьи
 Стоитъ гусаръ безмолвенъ, мраченъ, тихъ;
 И по груди обонхъ васъ промчитъ
 Невольный хладъ, и сердце закипятъ,
 И ты вздохнешь, гусара взоръ затмится,
 Онъ черный усъ рукою закрутитъ;
 Услышишь звукъ военнаго метала.
 Увидишь блѣдный цвѣтъ его чела:

То тѣнь моя безумная предстала
 И мертвый взоръ на путь вашъ навела!...
 Ахъ! много, много я сказать желаю;
 Но медленно слабѣетъ жизни духъ.
 И чувствую, что къ смерти подступаю.
 И падаетъ перо изъ слабыхъ рукъ....
 Прости!... Я бѣгалъ за лучами славы,
 Несчастливо, но пламенно любилъ,
 Все измѣнило мнѣ, вездѣ отравы,
 Лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ былъ!....*)

1829.

V.

Эпиграмма.

Поэтомъ, хоть и это бремя,
 Изъ журналиста быть тебѣ не суждено —
 Ругать, и лстать, и лгать въ одно и то же время,
 Признаться — очень мудроно!

VI.

Къ другу.

(Отрывокъ).

Стремится медленно толпа людей,
 До гроба самаго отъ самой колибели,
 Игралицемъ и рока и страстей,
 Къ одной, святой, неизъяснимой цѣли.
 И я къ высокому, въ порывѣ думъ пѣмьхъ,
 И я душой летѣлъ во дни былые;
 Но мнѣ милѣй страданія земныя:
 Я къ нимъ привыкъ и не оставлю ихъ.

VII.

1.

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
 Какъ ты стыдливъ! Ужели въ первый разъ
 Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
 Въ моихъ объятыхъ вотъ ужъ цѣлый часъ
 Лежишь — и страха все не превозмогъ...
 Не лучше ли у сердца, чѣмъ у ногъ?
 Дай мнѣ одну минуту въ жизнь свою...
 Что злато? — Я тебя люблю! люблю!

2.

Ты такъ хорошъ! Бывало жду, когда
 Настанетъ вечеръ; сяду у окна...

*) Сравни въ изданіи соч. Лермонтова 1862 г., т. I, стр. 24, восьмистишіе,
 составленное г. Дудышкинымъ.

И мимо ты идешь, бывало... Да,
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ средь отверженныхъ, межъ тучъ
Блуждала, на тебя кидала лучъ,
И я гордилась тѣмъ, что наконецъ
Соперница моя — небесъ жилище.

3.

Печать презрѣнья на моемъ челѣ...
Но справедливъ-ли міра приговоръ?
Что добродѣтель, если на землѣ
Проступокъ не безчестье — но позоръ?
Повѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ,
Лишь по желанью случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставить въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ!

4.

Родителей не знала я своихъ;
Воспитана старухой чужой,
Не знала я веселья лѣтъ молодыхъ
И даже не гордилась красотой;
Въ пятнадцать лѣтъ, по волѣ злой судьбы
Я продана мужчиной... Ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
Съ тѣхъ поръ я гибну, гибну — день отъ дня!

5.

Мнѣ милъ мой стыдъ! Онъ право мнѣ даетъ
Тебя лобзать, тебя на мигъ одинъ
Отторгнуть отъ мучительныхъ заботъ!
О, наслаждайся! Ты мой господинъ!
Хотя тебѣ случится, можетъ быть,
Меня въ своихъ объятыхъ задушить —
Блаженствомъ смерть мнѣ будетъ отъ тебя...
Мой другъ, чего не вынесешь, любя!... *)
(1830).

VIII.

(Отрывокъ).

Она была прекрасна, какъ мечтанье
Ребенка подъ свѣтломъ южныхъ странъ.
Что красота? Ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкій станъ,
Или большія очи? Но порою
Все это не зовемъ мы красотою:
Уста безъ словъ никто любить не могъ,
Взоръ безъ огня — безъ запаха цвѣтовъ!

*) Ср. издавіе соч. Лермонтова 1862 г., т. I, стр. 82, гдѣ напечатана смѣсь
изъ этого стихотворенія.

Она была нѣжна, какъ розы Лея,
 Она была похожа на портретъ
 Мадоны — и Мадоны Рафаэля,
 И врядь ли было ей осьмнадцать лѣтъ.
 Лишь святости черты не выражали:
 Глаза огнемъ неистовымъ пылали
 И грудь, волнуясь, поцалуй звала....

ПИСЬМА ЛЕРМОНТОВА.

I.

Б ъ т е т к ѣ.

(1827—1827?).

Милая тетинька! Наконецъ, настало то время, которое вы столь ожидаете, но ежели я къ вамъ мало напишу, то это будетъ не отъ моей лѣности, но отъ того, что у меня не будетъ время. Я думаю, что вамъ пріятно будетъ узнать, что я въ русской грамматикѣ учу синтаксисъ, и что мнѣ дадутъ сочинять; я къ вамъ это пишу не для похвалы, но собственно отъ того, что вамъ это будетъ пріятно. Въ географіи я учу математическую по небесному глобусу, градусы, планеты, ходъ ихъ и проч. Прежнее ученіе исторіи мнѣ очень помогло. Заставьте пожалуста Екима рисовать контуры, мой учитель говоритъ, что я еще буду ихъ рисовать съ полгода; но я лучше сталъ рисовать; однакожь мнѣ запрещено рисовать свое. Катюшѣ въ знакъ благодарности за подвязку посылаю ей бисерный ящикъ моей работы. Я еще ни въ какихъ садахъ не бывалъ, но я былъ въ театрѣ, гдѣ я видѣлъ оперу Невидимку, ту самую, что я видѣлъ въ Москвѣ 8 лѣтъ назадъ; мы сами дѣлаемъ театръ, который довольно хорошо выходитъ и будутъ восковыя фигуры играть (сдѣлайте милость пришлите мои воски); я нарочно замѣчаю, чтобы вы въ хлопотахъ не были, я думаю что эта пунктуальность не мѣшаетъ; я бы приписалъ къ брату; онъ здѣсь, но я имъ напишу особливо; Катюшу же цалую и благодарю за подвязку.

Прощайте милая тетинька, цалую ваши ручки; и остаюсь вашъ покорный племянникъ М. Лермонтовъ.

II.

Милая тетинька! Зная вашу любовь ко мнѣ, я не могу медлить, чтобы обрадовать васъ; экзаменъ кончился и вакаціи начались до 8-го января; слѣдственно они будутъ продолжаться 3 недѣли. Испытаніе наше продолжалось отъ 13-го до 20 числа. Я вамъ посылаю балы, гдѣ вы увидите, что г. Дубенской поставилъ 4 рус. и 3 лат.;

но онъ продолжалъ мнѣ ставить 3 и 2 до самаго экзамена, вдругъ какъ-то сжалился и наканунѣ переправилъ, что произвело меня вторымъ ученикомъ.

Папинька сюда пріѣхалъ и вотъ уже 2 картины извлечены изъ моего portefeuille; слава Богу, что такими любезными мнѣ руками!...

Скоро я начну рисовать съ (buste) бюстовъ... Какое удовольствіе!.. къ тому-жъ Александръ Степановичъ мнѣ показываетъ также, какъ должно рисовать пейзажи.

Я продолжалъ подавать сочиненія мои Дубенскому, а Геркулеса и Прометея взялъ инспекторъ, который хочетъ издавать журналъ Калліопу (подражая мнѣ!) (?) гдѣ будутъ помѣщаться сочиненія воспитанниковъ.

Каково вамъ покажется. Павловъ мнѣ подражаетъ, перенимаетъ у... меня!.. стало быть.... стало быть... но выводите заключенія какія вамъ угодно.

Бабушка была немного нездорова зубами, однакожь теперь гораздо лучше, а я,—о! je me porte comme a l'ordinaire.... bien!

Прощайте, милая тетинька, желаю чтобы вы были внутренно покойны, слѣд. здоровы, ибо: les douleurs du corps proviennent des maux de l'âme!

Остаюсь вашъ покорный племянникъ М. Лермонтовъ.

Я прилагаю вамъ, милая тетинька, стихи, кои прошу помѣстить къ себѣ въ альбомъ, а картинку я еще не нарисовалъ. На ваканцію надѣюсь исполнить свое обѣщаніе; вотъ стихи:

П о э т ъ.

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой дѣвы ликъ священный
Живою кистью окончалъ:
Своимъ искусствомъ восхищенный
Онъ предъ картиною упалъ!
Но скоро сей порывъ чудесный
Слабѣтъ въ груди его молодой,
И утомленный и нѣмой
Онъ забывалъ подъ небесной.

Таковъ поэтъ: чуть мысль блеснетъ,
Какъ онъ перомъ своимъ прольетъ
Всю душу; звукомъ громкой лиры
Чаруетъ свѣтъ, и въ тишинѣ
Поётъ, забывшись въ райскомъ свѣтѣ,
Вась, вась, души его кумиры!

И вдругъ хладѣетъ жаръ лаянть,
Его сердечныя волненья
Все тише, и призракъ бѣжить!
Но долго, долго умъ хранить
Первоначальныя впечатлѣнья.

М. Л.

Р. S. Не знаю, что дядинька въ Оналихѣ, я не писалъ къ нему, но прошу извиненія, и свидѣтельствую ему мое почтеніе.

III.

Къ великому князю Михаилу Павловичу.

(1840).

Ваше императорское высочество! Выписанный по приговору военного суда тѣмъ же чиномъ въ армію, неся гнѣвъ Государя Императора и Вашу, я съ благоговѣніемъ покоряюсь судьбѣ моей, цѣня въ полной мѣрѣ вину мою и справедливость заслуженнаго наказанія. Я былъ ободренъ до сихъ поръ надеждой имѣть возможность усердною и ревностною службой загладить мой проступокъ. Но получивъ приказаніе явиться къ господину генераль-адъютанту графу Бенкендорфу, я изъ словъ его сіятельства увидѣлъ, къ неописанной моей горести, что на мнѣ лежитъ не одно обвиненіе за дуэль съ господиномъ Барантомъ и за приглашеніе его на гауптвахту, но еще самое тяжкое, какому можетъ подвергнуться человѣкъ дорожащій своею честью, офицеръ имѣвшій счастье служить подъ высокимъ начальствомъ вашего императорскаго высочества. Графъ Бенкендорфъ изволилъ предложить мнѣ написать письмо къ господину Баранту, въ которомъ бы я просилъ у него извиненія въ ложномъ моемъ показаніи на счетъ моего выстрѣла.

Ваше императорское высочество! хотя не имѣю болѣе счастья служить подъ командой вашей, но нынѣ осмѣливаюсь прибѣгнуть къ высокой вашей защитѣ. Великодушное сердце ваше позволитъ мнѣ сказать вамъ со всею откровенностію: могла быть ошибка или недоразумѣніе въ словахъ моихъ или моего секунданта, — личнаго объясненія у меня при судѣ съ господиномъ Барантомъ не было, — но никогда я не унижался до обмана и лжи.

Вашему императорскому высочеству осмѣливаюсь повторить сказанное мною въ судѣ: я не имѣлъ намѣренія стрѣлять въ господина Баранта, не мѣтилъ въ него, выстрѣлилъ въ сторону, и это готовъ подтвердить честью моею. Въ доказательство намѣренія моего не стрѣлять въ господина Баранта служить то, что когда секунданта мой Столыпинъ подаль мнѣ пистолеть, я ему сказалъ по-французски: *je tirerai en l'air.*

Чувствуя въ полной мѣрѣ дерзновеніе мое, я однако осмѣливаюсь надѣяться, что ваше императорское высочество соблаговолите взойти въ мое трудное положеніе и защититъ меня отъ незаслуженнаго обвиненія.

Съ благоговѣйною преданностію имѣю счастье пребывать вашего императорскаго высочества всепреданнѣйшій

Михаилъ Лермонтовъ,
Тенгинскаго полка поручикъ.

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

Къ читателямъ „Русской Старины“.

„Казначейша“ (1836 г.), одна изъ лучшихъ поэмъ М. Ю. Лермонтова, полная веселости и остроумія, до сихъ поръ печатается въ собраніяхъ его сочиненій съ многочисленными пропусками; они являются не ради того, чтобы издатели конфузались цензуры, но просто потому, что, несмотря на всѣ розыски,— въ ихъ распоряженіе до сихъ поръ не попадались болѣе полные списки противу того, что было напечатано изъ „Казначейши“ при жизни автора.

Въ виду этого редакция „Русской Старины“ убѣдительнѣе проситъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ читателей и вообще любителей русской литературы доставить, буде у кого изъ нихъ окажется, списокъ „Казначейши“ Лермонтова. Списки будутъ сличены съ печатнымъ текстомъ и одно изъ лучшихъ произведеній музы Лермонтова явится наконецъ безъ пропусковъ.

Ред.

НАСИЛЬНЫЙ БРАКЪ.

Рыцарская баллада

Н. В. Бергъ въ воспоминаніяхъ о Гоголѣ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ (1872 г., т. V, стр. 122), упоминаетъ о „Баронѣ“, стихотвореніи гр. Е. П. Ростопчиной († 1858). Стихотвореніе, явившись въ 1846 году въ „Сѣверной Пчелѣ“ (№ 284, декабря 17), возбудило маленькую исторію: въ немъ нашли нападеніе рѣзкое и, разумѣется, какъ оно и было, несправедливое, на отношенія Россіи къ Польшѣ; первая являлась въ видѣ барона, вторая — въ видѣ страдалицы его жены.— Нумеръ „Пчелы“ съ этою балладою, какъ разсказываютъ, былъ отбираемъ, (онъ есть у насъ), а „баллада“ пошла ходить по Россіи, въ качествѣ запретнаго плода, въ многочисленныхъ спискахъ; она тогда же вызвала, весьма топорной отдѣлки, отвѣтъ—чуть ли ни Н. В. Кукольника, — который тоже ходилъ по рукамъ

въ спискахъ. Въ настоящее время, когда отношенія „Барона“ къ „Женѣ“, до-нельзя выяснились, пресловутая баллада имѣетъ значеніе и интересъ чисто библиографическій.

Печатаемъ „Балладу“ съ подлиннаго автографа гр. Ростопчиной. Стихотвореніе писано на почтовомъ листкѣ и прислано въ редакцію, изъ-за границы, именно изъ „Падуа отъ ^{11 ноября}/_{30 октября} 1845 г.“, по крайней мѣрѣ эта помѣта стоитъ подъ стихотвореніемъ (довольно слабымъ), того же автора: „Прошеніе св. Антонію Падуанскому“. Прошеніе написано вслѣдъ за балладой на одномъ и томъ же листкѣ, рукою гр. Ростопчиной; листокъ сохранился въ бумагахъ О. В. Булгарина, вмѣстѣ съ которыми переданъ въ распоряженіе „Русской Старины“ В. О. и Б. О. Булгаринными, при посредствѣ Т. А. Сосновскаго.

Ред.

Старый баронъ.

Сбирайтесь, слуги и вассалы,
На кроткій господина зовъ!
Судите, не боюсь опалы—
Я правду выслушать готовъ!
Судите споръ, вамъ всѣмъ знакомый:
Хотя могутъ и славенъ я,
Хотя всеильнымъ чтутъ меня,—
Не властенъ у себя я дома,...
Всѣ непокорна мнѣ она,
Моя мятежная жена!

Её я призрѣлъ сиротою
И разоренной взялъ её,
И далъ съ державною рукою
Ей покровительство мое;
Одѣлъ её парчей и златомъ,
Несмѣтной стражей окружилъ;
И врагъ её чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ...
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена!

Я знаю—жалобой, навѣтомъ
Она вездѣ меня клеймить;
Я знаю—передъ цѣлымъ свѣтомъ
Она клянетъ мой кровъ и щитъ;
И косо смотритъ изъ-подлобья,
И повторяя клятвы—ложь
Готовитъ козни,... точитъ ножъ,...
Вздуваетъ огнь междоусобья,...
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена!!!...

И торжествуя и довольны
 Враги мои на насъ глядятъ,
 И дразнятъ гнѣвъ ея крамольный
 И суетной гордыни лстыять.
 Совѣтъ мнѣ дайте благотворный,
 Судите, кто межъ нами правъ?
 Языкъ мой строгъ—но не лукавъ!
 Теперь внемлите непокорной:
 Пусть защищается она,
 Моя преступная жена!

Ж е н а.

Раба-ли я, или подруга—
 То знаетъ Богъ!.. Я-ль избрала
 Себѣ жестокаго супруга?
 Сама-ли клятву я дала?...
 Жила я вольно и счастливо,
 Свою любила волю я...
 Но побѣдилъ, плѣнилъ меня
 Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый...
 Я предана,... я продана,...
 Я узница, а не жена!

Напрасно нго роковое
 Властитель мнить озолотить,
 Напрасно мщенье, мнѣ святое,
 Въ любовь онъ хочетъ превратить!
 Не нужны мнѣ его щедроты!
 Его я стражи не хочу!...
 Сама строптивыхъ научу
 Платить мнѣ мирно долгъ почета.
 Лишь имъ однимъ унижена,
 Я врагъ ему, а не жена.

Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
 На языкѣ моемъ родномъ,
 Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
 Моимъ наследственнымъ гербомъ...
 Не смѣю передъ нимъ гордиться
 Стариннымъ именемъ моимъ,
 И предковъ храмамъ вѣковымъ
 Какъ предки славные молиться...
 Иной уставъ принуждена
 Принять несчастная жена.

Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье.
 Всѣхъ вѣрныхъ, лучшихъ слугъ моихъ;
 Меня же предалъ притѣсненью
 Рабовъ-лазутчиковъ своихъ.

Позоръ, гоненья и неволю
 Мнѣ въ брачный даръ приносить онъ — ●
 И мнѣ-ли ропотъ запрещень?...
 Еще-ль, терпя такую долю,
 Таить отъ всѣхъ её должна
 Насильно взятая жена?...

Графиня Е. П. Ростопчина.

Θ. В. Булгаринъ и Н. А. Полевой.

Мы получили отъ нашего почтеннаго сотрудника Т. А. Сосновскаго ниже-сѣдующую замѣтку и при ней три подлинныхъ письма бывшаго начальника штаба корпуса жандармовъ Л. В. Дубельта.

«Въ «Русской Старинѣ», (изд. 1871 т. IV стр. 677), помѣщено письмо Θ. В. Булгарина къ Н. А. Полевому, съ прибавленіемъ, въ видѣ примѣчанія, извѣстнаго каламбура П. А. Каратыгина, что Булгаринъ «довольно поносилъ Полевого при жизни» и т. д.

Зная лично покойнаго Ѳаддея Венедиктовича Булгарина и его отношенія къ Николаю Алексѣевичу Полевому, положительно заявляю, что Булгаринъ хотя и велъ съ Полевымъ литературную перебранку, но не питалъ къ нему ни малѣйшаго враждебнаго чувства. Въ удостовѣреніе прилагаю при семъ письма генерала Дубельта; онѣ, какъ нельзя лучше, свидѣтельствуютъ, какое живое участіе Булгаринъ принималъ въ судьбѣ оставшагося семейства Н. А. Полевого. Если найдете возможнымъ, прошу эти письма напечатать въ уважаемомъ вашемъ журналѣ «Русской Старинѣ».

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Т. А. Сосновскій.

I.

Что можно было сдѣлать, то и сдѣлано по письму вашему, мой любезный Ѳаддей Венедиктовичъ: отецъ-государь повелѣлъ выдавать вдовѣ и дѣтямъ Полевого по 1,000 руб. сер. въ годъ. Радуюсь, что могу сообщить вамъ такое хорошее извѣстіе и увѣренъ, что и вы порадуетесь. Дружески обнимаю васъ Л. Дубельтъ.

25 февраля 1846.

II.

Графъ А. Θ. Орловъ проситъ васъ, любезный Ѳаддей Венедиктовичъ, не печатать въ газетахъ о милости, оказанной государемъ г-жѣ Полевой. Душевно преданный Л. Дубельтъ.

27 февраля 1846.

III.

„Спасибо Булгарину за статью о Полевомъ, — меня она тронула! Видно, что онъ писалъ ее отъ чистаго сердца и далъ такой умный наемъ о благодати, озарившей могилу усопшаго. Скажи ему мое искренное спасибо“. Вотъ слова графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова, которыя передаю вамъ съ особеннымъ удовольствіемъ, мой любезный Ѳаддей Венедиктовичъ.—Л. Дубельтъ.

2-го марта 1846.

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА.

1804 — 1854.

Письма М. И. Глинки къ В. Ѳ. Ширкову.

1840—1841.

«Русская Старина» представила на своихъ страницахъ много весьма важныхъ матеріаловъ для біографіи безсмертнаго творца національной русской оперы. Такимъ образомъ ею напечатаны: «Записки М. И. Глинки» («Рус. Стар.» 1870 г. томъ I-й; изд. первое стр. 380, 474, 562; изд. второе: стр. 313—389; томъ II-й стр. 56, 266, 372 и 419). «Послѣдніе годы жизни и кончина М. И. Глинки, воспоминанія его сестры, Л. И. Шестаковой» («Рус. Стар.» 1870 г. т. II, стр. 610). Воспоминанія Ѳ. М. Толстаго—по поводу «Записокъ Глинки». («Рус. Стар.» изд. 1871 г. т. III, стр. 421). «Первоначальный планъ оперы: «Русланъ и Людмила», подлинная рукопись Глинки, принадлежавшая П. А. Степанову,» статья В. В. Стасова. («Рус. Стар.» изд. 1871 г. т. III, стр. 367) и «Воспоминанія о М. И. Глинкѣ». П. А. Степанова («Рус. Стар.» изд. 1871 г. т. IV, стр. 39).

Нынѣ мы предлагаемъ подлинныя письма М. И. Глинки къ одному изъ его друзей, почитателей и сотрудниковъ, Валерьяну Ѳедоровичу Ширкову, съ приложеніемъ подлинныхъ-же, руки Глинки, программъ и замѣтокъ относительно либретто оперы «Русланъ и Людмила». Эти документы, для обзорѣнія художественной дѣятельности Глинки, положительно важнѣе всѣхъ писемъ Глинки, какія только появлялись до сихъ поръ въ печати. Въ этомъ отношеніи съ ними можетъ сравниться одно лишь его письмо къ Н. В. Кукольнику 1845 г., напечатанное въ газетѣ «Музыкальный Свѣтъ» (1870 г. № 2), отрывокъ изъ него см. въ «Рус. Стар.» 1870 г. т. II, стр. 633.

Сообщеніемъ этихъ матеріаловъ мы обязаны, при весьма обязательномъ посредствѣ М. А. Веневитинова,—сыну покойнаго Ширкова, В. В. Ширкову.

Полковникъ генеральнаго штаба Валерьянъ Ѳедоровичъ Ширковъ (род. въ 1805 г.; ум. 11 марта 1856 г.), былъ помѣщикъ Харьковской губерніи, Волчанскаго уѣзда, села Хатнея—гдѣ онъ, по выходѣ въ отставку, и провелъ нѣсколько лѣтъ—и куда писалъ Глинка.

Немножко поэтъ, Ширковъ охотно набрасывалъ стихи, но былъ настолько скромнень, что никогда ихъ не печаталъ; большой любитель литературы, науки и музыки, онъ занимался также живописью и весьма недурно рисовалъ акварели. Александра Григорьевна, рожд. Хитрово, о которой часто упоминаетъ

Глинка,—жена Ширкова, была хорошая музыкантша. Глинка, какъ читатель увидитъ, весьма уважалъ и цѣнилъ обокъ супруговъ, съ которыми связанъ былъ искреннею дружбою.

Представляя настоящіе документы, мы должны засвидѣтельствовать признательность М. А. Веневитинову и В. В. Ширкову,—за сообщеніе и В. В. Стасову—за обстановку ихъ необходимыми поясненіями и вообще за приготовленіе бумагъ къ печати *).

Ред.

Въ «Русской Старинѣ» 1871 г. т. III, стр. 367—384, напечатана программа оперы «Русланъ и Людмила», написанная Глинкою въ записной его книгѣ, въ 1838 г. Мы старались, въ то время, показать важное значеніе этой программы, какъ въ томъ отношеніи, что она даетъ понятіе о строгости и законченности состава этой оперы въ первоначальномъ ея видѣ, а также и въ томъ, что многія подробности программы снимали съ Глинки обвиненіе въ безпечности и равнодушіи къ содержанію и складу его либретто.

Печатаемая въ настоящее время, полученная недавно, редакціею «Русской Старины» письма М. И. Глинки къ пріятелю и либреттисту его, Валерьяну Федоровичу Ширкову, представляютъ, въ этомъ отношеніи, еще болѣе важности. Та программа относилась къ 1838 году, т.-е. къ первому времени задуманія оперы. Письма-же къ Ширкову относятся къ 1840 и 1841 годамъ,—къ самой блестящей и зрѣлой эпохѣ дѣятельности Глинки, къ тому времени, когда созданы самыя гениальныя, самыя крупныя части его оперы, и именно о каждой изъ этихъ частей, о каждомъ изъ najważнѣйшихъ нумеровъ оперы мы находимъ здѣсь самыя подробныя, самыя полныя указанія, совершенно опущенныя и забытыя въ автобіографіи Глинки.

Мы узнаемъ здѣсь, что если въ эти годы многія обстоятельства его жизни были очень тягостны для Глинки (ссора и разводъ съ женой; окончившаяся полнымъ разочарованіемъ, любовь къ г-жѣ Е. Е. К.—о чемъ мы находимъ лишь довольно неудовлетворительныя свѣдѣнія въ «Запискахъ» Глинки), то вмѣстѣ съ тѣмъ это время было во многихъ отношеніяхъ и лучшимъ временемъ его жизни. Въ одномъ изъ писемъ къ Ширкову (№ II), онъ говоритъ, что «никогда я столько не писалъ, и никогда а еще не чувствовалъ подобнаго вдохновенія», а въ другомъ (№ XII), онъ повторяетъ, что «возвратившаяся муза услаждаетъ его жизнь благодѣтельнымъ трудомъ», и что «никогда онъ не цѣнилъ искусство болѣе какъ теперь».

И вотъ гдѣ разгадка той быстроты, съ которой у Глинки въ это время слѣдовали одинъ chef-d'oeuvre за другимъ,—почти все лучшее, что было имъ создано въ жизни:

Настоящія письма пополняютъ болѣе всѣхъ другихъ, извѣстныхъ до настоящей минуты, документовъ—автобіографію Глинки, такъ что теперь, наконецъ, становится возможнымъ сказать съ полнѣйшею опредѣлительностью, когда именно сочинены каждый изъ №№ оперы «Русланъ и Людмила».

Въ то же время, разсмотрѣніе задачи каждого дѣйствующаго лица и данной сцены является у Глинки, въ этихъ письмахъ и приложенныхъ къ нимъ многочи-

*) Считаемо не лишнимъ замѣтить, что въ бумагахъ сообщенныхъ г. Ширковымъ, кромѣ писемъ и программъ Глинки, есть черновые наброски стихотвореній и брѣвныя либретто «Русланъ и Людмила» — руки В. О. Ширкова; и то, и другое мы опустили, такъ какъ они частью вошли въ программы Глинки, частью онъ объ нихъ упоминаетъ въ письмахъ..

Ред.

сленныхъ программъ до того тщательнымъ, подробнымъ и внимательнымъ, съ указаніемъ повсюду метровъ для стиховъ, и даже всѣхъ подробностей постановки, что съ Глинки окончательно уже долженъ быть снятъ упрекъ, будто онъ думалъ только о музыкальной сторонѣ дѣла и предоставилъ все либретто разнымъ случайнымъ и разновременнымъ либреттистамъ. Утвержденію этого мнѣнія способствовалъ самъ Глинка, какъ тѣмъ, что въ 50-хъ годахъ, послѣ возвращенія изъ-за границы, самъ-же рассказывалъ всѣмъ знакомымъ, такъ и тѣмъ, что самъ-же написалъ въ автобіографическихъ «Запискахъ». Но печатаемые теперь несомнѣнные документы, письма и программы, писанные собственною рукою, во все время сочиненія оперы, доказываютъ самымъ неопровержимымъ образомъ совершенно противное: никогда еще никакой композиторъ болѣе Глинки не заботился о либретто и всѣхъ его подробностяхъ, начиная отъ самыхъ крупныхъ и кончая самыми мелкими, и никогда никакой композиторъ не предоставлялъ менѣе Глинки чего-бы то ни было произволу и вкусу своего либреттиста.

Поэтому, тѣмъ болѣе надо сожалѣть, что Глинка не остался при первыхъ своихъ намѣреніяхъ, и подчинившись, по мягкости характера, вліяніемъ окружавшихъ его тогда, довольно «странныхъ» людей, согласился во многомъ и спортиль и исказить содержаніе и либретто своей гениальной оперы.

В. В. Стасовъ.

1840.

I.

Программа третьяго акта *).

№ 1. Хоръ дѣвъ Пушкина.

№ 2. *Savatina* Гориславы.

№ 3. Хоръ дѣвъ (о немъ надобно потолковать).

№ 4. *Aria* Ратмира:

a) *Andante* — лѣниво безпечное — пятистопный ямбъ въ 8 стиховъ и два для окончанія.

b) Речитативъ, выражающій необыкновенную тревогу чувствъ.

c) *Vivace* или *allegro* въ формѣ Рондо. Стихи весьма краткіе, дактилическіе, но перемѣшанные съ другими; содержаніе *Volupté*.

№ 5. Танцы (безъ словъ).

№ 6. Финаль. Квартетъ.

Содержаніе:

a) Горислава вбѣгая видитъ Ратмира, — ея восторгъ, удивленіе, когда видитъ равнодушіе Ратмира, сцена между ней и Ратмиромъ. Когда

*) Оригиналъ этой программы писанъ не на почтовой, а на простой, довольно толстой бумагѣ большого формата и не былъ сложенъ въ формѣ конверта, изъ чего можно заключать, что былъ лично врученъ Глинкою Ширкову до отъѣзда этого послѣдняго въ Малороссію. .

Ратмиръ готовъ снова узнать ее, дѣвы танцами и пѣніемъ снова наводятъ на него очарованіе. Горислава въ отчаяніи бросается къ входящему Руслану, но онъ, вмѣсто помощи, самъ ее преслѣдуетъ. Эту сцену надобно развить хорошенько, а потомъ, для приведенія всего въ порядокъ, долженъ явиться Финнъ, въ какомъ угодно видѣ. При его появленіи, замокъ и дѣвы исчезаютъ, и все кончается героическимъ финаломъ, прежде чего, или во время чего, Ратмиръ возвращается къ Гориславѣ, а Русланъ, рассказывая въ минутной измѣнѣ, горитъ нетерпѣніемъ ее заглядить. Задняя кулиса представляетъ вдали замокъ Черномора — цѣль, куда всѣ должны стремиться. Стихи послѣдняго болѣею частью хоренческіе.

Письма къ Валеріану Федоровичу Ширкову.

II.

9 августа (1840. С.-Петербургъ).

Въ отвѣтъ на послѣднее письмо твое, безцѣнный другъ мой, посылаю эти немногія строки. Завтра ѣду въ деревню, судьба моя во многомъ измѣнилась, но я не сѣтую и не ропщу—Муза подкрѣпляетъ: никогда я столько не писалъ, и никогда еще не чувствовалъ подобнаго вдохновенія. Умоляю тебя пини 4-й актъ по присланной программѣ; по прибытіи въ деревню, сообщу полную и еще подробнѣйшую. Не гнѣвайся, если напомню о извѣстныхъ 1000 рубляхъ: ты самъ упомянулъ о нихъ. Обстоятельства мои такъ тѣсны, что крайне обяжешь приготовить эту сумму, а куда выслать, сообщу изъ деревни.

Усерднѣйшій поклонъ Александрѣ Григорьевнѣ, малютку заочно цѣлую.

Будь счастливъ и здоровъ и помни искреннѣйше преданнаго друга
М. Глинку.

Адресъ мой: Смоленской губ., въ г. Ельню.

III.

Новосласское, 22-го августа (1840 г.).

Вотъ уже 3 дня, какъ я нахожусь у матушки, безцѣнный Валерьянъ Федоровичъ, и представь себѣ, вмѣсто благотворнаго дѣйствія деревенскаго чистаго воздуха—въ столь короткое время нервы мои уже снова бѣсятся и не на шутку. Такова вся судьба моя—нигдѣ и ни въ чемъ отрады. Изъ послѣдняго письма ты долженъ былъ заключить, что всѣ мои планы разрушились—долгъ дружбы хотя вратцѣ объяснить тебѣ это.

Тебѣ извѣстно, что требовалась значительная сумма для освобож-

денія...*) Не взирая на голодъ, матушка выслала мнѣ эту сумму, но ея сердце высказалось въ письмѣ (противу ея воли, какъ изъ слога я могъ замѣтить) столь сильно, что ясно для меня стало, что ея согласіе на мои планы**) было вынужденное. Къ счастью, муза въ это время восприняла отъ долговременнаго сна и подкрѣпила меня въ новомъ разочарованіи. Идеаль мой разрушился—свойства, коиъ я столь долгое время и подозрѣвать не могъ, высказались неоднократно и столь рѣзко, что я благодарю Провидѣніе за своевременное ихъ открытие***).

Я рѣшился, пробывъ здѣсь нѣсколько недѣль, снова отправиться въ нашу столицу, но не для пагубныхъ наслажденій разврата, а съ твердымъ намѣреніемъ какъ можно скорѣе окончить нашего Руслана. Никогда обстоятельства не были благопріятнѣе—театръ весь къ намъ услугамъ, и я могу разучивать и пробовать написанное по желанію, или лучше съ увѣренностью вездѣ найти ревностное содѣйствіе. Петровы (оба) поютъ чрезвычайно хорошо.

Мое здоровье также не позволяетъ мнѣ избрать другаго мѣстопробыванія: пособія врача необходимы. Сверхъ того, теперь благоразуміе заставляеть меня удалиться на первое время Украины и Малороссіи.

Здѣшнія домашнія обстоятельства наши крайне плохи и поминплатъ о путешествіи нѣтъ никакой возможности. Умоляю тебя, если можно, вышли извѣстные 1000 р. какъ можно скорѣе въ С.-Петербургъ, по слѣдующему адресу: „М. И. Глинкѣ въ Фонарный переулокъ въ домѣ Мерца, бывший Шлотгауера, на квартирѣ Кукольниковъ“.

Грустно мнѣ, очень грустно подумать, что долго еще не увижусь съ тобою, милый другъ мой—но такова судьба моя, буду слѣдовать ея велѣніямъ. Благодарю Бога и за то, что возвратилъ мнѣ Музу—утѣшительницу—надѣюсь, что и ты не откажешь пользоваться вдохновительнымъ дѣйствіемъ благотворной твоей Украины и будешь содѣйствовать мнѣ какъ и прежде. Препровождаю при семъ программу и прошу тебя, займись прежде всего 5-мъ актомъ, въ особенности дуэтомъ и финаломъ. По моему расчету мнѣ еще осталось, для написанія сочиненнаго уже—работы на 2 мѣсяца; если къ тому времени приплешь 5-й актъ, то дѣло закипитъ.

Будь здоровъ, счастливъ и помни преданнаго тебѣ душою

М. Глинку.

*) Въ «Запискахъ» своихъ Глинка говоритъ, что по случаю разстроеннаго здоровья г-жи Е. К., онъ упросилъ мать свою выслать ему 7000 р. для поѣздки этой дѣвцы на югъ Россіи. В. С.

**) Предполагаемый бракъ съ Е. К. послѣ развода съ женой. В. С.

***) Смотри объ этомъ «Записки», изд. «Русской Старины» 1870 г. стр. 124. В. С.

Александръ Григорьевичъ мой усерднѣйшій поклонъ. Если она на меня гнѣвается, что не буду въ Хатнее—винись, для умиловленія въ самомъ непродолжительномъ времени пришлю Смоленскихъ конфектъ, кои уже заказаны.

Милую малютку заочно цѣлую.

IV.

Программа.

(Приложен. при № III).

Въ дополненіе къ написанному о 4-мъ актѣ прибавлю:

1. Что музыка еще на него, за исключеніемъ марша и танцевъ, не готова, слѣдственно для поэта *carte blanche*.

2. Финаль сего акта долженъ быть терцетъ между Русланомъ, Ратмиромъ и Гориславой съ сопровожденіемъ хора. Желалъ бы, чтобъ не только содержаніемъ словъ, но и метромъ, страсть Руслана (ревность) сильно отличалась отъ сладко утѣшительныхъ звуковъ Ратмира и Гориславы, и чтобъ весь номеръ былъ довольно пространенъ, чтобы дать возможность составить музыкальную пьесу финальной важности и объема. Если къ сему акту еще не приступлено, то прошу сперва заняться слѣдующимъ 5-мъ актомъ, состоящимъ изъ слѣдующихъ элементовъ:

1. Романсъ Ратмира: она мнѣ жизнь (готовъ).
2. Сонъ Руслана (безъ рѣчей).
3. Сцена Фарлафа съ Нанной: убіеніе Руслана и похищеніе спящей Людмилы (ясно, но кратко).
4. Дуэтъ Ратмира съ Гориславой.
5. Финаль.

№ 3-й, т.-е. сцена Фарлафа съ Нанной *) второстепеннаго достоинства, и такъ, о ней довольно!

Но весьма важенъ № 4-й—дуэтъ. Его элементы:

а) *Agitato* испугъ и отчаяніе при видѣ убіеннаго Руслана; каждый подобные стихи по-очередно.

б) Призваніе Финна: *Adagio* вмѣстѣ, а иногда и разн. Для

с) *Allegro*, самъ ума не приложу. Надобно его выгадать, чтобы округлить пьесу. „Утончись (нужно ли являться Финну съ живой и мертвою водой, подумай).

№ 5-й Финаль (т.-е. финаль всей оперы—важное дѣло). Его элементы:

- а) Пѣніе надъ Людмилой (метръ пришлю послѣ).

*) Въ оригиналѣ описка: сказано съ «Гориславой».

b) Сцена Свѣтозара съ Фарлафомъ (*carte blanche*).

c) Прибытіе Руслана.

d) Пробужденіе Людмилы (краткіе стихи): ей аккомпанируютъ дѣйствующія лица безъ хора.

e) Торжественный хоръ: характеръ его—сила и блескъ, метръ краткій. Желаніе:

Здравія f—хоръ,

Счастія р—дѣйствующія лица.

Могущества f.

Блаженства любви р—дѣйствующія лица.

Кончи чѣмъ хочешь, но какъ можно торжественнѣе и громогласнѣе.

Несмотря на необходимость этой программы, пиши по собственному вдохновенію и присылай. По первой надидкѣ сейчасъ можно будетъ сообразить, гдѣ и что потребуется перемѣнить.

NB. Не забудь сообщить о перемѣнахъ, внушенныхъ украинскимъ ребомъ.

V.

С.-Петербургъ, 18-го декабря (1840).

Не гнѣвайся на меня, безцѣнный другъ мой, за мое долгое молчаніе—я виноватъ передъ тобою, но не столько, сколько ты вѣроятно думаешь, — вскорѣ по полученіи твоего письма я занемогъ нервною лихорадкою, отъ которой долго не могъ оправиться, а по выздоровленіи, чтобы отвѣчать на твое письмо, надлежало посоветываться съ Кукольниковъ, Карломъ Брюловымъ и Роллеромъ, — собрать сихъ господъ для совѣщанія было весьма не легко, наконецъ это удалось, и прилагаемыя при семъ замѣчанія на присланный тобою 4-й актъ, суть результатъ какъ сценическихъ, такъ и музыкальныхъ соображеній.

Я увѣренъ, что ты не прогнѣваешься за присланныя замѣчанія; они ни мало не опровергаютъ достоинства присланнаго тобою акта, напротивъ того, Кукольникъ (которому съ твоего разрѣшенія я показывалъ твой трудъ) чрезвычайно одобряетъ его, въ особенности сцену Руслана послѣ сраженія съ Черноморомъ. Въ моей же признательности ты вѣрно не сомнѣваешься,—твой трудъ для меня драгоцененъ, и какъ новое доказательство твоей дружбы, а вмѣстѣ и какъ средство къ продолженію начатаго труда.

Несмотря на твое дружеское содѣйствіе, однакожь Русланъ мой весьма медленно подвигается. Вскорѣ по возвращеніи изъ деревни, я употребилъ 6 недѣль на увертюру и антракты къ трагедіи „Холмскій“. Мнѣ удалось написать ихъ по желанію, и я имѣю право считать ихъ

въ числѣ хорошихъ моихъ произведеній. Болѣзнь похитила потомъ цѣлый мѣсяцъ. Принявшись снова за трудъ, я успѣлъ только написать арію Руслана и хоръ цвѣтовъ (изъ вновь присланной тобою сцены Людмилы: „Не сѣтуй юная княжна etc.“).

Теперь опера снова останавливается по причинѣ заказныхъ работъ. Миѣ должно изготавить, въ самомъ непродолжительномъ времени, выпускной хоръ (слова Ободовскаго) для дѣвицъ Екатерининскаго института, а потомъ, къ половинѣ генваря, музыку на Тарантеллу (слова Мятлева)—сверхъ того нѣсколько заказныхъ романсовъ.

Не требуй отъ меня подробнаго извѣщенія ни о прежнихъ, ни о теперешнихъ событіяхъ. О прежнемъ скажу: убѣжденіе, что согласіе матери моею было вынужденное, а также увѣренность, что счастье невозможно на столь непрочныхъ основаніяхъ, на каковыхъ я предполагалъ устроить его, руководствовали мною въ рѣшимости снова возвратиться въ столицу, добровольно отказавшись отъ самыхъ милыхъ надеждъ моего сердца. Теперь жизнь моя безцвѣтна, несмотря на ласки, угощенія, дружбу и разсѣянность столичной жизни,—одна Муза и трудъ доставляютъ истинное неподдѣльное наслажденіе. Поведеніе мое (тебѣ, какъ другу истинно меня любящему, считаю нѣкоторымъ образомъ обязаннымъ отчетомъ) не такъ хорошо, какъ бы ты желалъ, но и не такъ дурно, какъ ты воображаешь.

Милой Александрѣ Григорьевнѣ скажу, что для меня несказанно драгоценна ея память и вниманіе,—что сердце мое хранитъ всѣ самыя милѣйшія подробности пріятныхъ минутъ, проведенныхъ съ вами,—что тѣ музыкальныя пѣсы, которыя я слышалъ исполненными ею, какъ-то мазурки Chopin, наводятъ на меня невольную сладкую задумчивость,—однимъ словомъ, что въ разлукѣ съ вами, милые друзья мои, я часто мысленно переносусь въ милое, несмотря на страданія, прошедшее.

VI.

Программа 4-го акта оперы „Русланъ и Людмила“ *).

(Приложен. къ № V).

Не имѣя на здѣшнемъ театрѣ актрисы, которая бы въ состояніи была выполнить роль Людмилы по приложенной программѣ, необходимо сдѣлать въ сценѣ Людмилы слѣдующія перемѣны:

1. Сцену сна должно совершенно отмѣнить, а начать дѣйствіе словами Пушкина:

Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ миѣ жить на свѣтѣ болѣ.

*.) Эта программа во многомъ отличается отъ нынѣшняго либретто IV-го акта.

О ты, чья гибельная страсть
 Меня терзает и лелѣетъ,
 Мнѣ нестрашна злодѣя власть,
 Людмила умереть умѣетъ!

Съ сими словами княжна желаетъ броситься въ воду; нимфы ее
 останавливаютъ и поютъ:

Покорись судьбѣ вельнѣямъ,
 О, прекрасная княжна,
 Все здѣсь манитъ къ наслажденьямъ,
 Жизнь здѣсь радостей полна.

Послѣ сего Людмила продолжаетъ тосковать; но желать бы другія
 слова, но тѣмъ же метромъ, т. е. 4-хъ стопнымъ ямбомъ:

— — — — —
 — — — — — etc.

стиховъ отъ 8 до 10.

Они должны выражать задумчивую грусть и кончиться молча-
 ніемъ, которое прерветъ хоръ духовъ (передѣланный по совѣщанію
 Роллера съ Брюловымъ въ хоръ цвѣтовъ; каждый цвѣтокъ въ клум-
 бахъ обратится въ нимфу характера цвѣтка, а хоръ будетъ пѣть за
 кулисами *). Я не могу хорошенько объяснить этого, скажу только,
 что Роллеръ весьма доволенъ сею мыслию Брюлова). Стихи твои ос-
 таются:

Не сѣтуй, милая княжна,
 Развесели твой взоръ унылый,
 И этотъ замокъ, и страна,
 И властелинъ тебѣ подвластенъ.
 Не сѣтуй, младая княжна,
 Что помнить съ печалью былое?
 Яснѣ здѣсь солнце золотое,
 Тоннѣ здѣсь въ ночь луна;
 Незримые дивы летая,
 Съ ревнивымъ вниманьемъ любви,
 Съ заботою, дѣва младая,
 Здѣсь дни охраняютъ твои.

(Горестъ Людмилы усиливается и она поетъ):

Ахъ ты доля долюшка etc.

(по окончаніи сего Adagio является столъ, покрытый яствами; зо-
 лотыя и серебряныя деревья ведутъ курантъ, шевеля листками. Люд-
 мила сперва слушаетъ съ любопытствомъ, потомъ съ пренебреженіемъ
 поетъ, въ родѣ этихъ стиховъ Пушкина:

Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
 Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ,

*) Все это было буквально и очень изящно исполнено въ постановкѣ
 «Руслана и Людмила» 1842 и 1843 года. В. С.

Не стану ѣсть, не стану слушать,
Умру среди твоихъ садовъ.

Отъ презрѣнія Людмила переходитъ въ негодованіе, и для выраженія его нужно стиховъ 12 трехстопнаго хора, или короткихъ дактилическихъ.

Людмила, изнуренная послѣднимъ взрывомъ страсти, ослабѣваетъ, и падаетъ на скамью или другое приличное мѣсто; надъ нею раскидывается шатеръ; и три дѣвы, обмахивая ее опахалами, поютъ въ родѣ:

—○— мирный сонъ
—○— сладкій сонъ etc.
—○—○

Этакихъ 4 куплетца, смыслъ ихъ успокоиваніе и убаюкиваніе.

Маршъ Черномора.

Танцы.

Послѣ танцевъ, Черноморъ, пользуясь дѣтскимъ вниманіемъ Людмилы къ танцамъ, хочетъ обнять ее; она ударяетъ его и снимаетъ шапку.

2-я сцена Людмилы:

Обратясь къ зеркалу, Людмила примѣриваетъ шапку; перевернувъ ее извѣстнымъ образомъ, дѣлается невидимкою; торжество Людмилы; погоня за нею, выраженная хоромъ; два раза Людмила пропадаетъ, и два раза, по удаленіи хора, поетъ Rondo въ игриво-насмѣшливомъ родѣ. Эта новая сцена, кромѣ театральнаго эффекта, не помѣшаетъ большому объясненію характера Людмилы.

Слышенъ звукъ рога. Людмила отъ радости забываетъ перевернуть шапку, и дѣлается снова видимою. Черноморъ, слѣша на бой, погружаетъ ее въ волшебный сонъ.

Сраженіе.

Сцена Руслана превосходна, въ ней нечего передѣлывать, а только прошу придѣлать нѣсколько запасныхъ стиховъ въ мѣстѣ: „Людмила дай сердцу отвѣтъ“, до начала хора, дабы и могъ дать Руслану болѣе пѣнія.

1841.

VII.

18-го февраля (1841, С.-Петербургъ).

Сердись на меня, брани меня, но не переставай любить, безцѣнный другъ Валерьянъ Федоровичъ. Вѣрь, что несмотря на столь долгое молчаніе, сердце мое не измѣнилось, и что никто здѣсь не можетъ замѣнить тебя,—напрасно печальное сердце мое ищетъ отрад-

наго уголка для успокоенія, счастливое время умчалось, надежды рушились и дни тихаго и поэтическаго блаженства смѣнили безцвѣтными и бездушными хлопоты разсѣянной жизни. Я сталъ другимъ человекомъ, самъ не знаю что дѣлаю,—вездѣ скучно, вездѣ не отрадно, и нѣтъ уголка, чтобы отвести душу, облегчить сердце,—нѣтъ благосклонныхъ ко мнѣ въ домѣ Барбѣ, гдѣ сердце мое находило отрадное участіе дружбы. И въ будущемъ чего ожидать мнѣ,—я ѣду въ Парижъ, и вѣришь ли, болѣе по принужденію, нежели по собственному желанію. Несмотря на трудный годъ, деньги для путешествія нашлись, значить матушка желаетъ, чтобы я ѣхалъ, и она права; не будь это, ничто бы не удержало меня отъ поѣздки въ Малороссію; тамъ все, чѣмъ привыкло жить растерзанное сердце мое. Съ тобой, видишь, говорю откровенно, сердце мое не измѣнилось, но разсудокъ не увлекается по прежнему, и видитъ ясно всѣ затрудненія, всѣ несообразности прежняго плана—какъ быть,—одно осталось, предаться судьбѣ, ждать и надѣяться.

Да, еще надѣяться можно—требованіе матери моей не спѣшно. Она права, вотъ уже случилось важное дѣло, отецъ ея *) умеръ, а это, какъ знаешь, былъ самый лютый врагъ нашъ. Я увѣренъ, что по отъѣздѣ моемъ за границу, и жена что-нибудь затѣетъ—теперь она хотя здѣсь, но, кромѣ росписокъ за деньги ей отсылаемыя, объ ней не слышно. Съ другомъ же мнѣ я въ постоянной перепискѣ, и доселѣ языкъ и сердце не измѣнились.

Заговорясь о себѣ, я и забылъ поблагодарить тебя за присланные 500 руб. Еслибы ты зналъ, какъ этимъ меня успокоилъ. Каретникъ ждетъ, и не тревожитъ меня болѣе.

Препровождаю тебѣ программу 5-го акта и замѣчанія ко 2-му. Составленіе этой программы и было главною причиною молчанія. Нынѣшній карнавалъ былъ суматошнѣе всѣхъ прежнихъ, вѣроятно по причинѣ краткости. Какъ эта разсѣянность, такъ и тоска сердца отвлекали меня отъ оперы, и въ 5-мъ актѣ многое еще не объяснилось въ душѣ. Сдѣлай что можешь и сколько можешь; бѣдный Русланъ нашъ не только не кончится къ свадьбѣ Наслѣдника, но если обстоятельства не измѣнятся, то долго, долго еще надъ нимъ трудиться.

Я ѣду во второй половинѣ апрѣля съ сестрой, затемъ и племянникомъ. Надѣюсь, что переписка будетъ продолжаться и тогда, когда буду за границею.

Доселѣ всего изъ оперы написано:

*) Т.-е. г-жи Е. К.

I дѣйствиѣ.

1. Интродукція.
2. Арія Людмилы.

II дѣйствиѣ.

3. Баллада Финна.
4. Арія Руслана.

III дѣйствиѣ.

5. Перендскій хоръ.
6. Каватина Гориславы.

IV дѣйствиѣ.

7. Отрывки изъ сцены Людмилы, именно: хоръ цвѣтовъ: „Не сѣтуй“, Andante: „Ахъ ты доля долюшка“.
8. Маршъ Черномора.

V дѣйствиѣ.

9. Романсъ Ратмира: „Она мнѣ жизнь“.

Заготовляется:

- а) Финаль 1-го дѣйствиѣ.
- б) Сцена головы (2-го дѣйствиѣ).
- в) Танцы (3-го дѣйствиѣ).
- г) Сцена Людмилы и танцы (4-го дѣйствиѣ).
- е) Финальный хоръ 5-го дѣйствиѣ.

Неприступлено:

1. Къ сценѣ Фарлафа съ Нанной (2-го дѣйствиѣ).
 2. „ аріи Ратмира
 3. „ финалу
 4. „ сраженію и финалу (4-го дѣйствиѣ).
 5. „ сценѣ сна
 6. „ сценѣ убіенія
 7. „ дуэту
 8. „ началу финала
- } (3-го дѣйствиѣ).
- } (5-го дѣйствиѣ).

Вотъ подробный отчетъ. Изъ него видно, что готово 9 нумеровъ, заготовлено 5 и начато 8. Увертюра и антракты—послѣднее дѣло.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ не пишу; муза печальна и неповинуется. Принуждать ее нельзя, къ тому же непрерывныя репетиціи не допустили бы работать, еслибы и могъ. Но всегда къ концу зимы, отъ продолжительнаго холода нервы сильно страдаютъ.

Авось путешествіе оживитъ меня. Я увѣренъ, что въ Парижѣ я буду спокойнѣе, нежели въ этомъ омутѣ — Петербургѣ. Послѣднее время меня занимали репетиціи въ институтѣ—такъ живо напоми-

нашемъ мнѣ Смольный. Хоръ, написанный мною въ выпускъ, удался и исполняется превосходно. Это вознаградило меня за Тарантеллу, искаженную дурнымъ исполненіемъ на Александринскомъ театрѣ. Надняхъ концертъ Габербира, будутъ исполнены: увертюра и антракты Холмскаго, а на будущей недѣлѣ помѣтъ Andante: „Ахъ ты доля долюша“ *). Во всемъ дамъ подробный отчетъ въ слѣдующемъ письмѣ, а теперь спѣшу.

Не знаю, какими словами благодарить Александру Григорьевну за ея милыя и ласковыя строки. Еслибы слова повиновались мнѣ какъ музыкальные звуки, мнѣ бы легко передать ей признательность души и чувство глубокой и постоянной дружбы. Здѣсь мнѣ жизнь теперь не представляетъ ничего утѣшительнаго, и я бы охотно промѣнялъ бездушныя разсѣянности столицы на тихую жизнь въ вашемъ прелестномъ Хатнее. Когда я играю мазурки Chopin, или другіе въ моемъ присутствіи исполняютъ тѣ пьесы, которыя играла въ моемъ присутствіи Александра Григорьевна, мое сердце такъ живо переносится въ прошедшее, что слыша звуки, душа моя видитъ васъ предъ собою. Не думаю, чтобы путешествіе продлилось долго, и надѣюсь, что небо не откажетъ мнѣ въ счастьи снова пожить съ вами. Прощайте, добрые друзья мои, будьте счастливы и здоровы. Вашего ангела-малютку цѣлую и желаю, чтобы она цвѣла, не зная горестей и болѣзней.

Вашъ искренній другъ М. Глинка.

VIII.

Программа.

(Приложен. при № VII).

Я не могу дать тебѣ полной и обстоятельной программы 5-го акта нашего Руслана; многое еще не совершенно въ душѣ объяснилось, тѣмъ лучше для тебя. Если ты приблизительно такъ напишешь, какъ 4-й актъ, это будетъ превосходно.

5-е дѣйствіе должно заключать слѣдующіе номера:

- а) Романсъ Ратмира: „Она мнѣ жизнь“ (готовъ).
- б) „Сонъ Руслана“ (безъ словъ).
- с) Убіеніе Руслана. Фарлафъ и Наина (краткая второстепенная сцена речитативомъ).
- д) Дуетъ Ратмира и Гориславы; его элементы: 1-е *Agitato*: ужасъ и горестъ при видѣ убитаго Руслана: попеременно каждый. 2-е *Andante*: Призваніе Финна (*Invocation*), въ родѣ молитвы: вмѣстѣ. 3-е. Вотъ важный пунктъ! Тебѣ, какъ поэту, должно рѣшить, какъ

*) Арія Людмилы изъ IV-го акта оперы.

развязать дѣйствіе: долженъ ли Финнъ воскресить Руслана на сценѣ? или успокоить просящихъ помощи общаніемъ, что Русланъ оживетъ отъ мертвой и живой воды?—Какъ лучше, разсуди самъ. Музыкальное требованіе состоитъ въ томъ, чтобы движеніе послѣднее было скорое *allegro*, размѣръ короткій, хорейческій. Вся пьеса вообще должна быть довольно обширна, чтобы составить полный и опредѣлительный дуэтъ.

Наконецъ, послѣдній № 5-го акта и оперы:

Финалъ, также доселѣ не совсѣмъ прояснился. Когда созрѣетъ, доставлю метры. На обратномъ пути изъ деревни въ Петербургъ, я сочинилъ послѣдній хоръ, но еще метры не подобраны. Кукольникъ взялъ на себя подкинуть для твоего соображенія (метра ради), кое-какіе стихи, кои ты замѣнишь своими—не въ продолжительномъ времени примемся за это. Я увѣренъ, что твое авторское самолюбіе за эту услугу Кукольника не оскорбится, я у него прошу не стиховъ, а метровъ въ словахъ.

Примѣчаніе ко 2-му дѣйствію.

1) Послѣ баллады Финна невозможно оставить дуэта Финна съ Русланомъ — не найдется тенора, который послѣ столь трудной и утомительной пьесы, былъ бы въ силахъ пропѣть дуэтъ приличнымъ образомъ — заставить пѣть болѣе Руслана, повредить эффекту его арии на полѣ битвы. Въ драматическомъ смыслѣ, этотъ дуэтъ лишний, ибо ревность Руслана встаети высказывается въ концѣ 4-го акта. Вмѣсто этого дуэта, изъ него я заимствую нѣсколько стиховъ для объясненія, кои поставлю предъ речитативомъ баллады.

2) Между балладою и сценою Руслана на полѣ битвы, должна быть сцена Нанны съ Фарлафомъ. Нанна роль ничтожная, ей нѣсколько стиховъ речитатива; Фарлафъ же можетъ пропѣть ариетту скороговоркой (буффо). Содержаніе и всю сцену вообще предоставляю тебѣ; что можешь хорошо сдѣлать, за то ручается финалъ 4-го дѣйствія.

3) Окончивъ арію Руслана: „Дай Перунъ булатный мечъ мнѣ по рукѣ“, я приступилъ къ сценѣ съ Головою, но встрѣтилъ непредвидимое затрудненіе, а именно: продолжительный разговоръ между героемъ нашей драмы и Головою, въ музыкальномъ смыслѣ не представляетъ возможности удовлетворить требованіямъ искусства. Арія Руслана кончается чрезвычайно сильно. Разсказъ Головы долженъ поразить фантастическимъ эффектомъ. Эта арія и разсказъ суть 2 главные пункта акта, разговоръ же съ Головою, не заключающій новыхъ музыкальныхъ началъ, или долженъ быть слабѣе (что естественнѣе), или сильнѣе. Если слабѣе, будетъ вяло, или, что хуже,

смѣшно; если сильнѣе, повредитъ какъ арін, такъ и разсказу. По соображеніи, а рѣшился, послѣ словъ Головы: „Прочь, я развѣю пришельца, какъ прахъ“, заставить оркестръ играть бурю, и когда во время оной Русланъ, подошедъ къ головѣ, поразитъ ее мечемъ, она простонетъ: „Погибъ я“. Русланъ короткимъ речитативомъ выразитъ: недоумѣніе или лучше изумленіе. Это будетъ хорошо не только въ музыкальномъ, но и въ драматическомъ смыслѣ. Русланъ до разсказа еще не знаетъ, что этотъ мечъ тотъ самый, которыми онъ можетъ поразить Черномора.

IX.

29-го марта, 1841 г. (С.-Петербургъ).

Твое долгое молчаніе крайне беспокоило меня и всѣхъ любящихъ тебя, Пушкина, Искрицаго и Галамина, у котораго недавно былъ по случаю его рожденія. У Галамина мнѣ было грустно безъ тебя—все прежнее милое сердцу такъ сильно отозвалось въ печальной и одинокой душѣ моей. Мои чувства неизмѣнились, но печальный опытъ и холодный умъ убили надежды—самъ вижу теперь несообразность моихъ намѣреній: мы слишкомъ связаны обстоятельствами—въ особенности она—у нея родныхъ безъ конца. Мнѣ крайне грустно и не съ кѣмъ раздѣлить горя—пріятелей много, но они склоннѣе издѣваться надъ моими страданіями, нежели цонимать или утѣшать меня—ти одинъ вполне постигалъ меня; но тебя нѣтъ здѣсь, и огромная наша столица теперь пустыня для меня, какъ безпредѣльная украинская степь.

Ты правъ: я ѣду нехотя и не почти, а рѣшительно насильно. Все употребилъ, отъ меня зависящее, чтобы вмѣсто Парижа посѣтить Малороссію; но родня ея и желаніе моей матери (добрый, но, можетъ быть, слишкомъ осторожной) разрушили мои надежды. Я долженъ ѣхать—долженъ жертвовать собою для моей добрѣйшей матушки, а можетъ быть и для ея собственнаго счастья.

Повинуясь безропотно моей печальной судьбѣ, не предаюсь безумному отчаянію, но сердце болитъ и дай-то Богъ, чтобы этотъ душевный недугъ измѣнился путешествіемъ и чтобы муза моя снова воскресла. Надежда свиданія подарила меня еще недавно новинкѣ и, могу сказать, счастливымъ вдохновеніемъ, я написалъ финаль IV-го акта (сцену ревности);—пѣніе Руслана весьма просто, но выразительно—пѣса оканчивается маршемъ (подъ который поютъ всѣ дѣйствующія лица). Кукольники въ восторгѣ отъ этого нумера, и считаютъ его однимъ изъ лучшихъ оперы. Въ этой сценѣ твои слова остались безъ перемѣнъ, только съ выпускомъ нѣсколькихъ стиховъ, безъ утраты смысла.

Послѣ того принялся за сцену „Головы“ и написалъ половину ея, но разныя хлопоты и дурныя вѣсти отъ друга остановили порывъ моеѣ музыки; мнѣ вѣрно не писать болѣе до Парижа. Да и какъ писать — гадко выглянуть въ окошко: сыро, грязно и сыро. Сверхъ того немало пострадали уши пыльными великими постомъ. Играли мои антракты Холмскаго — и такъ терзали моихъ бѣдныхъ чадь, что я, несмотря на мое долготерпѣніе, не могъ удержать своего негодованія. Единственное торжество, какъ автору, доставилъ мнѣ Екатерининскій институтъ, гдѣ пѣли выпускной хоръ, мною написанный по просьбѣ начальницы; я получилъ за него отъ императрицы въ подарокъ перстень.

Твое предположеніе переселиться въ столицу радуетъ меня; ты властенъ здѣсь окружить себя людьми, которые тебѣ по сердцу, а это важно. По возвращеніи (я бы желалъ провести годъ въ Парижѣ), я буду также долгое время въ Петербургѣ, чтобы ставить оперу; матушка также намѣрена пріѣхать — заживемъ попрежнему, тихо, но дружно и весело. Не кончивъ оперы, не хочу возвращаться, и потому прошу убѣдительно выслать мнѣ слова недостающія, въ Парижъ. Вѣрь мнѣ, милый другъ мой, что я вполне цѣню трудъ твой и безкорыстное твое содѣйствіе, и постараюсь, чтобы кромѣ тебя никто мнѣ не помогаль въ предпринятой нами оперѣ.

Адресъ мой, подробную программу и всѣ нужныя свѣдѣнія сообщу при отъѣздѣ—все какъ-то не вѣрится, что долженъ повинуть Россію и ѣхать такъ далеко—Богъ знаетъ зачѣмъ.

Касательно должной суммы спѣшу успокоить тебя—я не въ нуждѣ и передъ отъѣздомъ самъ расплачусь съ каретникомъ. Еще повторяю, что люблю тебя искренно, безъ всякихъ видовъ, и если ты не успѣешь выслать деньги до моего отъѣзда, крайне обяжешь, переславъ ихъ въ видѣ векселя отъ банкира въ Парижъ. Это тебѣ удобно сдѣлать чрезъ кого-либо изъ твоихъ петербургскихъ друзей.

Я слишкомъ мѣсяцъ живу у Степановыхъ въ извѣстной тебѣ фантастической комнатѣ*). Эти чудовища, скелеты и мертвыя головы гармонируютъ съ теперешнимъ состояніемъ души моеѣ. Альбомъ мой обогатился множествомъ новыхъ портретовъ en saignature—одна другой лучше. На твои рисунки равнодушно смотрѣть не могу. Если будешь въ расположеніи, нарисуй твое и Александры Григорьевны изображеніе, да и ангела-малютку помѣсти, и тутъ же хатку, груш-

*) См. «Записки М. И. Глинки». изд. «Русской Старины» 1870 г., стр. 127. Также смотри «Воспоминанія о М. И. Глинкѣ» П. А. Степанова въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., т. IV, стр. 48—52.

ку, греблю съ вами, это меня душевно порадуетъ — Малороссія обѣтованная земля моего сердца.

Спѣшу поздравить васъ, добрые друзья мои, съ наступающимъ праздникомъ Пасхи; дай Богъ, чтобъ вы были вполне счастливы, и чтобы милое семейство ваше скоро и счастливо было оживлено новымъ ангеломъ-малюткою. Когда-то доведется мнѣ, одинокому и бездомному горемыкѣ, забывать себя въ вашей дружеской бесѣдѣ, играя съ вашими малютками.

Ваши строки, милая и добрѣйшая Александра Григорьевна, мнѣ драгоценны. Я не умѣю высказывать чувствъ моихъ такъ пѣжно и ловко, какъ умѣете вы, существа созданныя для отрады въ жизни, но вѣрьте, что самаго дѣйствительнѣйшія подробности пріятныхъ минутъ вѣзались глубоко въ мое сердце. Вы увезли, можно сказать, мое счастье. Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда все для меня перемѣнилось. Переѣзжайте въ столицу— снова будемъ вмѣстѣ, будемъ играть Chopin и пожалуй даже и Тальберга. Вспомни о прежнемъ времени, мнѣ стало легче—при васъ, нѣтъ сомнѣнія, мое положеніе было бы несравненно отраднѣе. Прощайте, добрые друзья мои, поцѣлуйте будущую красавицу и виртуозку, и вѣрьте, что я навѣки вашъ искренній другъ М. Глинка.

На оборотѣ письма: «Его Высокоблагородію Валерьяну Ѳедоровичу Ширкову. Харьковской губерніи, въ городѣ Волчанскѣ, село Хатнее. Почтовый штемпель: «С.-Петербургъ, 9 апрѣля 1841 г.»

Х.

Новоспасское, 24 мая 1841 года.

Ты вѣрно воображаешь, что я уже въ Парижѣ, и не мало удивленъ будешь, получивъ это письмо изъ моей смоленской деревни, милый другъ Валерьянъ Ѳедоровичъ. Твое удивленіе увеличится еще болѣе, когда узнаешь, что я пріѣхалъ сюда на 5 дней, и завтра же спѣшу снова въ Петербургъ, чтобы хлопотать о разводѣ съ женою, и теперь, по обстоятельствамъ дѣла, мнѣ столько же трудно проитрать дѣло, какъ прежде было трудно выиграть его.

За нѣсколько недѣль до предполагаемаго отправленія за границу, разнесся въ Петербургѣ слухъ, что Мар. Пет. вышла замужъ. Эти слухи впоследствии не только оправдались, но въ синодѣ и по полиціи идетъ о томъ дѣло, и не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что дѣйствительно 15 марта, т.-е., великимъ постомъ моя благовѣрная супруга вѣнчалась съ корнетомъ конногвардейскимъ Васильчиковымъ, племянникомъ князя Иллариона Васильевича. Несмотря на знатность и богатство, этого дѣла замать не могутъ, какъ по гласности его, такъ и потому, что было объ ономъ уже два донесенія императору. Я же

съ своей стороны имѣю, кромѣ извѣстныхъ правительству обстоятельствъ, еще сильнѣйшія письменныя доказательства, кои берегу какъ послѣднее сильное средство.

16 мая подано формальное прошеніе о разводѣ въ с.-петербургскую консисторію—оно написано въ самыхъ краткихъ и, можно сказать, скромныхъ выраженіяхъ, и въ оной глухо упомянуто о имѣющихся у меня доказательствахъ. Пользуясь сроками, опредѣленными закономъ для вызова отвѣтчицы, я поспѣшилъ къ матушкѣ, чтобы успокоить ее, объяснивъ ей дѣло, въ чемъ успѣлъ совершенно, и теперь спѣшу обратно, чтобы поспѣть въ Петербургъ до окончанія сроковъ, и приготовить поле битвы къ сраженію. По необыкновенно-счастливному стеченію обстоятельствъ, я лишилъ непріятеля возможности ретироваться, или получить какое-либо подкрѣпленіе еще до подачіи просьбы. Какъ это и чѣмъ? объясню послѣ при свиданіи. Довольно для тебя, что кромѣ выгоднаго для меня положенія дѣла въ синодѣ, оно также отчасти подпало влиянію полиціи, что Дубальтъ лично сказалъ, что жена моя замужемъ и что мнѣ нельзя отказать въ разводѣ. Но я это берегу на случай неожиданной неудачи; напротивъ употреблю все возможное, чтобы дѣло уладить такъ, чтобы, получая разводъ, отстраниться отъ уголовного и полицейскаго разбирательства, имѣющаго быть по случаю тайнаго и незаконнаго брака. Этими я надѣюсь успѣть скорѣе, потому что желающіе помочь Васильичову поймутъ, что удовлетворивъ меня, имъ легче будетъ дѣйствовать въ его пользу.

Давно уже я не имѣлъ объ тебѣ извѣстія. Чтѣо причиною твоего молчанія—украинская лѣнь, или что другое? Успокой меня. Все ли у васъ благополучно? Оживилось ли ваше милое семейство появленіемъ новаго ангела-малютки? Здорова ли милая и добрая Александра Григорьевна? Не требую длинныхъ посланій, но нѣсколько успокоительныхъ строкъ я вправѣ отъ тебя требовать.

Со времени всѣхъ этихъ продѣлокъ, я забылъ про музыку, но если ты имѣешь время и расположеніе, заготовляй исподволь. Если Богу угодно будетъ меня успокоить, немедленно по окончаніи дѣла отправляюсь въ Малороссію, намѣренъ на время поселиться въ Кіевѣ, и не иначе уже явиться въ Петербургъ, какъ уже съ новой оперой, чтобы тѣмъ заградить уста недоброжелательству и злобѣ. Твой на вѣки

М. Глинка.

Вы можете представить себѣ, добрѣйшая и любезнѣйшая Александра Григорьевна, въ какихъ я теперь ажитаціяхъ, а потому и не прогнѣвайтесь, что пишу вамъ такъ мало. Сердце мое ожило, но мнѣ должно пройти чрезъ всѣ ужасы (отчасти вамъ извѣстны) про-

педурн. Надѣюсь на Бога и на добрыхъ людей; я мужалося, не могу не скорбѣть, что вашего Валерьяна Федоровича здѣсь нѣтъ; я былъ бы несравненно покойнѣе. Желаю вамъ всего лучшаго. Вану Аничку цѣлую. Вашъ М. Глинка.

Пиши ко мнѣ на квартиру Степанова, а именно: у Измайловскаго моста, въ домѣ Гарновскаго, на квартирѣ лейбъ-гвардіи егерскаго полка адъютанта Степанова *).

На оборотѣ: «Его Высокоблагородію Валерьяну Федоровичу Шаркову, Харьковской губерніи, городъ Волчанскъ». Почтовой штемпель: «Смоленскъ, 1841 г. мая 31.

XI.

22 іюля 1841 г. (С.-Петербургъ).

Я не сейчасъ отвѣчалъ тебѣ на твое первое письмо, любезный другъ, не отъ небреженія, а потому, что получилъ его во время недуга, продолжавшагося около 3-хъ недѣль. Теперь мнѣ лучше, и я спѣшу удовлетворить твоему любопытству по возможности.

Жена моя дѣйствительно вѣнчалась, и великимъ постомъ—Васильчиковъ и жена сошлись въ томъ Дубельту, а жена и мнѣ самому при второмъ свиданіи (объ этомъ послѣ). Постъ вѣнчавшій, вслѣдствіе многихъ пакостей, былъ на эпитимѣ, и за нѣсколько тысячъ рѣшился въ старымъ пакостямъ присоединить новую. Не знаю, что причиною вѣнчанія въ великомъ посту? Не штука ли это? Что вѣрно, это то, что имѣли въ виду милостивый манифестъ. Теперь обратимся къ дѣлу.

16 мая подавъ прошеніе о разводѣ, я навѣстилъ матушку, откуда и писалъ къ тебѣ. По возвращеніи моемъ, въ іюнѣ, около 20 числа, была явка въ консисторіи. Сверхъ моего ожиданія, жена меня предупредила. Выслушавъ нѣсколько словъ въ родѣ увѣщанія (такъ слѣдуетъ по положенію), я объявилъ, что мое намѣреніе неповоленно, но что я дѣйствую по обязанности, а не по чувству злобы или мщенія, и въ присутствіи же попросилъ у жены прощенія за нѣсколько наносимыхъ ей огорченія. Ей прочли прошеніе, и потомъ выдали вопію съ онаго. Пока шли эти продѣлки, я вступилъ съ женою въ разговоръ, и найдя ее довольно разсудительною, рѣшился еще повидаться съ нею, что и исполнилъ чрезъ два дня. Это свиданіе было въ царскосельскомъ саду. Она мнѣ во всемъ призналась и главное—ся идея въ томъ, что не монастырь, а вѣчное безбрачіе ее ужасаетъ. Я старался склонить ее не затягивать дѣла, и, слѣдуя навѣстамъ злыхъ людей,

*) Обо всемъ эпизодѣ въ этомъ письмѣ упоминаемомъ, смотри характеристичныя подробности въ разсказѣ П. А. Степанова. («Рус. Стар.» 1871 г. т. IV стр. 52).

не запутывать себя еще болѣе; будетъ ли провъ изъ моихъ словъ— сомнѣваюсь.

Съ тѣхъ поръ жена сказывается больною; я же подалъ прошеніе о допущеніи адвоката къ судоговоренію и о дозволеніи отлучаться. Вчера вышло разрѣшеніе, и на дняхъ я ѣду къ другу въ Малороссію, а оттуда въ Кіевъ для свиданія съ матушкой, которая ѣдетъ на богомолье. Не знаю, удастся ли завернуть къ тебѣ—срокъ такъ коротокъ. Чтб, если бы ты вздумалъ завернуть въ Кіевъ къ 20 августа.

Дѣло мое въ вѣрныхъ и опытныхъ рукахъ. Членъ управы благочинія, Александровъ, бывшій 18 лѣтъ петербургскимъ уѣзднымъ судьей (кажется достаточная рекомендація) взялъ мой процессъ въ свои руки. Мы съ нимъ прежде сего были уже въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ—вотъ уже годъ, какъ я учу пѣть его меньшую дочь. Адвокатъ же, нѣкто Степановъ, мелкій ему подчиненный чиновникъ, состоящій въ полномъ у него повиновеніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы ты былъ здѣсь, все бы пошло еще лучше, и самая жизнь была бы для меня отрадѣе. Повѣришь ли, безъ тебя не съ кѣмъ отводить душу.

Пиши мнѣ: Полтавской губерніи, въ гор. Лубны.

Прощай, Господь да хранитъ тебя и твое милое семейство. Письмо твое лично вручилъ Пушкину.

Не знаю, какъ благодарить васъ, Александра Григорьевна, за ваши дружескія строки. Онѣ вливаютъ отраду, а вмѣстѣ и грусть въ мое осиротѣлое сердце. Я такъ свыкся, можно сказать, сроднился съ вами, что не могу безъ глубокой горести вспомнить о счастливомъ времѣни, проведенномъ въ домѣ Барбе. Доживу когда-нибудь до подобнаго времени.

Муза моя совершенно умолкла. Но если Вал. Фед. имѣетъ иногда лишнее отъ заботъ время, попилите: не мѣшало бы мнѣ имѣть къ зимѣ полное лябретто. Кто знаетъ, можетъ быть неожиданно муза проснется.

Посылаю вамъ Valse-Fantaisie и фортепянное Волеро—играйте, и вспоминайте обо мнѣ.

На дняхъ ѣду къ другу въ Малороссію, на самое короткое время. Буду близко отъ васъ, но увь, едва ли успѣю завернуть къ вамъ: 20 августа я долженъ быть въ Кіевѣ для свиданія съ матушкой. Не вздумается ли и вамъ пріѣхать туда, поклониться святымъ угодицамъ?

Прощайте, прощайте, милая Александра Григорьевна, вѣрьте, что

чувства мои не измѣнились и никогда не измѣнятся. Что будетъ со мною, не знаю. Судьба кажется улыбается—но не смѣю ей вѣриться.

Заочно цѣлую вашихъ малютокъ, Господь да хранить ихъ и васъ. Помните меня и пишите.

Искренно любящій и уважающій васъ

М. Глинка.

Менчуковъ, который, ты помнишь, брался противозаконно устроить мнѣ разводъ, кажется (по крайней мѣрѣ подозрѣваю) замѣшанъ въ дѣлѣ. Я же съ нимъ никакого сношенія не имѣю. До сихъ поръ одинакожь, несмотря на подозрѣнія, объ немъ ничего не слышно. Васильчиковъ уже мѣсяць подъ арестомъ.

На оборотѣ: «Его Высокоблагородію Валерьяну Оедоровичу Ширкову, Харьковской губерніи, городъ Волчанскъ». Почтовой штемпель: «23 іюня 1841 г. С.-Петербургъ».

XII.

7 ноября (1841, С.-Петербургъ).

Давно я не писалъ къ тебѣ, милый другъ Валерьянъ Оедоровичъ. Поѣздка въ Малороссію не состоялась. Консисторія меня не отпустила, и я мало по-малу впалъ въ такую апатію, что и писать былъ не въ состояніи. Пріѣздъ сестры изъ Парижа, и въ особенности то, что она здѣсь поселилась, и въ одномъ домѣ со мною, нѣсколько утѣшило мое сердце, а вновь возвратившаяся Муза услаждаетъ жизнь благодѣтельнымъ трудомъ.

Никогда я не цѣнилъ искусства болѣе, какъ теперь, и хотя изнуренное долговременными страданіями сердце уже не вѣритъ въ земное счастье, но еще возможно существовать для искусства. Въ препровождаемой при семъ аріи 3-го дѣйствія найдешь подробный отчетъ моимъ занятіямъ, съ нужными свѣдѣніями для продолженія труда.

Дѣло мое въ консисторіи сомнительно, но идетъ помимо меня, и не отвлекаетъ отъ работы. Жена не является, и, кажется, суда по формѣ не будетъ, а ей пошлютъ члена консисторіи на домъ, для допроса. Признаніе Васильчикова прислано чрезъ гр. Протасова въ консисторію; кромѣ того два письма попа, который вѣнчалъ: первое содержитъ признаніе, а во второмъ онъ говоритъ, якобы я далъ ему 10 т., чтобы онъ согласился показать на жену. Изъ этого ты видишь, что дѣло запутано и неполно, пополнить же его нечѣмъ, имѣющіяся у меня доказательства слабы. Во всякомъ случаѣ дѣло долго не протянется, ибо военное начальство, содержащее Васильчикова подъ арестомъ, требуетъ скорѣйшаго рѣшенія дѣла, и я полагаю, что въ концѣ зимы оно поступитъ въ синодъ. Признаюсь тебѣ, что я въ это время

столько намучился, что радъ, что теперь дѣло не требует моего участія.

Съ той минуты, какъ я пересталъ жить непрочными мечтами на будущее, я совершенно измѣнилъ образъ жизни, и стараюсь наполнить каждый часъ настоящаго. Кромѣ оперы, я принялся за скрипку и карандашъ. Съ помощію хорошаго академика, я черчу недурно этюды въ ландшафтномъ родѣ. Весною хочется приняться за акварель.

Если оставшіеся у тебя рисунки и этюды деревъ цѣлы, сдѣлай одолженіе перешли ихъ съ первою почтою; въ особенности нуженъ мнѣ тотъ этюдъ, съ котораго ты рисовалъ дерево въ мой альбомъ. Не смѣю просить еще рисунка твоей работы — хатка съ грушкой меня бы порадовала.

Не въ продолжительномъ времени буду еще писать, теперь спѣшу.

Милой Александрѣ Григорьевнѣ мой дружескій поклонъ, и желаніе вамъ отъ души всего лучшаго въ мірѣ.

Вотъ мой адресъ: на большой мѣщанской, въ домѣ Шуппе, бывшемъ Варварина, № 24, М. И. Глинкѣ.

XIII.

20-го декабря (1841 г., С.-Петербургъ).

Спѣшу изъявить тебѣ глубочайшую признательность за присылку IV-го акта, добрый другъ мой. Твой трудъ мнѣ тѣмъ драгоценнѣе, что и твои душевные страданія не были препятствіемъ исполнить мое желаніе. Слова сцены Людмилы передѣланы совершенно такъ, какъ того требовала моя музыка, и явились очень-очень кстати, ибо передъ присылкою ихъ я былъ нѣсколько дней уже безъ возможности продолжать писать. Сейчас же принялся за работу, и сцена Людмилы уже въ половинѣ (многое было заготовлено, какъ-то: Хоръ цвѣтовъ и Adagio „Ахъ ты доля долюшка“). Хоръ цвѣтовъ на слова: „Не сѣтуй милая княжна, развесели твой взоръ унылый“ etc. Слова Лилии, Розы, Фіалки и Незабудки*) я не могу помѣстить, потому что не могу въ этомъ отношеніи ручаться за приличное исполненіе — лучшія танцовки должны быть употреблены въ танцахъ; равнымъ образомъ туалетъ Людмилы могъ бы произвести эффектъ только тогда, когда бы мы имѣли благообразныхъ примадоннъ, а мои Людмилы очень плохи.

Понимаю очень, что содѣйствіе Кукольника тебѣ непріятно, но своенравіе моей Музы при твоёмъ отдаленіи заставляетъ меня при-

*) По первоначальному проекту Ширкова, сохранившемуся въ черновомъ видѣ.

бѣгать къ нему, и мои извиненія весьма естественны. Впрочемъ все дѣлается согласно твоему разрѣшенію. Кукольникъ подкидываетъ слова наскоро, не обращая вниманія на красоту стиха, и все, что онъ доселѣ написалъ для Руслана, такъ неопратно, что непременно требуетъ передѣлки *). Прибавлю еще, что, какъ я ни цѣню дарованія Кукольника, но остаюсь при прежнемъ о немъ мнѣніи: онъ литераторъ, а не поэтъ, стихъ его вообще слишкомъ тяжелъ и не граціозенъ послѣ Пушкина, Батюшкова и другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что метры нѣсколько затрудняютъ тебя, а пѣсни Байна, арія Гориславы и другія мѣста твоего либретто речаются за талантъ твой.

Не спѣши передѣлкой, это еще успѣется, а главное, пришли сцену Наина съ Фарлафомъ въ V-мъ дѣйствіи, т.-е. когда Наина склоняетъ Фарлафа убить Руслана. Театръ представляетъ шатры, и ландшафтъ, освѣщенный вѣжною луною. Все спитъ—палатка Руслана полуоткрыта, и онъ видимъ зрителямъ—Наина входитъ, вѣдя Фарлафа, склоняетъ его къ убіенію Руслана. Фарлафъ сначала колеблется; наконецъ рѣшается. (Наина въ это время исчезаетъ). Входя въ палатку, отъ предосторожности закрываетъ ее, и, вышедъ уже оттуда, объясняетъ публикѣ, что дѣло сдѣлано. Эта сцена речитативъ, должна быть кратка, но чрезвычайно ясна; зрители должны знать, что дѣйствуютъ именно Фарлафъ и Наина, и что цѣль ихъ убить соперника, и что все совершилось.

Слѣдующій дуэтъ Ратмира съ Фарлафомъ (вмѣсто Гориславы) заочно писать невозможно.

Подробную программу—финалъ V-го дѣйствія, съ помощію Кукольника написанный, пришлю въ непродолжительномъ времени. Теперь скажу только, что опера такъ близка къ концу, что надѣюсь я вынужденъ войти въ сношеніе съ директоромъ театровъ. Вотъ мои распоряженія по сему предмету.

Вотъ слишкомъ два года, какъ я коротко сошелся съ старшимъ сыномъ Гедеонова, состоящимъ въ должности театральнаго цензора, и имѣющимъ великое вліяніе на отца. Тебѣ извѣстно, что опера моя впередъ не подвигалась, и слѣдственно мои отношенія къ Гедеонову (сыну) были просто дружественныя, безъ всякихъ видовъ. По окончаніи финала V-го дѣйствія, осмотрѣвъ написанное, я удивился самъ количеству изготовленнаго и, чтобы заинтересовать директора, познакомилъ сына его съ главными мѣстами моего труда. Звуки мои нашли отголосокъ въ его душѣ, и онъ взялся все устроить по моему желанію. Между тѣмъ, по совѣту его, я изложилъ подробную про-

*) Текстъ Кукольника остался въ оперѣ безъ передѣлки.

грамму всей оперы, чтобы заблаговременно располложить директора въ мою пользу. По программѣ оказалось, что по множеству сценическихъ требованій, придется сдѣлать во многомъ уступки, и что, слѣдственно, необходимо по сему предмету совѣщаніе съ директоромъ прежде, нежели трудъ совершенно оконченъ, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что будутъ измѣненія. Между тѣмъ, въ послѣднее мое свиданіе съ сыномъ директора, онъ взялся передѣлать мою программу для отца своего, сообразуясь съ его вкусомъ, и изготовилъ къ директору письмо такого содержанія, чтобы онъ съ восторгомъ принялъ трудъ мой (дѣло извѣстное, что искусство для Геденова-старика не существуетъ). Въ минуту откровенности, онъ (сынъ) изъявилъ желаніе, чтобы я посвятилъ ему трудъ мой; я натурально на это согласился, тѣмъ болѣе, что онъ на опытѣ доказалъ Кузольнику свое усердіе при постановкѣ его трагедіи „Князь Холмскій“. Слѣдственно, эта дипломатическая мѣра согласна съ чувствами, а сверхъ того Таліони на будущій годъ не будетъ, и вѣроятно мнѣ дадутъ все возможное.

Итакъ, подробную программу я пришлю тебѣ послѣ сношенія съ директоромъ—финаль V-го дѣйствія придется передѣлать, ибо предвижу измѣненія въ послѣдней сценѣ.

О дѣлѣ моемъ скажу тебѣ, что и самъ я мало надѣюсь на успѣхъ: какъ кажется, консисгорія подкуплена; бороться съ Васильчиковымъ, имѣющимъ 60/т. дохода, мнѣ невозможно, тѣмъ болѣе, что лица, коимъ я вѣрилъ дѣло, безчеловѣчно меня обманули. Одна надежда на Войцеховича; дѣло переходитъ въ синодъ, если и тамъ проиграю, послѣднее прибѣжище—Дубельтъ; онъ такъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, что для своей очистки долженъ будетъ дать мнѣ une séparation formelle, этому были уже примѣры.

Въ дѣйствительной жизни въ моемъ отечествѣ я встрѣчалъ одни горести и разочарованія; большая часть моихъ друзей оказались опаснѣйшими врагами, не говорю о печальной женитбѣ, но и съ Малороссіей у меня ссора чрезъ мать. Не требуй подробностей; я теперь спокоенъ, живу съ сестрою уединенно, навсегда отказался отъ коварныхъ товарищей разгульной жизни, не пью вина; опера, скрипка и карандашъ—вотъ мои товарищи; ожидаю матери чрезъ мѣсяць, проживу съ нею годъ; поставлю оперу, и потомъ на западъ, безъ цѣли, безъ предмета, кромѣ природы и искусства.

Не огорчайся за меня, другъ мой. Благодарю Провидѣніе за испытанія; въ сердцѣ моемъ нѣтъ злобы, и мое уединеніе для меня отраднo, я скуки не знаю.

Усерднѣйшій дружескій поклонъ доброй Александрѣ Григорьевнѣ.

Господь да утѣшитъ васъ и хранить васъ. Отъ всего сердца поздравляю съ новымъ годомъ и желаю всего лучшаго. Твой вѣрный другъ

М. Глинка.

XIV.

Программа 4-го дѣйствія оперы „Русланъ и Людмила“.

Театръ представляетъ замокъ Черномора.

1. Сцена Людмилы.

Начать речитативомъ и постараться помѣстить съ самаго начала нѣсколько стиховъ Пушкина. Людмила тоскуетъ и ищетъ смерти, бросится въ воду, не хочетъ кушать; наконецъ раздаются волшебные звуки арфы, она засыпаетъ; являются три дѣвы (trio), какъ у Пушкина, для прислуги.

Хотя эта сцена и весьма драматическая, но надобно выгадать *andante* и *allegro*, выставя весь милый характеръ Людмилы, и всей сценѣ дать блескъ волшебный.

2. Маршъ Черномора	} безъ словъ.
3. Танцы	
4. Сраженіе	

5. Русланъ прибѣгаетъ побѣдителемъ и заставъ Людмилу въ волшебномъ снѣ, предается ревности. Этой сценѣ надобно дать важность финала. Въ ней главное лицо Русланъ, кромѣ его Ратмиръ, Горислава и хоры обитателей Черноморова замка.

Какъ ты видишь, всего 2 нумера, но они требуютъ большихъ соображеній. Пиши по произволу (*carte blanche*), передѣлать будетъ не трудно.

XV.

Программа для оперы „Русланъ и Людмила“.

Актъ четвертый.

(Садъ и замокъ Черномора. Людмила спитъ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ; нѣсколько дѣвушекъ ее окружаютъ, инныя вѣютъ опахалами изъ перьевъ Жарь-птицы, другія тихо играютъ на гусяхъ-самогудахъ. При пробужденіи Людмилы онѣ поспѣшно скрываются).

Людмила.

Какъ тяжело спала я!...

Мой милый Русланъ!... (протираетъ глаза, осматривается вокругъ и съ ужасомъ вскакиваетъ съ ложа).

О, гдѣ я! (убѣгаетъ въ садъ).

Все чуждо!... Гдѣ-жъ теремъ родимый?

Иль палъ мнѣ на очи недобрый туманъ. (Опять протираетъ глаза).

Не сплю ли я? (трогаетъ себя).

Нѣтъ! грѣзы промчались мимо. (Съ отчаяніемъ восклицаетъ):

Перунъ! О помилуй меня (плачетъ горько).

Вижу страшный мой удѣлъ!...

О! Супругъ мой милый,

Неужели ты не хотѣлъ

Защитить Людмилы? (Садится подъ окномъ древесныхъ вѣтвей и плачетъ).

Ахъ ты доля	Зернышка,
Долюшка	И не даромъ
Доля моя	Зеркальце
Горькая!	Предъ свѣчею
Раво мое	Тускнуло.
Солнышко	
За ненастьемъ	Не видать мнѣ
Тучею,	Болѣ
За грозою	Ни роднаго
Скрылося!	Батюшки,
	Ни драгаго
Ахъ не даромъ	Витязя;
Въ теремѣ	Тосковать мнѣ
Не клевава	Дѣвицѣ
Курочка	Въ безотрадной
Съ моею кучки	Долюшкѣ.

(Три дѣвушки приносятъ Людмилѣ зеркало и уборы; входя, никакъ ей кланяются. Одна изъ нихъ заплетаетъ ей косу и убираетъ, другія надѣваютъ ей богатый сарафанъ и обувь, также повязку, ожерелье и пр. Людмила, печальная и задумчивая, не противится имъ, какъ будто ихъ не замѣчая. Незримыя армы играютъ).

Хоръ невидимыхъ духовъ.

Не сѣтуй милая княжна!
Развесели твой взоръ прекрасный;
И этотъ замокъ и страна
И властелинъ тебѣ подвластенъ.

Одна дѣвушка.

Расплетайся коса,
Заплетайся коса,
Съ жемчужною нитью сплетися.

Другая дѣвушка.

Голубой сарафанъ,
Обнимай милый станъ,
На перси дѣвичей сомнися!

Хоръ.

Не сѣтуй, младая княжна,
Что помнить съ печалью былое?
Яснѣ здѣсь солнце златое,
Томнѣ здѣсь въ ночи луна;
Незримыя дивы леталъ,
Съ ревнивымъ вниманьемъ любя,

Съ заботою, дѣва младая,
Здѣсь дни охраняють твои.

Одна дѣвушка.

Въ ночи надъ тобою
Въ пріютъ тишины,
Слетятся толпою
Роскошные сны.

Другая дѣвушка.

И день безъ отравы,
Безъ горя взойдетъ;
Вновь игры, забавы
Съ собой приведетъ.

Третья дѣвушка.

Жемчугъ и каменья
Вокругъ заблестятъ;
Волшебныя пѣнья
Твой слухъ усладятъ.

Жоръ. (Стихи Пушкина).

Увы! ни камни ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ.
Напрасно зеркало рисуеть
Ея красы, ея нарядъ;
Потупя неподвижный взглядъ,
Княжна прекрасная тоскуеть.

Людмила.

Идите.

(Дѣвушки низко кланяются, уходятъ. Людмила невольно увлекается преле-
стями волшебнаго сада и замка).

О! какъ здѣсь прекрасно!
Какія деревья! Какой ароматъ!
Какъ духи поють сладкогласно!
Какъ весело воды шумятъ!
Взгляну я на замокъ чудесный... (оглаживается).
Здѣсь кажется пѣтъ никого... (подходитъ къ дверямъ и прислушивается).
О! еслибъ мой хищникъ безвѣстный,
Оставилъ на вѣки его!...

(Дверь открывается съ музыкой, Людмила поспѣшно удаляется отъ замка).

Незримою силой
Слѣдитъ онъ меня. (Плачетъ).
О, витязь мой милый,
Жду гибели я! (Съ рѣшимостью).
Нѣтъ! я надежды злодѣя разрушу:
Людмилы живой не узреть чародѣя;

Тебѣ, о мой милый, и сердце и душу
Храню я до близкой кончины моей.

(Стихи Пушкина).

Вдали отъ милаго, въ неволѣ
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ богѣ?

(Горько плачетъ, возводитъ взоры на небо; вдругъ прижавъ персть къ устамъ, оживляется ужаснымъ умысломъ, вбѣгаетъ на скалы, на которыхъ виситъ мостикъ надъ потокомъ, и рыдая, ударяетъ себя въ грудь).

Прости на вѣкъ несчастный другъ! (глядитъ на воды съ возрастающимъ
визгиваньемъ и разлагается).

Какія рыбки золотыя! (Поспѣшно собираетъ къ потоку).

Какъ веселъ ихъ безпечный кругъ;
Какъ блестятъ глазки ихъ живые;
Чешуйка въ радужныхъ цвѣтахъ,
И чистый ахонтъ на крылахъ.

Незримый хоръ.

Покорись судьбѣ вѣдѣннѣмъ,
О прекрасная княжна!
Все здѣсь манитъ къ наслажденнѣмъ
Жизнь здѣсь радостей полна.

Людмила (опомнись).

Безъ тебя, о другъ мой милый,
Нѣтъ блаженства для Людмилы!

(Садится пригорюнясь, надъ нею раскидывается богатый шатеръ, является столъ покрытый яствами, незримыя арфы играютъ. Людмила удивленная выбѣгаетъ изъ шатра).

(Стихи Пушкина).

О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и гнетъ,
Мнѣ не страшна злодѣя власть
Людмила умереть уметь!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ,
Не стану ѣсть, не стану слушать,
Умру среди твоихъ садовъ.

(Пышность трапезы, разнообразіе и красота плодовъ заманиваютъ взоръ Людмилы. Посмотрѣвъ искоса на столъ и вокругъ, она по нежному приближается и кушаетъ. Двери замка открываются съ музыкою; длинный строй араповъ съ обнаженными саблями предшествуетъ Черномору, котораго длинную бороду они несутъ на подушкахъ. За ними идутъ дѣвы, духи, карлы; шествіе заключается вооруженными арапами. По обѣ стороны авансены ставятъ богатые кресла, одно для Черномора, другое для Людмилы, которая въ страхѣ даетъ себя вести дѣвамъ ее окружившимъ).

Танцы.

Сраженіе.

(Раздается звукъ рога. Черноморъ въ смятеніи вскакиваетъ съ мѣста, обнажаетъ мечъ, приближается къ испуганной Людмилѣ, которую волшебнымъ ма-

новением погружаетъ въ сонъ и выбѣгаетъ съ арапами. Дѣвы Черноморова замка поднимаютъ Людмилу и кладутъ ее на дернъ подъ деревомъ на срединѣ сцены).

Хоръ духовъ.

Погибнетъ, погибнетъ
Незванный пришлецъ:
Предъ вѣрной твердыней
Волшебнаго замка
Не мало погибло
Богатырей.

(Русланъ вбѣгаетъ побѣдителемъ, отсѣченная имъ въ битвѣ борода Черномора обвита вокругъ его плеча. За Русланомъ входятъ Ратмиръ и Горислава).

Русланъ.

Побѣда! Побѣда! Людмила! (увидя ее спящую, старается пробудить ее).
Людмила, что значить твой сонъ?
Людмила, я здѣсь; нашъ злодѣй побѣжденъ,
И чары любовь сокрушила.

Ратмиръ и Горислава.

Волшебный сковалъ ее сонъ:
Ахъ тщетно злодѣй побѣжденъ —
Не гибнетъ враждебная сила!

Русланъ.

О жизни отрада, младая супруга,
Ужель ты не слышишь стenanія друга? (трогаетъ ее и обращается
къ Ратмиру).
Но сердце ея трепещетъ и бьется,
Улыбка порхаетъ на милыхъ устахъ....

Горислава.

Спокойся, Людмила проснется.

Русланъ.

Невѣдомый страхъ
Мнѣ душу терзаетъ:
О другъ, кто знаетъ
Ко мнѣ-ли улыбка летитъ,
И сердце по мнѣ-ли дрожитъ?

Ратмиръ.

Кипучая ревность его возмущаетъ.

Горислава.

Кто любить, тотъ ревность невольню питаетъ.

Хоръ.

Свирѣпая ревность его возмущаетъ,
За бороду карла Перунъ отомщаетъ.

Русланъ.

О небо, можетъ быть она
Моей надеждѣ измѣнила!

Могла-ль несчастная Людмила
Разрушить ковы колдуна?

(Береть за руку Людмилу и съ отчаяніемъ потрясаетъ ее).

Людмила!

Дай сердцу отвѣтъ,
Сказать ли мнѣ горько
Блаженству прости!

Ратмиръ и Горислава.

Невинность младенца
Играетъ румянцемъ
На алыхъ щекахъ;
Цвѣтъ свѣжой лилеи
Торжественно блещетъ
На юномъ челѣ.

Руслакъ.

Скорѣ, скорѣ въ отчизну,
Кудесниковъ сильныхъ сзовемъ,
И къ радости вновь оживемъ,
Иль справимъ печальную тризну.

Ратмиръ и Горислава.

Скорѣ, скорѣ на полдень поидемъ,
И тамъ на Днѣпрѣ, тамъ на кievскомъ брегѣ,
Кудесниковъ сильныхъ сберемъ,
И къ жизни княжну воззовемъ,
Къ блаженству и къ сладостной нѣгѣ.

(Между тѣмъ арапы приносятъ балдахинъ; женщины
глядятъ Людмилу).

Хоръ араповъ.

Витязь сильный,
Витязь славный,
Да свершится нашъ удѣлъ:
Мы готовы въ путь съ тобою,
Съ усыпленною княжною,
Въ дальній, чуждый намъ предѣлъ.

Хоръ женщинъ.

Опустѣютъ наши сѣни,
Арфа духовъ замолчитъ,
И пріютъ любви и гнѣни
Скоро время разорить;
Замокъ нашъ чудесный,
Не найдутъ теперь,
Ни вольныя птицы,
Ни голодный звѣрь.

Конецъ 4-го акта.

— () —
— () —
— () —
— () —

О подпискѣ на памятникъ М. И. Глинки.

Напечатавъ новыя матеріалы къ разъясненію художнической дѣятельности гениальнаго русскаго композитора, считаемъ вполне умѣстнымъ напомнить читателямъ „Русской Старинѣ“ о подпискѣ на памятникъ ему, предполагаемый на мѣстѣ его родины — въ Смоленскѣ. Подписка эта, по почину Смоленскаго дворянства, открыта по всей Россіи въ началѣ 1870 г., и хотя мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, къ какимъ цифрамъ она привела, но полагаемъ, что вообще собранная сумма довольно значительна. Съ своей стороны редакция „Русской Старинѣ“, въ числѣ прочихъ лицъ и учреждений, тогда же объявила о приѣмѣ денегъ ~~на~~ памятникъ Глинки, а нынѣ вновь приглашаетъ присылать пожертвованія; они будутъ пересылаемы по принадлежности къ начальнику Смоленской губерніи.

До сихъ поръ поступившія въ редакцію деньги шестьдесятъ рублей и сто рубл., очистившихся отъ продажи отисковъ „Записокъ Глинки“, сборъ съ каковаго изданія мы (за покрытіемъ расходовъ по изданію) пожертвовали на памятникъ Глинки, — а всего 160 рублей пересланы нами, при подробномъ счетѣ, въ декабрѣ 1871 г. къ начальнику Смоленской губерніи.

Ред.

ВООРУЖЕНІЕ, ПРИПИСЫВАЕМОЕ ЛЖЕДИМИТРИЮ I,

ХРАНЯЩЕЕСЯ ВЪ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА АРСЕНАЛѢ*).

Царскосельскій арсеналь, въ коемъ помѣщается собраніе оружія Государя Императора Александра Николаевича, принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ, если не къ самому богатому въ такомъ родѣ собраній. Не говоря о средневѣковомъ оружіи, я только упомяну поверхностно о богатствѣ и отчетливой отдѣлкѣ, въ художественномъ отношеніи, оружія и вооруженій, принадлежащихъ къ лучшей эпохѣ времени возрожденія, гдѣ имѣются на лицо представители почти всѣхъ замѣчательнѣйшихъ оружейниковъ Германіи, Италіи и Испаніи того времени, какъ-то: Клеменсъ Горнъ, Іоганъ Вундесъ, Каспаръ Нейрейтеръ, братья Кухенрейтеръ, Андреа Феррара, Францискъ Мазароли, Джіовани Батиста Франчини, Лазаро Лазарино, Лазарино Коминаццо, Іоаннъ

*) Статья эта читана была въ вечернемъ засѣданіи 2-го археологическаго съѣзда въ С.-Петербургѣ, 17 декабря 1871 года, Завѣдывающимъ Собственными Его Величества библіотеками и арсеналами д. с. сов. Е. А. Кеммереромъ.

Ред.

Пичини, Себастьянъ Хернанезъ, Томасъ Деаля, Хуанъ Мартинизъ, Базиліо Эскаланте и многіе другіе.

Но въ чемъ особенно замѣчательно вышеупомянутое собраніе — это есть число, необыкновенное разнообразіе и роскошная отдѣлка восточнаго оружія, которое едва ли возможно гдѣ-либо встрѣтить въ такомъ блистательномъ и полномъ составѣ, какъ въ царскосельскомъ древле-хранилищѣ. Восточный отдѣлъ, помѣщающійся нынѣ въ четырехъ залахъ арсенала: албанской, турецкой, индо-персидской и индо-мусульманской. и численность оружія коего простирается почти до 3,000 экземпляровъ, особенно обогатился и пополнился чрезъ приобрѣтеніе по Высочайшему повелѣнію, въ 1861 году, въ Парижѣ собранія восточнаго оружія, принадлежавшаго князю Петру Салтыкову, заключавшее между прочимъ самый рѣдкій выборъ богатѣйшаго оружія персидскаго, индусскаго, бирманскаго, съ острововъ: Цейлона, Суматры, Борнео, Целебеса и Явы, изъ Китая и Японіи. Въ этихъ превосходныхъ экземплярахъ видно все неподражаемое искусство восточныхъ мастеровъ, какъ въ отношеніи оригинальности сюжетовъ, изящности формъ и богатства украшеній, такъ и по чудному совершенству работы до самыхъ мельчайшихъ подробностей.

Отдѣлъ древне-русскаго оружія хотя относительно говоря не столь богатъ, какъ предыдущіе отдѣлы, однако въ немъ находится различное оружіе и вооруженія русскаго производства, имѣющее высочайшій историческій интересъ, и мы, для примѣра, уважемъ лишь на нѣкоторые изъ этихъ экземпляровъ, а именно: юшманъ князя Владиміра Андреевича Старицкаго, поясные ножи: бояръ Никиты Ивановича Романова и Дмитрія Ивановича Годунова, охотничій ножъ императора Петра Великаго, сабли: боярина и конюшего Д. И. Годунова и малороссійскаго гетмана И. С. Мазепы, сабельныя полосы, принадлежавшія императору Петру Великому и князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, и проч. и проч. Большая часть этихъ превосходныхъ образчиковъ отечественнаго оружейнаго мастерства описаны и изданы въ свѣтъ въ иллюстрированномъ изданіи о царскосельскомъ арсеналѣ, предпринятомъ съ высочайшаго разрѣшенія въ 1868 году, и коего два послѣдніе выпуска отпечатаны въ маѣ текущаго года.

Къ сожалѣнію, планъ этого изданія былъ оконченъ и рисунки къ оному были уже изготовлены, когда русскій отдѣлъ обогатился подаренными Ею Величеству въ 1870 г., во время Высочайшаго пребыванія въ Эмсѣ, камеръ-юнкеромъ А. И. Базилевскимъ, нѣкоторыми отдѣльными частями параднаго рыцарскаго вооруженія, которое по всей вѣроятности заказано было въ Германіи для Лжедмитрія. Имѣя въ виду не только художественную отдѣлку этихъ частей вооруженія

но и несомнѣнный историческій интересъ оныхъ, мнѣ весьма пріятно подѣлиться съ вами, м. г., о моихъ по сему предмету предположеніяхъ. Находящіяся на оныхъ геральдическія эмблемы ясно доказываютъ, что броня эта должна была быть изготовлена въ самыхъ послѣднихъ годахъ XVI-го или въ началѣ XVII-го столѣтія для одного изъ русскихъ царей той эпохи.

Вышеупомянутыя отдѣльныя части этого параднаго вооруженія состоятъ изъ двухъ наручей (brassards) и двухъ длинныхъ набедренниковъ (cuissards), состоящихъ изъ 14 пластинокъ. Онѣ выдѣланы изъ вороненаго желѣза и украшены травленными крѣпкою водкою и вызолоченными полосками, коихъ богатый рисунокъ представляетъ различные разводы, воинскія арматуры и овалы медальоны, вмѣщающіе въ себѣ царскаго двуглаваго орла, увѣнчаннаго одною открытою короною о пяти концахъ съ возвышающимся надъ одною крестомъ, и обремененнаго на персяхъ щиткомъ съ московскимъ всадникомъ. Прикрытіе колѣннаго сгиба (genouillières) и налокотники (cubitaires) украшены тѣми же царскими орлами, имѣющими на персяхъ въ щитѣ московскаго всадника.

Большія оплечья въ видѣ опахала (épauières en éventail) съ продолженіемъ на спинномъ прикрытіи, украшены съ обѣихъ сторонъ большими кружками съ царскимъ двуглавымъ орломъ того же типа какъ предыдущіе, окруженные 13-ю маленькими кружками, изъ коихъ первый, т.-е. верхній кружокъ, вмѣщаетъ въ себѣ длинный греческій крестъ, по сторонамъ коего видны орудія страданій Господа нашего Іисуса Христа, а другіе 12 кружковъ—гербы царствъ и государствъ, упоминаемыхъ въ царскомъ титулѣ, а именно: 1) Новгородскій, 2) Казанскій, 3) Астраханскій, 4) Псковской, 5) Смоленскій, 6) Тверской, 7) Югорскій, 8) Пермскій, 9) Вятскій, 10) Болгарскій, 11) Нижегородскій и 12) Черниговскій.

Суда по всему складу и по стилю вооруженія съ симметрическими оплечьями, а также по способу выдѣлки онаго, оно должно непремѣнно принадлежать къ послѣднимъ годамъ XVI-го или къ началу XVII-го столѣтія; типъ же рисунка полосокъ и вся орнаментация, вытравленные посредствомъ крѣпкой водки, т.-е. родъ работы, которою отличались преимущественно нѣмецкіе граверы и оружейники, даютъ поводъ къ предположенію, что вооруженіе это изготовлено въ Германіи.

Но то, что въ особенности придаетъ этому замѣчательному вооруженію историческій интересъ, это царскіе орлы и гербы, которыми оно украшено, потому что тѣ же самыя геральдическія эмблемы видны на лицевой сторонѣ большой царской печати царя и великаго князя

Іоанна Васильевича Грознаго (1533 † 1584) и которая приложена къ двумъ договорнымъ грамотамъ 1583 и 1584 годовъ, хранящимся по настоящее время въ королевскомъ архивѣ въ Стокгольмѣ. Объ этой печати баронъ Кёне упоминаетъ въ своемъ сочиненіи: „Notices sur les sceaux et les armoiries de la Russie“. 1 part. Berlin 1861. pag. 11—14, а г. Лакіеръ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: „Русская Геральдика“ С.-Петербургъ 1853 г. часть II, таб. XV, — обнаружилъ вѣрный съ оной рисунокъ.

Царь Феодоръ Іоанновичъ († 1598), Борисъ Годуновъ († 1605), Феодоръ Борисовичъ Годуновъ († 1605) и Лжедмитрій (20 іюня 1605 † 17 мая 1606 г.), употребляли для официальныхъ сношеній лицевую сторону большой царской печати Іоанна Грознаго, такъ что ежели сопоставить непродолжительное время царствования Лжедмитрія, работу и весь складъ описываемаго вооруженія, которое относится уже, судя по стилю, къ эпохѣ упадка красивыхъ рыцарскихъ доспѣховъ и знаменитаго искусства панцирнаго дѣла а также основываясь на типѣ геральдическихъ рисунковъ, коими онѣ украшены, то возможно бы было сдѣлать почти достовѣрное предположеніе, что вышеупомянутые наручи и набедренники составляли часть параднаго рыцарскаго вооруженія, заказаннаго въ Германіи для Лжедмитрія, но по случаю скорой его смерти (онъ погибъ въ Москвѣ, какъ извѣстно, 17 мая 1606 года), это вооруженіе вѣроятно не было вполнѣ даже окончено, а отдѣльныя части онаго остались въ рукахъ мастера, которому сдѣланъ былъ заказъ, и сохранились за границею по настоящее время.

Для большей ясности и въ доказательство моего предположенія неизлишнимъ считаю упомянуть еще о слѣдующемъ: 1) что если уже на царя Бориса Годунова сильно жаловались, что онъ началъ раздражать чужестраннымъ обычаямъ и вообще любилъ иностранцевъ, то гораздо болѣе поводовъ къ такимъ нареканіямъ подавалъ Лжедмитрій, который, проведя часть жизни своей за границею, пристрастился къ тамошнимъ обычаямъ и старался ввести оныя въ русскій бытъ; 2) что нѣсколько маленькихъ печатей, которыми печаталъ Лжедмитрій (см. Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. II. таб. 229, 257 и 280; Лакіеръ „Русск. Геральд.“ т. II таб. XVI) несомнѣнно гравированы были за границею, а также серебряныя медали, которыя, судя по работѣ и по геральдическому типу двуглаваго орла, были выбиты въ Германіи, и 3) что, судя по рисунку царскаго орла, который увѣнчанъ лишь одною короною и не держитъ еще въ лапахъ ни скипетра, ни державы, вышеописанное вооруженіе долженствовало быть изготовлено ранѣе 1613 года, потому что съ избраніемъ на всероссійскій престоль державнѣйшаго и нынѣ благополучно царствующаго дома Ро-

мановыхъ, царскій двуглавый орелъ иногда изображается увѣнчаннымъ уже тремя коронами, и держащимъ всегда въ лапахъ скипетръ и державу, какъ это ясно видно на бронѣ, принадлежавшемъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, хранящемся въ московской оружейной палатѣ, и имѣющее наведенную золотомъ надпись, изъ коей явствуетъ, что эта броня изготовлена въ царской мастерской палатѣ по приказу крайчаго Михаила Михайловича Салтыкова, мастеромъ Дмитріемъ Коноваловымъ въ 29 день іюля ⁷¹²³/₁₆₁₆ года.

Вопросъ о происхожденіи Дмитрія Самозванца по сіе время еще окончательно не рѣшенъ нашими историками; много есть свидѣтельствъ въ пользу его правъ на наслѣдство русскаго престола, но еще больше доказательствъ противъ его. Мы не станемъ на сторонѣ первыхъ, которые, какъ иностранцы (Маржеретъ, Гревенбухъ, Перле и большая часть польской шляхты, бывшей подъ знаменами Лжедмитрія), вѣрили въ царское происхожденіе Самозванца, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и не станемъ на сторонѣ тѣхъ поляковъ (Замойскаго, Жолкѣвскаго и др.), которые безусловно утверждали, что Дмитрій былъ обманщикъ, и съ которыми соглашаются историки: Лакомбъ, Пуффендорфъ, Петреиусъ и другіе.

Между этими двумя лагерями есть еще одна партія, которая представляетъ Лжедмитрія орудіемъ іезуитской пропаганды и едва ли митрополитъ Платонъ въ своей „исторіи церквей“, ни приближается болѣе всего къ истинѣ, примкнувъ къ этой партіи.

Мы нисколько не думаемъ брать на себя разрѣшенія этого спорнаго вопроса, но пользуемся случаемъ указать на одинъ археологическій памятникъ, который хотя и не служитъ къ разъясненію задачи о происхожденіи Дмитрія Самозванца, но важенъ и любопытенъ уже потому, что относится ко времени столь непродолжительнаго царствованія Лжедмитрія.

На этотъ памятникъ нельзя не обратить вниманіе археологовъ уже потому, что открытіе его случайнымъ образомъ въ Парижѣ сдѣлано мною недалѣе трехъ лѣтъ тому назадъ. Эта парадная рыцарская броня, какъ уже выше сказано, поднесена была Его Величеству Государю Императору г. камеръ-юнкеромъ А. И. Базилевскимъ, и передана, по Высочайшему повелѣнію, для храненія въ царскосельскій Его Величества арсеналь.

С.-Петербургъ, 17-го декабря 1871 г.

Е. А. Кемпереръ.

ВЪ ПАМЯТЬ

о

ПАВЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ МУХАНОВЪ.

1798 — 1871.

16-го декабря, 1871 г., въ Вюрцбургѣ, въ Баваріи, скончался предсѣдатель археографической комиссіи Павелъ Александровичъ Мухановъ. Съ чувствомъ глубокой скорби заносимъ на страницы „Русской Старины“ эту тяжкую потерю, — тяжкую для всѣхъ, кому дороги интересы русской науки, русской исторіи. Оставляя до будущаго времени поговорить о полезной жизни истинно благороднаго человѣка и просвѣщеннаго государственнаго дѣятеля — какимъ былъ П. А. Мухановъ — мы предоставляемъ имѣть слово маститому другу покойнаго — Михаилу Петровичу Погодину.

Ред.

...Считаю священнымъ для себя долгомъ поминуть въ „Русской Старинѣ“ покойнаго Павла Александровича Муханова, горячаго ревнителя русской исторіи, котораго останки, 28 декабря, по утру, предали мы землѣ въ Москвѣ, въ Дѣвичьемъ монастырѣ, — и присоединить къ нимъ нѣкоторые воспоминанія объ немъ и его братѣ изъ своихъ записокъ.

Почти пятьдесятъ лѣтъ были мы въ постоянно-близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Въ двадцатыхъ еще годахъ познакомился я съ нимъ, когда онъ былъ адъютантомъ у графа П. А. Толстаго вмѣстѣ съ А. Н. Бахметевымъ, кн. Урусовымъ, Ладыженскимъ и пр.

Въ 1825 году онъ и старшій братъ его, Петръ Александровичъ, пострадавшій вслѣдствіе 14 декабря, приняли живое участіе въ издававшемся мною тогда альманахѣ „Уранія“. Павелъ Александровичъ далъ мнѣ для него знаменитое письмо Ломоносова къ Шувалову *), который хотѣлъ помирить его съ Сумароковымъ, гдѣ

*) Оно было у П. А., въ числѣ многихъ другихъ писемъ, въ подлинникѣ, съ котораго я и списывалъ. Онъ далъ мнѣ также копія съ прочихъ писемъ, съ которыхъ кто-то у меня списалъ ихъ, и гдѣ-то, кажется, напечаталъ. М. П.

онъ написалъ эти важныя для его характеристики слова: „не только у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей *), дуракомъ быть не хочу, ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметь.... Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству, спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лутчія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ.... Постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошенійхъ, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте“ **).

Петръ Александровичъ далъ мнѣ для „Уранія“ свою статейку подъ заглавіемъ: „Свѣтлая недѣля въ Москвѣ“, подписанную ZZ***). Расскажу здѣсь, встатн, случай, грозившій мнѣ тогда большими неприятностями, но меня миновавшій. Въ началѣ декабря 1825 г. я собрался ѣхать въ Петербургъ съ пригласившимъ меня туда товарищемъ моимъ Н. А. Загряжскимъ. Петръ Александровичъ, узнавъ о томъ, въ разговорѣ подалъ мнѣ совѣтъ избѣгать тамъ литературныхъ знакомствъ. Этотъ совѣтъ показался страннымъ мнѣ, молодому человѣку, выступавшему на литературное поприще, но послѣ я понялъ, по какой это было причинѣ: добрый Петръ Александровичъ боялся, чтобъ я не попалъ на какое-нибудь опасное собраніе въ Петербургѣ. „Я васъ попрошу только“, сказалъ онъ въ заключеніе, „отвезти письмо къ Рылѣву. Когда вы ѣдете?“ — Въ среду. Въ которомъ часу? „Въ вечерни“.

Но случилось, по счастью, что мы выѣхали въ среду по утру, и письма, слѣдовательно, я не могъ получить для доставленія. Въ Новгородѣ мы пріѣхали 16 или 17 числа, и были тамъ остановлены вслѣдствіе петербургскихъ происшествій ****).

Катастрофа кончилась. Павелъ Александровичъ до турецкой войны жилъ въ Москвѣ. Судьба любимаго брата поразила его же-

*) Ясно, что Ломоносовъ думалъ о государяхъ, но въ видахъ цензурныхъ, остановился и назвалъ ихъ «земными владѣтелями». М. П.

**) У меня нашелся черновой лоскутокъ изъ дневника Штелиана, гдѣ написано, что схватка Ломоносова съ Сумароковымъ у Шувалова происходила 2 февраля 1761 года. М. П.

***) У него была тогда уже цѣлая тетрадь такихъ очерковъ, изъ которыхъ я выбралъ этотъ. М. П.

****) Много страха потерялъ я тогда, что въ повѣсти своей «Нижній», напечатанной въ «Ураніи», которая должна была выйти въ январѣ, 1826, выставяла злоупотребленія вѣрнопостного права, и повѣсть, по описанію несчастной судьбы вѣрнопостной не вѣсты, оканчивалась словами: «какіе грозные сны

стоко. Я помню, съ какою заботою собиралъ онъ часто книги для отправки въ Сибирь къ несчастному заточеннику. Исторія доставляла ему единственное разсѣяніе. Особенно любилъ онъ уже и тогда таблицы разнаго рода, и вообще присканіе облегчительныхъ средствъ для занятія науками.

Въ турецкой и польской войнѣ онъ принималъ непосредственное участіе и служилъ адъютантомъ фельдмаршала Дибича, который относился къ нему очень благосклонно, давая важныя порученія. Я думаю, въ бумагахъ Павла Александровича должны остаться разные документы, относящіеся до этихъ войнъ.

По окончаніи войнъ онъ, уже полковникъ гвардіи, женился въ Варшавѣ на вдовѣ, баронессѣ Моренгеймъ, рожденной графинѣ Мостовской, и потомъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и предался совершенно исторіи. Павелъ Александровичъ избранъ былъ членомъ Общества исторіи и древностей россійскихъ и началъ издавать преимущественно историческіе документы, собранные имъ въ Польшѣ, одинъ за другимъ въ 1834 г. издалъ онъ на русскомъ и польскомъ языкахъ: „Памятники XVII вѣка: подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши, преимущественно во время Самозванцевъ“. Здѣсь помѣщено много писемъ Сигизмунда III къ московскимъ комиссарамъ, и описаніе похода Владислава на Москву въ 1617 и 1618 годахъ, также нѣсколько историческихъ отрывковъ съ той и другой стороны, что все, въ совокупности, пролило много свѣта на этотъ періодъ нашей исторіи.

Въ 1835 году выпущены важныя „Записки Жолкѣвскаго“, гдѣ Дмитрій выставленъ Самозванцемъ, описаны подробно главныя дѣйствующія лица, низвергшія Шуйскаго и ихъ орудія, сообщено много подробностей о Мстиславскомъ, Скопинѣ, Филаретѣ; обстоятельно описана осада Смоленска, и отдана полная справедливость доблести Шеина.—...Мысль о соединеніи Польши съ Россією и выгоды сего соединенія для обоихъ государствъ были, тому сльшвомъ двѣсти лѣтъ, имъ (Жолкѣвскимъ) постигнуты“ и проч.

Въ 1836 году вышелъ „Сборникъ Муханова“, заключающій множество грамотъ и записокъ историческаго, юридическаго, политическаго содержанія. Замѣтимъ, что издатель говорилъ въ преди-

видѣлись мнѣ, друзья мои!> Кажется, я хотѣлъ задержать даже изданіе, но ободренъ былъ въ Петербургѣ Ѳ. И. Тютчевымъ, университетскимъ товарищемъ, который, пріѣхавъ изъ Мюнхена, стоялъ въ той же гостинницѣ гдѣ и мы остановились по прибытіи въ Петербургъ. М. П.

словія: „Эти официальные акты, написанные всѣ на русскомъ языкѣ, будутъ служить лучшимъ доказательствомъ, что западныя наши провинціи (которыя поляки называютъ забраннымъ краемъ, а русскіе весьма недавно начали называть возвращенными губерніями), были населены русскими, исповѣдывавшими греко-россійскую вѣру; что почти всѣ жители говорили по-русски; судопроизводство съ самаго начала было на языкѣ русскомъ; дипломатическія сношенія велись по-русски. Кто-бы усомнился, что почти все народонаселеніе этихъ провинцій состояло и состоитъ изъ русскихъ, и что собственно литовцы составляли не болѣе $\frac{1}{10}$ доли всего населенія, тѣхъ мы просимъ прочесть даже le Tableau de la Pologne, сочиненную норвежцемъ Maltebrun, и дополненную г. Ходзько, польскимъ ученымъ, живущимъ въ Парижѣ, гдѣ и самая книга издана“.

Выписываю это мѣсто для того, чтобъ доказать, какъ опрочегчиво одинъ изъ новыхъ нашихъ историческихъ писателей приписалъ гдѣ-то это мнѣніе о русскомъ основаніи западныхъ губерній новѣйшему времени, какъ будто прежде оно было почти неизвѣстно!

Въ этомъ же предисловіи выразилась главная мысль Павла Александровича: „Сборникъ и вообще историческіе матеріалы должно, по моему мнѣнію, печатать экономическимъ образомъ, по образу французскихъ éditions compactes. Кто изъ занимающихся отечественною исторіею не испыталъ неудобства многотомной Вивліюэнки Новикова, коей 20 томовъ при новомъ изданіи можно было бы помѣстить въ 5-ти? Съ этой цѣлью я избралъ форматъ большой in 8-vo: листъ и четвертушки неудобны не только для чтенія, но даже и справокъ. Шрифтъ выбранъ самый убористый и вмѣстѣ четкій, такъ что имѣющій даже слабыя глаза можетъ безъ напряженія зрѣнія читать мою книгу; строчки поставлены у меня весьма близко одна отъ другой; но чтобъ такое расположеніе не мѣшало чтенію, я напечаталъ мою книгу въ два столбца, въ столбцѣ помѣщается 46 строкъ, а въ двухъ 92. Такимъ образомъ, я напечаталъ на 40 листахъ столько, сколько по обыкновенному нашему печатанію едва помѣстилось бы на 100“.

Въ слѣдующемъ, 1837 году, Павелъ Александровичъ издалъ извѣстную, такъ-называемую, „Рукопись Филаретову“, гдѣ показавъ все свое искусство, какъ издатель, раздѣливъ ее на составныя части, ухитрился отмѣтить всѣ исключенія, означивъ всѣ поправки, и показавъ на рисункѣ всѣ почерки, какъ они, одинъ за

другимъ, слѣдовали, приложивъ сѣмки со всѣхъ почерковъ, со всѣхъ правокъ, бумажныя клейма и проч. Здѣсь издатель былъ, такъ сказать, въ своей тарелкѣ; о каждомъ лѣтописцѣ сдѣланы очень любопытныя подробныя извѣстія, какихъ желательно для всѣхъ нашихъ историческихъ источниковъ.

Въ это время Павелъ Александровичъ приобрѣлъ по какому-то случаю, о которомъ даже и мнѣ не отрывался, множество грамотъ нашихъ, между коими было не мало новгородскихъ на пергаментѣ. Онъ подарилъ мнѣ ихъ съ десяткомъ въ мое Древлехранилище, а остальные пожертвовалъ въ послѣднее уже время въ Румянцовскій музей.

Кромѣ древнихъ памятниковъ, П. А. издалъ еще, помнится мнѣ, „Суворовскій штурмъ Праги“ (1835 г. въ 4 д.), „Портфель для хозяевъ“ со множествомъ рисунковъ, „Каталогъ историческимъ памятникамъ, имъ собраннымъ и изданнымъ“ (1836 г.).

Читатели могутъ судить изъ этого очерка объ его учено-издательской дѣятельности. Онъ принималъ также живое участіе въ занятіяхъ Историческаго Общества, и помогъ мнѣ вмѣстѣ съ Чертковымъ и Шевыревымъ настоять на изданіи свода Арцыбашева.

По поступленіи на службу въ царство польское, въ 1842 году, П. А. сдѣланъ вице-президентомъ совѣта народнаго просвѣщенія въ царствѣ, а въ 1851 г., опредѣленъ попечителемъ учебнаго округа при кн. Паскевичѣ, а потомъ при князѣ Горчаковѣ въ 1856 г. былъ назначенъ главнымъ директоромъ комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. Поляки были недовольны, какъ слычалось, нѣкоторыми его энергическими мѣрами, и онъ былъ замѣщенъ маркизомъ Велепольскимъ, при началѣ смуты, въ мартѣ 1861 г.

23 апрѣля того же 1861 года Павелъ Александровичъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Послѣдствія показали, что онъ смотрѣлъ на событія въ царствѣ польскомъ вѣрнѣе съ русской точки зрѣнія.

По кончинѣ А. С. Норова, а именно 3 февраля 1869 г. Павелъ Александровичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ археографической комиссіи, и предался со всѣмъ жаромъ молодости любимому занятію—русской исторіей и изданіемъ ея памятниковъ. Обыкновенная его дѣятельность еще усилилась: ему хотѣлось, пользуясь средствами, издавать болѣе и болѣе, скорѣе и скорѣе; а потому не мудрено, что ему случалось имѣть иногда споры съ своими сочленами, которые, любя исторію столько же, какъ и онъ, не могли удѣлять ей столько времени, какъ онъ, имѣя на своихъ рукахъ

множество другихъ занятій. Я попрошу у нихъ теперь извиненія за покойнаго, все-таки военнаго человѣка, въ уваженіе того, что онъ искренно любилъ исторію, самъ трудился для исторіи неустанно, и желалъ ей всѣхъ возможныхъ успѣховъ. Многія изданія ознаменовали краткое его управленіе. Ему хотѣлось въ особенности издать вновь лѣтописи, и онъ приступалъ къ этому дѣлу вполне рационально. Къ сожалѣнію онъ успѣлъ увидѣть только изданіе Кіевской и Волынской лѣтописи, которыя издалъ палеографически. За прекращеніе нѣкоторыхъ изданій его обвиняють, кажется, напрасно: Макарьевскія минеи начаты были до него слишкомъ роскошно, и продолжать ихъ, до выручки употребленной суммы на первые выпуски, значило бы уменьшать средства на нужнѣйшія изданія *). Получатся деньги за напечатанные выпуски, ихъ, разумѣется, слѣдуетъ назначить на продолженіе изданія. Богатый, обширный указатель, памятникъ труда усиленнаго, не могъ быть конченъ, безъ сомнѣнія, раньше двадцати лѣтъ; притомъ совокупленіе всѣхъ лѣтописей перваго изданія, уже распроданнаго, въ одномъ указателѣ, представляетъ много неудобствъ, о которыхъ здѣсь распространяться не мѣсто. Гораздо лучше, легче, удобнѣе, прилагать особаго указателя къ каждой лѣтописи, вновь издаваемой, порознь, а покажѣсть издать указатель Строева, въ которомъ не достаетъ, кажется, немногихъ словъ, преимущественно собирательныхъ, и слѣд. не слишкомъ нужныхъ. Вотъ почему согласился П. А. на изданіе, совершенно бесполезное, голландскаго текста Исаака Массы—я никакъ не понимаю!

Въ Петербургѣ П. А. издалъ вновь свой сборникъ съ значительными дополненіями, къ которому приложилъ *Desiderata*, вошедшія послѣ въ составъ особаго сочиненія, изданнаго подъ заглавіемъ: „Что желательно для русской исторіи?“ Мы выпишемъ оттуда нѣсколько мѣстъ: „Намъ кажется, что съ нашими архивами слѣдовало бы поступать такъ же, какъ теперь поступаютъ съ архивами во Франціи, то-есть начать обнародованіе краткихъ описей (*Inventaire sommaire*), что не только бы содѣйствовало въ скорѣйшему ознакомленію нашей публики съ тѣмъ, что находится въ нашихъ архивахъ, но и къ ихъ сохраненію. Если мы съ перваго раза будемъ гоняться за совершенствомъ, и предпримемъ подробное описаніе cadaго акта, тогда врядъ ли и внуки наши увидятъ конецъ этихъ геркулесовскихъ трудовъ“.

*) Я слышалъ теперь, что изданіе возобновляется на какое-то особое пожертвованіе: о, это другое дѣло! М. П.

„Необходимо имѣть также въ виду, чтобы на известную сумму денегъ было напечатано какъ можно болѣе описей. Приведу примѣръ необыкновенно скорого описанія архива во Франціи. Тамъ въ числѣ антикваріевъ находился баронъ Журсанво (Joursanvault); онъ составилъ огромное собраніе историческихъ актовъ, посвятивъ для пополненія онаго всю свою жизнь. Когда онъ умеръ, собраніе его подверглось общей участи коллекцій, принадлежащихъ частнымъ лицамъ: она была назначена на продажу. Продажа была поручена знаменитому парижскому книгопродавцу Тешнеру (Teschener). Но для продажи необходимо было описаніе собранія; принялись за него, и въ самомъ непродолжительномъ времени появилось въ свѣтъ два небольшихъ тома in 8-vo со слѣдующимъ заглавіемъ: „Catalogue analytique des archives de M-r le baron de Joursanvault, contenant une précieuse collection de manuscrits, chartes et documents originaux au nombre de plus de quatre vingt mille“.

П. А. обращался въ книжкѣ „Что желательно“... къ частнымъ владѣльцамъ историческихъ документовъ, и къ нашимъ путешественникамъ, предлагалъ мѣры для приведенія въ ясность хронологіи, палеографіи, юридической номенклатуры, генеалогіи, и проч. Онъ спрашивалъ моего мнѣнія, и я между прочимъ собирался попенять ему, что онъ пропустилъ кое-что, исполненное мною изъ его желаній, надѣясь увидѣться скоро въ Петербургѣ; но судьба рѣшила иначе. Въмѣсто Петербурга я попалъ, по болѣзни, въ Крымъ, а онъ отправился на лѣто въ свое польское помѣстье, отдохнуть отъ трудовъ и собраться съ новыми силами.

Внезапная кончина девятилѣтняго единственнаго сына, родившагося отъ второго брака, поразила его до глубины сердца; здоровье его дѣлалось хуже и хуже. Врачи присовѣтывали ему пожить на югѣ. Въ Вюрцбургѣ онъ остановился для совѣта съ тамошними знаменитыми врачами. Болѣзнь приняла опасное направление. Въ Москвѣ получена была телеграмма. Старшая дочь, Марія Павловна, рожденная отъ перваго брака, поспѣшила вмѣстѣ съ мужемъ, княземъ А. А. Щербатовымъ, къ отчаянному уже больному. На дорогѣ пришло имъ на умъ, что понадобится можетъ быть вскорѣ священникъ для исповѣди и приобщенія, а окружающіе могутъ затрудниться, гдѣ найти его; и они послали телеграмму въ Вюрцбургъ, что ближайшій русскій священникъ есть въ Висбаденѣ, — и чтоже? Телеграмма пришла въ ту самую минуту, какъ больной выразилъ желаніе получить святое напутствіе, и жена вышла изъ спальни, затрудняясь какія принять мѣры, чтобъ испол-

нить его желаніе. Священникъ пріѣхалъ немедленно на вызовъ. Дочь и зять успѣли усладить послѣднія его минуты...

28-го декабря, въ присутствіи родныхъ, друзей и почитателей, совершена была заупокойная обѣдня въ Москвѣ, въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Грустно у меня было на сердцѣ во время молитвы, тѣмъ болѣе, что на завтра назначенъ былъ мой праздникъ, въ которомъ покойный, по давней искренней своей дружбѣ ко мнѣ, принялъ бы самое теплое участіе. Жизнь и смерть, думалъ я, идутъ рядомъ— вотъ что должны бы мы помнить непрерывно, но что мы часто забываемъ, равно какъ забываемъ и то, что живемъ ли, умираемъ ли, Господеви живемъ и умираемъ.

Миръ его праху, и добрая о немъ память, какъ о другѣ русской исторіи, честномъ, благородномъ человѣкѣ и государственномъ дѣятелѣ, искренно и разумно любившемъ отечество.

Декабря 28. 1871 г.

М. П. Погодинъ.

Къ сказанному Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ теперь же присоединимъ еще нѣсколько фактическихъ свѣдѣній изъ жизни покойнаго.

Павель Александровичъ Мухановъ былъ представителемъ старинной дворянской фамиліи. Одинъ изъ предковъ его, Иппать Калнинъ Мухановъ былъ однимъ изъ ближайшихъ пособниковъ Великаго Петра въ образованіи русскаго флота.—Павель Александровичъ род. въ 1798 году; пройдя курсъ наукъ въ московскомъ университетѣ, онъ поступилъ въ тотъ самый институтъ колонновожатыхъ, изъ среды котораго вышло много блестящихъ по образованію и талантамъ представителей русскаго общества эпохи Александра I. Образование Павла Александровича было вполне солидно: онъ прекрасно владѣлъ языкомъ французскимъ, говорилъ по-нѣмецки и свободно читалъ по-англійски; языкъ польскій сдѣлался ему въ послѣдствіи столь-же знакомымъ, какъ родной; но главное, что дало ему воспитаніе—это любовь къ умственнымъ занятіямъ, любовь и глубокое уваженіе, какъ къ наукѣ, такъ и къ усерднымъ ея подвижникамъ.

Въ 1815 году, Павель Александровичъ кончилъ курсъ наукъ и, по обычаю того времени, поступилъ въ военную службу, именно по квартирмейстерской части, чѣмъ нынѣ генеральный штабъ. Произведенъ въ прапорщики въ 1816 году, августа 30, на 18-мъ году отъ рожденія. Военная служба его была ознаменована дѣятельнымъ участіемъ, въ свѣтѣ фельдмаршала гр. Дибича, въ слав-

нѣйшихъ дѣлахъ русско-турецкой кампаніи 1829 года, именно: Павелъ Александровичъ отличился при обложеніи и во время осады крѣпости Силистріи, въ движеніи подъ Шумлу, въ сраженіи при селеніи Кулевчѣ, въ нѣсколькихъ авангардныхъ дѣлахъ и проч. Съ такимъ же отличіемъ Мухановъ служилъ въ польской кампаніи 1831 г., при чемъ особенно проявилъ свое мужество и распорядительность при штурмѣ города Варшавы; здѣсь мы застаемъ его въ чинѣ полковника, исполняющимъ нѣсколько важныхъ порученій, относительно замиренія вождей польскаго мятежа и обращеніи въ русскую службу нижнихъ чиновъ польской арміи.

Въ 1834 г. Павелъ Александровичъ уволенъ по прошенію, за раню, въ отставку. Онъ пользуется восьмилѣтнимъ отдыхомъ только для того, чтобы всецѣло предаться ученымъ занятіямъ: мы его видимъ въ эти годы въ средѣ дѣятельнѣйшихъ членовъ разныхъ ученыхъ обществъ: с.-петербургскаго вольнаго экономическаго (съ 8 января 1835 г.); московскаго общества испытателей природы (съ 26 апрѣля 1835 г.); московскаго общества сельскаго хозяйства (съ 9 августа 1835 г.); членомъ общества исторіи и древностей російскихъ (съ 22 февраля 1836 г.). Къ этому же времени относятся его сельско-хозяйственные и историческіе труды, которые, вмѣстѣ съ изданіями его въ послѣдовавшіе годы, упрочили за нимъ имя человека любящаго науку и работающаго, что и отвело ему мѣсто въ другихъ ученыхъ корпораціяхъ, такъ: въ 1854 г. Павелъ Александровичъ принятъ дѣйствительнымъ членомъ въ географическое общество, затѣмъ принятъ почетнымъ членомъ въ русское археологическое общество, с.-петербургской публичной бібліотеки, московскаго и румянцовскаго музеевъ, и еще прежде, 12 января 1856 г. „въ уваженіе государственныхъ и ученыхъ заслугъ признанъ почетнымъ членомъ московскаго университета“.

16 мая 1842 г. Муханову повелѣно быть вице-президентомъ совѣта народнаго просвѣщенія въ царствѣ польскомъ и съ этого времени, въ теченіи двадцати лѣтъ, продолжается его крайне трудная и—во многомъ отношеніи—неблагодарная служба, съ 1844 г. на посту попечителя учебнаго округа (оконч. опредѣленъ попечителемъ—въ 1851 г.), а потомъ, съ 8 марта 1856 г., въ званіи главнаго директора предѣдательствующаго въ правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ царства польскаго, съ оставленіемъ притомъ на должности попечителя варшавскаго округа.

Исторія—въ близкомъ будущемъ—безъ сомнѣнія, разсмотритъ съ полнымъ безпристрастіемъ всѣ дѣйствія Муханова въ царствѣ

польскомъ и выяснивъ ошибки его и промахи, опредѣлить въ какой мѣрѣ онъ лично былъ въ нихъ виноватъ; до тѣхъ же поръ мы должны, по крайней мѣрѣ, пройти презрѣніемъ брань и вопли поляковъ противъ него, тѣмъ болѣе, что провожая Муханова камнями въ 1861 году, они, въ 1870-мъ, при прїездѣ Павла Александровича въ имѣніе его близъ Варшавы, воздали ему полнѣйшій почетъ — въ лицѣ многочисленныхъ представителей своей интеллигенціи, ежедневно толпившихся въ его покояхъ....

Назначенный, 23 апрѣля 1861 г., членомъ государственнаго совѣта, Павелъ Александровичъ поселился въ Петербургѣ *) и съ этого времени вновь свободно отдался любимѣйшимъ своимъ предметамъ — русской археологіи, палеографіи, картографіи, русской исторіи. Впрочемъ, ничто новое, живое и интересное въ областяхъ прочихъ наукъ, словесности и публицистики не ускользало отъ его вниманія. Трудно представить себѣ, какую массу книгъ, брошюръ, газетъ прочитывалъ этотъ маститый старецъ. Книга въ букввальномъ смыслѣ не выходила изъ его рукъ!

При этомъ въ бесѣдахъ съ многочисленными своими посѣтителями Павелъ Александровичъ всегда сохранялъ веселость, привѣтливость и остроуміе. Съ высокимъ наслажденіемъ вспоминаетъ пишущій эти строки тѣ длинныя вечера, которые какъ минута пролетали въ оживленныхъ бесѣдахъ съ Павломъ Александровичемъ. Рассказывалъ онъ прекрасно, память его была необыкновенно свѣжа и ни одинъ карандашъ, бывало, въ рукахъ нашихъ притупится, при внесеніи тутъ же, съ его словъ, въ записную книжку „Русской Старины“ его любопытныхъ рассказовъ....

*) Вотъ чинъ, званія и ордена П. А. Муханова: дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, предсѣдатель археологической комиссіи; кавалеръ орденовъ: Бѣлаго Орда, св. Владиміра 2-й степ., св. Анны 1-й степ. и св. Станислава 1-й ст.; имѣлъ золотую саблю съ надписью «за храбрость», польскій знакъ отличія военнаго достоинства 3-й степ. и нѣсколько медалей. Произведенъ въ дѣйств. статск. совѣтники въ 1843 г., въ тайные совѣтники 5 марта 1856 г., въ дѣйств. тайные—1 янв. 1867 г.

Женатъ Павелъ Александровичъ былъ, по второму браку, на вдовѣ бывшаго сенатора, тайн. совѣтника Лубенскаго. Отъ перваго брака Мухановъ оставилъ дочь Марію—въ замужествѣ за д. ст. совѣт. кн. Щербатовымъ, отъ втораго—дочь Наталію (р. 1861 г.).

Отзывы о нѣкоторыхъ историческихъ трудахъ Павла Александровича, за послѣдніе годы, помѣщены въ разныхъ книгахъ «Русской Старины» въ библиографическомъ листкѣ. Ред.

Говорить ли о томъ, что интересуясь всѣмъ, что только содѣйствовало къ разработкѣ отечественной исторіи, Павелъ Александровичъ съ любовью отца относился къ нашему изданію и содѣйствовалъ намъ совѣтами, указаніями, матеріалами?... *).

Миръ праху твоему—честный, просвѣщенный, вполне русскій человѣкъ! Сердце твое жило любовью къ родинѣ, которой ты и служилъ,—не рѣдко съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ,—любовью къ наукѣ, для которой ты также поработалъ, и этого довольно, чтобы память о тебѣ не умерла....

Ред.

*) Въ настоящей же книгѣ мы приступили къ изданію любопытнаго сборника высочайшихъ повелѣній 1797—1801 г., сообщеннаго намъ П. А. Мухановымъ. Ред.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

Гр. Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ.

Да позволить мнѣ редація „Русской Старины“ сдѣлать небольшое дополненіе къ одной изъ ея статей.

Къ списку сочиненій графа П. С. Потемкина, напечатанному М. Н. Лонгиновымъ (Русск. Стар. т. IV, стр. 557) слѣдуетъ присоединить еще любопытное письмо Потемкина къ И. И. Шувалову, писанное изъ Бреста (Литовскаго) 25 сентября 1794 года. Оно помѣщено въ очень рѣдкомъ еженедѣльникѣ „Московской Вѣстникъ“ на 1809 годъ, стр. 89—95 (кажется издавалъ его М. Н. Макаровъ, (Соп. № 3899)). Письмо это любопытно потому, что въ немъ выражается измѣненный взглядъ одного изъ нашихъ писателей XVIII вѣка на всю французскую философію того времени, писателя, переводившаго лѣтъ за двадцать пять первыхъ знаменитыя разсужденія Руссо и отзывавшагося о нихъ съ восторгомъ въ своихъ предисловіяхъ. Потемкинъ писалъ въ самый разгаръ французской революціи; событія ея сбили съ толку мысль его, которая до того времени повидимому шла за убѣжденіями вѣка. Онъ обращается къ Шувалову, какъ къ человѣку лично и хорошо знакомому съ представителями философіи вѣка, за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній: „Вразумите меня постигнуть: какъ могли сіи, столь знаменитые разумомъ люди, возбуждая народы къ своевольству (?), не предвидѣть пагубныя слѣдствія для народа“. Теперь для Потемкина—Вольтеръ, Руссо и Рейналь—лицемѣры; Дидро онъ иначе не называетъ какъ грубымъ; „въ ихъ мысли и сочиненіяхъ необходимо, по словамъ его, видѣть источникъ современнаго зла; прахъ этихъ людей, говоритъ Потемкинъ, заслуживаетъ всемірнаго проклятія“ и пр.

Волненія Польши въ то время, видѣнныя Потемкинымъ, служившимъ въ арміи Суворова, источникомъ своимъ имѣютъ также французскую революцію. Потемкинъ упоминаетъ въ письмѣ о Костюшкѣ, Колонтаѣ и говоритъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, ожесточенныхъ вѣроломствомъ поляковъ....

Казань, 3 января 1872 г.

Н. Буличъ.

II.

О потомкахъ кн. М. И. Голенищева-Кутузова.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1870 г., т. II, на стран. 509, между прочими письмами князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова Смоленскаго, одно помѣчено „іюнь, Выбурхъ, 1799 года“; въ

письмѣ сказано, между прочимъ: „...Я благодарилъ государя за крещеніе внука“.

Изъ внуковъ князя Смоленскаго императоръ Павелъ I крестилъ только Павла Матвѣевича Толстаго, нынѣ присоединившаго, по Высочайшему указу 7-го мая 1859 года, къ родовой фамиліи — фамилію Голенищева-Кутузова; но Павелъ Толстой родился въ 1800 году, слѣдовательно въ помѣтѣ вкралась ошибка.

При крещеніи императоръ Павелъ, въ качествѣ великаго магистра Мальтійскаго ордена, пожаловалъ своего крестника кавалеромъ означеннаго ордена и должно предполагать, что нынѣ остающійся еще въ живыхъ старшій потомокъ князя Смоленскаго, Павелъ Матвѣевичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой, — послѣдній кавалеръ Мальтійскаго ордена.

Для пополненія далеко не полной родословной семьи покойнаго князя Смоленскаго („Русск. Стар.“ изд. 1870 г. т. II, прилож. къ стр. 498), привожу поименованіе о сѣми сыновей и двухъ дочерей отъ брака старшей дочери покойнаго фельдмаршала, Прасковьи Михайловны съ Матвѣемъ Ѳедоровичемъ Толстымъ.

Сыновья: Илларионъ, Ѳедоръ, Павелъ, Николай, Гавріилъ, Иванъ, Ѳеофілъ и Григорій. Нынѣ остаются въ живыхъ Павелъ (Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой), Николай—генералъ-адъютантъ, директоръ Чесменской богадѣльни и Ѳеофілъ—гофмейстеръ двора его императорскаго величества, тайный совѣтникъ. Отъ Ѳеофила Матвѣевича имѣются дѣти.

Дочери Матвѣи Ѳедор. Толстаго: Анна—вдова князя Голицына, и дѣвица Екатерина.

Въ заключеніе исправляю двѣ опечатки, вкравшіяся въ родословную („Русск. Стар.“ тамъ же): княгиня Екатерина Ильинишна скончалась не въ 1842 году, какъ сказано въ родословной, а въ 1824 г.; Матвѣй Ѳедоровичъ Толстой скончался въ 1816 г., а не въ 1846 г.

Ө. М. Толстой.

Принося благодарность Ө. М. за его замѣтку, мы, съ своей стороны, считаемъ не лишнимъ оговориться по двумъ пунктамъ: родословная, приложенная нами къ „Русск. Стар.“ изд. 1870 г. не полна, потому что мы и имѣли въ виду лишь назвать тѣхъ изъ семьи и свойственниковъ кн. Кутузова, о которыхъ упоминаетъ онъ въ своихъ письмахъ;— что же касается до годовъ, къ которымъ относится то или другое изъ его писемъ, то необходимо напомнить, что ни на одномъ изъ массъ этихъ грамотовъ ни разу не помѣченъ годъ; намъ пришлось размѣщать ихъ по собораженію, при этомъ размѣщеніи, въ особенности писемъ частнаго характера, могли вкратѣ погрѣшности. Будущій біографъ кн. М. И. Голенищева-Кутузова, при пользованіи этими документами, долженъ имѣть въ виду настоящую оговорку.

Ред.

ПОДПИСКА НА ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНУ.

(Отъ высочайше утвержденнаго комитета).

Согласно напечатанному уже въ вѣдомостяхъ объявленію комитета для сооруженія памятника Пушкину, пожертвованій на сей предметъ поступило, за время съ открытія въ апрѣлѣ 1871 г. дѣйствию комитета по 1-е ноября. 10,375 р. 68¹/₄ к.

Затѣмъ въ теченіе ноября доставлено:

а) наличными деньгами.	2,184 р. 77 к.
б) квитанціями главнаго, губерскихъ и уѣздныхъ казначействъ	2,363 > 24 ³ / ₄ >
	<hr/>
	4,548 > 1 ³ / ₄ >
Итого.	14,923 р. 70 к.

По подпискѣ 1860 г., прежде собрано и находится въ государственномъ банкѣ, съ процентами 18,254 > > >

Всего по 1-е декабря. 33,177 > 70 >

Само собою разумѣется, что въ настоящее время дѣйствительный сборъ уже значительно превышаетъ вышепоказанную сумму; но онъ не можетъ быть извѣстенъ до возвращенія книжекъ, по которымъ подписка еще продолжается. Какъ скоро возможно будетъ приблизительно опредѣлить окончательный результатъ общей подписки, комитетъ не замедлитъ открыть конкурсъ на составленіе проекта памятника.

Между тѣмъ комитетъ считаетъ долгомъ нынѣ же приступить къ обстоятельному, по мѣрѣ возможности, оглашенію какъ полученныхъ уже, такъ и впредь имѣющихъ прибывать пожертвованій. Независимо отъ пожалованныхъ членами императорской фамиліи 950 р., остальная затѣмъ сумма составила изъ слѣдующихъ взносовъ частныхъ лицъ:

По сборнымъ книжкамъ:

Отъ М. Н. Лонгинова—383 р., въ томъ числѣ: отъ М. Лонгинова—25 р., А. Лонгиновой—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р., отъ Анненкова—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р., отъ В. Апраксина—20 р., отъ Н. Ратынскаго—15 р., отъ А. Матвѣева—10 р., отъ А. Хвостова—25 р., отъ Д. Рузанова—25 р. и отъ разныхъ лицъ менѣе крупными жертвованіями—223 р., отъ В. И. Фребелюса—46 р. Отъ П. М. Толстаго—980 р. въ томъ числѣ: отъ И. А. Яковлева—300 р., отъ В. Нарышкина—500 р., отъ П. Демидова—100 р., отъ гр. М. Толстой—10 р., отъ Кутузова-Толстаго—50 р., отъ Е. М. Толстой—10 р., отъ неизвѣстнаго—20 р. Отъ Н. М. Голицына—117 р. 75 к., въ томъ числѣ: отъ Иконникова—25 р., князя П. А. Голицына—11 р. 50 к. и менѣе крупными жертвованіями—81 р. 25 к. Отъ В. И. Фребелюса—14 р.; директора 2-й с.-петербургской гимназіи—19 р. 74 к.; директора 7-й с.-петербургской гимназіи—19 р. 30 к.:

инспектора Введенской прогимназиі—9 р.; инспектора 2-й с.-петербургской прогимназиі—4 р.; директора училищ Тверской губ.—46 р. 50 к.; директора училищ Астраханской губ.—15 р. 41 к.; директора нижегородскаго Александровскаго института—12 р. 31 к.; попечителя виленскаго учебнаго округа—22 р. 15 к.; директора виленскихъ народныхъ училищ—9 р. 2 к.; завѣдывающаго варшавскимъ институтомъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ—9 р. 50 к.; директора училищ г. Варшавы—12 р. 30 к.; начальника ложминской учебной дирекціи—18 р. 71¹/₂ к.; инспектора ченстоховской прогимназиі—5 р. 94 к.; управляющаго акцизными сборами въ Эстляндской губ.—27 р. 50 к.; управляющаго виленскою казенною палатою—39 р. 80 к.; управляющаго рязанскою казенною палатою—147 р. 2 к., управляющаго орловскою казенною палатою—45 р. 70 к. управляющаго акцизными сборами въ Курляндской губ.—25 р., въ томъ числѣ: отъ Вильяма фонъ-Киницъ—10 р. и отъ прочихъ—15 р.; управляющаго акцизными сборами въ Ложминской, Плоцкой и Сувалкской губ.—200 р., въ томъ числѣ: отъ фонъ-Шведеръ—12 р., Штейнбергъ—25 р., Асмусъ—15 р. Гано—10 р., Володзко—10 р., Шяшко 2-й—12 р., Горскаго—10 р. и отъ прочихъ—186 р.; отъ управляющаго акцизными сборами въ Новгородской губ.—16 р. 25 к.; управляющаго акцизными сборами въ Калишской и Петраковской губ.—165 р.; въ томъ числѣ: отъ Н. Соломонъ—25 р. и отъ прочихъ—145 р. Отъ Н. А. Качалова—95 р. 50 к., въ томъ числѣ: отъ Н. Качалова—10 р., гр. Вл. Толстаго 10 р. и отъ прочихъ—75 р. 50 к.; отъ Н. В. Кидошенкова—99 р.; въ томъ числѣ: отъ В. С. Барымова—10 р., Зузина—10 р., П. В.—10 р.; неизвѣстнаго—10 р., А. Н. Струговщикова—10 р. и отъ прочихъ—49 р. Отъ П. А. Шульда—16 р. В. И. Вешнякова—100 р.; финляндскаго военнаго генералъ-губернатора—42 р. 12¹/₂ к.; въ томъ числѣ: отъ гр. Н. Адлерберга—25 р., А. Гагемейстера—10 р. и отъ прочихъ—7 р. 12¹/₂ к.; начальника архангельскаго таможеннаго округа—60 р.; начальника одесскаго таможеннаго округа—81 р. 25 к.; начальника таганрогскаго таможеннаго округа—111 р.; въ томъ числѣ: отъ Средина—10 р. и отъ прочихъ—101 р.; управляющаго с.-петербургскою портовою таможеню—23 р.; управляющаго варшавскою таможеню—40 р.; управляющаго астраханскою таможеню—21 р.; управляющаго иркутскою таможеню—1 р. 85 к.; С. И. Зеленаго—18 р., въ томъ числѣ: отъ С. И. Зеленаго—15 р., и отъ прочихъ—3 р.; вице-директора департамента торговли и мануфактуръ—16 р.; отъ В. К. Рашета—40 р.; въ томъ числѣ: В. Рашета—10 р. и отъ прочихъ—30 р.; предсѣдателя рязанской губернской земской управы—5 р.; предсѣдателя херсонской губернской земской управы—12 р., архангельскаго городскаго головы—81 р.; въ томъ числѣ: отъ В. Грибанова—25 р., К. Мейера—15 р. и отъ прочихъ—41 р.; директора департамента министерства юстиціи—31 р.; завѣдывающаго с.-петербургскою удѣльною контролю—53 р. 20 к.; директора императорской петергофской гранильной фабрики—12 р. 80 к.; управляющаго государственными имуществами въ Кіевской губ.—12 р. 24 к.; управляющаго горнымъ департаментомъ—60 р. 30 к.; старшаго предсѣдателя с.-петербургской судебной палаты—2 р. предсѣдателя московской судебной палаты—59 р., въ томъ числѣ: отъ неизвѣстнаго—10 р., Павлова—10 р. и отъ прочихъ—39 р.; отъ предсѣдателя ржевскаго окружнаго суда—8 р.; предсѣдателя харьковскаго окружнаго суда—16 р. 50 к.; предсѣдателя воронежскаго окружнаго суда—17 р. 75 к.; начальника штаба финляндскаго военнаго округа—6 р.; начальника финляндскаго окружнаго инженернаго управленія—22 р. 75 к.; коменданта варшавской цитадели—48 р. 40 к.; въ

томъ числѣ: отъ Михаила Зайцева—10 р. и отъ прочихъ—38 р. 40 к.; ахалцыхскаго коменданта—50 р. 50 к.; коменданта крѣпости Бендеры—14 р., въ томъ числѣ: Ф. Каннабихъ—10 р. и отъ прочихъ—4 р.; коменданта Бобруйской крѣпости—10 р. 50 к.: отъ вице-адмирала Д. И. Кузнецова—10 р.; петергофскаго коменданта—25 р.; коменданта с.-петербургской крѣпости—25 р.; коменданта свеаборгской крѣпости—17 р. 75 к.; с.-петербургскаго губернскаго воинскаго начальника—10 р.; витебскаго губернскаго воинскаго начальника—11 р. $\frac{1}{2}$ к.; минскаго губернскаго воинскаго начальника—19 р. 28 $\frac{1}{2}$ к.; сувалкескаго губернскаго воинскаго начальника—4 р. 30 к.; лужинскаго губернскаго воинскаго начальника—6 р. 50 к.; орловскаго губернскаго воинскаго начальника—10 р.; московскаго губернскаго воинскаго начальника—8 р.; тульскаго губернскаго воинскаго начальника—28 р. 26 к.; управляющаго варшавскою контрольною палатою—13 р. 20 к.; управляющаго закавказскою контрольною палатою—18 р. 35 к.; управляющаго минскою контрольною палатою—8 р.; управляющаго нижегородскою контрольною палатою—10 р.; управляющаго оренбургскою контрольною палатою—14 р. 95 к.; управляющаго пермскою контрольною палатою—10 р., управляющаго полтавскою контрольною палатою—10 р. 30 к.

Кромѣ сего, помимо сборныхъ книжекъ, при особыхъ объявленіяхъ поступило:

Отъ П. Н. Стремouxова—82 р.; отъ тверскаго губернатора—10 р. 70 к.; отъ старшаго учителя вознесенско-посадскаго училища Владимірской губ.—44 р. 42 к. Командира арсеналовъ въ кр. Динабургъ—1 р.; попечителя влизижской женской прогимназіи—7 р.; възъ нейво-пшайтанскаго завода—12 р.; директора владимірской гимназіи—19 р.; смотрителя ефремовскихъ училищъ—4 р.; начальницы переяславскаго женскаго училища—9 р.; Данилевскаго—3 р.; горбатовскаго уѣзднаго казначейства—17 р. 62 к.; начальника динабургской военно-исправительной роты—2 р. 80 к.; командира 13-го уланскаго владимірскаго е. и. в. в. к. Михаила Николаевича полка—2 р.; командира 4 батареи 29 артиллерійской бригады—1 р. 84 к.; командира складовъ артиллерійскаго имущества въ г. Вильнѣ—3 р. 86 к.; смотрителя суздальскаго уѣзднаго училища—6 р. 53 к.; начальника рижской артиллерійской команды—8 р.; начальника рижской военно-исправительной роты—6 р.; невѣдѣннаго—22 р.; Х. Х. Мейена—500 р.; командира 62 пѣхотнаго суздальскаго полка—7 р. 54 $\frac{1}{2}$ к.; начальника рижской инженерной дистанціи—3 р.; командира 4-го сапернаго баталіона—5 р.; командира тульскаго губернскаго баталіона—2 р. 46 к.; окружнаго надзирателя подольско-бессарабскаго акцизнаго управленія—1 р.; начальника вилькомірской уѣздной команды—1 р., старшаго помощника надзирателя X-го округа подольско-бессарабскаго акцизнаго управленія—25 р.; тверскаго губернатора—12 р. 5 к.; начальника поневъжской уѣздной команды—2 р. воинскихъ чиновъ лифляндскихъ уѣздныхъ командъ—12 р. 45 $\frac{1}{2}$ к.; командира 2-й батареи 16 арт. бригады—12 р.; командира бобруйскаго крѣпостнаго полка—3 р. 49 к.; управляющаго пермскими акцизными сборами—454 р. 57 к.; начальника ковенской инженерной дистанціи—7 р.; начальника ковенской оборонной команды—70 к.; брестъ-литовскаго коменданта—3 р.; командира 61-го пѣхотнаго владимірскаго полка—3 р. 5 к.; штатнаго смотрителя ниже-дѣвицкаго уѣзднаго училища—4 р.; лифляндскаго губернскаго воинскаго начальника—6 р. 24 к. начальника виленской инженерной дистанціи—10 р.; командира 105-го пѣхотнаго оренбургскаго полка—2 р. 97 к.; надзирателя X-го округа подольско-

бессарабскаго акцизнаго управленія—14 р. 10 к.; начальника ново-александровской уѣздовой команды—1 р. 30 к.; П. Н. Стремоухова—103 р.; начальника росіевской уѣздной команды—2 р. 65 к. командира 27-й артиллерійской бригады—5 р.; директора пермской военной прогимназіи—12 р.; надзирателя 7-го округа подольско-бессарабскаго акцизнаго управленія—7 р.; управляющаго почтовою частью по нижегородской губерніи—18 р. 85 к.; витебскаго губернскаго воинскаго начальника 30 к.; командира динаминдской крѣпостной артиллеріи—3 р.

По сборнымъ книжкамъ въ октябрѣ поступило:

Отъ псковскаго губернскаго воинскаго начальника—12 р. 4 к.; управляющаго государственными имуществами Волынской губ. — 20 р. 2 к.; пензенскаго губернскаго воинскаго начальника — 10 р. 13 к.; управляющаго таврической контрольною палатою—16 р.; въ томъ числѣ: отъ В. Чачкова—10 р. и отъ разныхъ лицъ менѣе крупными пожертвованіями—6 р.; отъ инспектора орловскаго института—30 р.: въ томъ числѣ: отъ Николая Панюткина—10 р. и отъ прочихъ—20 р.; начальника плочкой учебной дирекціи—38 р. 25 к.; инспектора одесскаго института благородныхъ дѣвицъ—209 р. 30 к.; въ томъ числѣ: отъ Серебрякова—10 р., М. Ф. Шугурова—10 р., Ставилю—10 р. и отъ прочихъ—179 р. 30 к.; директора екатерининскаго учительскаго института—11 р. 50 к.; Веймарна—86 р.; въ томъ числѣ: отъ Печаткина—10 р., неизвѣстнаго—10 р. отъ Аяисило—10 р., Флора Панова—10 р. и отъ прочихъ—46 р. плочкаго губернатора—91 р. 88 к.; въ томъ числѣ: отъ барона Врангеля—18 р. и отъ прочихъ—73 р. 88 к.; инспектора варшавскаго Александринско-Маріинскаго института—20 р.; инспектора брестской прогимназіи—15 р. 97 к.; А. И. Верховцева—72 р.; директора училищъ Курской губ.—83 р. 81 к.; въ томъ числѣ: отъ Д. Жаворонкова—10 р. и отъ прочихъ—73 р. 81 к.; люблинскаго губернскаго воинскаго начальника—8 р. 80 к. директора московской 6-й гимназіи—50 р., въ томъ числѣ: отъ М. Губонина—10 р. отъ прочихъ—40 р.; инспектора бѣлостокскаго института—33 р. 40 к.; въ томъ числѣ: отъ Е. Калогорги—10 р. и отъ прочихъ—23 р. 40 к.; директора варшавскихъ гимназій—28 р. 75 к.; управляющаго петроковскою казенною палатою—52 р. 35 к.; владикавказскаго коменданта—3 р.; управляющаго одесскою контрольною палатою—20 р.; инспектора 5-й варшавской гимназіи—9 р. 50 к.; инспектора бѣльскихъ педагогическихъ курсовъ—5 р. 5 к. вологодскаго губернскаго воинскаго начальника—12 р. 16 к.; директора 5-й московской гимназіи—226 р. 80 к.; въ томъ числѣ: отъ Н. О. Эмина—10 р. Д. Назарова—10 р., Е. Бѣляевскаго—10 р. и отъ прочихъ—196 р. 80 к.; эстляндскаго губернскаго воинскаго начальника—3 р. 68 к.; управляющаго акцизными сборами въ Могилевской губ.—104 р. 75 к.; въ томъ числѣ: отъ В. Ольдерогге—10 р., Ермогена Сидовича—10 р. и отъ прочихъ—84 р. 75 к., отъ управляющаго подольскою контрольною палатою—1 р.; директора 2-й московской гимназіи—138 р. 61¹/₄ к.; инспектора харьковскаго института—84 р.; въ томъ числѣ: отъ Г. С. Рандовскаго—10 р. и отъ прочихъ—74 р.; курляндскаго губернатора—36 р.; въ томъ числѣ: отъ П. Лихтенфельда—25 р. и отъ прочихъ—11 р., директора училищъ Нижегородской губ.—16 р. 55¹/₂ к.; директора 4-й московской гимназіи—120 р., предѣдателя енисейской казенной палаты—103 р. 30 к.; въ томъ числѣ: отъ Виктора Данилова 10 р. и отъ прочихъ—93 р. 30 к. директора училищъ Иркутской губ.—17 р. 50 к.; директора 1-й казанской гимназіи—16 р.; директора 6-й с.-петербургской гимназіи—12 р. 90 к.; управляющаго с.-петербургскою сухопутною таможеню—28 р. 50 к.; въ томъ числѣ: К. Д. Мессъ—10 р. и отъ

*

прочихъ 18 р. 50 к.; инспектора солецкихъ педагогическихъ курсовъ—10 р. 42¹/₂ к.; управляющаго акцизными сборами Минской губ.—139 р. 16 к.; управляющаго ковенскою контрольною палатою—7 р.; директора виленскихъ училищъ—9 р. 30 к.; инспектора гомельской прогимназиі—18 р.; директора училищъ Архангельской губ.—20 р. 80 к.; инспектора петрововской мужской гимназиі—32 р.

Кромѣ сего, помимо сборныхъ книжекъ, при особыхъ объявленіяхъ доставлено:

Отъ начальника днабургскаго инженернаго управленія—4 р.; директора вольской военной прогимназиі—10 р.; инспектора народныхъ училищъ Владимірской губ.—1 р. 50 к.; отъ директора елизаветградской военной прогимназиі—13 р. 10 к.; командира 97-го пѣхотнаго лифляндскаго полка—6 р. 68¹/₂ к.; инспектора народныхъ училищъ Ярославской губ.—43 р.; директора училищъ С.-Петербургской губ.—35 р.; витебскаго губернскаго воинскаго начальника—50 к.; командира ковенскаго губернскаго баталіона—2 р. 12 к.; командира 101-го пѣхотнаго пермскаго полка—14 р.; командира 25-й артиллерійской бригады—3 р.; старшины пикюльскаго волостнаго правленія, Владимірской губ.—6 р.; казначея еодосійскаго уѣзднаго казначейства—12 р. 87 к.; казначея перекопскаго уѣзднаго казначейства—6 р. 93 к.; П. Н. Стремоухова—49 р. 72 к. (170 франковъ); директора училищъ Тверской губ.—8 р. Итого 10,375 р. 68¹/₂ к., и по подпискѣ 1860 г. собрано и находится въ государственномъ банкѣ, съ процентами 18,254 р., а всего по 1-е ноября 28,629 р. 68¹/₂ к.

По сборнымъ книжкамъ въ ноябрѣ поступило:

Отъ барона А. Л. Штиглица—500 р.; И. С. Тургенева—100 р., гр. Ю. И. Стенбока—10 р.; Н. Н. Тютчева—10 р.; отъ служащихъ въ департаментѣ удѣловъ—75 р.; отъ неизвѣстнаго—10 р.; гр. Э. Т. Баранова—25 руб.; Я. А. Соловьева—10 р.; А. Н. Евреннова—20 р.; И. П. Лѣсникова—25 р.; М. Х. Рейтерна—25 р.; М. П. Вонлярярскаго—10 р. Г. П. Небольсина—10 р.; П. Огрызавьева—25 р.; П. А. Муханова—10 р.; Н. В. Желѣзникова—10 р.; А. О. Ишимовой—5 р.; А. В. Плетневой—10 р.; И. И. Фундуклея—50 р.; А. И. Войцеховича—25 р.; А. Е. Левшина—25 р.; гр. К. И. Палена—25 р.; Д. Н. Набокова—10 р. Н. Ж. Метлина—5 р.; кн. С. Н. Урусова—10 р.; гр. П. А. Шувалова—25 р.; барона Б. А. Фредерикса—25 р.; И. П. Варпаховскаго—10 р.; А. Н. Андреева—10 р.; отъ должностныхъ лицъ управленія с.-петербургскаго порта—71 р. 85 к.; отъ служащихъ въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ—88 р. 85 к.; П. Бражниковъ—25 р.; отъ служащихъ въ департаментѣ окладныхъ сборовъ—41 р. 10 к.; отъ служащихъ въ департаментѣ государственнаго казначейства—25 р. 45 к.; разныхъ лицъ изъ г. Варшавы—72 р.; отъ служащихъ въ морскомъ министерствѣ—103 р. 50 к.; отъ разныхъ лицъ—4 р.; отъ В. Е. Энгельгардта—30 р.; отъ преподавателей и воспитанниковъ Ларинской гимназиі—26 р. 85 к.; отъ воспитанниковъ с.-петербургской VI гимназиі—18 р.; отъ П. И. Бартенева, пожертвованные разными лицами—56 р.; отъ редакціи с.-петербургскихъ вѣдомостей, пожертвованные разными лицами—53 р. 50 к.; отъ разныхъ лицъ—5 р. 50 к.; отъ директора училищъ оренбургской гимназиі—24 р.; отъ саратовскаго губернскаго воинскаго начальника—34 р. 13¹/₂ к.; отъ управляющаго акцизными сборами Уфимской и Оренбургской губерній—300 р.; въ томъ числѣ: отъ довѣреннаго г. Первушина, купца Сидорова—50 р., отъ неизвѣстнаго—10 р. 20 к., купца Н. Рытова—10 р., и отъ прочихъ лицъ менѣ крупными

пожертвованіями—229 р. 80 к.; отъ предсѣдателя калужскаго окружнаго суда—50 р.; въ томъ числѣ: отъ Александра Цурикова—10 р. и отъ прочихъ—40 р.; отъ начальника кѣлецкой учебной дирекціи—22 р. 3¹/₂ к.; отъ инспектора Холмской гимназіи—15 р. 50 к.; отъ инспектора Вѣльской классической гимназіи—8 р.; отъ Н. В. Сушкова—144 р.; въ томъ числѣ: отъ Н. В. Сушкова—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р. отъ Е. Тютчевой—10 р. отъ кн. Н. П. Мещерскаго—100 р. и отъ прочихъ—14 р.; отъ В. Н. Исакова—15 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Рязанской губерніи—150 р.; въ томъ числѣ: отъ А. Ральгина—25 р., и отъ прочихъ—125 р.; отъ управляющаго варшавскою казенною палатою—143 р. 99³/₄ к.; отъ управляющаго новгородскою казенною палатою—192 р. 86¹/₄ к.; отъ начальника артиллеріи финляндскаго военнаго округа—25 р. 19³/₄ к.; отъ управляющаго ковенскою казенною палатою—72 р. 25 к.; въ томъ числѣ: отъ Ивана Гоферберга—10 р. и отъ прочихъ—62 р. 25 к.; отъ директора училищъ Минской губ.—11 р. 90 к.; отъ управляющаго курскою контрольною палатою—7 р.; отъ директора строительнаго училища—15 р. 61 к.; отъ управляющаго уфимскою контрольною палатою—11 р. 50 к.; отъ калужскаго губернскаго воинскаго начальника—37 р. 15 к.; отъ управляющаго екатеринбургскою конторою государственнаго банка—12 р. 85 к.; отъ управляющаго акцизными сборами Орловской губерніи—201 р. 21 к.; въ томъ числѣ: отъ Кричевскаго—10 р., отъ П. А. Рыхманова—10 р.; отъ неизвѣстнаго—10 р. и отъ прочихъ—171 р. 21 к.; отъ директора реформатскаго училища въ С.-Петербургѣ—82 р. 1 к.; отъ начальника юрбургскаго таможеннаго округа—71 р. 25 к.; отъ Х. Х. Мейена—500 р.; въ томъ числѣ: отъ Китсона и Райля—10 р., отъ Лузина—10 р., отъ неизвѣстнаго—25 р., отъ Беланже—10 р., отъ Беланже—25 р., отъ Родіонова—10 р., отъ Найденова—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р., отъ неизвѣстнаго—10 р. и отъ прочихъ 380 р.; отъ предсѣдателя совѣта главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ—91 р. 17 к.; въ томъ числѣ: отъ Н. Ф. Кеніга—25 р. и отъ прочихъ—66 р. 17 к.; отъ кн. Е. А. Ухтомскаго—81 р. 75 к.; въ томъ числѣ: отъ кн. Е. Ухтомскаго—25 р. отъ А. А.—25 р. отъ Ат.—12 р. и отъ прочихъ—19 р. 75 к.; отъ волынскаго губернскаго воинскаго начальника—45 р. 60 к.; отъ инспектора сѣдлецкой гимназіи—20 р.; и отъ директора училищъ Харьковской губерніи—69 р. 62 к. отъ управляющаго вятскою казенною палатою—110 р.-74¹/₂ к.; отъ директора училищъ Казанской губ.—43 р. 71 к.; отъ александропольскаго коменданта—15 р.; отъ начальника Эстляндской губ.—93 р.; въ томъ числѣ: отъ Г. Гильде—10 р., отъ К. Гильде—10 р. и отъ прочихъ—73 р.; отъ директора училищъ Могилевской губ.—41 р. 25 к.; отъ управляющаго подольскою казенною палатою—72 р. 86¹/₂ к.; отъ директора петропавловскаго училища—114 р.; отъ начальника канцеляріи военнаго министерства—74 р.; отъ инспектора классовъ керченскаго Кушниковскаго института—25 р.; отъ барона Емілія Николаевича Дельвига—111 р.; въ томъ числѣ: отъ бар. А. Дельвига—25 р., отъ К. Н. Посыета—25 р., отъ К. В. Чевкина—25 р., отъ Духовскаго—10 р. отъ А. Викулина—15 р. и отъ прочихъ—11 р.: отъ В. М. Бостанжогло—289 р.; въ томъ числѣ: отъ В. М. Бостанжогло—25 р., отъ И. А. Львова—10 р., отъ А. И. Морозова—10 р., отъ А. А. Челнокова—25 р., отъ неизвѣстнаго—10 р., отъ Лисицына—25 р. и отъ прочихъ 184 р., отъ директора горнаго департамента—37 р. 65 к.; отъ инспектора лодзинскаго ремесленнаго училища—18 р. 31 к.; въ томъ числѣ: отъ А. Вилькинсъ—10 р. и отъ прочихъ—8 р. 31 к.; отъ управляющаго финансами Царства Польскаго—50 р.; въ томъ числѣ: отъ Н. А.

Иванова—20 р. и отъ прочихъ—30 р.; отъ управляющаго волынскою контрольною палатою—18 р. 5 к.; отъ директора училищъ Вологодской губ.—44 р. 90 к.; отъ инспектора классовъ оренбургскаго николаевскаго дѣвичьяго института—25 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Ковенской губ.—72 р. 10 к.; отъ саратовскаго губернатора—61 р. 34 к.

Кромѣ сего, помимо сборныхъ книжекъ, при особыхъ объявленіяхъ доставлено: отъ симбирскаго губернскаго воинскаго начальника—5 р. 94 к.; отъ смотрителя владимірскихъ училищъ—3 р.; отъ П. Н. Ольшева—40 р. 50 к.; отъ управляющаго харьковскою конторою государственнаго банка—134 р. 50 к.; отъ волынскаго губернскаго воинскаго начальника—10 р. 70 к.; отъ смотрителя быковскаго уѣзднаго училища—2 р. 60 к.; отъ олонецкаго губернскаго воинскаго начальника—9 р. 28 к.; отъ штатнаго смотрителя рогацевскаго уѣзднаго училища—3 р. 90 к.; отъ командира фейерверкерской школы въ г. Вильнѣ—1 р. 50 к.; отъ директора училищъ Владимірской губ.—31 р. 93 к. Итого—4,548 р. 1²/₁₀ к. Всего по 1-е декабря собрано—33,177 р. 70 к. Въ январѣ 1872 г. поступило собранныхъ редакціей «Русской Старины» 111 р. Итого съ преждепоступившими общая сумма — 33,288 р. 70 к.

Вмѣстѣ съ симъ комитетъ нужнымъ считаетъ напомнить, что пожертвованія принимаются: въ С.-Петербургѣ—въ редакціяхъ: „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Голоса“ и „Русской Старины“, у книгопродавцевъ: Базунова, Исакова и Глазунова, а также въ бумажной лавкѣ Баласова, на Вас. остр. по кадетской линіи; въ Москвѣ—въ редакціяхъ: „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Современныхъ Извѣстій“ и въ Чертковской библиотекѣ.

Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказъ. П. Дубровина. Спб. 1871. 8°. Тщ. Доп. Уд. книга 1-я (XVI и 460), 2-я (IV и 422), 3-я (IV и 451.)

Вышедшія нынѣ три книги составляютъ только первый томъ, посвященный очерку Кавказа и народовъ, его населяющихъ. Трудъ г. Дубровина не есть самостоятельный, это весьма полезный и необходимый сводъ не только въ одно мѣсто, но въ одно цѣлое накопившейся печатной массы свѣдѣній о Кавказѣ, — свѣдѣній, разбросанныхъ по различнымъ журналамъ, газетахъ и отдѣльнымъ сочиненіямъ.

Въ первой книгѣ описывается Кавказъ, во второй — Закавказье, а третья служитъ приложеніемъ, заключающимъ въ себя указатель, составленный по многообразнымъ и крайне своеобразнымъ рубрикамъ, наприм.: указатель именной, историко-хронологическій, историко-церковный, горный, горно-хронологическій, сельско-хозяйственный, сельско-хронологическій, и т. д. Едва ли удобны и практичны такія рубрики, особенно при отсутствіи въ нихъ азбучнаго порядка.

Историческія монографіи и изслѣдованія Н. Костомарова. Изд. Кожанчикова Т. XII-й. Спб. 1872. 462 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Говорить о достоинствахъ трудовъ Н. И. Костомарова совершенно излишне: всѣмъ конечно извѣстны его художественный талантъ, его умѣнье выбрать самыя живыя стороны въ наукѣ. Уже много лѣтъ наша публика воспитывается на его трудахъ, привыкаетъ трезво глядѣть на свое прошлое, привыкаетъ любить русскую исторію, и конечно еще много лѣтъ труды Н. И. будутъ перечитываться всѣми образованными людьми. Нашъ почтенный историкъ понималъ, что истинная научность заключается не въ томъ, чтобы наполнять свои труды грудою сырого матеріала; переработавъ тщательно массу матеріала, онъ скрываетъ отъ глазъ читателя всю черновую подготовительную работу и даетъ результаты своего труда въ живой, иногда въ весьма увлекательной формѣ.

Вотъ уже XII томовъ монографій г. Костомарова находится въ распоряженіи русской публики, а между тѣмъ сюда еще не вошли очень многіе труды, изданные отдѣльно, какъ-то: «Последніе годы Речи Посполитой», «Домашній бытъ русскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ», «Торговля Московскаго Государства», «Лекціи по русской исторіи» и мн. др. Въ вышедшемъ нынѣ XII-мъ томѣ особенно замѣчательна монографія «Начало едино-

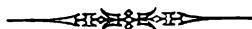
державія въ древней Руси», вѣроятно извѣстная уже всей нашей публикѣ (она была помѣщена въ 11 и 12 №№ «Вѣст. Евр.» за 1870 г.) Несмотря на ее не особенно значительный объемъ (150 страницъ) она представляетъ живой очеркъ внутренней жизни русскаго народа до Ивана Грознаго включительно и замѣчательную характеристику этого царя. Прекраснымъ дополненіемъ къ этой характеристикѣ служитъ статья Н. И. Костомарова о характерѣ Грознаго, помѣщенная въ нынѣшнемъ году въ Вѣст. Евр., гдѣ, несмотря на нѣкоторыя преувеличенія, мы находимъ любопытный очеркъ дѣятельности Ивана и сильный отпоръ тѣмъ изъ нашихъ историковъ, которые доводятъ свою идеализацию Грознаго до сопоставленія его съ Петромъ В. Въ настоящемъ, XII-мъ, томѣ еще замѣчательна, по своему совершенно оригинальному взгляду статья подъ заглавіемъ «Исторія раскола у раскольниковъ»; тутъ же помѣщены: «Гетманство Юрія Хмельницкаго» и «Воспоминанія о молоканахъ».

Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. Часть первая. М. 1870. Унив. тип. 6. 8°, II, 368 и XXXII стр. Ц. 2 р.

Сюда вошли: большое собраніе пѣсенъ дѣтскихъ, хороводныя (выборныя, игровыя, разводныя или разыгрываемыя), плясовыя, бесѣдныя, обрядныя (колядныя, подблюдныя, святочныя, волочобныя, весеннія, семицкія, живныя, толочныя, масляничныя), свадебныя и похоронныя.

Въ собраніе г. Шейна вошли пѣсни, отчасти имъ записанныя, отчасти ему доставленныя; значительное число пѣсенъ получено собирателемъ отъ М. И. Семеновскаго. Пѣсни свадебныя весьма удачно распредѣлены по группамъ, по мѣстностямъ, такъ что теперь является возможность прослѣдить этотъ обрядъ цѣликомъ въ извѣстной деревнѣ, въ извѣстномъ селѣ (деревня Подъяковлева, Епифанскій уездъ, село Костино, деревня Красная-Слободка, Урусова, село Селихово, деревня Карцова, село Гоголево, городъ Псковъ, Псковскій уездъ, Псковская губернія, село Федорцово).

Собраніе г. Шейна издано Московскими обществомъ исторіи и древностей, подъ наблюденіемъ достопочтеннаго О. М. Бодянскаго. Слѣдовало бы пожелать, чтобы неутомимый собиратель позаботился объ указателѣ къ пѣснямъ, когда собраніе его будетъ все издано. Надѣмся, что учебныя вѣдомства позаботятся приобрести замѣч. и особенно полезный для учащихся сборникъ г. Шейна.

О ПОДПИСКѢ
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г., третій годъ изданія.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложенія, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, — **восемь рублей** за весь годъ, т. е. за 12 книгъ.

Подписка принимается для **городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына и д. Трута, кв. № 12.

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адресуя: или — Василію Арсеньевичу Семевскому, или: — Михаилу Ивановичу Семевскому: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію «Русской Старины».

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. записокъ Болотова, Тарасова, Лагарпа, М. А. Бестужева, п архивовъ кн. Голицынова-Кутузова, кн. Щербатова, кн. Мурашиныхъ, гр. Станкебергъ, свѣдл. кн. П. М. Волконскаго, Шишова, Бахтина, — записки: гр. Г. П. Чернышова, адмир. Колзакова, зап. М. И. Горбачевскаго, кн. С. Г. Волконскаго (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Маевского, кн. Барклай-де-Толли, кн. А. А. Шаховскаго, партиз. Дениса Давыдова, И. И. Снобелева, В. К. Мюхельбергера (1831—1841 гг.); генерала Фельнера, ак. жив. А. В. Ступина (1776 — 1861 г.), бывш. попеч. Д. П. Рунича; автобіографія академика Витберга; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790 — 1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки А. И. Красовскаго; С. Н. Глинни; Н. Ф. Опочинина (о 1831 г.); воспомин. Наратыгина о Грибоѣдовѣ; записки Н. В. Веригина и др. Письма Волинскаго и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ — А. Г. Пуларова; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Пинара (1782 г.); письма Екатерины II; письма императоровъ: Павла I, Александра I, цесар. Константина; императ. Елизаветы Алексѣевны; Кулибина; гр. Аракчеева, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеновской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова, мнѣнія гр. Н. С. Мордвинова, письма графа Толя (1831 г.); 60 писемъ митроп. Евгенія Болховитинова; неизданныя бумаги А. С. Грибоѣдова, К. Н. Батюшкова болѣе 80 писемъ), Г. С. Батенкова, Жуновскаго, Туманскаго, Языкова, Рылѣва, Пушкина, статьи В. Н. Маразина; сообщенія акад. А. Ф. Бычкова, Я. Н. Грота, М. П. Погодина, П. К. Щербальскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣляева, Н. С. Тихонравова. Г. И. Геннади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. И. Лонгинова, проф. Брикера, Н. П. Дурова. Сообщ.: А. М. Княжевича, П. А. Муханова, кн. П. Д. Волконскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, Н. И. Панова, Н. Н. Селифонтова, Ф. К. Опочинина, Д. И. Снобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ф. Круза, гр. Э. Н. Чаускаго, кн. Гагарина, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, бар. Ф. А. Бюлера, М. Ф. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго князя Александра Аркадѣевича Италійскаго, графа Суворова-Рыминскаго, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ третій.

МАРТЪ

1872 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ.

I. Записки поч. лейбъ-хирурга Д. М. Тарасова. Гл. XII.—XIV 1824—1825 гг. Сообщ. А. Д. Тарасовъ	355	1 янв. 1810 г. Сообщ. А. М. Княжевичъ. (472). 4) Игумена Шваняичъ. Сообщ. А. М. Княжевичъ. (474). 5) Подвигъ Верхшцаго. Сообщ. В. Новицкій. (475). 6) Резолюція архіеп. Иринея. Сообщ. А. И. В—чъ. (477). 7) гр. Палень (479). 8) Левшина и Саблуковъ; 9) Обресковъ; (479) 10) Епископъ Амвросій. (480). 11) Письмо Ѡ. В. Бугарина о Н. В. Гоголѣ. 1852 г. Сообщ. П. Щаповъ (481).	
II. Бар. Ф. П. Врангелъ 1796—1870 гг. биограф. очеркъ К. Н. Шварца	389	VII. Русская археологія: по поводу взд. В. А. Прохорова: «Христіанскія» и «Русскія древности»	491
III. Видѣніе, пророческое стихотвореніе К. Ѡ. Рыдъева. 1823 г.	419	VIII Пѣвецъ былинъ, крестьянинъ Т. Г. Рябининъ. Сообщ. А. Ѡ. Гильфердингъ	497
IV. А. С. Грибоедовъ. Изъ записокъ П. А. Каратыгина	423	IX. Некрологъ: князь П. П. Гагаринъ (+ 21 февраля 1872)	518
V. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ: Письмаго къ кн. Бебутову 1835—1857 гг. Сообщ. А. П. Верже.	431	X. Библиограф. листокъ о новыхъ книгахъ (на обертгѣ).	
VI. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Рассказы и анекдоты, записанные П. Ѡ. Нарбановымъ (457). 2) Гр. М. М. Сперанскій: а) посланіе къ нему Словцова, (469). б) рассказы о немъ и объ Аракчеевѣ, свящ. Ильянскаго. Сообщ. П. И. Саввантовъ. (470). 3) Рѣчь Александра I въ Госуд. Совѣтѣ			

ПРИЛОЖЕНІЕ: Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. томъ третій, ч. XVI, письма 159—162: Бытъ русскаго дворянства 1773 г.

При этой книгѣ приложены: 1) Портретъ пѣвца былинъ Т. Г. Рябинина, гравировалъ Академикъ Л. А. Стряковъ и 2) Снимки съ фресковъ Кіевскаго Собора XII-го вѣка: плясуны и музыканты при сыновьяхъ и внукахъ Владиміра Св., изъ книги В. А. Прохорова.

Вслѣдствіе многочисленныхъ требованій, „Русской Старины“ 1872 г. осталось немного экземпляровъ, печатается второе изданіе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, домъ № 15.
1872.

III-я книга «Русской Старины» вышла 1-го марта.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Списокъ книгъ церковной печати, хран. въ библиотекѣ Св. Пр. Синода. Изд. Архива Св. Синода. СПб. Снн. Тип. 1871. 12°, 69 стр.

Синодальная библиотека состоитъ изъ четырехъ отдѣленій: 1) рукописи; 2) церковная печать до 1800 года; 3) она же, съ 1800 года и до нашихъ дней, постоянно прибывающая; и 4) книги на иностранныхъ языкахъ. Второе отдѣленіе содержитъ въ себя 315 №№, и нынѣ уже описано Н. П. Барсуковымъ. Важность изданнаго «Списка» очевидна и несомнѣнна: изъ числа вошедшихъ въ составъ его, во семьдесятъ книгъ, о которыхъ изслѣдователи нашей старопечати не знали, здѣсь являются впервые. Въ виду столь значительнаго открытія, нельзя не быть благодарнымъ почтенному автору «Списка» и Св. Синоду, давшему средства на изданіе. Послѣ этого «Списка», было бы желательно имѣть въ печати описаніе перваго отдѣленія Синодальной библиотеки, т. е. ея рукописей.

Указатель къ „Православному Обзорнію“ 1860-1870. Составленъ П. А. Ефремовымъ, М. Унив. Тип. 1872. 8°, 2 нсн. VI и 244 стр. Цѣна при выпискѣ журнала 75 к., отдѣльно 1 р. 25 к.

Прекрасно составленный П. А. Ефремовымъ указатель объемлетъ собою одиннадцать лѣтъ изданія «Православнаго Обзорнія», заключающагося, за это время, въ 51 томъ и 15 отдѣльныхъ книгахъ. Накопившаяся масса матеріала, столь удачно размѣщенная почтеннымъ и извѣстнымъ библиографомъ, относится въ слѣдующимъ пяти рубрикамъ: 1) статьи догматическаго, нравственнаго, церковно-историческаго и вообще назидательнаго содержанія; 2) историко-критическое обзорніе системъ невѣрія, другихъ вѣроисповѣданій и нехристіанскихъ религій; 3) критика и библиографія; 4) современные замѣтки, и 5) въ приложеніи — памятники древней христіанской письменности въ русскомъ переводѣ.

Для облегченія при справкахъ, П. А. Ефремовъ составилъ группы по однороднымъ предметамъ, такъ напр., кто имѣетъ надобность знать все, что было напечатано въ «Православномъ Обзорніи» о духовныхъ миссіяхъ, найдеть эти свѣдѣнія подъ словомъ миссія; все, что напечатано о брахмѣ — подъ словомъ брахи, и т. д. Статьи, имѣющія общее и много-объемлющее заглавіе, составитель, кромѣ указанія въ полномъ ихъ составѣ, раздѣляя ихъ еще по содержанию. Всѣ

эти, вмѣстѣ взятые, уклоненія заставили П. А. Ефремова назвать свой трудъ «Указателемъ къ Православному обзорнію», а не указателемъ статей, помѣщенныхъ въ Православномъ Обзорніи. Въ списокѣ личныхъ именъ, приложеннаго къ указателю, внесены не только имена авторовъ и переводчиковъ, въ указателѣ встречающіяся, но всѣ имена, безъ различія; псевдонимы и анонимы раскрыты и показаны.

Общанные программы «Православнаго Обзорнія», говоритъ составитель «Указателя», переводы новозавѣстныхъ апокрифовъ были приоставлены.

Вообще, по всей справедливости, трудъ г. Ефремова можетъ служить образцомъ библиографическихъ трудовъ.

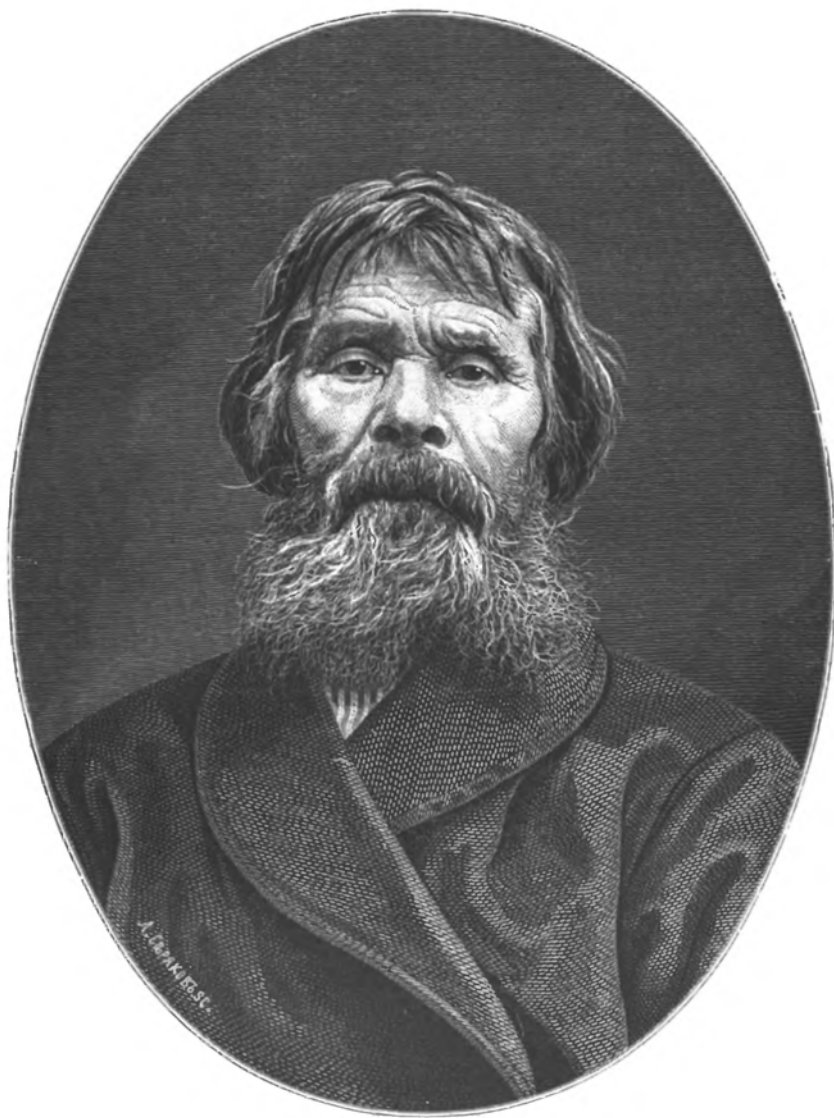
Матеріалы военно-ученаго архива главнаго штаба. Томъ I, подъ ред. А. Ф. Бычкова, СПб. Печ. Головкина. 1871. 4°, IV, 846 столб. и 28 стр.

Военное министерство, издавая въ свѣтъ новый ученый трудъ, еще разъ засвидѣтельствовало о своей искренней готовности служить дѣлу науки вообще, а отечественной исторіи въ особенности. Привѣтомъ намъ весьма пріятно отмѣтить, что нашъ почтенный ученый А. Ф. Бычковъ не отказалъ военному министерству въ своемъ содѣйствіи.

Вышедшій нынѣ первый томъ содержитъ въ себѣ исключительно документы, относящіеся къ царствованію Петра Великаго. Сюда вошли: письма Петра I къ Степану Андреевичу Колычеву, вмѣстѣ съ отвѣтами послѣдняго; военно-походный журналъ Бориса Петровича Шереметева, посланнаго въ Новгородъ и Псковъ, для ихъ охраненія отъ шведскихъ войскъ; дѣло о посылкѣ князя Черкаскаго на Каспійское море и въ Хиву; описаніе походовъ, совершенныхъ въ царствованіе Петра Великаго въ Персію (при этомъ въ оглавленіи сказано «съ картою и планами», но, къ сожалѣнію, ни того ни другого мы въ нашемъ экземплярѣ не нашли); письма Петра I, Екатерины I, Меншикова, Головкина къ гетману Скоропадскому и проч.

Слѣдуетъ замѣтить, что еще въ 1785 году, въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова была напечатана, весьма небрежно и съ большими ошибками, книжка подъ заглавіемъ: „Письма государя императора Петра Великаго къ Степану Андреевичу Колычеву, и отвѣты на оныя“; конечно, нечего и прибавлять что «Письма» эти въ настоящее время libellus stupendae raritatis. Нѣсколько пи-

См. продолж. на слѣд. страницѣ обертки.

Т. Г. РАБИНИНЪ,

КРЕСТЬЯНИНЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБ. ПЬВЕЦЪ БЫЛИНЪ.

РОД. 1793 г.

Доволено ценсурю. С.-Петербургъ, 10 февраля 1872 г.
печать в. и. Головина.

ВОСПОМИНАНІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ,

записки почетнаго хѣйбъ-хирурга Д. К. Тарасова.

1792 — 1866.

ХП *).

Въ началѣ августа 1824 г. при дворѣ разнесся слухъ, что его величество отправится въ путешествіе внутрь имперіи. — 12-го августа объявлено, чтобъ особы свиты его величества готовы были къ выѣзду съ государемъ въ путешествіе.

16-го августа, въ 8 часовъ утра государь выѣхалъ съ барономъ Дибичемъ по бѣлорусскому тракту; — на станціи въ Долговеѣ былъ обѣдъ, а ночлегъ, по обыкновенію, въ Романшинѣ у маркиза де-Траверсе.

Замѣтить слѣдуетъ, что государь, въ своихъ путешествіяхъ по имперіи, почти всегда старался объѣзжать Москву мимо. Гг. придворные объясняли это тѣмъ, что его величество тяготился обременительными представленіями, которыя онъ по необходимости долженъ былъ принимать въ древней столицѣ своей. По этой причинѣ маршрутъ до Рязани былъ назначенъ чрезъ Псковскую, Смоленскую, Тверскую, Калужскую, Московскую и Тульскую губерніи, по дорогамъ самымъ уединеннымъ. А посему изъ Романшины путешествіе направлено было чрезъ гор. Холмъ на Торопецъ, въ коемъ 18-го августа былъ ночлегъ.

19-го августа ночлегъ былъ въ гор. Бѣломъ, Смоленской губерніи, куда, по выѣздѣ изъ Торопца, мы ѣхали по мѣстамъ лѣсистымъ и болотистымъ, по коимъ была сдѣлана, какъ казалось, вновь дорога для проѣзда императора. Государь осматривалъ подѣ

*) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. IV, стр.: 223—261; 597—645.

Боровскомъ, гдѣ въ 1812 году, во время отечественной войны, было сраженіе съ войсками Наполеона, мѣстоположеніе и оставшіеся слѣды, гдѣ устроены были батареи. Изъ Боровска путь государю лежалъ чрезъ Каширу, Зарайскъ, Рязань (23—25 августа 1824 г.), Тамбовъ (27—28 августа) въ Пензу (30 августа).

Въ Пензѣ государь пробылъ четыре дня; осматривалъ всѣ заведенія города, дѣлалъ смотръ войскамъ по частямъ и большіе маневры всему корпусу. Дивизія генерала Сипягина отличилась отъ прочихъ во всѣхъ частяхъ, такъ что государь особенно ею былъ доволенъ и предъ всѣми благодарилъ командующаго ею.

На другой день прибытія императора въ Пензу, случилось забавное происшествіе. Назначено было, какъ обыкновенно, представленіе его величеству всѣхъ мѣстныхъ властей. Епархіальный архіерей, долженствовавшій по порядку представиться прежде всѣхъ, собравъ все духовенство города въ соборъ, приказалъ звонить во всѣ колокола, и облачившись въ полное архіерейское облаченіе, отправился изъ соборной церкви съ великолѣпною церковною церемоніею и съ хоругвями прямо къ императорской квартирѣ, чтобъ представиться его величеству самому и представить въ облаченіи свою паству. Усмотрѣвъ изъ окна эту церемонію, шествующую по площади, его величество тотчасъ позвалъ къ себѣ барона Дибича и приказалъ узнать, для чего такая церемонія? Баронъ чрезъ посланнаго фельдъегеря узналъ, что архіерей съ духовенствомъ желаетъ съ такою церемоніею представиться императору, и на томъ именно основаніи, что всѣ какъ военные, такъ и гражданскіе чиновники обязаны представиться великому своему монарху въ полныхъ парадныхъ мундирахъ. Баронъ Дибичъ тотчасъ доложилъ о томъ государю и его величеству, замѣтивъ всю несообразность поступка архіерея, повелѣлъ объявить ему, чтобъ онъ возвратился съ этою церемоніею въ соборъ. Для выполненія такого повелѣнія былъ посланъ барономъ Дибичемъ генералъ Соломка, который, замѣтивъ непреклонность архіерея, употребилъ при этомъ хитрость: не обличая нелѣпость поступка архіерея, онъ объявилъ ему, что государю неблагоугодно принять его въ облаченіи у себя, а что его величество желаетъ принять его представленіе въ соборѣ, для чего вскорѣ пожалуетъ самъ въ соборную церковь. Итакъ, эта процессія, приведшая весь городъ въ движеніе, отъ дома губернатора

возвратилась въ соборъ. Спустя нѣкоторое время, баронъ Дибичъ послалъ въ соборъ поручика Годефруа объявить архіерею, что его величество не можетъ быть въ этотъ день въ соборѣ, а изволить назначить самъ другое для сего время, и чтобы архіерей ожидалъ на то повелѣніе.

Государь, узнавъ подробно о жизни этого архіерея, въ послѣдствіи повелѣлъ св. синоду назначить его на покой, а на его мѣсто назначить другого епископа.

Изъ Пензы императоръ выѣхалъ 4-го сентября въ Симбирскую губернію и имѣлъ ночлегъ въ гор. Курсунѣ; а 5-го сентября часу въ 7-мъ пополудни прибылъ въ Симбирскъ.

Замѣчательно, что государь, при осмотрѣ тюремныхъ замковъ, всегда останавливалъ вниманіе на важныхъ преступникахъ, и вникалъ въ ихъ фізіономію. Въ симбирскомъ замкѣ содержались отдѣльно и порознь двое разбойниковъ и убійць — дядя и племянникъ. Первый былъ атаманомъ шайки и имѣлъ видъ отъявленнаго и завоснѣлаго злодѣя, и на вопросы императора отвѣчалъ отрывисто и безъ всякаго сознанія своего злодѣйства, а послѣдній — парень лѣтъ 22-хъ, благовидной наружности, при видѣ государя, залился слезами и сознался, что его вовлекъ въ злодѣйство дядя и погубилъ его. Тутъ же прокуроръ указалъ его величеству преступника, недавно наказаннаго кнутомъ за убійство своей жены. Онъ былъ въ тюремномъ лазаретѣ. Государь повелѣлъ мнѣ осмотрѣть его въ присутствіи его величества. Когда я подвѣялъ повязку со спины преступника, которая вся была лишена покрововъ и представляла сплошную обширную язву, его величество, при видѣ такихъ ужасныхъ слѣдовъ наказанія, сказалъ: «видно, что мастеръ его не пощадилъ». Фізіономія этого несчастнаго не представляла ничего замѣчательнаго.

Между приношеніями жителей Симбирска императору замѣчательны были особенно два живыхъ осетра и нѣсколько стерлядей необыкновенной величины. Они помѣщены были въ огромныхъ ваннахъ, наполненныхъ водою. Государь долго разсматривалъ этихъ обитателей богатой Волги, и былъ очень доволенъ такимъ подаркамъ.

7-го сентября императоръ выѣхалъ изъ Симбирска, измѣнилъ нѣсколько направленіе своего путешествія, и вмѣсто того, чтобы

ѣхать прямо въ Самару, переправился черезъ Волгу близъ гор. Ставрополя, въ коемъ имѣлъ ночлеги.

Главная цѣль пребыванія императора въ гор. Ставрополѣ состояла въ томъ, чтобъ осмотрѣть калмыцкое войско, которое составляли осѣдлые и кочующіе въ окрестностяхъ Ставрополя калмыки.

Императору представлялись начальники войсковые и онъ смотрѣлъ и самое войско, собранное подлѣ города и состоящее изъ нѣсколькихъ сотенъ вооруженныхъ калмыковъ. Изъ начальниковъ были штабъ-офицеры, украшенные орденами и участвовавшіе въ кампаніи достопамятнаго 1812 года.

Чтобъ видѣть очаровательную картину нагорной стороны Волги, императору угодно было изъ Ставрополя въ Самару путешествовать Волгою на катерѣ, и это путешествіе по истинѣ было восхитительно. Погода была самая благоприятная,—и 90 верстъ, по теченію Волги, мы проплыли до Самары только 8 часовъ по выѣздѣ изъ Ставрополя. Экипажамъ же свиты повелѣно было отправиться въ Самару нагорною стороною.

Въ Самарѣ государь ночевалъ 8-го сентября, а 9-го выѣхалъ въ Оренбургскую губернію и ночевалъ въ Бузулукѣ. Отсюда путешествіе продолжалось до самаго Оренбурга пограничною линіею по необозримой степи, на коей въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены такъ-называемыя крѣпости, для содержанія небольшого гарнизона.—По неимѣнію населенія, 10-го сентября императоръ ночевалъ среди степи въ калмыцкой кибиткѣ, а равно и для всей свиты были приготовлены кибитки; обѣдали на открытой степи.

11-го сентября государь прибылъ въ Оренбургъ и былъ встрѣченъ военнымъ губернаторомъ генераломъ Эссеномъ.

Императоръ дѣлалъ смотръ войскамъ оренбургскаго корпуса. Цѣхотою остался вполнѣ доволенъ, и значительное число рядовыхъ назначилъ въ гвардію, по ихъ росту и благовидности. Но смотръ иррегулярныхъ войскъ былъ чрезвычайно любопытенъ. Этими войсками командовалъ полковникъ Тимашевъ, въ домѣ коего мы съ баронетомъ Вилліе квартировали. Все это войско было собрано въ степи близъ Оренбурга и расположено отрядами на обширномъ пространствѣ въ нѣкоторомъ порядкѣ. Государь съ Эссеномъ и полковникомъ Тимашевымъ объѣхалъ сначала всѣ эти разнообразныя отряды степныхъ войскъ, потомъ, остано-

вась на возвышенномъ мѣстѣ, приказалъ Тимашеву командовать, чтобъ они прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо его величества.

Едва полковникъ Тимашевъ успѣлъ произнести командованіе, какъ всѣ группы этихъ разнородныхъ войскъ, на степныхъ коняхъ своихъ, пустились во весь карьеръ, безъ всякаго порядка, въ разныя стороны, съ дикими и пронзительными криками, — такъ что сначала казалось это его величеству забавнымъ, а потомъ эти крики усилились до того, что Тимашевъ никакъ не могъ ихъ остановить, и государь, подзвавъ Тимашева, приказалъ остановить эти неистовыя эволюціи, и замѣтилъ притомъ, что если они не слушаютъ команды, то такія быстрыя и безпорядочныя движенія легко могутъ произвести опасныя послѣдствія. Полковникъ Тимашевъ увѣрилъ его величество, что ихъ остановить никакъ нельзя и что они сами скоро успокоются. Такія неистовыя ихъ движенія, по увѣренію Тимашева, означаютъ свойственный имъ восторгъ, при видѣ особы его императорскаго величества.

Свѣдѣніе о свойствахъ кумыса сдѣлалось извѣстнымъ императору, и государь поручилъ генералу Эссену къ будущей веснѣ отправить изъ Оренбурга двухъ опытныхъ башкирцевъ съ нѣсколькими кобылицами (дойными), въ Царское-Село на ферму съ тою цѣлью, чтобъ они приготовляли тамъ кумысъ для ея величества императрицы Елизаветы Алексѣевны, коей здоровье примѣтно начинало ослабѣвать. Но приготовляемый въ Царскомъ-Селѣ кумысъ не оказывалъ такого дѣйствія, какъ въ степяхъ оренбургскихъ, и императрица не имѣла отъ него пользы.

Близъ Оренбурга, въ степи, на берегу Урала въ небольшомъ домѣ, похожемъ на скромную ферму, жилъ съ семействомъ великобританскій миссіонеръ, родомъ изъ Шотландіи. Цѣль его водворенія въ томъ краю состояла въ обращеніи дикихъ тамошнихъ народовъ въ христіанство. У миссіонера была дочь, которая влюбилась въ одного изъ госпитальныхъ фельдшеровъ и вышла за него замужъ, съ согласія ея отца. Я видѣлъ эту чету и отъ всего сердца порадовался ихъ взаимному счастью; оба они пріятной наружности и фельдшеръ имѣлъ нѣкоторую степень образованія и въ обращеніи былъ очень приличенъ и умѣнъ. Жена его явилась къ баронету Вилліе, какъ къ земляку, и просила у него позволенія представить ему своего мужа.

Являсь съ мужемъ и бывъ обласкана баронетомъ Вилліе, она представила ему просьбу о производствѣ ея мужа въ офицерскій чинъ, по тому единственно уваженію, что она дочь почтеннаго миссіонера и для нея крайне непріятно и неприлично быть женою простаго фельдшера, и что офицерскій чинъ мужа довершитъ ея счастье. Баронетъ Вилліе довелъ о семъ до высочайшаго свѣдѣнія, — и его величество въ то же время повелѣлъ произвести этого фельдшера въ 14-й классъ. Молодая шотландка чрезвычайно была обрадована такою милостію императора.

Въ 70 верстахъ отъ Оренбурга въ Киргизской степи находится Илецкая-Защита, — мѣсто замѣчательное по добыванію тамъ въ большомъ количествѣ поваренной соли въ кристаллахъ, для добыванія коей въ прежнія времена ссылались въ это мѣсто преступники по судебному приговору. Нынѣ это отмѣнено и добываніемъ соли занимаются тамошніе поселяне, которые суть потомки прежнихъ ссыльныхъ и составляютъ уже довольно значительное населеніе. Императоръ посѣтилъ это мѣсто; во время приѣзда туда его величества, почти по всему протяженію пути стояли непрерывно киргизы, ихъ начальники и князьки съ ихъ женами и дѣтьми. Всѣхъ ихъ привлекло изъ степи къ дорогѣ любопытство видѣть великаго въ мірѣ императора. Съ нѣкоторыми изъ князьковъ и значительныхъ киргизовъ государь разговаривалъ черезъ переводчика и жаловалъ имъ драгоцѣнные подарки, по ходатайству генерала Эссена.

По осмотрѣ Илецкой-Защиты, государь отозвался: «Мѣсто богатое, — жаль что оно не на берегу Волги».

15 сентября, въ 8 часу утра государь выѣхалъ въ Уфу; на переѣздѣ между Оренбургомъ и Уфою императоръ обѣдалъ въ башкирскомъ аулѣ, въ коемъ онъ былъ встрѣченъ начальствомъ аула. Главный начальникъ предложилъ его величеству свое національное кушанье, называемое у нихъ бишбарманъ, приготовленное изъ мяса жеребенка съ жиромъ, лукомъ и чеснокомъ. Государь не отказался, — отвѣдавъ самъ, рекомендовалъ и свитскимъ попробовать тутъ же въ его присутствіи и нашелъ самое мясо жеребенка довольно изряднымъ; но приправа дѣлала это кушанье едва сноснымъ. Въ Уфу прибылъ 16-го сентября вечеромъ и остановился въ домѣ, занимаемомъ губернаторомъ Нелидовымъ. 17-го сентября осматривалъ всѣ богоугодныя заве-

денія и присутствовалъ при разводѣ отъ тамошняго гарнизоннаго баталіона, которымъ остался вполне доволенъ и назначилъ нѣсколькихъ рядовыхъ въ гвардейскій корпусъ, по ихъ высокому росту и благовидности.

Вечеромъ государь былъ на балу, который данъ былъ отъ города. На этомъ балу случилось замѣчательное событіе: жена акушера врачебной управы, въ домѣ коего я квартировалъ и познакомился съ этою дамою, когда началась музыка, приняла смѣлость подойти къ императору и ангажировать его пройти съ нею польскою. Его величество принялъ ея предложеніе и прошелъ нѣсколько съ нею въ польскомъ. Послѣ, подозвавъ губернатора, спросилъ, кто это такая дама?

На другой день, 18-го сентября, по выѣздѣ императора изъ Уфы, его величество позволилъ губернатору его сопровождать до станціи, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ, къ коему приглашенъ былъ и губернаторъ. За обѣдомъ императоръ, благодаря его за гостепріимство, замѣтилъ ему, что уфимскія дамы, къ сожалѣнію, не знаютъ правилъ приличія и даже вѣжливости, и что *Madame l'Assoucheuse* (выраженіе императора) явно показала это своимъ поступкомъ на балу. Государь приказалъ губернатору—замѣтить ей это, и чтобъ она впередъ была вѣжливѣе въ обществѣ, гдѣ обыкновенно кавалеры ангажируютъ дамъ на танцы.

Послѣ Уфы путешествіе продолжалось по тракту, лежащему при подножіи отроговъ Уральскихъ горъ. Между отрогами Урала есть много частныхъ горныхъ заводовъ—желѣзныхъ и мѣдныхъ; всѣ лежащіе на трактѣ государь осматривалъ и ему были представлены замѣчательныя издѣлія заводовъ.

Продолжая столь трудное путешествіе по Уралу, 21-го сентября государь прибылъ на ночлегъ въ Златоустовскій заводъ, весьма замѣчательный выдѣлываніемъ холоднаго оружія, для коего онъ первоначально и устроенъ. Впослѣдствіи же открыты близъ онаго богатѣйшія золотыя росыши, на коихъ найдены самыя большіе куски самороднаго золота, изъ коихъ одинъ, во 117 фунтовъ, и составляетъ нынѣ всемірную рѣдкость, хранящуюся въ музеумѣ горнаго с.-петербургскаго корпуса.

Во весь день прибытія въ Златоустовскій заводъ, мы могли сдѣлать только 43 версты, и то съ величайшими затрудненіями и опасностію. На спускахъ съ горъ и при вѣздахъ на вершины

ихъ собраны были сотни рабочихъ для сопровожденія нашихъ экипажей. Нельзя было безъ страха видѣть обрывовъ и пропастей между горами, чрезъ которые мы должны были переправляться. При всемъ томъ, переѣздъ этотъ совершенно такъ счастливо, что не случилось никакого неприятнаго приключенія.

На Златоустовскомъ заводѣ императору приготовлено было помѣщеніе въ домѣ горнаго начальника Татарина. При домѣ поставленъ былъ для его величества почетный караулъ отъ отряда уральскихъ казаковъ, состоящаго при заводѣ,—и въ передней государя поставленъ былъ великанъ изъ казаковъ Лучкинъ, который, по повелѣнію его величества, былъ взятъ въ Петербургъ и впоследствии служилъ въ Преображенскомъ полку тамбурмажоромъ. Онъ имѣлъ три аршина и пять вершковъ вышины и притомъ тѣлосложеніе его было совершенно пропорціонально во всѣхъ частяхъ. Этотъ Лучкинъ (впоследствии) по временамъ являлся ко мнѣ, жаловался на свое здоровье, свучалъ по родинѣ и по матери, которая осталась на Уралѣ съ его братьями. Впоследствии я узналъ, что онъ умеръ въ молодыхъ еще лѣтахъ.

Въ мастерскихъ завода государь очень внимательно разсматривалъ производство работъ, обращалъ вниманіе на удобства и здоровье рабочихъ. Главные мастера были колонисты-нѣмцы; къ нимъ императоръ былъ особенно внимателенъ. Чтобы узнать ихъ домашній бытъ, его величество посѣтилъ нѣсколько ихъ домовъ и кушалъ ихъ пищу, коею остался совершенно доволенъ. Жены ихъ нѣмки очень опрятно одѣты и вѣжливы. Хозяевамъ домовъ, въ коихъ государь былъ, пожаловано по 500 р. ассигн.

Златоустовскій заводъ замѣчателенъ особенно потому, что послѣ французской кампаніи, въ 1816 году, по повелѣнію его величества, изъ Германіи (Тюрингервальдъ) выписаны были до 30-ти семействъ лучшихъ мастеровъ для дѣланія въ Россіи холоднаго оружія и поселены въ лучшемъ мѣстѣ на Уралѣ, въ видѣ колоніи, на счетъ казны. Имъ даны для обученія русскіе заводскіе казенные люди; такимъ образомъ выдѣлка этого рода оружія въ Россіи доведена до возможнаго совершенства.

Кромѣ водворенія этихъ колонистовъ на счетъ казны, имъ предоставлены нѣкоторыя выгоды и льготы. Они поднесли государю лучшіе образцы своихъ издѣлій, коими его величество остался чрезвычайно доволенъ, и повелѣлъ первымъ мастерамъ

выдать денежные награды. Одинъ изъ мастеровъ, 60-ти-лѣтній старикъ испросилъ позволеніе отдѣлать для императора шпагу, которую онъ принялъ благосклонно, ибо шпага была превосходной отдѣлки,—и пожаловалъ мастеру 500 р. асс.

23-го сентября, по выѣздѣ изъ Златоустовскаго завода, его величество посѣтилъ золотые пріиски близъ Златоуста, осмотрѣлъ производство работъ и видѣлъ самый способъ добыванія золота. Поводомъ къ этому были хранящіеся въ музеумѣ Златоустовскаго завода золотые самородки, которые были представлены его величеству и которые возбуждали въ немъ любопытство. По прибытіи на самый пріискъ, на коемъ было до 500 рабочихъ, государь, въ сопровожденіи начальника Татарина, осмотрѣлъ производство работъ, потомъ подойдя къ тому мѣсту, гдѣ вынимается золотоносный песокъ, спросилъ желѣзную лопатку; потомъ оборотясь къ намъ, свитскимъ, сказалъ: «господа!—милости просимъ, испытать этотъ трудъ;—и кто что найдетъ, то будетъ принадлежать ему». Подали и намъ также лопатки; государь началъ копать грунтъ и мы также приступили къ работѣ, которую продолжали около получаса. Вдругъ одинъ изъ рабочихъ, близъ государя стоявшій, закричалъ: «Самородка!!» Поднявъ ее изъ песка, подалъ государю. Его величество, взявъ въ руки отъ рабочаго грубый кусокъ, оброщій разными горными породами, и испытавъ на рукѣ тяжесть онаго, сказалъ: «дѣйствительно—что-то тяжело;—неужели я одинъ такъ счастливъ?» Потомъ отдавая кусокъ Татарину, приказалъ ему удостовѣриться, точно ли это золото? По ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что это «самородка золота», въ коей, по отдѣленіи всѣхъ постороннихъ горныхъ породъ, оказалось чистаго золота 8 ф. 17 золотниковъ. Послѣ эту «самородку золота» химически очистили, она получила блестящій видъ и постоянно находилась въ кабинетѣ у императора въ зимнемъ дворцѣ. Онъ всегда клалъ ее на бумаги на рабочемъ своемъ столѣ, вмѣсто прессъ-папье.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что весь Уральскій край чрезвычайно интересовалъ императора,—и онъ особенно полюбилъ жителей этого края, въ коихъ замѣтна особенная оригинальность. Преданность къ монарху и благоговѣнный восторгъ при видѣ его величества выражался у нихъ необыкновеннымъ образомъ. Жители окрестныхъ селеній и прибывшіе за нѣсколько

соть версть, со слезами радости и умиленія встрѣчали и сопровождали государя. Чувство восторга и благоговѣнія до того было сильно въ тамошнемъ народѣ, что они, слѣдуя за императоромъ, падали на землю и цаловали тѣ мѣста, гдѣ онъ проходилъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, предъ селеніями на значительное пространство разстилали холсты, приготовляя тѣмъ путь для его шествія.

Нужно замѣтить, что императоръ, послѣ тяжелой своей болѣзни, 1824 года въ январѣ ему приключившейся, во всѣхъ потомъ путешествіяхъ, передъ обѣдомъ, версть за 5 или 6 до станціи, всегда сходилъ съ коляски, и шелъ до станціи пѣшкомъ съ барономъ Дибичемъ, приказавъ коляскѣ ѣхать впередъ. Такая прогулка была полезна особенно для его ногъ, которые отъ продолжительнаго сидѣнія въ экипажѣ иногда нѣсколько опухали.

На Златоустовскомъ принскѣ государь всѣмъ рабочимъ пожаловалъ по 2 р. на челобѣка и производствомъ работъ остался очень доволенъ.

24-го сентября ночлеги предназначался по маршруту въ Сысерскомъ горномъ заводѣ, бывшемъ тогда во владѣніи Колтовской. Но императоръ узнавъ, что владѣлица этихъ заводовъ, для приѣма его величества и всей свиты, сдѣлала какія-то чрезвычайныя и чрезъ-мѣру затѣйливыя приготовленія, приказала приготовить ему ночлеги на станціи — въ селеніи Тюбупкомъ, о чемъ Колтовская была увѣдомлена отъ барона Дибича чрезъ фельдъегера. Причиною такой отмѣны было несовсѣмъ выгодное мнѣніе государя о владѣлицѣ Сысерскаго завода.

Колтовская—женщина богатая, образованная посвѣтски, съ крайне эксцентрическими наклонностями и стремленіями, мать двухъ сыновей Соломирскихъ, какъ было извѣстно, отъ Татищева, бывшаго впоследствии нашимъ посломъ въ Вѣнѣ. Въ настоящемъ случаѣ, г-жа Колтовская, желая удивить всѣхъ своимъ великолѣпнымъ приѣмомъ императора, употребила всю свою изысканность, чтобъ приготовить всевозможный комфортъ для императора, и даже для каждаго члена свиты его въ отдѣльности. И все это напрасно!...

На другой день г-жа Колтовская приготовила—было великолѣпную встрѣчу императору при въѣздѣ въ Сысерскій заводъ.

При многочисленномъ стеченіи народа, она, въ изысканномъ нарядѣ, при великолѣпныхъ, нарочито устроенныхъ триумфальныхъ воротахъ, сѣла на возвышенной эстрадѣ въ богатыхъ креслахъ, ожидала прибытія его величества. Это было часовъ въ 10 утра. Въ домѣ ея былъ приготовленъ роскошный завтракъ, а изъ дому до церкви была устроена особенная галерея для шествія государя.

Императоръ, не остановясь нисколько у триумфальныхъ воротъ, прямо подъѣхалъ въ церкви, гдѣ приложась ко святому кресту и принявъ благословеніе отъ священника, продолжалъ свое путешествіе. Такимъ образомъ всѣ приготовления въ Сысерскомъ заводѣ остались безъ всякаго употребленія, и его величество не обратилъ на нихъ вниманія.

Нѣкоторые изъ свиты, въ числѣ коихъ и я, воспользовались роскошнымъ завтракомъ. Порядочно удовлетворивши свой аппетитъ, выпили шампанскаго за здоровье хозяйки, которая была очень не въ духѣ, — и отправились вслѣдъ за императоромъ.

25-го сентября государь прибылъ въ Екатеринбургъ часовъ въ 7 пополудни, и остановился въ приготовленномъ для него великолѣпномъ домѣ купца Расторгуева, впоследствии Харитонова.

26-го сентября государю представлялись: главный начальникъ горныхъ заводовъ, со всѣми чиновниками горнаго вѣдомства; городское начальство и почетное купечество, и также начальники и управляющіе частными горными заводами. Послѣ представленій, государь осматривалъ всѣ заведенія въ городѣ, и былъ всѣмъ вообще совершенно доволенъ; въ особенности онъ обратилъ вниманіе на издѣлія гранильной фабрики. Тутъ директоромъ фабрики поднесены были императору: букетъ цвѣтовъ, отработанный съ изумительнымъ искусствомъ изъ разноцвѣтной яшмы, малахитовая шкатулка, нѣсколько вещей дорогихъ изъ халцедона, аметиста и золотистаго дендрита. Въ то же время директоръ фабрики Коквинъ представилъ государю огромный кусокъ превосходной яшмы и испросилъ соизволеніе по представленному чертежу, выточить изъ онаго большую вазу, въ ознаменованіе высочайшаго посѣщенія гранильной фабрики *).

*) Великолѣпная эта ваза была окончена отдѣлкою, спустя нѣсколько годовъ послѣ пребыванія Александра I-го въ Екатеринбургѣ, доставлена въ

Всѣмъ особамъ свиты его величества директоромъ фабрики подарены были равныя дорогія издѣлія, — въ томъ числѣ и я получилъ прекрасный изъ малахита прессъ-папье въ видѣ книжки.

Баронетъ Вилліе и я помѣщались въ домѣ замѣчательнаго въ Екатеринбургѣ бывшаго заводскаго правителя Григорья Зотова, который болѣе 20-ти лѣтъ управлялъ Верхъ-Исетскими заводами корнета гвардіи Алексѣя Яковлева, и изъ разстроеннаго ихъ положенія довелъ до самаго блистательнаго, какъ по устройству и усовершенствованію всѣхъ частей завода, такъ особенно по выдѣлкѣ отличнаго и извѣстнаго во всей Европѣ Яковлевскаго листового кровельнаго желѣза. При управленіи Зотовымъ, эти заводы приносили Яковлеву чистаго дохода въ годъ до 3-хъ милліоновъ рублей ассигнаціями. Этотъ же Зотовъ открылъ на Уралѣ золото и первый устроилъ механизмъ вымыванія онаго изъ песковъ.

Наружность и осанка Григорья Зотова, при первомъ взглядѣ, обличали въ немъ свѣтлый натуральный умъ, сильный характеръ и гениальную способность въ горномъ производствѣ. Орлиные глаза его показывали необыкновенную проницательность; разговоръ его о дѣлахъ серьезныхъ всегда состоялъ изъ афоризмовъ. Высокій ростъ, атлетическое сложеніе, окладистая короткая борода, бурчавые съ просѣдью на головѣ волосы и особенное приличіе въ обращеніи, — неволью возбуждали къ нему особенное вниманіе и уваженіе. Я съ особеннымъ удовольствіемъ наслаждался его умною бесѣдою, и онъ полюбилъ меня, такъ что все свое свободное время проводилъ со мною. Нельзя не замѣтить въ немъ собственнаго сознанія приобрѣтенной имъ опытности, отличныхъ способностей и особеннаго таланта узнавать людей и направлять всякаго къ сродному ему дѣлу.

26-го же сентября, послѣ обѣда, императоръ осматривалъ находящійся подлѣ самаго Екатеринбурга Верхъ-Исетскій корнета Яковлева заводъ, который красотію своего устройства, мѣстоположенія и великолѣпными строеніями, какъ бы составлялъ лучшій кварталъ Екатеринбурга, съ которымъ онъ соеди-

С.-Петербургъ уже въ царствованіе Николая I-го, и поставлена въ эрмитажъ зимняго дворца. Огромность размѣровъ этой вазы, едва-ли не единственной въ свѣтѣ, изумительна.

Д. Т.

нялся прекрасно устроеннымъ бульваромъ. Государь осматрѣлъ всѣ подробности этого превосходнаго завода; гранитная, отлично устроенная плотина на рѣкѣ Исети, обширныя каменные мастерскія, превосходныя машины для производства многоразличныхъ чугунныхъ и желѣзныхъ издѣлій, и въ особенности для выдѣлки кровельнаго листового желѣза, великолѣпный корпусъ для заводскаго училища, великолѣпный заводскій госпиталь изящной архитектуры, снабженный всѣми принадлежностями, даже съ роскошью, на 150 больныхъ, — превзошли всякое ожиданіе его величества и произвели справедливое удивленіе, потому болѣе, что всѣ осматрѣнные имъ на Уралѣ казенныя заводы, по управленію и устройству, были несравненно ниже Верхъ-Исетскаго завода. Въ то время этимъ заводомъ управлялъ воспитанникъ и ученикъ Григорья Зотова, — Китаевъ ибо Зотовъ, послѣ 20-ти-лѣтняго управленія заводами, получилъ увольненіе отъ своего господина Яковлева и жилъ въ Екатеринбургѣ свободнымъ гражданиномъ.

Осмотрѣвъ заводъ во всей подробности, государь спросилъ: «Кто довелъ Верхъ-Исетскій заводъ до такого примѣрнаго состоянія?»

Полиціймейстеръ екатеринбургскій донесъ его величеству, что настоящимъ устройствомъ и порядкомъ заводъ обязанъ заводскому мастеру Григорью Зотову, управлявшему имъ болѣе 20-ти лѣтъ.

— «Гдѣ же этотъ Зотовъ?» спросилъ государь.

— «Здѣсь въ Екатеринбургѣ», отвѣчалъ полиціймейстеръ.

По осмотру заводскаго госпиталя, который дѣйствительно былъ въ превосходномъ положеніи, его величество отовзвася: «все здѣсь отлично устроено, и мнѣ остается сожалѣть, что я не могу содержать такъ больныхъ моихъ солдатъ».

При осмотру завода, императоръ, замѣтивъ въ многочисленной толпѣ народа сановитаго кушца, украшеннаго двумя золотыми медалями, подозвалъ его къ себѣ и спросилъ — это онъ таковъ?

— «Градской голова гор. Тобольска, отвѣчалъ купецъ весьма почтительно: — приѣхалъ сюда за 500 верстъ, чтобъ наглядѣться на ваше императорское величество».

Государю былъ пріятенъ таковой отвѣтъ. Государь, подозревая

его къ себѣ, спрашивалъ о гор. Тобольскѣ, жителяхъ и вообще о странѣ западной Сибири. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ основательно, и замѣтивъ, что его отвѣты удовлетворяли ожиданію императора, онъ очень прилично спросилъ самого государя: «Не угодно-ли вашему величеству оцѣслить нашъ Тобольскъ своимъ посѣщеніемъ?» Государь благоволиительно отозвался:

«Радъ и готовъ бы къ вамъ побывать; но въ Петербургъ пріѣхала изъ за-границы сестра моя Марья Павловна и императрица просятъ меня послѣшить возвращеніемъ къ нимъ; — итакъ, это оставимъ до будущаго времени».

Государь при осмотрѣ Верхъ-Исетскаго завода, узнавъ, что онъ устроенъ и доведенъ до такой степени совершенства заводскимъ бывшимъ мастеромъ Григорьемъ Зотовымъ, проживающимъ въ Екатеринбургѣ, повелѣлъ барону Дибичу представить ему этого Зотова.

На другой день, 27-го сентября, въ 7 часовъ пополудни баронъ Дибичъ приказалъ Зотову явиться къ себѣ и въ то же время представилъ его императору. Его величество его принялъ у себя въ кабинетѣ. Зотовъ пробылъ у государя полтора часа. Самъ Зотовъ объ этомъ счастлиvomъ для него событіи рассказывалъ мнѣ въ тотъ же вечеръ слѣдующимъ образомъ:

«Сегодня Богъ благословилъ меня величайшимъ счастіемъ въ жизни моей. Великій нашъ государь изволилъ меня недостойнаго принятіемъ у себя въ кабинетѣ, куда привелъ меня генералъ Дибичъ. Оставивъ меня въ кабинетѣ, императоръ приказалъ генералу Дибичу идти къ себѣ. Когда камердинеръ отворилъ дверь кабинета для моего входа, я увидѣлъ императора стоящимъ среди кабинета; — я почтительно поклонился великому монарху и хотѣлъ поцѣловать его августѣйшую руку; — но государь, остановивъ меня, сказалъ: «здравствуй Зотовъ!»

— «Здравствовать желаю вашему величеству на многія лѣта», я осмѣлился сказать на это. Императоръ спросилъ, кто я и откуда родомъ?

— «Родился и выросъ здѣсь на заводѣ, отвѣчалъ я, былъ сначала вричнымъ мастеромъ *), старался практически изу-

*) Кричное мастерство есть самое трудное на горныхъ заводахъ; кричный работникъ исключительно занимается у самага горна кованіемъ желѣза въ

чать горное дѣло во всей его обширности, въ чемъ приобрѣлъ довольно опытности, а наконецъ я столь былъ счастливъ, что сумѣлъ много сдѣлать новыхъ усовершенствованій и полезныхъ открытій. Черезъ это я приобрѣлъ довѣренность заводскихъ людей и самого владѣльца, который и поручилъ мнѣ главное управленіе всѣми его заводами. Въ продолженіи 20-ти лѣтъ я исполнялъ эту обязанность по моему крайнему разумѣнію, и довелъ заводы до такого положенія, въ коемъ ваше величество изволили ихъ видѣть. Они теперь владѣльцу приносятъ 3 милліона рублей чистаго дохода въ годъ». Выслушавъ все это, императоръ подошелъ ко мнѣ ближе, положивъ свою лѣвую руку на мое правое плечо и обративъ свой пронизательно-милостивый взоръ на меня, началъ меня спрашивать:

— Любезный Зотовъ, скажи мнѣ истинную причину, почему мои заводы здѣсь всѣ вообще гораздо хуже частныхъ заводовъ, и въ особенности Верхъ-Исетскаго?

Отвѣтъ: На казенныхъ заводахъ много начальниковъ и заводскіе люди въ большой нуждѣ; ибо задѣльная плата весьма недостаточна. А у насъ на заводѣ начальникъ одинъ, хорошо знаетъ каждаго рабочаго, знаетъ его нужды и способности, и задѣльная плата вдвое больше, чѣмъ на заводахъ казенныхъ.

Вопросъ: Можно-ли казенные заводы поставить въ лучшее положеніе и что для сего нужно?

Отвѣтъ: Очень можно и нетрудно; для сего нужно высочайшая воля вашего величества, и для каждаго завода опытный и добросовѣстный начальникъ.

Вопросъ: Получая столько вѣковъ сокровища изъ вашего Урала, естественно мы уже много истожили его запасы?

Отвѣтъ: Будьте спокойны, государь, насчетъ богатствъ нашего Урала;—доселѣ мы только слегка поцарапали хребетъ его,—а хранящіяся въ нѣдрахъ его сокровища не истощатся въ продолженіи многихъ вѣковъ, и до многихъ изъ нихъ еще не скоро достигнуть руки и силы человѣческія.

Вопросъ: Чѣмъ ты теперь занимаешься?

Отвѣтъ: Нѣкоторыми собственными дѣлами; но въ особенности возстановленіемъ упавшихъ заводовъ Расторгуева, достав-

большихъ массахъ; а потому для этого назначаются мастеровые самые сильныя и смысленныя.

Д. Т.

шихся въ наслѣдство двумъ его дочерямъ, на одной,—меньшой, женатъ мой сынъ.

Вопросъ: Давно-ли здѣсь открыто въ розсыпяхъ самородное золото, и кто его открылъ?

Отвѣтъ: Въ разныхъ разрушенныхъ горныхъ породахъ, съ годъ навадъ, стали замѣчать слабыя признаки золота. Это возбудило мое любопытство, и я началъ производить изслѣдованіе и розыски, и наконецъ чрезъ простое промываніе удалось мнѣ получить нѣсколько золотниковъ чистаго золота въ видѣ крупинокъ. За мною приступили и другіе къ развѣдыванію породъ и отыскиванію золота, а нынѣ уже на многихъ заводахъ—казенныхъ и частныхъ, получаютъ его въ постепенно увеличивающемся количествѣ. По моему замѣчанію, самое богатое здѣсь золотомъ, близъ Златоустовскихъ заводовъ то мѣсто, гдѣ ваше величество изволили найти самородку, которая украшаетъ императорскій кабинетъ вашъ. Нынѣ мнѣ удалось устроить особый механизмъ, коимъ золотосодержащія горныя породы или пески промываются скоро, удобно и съ большимъ облегченіемъ для рабочихъ. Я предвижу, что добываніе этимъ способомъ золота у насъ на Уралѣ, въ скоромъ времени, распространится въ обширныхъ размѣрахъ. Онъ легокъ, и при хорошемъ содержаніи золота въ породахъ, очень выгоденъ. Вашему величеству извѣстно, что въ 17-ти верстахъ отсюда, съ давнихъ временъ добывалось золото въ шахтахъ на значительной глубинѣ, откуда доставались золотосодержащія породы и разрушались рабочими для полученія золота. Мѣсто это называется Березовъ:—сюда ссылались для работъ важные преступники, какъ нынѣ ихъ ссылаютъ въ каторжную работу въ Нерчинскъ. Нынѣ въ Березовѣ совсѣмъ нѣтъ работъ, ибо всѣ шахты затоплены водою.

Вопросъ: Я слышалъ, что ты держишься раскола и упорствуешь въ немъ?

Отвѣтъ: Не смѣю скрывать передъ вашимъ величествомъ, что я старообрядецъ; но въ нашемъ обрядѣ ничего нѣтъ вреднаго, а тѣмъ менѣе противнаго православной церкви. Къ намъ перешло это отъ отцовъ нашихъ. Изъ усердія къ церкви, мы построили для служенія каменный храмъ, отдѣляли и украсили его; но намъ не позволяетъ епархіальное начальство поставить святые кресты на главы этого храма. По выслушаніи этого, го-

сударь изволилъ мнѣ милостиво сказать: «Если въ вашихъ старыхъ обрядахъ дѣйствительно нѣтъ ничего вреднаго для церкви нашей, то я позволю вамъ поставить кресты на главахъ храма вашего».

Зотовъ все это рассказывалъ мнѣ съ большимъ воодушевленіемъ и чувствомъ безпредѣльной преданности и благоговѣнія къ особѣ его величества. «Я не могу передать, сказалъ мнѣ Зотовъ, сколь велика милость и благоволеніе монарха ко мнѣ недостойному. По моей просьбѣ, онъ простилъ и повелѣлъ возвратить на заводы Расторгуева 90 человѣкъ заводскихъ людей, несправедливо сосланныхъ въ Сибирь, будто бы за бунтъ, коего совсѣмъ не было;—я поручился за доброе поведеніе этихъ несчастныхъ, которые, по возвращеніи, во всю жизнь будутъ благословлять имя великаго нашего монарха».

Въ заключеніе нашей бесѣды, Зотовъ прибавилъ, что государь весьма о многомъ его спрашивалъ насчетъ улучшенія горной части на Уралѣ, и повелѣлъ ему изложить свое мнѣніе и всѣ предположенія къ усовершенствованію этой части, и прислать въ Петербургъ къ его величеству прямо въ собственныя руки, и даже разрѣшилъ его писать и доносить такимъ образомъ обо всемъ, что онъ только для горной части найдетъ нужнымъ и полезнымъ.

Все, что Зотовъ мнѣ рассказывалъ, было вполне справедливо. 28-го сентября, я былъ въ числѣ другихъ, приглашенъ къ его величеству на обѣдъ, на коемъ были также и главные горные начальники. Въ то время, по случаю смерти главнаго горнаго начальника хребта Уральскаго, должность его исправлялъ старшій по немъ горный чиновникъ полковникъ Осиповъ. Сему послѣднему, во время обѣда, государь замѣтилъ, почему онъ не представилъ его величеству столь извѣстнаго здѣсь и опытнаго въ горномъ дѣлѣ Зотова? Г. Осиповъ, бывшій въ неприятныхъ отношеніяхъ съ Зотовымъ, отвѣчалъ на это неудовлетворительно,—сказавъ, что онъ не принадлежитъ къ числу гражданъ здѣшнихъ. Его величество на это замѣтилъ:—«очень жаль, что здѣшнее горное начальство доселѣ не обратило вниманія на столь опытнаго въ горномъ дѣлѣ и столь полезнаго человѣка. Въ продолженіи одного часа, я узналъ отъ этого Зотова гораздо болѣе о положеніи здѣшняго горнаго производства, нежели во все мое путеше-

ствіе по Уралу. Довольно видѣть Верхъ-Исетскій заводъ, чтобъ вполне оцѣнить опытность Зотова, если справедливо, что все устройство этого лучшаго здѣсь завода произвелъ одинъ Зотовъ, 20 лѣтъ управлявшій онымъ».

Григорій Зотовъ до такой степени обратилъ на себя монаршее вниманіе, что его величество писалъ о немъ императрицѣ, что въ первый разъ въ жизни онъ встрѣтилъ мужика съ такимъ свѣтлымъ умомъ и опытностію во всѣхъ отрасляхъ горнаго искусства.

Его величество пребываніемъ своимъ въ Екатеринбургѣ остался весьма довольнымъ.

Выѣзжая изъ онаго въ обратный путь въ Россію, 28-го сентября въ 6 часовъ пополудни, государь остановился у горной лабораторіи, гдѣ въ присутствіи его величества 1 пудъ расплавили добытаго на Уралѣ зернистаго золота, вылили его въ форму и въ то же время произвели пробу, по коей золото оказалось высшаго качества и чистоты.

Распростившись весьма благосклонно съ жителями Екатеринбургa, его величество прибылъ на ночлегъ въ Билимбаевскій заводъ, принадлежащій гр. Строгановымъ.

29-го сентября государь все утро занимался отправленіемъ курьера въ Петербургъ, и отобѣдавъ въ 12 часовъ, отправился по тракту въ Пермь, куда прибылъ на ночлегъ 30-го сентября.

1-е и 2-е октября императоръ пробылъ въ Перми и осмотрѣлъ всѣ богоугодныя заведенія, военный госпиталь и баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Послѣдними двумя заведеніями его величество несомнѣнно былъ доволенъ, особенно помѣщеніемъ военныхъ кантонистовъ, которое, при многихъ неудобствахъ, было весьма ветхо.

Въ Перми мы встрѣтили осень; наступила пасмурная, холодная и дождливая погода, которая неблагоприятно подѣйствовала на здоровье государя—вообще, и особенно на пострадавшую его ногу. Впрочемъ, это болѣе происходило отъ помѣщенія его величества въ губернаторскомъ домѣ, который не былъ приготовленъ для принятія государя надлежащимъ образомъ, ибо былъ сыръ и холоденъ. Приняты были всѣ предосторожности и здоровье его величества вскорѣ возстановилось, кромѣ небольшой

принужденности ноги, которая въ продолженіи путешествія скоро совсѣмъ прошла *).

4-го октября его величество прибылъ на ночлегъ въ Ижевскій оружейный заводъ, гдѣ былъ встрѣченъ начальниками завода и инспекторомъ оружейныхъ заводовъ генераломъ Керномъ.

5-го октября государь осматривалъ заводъ во всей подробности. Производствомъ работъ, механизмомъ и отдѣлкою оружія остался совершенно довольнымъ. Управляющій заводомъ поднесъ его величеству два охотничьихъ ружья и пару пистолетовъ превосходной отдѣлки. Весь механизмъ оружейнаго производства приводится въ движеніе силою воды, которая отъ небольшой рѣчки накапливается, посредствомъ весьма высокой и длинной плотины, въ огромнѣйшемъ бассейнѣ, имѣющемъ въ окружности около 20-ти верстъ. Эта масса стоячей воды, какъ съ вѣроятностію заключить можно, и составляетъ главную причину нерѣдко возникающихъ здѣсь эпидемій лихорадокъ и цынги.

6-го октября, рано по утру государь выѣхалъ изъ Ижевскаго завода по тракту въ Вятку, куда и прибылъ 8-го октября на ночлегъ.

По выѣздѣ изъ Ижевскаго завода, 7-го октября выпалъ небольшой снѣгъ, при 4° мороза. Государь приказалъ приготовить для себя сани. Несмотря на всѣ затрудненія, полковникъ Соломка, завѣдывающій дорожными экипажами, успѣлъ отыскать какіе-то древніе большіе сани, обилъ ихъ богатымъ персидскимъ ковромъ, сдѣлалъ медвѣжье покрывало, и его величество очень былъ доволенъ, что могъ путешествовать зимнимъ путемъ. Всѣмъ прочимъ особамъ свиты также приготовлены простыя сани; такимъ образомъ путешествіе продолжалось скоро и пріятно. Всѣмъ лѣтнимъ экипажамъ приказано слѣдовать отдѣльно, держась въ небольшомъ разстояніи отъ свиты.

8-го октября наступила оттепель, снѣгъ началъ быстро таять и зимній нашъ любимый путь до того испортился, что мы съ большимъ трудомъ доѣхали до Вятки въ саняхъ.

Государь управленіемъ Вятскою губерніею остался очень

*) О пребываніи императора Александра I въ Перми въ 1824 г.—см. подробности въ «Воспоминаніяхъ академика-архитектора И. И. Свѣзева» въ «Русской Старинѣ», т. IV, изд. 1871 г. стр. 549—552.

недовольнымъ. Сенаторы князь Долгоруковъ и Дурасовъ, которые тогда производили ревизію Вятской губерніи, вслѣдствіе многихъ доносовъ о злоупотребленіяхъ, донесли его величеству, что нѣкоторые изъ доносовъ оказались справедливыми, и что гражданскій губернаторъ Добрынскій оказывается виновнымъ въ допущеніи и даже въ участіи нѣкоторыхъ важныхъ злоупотребленій. Государь тогда-же повелѣлъ: губернатора, отрѣшивъ отъ должности, предать суду правительствующаго сената, исправленіе его должности поручить вице-губернатору Ермолаеву, впредь до назначенія вятскаго губернатора, а ревизію губерніи окончить и донести его величеству. Всѣ заведенія въ Вяткѣ найдены въ неудовлетворительномъ состояніи.

Въ Вяткѣ государь пробылъ два дня, и 11-го октября выѣхалъ по тракту въ Вологду. Во время пребыванія его величества въ Вяткѣ, зимній путь совсѣмъ испортился, такъ что путешествіе продолжалось въ коляскахъ, по мѣстамъ малонаселеннымъ и лѣсистымъ, гдѣ дороги, при всѣхъ усиліяхъ мѣстныхъ начальствъ, были неудобны и затруднительны.

12-го октября былъ день праздничный; — государь слушалъ обѣдню въ сельской церкви, въ коей пѣніе клироса было крайне неблагозвучно, такъ что свитскому регенту Берлинскому государь сдѣлалъ за то строгое замѣчаніе.

Въ этотъ день для ночлега государю въ селѣ Ильинскомъ, по неимѣнію приличнаго помѣщенія, былъ приготовленъ нарочно выстроенный небольшой домикъ. Государь, по прибытіи на ночлегъ, потребовалъ меня — осмотрѣть его ногу. Я тотчасъ по приѣздѣ явился къ государю и перемѣнилъ повязку на ногѣ, которая впрочемъ была въ совершенно удовлетворительномъ положеніи. Когда я хотѣлъ откланяться и пожелать покойной ночи, его величество меня спросилъ, — доволенъ ли я былъ служеніемъ литургіи въ тотъ день?

— Несовсѣмъ, откровенно доложилъ я его величеству; — особенно нехорошо пѣли на клиросѣ причетники.

— «Точно такъ, — и я былъ очень недоволенъ, сказалъ государь. Берлинскій оправдывается тѣмъ, что изъ здѣшнихъ причетниковъ онъ рѣшительно не можетъ составить сколько-нибудь приличнаго хора. Чтобъ избѣжать подобнаго возлогласованія, въ будущую обѣдню мы составимъ свой хоръ, который, надѣюсь,

будетъ несравненно лучше. Ты знаешь церковное пѣніе?» спросилъ меня государь.—Въ молодости пѣваль, отвѣчалъ я.—Итакъ, сказалъ государь положительно: — будущую обѣдню хоръ новый составлять будутъ: я, ты и Берлинскій!»—Откланившись, я оставилъ его величество, несовсѣмъ довѣряя, чтобъ мнѣ пришлось пѣть на клиросѣ.

Черезъ день, т.-е. 14-го октября былъ праздникъ и обѣдня назначена была также въ сельской церкви. Государь ѣхалъ нѣсколькими верстами впередъ свиты. Приѣхавъ прямо въ церковь, куда также вошли нѣкоторые свитскіе, и усмотрѣвъ, что меня нѣтъ, приказалъ барону Дибичу тотчасъ послать за мною фельдъегеря, который встрѣтилъ меня версты за двѣ отъ церкви и объявилъ, что меня требуетъ императоръ. Пересѣвъ на тележку съ фельдъегеремъ, я поспѣшилъ выполнить повелѣніе. По приѣздѣ въ село, я прямо вошелъ въ церковь; литургія только что начиналась; баронъ Дибичъ, увидѣвъ меня, тотчасъ доложилъ государю;—его величество, оборотясь, подалъ мнѣ знакъ рукою, чтобъ я становился на клиросѣ, гдѣ находился только одинъ Берлинскій; самъ же императоръ стоялъ, какъ и всегда, подлѣ праваго клироса. Г. Берлинскій, не будучи предваренъ, былъ крайне удивленъ моимъ помѣщеніемъ на клиросѣ. Итакъ, началось пѣніе; императоръ пѣлъ баритономъ, который у него былъ очень чистъ и пріятенъ, я—вторымъ теноромъ, а Берлинскій—первымъ теноромъ,—и это тройственное пѣніе всей литургіи, къ удивленію всѣхъ, такъ происходило удачно и пріятно, что превзошло мое ожиданіе.

По окончаніи литургіи, государь, по всегдашнему его обыкновенію, помолясь благоговѣнно въ послѣдній разъ, приложился къ святому кресту и принялъ отъ священника просфору. Потомъ, откланившись всѣмъ бывшимъ въ церкви, обратился ко мнѣ, и съ благосклонною улыбкою сказалъ: «пѣніе литургіи было очень хорошо; новый составъ хора вполне удался, для путешествующихъ нельзя желать лучшаго пѣнія; — да ты, Дмитрій Клементьевичъ, прекрасно знаешь церковное пѣніе; я очень благодаренъ, а теперь милости просимъ вмѣстѣ хлѣба-соли кушать».

При выходѣ изъ церкви, обратились ко мнѣ съ удивленіемъ баронъ Дибичъ и баронетъ Вилліе;—послѣдній выхвалялъ меня до небесъ, какъ вообще, такъ особенно за вновь открытый во

мнѣ талантъ пѣнія. Я съ прочими явился въ императорскому столу, и его величество, въ теченіи обѣда, неоднократно отдавалъ мнѣ справедливость въ знаніи церковнаго пѣнія, а также и пріятности моего голоса, и притомъ повелѣлъ, чтобъ въ путешествіи я всегда пѣлъ на клиросѣ, что я и выполнялъ всегда. Съ этого времени я постоянно приглашался къ столу его величества во всѣхъ послѣдующихъ путешествіяхъ.

16-го и 17-го октября государь пробылъ въ Вологдѣ и занимался осмотромъ всѣхъ заведеній, а также депешами, привезенными въ Вологду фельдъегеремъ изъ Петербурга. Здѣсь государь измѣнилъ свой маршрутъ, и вмѣсто того, чтобъ выѣхать на Тихвинъ, назначилъ путешествіе по тракту на Боровичи, чтобъ выѣхать на московскій трактъ въ гор. Крестцахъ.

Населеніе Вологды незначительно; большую часть жителей составляютъ купцы и мѣщане,—помѣщиковъ немного, впрочемъ на данномъ императору балу нѣсколько было дворянскихъ семействъ, образованныхъ и со вкусомъ.

Въ это время въ Вологдѣ — въ монастырѣ проживалъ епископъ иркутскій, который, по случаю неприличной его сану ссоры съ иркутскимъ генераль-губернаторомъ, по высочайшему повелѣнію, былъ удаленъ отсюда, лишенъ паствы и проживалъ въ Вологдѣ подъ надзоромъ тамошняго архіерея. Императоръ отказалъ ему въ позволеніи представиться его величеству.

18-го октября въ 8 часовъ утра государь оставилъ Вологду и имѣлъ ночлегъ въ гор. Череповцѣ, Новгородской губерніи; осенняя дождливая погода мѣстами испортила дороги, отчего путешествіе затруднялось. Посему переѣзды назначены были небольшіе. 19-го октября ночлегъ былъ въ гор. Устюжнѣ, по выѣздѣ изъ коей государь обѣдалъ на станціи Пѣстовѣ очень рано, въ 10 часовъ утра, тогда какъ почти ни у кого изъ свитскихъ еще не было хорошаго аппетита. Особенно замѣчательно въ императорѣ было то, что онъ въ путешествіяхъ могъ обѣдать и въ 9 часовъ утра, и въ 5 пополудни съ одинаковымъ аппетитомъ, и въ послѣднее время всегда кушалъ только 3 блюда.

По выѣздѣ изъ станціи Пѣстова, застигла насъ на пути ужасная погода, — сильный дождь со снѣгомъ и вѣтромъ. Скорая ѣзда по испортившейся дорогѣ была невозможна; вся свита разъединилась на большое разстояніе, по причинѣ большой и тонкой

грязи, образовавшейся на вновь сдѣланной насыпной дорогѣ. Къ довершенію такихъ затрудненій путешествія, съ 5-ти часовъ вечера начался морозъ, смѣнившій дождь со снѣгомъ, и достигъ въ короткое время до 7° по реомюру. Грязь, замерзая, налипа на колеса экипажей, и тяжелѣйшіе изъ нихъ вынуждены были ночевать на дорогѣ среди поля. Между прочимъ, такая горькая участь пала на коляску метръ-дотеля Миллера, получившаго повелѣніе императора приготовить обѣдъ въ гор. Боровичахъ, гдѣ былъ назначенъ ночлеги 20-го октября.

Императоръ, при всѣхъ усиліяхъ, на лучшихъ лошадяхъ съ трудомъ могъ прибыть на ночлеги во 2-мъ часу за полночь, а мы съ баронетомъ Вилліе едва-едва дотащились уже на разсвѣтѣ— часу въ 6-мъ утра.

20-го октября былъ праздникъ; государь слушалъ обѣдню въ соборной церкви. Послѣ представлялись его величеству г. предводитель дворянства, служащіе чиновники и почетные граждане и купцы. Было уже около полудня, но метръ-дотель Миллеръ еще не прибылъ. Баронъ Дибичъ былъ въ большомъ затрудненіи насчетъ обѣда, котораго было некому приготовить для государя. Составился между свитскими совѣтъ, въ коемъ и я участвовалъ, и положено поручить приготовленіе обѣда поручику Годафруа (фельдгегеръ при императорѣ). Обѣдъ, по собраннымъ мѣстнымъ свѣдѣніямъ, долженъ былъ состоять: 1-е, изъ стерляжьей ухи; 2-е, поросенка подъ галантиромъ; 3-е, разварного судака; 4-е, жареныхъ рябчиковъ и, 5-е, изъ десерта, состоящаго изъ разныхъ фруктовъ, какіе только можно было найти въ Боровичахъ. — Годафруа порученіе свое выполнилъ съ полнымъ успѣхомъ; въ 4-мъ часу государь кушалъ этотъ импровизованный обѣдъ съ аппетитомъ и остался имъ совершенно довольнымъ, такъ что новый метръ-дотель заслужилъ благодарность его величества и общую нашу. Государь, по такимъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, особенно за неприбытіемъ Миллера, и 21-го октября ночевалъ въ Боровичахъ. Послѣ обѣда его величество ѣздилъ для осмотра нѣкоторыхъ Боровицкихъ пороговъ, чрезъ которые проходятъ баржи съ хлѣбомъ, доставляемымъ въ Петербургъ.

Уже вечеромъ 21-го октября метръ-дотель Миллеръ едва могъ прибыть въ Боровичи съ своею кухонною коляскою, которую

20 лошадей съ большимъ трудомъ могли дотащить. Онъ, получивъ приказаніе государя, отправился въ ночь по траекту въ гор. Крестцы, а его величество 22-го октября оставилъ Боровичи и прибылъ въ Крестцы къ обѣду, гдѣ имѣлъ и ночлегъ.

23-го октября государь прибылъ на ночлегъ въ Новгородъ, гдѣ былъ встрѣченъ графомъ Аракчеевымъ, прибывшимъ изъ Грузина. На другой день, оставивъ Новгородъ въ часу 10-мъ утра, его величество прибылъ благополучно въ Царское свое Село въ 11-мъ часу вечера, въ благопріятномъ положеніи здоровья; а 25-го октября обрадовалъ своимъ возвращеніемъ столицу и всю августѣйшую свою фамилію,—а въ особенности столь нѣжно имъ любимую августѣйшую сестру Марію Павловну, прибывшую изъ Веймара съ дѣтьми.

Итакъ, это продолжительное путешествіе въ отдаленныхъ краяхъ имперіи окончилось благополучно. Его величество особенно былъ доволенъ тѣмъ, что ознакомился съ невидѣнными имъ до того краями Россіи. Главное его величества вниманіе обратилъ на себя богатый сокровищами Уралъ, гдѣ онъ видѣлъ всѣ богатства Урала, минеральную его производительность и узналъ хорошо особенный характеръ и бытъ народа, населяющаго величественный Уралъ.

Съ окончаніемъ этого путешествія, его величество предположилъ путешествіе во внутренность Сибири до Иркутска. На каковой конецъ дано было тогда секретное повелѣніе генеральному штабу, заняться осмотромъ дорогъ и составленіемъ подробнаго маршрута, которой, какъ было извѣстно впоследствии, долженъ быть составленъ по двумъ траектамъ, — чрезъ Уралъ на Тобольскъ, и чрезъ Астрахань прямо въ Иркутскъ. Исполненіе этого высочайшаго повелѣнія поручено было офицерамъ генеральнаго штаба Шенигу и Венделю и нѣкоторымъ другимъ.

ХІІІ.

1825.

Наступилъ 1825 годъ. Здоровье императрицы Елизаветы Алексѣевны начало видимо слабѣть и возбуждать безпокойство государя и всей императорской фамиліи. Въ этотъ же годъ назначенъ былъ срочный сеймъ въ Варшавѣ. Многократныя совѣщанія лейбъ-медиковъ о положеніи здоровья императрицы при-

вели къ заключенію, что для возстановленія ея здоровья необходимо избрать для ея пребыванія мѣсто въ южномъ краю имперіи, чтобъ предохранить отъ неблагопріятнаго вліянія на нее сѣвернаго климата.

Государь предположилъ предпринять прежде, съ открытіемъ весны, путешествіе въ Варшаву; а въ концѣ лѣта путешествовать съ императрицею.

Въ началѣ марта было объявлено секретно высочайшее повелѣніе приготовляться къ путешествію въ Варшаву.

4-го апрѣля, на третій день пасхи назначенъ былъ выѣздъ въ путешествіе изъ Царскаго-Села. Доложивъ на страстной недѣлѣ баронету Вилліе предварительно обо всемъ, что нужно по его управленію для путешествія, я ко дню пасхи все приготовилъ по канцеляріи и былъ совсѣмъ наготовѣ въ путь. Между прочимъ испросилъ у баронета Вилліе позволеніе, вмѣстѣ съ другими дѣлами, взять большое представленіе о наградахъ военныхъ врачей, которое онъ долго не рѣшался представить начальнику главнаго штаба, для высочайшаго доклада.

Такимъ образомъ, при полномъ располѣи и разливѣ рѣкъ, 4-го апрѣля, еще по снѣгу, его величество выѣхалъ изъ Царскаго въ 7^{1/2} часовъ утра. Былъ небольшой утренній морозъ и гололедица. На станціи Долговѣ былъ обѣдъ, а ночлегъ обыкновенно въ Романшинѣ у маркиза де-Траверсѣ. Чѣмъ болѣе мы удалялись отъ Царскаго-Села, тѣмъ дорога дѣлалась затруднительнѣе, по причинѣ быстрого таянія снѣга и разлива рѣчекъ, такъ что на другой день, 5-го апрѣля, свита съ большимъ трудомъ могла достигнуть ночлега, на станціи Боровичи. Но самое важное препятствіе встрѣтилось въ гор. Суражѣ, при переправѣ чрезъ р. Двину, на которой ледъ еще не прошелъ, хотя окраины были очень уже обширны. Для переправы свиты его величества, чрезъ всю Двину былъ прорубленъ ледъ на такое пространство, чтобъ можно было переправиться на паромѣ. Переправа эта, несмотря на вечерній сумракъ, совершилась благополучно, безъ малѣйшаго приключенія. Ночлегъ былъ въ гор. Суражѣ. Отселѣ началась несносная въ путешествіи грязь, послѣ стаянія снѣгу, котораго уже нигдѣ не было замѣтно. Отъ Витебска до Орши грязь была невыносимая, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ экипажи увязли въ грязи, и вытаскиваемы

были посторонними людьми. Самъ императоръ неоднократно выходилъ изъ коляски и шелъ пѣшкомъ. Выѣхавъ изъ Орши, гдѣ былъ ночлегъ 9-го апрѣля, мы съ восторгомъ встрѣтили первые признаки начинающейся весны; грязи уже не было, дорога просыхала и мѣстами уже начинали зеленѣть поля. Погода была теплая, ясная—настоящая весенняя. Около гор. Борисова, на переѣздѣ чрезъ р. Березину, мы снова встрѣтили большую грязь, не на большое разстояніе; — за то по всей Минской губерніи сопровождала наше путешествіе начинающаяся весна.

На станціи Ружанѣ, гдѣ былъ ночлегъ 12-го апрѣля, мы нашли уже деревья зеленѣющими, особенно березы. Въ Ружану императоръ пріѣхалъ довольно рано, въ 7-мъ часу пополудни, и получивши здѣсь вурьера изъ Петербурга, занимался съ барономъ Дибичемъ дѣлами. Насупротивъ квартиры императора была назначена квартира баронета Вилліе и мнѣ въ католическомъ монастырѣ. Монахи насъ приняли очень привѣтливо, но ихъ сухояденіе для насъ было не такъ-то сытно. Государь былъ въ хорошемъ расположеніи духа, и передъ чаемъ прогуливался пѣшкомъ съ барономъ Дибичемъ.

При возвращеніи императора съ прогулки въ квартиру, мы съ баронетомъ Вилліе стояли на крыльцѣ нашей квартиры; баронъ Дибичъ, проводивъ государя, подошелъ къ баронету Вилліе передать ему нѣкоторыя новости, привезенныя изъ Петербурга. Замѣтивъ барона Дибича въ благопріятномъ расположеніи духа, я тутъ же нашелъ возможность напомнить баронету Вилліе о представленіи врачей къ наградамъ *). Онъ тотчасъ попросилъ барона, нельзя-ли доложить его величеству одно его представленіе; на что баронъ Дибичъ согласился со всею готовностію. Я тотчасъ отыскалъ въ портфели это представленіе, и, по приказанію баронета Вилліе, отнесъ барону Дибичу, — которой вскорѣ представилъ оное на высочайшее благосозволеніе, которое въ тотъ же вечеръ и послѣдовало, безъ малѣйшаго измѣненія. Въ этотъ разъ получили награды 80 военныхъ врачей, состоящія въ чинахъ

*) О томъ самомъ большомъ представленіи о наградахъ военнымъ врачамъ, о коемъ упомянуто выше, при сборѣ моей канцеляріи въ путешествіе. Еслибы я не упросилъ баронета Вилліе взять его съ собою, то оно могло бы остаться безъ всякаго движенія; ибо Вилліе на такія представленія вообще былъ крайне нерѣшителенъ, боясь всегда отказа.

за отличіе, крестахъ (орденахъ) и деньгахъ. Я чрезвычайно былъ обрадованъ этимъ милостивымъ вниманіемъ въ моимъ сослуживцамъ, и тотчасъ это утвержденное государемъ представленіе подалъ Вилліе, который также былъ этому радъ и приказалъ мнѣ съ курьеромъ отправить оное въ медицинскій департаментъ для надлежащаго исполненія.

По выѣздѣ изъ Ружаны, 13-го апрѣля, и приближаясь къ Бресту-Литовскому, мы на каждой верстѣ замѣчали постепенное развитіе весенней природы. Дорога совершенно просохла, рощи почти совсѣмъ покрылись зеленью, а на фруктовыхъ деревьяхъ въ садахъ развившіяся почки готовы были перейти въ состояніе цвѣтенія; погода была очаровательная, такъ что путешествіе было самою пріятною прогулкою.

Въ этотъ день его величество, со всею свитою, обѣдалъ на станціи Михалиной-корчмѣ у губернскаго предводителя дворянства Гродненской губерніи генераль маіора Пусловскаго. Генераль Пусловскій, испросивъ предварительно чрезъ барона Дибича высочайшее соизволеніе на принятіе его величества въ Михалиной-корчмѣ къ обѣденному столу, устроилъ и убралъ эту неопрятную и въ глуши лѣса стоящую корчму самымъ великолѣпнымъ и роскошнымъ образомъ, такъ что внутреннее убранство оной представляло маленькій дворецъ. Во всемъ было видно, что хозяинъ не щадилъ ничего для приличнаго приѣма своего монарха. Генераль Пусловскій представился императору въ національномъ польскомъ мундирѣ и въ Анненской лентѣ;—онъ былъ одинъ и изъ его семейства не было никого. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ корчмы, хозяинъ встрѣтилъ императора съ приличнымъ привѣтствіемъ, которое государь принялъ съ обычною благосклонностію. Столъ былъ накрытъ въ обширной комнатѣ и убранъ былъ великолѣпно.

Всѣ свитскіе приглашены были къ столу, въ числѣ коихъ и я былъ гостемъ генерала Пусловскаго.

Обѣдъ былъ самый роскошный и приноровленъ по вкусу императора,—вина были самыя изысканныя. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что одинъ изъ сыновей генерала Пусловскаго, служившій въ кавалергардскомъ полку, за годъ предъ тѣмъ, имѣлъ дуэль и по суду разжалованъ въ солдаты. Среди обѣда подано было превосходное венгерское вино. Государь, взявъ рюмку и выку-

шавъ до половины, отозвался: «что вино это такъ хорошо, что онъ не помнить, когда пилъ такое венгерское». Его величество спросилъ еще этого вина, обратясь при этомъ къ хозяину. Генералъ Пусловскій, вставъ, сказалъ государю: «ваше величество!— я очень счастливъ, что это венгерское заслужило такую похвалу отъ вашего величества;— оно у меня домашнее, и взято изъ той бочки, которая хранилась до сегодня со дня рожденія моего несчастнаго сына, служившаго въ кавалергардскомъ вашего величества полку». На этомъ генералъ Пусловскій остановился. Государь, выкушавъ другую рюмку венгерскаго, сказалъ: «Вино превосходное». И болѣе ничего! Такимъ образомъ цѣль генерала Пусловскаго въ этомъ гостепріимствѣ не была достигнута.

15-го апрѣля императоръ прибылъ въ Варшаву, гдѣ мы встрѣтили весну въ полномъ ея развитіи; всѣ сады и каштановая великолѣпная Уяздовская аллея были въ полномъ цвѣтѣ.

Никогда еще въ Варшавѣ я не встрѣчалъ столь благопріятной погоды; зеленѣющій и цвѣтущій садъ замка, раскинутый роскошно по скату къ Вислѣ, сады и домики предмѣстья Праги на противоположномъ берегу Вислы и живописные берега этой рѣки представляли очаровательную картину изъ оконъ постоянной моей квартиры въ верхнемъ этажѣ дворца, надъ самымъ кабинетомъ императора.

На другой-же день прибытія его величества въ Варшаву, цесаревичъ Константинъ Павловичъ началъ представлять императору вѣренныя ему войска—русскія и польскія,—сначала по частямъ, а потомъ былъ парадный смотръ всѣмъ собраннымъ въ Варшавѣ войскамъ; а наконецъ, спустя нѣсколько дней, были большіе маневры въ окрестностяхъ Варшавы.

Императоръ войсками вообще былъ очень доволенъ, которые по справедливости заслужили полное его величества благоволеніе, ибо во всѣхъ отношеніяхъ были отличны.

Между тѣмъ начались засѣданія сейма въ замкѣ,—депутаты, прибывшіе со всего царства, съѣзжались въ 10 часовъ утра и занимались до 4-хъ часовъ пополудни. Императору ежедневно представлялся протоколъ засѣданія, изъ котораго его величество нерѣдко, съ прискорбіемъ, усматривалъ, что гг. депутаты, вмѣсто сужденій о благоустройствѣ и общихъ интересахъ царства,

занимались пустыми спорами и мелочными дѣлами, до ихъ личности относящимися.

Спустя 20 дней по прибытіи въ Варшаву, его величество предпринялъ путешествіе для обозрѣнія нѣкоторыхъ губерній (воеводствъ) царства, особенно прилежащихъ къ границамъ Пруссіи. Оконечнымъ пунктомъ этого путешествія назначенъ былъ гор. Калишъ. Свита была очень небольшая;—и на мѣсто баронета Вилліе, для сопровожденія императора, назначенъ былъ я.

Во время этого путешествія, особенное его величества вниманіе обратили разныя фабрики, особенно суконныя, а равно и другія отрасли промышленности, изъ коихъ нѣкоторыя доведены были до цвѣтущаго состоянія.

И дѣйствительно, въ столь непродолжительное время, разоренное и истощенное политическими переворотами царство польское, отеческими попеченіями и милостями императора, доведено было до возможнаго благосостоянія, во всемъ и вездѣ замѣчаемаго. По всѣмъ почти главнымъ направленіямъ устроены хорошія шоссе, земледѣліе, скотоводство и садоводство доведены до возможнаго совершенства.

Промышленность повсюду видимо возрастала. Народъ вездѣ, повидимому, благословлялъ царя своего. На пути государь осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ почему-либо пановъ польскихъ. Изъ имѣній пановъ, по устройству хозяйства, замѣчательно мѣстечко Опатовскъ, принадлежащее Заіончику—вице-королю царства.

7-го мая государь прибылъ на ночлегъ въ гор. Калишъ—расположенный на границѣ Пруссіи. На другой день осматривалъ кадетскій корпусъ и присутствовалъ на разводѣ отъ войскъ, въ Калишѣ расположенныхъ.

10-го мая во 2-мъ часу за полночь государь возвратился въ Варшаву.

По возвращеніи изъ этого путешествія, я отдалъ полный отчетъ баронету Вилліе о положеніи здоровья государя, а равно и о всемъ прочемъ. Хотя отчетъ мой былъ признанъ удовлетворительнымъ,—но я въ то же время не могъ не замѣтить въ баронетѣ Вилліе, что замѣна его мною въ этомъ путешествіи при императорѣ несовсѣмъ была согласна съ видами его само-

любія, что впоследствии и подтвердилось весьма чувствительнымъ для меня образомъ.

Государь, возвратясь изъ Калиша, занимался исключительно дѣлами польскаго сейма. Нерѣдко обѣдалъ у цесаревича, а большею частію бушалъ у себя съ его высочествомъ и его супругою княгинею Ловичъ, въ которой императоръ былъ особенно внимателенъ. Всякій разъ, послѣ обѣда, взявъ подъ руку, выходилъ съ нею на террасъ, и прогуливаясь довольно долго, разговаривалъ съ нею о разныхъ предметахъ, съ особеннымъ уваженіемъ. Константинъ Павловичъ очень рѣдко участвовалъ въ этой бесѣдѣ, хотя постоянно слѣдовалъ за ними въ послѣобѣденной прогулкѣ.

Наконецъ засѣданія сейма сближались къ концу и стало извѣстно, что государю благоугодно самому лично закрыть сеймъ. Его величество повелѣлъ, чтобъ 1-го іюня въ 11-ти часамъ утра всѣ сенаторы, министры, депутаты и всѣ знатныя особы царства, пребывающіе въ Варшавѣ, собрались во дворецъ королевскій въ палату засѣданія сената, въ полныхъ парадныхъ мундирахъ. Знатнымъ дамамъ дозволено было присутствовать на семъ торжественномъ собраніи — только на хорахъ. Въ концѣ этой обширной палаты былъ поставленъ тронъ.

Въ 10-мъ часу утра начался съѣздъ во дворецъ; лейбъ-гвардіи литовскій и подольскій кирасирскій полки выстроены были на Сигизмундовой площади фронтомъ ко дворцу. Прекрасный весенній день придавалъ еще болѣе блеска этому торжественному государственному собранію.

Дипломатическимъ чинамъ и свитѣ его величества, въ составѣ коей имѣлъ счастье находиться и я, назначено собраться въ 11-ть часовъ въ пріемномъ залѣ дворца. Въ половинѣ 12-го часа государь императоръ, въ полной генеральской формѣ царства польскаго, въ сопровожденіи брата своего цесаревича Константина, шествовалъ изъ внутреннихъ своихъ апартаментовъ, чрезъ пріемный залъ, прямо въ палату собранія, гдѣ ожидали его величество всѣ сенаторы, министры и депутаты всего царства.

При вступленіи императора въ палату, водворилась повсюду благоговѣйная тишина и особенное чувство умиленія. Его величество вступилъ на тронъ, съ исключительно принадлежащимъ ему повелительнымъ величіемъ. Подлѣ его, немного свади, и вправо помѣстился цесаревичъ Константинъ Павловичъ, на сту-

пени трона съ правой стороны сидѣлъ вице-король Заіончичъ (онъ безъ ноги и не могъ ходить—его носили),—на нижней ступени трона справа также императора стоялъ съ портфелемъ статсъ-секретарь польскій графъ Грабовскій. Дипломатическіе чины и свита государя помѣстились позади трона.

Императоръ, стоящій на тронѣ въ полномъ своемъ величіи, представлялъ собою существо, превышающее все земное. Окинувъ своимъ величественно-ангельскимъ взоромъ все собраніе и стоящихъ на хорахъ дамъ, — императоръ довольно громкимъ и твердымъ голосомъ и съ особеннымъ воодушевленіемъ прочиталъ на французскомъ языкѣ довольно пространную рѣчь, которую вслѣдъ за тѣмъ, на польскомъ языкѣ, повторилъ статсъ-секретарь гр. Грабовскій.

Тронная рѣчь *) эта, какъ по содержанию своему, такъ и по образу произнесенія императоромъ, произвела въ слушателяхъ столь глубокое и умиленное впечатлѣніе, что всѣ сановники польскіе казались изумленными, а дамы почти всѣ плакали.

Находясь около 7-ми лѣтъ при дворѣ, я въ первый разъ удостоился видѣть императора Александра въ такомъ поражающемъ, неземномъ величіи. Въ небесномъ взорѣ его изумительно выражались: могущество, проникаемость, вротость и благоволеніе.

Такимъ образомъ окончилось знаменитое по своему значенію для царства польскаго и послѣднее пребываніе въ Варшавѣ и на сеймѣ императора Александра; оставившаго по себѣ столько опытовъ отеческихъ попеченій о благосостояніи царства, которое спустя пять лѣтъ такъ нагло заплатило за все это Россіи гнусною измѣною и кровопролитнымъ мятежемъ.

2-го іюня, въ 7 часовъ утра, государь, въ сопровожденіи брата своего, выѣхалъ изъ Варшавы по военскому тракту. Въ гор. Пултускѣ былъ обѣдъ, гдѣ цесаревичъ откланялся императору. Ночлегъ былъ въ гор. Ломжѣ. На другой день его величество смотрѣлъ баталіонъ польской пѣхоты и остался вполне имъ доволенъ.

4-го іюня, выѣхавъ изъ царства и переправясь чрезъ Нѣманъ, императоръ имѣлъ ночлегъ въ гор. Ковно, куда прибылъ до-

*) Рѣчь эта на французскомъ языкѣ находится въ моихъ бумагахъ, коей одинъ экземпляръ я получилъ тогда отъ Н. Н. Новосильцова. Д. Т.

вольно рано и занимался осмотромъ мѣстъ, гдѣ въ 1812 году Наполеонъ переправлялъ свою громадную армію, и того историческаго холма, на коемъ была разбита палатка грознаго повелителя Европы, и съ коего онъ наблюдалъ за движеніемъ вступающихъ въ Россію военныхъ массъ своихъ.

Б-ту Вилліе и мнѣ квартира назначена была у уѣзднаго врача Ковальскаго, въ семействѣ коего много сохранилось замѣчательныхъ фактовъ вступленія и бѣгства изъ Россіи Наполеоновои арміи. Любопытно было слышать отъ него, какъ поляка, эти рассказы, которые онъ довольно увлекательно излагалъ съ притворнымъ патриотизмомъ и воодушевленіемъ. Впрочемъ, радушнымъ приемомъ его и всего его семейства мы были очень довольны. На бѣду онъ былъ охотникъ, и мой баронетъ, несмотря на усталость отъ путешествія, убѣдилъ хозяина отправиться съ нимъ на охоту. На другой день по утру мы съ бар. Вилліе осматривали военный госпиталь, расположенный въ зданіи бывшаго католическаго костѣла. Въ 9 часовъ утра государь оставилъ Ковно и отправился по литовскому тракту, въ направленіи въ Курляндію.

6-го іюня его величество имѣлъ ночлеги въ гор. Баускѣ, куда прибыла свита довольно рано. По занятіи квартиры, которая мнѣ была назначена въ одномъ домѣ съ б. Вилліе,—онъ пригласилъ меня на прогулку, чтобъ осмотрѣть городъ, въ которомъ онъ, служа въ елецкомъ пѣхотномъ полку врачомъ, квартировалъ съ полкомъ довольно долгое время. Городъ вообще, какъ по населенію, такъ и по расположенію своему, не представлялъ ничего замѣчательнаго. Проходя мимо одной старой корчмы, близкой уже къ разрушенію, Вилліе остановился передъ нею и сказалъ:

«Въ этомъ домѣ, лѣтъ 30-ть назадъ, я часто проводилъ время и нерѣдко цѣлыя ночи игралъ съ офицерами елецкаго полка въ бильярдъ и въ карты, въ которыхъ я тогда получалъ-было страсть. Въ одну роковую ночь я здѣсь проигрался въ карты до того, что проигралъ даже свой матрасъ и остался только съ тѣмъ, что было на мнѣ. Это все хорошо долженъ помнить находящійся нынѣ при аптекѣ во дворцѣ инвалидъ Василій. Этотъ урокъ такъ для меня былъ поучителенъ, что я тогда-же далъ себѣ честное слово, никогда не играть въ азартныя игры, и доселѣ строго его держу, какъ и тебѣ извѣстно, это слово». Я ему

на это сказалъ: «Quae poscent, docent!» Потрепавъ меня по плечу, Вилліе сказалъ, что въ справедливости этого его удостовѣряетъ опытъ и время.

7-го іюня, при вѣздѣ въ Ригу, императоръ былъ торжественно встрѣченъ военнымъ генераль-губернаторомъ маркизомъ Паулуччи, со всѣми военными и гражданскими сановниками и почетными гражданами Риги, — и отправился въ домъ маркиза Паулуччи, который былъ приготовленъ для его помѣщенія.

Рига есть старинный Остзейскій городъ, коего узкія улицы и мрачныя каменные дома дѣлаютъ видъ его унылымъ. Мы съ Вилліе имѣли квартиру въ домѣ купца англичанина Кумани, коего образъ жизни и гостепріимство обратило на себя особенное мое вниманіе. Занимая огромный каменный домъ, онъ имѣлъ прислугу, состоящую изъ вучера, одного лакея, кухарки и прачки. Онъ для насъ съ Вилліе приготовилъ обѣдъ, къ коему приглашены были человѣкъ до 20-ти англичанъ и нѣмцевъ. Столъ былъ сервированъ наилучшимъ образомъ, — и я, съ удивленіемъ, замѣтилъ, что одинъ человѣкъ, весьма хорошо одѣтый въ ливреѣ, служилъ за этимъ столомъ и ни малѣйшей остановки и замѣшательства ни въ чемъ не было.

Въ Ригѣ государь осматривалъ городъ, крѣпость, баталіонъ военныхъ кантонистовъ и военный госпиталь, и остался всѣмъ доволенъ. Здѣсь я въ первый разъ познакомился съ генераль-адъютантомъ Паскевичемъ, командовавшимъ тогда 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, которому меня рекомендовалъ Вилліе.

10-го іюня государь прибылъ на ночлегъ въ Ревель. На другой день императоръ со свитою ѣздилъ моремъ на островъ св. Карла, въ 8-ми верстахъ отъ Ревеля—противъ самой цитадели онаго. Видъ съ острова на Ревель представляетъ очаровательную картину. Екатериненталь есть загородное, прекрасно устроенное мѣсто, гдѣ обширный хорошо содержанный садъ и старинный дворецъ привлекаетъ всю ревельскую публику на гулянье. Въ праздничные дни тамъ бываетъ музыка.

Особенно въ Ревелѣ для меня было достопримѣчательно: 1) соборная церковь Олафъ, отличающаяся древнею архитектурою и чрезвычайно высокимъ и красивымъ шпилемъ; 2) въ преддверіи этой церкви мнѣ показывали гробъ, въ коемъ лежитъ доселѣ хорошо сохранившееся тѣло графа де-ля-Кроа, о коемъ гласитъ

преданіе, будто бы онъ лишенъ погребенія по смерти за сдѣланные при жизни неоплатные долги, и 3) въ церкви внутри цитадели мнѣ показывали превосходный мраморный памятникъ, воздвигнутый, по повелѣнію императрицы Еватерины II, знаменитому адмиралу Грейгу, прославившему російскій флотъ славными побѣдами.

13-го іюня 1825 г. государь благополучно возвратился въ Царское-Село, совершивъ это послѣднее свое путешествіе въ царство польское, гдѣ онъ также въ послѣдній разъ столь достойно присутствовалъ на сеймѣ.

•

(Продолженіе слѣдуетъ).

БАРОНЪ ФЕРДИНАНДЪ ПЕТРОВИЧЪ ВРАНГЕЛЬ.

Посвящается дѣтямъ и брату покойнаго.

25-го мая 1870 года въ Дерптѣ, на 74 году жизни, скончался членъ государственнаго совѣта генераль-адъютантъ адмираль баронъ Фердинандъ Петровичъ Врангель.

Покойникъ слишкомъ полвѣка состоялъ на государственной службѣ и занималъ высокія мѣста въ правительственной іерархіи, былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, между прочимъ почетнымъ членомъ петербургской и французской академіи наукъ, харьковскаго университета, нашего географическаго общества и друг., подвизался на трудномъ поприщѣ полярныхъ открытій и сошелъ въ могилу, оставивъ по себѣ славную память.

Заслуги Фердинанда Петровича не нуждаются въ новомъ письменномъ памятникѣ, пока будетъ существовать печатное слово и всемірный переворотъ не сотретъ съ лица земли заливъ на восточномъ берегу Аляски, мысъ на Алеутскихъ островахъ, островъ въ Крестовомъ заливѣ, гору въ бывшихъ нашихъ владѣніяхъ въ Америкѣ, наконецъ землю въ Ледовитомъ океанѣ, носящія имя покойника, до тѣхъ поръ имя барона Врангеля не забудется и въ далекомъ потомствѣ.

Пользовавшись расположеніемъ и довѣренностію Фердинанда Петровича, состоя съ нимъ въ постоянной перепискѣ, можно сказать до послѣднихъ дней его жизни, прослушавъ много эпизодовъ изъ поучительной и полной увлекательнаго интереса жизни этого старика съ богатымъ запасомъ опыта, знаній и свѣдѣній, я считаю священнымъ своимъ долгомъ представить на страницахъ «Русской Старины» хотя бѣглый біографическій очеркъ замѣчательной жизни славнаго русскаго морехода и ученаго.

Бароны Врангели принадлежатъ къ весьма древнему и особенно уважаемому лифляндскому роду, члены котораго прославились воинскими доблестями и гражданскими добродѣтелями въ Швеціи, Пруссіи и Россіи. Въ битвѣ подъ Полтавою пало 22 Врангеля: прусскій фельдмаршалъ баронъ Врангель, въ прусско-австрійскую войну въ 1866 году, будучи 80-ти-лѣтнимъ старцемъ, и не взирая на свое высокое положеніе, сталъ въ ряды арміи простымъ воиномъ. Въ нашей арміи фамилія Врангель весьма популярна.

Дѣдъ Фердинанда Петровича былъ камергеромъ при императорѣ Петрѣ III, обладалъ значительнымъ состояніемъ, но вслѣдствіе государственнаго переворота принужденъ былъ эмигрировать, а имѣніе его было конфисковано. Такимъ образомъ отецъ Фердинанда Петровича имѣлъ весьма скудныя средства для содержанія своего семейства и принужденъ былъ отдать сыновей своихъ на воспитаніе къ родственникамъ. Вскорѣ затѣмъ умерли родители Фердинанда Петровича и попеченіемъ родныхъ онъ былъ опредѣленъ въ морской кадетскій корпусъ. Трудно было избрать болѣе соответствующее характеру мальчика заведеніе и казалось само Провидѣніе указало тотъ путь, по которому должно было его направить. Предпримчивость и страсть къ опаснымъ странствованіямъ безотчетно зародилась у Фердинанда Петровича еще въ первые годы его дѣтства, и уже 6-тилѣтнимъ мальчикомъ старался онъ воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы, не взирая на непогоду, уйти изъ дому въ лѣсъ, импровизируя пѣсни, съ постоянно однимъ и тѣмъ же слышаннымъ имъ припѣвомъ: «туда, туда, въ даль, съ лукомъ и стрѣлою!»

Отправляясь въ корпусъ Фердинандъ Петровичъ «писалъ къ своимъ сверстникамъ-роднымъ: «карьера моя устроена, — я отправляюсь въ морской корпусъ». Влеченіе собственно къ морской службѣ было отчасти возбуждено рассказами моряка, вернушагося изъ перваго кругосвѣтнаго путешествія Крузенштерна; рассказы эти оставили неизгладимые слѣды въ воображеніи впечатлительнаго мальчика. По вступленіи въ корпусъ постоянно и завѣтною думою кадета Врангеля были дальнія странствованія и опасныя предпріятія; съ этою цѣлью старался онъ себя закалить разными лишеніями, напр. зимою при 25° мороза, вскакивалъ съ постели и въ одной рубашкѣ, босикомъ, бѣгалъ въ неото-

пленномъ корридорѣ; выходилъ изъ бани и катался въ снѣгу; по цѣлымъ днямъ питался скудною пищею, и т. п.

Казалось бы, что 11-ти-лѣтній мальчикъ, ни слова не говорившій по-русски, въ суровыя времена начала настоящаго столѣтія, чуждый привычекъ и обычаевъ своихъ русскихъ товарищей - сверстниковъ, пройдетъ трудную школу, пока достигнетъ кадетской самостоятельности; но правдивый во всемъ, Фердинандъ Петровичъ и въ этомъ случаѣ отдаетъ полную справедливость доброму русскому сердцу и русской терпимости и до послѣдней минуты твердилъ онъ, что фанатизмъ и національная ненависть не сродны русскому характеру. Въ корпусѣ онъ выносилъ только тѣ преслѣдованія, которымъ, въ былыя времена, подвергались всѣ новички, независимо отъ ихъ происхожденія; со стороны же начальствующихъ кадетъ Врангель испытывалъ полное безпристрастіе, и Фердинандъ Петровичъ съ особеннымъ уваженіемъ и благодарностію вспоминалъ своихъ воспитателей, которые были всѣ русскіе, а именно: Купреяновъ, Харламовъ, князь Шихматовъ, Гарковенко, Давыдовъ и друг. Это и было причиною, что еще въ корпусѣ освоился Фердинандъ Петровичъ съ русскими обычаями, полюбилъ русскихъ, изучилъ русскій языкъ въ ущербъ нѣмецкому, такъ что впоследствии описаніе своихъ полярныхъ открытій написалъ по-русски, предоставивъ другимъ перевести его на нѣмецкій языкъ. Вообще, относительно самого себя, Фердинандъ Петровичъ вынесъ изъ корпуса хорошія воспоминанія, но въ этомъ случаѣ онъ находился въ исключительныхъ условіяхъ: добрая сѣмена чистой нравственности, брошенная домашнимъ воспитаніемъ, и замѣчательныя способности рѣзко выдѣляли его изъ среды сверстниковъ; онъ никогда не подвергался въ корпусѣ, даже въ то время, тѣлеснымъ наказаніямъ и отъ вступленія въ корпусъ до производства въ офицеры былъ первымъ въ классѣ. Гнушаясь лжи, Фердинандъ Петровичъ съ юныхъ лѣтъ возмущался клятвами, произносимыми кадетами при увѣреніяхъ и оправданіяхъ, весьма часто въ ущербъ истинѣ; это побудило его составить въ корпусѣ товарищество, девизомъ котораго было: «честное слово вмѣсто клятвъ и божбы». Переживъ своего товарища по корпусу и путешествіямъ въ полярныхъ странахъ, адмирала Анжу, Фердинандъ Петровичъ написалъ біографическую замѣтку, помѣщенную въ «Морскомъ Сборникѣ»; въ

замѣтъ этой, воздавъ должную дань высокимъ и благороднымъ чувствамъ своего товарища-друга, баронъ Врангель весьма рельефно изобразилъ тогдашнюю корпусную жизнь и жестокой характеръ воспитанія. Недостатки этого воспитанія оставили въ душѣ его глубокіе слѣды и побудили впоследствии приняться за всестороннее и педагогическое изученіе различныхъ системъ воспитанія. Чуждый самолюбивыхъ выходокъ, Фердинандъ Петровичъ, однакоже, неоднократно съ чувствомъ удовольствія говорилъ, что если въ воспитаніи нашего юношества въ новѣйшіе годы и послѣдовала перемѣна къ лучшему, то нѣкоторая доля заслуги принадлежитъ и ему, ибо починъ этого существенно важнаго вопроса поднять при его содѣйствіи въ «Морскомъ Сборникѣ».

Въ іюнѣ 1815 года, на 19 году жизни, гардемаринъ баронъ Врангель былъ произведенъ въ мичманы и назначенъ въ 19-й экипажъ, расположенный въ Ревелѣ. Четыре товарища по выпуску: Врангель, Анжу, другой Врангель (родственникъ Ф. П.) и Можайскій поселились на общей квартирѣ, въ форштадтѣ Ревеля. Старый матросъ готовилъ имъ ежедневно щи и кашу къ обѣду и ужину; скудныя средства не дозволяли ничего болѣе и чай подавался только когда бывали гости. Вообще заря будущности мичмана Врангеля взошла не на свѣтломъ небосклонѣ; всегда первый въ классѣ, первый по выпуску, онъ постоянно былъ отличаемъ воспитателями и уважаемъ товарищами, вслѣдствіе этого кадетъ сталъ тщеславенъ и съ этимъ кадетскимъ тщеславіемъ началъ молодой мичманъ свою самостоятельную жизнь съ увѣренностію, что и въ обществѣ встрѣтитъ онъ то вниманіе и почетъ, которымъ былъ избалованъ въ кадетской куртѣ. Но прежде умственныхъ способностей свѣтъ цѣнить въ молодомъ офицерѣ его наружныя достоинства, а въ этомъ-то природа и отказала Фердинанду Петровичу: онъ былъ малаго роста; если къ этому прибавить несообщительный характеръ юноши, воспитывавшагося въ замкнутомъ заведеніи, то понятно, почему въ первые мѣсяцы своей службы сталъ онъ истиннымъ камеръ-гаузеромъ. Въ обществѣ дамъ, гдѣ всѣхъ предпочитали ему, былъ онъ совершенный нелюдимъ и вскорѣ совсѣмъ отказался отъ него, посѣщая только своихъ близкихъ родныхъ.

Но благородное самолюбіе, сознание въ себѣ силы, безотчет-

ная увѣренность, что въ душѣ тлѣетъ искра того священнаго огня, который творить полезныхъ дѣятелей, не дали заснуть надеждамъ молодого мичмана и указали ему, хотя трудное, но вполне прочное поприще жизни; поприще это — служба и наука. Обстоятельства какъ нельзя болѣе способствовали твердой рѣшимости мичмана Врангеля: онъ былъ назначенъ съ командою матросовъ въ деревню. Съ силою воли мужа и еще свѣжими умственными способностями принялся молодой человекъ за самообразование; сознание скудости своихъ свѣдѣній и твердая рѣшимость обогатиться ими несомнѣнно должны были увѣнчаться успѣшными результатами.

Математика, языки и черченіе стали ежедневными предметами занятій мичмана Врангеля, а чтеніе путешествій, которому онъ предался съ увлеченіемъ, — его развлеченіемъ. Въ этомъ уединеніи и при такихъ занятіяхъ образовалась жажда предприимчивости, зародилась страсть къ опаснымъ путешествіямъ въ далекія моря и неизвѣданныя еще страны, выработался тотъ твердый характеръ, который упорно идетъ по пути преградъ и опасностей въ виду достиженія опредѣленной цѣли или научныхъ результатовъ.

Съ такою же непреклонною волею выработывалъ мичманъ Врангель и свою физическую природу, и крѣпкій духъ свой заковалъ въ могучій организмъ. Въ сосѣдней деревнѣ квартировалъ съ командою товарищъ Фердинанда Петровича — мичманъ Анжу; въ морозъ и непогоду, часто во время вьюги, въ легкой одеждѣ, чуть не каждый день навѣщали они другъ друга, и такимъ образомъ, какъ бы предчувствуя, подготавливали себя къ тѣмъ невздамъ, которыя должны были выпасть на ихъ долю при изслѣдованіи береговъ Сибири.

Въ такомъ нравственномъ настроеніи вернулся мичманъ Врангель, весною 1816 года, въ Ревель, гдѣ вооружалась эскадра для лѣтнаго практическаго плаванія. На фрегатѣ «Автроиль», съ другомъ своимъ Анжу, началъ Фердинандъ Петровичъ свою морскую жизнь въ офицерскомъ чинѣ. Плаваніе въ Финскомъ заливѣ не могло удовлетворить энтузіаста моряка, мечты уносили его въ безпредѣльный океанъ, душа жаждала опасностей морскихъ битвъ и борьбы со стихіею. Гдѣ же утолить эту жажду? Въ Европѣ только-что воцарился миръ; о дальнихъ плаваніяхъ.

не было и слуху... Въ раздумьи ходилъ молодой мичманъ по палубѣ фрегата Автроиль, который по приказанію адмирала вернулся на Ревельскій рейдъ, когда посѣтилъ его товарищъ по корпусу, мичманъ Демидовъ, прибывшій изъ Кронштадта. Мичманъ Демидовъ между прочимъ, по секрету, сообщилъ новость, что капитанъ Головининъ на военномъ шлюпѣ отправляется въ кругосвѣтное путешествіе. Вѣсть эта электрическимъ ударомъ потрясла все существо юнаго энтузіаста; завѣтными мечтамъ предстояла возможность осуществиться; но что же предпринять? Фрегату Автроиль предписано присоединиться къ эскадрѣ... Мичманъ Врангель рѣшился просить главнаго командира надъ Ревельскимъ портомъ походатайствовать за него, и съ стѣсненнымъ сердцемъ оставилъ Ревельскій рейдъ.

Эскадра вернулась въ Ревель осенью. Мичманъ Врангель тотчасъ послѣдовалъ къ главному командиру, но получилъ неудовлетворительное сообщеніе: капитанъ Головининъ отвѣчалъ, что онъ беретъ съ собою только лично ему извѣстныхъ офицеровъ. Между тѣмъ фрегатъ Автроиль получилъ приказаніе отплыть въ Свеаборгъ, гдѣ и остаться на зиму. Истощенный бессонницею и постояннымъ внутреннимъ волненіемъ, молодой мичманъ метался отъ одной мысли къ другой; ему казалось, что вопросъ идетъ не только о его будущности, но о всей его жизни. Должно было на что-нибудь рѣшиться, и Фердинандъ Петровичъ остался вѣренъ своему характеру: онъ рѣшился на отважный шагъ. За нѣсколько часовъ до отплытія Автроила мичманъ Врангель отлучился съ фрегата и подалъ рапортъ о болѣзни; адмиралъ приказалъ больного или здороваго доставить на фрегатъ, но мичмана Врангеля нигдѣ не отыскали. Спустя нѣсколько дней по уходѣ Автроила молодой мичманъ, съ 15-ю рублей ассигн. въ карманѣ, плылъ на каботажномъ суднѣ, возвращавшемся въ Петербургъ, по сдачѣ плиты въ Ревель. Послѣ десятидневнаго плаванія, выдержавъ штормъ, судно прибыло въ Петербургъ. Молодой мичманъ явился къ капитану Головинину и умолялъ его взять съ собою простымъ матросомъ; познакомившись съ нимъ, капитанъ Головининъ далъ слово включить его въ число офицеровъ своего экипажа.

Послѣ тревожныхъ волненій настало восторженное состояніе; не было въ мірѣ человѣка счастливѣе молодого мичмана.

Въ сентябрѣ 1817 года на Кронштадтскомъ рейдѣ шлюпъ «Камчатка» снялся съ якоря и подъ командою капитана Головинина отправился въ кругосвѣтное плаваніе; на суднѣ были лейтенанты: Муравьевъ (старшій офицеръ), Филатовъ и Кутыгинъ и мичмана: Литке и Врангель.

Въ теченіи двухлѣтняго плаванія мичманъ Врангель велъ дневникъ, въ который съ педантическою вѣрностію записывалъ ежедневно все видѣнное и слышанное. Къ сожалѣнію, дневникъ этотъ сгорѣлъ во время пожара и живыя впечатлѣнія молодого мичмана, его образъ мыслей и взгляда слышали мы лишь изъ устъ старика-адмирала, сохранившаго навсегда въ памяти всю поэзію своего перваго плаванія. О командирѣ «Камчатки» капитанѣ Головининѣ отзывался Фердинандъ Петровичъ съ особеннымъ уваженіемъ; по словамъ его, Головининъ былъ человѣкъ энергическій, опытный, съ большимъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, любознательный и обладавшій въ высшей степени быстротою соображеній и рѣшимостью. Что касается сущности морской службы и практическаго плаванія, то у Головинина было чему поучиться, но за предѣлами настоящей службѣ моряка, Головининъ становился равнодушнымъ въ наружному щегольству и тѣмъ мелочамъ военно-морской смотровой части, которыя неизбѣжно необходимы на военномъ суднѣ. По мнѣнію Фердинанда Петровича, М. П. Лазаревъ и В. М. Головининъ такъ сказать дополняли другъ друга. Въ непродолжительное время приобрѣлъ мичманъ Врангель расположеніе старшаго офицера, лейтенанта Муравьева, изъ товарищей же коротко сблизился съ мичманомъ Литке, дружескія отношенія съ которымъ сохранились и въ послѣдній періодъ его жизни и, по словамъ Фердинанда Петровича, служили ему источникомъ, изъ котораго онъ почерпалъ утѣшеніе и силы въ трудные дни его жизни.

Всею душою предался молодой мичманъ обогащенію своихъ познаній практическими свѣдѣніями и въ особенности занимался практическою навигаціею, мореходною астрономіею и землевѣдѣніемъ. Сверхъ того Врангель давалъ уроки двумъ гардемаринамъ Лутковскимъ.

На второй годъ плаванія Врангель пристрастился къ чтенію полярныхъ путешествій и все свободное время посвящалъ изученію этого предмета. Эта настойчивость въ трудѣ и стрем-

лении обнять виолнѣ изучаемый предметъ, привлекли особенное вниманіе капитана Головинна на молодого мичмана, такъ что когда по возвращеніи изъ вругосвѣтнаго плаванія, въ 1819 году, рѣшено было отправить экспедицію для изслѣдованія сѣверныхъ береговъ Восточной Сибири, то капитанъ Головиннъ указалъ на барона Врангеля, произведеннаго уже въ лейтенанты, какъ на весьма способнаго моряка, подготовившагося научно руководить важною экспедиціею. Одновременно снаряжалась и другая экспедиція для изслѣдованія сѣверныхъ береговъ Западной Сибири, подъ руководствомъ лейтенанта Анжу. Обѣ экспедиціи опредѣлено отправить въ мартѣ будущаго 1820 года.

Перечитавъ все, что только можно было достать, о полярныхъ путешествіяхъ, изучивъ тѣ затрудненія, которыя въ ледяной степи ставятъ путешественника въ безвыходное положеніе, Врангель стремился все предусмотрѣть и запастись необходимыми научными свѣдѣніями. Съ этою цѣлю онъ неутомимо учился то въ мастерской физическихъ инструментовъ, то въ аудиторіяхъ дерптскаго университета, слушая лекціи астрономіи, минералогіи и физики извѣстныхъ въ то время профессоровъ Струве, Энгельгардта и Паррота *).

Верхомъ блаженства для молодого лейтенанта былъ день, когда онъ сѣлъ въ почтовую тележку и отправился въ Сибирь. Отрядъ экспедиціи состоялъ изъ мичмана Матюшевина, доктора Кибера, одного матроса, одного слесаря и одного казака. 26-го мая лейтенантъ Врангель явился въ Иркутскѣ къ М. М. Сперанскому. Счастіе благоприятствовало ему, и въ Сперанскомъ нашелъ онъ не только полное сочувствіе къ дѣлу, но услѣлъ лично приобрѣсти особенное расположеніе знаменитаго администратора. Вотъ что говорилъ баронъ Врангель объ этомъ замѣчательномъ государственномъ дѣятелѣ: «всѣмъ, что экспедиція

*) Какъ примѣръ, до чего могутъ умные и ученые люди увлекаться, рассказывалъ Фердинандъ Петровичъ о слѣдующемъ настоятельномъ совѣтѣ Паррота: «Достигнувъ наиболѣе выдающейся въ океанѣ точки, выждать южный вѣтеръ, подвязать подъ мышки воздушный шаръ и съ бодримъ духомъ нестись на сѣверъ до тѣхъ поръ, пока стрѣла инструмента, которымъ Парротъ хотѣлъ снабдить моряка-воздухоплавателя, не укажетъ ему, что онъ находится надъ магнитнымъ полюсомъ; тогда постараться опуститься на льдину, сдѣлать необходимыя наблюденія и выждавъ сѣвернаго вѣтра вернуться на материкъ».

совершить успѣла, обызана она мудрымъ распоряженіямъ М. М. Сперанскаго; безъ его покровительства предпріятіе рушилось бы въ самомъ началѣ».

Пройдывъ въ 27 дней 2,500 верстъ по рѣкѣ Кочугѣ, прибылъ лейтенантъ Врангель въ Якутскъ и съ такою же быстротою отправился въ Нижне-Колымскъ, избранннй имъ операціоннымъ пунктомъ для своихъ предпріятій, куда и прибылъ 2-го ноября 1820 года при 32° Р. Колыма извѣстна суровостію климата, средняя годовичная температура въ ней — 8° Р., даже лѣтомъ случаются здѣсь страшныя метели.

Баронъ Врангель издалъ описаніе своего путешествія на русскомъ языкѣ, которое прежде появилось уже на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и доставило ему почетное званіе члена многихъ ученыхъ обществъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ *). Независимо отъ ученаго значенія, сочиненіе это есть художественное, литературное произведеніе: величіе картинъ природы, нравы и обычаи народонаселенія, промыслы и издѣлія, богатства Сибири... все это описано съ такою наблюдательностію и такъ изящно, что книга читается съ увлеченіемъ.

Главнѣйшіе результаты четырехлѣтнихъ странствованій и изслѣдованій заключались въ слѣдующемъ: 1) описанъ берегъ отъ устья Колымы до острова Колючина; 2) море осмотрѣно на разстояніи до 260 верстъ отъ берега, причемъ Врангель убѣдился, что къ сѣверу отъ мыса Яканъ лежитъ земля, которую не искать, а найти слѣдуетъ. Земля эта дѣйствительно открыта въ 1867 году и названа землею Врангеля; 3) описаны острова противъ рѣкъ Яны и Колымы; 4) изслѣдована внутренность сѣвера восточной части Сибири; 5) раздѣленіе Азии и Америки рѣшено окончательно: лейтенантъ Врангель достигъ съ запада острова Колючина, который съ востока осмотрѣнъ капитаномъ Биллингсомъ; 6) сдѣланы многочисленныя наблюденія и собраны замѣчательныя свѣдѣнія о народахъ и произведеніяхъ почти неизвѣстнаго края Сибири.

*) Прежде всего появилось нѣмецкое изданіе, составленное Энгельгардтомъ изъ записокъ Фердинанда Петровича; самъ же онъ до того обрусѣлъ въ корпусѣ, на службѣ и въ Сибири, что лучше владѣлъ русскимъ языкомъ, нежели нѣмецкимъ.

Въ сочиненіи своемъ «Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ» извѣстный писатель Гартвигъ говоритъ: «Четыре года провелъ Врангель въ пустынномъ закоулѣ земного шара; четыре года лишеній и препятствій; четыре года, принесшіе плоды для науки и доставившіе самому Врангелю славу и почести. Милость царя и всеобщее признаніе заслугъ были ему наградою. Затрудненія, съ которыми пришлось бороться Врангелю, ревность къ достиженію научныхъ результатовъ, вынесенныя имъ лишенія и опасности, безстрашіе и сила воли—все это, безъ всякаго сомнѣнія, даетъ Врангелю право, рядомъ съ Франклиномъ и Парри, стать въ первомъ ряду арктическихъ путешественниковъ».

Также высоко цѣнить заслуги барона Врангеля извѣстный географъ Риттеръ.

По истеченіи 4-хъ лѣтъ лейтенантъ Врангель испрашивалъ разрѣшеніе остаться еще на годъ или на два; онъ считалъ экспедицію свою неоконченною, не побывавъ на той землѣ, положеніе которой онъ такъ вѣрно опредѣлялъ; разрѣшенія этого не получилъ. И дѣйствительно настала уже крайняя пора возвратиться. Два раза былъ лейтенантъ Врангель, такъ сказать, въ рукахъ смерти: въ первый разъ, когда ледяное поле, въ 200-хъ верстахъ отъ берега, какъ бы подземнымъ ударомъ раздробилось подъ ногами въ мелкіе куски и образовалась полынья въ $\frac{1}{2}$ версты ширины; въ другой разъ, когда на оторванной льдинѣ носился онъ двое сутокъ почти безъ пищи; но здѣсь находчивость, сила воли и своевременная помощь мичмана Матюшкина спасли его. Въ концѣ же путешествія появился новый врагъ—немочи тѣлесныя; желѣзныи организмъ разломили ревматизмы; глаза отъ постоянного воспаленія отказывались служить и конечно не въ Нижне-Колымскѣ, при 30 и 40° Р., можно было возстановить потраченныя силы. Въ февралѣ 1824 года прибылъ лейтенантъ Врангель въ Иркутскъ и не владелъ уже ногами, между тѣмъ онъ получилъ предписаніе торопиться въ Петербургъ. Генераль-губернаторъ Лавинскій взялъ на себя отвѣтственность, оставивъ лейтенанта Врангеля въ Иркутскѣ съ тѣмъ, чтобы при первой возможности могъ онъ воспользоваться цѣлебными Баргузинскими водами. Такимъ образомъ только въ іюлѣ 1824 года вернулся Фердинандъ Петровичъ въ Петербургъ.

Императоръ Александръ I принялъ лейтенанта Врангеля весь-

ма благосклонно, заставлялъ его рассказывать многія подробности и между прочимъ спросилъ: «а бываютъ ли тамъ красныя дни»? На что Врангель отвѣчалъ: «Я, ваше величество, провелъ тамъ, быть можетъ, самыя красныя дни моей жизни».

При представленіи императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ нижеколымскій обитатель, несмотря на всѣ наставленія оберъ-церемоніймейстера, не понялъ знака и не поцѣловалъ руки императрицы какъ бы слѣдовало.

За понесенныя труды лейтенантъ Врангель былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й ст., въ получаемому жалованью прибавлено лейтенантское жалованье, а время проведенное въ экспедиціи повелѣно считать вдвое, для выслуги пенсіи.

Послѣ долговременнаго пребыванія въ экспедиціи на крайнемъ Сѣверѣ, въ сношеніяхъ съ людьми, которыхъ не коснулася еще рука цивилизаціи, при исключительныхъ обстоятельствахъ, при постоянномъ напряженіи умственныхъ и физическихъ силъ, какъ-то неестественъ былъ переходъ въ бездѣятельности, удобству и обществу. Молодой человѣкъ 27-ми лѣтъ, только что испытавшій свои силы, съ кипучей жаждой дѣятельности, не могъ удовольствоваться приобрѣтенною извѣстностію; ему казалось, что онъ сдѣлалъ только первый опытъ, первый шагъ на пути своего призванія. Все это повергло барона Врангеля въ меланхолическое настроеніе, онъ совершенно отказался отъ общества и даже въ кругу родныхъ казался чужимъ и равнодушнымъ. Къ какому исходу могло привести это томленіе бездѣйствія, трудно угадать, въ особенности зная, что корифеи декабристовъ старались завлечь въ свой кругъ Фердинанда Петровича—человѣка съ недюжинною силою воли и готоваго на все въ виду достиженія желаемой цѣли, зная что онъ уже коротко знакомъ былъ съ главными декабристами въ Петербургѣ. Вотъ что говорилъ самъ Фердинандъ Петровичъ: «Успокоивши тревожныя чувства, созрѣвъ опытностію и безпристрастіемъ, мы должны сознаться, что не всирая на увлекательность тѣхъ высокихъ душевныхъ и умственныхъ способностей, которыми рельефно отличались дѣятели 14-го декабря, мы убѣждаемся теперь въ томъ, что они заблуждались, что сужденіе ихъ померкло отъ пагубнаго вліянія односторонности, порожденной ничѣмъ необузданнымъ горячимъ желаніемъ

патріота выдвинуть дорогое отечество на первый планъ образованнаго міра; такъ разсуждаемъ мы теперь, но тогда — увлеченіе было возможно». Добрый геній Фердинанда Петровича, его бывшій капитанъ, а въ описываемое время генераль-интендантъ флота Головницкй, быть можетъ, спасъ его отъ гибели, предложивъ ему снова отправиться въ кругосвѣтное плаваніе капитаномъ судна; въ это время баронъ Врангель не былъ еще посвященъ въ планы декабристовъ.

Побудительною причиною этой экспедиціи были слѣдующія соображенія: приобрѣтеніе необходимыхъ предметовъ снабженія для Камчатки было сопряжено съ такими затрудненіями и съ такими громадными издержками, что морское министерство рѣшилось испытать доставку всего необходимаго изъ Петербурга. Съ этою цѣлію поручено было капитанъ-лейтенанту Врангелю построить трех-мачтовый шлюпъ «Кроткій», съ такимъ расчетомъ, чтобы по возможности команда была ограничена и насколько возможно увеличена вмѣстительность для груза.

Въ сентябрѣ 1825 года нагруженный «Кроткій» вошелъ въ Атлантическій океанъ; угрюмый на берегу капитанъ этого судна какъ бы переродился, вошелъ въ свою сферу. «Я почувствовалъ себя снова на свободѣ, — говорилъ Фердинандъ Петровичъ, — и пришелъ къ убѣжденію, что покаместъ отечество, кровь и покой душевный составляетъ для меня океанъ». И въ это путешествіе баронъ Врангель велъ дневникъ, который и былъ представленъ въ министерство, но не одобренъ для печати. Къ сожалѣнію ни черновой экземпляръ, ни представленный для печати въ министерство не могли быть отысканы. На возвратномъ пути, на рейдѣ въ Портсмутѣ засталъ «Кроткій» эскадру адмирала Сенявина, изъ которой подъ начальствомъ графа Гейдена отдѣлялся отрядъ въ Средиземное море, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ по поводу возстанія Греціи. Капитанъ-лейтенантъ Врангель подалъ рапортъ, прося присоединить «Кроткій» въ отрядъ графа Гейдена, но на этотъ разъ ему не посчастливилось и не удалось принять участіе въ знаменитой Наваринской битвѣ; онъ получилъ предписаніе немедленно плыть въ Кронштадтъ, куда, послѣ двухлѣтняго отсутствія и прибылъ «Кроткій», въ августѣ 1827 года.

Въ сентябрѣ государь осматрѣлъ во всей подробности шлюпъ

«Кроткій», и оставшись совершенно довольнымъ найденнымъ порядкомъ, благодарилъ въ лестныхъ выраженіяхъ командира и экипажъ за полезную и усердную службу. Еще не успѣлъ государь сойти съ палубы, какъ морской министръ, адмиралъ Моллеръ шепнулъ барону Врангелю: «Его величество приказалъ васъ назначить командиромъ экипажа и строящагося линейнаго корабля». Въ тотъ же вечеръ добросовѣстный и прамодушный морякъ, сознавая свою неопытность и незнаніе гарнизонной службы, просилъ письмомъ не назначать его экипажнымъ командиромъ, а назначить командиромъ фрегата. Государь императоръ при докладѣ былъ удивленъ, но принялъ благосклонно поступокъ капитанъ-лейтенанта Врангеля и приказалъ поручить ему командование фрегатомъ «Елисавета», который строился въ адмиралтействѣ, противъ зимняго дворца.

За двухлѣтнее кругосвѣтное плаваніе и усилѣнное исполненіе возложеннаго порученія капитанъ-лейтенантъ Врангель награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й ст., получаемое жалованье обращено въ пенсію, а время проведенное въ экспедиціи повелѣно считать вдвойнѣ. Черезъ нѣсколько дней по полученіи этихъ наградъ баронъ Врангель былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга.

Во время постройки фрегата «Елисавета» государь не менѣе одного раза въ недѣлю осматривалъ работы и каждый разъ благосклонно обращался къ капитану Врангелю; часто, не выходя изъ саней требовалъ его величество Врангеля и дарилъ его ласкою. вмѣстѣ съ назначеніемъ командиромъ фрегата назначенъ былъ баронъ Врангель и членомъ учетнаго комитета морского министерства; состоя въ этомъ комитетѣ Фердинандъ Петровичъ подаль докладную записку объ увеличеніи во флотѣ калибра вооруженія, что по докладѣ было высочайше утверждено.

Недостатокъ денежныхъ средствъ и истощеніе запасовъ лѣса были причиною, что, несмотря на нетерпѣливость капитана, фрегатъ Елисавета только въ позднюю осень 1828 года прибылъ въ Кронштадтъ. Здѣсь Врангель назначенъ былъ командиромъ сводной бригады и презусомъ военно-слѣдственной комиссіи. Свободное время Фердинандъ Петровичъ посвящалъ подготовленію для печати описанія своего путешествія и своихъ открытій въ Ледовитомъ морѣ. Не трудно было предсказать, что

жизнь на берегу въ Кронштадтѣ въ то время, когда казарменные порядки, тонкости пригонки, гарнизонная и смотровая служба, суровая дисциплина, составляли столь же необходимыя качества командира части, какъ и знаніе морского дѣла, не могла понравиться Фердинанду Петровичу....

Въ исходѣ зимы 1828 года подалъ баронъ Врангель прошеніе объ отчисленіи его на 5 лѣтъ изъ дѣйствительной службы; вмѣстѣ съ этимъ просили и директоры сѣверо-американской компаніи морское министерство о назначеніи капитана 2-го ранга барона Врангеля главнымъ правителемъ колоній съ производствомъ въ слѣдующій чинъ. Не сомнѣвался въ благопріятномъ исходѣ дѣла, отправился Фердинандъ Петровичъ въ отпускъ и былъ пораженъ извѣстіемъ, что министерство отказало командировать его въ Америку. Немедленно вернулся онъ въ Петербургъ и представился морскому министру. Всѣ объясненія министра, что ему предстоитъ болѣе блестящая карьера, что государь приказалъ: «вести васъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ», только усилили разъ принятую рѣшимость; баронъ Врангель съ своей стороны представилъ, что онъ обязался словомъ и сдѣлалъ такіе шаги, которые безъ ущерба чести не дозволяютъ ему вернуться въ прежнее положеніе. Такимъ образомъ въ мартѣ 1829 года баронъ Врангель былъ произведенъ въ капитана 1-го ранга съ назначеніемъ главнымъ правителемъ сѣверо-американскихъ колоній.

Теперь представлялся вопросъ: гдѣ найти образованную дѣвушку, которая бы рѣшилась, такъ сказать, прямо изъ-подъ вѣнца отправиться на 5 лѣтъ въ холодныя тундры Ситхи и переездъ этотъ совершить сухимъ путемъ въ Охотскъ? Фердинанду Петровичу представлялись весьма выгодныя партіи, но теперь наружная обстановка потеряла для него всякое значеніе: поэтъ въ душѣ, онъ искалъ духовное сокровище, и самъ нашелъ его, нашелъ своеобразно, романически. Съ предвзятымъ намѣреніемъ познакомиться въ одномъ семействѣ, гдѣ Фердинанду Петровичу рекомендовали достойную дѣвушку, ѣхалъ онъ съ своею родственницею изъ Петербурга въ Эстляндскую губернію; въ конторѣ дилижансовъ въ Ревелѣ увидѣлъ Фердинандъ Петровичъ изъ окна гуляющее семейство, въ числѣ прочихъ дѣвушку, которая приковала его вниманіе, быстро обратился онъ къ своей

родственницѣ, уроженѣ Ревеля, съ вопросомъ не знаетъ ли она это семейство, и получивъ утвердительный отвѣтъ, просилъ немедленно представить его. Рѣшивъ въ умѣ своемъ, что онъ нашель свою суженую, энергическій морякъ быстро пошелъ къ цѣли: черезъ двѣ недѣли сдѣлалъ онъ предложеніе, черезъ другія двѣ недѣли обвѣнчался, а еще черезъ двѣ недѣли ѣхалъ съ молодою супругою *) въ Иркутскъ.

Осенью 1829 года прибылъ баронъ Врангель съ молодою женою въ Иркутскъ, гдѣ гостепріимное купечество и губернаторъ приняли путешественниковъ весьма радушно. Зимой баронъ Врангель совершилъ, въ интересахъ компаніи, поѣздки въ Маймачинъ, гдѣ также молодую чету принимали съ большимъ торжествомъ. Весною 1830 года родилась у барона Врангеля дочь, а въ маѣ плылъ онъ съ своимъ семействомъ по Ленѣ въ Якутскъ; отсюда предстояло проѣхать 1,200 верстъ до Охотска верхомъ и наконецъ мѣсячное плаваніе изъ Охотска въ Ситху при весьма ненастной и бурной погодѣ. На шестомъ мѣсяцѣ странствованій, въ октябрѣ, прибыли наконецъ путешественники въ мѣсто ихъ осѣлости — Новый Архангельскъ.

Какъ всѣ люди съ энергическимъ характеромъ и твердою волею доводятъ проявившуюся у нихъ привязанность до зенита ея, такъ и Фердинандъ Петровичъ сталъ самымъ нѣжнымъ и заботливымъ отцемъ и мужемъ. Неудобства и лишенія въ путешествіи изъ Иркутска въ Новый Архангельскъ, въ особенности странствованіе верхомъ молодой женщины съ груднымъ ребенкомъ, ночлеги въ ненастную погоду безъ всякаго крова, наконецъ сильныя штормы во время переѣзда моремъ — все это было тяжелымъ испытаніемъ для впечатлительной души Фердинанда Петровича и тревожное состояніе изнурило бы его, если бы молодая жена не облегчила его страданій. Эта достойная и умная женщина, пробивъ кору равнодушія сосредоточеннаго мыслителя и ожививъ сердце угрюмаго моряка для высокихъ, религіозныхъ и нѣжныхъ чувствъ, вѣрно поняла какою нравственною опорою должна она быть въ жизни своего мужа, и дѣйствительно была, въ точномъ значеніи этого слова, его ангеломъ-хранителемъ.

*) Урожденную Россильонъ.

«РУССКАЯ СТАРИНА», т. V. 1872 г. МАРТЬ.

Едва-ли ни въ первый разъ прибыла въ Ситху образованная женщина и Фердинандъ Петровичъ восхищался гостепріимствомъ и тѣмъ природнымъ тактомъ своей жены, по внушенію котораго встрѣчала она одинаково радушно всѣхъ посѣщавшихъ домъ ея. За то и оставила она въ благодарныхъ сердцахъ завидныя о себѣ воспоминанія. Скромный дѣятель, подвизавшійся по пути озаренія лучемъ христіанства алеутовъ и колошей, нынѣ высокій пастырь, не задолго до смерти Фердинанда Петровича, между прочимъ писалъ къ нему: «Сегодня 6-е января — день рожденія покойной супруги вашей, которую я всегда поминую въ моихъ посильныхъ молитвахъ. Кажется никогда я не былъ такъ веселъ, какъ 6-го января 1835 года, т.-е. въ первомъ году прожитія моего въ Ситхѣ по возвращеніи изъ Уналашки». — Супруга Фердинанда Петровича была женщина глубоко религіозная и благочестивая.

Вступленіе барона Врангеля въ управленіе сѣверо-американскихъ колоній принесло существенную пользу компаніи; всѣ отдѣлы и острова бывшихъ нашихъ владѣній въ Америкѣ, отъ Берингова Пролива до Калифорніи осматривались барономъ Врангелемъ ежегодно во всей подробности и вслѣдствіе его предусмотрительной распорядительности подчинены были промыслы правильной эксплуатаціи, безъ чего въ непродолжительное время во многихъ мѣстахъ совершенно истребился бы пушной звѣрь. До уступки нашихъ владѣній въ Америкѣ былъ поднятъ вопросъ объ уничтоженіи привилегій сѣверо-американской компаніи; близко знакомый съ положеніемъ дѣлъ и основываясь на примѣрѣ Англіи, не только продолжившей, но еще увеличившей привилегіи гудзонбайской компаніи, баронъ Врангель печатно доказывалъ необходимость подобной мѣры и для нашей Американской компаніи. Одно высокопоставленное лицо, которому принадлежит инициатива поднятаго вопроса объ уничтоженіи привилегій Американской компаніи, опровергая всѣ доводы барона Врангеля, въ благородномъ безпристрастіи слѣдующимъ образомъ оканчиваетъ свою записку: «Баронъ Врангель былъ, какъ извѣстно, однимъ изъ лучшихъ правителей нашихъ колоній, по сему весьма извинительно, что онъ увлекается въ пользу компаніи и, обсуждая ея дѣйствія, полагаетъ, что всѣ и всегда дѣйствовали также благонамѣренно и добросовѣстно какъ онъ

самъ». Вѣроятно никто не слыжалъ отъ Фердинанда Петровича и малѣйшаго намека о важности его открытій, но многіе, безъ сомнѣнія, слыжали его рассказы о томъ, что наши американскія владѣнія, при вступленіи его въ управленіе, представляли дивную страну и нравственное запустѣніе и что черезъ пять лѣтъ ему отрадно было видѣть слѣды гражданскаго общежитія во многихъ заселеніяхъ и обильно брошенные протоіереемъ Веніаминовымъ сѣмена христіанства. Будучи впослѣдствіи директоромъ, баронъ Врангель видѣлъ и зрѣющій посѣвъ своихъ заботъ и трудовъ — увеличеніе церквей и школъ и улучшеніе быта колоній и алеутовъ.

Упомянемъ здѣсь о двухъ событіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на благосостояніе американской компаніи и въ которыхъ баронъ Врангель былъ главнымъ дѣятелемъ; событія эти описаны въ «Историческомъ Обзорѣніи Россійско-Американской компаніи» Н. Тихменева, и мы здѣсь добавимъ только нѣкоторыя подробности.

По конвенціи между россійско-американскою и гудзонбайскою компаніями между прочимъ опредѣлено право свободнаго входа и выхода по рѣкамъ, которыя берутъ начало въ земляхъ гудзонбайской компаніи, а впадаютъ во владѣніяхъ россійско-американской компаніи; вмѣстѣ съ этимъ допускалось право пристанища или стоянки англійскаго судна въ мѣстахъ, гдѣ находятся русскія селенія, инаиначе, какъ съ дозволенія начальства послѣднихъ. Далѣе въ конвенціи сказано, что въ случаяхъ разногласія не должно допускать насилій, а прибѣгать за рѣшеніемъ къ своимъ правительствамъ. Этою неопредѣленностью конвенціи воспользовался баронъ Врангель, когда по собраннымъ свѣдѣніямъ убѣдился, что англичане намѣрены основать колонію на границѣ своихъ владѣній, въ томъ мѣстѣ гдѣ протекаетъ рѣка Стахинъ, впадающая въ море въ нашихъ владѣніяхъ. По распоряженію барона Врангеля быстро были построены редутъ и блокгаузы на устьѣ Стахина, въ зиму 1834 года, и въ проходѣ стояли два судна съ орудіями. Командиру вѣрностцы, лейтенанту Зарембо, дана была инструкція: не позволять англійскому судну останавливаться въ виду редута, но въ случаѣ рѣшительнаго намѣренія войти въ рѣку не препятствовать, показывая однако же видъ, что съ редута и съ судовъ будетъ открытъ

огонь, когда англійское судно будетъ проходить мимо ихъ. Весною дѣйствительно явилось англійское трехъ-мачтовое судно, съ запасами, матеріалами, скотомъ и людьми для постройки заселенія. Согласно полученной инструкціи лейтенантъ Зарембо не позволялъ судну останавливаться, несмотря на настояннїя капитана корабля, который съ своей стороны, видя угрозу, не рѣшался вступить прямо въ рѣку. Это обстоятельство послужило поводомъ къ сложнымъ дипломатическимъ сношеніямъ и графъ Нессельроде признавалъ поступокъ барона Врангеля противузаконнымъ, а вслѣдствіе этого должно было признать и справедливость требованія Гудзонбайской компаніи объ уплатѣ ей 500,000 руб. асс. за понесенные убытки. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда баронъ Врангель, возвратясь въ Петербургъ, представился государю императору Николаю Павловичу. Его величество принялъ барона Врангеля весьма благосклонно и разспросивъ о подробностяхъ столкновенія съ гудзонбайскою компаніею, съ твердостію сказалъ: «Англичанамъ намъ на ногу наступать, конечно, позволять не должно, но существующіе трактаты должны быть исполняемы свято». Баронъ Врангель доложилъ: «Ваше величество, надѣюсь доказать, что конвенція ни въ одномъ пунктѣ мною нарушена не была».— Затѣмъ баронъ Врангель предложилъ графу Нессельроде и директорамъ компаніи уполномочить его для объясненій съ директоромъ гудзонбайской компаніи Георгомъ Симпсономъ, назначивъ мѣстомъ переговоровъ Гамбургъ. Изучивъ край и мѣстныя условія баронъ Врангель былъ твердо убѣжденъ, что въ интересахъ гудзонбайской компаніи было весьма важно сохранить дружественныя отношенія съ нашею компаніею въ Америкѣ, и опираясь на это онъ достигъ самыхъ блистательныхъ результатовъ въ переговорахъ съ Симпсономъ: требованіе о вознагражденіи уничтожено, а съ гудзонбайскою компаніею вступлено въ новыя сдѣлки на весьма выгодныхъ условіяхъ для россійско-американской компаніи *). Утвердившіяся дружественныя сношенія не прерывались и въ войну 1854—1856 годовъ и благодаря этому англійскіе крейсера не причинили никакого вреда нашимъ колоніямъ въ Америкѣ.

Не столь успѣшно окончился другой планъ барона Врангеля.

*) См. «Историческое Обзорѣніе Р. А. Компаніи», стр. 268 и 269. К. III.

Еще въ 1812 году, на землѣ свободныхъ индѣйцевъ въ Сѣверной Калифорніи, недалеко отъ С. Франциско, российско-американскою компаніею было основано заселеніе, названное Россъ. Цѣль основанія этого заселенія неоправдалась: промыселъ пушныхъ звѣрей шелъ неуспѣшно, ибо ловить бобровъ въ заливѣ С. Франциско испанцы не дозволяли, а отъ земледѣлія также не было успѣха, какъ отъ характера почвы, такъ и вслѣдствіе постоянныхъ тумановъ, имѣвшихъ неблагопріятное вліяніе на всходы хлѣбовъ. Заселеніе Россъ приносило компаніи одни лишь убытки, которые болѣе и болѣе возрастали. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда баронъ Врангель въ 1833 посѣтилъ Россъ и объѣзжая окружающую мѣстность, увидѣлъ, въ 20 верстахъ отъ заселенія Россъ, прекрасную долину никѣмъ не воздѣлываемую, но принадлежащую отдѣлившейся отъ Испаніи республикѣ Мексикѣ, которая заявляла свои притязанія и на самую мѣстность Росса. Настояла крайняя необходимость привести это дѣло въ ясность. По частнымъ сношеніямъ съ мѣстными властями баронъ Врангель заключилъ, что мексиканское правительство готово сдѣлать уступку, ежели русское правительство официально признаетъ республику. На свое донесеніе по этому предмету баронъ Врангель получилъ отвѣтъ изъ Петербурга, что вице-канцлеръ графъ Нессельроде находитъ это неудобнымъ и что если компанія, безъ содѣйствія правительства, не можетъ уладить дѣло, то заселеніе Россъ должно быть упразднено. Но барону Врангелю не возбранялось однакоже безъ паспорта на обратномъ пути заѣхать въ Мексику и вступить отъ имени компанія въ сношенія съ правительствомъ республики, непризнанной Россіею. Какъ ни трудно было это выполнить, но баронъ Врангель рѣшился попытать счастья. На первомъ же шагу онъ встрѣтилъ препятствіе—его не впустили въ гавань С. Блазъ, но благодаря помощи англійскаго консула ему всетаки удалось добраться до Мексики. Здѣсь, при содѣйствіи прусскаго генеральнаго консула, баронъ Врангель добился аудіенціи у вице-президента республики Барагома, который однако же принялъ его какъ частнаго человѣка, не имѣвшаго полномочій отъ своего правительства. Баронъ Врангель представилъ вице-президенту безпрестанно возрастающее выселеніе сѣверо-американцевъ въ Монтерей и С. Франциско и тѣ выгоды, которыя можетъ извлечь

мексиканское правительство отъ сосѣдняго заселенія русскихъ. На это вице-президентъ отъѣтилъ, что правительство республики безъ сомнѣннн готово сдѣлать существенныя уступки, если только русское правительство откроетъ дипломатическня сношення съ республикою. Заручившись этимъ баронъ Врангель явился въ Петербургъ, но графъ Нессельроде прямо объявилъ ему, что дипломатическня сношення съ республикою невозможны. Когда баронъ Врангель представлялся государю императору, то его величество коснулся и этого вопроса; на докладъ барона Врангеля государь рѣшительно сказалъ: «Я не могу вступать въ сношення съ Мексикою»; когда же баронъ Врангель рѣшился представить, что Пруссня, не признавая оффиціально республики, содержитъ въ Мексикѣ дипломатическаго агента въ лицѣ генеральнаго консула, черезъ посредство котораго заключенъ весьма выгодный торговый трактатъ, то государь прервалъ его словами: «Для Прусснн выгоды впереди чести, а у меня это наоборотъ». —

Въ 1841 году заселенн Россъ было упразднено; инвентаръ проданъ швейцарскому поселенцу въ С. Франциско, гдѣ черезъ два года, на рѣкѣ Савраменто были открыты богатныя золотныя россыпи. Впослѣдствнн враги Фердинанда Петровича воспользовались упраздненнемъ заселенн Россъ и распространяли слухи, что по винѣ его уступлено сѣверо-американцамъ мѣсто, на которомъ открыто золото. Нелѣпность этихъ слуховъ очевидна въ настоящее время, когда секретная переписка стала оффиціальною и когда въ «Историческомъ Обзорѣнн Рос.-Ам. Компаннн» — Н. Тихменева ясно изложены причины упраздненн Россъ и еще осязательнѣе опредѣлено, что около заселенн Россъ и по сне время не найдено ни одного зерна золота, а открыты россыпи за хребтомъ горъ, отдѣляющемъ полосу земли, на которой существовалъ Россъ.

Въ теченнн пятилѣтняго управленн нашихъ колонннми въ Америкѣ, баронъ Врангель находился въ постоянной письменной войнѣ съ директорами и членами управленн компанн — несвѣдущими и необразованными кушцами, за которыхъ говорили и управляли служившнн на жалованнн у нихъ личности, занимающня видныя мѣста въ государственной службѣ, но тѣмъ не менѣе, также не знающнн настоящее положенн колоннн. Однакоже отчетъ представленный барономъ Врангелемъ обратилъ на себя

полное вниманіе директоро́въ и они желали пріобрѣсти для себя столь полезнаго дѣятеля. Съ этою цѣлью старшій изъ директоро́въ — бунецъ Прокoфьевъ предложилъ барону Врангелю за 6,000 руб. годового вознагражденія состоять частнымъ секретаремъ и вести дѣла, касающіяся колоній. Баронъ Врангель соглашался вести дѣла колоній, но не какъ частный, а утвержденный акціонерами секретарь. Директора представляли барону Врангелю, что до сихъ поръ занимался incognito дѣлами колоній статсъ-секретарь П., всего за 5,000 руб., но это не поколебало барона Врангеля и онъ обончательно отказался состоять на службѣ у директоро́въ. Вскорѣ послѣ этого было общее собраніе акціонеровъ, въ второмъ совершенно неожиданно три купца-акціонера предложили просить барона Врангеля принять на себя веденіе дѣлъ по колоніямъ съ ежегоднымъ жалованьемъ въ 9,000 рублей. Предложеніе это нашло всеобщее одобреніе и баронъ Врангель принялъ эту должность.

Вступленіе его въ управленіе россійско-американскими колоніями составляетъ безспорно эпоху въ существованіи нашей американской компаніи. Съ свойственною ему энергіею принялся баронъ Врангель за дѣло и въ первый же годъ достигъ блистательныхъ результатовъ: съ гудзонбайской компаніей установились дружескія и выгодныя сношенія; компанійскія суда застрахованы и всѣ отчеты приведены въ ясность. Главная же заслуга барона Врангеля заключается въ томъ, что онъ успѣлъ устроить ежегодное собраніе акціонеровъ и ежегодную выдачу дивиденда, прежде это дѣлалось черезъ два года. При этомъ акціонеры были поражены, получивъ печатный отчетъ и балансъ, — это былъ первый печатный отчетъ въ нашихъ акціонерныхъ обществахъ и многіе сочли это нововведеніе весьма либеральною выходкою. Такое направленіе дѣлъ не нравилось директорамъ компаніи и они всѣми усиліями старались парализовать всѣ дѣйствія барона Врангеля, такъ что положеніе его становилось невыносимымъ; поэтому въ обществѣ собранія акціонеровъ въ 1840 году онъ отказался отъ принятой на себя должности — загнѣвающаго дѣлами колоній, находя что послѣднія состоятъ въ органической связи съ главнымъ управленіемъ компаніи и что отдѣльное ихъ веденіе вредитъ дѣлу. Тогда акціонеры спросили барона Врангеля: не согласится ли онъ быть

главнымъ директоромъ компаніи, и послѣ утвердительнаго отвѣта единогласно избрали его. Этотъ неожиданный и быстрый выборъ возмущилъ остальныхъ директоровъ и членовъ управления и они надѣялись повернуть дѣло иначе, созвавъ снова общее собраніе; но противникъ былъ имъ не по силамъ. Черезъ день послѣ выбора баронъ Врангель явился въ управленіе, пригласилъ изъ ближайшаго прихода священника, принесъ должную присягу, составилъ протоколъ, явился къ министру финансовъ, а на третій день принялъ въ свое вѣдѣніе компанейскую кассу, объявивъ что будетъ ею завѣдывать безвозмездно и лишивъ такимъ образомъ одного изъ директоровъ 12,000 рублей, которыя онъ получалъ сверхъ содержанія по званію директора. Противники барона Врангеля надѣялись еще отдѣлаться отъ него въ будущемъ году. Въ 1841 году окончивалась привилегія компаніи и составленъ былъ новый уставъ, въ силу котораго общее собраніе акціонеровъ должно было выбрать главнаго управляющаго и новыхъ четырехъ директоровъ; несмотря однако-же на всѣ интриги, по большинству голосовъ, главноуправляющимъ былъ избранъ баронъ Врангель. Не станемъ вдаваться въ подробности десятилѣтняго его управленія дѣлами компаніи; труды его были достойно оценены общественнымъ мнѣніемъ и акціонерами, которые опредѣлили ему пожизненный пенсіонъ въ 2,000 рублей сер., когда баронъ Врангель, выйдя въ отставку, отказался и отъ должности главноуправляющаго компаніи. Правительство также съ особеннымъ довѣріемъ относилось къ правленію американскихъ колоній и дѣлало ему секретныя порученія большой важности: изъ нихъ упомянемъ объ изслѣдованіи устья Амура, въ который компанейское судно первымъ проникло на 20 миль и за что баронъ Врангель въ секретной бумагѣ вице-канцлера удостоился особаго высочайшаго благоволенія, которое до самой смерти Фердинанда Петровича хранилось въ секретѣ и не занесено въ его формулярный списокъ.

Россійско-американская компанія давала барону Врангелю обильныя матеріальныя средства для жизни, но любовзательность его не довольствовалась трудовыми занятіями главноуправляющаго и побуждала искать развлеченія въ безкорыстныхъ умственныхъ занятіяхъ на пользу науки. Чаше другихъ сходился Фердинандъ Петровичъ съ академикомъ Беромъ и другомъ сво-

имъ Литге; предметомъ ихъ бесѣдъ было землевѣдѣніе и здѣсь-то была волябель нашего географическаго общества, въ числѣ членовъ-учредителей котораго былъ баронъ Врангель, назначенный предсѣдателемъ въ отдѣленіи общей географіи....

Обращаемся въ его службѣ на государственномъ поприщѣ. По возвращеніи изъ Ситхи, 8 іюля 1836 года, капитанъ 1-го ранга баронъ Врангель былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ членомъ общаго присутствія кораблестроительнаго департамента, а 5-го августа того же года, назначенъ исправляющимъ должность директора департамента корабельныхъ лѣсовъ. Истинное призваніе Фердинанда Петровича была служба на суднѣ и въ морѣ, но тогдашній характеръ этой службы въ Балтійскомъ флотѣ не соотвѣтствовалъ его понятіямъ....

Энергически принялся Врангель за дѣло по устройству корабельныхъ лѣсовъ. Кругомъ дѣйствія департамента были лѣсистыя мѣстности Европейской Россіи отъ Урала до Польши и отъ Архангельска до южнаго берега Крыма. Не найдя въ департаментѣ ни точныхъ свѣдѣній, ни людей знакомыхъ практически или теоретически съ дѣломъ, баронъ Врангель счелъ необходимымъ въ теченіи двухъ лѣтъ объѣзжать лѣса, съ цѣлію на мѣстѣ уяснить себѣ, что должно предпринять для приведенія этой важной отрасли морского хозяйства въ надлежащій порядокъ. Ознакомившись съ дѣломъ на мѣстѣ, Врангель убѣдился въ крайней необходимости новой организаціи департамента корабельныхъ лѣсовъ; въ лѣсныхъ дачахъ не только не было правильного хозяйства, но даже и достаточнаго надзора и контроля. Предстояло найти свѣдущихъ по лѣсоводству людей и надежную лѣсную стражу. Поданная по этому предмету записка нашла полное одобреніе и сочувствіе морского министра князя Меншикова.

Въ концѣ 30-хъ годовъ подобныя дѣйствія всегда вызвали реакцію и весьма естественно, что появились противники и интриги, но поддерживаемый княземъ Меншиковымъ баронъ Врангель не измѣнялъ начертанной имъ программы дѣйствій. Мало по малу пришлось сталкиваться съ прочими департаментами морского министерства; всегда рѣшительный въ своихъ поступкахъ баронъ Врангель рѣзко выставлялъ несправедливости и упущенія. Въ одномъ изъ подобныхъ столкновеній съ кораблестрои-

тельнымъ департаментомъ дѣло дошло до формальнаго слѣдствія и управлявшій, за отсутствіемъ князя Меншикова, безпристрастный генераль-адъютантъ Перовскій, убѣдившись изъ слѣдствія въ винѣ чиновника кораблестроительнаго департамента, оставилъ его отъ службы, а директору департамента объявилъ выговоръ. Это окончательно возстановило противъ барона Врангеля все министерство; вмѣсто довѣрія и вниманія къ его представленіямъ встрѣчалъ онъ препятствія и отказы, а вскорѣ убѣдился и въ явномъ недоброжелательствѣ. При такихъ обстоятельствахъ о полезной дѣятельности нельзя было и думать, все способности должно было напрягать для предотвращенія непріятностей и для борьбы съ интригами.

Въ 1849 году онъ вышелъ въ отставку и переселился со всемъ своимъ семействомъ въ имѣніе Руишь, Эстляндской губерніи. Надежды его успокоиться въ сельскомъ уединеніи не осуществились, вмѣсто безмятежной жизни настали для него тяжкіе и долгіе дни истиннаго испытанія: нѣжно-любимая жена его скончалась въ мартѣ 1854 г.

Вскорѣ послѣ этого роковаго несчастія получилъ Фердинандъ Петровичъ письмо отъ друга своего, въ которомъ послѣдній, по порученію Генераль-Адмирала спрашивалъ его, не желаетъ ли онъ снова поступить на службу, именно директоромъ гидрографическаго департамента? Такое предложеніе поразило Фердинанда Петровича неожиданностію, но что Великій Князь вспомнилъ объ немъ—это подѣйствовало на него весьма благотворно и онъ еще чувствовалъ достаточно силы отблагодарить его высочество за лестное къ нему вниманіе. Согласіе было послано, и 8-го сентября 1854 года, состоявшій въ отставкѣ вице-адмиралъ баронъ Врангель высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ директоромъ гидрографическаго департамента морского министерства. Черезъ нѣсколько дней по полученіи высочайшаго приказа баронъ Врангель представился генераль-адмиралу, благосклоннымъ приемомъ котораго и одушевленнымъ его желаніемъ возвысить и облагородить флотъ, приведенъ былъ въ восторженное состояніе.

Вступивъ въ исправленіе новой должности Врангель обратилъ особенное вниманіе на депо картъ, бібліотеку и типографію. Черезъ два мѣсяца назначенъ предсѣдателемъ комисіи для пересмотра морскихъ уголовныхъ законовъ; 23 февраля 1855 года,

послѣ смерти адмирала Риворда, — сдѣланъ председателемъ морского ученаго комитета, а 13-го апрѣля того же года — инспекторомъ штурмановъ балтійскаго флота. При столь сложныхъ обязанностяхъ баронъ Врангель не имѣлъ свободной минуты, но поощряемый благоволеніемъ и довѣріемъ своего августѣйшаго начальнииа работалъ съ любовью и не зналъ усталости. Въ это время органъ морского вѣдомства — «Морской Сборникъ» принялъ новое направленіе, вслѣдствіе котораго онъ приобрѣлъ значеніе передоваго журнала не только въ военной, но и вообще въ нашей литературѣ; честь этого направленія безспорно принадлежитъ Генераль-Адмиралу и затѣмъ его достойному сподвижнику барону Врангелю.

18 мая 1855 года Фердинандъ Петровичъ назначенъ управляющимъ морского министерства и по сему званію присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ. Въ то же время онъ назначенъ членомъ сибирскаго комитета, а въ августѣ того же года — членомъ высочайше утвержденнаго комитета для соображенія средствъ къ защитѣ береговъ Балтійскаго моря. Въ слѣдующемъ году баронъ Врангель былъ назначенъ генераль-адъютантомъ и произведенъ въ полные адмиралы.

Переходъ отъ пятилѣтняго сельскаго уединенія къ кипучей дѣятельности, возбужденной въ морскомъ вѣдомствѣ генераль-адмираломъ, былъ слишкомъ разителенъ для 60-ти-лѣтняго старика и не трудно было предсказать, что силы его надломятся. И дѣйствительно, въ февралѣ 1857 года, когда за отсутствіемъ генераль-адмирала за границу, возвращался баронъ Врангель отъ доклада государю императору, почувствовалъ онъ головокруженіе и двоеніе предметовъ, такъ что съ трудомъ могъ найти двери своей квартиры. Фердинандъ Петровичъ надѣялся отправиться къ докладу на слѣдующей недѣлѣ, но облегченія не было и онъ принужденъ былъ испросить высочайшее разрѣшеніе, чтобы докладъ былъ сдѣланъ старшимъ по немъ. Государь Императоръ, полагая что болѣзнь проходящая, не соизволилъ на это. Вскорѣ затѣмъ возобновились припадки съ бѣльшею силою и доктора требовали немедленнаго прекращенія всякихъ занятій и по возможности скорѣйшей поѣздки для пользованія минеральными водами. Въ милостивомъ вниманіи къ заслугамъ барона Врангеля государь императоръ ежедневно присылалъ курьера освѣдом-

латься о здоровьи его, пожаловалъ ему 5,000 червонцевъ для поѣздки за границу и, уволивъ отъ должности управляющаго морскимъ министерствомъ, назначилъ его членомъ государственнаго совѣта. Въ апрѣлѣ 1857 года онъ отправился за границу.

Въ біографическомъ очеркѣ не мѣсто вдаваться въ современныя намъ реформы въ русскомъ флотѣ; трудно объ нихъ судить не специалисту при живыхъ еще дѣятеляхъ; но несомнѣнно однако-же, что по званію управляющаго морскимъ министерствомъ баронъ Врангель долженъ былъ принимать въ нихъ самое живое участіе. Упомянемъ о новыхъ учрежденіяхъ и преобразованіяхъ въ администраціи, починъ которыхъ принадлежитъ барону Врангелю, а именно: 1) образованіе техническаго комитета, 2) назначеніе морскихъ офицеровъ городскими начальниками въ портахъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, 3) преобразованіе адмиралтействъ совѣта въ тотъ видъ, въ какомъ онъ нынѣ находится и 4) заявленіе о необходимости и пользѣ развѣсть на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ купеческій транспортный флотъ изъ сильныхъ пароходовъ, для чего необходимо основать привилегированное акціонерное общество съ значительнымъ пособіемъ отъ казны.

Едва успѣлъ заявить баронъ Врангель свою мысль объ основаніи русскаго Ллойда, какъ 16 апрѣля 1856 года былъ онъ назначенъ предсѣдателемъ высочайше утвержденнаго комитета для изысканія средствъ къ развитію купеческаго флота. Осуществленіе идеи русскаго Ллойда нашло непреодолимые препятствія, требовалась большая затрата капитала со стороны правительства, а это, тотчасъ по заключеніи парижскаго трактата, было крайне затруднительно и только благодаря энергіи Генераль-Адмирала, одержавшаго блистательную побѣду въ 30 бурныхъ засѣданіяхъ комитета министровъ, обязана черноморская компанія пароходства и торговли своимъ существованіемъ.

Упомянемъ еще, что по ходатайству Фердинанда Петровича призваны были къ дѣятельности способныя личности, отодвинутыя вслѣдствіе невзгодъ на службѣ на второй планъ; нѣкоторые изъ нихъ и нынѣ занимаютъ видныя должности въ морскомъ вѣдомствѣ.

Проведя около 1½ года въ чужихъ краяхъ баронъ Врангель возстановилъ свое здоровье и осенью 1859 года занялъ свое мѣсто въ государственномъ совѣтѣ; въ это время по всѣмъ отрас-

лжѣ государственнаго управленія предпринимались существенныя преобразованія; обсуждались жизненные вопросы освобожденія крестьянъ, новаго судопроизводства и судоустройства, уничтоженіе откупа, введенія единства кассы, государственнаго контроля и многія другія. Оставаться нѣмымъ слушателемъ, быть безучастнымъ членомъ совѣта было не въ характерѣ барона Врангеля и вотъ съ едва возстановленными силами погрузился онъ снова въ кабинетныя занятія, по цѣлымъ днямъ писалъ и читалъ. Многіе мемуары и записки свои давалъ Фердинандъ Петровичъ читать довѣреннымъ лицамъ и нѣкоторыя изъ его записокъ послужили поводомъ для измѣненія предрѣшенныхъ мѣропріятій. Фердинандъ Петровичъ преимущественно любилъ заниматься экономическими вопросами государства и всегда сожалѣлъ, что былъ назначенъ не по призванію въ департаментъ духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта.

..... Окончательно разстроенное здоровье заставило Врангеля въ 1864 г. оставить, и на этотъ разъ уже безвозвратно, служебныя занятія. «Потребность дѣятельности», писалъ Фердинандъ Петровичъ, возвратясь изъ новаго и уже послѣдняго заграничнаго путешествія: «исчезла вмѣстѣ съ гибкостью способностей; я совершенно равнодушенъ къ такъ-называемымъ современнымъ вопросамъ, мнѣ кажутся мелочными тѣ побудительныя причины, возбуждающія дѣятельность и страсти высоко и низко поставленныхъ людей». Въ сворѣ нѣмѣнн, куда онъ переселился изъ Петербурга, онъ мнилъ найти миръ и покой среди своей семьи, въ воспоминаніяхъ перешагнутого, въ созерцаніи природы и величія Творца. Но старіеъ ошибся,— свѣточъ священнаго огня еще не потухъ, пытливый умъ до послѣдняго дыханія требовалъ пищи, и вотъ все дозволенное ему время посвящалъ Фердинандъ Петровичъ обширной перепискѣ съ учеными, литераторами и съ заслуживавшими его довѣренность. Если не съ душевными потрясеніями, то во всякомъ случаѣ ко вреду своего здоровья волновался онъ и скорбѣлъ узнавая торжество неправды и интриги надъ истиною и заслугами.....

Какъ бы предчувствуя близкій конецъ, родилась у Фердинанда Петровича душевная-потребность посѣтить тѣ мѣста, гдѣ протекло его дѣтство; совершивъ это коротенькое путешествіе, заѣхалъ онъ къ брату въ Дерптъ, на рукахъ котораго и умеръ своро-

постижно отъ паралича сердца. Отсюда покойникъ былъ перевезенъ въ его имѣніе Руиль, гдѣ любившіе и благодарные ему крестьяне, жившіе на его земляхъ, отнесли его на кладбище и со слезами опустили въ могилу. Простимся и мы съ дорогимъ старикомъ, припомнимъ нѣкоторыя черты его характера и взглянуть на его домашній бытъ.

Фердинандъ Петровичъ большею частію былъ серьезенъ и задумчивъ; по наружному казался холоднымъ и несообщительнымъ; если къ этому прибавить его извѣстность въ ученomъ мѣрѣ, то понятно почему многимъ было какъ-то неловко, стѣснительно въ первое время знакомства съ нимъ. Боялись встрѣтить въ немъ строгаго судью, тогда какъ въ дѣйствительности онъ былъ самый снисходительный человекъ; боялись учености его, тогда какъ онъ былъ готовъ самъ у каждаго учиться; другіе, быть можетъ разсчитывали на отверстія объятій, но на это Фердинандъ Петровичъ былъ окончательно неспособенъ. Не зная симпатій и антипатій, онъ сближался и чуждался не вдругъ; но если кто находилъ въ его сердцѣ уголокъ, тому всегда готовъ былъ пріять и совѣтъ, участіе и помощь. Лицемѣріе, суетность, пусканіе пыли въ глаза ненавидѣлъ онъ какъ самые вредные общественные недостатки. Фердинандъ Петровичъ былъ глубоко религіозенъ, но не былъ ханжа. Онъ перечиталъ современныя воззрѣнія матеріалистовъ и раціоналистовъ, бесѣдовалъ со многими профессорами философіи и, чрезъ это горнило мыслительнаго, вышелъ съ непоколебимымъ вѣрованіемъ, что христіанская религія есть истинный путь спасенія. Поэтому и былъ онъ всегда готовъ на благотворительность и горячее содѣйствіе къ распространенію христіанства. Этотъ труженникъ науки не вналъ правды, даже прогуливаясь, онъ былъ погруженъ въ мысли и казалось обдумывалъ что-то, вовсе не обращая вниманія, что дѣлалось по сторонамъ. Фердинандъ Петровичъ былъ замѣчательно умѣренъ и положительно чуждъ всякихъ прихотей; впрочемъ, была у него одна и притомъ весьма расходная прихоть—это его бібліотека.

Но не всегда Фердинандъ Петровичъ былъ сосредоточенъ въ самомъ себѣ, бывали часы когда онъ совершенно отрѣшался отъ своего умственнаго напряженія, былъ веселъ, шутилъ и не признавалъ за собою никакого авторитета. Это было тогда, когда;

оставивъ за порогомъ своего кабинета всѣ свои думы, садился онъ за семейный столъ или присоединялся къ кружку собравшихся знакомыхъ и родныхъ. Онъ уважалъ мнѣніе каждаго: изъ опыта своей жизни убѣдился онъ, что и у самоѣда, чувча и колоша можно узнать то, чего не вычитаешь изъ книгъ; онъ какъ бы увѣренъ былъ, что у каждаго человѣка можно пожитьясь чѣмъ-нибудь для обогащенія своихъ свѣдѣній. А свѣдѣнія его были обширны, изумительно даже когда онъ успѣвалъ пріобрѣтать ихъ. Правда, что съ 19-ти лѣтъ наука была исключительнымъ его пріобрѣтениемъ и единственнымъ средствомъ выдвинуться изъ среды обыкновенной посредственности. Трудно опредѣлить, какая специальность была преобладающимъ предметомъ его занятій; роскошно одаренный умственными способностями, онъ былъ то ученый путешественникъ, то способный администраторъ, которому платили громадное содержаніе частныя акціонерныя общества, то сельскій хозяинъ, то юристъ. Въ послѣднее время онъ преимущественно занимался экономическими вопросами государства, но иногда поражалъ свѣдѣніями, въ которыхъ мы его вовсе не подозревали. Такъ однажды не соглашался онъ съ нами о значеніи только-что вышедшаго романа Гончарова «Обломовъ», причемъ оказалось, что Фердинандъ Петровичъ читаетъ всѣ замѣчательныя беллетристическія сочиненія русской литературы.

Кромѣ двухъ сочиненій Фердинанда Петровича.— «Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири» и «Первый томъ Сборника свѣдѣній о Россіи», признанныхъ европейскими авторитетами какъ произведенія ученыя и художественныя, напечаталъ онъ нѣсколько брошюръ по разнымъ вопросамъ въ современныхъ періодическихъ журналахъ, но болѣе всего писалъ онъ не для печати. Мы достовѣрно знаемъ, что онъ велъ дневникъ и написалъ много мемуаровъ, давая себѣ отчетъ о современныхъ замѣчательныхъ событіяхъ и реформахъ; если дневникъ надолго или навсегда останется завѣтною собственностію семейства, то мемуары и записки составляютъ достояніе исторіи и могутъ появиться въ печати не въ далекомъ будущемъ.

Фердинандъ Петровичъ зналъ въ совершенствѣ всѣ изгибы русской рѣчи и отъ души любилъ русскаго человѣка.....

Но вѣдь были и недостатки у Фердинанда Петровича? спро-

сятъ насъ. Не теоретичною фразою, что о мертвыхъ говорятъ или хорошее или ничего, а искренно и по убѣжденію отвѣтимъ мы: конечно были—онъ былъ человѣкъ; но мы, уважавшіе, почитавшіе и любившіе Фердинанда Петровича, не видѣли эти недостатки; мы были ослѣплены его свѣтлымъ умомъ, чистою душою и добрымъ сердцемъ, и въ нашей памяти онъ будетъ всегда жить какъ образецъ истинно гуманнаго человѣка, честнаго и доблестнаго гражданина и безуворизненнаго семьянина.

Е. Н. Шварцъ.

В И Д Ъ Н І Е

пророческое стихотвореніе Рылѣва.

1823.

Безъ сомнѣнія, весьма многимъ извѣстно стихотвореніе В. А. Жуковскаго на рожденіе в. в. Александра Николаевича, 1818 года, нынѣ благополучно царствующаго государя императора, гдѣ поэтъ, между прочимъ, высказываетъ слѣдующія прекрасныя пожеланія:

Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудеть
Святѣйшаго изъ званій: человекъ.
Жить для вѣковъ въ величїи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиренїемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку... *).

Но, конечно, очень не многіе знаютъ, что вскорѣ потомъ раздался вдохновенный голосъ другого поэта, не менѣе даровитаго — К. Θ. Рылѣва: какъ-бы предчувствуя славныя реформы настоящаго времени, Рылѣвъ въ 1823 г. напечаталъ въ „Литературныхъ Листкахъ“, издаваемыхъ Θ. В. Булгаринимъ, стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Видѣніе. Ода на тезоименитство его императорскаго высочества великаго князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 года“.

Этотъ журналъ есть библиографическая рѣдкость, и мы надѣемся, что читатели „Русской Старины“ будутъ вполне намъ признательны, если мы повторимъ въ 1872 году вѣщія слова вдохновеннаго поэта, сказанныя за полъ-столѣтія до настоящаго времени.

Нерепечатываемъ „Видѣніе“ съ буквальною точностью, съ сохра-

*) Собраніе сочиненій В. Жуковскаго, Спб., изд. шестое, 1869 года т. II, стр. 1—7.

неніемъ даже тѣхъ особенностей, съ какими печатались за полстолѣтія предъ симъ оды и посланія на особые случаи *).

1.

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось моимъ!
Я вижу въ сладкомъ упоеньѣ:
Подъ сводомъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петроградомъ,
Екатерины тѣнь парить!
Кого-то ищетъ жаднымъ взглядомъ;
Чело величіемъ горить....

2.

Но вотъ съ устенъ Царицы мудрой,
Какъ лучъ, улыбка сорвалась:
Предъ нею Отрокъ алатокудрой,
Средь сонма воиновъ рѣзвьясь,
То въ длани тяжкій мечъ приемлетъ,
То бранный мечъ беретъ у нихъ,
То, тренеца въ восторгѣ, внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

3.

Румянцовъ, Минихъ и Суворовъ
Волнуютъ въ немъ и кровь и умъ,
И искрится изъ юныхъ взоровъ
Огонь славолюбивыхъ думъ. .
Проникнуть силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летитъ на снѣжный верхъ Кавказа,
И жаждетъ славы и побѣдъ.

4.

Царица тихо испускалась,
На легкомъ облагѣ, какъ дымъ,
И улыбаясь, любовалась
Прекраснымъ правнукомъ своимъ;
Но вдругъ Минервы свѣтлоокой
Чудесный видъ пріавъ она,
Слетѣла, мудрости высокой
Огнемъ божественнымъ полна.

*) Считаемо не лишнимъ замѣтить, что «Видѣніе» было перепечатываемо не только въ заграничныхъ изданіяхъ его сочиненій еще въ недавніе годы, М. П. Погодинымъ, если не ошибаюсь, въ газетѣ «Москвичъ» — рано прекратившейся и мало извѣстной. Ред.

5.

Къ Прекрасному коснувшись дланю,
 Ему Великая рекла:
 «Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
 Ты любишь громкія дѣла.
 Но для полунощной Державы
 Довольно лавровъ и побѣд;
 Довольно громозвучной славы
 Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

6.

Военныхъ подвиговъ година,
 Грозю шумной протекла:
 Тебя иная ждетъ судьбина,
 Иныя ждутъ тебя дѣла.
 Затмится сводъ небесъ лазурныхъ,
 Непроницаемою мглой;
 Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
 Неправды съ правдою святой.

7.

Духъ необузданной свободы
 Уже возсталъ противъ Властей;
 Смотри — въ волненіи народы,
 Смотри — въ движеніи сонмъ Царей!
 Быть можетъ, Отрокъ мой, корона
 Тебѣ назначена Творцемъ;
 Люби народъ, чти власть закона;
 Учись заранѣ быть Царемъ.

8.

Твой долгъ благотворить народу,
 Его любви въ дѣлахъ искать;
 Не блескъ пустой и не породу,
 А дарованья возвышать.
 Дай просвѣщенные Уставы,
 Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ
 Науками очисти нравы,
 И Вѣру утверди въ сердцахъ. .

9.

Люби гласъ истины свободной,
 Для пользы собственной любви,
 И рабства духъ не благородной —
 Неправосудье истреби

Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ Царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ Властей.

Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человекъ для человека,
Будь гражданинъ для согражданъ;
Будь Антониномъ на престолахъ,
Въ чертогахъ мудрость водвори —
И ты себя прославишь богъ,
Чѣмъ всѣ Герои и Цари».
1823.

Рылѣвъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

(Изъ моихъ записокъ).

Въ театральномъ училищѣ, гдѣ я воспитывался, въ началѣ 1820-хъ годовъ, хотя и былъ уже устроенъ постоянный театръ, но на немъ играли мы только въ великѣй постъ, во время экзаменовъ и иногда въ успенской постъ. Учителемъ драматическаго искусства былъ у насъ тогда князь Александръ Александровичъ Шаховской, считавшійся въ то время, и по справедливости, знатомъ театральнаго дѣла. Когда же, въ 1822 г., любимыя ученицы князя были выпущены изъ училища, онъ пересталъ ѣздить въ школу, а продолжалъ свои уроки у себя на дому. Такимъ образомъ, училище осталось безъ драматическаго учителя, а домашній нашъ театръ безъ употребленія. Мы тогда задумали устраивать, въ свободное время, домашніе спектакли собственными средствами. Инспекторомъ театральнаго училища былъ въ ту пору Иванъ Самойловичъ Бокъ, онъ же занималъ и докторскую должность при театрѣ. Это былъ человекъ очень добрый, простой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабый и трусливый до-нельзя. Онъ ни за что не позволялъ воспитанницамъ участвовать въ нашихъ спектакляхъ: „Играйте, говорить, одни, а я объ этомъ директора не смѣю просить“. Нечего дѣлать, надо было выбирать пьесы безъ женскаго персонала, но это было довольно затруднительно, потому что таковыхъ въ тогдашнемъ репертуарѣ не имѣлось. Мои товарищи-однокашники избрали меня своимъ режиссеромъ и мы принуждены были играть тогда по большей части пародіи, недозволенныя цензурой; какъ на прим.: Митюху В алд ай с ка го (пародія на Димитріа Донскаго), Трумфа соч. Ивана Андреевича Крылова *) и нѣкоторыя другія... Чтобы помочь нашему бѣдному репертуару, я въ то время написалъ то же пародію, въ стихахъ, подъ названіемъ: „Неронъ“ и потомъ „Сентябрьскую Ночь“, сюжетъ которой заимствовалъ изъ разсказа (Алек-

*) Напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г. т. III, стр. 161—200. См. тамъ-же стр. 394, 536 и 646. Ред.

сандра Бестужева), помѣщеннаго въ Литературныхъ Прибавленіяхъ въ журналѣ „Сынъ Отечества“. Двѣ эти пьески были безъ женскихъ ролей и имѣли на нашей миньютурной сценѣ большой успѣхъ. Само собою разумѣется, что наша домашняя публика была не взыскательна и снисходительно относилась къ доморощенному автору. Главныя въ нихъ роли играли мои совоспитанники—Григорьевъ и Воротниковъ. Петръ Ивановичъ Григорьевъ, впоследствии извѣстный актеръ и сочинитель, готовился тогда быть музыкантомъ и уже начиналъ играть на виолончелѣ въ театральномъ оркестрѣ. Я уговорилъ его принять участіе въ нашихъ спектакляхъ; онъ согласился попробовать свои средства и, сыгравъ удачно нѣсколько ролей, такъ пристрастился къ сценическимъ занятіямъ, что вскорѣ выползъ изъ оркестра на сцену, оставилъ свой инструментъ и рѣшился сдѣлаться актеромъ. Черезъ годъ послѣ того онъ началъ учиться у кн. Шаховскаго и дебютировалъ на публичной сценѣ.

По выходѣ моемъ изъ училища (въ 1823 году), я продолжалъ занимать принятую на себя должность режиссера у прежнихъ своихъ однокашниковъ. Наши ребяческіе спектакли посѣщаль нѣсколько разъ Александръ Сергѣевичъ Грибовдовъ — и они ему очень нравились... Я помню, какъ онъ отъ души хохоталъ, смотря моего „Нерона“. Водевиль же мой „Сентябрская Ночь“ онъ даже уговаривалъ меня тогда поставить на публичномъ театрѣ, но я въ то время не смѣлъ и мечтать объ этой чести*!)

Вмѣстѣ съ Грибовдовымъ посѣщаль наши спектакли Александръ Бестужевъ. Однажды мнѣ случилось играть на нашемъ театрѣ роль офицера Хрустилина въ водевилѣ „Пурсоньякъ“ (кн. Шаховскаго). Въ нашемъ театральномъ гардеробѣ мундиры были больно безобразныя, и я выпросилъ у Бестужева его адъютантскій мундиръ со всѣми къ нему принадлежностями... И какъ же я былъ тогда доволенъ, что могъ на сценѣ пощеголять въ настоящей гвардейской формѣ!.. что, разумѣется, не дозволено было на публичномъ театрѣ...

Думаль-ли я тогда, что, можетъ быть, играю въ томъ самомъ мундирѣ, въ которомъ, черезъ нѣсколько времени, Бестужевъ будетъ разыгрывать злополучную роль на Сенатской площади и за которую его вызовутъ въ Петропавловскую крѣпость!!

Въ 1824 году появилась въ рукописи безсмертная комедія Грибовдова. Въ печати были тогда только двѣ или три сцены изъ нея, помѣщенныя въ альманахѣ, подъ названіемъ „Русская Тагія“ издан.

*) Въ 1830 году этотъ водевиль былъ игранъ на Большомъ театрѣ, въ бенефисъ актера Рязанцева.
П. Е.

Булгаринимъ; но вся комедія была въ то время запрещеннымъ плодомъ... Мы съ Григорьевымъ предложили Александру Сергѣевичу разыграть „Горе отъ ума“ на нашемъ школьномъ театрѣ, и онъ былъ въ восхищеніи отъ нашего предложенія... Большого труда намъ стоило упросить добраго инспектора Бока—дозволить и воспитанницамъ принять участіе въ этомъ спектаклѣ... наконецъ онъ согласился, и мы живо принялись за дѣло; въ нѣсколько дней расписали роли, въ недѣлю ихъ выучили и дѣло пошло на ладъ *). Самъ Грибовдовъ приѣзжалъ къ намъ на репетиціи и очень усердно училъ насъ... Надо было видѣть, съ какимъ простодушнымъ удовольствіемъ онъ потиралъ себѣ руки, видя свое „Горе отъ ума“ на нашемъ ребяческомъ театрѣ!.. Хотя, конечно, мы откалывали его безсмертную комедію съ горемъ пополамъ, но онъ былъ очень доволенъ нами, а мы были въ восторгѣ, что могли угодить ему. На одну изъ репетицій онъ привелъ съ собою А. Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера—и тѣ также насъ похваливали... Наконецъ комедія была уже совсѣмъ приготовлена, на слѣдующій день назначенъ былъ спектакль... но, увы! всѣ наши хлопоты и надежды лопнули, какъ мыльный пузырь! Наканунѣ самаго представленія, во время послѣдней репетиціи, является къ намъ инспекторъ Бокъ, и объявляетъ намъ грозный фирманъ графа Милорадовича (который имѣлъ тогда главное начальство надъ императорскими театрами и которому кто-то донесъ объ нашихъ затѣяхъ), чтобъ мы не смѣли такъ либеральничать и что пьесу, неодобренную цензурой, нельзя позволить играть въ театральномъ училищѣ. Всѣ мы повѣсили носы отъ этого неожиданнаго извѣстія и пришлось намъ горемычнымъ повторить два стиха изъ запрещенной комедіи:

«Ни безпокойства, ни сомнѣнья,
А горе ждетъ изъ-за угла!»

Да, дѣйствительно, мы всѣ были въ страшномъ горѣ, а нашъ простодушный Бокъ перетрусился не на шутку; онъ, кажется, боялся, чтобъ за свою слабость къ намъ не попасть ему въ крѣпость!.. Но дѣло ограничилось однимъ только выговоромъ.

Мы съ Григорьевымъ отправились тотчасъ же къ Грибовдову съ этимъ роковымъ извѣстіемъ, что, конечно, его сильно огорчило.

*) Вотъ фамиліи воспитанниковъ и воспитанницъ, которыя должны были участвовать въ комедіи: Григорьевъ—Чацкаго, Чайчиковъ—Фамусова, Я—Репетилова, Экунинъ—Скалозуба, Софья—Прилуцкая, Лизу—Лебедева (впослѣдствіи она вышла замужъ за танцора Шелихова), Хлестову—Ковалева (теперь она классная дама въ театральномъ училищѣ), остальныхъ не помню... Но чуть-ли только мы вдвоемъ съ Ковалевымъ изо всего этого персонала и уцѣлѣли на нашей жизненной сценѣ. П. К.

Итакъ, поэту не суждено было видѣть на сценѣ (даже и въ такомъ горемичномъ исполненіи, какъ наше) своей бессмертной комедіи.

Въ этотъ періодъ времени, Грибовдовъ часто бывалъ у насъ въ домѣ, а мы съ братомъ, Васильемъ Андреевичемъ, еще чаще посѣщали его... Кромѣ его остроумной бесѣды, любилъ я слушать его великолѣпную игру на фортепьяно... сидеть онъ, бывало, къ нимъ и начать фантазировать.... сколько было тутъ вкуса, силы, дивной мелодіи! Онъ былъ отличный пѣянистъ и большой знатокъ музыки: Моцартъ, Бетховенъ, Гайднъ и Веберъ были его любимые композиторы. Однажды я сказалъ ему: „Ахъ, А. С., сколько Богъ далъ вамъ талантовъ: вы поэтъ, музыкантъ, были лихой кавалеристъ и наконецъ, отличный лингвистъ!“ (онъ, кромѣ пяти европейскихъ языковъ, основательно зналъ персидскій и арабскій языки). Онъ улыбнулся, взглянулъ на меня умными своими глазами изъ подъ очковъ, и отгвѣчалъ мнѣ: „Повѣрь мнѣ, Петруша, у кого много талантовъ, у того нѣтъ ни одного настоящаго“. Онъ былъ скромнень и снисходителенъ въ кругу друзей, но сильно вспыльчивъ, заносчивъ и раздражителенъ, когда встрѣчалъ людей не по душѣ... Тутъ онъ готовъ былъ придратъса къ нимъ изъ пустяковъ и горе тому, кто попался къ нему на зубокъ... тогда соперникъ бывалъ разбитъ въ пухъ и прахъ, потому что сарказмы его были неотразимы! Вотъ одинъ изъ такихъ эпизодовъ: когда Грибовдовъ привезъ въ Петербургъ свою комедію, Николай Ивановичъ Хмельницкій просилъ его прочесть ее у него на дому; Грибовдовъ согласился. По этому случаю, Хмельницкій сдѣлалъ обѣдъ, на который, кромѣ Грибовдова, пригласилъ нѣсколькихъ литераторовъ и артистовъ, въ числѣ послѣднихъ были: Сосницкій, мой братъ и я. Хмельницкій жилъ тогда баринотъ, въ собственномъ домѣ—на фонтанкѣ у Симіоновскаго моста. Въ назначенный часъ собралось у него небольшое общество. Обѣдъ былъ роскошенъ, веселъ и шуменъ... Послѣ обѣда всѣ вышли въ гостинную, подали кофе и закурили сигары... Грибовдовъ положилъ рукопись своей комедіи на столъ; гости, въ нетерпѣливомъ ожиданіи, начали придвигать стулья; каждый старался помѣститься поближе, чтобъ не проронить ни одного слова... Въ числѣ гостей былъ тутъ нѣкто Василій Михайловичъ Федоровъ, сочинитель драмы „Лиза, или торжество благодарности“ и другихъ давно уже забытыхъ пьесъ... Онъ былъ человекъ очень добрый, простой, но имѣлъ претензію на остроуміе... Физиономія-ли его не понравилась Грибовдову, или можетъ быть старый шутникъ пересолнилъ за обѣдомъ, рассказывая неостроумные анекдоты, только хозяину и его гостямъ пришлось быть свидѣтелями довольно непріятной сцены... Покуда Грибовдовъ закуривалъ свою сигару, Федоровъ, подойдя къ

столу, взялъ комедію (которая была переписана довольно разгониисто), покачалъ ее на рукѣ и, съ простодушной улыбкой, сказалъ: „Ого! какая полновѣсная!.. Это стѣбитъ моей Лизы“. Грибовѣдовъ посмотрѣлъ на него изъ-подъ очковъ и отвѣчалъ ему, севозъ зубы: „Я пошлостей не пишу“. Такой неожиданный отвѣтъ, разумѣется, огорошилъ Ѳедорова и ояъ, стараясь показать, что принимаетъ этотъ рѣзкій отвѣтъ за шутку, улыбнулся, и тутъ же поторопился прибавить: „Никто въ этомъ не сомнѣвается Александръ Сергѣевичъ; я не только не хотѣлъ обидѣть васъ сравненіемъ со мной, но право, готовъ первый смѣяться надъ своими произведеніями“.—„Да, надъ собой-то вы можете смѣяться, сколько вамъ угодно, а я надъ собой—никому не позволю...“—„Помидуйте, я говорилъ не о достоинствѣ нашихъ пьесъ, а только о числѣ листовъ“.—„Достоинствъ моей комедіи вы еще не можете знать, а достоинства вашихъ пьесъ всѣмъ давно извѣстны“.—„Право, вы напрасно это говорите, я повторяю, что вовсе не думалъ васъ обидѣть“.—„О, я увѣренъ, что вы сказали, неподумавши, а обидѣть меня вы никогда не можете“.

Хозяинъ отъ этихъ шпилекъ былъ какъ на иголкахъ, и желая шуткой какъ-нибудь замаять размолвку, которая принимала не шуточный характеръ, взялъ за плечи Ѳедорова и, смѣясь, сказалъ ему: „Мы за наказаніе посадимъ васъ въ задній рядъ кресель...“

Грибовѣдовъ, между тѣмъ, ходя по гостинной съ гитарой, отвѣчалъ Хмельницкому: „Вы можете его посадить, куда вамъ угодно, только я, при немъ, своей комедіи читать не стану...“ Ѳедоровъ покраснѣлъ до ушей и походилъ въ эту минуту на школьника, который силится схватить ежа—и гдѣ его ни тронетъ, вездѣ уколется... Очевидно, что хозяинъ былъ поставленъ въ самое щекотливое положеніе между своими гостями, не зналъ чью сторону принять, и всѣми силами старался какъ-нибудь потушить эту вздорную ссору, но Грибовѣдовъ былъ непреклоненъ, и ни за что не соглашался, при Ѳедоровѣ начать чтеніе... Нечего было дѣлать... бѣдный авторъ добродѣтельной Лизы взялъ шляпу и, подойдя къ Грибовѣдову, сказалъ: „Очень жаль, Александръ Сергѣевичъ, что невинная моя шутка была причиной такой несприятной сцены... и я, чтобъ не лишать хозяина и его почтенныхъ гостей удовольствія слышать вашу комедію, ухожу отсюда...“ Грибовѣдовъ съ жестокимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ ему на это: „Счастливаго пути!“ Ѳедоровъ скрылся... Итакъ, драматургу, изъ-за своей несчастной драмы, пришлось сыграть комическую роль, а комикъ чуть не разыграть драмы изъ-за своей комедіи.

По уходѣ Ѳедорова, чтеніе началось—и нужно-ли говорить, какой эффектъ произвела эта комедія на слушателей!

Здѣсь, для контраста, приведу другой случай изъ домашней жизни покойнаго Александра Сергѣевича. Былъ у него камердинеръ, крѣпостной его человѣкъ, который съ малолѣтства находился при немъ для прислуги; онъ вмѣстѣ съ нимъ выросъ и былъ при немъ безотлучно во всѣхъ его путешествіяхъ. Грибовдовъ его очень любилъ и даже баловалъ, вслѣдствіе чего слуга зачастую фамильярничалъ со своимъ господиномъ. По какому-то странному случаю, этотъ слуга назывался Александромъ Грибовымъ и Грибовдовъ часто называлъ его тѣзкой. Однажды Александръ Сергѣевичъ ушелъ въ гости на цѣлый день. Грибовъ, по уходѣ его, заперъ квартиру на ключъ и самъ тоже куда-то отправился... Часу во второмъ ночи, Грибовдовъ воротился домой; звонить, стучить—дверей не открываютъ... онъ еще сильнѣе—нѣтъ отвѣта. Помучившись напрасно съ четверть часа, онъ отправился почевать къ своему пріятелю Андрею Андреевичу Жандру, который жилъ тогда недалеко отъ него.

На другой день Грибовдовъ приходитъ домой; Грибовъ встрѣчаетъ его, какъ ни въ чемъ не бывало. „Сашка! куда ты вчера уходилъ?“ спрашиваетъ Грибовдовъ.

— Въ гости ходилъ... отвѣчаетъ Сашка.

— Но я во второмъ часу воротился, и тебя здѣсь не было.

— А почему же я зналъ, что вы такъ рано вернетесь? возражаетъ онъ такимъ тономъ, какъ будто вся вина была на сторонѣ барина, а не слуги.

— А ты въ которомъ часу пришелъ домой?

— Ровно въ три часа.

— Да, сказала Грибовдовъ, ты правъ, ты точно, въ такомъ случаѣ, не могъ мнѣ отворить дверей...

Нѣсколько дней спустя, Грибовдовъ сидѣлъ вечеромъ въ своемъ кабинетѣ и что-то писалъ... Александръ пришелъ къ нему и спрашиваетъ его:

— А что, Александръ Сергѣевичъ, вы не уйдете сегодня со двора?

— А тебѣ зачѣмъ?

— Да мнѣ-бы нужно было сходить часа на два, или на три въ гости.

— Ну, ступай, я останусь дома.

Грибовъ разфрантился, надѣлъ новый фракъ и отправился... Только что онъ за ворота, Грибовдовъ снимаетъ халатъ, одѣлся, заперъ квартиру, взявъ ключъ съ собою и ушелъ опять почевать къ Жандру. Время было лѣтнее; Грибовъ воротился часу въ первомъ... звонить, стучить, двери не открываются... Грибовъ видитъ что дѣло плохо, стало-быть, баринъ надулъ его... Уйти почевать куда-нибудь нельзя, неравно баринъ вернется

ночью. Нечего было дѣлать; ложится онъ на полу, около самыхъ дверей и засыпаетъ богатырскимъ сномъ. Рано по утру, Грибовъдовъ воротился домой, и видитъ что его тѣзка, какъ вѣрный песъ, растаялся у дверей своего господина. Онъ разбудилъ его, и, потирая руки, самодовольно говорить ему: „А? что?.. франтъ-собака, каково я тебя прошколилъ... славно отомстилъ тебѣ! Вотъ, еслибъ у меня не было по близости знакомаго, и мнѣ-бы пришлось на прошлой недѣлѣ также ночевать, по твоей милости!“... Грибовъ вскочилъ, какъ встрепанный и, потягиваясь, сказалъ ему: „Куда какъ остроумно придумали!.. есть чѣмъ хвастать“.

Другой разъ, при мнѣ, Грибовъдовъ садится за фортепьяно, у которыхъ одна ножка была безъ колеса и для опорки подъ нее обыкновенно подставляли какой-то брусокъ... на этотъ разъ бруска не оказалось и фортепьяно шаталось во всѣ стороны... Грибовъдовъ зоветъ своего Грибова и говорить ему: „Ты вѣрно опять сегодня игралъ безъ меня на фортепьяно?“

— Игралъ немножко... отвѣчаетъ онъ фамиллярно.

— Ну такъ и есть!—А куда дѣвался брусокъ?

— Не знаю.

— А что ты игралъ?

— „Барыню!“

— Ну-ка, сыграй... Слуга, безъ церемоніи, садится за фортепьяно и однимъ пальцемъ наигрываетъ извѣстную пѣсню: „Барыня-сударыня, протяните ножку“. Грибовъдовъ прослушалъ его съ пол-минуты, повачалъ головою, и сказалъ ему: „Ахъ, ты дрянъ этакая, по-вашей не имѣешь, какъ надо играть, а портишь мнѣ фортепьяно!.. По-ш-ш-шелъ! играй лучше въ свайку, или въ бабки!“

Эти два анекдота ясно обрисовываютъ простодушный характеръ Грибовъдова. Впослѣдствіи, этотъ самый Грибовъ былъ вмѣстѣ со своимъ господиномъ въ Тегеранѣ и въ 1829 году, во время кровавой афганской войны, какъ мнѣ рассказывали, былъ взрубленъ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ.

Извѣстно, что Грибовъдовъ, въ 1826 году, былъ вытребованъ изъ Тифлиса слѣдственной комиссіей по дѣлу 14 декабря; его подозрѣвали также прикосновеннымъ къ заговору; онъ былъ съ фельдъегеремъ привезенъ въ Петербургъ и содержался нѣсколько дней подъ арестомъ въ главномъ штабѣ. Вскорѣ, однако, онъ былъ освобожденъ, потому что никакихъ уликъ противъ него не оказалось. Я помню его по имени, сказанный имъ по поводу этого ареста... вотъ онъ:

«По дузу времени и вкусу,
Онъ ненавидѣлъ слово:—рабъ...»

За то посаженъ въ главный штабъ
И тамъ притянуть къ Иисусу!> *)

Въ началѣ весны, въ 1828 году, незадолго до своего отъѣзда въ Тегеранъ, Александръ Сергѣевичъ зашелъ ко мнѣ... Тогда я уже былъ женатъ; онъ желалъ поздравить меня и жену мою съ законнымъ бракомъ... (его не было въ Петербургѣ, когда мы съ играли нашу свадьбу **). Мы съ женою поздравляли его и съ царскою милостью и съ блестящей карьерой (онъ тогда только-что былъ назначенъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ). На наше радушное привѣтствіе онъ отвѣчалъ какъ-то грустно, точно предчувствіе щемило его вѣщее сердце: „Богъ съ ними, съ этими почестями!—говорилъ онъ—мнѣ-бы только устроить и обезпечить мою старушку-матушку, а тамъ я бы опять вернулся сюда... дайте мнѣ мое свободное время, мое перо и чернилицу, больше мнѣ ничего не надо!“ Когда же я заговорилъ объ его высокомъ назначеніи, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Не люблю я персіанъ, это самое коварное и предательское племя“. Потомъ, когда онъ собирался уходить, жена моя сказала ему: „Неужели, Александръ Сергѣевичъ, Богъ не приведетъ вамъ увидѣть свою чудную комедію на нашей сценѣ?“—Онъ грустно улыбнулся, взглянулъ на нее изъ-подъ очковъ, и сказалъ ей: „А какая бы вы была славная Софья!“ Грустно было на этотъ разъ наше прощаніе съ нимъ... Не прошло и году послѣ нашей разлуки, какъ его не стало: онъ погибъ въ Тегеранѣ 30 января 1829 года.

П. А. Каратыгинъ.

*) Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ П. А. Ефремова это четверостишіе сохранилось въ другой, едва-ли не болѣе вѣрной редакціи:

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово рабъ,—
Меня и ваяли въ главный штабъ
И потянули къ Иисусу.

Кстати о четверостишіяхъ Грибовдова. Эпиграфъ къ его комедіи появился лишь въ послѣднихъ ея изданіяхъ, т.-е. въ концѣ 1850-хъ и начала 1860-хъ гг. Въ нашемъ спискѣ «Горе отъ ума»,—подаренномъ намъ И. И. Введенскимъ, четверостишіе читается иначе, противъ напечатаннаго напр. въ изд. 1860 г., а именно:

Судьба, проказница-шалунья,
Опредѣляла такъ сама:
Всѣмъ глупымъ — счастье отъ безумья,
Всѣмъ умнымъ — горе отъ ума.

Ред.

**) Первая моя жена была Любовь Осиповна Дюрова (ученица кн. Шаховскаго), родная сестра известнаго артиста Николая Осиповича Дюра. Она такъ же, какъ и братъ ея, была въ свое время любимцею публики. Она скончалась въ томъ же 1828 году.

П. К.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

I.

Письма его къ князю В. О. Бебутову.

Кавказъ давно уже считается боевою школой, изъ которой вышли такіе дѣятели, которые успѣли съ честью заявить о себѣ не одной Россіи, но и предъ лицомъ всей Европы. Одно изъ видныхъ мѣстъ на страницахъ новѣйшей военной исторіи этого края, безспорно принадлежитъ кн. Василию Осиповичу Бебутову. Недалеко ушло отъ насъ то время, — время послѣдней войны нашей съ союзниками, когда реляціи, оповѣщавшія о блистательныхъ побѣдахъ нашихъ въ Азіятской Турціи, то-и-дѣло повторяли имя кн. Бебутова, какъ вождя нашихъ войскъ при Баш-Кадмыларѣ и Кюрюкдара.

Прослѣдимъ, хотя въ бѣгломъ очеркѣ, предшествующую, служебную дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка. Происходя изъ древней, почетной армянской фамиліи и получивъ воспитаніе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, онъ на 19-мъ году, въ чинѣ прапорщика Херсонскаго гренадерскаго полка, началъ военную службу въ 1809 году, при главнокомандовавшемъ на Кавказѣ ген.-отъ-кав. А. П. Тормасовѣ. Въ слѣдующемъ 1810 году мы его уже видимъ въ походѣ на Ахалцыхъ, съ котораго собственно начинается боевое его поприще, которое, прерываясь иногда по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ на довольно продолжительное время, имѣло крайнимъ своимъ предѣломъ 1854 годъ. Въ 1812 году кн. Василій Осиповичъ, вмѣстѣ съ маркизомъ Паулуччи, смѣнявшимъ ген. Тормасова и лишь нѣсколько мѣсяцевъ управлявшимъ Закавказьемъ, оставилъ этотъ край и отправился въ Курляндію, гдѣ принималъ участіе въ преслѣдованіи непріятеля, бывшаго подъ командою маршала Макдональда, изъ Риги къ Мемелю и въ занятіи этого города. Въ 1816 году, онъ, состоя поручикомъ лейб.-гвардіи въ семеновскомъ полку (съ 1813 года), былъ назначенъ адъютантомъ къ А. П. Ермолову, котораго и сопровождалъ во время чрезвычайнаго посольства его въ Персію. Поступивъ подъ непосредственное начальство Ермолова, кн. Бебутовъ выработалъ въ себѣ тотъ военный талантъ, который поставилъ имя его на ряду съ знаменитѣйшими военными дѣятелями на Кавказѣ. Въ 1819 году онъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ качкальковъ, затѣмъ, при разбитіи Акушинцевъ у сел. Лаваша и при покореніи Акушинской области; а въ 1820 году, при пораженіи горцевъ у сел. Хозрекъ и покореніи Казикумьскаго ханства. Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1825 г., кн. Василій Осиповичъ былъ назначенъ командующимъ 3-й бригадой 22-й пѣ-

хотной дивизіи и управляющимъ Имеретіей, гдѣ и оставался до 1827 года. При графѣ Паскевичѣ, преемникѣ Ермолова, онъ, будучи уже въ чинѣ ген.-майора и состоя при начальникѣ 22-й пѣхотной дивизіи, принималъ дѣятельное участіе въ 1828 году, при разбитіи 30 т. турецкаго корпуса, подъ предводительствомъ 3-х-бунчужнаго Коса-Мегмед-паши и Мустафа-паши, а также при осадѣ и взятіи кр. Ахалцыха. За оказанное въ семь дѣлъ отличіе, кн. Василій Осиповичъ былъ пожалованъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость» и алмазными украшениями. Назначенный около этого-же времени начальникомъ только-что покореннаго Ахалцыхскаго пашалыка, онъ въ 1829 году находился при оборонѣ ахалцыхской же крѣпости противъ 20 т. непріятельскаго корпуса, подъ начальствомъ Ахмедъ-паши Аджарскаго и преслѣдованіи непріятеля. По окончаніи турецкой кампаніи, кн. Василій Осиповичъ въ февралѣ 1830 года былъ назначенъ начальникомъ Армянской области, которая образовалась изъ бывшаго Эриванскаго ханства, отошедшаго къ Россіи по Тюркменчайскому трактату, заключившему послѣднюю войну нашу съ Персіей. Спустя ровно 12 лѣтъ, онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Замостье, откуда, въ чинѣ ген.-лейтенанта, въ февралѣ 1844 года, перемѣщенъ на постъ командующаго войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ. Участвуя здѣсь во всѣхъ походахъ противъ лезгинъ, онъ въ особенности ознаменовалъ себя побѣдою, одержанною въ октябрѣ 1846 года надъ 6 т. скопищемъ лезгинъ, предводимыхъ Шамилемъ, при сел. Кутиши, въ Даргинскомъ округѣ, за что былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 3-го класса. Въ концѣ 1847 года, кн. Василій Осиповичъ оставилъ Дагестанъ и до поры до времени какъ бы распрощался съ тревожною боевою жизнію: по указанію бывшаго намѣстника, покойнаго ген.-фельдмаршала кн. Воронцова, на него возложено званіе начальника гражданскаго управленія и предсѣдателя совѣта того же управленія Закавказскимъ краемъ. На этомъ административномъ поприщѣ кн. Бебутовъ выказалъ себя не менѣе опытнымъ дѣятелемъ. Это продолжалось до исхода 1853 года, когда вспыхнула война Россіи съ союзными державами, которая снова вызвала его на первое поприще дѣятельности; онъ былъ назначенъ командующимъ дѣйствующимъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ. Въ этомъ званіи онъ одержалъ, 19-го ноября 1853 года, знаменитую побѣду надъ 36 т. корпусомъ турецкой арміи, подъ предводительствомъ сераскира Абди-паши при Баш-Кадикларѣ, за что получилъ орденъ св. Георгія 2-го класса. 24-го іюля слѣдующаго 1854 года онъ, при сел. Кюрюк-дара, снова разбилъ 60 т. турецкій корпусъ, предводительствуемый муширомъ Зариф-Мустафа-пашею. Кюрюк-даринская побѣда довершила военную славу кн. Василія Осиповича и вмѣстѣ съ тѣмъ была послѣднимъ его дѣломъ. Рассказываютъ, что когда въ Петербургъ пришло извѣстіе объ этой побѣдѣ, императоръ Николай выразился: «кн. Бебутовъ хочетъ удивить меня побѣдой, удивлю же я его наградою». И дѣйствительно, кн. Василій Осиповичъ, будучи въ чинѣ ген.-лейтенанта, былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго— награда рѣдкая и почти безпримѣрная въ томъ чинѣ, какой имѣлъ въ то время кн. Бебутовъ.

Съ прибытіемъ, въ началѣ 1855 года, на Кавказъ ген. Муравьева, приняшаго личное командованіе надъ корпусомъ, долженствовавшимъ дѣйствовать въ предѣлахъ Азіатской Турціи, кн. Василю Осиповичу было ввѣрено управленіе гражданскою частію на Кавказѣ и Закавказьѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на

него же возложено командованіе войсками отдѣльнаго кавказскаго корпуса, невходившими въ составъ дѣйствующаго корпуса.

Въ намѣстничество кн. А. И. Барятинскаго, кн. Василій Осиповичъ хотя и былъ произведенъ въ полные генералы съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта, но уже не принималъ прежняго активнаго участія въ высшей служебной сферѣ, а дѣтотъ 1857 года впервые почувствовалъ симптомы той тяжкой болѣзни, которая въ мартѣ 1858 года низвела его въ могилу на 68 году жизни. Онъ скончался отъ рака въ желудкѣ.

Обращаясь къ личнымъ качествамъ кн. Бебутова, скажемъ, что онъ обладалъ свѣтлымъ и гибкимъ умомъ и вообще тѣми счастливыми способностями, благодаря которымъ онъ успѣлъ изучить край, которому посвятилъ всю свою служебную дѣятельность. Основательному же знанію мѣстныхъ языковъ, а главное, своей достуности и крайне деликатному обращенію со всѣми, вступавшими съ нимъ въ какое-либо сношеніе, онъ былъ обязанъ тою популярностью, которую приобрѣлъ не только среди туземнаго населенія, но и въ сопредѣльныхъ съ Кавказомъ державахъ, Персіи и Турціи, гдѣ его знали подъ именемъ кн. Бебута. Личныя отношенія кн. Василія Осиповича къ главнымъ начальникамъ въ край обуславливались рѣдкимъ умѣньемъ его сообразовать свои дѣйствія съ обстоятельствами даннаго времени и приравниваться къ отдѣльнымъ характерамъ, и по наружности казались самыми благопріятными. Но были-ли они настолько же искренни и вытекали-ли изъ взаимнаго сердечнаго расположенія, — это вопросъ другой, затрогивать который я здѣсь считаю неудобнымъ. Обращаясь собственно къ А. П. Ермолову — этой свѣтлой и знаменитой личности въ новѣйшей военной исторіи Кавказа, я позволяю себѣ высказать нѣкоторое сомнѣніе въ дѣйствительности того расположенія къ кн. Бебутову, которымъ преисполнены приводимыя ниже его письма. Предположеніе свое я основываю на томъ простомъ фактѣ, что кн. Бебутову едва-ли бы удалось удержаться при гр. Паскевичѣ, безъ явнаго ущерба въ своемъ служебномъ положеніи, если бы онъ, по всей вѣроятности, не поколебался хотя нѣсколько въ своихъ чувствахъ къ бывшему начальнику, котораго неприязнь къ преднику ни для кого не составляетъ тайны. Подобное же поведеніе, со стороны бывшаго подчиненнаго, никогда не могло скрыться отъ Алексѣя Петровича, какъ такою человѣка, который почти никогда не ошибался въ знаніи людей, особенно людей столь близкихъ къ нему, какъ нѣкогда кн. Василій Осиповичъ. Но каковы бы ни были эти чувства, онѣ не уменьшаютъ интереса письма, вслѣдъ за сими помѣщаемыхъ.

А. П. Верже.

1.

Отъ 8 мая 1846 г.

Письмо это, почтенный кн. Василій Осиповичъ, представить тебѣ Орловъ, просившійся служить на Кавказѣ, молодой человѣкъ похвальнѣйшихъ свойствъ. Онъ внучъ родной Раевскаго, знаменитаго въ войну отечественную, и племянникъ нынѣшняго графа А. Ѳ. Орлова. Прими его благосклонно и, сколько отъ тебя зависѣть будетъ, способствуй ему быть въ дѣйствіи противъ горцевъ такимъ образомъ, чтобы не остался онъ непримѣтнымъ. Онъ въ семьѣ сынъ единственный, но ближніе его знаютъ, что онъ служить будетъ съ усердіемъ

и на чистоту. Ты, конечно, удивляешься, что я прошу объ немъ, когда имѣеть онъ дядю могущественнаго. Точно, дядя его очень любить и отъ души порадуется его успѣхамъ, но не сдѣлаеть ничего излишне скоро и ему приятно будетъ, чтобы онъ достоинъ былъ вниманія. Мать его узнавши, что нѣкогда ты быть моею собственностью, просила меня рекомендовать его именно тебѣ и просить, чтобы имѣлъ великодушіе не отказать ему въ полезныхъ наставленіяхъ, особенно въ первый разъ поступающему на дѣйствительную службу въ странѣ ему неизвѣстной. Если случится ему быть подъ командою начальниковъ, тебѣ хорошо знакомыхъ, обрати на него вниманіе ихъ. Привыкъ вѣрить, что ты не безъ собственнаго удовольствія дѣлаешь мнѣ приятное и потому насчетъ юнаго ратоборца я совершенно покоенъ.

Забылъ я, но кажется, я просилъ тебя о молодомъ человѣкѣ, Василии Кучинѣ, который, помнится, долженъ быть унтеръ-офицеромъ Апшеронскаго полка. Желалось бы мнѣ, чтобы онъ поступилъ въ офицерскій чинъ. Отецъ его, лѣтъ 45 назадъ, былъ со мной въ одной конно-артиллерійской ротѣ и мы живали вмѣстѣ. О юношѣ имѣлъ по печеніе храбрый Пассекъ, но слишкомъ скоро лишился онъ единственнаго своего покровителя.

Теперь приближается время, въ которое ты менѣ будешь имѣть свободнаго времени, но если представится оное, хотя изрѣдка увѣдомляй меня о происходящемъ съ тобою и о моихъ Казикумьскихъ рыцаряхъ, которые, кажется, попадутъ нынѣшнее лѣто въ готовящуюся экспедицію. Ты, любезный Сципіонъ, большую сдѣлаешь мнѣ милость, поручивъ ихъ вниманію ихъ начальника. Говорю я объ экспедиціи, совершенно никакихъ не имѣя свѣдѣній, но единственно повторяя можетъ быть и пустыя слухи. Если же такъ, при Воронцовѣ, надѣюсь, все будетъ исполнено согласно съ его распоряженіями. Можетъ быть и моимъ сиротамъ дать Богъ счастье! Буду радъ успѣхамъ ихъ и въ особенности Севера, въ которомъ вижу гораздо менѣ склонности къ военной службѣ. Для Клавдія это настоящее назначеніе и если онъ будетъ живъ, не сомнѣваюсь, сдѣлаеть себѣ дорогу. Если бы удалось Северу достигнуть награды, дающей право дворянства, тотчасъ вонъ изъ службы. Недалеко время, что мнѣ старику нужна будетъ подпора и хозяинъ для сохраненія небогатаго достоянія братьевъ его. Впрочемъ воля Божія!

Прощай. Чувства дружбы моей къ тебѣ всегда постоянны, имѣ соразмѣрно мое уваженіе. Будь счастливъ—преданный Ермоловъ.

Сбоку приписка. Замѣтишь мѣста гадко написанныя; это я безсовѣстно дремалъ.

2.

Сентябрь 1846 г.

Почтенный князь Василий Осиповичъ. Между прочими и до меня дошли слухи о счастливомъ сраженіи съ горцами кн. Аргутинскаго *) и, вѣроятно, хорошемъ, ибо не было разнорѣчивыхъ сужденій.

Одинъ изъ пріѣзжихъ съ Кавказа говорилъ мнѣ, что знатные господа, прапорщики Ермоловы удостоены милостиваго отъѣзда ихъ начальника, а къ большому еще удовольствію моему знакомый мнѣ, пріѣхавшій изъ Петербурга, имѣлъ отъ кн. Долгорукова, начальника штаба его высочества генераль-фельдцейхмейстера, порученіе сообщить мнѣ, что они кн. Аргутинскимъ представлены какъ отличившіеся и онѣ особенно отъѣздается о нихъ благосклонно.

Боялся я прежде Казикумыка, который имѣлъ славу страны самой не здоровой; но если обдержались мои юноши, то, конечно, нѣтъ лучшаго назначенія для служащихъ безъ повровительства. Когда на другихъ пунктахъ можетъ продолжаться бездѣйствіе, тутъ сметливый начальникъ всегда имѣетъ возможность возобновлять успѣхи, покоряя распоряженіе собственному произволу и времени собственно избранному, не вводя дѣйствіе въ общую связь плана. Этими преимуществами пользуется одинъ кн. Аргутинскій, и пользуется, конечно, весьма искусно.

Жизнь моя лѣтомъ въ деревушкѣ, которую ты, любезная собственность, одинъ разъ посѣтила, причиною, что проѣзжавшихъ съ Кавказа многихъ видѣть мнѣ не удалось, а потому и не богатъ я свѣдѣніями; впрочемъ всегда попадалъ на радостныхъ вѣстниковъ о водворяющемся спокойствіи, о томъ, что между горцами примѣтно охлажденіе къ Шамилю, что тягостна имъ звѣрская его власть и при всякомъ случаѣ обнаруживается уменьшеніе къ нему довѣренности. Это, конечно, утѣшительно, если рѣшаешься тому повѣрить. Я изъ числа тѣхъ, которыхъ довѣренность не поколеблется даже отъ слуховъ, будто Шамиль явился предъ Везапномъ и будто чрезъ форштадтъ. Не понимаю гдѣ могъ онъ пройти съ артиллеріею, когда вблизи ужащающаго укрѣпленія при Чирь-Юртѣ, когда неподалеку прибывшій нижегородскій драгунскій полкъ, который назвать можно окрыленными войскомъ, не долженствующимъ терпѣть горцевъ на Кумикской плоскости. Неужели возможно противустать десяти эскадронамъ, которыхъ ведетъ удалый полковникъ? Я помню, какъ смѣшны были горцы конные; ты самъ вспомнишь, съ какимъ презрѣніемъ смотрѣли

*) Ген.-л. кн. Моисей Захарьевичъ Аргутинскій-Долгоруковъ, послѣдствіемъ ген.-ад., былъ въ это время командующимъ войсками въ южномъ Дагестанѣ; онъ скончался 20 февраля 1855 года въ Тифлисѣ.

на нихъ при селеніи Лаваша наши карабагцы. Развѣ была у насъ въ послѣдствіи особенная заботливость учить ихъ верховой ѣздѣ и они равную обнаруживали способность, какъ и къ дѣйствию артиллеріею? Не знаю, какъ не усматриваютъ этой добродѣтели въ генералѣ Головинѣ? Съ его времени горцы считаютъ блистательные ихъ успѣхи, и происшествія при Нейдгартѣ были только необходимымъ слѣдствіемъ удачнаго начала, сдѣланнаго первымъ.

Приложенное письмо, сдѣлай дружбу, отошли Аргутинскому, но прежде его прочитай и положи свою печать.

Юношей моихъ имѣй въ своемъ благоволеніи и поручи ихъ благо-расположенію ихъ начальника. Ты, по родству, въ семь случаевъ болѣе нежели кто-либо подѣйствовать можешь, а онъ имъ все сдѣлать въ состояніи.

Прощай, желаю отъ души возможнаго тебѣ счастья, и почему же бы оно должно другимъ болѣе благопріятствовать? Цѣлую. Душевно преданный Ермоловъ.

3.

Отъ 27 сентября 1846 г.

Если еще не наскучилъ я тебѣ моими письмами; то, конечно, я этого достигну, ибо рѣдкій разъ не обременяю я при томъ моими порученіями, которыя и всегда неприятны, а еще болѣе при твоихъ занятіяхъ. Но объ этомъ послѣ, а начну принесеніемъ благодарности за юношей, которые, восхваляя твое милостивое къ нимъ расположе-ніе, можно сказать, хвастаютъ имъ предо мною, не скрывая однакоже, что имъ бываетъ иногда головоунытіе. Таковому рѣдко, конечно, подвергается Северъ, какъ несравненно болѣе осторожный, но тотъ у меня великій гайдамакъ и если не свернуть ему голову, заставитъ себя замѣтить. Меня увѣряетъ, что дѣлается благоразумнѣе и что впредь шалостей дѣлать уже не будетъ. Кажется въ полномъ убѣжденіи, что я положусь на слова его. Но чтобы не оставить его въ заблужденіи, я представляю ему, что отнюдь ничему не вѣрю и на сей разъ все обошлось дружелюбно и безъ брани.

Какъ догадливо я сдѣлалъ, пославши черезъ тебя письмо кн. Аргутинскому. Дѣти мнѣ пишутъ и особенно Северъ, что онъ чрезвычайно къ нимъ милостивъ и внимателенъ. Это, право, великодушно съ его стороны и они, можно сказать, счастливы, что онъ взялъ ихъ подъ свое покровительство, когда у нихъ никакого не бывало. Теперь я нисколько не жалѣю, напротивъ чрезвычайно радъ, что они находятся при войскахъ подъ его начальствомъ, чего для нихъ лучше ничего случиться не могло. Ты, любезный Сципіонъ, и первый и, конечно, болѣе благодѣтель ихъ, не преставай давать имъ наставленія и под-

тверди съ своей стороны, чтобы всячески старались угодить кн. Аргутинскому, и такъ, чтобы онъ былъ ими доволенъ. Северъ пишетъ мнѣ, что онъ здоровъ, но что такъ усталъ, что находить нужнымъ отдохнуть и просить моего позволенія проситься зимою въ отпускъ въ Тифлисъ. Я на это согласился, но писалъ ему, чтобы безъ воли начальника своего не приступалъ ни къ чему. Замоли отъ себя слово кн. Аргутинскому и скажи ему, что во всей силѣ чувствую его милости сиротамъ моимъ.

Теперь вооружись терпѣніемъ и выслушай самую скучную часть письма. Это просьба—переслать деньги и письма моимъ юношамъ. Я посылалъ-бы два раза въ годъ, но въ накладѣ будетъ одинъ Северъ, ибо Клавдій, промотавши свое, не упуститъ его пощипать, а для Виктора надобны перуанскіе рудники.

Здѣсь есть много торгующихъ армянъ и я буду стараться сдѣлать такъ, чтобы я могъ отдавать здѣсь деньги, а чтобы юношамъ тамъ были выдаваемы. Подобные переводы были бы гораздо удобнѣе и мнѣ не совѣстно было бы терзать Сципіона...

Доставляя юношамъ деньги, если неловко передать ихъ чрезъ кн. Аргутинскаго, то избранному тобою лицу поручи, чтобы отдавалъ ихъ Северу, а не Клавдію, когда они вмѣстѣ.

Препровождаю у сего денегъ 340 р. с., раздѣляя ихъ поровну на каждаго изъ двухъ.

Прощай, любезнѣйшій другъ и нѣкогда моя собственность; сохрани мнѣ прежнюю дружбу, которую я цѣнить умѣю. Душевно преданный Ерм одовъ.

4.

Отъ 3 октября 1846 г.

Получилъ письмо твое отъ 15 сентября, почтенный кн. Василій Осиповичъ, и всякій разъ что имѣю о тебѣ извѣстія, я радъ душевно.

Разумѣю заботливое твое начальствованіе и желаю, конечно, не того, чтобы ты долго въ немъ остался, но тебя удерживаетъ кн. Воронцовъ, конечно усмотрѣвши, сколько ты надобенъ ему въ этомъ мѣстѣ.

Знаю тебя какъ собственность; слѣдовательно какъ человѣка не любящаго праздности, а сами обстоятельства высказываютъ дѣятельность твою и распорядительность. Для этого довольно было происшествія въ Евгеніевскомъ укрѣпленіи, и какъ оно скоро было возобновлено. Теперь озабочиваетъ тебя нижегородскій драгунскій полкъ, и кн. Воронцовъ долженъ быть покоенъ. Мнѣ приходитъ въ голову, что не взирая на охраненіе полкомъ Кумыкскихъ владѣній,

казаться будетъ жителямъ пребываніе его, по причинѣ потребности для него пространныхъ сѣнокосовъ, неминуемо стѣсняющихъ табуны и стада. Впрочемъ, по долговременности отсутствія я могу говорить вздоръ и самъ этому вѣрю. Шамиля никакія неудачи не смиряютъ и ты говоришь, что онъ готовится на попытку. Лишь бы это не было на Кахетію, гдѣ проводникомъ будетъ Елисуійскій измѣнникъ *). А тамъ надѣлать суматохи возможно...

Отъ души благодарю за милостивое вниманіе къ моимъ сиротамъ. Это истинное благодареніе! Удивляюсь, что у васъ нѣтъ вѣрнаго сообщенія съ кн. Аргутинскимъ и что только по возвращеніи отряда на зимнія квартиры ты перешлешь хранящіяся у тебя 360 р. с. Къ этому огромному капиталу за текущую треть я еще отправилъ къ тебѣ 340 р. с. субсидіи. Для такихъ сокровищъ можетъ Шамиль предпринять покушеніе; будь остороженъ!

Ты, почтенный Василеосъ, служилъ офицеромъ и вѣрно не болѣе имѣлъ средствъ сверхъ жалованья. Врavings ихъ, что при бережливости можно существовать не допуская большой нужды. Это понимаетъ одинъ Северъ и писалъ мнѣ, что сдѣланное мною положеніе находить достаточнымъ и долговъ не дѣлаетъ. Другіе этого не понимаютъ!

Отъ дѣтей письмо отъ 29 іюля получилъ и былъ обрадованъ, что они обратили на себя вниманіе кн. Аргутинскаго. Они отъ него въ восхищеніи! Надобно ожидать, что Шамиль не оставитъ его въ покоѣ.

Еще повторю мою просьбу: не стѣсняй себя Северомъ, не представляй его въ адъютанты, еслибы онъ и получилъ чинъ. Ему полезно послужить во фронтѣ, а то могутъ думать, что я прискивалъ его укрыть отъ трудностей. Когда будетъ у тебя болѣе адъютантовъ, мы съ тобою, любезный другъ, потолкуемъ.

Будь здоровъ; увѣдомляй меня обо всемъ, что можетъ случиться тебѣ пріятнаго. Новости до насъ доходятъ. Благодарю за Кучина; я послалъ старику отцу высочайшій приказъ. Я служилъ съ нимъ въ одной ротѣ назадъ тому 45 лѣтъ.

Будь здоровъ и благополученъ. Я всегда одинаково и уважаю и люблю тебя. Преданный Ермоловъ.

5.

Отъ 24 ноября 1846 г.

Почтенный кн. Василій Осиповичъ. Пріятно и весьма легко хвалить происшествіе, когда оно достойно похвалы, какъ успѣхъ тобою

*) Даниэль-бекъ, султанъ Елисуійскій, скончавшійся въ 1871 году, въ Константинополѣ.
А. В.

приобрѣтенный надъ непріателемъ *), но въ семь случаѣ не рѣшаюсь опредѣлить болѣе ли достоинства заключается въ самой побѣдѣ, которая, конечно, будетъ имѣть важныя послѣдствія, или въ предприимчивости и рѣшительности генерала, неустрашившагося отвѣтственности. Я склоняюсь на сторону послѣдняго и тебя отъ души поздравляю. Ты можешь представить, какъ я былъ обрадованъ и я въ это чувство вмѣшалъ нѣсколько грановъ собственной гордости. Но для этого необходимо истолкованіе и вотъ оно:

Довольно вѣроятно, что мнѣ могло быть пріятно, что блистательнымъ образомъ отличился генералъ, бывшій моимъ адъютантомъ, что на трудное предпріятіе рѣшился онъ съ такимъ числомъ войскъ, съ каковымъ давно уже не пускался ни одинъ изъ самыхъ прославленныхъ начальниковъ вашего края, или по крайней мѣрѣ не оставилъ памятника столько увѣчнаннаго предпріятія. Но еще тѣмъ порадовалъ ты меня, любезный князь, что главная сила твоего отряда состояла изъ 6 баталіоновъ пѣхоты, кабалистическаго числа, которому въ давнія времена принадлежало не мало успѣховъ.

Въ продолжительное пребываніе мое на Кавказѣ, весьма часто менѣе, но никогда болѣе 6 баталіоновъ не водилъ я съ собою. Но когда пошелъ въ Акушу, число моихъ войскъ несравненно превосходило твой отрядъ и довольно сказать, что было 30 полевыхъ орудій и между ними 6 батарейныхъ. У меня сохранилась подлинная строевая записка за подписаніемъ маіора Грекова (Михаила, ширванскаго полка), который отправлялъ должность окружнаго штаб-офицера. Тогда было однихъ рядовыхъ всякаго рода войскъ, съ казаками вмѣстѣ, но безъ унтер-офицеровъ, 7,000 чел.

Ты воскресилъ прежнюю неустрашимость войскъ и съ прежнею малою утратою. Давно уже и во многихъ случаяхъ важность происшествій опредѣлялась количествомъ потери и времени. Въ этомъ отношеніи знаменитѣйшія безпрекословно принадлежатъ генералу Головину, который однако-же допускалъ мысль, что для поправленія дѣлъ послѣ генерала Нейдгардта, онъ приглашенъ будетъ. Не прими это за шутку съ моей стороны.

Ты, любезный другъ, конечно, еще болѣе приобрѣлъ уваженія твоего главнокомандующаго и онъ тотчасъ, при собственноручной запискѣ, прислалъ мнѣ отдаленный приказъ по войскамъ. Конечно, не уменьшится число завидующихъ тебѣ, но уже труднѣйшими сдѣлаются интриги тѣхъ, кои желали имѣть твое мѣсто, и я радъ, для поль-

*) Рѣчь идетъ о дѣлѣ при сел. Кутиши, въ Сѣверномъ Дагестанѣ. А. В.

зы службы, что тебѣ оставить его уже неловко и невозможно. Въ этомъ Воронцовъ не потеряетъ.

Извѣстіе о твоей побѣдѣ принято въ Петербургѣ съ восхищеніемъ и въ обществѣ непрерывный о ней разговоръ. Я только двое сутокъ пріѣхалъ изъ деревни, но успѣлъ уже выслушать странную молву, которою обвиняютъ кн. Аргутинскаго, что онъ не вспомоществовалъ тебѣ дѣйствіями съ своей стороны. Не знаю гдѣ источникъ этой молвы, но говорятъ, что наша газета дала поводъ этому заключенію.

Еще разъ повторю мое поздравленіе тебѣ, любезный князь, и съ душевною радостію скажу: слава Богу!

Какъ я доволенъ былъ, что ты получилъ Георгія 3 степени. Другое всякое награжденіе придетъ по очереди: ихъ даже дадутъ за долготерпѣніе и долготѣіе.

Продолжи благосклонность твою моимъ юношамъ. Они пишутъ мнѣ и въ особенности Северъ, что кн. Аргутинскій къ нему милостивъ во всей силѣ слова и ему благодѣтельствуетъ. Напиши ему, что я это знаю и искренно благодарю его. По истинѣ я проникнутъ чувствомъ признательности обоимъ вамъ. Но ты былъ нѣкогда моею собственностью, а онъ и не знаетъ меня.

Прощай. Будь благополученъ и меня люби по прежнему. Преданный Ермоловъ.

P. S. Многіе любопытствуютъ видѣть письмо твое, и я даю его прочитывать съ величайшимъ удовольствіемъ.

На особомъ лоскутѣ:

Прошу сохранить это въ тайнѣ.

Хотѣлъ сказать тебѣ, что мнѣ слогъ приказа по корпусу о твоей побѣдѣ показался не только не довольно краснорѣчивымъ, но къ досадѣ моей весьма холоднымъ. Хочу думать, что это случилось отъ того, что не было кому написать и отнюдь не съ намѣреніемъ.

Доволенъ ли ты приказомъ?

6.

Отъ 27 августа 1849 года.

Почтенный кн. Василій Осиповичъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ узналъ я о всемилостивѣйшей наградѣ тебя орденомъ св. Александра. Мнѣ сообщилъ это кн. Михайлъ Семеновичъ, увѣренъ будучи, что тѣмъ меня порадуешь. Это писалъ онъ мнѣ изъ Петербурга, а вчера лично подтвердилъ. Государь являетъ тѣмъ признательность къ отличному служенію вашему. Во множествѣ наградъ исходатайствованныхъ имъ я видѣлъ и генераль-лейтенантскій чинъ Белявскаго, недавно еще обратившаго негодование князя беспорядками, имъ произ-

веденными въ его командованіи и для поправленія которыхъ ты долженъ былъ скакать въ Имеретію.

О кн. Эривовѣ *) онъ ничего не сказалъ мнѣ, зная что давно разумѣю я его сумасшедшимъ. Я могу быть равнодушнымъ, но не могу забыть подлости его при обѣдѣ, данномъ Паскевичу и Дибичу еще во время пребыванія моего въ Тифлисѣ. Обѣдъ знаменитый выставленною картиною сочиненія Ваньки Каина **), изображеніе которой кн. Эривовъ объяснялъ съ тѣмъ же краснорѣчіемъ, которое употребляетъ онъ при тостахъ въ случаяхъ чрезвычайныхъ.

Ничего не сказалъ мнѣ о наградѣ ничтожнаго Реутта ***), который повторилъ плачь Іереміи въ стѣнахъ Шуши. Я не скрылъ отъ князя, что я разумѣю его совершенною мокрою курицею.

Пожалѣлъ я, что между множествомъ не нашелъ мѣста брату Сергѣю Николаевичу ****). Я ни слова не сказалъ о томъ князю, ибо давно видѣлъ его къ нему неблаговоленіе. Не вѣрю однако же, чтобы всѣ за Кавказомъ выпадающія награды непременно украшали людей достойнѣйшихъ его. Но Сергѣй Николаевичъ—Ермоловъ и потому долженъ умѣть терпѣть.

Прощай. Желаю тебѣ счастья и всегда постоянно уважать и любить буду. Ермоловъ.

7.

Отъ 24 ноября 1849 года.

Почтенный кн. Василій Осиповичъ. Благодарю очень за увѣдомленіе о выѣздѣ брата Сергѣя Николаевича, который полѣнился мнѣ написать.

Увѣренъ, что ты приязненно разстался съ давнимъ сослуживцемъ, по крайней мѣрѣ онъ отзывался мнѣ о твоемъ къ нему добромъ расположеніи.

*) Впослѣдствіи генераль-отъ-инфантеріи и сенаторъ. А. В.

**) Подъ именемъ Ваньки Каина на Кавказѣ извѣстенъ нѣкто Коргановъ, изъ армянъ, впослѣдствіи полковникъ. Картина, о которой здѣсь упоминается, изображала эмблему правосудія; по мысли художника она означала, что правосудіе осудило Алексѣя Петровича на изгнаніе. Подъ картиною было выставлено мѣсяцъ и число смѣны Ермолова. Къ обѣду, данному Паскевичу и Дибичу, само собою разумѣется, Алексѣй Петровичъ приглашенъ не былъ.

А. В.

***) Іосифъ Антоновичъ Реуттъ, ген.-лейт., кавалеръ св. Александра Невского и членъ совѣта главнаго управленія Закавказскимъ краемъ, былъ родомъ изъ дворянъ Гродненской губерніи и всю службу посвятилъ Кавказу. Говоря о немъ, Алексѣй Петровичъ вспоминаетъ 1826 годъ, когда Реуттъ, въ то время полковникъ и командиръ гарнизона кр. Шуши, былъ осажденъ персіянами и просилъ о выручкѣ.

А. В.

****) Сергѣй Николаевичъ Ермоловъ 2, ген.-майоръ, Тифлисскій военный губернаторъ.

А. В.

Повторю выраженія твои: „кн. Михаилъ Семеновичъ исполнилъ „съ удовольствіемъ все то, что желалъ Сергѣй Николаевичъ предъ „своимъ отъѣздомъ“. Любопытенъ знать, въ чемъ это заключается. Мнѣ обѣщаль князь повторить на бумагѣ о томъ, что онъ обойденъ не одинъ уже разъ при производствѣ, какъ объяснялъ онъ въ бытность его въ Петербургѣ, гдѣ и обѣщано внести его въ приказъ къ 6 числу декабря. Я писалъ ему ко времени возвращенія его въ Тифлисъ, но не имѣю отвѣта. Теперь было бы уже поздно и потому прошу не говорить ему.

Смиралъ я сожалѣніе мое о томъ, что его обходили, думая, что таковы распоряженія свѣше, но види, что произведенъ гораздо младшій въ чинѣ Белявскій и что князь не упомянулъ о Сергѣй Николаевичѣ, этого довольно, чтобы сообщить о немъ понятіе, какъ о недостойномъ. Можно-бы, кажется, обойтись безъ поврежденія его будущей службы, ибо не могу я допустить мысли, что при необыкновенномъ множествѣ щедро награждаемыхъ княземъ, непременно всѣ были достойнѣе и способнѣе его. Если-бы таково было одно мое мнѣніе, то ничего бы не значило; тѣмъ, конечно, пренебрегать возможно, но есть и безпристрастные и разсудительные.

За Клавдія васъ не благодарю, ибо ему, за то, что не пишетъ, не выговоръ надобно было сдѣлать, а просто надлежало разругать, ибо онъ весьма много вамъ обязанъ. Могу за одно ручаться, что это не происходитъ отъ неблагодарности, а скорѣе отъ неловкости. Одолжите меня, задайте ему валку.

Сообшу вамъ молву московскую. Говорятъ, что князь просилъ себѣ въ помощники генерала отъ кавалеріи барона Остенъ-Сакена, который въ турецкой кампаніи былъ начальникомъ штаба у великаго полководца. Но вѣрное есть извѣстіе, что онъ назначенъ не будетъ, а будто кто-то изъ нѣмцевъ. Не знаю, какъ это понравится вашимъ главнымъ магнатамъ. Вѣроятно помощникъ будетъ княземъ употребляемъ для военныхъ дѣйствій, ибо присутствіе князя въ Тифлисѣ болѣе необходимо съ нѣкотораго времени, въ особенности занимаясь внутреннимъ устройствомъ страны. Мы читаемъ въ газетахъ большія улучшенія по гражданской части.

Прошу представить мое почтеніе княгинѣ. Я чрезвычайно благодаренъ за то, что она меня вспомнила, но ты, любезный князь, забылъ, что я зналъ ее не въ ребячествѣ, но былъ у тебя на свадьбѣ. Прошу извинить, что я нескромно обнаруживаю лѣта ваши.

Прощайте, любезный князь; желаю вамъ возможныхъ успѣховъ.
Покорнѣйшій слуга Ермоловъ.

8.

Отъ 20 ноября 1850 года.

Почтенный князь Василій Осиповичъ. Ваше письмо доставилъ мнѣ Лелли *), не мало удивившій меня, что не будучи знакомъ, даже пріѣхалъ въ мою деревушку. Это, конечно, сдѣлалъ онъ желая угодить вамъ. На мою долю досталась обязательная его вѣжливость какъ человѣка весьма умнаго, и я благодарю васъ за таковое знакомство. Я не отвѣчалъ вамъ на письмо зная сколько озабочены вы были пріятіемъ высокаго посѣтителя **). Здѣсь онъ пробылъ двое сутокъ, много имѣя занятій, осматривая всѣ отъ него зависящія части; успѣлъ однако-же, къ удивленію моему, даже мнѣ, немнѣющему счастья быть ему особенно извѣстнымъ, сказать какое пріятное онъ сохраняетъ впечатлѣніе всего того, что видѣлъ и до какой степени всѣмъ доволенъ. Войскамъ не находить другихъ подобныхъ, удивляется какъ они ходятъ, большимъ трудамъ при совершаемыхъ ими работахъ и всегдашней готовности къ бою, въ которомъ всегда являются молодцами. Хвалилъ благоустройство въ особенности Закавказскаго края, повсюду въ провинціяхъ мусульманскихъ совершенное спокойствіе и покорность, относя все къ неутомимымъ трудамъ и высокимъ достоинствамъ главнаго начальника. Все это выслушалъ я въ короткихъ словахъ, но въ тотъ же самый день, за большимъ весьма объѣдомъ, изволилъ онъ говорить обо всемъ съ большою подробностію и описаніе его исполнило любопытствомъ всѣхъ слушателей. Меня всѣхъ болѣе удивляли разнородныя собранныя имъ свѣдѣнія, особенно когда подумаешь о краткости времени. Свѣдѣнія эти не могъ онъ имѣть иначе какъ отъ васъ, и я знаю изъ самаго вѣрнѣйшаго источника о томъ отличномъ уваженіи, которое онъ къ вамъ имѣетъ. Его высочество не ошибся въ предположеніи, что край нѣчто лучше васъ знать не можетъ, гдѣ вы, управляя многими прежде частями, наконецъ занимаете главную гражданскую должность.

Можно васъ поздравить со счастіемъ, которое допустило васъ сдѣлаться извѣстнымъ Наслѣднику. Я не говорю пустаго привѣтствія и не говорю безъ основанія.

Наслѣдникъ не могъ не знать, что я нѣкогда служилъ въ вашей сторонѣ, но мнѣ не трудно было замѣтить, что онъ свѣдѣнія эти дополнялъ совсѣмъ въ другомъ видѣ. Желалъ бы я знать, кто этотъ смѣлый человѣкъ, рѣшившійся дать ему понятія, что въ продолженіе

*) Константинъ Федоровичъ Лелли, дѣйств. ст. сов., управлявшій дипломатическою канцеляріею намѣстника кавказскаго. А. В. .

***) Нынѣ царствующаго Государя Императора.

десяти лѣтъ не все дѣлалъ я глупости и безпорядки, чему, какъ самъ я замѣчалъ, вѣрили и долгое время и весьма охотно.

Прощайте, любезный князь Василий Осиповичъ. Не повторю бесполезно увѣреній въ моихъ чувствахъ, въ которыхъ вы не можете сомнѣваться. Душевно преданный Ермоловъ.

9.

Отъ 14 декабря 1850 года.

Любезный князь Василий Осиповичъ. Благодарю васъ за письмо, въ которомъ съ нѣкоторою подробностію описали путешествіе Наслѣдника Цесаревича, справедливо всѣми обожаемаго за ангельскую доброту его сердца.

Вы были ближе къ нему и болѣе времени нежели другіе и видѣть можете, что я ничего не сказалъ изъ лести. Онъ восхищенъ Кавказомъ, чрезвычайно доволенъ всѣмъ что видѣлъ; видно собственное его удовольствіе въ справедливой похвалѣ его. Къ вамъ особенное его вниманіе. Это удалось мнѣ узнать съ другой стороны и обстоятельно.

Я поспѣшилъ предупредить васъ, любезный князь, письмомъ мѣнимъ и слегка то же самое высказалъ.

Теперь у васъ въ Тифлисѣ праздникъ и я воображаю, какъ обрадованъ князь-намѣстникъ пожалованіемъ ордена княгини. Я разумѣю, сколько эта награда значительна, потому что Паскевичъ былъ уже 14 лѣтъ фельдмаршаломъ, когда жена его получила этотъ орденъ. Князь исходатайствовалъ также огромныя награды и во множествѣ своимъ подчиненнымъ и справедливо сказать можно, что никогда лестнѣе и выгоднѣе служба не бывала и память о его начальствованіи останется вѣчною. А какъ между людьми совершенныхъ не бываетъ, то и награды ниспадаютъ не всегда на превосходныхъ, что впрочемъ не мѣшаетъ быть превосходительнымъ. Скажите мнѣ, не ошибаюсь ли я, полагая, что въ это званіе попалъ Джафаръ-Кули-ага, извѣстный измѣнникъ карабагскій? Радъ буду если я обманулъ.

Братъ мой Сергѣй Николаевичъ и теперь обойденъ въ чинѣ, уже въ третій разъ. Кто не убѣдится, сколько сильна рука могущественнаго намѣстника! Жалѣю только, что она отяготилась на человѣкѣ беззащитномъ.

Меня увѣрили, что и вамъ, любезный князь, желалось, чтобы князь Андрониковъ былъ Тифлисскимъ губернаторомъ, слѣдовательно у мѣста удовольствіе мое, что онъ такъ скоро успѣлъ заслужить чинъ генераль-лейтенанта.

Прошу продолжить мнѣ благорасположеніе ваше, а мое совершен-

ное почтеніе къ вамъ и преданность всегда постоянны. Вашего сіятельства, покорнѣйшій слуга Ермоловъ.

10.

Отъ 1 января 1851 г.

Почтенный князь Василій Осиповичъ. Я получилъ послѣднее письмо ваше отъ 8 декабря и съ особеннымъ удовольствіемъ перечитывалъ его какъ и прежде полученное, по любопытному содержанію обстоятельствъ, относящихся до путешествія Государя Наслѣдника.

Легко представляю себѣ впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на всѣхъ вообще и въ особенности на тѣхъ, кои обращали на себя его вниманіе. Вы справедливо гордитесь счастьемъ, сдѣлавшись ему исключительно извѣстнымъ, и онъ, при желаніи его познакомиться съ прелестнымъ краемъ, отъ котораго онъ въ восхищеніи, не могъ не замѣтить, что вы лучше другихъ могли сообщить ему основательнѣйшія свѣдѣнія, занимая, по управленію имъ, важнѣйшее мѣсто и прежде начальствуя въ разныхъ его частяхъ. Не ускользнуло отъ замѣчанія его, что на большомъ пространствѣ путешествія его встрѣчалъ мѣста, бывшія въ вашемъ управленіи. Имеретія, Ахалцихъ, Эривань и наконецъ Дагестанъ, столько во всѣхъ отношеніяхъ разнородные, сообщили ему точное понятіе о томъ, кому ввѣрены они были въ разные времена и властію не одного лица, слѣдовательно безъ пристрастія. Я не подношу вамъ букетовъ, а говорю на основаніи нѣкоторыхъ свѣдѣній.

Радовавшись всѣмъ выслушаннымъ похваламъ, не обошлось дѣло безъ эгоизма. Давно знаю я мнѣніе на счетъ службы моей на Кавказѣ, противное прежнему и замолкли порицанія, но въ первый разъ въ 24 года самому мнѣ упомянуто о ней великодушно и снисходительно. Я принялъ съ признательностію въ душѣ.

Мнѣ 74-й годъ, котораго не всѣ достигаютъ; давно благодарю смирившихъ во мнѣ демона честолюбія.

Представъ мое поздравленіе княгинѣ Маріи Соломоновнѣ съ полученіемъ ордена. Ей, конечно, пріятно было изъявленіе глубокаго уваженія государя къ заслугамъ вашимъ. Награда эта нерѣдка между супругими людей, близко принадлежащихъ особѣ государя, какъ-то придворныхъ и генералъ-адъютантовъ, но столько же необыкновенна между всѣми другими. Покажи кавалерственной дамѣ письмо мое и можетъ быть придетъ ей мысль написать нѣсколько строкъ старику, который былъ посаженнымъ отцомъ при замужествѣ молодой дѣвушки. Этимъ сдѣлаетъ она большое мнѣ одолженіе, въ особенности если просто и безъ прівѣтствій.

Теперь прошу обратить вниманіе къ собственному моему дѣлу.

Если вы вспомните, когда Щербининъ *), истинно благородный человекъ, оставивши минутно службу, былъ въ Москвѣ, съ нимъ познакомившись въ первый разъ, я слышалъ отъ него, что князь Михаилъ Семеновичъ имѣлъ намѣреніе взять Виктора моего къ себѣ въ адъютанты. Весьма лестнымъ казалось это мнѣ, но признаюсь, что столько же и невѣроятнымъ. Я говорилъ Щербинину, чтобы онъ отъ себя напомнилъ о томъ князю. Не разъ просилъ я князя о милостивомъ вниманіи къ моимъ дѣтямъ, но никогда слова не сказалъ, чтобы взялъ въ адъютанты: эти фигуры избираются по собственному желанію начальника. Щербининъ могъ забыть; князь могъ перемѣнить свое намѣреніе, въ чемъ долженъ я былъ увѣриться, ибо прошло уже не менѣе трехъ лѣтъ. Теперь Викторъ, хвастающій мнѣ расположеніемъ вашимъ, постоянно благосклоннымъ, пишетъ, что прибѣгнулъ къ вашему ходатайству и объ отзывѣ князя намѣстника, что это не согласно съ моимъ желаніемъ. Два года назадъ лично говорилъ я Виктору, чтобы всячески старался онъ о томъ, но что самому мнѣ о томъ просить неловко. Теперь вы можете, любезный старый сослуживецъ, это уладить, а мнѣ легко понять какъ велико будетъ счастье Виктора и какимъ будетъ побужденіемъ стараться быть его достойнымъ. Не откажите вашего ходатайства.

Чувства уваженія моего и преданности къ вамъ вездѣ одинаковы. Прощайте. Покорнѣйшій слуга Ермоловъ.

Сбоку приписано: Первымъ письмомъ начинаю новый годъ. Не ошибусь, пожелавши вамъ, чтобы таковымъ былъ какъ прошедшій. Поздравляю!

11.

Отъ 5 августа 1854 года.

Почтенный кн. Василій Осиповичъ. Письмо это представить тебѣ сынъ Павла Ивановича Петрова, давняго сослуживца нашего и тебѣ хорошо знакомаго.

Затруднительно было принять его въ службу, какъ ты писалъ мнѣ прежде, но теперь онъ имѣетъ увольненіе и полное право располагать собою, удовлетворяя желанію войти въ военную службу. Благоразумно поступилъ отецъ не противорѣча ему, и кто можетъ угадывать

*) Михаилъ Павловичъ Щербининъ, нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ; въ послѣдніе годы служенія на Кавказѣ былъ директоромъ канцеляріи намѣстника. Прибывъ въ этотъ край вмѣстѣ съ кн. М. С. Воронцовымъ и будучи однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, Михаилъ Павловичъ оставилъ по себѣ на Кавказѣ завидную память какъ о весьма рѣдкомъ начальникѣ, а по своимъ благороднымъ качествамъ какъ о человекѣ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

предназначеніе человѣка? Быть можетъ это есть призваніе и путь, ему указываемый судьбою. Жаль если поврежденная нога будетъ ему затрудненіемъ, но въ ней боли онъ не чувствуетъ и удобно можетъ дѣйствовать верхомъ. Тебѣ, почтенный князь, какъ могущественному начальнику, легко пристроить его при себѣ, ибо войска всѣ, разяція враговъ нашихъ, въ твоемъ распоряженіи. Дай ему случай удовлетворить нетерпѣнію схватиться съ ними.

Давно носятъ здѣсь слухи о важной побѣдѣ, тобою одержанной. Не можетъ быть, чтобы не случилось чего-нибудь подобнаго. Въ побѣдѣ всѣ увѣрены, одинъ я сомнѣвающийся, чтобы турки имѣли глупость желать съ тобою встрѣтиться, развѣ въ оправданіе словъ Наполеона I: „*ces misérables trouvent toujours le moyen de se faire battre*“.

Какая была надобность искать срама при Баязетѣ? Не лучше ли было оставить его, не имѣвши средствъ защитить его?

По слухамъ не слишкомъ грозны были ополченія Врангеля. Нельзя не дать нѣкотораго сожалѣнія несчастнымъ глупцамъ, которыхъ ведетъ на гибель разная сволочь европейская. И противъ тебя направился одинъ мерзавецъ венгерскій, подкрашенный именемъ французскимъ (Guyon). Приступай эту гнусную каналью, искусно доселѣ скрывающуюся.

Не нравятся мнѣ Батумъ, особенно если въ немъ будутъ европейцы. Оттуда не одной можно ожидать мерзости, а у разбойниковъ притонъ безопасный...

Согласно съ мнѣніемъ Панглоса скажу: „Все прекрасно въ наилучшемъ мірѣ!“

Въ мои лѣта немногимъ дано разсуждать, а мнѣ и бредить позволительно.

Прощай, любезный князь, желаю вамъ всего по сердцу вашему. Искренно уважающій Ермоловъ.

12.

Отъ 10 августа 1854 года.

Всегда прося тебя за кого-нибудь, я говорю, если знаю его лично, или изъ отношенія людей коротко мнѣ знакомыхъ. Теперь пишу я о капитанѣ Казначеевѣ, служащемъ въ 8-мъ инженерномъ округѣ корпуса путей сообщенія на Кавказѣ. Желаніе молодого человѣка быть въ дѣйствующихъ войскахъ и современемъ выдти изъ инженеровъ. При войскахъ командуемыхъ тобою такой офицеръ можетъ быть тебѣ надобнымъ. Всѣхъ легче ты можешь потребовать его въ твой штабъ и употребить его. Онъ долженъ разумѣть свое дѣло, ибо занимаетъ мѣсто помощника начальника 1 отдѣленія. О немъ просилъ

меня написать тебѣ, по совѣту графа Закревскаго, отецъ его, долго бывший губернаторомъ таврическимъ, послѣ градоначальникомъ въ Одессѣ, давній адъютантъ кн. Михаила Семеновича, которому ты сдѣлаешь, конечно, большое весьма удовольствіе. Если бы не отсутствіе послѣдняго, я вѣрно не былъ бы избранъ ходатаемъ.

Вчера возвратился изъ-за границы мой Викторъ; въ Карлсбадѣ, предъ самымъ отъѣздомъ, онъ видѣлъ кн. Михаила Семеновича, котораго здоровье чрезвычайно поправилось и онъ увѣренъ еще въ болѣешемъ улучшеніи, особенно послѣ морскихъ ваннъ. О возвращеніи его на Кавказъ онъ ничего не говорилъ, но я увѣренъ, что онъ съ нимъ не разстанется, и не такъ трудно будетъ склонить его къ тому и у кого въ рукахъ приманка. Октябрь многое объяснить!

Прощай. Да будетъ Божіе благословеніе на успѣхъ! Совершенно почитающій Ермоловъ.

Р. С. Клавдія моего князь трагуетъ весьма милостиво, а по службѣ онъ не мало потерять можетъ. Спасибо графу Орлову, что доставилъ ему чинъ, какъ я узналъ впоследствии. Многіе у князя воспользовавшіеся милостями, одинъ Клавдій переведенъ въ гвардію съ пониженіемъ чина. Особеннаго рода благосклонное вниманіе!

13.

Отъ 19 августа 1854 года.

Почтенный князь Василій Осиповичъ. Въ бытность на короткое время въ Орлѣ, полученное письмо твое съ реляціею о послѣдней побѣдѣ, тобою одержанной, дождалось моего возвращенія, но уже въ Орлѣ были газеты, возвѣстившія о ней*). Извѣстно было также о наградѣ, всемилостивѣйше тебѣ пожалованной, во всякомъ случаѣ чрезвычайно лестной, въ чинѣ генералъ-лейтенанта едва-ли бывалой! Отъ всей души поздравляю тебя съ нею. Нѣтъ сомнѣнія, что она произведетъ многихъ завистующихъ; но любя находить хорошую во всемъ сторону, увѣренъ я, что будетъ служить побужденіемъ къ предиріятіямъ, которыя въ продолженіи довольнонаго времени не имѣли мѣста. Жду хорошихъ послѣдствій, лишь бы пояснились обстоятельства и предательская политика не отсрочивала дѣйствій, на которыя, какъ видно, неохотно рѣшаются злые противники. Впрочемъ невозможно сдѣлать ужасныхъ издержекъ, не имѣвши обдуманнаго намѣренія. Англія прибѣгла къ займу; Франція его уже повторила. Итакъ, готовься, любезный князь, дать не одинъ еще урокъ несчастнымъ туркамъ, которыхъ англичане провозглашаютъ на убой, умѣвни увѣрить глупцовъ,

*) Рѣчь идетъ о Кюрук-даринскомъ сраженіи.

что они регулярныя войска, могущія противустать побѣдоноснымъ арміямъ.

Недавно писалъ я тебѣ, прося отволотить венгерскаго мерзавца, подкрашеннаго французскимъ именемъ (Guyon), который игралъ важную роль въ азіатско-турецкой арміи, но какъ теперь видно, онъ ускользнулъ отъ тебя, о чемъ жалѣю чрезвычайно. Впрочемъ не теряю надежды, что попадется.

Недавно возвратился изъ-за границы мой Викторъ, видѣлъ въ Карлсбадѣ кн. Михаила Семеновича, котораго здоровье чрезвычайно поправилось. Послѣ водъ въ Шлангенбадѣ и купанья въ Остенде, онъ безъ сомнѣнія будетъ молодцомъ и возвратится въ свои великолѣпныя помѣстья Киевской губерніи, вѣроятно, на короткое время.

Жаль мнѣ очень, что князь ничего не сдѣлалъ что обѣщалъ мнѣ. Сопровождаетъ его Клавдій, одинъ изъ множества разнородныхъ его адъютантовъ и долженъ потерять по службѣ болѣе всѣхъ и чего князь, при всемъ могуществѣ, не въ состояніи будетъ вознаграждать ему. Князь писалъ мнѣ, что возвратитъ его къ войскамъ, предводительствуемымъ вами, прежде нежели начнутъ дѣйствія весною. Я благодарилъ князя за доставленную ему честь проводить его и мнѣ казалось удивительнымъ, что ни одинъ изъ адъютантовъ, несравненно болѣе облагодѣтельствованныхъ, не почелъ обязанностію того сдѣлать. Выѣздъ князя, непреставшаго быть, могущественнымъ начальникомъ, похожъ былъ на мой выѣздъ, примѣчательный по роду своему. Итакъ, если продолжится война и турки не избѣгутъ участи быть всегда битыми, позвольте мнѣ надѣяться, что мой Клавдій будетъ имѣть честь находиться при васъ, какъ то, любезный князь, вы прежде сами мнѣ обѣщали. Желаю вамъ продолженія блистательныхъ вашихъ успѣховъ во славу Царя нашего и побѣдоноснаго его оружія. Искренно уважающій Ермоловъ.

14.

Отъ 8 ноября 1854 г.

Получилъ письмо ваше, почтенный князь Василій Осиповичъ, отъ 6 октября, необычайно долго бывшее въ пути и тѣмъ для меня досадише, что умедлена искренняя благодарность моя за вниманіе, обращенное вами на всѣ мои просьбы. Я увѣренъ, что не легко отказать вамъ, если пожелаете имѣть при вашемъ корпусѣ инженера путей сообщенія Казначеева. Вы сдѣлаете милость молодому Петрову и величайшее одолженіе отцу его, если пристроите его къ себѣ. (Это собственныя слова ваши).

• Не безъ робости наносу перо, рѣшаясь назвать по прежнему

собственностью Андреевскаго кавалера. Никто не вправѣ воспретить мнѣ нѣкоторое чувство гордости. Это, вонечно, единственный случай, могущій возбудить завидующихъ мнѣ.

Совсѣмъ неожиданнымъ образомъ узналъ я, что князь Михайлъ Семеновичъ просилъ настоятельно объ увольненіи его отъ занимаемыхъ имъ должностей. Съ письмомъ императору былъ Клавдій присланъ въ Петербургъ и возвратился въ Дрезденъ съ высочайшимъ рескриптомъ, весьма милостивымъ. Должно быть, здоровье князя сильно разстроено, что онъ рѣшился это сдѣлать. Много потерялъ Клавдій, его сопровождая и зачѣмъ могъ онъ быть ему надобнымъ? Онъ писалъ мнѣ, что прибывъ въ деревню, его отпустить, и что онъ возвратится прежде начатія военныхъ дѣйствій; что васъ просилъ онъ взять его къ себѣ. Вы до возвращенія Клавдія изъ Персіи мнѣ писали, что возьмете его, какъ извѣстнаго вамъ и въ которому вы милостиво были всегда расположены. Я однако-же благодарилъ князя. Вышло все иначе, и Клавдій потерялъ чрезвычайно много. Теперь не знаю, что съ нимъ будетъ, развѣ будетъ онъ такъ счастливъ, что попадетъ въ батарею, находящуюся въ вашемъ корпусѣ. Для этого довольно одного слова вашего генералу Бриимеру. Впрочемъ, любезный князь, вы лучше меня знаете, что изъ него сдѣлать и да будетъ по волѣ вашей. Я жалѣлъ бы и о постороннемъ человѣкѣ, такъ неудачно служившемъ при его свѣтлости. Неужели всѣхъ вообще адъютантовъ былъ онъ хуже; одинъ изъ всѣхъ переведенный въ гвардію съ уменьшеніемъ чина? Благодаря графу Орлову, это направлено, но князю отнюдь не принадлежитъ моя благодарность. Можетъ быть, теперь вспомнить князь, нѣсколько со мною поравнявшись!

Прощайте почтенный князь, да благословить васъ Богъ на продолженіе славнаго служенія вашего отечеству и Царю. Душевно преданный Ермоловъ.

15.

Отъ 8 іюля 1855 г.

Почтенный князь Василій Осиповичъ. Знаю, что у васъ мало свободнаго времени, но столько можно найти, чтобы сказать нѣсколько словъ о себѣ. О происшествіяхъ важныхъ и только съ вашей стороны радостныхъ мы читаемъ въ журналахъ. Вамъ сообщить новостей не имѣлъ и не могъ бы, ибо третій мѣсяцъ больному мнѣ рѣдко позволяютъ видѣть кого-нибудь, а писалъ не иначе какъ іероглифами. Молва не щадила меня, разбивала меня параличемъ и не разъ хоронила. Мнѣ ни разу въ жизни не случилось завидовать старику 78 лѣтъ. Извѣстныя знаменитости наши прежнихъ временъ, сколько можетъ обнимать память моя, не доживали столько позднихъ лѣтъ. Въ

число таковыхъ не включаль я фельдмаршаловъ князя Прозоровскаго и графа Гудовича; равно не включаю нынѣ существующаго, въ этомъ высокому санѣ единственнаго, который, кажется, не грозитъ уже врагамъ нашимъ.

Недавно видѣлъ я генераль-маіора Петрова, отличнаго офицера, служившаго при мнѣ на кавказской линіи и послѣ начальникомъ штаба Алек. Александр. Вельяминова. Не могу выразить вамъ, сколько признателенъ онъ за милостивое вниманіе ваше къ его сыну, пошедшему въ военную службу изъ титулярнаго совѣтника въ нижегородскій драгунскій полкъ юнкеромъ. Продолжите ему ваше покровительство и замолвите слово вн. Дундукову-Корсакову. Онъ достоинъ этого. Я хорошо знаю его и давно.

Письмо мое представитъ вамъ знакомый полковникъ Арцруни *). Не имѣя обстоятельныхъ свѣдѣній о потерѣ его отъ пожара его каравансарая, почитаетъ ее значительною и поспѣшаетъ лично въ томъ удостовѣриться, ибо въ томъ заключается главнѣйшая часть его доходовъ. Мнѣ легко ходатайствовать за него передъ вами, ибо ничего другого не проситъ онъ, кромѣ законной защиты и справедливости, а въ управленіи вашемъ иначе это быть не можетъ. Прежде былъ слухъ, что сгорѣли всѣ старыя ряды и тогда онъ подвергся бы общему бѣдствію, но я не вижу причины сдѣлать ему предпочтеніе предъ другими и сжечь его одного. Здѣсь подозрѣвали поджогъ, но по слухамъ изъ Тифлиса его нѣтъ: знаютъ про то пиршіе.

Я понемногу поправляюсь, на дачѣ выстроилъ себѣ кѣтку темную, куда не впускаю мухъ, слѣдовательно удалилъ отъ себя ближайшихъ знакомыхъ; укрываюсь отъ жару и живу благополучно. Все хорошо, а тамъ что будетъ—вольны боги! (Изъ Дениса Давыдова).

Прощайте, любезный князь Василій Осиповичъ, да счастье сопровождаетъ васъ по желанію вашему! Искренно уважающій Ермоловъ.

16.

Отъ 19 сентября 1855 года.

Очень радъ былъ, получивши письмо ваше, почтенный князь Василій Осиповичъ, отъ 26 августа. Не подумайте, чтобы упрекалъ вамъ, что рѣдко пишете. Знаю, что у васъ мало, а можетъ быть и совсѣмъ нѣтъ свободнаго времени и потому довольствуюсь распросами у пріѣзжихъ съ Кавказа. Первые слова объ васъ, ибо нѣтъ у меня болѣе короткаго знакомаго, и отзывы вообще самые пріятные. Затѣмъ весьма уже мало осталось людей, кому я извѣстенъ. Военныя дѣла ваши

*) Нынѣ ген.-маіоръ и въ отставкѣ.

идуть хорошо, сколько извѣстно мнѣ изъ официальныхъ бумагъ, ибо Николаю Николаевичу *) также некогда писать. Жаль, что позднее время года въ той мѣстности большимъ будетъ препятствіемъ.

Иностранныя газеты напускаютъ на него Омера-пашу съ турецкими войсками, находящимися въ Крыму, чему я не вѣрю, ибо сомнительно, чтобы рѣшился онъ на то съ гнусными его войсками, которыхъ союзники, при осадѣ Севастополя, употребляли какъ вьючный скотъ. Самъ же Омеръ-паша выказалъ себя съ начала войны хитрымъ и искуснѣйшимъ генераломъ всѣхъ сражающихся армій, не исключая великаго и единственнаго руссійскаго фельдмаршала **). Силистрія, кажется, заключила знаменитые его подвиги.

Теперь вы знаете уже всѣ подробности объ оставленіи Севастополя. Наднихъ ожидаемъ обстоятельное донесеніе о послѣднемъ штурмѣ и потерѣ нашей, которая, конечно, не выше третьей доли того, что потеряли союзники.

Изъ всего видно, что въ Петербургѣ предупреждены были объ оставленіи Севастополя и это объясняется тѣмъ, что 15 числа мостъ на сѣверную сторону былъ построенъ и освященъ, а 27 числа отраженъ былъ штурмъ. Для насъ было это происшествіемъ внезапнымъ и всѣхъ до того поразившимъ, что мы не могли понять хитраго соображенія главнокомандующаго и непріятель почти два дня не осмѣлился войти въ городъ, боясь найти себя минированнымъ. Совсѣмъ нѣтъ, и даже Корнилова редуть, главный пунеть, на который устремлены были всѣ усилія, не нашелъ онъ нужнымъ минировать. Жестоко обмануть былъ непріятель и мы отступление признаемъ за высокое весьма соображеніе военное. Я по старости лѣтъ моихъ многого уже не разумѣю. Надѣются, что князю Горчакову продолжено будетъ командованіе. Скажу, какъ малороссійянинъ: знаютъ про то пиршіе!

Благодарю, любезный князь Василій Осиповичъ, за увѣдомленіе о Клавдіи. Истребляетъ бѣднаго моего Клавдія жестокая болѣзнь его. Сближается холодное время, въ возвышенностяхъ Карса чувствительное.

Скажу о себѣ: четыре уже мѣсяца продолжается три раза возобновлявшаяся лихорадка. Она оставила меня наконецъ, но съ такою слабостію въ ногахъ, что по комнатѣ не могъ я ходить безъ пособія, о лѣстницахъ же и помышлять не смѣлъ, почему и не имѣлъ счастья видѣть Государя.

Маршрутъ его былъ на Варшаву, но здѣсь перемѣнили направле-

*) Муравьевъ.

**) Паскевичъ.

нѣ на Николаевъ. Камія предначертаны будутъ дѣйствию князю Горчакову, никому неизвѣстно. Пелиссые, новый маршалъ, перевоза войска въ Евпаторю, кажется, не хочетъ быть врандинимъ и жаждетъ славы сразиться съ знаменитымъ противникомъ школы высокой нашего и другихъ государствъ фельдмаршала.

Прощай, почтенный князь, нѣкогда сослуживецъ. Въ чувствахъ моихъ увѣренія излишни. Искренно преданный Ермоловъ.

Сбоку приписано: Благодарю за юнкера Петрова и что поручилъ его покровительству князя Дундукова-Корсакова.

P. S. Примите, почтенный князь, мою покорнѣйшую просьбу позволить мнѣ письма мои къ Клавдію адресовать въ вашъ штабъ. Съ этою почтою есть уже такое письмо, которое прикажите себѣ представить. Другого средства доставлять я не имѣю. Ермоловъ.

17.

Отъ 6 октября 1855 года.

Почтенный князь Василій Осиповичъ. Изъ малаго числа оставшихся на Кавказѣ знающихъ меня, ни къ кому кромѣ васъ, нѣкогда мнѣ ближнему по службѣ, не обращусь я съ болѣею увѣренностію, что просьба старика не будетъ оставлена безъ вниманія. Это предисловіе не повторится уже болѣе и впредь, любезному князю Василю Осиповичу, буду я просто объяснять просьбы мои.

Дѣло вотъ въ чемъ:

Мнѣ нужно пересылать деньги на содержаніе Клавдія и я часто весьма не знаю мѣста его пребыванія въ кочующей его жизни, которой и чрезвычайно радъ, ибо знакомить его съ краемъ и дѣлами. Эта фигура пользовалась нѣкогда вашимъ особеннымъ благоволеніемъ, во время командованія вашего въ Дагестанѣ. Случается также доставлять деньги живущей въ селеніи Гили дочери моей Софіи, что вы, любезный князь, не разъ дѣлали въ одолженіе меня.

Вскорѣ повѣренный мануфактуръ-совѣтника г-на Ананова представитъ вамъ кредитными билетами 600 руб. для Клавдія и особенно 500 руб. для Софіи съ матерью. Прикажете отослать ихъ и написать генералъ-лейтенанту князю Орбеліани *), чтобы доставилъ Софіи 300 р., а 200 руб. матеря. Я самъ буду писать ему, если только дойдетъ письмо. Я любилъ этого вождя, зная его въ полку у покойнаго брата Петра Николаевича подпрапорщикомъ подъ именемъ Гриши. Затруднительно сношеніе съ нимъ и потому рѣшился васъ беспокоить.

*) Кн. Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, нынѣ ген.-отъ-инфантерій и кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго. Въ 1855 году кн. Григорій Дмитріевичъ временно командовалъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ.

Начинаю очевидно поправиться послѣ продолжительной и опасной болѣзни моей, угрожавшей тифомъ, но во время пребыванія здѣсь Государя не имѣлъ смѣль представиться ему и не видѣлъ.

Прощайте, почтенный князь; желаю все по сердцу вашему. Искренно уважающій Ермоловъ*).

18.

Отъ 28 іюня 1856 г.

Почтенный князь Василій Осиповичъ. Глазъ мой поправляется, но не помогаетъ здоровому и потому не могу продолжать самъ.

Искренно благодарю за приведеніе въ порядокъ дѣлъ больного моего Клавдія. Изъ штаба доставлена ему бумага, свидѣтельствующая, что ему дано порученіе и до исполненія его онъ долженъ оставаться въ Москвѣ; доставлено также и жалованье. Сомнѣніе мое въ благосклонномъ взглядѣ на Клавдія происходило отъ того, что самъ Николай Николаевичъ писалъ мнѣ, что онъ, не сказавши ему ни слова, искалъ переимѣнить службу. Этого не было ни въ моемъ, ни въ его помысленіи, но увидѣлъ я необходимость внимательнаго и продолжительнаго леченія въ другомъ климатѣ, по приговору докторовъ и я искалъ помѣстить его при генералѣ недвижимомъ, каковымъ былъ князь Меншиковъ, и Клавдія могъ лечиться здѣсь подъ моими глазами. Напрасно приписываютъ Клавдію разглашенія на счетъ его начальника: это не въ его правилахъ, когда онъ молчалъ даже о князѣ Воронцовѣ. Многихъ видѣлъ я проѣзжихъ съ Кавказа, были между ними и не воспѣвавшіе хвалебныхъ пѣсней, чего не слыхивалъ я отъ Клавдія. Итакъ, не могу не жалѣть, если Николай Николаевичъ не благоволитъ къ нему, но въ этомъ будетъ не много справедливости. Меня увѣдомлялъ Николай Николаевичъ, что онъ надѣется быть на коронаціи. Михаилъ Николаевичъ ничѣмъ не пояснилъ сдѣланные мною ему вопросы и даже о приглашеніи брата его на коронацію.

Ожидаю, почтенный князь, и васъ видѣть въ Москвѣ во время торжествъ коронаціи; мирное повсюду состояніе вѣроятно не положить тому препятствія и мнѣ пріятно будетъ видѣть давняго сослуживца въ сонмѣ отличныхъ мужей нынѣшняго времени. Вашимъ успѣхамъ многіе изъ нихъ справедливо позавидуютъ. Обремененныхъ побѣдами, кажется, не будетъ; впрочемъ я мало что знаю и едва ли не столько же мало понимаю по старости лѣтъ моихъ.

*) О военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ въ концѣ 1854 г. и въ 1855 году, и о славномъ участіи въ нихъ одного изъ сыновей Алексѣя Петровича — Клавдія Ермолова, а также въ кровавомъ штурмѣ крѣпости Карса, см. «Записки генерала Бакланова» въ «Русской Старинѣ» изд. 1870 г., т. II, стр. 567—610.
Ред.

Здѣсь пронесли слухъ, что Карсъ взорванъ, приважи меня о томъ увѣдомить.

Прощай, любезнѣйшій князь, желаю отъ души всего тебѣ лучшаго.
Преданный Ермоловъ.

19.

Отъ февраля 1857 г.

Давно долженъ я былъ благодарить васъ, почтенный князь Василій Осиповичъ, за присланный журналъ „Кавказъ“, но несвободный почеркъ руки изобличаетъ, что не вполне помогаетъ мнѣ глазъ и я берусь за перо не безъ труда. Впрочемъ вы собирались быть въ Петербургѣ и я ожидалъ проѣзда черезъ Москву передъ новымъ годомъ. Вышло къ сожалѣнію не такъ, но немалою радостію для меня поправилъ это первый день года производствомъ васъ въ полные генералы, съ сохраненіемъ должностей, неразлучающихъ васъ съ родиною.

Теперь, благодаря вамъ, есть у меня и Кавказскій календарь и съ нимъ пріятное извѣстіе о помолвкѣ дочери вашей съ полковникомъ Гуріели *). Бывши здѣсь на коронаціи, онъ два раза посѣтилъ меня, и съ нимъ былъ молодой человѣкъ Накашидзе. Не въ привѣтствіе вамъ скажу по истинѣ, что онъ чрезвычайно понравился, что не трудно было ему замѣтить по моему съ нимъ обращенію. Помню даже его весьма интересную наружность и манеры европейца. Это всё не лишнее и могу поздравить княгиню съ выборомъ семьянина. Я увѣренъ, что и она затруднилась бы назвать мнѣ другого подобнаго. Помню, какъ я былъ на ея свадьбѣ и утѣшалъ себя воображеніемъ, что присутствую на свадьбѣ дочери, желая всѣхъ благъ счастливымъ родителямъ.

Едва успѣлъ кончить; нанизываю какъ бисеръ каждую изъ буквъ.

Прощайте, любезный князь; да сопровождаютъ васъ всѣ блага.
Искренно почитающій Ермоловъ.

20.

Отъ 24 ноября 24 (1857?) г.

Часто имѣю объ васъ, почтенный князь Василій Осиповичъ, извѣстія, спрашивая проѣзжихъ и отъ живущихъ здѣсь, имѣющихъ сношенія. Самъ давно не писалъ, не находя пріятнымъ увѣдомленіе о болѣзни старика, переступившаго уже за половину 80-го года. Ноги мои въ явномъ неповиновеніи, но осталось еще нѣчто похожее на человѣка. Простой мужикъ возвратилъ зрѣніе глазу, пораженному въ

*) Имѣ ген.-маіоръ.

вервь ударомъ, силою удивительнаго магнетизма. Предо мною блистаѣна, обтянутая чернымъ, и тусклый свѣтъ оскорблялъ больной глазъ, теперь не безъ затрудненія, но вотъ сколько написать могъ.

Прощайте, любезный князь; будьте здоровы, и желаю вамъ всего наилучшаго. Искренно уважающій Ермоловъ.

P. S. Съ 1-го января подпишитесь именемъ моимъ на журналъ „Кавказъ“.

Ад. П. Берше.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей
П. Ѳ. Карабановымъ.

VII *).

Царствованіе Екатерины II.

(продолженіе).

85.

Около новаго 1794 г.**) Екатерина предположила дать неожиданно маскарадъ. Въ назначенный день повелѣно пригласить многихъ особъ на вечернее собраніе въ эрмитажъ, и предложить разныя занятія; сама играя въ карты, услышала звукъ разстроенной скрипки и объявила присутствующимъ, изъ которыхъ никто сего не замѣтилъ; чрезъ нѣсколько времени оный повторился ближе и яснѣе; она приказываетъ развѣдать, но посланный явился назадъ безъ удовлетворенія. Наконецъ звукъ въ третій разъ и очень громко; императрица положила карты, пошла и все общество ей послѣдовало; проходя множество комнатъ вошли въ такую, гдѣ на обѣ стороны растворялись двери въ другія съ маскарадными припасами, одну для дамъ, другую для кавалеровъ. Наскоро и безъ разбора всѣ одѣлись и вышли въ маскахъ, такъ что одни другихъ не скоро узнавали. Екатерина, одѣтая волшебницей, отдала приказъ: что когда она сниметъ маску, чтобъ все общество размаскировалось. Государыня, прежде замѣтя, что у новопожалованной фрейлины, графини Потоцкой въ сравненіи съ прочими нѣтъ жемчуговъ, пожелала ее наградить; заблаговременно приказано было одѣть ее молочницей и

*) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587; 685—696; изд. 1872 г. т. V, стр. 129—147.

**) 1793 г. въ исходѣ, или 1794 г. въ началѣ.

когда начались танцы, то монархиня приняла кувшинъ подъ сохраненіе и поставя у ногъ опустила въ него дорогіе жемчуги. Потоцкая, обратно принимая кувшинъ, замѣтила подарокъ и сказала: *c'est vous Madame, c'est votre Majesté....* „Non c'est du lait caillé“, отвѣчала императрица.

86.

Президентъ с.-петербургской академіи художествъ Алексѣй Ивановичъ Мусипъ-Пушкинъ, присутствуя въ снудѣ, чрезъ камерълакея получаетъ (1794 г.) отъ Екатерины II повелѣніе въ самой скорости быть во дворцѣ. Особамъ имѣющимъ входъ во внутреннія комнаты было извѣстно, что когда государыня находилась въ уборной, то всякій изъ нихъ входилъ туда безъ остановки, если же она удалялась въ почивальню или кабинетъ, потребно было докладываться. Пушкинъ находить императрицу въ кабинетѣ, сидящую за столомъ съ листомъ бумаги, который, при входѣ его, перевернувъ сказала: „*слушай-ка господинъ президентъ, все ли у васъ въ академіи благополучно?*“

— Слава Богу! ваше величество, отвѣчалъ Пушкинъ съ спокойнымъ духомъ.

„Не случилось ли чего необыкновеннаго въ типографіи?“

— Ничего, государыня!

„Подвигитесь! Я больше вашего знаю, что дѣлается тамъ, гдѣ вы поставлены начальникомъ! Одинъ несчастный, служившій въ типографіи вашей, лишилъ себя жизни“.

Сія слова привели его въ великое замѣшательство.

„Я желаю чрезъ начальниковъ знать о всякомъ происшествіи ввѣренныхъ имъ мѣстъ“, съ гнѣвнымъ видомъ продолжала Екатерина и, замѣтивъ его смущеніе, съ кротостью спросила: „чтожь вы молчите! Я готова выслушать отъ васъ оправданіе“.

— Если вашему величеству угодно, то позвольте донести, что я сомнѣваюсь въ справедливости извѣстія вамъ сообщеннаго; сегодня по утру я получилъ рапортъ о благополучномъ состояніи всѣхъ служащихъ въ академіи; да и типографскій надзиратель, который у меня былъ, не сказалъ мнѣ ни слова о томъ, что я теперь узналъ отъ вашего величества.

„Извольте же не мѣшкая справиться и успокоить меня“, приговорила императрица.

Бдительный начальникъ пришелъ въ уныніе, услышавъ выговоръ отъ своей благодѣтельницы; въ крайнемъ смущеніи спѣшилъ въ академію; приѣздъ его въ необыкновенное время произвелъ между великимъ числомъ жившихъ тамъ сильную тревогу; надлежало поодиночкѣ всѣхъ перекливать и узнать объ отсутствующихъ. Подъ конецъ уже

нижній служитель объявилъ, что онъ слышалъ о подобномъ происшествіи въ академіи наукъ случившемся. Пушкинъ поспѣшаетъ туда и узнаетъ, что при типографіи промотавшійся комиссаръ, устрасясь отчета въ новому году составляемаго, сдѣлался самоубійцею. Алексѣй Ивановичъ, успокоившись, въ ту же минуту приказалъ заготовить для императрицы объясненіе, крупнымъ прямымъ шрифтомъ, ибо курсивныхъ литеръ она не любила, въ пол-листа, по обыкновенію, написанное — которое и привозитъ во дворецъ. Екатерина за туалетомъ, разговаривающая съ Шуваловымъ, Пассекомъ и княземъ Барятинскимъ, какъ будто не замѣчая его, продолжала убираться, потомъ умывши руки (что она часто дѣлывала) растворила дверь въ опочивальню и войдя съ нимъ спросила: „Кто-жъ изъ насъ виноватъ, сударь?“

— Ни ваше величество, ни я, — отвѣчалъ онъ и подалъ обстоятельное извѣстіе о несчастномъ.

— „Вы неправду сказали!“ произнесла Екатерина, прочитавъ нѣсколько строкъ.

Пушкинъ, не понимая что значать сіи слова, смѣшался болѣе прежняго.

— „Вы неправду сказали“, повторила императрица, — „оскорбивъ васъ выговоромъ и упрекомъ, признаю себя виновною: человекъ свойственно ошибаться.... Если когда случится вамъ быть виновнымъ, то даю слово оказать вамъ всякое снисхожденіе—вспомните поговорку, что и горшокъ съ горшкомъ въ печи столкнутся“.

Алексѣй Ивановичъ, тронутый до слезъ толь рѣдкимъ великодушіемъ, сталъ на колѣни: „я недостойнъ, чтобъ мать російскаго народа признавала себя виновною!“ сказалъ онъ.

Наконецъ призванъ Рылѣевъ, которому съ неудовольствіемъ сказала: „только безпокоить меня ложными извѣстіями!“ Онъ былъ уже петербургскимъ губернаторомъ.

(Изустное преданіе гр. Мусина-Пушкина).

87.

Извѣстный всей Европѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ Бекіи *), въ глубокой старости ослѣпъ, но имѣлъ странность представлять себя зрячимъ. Когда его проваживали по улицамъ въ каретѣ, онъ приказывалъ къ обѣимъ рукамъ привязывать шнуры, помощію которыхъ могъ быть увѣдомленъ о каждомъ встрѣчающемся экипажѣ, и поклонами обманывалъ себя одного.

*) Род. 3 февр. 1704, ум. 31 авг. 1795.

88.

Михаилъ Михайловичъ Измайловъ *), въ 1795 году будучи главнокомандующимъ Москвы, былъ вызванъ Екатериною въ Царское-Село, въ приготовленныя комнаты; прогуливаясь съ нею въ саду, зацѣпилъ за дерево и сдернулъ парикъ; по трусливому нраву, въ сильномъ замѣшательствѣ началъ извиняться. Екатерина, въ продолженіи пятидесяти лѣтъ всегда бывъ къ нему милостива, сказала: „къ чему?... если бы ты былъ молодъ и желалъ нравиться молодой женщинѣ, то подобный случай заставлялъ бы страшиться отказа; а мы состарѣлись и доживаемъ вѣкъ“.

(Отъ родной его племянницы Мар. Алек. Масоѣдовой).

89.

Въ 1796 г. нѣсколько молодыхъ людей, проходя довольно близко отъ императрицы, сидѣвшей въ царскоесельскомъ саду, не обратили (на нее) вниманія и даже не сняли шляпъ. Марья Савишна Перекусихина хотѣла сдѣлать выговоръ, но Екатерина, удержавъ ее за руку, сказала: „Оставь ихъ! на насъ не смотреть, стары стали“.

(Отъ Перекусихиной).

90.

Подполковникъ, служившій въ греческомъ корпусѣ, подъ начальствомъ Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, бывъ по желанію отставленъ, за недостаткомъ имѣлъ содержаніе отъ сего мѣста; онъ 1-го января 1796 года поѣхалъ во дворецъ съ поздравленіемъ къ князю Зубову и тамъ, при многочисленномъ собраніи, отъ приключившагося припадка съ конвульсіями, упалъ безъ чувствъ; ему подана всевозможная помощь, а когда опаматовался, то былъ въ каретѣ отвезенъ въ свое жилище. Между тѣмъ происшедшая тревога сдѣлалась извѣстна императрицѣ, которая, будто бы не внимая, продолжала безпрерывно заниматься обрядами того дня; предъ обѣдомъ жаловала къ рукѣ всѣхъ кавалеровъ, а на балѣ всѣхъ дамъ; отходя на отдохновеніе, несмотря на усталость, вспомнила о несчастномъ; посылаетъ къ полурядѣтой статсъ-дамѣ Ливенъ съ повелѣніемъ принскать въ ея запискахъ лекарственную траву отъ падучей болѣзни; собственноручно выписываетъ, прибавя свое разсужденіе, съ какою осторожностью давать и какъ беречь больного во время перваго сна; запечатать оное,

*) Михаилъ Михайловичъ Измайловъ, дѣйстви. тайный совѣт., кав. св. Андрея, главнокомандующій въ Москвѣ съ 21 марта 1795 по 2 мая 1797, ум. 1800. Женатъ былъ на Маріи Александровнѣ Нарышкиной, род. 1730, ум. 1780.

приказываетъ камердинеру наискорѣе отвезти къ Пушкину, который при полученіи замѣтилъ, что въ адресѣ вмѣсто „Ивановичу“ написано „Васильевичу“ и былъ въ недоумѣніи, но рѣшась распечатать, увидѣлъ, что императрица весьма милостиво поручаетъ ему имѣть надзоръ за больнымъ, особливо во время употребленія сего лекарства и чтобъ онъ не подѣлился дать ему изъ своихъ рукъ, а какое будетъ послѣдствіе о томъ обстоятельно донести. Какое человѣколюбіе!!!

Сія драгоценная бумага съ огромной исторической перепиской и секретными повелѣніями погибла въ 1812 году.

91.

Екатерина, 23 августа 1796 г., бывъ у Нарышкиной *) и возвращаясь домой, замѣтила звѣзду ей сопутствовавшую, въ виду скатившуюся. Предсѣдательствующій въ губернскомъ правленіи Николай Петровичъ Архаровъ, предупредившій императрицу, встрѣтилъ ее во дворцѣ, которая сказала: „вотъ вѣстница скорой смерти моей“...—Ваше величество всегда чужды были примѣть и предрасудковъ, отвѣчалъ Архаровъ. „Чувствую слабость силъ, и примѣтно опускаюсь“, возразила Екатерина.

(Отъ Архарова).

92.

Въ 1796 г., когда переговоры о бразосочетаніи великой княжны Александры Павловны съ королемъ шведскимъ Густавомъ Адольфомъ приходили къ концу желаемому, императрица приказала наилучшему петербургскому серебряному мастеру негоціанту Буху, исправлявшему тогда должность датскаго агента, сдѣлать въ приданое для ея высочества серебряный сервизъ. Къ назначенному сроку сервизъ, самимъ Бухомъ привезенный во дворецъ, поставляется въ галереѣ; сіе случилось когда государыня свѣдала, что Бухъ не токмо ея разговоры, но многія намѣренія сообщилъ въ Копенгагенъ и что наконецъ дѣлалъ пиръ для нѣкоторыхъ придворныхъ особъ; она съ примѣтнымъ неудовольствіемъ говоритъ Попову, „что у иностранныхъ дворовъ знаютъ о ней болѣе нежели должно — пойдемъ посмотрѣть сервизъ“. Бухъ принялъ холодно; по существовавшему обычаю и къ рукѣ не допущенъ; послѣ немногихъ словъ государыня сказала: „приказать, Василій Степановичъ, отвезти сервизъ въ Царское-Село и поставить въ уборной великаго князя Александра

*) Анна Никитична Нарышкина, рожд. Румянцова, род. 11 февр. 1730, ум. 2 февр. 1820. Въ то время уже была вдовою: ея мужъ, оберъ-гофмаршалъ, Александръ Александровичъ, умеръ 21 мая 1795 г.

Павловича, пускай онъ невзначай увидитъ его и удивится моему подарку“. Возвращаясь съ Поповымъ въ свои комнаты расколоталась: „Бухъ напишетъ въ Копенгагенъ такую ложь“.

(Извѣстно отъ Васи. Степан. Полова).

93.

Въ 1796 г., для блага Россіи, Екатерина предположила великую княжну Александру Павловну выдать въ замужество за молодого короля шведскаго Густава-Адольфа, и начатые о семъ переговоры приводились къ окончанію. Главное затрудненіе составляло шведское постановленіе, что супруга короля должна быть одного съ нимъ исповѣданія. Густавъ-Адольфъ призываетъ въ Петербургъ подъ именемъ графа Гаги. Императрица, опираясь на свой умъ и могущество, сдѣлала большую ошибку, назначивъ для переговоровъ съ прибывшими шведскими особами графа Аркадія Ивановича Маркова, бывшаго тамошнимъ резидентомъ. Безпокойный его нравъ, находя возможность величаться и мстить въ Петербургѣ стокгольмскимъ неприятелямъ, все дѣло испортилъ. По повѣстѣ въ назначенный для обрученія день, при собраніи всего двора, архіерей въ облаченіи ожидалъ выхода императрицы, которая въ порфирѣ и коронѣ сидѣла въ своемъ креслѣ въ кабинетѣ, а пересылка чрезъ посредство Маркова продолжалась и выводила Екатерину изъ терпѣнія; за рѣшительнымъ отвѣтомъ посланъ былъ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, и долго не возвращался; она приказываетъ Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину туда же слѣдовать. Безбородко встрѣтился съ нимъ на дворцовой лѣстницѣ и сказалъ: „а уже дѣло испорчено, король отвергъ, чтобъ великая княжна осталась въ греческомъ законѣ“. Безбородко и Марковъ вошли въ кабинетъ, а Пушкинъ остался у дверей. Императрица, вставъ съ мѣста въ великомъ гнѣвѣ, два раза тростью Маркова ударила, а Безбородко сказала: „я проучу этого мальчишку“, потомъ сбросила съ себя корону и, сорвавъ мантію, опустилась въ кресла; тутъ оказались признаки легкаго паралича и ночь проведена была въ ужасномъ положеніи. На другой день, назначивши балъ во дворцѣ, Екатерина чрезъ силу показалось на ономъ, не показывая ни малѣйшаго неудовольствія; графинѣ Скарвронской *) приказано было занять короля разговорами и начать съ нимъ польской.

*) Графиня Екатерина Васи. Скарвронская, рожден. Энгельгардтъ, род. 1761, ум. 7 февр. 1829, племянница князя Потемкина, вдова послѣдняго Скарвронскаго, графа Павла Мартыновича (род. 1757, умер. въ Неаполѣ въ 1791).

Великій князь Павелъ Петровичъ поступилъ иначе: когда король хотѣлъ говорить, то онъ отворотился и сталъ спиною.

(Извѣстно отъ гр. Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина).

94.

Фамильныя повѣстїа о князѣ Потемкинѣ *).

Отецъ свѣтлѣйшаго, смоленскій помѣщикъ отставной подполковникъ Александръ Васильевичъ, былъ человекъ оригинальный. Въ преклонныхъ уже лѣтахъ, живя въ пензенскомъ своемъ помѣстьѣ, сельцѣ „Маншина“ **, нечаянно увидя оловѣвшую, бездѣтную красавицу Дарью Васильевну Скуратову, по отцѣ Кондыреву, неподалеку жившую у мужичинныхъ родныхъ въ селѣ „Большомъ Скуратовѣ“, что на кievской дорогѣ, — прельстился ею, и, объявивъ себя вдовымъ, началъ свататься. Скоро послѣ свадьбы молодая Потемкина, уже беременная, узнала, что она обманута, и что первая супруга жительствуетъ въ смоленской деревнѣ; потребовавъ свиданїа съ законною женою, горчайшими слезами довела ее до состраданїа, склонила отойти въ монастырь, и вскорѣ принявъ постриженїе симъ средствомъ утвердить бракъ сей. Престарѣлый Потемкинъ былъ своенравенъ, угрюмъ и ревнивъ до крайности, къ тому же имѣлъ состоянїе небогатое, въ разныхъ губернїяхъ изъ 300 душъ состоявшее и запутанное процессами; все сіе не предвѣщало спокойной жизни молодой красавицѣ. Отъ сего супружества рождены четыре дочери, выданныя ими за Самойлова, Высоцкаго, Энгельгардта и Лихачева послѣдняя была глухая женщина.

Наконецъ въ 1739 г. родился чудный князь Таврическій, который былъ отъ отца нелюбимъ и даже подозрѣваемъ за побочнаго ***). Александръ Васильевичъ въ двоюродномъ братѣ Григорїи Матвѣевичѣ Козловскомъ, камеръ-коллегїи президентѣ, имѣлъ не только

*) Въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г. (стр. 575 и послѣд.) напечатано соч. гр. А. Н. Самойлова: «Жизнь и дѣянїа кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго». Издатель «Архива», ссылаясь въ одномъ изъ примѣчанїй на «Родословную книгу» кн. П. В. Долгорукаго, замѣчаетъ (стр. 587), что: «Составитель Родосл. книги (въ статьѣ о кн. Потемкинѣ) пользовался нежданною тетрадю записокъ о князѣ Потемкинѣ, составленныхъ его дальнимъ родственникомъ, извѣстнымъ археологомъ П. Θ. Карабавовымъ. Гдѣ теперь эта тетрадь?» спрашиваетъ въ заключенїе г. Бартоновъ. Тетрадь эта предстаетъ нынѣ читателямъ «Русской Старины».

Ред.

**) Мѣсто рожденїа Таврическаго принадлежитъ нынѣ, чрезъ покупку, Петру Александровичу Лихачеву.

П. Б.

***) Не задолго до рожденїа кн. Таврическаго мать его увидѣла во снѣ солнцѣ, прямо къ ней катившееся, и отъ страха пробудилась.

П. Б.

что покровеннаго родственника, но и единаго покровителя, особенно же по дѣламъ тяжбымъ. Молодой Потемкинъ, нареченный именемъ сего дяди, былъ его крестникомъ и по просьбѣ матери взять на воспитаніе на пятомъ году отъ рожденія. Возрастая вмѣстѣ съ ровесникомъ своимъ, въ томъ же году рожденнымъ, сыномъ Козловскаго, Сергѣемъ Григорьевичемъ, обще учились нѣмецкому языку въ извѣстной тогда школѣ у профессора *), наконецъ поступили въ ново-учрежденной московскій университетъ. Гриць (такъ его всегда называлъ дядя) съ дѣтскихъ лѣтъ предвѣщалъ челоѵка необыкновеннаго, предприимчиваго, самовластнаго. Григорій Матѣевичъ, любя его какъ сына, въ досадѣ говаривалъ: „Грицу моему либо быть въ чести, либо не сносить головы“. Привязанность молодого Потемкина къ духовенству была безпредѣльная; онъ часто убѣгалъ къ умному священнику приходской церкви Николая Чудотворца, что въ Воробинѣ, толковать священное писаніе и обряды духовныя, а въ церкви прислуживая ему въ алтарѣ, раздувалъ еадило и вынашивалъ свѣчу предъ евангеліемъ и святыми дарами.

Дарья Васильевна вела жизнь пренесчастную: ей запрещалось разговаривать съ мужчинами, ни одинъ зять не смѣлъ подходить къ руцѣ, а иногда наказанная, сидя за замкомъ, въ слезахъ предавалась отчаянію.

Въ послѣднее время жизни ревниваго старика, двоюродный же братъ его, Сергѣй Дмитриевичъ Потемкинъ, желая воспользоваться его имѣніемъ, еще болѣе клеветалъ на супругу, и увѣрялъ, что сынъ былъ незаконнорожденный. Подъ руководствомъ его подана была челобитная, опровергавшая брачный союзъ. Григорій Матѣевичъ, свѣдавъ сіе, привезъ сумасброднаго старика въ присутствіе и настоятельно потребовалъ возвращенія челобитной съ надписью.

Слѣдуетъ вопросъ: отчего дѣти Потемкина, Михаилъ и графъ Павелъ Сергѣевичи, выведены въ чины и обогащены Таврическимъ, а потомство Козловскаго не получило ни малѣйшаго знака признательности?

Потемкина, оставшись вдовою, жила въ маломъ ветхомъ домѣ на Никитской въ приходѣ Большаго Вознесенія (который впоследствии отданъ свѣтлѣйшимъ подъ строеніе новой церкви съ большимъ денежнымъ вкладомъ). Обремененная недостатками и судебными дѣлами, отдыхала, такъ сказать, подъ защитою Григорія Матѣевича; сынъ

*) Потемкинъ никогда не учился въ казанской гимназіи, которая заведена въ 1758 г. Михаилъ Иванъ Веревкинъ, потому что находился уже въ дѣйствительной службѣ, лейбъ-гвардіи конномъ полку, имѣя 18-ть лѣтъ отъ рожденія.

ея, воспитывался у сего дяди и благотворителя, обязанъ былъ въ праздничные дни, по повелѣнію матери, являться къ барону Строганову въ домъ его за Яузю; обходилъ церковь Никола въ Воробинѣхъ по Красной горѣ и спускалъ къ рѣкѣ, всегда восхищался красивымъ мѣстоположеніемъ и тогда уже дѣлалъ проекты скупить всё дома и выстроить преогромное зданіе; онъ часто говорилъ: „даю честное слово, ежели будетъ возможность исполнить“. Мысль сія дѣйствительно совершилась въ послѣднее время его жизни, покупкой домовъ: за церковью—кн. Хованскаго, по горѣ—Волкова, Кривцовой и Майкова до извѣстнаго переулка въ церкви Грузинскія Богородицы; проекты разсмотрѣны, планъ и фасадъ конфирмованы; вышеупомянутый храмъ долженствовалъ соединиться переходами къ правой сторонѣ сего огромнаго зданія въ видѣ домоватаго; но смерть разрушила сіе предприятие. Мѣсто сіе чрезъ покупку дошло до кн. Безбородко и по иному плану, въ 1798 г. въ маѣ мѣсяцѣ, по отъѣздѣ Павла I изъ Москвы, сдѣлана закладка, и опять раздробилось на многія малыя части по кончинѣ послѣдняго.

Однажды по какому-то случаю приглашенъ былъ Григоріемъ Матвѣевичемъ грузинскій преосвященный для служенія въ церковь и на обѣдъ въ домъ; молодой Потемкинъ, возложъ на себя полное архіерейское облаченіе, предсталъ въ ономъ собранію гостей; взыскательный дядя съ сердцемъ сказалъ ему: „доживу до стыда, что не умѣлъ воспитать тебя какъ дворянина“.

Григорій Александровичъ нерѣдко говорилъ: „такъ, такъ, начну военной службой; а не такъ, то стану командовать понами“.

Онъ обще съ Сергѣемъ Григорьевичемъ записаны были лейбгвардіи въ конный полкъ и служили вахмистрами. Послѣдній умеръ въ 1761 г., а Потемкинъ, при восшествіи на престолъ Екатерины, весьма способствовалъ въ приведеніи солдатъ къ присягѣ и пожалованъ въ подпоручики, а потомъ въ камеръ-юнкеры. Желаніе обратить на себя вниманіе императрицы никогда не оставляло его: стараясь нравиться ей, ловилъ ея взгляды, вздыхалъ, имѣлъ дерзновеніе дожидаться въ корридорѣ; и, когда она проходила, упалъ на колѣни и, цѣлуя ей руку, дѣлалъ нѣкотораго рода изъясненія. Она не противилась его движеніямъ. Орловы стали замѣчать каждый шагъ и всевозможно противиться его предприятию... Потемкинъ въ отчаяніи уклонился отъ двора, подъ видомъ болѣзни, и жилъ уединенно въ полку своемъ; тутъ предположилъ-было итти въ монахи, надѣвалъ нарочно сдѣланную архіерейскую одежду и учился осѣнять свѣчами. Екатерина разспрашивала о немъ, посылала узнать о здоровьѣ. Однажды проѣзжаясь съ Григоріемъ Орловымъ, приказала остановиться про-

тивъ его жилища; Орловъ былъ посланъ для свиданія, а Потемкинъ, избѣгая онаго, скрылся черезъ огородъ къ полковому священнику, съ которымъ дѣлилъ время. Императрица пожелала его увидѣть и онъ снова показался у двора. Началось сватанье на фрейлинѣ графинѣ Елизаветѣ Кирилловнѣ Разумовской *) съ намѣреніемъ привлечь къ тому Екатерину.

Между тѣмъ открылась первая турецкая война, доставившая случай удалить Потемкина отъ двора, склонивъ монархиню предложить ему начальство надъ отдѣльнымъ корпусомъ. Онъ чрезъ бібліотекаря Петрова и Ивана Перфильевича Елагина, учителя ея русскому языку, изъявилъ свою покорность, съ дозволеніемъ писать къ ея величеству и получать чрезъ нихъ же хотя словесные отвѣты. Съ любопытствомъ прочитывая всѣ письма, она видѣла съ какимъ чувствомъ любви и съ какою похвалою изъяснялся онъ насчетъ ея особы; сперва приказывала словесные отвѣты, а потомъ сама принялась за перо, и вела съ нимъ переписку.

Любопытныя всякаго рода письма и Екатерины II къ Потемкину находились всегда при немъ, а по смерти остались у камердинера его, который въ началѣ царствованія Александра, приѣхавъ въ Петербургъ, имѣлъ намѣреніе ихъ поднести государю и получилъ отказъ.... Генералъ-маіоръ Николай Ѳеодоровичъ Хитровъ**) купилъ ихъ за шесть тысячъ рублей. (Гр. Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ видѣлъ сію переписку).

Въ Петербургѣ послѣдовала важная перемяна: партія гр. Никиты Ивановича Панина восторжествовала надъ Орловыми, принудила ихъ уклониться, а ко двору представленъ Александръ Семеновичъ Васильчиковъ (сент. 1772 г.), имѣвшій подпорье. Потемкинъ въ чинѣ генералъ-поручика приѣзжаетъ изъ арміи, приглашается съ отличнѣмъ благоволеніемъ въ числѣ избранныхъ въ комнатныя и эрмитажныя собранія; тамъ, послѣ спектакля, императрица предложила ему сыграть игру въ шашки и такъ занялась имъ, что во весь вечеръ не вставала съ мѣста; на другой день новый любимецъ письменно благодарилъ за милость и просилъ удостоить его званія генералъ-адъютанта***)... Десятилѣтнее желаніе увѣнчалось успѣхомъ на дачѣ у Елагина.

*) Род. 16 дек. 1749, вышла потомъ, противъ воли отца, за графа Петра Ѳеодоров. Апраксина.

**) Никол. Ѳеодор. Хитровъ, генер.-маіоръ, былъ женатъ на вдовѣ, графинѣ Елизаветѣ Михайловнѣ Тизенгаузенъ, рожд. княжнѣ Бутузовой-Смоленской (дочери фельдмаршала).

***) Мартъ 1774, оставался фаворитомъ до апрѣля 1776.

Князю Потемкину вся фамилія Зубовыхъ, выведенная гр. Ник. Ив. Салтиковымъ, была противна. Не взирая ни на что, онъ домогался замѣнить ихъ кѣмъ-либо другимъ. Когда въ 1790 г. Валеріанъ Зубовъ отправился въ армію, Екатерина, чтобы доставить случай ему отличиться, поручила его Потемкину, который явно искалъ его погибели — и поставилъ на батарею, гдѣ, за истребленіемъ всѣхъ, Валеріанъ самъ-шестъ остался въ живыхъ. По приѣздѣ въ Петербургъ сей жаловался императрицѣ, и открылъ ей многія намѣренія, что Потемкинъ безпрестанно подъ разными видами увеличиваетъ свое войско, составляетъ двухкомплектные полки; имѣеть готовыхъ солдатъ, распущенныхъ по селеніямъ; всячески старается привлекать къ себѣ жителей того края, которые-де ему очень преданы, и т. п. Екатерина начала опасаться и вызвала его въ Петербургъ, гдѣ онъ занялъ публику очаровательнымъ праздникомъ даннымъ императрицѣ, которая, вопреки его предположенію, желала мира и дала кн. Репнину повелѣніе заключить оный безъ его вѣдома.

Потемкинъ, готовясь къ отъѣзду и побуждаемый Екатериною, медлилъ, — толковалъ сны, занимался привидѣніями; а могущество его и довѣренность императрицы ежечасно ослабѣвали.

На дорогѣ онъ встрѣтилъ эстафета съ извѣстіемъ о заключенномъ мирѣ; распечатавъ пакеты, на иныхъ прописалъ: „къ государинѣ“, другіе удержалъ, и отправилъ къ Рибасу *) ордеръ бить турокъ на морѣ. Диванъ находился въ изумленіи отъ неимовѣрныхъ успѣховъ, одержанныхъ симъ начальникомъ надъ турецкимъ флотомъ.

Предпріимчивый Потемкинъ не въ силахъ былъ продолжать войну и потерялся. Отъ огорченія сдѣлавшись нездоровъ, поѣхалъ изъ Яссы въ Херсонъ и на дорогѣ скоропостижно умеръ, вѣроятно отъ даннаго яда; трудно рѣшить дѣйствовалъ ли кн. Зубовъ одинъ, или нѣтъ. Сіе послѣдовало въ 1791 г. октября 5 дня.

95.

Князь Потемкинъ, сдѣлавшись самымъ приближеннымъ лицомъ къ Екаторинѣ II, въ 1774 г. взялъ въ секретари извѣстнаго стихотворца Рубана. Въ кабинетѣ говоритъ ему: „денегъ нѣтъ, занимать стыдно, а просить не хочу — пускай-де сама догадается; въ стихахъ напишемъ-ка, хотя въ соляную контору, чтобы отпустили десять тысячъ“. Рубанъ отвѣчалъ: „намъ не отпущать“. — Попробуй, подхватилъ Потемкинъ, не хочешь ли поспорить со мной? Я напишу,

*) Осипъ Иван. Рибасъ ум. въ Спб. 1800 г. (отъ отравы? Петровъ: примѣчанія къ сборн. матер. для исторіи имп. авад. худож., стр. 734). Жена Анастасія Иван. Соколова, воспитанница Ив. Ив. Бедкаго.

чтобъ тебѣ отсчитали десять ударовъ кнутомъ". (Каждый генераль-адъютантъ имѣлъ право объявлять словесные указы и брать на свое имя изъ всѣхъ казенныхъ мѣстъ суммы не свыше 10 т. руб.).

96.

Камергеръ, бывший потомъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ, Алексѣй Андреевичъ Ржевскій не хотѣлъ собою умножить число ласкателей Потемкина, и никогда къ нему не хаживалъ въ комнаты. Вскорѣ открылось, что, по важному процессу, приходившему къ рѣшенію, ему нуженъ былъ сильный защитникъ. Ржевскій рѣшается объяснить свое положеніе Потемкину, что его сторона справедливая и просить быть заступникомъ. Черезъ пять дней Потемкинъ, поздравя Ржевскаго съ благополучнымъ окончаніемъ, прибавилъ.....

(Конецъ въ рукописи нѣтъ).

97.

Славный механикъ Кулибинъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ бородою своею, несмотря на предложеніе ему чиновъ и титуловъ. Наконецъ, по усиленному настоянію князя Григорія Григорьевича Орлова, рѣшается выбриться, если точно узнаетъ, что сіе непременно угодно императрицѣ. Князь докладываетъ государынѣ, но мудрая царица сія велѣла сказать Кулибину, что она еще больше его уважаетъ за его почтеніе къ обычаю предковъ; не только позволяетъ, но приказываетъ остаться въ бородѣ, и если чины и титулы войдутъ къ его костюму, то знаетъ чѣмъ его отличить и жадуетъ ему для ношенія золотую медаль съ выбитымъ его именемъ, чего никто еще никогда не получалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРАФЪ М. М. СПЕРАНСКІЙ.

I.

Записки П. И. Саввантова.

Недавно, совершенно случайно, попалось мнѣ стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Дополненіе къ вчерашнему разговору“ Словцова съ Сперанскимъ, которое сообщилъ я „Русской Старинѣ“ въ томъ видѣ, въ какомъ оно удержалось въ моей памяти, т.-е. съ грѣхомъ пополамъ („Русская Старина“, изд. 1872 г. т. V, стр. 81). Теперь представляю это стихотвореніе въ полномъ и исправномъ видѣ.

Дополненіе къ вчерашнему разговору.

27 января (1796 г.).

Полно, другъ, съ фортуною считаться
И казать ей философскій взоръ;
Время съ разсужденіемъ расстаться,
Если счастье катитъ на дворъ.

Лучше съ свѣтомъ въ вихрь тебѣ пустаться
И крутиться по степямъ честей,
Чѣмъ въ пустыню съ Прологомъ забиться
И посохнуть съ гора безъ людей.

Вѣтеръ вѣетъ вамъ благополучный:
Для чего-жь сидѣть бы взаперти?
Для чего вдаваться мысли скучной,
Что застигнетъ буря на пути?

Правильно ты вѣсилъ свѣта міру,
Тяжестъ золотыхъ его цѣпей;
Но ты завѣсилъ ли монаховъ слуку,
И сочелъ ли, сколько груза въ ней?

Пестра мантия съ златыми рясни
Хоть закроетъ сталь твою и ходъ;

Но закроеть ли глаза невѣстны
Отъ плутовокъ-набожныхъ красотъ,

Бои въ церковь съ полыми грудями
Ходятъ показаться женихамъ,
И, предъ образомъ курясь духами,
Отъ сердецъ пріемлютъ энміамъ?

Трудно отъ заразы ихъ защититься,
Хоть себя крестъ-на-крестъ оградя;
Вѣчно сердце станетъ биться,
Панагія хоть и на груди.

Панагія, другъ, не крѣпки латы,
И блестяща митра вѣдь не шлемъ;
Ежели шалунъ-амуръ крылатый
Грянетъ въ архиастырскій теремъ.

Полно, другъ мой, мыслями ристаться;
Полно, сидя съ книгой, умъ копить;
Время, время съ пристанью разстаться
И по вѣтру парусъ распустить.

Какъ гальотъ твой по зыблямъ помчится,
Такъ причаль за бортъ и мой челнокъ.
Если валъ девятый и случится,
То ударь мнѣ съ боку, чай, лежокъ.

П. А. Словцовъ.

Къ слову о Сперанскомъ, пользуюсь случаемъ сообщить для записной книжки „Русской Старины“ слѣдующія замѣтки:

1.

Проводивъ Сперанскаго изъ Грузина до самой пристани (на Волховѣ), графъ Аракчеевъ пригласилъ къ себѣ на вечерній чай Н. С. Ильинскаго, П. А. Клейнмихеля, домашняго своего доктора и еще кого-то. За чаемъ начался разговоръ объ уѣхавшемъ гостѣ. „Знаете-ли, какой это человекъ? сказалъ графъ: если бы у меня была треть ума Сперанскаго, я былъ бы великимъ человекомъ“.

Это слышалъ я отъ упомянутаго Н. С. Ильинскаго, который при Аракчеевѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ протоіереемъ Грузинскаго Андреевскаго собора. Много любопытныхъ подробностей рассказывалъ мнѣ Николай Степановичъ о грузинской жизни графа; я просилъ почтеннаго рассказчика написать эти подробности вмѣстѣ съ другими воспоминаніями о жизни въ Грузинѣ, и онъ обѣщалъ исполнить мою просьбу. Но послѣ неоднократныхъ напомина-

ній о томъ, принялся ли онъ писать свои Воспоминанія, онъ сказалъ мнѣ однажды: „Принимался, да не могу. Графъ дѣлалъ мнѣ добро; но правду писать объ немъ надобно не чернилами, а кровью“.

2.

Замѣчательный случай, заставившій Николая Степановича Ильинскаго оставить Грузино. Когда зарѣзана была любовница Аракчеева, Настасья, графъ приказалъ похоронить ее въ Грузинскомъ соборѣ, рядомъ съ могилой, которую онъ приготовилъ для себя. Для избавленія какихъ-нибудь неприятностей отъ своего начальства, Николай Степановичъ послалъ донесеніе объ этомъ преосвященному Моисею, тогдашнему викарію новгородскому, и просилъ разрѣшенія исполнить требованіе графа. Въ это время извѣстный архимандритъ Фотій, отправляясь въ Грузино — утѣшать Аракчеева и, конечно, принять участіе въ погребеніи его возлюбленной, посѣтилъ преосвященнаго Моисея и узналъ отъ него о полученномъ изъ Грузина донесеніи; но приѣздъ въ Грузино, онъ сообщилъ объ этомъ графу. Аракчеевъ вскипѣлъ гнѣвомъ на своего протоіерея и, между разными угрозами, сказалъ: „Ему не будетъ мѣста не только въ Сибири, а и на землѣ!“ Когда вѣсть объ этомъ дошла до Николая Степановича, то онъ успѣшилъ обратиться къ митрополиту Серафиму съ просьбою, чтобъ владыка перевелъ его куда-нибудь изъ Грузина. Митрополитъ опредѣлилъ его протоіереемъ въ соборъ Боровичскій. Отсюда онъ былъ впослѣдствіи переведенъ въ Петербургъ, въ церкви апостола Матфея, а потомъ на Волковское кладбище; наконецъ принялъ монашество съ именемъ Никанора, и 3 іюля 1863 года скончался архимандритомъ и намѣстникомъ Александроневской лавры. Почтенна должна быть память его для духовенства с.-петербургской епархіи: его стараніемъ устроена домовая церковь въ Александроневскомъ училищѣ; его усердію обязана своимъ основаніемъ и Александроневскій домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія; его многотрудными заботами умнотворено духовенство всего Шлиссельбургскаго уѣзда, и проч. и проч.

3.

Отъ того же Н. С. Ильинскаго слышалъ я и слѣдующій разсказъ объ Аракчеевѣ: обязанный первоначальнымъ своимъ возвышеніемъ императору Павлу Петровичу, Аракчеевъ до конца жизни глубоко чтилъ память своего благодѣтеля. Въ грузинскомъ саду, неподалеку отъ дома, въ которомъ жилъ Аракчеевъ, былъ поставленъ бюстъ императора. Въ лѣтнее время, когда Аракчееву угодно было приглашать къ себѣ на обѣдъ грузинскую служебную знать, обѣденный столъ въ

хорошую погоду обмывовине накрывался у этого бюста, противъ котораго всегда оставалось незанятое мѣсто и во время обѣда ставилась на столъ каждая перемѣна кушанья; въ концѣ обѣда подавался кофе, и Арачеевъ, взявши первую чашку, выливалъ ее къ подножію императорскаго бюста; послѣ этого возмѣнія онъ бралъ для себя уже другую чашку.

4.

Вспомнился мнѣ еще одинъ разсказъ о графѣ Арачеевѣ, слышанный мною отъ А. С. Норова. Отецъ Авраама Сергѣевича былъ хорошо знакомъ съ Арачеевыми, который, по этому знакомству, и покровительствовалъ Норовымъ въ первые годы ихъ службы. Бывши уже въ чинѣ полковника, Авраамъ Сергѣевичъ вздумалъ просить себя у императора Александра I губернаторскою должностію. На другой или на третій день послѣ того, какъ онъ подалъ объ этомъ прошеніе государю, графъ Арачеевъ пригласилъ его къ себѣ.

„Благодари меня“, сказалъ ему графъ, поцѣловавшись съ нимъ. — Благодарю повторно, хотя еще и не знаю — за что, отвѣчалъ ему Авраамъ Сергѣевичъ.

„Да хорошенько благодари — за то, что я успѣлъ оказать тебѣ большое благодѣяніе. Ты просилъ государя сдѣлать тебя губернаторомъ; вѣдь государь чуть-было не согласился на твою просьбу, да, къ твоему счастью, я остановилъ его. Знаю я, что ты храбрый офицеръ, что ты человѣкъ добрый; но какой ты губернаторъ? по своей добротѣ, ты испортилъ бы всю губернію, да и самъ попался бы въ неприятное положеніе“.

Сообщ. П. И. Савваитовъ.

II.

Рѣчь императора Александра Павловича въ первомъ засѣданіи государственнаго совѣта.

1 января 1810 г.

Помѣщаемая здѣсь рѣчь — достаточно известна: о ней упоминаетъ графъ М. А. Корфъ въ соч.: «Жизнь гр. М. М. Сперанскаго». М. И. Богдановичъ — приводитъ изъ нея отрывокъ. Даневскій — въ его «Исторіи Государственнаго Совѣта» также на ней останавливается. Проектъ рѣчи составленъ Сперанскимъ. Приводимъ ее по хорошему списку, сообщенному Александромъ Максимовичемъ Княжевичемъ; разрядной отмѣченъ поправки императора Александра I.

Ред.

Господа члены государственнаго совѣта!

Я считаю нужнымъ изъяснить вамъ причины, побудившія меня сообразъ васъ въ сей день *).

*) Зачеркнуто: „во едино“.

Порядокъ и единообразіе дѣлъ государственныя требуютъ, чтобъ было одно средоточіе для общаго ихъ соображенія.

Въ настоящемъ составѣ управленія нѣтъ у насъ сего установленія.

Какимъ образомъ въ государствѣ столь обширномъ *), разныя части управленія могутъ идти съ стройностію и успѣхомъ, когда каждая движется по своему направленію и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству?

Одно личное дѣйствіе власти въ великомъ разнообразіи дѣлъ государственныхъ, не можетъ сохранить сего единства. Сверхъ сего лица умираютъ, одни установленія живутъ и въ теченіи вѣковъ сохраняютъ основанія государствъ.

Всѣ благонамѣренные люди давно уже чувствовали сіи нетины.

Любя отечество, бывъ поставленъ въ отвѣтъ передъ Богомъ въ спасеніе его и благоустройствѣ, я болѣе другихъ долженъ былъ ихъ ощущать **).

Не частыми исправленіями, не подробностями многочисленными и преходящими стоятъ и процвѣтаютъ государства.

Среди всѣхъ ***) заботъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ и вѣшнихъ, мысль о твердыхъ государственныхъ постановленіяхъ никогда меня не оставляла.

Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе имперіи утвердилось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ.

Я считалъ всѣ минуты жизни моей потерянными для блага Россіи, въ коей войною и вѣшними происшествіями намѣренія мои отвлекались отъ сей великой цѣли.

Не скрыты отъ меня были всѣ послѣдствія сего умедленія.

Я чувствовалъ недостатокъ твердаго въ дѣлахъ порядка, съ тою же живостію, съ коюю обыкъ я любить и всему предпочитать пользы отечества.

Наконецъ Всевышній благословляетъ мои желанія. Въ сей день, съ началомъ новаго года, имѣю я удовольствіе положить твердое основаніе изъ важнѣйшихъ государственныхъ постановленій.

Государственный Совѣтъ будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существу имперіи принадлежащихъ.

Призвавъ васъ въ составъ сего сословія, я не могъ вамъ дать высшаго свидѣтельства моего къ вамъ довѣрія.

*) Зачеркнуто: «и въ силахъ его многосложномъ».

А. Е.

***) Вмѣсто зачеркнутого: «чувствовать».

А. Е.

***) Вмѣсто зачеркнутого: «безчисленныхъ».

А. Е.

Все что въ мысляхъ и желаніяхъ близкихъ есть самаго твердаго и непоколебимаго, все будетъ мною употреблено, чтобъ установить порядокъ и оградить имперію добрыми законами.

Вы примете священную обязанность мнѣ во всемъ содѣйствовать. Предъ отечествомъ, предъ Богомъ, вы будете въ семъ отвѣтствовать.

Предъ сими великими именами, всѣ личныя уваженія должны исчезнуть; изочтите милліоны, конъ отъ васъ ожидать будутъ твердой собственности, тишины и благоустройства и измѣрьте симъ пространство вашихъ обязанностей и степень моего къ вамъ довѣрія.

Уповаю на васъ *) и благословеніе Всевышняго; мой долгъ будетъ**) раздѣлять труды ваши и исвать одной славы, для сердца моего чувствительной, чтобы нѣкогда, въ позднихъ временахъ, когда меня уже не будетъ, истинные***) сыны отечества, ощутивъ пользу сего учрежденія, вспомнили, что оно установлено было при мнѣ, моимъ искреннимъ****) желаніемъ блага Россіи.

Сообщ. А. М. Князьвичъ.

III.

Назарета Васильевна Шванвичъ.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 г., т. IV, стр. 386—387, въ статьѣ П. О. Карабанова о фрейлинахъ высочайшаго двора, подъ № 32-мъ помѣщена статья о Марьѣ Васильевнѣ Шкурной, гдѣ сказано, что она, изъ пріязни къ Назаретѣ Васильевнѣ Шванвичъ, переселилась съ нею въ монастыри, гдѣ та назначалась игуменьей, и между прочимъ въ Казань.

Назарета Васильевна была рожденная Гладкая, сестра бывшаго нѣкогда въ Петербургѣ оберъ-полиціймейстера Ивана Васильевича Гладкаго, и была замужемъ за Шванвичемъ. Прибывъ въ Казань въ 1807 году, она ввела въ монастырѣ, державшемся старыхъ патриархальныхъ порядковъ, разныя нововведенія, и между прочимъ въ церквахъ, при службѣ, назначила мѣста, гдѣ должны стоять тѣ или другія сословія. Эти новыя порядки не очень понравились жителямъ города и по этому случаю пущена была въ публику слѣдующая сатира:

Подъ чернымъ клобукомъ, подъ маскою святини,
Съ лѣтъ юныхъ грѣшница, а днесь полна гордыни,
Въ голландскомъ Гладкая затворница сыру,
Соблазнъ своимъ сестрамъ, посмѣшище въ міру,

*) Въмѣсто зачеркнутаго: „я призываю на васъ“.

А. Е.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: „и“.

А. Е.

***) Въмѣсто зачеркнутаго: „добрымъ“.

А. Е.

****) Въмѣсто зачеркнутаго: „неизмѣннымъ“.

А. Е.

И ты, достойная подъ стать ея фигура,
 Старинной выдѣлки изношенная Шкура,
 Доложь васъ не уймешь владыка архирей,
 Дотоль не буду знать въ вашъ монастырь дверей.
 На грѣхъ туда идуть, храня старинны нравы:
 Вы бабы вводите во всемъ туда уставы;
 На стойлы дѣлите молитвы храмъ святой:
 Здѣсь вы съ компаніей, а тамъ мужчины стой;
 Вдаль отведенъ раекъ, а впереди партеры:
 Тамъ смура чернь молись, здѣсь дамы, кавалеры.
 И словомъ храмъ театр: игуменія-мать
 Изволить первую въ немъ ложу занимать,
 Отколѣ зрить на всѣхъ суровыми очами,
 Какъ распаленными громовыми свѣчами.
 О грѣхъ, о выдумка достойна сатаны!
 Поодаль юбокъ тамъ, должны стоять штаны.
 Вчера-ль, третьягодня-ль, да просто оноедни,
 Приѣзжій въ городъ Штабъ зашелъ туда къ обѣднѣ.
 Держась обычая, какой по всѣмъ церквамъ,
 Онъ смѣло перешолъ перегородку тамъ.
 Ужъ онъ, какъ водится, иконамъ помолился
 И на четыре всѣ стороны поклонился,
 Какъ вдругъ почувствовалъ вдоль праваго плеча
 Толчокъ монашенки: онъ думалъ, что свѣча
 На жертву чрезъ него иконѣ предается;
 Но слышитъ, позади визгъ женскій раздается:
 «Изъ-за рѣшетки вонъ и встань поодаль тамъ».
 Служивый былъ и гордъ и нѣсколько упрямъ;
 Съ другимъ посломъ приказъ, а Штабъ опять съ отказомъ.
 Сама игуменья рѣшилась третьимъ разомъ
 Власть свыше данную надъ нимъ употребить,
 Геройской наступью героя съ мѣста сбить:
 Она въ него слова: «глупца, невѣжды» мечеть;
 Штабъ-витазь слушаетъ, однако не трепещеть,
 Стоитъ какъ вкопанный и съ мѣста ни на пядь.
 Мать видя, что его симъ средствомъ не пронять,
 Велитъ квартальному известъ его изъ храма—
 Вотъ чѣмъ окончилась смѣшная эта драма.

Сообщ. А. М. Княжевичъ.

IV.

Подвигъ Вержбицкаго.

Гг. редакторы! По поводу помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 г. т. III (стр. 792—793) замѣтки, подъ заглавіемъ: „Повелѣніе императора Николая I о подвигѣ Вержбицкаго“, позволите мнѣ разсказать нѣчто о самомъ Вержбицкомъ, лично мнѣ знакомомъ и о его подвигѣ, имъ самимъ мнѣ разсказанномъ.

Когда я поступилъ подпрапорщикомъ въ суздальскій пѣхотный полкъ (16-й дивизіи), въ іюнѣ 1852 года, я засталъ тамъ Вержбицкаго старымъ юнкеромъ; онъ былъ выпущенъ изъ корпуса въ юнкера на 6 лѣтъ. Въ 1853 году онъ былъ произведенъ въ прапорщики въ углицкій полкъ (той же дивизіи). Будучи хорошимъ фронтовикомъ и зная отлично службу, онъ былъ несообщителенъ и почти всегда молчалъ, впрочемъ, товарищеской компаніи не чуждался. Въмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя характеръ замѣчательно прямой и честный, всегда былъ любимъ какъ товарищами-юнкерами, такъ и офицерами. Со времени производства его въ офицеры я надолго потерялъ его изъ виду. Въ памятную ночь послѣ отступленія изъ-подъ р. Альмы съ 8 на 9 сентября, на р. Качѣ, я его мелькомъ увидѣлъ и узналъ, что изъ сраженія онъ вышелъ невредимъ. Въ концѣ ноября 1854 года я отъ своего полка — суздальскаго, Вержбицкій же — отъ углицкаго, были командированы въ Севастополь для перевозки полковыхъ обозовъ изъ города на сѣверную сторону и потомъ — для отправленія ихъ къ полкамъ, стоявшимъ верстъ за 20, именно около Чоргуна и Шула. И вотъ на сѣверномъ берегу бухты, въ Сухой балкѣ, среди неизобразимой грязи и хаоса я встрѣтился опять съ Вержбицкимъ, и тутъ мы прожили съ нимъ болѣе 2-хъ недѣль неразлучно. Въ это то самое незабвенное для насъ время я чрезвычайно сблизился съ Вержбицкимъ, который сталъ со мною вполне откровененъ. Въ одной изъ нашихъ бесѣдъ онъ разсказалъ мнѣ тотъ эпизодъ изъ своей жизни, который помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“; но только есть разница между его разсказомъ и сообщеніемъ г. Тихонравова. Вотъ что передалъ мнѣ Вержбицкій.

Помнить онъ, было ему лѣтъ 5; случился въ ихъ домѣ пожаръ; онъ и его сестра, — еще грудной ребенокъ, были забыты въ горящемъ домѣ; онъ взялъ ее на руки и вынесъ изъ дому и пошелъ съ нею куда глаза глядятъ, съ ними и только что оценившаяся любимая сука, безъ щенятъ, которыя остались на пожарѣ; пришли въ лѣсъ; тамъ въ продолженіи около недѣли онъ пропитывался разными травами, кореньями и ягодами; сестру же подкладывалъ подъ суку, которая этому нисколько не сопротивлялась, какъ потому что любила дѣтей, такъ и потому, что грудной ребенокъ оказывалъ ей существенную услугу, отсасывая молоко, котораго за немѣніемъ щенятъ некому было бы высосать; сполненіе же молока причиняло ей сильную боль. Бродя такимъ образомъ по лѣсу и нося сестру на рукахъ, они однажды, случайно, вышли на большую дорогу, по которой въ то время проѣзжалъ будто-бы государь Николай Павловичъ со свитой. Обративъ на себя вниманіе, онъ былъ подозванъ государемъ и распрошенъ. Тутъ

Вержбицкій разказавъ все; но при этомъ будто онъ забылъ свое имя, и государь давъ ему свое имя Николая, повелѣлъ опредѣлить его въ кадетскій корпусъ, а сестру—въ институтъ.

Вотъ какъ я слышала разказъ объ этомъ подвигѣ отъ его виновника. Было бы хорошо, еслибъ Вержбицкій, если онъ живъ, откликнулся на мой зовъ, въ „Русской же Старинѣ“, и разказалъ какъ было дѣло; дѣло же это такого рода, которому примѣровъ можетъ быть никогда не было и не будетъ.

Гдѣ-то ты теперь, бѣдный труженикъ, добрый товарищъ, одинъ изъ защитниковъ Севастополя?

Послѣ описаннаго нашего бѣдствования на берегу бухты я уже никогда не встрѣчался болѣе съ Вержбицкимъ.

Насколько могу припомнить, изъ Севастополя онъ вышелъ живъ и невредимъ; впрочемъ за это не ручаюсь. Въ описываемую эпоху сестра его была гувернанткою у кого-то въ Москвѣ.

Усадьба Софїевка, 1-го февраля 1872 года.

Валентинъ Новицкій.

V.

Любопытная резолюція архіепископа иркутскаго Иринея.

1830.

Ниже помѣщаемая резолюція надписана иркутскимъ архіепископомъ Иринеемъ на отношеніи игуменьи одного женскаго монастыря его епархіи. Игуменья, вопреки предписанію архипастыря, отказалась принять въ монастырь падшую дѣвицу, дочь священника, на томъ основаніи, что дѣвушка эта заподозрѣна была въ беременности. Виновникомъ ея грѣха былъ, какъ можно догадываться, одинъ изъ церковно-служителей.

Ред.

Объявить въ послѣдній разъ игуменьѣ, что ежели она станетъ учить епархіальное начальство, то будетъ лишена своего мѣста безъ всякаго замедленія и непременно (50-й пунктъ духовнаго регламента о настоятеляхъ). Ужели дѣвицы живущія въ монастырѣ не знаютъ, что есть беременность? ужели не видятъ приходящихъ на богомоліе женъ беременныхъ? ужели не знаютъ, что отъ чрева матери Богъ—есть икъ Богъ? ужели не читають: „благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего“. Кромѣ сего, бумагами отъ меня вышедшими не предписано разрѣшенія (отъ беременности) дожидать въ монастырѣ сей дѣвки, а только примѣтить, беременна-ли она, что одно время можетъ открытъ;—за симъ пойдутъ другія уже распоряженія. Наконецъ это лучше—вверя камень, должно-бы вспомнить и смириться, а не величаться. Монастырь, въ которомъ обитаетъ духъ гордости, а не духъ Христовъ—не монастырь, и игуменья, которая говоритъ языкомъ міра,

а не любви приносящей все на жертву о Господѣ—не игуменя. Есть тысячные способы помочь исполнить святую мысль епархіального начальства; есть сосѣдства, есть домъ монастырской, тутъ же есть благодѣтели, есть христіане, которые все готовы исполнить лишь-бы искоренить соблазнъ и дать восторжествовать истинѣ на свѣщницѣ церкви святыя. Примѣръ приведенный здѣсь *) о Толстикѣ—не справедливъ: тамъ тайна беззаконія, а здѣсь судъ милосердія со впадшимъ въ разбойники. Регламентъ говорить о безчестныхъ, а здѣсь честь на средѣ, честь откроетъ беззаконную причину, удалить нареканіе отъ служителя алтаря. Есть случай, когда самой законъ измѣняется: такъ, по евангелію, Давидъ вкушалъ тѣ хлѣбы, коихъ нельзя было употребить; здѣсь—та же крайность и ежели что-либо произойдетъ, то епархіальное начальство подвергнетъ всей строгости суда за неповиновеніе его предписанію; кромѣ сего сіе средство спасетъ и честь или подвергнется лишенію извѣстныхъ многихъ лицъ и кому же свойственнѣе вѣрить честь братія своей, ежели не самимъ? ужели срамоту ихъ должно отрыватъ предъ мірови? Таковы по апостолу: „нѣсть въ васъ разумѣнія“.

Сообщ. А. И. Войцеховичъ.

Примѣчаніе. Вотъ нѣсколько данныхъ изъ жизни Иркутскаго архипастыря: Иринея Несторовичъ род. около 1785 г.; по окончаніи курса въ Киевской Духовной Академіи въ 1805 г. былъ въ ней учителемъ; 1813 г.—префектъ кишиневской духовной семинаріи съ постриженіемъ въ монахи и посвященіемъ въ іеромонахи; 1817 г.—архимандритъ; 1820 г.—ректоръ кишиневской семинаріи; 31 янв. 1826 г. назначенъ епископомъ въ Пензу; 26 іюля 1830 г.—переведенъ архіепископомъ въ Иркутскъ. Въ первое же время по прибытіи въ Сибирь—у Иринея вышли столкновенія съ иркутскимъ полицій-мейстеромъ Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ (декабристъ) и также съ генералъ-губернаторомъ Лавинскимъ. 28 іюня 1831 г. состоялось высочайшее повелѣніе объ удаленіи Иринея отъ управленія епархіею, съ назначеніемъ ему содержанія по 1200 р. въ годъ и предоставленіемъ ему въ управленіе Спасо-Прилуцкаго (Вологодскаго) монастыря. Заподозривъ подлинность синодскаго указа, полученнаго имъ по сему случаю, преосвящ. Иринея отказался выѣхать изъ Иркутска, пока не получитъ подтвердительнаго печатнаго указа; вслѣдствіе такого неповиновенія были посланы въ Иркутскъ флигель-адъютантъ Гоголь и жандармскій подполковникъ Брянчаниновъ: послѣдній отвезъ его въ Вологду, съ предписаніемъ тамошнему архіерею преосвящ. Стефану Романовскому († 1841 г. дек. 4, архіепископомъ астраханскимъ) помѣстить его въ Спасо-Прилуцкій монастырь. Здѣсь онъ и оставался подъ надзоромъ вологодскаго архіерея нѣсколько лѣтъ. По нѣкоторымъ объясненіямъ Иринея и поступкамъ его въ Иркутскѣ—полагали, что въ немъ временное помраченіе умственныхъ способностей. Вслѣдствіи ему дано разрѣшеніе священнодѣйствовать и данъ въ управленіе Толгскій мон. (Ярослав. епархія), гдѣ онъ и умеръ въ 1864 г.

Ред.

*) То-есть въ донесеніи игуменя, котораго мы не имѣемъ.

Ред.

VI.

Графъ Паленъ.

Замѣчаніе г. Хмырова о гр. Паленѣ („Русск. Стар.“ изд. 1872 г. т. V, стр. 240) не совсѣмъ вѣрно.

1) Георгія 3 ст. гр. Паленъ получилъ дѣйствительно 14 апр. 1789 г., но не за шведскую войну, а за штурмъ Очакова (6 дек. 1788 г.), при которомъ отличился (см. Жизнь ген.-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. Спб. 1811 г. ч. II, стр. 39). Есть даже известный анекдотъ о рѣшимости Палена въ этотъ день: передъ приступомъ ему поручено было командованіе одною колонною; онъ долженъ былъ первый проникнуть въ Очаковъ, и какъ только взойдетъ въ городъ, дать сигналъ тремя ракетами, тогда другія колонны должны были двинуться на приступъ. Паленъ сказалъ, что исполнить это распоряженіе. Но условленный сигналъ данъ былъ имъ, какъ только онъ тронулся съ мѣста, и чрезъ это произошло общее и одновременное движеніе всѣхъ колоннъ, что и рѣшило взятіе Очакова. 2) Губернаторомъ (не генераль-губернаторомъ) Курляндскимъ назначенъ онъ не по протекціи Зубова, а потому что былъ главнымъ дѣятелемъ въ важномъ дѣлѣ присоединенія Курляндіи къ Россіи. Присоединеніе это торжественно совершилось 15-го апр. 1795 г.; за это онъ получилъ 21-го апрѣля того же года орденъ св. Александра Невскаго и богатое имѣніе Эккау, въ Курляндіи, а вслѣдъ за симъ, 2-го мая, назначенъ Курляндскимъ губернаторомъ. (См. Русскій Вѣстникъ, май 1870 г., статью: „Курляндія“). 3) Послѣ отставки въ 1797 г. назначенъ сперва (24-го ноября 1797 г.) полковымъ командиромъ конной гвардіи, въ слѣдующемъ году (31-го марта) генер. отъ-кавал., и 28-го іюля с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. 4) 1801 г. февр. 20-го назначенъ, на мѣсто Ростопчина, первоприсутствующимъ въ Коллегіи Иностран. Дѣлъ (съ сохраненіемъ всѣхъ другихъ своихъ должностей). 5) 1801 г. марта 29-го посланъ въ Ревель для принятія мѣръ противъ возможной высадки англійскаго флота; 6) 1801 г. марта 30-го назначенъ, въ числѣ другихъ лицъ, членомъ новоучрежденнаго совѣта для разсмотрѣнія важныхъ государственныхъ дѣлъ; 7) 1801 г. іюня 17-го, въ день своего рожденія (а не 1-го апрѣля) уволенъ, по прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ и отправился въ Эккау, гдѣ и умеръ 13-го февраля 1826 года.

Л.

VII.

Левшина и Саблуковъ.

Анна Ив. Левшина, рожденная княжна Львова, жена полковника Ив. Ѳомича Левшина, была матерью первой жены кн. Петр. Вас.

Допухина (стало быть бабушкою княжнѣ А. П. Гагариной, а не женою родного ея дяди, какъ замѣчено г. Хмыровымъ на стр. 255, № XXX, „Русской Старинѣ“ т. V, изд. 1872 г.). Анна Ивановна пользовалась большимъ уваженіемъ въ обществѣ. Домъ, о которомъ здѣсь говорятъ, былъ на Невскомъ проспектѣ напротивъ малой Морской. Зимой она тамъ и жила; но лѣтомъ слѣдовала за дворомъ, и постоянно имѣла помѣщеніе въ загородныхъ дворцахъ во время пребыванія въ нихъ императорской фамилии.

У Анны Ив. было всего двѣ дочери: старшая Анастасія Ив. была за Тимеязевымъ, младшая — Прасковія Ив. за княземъ П. В. Допухинымъ.

На той же страницѣ относительно Саблукова слѣдовало бы сказать, что онъ былъ отецъ Николая Александровича Саблукова, который оставилъ любознѣтныя воспоминанія объ имп. Павлѣ и который въ нихъ приводитъ на память именно этотъ указъ (см. „Русскій Архивъ“, 1869 г. столбецъ 1906).

Ал. Ал. Саблуковъ былъ сыномъ того Елисаветинскаго кофешенка, о которомъ упомянуто въ „Русской Старинѣ“ 1871, т. III, стр. 473.
д.

VIII.

II. А. Обресковъ.

Въ Русской Старинѣ, изд. 1872 г. т. V, стр. 244, въ примѣчаніи г. Хмырова, нужно сдѣлать слѣдующія поправки и дополненія:

1. Петръ Алексѣевичъ Обресковъ, о которомъ сказано, что онъ умеръ до 1840 года, умеръ именно въ 1814 году.

2. Въ Москвѣ онъ былъ сенаторомъ и управляющимъ межевою канцеляріею. Женатъ былъ только одинъ разъ, на баронессѣ Остенъ, послѣ развода ея съ первымъ мужемъ; а на княжнѣ Щербатовой (родной сестрѣ Еватерины Александровны Свербеевой) женатъ былъ, гораздо послѣ, племянникъ его Петръ Александровичъ.

3. Въ указѣ, за подписью императора Павла, значится Обресковъ, въ примѣчаніи же сказано Обрѣзковъ. Кажется, первое правильнѣе. Можетъ быть въ старину предки и назывались Обрѣзковыми, но въ позднѣйшее время и Петръ Алексѣевичъ и другіе члены той же фамилии всегда держались правописанія Обресковъ.

Сообщ. Е. С. Сербиковичъ.

IX.

Епископъ Амвросій.

Почетный лейбъ-хирургъ Д. Е. Тарасовъ рассказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ объ одномъ чудакѣ пензенскомъ архіерей („Русск.

Стар.“ над. 1872 г. т. V. стр. 356). Этотъ чудакъ былъ, какъ сообщаютъ намъ А. И. В—чъ, не кто иной, какъ извѣстный ученый Амвросій Орнатскій, (род. 1778 г.) Амвросій оставилъ, какъ нѣкоторые думаютъ при содѣйствіи знаменитаго Еженія Волховитинова, — „Исторію Россійской Іерархіи“. Этотъ обширный трудъ до сихъ поръ составляетъ необходимое подспорье во всѣхъ поискахъ въ области исторіи русской церкви *). Въ 1820 годахъ, онъ былъ архіереємъ въ Пензѣ и здѣсь оставилъ по себѣ память многими странными выходками...

Вотъ одинъ изъ передаваемыхъ о немъ анекдотовъ. Предъ пріѣздомъ въ Пензу императора Александра Павловича въ 1824 году, губернаторъ Лубяновскій и корпусный командиръ Савенъ, прислали къ нему: первый—полиціймейстера, а второй—адъютанта съ просьбой, чтобы преосвященный приказалъ своимъ служкамъ очистить отъ грязи и сора обширную площадь, лежащую предъ архіерейскимъ домомъ.

— Вашъ генералъ нѣмецъ,—сказалъ Амвросій адъютанту Савена, а потому и не знаетъ, что русскіе архіереи не занимаются чисткою улицъ и площадей; ихъ дѣло очищать души; если хочеть генералъ, чтобы я его почистилъ, пусть пришлетъ свою душу.

— Но вѣдь его величество увидитъ безобразіе на площади, замѣтитъ полиціймейстеръ.

— Прежде чѣмъ увидитъ императоръ площадь, отвѣчалъ преосвященный, предстанете предъ нимъ вы и губернаторъ, а безобразіе васъ обонкъ ничего нѣтъ въ Пензѣ...

Амвросій, пробывъ на пензенской кафедрѣ съ 9 ноября 1819 г. ровно шесть лѣтъ, зимою 1825 г. въ нагольномъ тулупѣ и шапкѣ съ ушами, съ небольшою связкою книгъ, отправился на безмолвіе въ Кирилло-Бѣлозерской монастырь, гдѣ и умеръ въ тѣсномъ, добровольномъ заключеніи. О кончинѣ его узнали только потому, что ежедневно подаваемая ему въ окно келліи просвира осталась не тронутою.

Х.

Ө. В. Булгаринъ по поводу смерти Н. В. Гоголя.

Милостивый государь Петръ Васильевичъ! Благодарю васъ за память, но не могу догадаться, что заставило васъ въ двухъ письмахъ

*) Кстати замѣтимъ, что товарищъ оберъ-прокурора св. синода Ю. В. Толстой, извѣстный нѣсколькими замѣчательными историческими монографіями, предпринялъ обширный трудъ дополненія и продолженія труда Амвросіа, главнымъ образомъ—2-й книги 1-й части; но вѣрнѣе сказать, изслѣдованіе Ю. В. Толстаго явится вполне самобытнымъ трудомъ, который на долго останется основнымъ источникомъ всѣхъ трудовъ изъ исторіи Россійской Іерархіи.

извѣщать меня о подробностяхъ кончины и похоронъ Гоголя! Безъ сомнѣнія, занятые вашими хронологическими, археологическими изысканіями и юриспруденціей, вы никогда не читали ни благовоинныхъ сказокъ Гоголя, которыя онъ самъ справедливо характеризовалъ въ своемъ сочиненіи Переписка съ друзьями, ни мнѣній о Гоголѣ „Сѣверной Пчелы“, которая, не зная о его смерти, еще 23 февраля повторила это мнѣніе, при представившемся въ тому случаѣ. Если Гоголь для васъ и для редактора московскихъ полицейскихъ вѣдомостей кажется знаменитымъ писателемъ, то онъ вовсе не такимъ кажется мнѣ и Н. И. Гречу. Сравнивать Гоголя съ Карамзинимъ—и грѣхъ и смѣхъ! Никто не нанесъ пагубнѣйшаго удара чистотѣ, правильности русскаго языка и изящному вкусу, какъ Гоголь. Партія натуральной школы возвеличила его, а почести, оказанныя ему въ Москвѣ, не дѣлаютъ чести ея литературному вкусу. Вѣдь въ Москвѣ и состарѣвшіеся Фанни Эльсеръ возили на себѣ, по дорогѣ устланной коврами! Москва любитъ благовоинить кому попало! Узнавъ о смерти Гоголя—я перекрестился и сотворилъ молитву, какъ по каждомъ христіанинѣ. Лавровые листья, которые вы мнѣ прислали съ его гроба—не расцвѣтутъ въ потомствѣ, всегда справедливомъ. Отъ другаго и принялъ бы посылку этихъ лавровъ—за насмѣшку, но отъ васъ получилъ съ улыбкою, будучи увѣренъ что вы не читали воѣвки Гоголя и мнѣній „Пчелы“. Изъ вашихъ писемъ не сдѣлаю никакого употребленія и злоупотребленія, а за симъ честь имѣю быть съ истиннымъ уваженіемъ и преданностію вашимъ покорнымъ слугою

С.-Петербургъ, 28 февраля 1852 г.

Ө. Вулгаринъ.

Примѣчаніе. Приведенное письмо писано Булгаринимъ къ извѣстному ученому Петру Васильевичу Хавскому, и служить довольно характеристическимъ выраженіемъ взглядовъ многочисленной въ свое время партіи противниковъ и натуральной школы въ русской литературѣ. Ө. В. Булгаринъ былъ однимъ изъ вождей этой партіи. Подлинникъ письма принадлежитъ Павлу Васильевичу Щапову, который весьма обязательно и сообщилъ его «Русской Старинѣ».

Ред.

Поправка: Надпись на гробницѣ Гоголя: «горькимъ словомъ мнѣ посмѣюся» взята не у Еврема Сирина (см. «Русск. Стар.» изд. 1872 г. т. V, стр. 128), а у пророка Іереміа, глав. 8, ст. 20.

РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ.

«Христіанскія Древности и Археологія», и «Русскія Древности», Спб. 1871 г.
12-ть тетрадей съ рисунками, изданія В. А. Прохорова.

Превосходныя, добросовѣстныя и обширныя, продолжающіяся въ теченіе многихъ лѣтъ, изданія нашего достопочтеннаго археолога В. А. Прохорова вызываютъ необходимость обратить на нихъ вниманіе читателей „Русской Старины“.

Программа „Христіанскихъ Древностей и Археологіи“ слѣдующая: I. Памятники христіанской архитектуры на Востокѣ и Западѣ и, преимущественно, у насъ въ Россіи. II. Иконопись и скульптура (1. стѣнная церковная иконопись, фрески, и правила или порядоки при расписываніи древнихъ церквей; свѣдѣнія о томъ, гдѣ, въ какой степени сохранились древнія фрески, съ приложеніемъ отчетливыхъ рисунковъ; 2. иконы, писанныя и рѣзныя на деревѣ и слоновои кости, мозаичныя, финифтяныя, шитыя, литыя и проч.; характеръ иконнаго писанія восточный, греческій и западный; иконопись русская, сравненіе ея съ греческой и періоды ея видоизмѣненій; 3. рукописи, книги византійскія, русскія и др. и находящіяся въ нихъ миниатюры, разныя художественныя украшенія—заставки, буквы, вязи, почерки, письма различныхъ вѣковъ и т. п.). III. Церковная утварь, священнослужительскія одежды, періоды видоизмѣненія ихъ въ разныхъ вѣкахъ и значеніе ихъ въ обрядахъ богослуженія. IV. Критическій разборъ изданій о христіанскихъ древностяхъ; разработка признаковъ, служащихъ для опредѣленія къ какому времени можно отнести рассматриваемыя древности; источники, разъясняющія историческія событія христіанской церкви и замѣчательныя личности; отношеніе религіи къ общественной и частной жизни.

Программа „Русскихъ Древностей“ — короче: это изданіе заключаетъ въ себѣ текстъ и рисунки, относящіеся ко всѣмъ отраслямъ русскаго искусства, разъясняющимъ историческія событія и народный

быть во всѣхъ отношеніяхъ: военномъ, гражданскомъ и домашнемъ, а также русскія одежды въ разныхъ періодахъ.

Каждый мѣсяцъ выходитъ одна тетрадь, къ которой прилагается около десяти рисунковъ древностей (гравюры, литографіи, очерки, фотолитографіи и литохромія *), т.-е. хромолитографія съ золотомъ).

Въ шести тетрадяхъ „Христіанскихъ Древностей“ за прошлый годъ помѣщены два изслѣдованія, съ относящимися къ нимъ рисунками и чертежами.

Первое изслѣдованіе касается стѣнной иконописи (фресокъ), оставшейся еще отъ времени XII вѣка въ Старо-Ладожской Юрьевской церкви, въ древней крѣпости, будто-бы Рюриковской. Эта крѣпость расположена по лѣвому берегу Волхова, при впаденіи рѣчки Ладожки, гдѣ образуется довольно возвышенный мысъ; внутренность крѣпости имѣетъ въ длину околу 62 сажень, а въ ширину почти половину; форма ея — утѣль. Стѣны построены изъ большихъ булыжниковъ и плитняка съ дубовыми связями, которыя еще и теперь видѣются по угламъ, въ полуразвалившихся круглыхъ башняхъ, съ узкими продолговатыми отверстіями для метанія стрѣлъ. Подъ стѣнами идутъ тайники, обложенные плитнякомъ съ полукруглыми сводами. Въ настоящее время проникнуть въ эти тайники почти невозможно, такъ какъ входы въ нихъ значительно завалились отъ опавшаго со стѣнъ булыжника, плитняка и разнаго мусора. Одинъ ладожскій старикъ говорилъ В. А. Прохорову, что въ ранней его молодости, когда еще эти входы не были такъ завалены, какъ теперь, хотя огъ и проходилъ съ трудомъ въ тайники съ юговосточной башни, но сдѣлавши нѣсколько сажень, не могъ далѣе идти потому, что встрѣтилъ желѣзную запертую дверь. Въ этой-то крѣпости, заросшей и давно опустѣлой, находятся двѣ церкви: одна каменная во имя св. Георгія, а другая деревянная, во имя св. великомученика Дмитрія. Церкви эти, со времени своего построенія перенесли много пережбнъ, поврежденій и поправленій; эти послѣднія, т.-е. поправленія, изуродовали ихъ варварски; вмѣсто древнихъ узкихъ и длинныхъ оконъ, находившихся весьма высоко отъ фундамента, вы встрѣтите окна, болѣе широкія, пробитыя гораздо ниже, причемъ иногда прежнія окна задѣлывались кирпичемъ — это уже общая участь, которой подверглись почти всѣ древнія церкви отъ тѣхъ новѣйшихъ исправленій и пристроекъ, кото-

*) Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 тетрадей, 12 р., съ перес. 14 руб. Подписка принимается въ Петербургѣ у Базунова, въ Москвѣ у Соловьева. Иногородные посылаютъ свои требованія на имя редактора, Василія Александровича Прохорова, въ Петербургъ, Васильевскій Островъ, въ Андреевскомъ рынкѣ, № 25.

рия нисколько не вяжутся съ стилемъ древнимъ! Но, несмотря на все это, важный интересъ для русскихъ археологовъ представляютъ остатки отъ стѣнной живописи или фресокъ, восходящія къ началу XII вѣка и составляющіе драгоцѣнный матеріалъ для исторіи древнерусскаго искусства. По своей неспорченности, эти остатки стѣнной живописи въ Старо-Ладожской Юрьевской церкви могутъ быть названы первыми фресками въ Россіи. Судьба этихъ фресокъ была плачевна: сначала онѣ таились подъ нѣсколькими слоями штукатурки, которые при новгородскомъ митрополитѣ Гавріилѣ (около 1780 года) были отволочены. По отбитіи перваго слоя штукатурки показался второй, росписанный красками; по отдѣленіи же второй штукатурки, объявилась третья, весьма тонкая, на которой, кромѣ фресокъ, оказались вырѣзанныя, скорѣе — выцарапанныя надгробныя надписи безъ годовъ. Надписи эти и многія изъ фресокъ существовали до 1849 года; но въ этомъ году, во время исправленія церкви, онѣ погибли самымъ варварскимъ образомъ: топоры и ломы разбили эту драгоцѣнность и свалили ее, какъ негодный мусоръ, въ одну изъ полуразвалившихся крѣпостныхъ башенъ. По счастливому случаю, въ одномъ только куполѣ остались фрески нетронутыми; хотя нѣкоторыя изъ нихъ и подернулись землею плѣсенью, но почтенный нашъ археологъ и знатокъ В. А. Прохоровъ очистилъ ихъ съ большимъ тщаніемъ отъ плѣсени и снялъ сначала на прозрачной бумагѣ, а потомъ сдѣлалъ рисунки красками совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ въ настоящее время находятся: несмотря на свою семисотлѣтнюю давность, нѣкоторыя изъ нихъ такъ свѣжи, какъ будто недавно написаны. Въ куполѣ Старо-Ладожской Юрьевской церкви изображено Вознесеніе: Спаситель представленъ сидящимъ на радугѣ; восемь ангеловъ поддерживаютъ кругъ, ниже ихъ стоятъ двѣнадцать апостоловъ между пальмовыми деревьями; съ ними Божія Матерь съ поднятыми къверху руками, а подлѣ нея два ангела. Быть можетъ, нѣкоторые замѣтятъ, что Кіево-Софійскія фрески старше ладожскихъ и потому важнѣе; но на это предположеніе В. А. Прохоровъ отвѣчаетъ, что хотя Кіево-Софійскія фрески и древнѣе ладожскихъ, но, къ сожалѣнію, онѣ, по ихъ открытіи, были исправлены, а инныя вовсе переписаны; и такимъ образомъ онѣ утратили свое археологическое значеніе, вслѣдствіе чего ладожскія фрески должны считаться важнѣйшимъ неспорченнымъ памятникомъ древне-русскаго искусства. Для читателей „Русской Старины“, любопытствующихъ узнать, въ чемъ состояла фресковая стѣнная живопись, приведемъ слѣдующее объясненіе В. А. Прохорова: „Этотъ способъ росписыванія стѣнъ состоялъ въ томъ, что водяными красками писали по сырой известковой штукатуркѣ. Настоящій тонъ красокъ

обнаруживался только послѣ того, какъ живопись высыхала; при этомъ нужна была большая практика, чтобы подобрать настоящій тонъ въ гармоніи съ общими тонами, потому что въ самое время росписыванія на сырой извести краски показываются не въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ являются тогда уже, когда высохнутъ; обыкновенно при этомъ фресковые иконописцы пробуютъ свои краски на сухомъ кускѣ муміи, на которой она тотчасъ же высыхаетъ и обнаруживаетъ настоящій цвѣтъ. Фресковое письмо красками дѣлается сразу: повтореніе письма по одному и тому же мѣсту, а равно исправленія неудобны. Послѣ написанія, когда известъ высыхаетъ, краски покрываются легкою известковою глазурью и дѣлаются до того прочными, что могутъ существовать цѣлыя тысячелѣтія. Очертаніе рисунка при фресковомъ письмѣ производилось также, какъ и въ иконописи, на доскахъ или цѣлахъ; сначала обыкновенно процарапывали по грунту иглою рисунокъ, а потомъ по этому рисунку писали красками; процарапанный рисунокъ, при обзорѣнн древнихъ фресокъ, рѣзко бросается въ глаза". Въ числѣ рисунковъ и чертежей, приложенныхъ къ изслѣдованію В. А. Прохорова о старолadoжскихъ фрескахъ, обращаютъ на себя вниманія два, тщательно составленныхъ, плана — Старой Ладogi и крѣпости, два вида крѣпости — съ сѣверной и западной стороны, два вида башенъ — юго-восточной и западной, и видъ церкви св. Георгія, переносящій воображеніе читателя въ отдаленную, глубокую, сѣдую старину.

Другое изслѣдованіе, помѣщенное въ „Христіанскихъ Древностяхъ“, касается памятниковъ византійскаго церковнаго зодчества въ Фессалоникѣ или Солуни. Солунь вдвойнѣ замѣчательна: какъ собраніе памятниковъ византійскаго архитектурнаго искусства, дошедшаго здѣсь до своего апогея, и какъ колыбель нашего славяно-русскаго образованія, гдѣ родились и жили незабвенные просвѣтители славянскаго племени — Кириллъ и Меѳодій, давшіе намъ письма. Къ этой статьѣ В. А. Прохоровъ приложилъ весьма любопытные рисунки, изъ которыхъ — болѣе замѣчательный, представляющій полъ, устланный мраморною мозаикою съ разными изображеніями.

Что касается „Русскихъ Древностей“, то всѣ ихъ тетради за прошлый годъ посвящены матеріаламъ для исторіи русскихъ одеждъ, начиная съ періода предъисторическаго и кончая XV вѣкомъ. Въ этомъ трудѣ почтенный В. А. Прохоровъ не излагаетъ исторію предмета, а только представляетъ наглядные образчики древнихъ русскнхъ одеждъ; потому цѣль этого труда — издать, насколько возможно въ порядкѣ, всѣ тѣ изображенія, которыя могутъ дать понятіе о томъ, какъ одѣвались и наряжались наши предки. В. А. Прохоровъ,

для большаго уясненія предмета, начинается не только что съ другихъ славянъ, одежды и уборы которыхъ представляютъ замѣчательное сходство или подобіе съ русскими, но даже и съ Скѣновъ, если только въ ихъ памятникахъ встрѣчается сходство съ русскими и славянскими признаками. Весьма цѣнный матеріалъ для исторіи русскихъ представляетъ многозвѣстный Святославовъ сборникъ 1073 г., хранящійся въ московской синодальной библіотекѣ. Къ этому сборнику приложенъ рисунокъ, изображающій семейство великаго князя Святослава Ярославича; надъ головою у каждаго члена семейства надпись: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ, Ярославъ, Княгиня, Святославъ. Князь Святославъ изображенъ въ шапкѣ съ поднятыми наушниками въ родѣ треуха; нижнее синяго цвѣта платье окаймлено по подолу красною каймой, рукава съ золотыми поручами; сверхъ нижняго платья, надѣта корзна (плащъ), тоже синяя, съ золотою каймой по окрانیѣ; на правомъ плечѣ красная застежка, а отъ нея въ обѣ стороны золотыя лопости; у князя въ рукахъ книга, вѣроятно тотъ сборникъ, въ которомъ помѣщается этотъ рисунокъ; на ногахъ синіе сапоги. Рядомъ съ княземъ княгиня: ея верхняя одежда краснаго цвѣта, съ широкими рукавами, вздернутыми при сгибѣ руки, подпоясана золотымъ поясомъ; одежда на шеѣ и груди окаймлена широкимъ ожерельемъ (въ родѣ бармъ), украшеннымъ драгоценными камнями; по подолу — кайма; внизу, изъ-подъ верхняго платья, виднѣтъ подолъ нижняго, болѣе длиннаго, также краснаго цвѣта; узкіе рукава его съ золотыми поручами видны изъ-подъ широкихъ рукавовъ верхней одежды; голова княгини покрыта платкомъ, концы котораго спадаютъ на плечи.

Очень любопытны снимки съ фресковъ Кіево-Софійскаго собора XI вѣка (см. II-ю тетр.); изображенія кн. Ярослава Владимировича Новгородскаго—XII вѣка; фрески XII вѣка въ церкви Спаса въ Передичахъ близъ Новгорода и XIV вѣка изъ другихъ церквей; заставки и заглавныя буквы изъ рукописей XIII и XIV вѣковъ; превосходные рисунки, росписанные золотомъ и красками, изъ Славянской псалтыри конца XIII вѣка, и изъ Житія св. Бориса и Глѣба, рукопись XIV вѣка; въ послѣдней тетради большое собраніе снимковъ съ рисунковъ изъ дѣтописи Нестора разныхъ списковъ XV вѣка и начала XVI вѣка и пр.

Вотъ—въ немногихъ словахъ—содержаніе превосходныхъ изданій В. А. Прохорова. Къ этому нужно прибавить: форматъ изданій—академическая четверка, бумага—весьма плотная, гласированная, красивая обертка, шрифтъ—четкій, внятный, украшенный бордюрною линіей съ углами, многіе рисунки разцвѣчены красками и золотомъ,

литографія, принадлежащая В. А. Прохорову, замѣчательно хороша и тщательна, особенно въ литохроміяхъ.

Если нельзя ни пожелать нѣкоторыхъ улучшеній относительно текста статей (желательно, напр., чтобы онѣ составлялись не однимъ только уважаемымъ издателемъ, но и прочими археологами и имѣли бы не только характеръ объясненія рисунковъ, но и значеніе научное, причемъ и глубже исчерпывали-бы предметъ), за то тщательность отдѣлки рисунковъ, роскошь красокъ—изобличаютъ въ В. А. Прохоровѣ не только мастера своего дѣла, но художника страстно любящаго свой предметъ. При этомъ нельзя не отмѣтить главнѣйшаго достоинства „Христіанскихъ“ и „Русскихъ древностей“, это вѣрность снимковъ, достоинство чрезвычайно важное!

Столь безукоризненное, роскошное и дешевое изданіе имѣло-бы за границей тысячи подписчиковъ — у насъ же, на святой Руси, для изданія, главнымъ образомъ посвященнаго церковной старинѣ, ихъ съ трудомъ насчитывается двѣсти челоуѣкъ!!

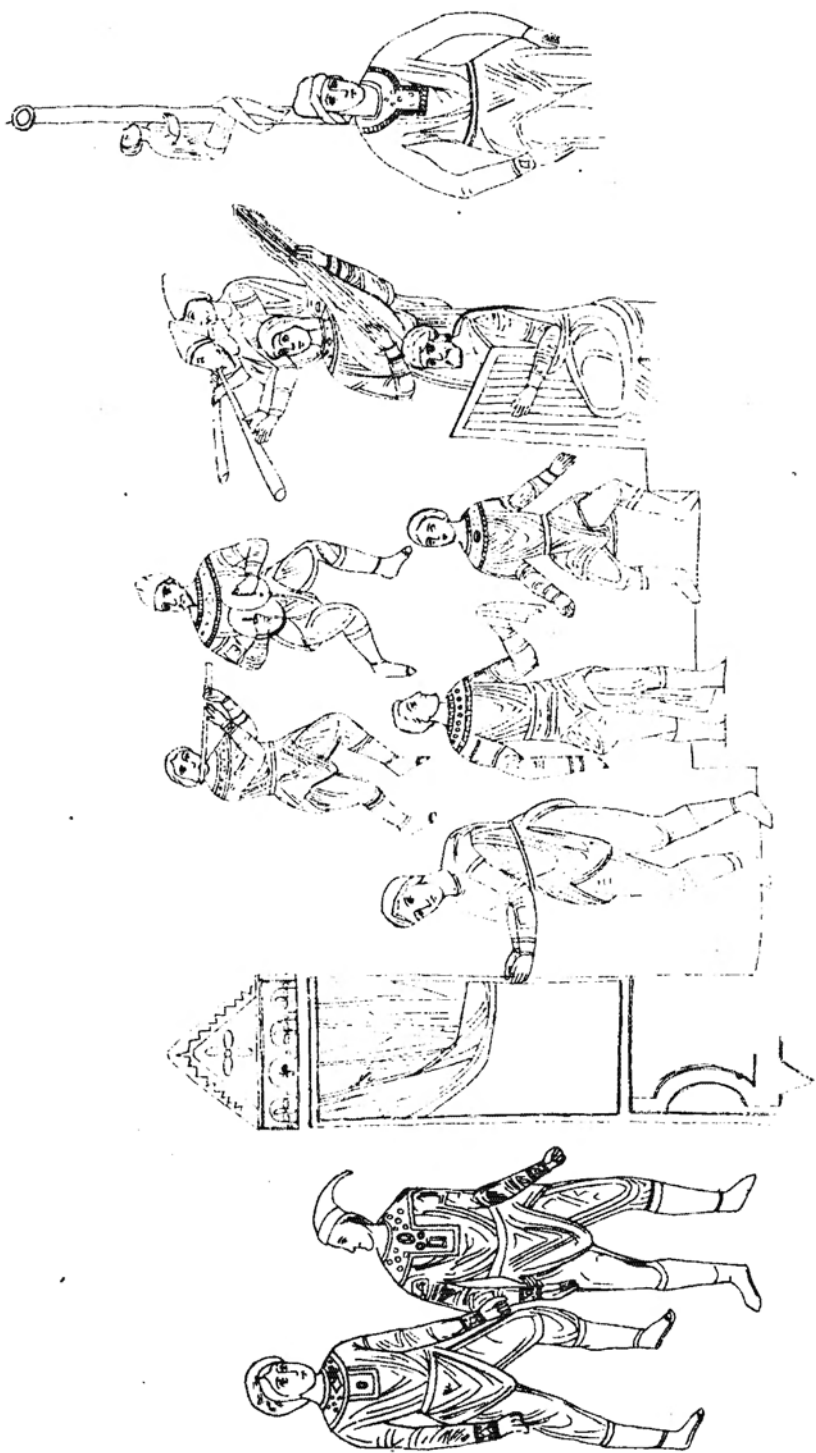
Несмотря на милостивую поддержку Государя Императора и членовъ августѣйшаго семейства, г. Прохоровъ въ постоянномъ и притомъ значительномъ убыткѣ отъ своего изданія.

Приглашаемъ читателей „Русской Старины“ выписывать вышедшія уже 12-ть тетрадей „Христіанскихъ и русскихъ древностей“ г. Прохорова за 1871 г. Деньги 12-ть рублей, съ добавленіемъ 2-хъ рублей за пересылку могутъ быть высылаемы либо на имя г. Прохорова (по указанному выше адресу), либо въ редакцію „Русской Старины“. Мы передадимъ эти деньги по принадлежности и озаботимся о немедленной отправкѣ выписанныхъ экземпляровъ.

Для нагляднаго ознакомленія читателей „Русской Старины“ съ рисунками г. Прохорова, прилагаемъ при настоящей книгѣ изъ 2-й тетради его изданія два снимка, исполненныхъ въ его литографіи. Это фрески на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора XI вѣка, изображающія музыкантовъ, плясуну и княжескую охоту при сыновьяхъ и внукахъ Владиміра Святого.

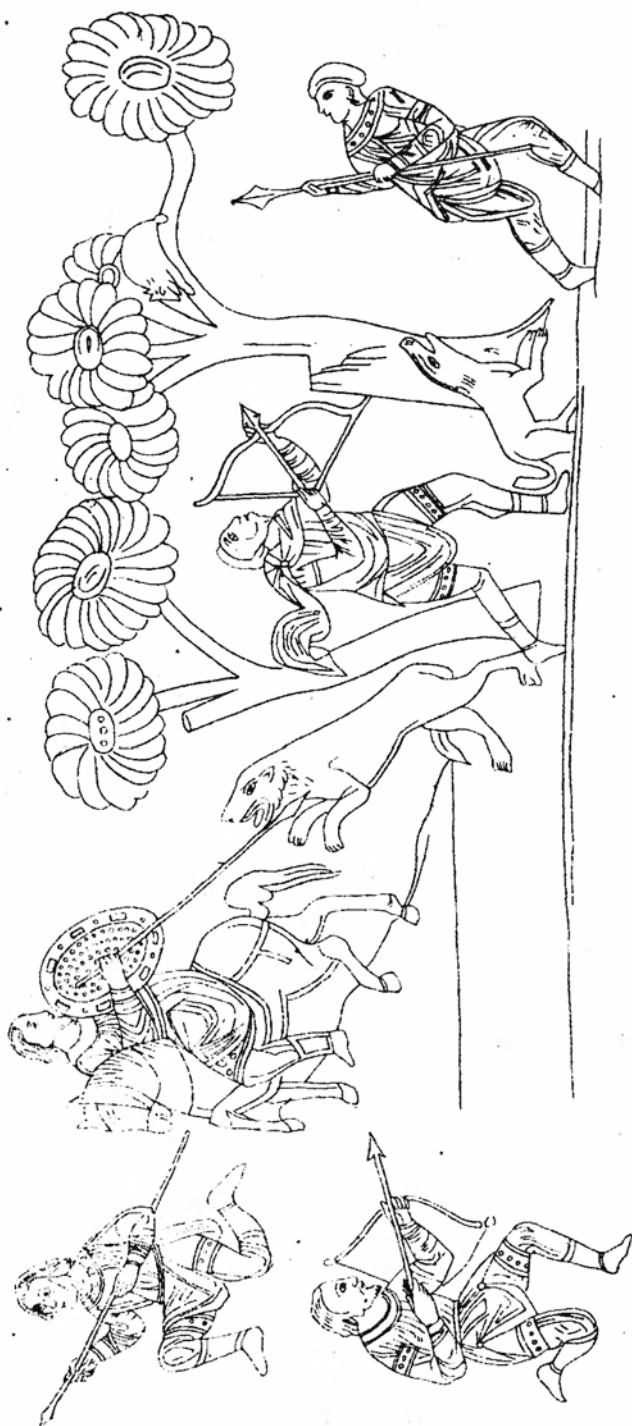
Ред.

Фрески на львстаниці Кієво-софійського собору ХІв.

МУЗЫКАНТЫ И ПЛЯСУНЬ.

Фрески на льбстницѣ Кієво-софінскаго собора Хк.

КНИЖЕСКАЯ ОХОТА.

ТРОФИМЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РЯБИНИНЪ,

пѣвецъ былинъ.

Лица, интересующіяся остатками древняго русскаго эпоса, которые еще хранятся въ народной памяти въ глуши нашего Сѣвера, съ живымъ сочувствіемъ отнеслись къ мысли отдѣленія этнографіи Русскаго Географическаго Общества—пригласить сюда одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей этого отживающаго міра эпической поэзіи, крестьянина Олонецкой губерніи Рябинина. Давно не видали въ залахъ Географическаго Общества такого многочисленнаго собранія, какъ то, которое посвящено было отдѣленіемъ этнографіи слушанію его былинъ и которое почтилъ своимъ присутствіемъ предсѣдатель Общества, его императорское высочество великій князь Константинъ Николаевичъ. Отдѣленіе присудило Рябинину серебряную медаль,—едва-ли ни первую такого рода награду, которую наше Географическое Общество даетъ русскому крестьянину, а августѣйшій предсѣдатель Общества удостоилъ его подарка, какъ нельзя болѣе удачно выбраннаго для рапсода, воспѣвающаго княженецкіе пиры солнышка-Владимира—его высочество пожаловалъ ему серебряную чарку въ древнемъ русскомъ стилѣ.

Желая сохранить на страницахъ „Русской Старины“ изображение человека, которому мы обязаны многими изъ наиболѣе замѣчательныхъ былинъ русскихъ, редакція обратилась къ художнику Н. Ф. Доссу съ просьбою снять съ Рябинина фотографическій портретъ, который здѣсь и помѣщается, мастерски воспроизведенный граверомъ его императорскаго величества, академикомъ Л. А. Сѣряковичемъ. Выстъ съ тѣмъ, мы просили А. Ф. Гильфердинга, познакомившагося съ Рябининимъ на мѣстѣ и пригласившаго его сюда по порученію Географическаго Общества, сообщить біографическія о немъ свѣдѣнія и нѣкоторые неизданные еще варианты былинъ, записанные съ его словъ. Мы получили отъ г. Гильфердинга слѣдующія данныя

о^н Рябининъ и три его былины, которыя здѣсь печатаются въ первый разъ *).

Ред.

Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ, крестьянинъ дер. Серѣдки Кижской волости, въ заонежской части Петрозаводскаго уѣзда, 78 лѣтъ отъ роду. Родился въ дер. Гарницы сосѣдняго съ Кижскимъ Сѣногубскаго погоста. Его отецъ былъ взятъ въ милицію во время шведской войны (должно быть при Екатеринѣ), когда онъ былъ еще малымъ ребенкомъ. Черезъ годъ послѣ ухода отца на службу мать умерла, отецъ былъ убитъ на войнѣ. Молодого Трофима Григорьева воспиталъ „православный миръ“. Когда подросъ, онъ, чтобы не просить милостыни и не быть въ тягость чужимъ людямъ, сталъ ходить по окрестнымъ деревнямъ чинить сѣти, ловушки и другія рыболовныя снасти. При этомъ ему случалось работать подолгу вмѣстѣ съ Ильею Елустафьевымъ, бѣднымъ старикомъ съ Волкострова, дер. Шляминской, который, „откачнувшись“ отъ своего сына, ходилъ тоже по волостямъ и пропитывался тѣмъ, что „ладилъ“ (т.-е. мастерилъ) и чинилъ всякаго рода сѣти для рыбной ловли. Этотъ Илья Елустафьевъ (умершій тому назадъ лѣтъ 40, девяносто лѣтъ отъ роду) зналъ очень много былинь и пѣвалъ ихъ за работой, и Рябининъ многое отъ него „понялъ“. Между прочимъ, отъ него онъ научился двумъ печатаемымъ здѣсь былинамъ про Илью и Калина царя и Молодца и кудую жену. Въ 1812 году онъ поступилъ въ работники въ домъ своего дяди Игнатія Иванова Андреевича (въ дер. Гарницы), который, по словамъ его, былъ самымъ лучшимъ пѣвцомъ былинь во всемъ ихъ краѣ и превосходилъ даже Елустафьева. Тутъ же жилъ и зять Игнатія Иванова, Василій Сафроновъ Сарафановъ, тоже мастеръ пѣть былины (то былъ отецъ нынѣшняго сказителя Сарафанова, со словъ котораго записано нѣсколько былинь г. Рыбниковымъ). Отъ Игнатія Иванова Рябининъ „понялъ“ наибольшую часть своихъ былинь, именно про Вольгу, Илью и Соловья-разбойника, Илью, узнающаго свою дочь,

*) См. также въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г. т. IV, стр. 451 статью г. Гильфердинга: «Пѣвецъ былинь въ Петербургской губерніи», тамъ помѣщены четыре былины (стр. 451—459). Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы сообщить извѣстіе объ обширномъ сборникѣ былинь лично собранныхъ на дальнемъ Сѣверѣ Россіи и тамъ же съ голоса пѣвцовъ записанныхъ—г. Гильфердингомъ, предсѣдателемъ Этнографическаго отдѣленія Русскаго Географическаго Общества: сборникъ этотъ нынѣ печатается издѣвиемъ его собирателя, въ 6. 8-ю долю, въ два столбца и составитъ до тысячи страницъ мелкой, четкой и убористой печати. Мы имѣли случай познакомиться съ этимъ трудомъ и положительно убѣждены, что онъ составитъ весьма капитальное пріобрѣтеніе въ нашей литературѣ памятниковъ народнаго творчества. Ред.

Дуная, Пѣтыва, Королевичей изъ Крякова и Скопина. Былины про Добрыню въ борьбѣ со змѣемъ и про Добрыню въ отъѣздѣ съ Василиемъ Казимировымъ онъ узналъ еще ранѣе того, отъ крестьянина Ивана Агапитова Завьялова въ Гарницахъ, котораго слышалъ въ дѣтствѣ (Завьяловъ, по словамъ Рабинина, умеръ почти 70 лѣтъ тому назадъ); про Дюка онъ научился отъ старика Ивана Кокойкина, жившаго до 100 годовъ; про Ивана Годиновича отъ крестьянина Федора Трепалина изъ дер. Мигуровъ: у обоихъ послѣднихъ (Кокойкина и Трепалина) ему случалось по временамъ бывать въ работникахъ. 24-хъ лѣтъ отъ роду Рабининъ женился и перешелъ въ домъ тестя въ дер. Серѣдка, гдѣ съ тѣхъ поръ живетъ на крестьянствѣ. Но кромѣ хлѣбопашества, главное его занятіе составляла рыбная ловля. Не ограничиваясь промысломъ около дома, онъ разъ 40 на своемъ вѣку ходилъ съ другими крестьянами изъ Заонежья на ловлю въ Ладожское озеро; бывалъ раза два въ Петербургѣ, но на самое короткое время, только для сбыта рыбы. Онъ считается весьма исправнымъ домохозяиномъ, хотя не изъ самыхъ зажиточныхъ. Изъ четырехъ его сыновей, двое были взяты въ солдаты и умерли на службѣ; двое живутъ при отцѣ и отчасти переняли отъ него умѣнье пѣть былины. Рабининъ извѣстенъ былъ г. Рыбникову, который записалъ съ его словъ 23 былины (считая въ томъ числѣ отрывки). Въ настоящее время онъ всѣхъ не могъ уже вспомнить. Всѣ здѣсь помѣщаемыя былины записаны у него „съ голоса“, т.-е. въ томъ видѣ, какъ онѣ передаются при нагнѣвѣ, а не при пересказѣ словами. Пребываніе Рабинина въ Петербургѣ дало случай вновь повѣрить прежнюю запись.

А. Э. Гильфердингъ.

I.

Илъя Муромецъ и Калинъ-царь.

Какъ Владиміръ князь да стольнѣ-Кіевской
 Порозгнѣвался на стараго казѣка Илъю Муромца,
 Засадилъ его во погребѣ во глубокіи,
 Во глубокой погребѣ во холодни,
 Да на три-то гѣду поры времени.
 А у славнаго у князя у Владиміра
 Была дочь да одинакая,
 Ова видить: это дѣло есть немалое,
 А что посадилъ Владиміръ князь да стольнѣ-Кіевской
 Стараго казѣка Илъю Муромца
 Въ тотъ во погребѣ во холодни.
 А онъ могъ бы постоять одинъ за вѣру за отечество,
 Могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
 Могъ бы постоять одинъ за церквы за соборныи,

Могъ бы поберечь онъ князя да Владимира,
 Могъ бы поберечь Опраксу королевичну.
 Приказала сдѣлать да ключи поддѣльные,
 Положила-то людей да нотаенныхъ,
 Приказала-то на погребъ на холодный
 Да снести перья да подушечки пуховыи,
 Одѣяда приказала свѣсти теплыи,
 Ена ѣствушку поставить да хорошую
 И одежду смѣнять съ нова-на-ново
 Тому старому казаку Ильѣ Муромцу;
 А Владимиръ князь про то не вѣдасть.
 И воспылалъ-то тутъ собака Калинъ-царь на Кіевъ градъ
 И хотѣтъ ѣнъ разорить да стольній Кіевъ градъ,
 Чернедь-мужичковъ онъ всѣхъ повырубить,
 Вожи церкви всѣ на дымъ спустить,
 Князю-то Владимиру да голова срубить
 Да со той Опраксою королевичной.
 Посылаеть-то собака Калинъ-царь посланника,
 А посланника во стольній Кіевъ градъ
 И даеть ему ѣнъ грамоту посмыльную
 И посланнику-то онъ наказываеъ:
 «Какъ поѣдешъ ты во стольній Кіевъ градъ,
 «Будешъ ты посланникъ въ стольнеймъ во Кіевѣ,
 «Да у славнаго у князя у Владимира,
 «Будешъ на него на широкѣмъ дворѣ,
 «И сойдешъ какъ тутъ ты со добра коня,
 «Да ѣ спущай коня ты на посмыной дворѣ,
 «Самъ поди-тѣ во полату бѣлокаменну,
 «Да пройдеши полатой бѣлокаменной,
 «Да ѣ войдеши въ его столовую во горенку,
 «На пятѣ ты дверь да поразмахвай,
 «Не снимай-ко кивера съ головушки,
 «Подходи-ко ты ко столу въ дубовому,
 «Становись-ко супротивъ князя Владимира,
 «Полагай-ко грамоту на зѣлотъ стѣлѣ,
 «Говори-тѣо князю ты Владимиру:
 ««Ты Владимиръ князь да стольне-Кіевской,
 ««Ты бери-тѣо грамоту посмыльную
 ««Да смотри, что въ грамотѣ написано,
 ««Да гледи, что въ грамотѣ да напечатано:
 ««Очищай-ко ты всѣ улочки стрѣлцкіи,
 ««Всѣ великіе дворы да княженецкіи
 ««По всему-то городу по Кіеву,
 ««А по всѣмъ по улицамъ широкімъ
 ««Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкімъ
 ««Наставь сладкіихъ хмѣльныхъ наниточекъ,
 ««Чтобъ стояли бочка о бочку близко-пѣ-близку,
 ««Чтобы было ѣ чего стоять собацѣ царю-Калину
 ««Со своими-то войскамы со великими
 ««Во твоёмъ во городѣ во Кіевѣ»».

То Владимиръ князь да стольне-Кіевской
 Бралъ-то книгу онъ посылную
 Да и грамоту ту распечатывалъ
 И смотрѣлъ, что въ грамотѣ написано,
 И смотрѣлъ, что въ грамотѣ да напечатано:
 А что велѣно очистить улицы стрѣлецкіи
 И большіе двѣры княжевецкіи,
 Да наставить сладкіихъ хмѣльныхъ напиткичѣхъ
 А по всѣмъ по улицамъ широкимъ,
 Да по всѣмъ-то переулкамъ княжевецкіимъ.
 Тутъ Владимиръ князь да стольне-Кіевской
 Видитъ: есть это дѣло немалое,
 А немаю дѣло-то, великое,
 А садился-то Владимиръ князь да на черленый стулъ,
 Да писалъ-то вѣдь онъ грамоту повинную:
 — Ай же ты собака да и Калинь-царь,
 — Дай-ко мнѣ ты поры времечки на три году,
 — На три году дай и на три мѣсяца,
 — На три мѣсяца, да еще на три дня,
 — Мнѣ очистить улицы стрѣлецкіи,
 — Всѣ великіе двѣры да княжевецкіи,
 — Наурить мнѣ сладкіихъ хмѣльныхъ напиткичѣхъ
 — Да й наставить по всему-то городу по Кіеву,
 — Да й по всѣмъ во улицамъ широкимъ,
 — По всемъ славнымъ переулкамъ княжевецкіимъ.
 Отсылаетъ эту грамоту повинную,
 Отсылаетъ ко собакѣ царю-Калину.
 А й собака тотъ да Калинь-царь
 Далъ ему онъ поры времечки на три году,
 На три году далъ и на три мѣсяца,
 На три мѣсяца, да еще на три дня.
 Еще день за день вѣдь какъ и дождь дождитъ,
 А недѣли за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ;
 Прѣшло поры времечки да три году,
 А три году да три мѣсяца,
 А три мѣсяца и еще три-то дня,—
 Тутъ подѣхалъ вѣдь собака Калинь-царь;
 Онъ подѣхалъ вѣдь подъ Кіевъ градъ
 Со своими со войсками со великими.
 Тутъ Владимиръ князь да стольне-Кіевской
 Онъ по горенки да сталъ похаживать,
 Съ ясныхъ очушокъ онъ ронитъ слѣзы вѣдь горячіи,
 Шелковымъ платвомъ князь утирается,
 Говоритъ Владимиръ князь да таковы слова:
 «Нѣтъ живѣ-то стараго казѣна Ильи Муромца,
 «Некому стоять теперь за вѣру за отечество,
 «Некому стоять за церкви вѣдь за Божіи,
 «Некому стоять-то вѣдь за Кіевъ градъ,
 «Да вѣдь некому оберечь князя Владимира

«Да и той Опраксы королевичной!»
 Говорить ему любима дочь да таковы слова:
 — Ай ты батюшко, Владимиръ князь нашъ стольнѣ-Кіевской!
 — Вѣдь есть живѣ-то старья казакъ да Илья Муромецъ,
 — Вѣдь онъ живѣ на погребѣ холодномъ.
 Тутъ Владимиръ князь-отъ стольнѣ-Кіевской
 Онъ скорешенько беретъ да золоты ключи
 Да идетъ на погребъ на холодныи,
 Отмыкаетъ онъ скоренько погребъ да холодныи,
 Да подходитъ ко рѣшоткамъ ко желѣзнымимъ,
 Ростворилъ-то онъ рѣшотки да желѣзныи.
 Да тамъ старья казакъ да Илья Муромецъ
 Онъ во погребѣ сидитъ-то, самъ не старится,
 Тамъ перинушки, подушечки пуховны,
 Одѣяла снѣсены тамъ теплыи,
 Ёствушка поставлена хорошая,
 А одежица на немъ да живеть смѣйна.
 Ёнъ беретъ его за ручушки за бѣлыи,
 За его за перстни за злаченныи,
 Выводилъ его со погреба холоднаго,
 Приводилъ его въ полату бѣлокаменну,
 Становилъ-то онъ Илью да супротивъ себя,
 Цѣловалъ въ уста его сахарнии,
 Заводилъ его за столики дубовыи,
 Да садилъ Илью-то ёнъ подлѣ себя
 И кормилъ его да ёствушкой сахарнею
 Да поилъ-то пѣтыцемъ медвянымимъ,
 И говорилъ-то онъ Ильѣ да таковы слова:
 «Ай же старья казакъ да Илья Муромецъ!
 «Нашъ-то Кіевъ градъ нынѣ въ полонѣ стоить,
 «Обошолъ собака Калинъ-царь нашъ Кіевъ градъ
 «Со своима со войскамы со великима.
 «А постой-ко ты за вѣру за отечество,
 «И постой-ко ты за славный Кіевъ градъ,
 «Да постой за матушки Божьѣ церкви,
 «Да постой-ко ты за князя за Владимира,
 «Да постой-ко за Опраксу королевичну!»
 Такъ тутъ старья казакъ да Илья Муромецъ
 Выходилъ онъ со полаты бѣлокаменной,
 Шолъ по городу онъ да по Кіеву,
 Заходилъ въ свою полату бѣлокаменну,
 Да спросилъ-то какъ онъ пѣробка любимаго,
 Шолъ со пѣробкомъ да со любимымимъ
 А на свой на славный на широкій дворъ,
 Заходилъ онъ во конюшенку въ стоялую,
 Посмотрѣлъ добрѣ коня онъ богатырскаго,
 Говорилъ Илья да таковы слова:
 — Ай же ты мой пѣробокъ любимый,
 — Вѣрный ты слуга мой безызмѣнныи,

— Хорошо держалъ моего коня ты богатырскаго!—
 Цѣловалъ его онъ во уста сахарнии,
 Выводилъ добра коня съ конюшенки стояли
 А ѿ на тотъ на славный на широкій дворъ;
 А ѿ тутъ старня казакъ да Илья Муромецъ
 Сталъ добра коня тутъ онъ засѣдывать,
 На коня накладываетъ потничекъ,
 А на потничекъ накладываетъ войлочекъ,
 Потничекъ онъ клалъ да вѣдь шелковенькой,
 А на потничекъ подкладываетъ подпотничекъ,
 На подпотничекъ сѣделко клалъ черкасское,
 А черкасское сѣделшко недержано,
 И подтягивалъ двѣнадцать подпруговъ шелковинныхъ
 И шпильчички онъ втягивалъ булатнии,
 А стреманочки покладываетъ булатнии,
 Пряжечки покладываетъ онъ красна золота,
 Да не для красы угожества,
 Ради крѣпости все богатырскагой:
 Еще подруги шелковы таятся, да оны не рвутся
 Да булатъ желѣзо гнется, не ломается,
 Пряжечки-ты красна золота
 Онъ мокнуть, да не ржавѣють.
 И садился тутъ Илья да на добра коня,
 Бралъ съ собой доспѣхи крѣпки богатырскіи,
 Во-первыхъ бралъ налицу булатнюю,
 Во-вторыхъ бралъ копье боржамецкое,
 А еще бралъ свою саблю вострую,
 А ѿще бралъ шалыгу подорожнюю,
 И поѣхалъ онъ изъ города изъ Кіева.
 Выѣхалъ Илья да во чисто поле
 И подѣхалъ онъ ко войскамъ ко татарскимъ
 Посмотрѣлъ на войска на татарскіи:
 Нагнанъ-то силы много множество,
 Какъ отъ покрыку отъ человѣчьяго,
 Какъ отъ ржанья лошадинаго
 Унываетъ сердце человѣческо.
 Тутъ старня казакъ да Илья Муромецъ
 Онъ поѣхалъ по роздольцу чисту полю,
 Не могъ кѣнца краю силушеѣ наѣхати.
 Онъ повыскачилъ на гору на высокую,
 Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
 Посмотрѣлъ на силушку татарскую,
 Кѣнца краю силы насмотрѣть не могъ.
 И повыскачилъ онъ на гору на другую,
 Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
 Кѣнца краю силы насмотрѣть не могъ.
 Онъ спустился съ той со горы со высокии,
 Да онъ ѣхалъ по роздольцу чисту полю
 И повыскачилъ на третью гору на высокую,

Посмотрѣлъ-то подъ восточную вѣдь сторону,
 Насмотрѣлъ онъ подъ восточной стѣною,
 Насмотрѣлъ онъ тамъ шатрѣ бѣли
 И у бѣлихъ шатровъ-то кони богатырскіи.
 Онъ спустился съ той съ горы высокой
 И поѣхалъ по роздольцу чисту полю,
 Приѣхалъ Илья въ шатра въ бѣлихъ,
 Какъ сходилъ Илья да со добра коня
 Да у тыхъ шатровъ у бѣлихъ,
 А тамъ стѣять кони богатырскіи,
 У того ли полотно стоять у бѣлаго,
 Они зоблють-то пшену да бѣлоярову.
 Говоритъ Илья да такыи слова:
 «Поотвѣдать мнѣ-ка счастья великаго».
 Онъ навинулъ поводы шелкъомыи
 На добра коня да ѣ богатырскаго
 Да спустилъ коня ко полотну ко бѣлому:
 «А ѣ допустятъ ли то кони богатырскіи
 «Моего коня да богатырскаго
 «Ко тому ли полотну ко бѣлому
 «Позобать пшену да бѣлоярову?»
 Его добрый конь идетъ-то грудью къ полотну.
 А идетъ зобать пшену да бѣлоярову;
 Старыи казакъ да Илья Муромецъ
 А идетъ ѣнъ да во бѣль шатѣръ,
 Приходитъ Илья Муромецъ во бѣль шатѣръ,
 Въ томъ бѣломъ шатрѣ двѣнадцать-то богатырей,
 И богатыри все святорусскіи.
 Они съли хлѣба соли кушати
 А и съли-то они да пообѣдати.
 Говоритъ Илья да такыи слова:
 «Хлѣбъ да соль, богатыри да святорусскіи
 «А и крестный ты мой батюшка,
 «А ѣ Самсонъ да ты Самойловичъ!»
 Говоритъ ему да крестный батюшка:
 — А ѣ поди ты крестничекъ любимыи,
 — Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
 — А садись-ко съ нами пообѣдати.—
 И онъ высталъ ли да на рѣвѣи ноги,
 Съ Ильей Муромцемъ да поздоровкались,
 Поздоровкались они да цѣловались,
 Посадили Илью Муромца да за единый столъ
 Хлѣба соли да покушати:
 Ихъ двѣнадцать-то богатырей,
 Илья Муромецъ да онъ тринадцатый.
 Они поѣли, попили, пообѣдали,
 Выходили зъ-за стола изъ-за дубоваго,
 Они Господу Богу помолилися;
 Говорилъ имъ старыи казакъ да Илья Муромецъ:

«Крестный ты мой батюшка, Самсонъ Самойловичъ,
 «И вы русскіи могучіи богатыри!
 «Вы сѣдлите-тко добрыхъ коней
 «А ѣ садитесь вы да на добрыхъ коней,
 «Поѣзжайте-тко да во роздольцо чисто поле,
 «А ѣ подъ тотъ подъ славный стольный Кіевъ градъ.
 «Какъ подъ нашихъ-то подъ городомъ подъ Кіевомъ
 «А стоитъ собака Калинъ-царь
 «А стоитъ со войсками великима.
 «Розорить хотѣтъ ѣнъ стольный Кіевъ градъ,
 «Чернедь-мужиновъ онъ всѣхъ повырубить,
 «Божьи церкви всѣ на дымъ спуститъ,
 «Князю-то Владимиру да со Опраксою королевичной
 «Онъ срубитъ-тѣ хочеть буйны головы.
 «Вы постоитъ-тко за вѣру за отечество,
 «Вы постоитъ-тко за славный стольный Кіевъ градъ,
 «Вы постоитъ-тко за церкви-ты за Божіи,
 «Вы поберегите-тко князя Владимира
 «И со той Опраксою королевичной!»
 Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:

— Ай же крестничекъ ты мой любимый,
 — Старый казакъ да Илья Муромецъ!
 — А ѣ не будемъ мы да и коней сѣдлатъ,
 — И не будемъ мы садитесь на добрыхъ коней,
 — Не поѣдемъ мы во славно во чисто поле,
 — Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
 — Да не будемъ мы стоять за стольный Кіевъ градъ,
 — Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи церкви,
 — Да не будемъ мы беречь князя Владимира
 — Да еще съ Опраксою королевичной:
 — У него вѣдь есте много да князей-бояръ,
 — Кормитъ ихъ и поитъ да и жалуетъ,
 — Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владимира.—

Говоритъ-то старый казакъ да Илья Муромецъ:
 «Ай же ты мой крестный батюшка,
 «Ай Самсонъ да ты Самойловичъ!
 «Это дѣло у насъ будетъ нехоршее,
 «Какъ собака Калинъ царь онъ розоритъ да Кіевъ градъ,
 «Да онъ чернедь-мужиновъ-то всѣхъ новырубить,
 «Да онъ Божьи церкви всѣ на дымъ спуститъ,
 «Да князю Владимиру съ Опраксою королевичной
 «А онъ срубитъ имъ да буйныя головушки.
 «Вы сѣдлите-тко добрыхъ коней
 «И садитесь-ко вы на добрыхъ коней,
 «Поѣзжайте-тко въ чисто поле подъ Кіевъ градъ,
 «И постоитъ вы за вѣру за отечество,
 «И постоитъ вы за славный стольный Кіевъ градъ,
 «И постоитъ вы за церкви-ты за Божіи,
 «Вы поберегите-тко князя Владимира

«И со той съ Опраксою королевичной!»
 Говорить Самсонъ Самойловичъ да таковы слова:
 — Ай же крестничекъ ты мой любимый,
 — Старья казакъ да Илья Муромецъ!
 — А я не будемъ мы да и коней сѣдлатъ,
 — И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
 — Не поѣдемъ мы во славно во чисто поле,
 — Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
 — Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
 — Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи церкви,
 — Да не будемъ мы беречь князя Владиміра
 — Да еще съ Опраксою королевичной:
 — У него вѣдь есте много да князей-боляръ,
 — Кормить ихъ и поить да и жалуетъ,
 — Ничего намъ вѣтъ отъ князя отъ Владиміра.—
 Говорить-то старья казакъ да Илья Муромецъ:
 «Ай же ты мой крестный батюшка,
 «Ай Самсонъ да ты Самойловичъ,
 «Это дѣло у насъ будетъ нехорошее!
 «Вы сѣддайте-тко добрыхъ коней
 «И садитесь-ко вы на добрыхъ коней,
 «Поѣзжайте-тко въ чисто поле подъ Кіевъ градъ,
 «И постоитъ вы за вѣру за отечество,
 «И постоитъ вы за славный стольній Кіевъ градъ,
 «И постоитъ вы за церкви-ты за Божіи,
 «Вы поберегите-тко князя Владиміра
 «И со той съ Опраксою королевичной!»
 Говорить ему Самсонъ Самойловичъ:
 — Ай же крестничекъ ты мой любимый,
 — Старья казакъ да Илья Муромецъ!
 — А я не будемъ мы да и коней сѣдлатъ,
 — И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
 — Не поѣдемъ мы во славно во чисто поле,
 — Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
 — Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
 — Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи церкви,
 — Да не будемъ мы беречь князя Владиміра
 — Да еще съ Опраксою королевичной:
 — У него вѣдь есте много да князей-боляръ,
 — Кормить ихъ и поить да и жалуетъ,
 — Ничего намъ вѣтъ отъ князя отъ Владиміра.—
 А я тутъ старья казакъ да Илья Муромецъ
 Онъ какъ видитъ, что дѣло ему не по любви,
 А я выходитъ-то Илья да со бѣла шатра,
 Приходилъ къ добру коню да богатырскому,
 Бралъ его за поводы шелковыи,
 Отводилъ отъ полотна отъ бѣлаго,
 А отъ той пшени отъ бѣлояровой,
 Да садился Илья на добра коня.

То онъ ѣхалъ по роздольицу чисту полю
 И подѣхалъ онъ ко войскамъ ко татарскимъ.
 Не асѣя соколъ да напускаетъ на гусей на лебедей
 Да на малыхъ передѣтныхъ на сѣрыхъ утешѣхъ,
 Напускаетъ-то богатырь сваторусскіа
 А на тую ли на силу на татарскую.
 Онъ спустилъ коня да богатырскаго
 Да поѣхалъ ли по той по силушкѣ татарскоей,
 Сталъ онъ силушку конѣмъ топтать
 Сталъ конѣмъ топтать, копьѣмъ колоть,
 Сталъ онъ бить ту силушку великую,
 А онъ силу бьетъ будтò траву косить.
 Его добрый конь да богатырскіа
 Испровѣщилъся азѣкомъ человѣческимъ:
 — Ай же славныи богатырь сваторусскіа!
 — Хоть ты вступилъ на силу на великую,
 — Не побить тебя той силушки великіа:
 — Нагнанò у собаки царя-Калина,
 — Нагнанò той силы много множество,
 — И у него есте сильныи богатыри,
 — Поляницы есте да удами;
 — У него собаки царя Калина
 — Сдѣланы-то трои вѣдь подкопы да глубокіа
 — Да во славномъ роздольицѣ чистомъ полѣ.
 — Когда будешь ѣздить по тому роздольицу чисту полю,
 — Будешь бить-то силу ту великую,
 — Какъ просядемъ мы въ подкопы во глубокіа,
 — Такъ изъ первыхъ подкоповъ я повыскочу
 — Да тебя оттуль-то я повыздну;
 — Какъ просядемъ мы въ подкопы-то во другіа,
 — И оттуль-то я повыскочу
 — И тебя оттуль-то я повыздну.
 Еще въ третьи подкопы во глубокіа,
 А вѣдъ тутъ-то я повыскочу,
 Да оттуль тебя-то не повыздну,
 Ты останешься въ подкопахъ во глубокіахъ.
 А ище старыа казаетъ да Ильа Муромецъ—
 Ему дѣло-то вѣдъ не слюбилоси,
 И беретъ онъ плѣтку шелкову въ бѣлыи руки,
 А онъ бьетъ коня да по крутымъ ребрамъ,
 Говорилъ ѣнъ коню таковыи слова:
 «Ай же ты собачище измѣнное,
 «Я тебя кормлю, пою да и улаживаю,
 «А ты хочешь меня оставить во чистомъ полѣ,
 «Да во тыхъ подкопахъ во глубокіахъ!»
 И поѣхалъ Ильа по роздольицу чисту полю
 Во тую во силушку великую,
 Сталъ конѣмъ топтать да и копьѣмъ колоть,
 И онъ бьетъ-то силу, какъ траву косить;

У Ильи-то сила не умѣньшится.
 И онъ просѣлъ въ подкопы во глубокѣ,
 Его добрый конь оттуль повмскочилъ,
 Онъ повмскочилъ, Илью оттуль повызднулъ.
 И онъ спустилъ коня да богатырскаго
 По тому роздольцу чисту полю
 Во туѣ во силушку великую,
 Стагъ конемъ топтать да и коньемъ колоть,
 И онъ бьетъ-то силу какъ траву косить;
 У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
 На добромъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
 И онъ просѣлъ съ конемъ да богатырскимъ
 И онъ попалъ въ подкопы-ты во другія,
 Его добрый конь оттуль повмскочилъ
 Да Илью оттуль повызднулъ.
 И онъ спустилъ коня да богатырскаго
 По тому роздольцу чисту полю
 Во туѣ во силушку великую,
 Стагъ конемъ топтать да и коньемъ колоть,
 И онъ бьетъ-то силу, какъ траву косить;
 У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
 На добромъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
 И онъ попалъ въ подкопы-ты во третьи,
 Онъ просѣлъ съ конемъ въ подкопы-ты глубокѣ.
 Его добрый конь да богатырскѣ
 Еще съ третѣихъ подкоповъ онъ повмскочилъ,
 Да оттуль Илья онъ не повызднулъ,
 Сголанулъ *) Илья да со добра коня
 И остался онъ въ подкопѣ во глубокоешъ.
 Да пришли татара-то поганни
 Да хотѣли захватить они добра коня;
 Его конь-то богатырскѣ
 Не сдался имъ во бѣлѣ руки,
 Убѣжалъ-то добрый конь да во чистѣ поле.
 Тутъ пришли татара-ты поганни,
 А напѣдали на стараго казака Илью Муромца,
 А ѣ сковали ему ножки рѣзвыи
 И связали ему ручки бѣлыми.
 Говорили-то татара таковы слова:
 «Отрубить ему да буйную головушку».
 Говорять нынѣ татара таковы слова:
 «А не надо рубить ему буйной головы,
 «Мы сведѣмъ Илью въ собаки царю-Калину,
 «Что онъ хочеть, то надъ нимъ да сдѣлаеть».
 Повели Илью да во чисту полю
 А ко тымъ полаткамъ полотнянымъ,
 Приводили ко полаткѣ полотняной,
 Привели его къ собакѣ царю-Калину.

*) Соскольнулъ.

Ставовили супротѣвъ собаки царя-Калина,

Говорили татара таковы слова:

«Ай же ты собака да нашъ Калинь царь!

«Захватили ны да стараго казѣка Илью Муромца,

«Да во тыхъ-то во подкопахъ во глубокѣихъ,

«И привели къ тебѣ въ собакѣ царю Калину;

«Что ты знаешь, то надъ нимъ и дѣлаешь».

Тутъ собака Калинь-царь говоритъ Ильѣ да таковы слова:

— Ай ты стария казакъ да Илья Муромецъ!

— Молодой щенокъ да нанустилъ на силу на великую,

— Тебѣ гдѣ-то одному побить моя сила великая!

— Вы роскуйте-тебѣ Ильѣ да ножки рѣзвыи,

— Розвяжите-тебѣ Ильѣ да ручки бѣлыи.—

И росковали ему ножки рѣзвыи,

Розвязали ему ручки бѣлыи.

Говорилъ собака Калинь-царь да таковы слова:

— Ай же стария казакъ да Илья Муромецъ!

— Да садись-ко ты со мной а за единой столъ,

— Ъшь-ко ѣствушку мою сахарную,

— Да и пей-ко мои питьеца медвянныи,

— И одѣжь-ко ты мою одѣжу драгоценную,

— И держи-тео *) мою золоту казну,

— Золоту казну держи по надобью,

— Не служи-тео ты князю Владимиру,

— Да служи-тео ты собакѣ-царю Калину.

Говорилъ Илья да таковы слова:

«А ѣ не сяду я съ тобой да за единой столъ,

«Не буду ѣсть твоихъ ѣстувшекъ сахарныхъ,

«Не буду пить твоихъ питьецевъ медвянныхъ,

«Не буду носить твоей одѣжи драгоценныи,

«Не буду держать твоей безсчетной золотой казны,

«Не буду служить тебѣ собакѣ царю-Калину,

«Еще буду служить я за вѣру за отечество,

«А ѣ буду стоять за стольній Кіевъ градъ,

«А буду стоять за церкви за Господнии,

«А буду стоять за князя за Владимира

«И со той Опраксой королевичной».

Тутъ старой казакъ да Илья Муромецъ

Онъ выходитъ со полатки полотняной

Да ушолъ въ роздольицо въ чистѣ поле.

Да тѣснить стали его татара-ты поганни.

Хотѣятъ обеволить они стараго казѣка Илью Муромца,

А у стараго казѣка Ильи Муромца

При соби да не случилось-то доспѣховъ крѣпкихъ,

Нечѣмъ-то ему съ татарами да попротивиться.

Стария казакъ да Илья Муромецъ

Видитъ ѣнъ дѣло не малое,

Да схватилъ татарина ѣнъ за ноги,

*) Г.-е. надерживай.

Тако сталъ татаринѡмъ помахивать,
 Сталъ ѡнъ бить татаръ татаринѡмъ,
 И отъ него татара стали бѣгати,
 И прошолъ ѡнъ скрозь всю сидушку татарскую,
 Вышелъ ѡнъ въ роздольицо чистѡ поле,
 Да ѡнъ бросилъ-то татарина да въ сторону,
 То идетъ ѡнъ по роздольицу чисту полю.
 При соби-то нѣтъ коня да богатырскаго,
 При соби-то нѣтъ доспѣховъ крѣпкихъ.
 Засвисталъ въ свистокъ Илья ѡнъ богатырскій,
 Услыхалъ его добрый конь да во чистѡмъ полѣ,
 Прибѣжалъ ѡнъ къ старому казаку Ильѣ Муромцу.
 Еще старня казакъ да Илья Муромецъ
 Какъ садился ѡнъ да на добра коня
 И поѣхалъ по роздольицу чисту полю,
 Выскочилъ ѡнъ да на гѡру на высокую,
 Посмотрѣлъ-то подъ восточную ѡнъ сторону,
 А ѡнъ подъ той ли подъ восточной подъ сторонушкой
 А ѡнъ у тыхъ ли у шатровъ у бѣлыхъ
 Стоять добры кони богатырскіи.
 А тутъ старий-отъ казакъ да Илья Муромецъ
 Опустился ѡнъ да со добра коня,
 Бралъ свой тѡгой лукъ розрывчатый въ бѣлы ручки
 Натянулъ тетивочку шелковеньку,
 Наложилъ ѡнъ стрѣлочку каленую
 Ѣ ѡнъ спущалъ ту стрѣлочку во бѣлы шатѣръ,
 Говорилъ Илья да таковы слова:
 <А лети-тео, стрѣлочка каленая,
 <А лети-тео, стрѣлочка, во бѣлы шатѣръ,
 <Да сими-тео крышу со бѣла шатра,
 <Да пади-тео стрѣлка на бѣлы груди
 <Къ моему ко батюшѣ ко крестному,
 <И проголзни-тео *) по груди ты по бѣлыи,
 <Сдѣлай-ко ты сцапину **) да маленьку,
 <Маленькую сцапнику да невеликую.
 <Ѣнъ и снить тамъ, прохлажается,
 <А мнѣ здѣсь-то одному да мало можется>.
 И ѡнъ спустилъ какъ эту тетивочку шелковуу
 Да спустилъ ѡнъ эту стрѣлочку каленую,
 Да просвѣснула какъ эта стрѣлочка каленая
 Да во тотъ во славныи во бѣлы шатѣръ,
 Она онала крышу со бѣла шатра,
 Пала она стрѣлка на бѣлы груди
 Ко тому ли Самсону ко Самойловичу,
 По бѣлой груди вѣдъ стрѣлочка проголзнула,
 Сдѣлала она да сцапнику-то маленьку.

*) Т.-е. проскользани.

**) Т.-е. царапину.

А ѿ тутъ славныя богатырь святорусскіи
 А ѿ Самсонъ-то вѣдь Самойловичъ
 Пробудился-то Самсонъ отъ крѣпка сна,
 Пороскивуть свои очи ясны,
 Да какъ снята крыша со бѣла шатра,
 Пролетѣла стрѣлка по бѣлой груди,
 Она сцапничку сдѣлала да на бѣлой груди.
 Ї онъ скорешенько сталъ на рѣвныя ноги,
 Говорилъ Самсонъ да таковы слова:
 — Аѿ же славныи мои богатыри вы святорусскіи!
 — Вы скорешенько сдѣлайте-тео добрыхъ коней .
 — Да садитесь-тео вы на добрыхъ коней;
 — Мнѣ отъ крестничка да отъ любимаго
 — Прилетѣли-то подарочки да нелюбимыи,
 — Долетѣла стрѣлочка каленая
 — Черезъ мой-то славной бѣгъ шатѣрь,
 — Она крышу сняла вѣдь да со бѣла шатра,
 — Да проголзнула-то стрѣлка по бѣлой груди,
 — Она сцапнику-то дала по бѣлой груди,
 — Только малу сцапнику-то дала, не великую:
 — Погодился мнѣ Самсону крестъ на ворота,
 — Крестъ на ворота шести пудовъ.
 — Есть бы не былъ крестъ да на моѣй груди,
 — Оторвала бы мнѣ буйну голову.—
 Тутъ богатыри всѣ святорусскіи
 Скоро вѣдь сдѣлали да добрыхъ коней
 И сядились мѡлодцы да на добрыхъ коней
 И поѣхали роздольцемъ чистѣмъ полемъ
 Ко тому ко городу ко Киеву,
 Кѡ тымъ они силамъ ко татарскіимъ.
 А со той горы да со высокіи
 Усмотрѣлъ ли стария казакъ да Илья Муромецъ,—
 А то ѣдутъ вѣдь богатыри чистѣмъ полемъ,
 А то ѣдутъ вѣдь да на добрыхъ коняхъ.
 И спустился ѣнъ съ горы высокіи
 И подѣхалъ ѣнъ къ богатырямъ ко святорусскіимъ,
 Ихъ двѣнадцать-то богатырей, Илья тринадцатой.
 И пріѣхали они ко силушеѣ татарскоей,
 Припустили коней богатырскіихъ,
 Стали бити-то силушку татарскую,
 Притоптали тутъ всю силушку великую,
 И пріѣхали къ полатѣѣ полотняноей;
 А сидятъ собака Калинъ-царь въ полатѣѣ полотняноей.
 Говорать-то какъ богатыри да святорусскіи:
 — А срубить-то буйную головушку
 — А тому собака царю-Калину.—
 Говорилъ старѡй казакъ да Илья Муромецъ:
 «А почто рубить ему да буйная головушка?
 «Мы свезѣмте-тео его во стольній Киевъ градъ

«Да ѿ ко славному ко князю ко Владимиру».
 Привезли его собаку царя-Калина
 А во тотъ во славный Кіевъ градъ
 Да ко славному ко князю ко Владимиру.
 Привели его въ полату бѣлокаменну
 Да ко славному ко князю ко Владимиру,
 То Владимиръ князь да стольнѣ-Кіевской
 Онъ беретъ собаку за бѣлыя руки
 И сядилъ его за столники дубовыи,
 Кормилъ его ѣствушкой сахарнею
 Да поилъ-то пивъцемъ медвянымъ.
 Говорилъ ему собака Калинъ царь да таковы слова:
 — Ай же ты Владимиръ князь да стольнѣ-Кіевской!
 — Не срубн-тко мнѣ да буйной головы.
 — Мы наипшемъ прѣмежъ собою записи великии,
 — Буду тебѣ платити дани вѣкъ и по вѣку,
 — А тобѣ-то князю а Владимиру! —
 А тутъ той старникъ и славу поеть,
 А по тныхъ мѣсть старника и покончилься.

Записано въ Книгахъ 6 іюля 1871 г.

II.

Илья Муромецъ въ ссереѣ со Владимиромъ.

Славныя Владимиръ стольнѣ-Кіевской
 Собирагъ-то онъ славный почестенъ пиръ
 На многыхъ князей онъ и бояровъ,
 Славныхъ сильныхъ могучихъ богатырей,
 А на пиръ ли то онъ не позвалъ
 Старога казака Ильи Муромца.
 Старому казаку Ильѣ Муромцу
 За досаду показалося то великую,
 Ё онъ не знаетъ, что вѣдь сдѣлати
 Супротивъ тому князю Владимиру.
 Ё онъ беретъ-то какъ свой тугой лукъ разрывчатой
 А онъ стрѣлочки беретъ каменны,
 Выходилъ Илья онъ да на Кіевъ градъ
 И по граду Кіеву сталъ онъ похаживать
 И на матушки Божьей церкви погуливать.
 На церквахъ-то онъ кресты вси да повывломалъ,
 Маковки онъ золоченыя вси повывстрѣлалъ.
 Да кричалъ Илья онъ во всю голову,
 Во всю голову кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Ай же пьяницы вы гблюшки кабацкіи!
 «Да и выходите съ кабаковъ, домовъ питейныхъ,
 «Ё обирайте-тко вы маковки да золоченныя,
 «То несите въ кабаки, въ дома питейныя
 «Да вы пейте-тко да вина до-сыта».
 Тамъ доносить-то вѣдь князю да Владимиру:

— Ай Владиміръ князь да стольнѣ-Кіевской!
 — А ты ѣшь да пьешь, да на честнѣмъ пиру,
 — А какъ старой-отъ казакъ да Ильи Муромецъ
 — Ёнъ по городу по Кіеву показивать,
 — Ёнъ на матушки Божьѣ церкви погуливать,
 — На Божьѣхъ церквахъ кресты повилонилъ
 — А всѣ маковки онъ золочены повмстрѣлялъ.—
 — А ѣ кричить-то вѣдь Илья онъ во всю голову,
 — Во всю голову кричать онъ громкимъ голосомъ:
 — «Ай же пьяници вы голюшки кабацкіи!
 — «Да и выходите съ кабаковъ, домовъ питейныхъ,
 — «И обирайте-тео вы маковки да золоченыи,
 — «То несите въ кабаки, въ домѣ питейне
 — «Да вы пейте-тео да вина дѣ-сыта».
 Тутъ Владиміръ князь да стольнѣ-Кіевской
 И онъ сталъ Владиміръ думы думати,
 Ему какъ-то надобно съ Ильей да помиритися.
 И завелъ Владиміръ князь да стольнѣ-Кіевской,
 Онъ завелъ почестенъ пиръ да и на другой день.
 Тутъ Владиміръ князь да стольнѣ-Кіевской
 Да еще онъ сталъ да ѣ дума думати:
 «Мнѣ кого послать будѣтъ на пиръ позвать
 «Того стараго казака Илью Муромца?
 «Самому пойти мнѣ-то Владиміру не хочется,
 «А Опраксія послать,—то не къ лицу итеть».
 Ёнъ какъ шолъ-то по столовой своей горенкѣ,
 Шолъ-то онъ о столики дубовыи,
 Становился супротивъ молодого Добрынюшка,
 Говорилъ Добрыня таковы слова:
 «Ты молоденькой Добрынюшка, сходи-тео ты
 «Къ старому казакѣ къ Ильи Муромцу,
 «Да зайдя въ податы бѣлокаменны,
 «Да пройди-тео по столовую во горенку,
 «На пату-то дверь ты порозмаживай,
 «Еще крестъ влады да ѣ по писаному,
 «Да ѣ поклонъ веди-тео по ученому,
 «А ѣ ты бей челомъ да низко кланяйся
 «А ѣ до тыхъ половъ и до кирпичныхъ
 «А ѣ до самой матушки сырой земли
 «Старому казакѣ Ильи Муромцу,
 «Говори-тео Ильи ты да таковы слова:
 ««Ай ты старна казакъ да Ильи Муромецъ!
 ««Я пришолъ къ тебѣ отъ князя отъ Владиміра
 ««И отъ Опракціи отъ королевичной,
 ««Да пришолъ тебе позвать я на почестенъ пиръ»».
 Молодой Добрынюшка Микутинецъ
 Ёнъ скорешенько-то сталъ да на рѣвѣи ноги,
 Бунью шубоньку напинулъ на одно плечо,
 Да онъ шапочку соболью на одно ушко,

Выходилъ онъ со столовою со горенки,
 Да ѿ прошолъ полатою бѣлокаменной,
 Походилъ Добрыня онъ на Киевъ градъ,
 Ёвъ пошолъ-то какъ по городу по Киеву,
 Пришолъ къ старому казакъ къ Ильѣ Муромцу
 Да въ его полаты бѣлокаменной,
 Ёвъ пришолъ какъ во столовую во горенку,
 На пятѹ-то онъ дверь да порозмахивалъ
 Да онъ крестъ-отъ клалъ да по писаному
 Да ѿ поклоны велъ да по ученому,
 Аще билъ-то онъ челомъ да низко кланялся
 А ѿ до тыхъ половъ и до кирпичныхъ
 Да ѿ до самой матушки сырой земли,
 Говорилъ-то онъ Ильѣ да такыя слова:
 «Ай же братецъ ты мой да вкрестовыи,
 «Старыи казакъ да Ильѣ Муромецъ!
 «Я къ тоби посланъ отъ князя отъ Владимира,
 «Отъ Опраксы королевичной,
 «А ѿ позвать тебя да ѿ на почестенъ пиръ».
 Еще старый-отъ казакъ да Ильѣ Муромецъ
 Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвыи ножки,
 Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
 Да онъ шапоньку соболью на одно ушко,
 Выходили со столовыи со горенки,
 Да прошли они полатою бѣлокаменной,
 Походили-то они на стольній Киевъ градъ,
 Пошли они къ князю къ Владимиру
 Да ѿ на славный-отъ почестенъ пиръ.
 Тамъ Владимиръ князь да стольнѣ-Киевской
 Онъ по горенки да вѣдь похаживалъ
 Да въ окопечко онъ князь посматривалъ,
 Говорить-то со Опраксою королевичной:
 «Подойдутъ ли къ мнѣ какъ два русскіихъ богатыря
 «Да на мой-отъ славный на почестенъ пиръ?»
 И прошли они въ полату бѣлокаменну,
 И взошли они въ столовую во горенку.
 Тутъ Владимиръ князь да стольнѣ-Киевской
 Со Опраксіей да королевичной
 Подошли-то они къ старому казакъ Ильѣ Муромцу,
 Они брали-то за ручушки за бѣлыи,
 Говорили-то они да такыя слова:
 «Ай же старыи казакъ ты Ильѣ Муромецъ!
 «Твой мѣстечко было да вѣдь пониже всѣхъ,
 «Тѣперь мѣстечко за столикомъ повыше всѣхъ!
 «Ты садись-ко да за столикъ за дубовыи».
 Тутъ кормили его ѣствушкою сахарнею
 А ѿ повли питьцемъ медвянымъ.
 Они тутъ съ Ильѣй и помирися.

Записано въ Кнѣгахъ 8 іюля 1871 г.

III.

Молодецъ и худая жена.

А ѿ сидитъ сидитъ кручиненъ доброй мѡлодецъ.
 Да ѿ сидитъ печаленъ доброй мѡлодецъ,
 Онъ повѣсилъ свою буйную головушку
 Да ѿ пониже плечъ своихъ могучихъ.
 «Ты чего сидишь печаленъ, доброй мѡлодецъ.
 «Ты чего сидишь кручиненъ, доброй мѡлодецъ?»
 — Еще какъ-то мѡлодцю мнѣ не кручиниться?
 — Еще какъ-то мѡлодцю мнѣ не печалиться?
 — Какъ вечеръ-то легъ я—не поужиналъ,
 — Я утрѡсь-то сталъ да не позавтракалъ,
 — Пообѣдати схватился—тамъ и хлѣба нѣтъ.
 — Поневозили-то мѡлодца жениться,
 — Поженили-то въ деревни у сусѣдушка,
 — У сусѣда бны брали у богатаго
 — Да ѿ приданого-то много—человѣкъ худой.
 — А ѿ приданой виситъ на грядочкѣ,
 — Да ѿ худая жонка-то на ручки снитъ.
 — То мнѣ не съ кимъ добру мѡлодцю поглядиться *).
 — Да и не съ кимъ добру мѡлодцю полиститься **),
 — ѿ оттого-то мѡлодецъ да во гульбу пошолъ,
 — Во гульбу пошолъ да во гуляныцю.—
 Еще день за день, какъ быдто дождь дождитъ,
 Да ѿ недѣля за недѣлю, какъ рѣка бѣжитъ,
 Да пошолъ-то мѡлодецъ а изъ земли въ землю,
 Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,
 И зашолъ-то къ королю къ литовскому,
 Да ѿ задался во служеніе къ литовской королевичной;
 Да ѿ служилъ у ней двѣнадцать годъ,
 А двѣнадцать годъ служилъ онъ вѣрой правдою,
 Вѣрой правдой онъ служилъ да не измѣною:
 На кровати спалъ онъ на тисовую,
 А ѿ на той онъ на перинкѣ на пуховую.
 У самой ли то у ней да на бѣлой груди.
 Стосковалось тутъ дородню добру мѡлодцю
 По своей-то по родимой по сторонущи,
 Онъ докладагъ королю литовскому:
 — А ѿ ты, батюшко, король литовскій!
 — Стосковалось по родимой мни сторонущи,
 — Захотѣлось посмотрѣть мнѣ на отцовско на помѣстьицю:
 — Тамъ не выросло-ль зеленое кропивушко?—
 Приказалъ король ему коня сѣдлатъ,
 Королевична литовская
 Наспѣала-то безсчетну золоту казну,

*) Т.-е. поивѣдиться.

**) Т.-е. поласкаться.

Во шелковъ камвертъ да запечатала,
 Положила она мѳлодцю въ глубокъ карманъ;
 А й поѳхаль тутъ дородней доброй мѳлодецъ.
 А 'ще день за день какъ быто дождь дождить,
 То й недѳля за недѳлю какъ рѳва обѳжить,
 А й то ѳхаль мѳлодецъ да изъ орды въ орду,
 Да й проѳхаль мѳлодецъ онъ изъ земли въ землю,
 Приѳзжалъ онъ на отцѳвско на помѳстьицо.
 На отцѳвскоѳмъ да й на помѳстьицѳ
 То стоятъ худая мала хизинка,
 Да й у той ли малой худой хизинки
 Ходить малыхъ два глупыхъ два вьюнышка*).
 Говорить-то имъ дорѳдней доброй мѳлодецъ:
 — Ай же малыи вы глупы вьюнышки!
 — Вы котораго-то дому да коѳей семьи?
 — Еще есть ли-то у васъ да отецъ матушка? —
 Отвѳцали ѳму малы глупы вьюнышки:
 «Ай ты дядюшка да и незнаѳмой!
 «Столько есть у насъ одна родитель матушка,
 «А й то нѳтъ у насъ да рѳдна батюшка».
 Говорить-то имъ дорѳдней доброй мѳлодецъ:
 — Ай же малыи вы глупы вьюнышки!
 — А й куды у васъ ушла да рѳдна матушка? —
 Говорили ему глупы малы вьюнышки:
 «А й ушла-то наша рѳдна матушка
 «На крестьяньскую да на роботушку,
 «А я тымъ она да насъ воспитывать».
 Й онъ стоялъ-то вѳдь до поздного до нечера.
 Тутъ худая-то жѳна, да жѳна умная,
 Жѳна умная многоразумная,
 То идетъ она съ крестьяньской со роботушки,
 Во правѳй руки несѳтъ-то косу вострую,
 Во лѳвѳй руки несѳтъ-то грабли частыи,
 На плечахъ бѳдна горящица дрова несѳтъ,
 Приходила-то къ худѳю къ малой хизинки.
 Говорить-то ѳй дорѳдней доброй мѳлодецъ:
 — Ай честная ль ты вдова аль жѳна мужняя? —
 Отвѳцала-то ѳму да жѳна умная,
 Жѳна умная многоразумная:
 «Не вдова-то есть, жѳна не мужняя,
 «Сирота я есть да горе-горькая».
 Говорить-то ѳй дорѳдней доброй мѳлодецъ:
 — Не вдова ты есть, да жѳна мужняя. —
 «Почѳму ты мѳня знаешь жѳну мужнюю?»
 — Потому я знаю жѳну мужнюю,
 — Что съ тобою мы росли да близко поблизку,
 — Да играли мы съ тобою въ шапки въ шахматы,

*) Т.-е. юноши.

— Да во славны во велѣн во нѣмецкѣн,
 — А ѣ тогда съ тоба я часто ѣзды бралъ....
 — Подойди-тео ты ко мни да жѣна умная,
 — Жѣна умная многоразумная,
 — Положи-тко свои ручки во глубоць карманъ,
 — Вынимай-ко изъ кармана ты шелковъ камвертъ,
 — Вынимай камвертъ да распечатывай.—
 То худая-то жѣна да жѣна умная,
 Жѣна умная многоразумная,
 Подошла она къ дородню добру молодцю,
 Положила свои ручушки въ глубоць карманъ,
 Вынимала-то оттуль она шелковъ камвертъ,
 Вынимала-то камвертъ да распечатала,
 Находила во камвертѣ свой злачѣнъ перстень,—
 А когда они вѣнчались во матушки
 Да ѣ во матушки вѣнчались во Божьѣй церкви,
 Тогда этимъ она перстнѣмъ обручалася.
 Ё она брала-то за ручушки за бѣлыи,
 За нѣго за перстни за злаченни,
 Цѣловала во уста его сахарнии,
 Называла-то собя мужѣмъ любимымъ.

Записано въ Петербургѣ
 25 ноября 1871 г.

Сообщ. А. Э. Гильфердингъ.

Некрологъ: кн. Павелъ Павловичъ Гагаринъ. † 21-го февраля, 1872 г. Еще недавно Россія лишилась, въ лицѣ Николая Алексѣевича Милютина, одного изъ славнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей *), и вотъ новая могила приняла въ свои нѣдра мужа замѣчательнаго многолѣтнимъ служеніемъ престолу и отечеству.

Кн. Павелъ Павловичъ род. 4 марта 1789 г.; по окончаніи воспитанія въ С.-Петербургѣ, въ училищѣ аббата Николая, поступилъ на службу въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, въ московскій архивъ юнкеромъ, 22-го января, 1801 года. Войны 1807—1809 гг. заставили его перейти на военное поприще, но съ 1810 г. онъ вновь на гражданской службѣ и съ 1819 г. состоитъ оберъ-прокуроромъ одного изъ московскихъ департаментовъ сената, а съ 1823 г.—общаго собранія. На этомъ важномъ посту, соединенномъ съ нѣкоторыми особыми полномочіями, застало его возшествіе на престолъ императора Николая. Сенаторъ съ 1831 года, кн. Павелъ Павловичъ 26-го октября 1844 г. сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта; въ немъ онъ продолжалъ главнымъ образомъ занятія по юридической части, присутствуя сначала въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, а потомъ въ департаментѣ законовъ (съ 1848 г.). Новое царствованіе застало кн. Гагарина сановникомъ, отслужившимъ уже пятьдесятъ лѣтъ. Облеченный высокими довѣріемъ Монарха, онъ принимаетъ участіе въ громаднѣй по разнѣрамъ и значенію дѣятельности: членъ сначала секретнаго, потомъ съ 3-го января 1857 г. главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, кн. Гагаринъ, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, является однимъ изъ представителей мнѣній такъ называемой консервативной партіи, желавшей устройства быта крѣпостныхъ крестьянъ на началахъ нѣскольکو иныхъ, нежели на какихъ оно, къ счастью нашего дорогаго отечества, совершилось. Дѣятельность этой партіи была однако во многомъ полезна и исторія, безъ сомнѣнія, воздавъ должное славнымъ подвижникамъ началъ Положеній 19-го февраля 1861 г., признаетъ и за оппозиціей имъ нѣкоторую долю заслуги, хотя бы той, что она вызывала необходимость глубже и всестороннѣе разработать главнѣйшую реформу нашего времени...

Но если въ крестьянскомъ дѣлѣ кн. Павелъ Павловичъ отдалъ дань и своимъ лѣтамъ, и сословнымъ возрѣніямъ, за то въ дѣлѣ пересозданія судебной части, онъ какъ бы забылъ и то, и другое. Полулѣтняя служба на всѣхъ степеняхъ русскаго юриста, такъ близко онакомила его со всѣми недостатками отправленія юстиціи въ Россіи, что сознаніе необходимости полнѣйшаго ея преобразованія воплѣ въ немъ созрѣло.

Назначенный предсѣдателемъ департамента законовъ (1-го янв. 1862 г.), онъ провелъ чрезъ него коренныя начала судебной реформы, (трудъ оконченъ 4-го сентября 1862 г.). Подъ его же предсѣдательствомъ въ государственномъ совѣтѣ въ 1864 г. совершилось и окончательное созданіе «Судебныхъ Уставовъ... Тотъ-же кн. Павелъ Павловичъ, съ поразительною горячіестью и энергіею, ограждалъ до конца дней своихъ этотъ законодательный актъ отъ ежегодныхъ почти попытокъ, влотившихся къ тому, чтобы въ той или другой формѣ ослабить или даже совсѣмъ исказить «Судебные Уставы».. Ред.

*) Мы надѣемся со временемъ представить особую статью, посвященную памяти Н. А. Милютина.

семь Петра I къ Болычеву вошло въ «Собраніе писемъ императора Петра I къ разнымъ лицамъ съ отвѣтами на оныя», изданное въ четырехъ томахъ В. Берхома (1829 — 1830); но и здѣсь тѣ же ошибки и даже неполноты. Небрежность, ошибки, неполнота и библиографическая рѣдкость помннутыхъ двухъ изданій, все это, вмѣстѣ взятое, заставило редакцію «Материаловъ военно-ученаго архива главнаго штаба» перевздать, но въ совершенно исправномъ видѣ, помннутыя письма.

Что касается внѣшняго вида изданія, то оно, какъ и внутреннее содержаніе, вполне превосходно: сатирированная плотная бумага, отличный шрифтъ и печать! Въ концу тома приложены весьма полезныя примѣчанія и указатель личныхъ именъ и географическій.

Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать отъ военнаго министерства томовъ послѣдующихъ, и тѣмъ болѣе, что военно-ученый архивъ главнаго штаба представляетъ богатое и замѣчательное собраніе рукописныхъ историческихъ матеріаловъ.

Бѣлорусскія пѣсни. Издалъ Петръ Безсоновъ. Часть I. Вып. I. М. Тип. Бахметова, 1871. 8°, LXXXI, III и 176 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пріемы П. А. Безсонова въ его «плодущихъ» изданіяхъ достаточно извѣстны: та же витіеватость и многоглаголивость, то же, до абсурда развитое «я», и пр. и пр. Но предисловіе къ Бѣлорусскимъ пѣснямъ особенно отишно написано. Чего только тутъ нѣтъ! Въ текстѣ пѣсенъ, вопреки отвращенію Бѣлоруссовъ къ именамъ съ отчествами, встрѣчаемъ Степана Федорыча, Лексія Иларича, «славнаго пана» Петра Алексѣевича съ его «череватою» панею Дарьей Николаевной, Аркадія Митрича, Василія Борисыча, Любовь Федоровну, и другихъ. Конечно, все это—невнятное удовольствіе, но намъ думается, что не слѣдуетъ вставлять въ памятники творчества народнаго подобныя воспѣванія, искажать его такимъ фамилярнымъ къ нему отношеніемъ!

Изъ того же предисловія оказывается, что если и есть въ Россіи какой-либо компетентный человѣкъ, то это—именно онъ, П. А. Безсоновъ, онъ—о ди нъ. Такъ и запомнимъ.

Любечъ, Черниговской губ. Городницкаго уѣзда. Соч. Г. А. Милорадовича. Москва, въ 8 д. 160 стр.

Любечъ—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи. О Любечѣ упоминаетъ Кон-

стантинъ-Багрянородный въ своихъ хроникахъ. Здѣсь родился преподобный Антоній Печерскій, основатель Киево-Печерской Лавры; тутъ же были въ XII вѣкѣ съѣзды князей и т. д. Въ настоящее время, нѣкогда знаменитый Любечъ есть село, принадлежащее автору его описанія — Г. А. Милорадовичу, въ родъ котораго оно перешло изъ владѣнія знаменитой фамиліи Полуботоковъ. Брошюра (оттискъ изъ Чтеній въ Москвѣ. Общест. Исторія и древн.) не безынтересна; въ ней есть нѣкоторые документы, между прочими выпись изъ Румянцевской описи Малороссіи 1765 г., которая довольно ярко очерчиваетъ бытъ южнорусскаго крестьянина въ XVIII стол.

Очерки нѣмѣнней общественной жизни въ Россіи. Выпускъ 2: На юго-западѣ. Соч. кн. В. П. Мещерскаго. Сиб. Тип. Мин. Вн. Д. 8°. V и 450 стр.

Для человѣка, живущаго въ столицѣ или городѣ и желающаго ознакомиться съ современною жизнью провинціальной, областной Россіи, обыкновенно служатъ корреспонденціи, помѣщаемыя въ газетахъ и журналахъ. Но онѣ могутъ служить — только въ меньшинствѣ: громадное же большинство корреспонденцій — характера или мелко-обличительнаго, или поучющаго, по крайней мѣрѣ, для той мѣстности, въ которой проживаетъ корреспондентъ. Положительнаго знанія современной Россіи — изъ такихъ корреспонденцій не вынесешь; между тѣмъ, потребность такого знанія весьма сказывается въ нашемъ образованномъ обществѣ.

Въ виду этого, мы можемъ указать на трудъ кн. Мещерскаго. Всего вышло пока двѣ книги: первая обнимаетъ среднія великороссійскія губерніи, вторая — юго-западные. О цѣли своего труда авторъ говоритъ слѣдующее: «наша цѣль — стремиться къ одной правдѣ, быть безпристрастнымъ наблюдателемъ и добросовѣстнымъ повѣствователемъ. Общая картина мѣстной жизни въ ея прошедшемъ и въ ея настоящемъ, данныя и событія, какъ они были и какъ они есть — вотъ программа нашихъ писемъ. Что было сдѣлано, что дѣлается, что предположено сдѣлать и что не сдѣлано — вотъ тѣ вопросы, съ которыми мы намѣрены подходить къ каждому уголку, князюему новую жизнью.»

Къ этому мы можемъ прибавить: книга кн. Мещерскаго написана живо, съ знаніемъ дѣла и добросовѣстною наблюдательностію.

О ПОДПИСКѢ
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г., третій годъ изданія.

ВЪЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложения, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, — **шесемь рублей** за весь годъ, т. е. за 12 книгъ.

Подписка принимается для **городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамилии и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына и д. Трута, кв. № 12.

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеніевичу Семевскому**, или: — **Михаилу Ивановичу Семевскому**: въ С.-Петербургъ, въ редакцію «Русской Старины».

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолженія записокъ Болотова, Тарасова, Лагарпа, М. А. Бестужева, и архивовъ кн. Голицынова-Кутузова, кн. Щербатова, кн. Кураниныхъ, гр. Станельбергговъ, свѣтлѣйшаго кн. П. М. Волконскаго, Шишова, Бахтина, — записки: гр. Г. П. Чернышова, адмирала Колзамова, записки И. И. Горбачевскаго, кн. С. Г. Волконскаго (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Маевского, кн. Барклай-де-Толли, кн. А. А. Шаховскаго, партизанта Дениса Давыдова, И. Н. Скобелева, В. К. Кюхельбенера (1831—1841 гг.); генерала Фелькнера, ак. жив. А. В. Ступина (1776 — 1861 г.), бывш. попеч. Д. П. Рунча; автобіографія академика Витберга; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790 — 1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ф. Опочинина (о 1831 г.); записки Н. В. Веригина и др. Письма Волынскаго и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ — А. Г. Пупарева; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Пинара (1782 г.); письма Екатерины II; письма императоровъ: Павла I, Александра I, царя. Константина; императр. Елизаветы Алексѣевны; Кулибина; гр. Арачьева, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеновской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова, мѣнія гр. Н. С. Мордвинова, письма графа Толя (1831 г.); 60 писемъ митроп. Евгенія Болховитинова; неизданныя бумаги А. С. Грибоѣдова, К. Н. Батюшкова болѣе 80 писемъ), Г. С. Батенинова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Рыткова, Пушкина, статьи В. Н. Каразина; сообщенія акад. А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина, П. И. Щербальскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣлява, Н. С. Тихонова. Г. Н. Геннади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова, проф. Бригнера, Н. П. Дурова. Сообщ.: А. М. Княжевича, К. С. Сербиновича. кн. П. Д. Волконскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, Н. И. Панова, Н. Н. Салифонтова; Ф. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзамова, Н. Ф. Крузе, гр. Э. К. Чапскаго, кн. Гагарина, В. А. Краснопутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, бар. Ф. А. Бюлера, М. Ф. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Наменскихъ и мног. др.

На страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго князя Александра Аркадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рымнинскаго, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ третій.

АПРѢЛЬ.

1872 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Витберга, 1813 — 1824 гг. гл. VIII—XVII. Сообщ. Т. П. Пассежъ	519	Θ. К. Опочининъ	647	
II. Иванъ Петровичъ Мулинбинъ: письмо къ дѣтямъ 1802 г. Сообщ. И. Θ. Горбуновъ	583	VII. Василій Назаровичъ Каразинъ: Таврида и ея произведенія. 1842 г. Сообщ. Ф. В. Каразинъ	662	
III. Иванъ Ивановичъ Хемницеръ 1745 — 1784 гг. 1) Басня и сказки. 2) Памятная книжка. Сообщ. Г. П. Наджинъ, съ примѣч. Академ. Я. К. Грота	585	VIII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Рассказы, записанные П. Θ. Карабаюцкимъ: царствование Екатерины II. (670) 2. Гусарскія шалости 1801 г. Сообщ. Н. И. Пановъ. (681) 3. Письмо цесаревича Константина Павловича. 1816 г. Сообщ. Л. (681). 4. Письмо генерала Липранца 1854 г. Сообщ. Н. П. Барсуковъ (682). 5. Поправки, дополненія, мелочи (683).		
IV. Партизанъ Денисъ Давыдовъ, 1784 — 1839 гг. Биографическій очеркъ В. Д. Давыдова	624	IX. О подпискѣ на памятникъ А. С. Пушкину	685	
V. Н. Θ. Рылъковъ: думы: 1) Дмитрій Донской. 2) Борисъ Годуновъ; 3) Дмитрій Самозванецъ. Сообщ. П. А. Ефремовъ	640	X. Библиографическій списокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ).		
VI. Князь М. И. Голенищевъ-Путузовъ: письма къ женѣ 1812 г. Сообщ.				

ПРИЛОЖЕНІЕ: Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. томъ третій, ч. XVI, письма 162—166: Быть русскаго дворянства 1773 г.

При этой книгѣ приложенъ рисунокъ Храма Христа Спасителя въ Москвѣ, проектъ академика Витберга, гравировала Л. А. Стрѣльцовъ.

Принимается подписка на «Русскую Старину» изд. 1872 г. Цѣна съ доставкой въ Петербургъ и Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города **восемь руб.**

Вслѣдствіе многочисленности требованій, „Русской Старины“ 1872 г. осталось немного экземпляровъ и потому печатается второе изданіе.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, домъ № 15.

1872.

IV-я книга «Русской Старины» вышла 1-го апрѣля.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ — за 1871 годъ. Четыре большихъ тома. Цѣна 6 р., съ перес. 7 р. 50 к.

Внутренній составъ этого прекраснаго изданія, редактируемаго Осипомъ Максимовичемъ Бодянскимъ, всегда хорошъ и почти безукоризненъ. Но прежде чѣмъ мы коснемся внутренняго состава этого изданія за прошлый годъ, позволимъ себѣ предложить на обсужденіе—сперва достопочтеннаго секретаря, а потомъ, если онъ сочтетъ нужнымъ, и на разсмотрѣніе самого Общества слѣдующее наше предложеніе, исключительно относящееся къ вѣдшимъ условіямъ «Чтеній». Намъ думается: 1) Изданіе много выиграло бы, даже чисто въ матеріальномъ отношеніи, если-бъ выходило не четыре раза въ годъ, а болѣе, по крайней мѣрѣ—разъ-бы шесть, и притомъ въ сроки строго опредѣленные не отъ однихъ себя, а отъ многихъ читателей и почитателей «Чтеній» мы слышали о такомъ желаніи. 2) Пріять старый, весьма сбитый, которымъ уже давно набираются «чтенія», было бы весьма полезно замѣнить новымъ, и притомъ болѣе компактнымъ. 3) Правописаніе должно быть общепринятое, особенно—относительно прописныхъ или большихъ буквъ, которыя, иногда безъ всякой нужды, пестрятъ страницы «Чтеній». 4) При статьяхъ палеографическаго содержанія и нѣкоторыхъ другихъ—необходимы снимки. 5) Но важнѣе всего пробѣль, это—отсутствіе указателя въ концѣ года; указатель этотъ долженъ быть не простой, цѣлостный, а—описательный, ученый и подробный.

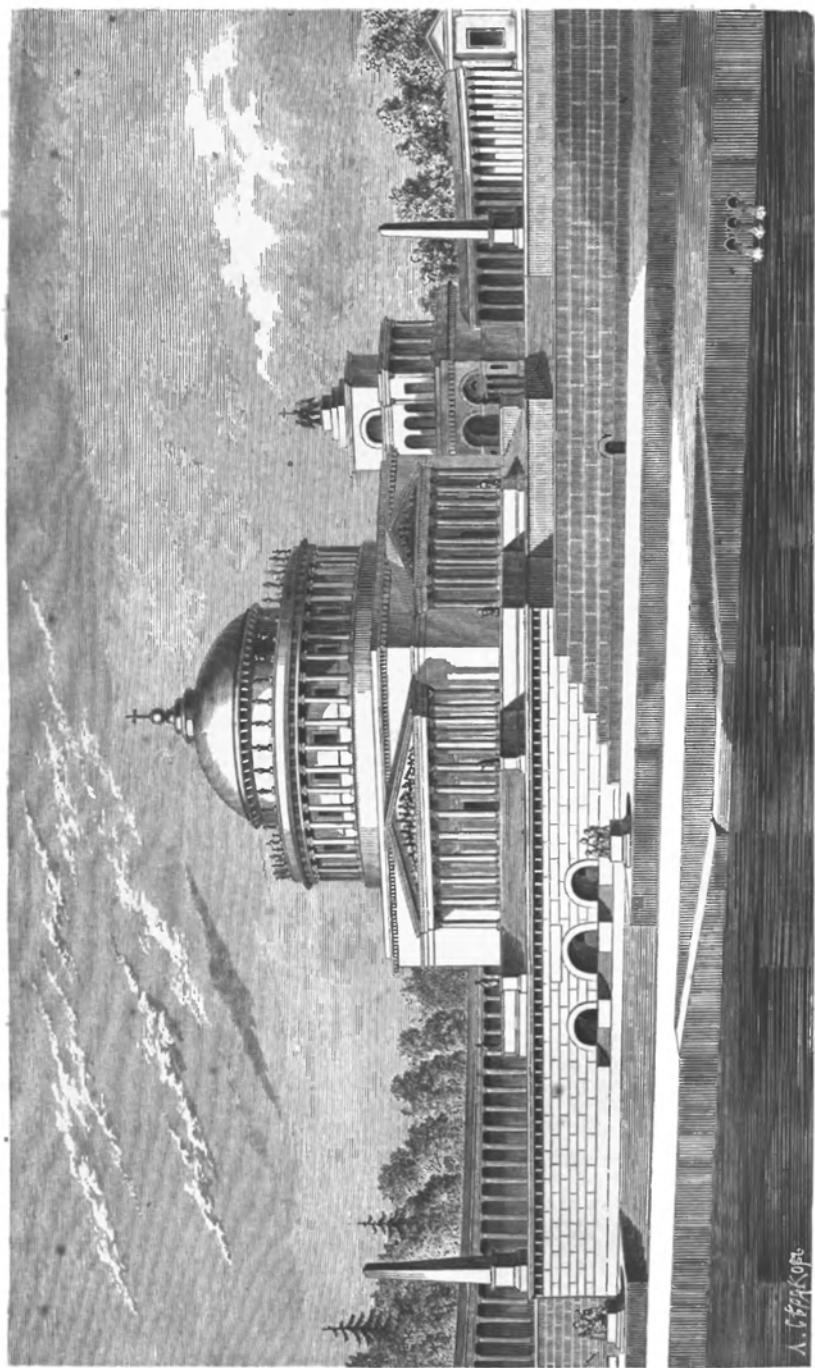
Вотъ—наши послѣднія замѣчанія, вытекшія изъ желанія добра и вѣшняго преуспѣванія такому многопользному изданію, какъ «Чтенія».

Изъ многихъ любопытныхъ изслѣдованій и матеріаловъ, помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ» 1871 г.—первое мѣсто, по глубокому современному интересу, принадлежитъ рескрипту (отъ 3 марта 1861 года) Государя Императора Московскому Митрополиту Филарету. О чемъ мы знали сперва только по наслышкѣ, теперь, изъ этого документа, во—очію видимъ, что въ составленіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ, дѣйствительно принималъ участіе митрополитъ Филаретъ: «вы оправдали мое довѣріе, говоритъ Государь: составленный вами проектъ манифеста вполне выражаетъ мои чувства и соответствуетъ моимъ желаніямъ; я утвердилъ его почти безъ измѣненія». Но въ этомъ рескриптѣ

важнѣе всего то, что Государь прикрѣпляетъ своимъ державнымъ словомъ къ великому дѣлу освобожденія крестьянъ вѣстеть святой («прошу васъ призвать благословіе свыше на предпріятое мною святое дѣло»). Въ «Чтеніяхъ» за прошлый годъ, между прочимъ, помѣщены: 1) весьма солидный трудъ магистра Петербургской духовной академіи Л. П. Руцинскаго—о религіозномъ бытѣ Русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ; трудъ этотъ замѣчательнъ какъ по талантливости изложенія, такъ и по добросовѣстной обработкѣ и изученію источниковъ, а также и по новизнѣ темы, предложенной достопочтеннымъ профессоромъ академіи М. О. Юковичемъ; 2) очерки униатской церкви г. Крачковскаго; 3) весьма любопытное сообщеніе Н. Н. Селифонтова «о проклятомъ зборницѣ франкъ-масонскомъ» 1761 г.; 4) всеподаннѣйшій отчетъ генералъ-губернатора Головина объ Остзейскомъ краѣ; 5) любопытное извѣстіе объ одесскихъ беспорядкахъ, и нѣк. др. Изъ матеріаловъ иностранныхъ, помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ» за прошлый годъ, обращаетъ на себя вниманіе старинное сочиненіе капитана Жюна Перри о состояніи Россіи при Петрѣ (1698—1715). Переводъ этотъ сдѣланъ съ англ. княжной О. М. Дондуковой-Корсаковой, подъ редакцію и съ предисловіемъ М. И. Семевского. Перри былъ приглашенъ въ Россію на службу самимъ Петромъ Великимъ; но, послѣ нѣкоторыхъ непріятностей, уѣхалъ въ Лондонъ, и тамъ въ 1716 году издалъ книгу, заключающую въ себѣ, помимо личнаго раздраженія, достаточное количество полезныхъ свѣдѣній, для исторіи нашего вѣста въ первый періодъ его существованія, объ устройствѣ верфей въ Воронежѣ и Петербургѣ, о постройкѣ судовъ, прорытіи каналовъ, о стропильныхъ планахъ и проектахъ Петра I и пр. и пр. Этотъ же переводъ записокъ Перри вышущемъ и отдѣльнымъ изданіемъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (цѣна 1 р. 50 к.).

Въ отдѣлѣ смѣлокъ обращаютъ на себя вниманіе, во первыхъ, инструкція жандармскимъ чиновникамъ, составленная генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ; изъ нея оказывается, что единственная цѣль жандармской институціи—«видѣть всѣ соловія Россіи охраняемыми законами, возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе, довести притѣсненіе страждущаго челоуѣчества до престола царскаго, беззачитнаго и безгласнаго гражданина немедленно поставить подъ высочайшую защиту Государя Императора». Вовторыхъ: любопытныя свѣдѣ-

См. продолж. на слѣд. страницѣ обертки.

ХРАМЪ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ ВЪ МОСКВѢ,
ПРОЕКТЪ АКАДЕМИКА ВИТБЕРГА.

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ, 24 марта 1872 г.

1817 г.

Печатня В. И. Головина, Владимирская, № 15.

ЗАПИСКИ АКАДЕМИКА ВИТБЕРГА,

строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

р. 1787 † 1855 г.

VIII *)

Я душевно былъ преданъ Августину и часто бывалъ у него. Разумѣется, разговоръ, по большей части, былъ религіозный. Онъ зналъ мои чувства, зналъ какъ я возставалъ всегда противъ раздѣленія христіанъ, какъ желалъ соединенія въ одинъ храмъ христіанъ.

Однимъ утромъ, при многочисленномъ духовенствѣ, Августинъ сталъ убѣждать меня присоединиться къ греко-россійской церкви.

— «Не стыдно ли вамъ, говорилъ онъ, вы духомъ и всѣмъ принадлежите Россіи, въ ней родились, въ ней воспитаны, теперь предпринимаете такое высоко-религіозное дѣло и остаетесь чужды нашей церкви и иностранцемъ между нами!»

Внутренно я желалъ этого; но считалъ неприличнымъ такую переѣну. Сверхъ того знакомство мое съ Лабзиннымъ, ревност-

*) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г. т. V стр. 16—32; 159—192. Приводимъ въ предыдущимъ страницамъ записокъ Витберга два-три примѣчанія сообщенныя П. Н. Петровымъ:

а) Къ стр. 165-й: «Андрей Никифоровичъ Воронихинъ (1760 — 1814) самоучка-строитель, профессоръ-преподаватель архитектуры въ Академіи Художествъ,—былъ по происхожденію дворовый человѣкъ, а затѣмъ другъ дома графа Александра Сергѣевича Строганова; онъ же сопутствовалъ сыну графа въ его путешествіяхъ по Европѣ; во время этихъ странствій Воронихинъ занимался архитектурой; произведенъ въ академики за перспективный (вндъ дачи Строганова), что противъ Каменнаго острова, на Невкѣ; эта дача имъ же и построена. Представилъ проектъ Казанскаго собора въ 1799 г. и

нымъ сыномъ греческой церкви, меня сблизило съ нею. Обряды ся мнѣ нравились давно, по глубокимъ идеямъ и указаніямъ, въ нихъ заключеннымъ.

Но прежде нежели я изложу результатъ, къ которому меня привели эти разговоры, считаю нужнымъ распространиться нѣсколько о моемъ религіозномъ развитіи. Первое религіозное основаніе наслѣдовалъ я отъ моего родителя, который въ свою очередь оную заимствовалъ отъ дѣда моего, человека очень строгой жизни и высокихъ религіозныхъ понятій *). Онъ, служивши молодость свою въ военной службѣ, былъ вовлеченъ въ дуэль, поразилъ своего соперника и это тяготило его совѣсть до гроба. Далѣе можемъ узнать его внутреннюю духовную жизнь въ видѣніи, случившемся незадолго до его смерти. Просыпаясь однажды ночью, слыша музыкальную гармонію удивительной сладости, долго не могъ онъ убѣдиться въ томъ, не сонъ ли это, и когда совершенно увѣрился, что не спитъ, онъ замѣтилъ свѣтъ, распространяющійся въ горницѣ, и въ то время, сѣвши на кровать, увидѣлъ на колѣняхъ разверстую книгу на шведскомъ языкѣ; онъ началъ ее читать съ первой страницы, прочелъ двѣ стра-

за него получилъ прямо званіе профессора. Воронихинъ былъ и строителемъ нинѣ существующаго Казанскаго собора въ 1800—1811 гг.

б) Къ стр. 166-й: Витбергъ очень много обязанъ извѣстному мистикъ и издателю «Сіонскаго Вѣстника» Александру Федоровичу Лабзину. Въ знакъ признательности ему — за родственныи пріемъ и ласки — Витбергъ написалъ портреты Лабзина и его жены; знаменитый мистикъ дѣйствовалъ въ пользу молодого художника и провелъ его въ академики живописи.

в) Къ стр. 169: Опасенія профессора Михайлова, высказанныя въ разговорѣ съ вице-президентомъ Академіи Художествъ Чекалевскимъ, относились до того, что разсирсы членами Академіи Витберга по поводу его огромнаго проекта, собственно на торжественномъ собраніи Академіи, могли бы ихъ, членовъ, затруднить, такъ какъ на этихъ собраніяхъ все дѣло ограничивается чтеніемъ годового отчета и провозглашеніемъ именъ новыхъ членовъ. Выборы и разсужденія о нихъ происходятъ ранѣе.

д) Къ стр. 182: Симоновъ монастырь — зданіе въ московскомъ вкусѣ, а византійскаго, вопреки словамъ Витберга, въ немъ нѣтъ ничего; и храмъ имъ созидаемый — былъ, также вопреки его мнѣнію, не въ греческомъ стилѣ, а какъ называли тогда въ строго-классическомъ, цинѣ же именуется въ академическомъ.

II. II.

*) Карлъ XII любилъ его особенно за строгую честность и правдивость. Онъ былъ наконецъ Land-Fiscal, мѣсто весьма важное, въ которомъ, нинѣ всѣ средства для обогащенія, онъ умеръ недостаточнымъ человекомъ.

А. Г.

ницы, кончающіяся слѣдующими словами (которыя батюшка мой переводилъ мнѣ на нѣмецкій языкъ слѣдующимъ образомъ):

Bleib nun fest und glaub an Gott
 Halt dich an sein heiligen Geboth,
 Ich will dich in Freuden führen.
 Um dein Gebeth in Gnaden hören.

На шведскомъ языкѣ они составляли весьма правильные стихи.

По прочтеніи сихъ словъ, онъ хотѣлъ перевернуть листь, но все исчезло. Желая знать, не существуютъ ли сіи стихи въ какой-нибудь книгѣ, онъ долго искалъ, спрашивалъ у духовныхъ; но нигдѣ не нашлись. Отсюда можно заключить, въ какомъ духѣ воспитывалъ онъ сына.

Шведы имѣютъ особый характеръ религіозности: это спокойное, почившее въ себѣ убѣжденіе, а не судорожное чувство итальянцевъ и испанцевъ; они все тѣ же норманны, твердые, гордые, спокойнѣе въ своемъ достоинствѣ, убѣжденные въ своихъ правахъ. Это спокойствіе самое влечетъ ихъ къ таинственному. Этотъ характеръ шведовъ мнѣ былъ очень знакомъ, потому что я съ дѣтства бывалъ у шведскаго посланника Штедингга и еще болѣе убѣдился я въ достоинствѣ онаго, когда въ 1826 г. я *) въ Москвѣ часто бывалъ у него;—прежде я не могъ хорошо судить, но тутъ, испытавши всю горечь злобы людей,—меня поразили благородный, открытый нравъ шведской молодежи, окружавшей посланника, ихъ взглядъ безъ лукавства.

Рожденный въ церкви протестантской, я видѣлъ, что она, не довольствуясь одними наружными обрядами, стремится къ развитію духа религіи. Но находясь съ малолѣтства въ двухъ російскихъ вазенныхъ заведеніяхъ, я не могъ не находить то (того?), что заключается въ прекрасныхъ обрядахъ російской церкви. Вообще отъ самой природы было у меня врожденное чувство къ истинѣ и къ религіи. Предметы религіозныя весьма занимали меня. Въ особенности же близкое знакомство съ ученымъ конференцъ-секретаремъ Лабзинимъ, извѣстнымъ издателемъ «Сіонскаго Вѣстника», служило пищею внутреннему влеченію. Часто сужденія его объ обрядахъ греко-россійской церкви имѣли на меня большое вліяніе и я рѣшительно увидѣлъ, что ежели для

*) Зачеркнуто: «снова».

церкви обряды нужны, то они всего лучше въ греческой церкви, ибо они заключаютъ столь много глубокихъ указаній.

При такомъ направленіи, духа не удивительно, что слова Августина и духовенства имѣли на меня чрезвычайное вліяніе; какъ уроженецъ російскій и пользуясь благодѣяніями сей страны и дѣлаясь участникомъ столь важнаго памятника греческой церкви, я считалъ неприличнымъ, чтобы не принадлежать къ ней. Съ тѣмъ вмѣстѣ мнѣ все казалось, что этотъ шагъ не должно дѣлать и духовенство не могло опровергнуть моихъ доводовъ. Я не могъ согласиться съ ними, что греко-россійская церковь лучше другихъ, ибо считалъ всѣ христіанскія — равными.

Они говорили: «если все равно, то и надлежитъ перемѣнить».

Я отвѣчалъ, что потому-то и не слѣдуетъ того дѣлать, что все равно.

— Ну полно-те, полно-те упираться; и безъ того, знаю, что вы весь нашъ, дѣло за наружнымъ — сказалъ Августинъ; я предвижу, что будетъ такъ, и впередъ даю мое пастырское благословеніе.

Между тѣмъ предметъ сей меня очень занималъ въ то время, какъ я готовилъ закладку храма, и я рѣшился объ этомъ сказать князю Александру Николаевичу (Голицыну), чтобы онъ сказалъ о томъ его величеству: не находитъ ли онъ сего нужнымъ по предпринятому занятію?

Князь *) докладывалъ государю императору и онъ велѣлъ мнѣ сказать, что «не находитъ надобности въ наружной перемѣнѣ, зная такъ хорошо христіанство. Я съ своей стороны также надобности въ этомъ не нахожу. Впрочемъ, оставляю это на его собственную волю».

При семъ рассказалъ мнѣ князь довольно странное событіе. Послѣ того, какъ онъ сталъ заниматься религіозными предметами, у него было обыкновеніе ежедневно утромъ читать священное писаніе, продолжая по порядку. Передъ закладкою (храма) нѣсколько дней запятый очень дѣлами, онъ не читалъ. Въ самый же день закладки, урвавъ минуту, онъ сталъ читать съ того мѣста, гдѣ остановился, и это было именно на томъ, какъ Юрамъ (?) началъ выбирать работниковъ для построенія храма Соломонова.

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «На другой день».

— Много страннаго при этомъ храмѣ, сказалъ князь; хорошо бы было, ежели бы вы вели журналъ всѣмъ происшествіямъ сооруженія храма; онъ будетъ занимателенъ.

Это было и мое желаніе, но отвлеченный сначала дѣлами, потомъ интригами меня окружавшими, я оставался при одномъ намѣреніи.

Вечеромъ того же дня, когда была закладка, я всемилостивѣйше былъ пожалованъ чиномъ коллежскаго ассесора, и когда явился къ князю Александру Николаевичу съ благодарностью, то князь объявилъ порученіе государя императора, что хотя бы и не имѣлъ надобности въ присоединеніи къ греческой церкви, но теперь видитъ въ томъ нужду для народа, если это согласно съ собственнымъ моимъ желаніемъ.

Я согласился, но съ тѣмъ вмѣстѣ меня занимало то, что я могу огорчить симъ моего родителя, ревностнаго протестанта. Зная его желаніе, что онъ желалъ давно быть соединенъ со мною и желая, чтобъ онъ приобрѣлъ большую осѣдность въ Москвѣ, я просилъ государя о переименованіи его въ русскіе дворяне изъ шведскихъ (ибо шведское дворянство не давало здѣсь ему правъ), — ставя на видъ, что онъ несъ службу при Еватеринѣ.

Императоръ изъявилъ согласіе и его перевели съ 1-мъ офицерскимъ чиномъ, и тѣмъ я хотѣлъ утѣшить старика. Такъ какъ въ греко-россійской церкви имени Карла не существуетъ, то я принялъ имя Александра, ибо и самъ императоръ изъявилъ желаніе быть (моимъ) воспреемникомъ.

Въ сочельникъ, 24 декабря (1817 г.), въ домово́й церкви архіепископа Августина совершилось присоединеніе мое къ россійской церкви, при священнодѣйствіи Августина. Отъ имени государя былъ князь Александръ Николаевичъ (Голицынъ). По желанію моему, кромѣ моей жены, постороннихъ свидѣтелей не было. Августинъ былъ въ восторгѣ.....

Отъ редакціи. Прерываемъ рассказъ Витберга, чтобы вставить подлинное его письмо по поводу описываемыхъ выше событій*). Это письмо (помѣщаемъ его въ переводѣ съ нѣмецкаго) — къ отцу Витберга, Лаврентію Самойловичу, изъ Москвы, отъ 24 ноября 1818 г., т. е.

*) Документъ этотъ сохранился въ бумагахъ Федора Александровича Витберга, въ переводѣ котораго онъ и помѣщается.

писано почти годъ спустя послѣ перехода нашего академика въ прав-вославіе:

„Достопочтеннѣйшіе и любезнѣйшіе родители! Сердечно сожалѣю, что такъ долго не былъ въ состояніи писать къ вамъ, дорогіе родители. Причиной этого былъ, во-первыхъ, прїѣздъ родственниковъ, которые два дня тому назадъ уѣхали домой и съ ними отправилась на нѣкоторое время и моя жена: у нихъ готовится свадьба, — другая сестра ея выходитъ замужъ. Дѣла мои не дозволили мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нею. По своей обязанности, я долженъ дожидаться возвращенія государя, потому что до сихъ поръ онъ не имѣлъ времени заняться мною и моими бумагами; но какъ скоро я дождусь этого, то также поѣду туда на недѣлю и возвращусь вмѣстѣ съ женой. Сверхъ того, у меня недостаетъ времени справляться со всѣми моими дѣлами. Не проходитъ почти ни одного дня, чтобы съ ранняго утра и до поздняго вечера не подоѣдали мнѣ всякіе любонятные, прїѣзжіе и ищущіе должностей лица; съ другой стороны, мнѣ надо запяться и съ тѣми, которые уже опредѣлены на службу, такъ что къ вечеру я бываю иногда совершенно утомленъ. Надъ моими чертежами трудятся въ настоящее время при мнѣ два помощника; но и имъ приходится иногда дожидаться меня, потому что меня часто отзываютъ отъ дѣла. Между тѣмъ я и для васъ, любезный батюшка, успѣлъ приготовить нѣчто особенное и этимъ по совѣсти исполнилъ какъ ваше желаніе, такъ и свой сыновній долгъ, насколько мнѣ это было до сихъ поръ возможно. Я поздравляю васъ съ отѣнною милостію нашего государя; изъ прилагаемой при семъ копіи вы увидите, что государь всемилостивѣйше повелѣлъ возвести васъ въ званіе потомственнаго дворянина Россійской Имперіи и выдать вамъ надлежащій дипломъ на сіе достоинство, со включеніемъ въ родословную книгу. Далѣе, за вашу 45-ти-лѣтнюю вѣрность русскому престолу и за вашу 8-ми-лѣтнюю коронную службу, государь намѣренъ наградить васъ чномъ, и если судьба будетъ къ вамъ такъ благосклонна, то, быть можетъ, чномъ титулярнаго совѣтника, — этого, однако, я еще не знаю навѣрное; но будемъ терпѣливы: безъ сомнѣнія, вопросъ этотъ вскорѣ рѣшится. Теперь, конечно, и обѣщанное мною вамъ мѣсто будетъ надежнѣе и приличнѣе. Дорогие родители! Такъ какъ для васъ должна быть пріятна царская милость, доставляющая вамъ на старости и почетъ и спокойствіе, послѣ вашей трудовой до сихъ поръ жизни, то нѣтъ сомнѣнія, что вы должны быть глубоко благодарны ему за это.

„И теперь, когда государь до того благосклоненъ къ вашему сыну, что ему прискорбно видѣть въ немъ чужестранца, въ немъ, которому

онъ довѣряеть дѣло, долженствующее доставить всеслѣтнюю славу его народу и привлечь къ колоссу Воробьевыхъ-горъ любопытство иностранныхъ путешественниковъ, то воспротивитесь-ли вы исполненію дорогаго желанія нашего милостиваго монарха? И что можно бы было отвѣтить на моемъ мѣстѣ на слѣдующія его слова:

— „Витбергъ! Я знаю, что вы имѣете хорошее понятіе о христіанской вѣрѣ, и что, поэтому, для васъ должно быть все равно, къ какому вѣроисповѣданію вы принадлежите; что до меня касается, то и по мнѣ это все равно, потому что всѣ церкви, воль скоро онѣ содержатъ въ себѣ христіанскую религію, хороши; но ради моего народа, мнѣ было бы желательно, чтобы вы принадлежали къ нашей церкви; потому что таинственное значеніе вашего проекта храма не всякому понятно и простому человѣку онъ можетъ показаться ересью; если же, напротивъ, вы сами перемѣните вѣру, ради построенія этого собора, то это произведетъ на него (простого человѣка) особенное впечатлѣніе. Но я васъ къ этому не принуждаю; если только это противорѣчитъ вашей совѣсти, то я и этого, со своей стороны, не желаю. Вы знакомы съ нашими обычаями такъ хорошо, что не всѣ ихъ такъ понимаютъ. Подумайте объ этомъ, усердно помолитесь Богу, чтобы не ошибиться, и потомъ сообщите мнѣ ваше рѣшеніе“.

„Что Провидѣніе ведетъ меня особеннымъ путемъ — можетъ видѣть всякій, кто не слѣпъ и имѣетъ хоть какое понятіе объ этихъ дѣлахъ. Для объясненія я долженъ разсказать здѣсь необыкновенный случай: все, что происходитъ со мною въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, все это было мнѣ вратцѣ открыто во снѣ 12 лѣтъ назадъ, значить въ 1806 году, во время моей тяжелой болѣзни. Мнѣ снилось, во-первыхъ: что я нахожусь въ огромномъ строящемся храмѣ; во-вторыхъ: что я былъ женатъ и жилъ на прекрасной, украшенной фонтанами горѣ и былъ какъ бы хозяиномъ этого мѣста; въ-третьихъ: у меня было много дѣла съ какимъ-то русскимъ монахомъ, но что это собственно было за дѣло, этого я не могъ понять. Помнится, я какъ-то разсказывалъ вамъ объ этомъ. Такъ какъ два первыхъ приключенія уже сбылись, именно: я занимаюсь теперь постройкой большого храма, уже женатъ и даже, какъ кажется, буду жить на горѣ, гдѣ есть и ключи, изъ которыхъ можно сдѣлать фонтаны, которые къ тому же назначены и на моемъ плавлѣ, хотя я и не зналъ, что эта мѣстность богата ключами,—то я долженъ имѣть весьма слабую вѣру въ Провидѣніе и весьма ограниченный разумъ, чтобы не постичь моего дальнѣйшаго назначенія,—что я долженъ также окончить и дѣло свое съ монахомъ. При этомъ, я могъ

бы указать вамъ на особенный псаломъ, относящійся къ этому случаю, который попался мнѣ, когда я, еще будучи холостымъ, вошелъ въ первый разъ въ мою нынѣшнюю квартиру, — но это лучше всего высказать со временемъ, при личномъ свиданіи. Вслѣдствіе этого я высказалъ все сіе князю (А. Н. Голицыну): что я долженъ неуклонно слѣдовать этимъ указаніямъ и что онъ можетъ сообщить государю, что я не нахожу ничего противнаго моей совѣсти исполнить его желаніе и именно желалъ бы совершить это въ сочельникъ, передъ Рождествомъ, потому что положенный уже, краеугольный камень храма въ этотъ день былъ освященъ. Государь былъ очень этимъ доволенъ, самъ пожелалъ быть моимъ воспріемникомъ и далъ мнѣ свое имя — Александръ. Обрядъ совершенъ былъ самимъ архіепископомъ, въ его домовую церковь, и князь Голицынъ занималъ мѣсто государя. По моему желанію, никто изъ постороннихъ при этомъ не присутствовалъ, кромѣ двухъ моихъ друзей, — бывшего тузъ проѣздомъ изъ Петербурга священника при кадетскомъ корпусѣ и доктора Мудрова, — да еще моей жены съ сыномъ, который вмѣстѣ со мною причастился св. таинъ. Послѣ сего у архіепископа былъ накрытъ для насъ завтракъ. Здѣсь я оканчиваю мое длинное письмо, въ надеждѣ, что одно стоитъ другого, т. е. если вамъ, любезный батюшка; пріятно, какъ я надѣюсь, сдѣлаться на старости лѣтъ дворяниномъ Россійской имперіи, со всѣми его правами, то вы не можете осуждать своего сына, что онъ лучше желаетъ называться сыномъ своего отечества въ странѣ, гдѣ онъ родился и наслаждается всякими благами, чѣмъ носить имя чужестранца....

„Въ прошедшемъ письмѣ вашемъ, любезный батюшка, вы были очень довольны тѣмъ, что самъ государь будетъ членомъ нашей строительной комисіи, потому что для меня это, конечно, большая выгода; а теперь это еще лучше, потому что я вступилъ съ нимъ въ духовное родство...

„Еще разъ поздравляю васъ, любезный батюшка, дворяниномъ Россійской имперіи“....

Поздравляя отца съ возведеніемъ въ дворянское достоинство, академикъ Витбергъ могъ поздравить и себя: одновременно съ переходомъ въ православіе, онъ сдѣланъ помощственнымъ дворяниномъ, о чемъ тогда же разосланы печатные указы *)......

*) Объ этомъ упоминаетъ сенаторъ Павелъ Степановичъ Руничъ въ имѣющемся у насъ письмѣ къ сыну Дмитрію (вслѣдствіи попечителя петерб. учебн. округа) отъ 24 января 1818 года. Ред.

IX.

На другой день (послѣ принятія мною православія) князь объявилъ мнѣ поздравленіе отъ государя императора и съ тѣмъ вмѣстѣ волю государя, чтобъ я въ наискорѣйшемъ времени занялся составленіемъ проекта комисіи сооруженія храма, чтобъ можно было приступить къ дѣлу, дабы народъ не думалъ, что государь ограниченъ одной закладкой, такъ чтобъ къ отъѣзду его величества было это готово.

Я простудился на закладкѣ и былъ тяжело боленъ, посему и не могъ скорѣе заняться сказаннымъ дѣломъ. Князь доложилъ объ этомъ государю и государь вознамѣрился прислать Л. М. Виле для подавія скорѣйшей помощи, ежели нѣтъ искуснаго у меня доктора. Благодаря князя за вниманіе государя я сказалъ, что совершенно увѣренъ въ Мудровѣ, который былъ въ тѣсныхъ дружескихъ со мною отношеніяхъ.

«Въ такомъ случаѣ Виле не посылать; они враги, поссоратся при больномъ и надѣлаютъ ему болѣе вреда нежели пользы».

Но, впрочемъ, не Мудровъ меня вылечилъ, а итальянецъ, искавшій мѣста каменнаго мастера, привелъ мнѣ извѣстнаго Сальватора, который увидѣлъ во мнѣ солитера и сдѣлалъ большую помощь.

Такимъ образомъ, хотя гораздо позднѣе, какъ я предполагалъ, но въ скоромъ однако времени, я изложилъ мои общія мысли о учрежденіи комисіи. Замѣтивъ въ Августинѣ ревностное желаніе участвовать въ семъ дѣлѣ и понимая пользу важнаго духовнаго лица, я помѣстилъ его и генераль-губернатора, какъ высшую власть свѣтскую, первенствующими членами и имѣя въ виду сокращеніе переписки съ сими лицами. И два члена непремѣнные: я и совѣтникъ. Подробность учрежденія находится въ текстѣ, который прилагается *).

Впрочемъ, учрежденіе сіе не было сообразно съ обыкновеннымъ ходомъ дѣла, я писалъ его: полагаясь на себя, одушевленнаго пользою и чистымъ усердіемъ; ежели бы были другія обстоятельства, оно не могло бы годиться для наемщика, служащаго изъ

*) «Учрежденіе комисіи», и другія бумаги, упоминаемыя въ рукописи, въ ней не приложены. Впрочемъ, «учрежденіе комисіи» находится въ Полномъ Собраніи Законовъ, т. XXXVII № 28,433. Ред.

денегъ. Вездѣ, гдѣ могъ, отрывался я отъ формъ, утомляющихъ силы и сковывающихъ всѣ дѣйствія, и только въ необходимыхъ случаяхъ жертвовалъ рутинѣ обыкновенныхъ нашихъ учреждений.

Князь объявилъ, что императору нравится моя мысль, но находить нужнымъ прибавить еще одного первенствующаго члена, московскаго инженеръ-генераль-маіора Карбонье.

Князь зная о случившейся между мною и генераломъ непріятности, съ особымъ видомъ сообщилъ мнѣ это.

— Имѣть въ комисіи генерала Карбонье было и собственное мое желаніе съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ его въ Твери, но вашему сіятельству извѣстны тѣ непріятности, которыя генераль мнѣ дѣлалъ, и потому это дѣло уже невозможное; я долженъ избѣгать его, какъ лицо неблагонамѣренное; гдѣ вражда, дѣло идти хорошо не можетъ; онъ уже попробовалъ взять верхъ надо мною и насильственно вступить въ кругъ моихъ занятій.

— Знаю я это, сказалъ князь, но что же дѣлать, государю такъ угодно.

— Но я рѣшительно вмѣстѣ съ Карбонье служить не могу, и въ такомъ случаѣ останется государю избрать, кому быть въ комисіи: Карбонье безъ меня или мнѣ безъ Карбонье, въ кому императоръ будетъ имѣть болѣе довѣренности.

— Хотите вы, чтобъ я это государю такъ и передалъ?

— Да, князь, прошу васъ это; тутъ середины нѣтъ, я или Карбонье!

Слова мои въ точности были переданы императору. Онъ остановился въ дальнѣйшемъ ходѣ сего дѣла и вскорѣ послѣ этого отправился въ С.-Петербургъ, и мнѣ предоставлено было дальнѣйшее обработываніе дѣла и, въ случаѣ надобности, велѣно явиться въ Петербургъ.

Я занялся, вмѣстѣ съ улучшеніемъ проекта, и обработываніемъ плана экономическаго и я нашелъ себя въ необходимости взойти въ новую стихію и знакомиться дотолѣ съ чуждою хозяйственною частью. Совѣтывался съ опытными людьми, придумывалъ, трудился и наконецъ написалъ *) (проектъ положенія), утвержденный впоследствии императоромъ.

Здѣсь имѣютъ мѣсто нѣкоторыя подробности и происшествія

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «предложилъ».

того времени. Когда сдѣлалось гласно, что императоръ предоставилъ мнѣ выборъ людей, множество архитекторовъ увивались около меня, отыскивая мѣсть. Но все это были люди обыкновенные, съ одною цѣлью обогащенія служившіе, развѣ исключить одного Желарда ¹⁾, образованнаго молодого человѣка и съ талантомъ и Бовэ, ²⁾ который, можетъ, имѣлъ отъ природы дарованіе, но все это было подавлено страстью пріобрѣтенія и рѣшительно одними практическими занятіями.

Чтобъ показать направленіе ихъ, вотъ небольшой анекдотъ. Стараніями преосвященнаго Августина отлили огромный колоколъ для Ивановской колокольни. Когда онъ былъ готовъ и надлежало его привезть въ Кремль, тогда только догадались, что діаметръ окружности его внизу нѣсколько шире Боровицкихъ воротъ; затруднились и тотчасъ стали требовать совѣта инженеръ-генераль-маіора Карбонье. Карбонье нашелся, предложилъ сдѣлать подмостъ съ обѣихъ сторонъ Кремлевской стѣны и машинами поднять его и опустить. Издержки должны были быть значительны; но дѣлать было нечего. Однако подрядчикъ, который везъ, мужикъ, рѣшился предложить иное мнѣніе; такъ какъ колоколъ былъ немного пошире воротъ и то въ одной линіи, то онъ совѣтовалъ вынуть по нѣсколько кирпичей въ воротахъ, что сдѣлали и, что разумѣется, почти ничего не стоило.

Въ то же время происходило открытіе памятника Минину и Пожарскому. Проектировалъ его ректоръ академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мартосъ ³⁾. Касаясь монумента, нельзя не высказать моего мнѣнія относительно сего произведенія Мартоса. Многихъ памятниковъ сей не поражаетъ, и естественно: авторъ отошелъ отъ первой своей идеи—непростительная ошибка артиста! Я видалъ неоднократно первый эскизъ у Мартоса: онъ состоялъ изъ двухъ стоячихъ фигуръ. Гражданинъ Мининъ, держа лѣвой рукою князя Пожарскаго за его правую, въ которой поднятъ вверхъ мечъ, правой же—показываетъ съ жаромъ впередъ. Князь, имѣя на лѣвой рукѣ щитъ, на головѣ—шлемъ, обращаетъ взоръ къ небу, какъ бы испрашивая благословенія онаго. Тутъ явнымъ образомъ выражалось все, что потребно исторіи. Всякій видитъ какого-то гражданина, ведущаго воина на битву, чего теперъ видѣть нельзя. Что показываетъ теперъ

стоящій гражданинъ сидящему воину? и что сдѣлаетъ воинъ: пойдеть ли или нѣтъ? не знаютъ. Живописецъ и ваятель по смыслу (?) можетъ схватить только одинъ моментъ. Посему художникъ долженъ избирать послѣдній моментъ или самый рѣзкій, а не сомнительной. Въ первой идеѣ Мартоса и выражено; но почему-жъ онъ не удержалъ свою первую идею? Вельможи, посѣщавшіе мастерскую Мартоса и имѣя обыкновеніе совѣтывать, хвалили его проектъ, но находили неприличнымъ, что гражданинъ Мининъ ведетъ князя Пожарскаго, какъ будто этимъ самымъ болѣе чести отдается Минину, забывая, что въ исторіи такъ было. Мартосъ принадлежалъ еще къ тѣмъ выписаннымъ артистамъ, которые отличились своими кліентами; любившій угождать, былъ такъ слабъ, что для угожденія этимъ вельможамъ забывалъ достоинства артиста. Переимѣнилъ свою хорошую идею и рѣшился, для большей важности, посадить его. Вотъ какъ губельно, когда артистъ, забывая свое дарованіе, даетъ мѣсто пошлымъ разсчетамъ!

Къ сему присоединяется еще одно обстоятельство, позже обнаружившееся, но имѣющее непосредственную связь съ памятникомъ. Сначала было уже (сказано), что Мельниковъ, при объявленіи программы, занимался проектомъ, показывалъ его мнѣ и я нашелъ его недостаточнымъ, далѣе какъ я ему ввѣрилъ свои идеи, довѣряя благородству артиста. Но вышло иначе. Мартосъ былъ сначала весьма хорошо расположенъ ко мнѣ; особенно когда я хлопоталъ въ Академіи, онъ мнѣ самъ совѣтывалъ пренебречь Академіею и стараться лично объяснить государю проектъ; но вступивъ въ близкое родство съ Мельниковымъ⁴⁾, за котораго весьма ходатайствовалъ помѣстивъ его профессоромъ въ академіи, совѣтывалъ *) Тормасову опредѣлить при обстроиваніи Москвы одного изъ профессоровъ Академіи, думая помѣстить его. Мельниковъ сдѣлалъ новый проектъ и Мартосъ, зная что мой одобренъ государемъ и имѣя протекцію при графѣ Аракчеевѣ, онъ домогался, чтобъ приняли проектъ его⁵⁾. Въ проектѣ своемъ онъ употребилъ всѣ ему извѣстныя идеи моего проекта. Можетъ, Мартосъ ему и присовѣтывалъ составить проектъ по этимъ идеямъ.

*) Въмѣсто зачеркнутаго «просилъ».

При какомъ-то докладѣ (вѣроятно графа Аракчеева) въ 1817 году между прочими бумагами находился вложеннымъ сей проектъ. Государь императоръ, увидя его и узнавъ, сказалъ: «на что же его, проектъ утвержденъ». Тѣмъ и кончилось.

Но мы уже сказали, какъ Мельникову я передалъ свои идеи безъ всякаго порядка; увидимъ теперь, какъ онъ ими воспользовался.

Однажды К. Я. Булгаковъ прислалъ мнѣ номеръ какого-то журнала *), въ которомъ была статья въ видѣ частнаго письма соч. Григоровича, тоже родственника Мартоса (6), издававшего журналъ (7). Какой-то путешественникъ, описывая достопримѣчательности Петербурга въ художественномъ отношеніи, и касаяся Академіи Художествъ, доходитъ наконецъ до проекта Мельникова, необыкновенный и славный, какъ онъ его называетъ, расхваливаетъ до чрезвычайности, «но, чтобъ имѣть тебѣ понятіе о семъ необыкновенномъ произведеніи, сообщу мысли самого артиста». И тутъ начинаетъ онъ излагать мои разбросанныя идеи, которыя только могъ запомнить Мельниковъ, и какъ Мельниковъ былъ весьма недалекъ въ этихъ отношеніяхъ, у него вышла какая-то галиматья. Такъ, напримѣръ, онъ удержалъ рѣку и косогоръ; такъ помнилъ онъ, что храмъ мой тройственный и помнилъ катакомбу при нижнемъ храмѣ, въ которой находилась память убиенныхъ воиновъ,— и онъ сдѣлалъ нижній храмъ въ память убиенныхъ воиновъ. Идея второго храма совершенно скрылась отъ него и потому онъ его назвалъ храмомъ гражданъ, а для третьяго онъ ничего не придумалъ и потому остался онъ у него безъимяннымъ. Помня, что входъ въ храмъ идетъ чрезъ терассы, изображающія добродѣтели, и у него представлены терассы съ добродѣтелями. Но какія, тамъ онѣ произвольны, объ этомъ онъ не говоритъ. Помня, что находилась у меня богатая колоннада, которая имѣла свою необходимость, и онъ помѣстилъ колоннаду. Авторъ статьи замѣтилъ, что «артистъ, при помѣщеніи сей колоннады, имѣлъ въ виду не одну красоту, но и особую высокую идею». Какая же это идея? «Какъ на пути добродѣтели истинный христіанинъ всегда встрѣчаетъ какія-то препятствія, отъ какихъ-то ложныхъ красотъ со-

*) На полѣ рукописи сдѣлана А. И. Герценомъ замѣтка: «Справиться какой журналъ?»

вращающихъ путь его; но истинный воинъ христовъ проходитъ мимо». Право, непонятна эта высокая идея; какое препятствіе дѣлаетъ колоннада, указующая путь, и почему красота, колонны похожа «на совращающую красоту съ пути христіанскаго»? и т. д.

Прочитавъ эту статью, разумѣется, я не могъ не оскорбиться неблагороднымъ поступкомъ Мельникова⁸⁾, и потому взявъ эту книжку журнала, я явился къ князю Александру Николаевичу; показавъ ему, спрашивалъ его совѣта, несмотря на то, что еще не пришло времени, не слѣдуетъ ли мнѣ тоже напечатать *) объясненіе свое, упомянувъ о поступкѣ Мельникова, ибо впоследствии люди, худо знающіе дѣло, узнавъ мое объясненіе, могутъ найти сходство въ читанномъ ими прежде.

Но князь, нѣсколько подумавши, сказалъ, что это не нужно, ибо идеи мои извѣстны государю, многимъ знатымъ особамъ и что слѣдственно можно презирать подобные происки.

Какъ это согласовалось и съ моимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, то я и обрадовался, что не нужно было входить въ журнальное преніе.

Впоследствии времени я встрѣтилъ однажды Мельникова у Егорова (женатаго на третьей дочери Мартоса⁹⁾), и сказалъ ему, что я читалъ статью о его проскѣ и что «новый проектъ его гораздо лучше», прибавилъ я иронически; Мельниковъ смутился, ничего не сказалъ и вскорѣ ушелъ. Тѣмъ и кончилось.

При отъѣздѣ государя изъ Москвы въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца 1818 г., мнѣ были выданы деньги, издержанныя при закладѣ (храма), и собственно мнѣ были выданы 3000 рублей.....

Бывши въ деревнѣ у родныхъ и возвращаясь оттуда лѣтомъ въ 1818 году въ Москву, я заѣхалъ, по желанію тещи, въ Саввинскій монастырь**). Подъѣзжая къ монастырю, мы замѣтили большое движеніе и у воротъ монастыря множество чиновниковъ. При приѣздѣ узнали, что туда ожидаютъ великаго князя Николая Павловича и супругу его. Я надѣлъ мундиръ и явился въ соборъ. Всмотриваясь въ лицо генерала, сопровождавшаго великаго князя, я увидѣлъ большое сходство въ немъ съ пріятелемъ

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «написать».

Ред.

***) То-есть Саввианъ Старожевскій м., близъ г. Звенигорода, отъ котораго до Воскресенска 18 верстъ. .

П. П.

моимъ, Гартингомъ, котораго я оставилъ передъ кампаніей штабсъ-капитаномъ; наконецъ я узналъ, что это онъ самъ. Я подошелъ къ нему *). Некогда было говорить, и мы условились съ нимъ видѣться въ Москвѣ; я узналъ, что онъ командированъ для сопровожденія великаго князя по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ происходили сраженія.

На другой день моего приѣзда прислалъ Гартингъ своего адъютанта Пошмана, чтобъ объявить мнѣ, что его высочество желаетъ меня видѣть; замѣтивъ тогда академической мундиръ, онъ спросилъ у Гартинга, кто я, и узнавъ, сказалъ, что давно уже желалъ видѣть меня и просить. Вслѣдствіе чего, я въ тотъ же день явился къ его высочеству съ моимъ проектомъ. Я объяснилъ великому князю во всѣхъ подробностяхъ проектъ. Онъ остался довольнымъ и заключилъ тѣмъ, что имѣеть ко мнѣ особую просьбу. Дѣло состояло въ томъ, что ему угодно было воздвигнуть придѣлъ во имя Александра Невскаго въ Воскресенскомъ монастырѣ **), въ память рожденія сына.

— «Я поручалъ архитекторамъ, но проекты ихъ такъ обыкновенны; мнѣ бы желалось что-либо новое съ вашими идеями».

Я немедленно занялся маленькимъ чертежемъ и черезъ нѣсколько дней явился съ чертежемъ къ его высочеству, удержавъ въ царскихъ вратахъ ту же идею, какъ въ церкви князя Александра Николаевича (Голицына), съ нѣкоторыми измѣненіями. Онъ желалъ, чтобъ придѣлъ былъ ***) мраморный съ бронзою ****).

Онъ остался доволенъ и просилъ тотчасъ приступить къ исполненію и при немъ, чтобъ сдѣлать закладку. Я заказалъ доску изъ серпуховскаго желтаго мрамора, съ высѣченными словами о имени придѣла и случаѣ, почему оный воздвигается. Отправясь вмѣстѣ съ его высочествомъ въ Воскресенскій монастырь для положенія сего камня, гдѣ и была совершена закладка, на другой день я получилъ отъ его высочества брилліантовый перстень.

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «и началъ съ нимъ говорить. Великій князь, увидя это и обратя вниманіе, спросилъ».

Ред.

**) Называемомъ Новымъ Іерусалимомъ, въ 48 верстахъ отъ Москвы, на рѣкѣ Истрѣ.

П. П.

***) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «бѣлый».

Ред.

****) «Бронзою», вм. зачеркнутого: «съ золотомъ».

Ред.

Его высочество отправился въ Петербургъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пожелалъ имѣть чертежи для сосудовъ и полной утвари изъ золота и серебра, на которую онъ желалъ употребить блюда, поднесенныя ему московскимъ вупечествомъ, по случаю рожденія великаго князя Александра Николаевича. Послѣ чего, я отправился въ Петербургъ.

Въ томъ же году, во время пребыванія въ Москвѣ короля прусскаго съ наслѣднымъ принцемъ, по желанію его величества слышать и видѣть мой проектъ, я имѣлъ счастье ему представиться и лично объяснить. Король былъ доволенъ и слѣдующимъ лаконическимъ образомъ затѣтилъ: «Ja, das ist wirklich recht gut angedacht». Въ это время вся свита его величества удостоили меня своимъ посѣщеніемъ, въ томъ числѣ инженеръ-генералъ Раухъ, съ которымъ мнѣ было пріятно объясняться нѣсколько подробно по практической части. Многие совѣтывали прежде всего сондировать землю, но я полагалъ это излишнимъ (хотя и было сдѣлано нѣсколько сондированій), и думалъ что надлежитъ рѣшительно приступить къ выемкѣ земли и тогда преодолевать встрѣчающіяся препятствія. Мы были съ нимъ на самомъ мѣстѣ: Раухъ совершенно одобрилъ мое предположеніе, прибавивъ къ тому, что по выемкѣ всей нужной земли сондировать, ибо являются иногда подъ самымъ хорошимъ грунтомъ опасныя мѣста, съ чѣмъ я и согласился, находя его мнѣніе совершенно справедливымъ.

Организація коммисіи и прочія дѣла по храму остановились около *) года; можетъ, въ этому способствовало и то затрудненіе, какое могло произойти отъ отзыва моего на счетъ генерала Карбонье, которое затрудненіе вскорѣ устранилось переводомъ его въ С.-Петербургъ. Къ сему времени относится образованіе министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Министромъ былъ назначенъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Между тѣмъ я продолжалъ заниматься чертежемъ храма и въ особенности обработываніемъ экономическаго проекта. Вотъ въ чемъ состояла идея: 1) текстъ экономическаго проекта; 2) возраженіе министра финансовъ съ поясненіями; 3) положеніе о сооруженіи въ Москвѣ храма на Воробьевыхъ-горахъ.

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «на цѣлѣй».

По прївздѣ моемъ въ 1819 году въ Петербургъ, проектъ экономическій былъ поверженъ къ разсмотрѣнію государя императора.

Онъ ему весьма понравился. «Странно, сказалъ онъ, опять новость; при этомъ храмъ много чрезвычайнаго». Съ тѣмъ вмѣстѣ государь приказалъ, чтобъ я явился къ министру финансовъ Д. А. Гурьеву «отъ котораго вѣдь мы получаемъ деньги» *), и объяснить ему подробности сего проекта.

Вслѣдствіе сего я и былъ у него. Министръ казался довольнымъ; при этомъ былъ его правитель канцеляріи (или директоръ) Дружининъ. Министръ сказалъ: «Вы такъ много озаботились о выгодахъ казны, что, кажется, даже можно бы прибавить крестьянамъ что-нибудь къ суммѣ, назначенной имъ для годичнаго продовольствія».

На это я возразилъ, что «все мое стараніе было для возможнѣйшаго облегченія казны; но что мнѣ будетъ очень пріятно, ежели казна сдѣлаетъ какую либо прибавку.»

Государь утвердилъ мои предположенія и повелѣлъ приступить къ начальному опыту. Меня причислили къ министерству духовныхъ дѣлъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пять лицъ, представленные мною (двое по хозяйственной, двое по искусственной и одинъ по письменной), причислены къ оному и прикомандированы ко мнѣ по предмету высочайше возложеннаго на меня порученія. Какъ я опасался, что разглашеніе порученія о покупкѣ имѣній возвысило бы цѣны на имѣнія, то я и просилъ, чтобъ оное было секретно, посему и дали видъ моему порученію прискиванія матеріаловъ по разнымъ губерніямъ, съ выдачею 5000 руб. на необходимые по сему расходы, какъ-то развѣзды и прочее. Вмѣстѣ съ симъ всемилостивѣйше повелѣно: производить жалованье изъ кабинета не 2000, а 3000 руб.

X.

Исполненіе сихъ порученій шло довольно успѣшно; для отысканія имѣній и матеріаловъ, я осматривалъ берега Ови и Москвы. Собравъ чрезъ генераль-губернатора свѣдѣнія о находящихся ваменоломняхъ, я узналъ, что кромѣ Мячковской, внизъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «для показанія ему сего положенія».

«УГОЛЫ СТАРИКА», т. V. 1872 г. АПРѢЛЬ.

по Москвѣ-рѣкѣ версть 20 и Татаровской¹⁰⁾ на верховьи версть 60 отъ города, другихъ нѣтъ или не знаютъ. Изъ коихъ Татаровская хотя и доставляла твердый дикій камень, коимъ выложена набережная у Мосевы-рѣки, но что она довольно истощена; а Мячковская, состоящая изъ мягкаго известняка, не представляла мнѣ выгоды и потому, при собственномъ объѣздѣ, я предполагалъ искать новыхъ каменоломней отъ верховья Москвы до Оки, и по самой Овѣ близъ Алексина, Серпухова....

Вслѣдствіе чего отерты были много мѣстъ, изобилующихъ хорошими камнями; одно изъ нихъ на верховьяхъ Москвы при казенныхъ деревняхъ Григоровѣ и Ладугинѣ¹¹⁾ (гдѣ оныя и открылись). Сему мѣсту далъ я преимущество, потому что видѣлъ возможность доставлять оный (т.-е. камень) Москвою до Воробьевыхъ-горъ, сдѣлавъ судоходною оную. Съ тѣмъ вмѣстѣ отысканы были нѣсколько помѣщичьихъ имѣній, совершенно согласныхъ моимъ требованіямъ и по многу назначеннымъ дешевымъ цѣнамъ, даже съ нѣкоторымъ пониженіемъ противъ высочайше утвержденной цѣны.

Въ 1820 г. я отправился въ Петербургъ для донесенія о благополучномъ успѣхѣ возложенныхъ порученій. Князь, въ которому я явился, сказалъ, что я весьма хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ, ибо онъ получилъ формальное опроверженіе отъ министра финансовъ противъ моего эконолическаго проекта.

Въ тотъ же день, отправляясь по набережной Невы на Васильевскій островъ, неожиданно встрѣтился съ прогуливающимся императоромъ. Какъ государю не могъ еще быть извѣстнымъ мой пріѣздъ и думая, что онъ не узнаетъ меня одѣтаго по зимнему, я думалъ, что пройду незамѣченнымъ имъ; но когда я былъ довольно близокъ къ нему, я увидѣлъ по взгляду, что государь узналъ меня и шелъ прямо ко мнѣ. При семъ нельзя не замѣтить слѣдующаго маленькаго происшествія:

Какой-то человѣкъ шелъ по тому же тротуару; государь, подойдя ко мнѣ, вдругъ остановился возлѣ меня; этотъ человѣкъ, полагая, что государь пойдетъ мимо, а можетъ и не узнавъ его, столкнулся съ государемъ. Государь, прежде нежели далъ ему время опомниться, самъ извинился передъ нимъ съ величайшимъ добродушіемъ. Потомъ, обращаясь ко мнѣ: «Давно ли ты пріѣхалъ?».

«Нынче утромъ, ваше величество».

— Это хорошо, что ты здѣсь, надобно будетъ заняться дѣломъ,—сказалъ онъ и, поклонившись, пошелъ.

И въ то же время подошелъ ко мнѣ полицейскій чиновникъ съ разспросами, кто я, что я говорилъ съ государемъ, не просилъ ли чего; но которому я сказалъ, что онъ могъ видѣть, что не я остановилъ государя, а онъ, и что ни кто я, ни о чемъ говорилъ, до него не касается — онъ и отсталъ послѣ этого. Послѣ чего я тотчасъ возвратился къ князю и рассказалъ ему мою встрѣчу.

На другой день мнѣ было передано по высочайшей волѣ мнѣніе министра финансовъ, съ тѣмъ, чтобъ я сдѣлалъ на оное свои поясненія, которыя и будутъ приложены.

Я спросилъ князя, что это: замѣчаніе или опроверженіе?

Князь сказалъ: «болѣе опроверженіе».

— Въ такомъ случаѣ вѣроятно это ошибочно, ибо истина одна и выгода моего проекта очевидна.

Признаться надлежитъ, я предполагалъ, что опроверженіе, писанное въ министерствѣ финансовъ людьми, всю жизнь посвятившими сему предмету, по крайней мѣрѣ будетъ такъ хитро и обдуманно, что мнѣ трудно со всѣмъ убѣжденіемъ возражать на оное. Но прочитавъ оное, я улыбнулся и увидѣлъ, какъ нестрашны хитрости людей неблагонамѣренныхъ для разбора напутствуемаго чистымъ намѣреніемъ и прямымъ взглядомъ.

Тутъ вспомнилъ я, какъ знаменитый Оксенштиерна *) назначилъ юнаго сына своего, только что кончившаго курсъ наукъ, на конгрессъ. Юноша испугался, какъ ему бороться со всѣми этими людьми, посѣдѣвшими въ дипломатіи. Но онъ ему сказалъ: «ступай, и ты увидишь, какъ легко человѣку съ дарованіемъ, идучи по прямому пути, побороть эти ложные умы». Его слова сбылись.

Я написалъ опроверженіе. То и другое прилагаются **). Государь остался доволенъ онымъ, говоря что въ мнѣніи Гурьева

*) Оксенштиерна Аксель, извѣстный шведскій дипломатъ временъ Густава-Адольфа, по смерти коего за малолѣтствомъ королевы Христины, во время 30-ти-лѣтней войны, былъ регентомъ Швеціи; ум. въ 1654 г. Ред.

**) При подлинникѣ записокъ — «Опроверженія» этого не имѣется.

есть даже логическія ошибки и приказалъ князю Александру Николаевичу прочесть ему мое опроверженіе и сказать, что его величество въ полной мѣрѣ согласенъ со мною. При семъ случаѣ, министръ сказалъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ дать 10.000.000, когда не былъ приготовленъ на то. Князь объявилъ мнѣ объ этомъ.

— «Я зналъ, что у министра финансовъ денегъ не будетъ для строенія храма и потому я заранѣе озаботился и имѣю въ виду 10.000.000, т.-е. заемъ въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ, а министръ финансовъ, общавшійся ежегодно отпускать 2.000.000, пускай уплачиваетъ оными долгъ».

Это было доведено княземъ до свѣдѣнія государя.

Опять довольно странно, что и тутъ найдено средство преодолѣть препятствіе. Государь велѣлъ объявить министру финансовъ, который замѣтилъ, что опекунскій совѣтъ не можетъ ссудить сей суммой.

Я объявилъ князю, что я не осмѣлился бы сдѣлать невозможное предположеніе, и потому передъ отъѣздомъ я справлялся въ совѣтѣ и узналъ готовность онаго сдѣлать сіе. Тогда было приказано оффиціально спросить Н. Л. Львова, старшаго члена совѣта, о возможности такого займа. Спустя двѣ недѣли былъ полученъ удовлетворительный отвѣтъ.

Казалось, препятствія были устранены; тогда министръ (Гурьевъ) прибѣгнулъ къ новому извороту, говоря, что таковой заемъ нельзя учредить, ибо это противно комисіи погашенія долговъ. На это я представилъ прилагаемое мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что оборотъ сей, доставляющій приобрѣтеніе, не есть долгъ, въ собственномъ смыслѣ слова, но распоряженіе, необходимое въ сіе время, само собою уничтожающееся и совершенно сообразное съ началами принятой нынѣ финансовой системы, почти всѣхъ европейскихъ государствъ.

Послѣ сего министръ уже не дѣлалъ опроверженій--и мнѣніе мое состоялось. При семъ нельзя не замѣтить явнаго противудѣйствія со стороны министра финансовъ. Причина сего кажется ясна: распоряженіе мое было слишкомъ выгодно для казны и слишкомъ невыгодно для министерства, коего требованія довольно видны въ возраженіи министра, «что никто не захочетъ продавать своихъ имѣній, по мною назначенной низкой цѣнѣ»;—

на что я возразилъ согласіемъ помѣщиковъ не токмо по сей, но и по низшей цѣнѣ уступить вазнѣ.

Вслѣдъ за симъ утвержденъ императоромъ проектъ комисіи съ экономической частью.

Съ сего времени начинается новый образъ дѣятельности по сему предмету, и посему мы остановимся тутъ.

7-го іюля 1820 г. состоялся рескриптъ на имя князя Александра Николаевича *):

„Князь Александръ Николаевичъ! Манифестомъ даннымъ въ Вильно въ 25-й день декабря 1812 года, возвѣстилъ я намѣреніе соорудить въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ храмъ во имя Христа Спасителя, вслѣдствіе чего и заложенъ сей храмъ октября 12 дня 1817 года на Воробьевыхъ горахъ по утвержденному мною плану академика коллежскаго ассесора Витберга.

„Нинѣ для производства строенія по сему плану и для распоряженія назначаемыми къ тому денежными и другими пособиями, призналъ я за нужное учредить комисію изъ двухъ первенствующихъ и двухъ непремѣнныхъ членовъ: первенствующими членами сей комисіи повелѣваю быть митрополиту московскому Серафиму и московскому военному генераль-губернатору князю Голицыну; непремѣнными — коллежскому ассесору Витбергу, въ званіи директора строенія и экономической части, и одному совѣтнику, который отъ меня впредь назначенъ будетъ.

„Я поручаю вамъ привести сіе въ надлежащее исполненіе и объявить о семъ первенствующимъ членамъ комисіи. Пребываю вамъ всегда благосклонный Александръ“**).

Оканчивая сію часть, нельзя не упомянуть съ благодарностью о томъ вниманіи, которое оказывали моему проекту люди извѣстные, ученые, путешественники, посланники почти всѣхъ европейскихъ дворовъ, ... о томъ горячемъ желаніи, съ которымъ старались его видѣть; о многихъ уже было сказано; изъ про-

*) Далѣе въ подлинникѣ отмѣткой «текстъ рескрипта», но его не приведено. Выписываемъ этотъ документъ изъ П. С. З. т. XXXVII, № 28,349. Ред.

***) При рескриптѣ приложены: штатъ комисіи для сооруженія храма Христа Спасителя въ Москвѣ на Воробьевыхъ горахъ. См. П. С. З. книгу штатовъ, къ № 28,347. Совѣтникомъ въ комисію послѣдствіи времени былъ назначенъ по ходатайству Витберга—Архадій Павловичъ Руничъ, братъ его друга Дмитрія Рунича; къ этому послѣднему имѣется подлинная записка Витберга; увѣдомляя объ этомъ назначеніи, онъ заключаетъ записку: «.....ниѣ въ особенности пріятно обо всемъ этомъ извѣстить перваго васъ, — вчерась вечеромъ въ 9 часовъ говорилъ я объ этомъ съ государемъ.....». Ред.

чихъ скажемъ о нѣкоторыхъ токмо особенно замѣчательныхъ: сардинскій посланникъ (въ 1817 году) разсматривая какъ художникъ, какъ итальянецъ, замѣтилъ одному изъ спрашивавшихъ его, что «этотъ храмъ выше храма св. Петра, строеннаго во вкусѣ падшей (нашей) архитектуры того времени». Это сужденіе мнѣ много льстило. Итальянецъ, отрекающійся отъ своего св. Петра!

Герцогъ Девонширскій обратилъ вниманіе на другую часть проекта: какъ англичанинъ, на—экономическую, и съ тѣмъ глубокимъ сознаниемъ дѣлъ финансовыхъ, которыя имъ такъ врожденны, какъ артистическія понятія—итальянцамъ, съ восторгомъ сказалъ: «Такія средства имѣеть одна Россія!»

Лестные отзывы, похвалы стремились отсюду; съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я письмо знаменитаго Вибкинга въ Мюнхенѣ, который, издавая архитектурную книгу, въ коей помѣщая знаменитѣйшія зданія нашего вѣка, просилъ прислать ему мой проектъ, о которомъ онъ писалъ какъ о первомъ зданіи нашего вѣка. Но тогда мнѣ было не до того; я не могъ его удовлетворить,—тогда уже начались всѣ гнусности интриги, которая завлекла меня.

Говоря объ этихъ мнѣніяхъ, нельзя умолчать о мнѣніи знаменитаго генерала нашего Милорадовича, который спросилъ меня: «изъ чего будутъ колонны?»

«По недостатку хорошаго камня, онѣ будутъ изъ того дикаго камня, который можно найти въ Московской губерніи, или даже изъ кирпича».

— «Почему же не изъ финляндскаго гранита?»

«Это чрезмѣрно будетъ дорого, возразилъ я, по огромности колоннъ и по дороговизнѣ самой доставки».

— «По моему тѣмъ-то и лучше, чѣмъ дороже; чѣмъ труднѣе, тѣмъ болѣе славы для памятника Россіи; дешевое, легкое—всякій можетъ сдѣлать».

Такъ люди, отличные въ какомъ бы отношеніи ни были—со чувствуютъ великому!

Вотъ еще встрѣча другого рода: *) зимою 1817 года Воробьевскій священникъ пришелъ ко мнѣ рассказать, что былъ ка-

*) Далѣе зачеркнуто: «въ 1817 г. приѣхавшій изъ Константинополя грекъ Станопуло»...

кой-то грекъ изъ Царяграда у него, по имени Станоцуло, съ чудотворною иконою живоноснаго источника (зоондохопіи) *). Онъ просилъ отслужить ему молебень на мѣстѣ закладки храма, прося взять для этого случая икону съ собою, имъ принесенную, о которой мы сказали; ибо имѣлъ трибратное видѣніе во снѣ св. Николая, который повелѣвалъ ему идти въ Москву служить молебень на Воробьевыхъ горахъ, на мѣстѣ заложенаго храма. Во время молебна священникъ замѣтилъ потокъ воды на иконѣ. Грекъ замѣчалъ, что въ этой иконѣ сокрыто свойство появленія сего потока. Священникъ же замѣтилъ, что когда они пришли, на террасѣ снѣгъ былъ расчищенъ, не зная впрочемъ вѣмъ. Во время самаго молебна грекъ вынулъ какой-то сосудъ и лилъ изъ него воду на камень и, по окончаніи, вручилъ ему записку, которую просилъ, чтобы онъ довелъ до своего начальства, и что нельзя ли слова, написанныя на ней, написать гдѣ-либо въ храмѣ, и что онъ уже донесъ объ этомъ преосвященному Августину. На сожалѣніе мое, что я не видалъ этого монаха, священникъ сказалъ, что онъ по тому же видѣнію идетъ въ Петербургъ; но по возвращеніи его обѣщался бытъу меня; какъ и случилось. Мнѣ очень хотѣлось знать подробности сего происшествія. Въ одну ночь, просыпаясь, онъ видитъ свѣтлое изображеніе, въ которомъ узнаетъ святителя Николая, повелѣвающаго ему идти въ Москву, несмотря на всѣ препятствія, и отслужить тамъ молебень на мѣстѣ вновь заложенаго храма. Это было три раза и наконецъ съ угрозами. Сверхъ того изъ Москвы видѣніе повелѣвало ему идти въ Петербургъ, для причащенія въ Александро-Невской лаврѣ. Послѣ перваго явленія онъ нашелъ у себя на груди образъ. Онъ собирался, медлилъ, и въ третій разъ явился св. Николай съ угрозами, и онъ немедленно отправился съ образомъ и взялъ воду изъ особаго славящагося источника. Такимъ образомъ онъ дошелъ до Москвы. Это было въ началѣ греческой войны.

Передаю сей случай какъ мнѣ было рассказано, не вникая ни въ какія изслѣдованія. Объ этомъ можно справиться въ донесеніи, сдѣланномъ тогда синоду.

Въ это же время познакомился я съ Кочубеемъ, который вни-

*) Далѣе зачеркнуто: «и что самъ священникъ замѣтилъ на той иконѣ потокъ воды»... Ред.

каль во всѣ подробности проекта и даже сообщил мнѣ весьма важное замѣчаніе, которымъ я и воспользовался въ полной мѣрѣ, тѣмъ страннѣе, что множество художниковъ смотрѣвшихъ не попадали на эту мысль. Именно ему казалось, что по обширности плана, середина его слишкомъ мала (тогда діаметръ купола былъ 12 саж.). Истина сего замѣчанія столь очевидна, что я съ удивленіемъ видѣлъ, какъ я еще дотолѣ увлекался храмомъ Петра, что не замѣчала несообразности этой. Я тотчасъ сталъ перерабатывать эту часть и впослѣдствіи достигъ, давши 27 сажень діаметру купола.

Кочубей вскорѣ уѣхалъ въ чужіе края и изъ Италіи писалъ къ князю Александру Николаевичу (Голицыну), что желательно бы было, чтобъ я побывалъ хоть на короткое время въ Италіи или въ Римѣ, для моихъ занятій.

Князь передалъ это государю, который сказалъ: «я о Витбергѣ совсѣмъ не такъ думаю; путешествіе можетъ повредить его проекту; онъ сдѣлалъ теперь произведеніе оригинальное, но можно ли ручаться, чтобъ онъ не увлекся тамъ древними памятниками, что сталъ бы подражать».

Это замѣчаніе совершенно согласовалось съ моимъ внутреннимъ убѣжденіемъ. Прежде проекта я весьма желалъ путешествовать, вполне понимая всю пользу отъ этой, такъ сказать, опытности въ мѣрѣ изящнаго; но тутъ другое чувство родилось. Мнѣ хотѣлось доказать, что человѣкъ равно можетъ обойтись и безъ итальянскаго ученія и вліянія чужеземнаго для созданія творческаго, и тѣмъ выше будетъ оно; даже какое-то чувство національной гордости заставляло меня отдалять все не отечественное, для бѣльшей самобытности.

XI.

Проницательный вопросъ, сдѣланный императоромъ о моемъ воспитаніи и моей жизни, столь естественно возникнувшій у него, вѣроятно возникнетъ и у каждаго мыслящаго человѣка, пробѣгающаго листы *) сіи. Посему, удовлетворяя его, опишу я главныя черты моего воспитанія и моей жизни.

Начальное воспитаніе мое было въ горномъ корпусѣ; оно

*) Въ мѣсто зачеркнутаго: «строки».

было прервано тяжелой болѣзнію, какъ видно изъ моего отвѣта государю. Тогда меня готовили для званія доктора медицины; но въ душѣ я имѣлъ отвращеніе и отъ сей науки и отъ самыхъ занятій, которыя часто могли влечь смерть человѣка. Другое призваніе манило меня—искусства изящныя.

Я объявилъ это моему отцу, и хотя ему должно было быть непріятно, что я измѣняю его назначеніе, хотя онъ могъ полагать, что я по молодости могу слѣдовать первому увлеченію; но руководимый прямымъ взглядомъ, онъ не воспрепятствовалъ мнѣ, и представя на видѣ всѣ отношенія, вслѣдствіе которыхъ онъ избралъ мнѣ сіе званіе, онъ оставилъ полную волю, замѣтивъ, что онъ по опыту знаетъ, какъ худо препятствовать естественнымъ склонностямъ. Въ молодости своей онъ чрезвычайно хотѣлъ избрать военную службу; но отецъ его, ставя на видѣ недостаточное состояніе его и собственный примѣръ, не дозволилъ ему. Исполняя его волю, онъ отправился изъ Карлскрона въ Копенгагенскую Академію. Но какъ онъ занимался не отъ души, то и кончилось тѣмъ, что едва прибрѣлъ настолькоъ талантовъ, чтобъ бѣдно поддерживать свою жизнь. Впослѣдствіи отецъ мой, въ теченіи 40-лѣтнихъ трудовъ, только прибрѣлъ небольшое недвижимое имѣніе въ Московской губерніи, которое, наконецъ, перешло ко мнѣ съ долгами.

Меня учили музыкѣ и именно играть на скрипкѣ. Странно то, что я не могъ никакъ выучиться нотамъ. Я вскорѣ сталъ играть, но ноты мнѣ казались чрезвычайно трудными оковами, положенными для тягости, и я обыкновенно добавлялъ невѣдѣніе ихъ ухомъ, которое было очень вѣрно у меня, такъ, что учителя не всегда замѣчали, что я играю по слуху, а не по нотамъ.

Любовь къ изящнымъ искусствамъ еще болѣе питалась во мнѣ *) большою галлереею изъ оригинальныхъ произведеній у зятя моего, извѣстнаго въ Петербургѣ Герлаха. ¹²⁾ Въ Академію попасть на казенный счетъ было довольно трудно, хотя я и тщательно занимался рисованіемъ; посему сначала явилось-было у меня намѣреніе: съ историческаго эстампа изъ священной исторіи свопировать водяными **) красками (en gouache) и хотѣлъ

*) Зачеркнуто: «довольно большою».

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «сововыми».

Ред.

Ред.

его поднести императору, прося помѣстить меня въ Академію для развитія способностей. Я началъ исполнять свое намѣреніе, когда представился другой случай. Графъ Строгоновъ, узнавъ отъ академика Воронихина о признакахъ таланта во мнѣ, способствовалъ моему принятію въ Академію на казенный счетъ, и я попалъ въ 4-й возрастъ, избравъ себѣ историческую живопись.

Профессоръ живописи Угрюмовъ *), замѣтивъ талантъ мой, заставилъ меня копировать довольно сложную историческую картину Гвидо-Рени, и когда я отзывался, что никогда не копировалъ, онъ сказалъ мнѣ: «сладись, братъ, сладись». И дѣйствительно, я скопировалъ картину довольно хорошо. Послѣ сего я не болѣе копировалъ какъ четыре картины, не чувствуя ни малѣйшей склонности къ копированію; напротивъ я былъ вскорѣ весьма прилеженъ въ представленіи эскизовъ для каждаго ежемѣсячнаго экзамена на заданныя программы, сначала рисованныхъ, а впослѣдствіи писанныхъ. Одинъ изъ таковыхъ сдѣлалъ вдругъ извѣстнымъ меня въ Академіи. Однажды профессоръ Угрюмовъ не имѣлъ времени избрать программу и предоставилъ выборъ мнѣ. Я избралъ Освобожденіе св. Петра изъ темницы, который и былъ заданъ для всѣхъ. Написанный мною эскизъ обратилъ вниманіе профессоровъ, которые назвали мастерскимъ это произведеніе. Соединеніе двухъ свѣтовъ, одного отъ ангела, освѣщавшаго апостола и ближайшіе предметы, и вдали свѣта луны, освѣщавшаго дальніе предметы, дѣлала пріятную гармонію и эффектъ этой картины. Я былъ призванъ въ совѣтъ и меня осыпали похвалами и назначили, чтобы къ предстоявшему открытію Академіи, въ Петровъ день, поручено мнѣ было написать въ большемъ видѣ этотъ эскизъ, для выставки,—что и было мною сдѣлано. Картина сія была одобрена публикою и описана учителемъ**) Шредеромъ въ журналѣ на нѣмецкомъ языкѣ, издаваемомъ имъ. Во время открытія (Академіи) императрица Марія Ѳеодоровна обратила на нее вниманіе и пожелала меня видѣть. Я былъ осыпанъ ея ласками; она говорила, что я много

*) Извѣстный по двумъ огромнымъ картинамъ, заказаннымъ императоромъ Павломъ для Михайловскаго дворца: избраніе Михаила Ѳеодоровича и взятіе Казани.

Примѣч. А. И. Герцена.

**) Зачервнута: «кадетскаго корпуса».

Ред.

обѣщаю. Эскизъ сей я подарилъ моему родителю, который весьма былъ обрадованъ моему успѣху; первый же эскизъ просили у меня академикъ Михайловъ¹³⁾ и ректоръ Академіи скульпторъ Гордѣевъ¹⁴⁾, которому я и уступилъ.

Вскорѣ получилъ я серебряную медаль*). Сначала я всеѣмъ не ждалъ медали; но на экзаменѣ получилъ довольно близкій номеръ за рисунокъ съ натуры; это подстрекнуло меня. Къ слѣдующему экзамену я занялся очень прилежно, не спалъ ночей; но получилъ очень далекій номеръ, ибо ястоющая силы, притуплялъ такъ сказать способности. Въ самомъ дѣлѣ, картина была плоха. Тогда я положилъ себѣ за правило впередъ не насиловать такъ своего таланта и работать свободно. Въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій третней экзаменѣ получилъ младшую медаль за рисованіе съ натуры, а вскорѣ и старшую серебряную по заданной программѣ. Для баллотировки на золотую медаль былъ заданъ **) «Владиміръ, принимающій дары отъ греческихъ пословъ». По болѣзни я не могъ ею заняться. Академія, цѣнившая мои способности, объявила мнѣ, что я могу поступить въ пансіонеры за извѣстный эскизъ св. Петра. Я отвѣчалъ, что мнѣ пріятнѣе бы было еще болѣе усовершенствовать себя. И я былъ оставленъ. Черезъ годъ была задана программа Навуходоносоръ, ввергающій юношей въ печь огненную. За сію картину я получилъ младшую золотую медаль и съ тѣмъ вмѣстѣ былъ наименованъ пансіонеромъ Академіи; не дожидаясь выпуска (получилъ) шпагу и аттестатъ 1-й степени.

Въ пансіонерствѣ задается послѣдняя программа и съ полученіемъ старшей золотой медали получается право на путешествіе въ чужіе края. Черезъ годъ была задана программа пансіонерамъ академіи: Марѳа Посадница приводитъ Мирослава въ Θεодосію, бывшему посаднику Новгородскому, для принятія благословенія, передъ отшествіемъ на битву. Θεодосій вручилъ мечъ съ надписью: «Я не достанусь врагамъ».

*) Въ подлинномъ зачеркнуто: «Въ теченіи четырехъ лѣтъ я кончилъ курсъ Академіи и былъ удостоенъ двумя серебряными и двумя золотыми медалями»... Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «взъ Навуходоносора, ввергающаго отроковъ въ огненную печь». Ред.

Я былъ отвлеченъ нижеслѣдующими обстоятельствами отъ сего занятія. Великій князь Константинъ Павловичъ требовалъ отъ академіи способныхъ молодыхъ людей для нарисованія военныхъ костюмовъ. Хотя это не касалось до пансіонеровъ, но вице-президентъ Чекалевскій, думая мнѣ сдѣлать пользу, назначилъ и меня. Великій князь принялъ насъ весьма благосклонно (т.-е. меня съ двумя товарищами). Занятія наши производились въ Мраморномъ дворцѣ подъ руководствомъ Орловскаго. Двое товарищей лѣнились и трудами ихъ былъ Орловскій недоволенъ; посему все дѣло оборвалось на мнѣ, и хотя было обѣщано много, но кромѣ пользованія столомъ отъ великаго князя, ничего не было *); а между тѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ (я) потерялъ, и въ это-то время была задана та программа, отъ исполненія которой я былъ отвлеченъ. Между тѣмъ насъ было двое по исторической живописи, и потому товарищъ мой¹⁵⁾ могъ получить большую медаль безъ всякаго соперничества. Посему, насколько время позволяло, я началъ обрабатывать картонъ въ величину картины, не имѣя времени заняться самой картиной. Рисунокъ этотъ былъ выставленъ. Академія, зная причины, препятствовавшія мнѣ заняться, одобрила мой картонъ, похваливъ стиль и сочиненіе, но не имѣя права по оному дать медаль, отказала моему товарищу, а мнѣ назначила заняться программой на слѣдующій годъ. Программа сія состояла изъ Андромаха и Астіанакса, оплакивающихъ тѣло Гектора.

Поелику я всегда любилъ подавать свои эскизы писанными, я принесъ его позже прочихъ въ Совѣтъ и отдалъ ректору академіи; выходя изъ залы, я вскользь замѣтилъ особаго рода похвалу, изъ чего могъ заключить, что прочіе эскизы были слабѣе.

Каково же было мое удивленіе, когда, обѣдая у конференцъ-секретаря Лабзина, я увидѣлъ, что онъ нашелъ весьма слабымъ мой эскизъ, думая, что я удивлю всѣхъ; но это случилось не такъ.

Я спрашивалъ его, развѣ мой эскизъ дуренъ?

*) Въ рукописи съ боку приписка:

Ich hab'noch vergessen—

Er kann bei mir essen.

(Переводъ): Забылъ еще сказать —

Онъ можетъ у меня обѣдать. (Отрыв. изъ нѣм. пѣсни).

Ред.

— «Чему быть хорошему?» — и началъ критиковать.

Это меня смутило, особенно послѣ отзыва, слышаннаго мною.

Я спрашивалъ откровеннаго мнѣнія одного изъ профессоровъ, и тотъ отгесся съ величайшею похвалою и сказалъ, что (эскизъ мой) былъ лучшій. Это еще болѣе увеличило мое недоумѣніе.

Между тѣмъ, по особенному уваженію къ Лабзину, о чемъ, какъ и о моемъ знакомствѣ съ нимъ, скажу ниже, я, не понимая, что могло (побудить) его такъ отзываться и слыша его критику, сталъ помышлять о перемѣнѣ моей идеи и приблизиться къ идеи болѣе близкой къ выраженной Лабзинымъ, несмотря, что я зналъ, что онъ какъ художникъ прямо судить не могъ.

Я перемѣнилъ свое сочиненіе и занялся уже выполненіемъ своей картины. Между тѣмъ Совѣтъ, обходящій всякій мѣсяцъ кабинеты пансіонеровъ, чѣмъ-то задержанный, сталъ обходить черезъ два мѣсяца. Программа моя въ большомъ видѣ была вся приготовлена. Подлѣ нея висѣлъ первый мой эскизъ. Совѣтъ долгое время молчалъ, обращая вниманіе на первый эскизъ. Такое молчаніе казалось мнѣ подозрительнымъ и я угадывалъ мысль Совѣта, что я худо сдѣлалъ отойдя отъ первой идеи. И дѣйствительно ректоръ и нѣкоторые изъ старшихъ, вопрося, обратились ко мнѣ весьма деликатно, боясь оскорбить меня, почему я отошелъ отъ первой идеи?

Естественно, что я былъ крайне оскорбленъ внутренно этимъ и я не зналъ, что сказать кромѣ того, что новый представленный имъ кажется удовлетворительнѣе.

— «Напрасно, напрасно оставилъ свою идею», сказалъ совѣтъ, «но теперъ дѣлать нечего, время немного, продолжайте вашу картину».

Лишь только Совѣтъ оставилъ мой кабинетъ, какъ въ одно мгновеніе уничтожилъ я эту картину и тотчасъ занялся новою, въ точномъ смыслѣ согласною съ первою моею идеею, надѣясь, что въ теченіи мѣсяца буду въ состояніи ее произвести, хотя это *) должно было казаться невозможнымъ. Срокъ выставки приближался (1-е сентября), но у меня много еще оставалось для довершенія; такъ что, при всемъ стараніи моемъ, я долженъ былъ отбросить Астіанакса и его кормилицу и при всемъ томъ вообще

*) Зачеркнуто: «всякому».

картина была не въ окончательномъ видѣ выставлена. Несмотря на то, я былъ удостоенъ по ней большой золотой медалю, вмѣстѣ съ тѣмъ (получилъ) право на путешествіе, съ замѣчаніемъ, что Совѣту извѣстны мои таланты и что вѣроятно кѣмъ-нибудь была сдѣлана помѣха моимъ занятіямъ, вслѣдствіе коего не окончена картина. Самъ Лабзинъ объявилъ мнѣ о семъ, сказавъ мнѣ, что онъ крайне сожалѣетъ, что онъ былъ помѣхою въ моему занятію, и впредь обѣщалъ такъ быстро не высказывать художникамъ своего мнѣнія.

Здѣсь мѣсто говорить, почему я имѣлъ такое довѣріе въ Лабзину и какъ я сблизился съ нимъ.

XII.

Во время перваго года моего курса воспитанники академіи просили дозволенія у президента о устроеніи театра, и въ этомъ случаѣ не обошлось безъ моего содѣйствія, какъ старшаго. Назначена была пьеса Сынъ любви, Коцебу. Всѣ производилось подъ руководствомъ Лабзина, у котораго былъ образованъ свой пріятельскій театръ и потому собирались къ нему для чтенія ролей; я считалъ это ненужнымъ и не явился въ нему для репетиціи, и не задолго предъ представленіемъ читалъ только часть роли, и Лабзинъ былъ мною недоволенъ; но во время самаго представленія Лабзинъ восхищался моею игрою; ему все нравилось во мнѣ. Слѣдствіемъ сего было, что Лабзинъ пригласилъ меня въ пріятельскій театръ, который находился у одного изъ его близкихъ друзей. Товарищъ мой, приглашенный къ нему, боясь строгости его, уклонился отъ сего; я же, считая неприличнымъ не идти къ нему, отправился. Меня приглашали участвовать въ семъ театрѣ, составленномъ изъ совокупныхъ усилій, и я взялъ на себя декорационную часть. Вскорѣ я сталъ участвовать и въ самыхъ представленіяхъ. Такимъ образомъ знакомство наше съ Лабзинымъ дѣлалось тѣснѣе и я имѣлъ случай часто провожать у него вечера съ нимъ и съ его пріятелями, гдѣ я всегда проводилъ время съ большимъ удовольствіемъ среди его христіанскихъ бесѣдъ. Знакомство это мнѣ очень нравилось, ибо я видѣлъ въ Лабзинѣ очень умнаго и пламеннаго человѣка и извѣстнаго издателя «Сіонскаго Вѣстника».

Пользуясь нѣкогда тѣмъ вліяніемъ, которое имѣлъ *) извѣстный Новиковъ въ Москвѣ, котораго рвеніемъ книгопечатаніе такъ усилилось у насъ, Лабзинъ имѣлъ взглядъ несравненно высшій обыкновеннаго взгляда школьныхъ ученыхъ. Имѣя превосходный даръ слова, онъ одушевлялъ всякую бесѣду. Лабзинъ совершенно посвятилъ себя на издаваніе христіанскихъ сочиненій, онъ горѣлъ любовью къ религіи и ко всему высокому, имѣлъ быстрый взглядъ, сердце доброе; но съ тѣмъ вмѣстѣ излишнее самолюбіе часто заставляло его входить въ погрѣшности, выражалось въ гордость и тѣмъ былъ тяжелъ для многихъ; особенно не умѣлъ (онъ) обуздывать своихъ выраженій и раздражительность. Онъ былъ переводчикъ многихъ религіозныхъ книгъ, сочиненій Эккертгаузена (съ которыми онъ былъ въ перепискѣ), Штиллинга и нѣкоторыхъ другихъ. Ревностный защитникъ обрядовъ грекороссійской церкви, ненавидящій все непрямое, лукавое, и наконецъ вѣрный подданный. Знакомый съ многими подобными предметами, ему легко было написать, по порученію императора Павла, когда онъ сдѣлался гротмейстеромъ Мальтійскаго ордена **), исторію сего ордена, имѣвшаго столъ христіанское основаніе. Его пылкій характеръ часто увлекалъ его въ ошибки, но стремленіе его было всегда чисто.

Такъ, напримѣръ, какой-то графъ Грабенко, пріѣхавшій въ Петербургъ, выдавалъ себя за посланника Провидѣнія. Умъ сего фанатика сильно подѣйствовалъ на Лабзина и онъ чуть не попалъ въ фанатизмъ вмѣстѣ съ нимъ.

Впрочемъ, я не считаю умѣстнымъ рассказывать всю жизнь Лабзина, ибо хочу только настолько связать о немъ, насколько это входить въ мою жизнь. Чтобы видѣть его пламенный и увлекающійся характеръ, достаточно рассказать тоюо одинъ случай изъ его жизни, навлекшій на него гнѣвъ государя.

Президентъ ***) Академіи Оленинъ предложилъ въ одномъ обществѣ собраніи Академіи ¹⁶⁾ о баллотированіи въ почетные любители члены Академіи: Аракчеева, Гурьева и Кочубея. На вопросъ конференцъ-секретаря, что отличнаго въ этихъ лицахъ и чѣмъ

*) Вмѣсто зачеркнутого: «распространялось около».

***) Съ боку приписка въ подлинникѣ: «Узнавъ вѣроятно о способностяхъ Лабзина отъ тогда освобожденнаго Новикова».

***) Вмѣсто зачеркнутого: «вице-президентъ».

Ред.

Ред

Ред.

они могутъ быть полезны Академіи и искусствамъ, представляя на видъ, что по Положенію только такіе баллотируются въ почетные члены, которые имѣютъ или музеи, или извѣстны особенною любовью къ искусствамъ, президентъ отвѣчалъ; что эти лица близкіе государю.

— «А когда такъ, то всѣхъ ближе къ государю Илья кучеръ, да и сидитъ въ его величеству спиною».

Президентъ Оленинъ, мимо министра просвѣщенія, донесъ черезъ Аракчеева до государя сіе и давно искавши случая избавиться Лабзина, который былъ слишкомъ уменъ и твердъ.

Лабзинъ умеръ, удаленный въ Симбирскъ, ибо духъ его, привыкнувшій къ дѣятельности, не могъ перенести тягости ссылки; онъ впалъ въ чахотку и перешелъ въ другую жизнь въ самомъ короткомъ времени.

«Сіонскій Вѣстникъ», издаваемый имъ съ его христіанскимъ направленіемъ, дѣйствовалъ сильно на публику; но и тутъ его необузданный умъ часто заставлялъ его переходить предѣлы благоразумія и онъ былъ запрещенъ около 1806 года.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ самъ рассказывалъ мнѣ о семъ происшествіи такъ:

Еще князь (по собственному выраженію) былъ вольнодумомъ. Когда же онъ и императоръ съ 1812 года предались болѣе религіознымъ чувствамъ, разрѣшено было опять издавать «Сіонскій Вѣстникъ» и онъ продолжался до тѣхъ поръ, пока Лабзинъ успѣлъ до того раздражить духовенство, что ему снова запретили оный.

Говоря о Лабзинѣ, скажемъ и о его наружности, которая такъ тѣсно связана съ внутреннею жизнью. Видъ его былъ важенъ *), держалъ голову болѣе вверхъ, очи, большой носъ и что-то презрительное въ губахъ; самая походка его придавала ему что-то важное и гордое.

Пылкій характеръ Лабзина увлекалъ его всегда за всѣ предѣлы. Онъ ни въ чемъ не зналъ умѣренности. Такъ исключительна была его преданность къ греческой церкви. Понимая высоко христіанство, онъ никакъ не могъ подняться до общаго взгляда, до общей любви, обнимающей всѣ церкви; я самъ исполнѣ

*) Въсто зачеркнутого: «гордъ».

понималъ высоту ритуала греческаго, дающаго столь обильное поле мыслящему человѣку, но странно было видѣть ту исключительность, которую ей давалъ Лавзинъ.

Таковъ онъ былъ и въ прочихъ отношеніяхъ. Преданный религіозно-философскимъ изысканіямъ, онъ требовалъ, чтобы всѣ жертвовали своими занятіями вопреки призванію, вопреки талантамъ, считая все низкимъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы питать жаръ и любовь во мнѣ къ искусствамъ, онъ охлаждалъ меня къ нимъ, отвлекалъ отъ нихъ. Эта односторонность, можетъ происходившая и отъ того, что онъ самъ не имѣлъ никакой симпатіи *) къ художествамъ, не свидѣтельствуешь въ пользу взгляда Лавзина, не могшаго подняться до эстетической высоты великаго человѣка. Можетъ, это было отдаленной причиной нашего разъединенія, впоследствии случившагося.

Извѣстный рисунокъ мой «Марса Посадница» подарилъ я Лавзину. У него увидѣлъ его московскій генералъ-губернаторъ Ростопчинъ, приѣхавъ въ 1812 году въ Петербургъ, будучи давній знакомый Лавзина. Ростопчинъ, большой любитель изящныхъ произведеній, былъ пораженъ моимъ картономъ. Лавзинъ спрашивалъ: не угодно ли графу имѣть его? Тотъ желалъ бы весьма; но не зналъ какъ сдѣлать, слышавъ, что я подарилъ его Лавзину. Лавзинъ прислалъ за мной, объявилъ желаніе графа познакомиться со мной и имѣть картину. Я отозвался на второе тѣмъ, что картина принадлежитъ ему и я располагать ею не могу. Лавзинъ послѣ этого, именемъ моимъ, и подарилъ графу картину; но графъ не хотѣлъ быть въ долгу, и понимая сколь было бы не деликатно предложить мнѣ прямо деньги, онъ, слышавъ, что я назначенъ путешествовать, прибавилъ по 500 рублей на годъ для путевыхъ издержекъ, что составляло 2000 рублей. О чемъ и было записано въ журналѣ Академіи.

Поелику я, по причинамъ изложеннымъ выше, не воспользовался этимъ путешествіемъ, то доселѣ и не получилъ этихъ денегъ. Впоследствии скажемъ нѣсколько и объ этомъ извѣстномъ и замѣчательномъ человѣкѣ.

Въ то же время имѣлъ я счастье познакомиться съ Держа-

*) Вмѣсто зачеркнутого: «эстетическаго чувства».

виннымъ черезъ Лабзина. Для него я нарисовалъ двѣ виньетки къ лиро-эпическимъ сочиненіямъ. Державинъ былъ весьма знакомъ съ Лабзинымъ; онъ обыкновенно читалъ своимъ прекраснымъ (голосомъ) его сочиненія въ обществѣ любителей русскаго слова, ибо Державинъ читалъ очень дурно; не всѣ поэты имѣютъ ту превосходную способность, съ которою читаетъ намъ Крыловъ свои произведенія. Даже обыкновенно посылалъ Державинъ къ нему (Лабзину) свои стихи для грамматической корректуры. Я послѣ того часто посѣщалъ его. Домъ Державина былъ совершенно въ духѣ поэта: снаружи видны были однѣ коллонады, среди которыхъ былъ домъ чрезвычайно изящно расположенный (близъ Фонтанки, у Обухова моста). Приемъ его былъ всегда пріятливъ. Все извѣстно объ немъ, слѣдственно говорить нечего; скажу только, что онъ вѣчно ходилъ въ тепломъ халатѣ, даже за обѣдомъ при гостяхъ, и съ маленькой собачкой за пазухой. Его задумчивость и каждое слово свидѣтельствовали о непрерывномъ одушевленіи.

Лабзинъ былъ женатъ на вдовѣ¹⁸; но дѣтей ни у него, ни у нея не было; потому онъ взялъ къ себѣ въ домъ на воспитаніе сироту¹⁹. Лабзину весьма хотѣлось выдать ее замужъ, но старанія его были безуспѣшны. Онъ обращалъ вниманіе болѣе на богатыхъ знакомыхъ, которые не подавались на это. Ей тогда было лѣтъ 13 или 14 *). Будучи коротокъ у него въ домѣ, я не былъ совершенно равнодушенъ къ ней, и меня занимала мысль жениться на ней, возвратясь изъ путешествія. Но руководимый осторожностью, я хотѣлъ ближе узнать ея характеръ. Посему предложилъ я давать ей уроки рисованія. Предложеніе было принято съ благодарностью. Посему я имѣлъ случай въ недѣлю два раза быть нѣсколько часовъ съ своею ученицею. Казалось, что Лабзинъ и его жена имѣли на мой счетъ виды.

Въ это время сталъ вхожъ къ Лабзину Артемьевъ, молодой человѣкъ съ дарованіями (онъ былъ титулярный совѣтникъ), котораго отецъ привезъ въ Петербургъ на службу и ввѣрилъ Лабзину. Лабзинъ помѣстилъ его въ ученый (sic) департаментъ адмиралтействъ-коллегіи, гдѣ самъ онъ былъ членомъ. Артемьевъ былъ сынъ богатаго человѣка и потому нѣсколько избалованъ.

* Далѣе зачеркнуто: «и я сдѣлавшись (?), обратилъ (Лабзинъ?) свое вниманіе и на меня»...
Ред.

Характеръ его былъ строптивъ, тяжелъ, гордъ и безпокоенъ; это затрудняло его пріятелей, и я одинъ оставался съ нимъ довольно короткимъ. Лабзинъ любилъ его за дарованія, но весьма затруднялся насчетъ его характера. Вскорѣ я сталъ замѣчать, что Лабзинъ и на Артемьева имѣлъ такіе же виды, какъ на меня, вѣроятно принимая въ соображеніе его богатство; оно давало ему преимущество, понимая всѣ недостатки его. Это не могло сокрыться и внутренно оскорбило меня; я видѣлъ, что его хотѣли — по состоянію, меня — по характеру; видѣлъ даже, что и меня не хотятъ совсѣмъ потерять, думая, ежели Артемьевъ, по своей вѣтренности, измѣнится въ желаніи, то опять принятъ за меня; я былъ какъ бы на подставку.

Артемьевъ не былъ равнодушенъ къ питомицѣ Лабзина. Наблюдая довольно строго за ея характеромъ, вскорѣ я началъ замѣчать въ ней не тотъ кроткій нравъ, который я предполагалъ. Я замѣтилъ, что она заразилась нѣкоторою избалованностью и гордостью. Наконецъ даже я сталъ замѣчать, что и она неравнодушна къ Артемьеву, по крайней мѣрѣ къ его состоянію. Я видѣлъ посему, что она не можетъ составить моего счастья и я сталъ холоднѣе. Но равно не обнаружилъ я ни настоящихъ, ни прежнихъ чувствъ никому.

Въ это время приѣхали въ Петербургъ въ концѣ 1809 года мать и сестры Артемьева.

ХІІІ.

Однимъ вечеромъ, когда я пришелъ давать свой обычный урокъ воспитанницѣ Лабзина, я встрѣтилъ въ горницѣ двухъ незнакомыхъ дѣвушекъ. Это были сестры Артемьева. Я ихъ не видалъ прежде ни разу. Взглядъ, брошенный мною на одну изъ нихъ, встрѣтился съ ея взглядомъ, и такъ сильно, такъ невыразимо подѣйствовалъ на меня, что я опустилъ свои глаза и мы не смѣли другъ на друга взглянуть. Вскорѣ я съ ними познакомился ближе и замѣчалъ, что та, которая такъ сильно подѣйствовала на меня, какъ бы была менѣе любима въ своей семьѣ. Это еще болѣе сдѣлало меня къ ней неравнодушнымъ. Казалось, что и въ ней была симпатія ко мнѣ. Желая имѣть ея портретъ, я предложилъ нарисовать портреты всѣхъ ихъ и такимъ образомъ я срисовалъ мать и обѣ сестры и оставилъ у себя копія

съ ихъ очерка. Меньшая сестра, при прощаніи со мною, когда я сказалъ, что «вотъ у насъ въ Петербургѣ остаются памятники ваши», отрѣзала доконъ своихъ волосъ, и тайно подавая его мнѣ, сказала: «вотъ и вамъ особый памятникъ».

Зимой поѣхали онѣ. Я и одинъ товарищъ мой поѣхали ихъ провожать верстъ за семь. Она сидѣла въ другой повозкѣ и горячія слезы и поцѣлуй и сильное внутреннее движеніе доказали всю любовь ея ко мнѣ. Она не могла удержать себя, сколько ни старалась. Тутъ мы поняли другъ друга вполне, хотя уже и прежде знали о нашихъ чувствахъ и назывались братьями и сестрами, къ чему подали поводъ сами мать и отецъ, назвавъ меня сыномъ.

XIV.

Въ началѣ 1806 года видѣлъ я особенно замѣчательный сонъ. Сны происходятъ или отъ пищи—грубые, другіе—отъ того, чѣмъ занята была душа, болѣе высшіе, какъ бы повтореніе дѣйствительнаго. Но наконецъ третьи сны, происходящіе отъ духовнаго міра, независимые отъ насъ и сообщающіе намъ какъ бы откровеніемъ будущее;—это языкъ добраго и злаго генія древнихъ, предупрежденіе, знакъ, указаніе *). Я видѣлъ себя въ какомъ-то огромномъ зданіи или храмѣ и какъ бы въ подземельи; оно какъ будто строилось и я находился въ числѣ участвовавшихъ въ строеніи. Въ срединѣ его находился высочайшій обелискъ; на уступахъ его стоялъ я на колѣняхъ и со слезами пѣлъ гимны, и такъ громко, что на другой день товарищи спрашивали: что я видѣлъ во снѣ? Потомъ представилось мнѣ, что я женатъ и живу на какой-то горѣ, среди обильной и роскошной природы, среди фонтановъ. Потомъ я видѣлъ часто посѣщающаго меня какого-то монаха; но каждое его появленіе наводило на меня ужасъ и отвращеніе, такъ что я его принималъ за злаго духа.

Дальнѣйшій рассказъ моей жизни объяснить кое-что изъ сего сна. Я сначала самъ не понималъ его; но послѣ, когда такъ рѣзко началъ онъ сбываться, — вспомнилъ его.

Лѣтомъ 1810 года Артемьевъ собирался въ отпускъ въ деревню къ отцу. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ академикъ Черновъ,²⁰⁾ чловѣкъ примѣрной жизни, для того чтобъ пріятно провести

*) Съ боку рукописи отмѣчено А. И. Герценомъ: «Сонъ Ломоносова».

вакаціонное время. Черновъ былъ такъ близокъ ко мнѣ, что я ему одному ввѣрилъ тайну моей любви, его просилъ о доставленіи Елизаветѣ Артемьевой секретнаго письма и просилъ привезть рѣшительный отвѣтъ. Въ немъ я былъ совершенно увѣренъ, такова была строгость его и чистота нравовъ.

Въ самый день отъѣзда собрались у Лабзина въ саду²¹⁾. Я пришелъ по обыкновенію нѣсколько позже, Лабзинъ уже спрашивалъ обо мнѣ. Черновъ сказалъ, что я занятъ письмомъ къ Артемьевымъ. Когда я явился, Лабзинъ, упрекая, что я всегда опаздываю, спросилъ: кончилъ ли я письмо?

Сказавъ ему что кончилъ, я весьма былъ смущенъ, откуда онъ знаетъ, что я писалъ; но наконецъ Черновъ объяснилъ мнѣ, какимъ образомъ Лабзинъ узналъ.

Они уѣхали.

Между тѣмъ я обвинялъ себя въ скрытности отъ Лабзина и рѣшился открыть ему, считая себя обязаннымъ быть съ нимъ откровеннымъ. Узнавши объ этомъ, Лабзинъ чрезвычайно разгорячился. Старался доказывать, что мой поступокъ не обдуманъ, что мое исканіе у людей гордыхъ смѣшно, что я не имѣю ни богатства, ни чиновъ, въ то время какъ они отказывали даже людямъ очень богатымъ и извѣстнымъ; что, сверхъ того, мнѣ надлежитъ путешествовать и что я этой страстью приношу на жертву мой талантъ; что это сумасшедшая идея и пр. Дѣйствительно, Лабзинъ вынулъ письмо отъ старика Артемьева, въ которомъ онъ его спрашивалъ объ одномъ генералѣ, сватающемся за его дочь, и которому онъ отказалъ. Старикъ этотъ былъ избалованный Екатерининскій бригадиръ. Лабзинъ, не зная моего происхожденія, думалъ, что я не дворянинъ и находилъ въ этомъ новое препятствіе, не зная, что я происхожу отъ шведской старинной дворянской фамиліи.

Я не могъ не замѣтить, что болѣе всего раздражало Лабзина, что симъ видомъ его на воспитанницу должны были измѣниться. Я увѣрилъ Лабзина, что въ этомъ дѣлѣ я не дозволю себѣ ни одного шага, руководствуясь одною страстью, и что хотѣлъ только знать ея мнѣнія, предоставляя времени остальное, ибо ежели есть судьба, то ничто не въ силѣ перемѣнить ее, а натягивать насильно я не считаю себя въ правѣ; не говоря уже о томъ, что я отклонилъ всякое подозрѣніе, что тутъ участвуютъ какіе-либо

расчеты, я обѣщался ему доказать строгость мою. Врядъ повѣрилъ ли Лабзинъ этому.

Такимъ образомъ я старался успокоить его; но Лабзинъ до того былъ раздраженъ, что нѣсколько дней былъ нездоровъ; но мы съ нимъ остались по прежнему друзьями.

По возвращеніи Чернова съ Артемьевымъ, онъ объявилъ мнѣ объ отвѣтѣ Елизаветы. Она сказала, что я самъ вижу препятствія, но что всё зависитъ отъ родителей.

Переписка съ семействомъ Артемьева продолжалась до 1812 года, но прекратилась во время войны. Ихъ помѣстье на Смоленской дорогѣ было занято непріателемъ и они бѣжали въ Нижній. Вскорѣ по полученіи чина коллежскаго ассессора, Артемьевъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ къ отцу въ деревню. Въ это время онъ открылся Лабзину въ любви къ его воспитанницѣ и просилъ ея руки. За нѣсколько дней до отъѣзда онъ сказалъ мнѣ объ этомъ. Лабзинъ былъ очень радъ и тотчасъ за будущаго зятя рекомендовалъ ей (мнѣ?) его. Притомъ Лабзинъ передалъ ему по секрету мои виды на его сестру. Артемьевъ началъ съ нѣкоторою укоризною мнѣ говорить, зачѣмъ я ему не открылъ своей тайны и неужели ждалъ съ его стороны препятствій, вслѣдствіе какихъ-либо расчетовъ? Я ему сказалъ, что съ моей стороны было-бы неблагоразумно говорить о дѣлѣ, котораго исполненіе еще такъ далеко, и что обстоятельства заставили меня сказать Лабзину. Онъ предлагалъ мнѣ свои услуги; на что я ему возразилъ, что единственная услуга, которую онъ можетъ сдѣлать, есть безусловное молчаніе, чтобы онъ даже сестрѣ не говорилъ.

«Но почему?»

— Такова строгость моихъ правилъ.

Несмотря на то, что онъ зналъ о моей любви къ его сестрѣ, онъ требовалъ съ меня честнаго слова, чтобы я не воспользовался его отсутствіемъ для исканій у его Софіи. Разумѣется, мнѣ легко было его увѣрить въ этомъ. Каково же было удивленіе Лабзина, когда съ первою почтою получилъ отъ Артемьева письмо, въ которомъ онъ нетоко отказывается отъ руки Софіи, но даже отъ знакомства и переписки съ Лабзинымъ. Столь страненъ былъ характеръ этого человѣка! Вѣроятно въ этомъ участвовала не его воля, но требованія родителей.

Лабзинъ, несмотря на свою раздражительность, даже не обидѣлся и оставилъ это съ холоднымъ презрѣніемъ.

Между тѣмъ мое положеніе сдѣлалось затруднительно. Лабзинъ опять обратилъ виды на меня. Явными шутками *) поставлялъ меня въ странное положеніе, то называя меня Абелардомъ, то заставляя даже краснѣть. Такъ какъ шутки эти стали повторяться очень часто, то я началъ искать случая удалиться отъ Лабзина. И я съ жадностью схватилъ случай ѣхать въ Кронштадтъ на нѣкоторое время, о чемъ было уже сказано.

Между тѣмъ возгорѣлась война 1812 г., прервавшая на долго обыкновенный порядокъ жизни, сношенія, виды. Это остановило нашу переписку; все было смутно; я не зналъ даже, гдѣ Артемьевы находились.

Въ 1813 году явился случай ѣхать въ Москву. О цѣли самой поѣздки было сказано **), но разумѣется къ этому присоединилась и надежда узнать, гдѣ Артемьевы или увидѣть ихъ. Лабзинъ далъ мнѣ порученіе къ графу Ростопчину, и поелику я не могъ скоро его исполнить, онъ мимо меня, въ письмѣ къ Руничу, осыпалъ меня упреками. Съ этого, кажется, началось у насъ съ нимъ разъединеніе, еще таившееся до того,—отъ времени, въ которое онъ узналъ о моей любви. Я ему написалъ преогромное письмо; меня огорчало, что Лабзинъ не понимаетъ меня; его намеки на кривые пути, относившіеся къ Артемьевымъ, оскорбили меня. Я высказалъ все, что лежало на душѣ, дабы не было недоразумѣнія между нами и тѣмъ самымъ хотѣлъ пристыдить его. Окончивъ письмо, мнѣ показалось, что я оправдываюсь какъ виноватый, и изорвавъ письмо, я написалъ другое, короткое, сильное, и заключилъ тѣмъ, что я второй день не ѣмъ и не пью оскорбленный его письмомъ къ Руничу.

Вслѣдствіе сего письма Лабзинъ написалъ мнѣ письмо съ холодною свѣтскою вѣжливостью, извиняясь передо мною. Такимъ же холоднымъ письмомъ отвѣчалъ я ему, извѣстивъ въ то же время объ окончаніи его порученія. Симъ прекратилась наша переписка.

*) Зачеркнуто: «вызывая меня».

**) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г. т. V, стр. 21.

XV.

Я часто бывалъ у графа Ростопчина; у него встрѣчалъ весьма занимательныхъ людей и собственно онъ интересовалъ меня весьма, и какъ геніальный человѣкъ, и какъ человѣкъ, бравшій такое важное участіе въ послѣднихъ обстоятельствахъ. Истинный патріотизмъ и благородство души виднѣлись въ каждомъ поступкѣ сего вельможи, ничего низкаго не могло затемнить его сильной души.

Знакомство мое съ нимъ началось съ картона Марен Посадницы (какъ уже сказано). Картонъ этотъ былъ увезенъ непріателемъ. Графъ часто говорилъ о сожалѣніи своемъ, что потерялъ его. Мнѣ хотѣлось замѣнить эту потерю другой картиной, и я сдѣлалъ эскизъ картины императоръ Александръ, разрушая Рейнскій союзъ, освобождаетъ Европу.

Я занимался этимъ, какъ вдругъ графъ присылаетъ за мною и съ радостью объявляетъ мнѣ, что въ какой-то деревнѣ по Смоленской дорогѣ найденъ большой свертокъ и что онъ увѣренъ, что это Марен Посадница.

Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько дней привезли мой картонъ; но онъ былъ попорченъ и я занялся реставрированіемъ онаго. Картонъ сей и доселѣ долженъ храниться въ семействѣ графа.

Говоря о знакомствѣ съ графомъ, нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ встрѣчахъ, бывшихъ у него въ домѣ. Тамъ познакомился съ Лодеромъ, Тончи²²⁾ и др.

Тамъ я слышалъ отъ самого знаменитаго анатома, какъ онъ въ Германіи, несмотря на большую опасность, крадъ голову одного мертвеца, у котораго онъ еще при жизни замѣтилъ особеннсть какую-то въ черепѣ. И все это онъ рассказывалъ съ своимъ обычнымъ многословіемъ, такъ подробно, что изъ нѣсколькихъ слушателей остались только трое: я, графъ и еще кто-то.

Тончи былъ очень любимъ графомъ, артистъ весьма образованный. Мы съ нимъ вскорѣ познакомились черезъ картину мою. Тончи имѣлъ прекрасный даръ слова и часто пространно излагалъ свои философскія мысли, въ которыхъ онъ всегда былъ своимъ манеромъ послѣдователемъ Фихте. Однажды, увлекаясь сво-

ими доказательствами, онъ, указывая на столъ, сказалъ: «что вы думаете, что это столъ? Нѣтъ, это только идея стола».

Это заставило многихъ улыбнуться и я тихо шепнулъ графу, что есть прекрасное средство убѣдить Тончи въ противномъ, ударить его палкой и спросить: «что это, идея палки, или палка въ самомъ дѣлѣ?»

Графу это очень понравилось и онъ тотчасъ передалъ это Тончи, который, разумѣется, какъ образованный человекъ, не думалъ сердиться за это, но смѣялся съ прочими.

Вспомнилъ еще одинъ анекдотъ сего времени. Однажды обѣдали за городомъ въ Петровскомъ. Послѣ обѣда въ саду всѣ играли въ кольцо, никто не могъ попасть. Графъ лежалъ на травѣ, долго смотрѣлъ и наконецъ всталъ какъ бы съ негодованіемъ и сказалъ: «Какъ не попасть?»

Взялъ кольцо, бросилъ и попалъ.

Надобно было видѣть въ это время лицо графа. Тутъ виднѣнъ былъ весь характеръ его, даже краска выступила на щекахъ. Бросивши кольцо, онъ спокойно, съ самодовольной улыбкой пошелъ на прежнее мѣсто свое.

Весьма жаль, что этотъ отличный вельможа вскорѣ впалъ въ мрачную ипохондрию, которая происходила между прочимъ и отъ предполагаемой мести отца несчастнаго Верещагина *). Онъ рѣшился удалиться изъ родины и просилъ императора возвратить ему чинъ дѣйствительнаго камергера, пожалованный ему императоромъ Павломъ I. Еще страннѣе и непонятнѣе поступокъ его, что онъ, живя въ Парижѣ, отрезка (написавъ историческую брошюру) отъ пожара Москвы—онъ, Ростопчинъ!

Между тѣмъ начались мои занятія проектами, о которыхъ было сказано въ своемъ мѣстѣ. Но мысль объ Артемьевыхъ не оставляла меня; я ждалъ отъ нихъ писемъ, а ихъ не было; я ждалъ, что они по своему обыкновенію пріѣдутъ на зиму въ Москву, но они не пріѣхали. Прошло полтора года безъ всякаго слуха и я сталъ уже это принимать за указаніе, что на это нѣтъ назначенія. Слѣдуя непрерывно своимъ правиламъ, я рѣшился по окончаніи работы ѣхать въ Петербургъ, не дѣлая никакихъ уси-

*) Верещагинъ, молодой человекъ, выданный Ростопчиннымъ народу и имъ растерзанный, предъ вступленіемъ Наполеона въ Москву. Ред.

лій, ибо уже по опыту сталъ убѣждаться, что чистыя намѣренія мои всегда удавались сами собою.

Не имѣя никакого руководителя, предоставленный собственному труду, естественно я искалъ слышать сужденія о моихъ идеяхъ людей высшихъ своею душою. Перелистывая Витрувія и книги (?), я не нашелъ полнаго отвѣта въ нихъ, да и сверхъ того я могъ ими увлекаться, могъ сбиться или не понимать. Такимъ образомъ я съ жадностью искалъ случая говорить съ людьми мыслящими. Многихъ вельможъ узналъ я черезъ графа Ростопчина, но отъ нихъ я получалъ одну бесплодную похвалу, часто даже ни на чемъ неоснованную. Августинъ сдѣлалъ уже болѣе, убѣдивъ меня, что въ моихъ мысляхъ нѣтъ ничего противнаго релігіозной мысли греко-россійской церкви. Но я искалъ все еще бѣльшаго авторитета и глубочайшей вѣры. Къ этому времени относится весьма важная встрѣча. Однажды М. Я. Мудровъ, черезъ котораго я познакомился и съ Августиномъ, сказалъ, что онъ ѣдетъ въ деревню къ Николаю Ивановичу Новикову, и не хочу ли я ѣхать съ нимъ? Я съ восторгомъ принялъ это предложеніе; отъ этого человѣка я ждалъ многое.

XVI.

Новиковъ, положившій основаніе новой эрѣ цивилизаціи Россіи, начавшій истинный ходъ литературы, дѣятель неутомимый, мужъ гениальный, передавшій *) свѣтъ Европы и разлившій его глубоко въ грудь Россіи. Чего не долженъ былъ я ждать отъ взгляда великаго человѣка на храмъ, воздвигаемый Россією, который всю жизнь воздвигалъ въ ней храмъ иной, колоссальный и великій!

Новиковъ, жертва сильнаго стремленія къ благу родины, жилъ отшельникомъ въ небольшой деревнѣ, единственномъ достояніи его, въ 60 верстахъ отъ Москвы, съ однимъ изъ оставшихся друзей его и сотрудниковъ, съ Гамалеею. Меня пугала, правда, мысль, поселенная во мнѣ Лабзинымъ въ этихъ людямъ. Онъ ихъ представлялъ стариками строгими и неумолимыми, особенно Гамалею. Хотя я и видѣлъ въ этомъ отчасти гордость Лабзина, но все-таки боялся ихъ грозной строгости, я—молодой человѣкъ.

*) Въмсто зачеркнутаго: «раскрывшій».

Мы поѣхали.

По Бронницкой дорогѣ, версть за 50 отъ Москвы, сталъ видѣться спиць церкви села Тихвинскаго *). Небольшая деревенька и бѣдная. Вскорѣ открылись и ветхій господскій домъ, обнаруживавшій недостатокъ, запущенный садъ, и все окружающее показывало нужду и отшельничество. Мы вошли. Я нашелъ Новикова старымъ, блѣднымъ, болѣзненнымъ, но взоръ его еще горѣлъ и показывалъ, что еще можетъ воспламеняться и любить. Большой открытый лобъ и видъ серьезный и длинные волосы сзади, но во время разговора его мина принимала видъ чрезвычайно пріятный. Онъ встрѣтилъ меня съ душевнымъ расположеніемъ.

Вскорѣ взошелъ С. Н. Гамалея, тотъ строгій человѣкъ, о которомъ Лабзинъ говорилъ, что онъ неприступенъ при первомъ взглядѣ. Я вспомнилъ сужденіе Александра Ѳедоровича (Лабзина), и какъ же удивился, когда нашелъ въ немъ (Гамалеѣ) человѣка, исполненнаго любви и привѣта. Правда, онъ былъ молчаливъ, говорилъ мало, рѣзко. Новиковъ, напротивъ, былъ одаренъ превосходнымъ даромъ краснорѣчія. Рѣчь его была увлекательна **), даже самыя уста его придавали какую-то сладость словамъ.

Я сказалъ Новикову о цѣли моего пріѣзда. Онъ желалъ видѣть проектъ, говорилъ, что очень радъ, что я вздумалъ навѣстить стараго страдальца и отшельника, что уже много о немъ (т.-е. о проектѣ) слышалъ, и я, развернувъ проектъ, началъ мое объясненіе, стараясь какъ можно строже изложить оное. Я могъ замѣтить, что Гамалея меня слушалъ холоднѣе Новикова; но Новиковъ слушалъ какъ любитель изящнаго.

Когда я просилъ сужденія ихъ:

— «Всего лучше, м. г., сказалъ Гамалея, что вы расположили храмъ свой въ тройственномъ видѣ; ежели удастся выработать вамъ, то это будетъ хорошо».

Новиковъ хвалилъ мою идею, но говорилъ, что можно отбросить нѣкоторыя частности, чтобъ чище оставалась главная идея.

«Очень радъ, что вы посвятили свой талантъ на предметъ столь достойный, и предвижу успѣхъ вашъ».

*) Зачеркнуто: «названнаго имъ».

***) Зачеркнуто: «сладка».

Ред.

Ред.

— «Это-то мнѣ и было лестно слышать изъ устъ вашихъ, потому болѣе, что часто я слышалъ сужденіе Лабзина, который требовалъ отреченія отъ всего наружнаго, какъ будто хорошо дѣлаетъ тотъ человѣкъ, который не развиваетъ талантъ, данный самимъ Богомъ, и зарываетъ его въ землю. Я прежде занимался съ успѣхомъ историческою живописью; хотя и это есть орудіе для прославленія Бога, но мнѣ казалось это недостаточнымъ и когда вышелъ манифестъ 25 декабря 1812 года, тутъ-то я увидѣлъ настоящее призваніе и предался сему предмету. Хотя и тутъ я видѣлъ, что буду заниматься однимъ наружнымъ. «Какой храмъ воздвигните вы Мнѣ, не Я ли все сотворилъ?» Но мнѣ казалось справедливымъ, что ежели люди себѣ приписываютъ славу и блескъ, себѣ воздвигаютъ дворцы и памятники, еще болѣе придать блеска дому *) Божію и ежели уже нуженъ наружный храмъ, то чтобы онъ былъ не холодный камень **), а живой, проникнутый идеею, которая не ограничивается одною вѣщностью формы, но въ которой внутренней смыслъ, глубоко врѣзанный въ каждую форму.

— «Весьма несправедливо думаютъ, будто наружныя дарованія, науки и искусства препятствуютъ человѣку внутренно возвышаться къ Богу. Когда Богъ одарилъ кого талантомъ, онъ обязанъ быть вѣрнымъ своему призванію, и вообще поэзія и искусства, эти сестры, отнюдь не мѣшаютъ, но способствуютъ къ внутреннему развитію. Слушая свое призваніе, какъ бы покоряемся мы велѣнію Бога; исполняя оное наилучшимъ образомъ, освящая цѣлью высовой, слѣдуя чистому одушевленію ***), мы служимъ лучшимъ образомъ для прославленія Бога. Пусть пути разны — цѣль одна; пусть всякій исполняетъ свое, и совокупность сихъ трудовъ и усилій не воздвигнетъ ли настоящей храмъ Богу изъ цѣлаго міра! И для того-то познаніе самаго себя есть важнѣйшее познаніе; оно намъ покажетъ, съ чистымъ ли побужденіемъ избираетъ душа занятіе или нѣтъ. И въ этомъ случаѣ мы нуждаемся опытомъ другихъ, и другъ, испытавшій многое, можетъ во многомъ предостеречь, отстранить горькія

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «храму».

Ред.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «не гряда камней».

Ред.

***) Въмѣсто зачеркнутаго: «въ этомъ-то и состоитъ лучшее Богопочтеніе».

Ред.

испытанія; ибо не многое ли можетъ сообщить отживающій юному, едва идущему по началу жизни».

Такимъ образомъ Новиковъ еще болѣе одушевился къ моему предмету.

Гамалея, какъ строгій стоикъ, умершій для всего наружнаго, не могъ разсуждать такъ, какъ Новиковъ, полный идей живыхъ и пламенныхъ, замѣтилъ: «что, конечно, это хорошо; но ежели вашъ проектъ будетъ избранъ, не опасаетесь-ли вы тогда увлечься такъ вашими наружными занятіями, и исполняя по совѣсти, какъ вѣрный сынъ отечества, сложныя и трудныя должности, что вы принесете имъ на жертву высшее *), нежели чего онѣ достойны».

Старики, казалось, полюбили меня. Я провелъ у нихъ нѣсколько дней и послѣ раза два приѣзжалъ къ нимъ. Каждый разъ бесѣдовали мы долго; мнѣ было очень любопытно знать жизнь Новикова. Многое рассказывалъ онъ. Мнѣ уже отчасти было извѣстно, что Новиковъ 7 лѣтъ провелъ въ Шлиссельбургской крѣпости и освобожденъ при воцареніи императора Павла, но не зналъ причинъ сему. Новиковъ, сколько могъ, удовлетворилъ меня.

Когда онъ старался Русь познакомить съ лучшими европейскими произведеніями, тогда стеклись на его сильный призывный голосъ множество друзей, именемъ общей пользы и любви просвѣщенія, чтобы совокупно работать въ пользу образованія. Тогда завелъ онъ огромную типографію, вскорѣ превзошедшую всѣ заведенныя правительствомъ, и книжныя лавки, пропагандируя просвѣщеніе; издавали журналъ «Живописецъ», первый (?) литературный журналъ въ Россіи. На все это, равно на образованіе множества молодыхъ людей и путешествія ихъ по Европѣ, друзья его и онъ самъ отдавали свое достояніе, и результаты были блестящіе. Государыня лично знала его по службѣ, по талантамъ; но онъ въ молодыхъ лѣтахъ оставилъ службу для своихъ высокихъ занятій. Занятія его и его друзей, чтобъ имѣть силу и быть обезпечену (отъ) всякихъ нападеній, были дѣлаемы подъ покровительствомъ цесаревича Павла. Успѣхъ его типографіи возбудилъ зависть и вниманіе; начали говорить объ опа-

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «большее».

сеніяхъ на счетъ столь огромной типографіи въ рукахъ *) частнаго человѣка. Этотъ взглядъ подрѣдрили какими-то подозрѣніями насчетъ избранія Павла Петровича протекторомъ. Новиковъ, сколь ни былъ далекъ отъ всякихъ политическихъ замысловъ, вдругъ былъ схваченъ и послѣ нѣкоторыхъ допросовъ, посаженъ въ крѣпость. Семь лѣтъ провелъ онъ тамъ. При воцареніи Павла его освободили; но семь лѣтъ тюрьмы и другія причины оставили его болѣзненнымъ и онъ удалился въ свою разстроенную деревеньку Авдотьино, названную имъ Тихвинскимъ, по мѣстечку близъ Шлиссельбурга, гдѣ жилъ онъ въ величайшемъ уединеніи.

Въ то время, когда я познакомился съ ними, я засталъ ихъ обоихъ все еще занятыми. Гамалея переводилъ съ нѣмецкаго и латинскаго языка книги герметическія (?) и религіозныя.

Взглядъ Новикова на сіи предметы былъ чистъ, свѣтелъ и обширенъ. Взглядъ Гамалея рѣзокъ и положительнъ.

Новиковъ показывалъ мнѣ свою небольшую бібліотеку, гдѣ было много книгъ (до 50), переплетенныхъ собственною рукою Новикова. При этомъ онъ замѣтилъ:

«Вотъ сколько труда; но съ искреннею скорбью вижу, что некому завѣщать все это, некому передать мысли, для продолженія начатаго».

Впослѣдствіи времени я раза два-три посѣщалъ ихъ; въ одно изъ посѣщеній я просилъ его дозволить снять его портретъ. Новиковъ позволилъ; но Гамалею я не могъ уговорить.

Дальнѣйшія подробности опустимъ мы; кто знаетъ Новикова, тотъ знаетъ, что онъ былъ за человѣкъ; кто же не знаетъ — тотъ не можетъ и искать здѣсь полнаго свѣдѣнія объ этомъ великомъ человѣкѣ. Прибавлю только, что у насъ былъ неоднократно разговоръ о снахъ и (я) пересказывалъ имъ о трехъ снахъ, видѣнныхъ мною.

Въ первой молодости моей, ведя жизнь всегда строгую, я не могъ не быть обуреваемъ страстями и тѣмъ болѣе, что онѣ имѣли мало отверстій. Часто бывалъ я въ домѣ у одного знакомаго военнаго офицера. Онъ былъ женатъ и жена, прекрасная собою, кокетка. Я видѣлъ, что она ко мнѣ равнодушна

*) Зачеркнуто: «одного».

и самъ былъ очень занятъ ею; я всегда считалъ большою глупостью обольщать чужую жену, какъ преступленіе, которое не можетъ ничѣмъ выкупиться. Ибо лишающій невинности дѣвуху имѣетъ средство возстановить свое преступленіе; но тутъ семейное разстройство и ужаснѣйшія несчастія идутъ объ руку съ преступленіемъ. Потому я употреблялъ всѣ средства, чтобъ уничтожить эту страсть. Наконецъ настала война 1807 г. (sic) съ Швеціею и мужъ ея отправился въ армію. Я по прежнему продолжалъ посѣщать ее иногда, и мало по малу страсть возгаралась болѣе и наконецъ назначенъ былъ день для тайнаго свиданія. На ночь передъ тѣмъ я видѣлъ слѣдующій сонъ:

Идя по академическому корридору, высланному кирпичами, въ щели между ими вижу я червя, какъ бы раздавленнаго ногою. Я остановился и глядѣлъ на него съ нѣкоторымъ чувствомъ состраданія и замѣтилъ, что въ немъ есть еще жизнь; я съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ на него и червякъ оживлялся, началъ двигаться, подыматься, выростать до того, что уже изъ червя началъ образовываться драконъ, какъ мы его представляемъ въ мифологіи, и въ этомъ видѣ онъ кидается на меня. Я, испугавшись, закричалъ; съ тѣмъ вмѣстѣ выбѣжали нѣсколько женщинъ; казалось, драконъ былъ ихъ; онѣ взяли его—и я проснулся.

Я понялъ, что этотъ сонъ былъ предостереженіемъ, и я отложилъ свое намѣреніе и рѣшительно отвергнулъ страсть свою. На другой день, бывши у Лабзина, гдѣ былъ возвратившійся изъ чужихъ краевъ М. Я. Мудровъ, я рассказалъ свой сонъ.

Каково же было мое удивленіе, когда, выслушавъ это, Мудровъ досталъ изъ кармана маленькую книжку *) нѣмецкихъ стиховъ, гдѣ приискалъ мнѣ мѣсто, въ которомъ поэтъ представляетъ возрастающій порокъ, сначала привѣтливимъ, потомъ съ чертами ужасными, точно таеъ, буквально, какъ я видѣлъ во снѣ. Это еще болѣе подерѣпило мое объясненіе сна.

И я навсегда было-оставилъ знакомство съ нею;—но кончилась война, мужъ не возвращался, и вскорѣ пришло извѣстіе, что мужъ ея убитъ. Тогда почти погаснувшая страсть опять заглѣблась, тогда казался мнѣ поступокъ не столь дурнымъ, и я,

*) Зачеркнуто: «писанную».

забывъ свои нравственныя правила, отправился къ ней; но и тутъ Провидѣніе спасло меня отъ преступленія. Я засталъ ее спящую и въ такомъ непристойномъ видѣ, что съ отвращеніемъ ушелъ, никѣмъ незамѣченный, и съ тѣхъ поръ рѣшительно отказался отъ своего намѣренія *).

Второй сонъ былъ слѣдующій:

На нѣкоторомъ возвышеніи я видѣлъ крестъ; къ нему притягивали на веревкахъ лежащую мраморную, бѣлаго цвѣта фигуру. По мѣрѣ того какъ стали ее ставить, статуя оживлялась и наконецъ, когда поставили, она, совсѣмъ живая, сѣла, ноги были сложены и руки лежали на колѣняхъ, голова поникнувши. Чрезвычайное смиреніе выражалось на лицѣ и **) это былъ — самъ Спаситель. Я находилъ нѣкоторое сходство во лбу съ Юпитеромъ Олимпійскимъ; прочія части лица были такъ изящны, что не могу имъ прискаты сходства. Глаза обращены были внизъ; но вмѣсто обыкновеннаго цвѣта волосъ, съ коими изображаютъ Спасителя, они были бѣлые. На вопросъ мой, что значать сіи волосы, кто-то отвѣчалъ мнѣ: «тысячелѣтнее пребываніе его на землѣ». Потомъ, какъ бы слушаясь какого-то велѣнія, онъ всталъ и сталъ къ кресту въ такомъ видѣ: крестъ имѣлъ внизу продолжную скважину, такъ что ставъ позади креста, онъ въ нее поставилъ ноги, а руки, опустивъ черезъ крестъ, который оканчивался поперечникомъ, въ молитвенномъ положеніи. Голова, какъ и прежде, была наклонена внизъ, съ тѣмъ же величественнымъ смиреніемъ.

Смыслъ этого сна былъ ясенъ для меня. Первое — высокой степени смиреніе; потомъ, что шестивіе должно быть подъ крестомъ; дѣйствующая сила должна покоиться на крестѣ; тѣло — должно быть за крестомъ и самая голова преклонена къ кресту. Каменная статуя, оживляющаяся постепенно, — сколь ясно ни согласовалась съ идеею моего храма, которая образовалась гораздо послѣ сего сна; но не приходила мнѣ въ голову прежде Вятки***). Сонъ этотъ весь ясенъ, кромѣ словъ о тысячелѣтнемъ пребываніи.

Третій. Наконецъ этотъ сонъ, который я теперь намѣренъ

*) Далѣе зачеркнуто: «само собою разумѣется что...»

**) Далѣе зачеркнуто: «я узналъ въ...»

***) То-есть прежде ссылки Витверга въ Вятку.

Ред.

Ред.

Ред.

разсказать, нельзя даже совсѣмъ отнести во сну: въ одинъ зимній вечеръ я стоялъ противъ печи и грѣлся, и предаваясь размысленію, перешелъ какъ-бы въ нѣкоторое усыпленіе. Вдругъ вижу посреди комнаты дѣвочку, примѣрно лѣтъ 12-ти. Я подбѣгаю къ ней съ нѣкоторымъ изумленіемъ и спрашиваю: кто ты такова?

«Я дочь Правды» былъ отвѣтъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, уходя въ уголъ, загроможденный разными вещами, исчезла*).

Изъ сказанныхъ словъ Новикова я видѣлъ, что ему нравятся сны; онъ поздравлялъ меня съ ними и говорилъ, что такіе сны не случайно намъ даются.

Чтобъ прибавить еще что-либо о Гамалеѣ, этомъ страшномъ своею строгостію человѣкѣ, достаточно разсказать слѣдующее:

Первый мужъ жены Лабзина, Карамышевъ, былъ человѣкъ безъ вѣры, сомнѣвался въ безсмертіи души; онъ былъ человѣкъ ученый, но принадлежалъ еще къ тѣмъ воспитанникамъ XVIII столѣтія, которые блистали матеріализмомъ. Ему совѣтовали объ этомъ предметѣ поговорить съ Гамалеєю. Карамышевъ, гордый своею ученостію, отвергалъ сначала, но наконецъ согласился познакомиться. И вотъ собственныя его слова, слышанныя мною отъ его супруги:

— «Въ Гамалеѣ нашелъ я маленькаго старичишку, невиднаго, котораго можно щелчкомъ перешибить. Безъ дальнихъ обиняговъ сказываю ему причину моего посѣщенія, т.-е., что я рѣшительно сомнѣваюсь въ безсмертіи души, и сказавъ ему нѣсколько комплиментовъ, замѣтилъ, что отъ него надѣюсь получить объясненіе.

«Узнавши, что я горный чиновникъ, Гамалея замѣтилъ, что я долженъ знать нѣкоторыя науки и спрашивалъ, посредствомъ которой я желалъ бы убѣдиться въ безсмертіи души?

«Я съ трудомъ могъ удержаться отъ смѣха и чтобъ одурачить его, для смѣха избралъ ботанику и съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобъ скрыть свой смѣхъ, вынимаю часы и гляжу на нихъ. Старикъ началъ говорить. Презрѣніе мое замѣняется вниманіемъ, наконецъ переходитъ въ уваженіе и съ тѣмъ вмѣстѣ я ему сказалъ: «довольно». Не прошло еще пяти минутъ и онъ уже убѣдилъ

*). Разсказъ объ этомъ видѣніи извѣстенъ былъ впоследствии всѣмъ членамъ семьи Витберга и, какъ семейное преданіе, помѣщенъ нами выше («Рус. Стар.» изд. 1872 г., т. V, стр. 18).

меня вполне, несмотря на всѣ предрасудки, съ коними я пришелъ».

Новиковъ мнѣ предсказывалъ успѣхъ и просилъ, чтобъ я ему сообщилъ, какъ проектъ мой будетъ принятъ государемъ, что и исполнилъ.

XVII.

Проектъ мой былъ оконченъ. Я сталъ думать объ отъѣздѣ въ Петербургъ. Здѣсь опять надлежитъ возвратиться къ домашней жизни.

Незадолго до поѣздки моей въ Новикову, проѣзжалъ черезъ Москву, одинъ пріятель мой по Лабзину служившій въ Академіи, Свворцовъ ²³⁾, который ѣхалъ къ своимъ роднымъ въ Нижегородской губерніи. Пріятно мнѣ было встрѣтиться съ нимъ, поговорить о Петербургѣ, о моей непріятности съ Лабзинимъ.

Этотъ разговоръ завлекъ далеко и я сказалъ, что «вѣроятно Лабзинъ думаетъ (что онъ и подтвердилъ), что я живу здѣсь для Артемьевыхъ; но я скажу вамъ, что я не токмо не видался съ ними, но даже и не писалъ къ нимъ и не имѣлъ никакихъ сношеній, слѣдственно твердо выдержалъ свое обѣщаніе».

Свворцовъ удивился, думая, что я перемѣнилъ свое мнѣніе относительно Артемьевой.

— «Нѣтъ, отвѣчалъ я, но ежели-бъ это было предназначено, то не должно ли бы уже быть какому-либо указанію, они были бы въ Москвѣ».

— И легко случиться можетъ послѣ этого, что вы уѣдете въ Петербургъ не сдѣлавъ ничего?

— «Легко можетъ быть, и тогда я докажу Ал. Фед., какъ онъ ошибался во мнѣ».

Это показалось ему слишкомъ строго и онъ жалѣлъ, что обстоятельства не согласуются съ моимъ желаніемъ.

По возвращеніи моемъ отъ Новикова, срокъ отпуска Свворцова прошелъ, но онъ еще не приѣзжалъ. Я полагалъ, какъ ему нужно было быть 1-го сентабря ²⁴⁾ въ Петербургѣ, то что онъ проѣхалъ минуя Москву, и я былъ увѣренъ, что онъ въ Петербургѣ, какъ вдругъ, уже въ концѣ сентабря, вижу его во снѣ, въ очень горячемъ, сердечномъ разговорѣ со мною.

Цѣлый день занимался я этимъ сномъ, ибо я видѣлъ въ этомъ духовное сношеніе душъ. Я обѣдалъ у Мудрова и вечеромъ,

возвращаясь по бульвару, встрѣтился со мною кто-то. Издали мнѣ казалось, что это Скворцовъ; но когда онъ подошелъ, я самъ долженъ былъ улыбнуться увлеченію воображенія. Подходя къ почтамту, я вижу въ моей горницѣ огонь. Это удивило меня, ибо слугѣ въ это время было нечего дѣлать, и тотчасъ явилась мысль: не тутъ ли Скворцовъ? И каково же было удивленіе, когда мой человѣкъ встрѣтилъ меня словами, «что Муромскій гость приѣхалъ». Я пересказалъ Скворцову свой сонъ и что я цѣлый день думалъ объ немъ.

На другой день онъ долженъ былъ ѣхать и передъ отъѣздомъ пошелъ въ городъ для покупокъ. Часа черезъ два онъ возвращается ко мнѣ съ Артемьевымъ. Я остолбенѣлъ отъ изумленія. Артемьевъ только что день тому назадъ приѣхалъ и въ рядахъ встрѣтился съ Скворцовымъ. Прощаясь, Скворцовъ спросилъ меня: «ну, можетъ ли этотъ случай быть принятъ за уваженіе, или и этого мало?»

— Напротивъ, уваженіе весьма ясное *).

Пожелавъ успѣха, онъ уѣхалъ, радуясь, что послужилъ орудіемъ къ исполненію моего намѣренія.

Артемьевъ ночевалъ у меня; разговору о его сестрѣ не было, ибо не зная, въ какомъ расположеніи она теперь, я не начиналъ разговора. Онъ уѣхалъ, обѣщавшись мнѣ по приѣздѣ писать и взялъ съ меня слово, что я буду отвѣчать.

Съ первой почтой написалъ онъ мнѣ, что всѣ домашніе бранили его, что онъ не привезъ стараго друга съ собою; итакъ, чтобъ поправить это, приглашалъ меня удѣлить нѣсколько дней для посѣщенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ взять съ собою проектъ плана, которымъ очень интересуются его домашніе. Вопросъ этотъ былъ согласенъ съ моимъ образомъ мыслей, и я принялъ это приглашеніе.

Чтобъ не показался мой образъ дѣйствованія нѣсколько холоднымъ, я долженъ сверхъ моего убѣжденія еще напомнить о нашемъ взаимномъ положеніи. Родственники ея были люди гордые, богатые, а я молодой человѣкъ безъ имени и состоянія. Хотя я увѣренъ былъ въ любви Елизаветы, но съ тѣхъ поръ трехлѣтняя**) разлука могла многое измѣнить, и насколько была

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «сильное».

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «двух-лѣтняя».

она свободна отъ предразсудковъ семейства? Мои исканія можно было истолковать въ дурную сторону и я долженъ былъ молчать, даже и тогда, когда увидѣлся съ ея братомъ, человѣкомъ, коего переѣмчивый нравъ мы уже знаемъ.

Вскорѣ поѣхалъ я туда, вполне увѣренный, что эта поѣздка должна была окончить это дѣло. Я приѣхалъ вечеромъ поздно. Чувства сильно волновались при вступленіи въ домъ, гдѣ должна была рѣшиться моя судьба, гдѣ жила та, которую я такъ давно любилъ и желалъ видѣть. Селеніе Величево ²⁶⁾ и домъ, все носило слѣды непріятельскаго разоренія; они жили въ бесѣдѣ, къ коей пристроено было нѣсколько избъ. Приѣмъ былъ самый дружескій. Я вскорѣ замѣтилъ, что я не ошибся въ чувствахъ Елизаветы. На другой день всѣ вмѣстѣ отправились къ старику, который жилъ въ 10 верстахъ въ с. Александринѣ, котораго я нашелъ, согласно съ предположеніемъ, человѣкомъ гордымъ, но весьма дѣльнымъ, и (онъ) такъ обласкалъ меня съ перваго приѣма, что мы съ нимъ сблизились тотчасъ и я увидѣлъ, что именно отъ него-то всего менѣе можно ждать затрудненія.

Недѣли двѣ пробылъ я тамъ. Черезъ нѣсколько дней открылась у меня съ Елизаветою переписка. Время шло весьма пріятно, въ которое время я сдѣлалъ чертежъ для построенія каменной церкви. Исслѣдовавъ образъ мыслей матери, я наконецъ рѣшился за день до отъѣзда. Дня за два до отъѣзда, поздно вечеромъ продолжался у насъ разговоръ съ братомъ и онъ наконецъ сказалъ:

«Вѣдь ты когда-то любилъ сестру Елизавету?»

— Да.

«Ну, а теперь?»

— И теперь тоже.

Тутъ съ нѣкоторою досадою и недоумѣніемъ сказалъ онъ почему я не дѣйствую?

— Ты напрасно предупредилъ меня, я завтра хотѣлъ начать дѣйствовать.

И онъ убѣдилъ меня, что въ этомъ опасности нѣтъ.

На другой день я сдѣлалъ предложеніе матери. Безъ дальнихъ затрудненій она сказала, что всегда меня любила, что очень рада, но что все зависитъ отъ мужа, за котораго она отвѣчать не можетъ.

— Я только теперь прошу вашего согласія.

«Мое вы имѣете».

Позвали дочь; она, зная о чемъ рѣчь, явилась смущенная и разумѣется краснѣя и едва говоря, сказала, что ежели отецъ и мать желаютъ, то она согласна.

Мать сказала, что по мнѣнію ея не слѣдуетъ говорить мужу, но что она берется уладить это.

Я видѣлъ, что цѣль этого была въ томъ, что она изъ гордости хотѣла играть дѣйствующее лицо.

Такимъ образомъ мы разстались.

По прошествіи двухъ или трехъ недѣль я получилъ отъ матери письмо, что теперь могу адресоваться къ отцу, и я съ первою почтою написалъ ему письмо, на которое онъ мнѣ вскорѣ отвѣчалъ, что извѣститъ меня, увидѣвшись съ женою, которая уѣхала въ Вязьму. Такимъ образомъ, этотъ отвѣтъ былъ удовлетворителенъ. Послѣ звалъ онъ меня другимъ письмомъ для личнаго объясненія въ себѣ, что и было немедленно исполнено.

Онъ говорилъ о разстройствѣ состоянія, о разореніи. Разумѣется, я просилъ его прервать эту матерію.

Тамъ были мы помолвлены. Я думалъ, что мѣсяцевъ черезъ шесть могу возвратиться изъ Петербурга.

Тутъ я уже былъ открытымъ женихомъ, ѣздилъ къ роднымъ и пр. Но вмѣсто 6 мѣсяцевъ, какъ уже видѣли, прошло около года. Это было тяжкое время для меня. Непріятности Академіи, бездна дѣла и наконецъ письма отъ невѣсты и родныхъ ея, которые не совсѣмъ понимали причины и сердились на долгое молчаніе *), иногда въ письмахъ ихъ замѣшивались болзости.

Тутъ случилось еще слѣдующее:

Шуринъ написалъ мнѣ, по своему характеру, очень колкое письмо; оно было адресовано не въ квартиру ко мнѣ, а въ Кабинетъ его величества. Письмо это не дошло до меня и уже послѣ свадьбы спрашивали меня, почему на это письмо я не отвѣчалъ? На отвѣтъ, что я такого письма не получалъ, теща думала, что я это выдумалъ, не хотѣлъ признаться въ полученіи его. Это заставило меня спросить, какого же содержанія было это письмо? И узнавъ, что главный смыслъ его былъ въ томъ,

*) Вмѣсто зачеркнутого: «отсутствіе».

что если мои обстоятельства переменялись, то что, можетъ быть, я переменялъ свои чувства къ прежней невѣстѣ и ищу теперь богаче и лучше невѣсту. Я могъ понять, какимъ образомъ изложилъ это шуринъ. Въѣстѣ съ нимъ писали о томъ же и другіе.

«Странно, сказала я, какъ Провидѣніе берегаетъ насъ; доселѣ я не имѣлъ понятія объ этомъ письмѣ, а еслибъ получилъ его, то навѣрное не былъ бы я здѣсь; оно слишкомъ оскорбило бы меня и слишкомъ явно показало бы, какъ мало меня понимаютъ; я отъ раздраженія исполнилъ бы вашу мысль и мы бы не были соединены. Но Провидѣніе сохранило насъ».

Казалось, что теща все еще оставалась въ недоумѣніи, но послѣ *) убѣдилась. Случайно заѣхавъ въ Петербургѣ къ П. А. Курбатову, онъ мнѣ сказалъ, что у него давно завалялось письмо ко мнѣ, адресованное въ Кабинетъ его величества и которое, при отъѣздѣ моемъ, отдано было ему; онъ досталъ его изъ бюро и отдалъ мнѣ. Уходя я забылъ его на столѣ, и письмо опять ускользнуло отъ меня; когда же, возвратясь къ нему, я спросилъ о письмѣ, оно не нашлось. Слѣдственно Провидѣнію рѣшительно неугодно было, чтобъ это письмо было въ моихъ рукахъ.

Видѣли уже выше, когда я отправился изъ Москвы въ деревню для бракосочетанія, которое было въ с. Царево-Займище (историческое мѣсто, гдѣ Кутузовъ принялъ начальство надъ войсками) и мы вѣнчались въ деревянной церкви, построенной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ,—20 іюля 1816 года.

Моимъ бракомъ заключается эпизодъ изъ частной жизни, который былъ такъ необходимъ для объясненія прочихъ поступковъ и дѣйствій.

Впослѣдствіи мы воротимся, гораздо позже, опять къ домашнему кругу, но теперь прибавлю одно. Первая картина, показавшая мой талантъ, былъ Св. Петръ. Въ Петровъ день выѣхалъ я изъ Петербурга. Наконецъ картина Св. Петра помирила меня съ Академіею. Вслѣдствіе этого я назначилъ имя первому сыну: Петръ, располагая имена дѣтямъ, т.-е. Петръ, Іоаннъ и Яковъ, и тоже выражающія имена для дочерей: Вѣра, Любовь, Надежда, не зная какое имя дать седьмому сыну. И что же? Отъ первой жены моей у меня родилось именно 6 человекъ дѣтей, три сына и три дочери....

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «вскорѣ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О цѣпныхъ мостахъ. 1809 г.

Въ 1809 году, прогуливаясь однажды по Англійской набережной, переходя мостъ, на Крюковомъ каналѣ находящійся, я остановился и сначала осуждалъ перестроивавшихъ этотъ мостъ. Мостъ этотъ былъ составленъ изъ двухъ подъемныхъ частей и обѣ половины поднимались обыкновеннымъ способомъ, цѣпами, прикрѣпленными къ столбу. Подъемныя части приходили въ ветхость и потому ихъ надлежало сдѣлать вновь. А какъ по Крюкову каналу суда никогда не ходили, то сдѣлали помостъ цѣпный; такимъ образомъ, цѣпи остались безъ надобности и изъ нихъ сдѣлали висячій фестонъ, весьма некрасивый.

Но разсматривая этотъ фестонъ, мнѣ пришло въ голову, что опустя отъ этихъ цѣпей вертикальныя цѣпи, въ нихъ можно повѣсить помостъ. Новая идея, нисколько несоотвѣтствующая цѣпному мосту, построенному въ Америкѣ сапожникомъ. Впрочемъ, и таковое устройство ихъ было мнѣ совершенно неизвѣстно. Я немедленно сталъ чертить такіе мосты, и мнѣ казалось, что эта идея весьма полезно можетъ быть употреблена для моста черезъ Неву. А какъ Нева у сената имѣетъ ширины 115 саж., то еслибъ съ обѣихъ сторонъ на 7 саж. вдвинуться въ рѣку, а по самой срединѣ рѣки поставить родъ высокой арки, въ видѣ воротъ, таковой высоты, чтобъ суда могли проходить, притомъ шириною 10 саж.; черезъ эту арку должна была перетянуться цѣпь, составляющая двѣ дуги въ 40 саж. отъ каждаго берега до арки, тѣмъ сила раздвоилась и было средство проходить судамъ. Въ средней части арки находился подъемный мостъ, того же горизонта, но особый. Съ тѣмъ вмѣстѣ арка предохранялась отъ поврежденія льдомъ колесомъ, весьма простаго устройства, котораго центръ былъ выше льда и которое напоромъ его приводимое въ движеніе разбивало ледъ. Важное затрудненіе представляло укрѣпленіе арки въ срединѣ Невы. Идея утопленія судовъ, нагруженныхъ камнями, какъ-то на Эльбѣ и другихъ рѣкахъ, здѣсь казалась недостаточнымъ на Невѣ при ея глубинѣ (7 саж.) и быстротѣ. Первая идея состояла въ томъ, чтобъ посреди рѣки, гдѣ быть воротамъ, сдѣлать огромную насыпь, въ видѣ острова,

изъ твердаго матеріала: кирпича, цемента, глины. Эту насыпь довести до такой степени, чтобъ она вышла на поверхность воды и нѣсколько выше ея, и тогда начать въ ней выкапывать мѣсто до дна и получить пустоту, гдѣ надлежитъ класть *) фундаментъ и выведенія каменной массы. Разумѣется, всѣ мѣры должны быть взяты, чтобы вода не проникала туда.

Вторая идея состояла въ томъ, чтобъ по величинѣ **) этой плоскости сдѣлать срубы, въ родѣ рамъ, изъ простыхъ бревень, въ видѣ плота, обружающаго все пространство, въ коемъ производить работу. Эта рама должна быть связана рядомъ заостренныхъ свай, вертикально опущенныхъ въ воду. Надъ этимъ плотомъ долженъ былъ обкладываться другой рядъ брусевъ, связанный съ первыми желѣзомъ, и потомъ проволокачешъ и засмоленъ. Такимъ же порядкомъ надлежало произвести третій рядъ, четвертый, и такъ далѣе, поскольку нижніе стали бы тонуть и наконецъ нижній слой, съ сваями, сталъ бы входить во дно рѣки.

Такимъ образомъ получится довольно крѣпкій оплотъ и вода изъ него могла быть выкачена. Ежели бы вода не стала уменьшаться, то это свидѣтельствовало бы, что масса нижняя не совсѣмъ твердо прилегла и что есть отверстія; тогда надлежало бы класть глину и мѣшки съ пескомъ ***); ежели бы цѣль была достигнута и вода выкачена, тогда внутри, подлѣ самой стѣны, въ сдѣланную насыпь вбить рядъ или два шпунтовыхъ свай. Послѣ чего удобно было всю насыпь вынуть и даже углубляться въ рытви дна для фундамента. Разумѣется, при самой работѣ надлежало судами, поставленными на якоряхъ, и отъ нихъ протянутыми плотами предохранять отъ силы стремленія воды. Идея сія тѣмъ болѣе меня занимала, что въ Петербургѣ нѣтъ постоянного моста и модели, находящіяся въ Кунсткамерѣ, неудобно-исполнимы: какъ (напр.) сводъ соотечественника нашего Кулибина, состоящій изъ деревянной арки, механически связанный изъ дерева чрезъ всю арку, неудобный какъ по самому матеріалу, такъ и потому, что дуга ея должна была быть очень

*) Въмето зачеркнутого: «строить».

Ред.

**) Въместо зачеркнутого: «по мѣрѣ».

Ред.

***) На полѣ противъ этого помѣта: «Владиміръ. Ноября 16 д. 1838. А. Герцель».

Ред.

велика и проста, ибо надлежало подъ оной проходить судамъ. Другой, составленный французскимъ инженеромъ Пейроме, состоитъ изъ ряда каменныхъ арокъ; тутъ встрѣчаются слѣдующія неудобства: въ устройствѣ фундамента столь огромнаго, который бы пересѣкалъ всю рѣку, почти невозможенъ; второе неудобство представлялось для прохода льда, который, тѣсясь въ узкія арки, долженъ былъ составить груды съ сильнымъ напоромъ (и потому) могъ бы вредить мосту или идти черезъ него. Такимъ образомъ, мнѣ казались эти проекты неудобноисполнимыми; вѣроятно потому и не было приступлено къ построению ихъ съ царствованія императрицы Екатерины, когда были сдѣланы эти модели. А (затѣмъ) кому же неизвѣстно неудобство плашотнаго моста.

Обдумывая планъ цѣпнаго моста, (мнѣ) встрѣтились большія препятствія: я не зналъ, какую тяжесть могла подымать цѣпь въ серединѣ, и даже можетъ ли она выдержать свою собственную тяжесть. Этого нельзя намъ вычислить безъ опытовъ. Опасаясь открытъ мою идею кому-либо, я не могъ ни съ кѣмъ посоветоваться и вѣрилъ мысль свою одному Лабзину, который на сей конецъ познакомилъ меня съ статскимъ совѣтникомъ Антономъ Пошманомъ, занимавшимся физикою и механикою, но и онъ подтвердилъ что, кромѣ опыта, никакое вычисленіе не можетъ дать результатовъ, прямо могущихъ приложиться къ практикѣ. Опыты же по сему должны были быть сопряжены съ значительными тратами. Такимъ образомъ трудъ мой остановился.

Въ 1814 году въ Москвѣ случилось весьма странное обстоятельство относительно этой идеи. При разговорѣ съ англійскимъ банкиромъ Ровандомъ, говоря о неудобствахъ попытокъ моста черезъ Неву, я высказалъ ему, что меня занимаетъ теперь нѣкоторая идея насчетъ этого моста, и долженъ былъ, удовлетворяя его любопытству, сказать, что мостъ цѣпной. Тогда обратился онъ къ притѣжнему англичанину Лаудону, сказавъ: «здѣсь объясняется ваша идея для петербургскаго моста»;... я *) сказалъ, что это идея моя и (что я) никому (ее не) сообщалъ; и въ обоюдному удивленію открылось, что у меня и у Лаудона родилась та же мысль безъ малѣйшаго сношенія или заимствованія. Идеа

*) Зачеркнуто: «очень удивился».

Лаудона столь была сходна съ моею, что не только въ общемъ, но даже въ частности было сходство. Напр., и у него была арка въ серединѣ. Чтобъ убѣдить англичанина, что эта мысль давно у меня существуетъ на бумагѣ, просилъ его немедленно зайти ко мнѣ и удостовѣриться. Что далѣе я остановился только на изслѣдованіи силы цѣпи—то же недоумѣніе и его останавливало. Я предложилъ ему, что ежели онъ разрѣшитъ эту задачу въ Англіи и дѣло приметъ тамъ ходъ, чтобъ онъ публиковалъ, что идея эта уже существовала въ такомъ-то году въ Россіи независимо отъ его. Съ своей стороны то же обязывался и я сдѣлать, ежелибъ прежде моя идея пошла въ ходъ. Занятія мои по проекту храма отвлекли меня совершенно отъ мостовъ, и я только упомянулъ о немъ въ отчетѣ, поданномъ Академіи въ 1815 г.

Впослѣдствіи и уже въ 1821 году узналъ я, въ величайшему удивленію, что въ Англіи, при устьѣ Манай, построенъ такой мостъ. Собирая свѣдѣнія*) о семъ, я уже узналъ изъ одной брошюрки, что англійскій архитекторъ Тельфортъ первый предложилъ правительству построеніе такого моста, но какъ правительство не хотѣло жертвовать капиталъ на невѣрный успѣхъ, то тотчасъ сыскалась компанія, которая сдѣлала всѣ возможные опыты, которые доставили всѣ нужные результаты, послѣ чего правительство рѣшилось на построеніе моста. Впрочемъ, о Лаудонѣ ни слова не упоминалось. Досадно, что не нашему отечеству принадлежитъ честь этихъ мостовъ.

Въ 1823 году я рассказывалъ (объ этомъ) императору, который весьма жалѣлъ, что я тогда не публиковалъ своей мысли.

Англичане по своимъ результатамъ рѣшаются вѣшать мосты на одной цѣпи; но этого я никогда не осмѣлился, предполагая двѣ и даже три, которыя могли бы предохранить его отъ обрыва. Исполнилъ-ли Лаудонъ обѣщаніе свое? Не знаю. Теперь въ живыхъ остаются только два свидѣтеля: англичанинъ Ровандъ и сынъ А. Пошмана, нынѣ (1836 г.) директоръ института законовѣдѣнія С. Пошманъ.

Вотъ доказательство, что въ нашемъ отечествѣ являются часто идеи гениальныя; но не имѣя поддержки отъ правительства, ни отъ общества, должны или гибнуть прежде рожденія, или затеряться во тьмѣ подъяческихъ формъ и происковъ.

*) Вмѣсто зачеркнутого: «Любя пытливо».

II.

Въ 1819 году узналъ я объ одномъ старикѣ Прассовѣ, который посвятилъ себя практической архитектурѣ, занимался ею весьма успѣшно и имѣлъ большія практическія свѣдѣнія не только собственно по архитектурной, но и по инженерной и гидравлической части. Такой человекъ, въ качествѣ каменнаго мастера, былъ намъ чрезвычайно полезенъ; но, по несчастію, Проссановъ принадлежалъ генераль-маіору Римскому-Корсакову. Лѣтъ 20 употреблялъ Проссановъ всѣ старанія, чтобъ выйти на волю; но господинъ его оставался нечувствителенъ ни къ его просьбѣ, ни къ просьбѣ многихъ знатныхъ особъ, принимавшихъ усерднѣйшее участіе въ человекѣ, одаренномъ прекрасными талантами, которые не могли развиться, не могли имъ быть приспособлены вполне отъ несчастнаго состоянія, въ которомъ онъ родился. Видя сильное желаніе его и увѣренный въ пользѣ пріобрѣтенія такого человека, я просилъ князя Александра Николаевича (Голицына), чтобъ онъ довелъ это обстоятельство до свѣдѣнія его императорскаго величества и что не угодно ли будетъ государю изъявить Корсакову желаніе освободить Проссанова? Такъ и случилось. Но Корсаковъ остался твердъ и даже голосъ государя не могъ его подвигнуть сдѣлать доброе дѣло. Онъ рѣшительно отказался отъ отпуска на волю Проссанова, не изъ видовъ корысти, а изъ гордости, что это человекъ съ талантами—его собственность. Вотъ характеристическая черта русской аристократіи того времени.

ПРИМѢЧАНІЯ П. Н. ПЕТРОВА.

¹⁾ Жилирдп, Антонъ Рафаиловичъ, архитекторъ (род. 1768 г. сынъ академическаго привратника Герарди (незаконнорожденный отъ Катерины Роберманъ).

²⁾ Бовэ или Бова, (Josephus Johannes Baptista Carolus Bova). Иосифъ Ивановичъ, сынъ живописца, поселившагося въ Россіи, знаменитый архитекторъ, служившій въ Москвѣ съ 1801 г. (род. 1784 г. ^{24 окт.} ^{4 нояб.} въ Петербургѣ, ум. въ Москвѣ 21 іюля 1834 г., перейдя тамъ въ православіе и женивъ на княгинѣ Авдотѣ Семеновнѣ Трубецкой, рожд. Гурьевой. Бовэ строилъ въ Москвѣ, послѣ нашествія французовъ: Никольскую башню, зданіе губернскихъ присутственныхъ

мѣсть, передѣлывалъ Гостинный дворъ, разводилъ Кремлевскій садъ; строилъ сгорѣвшій Петровскій театръ и при Николаѣ I — Триумфальныя ворота передъ тверскимъ вѣздомъ въ городъ.

²⁾ Мартосъ, Иванъ Петровичъ, воспитанникъ Академіи Художествъ, потомъ пенсіонеръ ея, профессоръ и 3-й ректоръ скульптуры, род. 1753 г., ум. 1835 г. Чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника получилъ онъ первый изъ членовъ Академіи, гдѣ имѣлъ вліятельную партію кліентовъ и поддерживателей въ высшемъ слоѣ общества.

⁴⁾ Мельниковъ женился на младшей дочери Мартоса отъ первой жены, Любви Ивановнѣ (род. 12 іюля 1800 г.) — 21 января 1817 года.

⁵⁾ Витбергъ въ одномъ тутъ ошибается. Конкурсъ о храмѣ Спасителя былъ напечатанъ и заявленъ даже за границею. Проекты были собраны, но не въ большемъ числѣ, и представлены государю, въ то время, когда князь Голицынъ доложилъ ему о композиціи Витберга. Затѣмъ конкурсъ не отмѣнялся, проекты Академія получала и представляла его величеству. Мельниковъ дѣлалъ проектъ по назначенію начальства, строго требовавшаго отъ всѣхъ профессоровъ композицій на храмъ Спасителя. Сообразоваться съ требованіями, когда они наконецъ выяснились, со стороны композиторовъ этихъ проектовъ, очень естественное дѣло. И если въ этомъ одномъ сходствѣ идеи — трехъ храмовъ, одного надъ другимъ — сходился Мельниковъ съ Витбергомъ, первому творцу не должно бы это показаться настолько непривлекательнымъ, еслибъ разсуждалъ онъ не предаваясь горячности. Вся сила въ формѣ, а идея каждымъ композиторомъ можетъ по-своему варіироваться. Что-жъ за бѣда. Аракчеевъ дѣйствительно принималъ участіе въ храмѣ Спасителя — сборомъ проектовъ.

⁶⁾ Григоровичъ, Василій Ивановичъ, издатель „Журнала изящныхъ искусствъ“, а потомъ съ 1829 по 1859 г. конференцъ-секретарь императорской Академіи Художествъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, женатъ былъ на Софьѣ Ивановнѣ Мартосъ, дочери ректора скульптуры.

⁷⁾ „Журналъ изящныхъ искусствъ“ издавалъ Василій Ивановичъ Григоровичъ въ 1823—25 гг. Всего вышло 9 книжекъ. Изданіе это выполнялось при пособіи отъ правительства.

⁸⁾ Чѣмъ оскорбится могъ авторъ проекта, при такомъ только сходствѣ, какъ онъ говоритъ?

⁹⁾ Егоровъ, Алексѣй Егоровичъ, профессоръ живописи императорской Академіи Художествъ (1776—1851 г.), женился 4 іюня 1815 г. на Вѣрѣ Ивановнѣ Мартосъ, третьей дочери ректора.

¹⁰⁾ Деревня дворцоваго вѣдомства — Татарова, съ лозкою, лежитъ

въ Московскомъ уѣздѣ, на р. Москвѣ, отъ города въ 10 верст. на Звенигородскомъ почтовомъ трактѣ.

¹¹⁾ Деревни Григорова и Ладыгино, казенныя, на верховьяхъ р. Москвы, на западъ отъ столицы. Первая въ 35 верстахъ отъ гор. Верей, въ Верейскомъ уѣздѣ (2 стана), по лѣвую сторону тракта изъ Гжатска въ Москву. Вторая—Рузскаго уѣзда (2 стана), отъ гор. Рузы въ 26 верстахъ.

¹²⁾ Герлахъ, Георгъ-Карлъ, родомъ изъ Штральзунда, живописецъ, вступилъ во второй бракъ съ Христиною-Альбертиною Витбергъ, старшею сестрою А. Л. Витберга, 3-го декабря 1803 г. Онъ былъ реставраторъ картинъ, знакомый знати. У него крестили князь Гагаринъ, княгиня Юсупова, графиня Воронцова, сенаторъ Ржевскій—все особы съ вѣсомъ и почетомъ въ обществѣ.

¹³⁾ Михайловъ, академикъ 1805—1806 г., по всей вѣроятности, архитекторъ, Андрей Алексѣевичъ, потомъ профессоръ и ректоръ архитектуры.

¹⁴⁾ Гордѣевъ, Федоръ Гордѣевичъ, предшественникъ Мартоса, второй ректоръ въ императорской Академіи Художествъ и пенсіонеръ ея за границу; художникъ въ свое время съ замѣчательнымъ талантомъ, ум. въ 1810 г. на 69 году жизни.

¹⁵⁾ Ивановъ, Дмитрій Ивановичъ, (род. около 1780 г.) тоже бывшій пенсіонеръ. Не получивъ 1-й золотой медали за картину „Марса Посадница“ (находящуюся въ эрмитажѣ). Ивановъ оставилъ Академію и уѣхалъ изъ Петербурга.

¹⁶⁾ Это было 13-го сентября 1822 г., за три дня до акта (16-го сентября), когда князь Кочубей, графы Гурьевъ и Аракчеевъ приняты на вакансіи, почетными любителями академіи.

¹⁷⁾ Графъ Ростопчинъ, узналъ А. Ѳ. Лабзина еще при Павлѣ, когда сдѣялся главнымъ директоромъ почтоваго департамента (31-го мая 1800 г.), въ которомъ служилъ до Академіи издатель „Сіонскаго Вѣстника“.

¹⁸⁾ Анна Евдокимовна, по первому мужу Карамышева. Свадьба ихъ была въ 1795 году.

¹⁹⁾ Мудрова, Софья Алексѣевна, дочь младшаго брата извѣстнаго доктора-профессора московскаго университета, Матвѣя Яковлевича Мудрова—коллежскаго регистратора Алексѣя Яковлевича, умершаго въ 1790-хъ годахъ, когда старшій братъ былъ еще за границею.

²⁰⁾ Черновъ, Иванъ Потаповичъ, академикъ исторической живописи; оставилъ двѣ оригинальныя картины въ коллекціи императорской Академіи Художествъ, („Блудный сынъ“ 1795 г. и „Самсонъ съ львиною челюстью“ 1800 г.) умеръ въ 1817 г., 49 лѣтъ отъ роду.

²¹⁾ Лабзинъ занималъ еще въ Академіи домикъ Кокорина на 3-й линіи; при домѣ былъ дѣйствительно садикъ, на мѣстѣ нынѣшняго флигеля съ колоннадою.

²²⁾ Тончи, Сальваторъ, знаменитый портретистъ, воспитанникъ римской академіи св. Луки, въ 1790-хъ годахъ прибывшій въ Россію; при Александрѣ I переселившійся въ Москву и служившій при Кремлевскомъ дворцовомъ архитектурномъ училищѣ.

²³⁾ Скворцовъ, Кузьма Петровичъ, былъ протоколистомъ академической конторы и при Лабзинѣ былъ частнымъ секретаремъ, оттого и попалъ въ члены попечительнаго о бѣдныхъ комитета.

²⁴⁾ Въ академіи былъ обыкновенно актъ 1-го сентября и Скворцову нужно было изготовлять къ акту журналъ общаго годоваго собранія.

²⁵⁾ Село Величево находится во 2-мъ станѣ Вяземскаго уѣзда, близъ границъ Гжатскаго, въ 37 верстахъ отъ г. Вязьмы и въ 4-хъ верстахъ отъ села Царева-Займища; послѣднее на Московскомъ трактѣ, а Величево по правую сторону его (на пути изъ Вязьмы къ Гжатску).

На стр. 521 „Рус. Стар.“ (изд. 1872 г. т. V) упоминаемый академикомъ Витбергомъ — графъ Куртъ Штедингъ, шведскій фельдмаршалъ (род. 15 окт. 1746, ум. $\frac{26 \text{ дек. } 1836 \text{ г.}}{7 \text{ янв. } 1837 \text{ г.}}$), другъ короля Густава III, былъ посломъ въ Петербургѣ съ 1790 года по царствованіе Николая I. По смерти заслуженнаго дипломата-фельдмаршала, зять его Бьернштерна издалъ, на французскомъ языкѣ, его депеши со временъ войны за независимость Сѣверной Америки по 1827 г.—чуть ли за полстолѣтія, подъ заглавіемъ: „Memoires posthumes de feld-marechal comte de Steding“, въ 3-хъ томахъ, въ 8 д. Въ нихъ много интереснаго есть и о Россіи.

На стран. 25-й „Русск. Стар.“ изд. 1872 г. (т. V), Витбергъ говоритъ ошибочно, что трудъ росписыванія собора въ Кронштадтѣ, отъ котораго онъ отказался живя въ Москвѣ, — исполненъ К. Брюловымъ. Подрядъ на одинъ иконостасъ взять былъ отцомъ К. Брюловымъ П. И. Брюловымъ; слѣдовательно росписывать церковь взялись другія лица; да въ ту пору К. Брюлову изъ Академіи, гдѣ онъ состоялъ еще воспитанникомъ, и нельзя было отлучаться.

Отъ редакціи. Отдѣльными замѣтками о дѣлныхъ мостахъ и о самоучкѣ-инженерѣ оканчиваются мемуары Витберга, записанные съ его словъ, едва-ли даже ни подъ его диктовку—Александромъ Ивановичемъ Герценомъ (Искандеръ) въ бытность ихъ обонхъ въ ссылкѣ,

въ Вяткѣ. На верху первой страници, рукою Герцена помѣчено: „15 іюля, 1836 г. Вятка“; на одной изъ послѣднихъ страницъ помѣта, въ родѣ росчерка или простой пробы пера: „Владиміръ. Ноября 16 д. 1838 г. А. Герценъ“. На поляхъ попадаются силуэты женскихъ головокъ, шифры „N“, „Natalia“, — имя той, которая составляла въ ту эпоху предметъ думъ ссыльнаго: то была невѣста Герцена. Всѣ помарки показываютъ, что настоящая рукопись черновая*). Въ этомъ еще болѣе подтверждаютъ недописки, недомолвки и крайняя необработанность слога. Послѣднее вмѣстѣ со множествомъ вставокъ, весьма безпорядочно навиданныхъ то на поляхъ, то въ разныхъ мѣстахъ текста, свидѣтельствуя о томъ, что рассказъ неоднократно былъ читанъ Витбергу и онъ диктовалъ или рассказывалъ новыя дополнительные подробности. Читатели безъ сомнѣнія замѣтили, что мы съ особымъ тщаніемъ передали текстъ записокъ, со всѣми въ немъ помарками и поправками его составителей; все что мы позволили себѣ это раздѣленіе рассказа, для удобства чтенія, на главы....

Очень вѣроятно, что Герценъ готовился обработать эти записки къ печати: расположеніе частей, хорошо вставленные эпизоды, умѣнье поддержать интересъ рассказа — все это показываетъ, что Герценъ въ этомъ случаѣ былъ не простымъ стенографомъ Витберга, а безъ сомнѣнія направлялъ даже его рассказъ, сообразно плану задуманнаго ими обоими труда. Было-ли его продолженіе? Очень можетъ быть, что ни тотъ ни другой не продолжали записокъ, тѣмъ болѣе что далѣе идетъ горькая полоса въ жизни Витберга; подробности изъ нея могли казаться обоимъ друзьямъ недоступными не только для печати, — но и для того, чтобы хранить ихъ въ рукописи, и вотъ трудъ оборванъ....

Выше мы сказали, что предъ отъѣздомъ своимъ изъ Россіи за границу („Русс. Стар.“ изд. 1872 г., т. V, стр. 17), Герценъ оставилъ нынѣ напечатанный нами манускриптъ другу своего дѣтства, Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ. Нынѣ Т. П. сообщила намъ, что это не совсемъ точно: рукопись, вмѣстѣ съ другими немногими бумагами и довольно изрядною библіотекою, была оставлена Герценомъ у его брата, Егора Ивановича Герцена, въ Москвѣ. Въ 1859 году А. И. Герценъ писалъ изъ за границы къ своему брату, чтобы тотъ передалъ какъ бумаги, такъ и книги въ ея собственность. Это и было исполнено; но уцѣлѣло уже до того весьма не много. Безъ сомнѣнія Герценъ пожалѣлъ, что рукопись была не при немъ, когда, лѣтъ де-

*) Помѣты состоятъ изъ математическихъ выкладокъ, извлеченій кубическихъ корней, географическаго плана части средней Россіи — чертежъ руки Герцена и проч. Ред.

сять спустя послѣ отъѣзда изъ Россіи, ему пришлось по памяти набросать нѣсколько страничекъ о товарищѣ его ссылки, Витбергѣ *). Къ счастью для исторіи и къ чести Е. И. Герцена и Т. П. Пасека, рукопись сохранена.

Представивъ записки Витберга, мы въ дополненіе къ нимъ приедемъ въ послѣдующихъ книгахъ „Русской Старины“ нѣсколько документовъ: таковы подлинная переписка съ Витбергомъ его патронъ и друзей, и довольно большой мемуаръ, въ которомъ для кого-то изъ официальныхъ лицъ Витбергъ излагаетъ исторію своей гибели: слѣдствіе, судъ и ссылку въ Вятку....

Рисунокъ храма Христа Спасителя по проекту Витберга, приложенный къ настоящей книгѣ, доставилъ намъ художникъ И. А. Ибердусовъ; кромѣ того другой рисунокъ, въ весьма блѣдномъ фотографическомъ снимкѣ, сообщенъ П. Н. Петровымъ изъ бумагъ Ѳ. А. Витберга. По этимъ двумъ рисункамъ исполнена гравюра академика Л. А. Сѣрякова. До сихъ поръ „Храмъ Спасителя“ Витберга былъ изображенъ только одинъ разъ, именно въ весьма плохенькомъ политипажѣ, помѣщенномъ въ „Живописномъ Обзорѣніи“, изд. Августа Семена (Москва, 1838 г., ч. IV, стр. 177); тамъ же помѣщено на одной страничкѣ очень неудовлетворительное его описаніе.

Для исторіи русскаго зодчества положительно необходимо розыскать подробные планы и рисунки этого великаго памятника отечественнаго искусства и издать ихъ сколь возможно тщательнѣе; надъ ними, какъ извѣстно, Витбергъ трудился не годъ, не десятки лѣтъ, а всю свою жизнь, совершенствуя проектъ все болѣе и болѣе; было бы особенно важно издать нѣсколько редакцій его труда.... Это дѣло обществу русскихъ архитекторовъ. Къ сожалѣнію, почти все, что хранилось въ портфеляхъ великаго художника, погубило въ пожарѣ, случившемся незадолго до смерти Витберга.

Ред.

*) См. «Тюрьма и ссылка». Изд. второе. Лондонъ, гл. II, стр. 139—156. Въ Москвѣ же были оставлены Герценомъ письма къ нему его невѣсты въ Вятку, о чемъ онъ съ большимъ сожалѣніемъ вспоминаетъ въ «Тюрьмѣ и ссылкѣ».

Ред.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КУЛИВИНЪ,

самоучка-механикъ.

род. 1735 г., ум. 30 іюня 1818 г.

Жизнь самоучки-механика Кулибина достаточно известна. Сынъ Нижегородскаго посадскаго, мѣщанина, Кулибинъ прославился многими изобрѣтеніями по истинѣ гениальными. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: особаго устройства фонарь, необыкновенно усиливающій свѣтъ, искусственные ноги, часы съ разными затѣями, телѣжки-самокатки, водяныя мельницы, дѣйствующія безъ плотинъ, водоходныя суда—безъ парусовъ, веселья, двигающіеся противъ теченія дѣйствіемъ той же воды, всякіе деревянные и желѣзные мосты черезъ Неву (модель) и многія другія. Кулибинъ 32 года состоялъ при Академіи Наукъ и завѣдывалъ механическою мастерскою. Въ 1801 году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Нижнемъ-Новгородѣ. Къ 1802 году относятся два его письма къ дѣтямъ, сообщенныя «Русской Старинѣ», въ подлинникахъ, известнымъ артистомъ И. Ѳ. Горбуновымъ. Приводимъ пока первое изъ нихъ. Ред.

I.

Любезныя дѣти мои, Семенъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ и Дмитрій Ивановичъ, желаю вамъ отъ Бога всякихъ благъ въ семь вѣкъ и въ будущемъ. Письма ваши, отъ 16 и 23 чиселъ, я получилъ и тѣмъ доволенъ. О себѣ же васъ увѣдомляю, что при всѣхъ моихъ отъ Бога дарованныхъ благодѣяніяхъ, я Его Создателя своими слабостями и злодѣяніями безмѣрно прогнѣвалъ, лишаюсь супруги своея, которая въ субботу, 21-го декабря, въ 5 часовъ утра, разрѣшилась отъ бремени сыномъ Петромъ благополучно; сынъ тотъ же день окрещень, воспріемники: зять Андрей Ивановичъ и дочь Марья; родильница была здорова, но разрѣшеніи часовъ около 30-ти; потомъ, забывшись, и чрезъ полчаса проснулась, почувствовала въ себѣ великой жаръ, ознобъ и боль въ животѣ, такъ, что другую ночь сдѣлался въ ней бредъ; поутру, по совѣту своихъ, на что было и ее желаніе, призванъ лучшей по здѣшнему мѣсту лекаръ *); лекаръ-то смотря, предписалъ ей министуру (sic), сказавъ, что она никакого поврежденія не сдѣлаетъ, какъ только отдѣлится внутреннія чпстицы къ очищенію; между тѣмъ отъ утра до 2 часовъ за полдень, пока не принесено было лекарство.... съ наружи жаръ такъ уничтожился, что руки и ноги стали холодѣть, боль въ животѣ утихла и пульсъ сдѣлался почестъ не въ движеніи; потомъ начали давать лекарство, по предписанію каждой часъ, продолжая до 9-го часа, при чемъ танутіе и му-

*) Опускаемъ подробности болѣзни.

чительство во рвотѣ часъ отъ часу болѣе стало увеличиваться, но безъ пользы, а по послѣднему приему по нескольку уже разъ въ минутѣ все безъ настоящей рвоты; напослѣдокъ.... полежавъ съ полъ минуты попросилась встать..., куда я съ женщиной, поднявъ, посадили и въ тѣ самыя секунды уже безорвоты, опустя голову, на рукахъ у насъ скончалась. Вѣдаю, что она смертна и что произошло сіе по власти Божіей отъ чрезвычайнаго внутренняго жару или отъ другихъ закрытыхъ причинъ, также и лекаръ желая подать ей помощь отъ усердія, но при всемъ томъ поражаетъ меня то, что не надобно бы давать ей лекарство, примѣтя предъ тѣмъ въ ней къ лучшему перемѣну. Таковое позднее раскаяніе мучитъ меня мыслями безмѣрно, отчего сдѣлался весьма слабъ здоровьемъ, воображая себѣ, по слабости разсудка, что съ другою супругою сдѣлалось подобное приключеніе; при всемъ томъ чувствую, что симъ сумнительствомъ я о обонхъ приключеніяхъ предъ Богомъ грѣшу; и предаю себя во всемъ томъ во власть Его, Создателя моего и Бога, ибо безъ воли Его ничто быть не можетъ просто, а единственно наказанъ за грѣхи мои; вы же, дѣти мои, молитесь Богу о утоленіи моей печали и о здоровьѣ, а паче Семенъ Ивановичъ люби и наставляй на добрыя дѣла своихъ малолѣтнихъ братьевъ, не такъ какъ другой матери, а такъ какъ единоутробныхъ, чѣмъ мнѣ сдѣлаешь въ печали немалое утѣшеніе. Прочти сіе письмо сестрѣ Оринѣ Петровнѣ, Татьянѣ Васильевнѣ, да если пожелаетъ узнать о происшествіи сего, то Николаю Сергѣевичу съ супругою, которыя, какъ совершенные сродники съ нами благопріятностями своими поступали; всѣмъ отъ меня поклонись и проси, чтобъ объ особливыхъ письмахъ къ нимъ меня извинили; ты можешь знать сколько и одно сіе мнѣ трудно. Ежели же кто будетъ подозрѣвать въ ошибкѣ лекаря, то всѣхъ тѣхъ, прося его оправдывать, что я не желаю ему ни малѣйшаго оскорбленія, а желаю ему всякаго благополучія; я влючилъ его здѣсь единственно для подробнаго происшествія только, а не для иного чего; ежели же и на самого меня вѣще Богъ прогнѣвается въ томъ, что не могу перенести сего удара и прекратить дни мои, то ты, какъ старшей мой сынъ, не оставь сестрѣ своихъ и братьевъ, за что и тебя Богъ не оставитъ; я же предаю васъ всѣхъ во власть всемогущаго Бога, остаюсь, отецъ вашъ Иванъ Кулибинъ.

7-го января 1802 года.

....Пиши ко мнѣ въ мое удовольствіе, сколько можно чаще, также и я, пока живъ, буду въ томъ стараться. Впрочемъ, все представляется грустнымъ, даже и свое отечество по обстоятельствамъ немало.

Сообщ. И. О. Горбуновъ.

БАСНИ И СКАЗКИ

ИВАНА ИВАНОВИЧА

ХЕМНИЦЕРА.

По языку и мысли я узнала,
Ето басни новыя и сказки сочинялъ,
Ихъ истина располагала,
Природа рассказала,
Хемницеръ написалъ.

М. А. Львова.

(«Петербургскій Вѣстникъ». Ноябрь, 1779).

Хемницеръ—одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ писателей XVIII вѣка: басни его не затмѣнены даже произведеніями единственнаго нашего Крылова; между тѣмъ жизнь, взгляды, убѣжденія Хемницера, словомъ, человѣкъ-Хемницеръ былъ намъ вовсе неизвѣстенъ: все, что печаталось и заучивалось о немъ російскими юношествомъ, ограничивалось очень жиденькою біографіею—нѣчто въ родѣ послужнаго о немъ списка, разведеннаго двумя-тремя анекдотами. «Русская Старина» впервые представила о Хемницерѣ весьма обстоятельную монографію; она принадлежитъ лучшему знатоку и изслѣдователю русской литературы XVIII вѣка, академику Я. К. Гроту («Рус. Стар.» изд. 1872 г., т. V, стр. 215—234). Составленная по подлиннымъ бумагамъ знаменитаго баснописца, она проливаетъ яркій свѣтъ на нравственную, вполнѣ симпатичную личность Хемницера. Нынѣ мы имѣемъ возможность дополнить изслѣдованіе г. Грота новыми матеріалами: это подлинная памятная записная книжка Хемницера и подлинная-же рукопись двѣнадцати его басенъ. То и другое сообщены Г. П. Надхиннымъ и обставлены какъ его пріятчваніями, такъ, по нашей и его просьбѣ, замѣтками академика Я. К. Грота. Печатаемъ сначала «Басни и сказки» Хемницера, а затѣмъ его «Памятную книжку».

Подлинная рукопись Хемницера, съ которой мы приводимъ его басни, составляетъ тетрадку въ малую 8-ю долю, сѣрой почтовой бумаги, 24 страницы. Въ ней рукою автора внесено двѣнадцать басенъ; изъ нихъ одиннадцать находятся въ числѣ тѣхъ двадцати трехъ, которыя составляютъ въ печатныхъ изданіяхъ соч. Хемницера третью часть, а одна «Добрый Царь» впервые явилась въ свѣтъ въ «Русской Старинѣ» (изд. 1872 г. т. V, стр. 229—230). Въ печатныхъ изданіяхъ— третью часть составляютъ слѣдующія басни и сказки:

1) «Муравей и Зерно». 2) «Лѣнныя и ретивыя кони». 3) «Куры и Голубка». 4) «Невѣжество и скупость». 5) «Слѣпой Левъ». 6) «Лисица и Сорока». 7) «Стрѣлка часовая». 8) «Оселъ въ уборѣ». 9) «Услуга». 10) «Левъ свать». 11) «Домъ». 12) «Пчела и Курица». 13) «Вдова». 14) «Перепелка и крестьянинъ». 15) «Поборъ львиной». 16) «Чужая бѣда». 17) «Статуя». 18) «Имѣніе и ссора». 19) «Бумъ». 20) «Привилегія». 21) «Метафизикъ». 22) «Собака и муха». 23) «Дуракъ и тѣнь». Кромѣ того, при той-же, третьей части, въ печатныхъ изданіяхъ приложены еще двѣ басни Хемницера, названныя имъ: «Чужія басни». Таковы: «Львиной указъ» и «Маргышка, обойденная при произвожденіи».

Въ подлинной рукописи, нынѣ сообщаемой, басни идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) «Муравей и Зерно». 2) Лѣнныя и ретивыя кони». 3) «Куры и Галка». 4) «Невѣжество и скупость». 5) «Имѣніе и ссора». 6) «Добрый Царь». 7) «Домъ». 8) «Лисица и Сорока». 9) «Услуга». 10) «Перепелка съ дѣтми и крестьянинъ». 11) «Привилегія». 12) «Поборъ львиной». Такимъ образомъ заглавія нѣкоторыхъ (№№ 3 и 10) въ рукописи отличны отъ печатнаго. Что касается до текста басенъ, то онъ весьма существенно отличается въ подлинной, нынѣ представляемой рукописи отъ того, что было напечатано; по свидѣтельству Я. К. Грота оказывается несомнѣннымъ, что Капнистъ, издавшій впервые третью часть басенъ Хемницера, — уже послѣ смерти автора, изказилъ ихъ своими поправками, а другія, какъ читатель увидитъ, совершенно передѣлалъ.

Необходимо оговорить, что прямой чертой нами отмѣчены цѣлыя стихи и строфы, которые либо существенно отличаются отъ печатнаго, либо и вовсе не имѣются въ печатавшихся до сихъ поръ басняхъ Хемницера. Точно также разрядка указываетъ на различія въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ

Ред.

БАСНИ И СКАЗКИ *).

I.

Муравей и Зерно.

Готова Муравей запасъ, напелъ зерно
Промежду мелкими одно,

Зерно весьма, весьма большое.

Не Муравью-бы съ нимъ казалось совладать,
Да нѣтъ, дай Муравью зерно большое взять.

«Зерно, онъ думаетъ, такое

Одно на цѣлую мнѣ зиму можетъ стать»,
И потащилъ зерно большое.

Дорога въ верхъ стѣны съ запасомъ этимъ шла:

Ну Муравей тащить, трудиться,

И вдоль стѣны съ зерномъ гнѣться;

Вдругъ тягость все перемогла,

И Муравья съ стѣны и съ грузомъ сорвала;

И въ сторону зерно, а Муравей—въ другую.

Не трогая струну людскую,

Мнѣ только Муравью хотѣлось-бы связать,

Чтобъ свыше силъ не поднимать.

II.

Лѣнливые и ретивые кони.

Въ однихъ повозкахъ шли ретивые кони,

Въ другихъ—лѣнливые. Пришедъ къ горѣ они,

Лѣнливые ни съ мѣста! стали.

А вѣдь въ дорогѣ не стоять,

Такъ должно что нибудь начать.

Побившись, способа другаго не смысли **),

Чтобъ помощь этому подать,

Какъ ***) лошадей лѣнливыхъ

Вонъ выпрячь изъ возовъ и впрячь коней ретивыхъ.

Повозку только лишь взвезуть,

Другую ихъ взвезти опять перепрягутъ.

Да чтожь? Когда кормить обозъ остановили,

Всѣхъ на одну траву на тотъ-же лугъ пустили.

Я самъ въ себѣ, случившись тутъ,

Подумалъ: вотъ житье какое!

Ретивому коню всегда работы вдвое,

А тотъ же кормъ—какой лѣнливому даютъ.

*) Далѣе въ подлинникѣ: «Часть третія».

***) Далѣе въ подлинникѣ двѣ съ половиною строки тщательно вычеркнуты.

***) Въ подлинникѣ далѣе слово «чтобы» вычеркнуто.

Ред.

Ред.

Ред.

III.

Куры и Галка.

Хозяинъ Курамъ корму дать
 Стать крохи хлѣба имъ выдать.
 Крохъ этихъ поклевать
 И Галка *) закотѣла,
 Да **) той отваги не имѣла,
 Чтобъ подойти къ крохамъ. Когдажъ и подойдетъ,
 Бывая ихъ, рукой Хозяинъ лишь взмахнетъ,
 Все Галка прочь да прочь, и крохъ какъ нѣтъ, какъ нѣтъ;
 А Куры, между тѣмъ, какъ робости не знали,
 Клевали крохи да клевали.

Во многихъ случаяхъ на свѣтѣ такъ идетъ,
 Что счастье иной отвагой получаетъ;
 И смѣлой ***) тамъ найдетъ,
 Гдѣ робкой потеряетъ ****).

*) Зачеркнуто дагве: «подлетѣла» **) Зачеркнуто: «смѣлости». Ред.

***) Зачеркнуто: «сворѣе». Ред.

****) Въ печатныхъ изданіяхъ эта прелестная басня совершенно искажена передѣлками.

Изъ моихъ списковъ становится несомнѣннымъ, что эта до сихъ поръ считавшаяся подлинною редакція принадлежитъ Капнисту. Даже въ копіи его руки басня первоначально является почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ приведена выше и въ которомъ не разъ встрѣчается въ автографахъ Хемницера. Очевидно, друзьямъ покойнаго баснописца показалось, что къ галкѣ характеръ робости не идетъ, хотя въ данномъ случаѣ онъ приписавъ ей совершенно вѣрно, — и они изъ за этого позволили себѣ черезъ чуръ смѣлую передѣлку. Для сравненія съ подлинникомъ Хемницера выписываемъ передѣлку Капниста изъ изд. соч. Хемницера 1830 г. Москва, ч. 3, стр. 5. Я. Г.

Куры и Голубка.

Какой-то мальчикъ птицъ любилъ,
 Дворовыхъ, всѣхъ безъ разбору,
 И крошками кормилъ.
 Лишь гонецъ дастъ ко сбору,
 То куры тутъ какъ тутъ,
 Отсюду набѣгутъ.
 Голубка тоже прилетѣла,
 И крошекъ поклевать хотѣла;
 Да той отваги не имѣла,
 Чтобъ подойти къ крохамъ. Хоть къ нимъ и подойдетъ,
 Бросая мальчикъ кормъ, рукою лишь взмахнетъ,
 Голубка прочь, да прочь; и крохъ какъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
 А куры между тѣмъ съ отвагой наступали,
 Клевали крохи, да клевали.

На свѣтѣ часто такъ идетъ,
 Что счастья иной отвагой достигаетъ;
 И смѣлой тамъ найдетъ,
 Гдѣ робкой потеряетъ.

IV.

Невѣжество и Скупость *).

Отъ зла и одного чего не отродится!
Чтожь, если вмѣстѣ ихъ и болѣе случится?

Невѣжда и притомъ скупой,
По милости Судьбы слѣпой,
Нашелъ въ землѣ одну старинную статую
Таковую,
Что, говорить, теперь не сдѣлають такой
Работы мастерской!

Тотчасъ Невѣжество и Скупость вобразили
Въ статуѣ этой вещь, въ которой деньги скрыли.
И чтобы вынуть ихъ, такую вещь разбили **)
Которой можетъ-быть цѣны не находили,
Тогда, когда ее художникъ сотворилъ.

*) Кроме мелкихъ разночтеній этой басни съ печатнымъ текстомъ, въ изданіяхъ читаемъ:

Тотчасъ невѣжа мой
Скупой,
Вообразилъ, что въ ней сокрыты деньги были,
Обухъ схватилъ
И статую разбилъ,
Которой знатоки цѣны не находили.

**) Въ моихъ спискахъ этотъ стихъ читается точно также; но ясно, что ему недостаетъ окончательной отдѣлки.

V.

Имѣніе и ссора.

Не вѣсть разбойники, не вѣсть князьки какіе,
 Да только люди не простые,
 И счетомъ двое ихъ всего,
 (То есть: вотъ этихъ только двое,
 А ихъ число совсѣмъ другое),
 Съ своими войсками *) сосѣда своего
 Сложились выгнать вонъ изъ кровнаго владѣнья
 И раздѣлить потомъ промежъ собой его.
 Ну какъ отступнишься безспорно отъ имѣнья,
 Да отъ имѣнія роднаго своего?
 Гдѣ между частныхъ споръ случится о имѣнья,
 Тамъ можно способы черезъ судей найти
 Кое-какъ ссору развести;
 Но въ этомъ ссорномъ положеньи,
 Гдѣ всякъ считался самъ большой,
 Чѣмъ тутъ рѣшить какъ не войной?
 Пошла война: людей безъ счету побивали,
 Такъ что со стороны смотрѣть и тѣ устали,
 Которые войной и грабежомъ живутъ.
 А должно знать, что тутъ
 Ни мало не на стать позѣ происходило,
 Гдѣ войски за себя боговъ пускаютъ въ бой,
 Какъ скоро только лишь сраженье наступило:
 Здѣсь каждой самъ дрался безъ помощи чужой,
 И вотъ зачѣмъ людей такъ много побивали.
 И для того иной желалъ **),
 Чтобъ ужъ хоть правый проигралъ,
 Лишь только-бъ драться перестали.
 <Да что? тутъ нѣкто рассуждалъ:
 Хоть ссориться втроемъ уймутся.
 Ставь двое, изъ того-жъ имѣнья подерутся>.

*) Въмѣсто зачеркнутого: «шайками».

Ред.

***) Отмѣченнаго чертою въ печатныхъ изданіяхъ нѣтъ, тамъ читаемъ:

Но какъ лишь бьющихся число,
 Не спорющихся уменьшали,
 То что войну пресѣчь могло?

Иные ужъ желали и проч.

Ред.

VI.

Доброй Царь.

Какой-то Царь, принявъ правленье,
 Съ нимъ принялъ также попеченье
 Счастливымъ *) сдѣлать свой народъ;
 И первой шагъ его былъ тотъ,
 Что издавъ новое законамъ учрежденье
 Законамъ старымъ въ поправленье;
 А чтобъ исправнѣе законъ исполненъ былъ,
 То старыхъ и судей онъ новыми смѣнилъ.
 Законы новыя даны народу были
 И новыя судьи, чтобъ лучше ихъ хранили.
 Во всемъ и вся была отъѣна хороша,
 Когда-бъ не старая въ судьяхъ иныхъ душа.
 А тотчасъ это зло поправить
 Царь способовъ не находилъ,
 Но долженъ это былъ
 И воспитанію и времени оставить **).

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «Чтобы счастливымъ».

Ред.

**) Изъ сличенія этого текста съ черновыми рукописями Хемницера («Рус. Стар.» т. V, стр. 229—230) видно, что только настоящая редакція можетъ считаться подлинною, въ чемъ нельзя было удостовѣриться, пока не имѣлась въ виду отысканная нынѣ чистая собственноручная тетрадь послѣднихъ басенъ Хемницера.

Я. Г.

VII.

Домъ.

Быть домъ, хотя и не большой,
Однакоже такой

Что выгодъ не доставляло:

Жить можно было въ немъ;

Да кто когда доволенъ чѣмъ?

Любимое людское слово: мало;

То есть когда не дать,

Но взять.

А слова этого Хозяинъ тожъ держался:

Все гдѣсь домъ ему казался,

Какихъ пристроекъ онъ къ нему ни прибавлялъ.

Домъ наконецъ не домъ, а цѣлый городъ сталъ.

Чѣмъ домъ обширнѣе, тѣмъ болѣе смотрѣнья,

Чтобъ не дошелъ до разоренья.

Сперва таки его Хозяинъ содержалъ,

Но послѣ собственныхъ ни глазъ, ни иждивенья,

Чтобъ домъ исправно содержать

Не стало болѣ доставать;

Вѣдь с а м о м у не раздѣлиться,

Чтобъ все успѣть объять собой,

А на присмотръ чужой нѣтъ хуже положиться.

Чужой не видитъ глазъ того, что видитъ свой.

Домъ все вѣтчае становится:

Въ томъ мѣстѣ починаетъ, въ другомъ,

А въ десяти мѣстахъ валится.

Пусть это домъ;

А сколько государствъ, которыя упали,

Когда безмѣрное пространство получали?

И я бы на совѣтъ такой

Весьма охотно согласился:

Что лучше домъ имѣть исправной небольшой,

А нежели дворецъ, которой развалился *).

*) Отъ этого подлиннаго текста басни Хемницера—печатной, поддѣлка Капниста опять-таки рѣзко отличается. Вотъ для образца изъ печатнаго правоученіе этой басни:

Но что?—не только этотъ домъ,

И царство Римлянъ пало,

Когда полсвѣтомъ завладало.

И для того, когда-бъ пошло на выборъ мой,

Тобъ я охотнѣй согласился

Имѣть исправной домъ, хотя и небольшой,

Чѣмъ замокъ или дворецъ, которой-бы валится. Ред.

VIII.

Лисица и Сорока.

«Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
Что таки ты весь день изволишь говорить?»—

Съ Сорокой свидѣвшись Лисица ей сказала.

«Я чаю, что тебя послушать разсуждать

Есть подлинно, что перенять. —

— Все что я говорю, Сорока отвѣчала,
Относится къ тому, что-бъ истину вещей
Открывъ, другихъ наставить въ ней;

И я большимъ моимъ стараньемъ въ томъ успѣла,
Что я, кого бы ни взяла,

Предъ всѣми прочими найдти ее умѣла
Съ Летучей Мыши до Орла». —

«Большое-бъ, говорить Лисица, одолжанье

Твое услышать наставленье *)

Когда бы ты не въ трудъ сошла».

Какъ на кафедрѣ врачъ глубокоизученный,
И знаньемъ, и своей особой зараженный,

Когда готовится преподавать урокъ,

Сперва впередъ и взадъ кафедры пошагаетъ,

Съ осанкой въ носовой своей шелковой платокъ
Утретса, и потомъ ужъ слово начинается:

Такъ точно на суку Сорока находясь,

И поученіе давать расположась,

Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала

И съ права носъ объ суку и съ лѣва подчищала.

Потомъ принявъ лица ученѣйшаго видъ:

— «Я рада всѣмъ служить, что знаю, говорить:

Я не люблю своимъ таяться дарованьемъ:

Пусть пользуются всѣ открытымъ мнѣ познаньемъ.

Не такъ-ли? Ты вѣдь у себя

Четыре все ноги считала?

Но не четыре ихъ! Хоть странно для тебя.

Однако должно знать, чего-бъ я ни сказала,

Безъ доказательства еще не оставляла:

Послушай, и сама признаешься тогда:

Примѣтила-ли ты когда:

Какъ скоро ступишь ты, нога твоя въ движенья?

Когда-же ты стоишь въ покойномъ положенья,

То и нога твоя покоится тогда?»

*) Стихъ этотъ въ подлинникѣ зачеркнутъ.

Да полно, этимъ я не все еще сказала,
 А слушай что теперь я стану говорить,
 | Чего большимъ трудомъ не давно я узнала:
 Всегда, когда тебѣ случается ходить
 | То ты не иначе какъ по землѣ ступаешь.
 Примѣть-же ты свой хвостъ, и ты тогда узнаешь,
 Что всякой разъ когда нога твоя шагнетъ
 За нею тожъ и хвостъ подается твой впередъ;
 И какъ нога твоя то тутъ, то тамъ бываетъ,
 • Точнехонько и хвостъ твой также выступаетъ,
 | Когда на ловлю куръ изволишь ты ходить.
 Изъ этого теперь выходитъ заключенье *)
 Что хвостъ твой пятою ногою долженъ быть.
 | И вотъ, сударыня, на ваше предложенье
 Вамъ съ доказательствомъ рѣшенье».

Какъ, право, веселить, что даже межъ скотовъ
 Способности большихъ умовъ,
 Дающихъ всѣмъ вещамъ и толкъ и объясненье!
 Мнѣ это важное Сороки разсужденье
 Лисица разказавъ заподлинно сама,
 Примолвила притомъ отъ хитрости ума:
 «Чѣмъ меньше свѣдущи скоты и чѣмъ глупѣе,
 Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе» **).

*) Въмѣсто зачеркнутого: «и должно заключать».

Ред.

**) Отмѣченные нами стихи либо отличаются отъ печатныхъ изданій пе, рстановкою словъ и вообще изложеніемъ, либо ихъ вовсе нѣтъ въ печати- наприкладъ:

Чего большимъ трудомъ недавно я узнала. и проч.

или:

Когда на ловлю куръ изволишь ты ходить. и проч.

Нравоученіе въ печатныхъ изданіяхъ изложено такъ:

Не образумившись отъ мудрыхъ толь рѣчей,

Лисица пятую поджавъ смиренно ногу,

Пошла, и всю дорогу

Твердила: «стало быть не межъ однихъ людей

Чѣмъ кто глупѣе,

Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе».

Ред.

Это нравоученіе, какъ и дальнѣйшія переиѣны въ остальныхъ басняхъ, принадлежить Капнисту.

Д. Г.

IX.

У с л у г а

Во всякомъ случаѣ не знаніе бѣда!
 Считаешь иногда:
 На что мнѣ этому учиться?
 Когда-то до меня о томъ еще дойдетъ?
 Дойдетъ ли или нѣтъ,
 Все то что знаешь—пригодится.
 А ежели чего случится и не знать,
 Такъ лучше ужъ не приниматься,
 Чѣмъ послѣ со стыдомъ остаться.

Какъ нѣкто, думая услугу показать,
 Въ саду взялся траву пустую вырывать;
 Однако въ травахъ толкъ не зная,
 Противную совсѣмъ услугу показал:
 Негодную траву за годную считая,
 Ту оставлялъ въ саду, а эту вырывалъ.

Примѣчаніе: Третій стихъ подлинника въ печатныхъ изданіяхъ передѣланъ Капнистомъ такъ:

На что мнѣ суетиться,
 Тому или этому учиться?

Шестъ и послѣдующіе стихи подлинника въ передѣлкѣ Капниста читаются такъ:

А знанье все таки годится.
 Когда же и случится
 Чего не знать,

То лучше въ дѣло не мѣшаться,... и проч.

Ред.

X.

Перепелка съ дѣтьми и Брестьянинъ.

Прилежность и труды въ дѣлахъ употреби—
Надежда лучшая къ успѣху на себя.

Всѣ знаютъ,
Что перепелки гнѣзды вьютъ,
Когда хлѣба еще далеко не цвѣтуть,
А не тогда, когда почти ужъ поспѣваютъ;
То есть порой
Такой,
Когда весна лишь наступаетъ
И вдвое, все что есть, любиться заставляетъ
Да думать какъ дружка найдти,
Чтобъ родъ и племя вновь съ дружкой произвести.
Одна, не знаю какъ, однако опоздала
Такъ что гнѣзда себѣ порою не свила,
А стала вить когда пора почти прошла,
И въ полѣ рожь ужъ поспѣвала.
Однако молодыхъ
Кое-какъ вывела своихъ;
Да только что летать не смогутъ.
И дѣтямъ говорить:
— «Охъ, дѣти! эта рожь намъ не добромъ грозить:
Того и жди, что насъ отсюда потревожатъ;
Однако слушайте: я стану отлетать
Вамъ ворну промышлять,
А вы смотрите:
Хозяинъ этой ржи какъ станетъ приходить,
Такъ, что ни будетъ говорить,
Все до послѣдняго мнѣ слова расскажите».
Пришедши днемъ однимъ Хозяинъ между тѣмъ,
Какъ Перепелка отлетѣла,
«А! рожь-та, говорить, совсѣмъ,
Какъ вижу я, уже поспѣла.
Пойдти-было друзьямъ, пріятелямъ сказать, *)
Чтобъ съ свѣтомъ помогли мнѣ эту рожь пожать».
И! тутъ, помилуй Богъ, какая
Тревога сдѣлалась промежъ перепелать!
— «Ахъ! матушка, ахти! кричатъ:
Друзей, пріятелей собирая,
Рожь хочеть съ свѣтомъ вдругъ пожать».
«И!— говорить имъ мать:
Пустое! нечего болтаться.

*) Слѣдующая строка въ подлинникѣ зачеркнута:

«Чтобъ завтра съ свѣтомъ рожь пришли помочь пожать...»

Мы можемъ гдѣ мы есть съ покоемъ оставаться.

Вотъ вамъ, поѣшьте между тѣмъ,
И спите эту ночь, не думавъ ни о чемъ.
Да только завтра тожъ смотрите, *)
Что ни услышите, мнѣ все перескажите».

Пришедъ хозяинъ, ждать, пождать; нѣтъ никого!

«Вотъ, говорить, до одного

Всѣ обѣщались быть, а сами не бывали.
Надѣйся! Ну пойдти-жъ родню свою собрать,
Чтобъ завтра поутру пришли и рожъ показали».

Тревога межъ перепелить,

Гдѣ пуще прежняго! «Роднѣ своей, кричать:
Роднѣ, онъ сказывалъ, собираться!»

— Все нечего еще бояться,
Сказала мать, когда лишь только и всего».

Пришелъ Хозяинъ такъ, какъ приходилъ и прежде,
Да видять, и родни нѣтъ также никого.

! «Нѣтъ, говорить, въ пустой, какъ вижу, я надеждѣ:

Впредъ вѣрить ни родяѣ не стану, ни друзьямъ.

До своего добра никто таковъ какъ самъ.

Знать завтра по утру съ семьей приниматься **)

Хлѣбъ этотъ поменьку сжать».

! «Ну, дѣти! тутъ сказала ***) мать:

Теперь ужъ нечего намъ больше дожидаться». —

Тутъ кто поршкомъ,

Кто кувиркомъ

Ну, поскорѣе убираться ****).

*) Въ подлинникѣ въ той-же строкѣ зачеркнуто: «мнѣ все перескажите».

Ред.

**) Въ подлинникѣ зачеркнуто:

Мнѣ собираться.

И поменьку хлѣбъ самки стараться и проч.

***) Въмѣсто зачеркнутого: «говорить, услыша это»....

Ред.

****) Въ печатныхъ изданіяхъ басня эта названа: «Перепелка и Крестьянинъ». Кроме довольно многочисленныхъ разночтеній въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, въ печати вовсе нѣтъ слѣдующихъ стиховъ, находящихся въ подлинникѣ:

То есть порой

Такой,

Когда весна лишь наступаетъ

И вдвое, все что есть, любиться заставляетъ,

Да думать какъ дружка найти,

Чтобъ родъ и племя вновь съ дружкомъ произвести. и проч.

Ред.

XI.

Привилегія.

Какой-то вздумалъ Левъ указъ публиковать,
 Что звѣри могутъ всё впередъ, безъ опасенья,
 Кто только смогъ съ кого, душить и обдирать.

Что лучше быть могло такого позволенья
 Для тѣхъ, которые деруть и безъ того?

Объ этомъ чтобъ указъ знали,

Его два раза не читали.

Ужъ то-то было пиршество!

И кожу, кто лишь смогъ съ кого,
 Похвалявають знай указъ, да обдирають.

Душъ, душъ погнбло тутъ!

Что ихъ считаютъ, не сочтутъ.

Лисицъ мудрено однако показалось,

Что позволеніе такое состоялось:

Звѣрямъ указомъ волю дать

Повольно межъ собой другъ съ друга кожи драть!

Весьма сомнительнымъ Лисица находила,

И въ разсужденіи самой и всѣхъ скотовъ.

<Повывѣдать-бы Льва> *)! Лисица говорила,

И Львиное Его Величество спросила,

Не такъ чтобъ прямо—нѣтъ! какъ спрашиваютъ Львовъ:

По-лиси; на вѣсы влада значенье словъ,

Все хитростью, обняками,

Все гладкими придворными словами:

<Не будетъ ли Его Величеству во вредъ,

Что звѣри власть такую получили?>—

Но **) сколько хитрости ея ни тонки были,

Левъ ей однакоже на то ни да, ни нѣтъ.

Когда-жъ по Львову разчисленью

Указъ ужъ дѣйствіе свое довольно взялъ,

По Высочайшему тогда соизволенью

Левъ всѣмъ звѣрямъ къ себѣ явиться указалъ.

Тутъ тѣ, которые жириѣ всѣхъ казались,

Назадъ уже не возвращались.

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «Дай Льва о томъ спросить».

**) Предъ частицею «но» въ подлинникѣ зачеркнуто слово. «Левъ».

Ред.

Ред.

«Вотъ я чего хотѣлъ, Лисицѣ Левъ сказалъ,
 Когда о вольности указъ такой я далъ:
 Чѣмъ жиръ мнѣ по клочкамъ собирать съ звѣрей трудиться *),
 Я лучше дамъ ему сполниться.
 Султанъ вѣдь также позволяетъ
 Пашамъ съ народа частно драть,
 А самъ ужъ кучами потомъ съ Пашей сдираетъ:
 Такъ я и разсудилъ примѣръ съ Султана взять».
 Хотѣла-было тутъ Лисица въ возраженье
 Сказать свое объ этомъ мнѣнье,
 И изясниться Льву о слѣдствіи худомъ;
 Да вообразила то, что говорить со Львомъ.....

А мнѣ хотѣлось-бы, признаться,
 Здѣсь объ откупщикахъ **) слово одцо сказать,
 Что также и они въ число Пашей годятся;
 Да также думаю полисья промолчать ***).

*) Далѣ строка зачеркнута:

«Пусть лучше вмѣстѣ онъ сконя».....

Ред.

**) Зачеркнуто: «сказать».

Ред.

***) Въ печатныхъ изданіяхъ, кромѣ мелкихъ разночтеній противъ подлинной рукописи автора (болѣе существенныя — у насъ отмѣчены), вовсе опущены слѣдующія строки:

«Султанъ вѣдь также позволяетъ
 Пашамъ съ народа частно драть,
 А самъ ужъ кучами потомъ съ Пашей сдираетъ:
 Такъ я и разсудилъ примѣръ съ Султана взять». и проч.

Равнымъ образомъ въ печати правоученіе изложено совершенно иначе противъ подлинника, а именно:

И я бы за Пашей отнюдь не заступился;
 Зажалъ-бы какъ Лисица ротъ,
 Когда-бы въ Турціи родился,
 Гдѣ иногда Султанъ со Льва примѣръ берётъ. и проч.

Ред.

Достойно замѣчанія, что эта басня, многократно невозбранно перепечатывавшаяся съ передѣлками Капниста во всѣхъ изданіяхъ соч. Хемницера, въ одно изъ новѣйшихъ собраній басенъ Хемницера не вошла; именно въ изданіе Смирдинское басня «Привилегія» не была пропущена цензурой 1850-хъ годовъ!

Ред.

XII.

Поборъ Лъвиной.

Въ числѣ поборовъ тѣхъ, другихъ,
 Не помню право я, за множествомъ, какихъ,
 Определенныхъ Лъву съ звѣринаго народа,
 Такъ, какъ-бы, напимѣръ, крестьянской нашъ народъ
 Даетъ оброка на господъ,
 И масло такъ-же шло для Лъвина обихода.
 А этотъ такъ-же сборъ, какъ всякой и другой
 Имѣлъ Приказъ особой свой,
 Особыхъ и звѣрей, которыхъ выбирали,
 Чтобъ должность сборщиковъ при сборѣ отправляли.
 Великъ-ли сборъ тотъ былъ, не удалось узнать,
 А сборщиковъ не мало было!
 Да рѣчь и не о томъ; мнѣ хочется сказать,
 То что при сборѣ томъ и какъ происходило:
 Большая часть изъ нихъ, его передавая,
 Катала въ лапахъ напередъ.
 А масло вѣдь къ сухому льнетъ;
 Такъ слѣдственно его не мало
 Къ звѣринимъ лапамъ приставало;
 И царскимъ пользуясь добромъ,
 Огромной масла комъ сталъ маленькимъ комкомъ.
 Однако какъ промежъ скотами,
 Какъ и людскими тожъ душами,
 Не всѣ бездѣльники, а знающіе честь .
 И совѣстныя души есть,
 То эти въ лапахъ комъ не только не катали,
 Но сверхъ того еще ихъ въ воду опускали,
 Чтобъ масло передать по совѣсти своей.
 Ну, если-бы честныхъ звѣрей
 При сборѣ этомъ не смыкалось,
 То сколько-бъ масла Лъву досталось?
 Не знаю, такъ-ли я на вкусъ людей судилъ?
 Я Лъву, на жалобу объ этомъ, говорилъ:
 «Гдѣ сборы
 Тамъ и воры;
 И дѣло это таково:
 Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство» *) .

*) Послѣ стиха.

Огромный масла комъ сталъ маленькимъ комкомъ.

Въ печатныхъ изданіяхъ, вслѣдствіемъ произвольныхъ передѣлокъ Капниста читаемъ:

Левъ въ этомъ своего не находилъ расчета,

А Слоны, котораго призывалъ

Онъ для совѣта,

Напрямки его величеству сказать:

Гдѣ сборы, и проч. (какъ въ подл. рукоп.).

Ред.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА ХЕМНИЦЕРА.

I.

Изъ біографіи Хемницера извѣстно, что отецъ его выѣхалъ въ Россію изъ Саксоніи, прослужилъ цѣлый вѣкъ свой въ Россіи, былъ хорошимъ врачомъ и отличался безкорыстіемъ. Воспитаніемъ сына онъ занимался, сколько позволяли ему средства; далъ ему порядочное образованіе и хотѣлъ посвятить его также медицинскому поприщу. Но будущій баснописецъ почувствовалъ отвращеніе къ анатомическимъ занятіямъ и поступилъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ военную службу. Здѣсь пробылъ Хемницеръ около двѣнадцати лѣтъ (1757—1769 г.) и сдѣлалъ въ этотъ періодъ прусскій походъ. Но Хемницеръ не очень-то сочувствовалъ и военной службѣ, а потому перешелъ изъ поручиковъ въ гиттенфервалтеры при Горномъ училищѣ. Въ 1781 году вышелъ въ отставку, съ чиномъ коллежскаго совѣтника; черезъ годъ потомъ поѣхалъ генеральнымъ консуломъ въ Смирну, гдѣ, ровно черезъ полтора года, и умеръ.

Во время службы своей при горномъ училищѣ, маркшейдеръ Хемницеръ ѣздилъ въ Западную Европу.

У меня въ настоящее время въ рукахъ собственноручная „Памятная книжка“ Хемницера объ этомъ періодѣ его жизни; въ ней помѣщены также поденныя отмѣтки о послѣдней его поѣздкѣ въ Смирну.

Все это набросано въ летучихъ замѣткахъ чрезвычайно коротко и мѣстами неразборчиво; но такъ-какъ здѣсь опредѣлены дни и числа—когда и въ какой мѣстности былъ путешественникъ, и какъ явленія внѣшней жизни писателя часто объясняютъ развитіе его духа и его литературную дѣятельность, то книжка эта безъ сомнѣнія можетъ служить при составленіи его полной біографіи нѣкоторымъ матеріаломъ, преимущественно для сравненія и повѣрки другихъ источниковъ.

Извлекаю изъ нея нѣсколько подробностей, неизвѣстныхъ еще до настоящей поры.

1.

Поѣздка въ Германію, Голландію и Францію.

Пріѣхаль въ Парижъ Хемницеръ 19 февраля 1777 года. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, котораго русская исторія никогда не забудеть, какъ покровителя наукъ и художествъ, былъ тогда въ Парижѣ. При содѣйствіи, конечно, его, и другихъ русскихъ вельможъ, жившихъ тогда во Франціи, а главное, благодаря Соймонову, съ которымъ Хемницеръ ѣздилъ за границу, Иванъ Ивановичъ имѣлъ доступъ во всѣ достопримѣчательныя мѣста Франціи, во всѣ тамошніе дворцы столичные и загородные. Видѣлъ королевское семейство во дворцѣ, въ Версалѣ, видѣлъ тамъ королевскій ужинный столъ, который каждое воскресенье былъ открытымъ. Французскій король носилъ тогда трауръ по португальскомъ королѣ; трауръ былъ фіолетоваго цвѣта. Хемницеръ рассказываетъ, что король „во всякой разъ приходя въ церковь придворную, встрѣчаемъ трубами и литаврами, что служить возвѣщеніемъ его прихода!“ Въ Версалѣ и въ Парижѣ Иванъ Ивановичъ осматривалъ городскія церкви, и потомъ — опять въ Версалѣ — иностранную коллегію, богатую портретами современныхъ европейскихъ государей; видѣлъ собраніе медалей въ Луврскомъ кабинетѣ; посѣтилъ картинныя галереи: люксамбургскую, гдѣ была Рубенсова галерея, изображавшая исторію Генриха IV, и богатую палерояльскую, принадлежавшую герцогу Орлеанскому, въ которой между прочимъ были: снятіе со креста Рафаэля, картины Каррачи и четырнадцать приключеній Энея; осматривалъ картины въ домѣ принца Конти; былъ въ королевскомъ ботаническомъ саду:—въ немъ, говоритъ Хемницеръ, сдѣланъ былъ павильонъ, „съ высоты котораго видѣли большую часть Парижа. Въ семъ самомъ саду кабинетъ натуральной исторіи королевскій, въ коемъ по комнатамъ расположены всѣ царства природы“. Былъ въ саду герцога де-Шартра, обильномъ руинами: египетскими, греческими, римскими—храмами, пирамидами, гротами; въ подземномъ саду madame de Bruni, „съ павильономъ, который при поляхъ Елисейскихъ“; ѣздилъ въ замокъ фаворитки Людовика XV—Дюбарри—въ Люсьенъ, и восхищался единственнымъ по вкусу и по обстановкѣ павильономъ, который она тамъ построила и отъ котораго приходили въ восторгъ французы и иностранцы. „По смерти Людовика XV, рассказываетъ Хемницеръ, парламентъ взялъ—было въ казну этотъ домикъ, полагая, что онъ строенъ былъ королевскими деньгами, но нынѣшній король (Людовикъ XVI) возвратилъ ей его опять назадъ“. Хемницеръ былъ на смотру королевскихъ войскъ гвардіи и швейцарцевъ, гдѣ былъ тогда и римскій императоръ. Былъ въ звѣринцѣ, на скачкахъ, въ кон-

цртахъ, гдѣ слышалъ, между прочимъ, Stabat mater Перголезе; былъ въ театрахъ—въ Парижѣ и въ Версалѣ.

Въ памятной книжкѣ его записано 28 февраля 1777 года, когда онъ видѣлъ представленіе Танкреда, въ которомъ, по словамъ біографа Хемницера, знаменитый Лекенъ такъ поразилъ нашего разсѣянаго „небеснаго Ивана“, какъ называли его друзья, — своей игрою, что онъ, забывшись, приподнялся съ мѣста и сталъ кланяться великому артисту, чѣмъ, конечно, произвелъ всеобщій хохотъ въ партерѣ. Въ записной книжкѣ есть перечень тѣхъ пьесъ, какія онъ видѣлъ въ бытность свою въ Парижѣ и Версалѣ. Иванъ Ивановичъ не забылъ посѣтить также королевскую бібліотеку, гдѣ хранились между прочимъ и русскія книги. Былъ въ Сорбоннѣ, гдѣ при осмотрѣ статуи Ришельё ему повторили извѣстную всякому русскому сказку, будто Петръ Великій, посѣщавшій Парижъ въ 1718 году, обнялъ ее и сказалъ: „О, великій мужъ! для чего ты жилъ не въ мой вѣкъ? я бы тебѣ отдалъ половину моего государства—управлять имъ, чтобъ мнѣ научиться владѣть другою“. Хемницеръ, какъ русскій, видимо смягчилъ эти слова, а то обыкновенно рассказывали въ Парижѣ еще круглѣе и щедрѣе, будто Петръ сказалъ: „я бы далъ тебѣ одну половину моего царства (т.-е. навсегда), чтобъ ты научилъ меня—какъ управлять другою“. Что нашъ Петръ готовъ былъ учиться вездѣ, во всемъ и у всѣхъ—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но только никакъ не за такую дорогую плату! Мы помнимъ ту скромную цѣну, какую онъ давалъ сардамскимъ плотникамъ за выучеу корабельному мастерству; мы знаемъ, какъ отрицался онъ отъ права распоряжаться царствомъ, хотя бы отъ этого зависѣла жизнь его, бывши въ самыхъ опасныхъ обстоятельствахъ при Прутѣ.

Иванъ Ивановичъ посѣщалъ госпиталь des orphelins et des enfants trouvés, гдѣ содержали проституткоу для исправленія; ихъ тогда насчитывали тамъ до 5,500. Хемницеръ объясняетъ основанія, на которыхъ учреждено это заведеніе.

Былъ въ мастерской знаменитаго Грѣза и рассказываетъ—какія тогда картины онъ готовилъ. Осматривалъ въ Версали машину Ренкена, доставлявшую воду тамошнимъ фонтанамъ. По показанію Хемницера, машина была отстроена 105 лѣтъ назадъ, и Иванъ Ивановичъ передаетъ при этомъ одну изъ тѣхъ легендъ, которыя обыкновенно въ среднихъ вѣкахъ распускались современниками, когда какое-нибудь чудо искусства особенно поражало ихъ: Ренкена, который похвалялся построить другую еще лучшую машину въ подобномъ родѣ, изъ боязни и зависти, чтобъ онъ этого не исполнилъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, выкололи глаза. Хемницеръ былъ также—вотъ собственныя

его слова: „въ Севѣ (Севрѣ?) на фарфоровой королевской фабрикѣ, которая по ту сторону St. Cloud, возлѣ самого его: ѣхавъ туда шли черезъ паркъ St. Cloud, гдѣ видѣли каскаду пущенную. Въ фабрикѣ работниковъ пятьсотъ человекъ: фабрика, не могли сама себя содержать, получаетъ отъ короля ежегодно сто тысячъ франковъ до-бавки“.

11-го мая 1777 года Хемницеръ выѣхалъ изъ Парижа. Въ Лейденѣ, въ кабинетѣ Ботаническаго сада, замѣтилъ модель коломенскаго дворца, въ которомъ родился Петръ I; модель была сдѣлана вѣрно, изъ маленькихъ брусковъ, съ волоковыми окнами. Осматривалъ аудиторію профессора Аллемана и въ ней „огненную“ машину для поднятія воды посредствомъ пара; въ другомъ мѣстѣ объ этой машинѣ онъ говорить такъ: „Были смотрѣть машину новаго изобрѣтенія, огненную, служащую для подыманія воды, которая не имѣетъ поршней, а основана на теоріи о давленіи воздуха надъ водою и угнаніи ея вверхъ, какъ скоро воздухъ теплотою разжиженъ будетъ въ томъ сосудѣ, въ которомъ она вверхъ подыматься должна“. Осматривалъ у разныхъ профессоровъ натуральные кабинеты, машины; присутствовалъ при опытахъ. Иванъ Ивановичъ ѣздилъ съ Писаревымъ нарочно въ Гарлемъ, въ тамошнюю церковь, слушать устроенные Миллеромъ знаменитые органы; видѣлъ здѣсь модель голландскаго корабля, взявшаго Аміету, и испанское ядро, „влѣпившееся“ въ стѣну. Съ Львовымъ ходилъ пѣшкомъ въ Гаагу, на смотръ голландской гвардіи и швейцарцевъ; гвардіей командовалъ—принцъ Оранскій, а швейцарцами—принцъ Брауншвейгскій. Оттуда ѣздилъ въ Амстердамъ, гдѣ осматривалъ воспитательный домъ (домъ найденнышей) на 1200 мальчиковъ и дѣвочекъ и замѣчаетъ, что „они содержаны ужѣренно и не столько щедро, какъ у насъ. Строеніе простое. Они тамъ остаются до 22 лѣтъ и при выпускѣ получаютъ по два раза—по 25 гульденовъ. Учиться могутъ всему внѣ дома у мастеровыхъ и у художниковъ, коиъ домъ платитъ: запрещено только учиться кузнечному и слесарному во время ихъ пребыванія въ воспитательномъ домѣ“. Потомъ въ Амстердамѣ осматривалъ великолѣпный домъ городской Ратуши, построенный изъ бѣлаго песчанаго камня, обложенный внутри бѣлымъ же мраморомъ, украшенный тончайшею рѣзбой и картинами знаменитыхъ голландскихъ мастеровъ: Ванъ-Дика, Рембранда и др. Картины огромной величины,—иныя занимали цѣлыя стѣны. Хемницеръ замѣтилъ между прочимъ Моисея, дающаго законъ народу. Потомъ въ „Амстердамскомъ“ морѣ Хемницеръ поглядѣлъ на лѣсъ мачтъ военнаго и купеческаго флота. Въ Езъ-ла-Шапели (въ Аахенѣ) посѣтилъ соборную церковь, видѣлъ тамъ христіанскія драгоцѣнности:

гвоздь съ креста Спасителя, цѣпи апостола Петра и историческія достопримѣчательности: черепъ Карла Великаго, его престолъ, мечъ и пр. Въ Кальвѣ осматривалъ знаменитый соборъ, проѣхалъ Лимбургъ, Кобленцъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, и 9-го октября 1777 г. возвратился въ Петербургъ.

2.

ПѢЗДКА ВЪ СМІРНУ.

Назначенный въ 1782 году генеральнымъ консуломъ въ Смирну, Хемницеръ выѣхалъ изъ Петербурга въ ночь съ 6-го на 7-е іюня; ѣхалъ на Москву, Серпуховъ, Тулу, Курскъ, Сорочинцы, заѣхалъ въ село Обуховку къ Капнисту, отсюда на Кременчугъ въ Херсонъ. Въ Москвѣ Хемницеръ останавливался въ домѣ М. Ф. Соймонова и выѣхалъ изъ Москвы 18-го іюня. У Петра Васильевича Капниста, въ Обуховѣ, онъ прожил нѣсколько дней и выѣхалъ на другой день Петра и Павла; въ Херсонъ пріѣхалъ 5-го іюля. Существованію Херсона не было тогда еще и трехъ лѣтъ. Въ это время, по словамъ Хемницера, Херсонъ съ крѣпостью и предмѣстьями раскинутъ былъ уже вдоль Днѣпра верстъ на семь, имѣлъ много кирпичныхъ и бѣлаго тесаннаго камня домовъ и магазиновъ. На стапелѣ стояло шесть готовыхъ линейныхъ кораблей; нѣсколько фрегатовъ красовались уже на водѣ. За годъ передъ тѣмъ, спущенъ первый выстроенный здѣсь корабль „Борисоенъ“; онъ принадлежалъ Фалѣеву, былъ одинаковъ военный, но такъ-какъ нашимъ военнымъ кораблямъ по трактату съ турками не позволялось проходить черезъ Босфоръ, то онъ пущенъ былъ подъ именемъ купеческаго и доходилъ до Марсели. Корабельный лѣсъ привозили сюда: дубовый—изъ Польши, сосновый—изъ Брянска. Хемницеръ замѣтилъ въ Херсонѣ много садовъ; онъ говоритъ, что тогда разводили и виноградъ, который, казалось ему, хорошо принимался; находилъ, что карантинный домъ здѣсь хорошо расположенъ. Хемницеръ гостилъ у Ивана Абрамовича Ганнибала, строителя города, на дачѣ его Бѣлозерки, въ 15 верстахъ отъ Херсона; дача очень понравилась Хемницеру по мѣстоположенію. Здѣсь видѣлъ онъ устроенную Ганнибаломъ „машину водяную для поливанія сада, весьма хорошей выдумки. Воду поднимаютъ въ бассейнъ насосами, а оттуда уже пускаютъ ее въ каменные жолобы, наружи вдоль кварталовъ сада расположенные, изъ коихъ вода, будучи въ боковые въ нихъ проверченныя скважины въ садъ пущена, понимаетъ кварталы сада“.

По именному высочайшему повелѣнію, особая яхта должна была довести И. И. Хемницера изъ Херсона въ Смирну. Яхта ждала Хем-

ницера подъ Глубокимъ—это слобода въ 35 верстахъ отъ Херсона; на яхтѣ былъ командиромъ капитанъ-лейтенантъ Яковъ Ивановичъ Лавровъ. 23-го іюля, въ 9 часовъ утра, яхта снялась съ якоря; вѣтры были часто противныя, такъ что Хемницеръ прибылъ въ Буюкъ-дере только 14-го августа.

„Предмѣстье цареградское Буюкъ-дире, пишетъ Хемницеръ, мѣсто, гдѣ лѣтомъ всѣ министры иностранныя въ загородныхъ дачахъ живутъ. Здѣсь должно о каналѣ, соединяющемъ Черное море съ Мраморнымъ и Мраморное съ Средиземнымъ, упомянуть, какъ о вещи, которую природа дѣйствительно для удивленія и пораженія произвела: величественнѣе сего вида, какой каналъ сей имѣеть, едва ли гдѣ на земномъ шарѣ найти можно. Подъѣзжая моремъ верстъ за сто начинаютъ уже показываться страшныя тѣ возвышенія и горы, съ обѣихъ сторонъ его вмѣщающія. Чѣмъ ближе, тѣмъ явственнѣе открываясь, встрѣтятся во-первыхъ крѣпости—сіи такъ-называемыя Дарданеллы, на устьѣ канала съ обѣихъ сторонъ построенныя съ ихъ маяками. Потомъ, въѣзжая уже въ самый каналъ по обѣимъ сторонамъ, при встрѣчѣ новыхъ крѣпостей (воихъ всего шесть до Буюкъ-дире) и каждая иначе построена (надобно знать, что на турецкую стать, каковы напримѣръ старинныя русскія или готическія крѣпости бывали, то-есть, каменныя стѣны, выведенныя вверхъ по горѣ амфитеатромъ, въ два и въ три яруса пушки, коихъ лафеты совершенно съ ихъ пушками неподвижны)—представляются вдоль всего канала, который идетъ колѣнами, отъ колѣна до другого версты по двѣ, по три, и больше, и меньше, увеселительныя дома съ цѣлыми селеніями и садами по достигающимъ почти до облаковъ возвышеніямъ, ниже и выше по нихъ разсѣянныя. При каждомъ поворотѣ канала сцена вообще переиъняется и все величественнѣе становится. Горы, изъ-за горъ видимыя, больше и меньше ясны за воздухомъ, по мѣрѣ большей или меньшей отдаленности, кажутся непрерывно продолжающимися. Словомъ, кажется, что природа въ разсужденіи величественнаго и разнообразіемъ поражающаго вида, всѣ свои силы истощила на сіе мѣсто. Сады, по чрезвычайной величинѣ кедровыхъ, а особливо кипарисныхъ деревьевъ и даже лавровыхъ, кажется, существованіемъ своимъ напоминаютъ о первоначальныхъ временахъ міросозданія. Ширина канала при устьѣ съ черноморской стороны около четырехъ верстъ, а потомъ далѣе $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ версты и около; глубина на серединѣ въ 40, 50 и 60 сажень. Принадлежащій домъ и садъ русскому министру превосходитъ всѣхъ прочихъ огромностію и великолѣпіемъ; мѣста подъ садомъ и домомъ считается 52,700 квадратныхъ пиковъ, а въ каждомъ полагается 1 съ $\frac{1}{4}$ аршинъ. Садъ весь и сей простирает-

си по возвышеніямъ, дѣлая разныя по всѣмъ высотамъ повороты, или, лучше сказать, амфитеатромъ расположенъ; каждый уступъ поддерживается каменнымъ контрафорсомъ. Въ семь-то саду, въ одномъ мѣстѣ, четырнадцать вмѣстѣ выросшихъ лавръ, которые около корня обложены кругомъ каменною лавочкою, величины такой, что на строевой лѣсъ годны быть могли бы, если бы кто Геростратовъ поступокъ повторить хотѣлъ. Мнѣ кажется что российскимъ словомъ Царь-градъ все сказано, что только сказать о такомъ мѣстѣ можно: но, по нынѣшнему строенію и образу жизни людей, можно справедливѣе сказать Царь-мѣсто“.

Хемницеръ ѣздилъ изъ Буюкъ-дере съ секретаремъ посольства, Иваномъ Ивановичемъ Северинымъ, и итальянцемъ, ювелиромъ Виченци, на лодкѣ въ Царьградъ. Въ это время былъ рамазанъ. (Объ этомъ было его письмо Николаю Александровичу Львову). Ѣздилъ верхомъ съ Северинымъ и однимъ англійскимъ купцомъ въ деревню Пиргосъ (въ двадцати верстахъ отъ Буюкъ-дире), чтобъ видѣть тамъ, пишетъ онъ: „Римлянами при царѣ Юстиніанѣ построенныя водоводы... сія водоводы отлѣнены отъ прочихъ, коихъ около Пиргоса еще больше и пространнѣе сего, такъ, что арковъ до шестидесяти имѣютъ, однако въ одинъ только рядъ, а римскіе и въ три ряда: къ тому же въ римскихъ ходить можно помощію лѣстницъ, внутри изъ одного ряда сводовъ въ другой провождающихъ; а въ другихъ нѣтъ. Водоводы сія существованіемъ своимъ, почти невѣроятнымъ, одолжены римскому имени, ибо ихъ съ тѣхъ поръ почти не починивали. Вода, по верху ихъ текущая и капающая по стѣнамъ, и между камней по сводамъ пробивающаяся, составила во многихъ мѣстахъ цѣлыя глыбы stalactita или капельника“.

Онъ записалъ, что и министры константинопольскіе были у него съ визитомъ, но записалъ это не изъ тщеславія, а „чтобъ отписать въ коллегію“: вѣроятно, это требовалось по службѣ.

Въ день выѣзда изъ Буюкъ-дере, 9 сентября, у султана родился сынъ, и была по этому случаю пальба.

То по непостоянству вѣтра, то по безвѣтрію, только 15 сентября вечеромъ пришли „къ предпоследнимъ“ Дарданелламъ, гдѣ и остановились, „потому что надлежало дожидаться осмотра отъ турокъ, которые на другой день утромъ пріѣхали“. У Хемницера есть анекдотъ о турецкихъ таможенныхъ чиновникахъ. „Когда, по послѣднему коммерческому трактату, отлѣнили двойную пошлину, то турки пришедъ таможенные съ объявленіемъ о томъ извѣстались такъ: „намъ дано повелѣніе—что кто хочетъ изъ русскихъ платить пошлину, платить, а кто не хочетъ—не платить, стыдись по гордости своей сказать,

что они такого рода уступку русскимъ сдѣлать согласиться должны были“.

Подъ вліаніемъ историческихъ воспоминаній, подъ вліаніемъ поэзіи Гомера, Хемницеръ съ душевнымъ волненіемъ проѣхалъ мимо того мѣста, гдѣ была „Царственная Троя“, хотя ни малѣйшихъ остатковъ ея давно уже не было, а стояли какія-то двѣ-три башни, часть стѣны и ворота, но гораздо позднѣйшей постройки.

Наблюдательный Хемницеръ замѣтилъ, что „вода морская въ Черномъ морѣ, въ каналѣ Цареградскомъ, да еще и въ Бѣломъ морѣ бирюзоваго цвѣта, а вышедъ изъ Бѣлаго моря—лазуреваго“.

20 сентября 1782 года Хемницеръ пріѣхалъ въ Смирну.

3.

Въ числѣ замѣтокъ о путешествіи по Европѣ и о поѣздѣ въ Смирну, въ памятной книжкѣ Хемницера есть отдѣлъ подъ названіемъ: „Коммисіи и исполненія“. Что занимало Ивана Ивановича въ то время? Въ книжкѣ, между прочимъ, записано: „Справиться въ Смирнѣ о Некрасовцахъ и Балдунскихъ казакахъ, бывшихъ въ Крыму при Петрѣ I и въ послѣднюю войну ушедшихъ и поселившихся въ Анатолію; и отписать въ коллегію; устроить дѣло о паспортахъ для лицъ, прибывающихъ къ намъ на корабляхъ, чтобъ обезопасить Россію отъ внесенія чумы; дать знать, что русскимъ выгоднѣе торговать черезъ Черное море пенькою, нежели канатами; надо надоумить, чтобъ наши купцы оговаривали въ контрактахъ, на какіе фунты идетъ у нихъ продажа или покупка — на смирнскіе или цареградскіе, такъ какъ между ними разница въ вѣсѣ; собирать въ Смирнѣ разное анатолійское дерево, лавы, мраморы, кораллы, узнать въ Смирнѣ—„почему куда фраховыхъ денегъ берутъ и дать знать министру цареградскому“. Кромѣ анекдота объ отмѣнѣ двойной пошлины, есть въ памятной книжкѣ еще два турецкихъ анекдота, которые не потеряли свою цѣну и въ наше время; есть нѣсколько мелкихъ стиховъ, преимущественно двустихій, и собственныхъ его, и его пріятелей; есть разные наброски, замѣтки, рецепты, счета, адреса чернилами и карандашомъ по-русски, а также нѣсколько по-французски и по-нѣмецки.

Вотъ другой изъ турецкихъ анекдотовъ, онъ интересенъ тѣмъ, что дошелъ къ Хемницеру, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ: его передалъ нашему баснописцу драгоманъ его Омеро, бывшій самовидцемъ того, что въ немъ разсказывается. Анекдотъ озаглавленъ Иваномъ Ивановичемъ: „Благородная отвага россиянина“.

„Одному Рос. купцу, именовъ Михайлову, случилось быть въ Крыму съ товарами и съ нимъ нѣсколько товарищей во время хана,

предвѣстника Шагинъ Гирей. Случилось быть ему на берегу, когда врыпцы пушки, въ Крымъ привезенныя, выгружали; должно знать, что уже война послѣдовавшая близка была. Ханъ, будучи на берегу же, говорилъ русскому нашему купцу: „вотъ это все вамъ гостинцы посылать готовятся, которые дадутъ вамъ знать“! Купецъ, ничего не отвѣчая, началъ пушки мѣрить пяденью. Ханъ спросилъ его: „на что ты пушки мѣришь“?—„На то, чтобъ узнать—улягутся ли онѣ на наши сани, когда ихъ намъ къ себѣ отвезти доведется“. Ханъ выбраня его олевывался“.

Вотъ одно изъ анакреонтическихъ двустипій Хемницера:

«Ты розу мнѣ въ залогъ любви своей дала,
А у меня за то ты душу отняла».

На эту тему нѣсколько вариантовъ.

Вотъ одно изъ стихотвореній, обращенное къ нему и написанное, судя по женской формѣ глагола, дамой. Оно озаглавлено Хемницеромъ въ его книжкѣ такъ: „Эпиграмма въ Вѣстникѣ на мѣсяцъ ноябрь 1779 года“.

По языку и мыслямъ я узнала,
Кто басни новыя и сказки сочинялъ,
Ихъ истина располагала,
Природа рассказала,
(Хемницеръ) написалъ *).

Вотъ одинъ изъ набросковъ; онъ писанъ по-французски и, можетъ статья, есть только выписка изъ какого-нибудь другого автора, но онъ характеристиченъ по примѣненію къ нашему писателю.

„Я не страшусь враговъ, которые могутъ мнѣ вредить, отнимая мою собственность, или лишая меня счастья, котораго я не ищу. Слѣдовательно, я не имѣю ничего, чѣмъ бы они могли воспользоваться. Что жъ касается до моего поведенія, то оно таково, что не страшится законовъ“.

Вотъ любопытныя зародыши эпиграммъ на Хераскова и Петрова-

1) „Ну, что Херасковъ, ты шумишь, что я про дурныя твои сочиненія то и то сказалъ; да ты спасибо мнѣ скажи, что я о томъ, да о томъ промолчалъ, что я не вывелъ наружу въ нихъ то и то... Когда не перестанешь ты меня бранить, не перестану я то и то о сочиненіяхъ твоихъ говорить, и скажу то и то... Итакъ, совѣтъ благой

* Вмѣсто: Хемницеръ, поставлены точки. Послѣдніе два стиха приведены въ 1-й статьѣ моей (Рус. Стар. изд. 1872 г. т. V стр. 222) по преданію, слышанному въ семействѣ Львовыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта такъ-названная эпиграмма написана Марьей Алексѣевной Львовой, которой басни были посвящены. Она напечатана въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ 1779 г. (ч. IV, стр. 360). Я. Г.

мой тотъ, чтобъ ты молчалъ, когда не хочешь ты, чтобъ все я рассказывалъ“.

„2) Какъ можно ему ладить съ Петровымъ! Онъ старается какъ можно вразумительно для каждаго писать, а Петровъ старается какъ можно больше, чтобъ его никто не разумѣлъ“.

4.

Вотъ неразвитыя сѣмена нѣсколькихъ басенъ въ прозѣ:

1) „Когда мухи досаждаютъ, то, чтобъ отъ нихъ отбиться, лучшее средство—поставить имъ пищу, и онѣ тебя покинутъ и обратятся всѣ на поставленное для нихъ лакомство“.

2) Басня: „Опасно въ секретѣ съ вѣмъ-нибудь быть“.

3) Басня: „Законъ—ничто безъ исполненья“.

4) „Человѣкъ желалъ богатства, судьба ему дать его хотѣла; нахалъ онъ гору золотой руды; но будучи невѣжда, счелъ ее за простой камень и прохалъ мимо, а ропотъ на судьбу все продолжаетъ. Судьба ему сказала:

«Будь тѣмъ доволенъ, что имѣешь,
Ты быть счастливымъ не умѣешь».

Къ послѣдней баснѣ Хемницеръ сдѣлалъ такую отмѣтку: „эту басню отнести къ той, что невѣжда въ саду отъ невѣжества вырвалъ траву хорошую вмѣсто дурной“.

Есть и еще нѣсколько такихъ басенъ вчернѣ, прозой, но уже перечеркнутыхъ, такъ какъ онѣ воплощены были потомъ въ стихи.

Есть наконецъ въ памятной книжкѣ добавокъ къ баснѣ „Зеленый осель“. Хемницеръ хотѣлъ, но какъ видно не осуществилъ это, поставить въ началѣ басни слѣдующіе стихи:

«Иной шута дурачество заводитъ
И дураковъ прамыхъ наружу тѣмъ выводитъ».

Имѣются тутъ и два другіе стиха, какъ вариантъ въ томъ же смыслѣ.

Кромѣ памятной книжки Хемницера, я имѣю особо двѣнадцать его басенъ; всѣ онѣ переписаны собственной его рукой; изъ нихъ составила тетрадка, въ восьмую долю листа. Всѣ эти басни, какъ читатель уже замѣтилъ очень отличаются отъ того, что съ именемъ Хемницера явилось послѣ его смерти и въ теченіи почти столѣтій принималось и заучивалось подъ его именемъ. Къ сожалѣнію, водяного клейма съ обозначеніемъ года, на бумагѣ нѣтъ. Всѣ эти басни и сказки приведены выше. (См. стр. 583—594).

Въ домѣ родственниковъ Хемницера хранится портретъ его, при-

писываемый кисти Лампи; онъ, по моему мнѣнію, характеристичнѣе тѣхъ портретовъ, которые въ нашихъ академіяхъ наукъ и художествъ и въ с.-петербургскомъ университетѣ. вмѣсто веселаго, безпечнаго лица, какимъ представленъ Хемницеръ въ университетскомъ и академическихъ портретахъ,—въ портретѣ, писанномъ Лампи, онъ является тѣмъ застѣнчивымъ, тѣмъ задумчивымъ и симпатичнымъ Хемницеромъ, какимъ представляется онъ въ своихъ произведеніяхъ и біографіи. Глядя на этотъ портретъ, чувствуешь, что только при этихъ меланхолическихъ чертахъ возможны были тѣ забавные анекдоты, которые рассказывали про его разсѣянность его современники. Разъ, напримѣръ, обѣдая въ большомъ обществѣ, онъ за первымъ блюдомъ услыхалъ какой-то замѣчательный разговоръ; разговоръ такъ его поразило, что онъ подъ конецъ обѣда, позабывъ, гдѣ его слышалъ, сталъ опять рассказывать только что сообщенное происшествіе какъ новость. Это, конечно, возбудило въ присутствующихъ большой смѣхъ. Хемницеръ до того этимъ смущается, что вскакиваетъ изъ-за стола и бѣжитъ вонъ. Но тутъ — новая разсѣянность! убѣгая, онъ схватываетъ вмѣсто платка салфетку и прячетъ въ карманъ. „Куда вы? кричать ему въ слѣдъ, и зачѣмъ вы чужую салфетку уносите?“ Это останавливаетъ бѣглеца, онъ запускаетъ руку въ карманъ и дѣйствительно вынимаетъ салфетку. Въ первую минуту онъ приходитъ въ ужасъ: его мнительности представляется, что его сочтутъ за вора. Но кругомъ всеобщій, добродушный хохотъ приводитъ его въ сознаніе—и онъ наконецъ смѣется самъ надъ собой. Портретъ Лампи представляетъ Хемницера, сколько помнится, моложе того, какимъ онъ ипанъ въ другихъ извѣстныхъ портретахъ, и въ костюмѣ, хотя также официальномъ, но другого цвѣта и покроя. Кроткая душа Хемницера такъ и свѣтится въ его дѣтски-добрыхъ глазахъ на портретѣ, а что онъ былъ добръ и обладалъ сердечной мягкостью—это замѣтно даже изъ эпиграммъ, которыя онъ готовилъ на Хераскова и Петрова, о чемъ я уже говорилъ. Видимо, онъ набросалъ ихъ подъ вліяніемъ неудовольствія; эти наброски, само-собой, на первыхъ порахъ не были доступны ни для чьего посторонняго глаза, стало быть Хемницеръ могъ бы излить здѣсь свои чувства не воздерживаясь, и однакожь онъ ни однимъ оскорбительнымъ эпитетомъ не обозвалъ своихъ противниковъ, ни однимъ жесткимъ словомъ не укоряетъ ихъ, и вѣроятнѣй всего, что эпиграммы эти такъ и не увидѣли свѣта Божьяго.

Г. П. Наджинъ.

II.

Материалы для биографіи Хемницера существенно пополняются отысканшеюся у Г. П. Надхина подлинною записною книжкою баснописца, которая не была мнѣ извѣстна до напечатанія первой статьи моей о немъ.

По желанію редакціи Русской Старины и г. Надхина, дополняю свою монографію („Рус. Стар.“ изд. 1872 г. т. V, стр. 215—234) нѣсколькими замѣчаніями объ этой любопытной рукописи и извлеченіями изъ нея, независимо отъ тѣхъ, которыя уже сдѣланы самимъ владѣльцемъ тетради.

Вновь открытая записная книжка (въ малую осьмушку, въ ветхомъ кожаномъ переплетѣ) сходна по формату и роду замѣтокъ съ другими, прежде полученными мною отъ И. С. Капниста, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что ведена ббльшею частью въ дорогѣ и во время пребыванія Хемницера сперва въ западной Европѣ, а потомъ на Востокѣ. Такимъ образомъ она начата въ 1777 году въ Германіи, а кончена въ 1783 г. въ Смирнѣ, незадолго передъ смертію баснописца. Впрочемъ въ ней есть и отмѣтка отца его, сдѣланная по-нѣмецки въ 1786 году. „Наслѣдство моего сына, пишетъ онъ, составляетъ всего: изъ англійскаго банка — 6,552 руб.; брильянтъ 600 руб.; отъ продажи вещей 760 руб.; по векселю 900 руб. Итого 8,812 руб. 88 коп.—Егоръ Карповичъ Валеріанъ получаетъ половину — 4,406 руб. 44 коп.“. Названный здѣсь Валеріанъ, женатый на младшей сестрѣ баснописца Марьѣ Ивановнѣ, былъ членомъ медицинскаго совѣта, главнымъ врачомъ петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя и врачевнымъ инспекторомъ вѣшняго порта. Марья Ивановна пережила всю свою родню и умерла въ 1819 году, семидесяти лѣтъ отъ роду. О родителяхъ Хемницера могу теперь добавить слѣдующее. Отецъ (Johann Adam Chemnitz), родомъ изъ Фрейберга, проживъ около 74-хъ лѣтъ, умеръ въ апрѣлѣ 1789 г. въ Петербургѣ; мать, Софья, родилась въ Кёнигсбергѣ, а умерла въ Петербургѣ-же, вскорѣ послѣ мужа, въ сентябрѣ того же года, 68 лѣтъ. За Іоанна Адама Хемницера вышла она въ 1742 году, и имѣла отъ него трехъ сыновей и четырехъ дочерей *).

*) За эти свѣдѣнія обязаны мы П. Н. Петрову, выписавшему ихъ изъ архива лютеранской церкви св. Анны. Черезъ посредство г. Надхина получены мною еще слѣдующія извѣстія о родныхъ Хемницера. Другая его сестра была въ замужествѣ за Броннымъ, смотрителемъ и экономомъ Смольнаго монастыря, гдѣ разведенный имъ садъ до сихъ поръ извѣстенъ подъ его именемъ. Жена его, оставшись вдовою, была начальницею одного изъ казенныхъ заведеній. У г-жи Валеріанъ была единственная дочь Катерина Егоровна, вы-

Кромѣ приведенной замѣтки отца Хемницера, все остальное въ памятной книжкѣ писано довольно тщательнымъ почеркомъ нашего автора, отчасти карандашемъ, почти уже стершимся отъ времени, но большею частью перомъ; вообще замѣтки писаны по-русски, но есть также и нѣмецкія и французскія. Содержаніе книжки можетъ быть раздѣлено на нѣсколько отдѣловъ: 1) дневникъ путешествія, особенно по Франціи; 2) журналъ поѣздки въ Смирну; 3) разныя справочныя и памятныя замѣтки, относящіяся къ обоимъ путешествіямъ, какъ-то: списки знакомыхъ, адреса, порученія, свѣдѣнія о монетахъ и разстояніяхъ, счета, рецепты, и проч.; 4) выписки изъ книгъ и журналовъ, особенно на французскомъ языкѣ, заглавія книгъ для памяти; 5) собственные мысли и стихи Хемницера, какъ матеріалы для дальнѣйшей разработки; его же нѣмецкіе и французскіе стихи. Последній отдѣлъ начинается съ другого конца книжки; вся же середина ея состоитъ изъ бѣлыхъ листовъ.

Къ сожалѣнію, журналъ путешествія по западной Европѣ ограничивается только описаніемъ того, что осматривалось; о впечатлѣніяхъ же и вообще о подробностяхъ, лично относящихся до Хемницера и его начальника Соймонова, котораго онъ сопровождалъ, почти вовсе нѣтъ рѣчи. Обмывновенно авторъ выражается въ 1-мъ лицѣ множественнаго числа, разумѣя тутъ особенно Н. А. Львова; изрѣдка онъ упоминаетъ о своихъ спутникахъ и специально. Сперва идетъ на нѣмецкомъ языкѣ маршрутъ переѣздовъ по Германіи, начинающійся такъ: „23-го января нов. ст. (1777) выѣхали мы изъ Дрездена въ Лейпцигъ и проѣхали черезъ слѣдующія мѣста“... Въ Лейпцигѣ путешественники взглянули только на памятникъ Геллерта и тотчасъ поѣхали далѣе; черезъ Франкфуртъ и Кѣльнъ они 1-го февраля прибыли въ Нимвегенъ, первый голландскій городъ; въ Лейденѣ успѣли повидаться съ однимъ изъ университетскихъ профессоровъ. Пробывъ дня три въ Амстердамѣ, поѣхали черезъ Лейденъ, Роттердамъ, Антверпенъ и Брюссель во Францію. „Въ Парижъ прибыли, отмѣчаетъ Хемницеръ уже по-русски, 1777 г. февраля 19-го, пополудни въ 4-мъ часу, и взяли квартиру въ Hotel de Monpensier, гдѣ заплатили въ мѣсто сутокъ за двоихъ 6 большихъ екую, выѣхавъ въ слѣдующій день въ квартиру Hotel d'Autriche dans la rue Traversiere, non loin de la rue St. Honoré“. Отсюда собственно начинаются краткія поденныя замѣтки, изъ которыхъ видно, что путешественники всего прилежиѣе, не пропуская почти ни

.....
шедшая замужъ сперва за Деламара, провіантмейстера морского вѣдомства, а по смерти его за полковника Яковлева. Дочь отъ этого послѣдняго брака, Наталья Петровна, въ замужествѣ Никитина, остается нынѣ представительницей, по женской линіи, рода Хемницеровыхъ.

Ж. Г.

одного дня, посѣщали театр: Хемницеръ никогда не забываетъ упомянуть, въ какомъ именно театрѣ они были и какую пьесу видѣли, называя часто и замѣчательныхъ артистовъ; безпрестанно смѣняются заглавія произведеній Корнеля, Расина, Вольтера. 23-го и 27-го февраля путешественники обѣдали у русскаго посланника, князя Ив. Серг. Барятинскаго, а 10-го марта у И. И. Шувалова, который, какъ извѣстно, почти съ самаго начала царствованія Екатерины II жилъ за границей и воротился въ Россію не прежде сентября 1777 г., т. е. незадолго до возвращенія на родину и Соймонова съ Хемницеромъ*). Мало по малу дорожныя замѣтки послѣдняго становятся все подробнѣе, особенно при разсказѣ о произведеніяхъ искусствъ и техническихъ работахъ. Въ статьѣ г. Надхина уже сдѣланы нѣкоторыя выписки изъ этихъ любопытныхъ отчетовъ Хемницера.

8-го мая записано: „Ѣздили прощаться; обѣдали у князя (Барятинскаго) и проѣзжались по бульвару“. 10-го мая было послѣднимъ днемъ пребыванія въ Парижѣ, и Хемницеръ съ Н. А. Львовымъ не пропустили случая побывать, на прощанье, въ итальянской комедіи, гдѣ въ первый разъ давали народію на оперу „Касторъ и Поллюсъ“. Любопытенъ слѣдующій полунѣмецкій, полурусскій списокъ парижскихъ знакомыхъ Хемницера (подъ заглавіемъ Bekanntschaften in Paris): „Der Ministre Fürst Iwan Сергѣевичъ; Николай Константиновичъ Хотинской, посольства надворной совѣтникъ; г. Александръ Іевичъ Писаревъ, майоръ; г. Глебовъ, полковникъ“.

14-го мая путешественники уже знакомыми имъ мѣстами возвратились въ Лейденъ; съ ними былъ и названный сейчасъ Писаревъ, какъ видно изъ отмѣтки: „Ѣздилъ я съ г. Писаревымъ на шойтѣ, то есть на голландской баркѣ въ Гарлемъ слушать органы, считаемые первыми...“ Изъ Лейдена поѣхали 7-го іюня черезъ Бри и Матрихтъ въ Аахенъ, откуда черезъ нѣсколько дней отправились въ Спа, „гдѣ еще весьма немного нашли пріѣхавшихъ. 16-го былъ балъ въ ассамблейной залѣ, гдѣ и мы были“.

Въ прежней статьѣ моей о Хемницерѣ (стр. 219) уже было замѣчено, что въ Спа Львовъ отдѣлился отъ путешественниковъ и одинъ уѣхалъ въ Россію. Въ этомъ городѣ, вѣроятно, Соймоновъ, отпросившійся въ отпускъ по болѣзни, а можетъ-быть и Хемницеръ пили минеральныя воды. Между стихами, въ записной книжкѣ, мы находимъ такую шутку:

Вто пить желаетъ воды,
Оставить долженъ моды

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что въ отпускъ Хемницеръ былъ уволенъ 26 октября 1776 г. (П. Н. Петровъ, по свидѣнію изъ Сен. архива, кн. 139, височ. повел. л. 377).

И попросту ходить,
 Не много ѣсть, вина не пить,
 Отъ всѣхъ красавицъ удалиться,
 Въ шестомъ часу вставать, поранѣй спать ложиться,
 Всѣ грусти позабыть, ни мало не вздыхать,
 Оставить чтеніе и богѣ гулять.

Слѣдуя этимъ правиламъ, Хемницеръ во время пребыванія въ Спа пересталъ вести свой дневникъ, который возобновляется только въ сентябрѣ. 10-го числа этого мѣсяца путешественники выѣхали отсюда, и черезъ Вербве прибыли въ Дюссельдорфъ, гдѣ особенно подробно была осмотрѣна и описана Хемницеромъ картинная галерея Рубенса. Изъ Кельна въ Кобленцъ ѣхали дорогою римскихъ императоровъ; потомъ отправились въ Лимбургъ, а оттуда въ Франкфуртъ на Майнѣ мимо зельцерскаго источника, у котораго выходили и пробовали воду въ толгѣ людей, черпавшихъ ее кружками. „Весь этотъ путь, замѣчаетъ Хемницеръ, продолжая дневникъ опять по-нѣмецки, совершили мы въ обществѣ генерала Петерсона, графа Скавронскаго и майора Мейера“. Цѣлая страница занята спискомъ знакомствъ, приобрѣтенныхъ въ Спа. Между множествомъ иностранцевъ, большею частью бароновъ и графовъ, записаны тутъ слѣдующія русскія имена: „князь Мещерскій, гвардіи поручикъ; кн. Вас. Вас. Долгорукій, гвардіи майоръ; г. Пушкинъ, майоръ; Федоръ Федор. Вятковский, поручикъ гвардіи; графъ Скавронскій; его пр. г. Петерсонъ полковникъ Гавріилъ Ильичъ Вибиковъ; полковникъ Грабовскій, бывший у насъ въ гвардіи офицеръ, а нынѣ въ польской; поручикъ Лизандеръ, въ русской службѣ“. Изъ иностранцевъ замѣтимъ барона Гейница, статскаго совѣтника прусской службы и директора горной части, съ которымъ Хемницеръ изъ Аахена ѣздилъ осматривать желѣзный и пушечный заводъ.

Замѣтки на обратномъ пути въ Россію, писанныя карандашемъ, чрезвычайно кратки и невѣстны. По выѣздѣ 20-го сентября изъ Франкфурта, останавливались въ Эрфуртѣ ради воспоминанія о Лютерѣ, и въ Лейпцигѣ, откуда заѣзжали въ Люценъ взглянуть на памятникъ убитаго тамъ Густава-Адольфа. Два дня пробыли въ Берлинѣ, откуда выѣхали 29-го сентября нов. ст. и чрезъ Кенігсбергъ и Мемель возвратились 9-го октября ст. ст. въ Петербургъ.

Живя здѣсь, Хемницеръ не забывалъ своей записной книжки и вносилъ въ нее изрѣдка разныя отмѣтки. Между прочимъ вниманіе обращаетъ на себя остатокъ полувыврванной страницы, на которомъ записывалось, кому онъ выдавалъ изъ своей бібліотеки книги. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ отмѣтокъ, писанныхъ большею частью по-французски:

Капнисту были выданы: 1-й томъ сочиненій Вольтера и собраніе сочиненій Жанъ-Батиста Руссо, Philosophie de la Nature и Systeme de la Nature.

Валеріану (шурину Хемницера) Линнеева система.

Г. Толстому Les trois imposteurs.

Сестрѣ Хемницера: 1 часть „Моихъ досуговъ“ М. Попова.

Андрею Ивановичу (брату его?) журналъ „Трутень“.

Вильгельму Ивановичу (другому брату?) „Елисей“, поэма Майкова и 1-й томъ писемъ Эйлера физическихъ. *)

Г. Лемке: сочиненія Фридриха II и „Записки Манштейна“.

Г. Маттеи: „Металлургія“ Ломоносова; I часть трудовъ вольнаго экономическаго общества.

Карамышеву (сослуживцу Хемницера по горному училищу): Oeuvres chimiques par Le Sage и Lettres touchant l'affaire de Struensee.

Марьѣ Федоровнѣ (?) „Освобожденный Иерусалимъ“ Тасса.

Изъ этого списка можно заключить, какъ разнообразна была бібліотека нашего писателя. Особенно вспомнилъ онъ свою памятную книжку, когда рѣшена была его поѣздка въ Смирну. Тутъ начинается рядъ чрезвычайно интересныхъ замѣтокъ, писанныхъ частью въ Петербургѣ, во время приготовленій къ отъѣзду, частью въ дорогѣ, потомъ въ Константинополѣ и въ самой Смирнѣ. Въ дополненіе къ сдѣланнымъ г. Надхимымъ выпискамъ считаю нужнымъ представить здѣсь еще слѣдующія извлеченія, сохраняя въ нихъ орографію подлинника.

1.

Коммисіи и исполненія.

(Сказать Яв. Ив. Бул. отъ сестрицы его о сафіанахъ чтобъ ихъ прислать разнаго рода—что дѣти учатся теперь у учителя—что писемъ отъ него не имѣютъ, что Павлушкинъ отецъ здоровъ**).—Спросить кому изъ консуловъ въ Смирнѣ визитами мнѣ начать. Не лучше ли безъ порядка или съ младшихъ.—Приѣхавъ въ Смирну разослать увѣдомительные письма по всѣмъ ближнимъ мѣстамъ.—Форму у министра спросить о паспортахъ и о доношеніяхъ.—Взять уставъ тарифамъ и пошлинамъ.—Паспорты пропускные могу я давать не только своимъ, но и иностраннымъ—отписываясь о томъ къ министру, то есть реляціонное писать о томъ же и въ коллегію. А секретное, естьли

*) Объ Ив. Абрам. Ганнибалѣ, о которомъ еще нѣсколько разъ упоминается ниже, и между прочимъ какъ о строителѣ Херсона, см. соч. Пушкина (изд. Анненкова), т. V, «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ», стр. 6.

Я. Г.

*) Скобками () означены мѣста, зачеркнутыя самимъ Хемницеромъ въ записной книжкѣ его. Рѣчь идетъ о домѣ посланника Булгакова. Я. Г.

quelques turcs ou grecs voudront quitter leur pais et s'etablir ches nous, писать цифрами.—Ганнибала*), или отъ него зависить, просить о извѣщеніи коллегіи тѣмъ что я отправился за границу, дабы коллегія знать могла о томъ, а потому и наддачу жалованья производить. Кланяться Северину отъ Брайко и министру.—Также и отъ Григорья Павловича Кондонди. (Сказать Матюшкину что родные ево на Острову Васильевскомъ всѣ здоровы. Северину поклонъ отъ сестры). Архивъ иностранныхъ дѣлъ кол. въ Москвѣ у Покровскихъ воротъ.

Имена разныхъ мнѣ знакомыхъ:

Василій Григорьев. Прилонской прокуроръ въ Твери, жена ево Мавра Ивановна. Друковцовъ живетъ въ Москвѣ подле Покровскихъ воротъ у Ведѣнія въ Борашихъ въ дехтярномъ переулкѣ въ домѣ Анфимовой, а въ деревнѣ за городомъ Можайскимъ въ 30 верстахъ, деревня Желоменна.

Павиліоны давать только тѣмъ, кои точно доказать могутъ что они російскіе подданные.

Спросить у министра рапорты ли или доношенія въ Коммерцъ-Коллегію посылать мнѣ должно... Для И. А. Ганнибала выслать хорошія вина... Для двора прислать также семена разные. Собрать въ Смирнѣ разное Анатольское дерево, лавы, мраморы, кораллы, изъ коихъ не худо и ко двору посылать. Драгомана взять въ Смирну стараться Равича. О таинѣ (?) спросить министра и стараться его получать. Сказать Якову Иван. отъ Абр. Ив., что теперь ожидаетъ отъ только ево извѣстія въ разсужденіи здѣшнихъ обстоятельствъ. Что Ив. Абрамовичъ пропускаетъ теперь еще безъ вида изъ Царяграда, потому что тамъ благополучно; но что впредь отпускалъ бы Як. Ив. съ видами приѣзжающихъ кораблей въ Херсонъ. Да и вездѣ, гдѣ консулы есть, чтобъ имъ право дано было давать виды.

Получающіе въ Смирнѣ Турки право вельности и протекціи Рос: называются Баратлы. Къ пріятелямъ моимъ отписать чтобъ больше старались торговлю вести пенькою нѣжели канатами чрезъ Черное море. Въ Коммерцъ-Коллегію писать же доношеніями равно какъ и въ иностранную. Чтобы купцы нагружающіе товары въ вѣсѣ

*) У Григ. Пр. Надхина есть особая тетрадь, писанная рукой Хемницера, подъ заглавіемъ: «Выписка изъ писемъ Эйлеровыхъ о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ». Это — перечень содержанія писемъ, вошедшихъ въ 1-ю часть извѣстнаго сочиненія Эйлера, напечатаннаго въ русскомъ переводѣ Румовскаго: свидѣтельство любознательности Хемницера и вниманія, съ каковымъ онъ дополнялъ свои свѣдѣнія чтеніемъ. За сообщеніе мнѣ на время какъ этой рукописи, такъ и памятной книжки Хемницера, долгомъ считаю печатно выразить г. Надхину мою признательность.

не тѣрали, потому что фунтъ напр. въ одной землѣ больше, а въ другой меньше, то въ контрактахъ оговорить это именно, что считая напр. по вѣсу смирнскому столько то составитъ, вѣсу цареградскаго столько то, а потому и цѣна за фунтъ уже другая. Церемоніалъ какой будетъ наблюдать съ моей стороны по прїѣздѣ въ Смирну, описать въ Коллегію, препроводя письмо въ вице-канцлеру. Отписать также что и министры Константинопольскіе у меня съ визитами были. Римскому надворному секретарю Степану Райкевичу, бывшему предъ симъ секретаремъ у воложскаго господ. Исландія, повелено отъ нашего двора письмомъ вице-канцлерскимъ къ министру цареградскому дѣлать всякое вспоможеніе, по учиненному имъ Райкевичемъ у російскаго двора чрезъ графа Коблиця домогательству. Надпись на векселяхъ означающая розписку въ полученіи денегъ: Pour moi à l'ordre de mr Yakowleff, interprete de Russie ce 15.... По прїѣздѣ въ Смирну справиться, почему куда фрактовыхъ денегъ берутъ и дать знать министру цареградскому. На цыдулы канцелярскіе отвѣчать также доношеніями, но не ставя номера и подписываться подъ доношеніями просто Ив. Хем.

2.

Журналъ моей повѣдки въ Смирну генеральнымъ консуломъ.

По отправленіи моемъ изъ Петербурга выѣхалъ я въ ночи съ 6 на 7 іюня 1782 г. ъхалъ черезъ Москву, куда прїѣхавъ остановился у М. Ф. Соймонова въ домѣ. Проживъ нѣсколько дней, поѣхалъ 18-го того же мѣсяца черезъ города: Серпуховъ, Тулу, Курскъ, Сорочинцы. Заѣхалъ въ село Обуховку къ Петру Васильевичу Каннисту, у котораго прожилъ нѣсколько дней, поѣхалъ отъ него на другой день Петрова дня на Кременчугъ и Херсонъ. Въ семь городѣ, прїѣхавъ въ него іюля 5, долженъ я былъ остановиться для отправленія меня по имянному повелѣнію на ахтѣ до самой Смирны. Городъ сей, которой разстояніемъ отъ Крем. въ 303 верстахъ и заложенъ 1778 г. въ октябрѣ, нашелъ я уже въ большомъ успѣхѣ хотя онъ третій только годъ какъ заложенъ генераломъ Иваномъ Аврамовичемъ Ганнибаломъ, на стѣпи бывшей Запорожской Сѣчи, коей слѣды по необитаемости людѣй отъ Кременчуга до Херсона еще и теперъ видны; но городъ Херсонъ успѣхами своими какъ крепостью такъ и строеніемъ въ самой крѣпости и въ предмѣстіяхъ что все съ конца въ конецъ въ доль Днепра считается на 7 верстѣ, заставляеть о стѣпи этой забыть. Домовъ каменныхъ изъ тесаного бѣлаго камня которой пзъ-за нѣсколько верстѣ въ верхъ по Днепру достаютъ построено множество и довольно большіе. Магазины всѣ также, какъ для крѣпости такъ и

для флота построены изъ того же камня, а иные изъ кирпича. На штапель было 6 кораблей линійныхъ больше и меньше готовыми. Нѣсколько фрегатъ было уже на водѣ. Въ 1781 г. спущенъ первой на Херсонскомъ штапеле построенный линійной 60 пушекъ корабль Бористень, но отправленный въ море и доходившій до Марсели будучи Фалгвеву препорученъ подъ именемъ купеческаго корабля, затѣмъ что въ трактатѣ съ турками военнымъ проходить каналъ не позволено. Садовъ какъ подъ городомъ такъ и при загородныхъ дворахъ разводится много и деревья, даже и виноградъ кажется довольно хорошо принимаются. Карантинной домъ подъ самымъ городомъ построенный требуетъ по хорошему своему разположенію вниманіе. Въ 15 верстахъ отъ города дача генерала Ганнибала Вѣлозерки, мѣстоположеніе имѣеть чрезвычайное въ разсужденіи воды. Строеніе еще не окончано. Мѣжду прочемъ сдѣлана тутъ машина водяная для поливанія сада *)....

Сверхъ того сдѣлать назначено фонтанъ изъ того же бассейна которой какъ сказывалъ мнѣ генералъ быть будетъ на двѣ сажени. Мѣстоположеніе сего увеселительнаго дома и сада на горѣ. Лѣсъ для корабельнаго строенія и проч. привозятъ изъ Польши дубовой, а изъ Брянска сосновой и еловой водою и сухимъ путемъ.

21-го числа, июля пополудни въ 6 часовъ, поѣхалъ я шлюбною на яхту назначенную для отвезенія меня въ Смирну, которая дождалась меня подъ Глубокимъ, въ 35 верстахъ отъ Херсона. Мѣсто сіе слобода, гдѣ снаряжаютъ кораблей приведенныхъ изъ Херсона на камеляхъ за мѣлкостью Днѣпра въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Иные мѣста глубиною только въ 6 футовъ. Тутъ же и брандвахта. Командиръ на моей яхтѣ былъ капитанъ лейтенантъ Яковъ Ивановичъ Лавровъ. 23 числа въ 9 часу по утру снялась яхта съ явора противъ Глубокова и прошла вѣтромъ до слободы называемой Станиславъ разстояніемъ отъ Херсона 42 версты, гдѣ за противностію вѣтра стали на якорь, и переночевали. 24 поутру, въ 4 часа по полуночи снялись съ явора и дошли боковымъ вѣтромъ до Очакова въ 12 часовъ по полуночи, остановились за противною погодою противъ самого города въ устьи между Очаковымъ и Кинбурномъ; вѣтръ сей затѣмъ служить не могъ что надлежало отъ Очакова поворотить въ лѣво а вѣтеръ былъ судовой. Отъ Станислава до Очакова моремъ 45 верстъ...

Наконецъ, 4 числа Августа, прибыли въ 12 часовъ по полуночи въ предмѣстіе цареградское называемое Буукъ-дире.... (Послѣ слова: „Царь-мѣсто“, см. выше, стр. 601, стр. 10 сверху, Хемницеръ продолжаетъ):

*) Пропускаю, какъ здѣсь, такъ и ниже строки, выписанныя выше Г. П. Надхинимъ на стр. 599 и послѣдующихъ. Я. Г.

Яковъ Ивановичъ сказывалъ мнѣ что процентовъ съ капитала у турокъ брать въ обыкновеніи нѣтъ. Estlyi domъ сгоритъ отъ постояльца, постоялецъ за него не платитъ. Il 7 ho pranzato da il signor Ambasciadore di Venezia Garzoni. Il 8 sono stato di fare un giro col sign. Severin segretario di nostro Ambasciadore, per veder le Aquedotte presso di Boujoucdyre fatte delle Grecque, che conduron le aque per Const. da un luogo il quale si chiama Pirgos. Questo acquedotto est sostenuto per 20 archi alti di 5 ovvero 6 pertice. *) числа поѣхалъ я изъ Буюкъ-дере съ Ив. Ив. Северинымъ, секретаремъ посольства и съ однимъ алмазныхъ дѣлъ мастеромъ италянцомъ г. Виценциемъ на турецкой лодкѣ въ городъ подъ вечеръ, чтобы по причинѣ рамазана видѣть городъ или лутче сказать мечети освещенными площадками или фонариками. См. о семъ письмо къ Н. А. Львову писанное.

4-го числа Сентября, ѣздилъ я верхомъ съ Ив. Ив. Северинымъ къ аглинскому купцу Gimes въ Бѣлградъ а отъ туда всѣ поѣхали въ деревню Пиргосъ въ 20 верстахъ отъ Буюкъ-дере, чтобы видѣть тамъ римлянами при царе Юстиніанѣ построенные водоводы, коимъ я имѣю рисунокъ отъ Ив. Ив. Северина. Сии водоводы отменны.... Stalactita или капельника, коего я глыбу въ собою взялъ. Прочіе дни былъ я званъ съ министромъ нашимъ на обѣды къ иностраннымъ министрамъ.

На конецъ 9 числа Сентября, по полудни въ 6 часовъ, снялись мы съ якоря отдавъ министру честь 7-ю выстрелами пушечными съ яхты коей по иманному повелѣнію изъ Херсона въ Смирну меня довести должно было, пошли въ путь. Но ветеръ не долго продолжился и мы дошедъ до половины дороги отъ Буюкъ-дере къ Царьграду остановились. 10 поутру снявшись съ якоря дошли до Царьграда и остановились противъ Перы, гдѣ и переночевали. Будучи обезпкоены моремъ сошелъ я поутру 11 числа съ яхты въ министерской домъ, и къ вечеру возвратился опять на яхту. 12 поутру пошли мы опять въ путь и прошли уже столько бѣлымъ моремъ что Царьградъ почти изъ виду потеряли, но сдѣлавшаяся съ полдень противная погода возвратила насъ опять къ Семи башнямъ куда дошедъ подъ вечеръ остановились, и простояли 13 число. Съ 14 поутру рано снявшись съ якоря шли все однимъ вѣтромъ пока 15 вечеру въ 8 часовъ при-

*) Эти строки, показывающія порядочное, хотя и неолное знакомство съ итальянскимъ языкомъ, въ переводѣ значить! «7-го обѣдалъ я у г. венеціанскаго посланника Гарзони. 8-го сдѣлалъ прогулку съ г. Северинымъ, секретаремъ нашего посланника, чтобы взглянуть на водопроводы, построенные греками и доставляющіе въ Константинополь воду изъ мѣста, называемаго Пиргосъ. Этотъ водопроводъ поддерживается 20-ю арками вышиною въ 5 или 6 пертихъ».

Я. Г.

шли въ предпоследнимъ дарданеламъ, гдѣ и остановились потому что надлежало дожидаться осмотра отъ турокъ, которые на другой день утромъ пріѣхали: тутъ же забрали свѣжую воду и запаслись хлѣбомъ, виноградомъ и пр. и въ 12 часовъ по полуночи того 16 пошли далѣе. По полудни въ 5 часовъ дошли до берега славной Трои противъ которой на другой сторонѣ островъ Тенедось. Привзаться что поравнявшись противъ мѣста, гдѣ Троя стояла, хотя нынѣ и слѣдовъ ея нѣтъ исключая части стѣны съ воротами и 2-хъ или 3-хъ при нѣй башенъ что считаютъ не остаткомъ Трои, а построеннымъ после, не безъ движенія и остался. Тогоже числа вечеру въ 7 часовъ дошли до мыса Бабы гдѣ и цитадель небольшой построены противъ острова Митилены, и легли на якорь. 17 поутру снялись съ якоря; и хотя намѣреніе было пройти о. Мителене съ левой стороны считая отъ мыса Бабы; но ветеръ не позволилъ и должно было итти въ право. Наконецъ 20 числа того же сентября, прибыли въ 2 часа въ Смирну. Первой корабль цесарской купеческой выпалилъ 5 выстрѣловъ, и мы отвѣчали 3-ми, потому что онъ только купеческой, а если бы онъ былъ военной, то бы тѣмъ же числомъ. Потомъ салютацію дѣлали и всѣ прочіе.

ВВ. 9-го числа родился у султана сынъ, и была во время нашей стоянки противъ Царяграда съ крѣпостей и съ литейной части пальба.

ВВ. Видѣлъ я въ Царѣградѣ домъ гдѣ жилъ графъ Бонневаль, а погребенъ онъ въ саду другаго дома и надъ гробомъ его выросли 4 кипариса.

3.

Записки Смирнокія.

При началѣ прошедшей съ турками войны, турки столько заражены собою были что мѣжду прочемъ старики при костыляхъ съ однимъ только пистолетомъ бѣжали на войну противъ русскихъ, съ тѣмъ чтобъ ихъ побрать живыхъ какъ куръ на гнѣздѣ. Другіе брали съ собою даже веревки чтобъ всѣхъ перевязавъ живо привести какъ невольниковъ, спрашивая образомъ договора Смирнскихъ жителей сколько кто привести велитъ. Когда флотъ нашъ истребилъ турецкой, тогда затопили Европейскія націи корабли передъ заливомъ смирнскимъ числомъ до 12 чтобъ воспрепятствовать входъ нашему флоту, думая что онъ и до Смирны дойдетъ. (Въ 1783 году когда въ Смирнѣ перепись всѣмъ янычарамъ была, то нѣкоторые боясь войны съ русскими (изъ янычаръ даже) уходили изъ Смирны тихонько въ другіе мѣста, дабы въ случае войны не итти въ походъ. Вотъ какаа перемиѣна въ туркахъ сдѣлалась!

„Секретарь посольства венеціанской респ. въ Цареградѣ имѣеть

служа ту выгоду что каждый годъ ево пребыванія въ Цареградѣ замѣняется ему за 3. Вотъ каково венеціанѣ о житье турецкомъ думаютъ!

Затѣмъ предложу еще нѣсколько выписокъ другого рода:

Что М(айковъ?) *) никогда, писавъ, не угадалъ,

Ты правду точную сказалъ.

Я мѣнья этого объ немъ всегда держался:

Онъ сколько ни писалъ, нигдѣ не возвышался.

И. Хем.

Вотъ каково быть судьбою: кто виноватъ кругомъ, за того какъ есть предстатели, просятъ чтобъ оправить, а права сдѣлать виноватымъ: законы не законъ когда сильные есть старатели; а естли судьи по просьбѣ не сдѣлаютъ, бѣды имъ; ихъ же обвинять и мѣста лишать. Другой подъ видомъ усердія къ казенному прибытку, жалованье не додаетъ кому слѣдуетъ неполное, а самъ эти же деньги старается выщечить у казны себѣ въ награжденье за казенной сумми приращенье.

Переводъ стиховъ въ стихи есть тоже самое какъ бы подлинникъ совершенной уже картины возвратитъ въ брѣвѣнонъ, да и то не въ точной. См. Енеиду несноснаго педанта Петрова.

Mon épitaphe:

Il est vrai que toujours je me suis vu sans bien:

Mais aussi je vécus ne craignant jamais rien.

J. Ch.

Autre:

Il est vrai, j'ai vécu et je suis mort sans bien,

Mais ni je ne craignis, ni je ne craindrai rien.

Писатель которой написанной иной хотя прекрасной стихъ выкинуть жалѣеть, когда нужда того требуетъ, великимъ никогда не будетъ. Иной прекрасной стихъ самъ собою цѣлому иногда больше вѣденъ нежеди полезень, когда онъ читателя отводитъ отъ цѣлаго и заставитъ устремиться за нимъ. Въ картинной группѣ гдѣ всѣ лица, а иногда можетъ быть эпизодическіе еще, больше главнаго лица, для котораго картина писана, совершеннѣе или главному лицу равны, картина вся вообще весьма послабляется....

Pour faire une bonne traduction il ne faut que la connaissance parfaite des langues dans lesquelles on travaille; mais pour faire une fable de La Fontaine il faut être La Fontaine même.

*) Извѣстный Василій Ивановичъ, между прочимъ издавшій также собраніе басенъ.

Что касается до тетради басенъ Хемницера, которыя напечатаны въ „Русской Старинѣ“ стр. 583 — 594, то онѣ писаны были вѣроятно, по крайней мѣрѣ большею частью, до отъѣзда автора въ Смирну. Важно то, что эти басни представляютъ настоящій, подлинный текстъ Хемницера, тогда какъ извѣстный печатный текстъ 3-й книги собранія его басенъ, напечатанной уже послѣ смерти его, носитъ слѣды измѣненій Вас. Вас. Капниста. Заключаю это изъ двухъ имѣющихся у меня тетрадей, въ которыхъ вся 3-я книга переписана рукою Капниста съ поправками того же почерка въ стихахъ, болѣе близкихъ къ первоначальной редакціи Хемницера.

Въ заключеніе два слова о мѣстѣ погребенія баснописца. По словамъ Бантышъ-Каменскаго, останки Хемницера были перевезены въ Россію и преданы землѣ въ Николаевѣ; но достовѣрность этого извѣстія сомнительна, такъ какъ Николаевъ началъ возникать только въ 1789 году, послѣ взятія Очакова, а городомъ сдѣлался не ранѣе 1790. Впрочемъ, по свѣдѣнію, доставленному мнѣ, при посредствѣ М. Ѳ. Шугурова, изъ Николаева, мѣстные старожилы слышали, что тѣло Хемницера дѣйствительно было погребено тамъ на общемъ кладбищѣ. На рисункѣ надгробнаго памятника его, приложенномъ къ первому посмертному изданію его басенъ, читается надпись Нико: но непонятно, какъ бы она могла явиться на самомъ памятникѣ.

Я. Е. Гротъ.

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ,

партизанъ и поэтъ.

род. 1784 † 1839.

Представляя на страницахъ „Русской Старины“ записки о польской кампаніи 1831 г. и о польскихъ событіяхъ 1830 г., составленныя моимъ отцемъ, и хранящіяся у меня со всѣми его бумагами, я считаю необходимымъ предпослать отъ себя нѣсколько строкъ, дабы рельефнѣе очертить, какъ литературныя, такъ и боевыя труды моего отца, и тѣмъ вѣрнѣе обрисовать личность и причины, повліявшія на политическую его дѣятельность. Обращусь къ семейнымъ преданіямъ.

Всѣмъ членамъ моего семейства и рода изстари чины и почести, или не давались, или они не искали ихъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и были боярами и воеводами при царяхъ Іоаннѣ Грозномъ, Федорѣ и Алексѣѣ, и въ послѣднихъ царствованіяхъ дослуживались до чиновъ бригадировъ и генераль-маіоровъ, но никогда не выдавались изъ толпы и не играли ролей временщиковъ и царедворцевъ, несмотря на наслѣдственный умъ, на богатство, познанія и путешествія, достоянія весьма немногихъ въ тѣ времена. Такъ прадѣдъ мой Денисъ Васильевичъ, женатый на Аниѣ Андреевнѣ Колючской, одинъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени, былъ такъ образованъ, что пользуясь своимъ богатствомъ, послалъ сына своего Владимира учиться за границу. У него было четыре сына: дѣдъ мой Василій Денисовичъ, женатый на Еленѣ Евдокимовнѣ Щербининой; Левъ Денисовичъ—на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской, рожденной графини Самойловой, матери славнаго Н. Н. Раевского; Владимиръ Денисовичъ—на Прасковѣ Николаевнѣ Лопухиной, по матери родной тетки графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, и Дмитрій Денисовичъ, оставшійся холостымъ, и дочь Марья Денисовна, замужемъ сначала за Михаиломъ Каховскимъ, а потомъ за Петромъ Алексѣевичемъ Ермоловымъ, отцомъ Кавказскаго героя А. П. Ермолова. Несмотря на эти родственныя связи, на всеобщее уваженіе, которымъ пользовались всѣ

они, никто изъ нихъ не сдѣлалъ себѣ политической карьеры, не вышлся быстро на служебныхъ поприщахъ, но въ тоже время каждый честно исполнялъ свои гражданскія обязанности, не вышываясь и не участвуя въ царедворскихъ интригахъ. Дѣдъ мой Василій Денисовичъ, какъ уже извѣстно по статьѣ отца моего: „Встрѣча съ великимъ Суворовымъ“ (собр. соч. Давид. изд. 1860 г. т. II стр. 1), командовалъ Полтавскимъ легко-коннымъ полкомъ и уже бригадиромъ въ царствованіе императора Павла, былъ преданъ суду съ конфискованіемъ имѣнія за безпорядки по полку. Я не знаю подробностей этого дѣла, но помню, что отецъ мой рассказывалъ часто о крайности, до которой доходила тогда его семья. Бывъ въ то время юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку, онъ долженъ былъ питаться болѣе мѣсяца однимъ картофелемъ. Дѣдъ мой прѣзжалъ хлопотать по своему дѣлу въ Петербургъ, и напуганный всѣми рассказами о невыгодахъ встрѣчи съ императоромъ Павломъ, долженъ былъ разъ спрятаться подъ какой-то мостъ при проѣздѣ государя! Все это смутно мерещится въ моей памяти, но знаю достовѣрно, что, по рѣшенію суда, на дѣда моего пала весьма значительная сумма, которая по смерти его была разложена на всѣхъ его наслѣдниковъ, и только въ 1815 или 1816 году была сложена Александромъ I за службу отца моего въ 1812 году. Хотя дѣдъ мой и былъ женатъ на дочери бывшего Новороссійскаго намѣстника Щербинина, но состояніе имѣлъ весьма ограниченное отъ двухъ причинъ: по страсти къ игрѣ и отъ широкой размахистой жизни, вполне русской. Онъ былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ и острѣйшихъ людей того времени и такъ любимъ друзьями, что несмотря на опалу его и страхъ къ Павлу во время его суда, они толпами бывали и живали у него. Знаю отъ отца моего и князя Ивана Алексѣевича Крапоткина, командовавшего въ его полку эскадрономъ, что извѣстіе о преданіи его суду застало дѣда моего въ Москвѣ, и въ этотъ самый день вся улица была загромождена экипажами лицъ, спѣшившихъ заявить ему ихъ сочувствіе. А тогда дорого могли обойтись подобныя изъявленія чувствъ! Пагубная страсть къ игрѣ дѣда моего такъ подѣйствовала на отца моего, что онъ и братъ его Евдокимъ никогда не играли въ карты, и только въ старости уже выучились въ модную тогда игру мушку, которую играли оба весьма дурно.

У отца моего было два брата: генераль-маіоръ Евдокимъ Васильевичъ, женатый на Екатеринѣ Николаевнѣ Ермоловой, и Левъ Васильевичъ, женатый на Аннѣ Васильевнѣ Лихачевой, и сестра Александра Васильевна за тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ Дмитриемъ Никитичемъ Бѣгичевымъ.

Отецъ часто говаривалъ намъ всѣмъ, что онъ имѣлъ такую безграничную любовь къ отцу своему, что часто въ самомъ пылу кипучей своей молодости, онъ удерживался отъ какого либо проступка, при мысли: что сказали бы онъ, еслибы то видѣлъ. Но молодость и всеобщій потокъ тогдашняго направленія общества брали свое и съ перваго шага отца моего на общественную дѣятельность, онъ несъ въ себѣ отпечатокъ тогдашнихъ нравовъ. Всѣ личности, выходящія изъ общаго уровня обыденнаго строя, носящія въ себѣ огонь поэзи, не могутъ легко уложиться въ тѣсную рамку общественныхъ требованій. Такъ было и съ нимъ. Человѣкъ съ огромнымъ и свѣтлымъ умомъ, съ обширными военными способностями и знаніями, съ блистательною храбростію, отъ души любимый начальниками и товарищами, съ прямымъ, открытымъ и откровеннымъ характеромъ, поэтъ въ душѣ, поэтъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни, виновникъ и честный исполнитель партизанской войны 1812 года,—отецъ мой, несмотря на это рѣдкое сочетаніе качествъ, не только не сдѣлалъ себѣ карьеры, но даже каждый знакъ отличія долженъ былъ брать грудью. Счастливъ еще, когда прослуживъ двѣ, три кампаніи со всѣмъ пыломъ и любовью къ военному ремеслу, онъ бывалъ награжденъ за одну. Увы! тому причиною общій порокъ семьи: духъ свободы, нетерпящій стѣсненія слова, дѣйствія безъ оглядки, русское удалство очертя голову, и за все отвѣтъ—своей головой. Таковъ былъ отецъ. На первыхъ же порахъ своего служенія обратилъ на себя вниманіе начальства двумя баснями „Голова и ноги“ и „Рѣка и зеркало“, за которыя онъ былъ переведенъ въ армію. Нынѣ, по прошествіи 72 лѣтъ, онъ имѣютъ интересъ только автобиографическій и конечно, въ настоящее время, могутъ найти пріютъ на страницахъ „Русской Старины“. Печатаю ихъ съ автографовъ:

I.

Голова и ноги.

Уставши бѣгать ежедневно

По грязи, по песку, по жесткой мостовой,

Однажды Ноги, очень гнѣвно,

Разговорились съ Головой:

«За что мы у тебя подъ властію такой?

Днемъ, ночью, осенью, весной,

Лишь вздумалось тебѣ, изволь бѣжать, таскаться -

Туда, сюда, куда велишь,

И словомъ, бѣдными Ногами

Какъ пашками вертись».

— «Молчите деревки», имъ Голова сказала,

Какъ смѣете вы бунтовать,

Когда природой Намъ дано повелѣвать?»

— «Все это хорошо, пусть ты-бъ повелѣвала,
По крайней мѣрѣ насъ повсюду не швырала.
Да между нами, вѣдь признаться,
Коль право ты имѣешь управляться,
То мы имѣемъ право спотыкаться,
И можемъ иногда, спотынувшись—какъ же быть—
Твое (могущество) объ камень разшибить».

Смысль этой басни всякій знаетъ;
Но должнотсь! молчать:
Дуракъ лишь все болтаетъ.

II.

Рѣка и Зеркало *).

За правду кокую, за истину святую,
За сихъ враговъ царей,—деспотъ
Вельможу осудитъ; главу его сѣду
Велѣлъ снести на эшафотъ.
Но сей успѣлъ добиться —
Предъ грознаго царя предстать,
Не съ тѣмъ, чтобъ плакать, иль крушиться,
Но, если правды не боится,
То, чтобы басню рассказать.
Царь жаждетъ словъ его—философъ не страпится,
И твердымъ гласомъ говоритъ:
— «Ребенокъ иъногда сердился,
Увидѣвъ въ зеркалѣ свой безобразный видъ;
Ну въ зеркало стучать, и въ сердцѣ веселится,
Что можетъ зеркало разбить.
На утро же, гуляя въ полѣ,
Свой гнусный видъ въ рѣкѣ увидѣлъ онъ опять.
Какъ рѣку истребить?—нельзя, и по неволѣ
Онъ долженъ былъ и стыдъ и срамъ питать.
Монархъ! стыдись, ужели это сходство
Прилично для тебя?...
Я зеркало—разбей меня,
Рѣка—твое потомство;
Ты въ ней найдешь еще себя».
Монарха рѣчь сія такъ сильно убѣдила,
Что онъ велѣлъ ему и жизнь и волю дать.
Постойте, виновать,—велѣлъ сослать;
А то бы эта былъ на басню походила.

*) Эта басня была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» т. LXXXIV, стр. 70, въ статьѣ нашей: «Къ біографіи Пушкина». Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» она приведена въ томъ видѣ, въ какомъ найдена въ альбомѣ покойной владѣтельницы знаменитаго села Тригорскаго П. А. Осиповой, гдѣ она названа «Деспотъ». Приведенный тогда списокъ имѣеть нѣсколько существенныхъ варьянтовъ проныиъ напечатаннаго подлинника.

Стихи эти далеко не зрѣлы; не отчеканены, если можно такъ выразиться; это произведеніе юноши, высказывающаго свою мысль, безъ должнаго вниманія къ отдѣлкѣ, и если они получили пагубную для отца моего гласность, то это не по качеству ихъ, а по милости услужливыхъ друзей. Какъ бы то ни было, отецъ мой за нихъ былъ переведенъ изъ Кавалергардовъ въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, что помѣшало ему принять участіе въ Аустерлицкой битвѣ. Этотъ переводъ въ армію, вѣнецъ изгнанія придала ему своего рода славу, которая разрасталась все болѣе и болѣе отъ написанныхъ въ то время буйно-удалыхъ гусарскихъ стиховъ въ Бурцеву; но вмѣстѣ съ славой наложилъ на него и клеймо пьяницы и гуляки, тогда какъ въ сущности онъ никогда не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Эта репутація, къ несчастію оставшаяся за нимъ во всю его жизнь, во многомъ повредила ему въ отношеніяхъ къ властямъ. Приведу разговоръ на этотъ счетъ покойнаго государя Николая Павловича съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, въ Москвѣ, на балѣ князя Дмитрія Владиміровича Голицына, 17 мая 1835 года:

Государь. Какъ хороша Скрипицына, какъ стройна!

Ермоловъ. Да, государь, она какъ стебель лиліи.

Государь. О! да ты поэтъ, какъ братъ твой Денисъ. Какъ жаль, что этотъ человѣкъ служитъ урывками. Съ его средствами и дарованіями чѣмъ бы онъ не былъ! Писалъ-ли ты когда нибудь стихи?

Ермоловъ. Никогда, государь, не могъ прибрать ни одной рямы, и ни съ однимъ стихомъ не умѣлъ сладить.

Государь. А Денисъ пишетъ-ли стихи?

Ермоловъ. Рѣдко теперь—онъ занимается серьезными сочиненіями.

Государь. Я этого не зналъ; можетъ быть урывками, такъ же какъ и служить?

Ермоловъ. Нѣтъ, государь, весьма постоянно, можно сказать, какъ трудолюбивѣйшій комментаторъ.

Государь. Къ чему онъ не способенъ, когда захочетъ съ его способностями и дарованіемъ. Онъ однако прежде писалъ неприличные стихи.

Ермоловъ. Правда, государь, бывъ гусаромъ, онъ славилъ и пѣлъ вино, и оттого прослылъ пьяницей; а онъ такой же пьяница, какъ я.

Государь. Это я знаю; жаль, что онъ урывками служитъ. Онъ былъ-бы полезенъ и для всѣхъ и для себя и пошелъ-бы далеко.

Бабка моя по матери, рожденная Татищева, по милости разгульныхъ стиховъ отца, долго не соглашалась на его сватовство, и только

откровенность его помогла дѣлу и разсѣяла опасенія. Покойный князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, коротко его знавшій, весьма справедливо обрисовалъ удалца замашки отца моего, сказавши про него: „Dawidoff, quand on le connait bien, n'est que le fanfaron du vice“ (Давыдовъ, когда его хорошо узнаешь, только хвастунъ своихъ пороковъ). Поэтъ въ душѣ, отецъ мой вдохновлялся всѣмъ, что выходило изъ общаго уровня жизни; онъ и пѣлъ буйный разгулъ Бурцева такъ же искренно, какъ красу женщины, красу природы, все поражающее его воображеніе. Въ то время всякаго рода разгулъ былъ еще въ чести; это придавало молодому офицеру своего рода лоскъ и значеніе; частыя и шумныя попойки были дѣломъ обыденной жизни, а тѣмъ болѣе между гусарскою молодежью. Очень натурально, что отецъ мой, шедшій съ общимъ потокомъ, въ стихахъ своихъ увлекался каждою разгульной славой, такъ же какъ и боевой, но удовольствовался ею только въ стихахъ. Въ душѣ своей, въ домашнемъ быту, онъ былъ весьма скромный и тихій семьянинъ, весьма строгой относительно самаго себя. Всякая слава преувеличиваетъ дѣянія, осѣняемыя ею. Такъ было и съ моимъ отцомъ. Гибель острыхъ словъ и эпиграммъ были приписаны ему; масса стиховъ, болѣе или менѣе непристойныхъ или либеральныхъ, окрещивались его именемъ. Слава его росла, но вмѣстѣ съ нею и злоба задѣтыхъ лицъ, и служебная карьера моего отца горько поплатилась за нее. У меня сохранились въ памяти стихи графа Васильева, пріятеля его, служившаго въ преобразенскомъ полку, вотъ они:

Entre Denys de Syracuse
Et Denis, dont la fertile muse
Nous abreuve de vers et d'ennui,
Savez vous quel rapport on trouve aujourd'hui?
L'un, fondateur d'une des sept merveilles,
Etait le tyran de ses propres sujets,
L'autre, pillant tous les sujets d'autrui,
Est le tyran de nos oreilles.

Человѣку не честолюбивому семейное счастье, уваженіе и любви друзей, могли бы быть замѣною честолюбія. Но не таковъ былъ отецъ мой. Онъ создалъ себѣ кумиръ изъ военной службы, жаждалъ военной славы, чувствовалъ себя часто выше посредственностей, дѣлающихъ его начальниками, и несправедливость судьбы и людей горько отыгивались въ его сердцѣ. Какъ человѣкъ впечатлительный онъ не долго предавался ропоту; мысль, слово, надежда, и онъ забывалъ и горе и невзгоды, и пѣснь его снова пѣла любовь, вино и славу. До пятидесяти лѣтъ былъ такъ же юнъ сердцемъ, какъ и въ двадцать, и такъ же впечатлительнъ, и такъ же доврчивъ. Онъ былъ въ пол-

номъ смыслѣ слова поэтической натурою, немогущей ужиться съ прозаическими требованіями жизни. Спокойствіе и лѣнь были ему невыносимы. Точно для него сказали эти два стиха Лермонтовъ:

«А онъ, безумный, просить бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой».

Но для него въ нихъ былъ, если не покой, то наслажденіе. Война была его стихіею. Какъ прежніе запорожцы при кликѣ кошевого, онъ бросалъ семью, друзей, все счастье домашняго очага, и торчалъ при первыхъ выстрѣлахъ на аванпостахъ, по собственному его выраженію, „какъ казачья пива“.

Я не пишу біографію моего отца, а потому приступаю къ воспоминаніямъ, сохранившимся въ моей памяти по его рассказамъ и его сослуживцевъ.

Отецъ мой поступилъ въ адъютанты къ кн. Багратиону въ 1806 году по ходатайству всемогущей въ то время Марьи Антоновны Нарышкиной, рожденной княжны Четвертинской, и жены оберъ-камергера Дмитрія Львовича Нарышкина. Знаю, что кромѣ самой искренней дружбы его къ брату ея, почтенному князю Борису Антоновичу*), отцу моему помогло еще то обстоятельство, что эта красивѣйшая и умнѣйшая женщина имѣла какое-то предчувствіе, что онъ прославится; она часто говорила какъ ему, такъ и другимъ, что въ его глазахъ видать „la flamme de l'immortalité“ и всѣми силами желала доставить ему этотъ случай. Не смотря на ее положеніе при дворѣ императора Александра, она, будучи вполнѣ очаровательной женщиной, отличала многихъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ и дядю моего Евдокима Васильевича. Съ отцомъ-же моимъ она была совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ; съ нимъ она обращалась какъ съ нѣжно-любимымъ сыномъ; ей онъ читалъ тогда свои страстно кипучіе стихи, ей повѣрялъ тайны своего сердца. Часто говаривалъ онъ, что эта женщина съ своею поэтической обстановкою, съ своимъ сердечнымъ къ нему участіемъ, имѣла огромное вліяніе на его судьбу, и часто была для него ангеломъ хранителемъ и утѣшителемъ въ невзгодахъ жизни. Не могу при этомъ не рассказать эпизодъ изъ жизни брата ея князя Бориса, имѣющій отношеніе къ ней.

Во время послѣднихъ происшествій въ Польшѣ въ 1791 году, отецъ князя Четвертинскаго за приверженность его къ Россіи былъ повѣшенъ чернью въ Варшавѣ. Императрица Екатерина прирѣла и облагодѣтельствовала сиротъ—двухъ дочерей и сына. Одна Марья Ан-

*) Умеръ въ Москвѣ, оберъ-штабмейстеромъ въ 1865 году, января 23-го, 84-хъ лѣтъ.

тоновна, другая Жанета Антоновна Вишневская. Дѣвочки были сдѣланы фрейлинами и помѣщены во дворець. Молодой князь, ихъ братъ, былъ помѣщенъ въ кадетскій корпусъ и потомъ произведенъ въ офицеры почти ребенкомъ. При вступленіи на престолъ императоровъ Павла и Александра милость двора къ нимъ не прекращалась и они всѣ бывали во дворцѣ какъ свои. При такой обстановкѣ, частыя посѣщенія Марьи Антоновны императоромъ Александромъ не могли сначала возбуждать подозрѣній ея брата, князя Бориса, служившаго тогда полковникомъ въ л. гв. гусарскомъ полку. Однажды князь зашелъ къ своей сестрѣ поздно вечеромъ и нашелъ ее весьма смущенной. Она ждала государя. Черезъ нѣкоторое время вошелъ Онъ, и прямо обратившись къ кн. Четвертинскому, обнялъ его, и признался ему чистосердечно, что любить его сестру и любить ею. При чемъ присовокупилъ, что къ довершенію полного его счастья, онъ желаетъ одного, чтобы князь былъ для него истиннымъ братомъ, и такимъ же искреннимъ, какимъ онъ самъ будетъ для него. Князь Борисъ былъ типомъ благородства, вполне рыцарь безъ страха и упрека, и не только не поддавался на сердечныя изліянія государя, но весьма почтительно показалъ ему, что это привзаніе не пришлось ему по сердцу. Мало по малу онъ сталъ удаляться отъ сестры; безвыѣздно жилъ въ Царскомъ Селѣ съ своимъ эскадрономъ, и держалъ себя вполне независимо отъ всѣхъ возможныхъ приманокъ и предложеній. Такой образъ дѣйствій не могъ нравиться, и послѣ кампаній 1805, 1806 и 1807 годовъ князь Четвертинскій подалъ въ отставку. Государь, вполне уважая его, старался, черезъ великаго князя Константина Павловича, удержать его, но наконецъ увидѣлъ себя въ необходимости уволить его. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, государь сохранилъ къ нему такую привязанность и память, что не бывало никогда отказа никому, если онъ узнавалъ, что кн. Четвертинскому это было-бы пріятно. Самъ же князь никогда ничего не просилъ *).

Во время служенія моего отца адъютантомъ при князѣ Багратионѣ, онъ видѣлъ въ немъ скорѣе самаго нѣжнаго попечителя, чѣмъ строгаго начальника. Въ служебныхъ обязанностяхъ, съ пылкостью его лѣтъ, онъ, всегда влюбленный, всегда ревнивый, часто отпрашивался у князя Петра Ивановича въ отпуска во время стоянки главной квартиры въ Житомирѣ, и пропадалъ по нѣсколько недѣль. Получая извѣщенія, что князь Багратионъ такъ сердитъ, что рѣшился отправить его назадъ въ полкъ, онъ являлся и гнѣвъ князя пропадалъ.

*) Это мнѣ рассказано было женщиною, находившеюся съ княземъ въ самыхъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ.

Разскажу одинъ случай, весьма характеризующій оба лица.

Во время командованія арміею княземъ Багратиономъ въ 1809 году въ Молдавіи, въ виду приготовленій къ войнѣ съ Турціею, на отца моего напала такая тоска по родинѣ, отъ которой большею частію люди безхарактерные накладываютъ на себя руки. Причиною тому была долгая разлука съ Россіею и любовь сильная и страстная, оставленная въ отечествѣ. Кн. Багратионъ, съ участіемъ слѣдившій за этимъ состояніемъ духа своего адъютанта, старался разсѣять его разными порученіями, но наконецъ увидѣлъ себя вынужденнымъ отправить его на свой страхъ въ Россію, какъ на единственное средство исцѣленія. Отецъ мой, доѣхавши до границы, бросился на землю и долго со слезами цѣловалъ почву родимаго края. Онъ пробылъ всего двѣ недѣли и вернулся къ военнымъ дѣйствіямъ, вполне счастливый и исцѣленный, и всегда говаривалъ, что этимъ вниманіемъ князь Багратионъ спасъ ему жизнь и честь, ибо при его нервномъ возбужденіи, онъ даже порывался бѣжать изъ арміи.

Въ то время жили въ имѣніи Каменкѣ, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, вся семья Давыдовыхъ и Раевскихъ. Въ числѣ ихъ извѣстный хлѣбосоль и обжора, дядя мой Александръ Львовичъ Давыдовъ (братъ декабриста, полковника Василя Л. Давыдова), женатый на герцогинѣ Аглаѣ Граммонъ *). Эта женщина, весьма хорошенькая, вѣтренная и кокетливая, какъ истая француженка, искала въ шумѣ развлеченій средство не умереть со скуки въ варварской Россіи, но такъ ее полюбила со временемъ, что съ горестью возвращалась во Францію. За то она въ Каменкѣ была магнитомъ, привлекающимъ къ себѣ всѣхъ желѣзныхъ дѣятелей славнаго Александровскаго времени. Отъ главнокомандующихъ до корнетовъ, все жило и ликовало въ селѣ Каменкѣ, но главное умирало у ногъ прелестной Аглаи. Она была воспѣта отцемъ моимъ въ стихахъ: „Если Боги милосердые“ (т. III. стр. 48), „Не пробуждай“ (стр. 49), и впоследствии—Пушкинымъ. Тетка моя, и Н. Н. Раевскаго, по первому мужу, мать Петра, Александра и Василя Львовичей Давыдовыхъ, соединяла въ себѣ какую-то величавость съ рѣдкимъ простодушіемъ, или скорѣе близорукостью относительно правовъ, въ этой маленькой Капуѣ, — и потому жизнь въ Каменкѣ осталась навсегда лучшимъ воспоминаніемъ молодости какъ отца, такъ и дяди моего, Алексѣя Петровича Ермолова. Но наступилъ страшный 1812 годъ и всѣ Каменки съ ихъ прелестями были забыты для преслѣдованія другой женщины, болѣе

*) Дядя мой женился на ней въ Митавѣ во время пребыванія въ этомъ городѣ Людовика XVIII. Овдовѣвъ, она вышла замужъ за гр. Себастиани.

суровой, чѣмъ Аглая,—славы. Не буду распространяться о дѣйствіяхъ моего отца въ эту достопамятную эпоху; скажу только, что судьбѣ угодно было дать ему назначеніе партизана въ томъ самомъ имѣніи, гдѣ протекло его младенчество. Я говорю о Бородинѣ. Эта деревня, въ то время жалкое подмосковное село, принадлежала дѣду моему. Онъ проводилъ тамъ лѣто, когда не уѣзжалъ въ Орловскія имѣнія. Во время сраженія, еще находилась усадьба, занятая фельд-маршаломъ кн. Кутузовымъ, съ его штабомъ. Послѣ Бородинскаго погрома развалины помѣщицкѣй усадьбы, кажется, никогда не возобновлялись и имѣніе было заброшено. Оно досталось теткѣ моей, Александрѣ Васильевнѣ Бѣгичевой, и ею продано Воейкову, который уже въ 1838 году продалъ Бородино нынѣ царствующему императору. Какъ часто и охотно любилъ рассказывать отецъ мой объ этой блистательной страницѣ русской исторіи, объ этихъ славныхъ дѣлахъ давно минувшихъ дней, о трудахъ и тревогахъ, перенесенныхъ имъ; съ какою сердечною любовью отзывался онъ о своихъ боевыхъ товарищахъ, въ особенности о Ясонѣ Семеновичѣ Храповицкомъ, Дмитріѣ Алексѣевичѣ Бекетовѣ, Бедрягѣ и о неизмѣнномъ его сотоварищѣ, храбрѣйшемъ Чеченскомъ. Насколько его на городъ Дрезденъ въ 1813 г. съ его партизанскимъ отрядомъ, и взятіе этого города, вопреки приказанія генерала Винцингероде, лишили его счастья продолжать служить съ его партіею, которая въ то время стала его семьею. Защита императора Александра возвратила его въ дѣйствующую армію, но онъ скитался въ ней какъ корсарь, потерявшій свой корабль. Въ это время А. И. Чернышевъ приглашалъ его къ себѣ въ партію; но могъ ли онъ поступить подъ команду новичку-партизану, хотя уже прославившемуся взятіемъ Берлина, ему, виновнику этого рода военныхъ дѣйствій, уже стяжавшему себѣ славу отдѣльнымъ начальствомъ? За Краонское сраженіе, въ 1814 году, гдѣ онъ командовалъ бригадою Бѣлорусскаго и Ахтырскаго гусарскихъ полковъ, отецъ мой былъ произведенъ въ генераль-маіоры, и съ нимъ случилось такое происшествіе, которое вѣроятно уже никогда не случалось въ лѣтописяхъ военно-служащихъ. Судьба заставила его испытать примѣръ каприза и произвола, никогда до него, ни послѣ него не повторявшагося. Въ концѣ 1814 г. въ приказахъ было отдано, что онъ изъ генераль-маіоровъ снова переименовывается въ полковники, какъ произведенный по ошибкѣ. Съ него сняты были генеральскіе эполеты и отданы ему обратно только въ 1815 году; болѣе года ему не возвращали боевой награды. Онъ тогда обратился къ государю съ слѣдующимъ письмомъ:

(Переводъ). Государь! Несправедливый рокъ обременяетъ въ ва-

шей державѣ человѣка, котораго судьба сохраняла такъ долго на поляхъ чести. Сблагovolите взглянуть взоромъ снисходительнымъ не на мои заслуги, а на горестъ солдата, который не заслужилъ подобной участи. Я не позволю себѣ напомнить вашему величеству дни сраженій, въ которыхъ я участвовалъ, ихъ число составляютъ только ихъ достоинство, знаю это и потому блескъ ихъ оставилъ во мнѣ одно воспоминаніе, что жизнь я совѣсть моя остались безупречны, нѣтъ, государь, не буду утруждать васъ подробностями моей службы, недостойной вашего вниманія; она выразится двумя словами: четырнадцать лѣтъ военнаго поприща, и ни одного упрека. Въ Пруссіи, Турціи, Швеціи, Россіи и Германіи, вездѣ гдѣ у вашего величества были враги, я сражался съ ними и чинъ генеральскій былъ недавно наградой моей службы. Я смѣлъ думать, что ваша воля, объявленная военными властями, непреложна и не поколебался надѣтъ на себя знаки моего новаго достоинства; какъ вдругъ по призыву, котораго я до сихъ поръ не понимаю, я былъ лишенъ почестей, которыми ваше величество почтили самаго усерднаго изъ вашихъ солдатъ. Сблагovolите, государь, быть моимъ судьей; удостойте вспомнить, что не я ходатайствовалъ о награжденіи моихъ слабыхъ заслугъ, но получивши награду, позвольте мнѣ просить васъ оставить ее за мною, ибо ваше величество могли неоднократно убѣдиться, что во мнѣ живетъ одно достоинство солдата, взаимныя высшихъ талантовъ—это безпредѣльная преданность и горячая любовь къ славѣ вашего оружія; эти чувства никогда не выходили изъ моего сердца и я ихъ всегда поддерживалъ дѣяніями, если не славы, то всегда достойными. Бывшій генераль-майоръ Давыдовъ *).

*) (П о д л и н н и к ъ) Sire! Un sort que je crois injuste accable au sein de Vos états un homme que le hazard a si longtemps pargné au hamp d'honneur; daignez jeter un regard d'indulgence non point sur mes services, mais sur la douleur d'un soldat qui n'a pas mérité d'y être en proie. Je ne prétends point rappeler à Votre Majesté les journées où j'ai combattu; leur fréquence est leur unique mérite, je le sais et le peu d'éclat qu'elles ont jetté sur ma vie est trop payé par le souvenir d'une conscience sans tâches, non, Sire, je ne prétends pas m'étendre sur les détails d'une carrière peu féconde en exploits dignes de Vous être présentés... L'histoire de ma vie se réduit à deux mots: quatorze ans de travaux militaires et pas un reproche à me faire. En Prusse, en Turquie, en Russie, en Allemagne et en France, partout où Votre Majesté eut des ennemis, mon bras les a combattus, et le titre de Général qui m'a été accordé dernièrement, devint enfin le prix de mes services. Un ordre que les autorités militaires ont annoncé en Votre auguste nom me parait irrevocable et je ne balançais plus à prendre les attributs de mon grade, quand tout-à-coup je me vis par un arrêt, que je ne puis encore comprendre, dépouillé des honneurs qu'il avait plu à Votre Majesté d'accorder au plus zélé de ses soldats. Daignez, Sire,

Отцу моему отдали старшинство со дня сраженія, но подобнаго примѣра, къ счастью для другихъ, уже болѣе не встрѣчалось. Причиною тому, какъ говорили, было то, что государь не желалъ произвести дядю моего, Александра Львовича Давыдова, и какъ справки объ этомъ, произведенъ ли онъ, или нѣтъ, были затруднительны по случаю военного времени, то рѣшили объявить въ приказахъ, что всѣ Давыдовы, произведенные въ генераль-маіоры, снова переименовываются въ полковники. Оказалось, что только одинъ отецъ мой былъ генераль-маіоромъ. Послѣ окончательнаго его производства ему хотѣли дать прекрасную конно-егерскую бригаду, стоявшую около его имѣнія въ Орловской губерніи, но онъ отъ нея отказался, имѣя въ виду, что надобно будетъ сбрить усы, которые въ то время носила только одна легкая кавалерія. Онъ не могъ разстаться съ его, по его выраженію, красой природы чернубурой въ завиткахъ, и для сохранения ихъ, предпочелъ жизнь въ Кременчугѣ, въ скучной должности начальника штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, которымъ тогда командовалъ кн. Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, племянникъ Суворова. Въ это время онъ влюбился въ Злотницкую, польку (впослѣдствіи замужемъ за княземъ Петромъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, католикомъ), и желая вступить съ нею въ бракъ, не имѣлъ на это средствъ. Имѣніе было залуцено и разстроено, доходы самые незначительныя, да и тѣ поглощались уплатою казеннаго долга, лежащаго на имѣніи, по дѣлу дѣда моего. Къ счастью, друзья его, во главѣ ихъ графъ Закревскій, въ то время дежурный генераль, довели это обстоятельство до свѣдѣнія государя, который повелѣлъ сложить долгъ казны и дать отцу моему аренду въ 6,000 р. ассигн. Его свадьба разстроилась и онъ поспѣшилъ извѣстить объ этомъ государя, съ отказомъ отъ полученной имъ аренды, данной ему, какъ онъ предполагалъ, въ виду имѣющейся быть свадьбы *).

un seul instant être mon juge et Vous rappeler que je n'ai point sollicité la récompense de mes faibles services, mais du moment qu'elle m'a été accordée, j'ose Vous demander qu'elle me soit laissée, d'autant plus que Votre Majesté a dû se convaincre plus d'une fois, qu'au défaut de talents supérieurs, j'ai toujours fait preuve des premiers vertus d'un soldat... d'un dévouement sans bornes et d'un amour ardent pour la gloire de Vos armes, sentiments qui ne sont jamais sortis de mon coeur et que j'ai si souvent appuyés par des actions si non glorieuses du moins toujours honorables. L'ex-général Denis Dawidoff.

*) Мы получили отъ В. Давыдова, при посредствѣ А. В. Рачинскаго, въ числѣ прочихъ бумагъ, слѣдующее письмо Д. В. Давыдова къ его товарищу и другу С. Н. Ланскому, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Писано въ обстоятельствахъ, которыя сильно задѣли самолюбіе писавшаго. Въ бытность въ Кіевѣ, Д. В. влюбился въ Злотницкую, и получилъ ей

Государь оставилъ ее за нимъ. Въ 1822 году, уже женатый на матери моей Софьѣ Николаевнѣ Чирковой, дочери генерал-майора Чиркова, онъ вышелъ въ отставку, по случаю отказа императора Александра на двукратное представленіе Ермолова о назначеніи отца моего начальникомъ кавказской линіи, и поселился въ Москвѣ въ собственномъ, имъ купленномъ домѣ на Знаменкѣ. Покупка этого дома обнаруживаетъ вполне военную беззаботность и довърчивый характеръ моего отца. При осмотрѣ его продавецъ тщательно старался не допускать его въ одну комнату, ея потолокъ грозилъ ежеминутнымъ паденіемъ. Отецъ мой поддался на означенную тактику продавца и не полюбпытствовалъ даже войти въ нее. Несмотря на совѣты моей матери, совершилъ купчую и весьма довольный, немедленно переѣхалъ въ домъ. Онъ сдѣлалъ изъ этой комнаты свой кабинетъ и безопасно жилъ тамъ, все ожидая когда потолокъ упадетъ. Грустныя происшествія 14-го декабря 1825 г. не имѣли ни малѣйшаго вліянія на его судьбу, несмотря на его дружбу почти со всѣми членами южнаго и сѣвернаго обществъ. Причиной тому былъ характеръ моего отца, не соответствовавшій какимъ-либо заговорамъ и образъ мыслей его вполне монархическій, при которомъ онъ не допускалъ даже никакого раздѣленія власти. Онъ не понималъ даже возможности учрежденія въ Россіи какихъ-либо палатъ, и всегда говорилъ: *qu'il aime mieux l'arbitraire d'un grand tyran, mais unique, que l'arbitraire soroudré d'éloquence d'une masse de petits tyrans* (онъ лучше допускаетъ тирана одноличнаго, хотя великаго, чѣмъ массу маленькихъ, подкрашенныхъ краснорѣчіемъ). Что всего болѣе спасло его отъ заговора, такъ это былъ отвѣтъ, имъ данный двоюродному брату своему Василью Львовичу. Южное общество долго не рѣшалось завербовать его; но однажды оно поручило Василію

и родителей согласіе на бракъ. Между тѣмъ, вынужденный по дѣламъ своимъ отлучиться, онъ узналъ, что, въ его отсутствіе, она была помолвлена съ княземъ П. Голицынымъ, адъютантомъ Раевского, котораго корпусный штабъ былъ въ то время въ Кіевѣ». Вотъ это письмо, приводимъ его буквально:

«Полагалъ приехавши обратно въ Новомосковскъ найти тебя переехавшаго уже къ намъ—но не тутъ-то было! Ты, подобно Куку имеешь страсть водиться съ дикими, или, подобно Мунго-Парку беседствуешь съ гогентотами— потерявъ надежду видѣть тебя у себя, я рѣшился послать къ тебѣ въ Ореховъ привезенной мною тебѣ подарокъ изъ Полтавы—онъ мнѣ самому прислать изъ Франціи изъ якобинскаго клуба въ которомъ я членъ. Я уверенъ, что подарокъ сей тебѣ понравится—Прости любезной другъ, я завтра чуть светъ еду въ Кіевъ, отъ куда естли отпустить поеду въ Москву но къ 10 января всею буду въ Кіевѣ—а сюда съ весеннею розою—то-есть въ мартѣ месяцѣ привезу сюда жену или девуку. Твой другъ Денисъ Давыдовъ».

Львовичу сдѣлать ему объ этомъ предложеніе. Послѣ нѣкотораго приготовленія, онъ предложилъ отцу вступить въ ихъ общество, и на вопросъ, въ чемъ его дѣль, онъ объяснилъ ему, что это въ родѣ нѣмецкаго тугендбунта. „Полно, Василій Львовичъ; я, братъ, этого не понимаю; бунтъ, такъ бунтъ русскій; тотъ, хоть погуляетъ, да бросить; а нѣмецкій—гулять не гуляетъ, только мутить всѣхъ. Я тебѣ прямо говорю, что я пойду его усмирять“.

Дядя мой не отрекался отъ своей мысли и написалъ отцу записку пригласительную. На ней онъ написалъ тотъ же отвѣтъ, и когда эта записка была представлена государю, то онъ сказалъ: „Я былъ увѣренъ, что Денисъ Давидовъ въ этомъ дѣлѣ не участвовалъ, а теперь вижу, что онъ ни о чемъ не знаетъ“.

Знаю достоверно, что часть заговорщиковъ, въ томъ числѣ М. Θ. Орловъ, когда имъ нужно было переговорить между собою о чемъ-либо касающемся ихъ дѣла, и при этомъ находился отецъ мой, выслали его вонъ изъ комнаты, чтобы не замѣшать неповиннаго. Во время Персидской кампаніи отецъ мой, имѣя уже 4-хъ дѣтей, при первомъ призывѣ государя, полетѣлъ подъ знамена обожаемаго имъ А. П. Ермолова; но съ паденіемъ его, всѣ приближенные его и родные были удалены изъ края. Это заставило моего отца написать весьма откровенное письмо къ В. Θ. Адлербергу, для представленія государю, и вернуться въ Россію.

Въ 1830 году онъ, уже имѣя 6 человекъ дѣтей, выпросился самъ въ дѣйствующую армію при возстаніи Польши и помню очень этотъ послѣдній пылъ умирающаго гладиатора; помню, какъ десятилѣтнимъ мальчишкой умолялъ я его взять меня съ собою, и какъ обливался горячими слезами отъ его отказа, но за то въ награду моихъ преждевременныхъ геройскихъ замашекъ, онъ требовалъ отъ моей матери, чтобы мнѣ бывали прочитаны присылаемые имъ реляціи.

Послѣ кампаніи 1831 года, отецъ мой, уже въ чинѣ генераль-лейтенанта, жилъ въ своемъ имѣніи Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, въ селѣ Верхняя Маза, гдѣ сталъ горячо заниматься приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ своихъ боевыхъ воспоминаній и псовой охотой. Тамъ колыбель и могила почти всѣхъ послѣднихъ поэтическихъ и многихъ поэтическихъ его произведеній. Эти послѣднія преимущественно проявились въ городѣ Пензѣ, гдѣ онъ проводилъ зиму въ 1833 году. Тамъ встрѣтился онъ съ молодою дѣвушкою Е. Д. Золотаревой (впослѣдствіи замужемъ за Мацневымъ), и ей посвящалъ свои послѣдніе напѣвы. Для нея написаны: „Рѣчка“, „Я васъ люблю“, „Море воетъ“, вальсъ, помѣщенные въ собр. его соч., т. III; на стр. 40, 42 и 45. Т. III. Поэту всегда нужны слушатели, и я помню,

что иногда при рожденіи поэтическаго его дѣтища, онъ бралъ меня, 12-тилѣтняго мальчика, и съ жаромъ читалъ мнѣ свои стихи, которыми я внималъ съ любовью, но столь же мало понималъ ихъ, какъ няня Пушкина. Листы, на которыхъ писаны и проза и стихи, напоминаютъ иероглифы по трудности ихъ чтенія отъ безпрестанныхъ помарокъ. Онъ былъ вообще очень строгъ относительно оборотовъ рѣчи и тщательно разработывалъ свои произведенія. Статьи его появились тогда въ „Библиотекѣ для Чтенія“ Сенковского и въ „Современникѣ“ Пушкина. Здѣсь встаетъ вспомнить, что Сенковский, по его привычкѣ; „исправлялъ“ слогъ статей, печатавшихся въ редактируемомъ имъ „Библиотекѣ“, имѣлъ дерзость совершенно портить крайне своеобразное изложеніе статей моего отца. Пушкинъ, узнавъ объ этомъ, писалъ къ Денису Васильевичу; „Сенковскому учить тебя русскому языку, все равно, что внуку учить Потемкина“...

Печатаемые нынѣ въ „Русской Старинѣ“ „Воспоминанія“ составлены отцемъ моимъ въ 1833 и 34 годахъ. Онѣ въ послѣднее время, въ 1860 году, переписаны были набѣло покойнымъ братомъ моимъ, полковникомъ Денисомъ Денисовичемъ Давыдовымъ, издавшимъ вмѣстѣ со мною въ 1860 году сочиненія отца. Весьма отрывочныя, не большія выдержки изъ „Воспоминаній о польской кампаніи“ приведены тамъ на стр. 106 до 117 собр. соч моего отца, т. III.

Несмотря на прозаическій и поэтическій талантъ моего отца, онъ далеко не былъ твердъ ни въ русской грамматикѣ, ни въ правописаніи, за то исторію какъ древнюю, такъ и новѣйшую онъ зналъ въ совершенствѣ, особенно исторію войнъ отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ, и удивлялъ всѣхъ памятью на числа и годы историческихъ событій. Жившій при насъ, дѣтяхъ, учителемъ русскаго языка А. И. Банниковъ обязанъ былъ дома исправлять его галлицизмы и грамматическія ошибки. Литера ѿ рѣшительно не давалась ему и часто поэтическія вольности стиховъ его происходили отъ неумѣнія вмѣстить мысль въ грамматическую рамку. Въ послѣдніе годы его жизни заботы о насъ, старшихъ сыновьяхъ его, меня и брата Николая, много отнимали у него времени отъ любимыхъ его литературныхъ трудовъ. Въ отношеніи дѣтей своихъ онъ, подѣ оболочкою равнодушія, былъ самый горячій и внимательный отецъ. Будучи слезливъ какъ женщина и самаго мягкаго сердца, онъ часто принималъ на себя маску строгости и суровости, разбивавшіяся отъ первой слезливой просьбы каждаго изъ насъ. Въ домашнемъ быту онъ былъ вполне образцовый семьянинъ, весьма аккуратной жизни. Вставалъ регулярно въ 4 часа утра, зимою и лѣтомъ, садился писать, завтракалъ въ 9 часовъ при утреннемъ чаѣ, гулялъ или лучше сказать производилъ усиленную ходьбу, непремѣнно

столько-то верстъ по измѣренному имъ неоднократно саду; обѣдалъ въ 3 часа и засыпалъ въ креслѣ на нѣсколько минутъ въ пылу самаго живого разговора съ усиленнымъ храпомъ, продолжая давать отвѣты. Потомъ снова письменныя занятія и наконецъ вечеромъ шутки и разговоры, всегда оживленные и интересные за вечернимъ чаемъ, а въ 10 часовъ покой. Вотъ жизнь его въ послѣдніе годы; при этомъ самая умѣренная пища, рюмка водки, рюмка или двѣ несчастнаго vin de graves за столомъ. Но за то повсюду и всегда его сопровождала неизмѣнная его трубочка, которую онъ набивалъ самъ и курилъ цѣлый день, несмотря на свои недуги, кашель и удущье. Онъ умеръ 54 лѣтъ, отъ апоплексическаго удара, не успѣвши докончить ко мнѣ письмо!

Находящіяся нынѣ въ распоряженіи „Русской Старины“ „Воспоминанія“ составляютъ двѣ большія тетради: они были окончательно составлены отцомъ въ 1836 году. При прїѣздѣ отца въ Петербургъ въ этомъ году, онъ при мнѣ читалъ по одной изъ нихъ: „Воспоминанія о польской кампаніи 1831 г.“ — нѣкоторые отрывки генералу А. И. Михайловскому-Данилевскому. Онъ ихъ сначала готовилъ для печати; но увлекшись раскрытіемъ истины о дѣйствіяхъ лицъ, игравшихъ въ этой кампаніи главныя роли, самъ увидѣлъ, что рассказы его вышли изъ предѣловъ печатной рамки и могутъ только оставаться какъ личныя воспоминанія, собранныя во-едино въ ожиданіи лучшихъ дней.

Нынѣ они настали.

Вас. Д. Давыдовъ.

Отъ редакціи: «Записки партизана Давыдова» явятся вполне въ нѣкоторыхъ изъ послѣдующихъ книгъ «Русской Старины»; нынѣ же замѣтимъ, что кромѣ указываемыхъ почтеннымъ Вас. Денис. Давыдовымъ, — болѣе объемистыя выдержки сдѣланы покойнымъ кн. П. В. Долгоруковымъ въ брошюрѣ озаглавленной: «Записки Д. В. Давыдова» Лондонъ, 1863 г. въ 8 д. Но эта брошюра — весьма недобросовѣстная спекуляція: издатель откинулъ почти треть, при томъ самой существенной части записокъ, въ которыхъ авторъ высказываетъ взглядъ на польское дѣло, съ точки зрѣнія вполне русскаго человѣка; затѣмъ въ дальнѣйшихъ мѣстахъ кн. Долгоруковъ повнбросилъ лишнія слова, строки, даже цѣлыя страницы, сдѣлавъ все отъ него зависѣвшее, чтобы придать весьма любопытному и немаловажному историческому документу — характеръ памфлета. Между тѣмъ полной правды и жизни рассказъ славнаго партизана въ дѣйствительности вовсе не имѣетъ этого характера.

Ред.

К. Θ. РЫЛѢВЪ.

ДУМЫ *).

I.

Дмитрій Донской.

«Доколь намъ, други, предъ тираномъ
Склонять покорную главу,
И за одно съ презрѣннымъ ханомъ
Поворить сильную Москву?
Не намъ, не намъ страшиться битвы
Съ толпами грозными враговъ:
За насъ и Сергія молитвы,
И прахъ замученныхъ отцовъ!

«Летимъ—и возвратимъ народу
Залогъ блаженства чуждыхъ странъ:
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ.
Туда! за Донъ!.. настало время!
Надежда наша—Богъ и мечъ!
Сразимъ монголовъ и, какъ бремя,
Ярмо Мамайя сбросимъ съ плечъ!»

Такъ Дмитрій, рать обозрѣвая,
Красуясь на конѣ, гремѣлъ,
И въ помощь Бога призывая,
Перуномъ грознымъ полетѣлъ...
—Къ врагамъ! за Донъ! вскричали войска,
За вольность, правду и законъ!—
И повторяя кликъ геройскій,
За княземъ ринулися въ Донъ.

*) См. «Русскую Старину» изд. 1870 г. т. II стр. 524—526; изд. 1871 г. т. III, стр. 64—114, 485—525, 647, т. IV. стр. 80, 419, 562—571; изд. 1872 г. т. V. стр. 62—68, 270—282, 419—422.

Несутся полныя отваги,
 Воля упреждаютъ быстрый бѣгъ;
 Летать какъ соколы — и стаги
 Противный осынили брегъ.
 Мгновенно солнце озарило
 Равнины и брега рѣки,
 И взорамъ вдалекѣ открыло
 Татаръ несмѣтные полки.

Дуга, равнины, доли, горы
 Толпами пестрыми кипятъ;
 Всѣхъ силъ объять не могутъ взоры...
 Повсюду бердыши блестятъ.
 Идутъ, какъ мрачныя дубравы —
 И вторать степи гулъ глухой;
 Идутъ... тамъ ханъ, здѣсь чады славы —
 И закипѣлъ кровавый бой!..

«Богъ намъ прибѣжище и сила!
 Рекъ Дмитрій на челѣ полковъ,
 Умремъ, когда судьба судила!» —
 И первый грянулъ на враговъ.
 Кровь хлынула — и тучи пыли,
 Поднявшись вихремъ къ небесамъ,
 Свѣтло дня отъ глазъ сокрыли,
 И мракъ простерся по полямъ.

Повсюду хлещетъ кровь ручьями;
 Зеленый побагровѣлъ доль:
 Тамъ русскій пораженъ врагами,
 Здѣсь палъ растоптанный монголь,
 Тутъ слышенъ копій трескъ и звукъ,
 Тамъ сокрушился мечъ о мечъ.
 Летать отсѣченныя руки,
 И головы катятся съ плечъ.

А тамъ, подъ тѣнію кургана,
 Презрѣвшій славу, санъ и свѣтъ,
 Лежитъ, низвергнувъ великана,
 Отважный инокъ Пересвѣтъ.
 Тамъ Вѣлозерскій князь и чада,
 Достоянне его любви,
 И окрестъ ихъ татаръ громада,
 Въ своей потопшая крови.

Ужъ многіе изъ храбрыхъ пали,
 Великодушный сонмъ рдѣлъ:
 Уже враги одолевали,
 Татарня дикій свирѣпѣлъ.

Къ концу клонился бой кровавый,
И черный стягъ былъ пасть готовъ:
Какъ вдругъ орломъ изъ-за дубравы,
Волгинскій грянулъ на враговъ.

Враги смѣшались — отъ кургана
Промчалось: «Сидень русскій Богъ!» —
И побѣжала рать тирана,
И сокрушенъ гордыни рогъ!
Помчался ханъ въ глухія степи,
За нимъ шумящимъ враномъ страхъ;
Расторгнулъ русскій рабства цѣпи
И сталъ на вражескихъ востяхъ!...

Но кто тамъ блѣдень, близъ дубравы,
Обрызганъ кровію лежитъ?
Что зрю?... Первоначальникъ славы *),
Дмитрій равень... страшный видъ!..
Ужель изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вотъ къ стѣнящему герою
Притекъ сонмъ воевъ и князей.

Вотъ, преклонивъ трофей брани,
Гласятъ: «Ты побѣдилъ! встань!» —
И Князь, воздѣвши къ небу длани:
— «Велюкъ насъ ополчившій въ брань!
Великъ! речеть, къ нему молитвы!
Онъ Сергія услышалъ гласъ;
Ему вся слава грозной битвы;
Онъ, онъ одинъ прославилъ насъ!»

II.

Ворисъ Годуновъ.

Москва-рѣка дремотною волной
Катилась тихо межъ берегами;
Въ нее, гордась, глядѣлся Кремль стѣной
И златоверхими главами.
Умолкъ по улицамъ и вдоль береговъ
Кипящаго народа гулъ шумящій.
Все въ тихомъ снѣ: одинъ лишь Годуновъ
На ложѣ бодрствуетъ стѣнящій.

Предъ образомъ Спасителя, въ углу,
Лампада тусклая трепещеть,
И блѣдный лучъ, блуждая по челу,
Въ очахъ страдальца страшно блещеть.

*) Выраженіе глатописца.

Тутъ зрѣлся скиптръ, корона тамъ видна,
Здѣсь золото и серебро сіяло!
Увы! лишь добродѣтели и сна
Великому недоставало!...

Онъ тщетно звалъ его въ ночной тиши.
До сна-ль, когда шептала совѣсть
Изъ глубины встревоженной души
Ему царевубійства повѣсть?
Предъ нимъ прошедшее, какъ смутный сонъ,
Тревожной оживлялось думой—
И трепету невольно предавъ онъ,
Страдалъ въ душѣ своей угрюмой.

Ему представился тотъ страшный часъ,
Когда достигъ пылая трона,
Онъ заглушилъ священный въ сердцѣ гласъ,
Гласъ совѣсти, и вѣры, и закона.
«О заблужденіе!» онъ возопилъ:
«Я мнилъ, что гласъ сей сокровенный
На вѣкъ сномъ непробуднымъ уснулъ
Въ душѣ, злодѣйствомъ омраченной!

«Я мнилъ: взойду на тронъ— и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу.
Начнуть торговлю вездѣ цвѣсти
И грады пышные и сѣла;
Полезному открою всѣ пути,
И возвеллчу блескъ престола.

«Я мнилъ: народъ меня благословить,
Зря благоденствіе отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щить
Отъ тайной сердца укорины.
Добро творю,— но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
Вездѣ равно меня тревожить.

«Вездѣ, какъ неоступный стражъ за мной,
Какъ злой, неумолимый геній,
Влечется въ слѣдъ— и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступленій!..
— Ахъ! удался! дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна ужъ чаша наказанья!—

«Взываю я,—но тщетны всѣ мольбы!
 Не отгону ужасной думы:
 Повсюду зрю грозящій перстъ судьбы,
 И слышу сердца гласъ угрюмый.
 Терзай же, тайный гласъ, коль суждено,
 Терзай! Но я восторжествую,
 И смою черное съ души пятно
 И кровь царевича святую!

«Пусть злобный рокъ преслѣдуетъ меня:
 Не утомлюся отъ страданья,
 И буду царствовать до гроба я
 Для одного благодѣянья.
 Святою мудростью и правотою
 Свое правленіе прославлю,
 И прахъ несчастнаго почтить слезой
 Потомка поздыяго заставлю.

«О такъ! хотъ стануть проклинать во мнѣ
 Убійцу отрока святова,
 Но не забудуть же въ родной странѣ
 И дѣлъ полезныхъ Годунова».—
 Страдая внутренно, такъ думалъ онъ;
 И вдругъ, на гласъ святой надежды,
 Къ царю слетѣлъ давно желанный сонъ
 И осѣнилъ страдальца вѣжды.

И съ той поры державный Годуновъ,
 Перевося гоненья рока,
 Творилъ добро, былъ подданнымъ покровъ
 И врагъ лишь одного порока.
 Скончался онъ—и тихо приняла
 Земля несчастнаго въ объятья—
 И загремѣли за его дѣла
 Благословенья и—проклятья!...

III.

Дмитрій Самозванецъ.

Чьи такъ дико блещутъ очи?
 Дыбомъ черный волосъ всталъ?
 Онъ страшится мрака ночи;
 Зрю—сверкнулъ въ рукѣ кинжалъ!..
 Вотъ идетъ... стоитъ... трепещетъ...
 Быстро бросился назадъ;
 И, какъ злой преступникъ, мечетъ
 Вдоль чертога робкій взглядъ!

Не убійца-ль сокровенной.
 За Москву и за народъ,

Надъ стезею потаенной
 Самозванца стережетъ?...
 Вотъ къ окну оборотился;
 Вдругъ луны сребристый лучъ
 На чело къ нему сватился
 Изъ-за мрачныхъ грозныхъ тучъ.

Что я зрю? То хищникъ власти
 Лжедемитрій тамъ стоитъ;
 На лицѣ пылають страсти;
 Тренища онъ говоритъ:
 «Тамъ въ чертогахъ кто-то бродить —
 Шорохъ — заскрипѣла дверь!...
 И вотъ призракъ чей-то входитъ...
 Это ты — Бориса дщерь!...

«О, молю! избавь отъ взгляда...
 Укоризною горя,
 Онъ вселяетъ муки ада
 Въ грудь преступнаго царя!...
 Но исчезла у порога; —
 Это кто-жъ мелькнулъ и сталъ,
 Притаился въ углу чертога...
 Это Шуйской... Я прональ!»...

Такъ страдалъ злодѣй коварной
 Въ часъ спокойствія въ Кремлѣ;
 Проступалъ безпереставно
 Потъ холодный на челѣ. —
 «Не укроюсь я отъ мщенья!» —
 Онъ невнятно прошепталъ —
 «Для тирана нѣтъ спасенья;
 Другъ ему — одинъ кинжалъ!

«На престолѣ, иль на ложѣ,
 Иль въ толпѣ на площади,
 Рано, поздно ли, но всё же
 Быть ему въ моей груди!
 Прекращу свой вѣкъ постылый;
 Мнѣ наскутило страдать
 Во дворцѣ, какъ средь могилы.
 И убійцу наждать.»

Сталь нанесъ — она свергнула —
 И преступный задрожалъ,
 Смерть тирана ужаснула:
 Выпалъ поднятый кинжалъ.
 «Не настало еще время;»
 Простоналъ онъ — «но придетъ —

И несносно жизни бремя
Тяжкой ношею спадеть.»

Но какъ будто вдругъ очнувшись:
«Что свершить рѣшился я?»
Онъ воскликнулъ ужаснувшись—
«Нѣтъ! не погублю себя.
Завтра-жъ, завтра все разрушу,
Завтра хлынетъ кровь рѣкой—
И встревоженную душу
Вновь порадуетъ покой!»

«Вмѣсто праотцевъ закона
Я введу законъ римлянъ;
Грозной местию грану съ трона
Въ подозрительныхъ гражданъ.
И твоя падетъ на плахъ,
Буйный Шуйской, голова!
И дымясь въ крови и прахъ,
Затрепещешь ты, Москва!»

Смолець.—Преступныя надежды
Удалили страхъ—и онъ
Легъ на пышный одръ—и вѣжды
Оковалъ тревожный сонъ.
Вдругъ среди безмолвья грянулъ
Бой набата близъ дворца,
И тиранъ съ одра воспрянулъ
Съ смертной блѣдностью лица...

Побѣжали и зрять у входа:
Изо всѣхъ кремлевскихъ вратъ,
Волны шумныя народа,
Ко дворцу стремясь, кинять.
Вотъ приблизились, напали;
Храбрый Шуйскій впереди—
И сарматы побѣжали
Съ хладнымъ ужасомъ въ груди.

«Все погибло нѣтъ спасенья,
Смерть прибѣжище одно!»
Рекъ тиранъ... еще мгновенье—
И бросается въ окно!
Палъ на камняхъ, и при стукахъ
Сабель, копей и мечей,
Жизнь окончилъ въ страшныхъ мукахъ
Нераскаянный злодѣй.

Сообщ. П. А. Шфремовъ.

АРХИВЪ
КНЯЗЯ М. И. ГОЛЕНИЦЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО,
(1745 — 1813).

нынѣ принадлежащій правнуку его **Ө. К. Опочинину.**

—
III *).

1812 г.

Включаемъ сюда двѣ опущенныя записочки Михаила Илларионовича къ жентѣ изъ Букареста 1812 г., опущенныя въ своемъ мѣстѣ выше:

6-го марта Букарестъ. Я, мой другъ, слава Богу здоровъ, и теперь какъ нельзя занять войною, то кой-какъ стараюсь лепить миръ... Объ прїѣздѣ твоемъ ей Богу, другъ мой, не могу, ничего сказать, такія мудренныя обстоятельства, да и не думаю я, чтобы въ маѣ мѣсяцѣ мнѣ можно было здѣсь быть...

11-го марта, Букарестъ... Я недѣли двѣ кашляю и долженъ беречься. Всякій разъ какъ выѣду кашель становится сильнѣе, да къ тому же на прошлой недѣлѣ говѣлъ. Благодарю за морошку, которую сего дня получилъ... Ты, мой другъ, пишешь объ моемъ здоровьи, т. е. что хвораю; признаюсь, что въ мои лѣта служба въ полѣ тяжела, и не знаю, что дѣлать. Впрочемъ мнѣ уже не удастся сдѣлать и въ десять лѣтъ такой кампаніи, какъ прошлая... Посылаю видъ 2-го октября, когда Марковъ перешелъ за Дунай и атаковалъ турбовъ. Можно поставить между цареградскими видами. Многія фигуры похожи.

Примѣчаніе. Кутузову было въ это время 66 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 6 дней. Настоящее письмо имѣетъ значеніе: въ немъ слышится неудовольствіе старика въротно вслѣдствіе назначенія на его мѣсто Чичагова. И. Л.

25-го августа, верстъ шесть предъ Можайскомъ. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ. Три дня уже стоимъ въ виду съ На-

*) См. «Русскую Старину» изд. 1870 г., т. I, издан. первое, стр. 249 и 325; изд. второе, стр. 483; т. II, стр. 496; изд. 1871 г., т. III, стр. 49 и 201; изд. 1872 г., т. V стр. 257. Въ послѣдней серіи писемъ вкралась на стр. 269-й слѣдующая опечатка: напечатано: «Бонапартнемъ», читается: «Бонапартнемъ».

полеономъ; да такъ въ виду, что и самого его въ сбромъ сюртучкѣ видѣли. Его узнать нельзя, какъ остороженъ. Теперь закапывается поуши. Вчерась на моемъ лѣвомъ флангѣ было дѣло; однако, мы нѣсколько разъ прогоняли и удержали мѣсто. Кончилось уже въ темную ночь. Наши дѣлали чудеса, особливо кирасиры и взяли французскихъ 5 пушекъ... *)

3-го сентября. Я, мой другъ, славу Богу здоровъ и какъ ни тяжело, надѣюсь что Богъ все исправитъ. Дѣтямъ благословение....**):

1812, le 13 Septembre, à 30 verstes de Moscou. Papa me charge bien-estimée et adorée Maman de Vous dire, qu'il se porte très bien. Nos amis nous donnent tout le temps nécessaire pour nous remettre un peu. La saison, quoique assez avancée, ne nous dérange pas trop encore..... Nicolas P. Koudacheff***).

Я, слава Богу, здоровъ. Мы отправляемся. Армія скоро будетъ сильнѣе прежняго..... Михайло Г. Ку.

Кудашевымъ очень доволенъ. Остерманъ предобрый и прехрабрый. Съ полчаса какъ вышелъ отъ меня ****).

1-го октября. (Лагерь близъ Тарутино, въ деревнѣ Леташевкѣ). Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, и по всѣмъ маленькимъ дѣламъ, которыхъ всякой день происходитъ нѣсколько, имѣемъ поверхность надъ непріятелемъ, такъ, что берутъ плѣнныхъ даромъ. Кудашевъ ходитъ съ партией и служить отлично.....

7-го октября. (Лагерь подъ Тарутинымъ). Богъ мнѣ даро-

*) Вполнѣ справедливо, исключая того, что умалчивается о потерянныхъ и съ нашей стороны орудій, бывшихъ въ Шевардинскомъ редутѣ. И. Л.

***) Москва оставлена 2-го, слѣдовательно изъ Москвы Кутузовъ писать не могъ, на письмѣ его нѣтъ мѣста, но 2-го онъ пришелъ въ с. Панки, откуда въ полдень 3-го числа отправился въ Кулаково, а потому письмомъ, или изъ Панкова или изъ Кулакова, а по всему вѣроятію изъ перваго, ибо отсюда былъ посланъ курьеръ. Выраженіе тяжело даетъ разумѣть, что Москва оставлена. И. Л.

****) (Переводъ). Отецъ поручилъ мнѣ вамъ сказать, многоуважаемая и обожаемая маменька, что онъ совершенно здоровъ. Наши друзья даютъ намъ необходимое время для отдыха. Хотя время года уже позднее, но насъ это пока еще не затрудняетъ..... Николай К. Кудашевъ.

Князь Николай Даниловичъ Кудашевъ, зять кн. М. И. Голенищева-Кутузова, мужъ его дочери Екатерины († 1826 г.), прославился въ отечественную войну какъ партизанъ и палъ на полѣ чести 6 октября 1813 г. Онъ убитъ въ чинѣ генералъ-майора. См. родослов. таблицу семьи кн. Кутузова, приложенную ко II-му тому «Рус. Ст.» изд. 1870 г. стр. 500. Фед.

*****) Письмо изъ Красной Пахры. Справедливо, что непріятель не тревожилъ, но онъ не тревожилъ ихъ это время потому, что Кутузовъ искусно перешелъ изъ Кулакова, черезъ Ярославецъ, въ Пахру. И. Л.

валъ побѣду вчерась при Чернишнѣ *); командовалъ король неаполитанской. Были онѣ отъ 45—до пятидесяти тысячъ. Немудрено было ихъ разбить; но надобно было разбить дешево для насъ, и мы потеряли всего, съ ранеными, только до трехъ сотъ человекъ. Недостало еще немножко счастья и было бы совѣмъ батальце прелестное. Первой разъ французы потеряли столько пушекъ и первой разъ бѣжали какъ зайцы. Между убитыми много знатныхъ, объ которыхъ въ государю еще не пишу, не зная навѣрное. Я вчерась говорилъ съ одной партией плѣнныхъ офицеровъ и сегодня получилъ отъ ихъ благодарное письмо, которое посылаю только для семьи, а не для публики.....

Се 26 1812 **). Papa me charge de vous dire, bien estimée et adorée maman, qu'il se porte très bien; il vous prie surtout de ne pas vous inquiéter, car l'état de nos affaires ne sont pas pour alarmer, mais plutôt pour rassurer le monde. Nous sommes à occuper une très belle position; nos partisans ne cessent de nous envoyer tous les jours des centaines des prisonniers.—Dieu veuille que papa continue à se bien porter; le tout ne peut prendre qu'une tournure des plus favorables....

..... Mes parents me chargent de vous féliciter avec le portrait.
..... Nicolas Pr. Koudacheff***).

Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ. Ежели будешь писать когда въ Выбурхъ, то кланяйся всѣмъ моимъ знакомымъ. Для меня, когда я тамъ жилъ, этотъ городъ былъ самый покойный и нигдѣ такъ тихо не жила. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ. Михайла Г. К. 16-го октября ****). Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ. Здѣсь, ей

*) Правильнѣе на Чернишнѣ, рѣчкѣ. Счастье не достало, а Кутузовъ въ этотъ день—не употребилъ главныхъ силъ, чтобы совершенно разгромить Мюрата; онъ имѣлъ эту возможность, но, какъ зме языки говорили на мѣстѣ, этого не сдѣлалъ именно потому, что дѣло было задумано Беннигсеномъ и имъ совершено. Мы всѣ стояли на пушечный выстрѣлъ, какъ зрители. Письмо французовъ не приложено. И. Л.

***) Позицію Мало-Ярославецъ Кутузовъ оставилъ въ ночь съ 12-го на 13-е сентября, а 26-го подходилъ къ Дорогобужу. И. Л.

****) (Переводъ). Пянька мнѣ поручаетъ сказать вамъ, многоуважаемая и обожаемая маменька, что онъ совершенно здоровъ. Онъ въ особенности проситъ васъ не беспокоиться на счетъ положенія нашихъ дѣлъ, которыя скорѣе могутъ успокоить, чѣмъ тревожить свѣтъ. — Мы занимаемъ теперь прекрасную позицію; наши партизаны не перестаютъ присылать намъ каждый день сотни плѣнныхъ. Дай Богъ, чтобы здоровье пяньки постоянно было хорошо. Все можетъ принять только самый лучший оборотъ.....

Родные мои поздравляютъ васъ съ портретомъ.... Николай князь Кудашевъ.

*****) Кутузовъ вмѣстѣ съ арміею оставилъ Тарутино, въ вечеръ 11-го октября. Письмо должно было быть писано въ Медвнѣ, куда перешли въ этотъ день съ Полотняныхъ заводовъ. И. Л.

Богу, все хорошо. Наполеонъ бѣгаетъ по ночамъ съ мѣста на мѣсто; но по сю пору мы его предупреждаемъ вездѣ. Ему надобно какъ-нибудь уйти; и вотъ чего безъ большой потери своей сдѣлать нельзя; Михайла Г. Ку.

. Parmi mes derniers prisonniers et bagages, que j'ai pris, j'ai eu Stvers, l'acteur, et 80 femmes françaises *). Koudacheff.

20 octobre 1812**). Je suis on ne peut pas plus coupable, bien estimée maman, envers vous;—veuillez bien me le pardonner. Depuis la fuite de Napoléon de Moscou, j'ai rejoins l'armée depuis trois jours seulement, où j'ai trouvé trois de vos lettres. Votre inquiétude à nous autres, comme vous dites dans votre lettre, depuis l'arrivée de Volkonsky, ne m'inquiète guère; comme russe je suis content de moi-même par les petits services, que je fais à l'armée; je me moque ensuite des gens de la cour. Papa se porte très bien; il est fatigué, ne pouvant rattraper le fuyard. La campagne est belle. Priez Dieu et tout ira de mieux en mieux. Nicolas P. Koudacheff ***).

Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, хотя и очень трудно. Должно меня утѣшать то, что я первый генералъ, передъ которымъ Бонапарте такъ бѣжитъ. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ Михайла Г. К.

23-го октября, подлѣ Вязьмы. Я слава Богу здоровъ, мой другъ. Французы непонятно какъ бѣгутъ и теряютъ очень много: вчера съ они одними убитыми потеряли до шести тысячъ; сегодня также много; и плѣнныхъ, по сей часъ, сегодня 1200.

Не знаю какъ быть съ Маріей Алексѣвной? Она поручила мнѣ сына, котораго я-было и взялъ къ себѣ, но не могъ удержать; приступилъ ко мнѣ и выпросился командовать полкомъ у Винцинрода, и, по непонятной глупости Винцинрода, попался въ полонъ, съ имъ вмѣстѣ, въ самой Москвѣ. Но знаю, что здоровъ; всякой день у плѣн-

*) (Переводъ). Между тѣми плѣнными и багажемъ, который я взялъ, находится актеръ Стверъ и 80 французскихъ женщянь. Кудашевъ.

**) Лагерь оставленъ 11-го октября вечеромъ, а 20-го октября приближались уже къ Вязьмѣ. И. Л.

***) (Переводъ). Я много виноватъ передъ вами, многоуважаемая маменька; будьте такъ добры меня простить. — Только три дня, послѣ побѣга Наполеона изъ Москвы, какъ я вернулся въ армию, гдѣ нашелъ три вашихъ письма. Ваше безпокойство о насъ прочихъ, какъ вы говорите въ послѣднемъ письмѣ вашемъ, съ пріѣзда Волконскаго меня нисколько не тревожитъ. Какъ русскій, я собою доволенъ тѣми небольшими услугами, которыя я оказалъ арміи и не обращаю ни малѣйшаго вниманія на господъ придворныхъ. — Папенька совершенно здоровъ, но усталъ, гоняясь за бѣглецомъ. Походъ славный. Молитесь Богу и все пойдетъ хорошо. Николай князь Кудашевъ.

ныхъ спрашиваю, и пошлю денегъ. Дѣтямъ благословеніе, вѣрный другъ Михайла Г. Ку *).

Nous pouvons nous féliciter, bien estimée et adorée maman, и скажемъ всѣ: съ нами Богъ, разумѣйте язицы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ! Notre chef de génie n'a pas besoin d'exagérer ses relations comme fait Napoléon; mais ne disant que ce qui est vrai, il suffit déjà pour étonner l'Europe entière. Nous sommes à Viasma; dans quelques jours nous espérons être à Smolensk. Soyez tranquille, chère maman, les courriers seront plus fréquents. Priez Dieu et tout ira de mieux en mieux J'ai assez souvent des nouvelles de Cathérine et d'Elise aussi. Elles se portent bien toutes les deux, ainsi que ma petite, que je mets à Vos pieds. Elle est dit-on plus gentille tous les jours, говоритъ съ арабкою по-арабски. Катенька сему очень рада, лишь бы не говорила по-французски. Nicolas Pr. Koudacheff **).

28-го октября. Городъ Ельня. Я, мой другъ, хотя и здоровъ, но отъ усталыи припадкы; напрымѣръ отъ поясницы разогнуться не могу; отъ той причины и голова временемъ болить. По сію пору, французы еще все бѣгутъ неслыханнымъ образомъ, уже болѣе трехъсотъ верстъ и какіе ужасы съ ими происходятъ! Эта участь моя, чтобы видѣть непріятели безъ пропитанія, питающагося дохлыми лошадыи, безъ соли и хлѣба. Турецкіе плѣнные извлекали часто мои слезы; объ французахъ хотя и не плачу, но не люблю видѣть этой картины. Вчерась нашли въ лѣсу двухъ, которые жарятъ и ѣдятъ третьяго своего товарища. А что съ ими дѣлаютъ мужики!—Кланайся всѣмъ. Объ Бенигсенѣ говорить не хочется; онъ глупой и злой человекъ; увѣрили его такіе же простяки, которые при немъ, что онъ можетъ испортить меня у государя и будетъ командовать всѣмъ; онъ, я ду-

*) Въ этомъ письмѣ идетъ рѣчь о Львѣ Александровичѣ Нарышкинѣ; замѣчательно выраженіе о Винценгеродѣ, спѣшившемъ занять Москву, «неполнѣтная глупость»!

И. Д.

**) (Переводъ). Мы можемъ другъ друга поздравить, многоуважаемая и обожаемая маменька, и скажемъ всѣ: «Съ нами Богъ, разумѣйте язицы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!» Нашему гениальному предводителю нѣтъ надобности преувеличивать свои реляціи, какъ то дѣлаетъ Наполеонъ; достаточно сказать одну правду, чтобы удивить всю Европу. Мы—въ Вязьмѣ, а черезъ нѣсколько дней надѣемся быть въ Смоленскѣ. Будьте покойны, дорогая маменька, курьеры теперь будутъ чаще. Молитесь Богу и все пойдетъ къ лучшему.

Отъ Катеньки и Лизаньки я довольно часто получаю извѣстія. Онѣ обѣ здоровы, какъ равно и моя малютка, которую повергаю къ ногамъ вашимъ. Она становится всякой день милѣе, говоритъ съ арабкою по-арабски,—чему Катенька очень рада, лишь бы не говорила по-французски. Николаи князь Кудашевъ.

маю, скоро поѣдетъ. Дѣтамъ благословеніе, вѣрный другъ Михайла Г. Кутузовъ *).

Je vous félicite, bien bonne maman, avec l'épée aux lauriers. On est enchanté ici de voir qu'on rend à la fin justice et qu'on s'en empresse même. Благодаря Бога, у насъ все идетъ изъ лучшаго въ лучшее; Бенигсенъ унимается, видя что и безъ его обойтись можно, но все бы лучше услатъ.—Если увидите князя Петра Михайловича (Волконскаго), вспомните ему Бенигсена, въ тѣ три дни, когда вѣрно было ему атаковать во время его бытія въ арміи. Не мое дѣло про все говорить. Князь Николай Кудашевъ.

30-го октября. Не помню деревни, версть съ сорокъ отъ Смоленска. И, слава Богу, здоровъ, мой другъ; но хворалъ очень поясницею, такъ, что не могъ на лошади сидѣть **). Я получилъ сегодня твое письмо съ Яхонтовымъ, за которое благодарю тому, кто вложилъ письмецо въ твоемъ письмѣ ко мнѣ; скажи, что онъ ангель и что ежели я обожаю женщину, то это только для того, что она ***) того пола, и ежели бы она была мужчина, тогда бы мнѣ всѣ женщины были равнодушны. Бенигсена почти къ себѣ не пускаю и скоро отправлю. Сегодня я много думалъ объ bonaparté и вотъ что мнѣ показалось****). Si on peut prendre la péene dé bien juger la conduite continuelle de bonaparté, on peut se persuader jusqu'a l'evidence qu'il n'a jamais su, ou n'a jamais pensée a encheuer la fortune; au contrere cete fame capritieuse voyant une production si sigulière que cet home, un melange dé tout des vice, un mélange dit on de tant de tant de monstruosité, que pur pur caprice elle s'en est emparé et l'e mène come un enfant, a la lisiere, mais voyant apres baucoup d'années et son ingratitude et la maniere dont il abusait, dé sa protection, elle la laissé là en disant: fi, le vilain. Voila un vieliard, poursuivait-elle, qui a toujours adoré mon sexe, qui l'idolâtre encore et qui n'a jamais été ingrat envers nous; il a toujours aimé a être conduit par un fame pour me delasser dé toutes les horeurs, auquel je participais; je m'en vais lui doner le bras pour quellque temps au moins? Объ Яхонтовыхъ кому же не заботиться, какъ не мнѣ. Письмо это получишь чрезъ Фигнера, здѣшній

*) Это письмо—важный историческій документъ о взаимныхъ отношеніяхъ Кутузова къ Бенигсену: оно бросаетъ большой свѣтъ на многое неясное.

И. Л.

**) Съ Мало-Ярославца, Кутузовъ ни разу не садился на лошадь и только впоследствии, подъ Краснымъ, пріѣхалъ поздравить съ побѣдою Преображенскій полкъ.

И. Л.

***) Марья Антоновна Нарышкина.

И. Л.

****) Французскія строки въ письмѣ М. И. Кутузова приводимъ съ соблюденіемъ его орфографіи, буква въ букву.

Ред.

партизанъ. Погляди на его пристально, это человекъ необыкновенный; и этакой высокой души еще не видалъ; онъ фанатикъ въ храбрости и въ патриотизмѣ, и Богъ знаетъ, чего онъ не предприметъ. Начавъ отъ Бородина, непріятель отъ нашей главной арміи потерялъ 209 пушекъ; почти примѣру нѣтъ. Дѣтямъ благословіе. — Вѣрный другъ Михайло Г. Ку.

3-го ноября, близъ Краснаго. Я, мой другъ, слава Богу здоровъ и непріятель все теряетъ множество; и сегодня взяли двухъ генераловъ и тысячи двѣ—теперь уже четыре—плѣнныхъ. Смоленскъ скоро освободится. Малые остатки французовъ, которые тамъ остались, скоро должны выдти: ихъ казаки морятъ съ голоду. А мнѣ некогда было туда заходить. Я зашелъ на дорогу Бонапартеву. Французы еще и понинѣ любезны; плѣнные генералы говорятъ мнѣ такіе комплименты, что я и пересказать не вспомню.

Отъ кого я получилъ съ послѣднимъ курьеромъ письмо — поблагодари. Еще отвѣчать не буду инако, какъ съ весьма вѣрнымъ чело-вѣкомъ.

Всѣмъ нашимъ кланяюсь. Дѣтямъ и внучатамъ благословіе. Вѣрный другъ Михайла Г. Ку.

Сей-часъ получаю еще о побѣдѣ. Одинъ генераль, 12 пушекъ и много плѣнныхъ. Подъ Кудашевымъ убита лошадь.

Еще взяли генерала. Это сегодня четвертый. *On ne reconait plus bonaparte, quelquefois on seroit tenté dé croire, qu'il na plus de génie.—Que-cé donc que la pauvre humanite?*

(5-го или 6-го ноября. На дорогѣ отъ Смоленска къ Красному).

Le courrier précédant Фигнеръ, ayant oublié le journal, on envoie un фельдъегеръ pour le rattraper; il n'en n'est pas moins intéressant. Il apporte la nouvelle de 1600 prisonniers, qui ont été pris hier dans un jour de раздахъ. Papa me charge qu'il se porte très bien et qu'il Vous aurait écrit aujourd'hui s'il ne se mettait pas en traineau pour partir déjà ; dans deux jours nous dépasserons déjà Smolensk Nicolas Pt. Koudacheff).*

Я слава Богу здоровъ. Фигнеръ забылъ журналъ. Сверхъ того важнаго ничего не было, только чрезъ цѣлый день взято плѣнныхъ

* (Переводъ). Предшествующій курьеръ Фигнеръ, забылъ журналъ. Посылають догонять его фельдъегера, который также везетъ не менѣе интересно извѣстіе о 1600 плѣнныхъ, взятыхъ въ день привала. — Папенька мнѣ поручаетъ вамъ сказать, что онъ здоровъ и что не пишетъ вамъ потому, что садится въ сани, отираваясь въ дорогу. черезъ два дня мы минуемъ уже Смоленскъ. . . . Николай кн. Кудашевъ.

1600 человекъ и много запасовъ. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ М. Г. К.

7-го ноября. Красное. Вотъ еще побѣда; въ день твоего рожденія дрались съ утра до вечера. Бонапарте былъ самъ, и кончилось, что разбить непріятель въ пухъ; сорокъ пушекъ слишкомъ досталось намъ. Прекрасныя знамена гвардейскія, и пребогатыя. Вечерась прибылъ изъ Смоленска еще большой корпусъ Нея, который третьяго дни пожалованъ prince de Mjajque, то-есть Можайской, тысячахъ, больше двадцати. Этотъ принятъ очень хорошо. Пушекъ у ихъ мало, а онъ наткнулся на нашихъ сорокъ орудіевъ; натурально отбить. Но собрался онъ съ поспѣвшими изъ Смоленска и подошелъ еще; тутъ его приняли штыками и множество истребили, другихъ разсѣяли по лѣсамъ, словомъ сказать, что въ вечеру двѣ колонны, 8400, положили ружья. Сегодня поутру еще въ лѣсу взяли 2500 и 10 пушекъ; не помню сколько взяли 5-го числа плѣнныхъ. Отъ Смоленска до Краснаго преслѣдовали казаки и взяли 112 пушекъ. Плѣнныхъ взято во всѣхъ мѣстахъ пропасть, между прочимъ Остерманъ—2400; можетъ быть тысячъ до двадцати. — Генераловъ въ три дни, кажется, 8 человекъ.

Въ Смоленскѣ нашъ гарнизонъ. Теперь думаю какъ бы отправить туда Смоленскую Богоматерь, съ хорошимъ приданымъ. Жаль разставаться, и третьяго дня, во время сраженія, стояла за батгареей. Тебѣ купилъ прекрасныя часы въ день рожденія твоего. Пришлю съ Шнейдеромъ. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ Михаила Г. Ку.

11-го ноября, (близъ Краснаго). Я, мой другъ, слава Богу, здоровъ. Посылаю къ тебѣ часы; онѣ куплены въ день твоего рожденія. Въ этотъ день была и баталья при Красномъ, и многіе меня въ сраженіи поздравляли,—говорили: *c'est un bouquet que vous vouléz donner à la princesse* *). Отъ усталости у меня все болятъ и насилу хожу, хотя и не боленъ.... Письмо, здѣсь вложенное, отдай М. Ан. (Нарышкиной).

Дашенька, мой другъ, твои молитвы видно Богъ услышалъ. Онъ меня милуетъ. Молю его: пусть милуетъ васъ всѣхъ. Цѣлую тебя, дѣтей и Фед. Петр. (Опочинина). Боже васъ благослови. Вѣрный другъ Михаила Г. Кутузовъ.

.... veulliez bien me pardonner aussi si je ne vous écris pas aussi si souvent; c'est par l'empressement que j'ai de courir après l'ennemi**). Я одного боюсь, что какъ эта война кончится, тогда нашему брату,

*) Былъ бы букетъ, да Кутузовъ воздержался.

И. Л.

**) (Переводъ). . . . прошу васъ извинить меня, что я не такъ часто вамъ пишу, чему причиной мое усердіе гнаться за непріателемъ.

военному, достанется оставить надолго военное ремесло, ибо кажет-ся la guerre pour les français finira faute de combattant. Je remercie le ciel de voir para en très bonne santé. Que Dieu le conserve et tout ira pour l'honneur de notre souverain et l'accroissement de notre pays et nos lauriers. *)... Кн. Кудашевъ.

14-го ноября, городъ Копысь. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ. Слава Господу силъ. По сей день освобождены бывшія подъ властію непріятеля губерніи: Московская, Калужская, Смоленская, Могилевская и Витебская. Непріятель все бѣжитъ; потерялъ изъ главной своей арміи всю артиллерію. Ему идти легко. Клянися всѣмъ нашимъ, увѣрь ихъ, что сколь ни сладко гнать предъ собою перваго въ свѣтѣ полководца (до сего дни уже 550 верстъ какъ я его всякій день много или мало бью), сколь ни утѣшительно въ теченіи мѣсяца и нѣсколькихъ дней возвратитъ подъ скипетръ Россіи пять губерній, непріателемъ оторванныхъ, но сладко бы было мнѣ жить между вами. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ Михайла Г. Кутузовъ.....

15-го ноября, на дорогѣ къ Борисову. Я, слава Богу, здоровъ. Вы безпokoитесь объ моей головной боли, а это уже давно прошло. Чичаговъ съ армією подошелъ къ Борисову и крѣпость занялъ; это на самой дорогѣ, гдѣ идти непріятелю. Увидимъ, что Богъ опредѣлитъ. Пришлите, пожалуйста, теплыхъ чулковъ и мою шляпу, которую забылъ Егоръ; да есть сиропъ лимонный cristallisé..... Вѣрный другъ Михайла Г. Ку.

...Napoléon, à ce qu'il paraît, est de jour en jour plus noué dans ses affaires. Les 8 jours qui se suivent aprésent, sont sans doute les plus intéressants depuis le dernier siècle. Le Prince-Maréchal a relevé la gloire des Russes et le militaire au dessus de toutes les nations... Nicolas P. Koudacheff **).

(17-го ноября, около Березины). Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ; пока въ большихъ хлопотахъ, то и не могу много писать. Кудашевъ для того не пишетъ, что не со мною; онъ въ партіи и сдѣлалъ сегодня прекрасное дѣло, увидишь въ журналѣ. Миша пріѣхалъ и обрадовалъ меня очень. Мы такъ мучимъ французскую армію, что конница ихъ насилу ноги волочить, и что во всѣхъ мѣстахъ еже-

*) (Переводъ). Война для французовъ должна кончиться за немѣнѣемъ сражающихся. Папенька совершенно здоровъ. Да сохранить его Богъ и все пойдетъ къ славѣ государя, увеличенію нашего отечества и нашихъ лавровъ.

**) (Переводъ).Наполеонъ, кажется, все болѣе и болѣе путается въ своихъ дѣлахъ. Послѣдніе восемь дней, безъ сомнѣнія, самые достопамятные въ текущемъ столѣтіи. Князь-фельдмаршалъ передъ всѣми народами возвысилъ славу Россіи и ея воиновъ.... К. Кудашевъ.

дневно возмется плѣнныхъ, полагать можно, конечно кругомъ, всякій день триста человекъ. Всѣмъ нашимъ кланяйся. Святыхъ дамъ, которыя надѣлили образами, поблагодари. Дѣтиамъ благословеніе, вѣрный другъ Михайла Г. Ку.

(17-го ноября, въ окрестностяхъ Березины). Сейчасъ, мой другъ, писалъ къ тебѣ. Французы не дадутъ отдохнуть. Еще ихъ побили, множество, 3000 плѣнныхъ, 62 пушки. Услышишь рапортъ Платова..... Михайло Г. К.

19-го ноября, перешедъ Березу. Князь Петръ Ивановичъ скажетъ тебѣ, что я здоровъ: и что я дѣлаю скажетъ. Не могу сказать, чтобы я былъ веселъ, не всегда идетъ всё такъ, какъ хочется. Все еще Бонапарте живъ. Дѣтиамъ благословеніе. Вѣрный другъ Михайла Г. Ку.

20-го ноября. Я вчерась былъ скученъ и это грѣхъ; грустилъ, что не взята вся армія непріятельская въ полонъ*); но кажется можно и за то благодарить Бога, что она доведена до такого бѣднаго состоянія.

*Je baise mille fois vos mains, chère et bonne maman. Le gentilhomme a échappé. Tchitchagoff peut être cause du sang bien répandu encoге**)* Не мое дѣло толковать. Дай Богъ пройти за границу и я запою: „нынѣ отпускаеши раба твоего Владыко“, и поѣду домой. Преданный вашъ покорный сынъ Кн. Н. Кудашевъ.

26-го ноября, между Минска и Вильна Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, и все гонимся за непріателемъ, также, какъ отъ Москвы до Смоленска, и мертвыми они тераютъ еще болѣе прежняго; такъ, что на одной верстѣ, отъ столба до столба, сочли убитыхъ мертвыхъ 117 тѣлъ. Князь Сергѣй Долгорукій здѣсь и говорить каламбуры по прежнему, и иногда очень пріятные; но теперь въ отчаяніи отъ зависти, что одинъ молодой человекъ сказалъ на Бонапарте: „Koutousoff, ta routine m'a dégoûté. Надобно знать, что село Тарутинъ, гдѣ былъ мой укрѣпленный лагерь, подѣлалъ непріателю всѣ бѣды. Объ Завадовскомъ: я ничуть на него не разсердился; но онъ было такъ ослабѣлъ отъ трудовъ и отъ холода, что чуть живъ былъ. Мы были близко его деревни и я его отпустилъ отдохнуть, такъ, какъ и съ другими дѣлаю. Теперь онъ, сказываютъ, оправился и скоро будетъ. Объ Лонухинѣ сдѣлаю, что можно; это считаю должностію. Эти дни морозы, здѣсь 22 градуса и солдаты все

*) Кутузовъ самъ причиною, простоявъ въ Копысь.

И. Л.

**) (Переводъ). Тысячу разъ цѣлую ваши ручки, дорогая и добрая маменька. Господинъ удралъ, и Чичаговъ можетъ быть отвѣтить за кровь, которая еще будетъ пролита во множествѣ.

переносить безъ ропота, говоря: „французамъ хуже нашего, они иногда не смѣютъ и огней разводять; пускай дохнутъ“. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ Михайла Г. К.

Одинъ художникъ вырѣзалъ мою печать на сердоликѣ. Она маленькая, оправленная золотомъ. Вотъ къ ему письмо, и подари ему отъ меня вещь рублей во сто.

30-го ноября, Вильна. Я вчерась писалъ къ государю рапортъ на полѣ, верстъ за 20 отъ Вильны, и не могъ на морозѣ тебѣ написать ни строчки. Я прошлую ночь не могъ почти спать отъ удивленія въ той-же спальнѣ, съ тѣми-же мебелями, которыя были, какъ я отсюда выѣхалъ; и комнаты были вытоплены для Бонапарте; но онъ не смѣлъ остановиться, объѣхалъ городъ около стѣны, и за городомъ перемѣнилъ лошадей. Здѣсь въ арміи много вѣрятъ примѣтамъ; шестому числу, въ которое много славныхъ происшествій было. Бородино 26-го; разбитъ Неаполитанской король 6-го, разбитъ Бонапарте и корпусъ Неевъ истребленъ 6-го, при Красномъ. Но что всего больше замѣчено въ арміи и въ Смоленскѣ, это то, что когда съ большою церемоніею вносили образъ Смоленской Богоматери въ соборъ и поставили на мѣсто, тогда пѣтъ молебень и при евангеліи „и пребысть Маріамъ яко 3 мѣсяца и 3 дни и возвратися въ домъ свой“, множество народу ужаснулось и сочли, что со дня выноса образа къ арміи и до дня возвращенія, столько протекло времени. Теперь фарса французская: Бонапарте проѣхалъ около Вильны тайно, подъ именемъ Коленкура. Тотчасъ молодой французъ, бывший въ Вильнѣ, сказалъ: „*ha! notre colin souge*“. Всѣ въ письмахъ называютъ меня Смоленскимъ, но я еще ничего не получилъ; видно, курьеръ ищетъ меня въ главной арміи, а я оттуда уѣхалъ къ арміи Чичагова; но сіе не на долго. Дня три назадъ было дѣло, гдѣ вѣрнко въ ногу раненъ Павелъ Гавриловичъ Бибииковъ. Сейчасъ получаю письмо твое отъ 17-го ноября и отъ Логина Ивановича, котораго очень, очень благодарю. Какъ описать ту радость, которую оказали виленскіе жители, особливо жида, которые во всей Польшѣ вели себя отмѣнно. Дѣтямъ благословеніе...

7-го декабря, Вильна. Сегодня, мой другъ, получилъ письмо твое съ Фигнеромъ и съ Рихтеромъ; въ сихъ послѣднихъ и письма отъ Катиньки и Дашеньки Тизенгаузеновой, въ письмѣ отъ ея дѣдушки. Катиньку цѣлую и благодарю, и письма ихъ отошлю къ Лизанькѣ. Слава Богу, остатки французской главной арміи перешли за Нѣманъ. Сему примѣру, надѣюсь, послѣдуютъ и цесарцы и Макдоналдъ.

Карлъ Двѣнадцатый вошелъ въ Россію также, какъ Бонапарте, и Бонапарте не лутче Карла изъ Россіи вышелъ; 380 тысячъ составляли

его корпусы, кромѣ Макдоналда; а что вывелъ? Благодарю за стихи Синелникова, есть мѣста прекрасныя; напиши пожалуйста, кто этотъ Синелниковъ? Надобно къ ему написать. Бѣдный Павелъ Бибииковъ *) безнадеженъ; не знаю какъ мать и жена перенесутъ. Дѣтямъ благословеніе...

10-го декабря, Вильна. Сегодня, мой другъ, государь прибылъ въ Вильну и очень веселъ; ко мнѣ несказанно милостивъ. Встрѣчи никакой не было; приѣхалъ въ вечеру и весь городъ тотчасъ иллюминировался. Сегодня же получено извѣстіе, что цесарцы изъ границъ вышли и Гродна занята. Я было и забылъ объ этомъ сказать какъ мелочь, и выходя вонъ, воротился и говорю бездѣлицу; однакоже забылъ сказать, Гродну вчерась заняли. Какъ мы избалованы: недавно, въ вечеру, привезли три знамя гвардейскихъ, и я уже отложилъ до завтра. Ко мнѣ прислалъ государь гофмаршала поздравить съ Георгіемъ перваго класса, но повозки отстали и еще не привезли. Теперь украшать меня уже нечѣмъ; придемъ украшать тебя. Гаврила Ильича дочь Софію пожаловалъ государь фрейлиной, и сейчасъ меня разбудили отъ государя, спросить, не хочу ли писать въ Петербургъ, что курьеръ ѣдетъ. Слава Богу, что Дашенькѣ (Опочининой) лутче. Дѣтямъ благословеніе..... Михайла Г. К.

13-го декабря, Вильна. Ты нѣсколько правду говоришь, мой другъ, что опасно, чтобы Вильна не была то, что Ганнибалу Капуа. Я первый разъ постлалъ постель, безъ которой обходился, и стану раздѣваться, чего не дѣлалъ во всю кампанію. Многіе генералы жалуются, что непокойна квартира; однако же я, съ помощію Божіею, скоро опять буду безъ постели, и генералы будутъ грѣться у огня. Вчерась день рожденія государя. Онъ не хотѣлъ праздновать, но я необходимо захотѣлъ праздновать дорогого именинника; молились Богу, палили изъ пушекъ, французскихъ, и ихъ порохомъ, и въ тѣхъ укрѣпленіяхъ, которыя они противъ насъ дѣлали. Государь у меня кушалъ, а вечеромъ былъ балъ прекрасной, и государь пробылъ часа три. Какую разницу дамы увидѣли между имъ и Бонапарте, и въ какомъ восхищеніи, и какъ онъ былъ хорошъ и любезенъ. Бакунинъ приѣхалъ. Увѣръ Варвару Ивановну, что за нимъ присмотръ будетъ, какъ за сыномъ. Нѣкоторое время продержу у себя; а послѣ, когда начнутъ дѣла, отдамъ на хорошія руки. Елисаветъ Ивановнѣ, на прекрасное ее письмо, еще не отвѣчалъ; но показывалъ знатокамъ, которые говорятъ, что однѣ женщины могутъ такъ прелестно писать, и такъ лас-

*) Братъ Дмитрія Гавриловича Бибиикова, отецъ княгини Елены Павловны Кочубей, бывшей за кн. Бѣлосельскимъ.

кательно. Александръ Семеновичъ прїѣхалъ, я прочелъ письмо твое и очень объ немъ думаю. Але. Сем. вчерась, забывшись, пробылъ у меня на балѣ до трехъ часовъ. Мнѣ скучно, что Дашенька все еще больна. Благодарю за чулки. Пришли еще, только потолще. Денегъ пришлю. Дѣтямъ благословеніе *).

14-го декабря, Вильна. Вчерась въ вечеру писалъ тебѣ, мой другъ, съ фельдъегеремъ, а сегодня ѣдетъ Воейковъ жениться. Посылаю письмо государя, за нѣсколько часовъ предъ прїѣздомъ его въ Вильну писанное. Пусть оно сохранится въ фамиліи нашей. Слава Богу, что Дашенькѣ полутче. Напишмъ кланяйса, Коцебу и маленькихъ дѣтей Боже, благослови ихъ всѣхъ.

(декабря, Вильно). Логгю Ивановичу скажи, что посылаю въ Петербургъ Обрескова; за всю дружбу его и еѣ благодарю. Вижу, что принимаютъ чистосердечное участіе въ моихъ дѣлахъ.

Прошу отдать отъ меня поклонъ господину Симсону и просить его исполнить мою просьбу... Вѣрный другъ.

Пожалуйста разгласи, что я еще ничего отъ госу. не имѣю объ Смоленскомъ князѣ, и для того не смѣю подписываться Смол.

. Vous êtes trop bonne, maman, de dire que la 3-ième de Wladimir est peu de chose; je ne l'ai pas reçu encore; au reste je m'en irai bientôt chez moi; je sers quand il y a du danger; dans huit jours je m'en vais. Nicolas Pt: Koudacheff**).

18-го декабря, Вильна. Сейчасъ ѣдетъ курьеръ. Заблаговременно никогда не знаю, и потому нѣтъ времени много написать. Александръ Семеновичъ (Шишковъ) кланяется. Я, слава Богу, здоровъ, а наипаче слава Богу, что совершенно здоровъ государь; только не бережется: ѣздитъ иногда въ госпитали, гдѣ французы тысячами лежатъ въ гнилыхъ горячкахъ и въ антоновомъ огнѣ. Мы его просимъ; но не слушаютъ ***)

23-го декабря, Вильна. Я, слава Богу, здоровъ; а лутче всего, тѣ, что здоровъ государь. Все идетъ по нынѣ благополучно. Вчерась взяли Мемель, и войска прусскія, бывшія съ корпусомъ Магдоналда,

*) Письмо интересно, ибо не существуетъ достаточно подробнаго описанія передаваемого здѣсь эпизода. И. Л.

***) (Переводъ)... Вы слишкомъ добры, говоря, что Владиміръ третій не много значить. Я его еще не получилъ. Впрочемъ, я скоро уберусь во свои; я служу пока есть опасности, черезъ недѣлю я уйду... Николай Кн. Кудашевъ.

***) Письмо это чрезвычайно важно тѣмъ, что подтверждаются сказанія французовъ о самоотверженіи государя, посѣщавшаго французскіе госпитали, гдѣ свирѣпствовалъ тифъ. И. Л.

отъ французовъ отдѣлились и остались съ нами въ Курляндіи. Скоро надѣюсь наши войски въ Кенигсбергѣ. Теперь, вотъ комиссія: донскіе казаки привезли изъ добычи своей сорокъ пудъ серебра въ слиткахъ, и просили меня сдѣлать изъ его употребленіе, какое я разсужу. Мы придумали вотъ что: украсить этимъ церковь Казанскую. Здѣсь посылаю письмо къ митрополиту и другое къ протопопу Казанскому. И позаботьтесь, чтобы письма были вѣрно отданы, и о томъ, чтобы употребить хорошихъ художниковъ. Мы всѣ расходы заплатимъ. А серебро отправляю съ донскимъ офицеромъ на наемныхъ. На другой день Рождества выступаемъ отсюда впередъ. Государь не занимается никакими забавами, и кушаетъ съ нами самъ-четверть. Услышишь, что ѣдетъ сюда Толъ, не удивляйся этому: я самъ этого хотѣлъ. Надобно все придумать. Ну, ежели со мною что сдѣлается, такъ кто-же будетъ? Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ Михайла Г. Ку.

Кудашева па сихъ дняхъ произведутъ.

29-го декабря. Мѣстечко Меричъ, на самой границѣ российской... Богъ продолжаетъ свою милость къ оружію нашему. Въ Кенигсбергѣ взято 8000 плѣнныхъ французовъ и 50 пушекъ осадной артиллеріи, которая готовлена было на Ригу. Я уже, кажется, писалъ, что пруссаки, которые были подъ Ригою, оставили французовъ. Дашеньку благодарю за письмо и Опочинина, Логина и Надежду, и за пророчество Даніила. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ. М. Г. К.

Сообщ. Ѳ. К. Опочининъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ*).

Возпристрастный взглядъ на южный берегъ Тавриды и на его произведенія.

1842 г.

I.

Не все, что говорится, или пишется съ добрымъ намѣреніемъ бываетъ принято благосклонно. Но это еще не должно останавливать благонамѣреннаго человѣка. Ибо онъ не долженъ имѣть никакой личной цѣли. Къ тому-жь, мнѣ отъ роду уже 70 лѣтъ: поздно ожидать награды или осужденія!

Да будетъ это вмѣсто эпиграфа, или предисловія къ тому, что я имѣю сказать!

Не стану дѣлать картинъ, ни каталоговъ произведеній природы. Южный берегъ классическаго полуострова, пріобрѣтеннаго Екатериною по мановенію еще Великаго Петра, описанъ достаточно въ разныхъ отношеніяхъ. Габлицъ уже, Палласъ, Сумароковъ, Муравьевъ-Апостолъ обозрѣвали его, не говоря о новѣйшихъ писателяхъ, между которыми нынѣшняго академіка Кеппена должно преимущественно благодарить за Крымскій Сборникъ и при немъ изданную карту. Всякій отгадаетъ, что послѣдними и наилучшими описаніями обязаны мы распоряженіямъ единственнаго въ своемъ званіи генераль-губернатора ви. М. С. Воронцова, такъ какъ первымъ описаніемъ 1787 года, распоряженію князя Потемкина-Таврическаго. Исторіи представляю сдѣлать параллель двухъ сихъ великихъ мужей, изъ кото-

*) «Русская Старина» представила на своихъ страницахъ много неизданныхъ трудовъ В. Н. Каразина, замѣчательнаго общественнаго дѣятеля въ первыя десятилѣтія настоящаго вѣка. (см. «Русск. Стар.» т. II, стр. 307 и 532; изд. 1871 г. т. III, стр. 16 и 326; т. IV стр. 68).

Предлагаемъ нынѣ записку, оконченную имъ за нѣсколько дней до смерти и обязательно сообщенную его почтеннымъ сыномъ Ф. В. Каразинимъ.

Ред.

рыхъ каждый выражаетъ въ своей особѣ просвѣщеніе и потребности своего вѣка, равно какъ и духъ своихъ государей.

Теплый сей уголокъ Россіи, занимающій менѣе пятидесятой части губерніи, къ которой онъ принадлежитъ, имѣетъ свои достоинства. Противуположность на одномъ горизонтѣ заоблачныхъ скалъ Яйланскаго хребта, безпредѣльной равнинѣ моря, одна уже плѣняетъ воображеніе при 44° широты. Ничего подобнаго не находится ни въ Швейцаріи, прославленной за свои виды, ни въ Италіи. Но напрасно равняютъ этотъ берегъ съ послѣднею странюю, которая, обята бывъ Средиземнымъ моремъ и чрезъ него прикасаясь къ Африкѣ, лежитъ не только западнѣе (что многимъ умягчаетъ температуру), но и южнѣе; которая производитъ апельсины и лавримакриси, производи вмѣстѣ на своихъ долинахъ и рисъ и пшеницу для продовольствія жителей. Здѣсь, только винодѣліе можетъ процвѣтать и развѣ въ помощь ему, на отлогости тѣхъ же горъ, но выше ярусомъ, въ опустошенныхъ татарами лѣсахъ, обратившихся въ вѣчные кустарники, скотоводство. И жаль, что имъ не занимаются. Навозъ, въ устроенныхъ надъ виноградниками дворахъ (ибо въ стойлахъ, по мягкости климата, нѣтъ надобности) могъ бы служить къ удобренію земли подъ лозами. Если берегутъ эти жалкіе кусты въ чайніи воскресить истребленные лѣса, то на это потребны цѣлые вѣка на здѣшнихъ едва проникаемыхъ для корней скалахъ и при здѣшнихъ засухахъ, жгучихъ тѣмъ болѣе, что косогоры обращены къ полуденному солнцу. Это не Украина, съ ея рыхлымъ и сочнымъ черноземомъ, гдѣ чрезъ 30 лѣтъ выравнивается со старымъ лѣсомъ вырубленная заповѣдная полоса!.. *). Скотина охотно питается листьями и молодыми вѣтвями кустарниковъ, не повреждая старыхъ и ихъ кореньевъ; въ подспорье-же весною и осенью будетъ ѣсть прозябающую не рѣдко траву. Скотъ приличнѣе всего заимствовать изъ Тироли и Швейцаріи, гдѣ такія-же горы и такіе-же кустарники. При достаточномъ огражденіи виноградниковъ (что и теперь большею частію уже есть) свиньи даже могли-бы быть пропитаны желудами и погибающими теперь многочисленными дикими ягодами, яблочками и грушами, сами собирая ихъ безъ трудовъ человѣка; такъ-какъ дворная птица **) сбе-

*) Лучше беречь сохранившіеся еще сколько-нибудь лѣса прилежнѣе. Вотъ поступаетъ, какъ слышно, и сбереженный Мордвиновымъ лѣсъ въ казенное вѣдомство. Надобно, безъ потери времени, обратить на него вниманіе! Посѣтивъ Ялту съ 1836 года, чрезъ пять лѣтъ, я примѣчаю большое прорѣдѣніе въ нависшихъ надъ нею борахъ.

**) У которой одно крыло. По извѣстной причинѣ, должно подстригать и держать её лѣтомъ въ просторныхъ сараяхъ.

регаемыми зернами отъ выжимковъ послѣ переработки сихъ послѣднихъ на водку и укусъ. Все это теперь полувисохшее, полуразрушенное глѣниемъ, бесполезно сплываетъ или уносится вѣтрами въ море. Не худо обращать подобнымъ же образомъ въ пользу и отруби изъ муки, употребляемой людьми, коихъ тысячи или живутъ здѣсь постоянно, или приходятъ сюда на работу. Гряды морской капусты (*stambe maritima*), занимая самый послѣдній ярусъ къ морю, безъ вреда перенося брызги волнъ, также могла бы служить въ пользу скотоводства. Я видѣлъ ее однажды здѣсь дикую, если не ошибаюсь. Между тѣмъ, со временемъ, при распространеніи мореплаванія на Черномъ морѣ (о чемъ столько заботится здѣшнее главное начальство), Херсонская губернія и Анапскія окрестности будутъ дополнять запасы. Да что-жъ мѣшаетъ на зиму, или въ засуху, иной скотъ и перегонять въ сѣверную степную часть? Это дѣлалось и еще дѣлается въ другихъ земляхъ. Самые татары въ прежніе вѣка имѣли хутора свои на равнинахъ даже до Ворскла и Дона.

II.

Я началъ, безъ дальняго соображенія, съ четвероногихъ; а слѣдовало-бы говорить прежде о благородныхъ созданіяхъ Творца. Къ нимъ теперь обращаюсь.

Доселѣ, чрезъ 60 лѣтъ, т.-е. чрезъ цѣлыя два поколѣнія, не вижу и никакого приступа къ обрусенію грубыхъ татаръ, которые, особливо многочисленны между ними цыгане, вѣрьте, не много дорожатъ и своею религіею, едва-едва понимая ее, равно какъ ограждающую ее терпимость. Это не турки! Они чужды фанатизма. Одни глухие муллы поддерживаютъ ислаизмъ изъ корыстныхъ для себя видовъ, вѣрьте,—ибо рѣдкіе въ числѣ ихъ понимаютъ по-арабски писанный алкоранъ: они читаютъ его безъ смысла, какъ поцугаи, и то съ неправильнымъ произношеніемъ. Заведеніемъ школъ, воспитаніемъ отличившихся въ нихъ, для того чтобъ мало по малу готовить ихъ въ муллы, а послѣ чрезъ нихъ дѣйствовать, представленіемъ имъ обрядовъ нашей церкви съ занимательной для нихъ стороны, приглашеніемъ ихъ для сего въ праздникамъ нашимъ*), и прилич-

*) Что уже само собою вводится: въ Симферополѣ, напр., въ святки, около качелей гуляютъ татары на ряду съ нашими. Mais il faut que le tout soit impromptu! Я съ сожалѣніемъ замѣтилъ на Яттинской колокольнѣ, вмѣсто нашихъ старомосковскихъ колоколовъ, колокольчики, надъ дребезжаніемъ которыхъ, при неискреннихъ звонильщикахъ, смѣются татары. А это вѣдь и есть тамъ одна церковь представительница нашей религіи для народа!

нымъ, умнымъ (не фанатическимъ!) содѣйствіемъ нашего духовенства, заочиниваніемъ браковъ татарокъ съ русскими, совѣтами начальниковъ ими уважаемыхъ, даваемыми пзрѣдка, но мѣтко и убѣдительно, можно-бы было сдѣлать чудесное впечатлѣніе на этихъ людей въ только продолжительное время. Поколѣніе-другое, много-что третье! а четвертое очутилось-бы христіанскимъ и русскимъ. Князя Юсуповы, наприм., развѣ не татарскаго происхожденія? Но кому изъ нихъ можетъ придти въ мысль возстановленіе казанскаго царства? Или князя Дундуковы помышляютъ-ли возвращаться въ калмыцкія степи? Тысячи фамилій подобныхъ съ давнихъ лѣтъ усвоены Россіи и еще усвоятся сильнѣйшимъ тѣмъ изъ всѣхъ сочувствій, которое римляне глубокомысленно назвали Religio*). Терпимость вѣрѣ, отличающая наше правительство, конечно святая вещь. Кто это оспориваетъ? Но тихое привлеченіе къ единовѣрью, скрѣпляющему политическіе союзы на вѣки, терпимости не противорѣчить. Есть средина между религіознымъ фанатизмомъ и религіознымъ равнодушіемъ. Послѣднее не согласуется даже съ государственною пользою, независимо отъ высшихъ побужденій. Извѣстно-ли въ лучшемъ кругу, что татары мечтаютъ промежь себя (конечно не такъ рѣзко, какъ, наприм., помѣщики западныхъ нашихъ губерній, но мечтаютъ), что придетъ время, когда прежній ихъ бытъ возстановится? Вотъ почему нѣкоторые изъ нихъ охотно продавали свои земли. „Возьмемъ-де теперь деньги; а придетъ время: опять наше будетъ!“

Вообще встаетъ сказать, у насъ въ Россіи слишкомъ мало обращаютъ вниманія на слова Спасителя, представляющія глубочайшій смыслъ: „и будетъ едино стадо и единъ пастырь!“ Колонисты всѣ составляютъ особь-статью, status in statu: какъ-бы имъ во вѣки не должно ни подъ какимъ видомъ, ни въ какомъ отношеніи ни допускать къ себѣ русскихъ, ниже съ ними соединяться! Къ чему, кажется, всѣ и мѣры взяты. Я жилъ лѣто 1820 года въ Павловскѣ (близъ Петербурга), и очень часто бесѣдовалъ съ финнами. Они почти всѣ готовы принять православное исповѣданіе. Лютеранскіе пасторы, которыхъ, по собственному ихъ выраженію, „имъ навязываютъ“, болѣе чужды ихъ сердцамъ, нежели наше духовенство. Я увѣренъ также, что еслибъ то, что благополучно совершенно зрѣлою мудростію нынѣшняго царствованія въ 1839 году, а именно восприсоединеніе униатовъ, было произведено ранѣе, по всеподданнѣйшему моленію моему еще въ 1806 и 1807 гг. блаженной памяти государю императору, то не было-бы отступничества и кровопролитій 1831 года!

*) Какъ-бы воссоединеніе.

О, если Крымъ сдѣлается вполне русскимъ, то тогда поволѣніе татаръ, потерявъ свой нынѣшній характеръ дикости и беззаботной лѣни, представитъ плоды истинной людскости, я разумѣю христіанства! Исторія доказываетъ какъ день, что эта то религія и есть религія просвѣщеннаго домоводца, друга всѣхъ людей, между тѣмъ, какъ прочія принадлежатъ дикарю, презрителю остальнаго человечества, или разбойнику. Провидѣніе, кажется, и ведетъ къ тому, чтобъ ихъ изгладить отъ лица земли. Германскій философъ Баадеръ указываетъ на Россію и на ея исповѣданіе, безъ сомнѣнія просвѣтленное *), какъ на руководителей человечества въ грядущіе вѣка. И я этому отъ всего сердца вѣрю!

III.

Третій предметъ, о которомъ слѣдуетъ говорить, есть винодѣліе: избранный предметъ и правительства и многихъ частныхъ людей, предметъ, по которому министръ предоставилъ мнѣ сдѣлать здѣсь опыты по собственной моей идеѣ **). Специальныя шеолы и болѣе ста экономій посвящены ему. Въ цѣлой Россіи говорятъ о крымскихъ винахъ. Ждали столько лѣтъ, что они замѣнятъ намъ иностранныя; а наконецъ почти ждать перестали. Возникло къ нимъ недовѣріе. Они залегли въ погребахъ хозяевъ. Упали и охота производить ихъ и цѣна виноградниковъ, или мѣстъ для нихъ пригодныхъ. Нѣсколько причинъ есть такой невзгодѣ. Первая, конечно, неумѣніе обращаться съ виноградомъ, и ошибки въ выпискѣ изъ-за границы знающихъ винодѣловъ, или упорство безъ нихъ обходиться, употребляя собственныхъ (крѣпостныхъ) людей изъ внутренности Россіи, и грековъ и татаръ, равно не имѣющихъ никакого понятія о нынѣшнемъ состояніи винодѣлія въ Европѣ. Вторая причина скоростежное открытіе погребовъ съ южно-бережными винами, не только въ большихъ торговыхъ городахъ, каковъ, напр., Харьковъ, но и въ обшнихъ столицахъ***). Проданныя изъ нихъ (увъ, какъ будто образчикъ!) слишкомъ молодья, или неискусно-сдѣланныя вина не соответствовали ожиданію

*) Т.-е. не въ нынѣшнемъ его состояніи, особливо у черки. В. Е.

***) Идея эта состояла въ томъ, чтобъ предохранить выжатый виноградный сокъ отъ воздуха, чрезъ что броженіе будетъ происходить безъ улетучиванія спиртуозныхъ и ароматическихъ частицъ. Сдѣлавъ у себя дома опытъ, оказавшійся удовлетворительнымъ, В. Н. предложилъ мысль свою правительству, которое и просило его поѣхать въ Крымъ для произведенія опытовъ въ большихъ размѣрахъ. Тамъ-то и написана эта статья. Чѣмъ кончились опыты и какимъ именно способомъ В. Н. предохранялъ виноградный сокъ отъ воздуха, объ этомъ не мѣсто здѣсь рассказывать.

***) Не надо забывать, что это писано 30 лѣтъ тому назадъ.

публики; а особливо проданныя изъ рукъ промышленниковъ, которые съ тѣмъ же объявленіемъ въ газетахъ и на вивѣскахъ пустились сбывать дурныя бессарабскія и молдавскія, даже и разными ими поддѣланныя вина. Недовѣрчивость усилилась еще надеіемъ компаніи, которая вѣдалась-было поправить сіе положеніе вещей. Третьею причиною можно допустить заговоръ иностранныхъ погребщиковъ пользоваться этими ошибками, разслабляя негодность крымскихъ винъ, отрицаясь даже принимать ихъ въ свои погреба, дабы, какъ связываютъ они, не подорвать къ себѣ и своимъ винамъ существующей довѣренности *).

Единственными средствами исправить это дѣло кажутся мнѣ слѣдующія: 1) Не выписывать винодѣловъ изъ Франціи наприм., но вызывать ихъ. Выразиться подробнѣе. Люди вообще плохо исполняютъ порученія. Къ кому-бы кто ни отнесся (положимъ хоть къ посланнику, или другому агенту своей державы), можно-ли предполагать, что этотъ комиссіонеръ, живущій за двѣ-три тысячи верстъ, занятый совсѣмъ другою обязанностию, возьметъ всѣ нужныя мѣры, чтобы отыскать и уговорить къ отъѣзду въ такую даль наилучшаго человѣка, т.-е., именно того, который надобенъ? Много-много, что онъ передастъ это порученіе кому-нибудь свѣдущему въ семь дѣлъ. Но и этотъ свѣдущій будетъ-ли имѣть усердіе и досугъ? Отправится-ли онъ самъ на мѣсто? Будетъ-ли съ терпѣніемъ пересматривать, выбирать людей? Скорѣе всего, возьметъ представляющихся, или слѣпо оснуется на рекомендаціи **). Я желалъ-бы, чтобы кто-либо изъ умныхъ путешественниковъ нашихъ самъ рѣшился, не спѣша, не развѣзжая большимъ баринномъ, обзрѣть извѣстнѣйшія мѣста винодѣлія въ чужихъ краяхъ. Присмотрѣлся-бы къ работамъ, замѣтилъ-бы опытнѣйшихъ, съ дарованіями и чувствомъ чести молодыхъ подмастерьевъ, приобрѣвшихъ уже уваженіе своихъ мастеровъ. Лучшимъ изъ такихъ, наединѣ, предложилъ-бы мѣсто въ Россіи съ извѣстными выгодами, обѣщавъ сверхъ жалованья, наприм., нѣкоторое участіе въ прибылѣ. Тогда-бы можно было ожидать успѣха! Разумѣется, что климатъ климату, мѣстоположеніе мѣстоположенію, почва почвѣ рознь. Еще и эти надежныя винодѣлы должны будутъ безъ предразсудковъ примѣняться къ мѣстности; не спѣшить и продажею. Тогда, наконецъ, мы могли-бы имѣть свои вина!.. свои, замѣтьте! не называемыя, въ издѣвку надъ правдою, именами выписанныхъ лозъ (!),

*) Въ семь заговоръ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ подозрѣваютъ винодѣла, или справедливѣе винофабриканта, Крича. В. К.

**) Бочари, театральные фигуранты и т. п. люди пріѣзжали изъ Франціи, выдавая себя за винодѣловъ, на южный берегъ! В. К.

но именами мѣстъ южнаго берега, гдѣ они производятся, или ихъ козлевъ *). Ибо всякое растеніе, а тѣмъ паче столь нѣжное и многосложное какъ виноградъ, измѣняется отъ мѣстности **) и времени. Оно не будетъ уже одинаковымъ съ первобытнымъ нѣмъ своей отчизны. Очень можетъ статься, что подъ испытующимъ окомъ химіи и другихъ естественныхъ наукъ мы современемъ достигнемъ до совершенныхъ и намъ только свойственныхъ произведеній, которыя съ жадностію пожелаетъ имѣть отъ насъ и прихотливая Европа, и поблагодаритъ насъ за эти новыя предметы коммерціи и роскоши.

По истинѣ, гдѣ и должны быть лучшія вина, какъ не въ Россіи? Царство это владѣетъ нынѣ помѣстьемъ Ноя, первобытнаго воеводителя сердце-веселящей лозы. Я умру съ увѣренностію, что вина Кахетинскія и другія восточнаго берега Чернаго моря будутъ нѣвогда вывозиться какъ лакомство въ Европу и прочія страны. Ибо, что можетъ замѣнить природу? Творецъ произвелъ виноградъ именно въ сихъ странахъ, такъ какъ произвелъ въ другихъ сахарный тростникъ и хлопчатую бумагу. Тамъ суждено сдѣлаться произведеніямъ совершеннѣйшими, гдѣ онѣ имъ насаждены ***). Здѣшнимъ виноградникамъ вѣроятно предоставлено снабдить тѣ счастливыя, пальмами осѣненные холмы, сверхъ воздѣлываемыхъ тамъ азіатскихъ, европейскими переработанными народами. Тамъ онѣ, конечно, еще разъ измѣнятся, но не въ худшія, какъ нынѣ здѣсь.

2) Залегшія въ погребахъ вина, начиная съ Магарачскаго казеннаго, можно-бы испытать отправить на Ирбитскую ярмарку. Къ сему представляютъ удобность Таганрогъ, Донъ и Волга. Потребенъ только, сверхъ свѣдущаго дегустатора (Jürrer) при отпускѣ ихъ, честный коммисіонеръ и нѣсколько денегъ, которыя можно отдѣлать въ заемъ изъ капитала сельской промышленности. Транспортъ этотъ, котораго не нужно уже будетъ повторять, великое впечатлѣніе произведетъ въ матушкѣ-Сибири! Она, какъ извѣстно, патриотка болѣе всего западнѣйшаго ея края Россіи; а доселѣ пьетъ вина фабрикованныя, подъ названіями французскихъ, рейнскихъ, испанскихъ и т. д., платя за нихъ очень дорого и обогащая совершенныхъ негодяевъ (le rebait

*) Пускай и съ добавленіемъ: такой-то породы!

В. К.

**) Т.-е. почвы, экспозиціи, и пр. Графъ М. С. называетъ свои вина просто Массандрское, Алушанское бѣлое, красное и т. д.; не иначе должно быть и въ печатныхъ ярмыкахъ, о которыхъ сказано будетъ ниже. В. К.

***) Напрасно думаютъ, что видныя на южномъ крымскомъ берегу въ гѣсахъ лозы суть дикія. Они только одичали, и, равно какъ старія масличныя деревья, свидѣтельствуютъ о прежнихъ греческихъ садоводахъ, ихъ перенесшихъ изъ южнѣйшихъ мѣстъ: подобно, какъ кипарисы водворены въ недавнее время. В. К.

des commerçants). Словомъ: правительству, тому-же, споспѣшествующему у насъ во всемъ, правительству слѣдуетъ заняться несчастными винодѣлами южнаго берега, которые, истративъ капиталы свои, безъ того будутъ разорены; и вѣтъ сія хозяйства—или на долго ванѣмѣть, или обратится въ монополію нѣсколькихъ лицъ.

3) Потребенъ строгій законъ противъ поддѣлокъ всякаго рода. Вино не должно быть выпускаемо изъ погребовъ иначе, какъ со свидѣтельствомъ хозяевъ и за ихъ печатью. Въ большихъ торговыхъ городахъ, гдѣ оно продается, должны быть пробы въ особомъ погребѣ за печатью-же хозяевъ и подъ замкомъ городской Думы. Всякій сосудъ, большой и малый, долженъ имѣть наклеенный ярлыкъ съ показаніемъ винодѣлателя, его гербомъ и съ означеніемъ точнаго мѣстнаго названія вина и его качества. Наклеиватели фальшивыхъ ярлыковъ на сосуды должны быть наказываемы такъ, какъ поддѣлыватели чужихъ печатей и подписей. Даже самая безвредная поддѣлка не должна быть терпима. Пора выводить у насъ всякій обманъ изъ торговли! Она оттого-то и не очень благоденствуетъ въ Россіи. „Авось и какъ-нибудь“ самыя погубительныя русскія изреченія. Ихъ должно сослать въ прежніе вѣки, куда они принадлежатъ.

Остается еще упомянуть о школахъ виноградарей.

Чего, подлинно, не дѣлаетъ для насъ благомыслящее наше правительство! Но и о его уставахъ и твореніяхъ то же можно сказать, что Руссо вначалѣ своего Эмиліа сказалъ о твореніяхъ Божіихъ: „tout est bien, sortant de la main de Dieu, tout dégénère dans les mains des hommes“. Магарацская школа учреждена въ 1828 году. Какъ-же въ 14 лѣтъ изъ 60 или болѣе учениковъ, не вышло еще ни одного отличнаго садовника? Безотвѣтнымъ доказательствомъ тому, что и въ нынѣшнемъ году, при отставкѣ Никитскаго садовника Гуле на его мѣсто опять выписанъ саксонецъ. Училища заводятся для того, чтобъ имѣть своихъ способныхъ людей. Я видѣлъ учениковъ, которые, не имѣя ни малѣйшаго дарованія къ своему дѣлу, бесполезно ѣдятъ казенный хлѣбъ. Имъ должно оставаться на вѣкъ мужиками и давно-бы ихъ должно возвратить мѣстамъ откуда они. Видѣлъ другихъ, очень даровитыхъ и жадныхъ къ познаніямъ молодыхъ людей, но и эти продолжаютъ многіе годы работать заступомъ, точно такъ, какъ и первые, какъ и едва только принятыя ученики. Правда, что зимой или вечерами, когда нечего копать и садить или выжимать, они занимаются грамотой по своей собственной охотѣ, другъ у друга перенимая и иностранную кое-какъ. Но и все тутъ! Вниманія на ихъ умственные способности и нравственность не обращаютъ. Нѣтъ имъ

какого-бы то ни было, ни ботаническаго, ни всякаго другаго учебнаго наставленія. Нѣтъ ни одобренія, ни экзаменовъ даже. Дѣльно-ли это?.. Они-де люди происхожденія низкаго. Но развѣ бароны выписываются къ намъ изъ Германіи, въ ученые садовники? Я бы помирился хоть на томъ, чтобы на мѣсто Гуле (который въ 10 разъ былъ достойнѣе нынѣшняго садовника) приглашенъ былъ изъ русскаго университета (наприм., ближайшаго харьковскаго) отличившійся какой, по ботаникѣ и садоводству, студентъ, или кандидатъ, чтобы заступитъ это мѣсто, приготовившись въ нему подъ руководствомъ выписнаго, или самаго г. директора. И кто изъ бѣдныхъ, казеннокоштныхъ студентовъ особенно, не будетъ радъ 2.400 р. жалованья? Но выписывать, и все выписывать продолжать до скончанія міра!... Мы по университетамъ можемъ судить, чего желаетъ нашъ благонамѣренный Государь. Отдавая всю справедливость нѣкоторымъ господамъ *) (разсужденіе это не доносъ!), я желаль-бы, чтобы они столько обжившись въ Россіи, приобрѣли наконецъ привязанность къ ней и то доброжелательство, которое даетъ цѣну просвѣщенію. Эти люди питаютъ ко всему русскому какое-то непріязненное чувство, въ которомъ сами себя отчета отдать не въ состояніи **).

Издерживаются 15 т. руб. на Никитскій садъ и его винодѣльное училище, и за это отправляется ко двору ежегодно 50 боченковъ винограда—изъ 50-ти тысячъ кустовъ!.. Правда, въ прошедшемъ году въ первый разъ послано 300 бутылокъ посредственнаго вина. (Между тѣмъ какъ бездна превосходныхъ фруктовъ, которые и свѣжіе и въ сахарѣ, и въ наливкахъ и въ укусѣ, могли-бы быть доставляемы, или обращаться въ продажу, невидимо исчезаютъ). Казалось-бы съ 1812 года, когда первое изъ сихъ заведеній началось, въ 30 лѣтъ можно ожидать что-нибудь значительнѣе, если-бъ кто занимался въ этомъ мѣстоположеніи, необыкновенномъ въ нашемъ отечествѣ, съ русскимъ сердцемъ.

Магарачское казенное заведеніе. 28-го окт. 1842 г.

Сообщ. Ф. В. Караваичъ.

*) Въ оригиналѣ замарано: Стевену и Гартвису.

Ред.

***) Одинъ анекдотъ изъ множества: сторожъ казеннаго погреба и гѣса живеть лѣто и зиму въ складенномъ имъ, за межою, своими руками дымномъ, грязномъ, полупрозрачномъ шалашѣ, потому только что онъ русскій солдатъ. Для чего-бы не построить ему порядочной избѣ, гдѣ бы онъ могъ обзавестись и семействомъ?

В. Е.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей
П. Ф. Карабановичъ.

VII *).

Царствованіе Екатерины II.

(продолженіе).

98.

Императрица Екатерина въ кабинетъ приказываетъ извѣстному обжорѣ Адаму Васильевичу Олсуфьеву, по какому-то обстоятельству, мнѣніе ея объяснить на бумагѣ и замѣчаетъ, что онъ безпрестанно подчеркиваетъ, сказала:

— „Что съ тобою дѣлается! Ты всегда такъ свободно управляешь перомъ?“

— Государыня! отвѣчаетъ Олсуфьевъ, я голодный, писать не могу, а въ каретѣ окорокъ ветчины, устрицы и портеръ.

— „Такъ вели принести сюда, а я выйду и потомъ займуся дѣлами“, довершила Екатерина.

(Отъ потомковъ Олсуфьева).

99.

Екатерина зимою сдѣлалась нездорова и лейбъ-медикъ Рожерсонъ предложилъ лекарство. Она воспротивилась сказавши:

„Лекарство помѣшаетъ моимъ занятіямъ, довольно и того, что посмотрю на тебя“.

Рожерсонъ, зная ея упорство, предложилъ прокатиться въ саняхъ. Государыня согласилась, почувствовала облегченіе и провела покойную ночь, но на другой день къ вечеру головная боль снова

*) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583 — 587; 685 — 696; изд. 1872 г., т. V, стр. 129—147; 457—468.

возобновилась. Марья Савишна Перекусихина предложила санную прогулку.

„Хорошо одинъ разъ, отвѣчала Екатерина; скажутъ: какая дура, по ночамъ катается, и подумаютъ когда ей заниматься дѣлами“.

(Отъ Перекусихиной).

100.

Тобольскій губернаторъ Ѳедоръ Глѣбовичъ Нѣмцовъ *), несправедливо дѣйствуя, обогатился незаконными средствами.

Лейбъ-гвардіи коннаго полка офицеръ Григорій Михайловичъ Осиповъ **) отправленъ былъ императрицею для изслѣдованія... По возвращеніи его въ Петербургъ, Екатерина разсматривая слѣдственные бумаги и дѣлая вопросы съ замѣчаніями, сказала:

„Желаю знать ваше мнѣніе?“

Осиповъ, спасая Нѣмцова доложилъ ей: — „Вашему императорскому величеству дозвольте припомнить — не види въ судъ съ рабомъ твоимъ (изреченіе царя и пророка Давида).“

Екатерина похвалила его мнѣніе и сказала:

„То накажемъ сановника ссылкою въ его тверскую деревню“.

Впослѣдствіи окружающимъ сказала: „Осиповъ подаетъ надежду быть истиннымъ слугою“.

Онъ сначала былъ тобольскимъ, потомъ тверскимъ губернаторомъ, а наконецъ смоленскимъ генералъ-губернаторомъ и, дѣйствуя съ честью, заслужилъ ея довѣренность.

(Отъ дѣйствит. тайн. сов. Осипова).

101.

Екатерина, на святой недѣлѣ, разговаривая съ Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ, сказала:

„Знаешь ли, что старухи не любятъ и злословятъ меня, а голодное состояніе еще болѣе располагаетъ къ гнѣву и досадѣ, то уже на прошедшей недѣлѣ не пощадили; но теперь, удовольствовавшись пищей и вмѣстѣ съ ней освободясь отъ индигестіи, должны успокоиться.“

(Отъ Архарова).

*) «Со властію губернаторскою бригадирскаго ранга Нѣмцовъ», какъ онъ самъ подписывался. См. Максимовъ: «Сибирь и каторга», III, 10. Ред.

**) Осиповъ въ юлѣ 1762 г. изъ вахмистровъ конной гвардіи произведенъ въ корнеты 25 октября 1774 г., назначенъ въ чинѣ ротмистра состоятъ въ командѣ Потемкина. 22 сентября 1775 года пожалованъ въ оберъ-крюгъ-коммисары и выбылъ изъ полка. Генералъ-поручикъ съ 6 февраля 1790. При вступленіи Павла на престолъ переименованъ въ тайные совѣтники, — потомъ (28 октября 1798 года) пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, уволенъ 15 января 1801 г. Въ Карабановскихъ спискахъ онъ названъ Григоріемъ Ивановичемъ. Д.

102.

Открылась посланническая вакансія у Дрезденскаго двора. Князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій *) чрезъ многихъ домогался сего мѣста. Государыня сказала князю Потемкину, что она не любитъ опредѣлять въ должностямъ, не зная лично, что о Бѣлосельскомъ судить не можетъ и чтобъ онъ письменно съ ней объяснился. Князь Александръ Михайловичъ, не выходя отъ Потемкина, начерталъ на французскомъ языкѣ просительное письмо и столь удачное, что Екатерина сказала:

— Не должно отказывать тому, кто такъ хорошо изъясняетъ свои мысли.

103.

Когда государыни предложили, на открывшуюся вакансію московскаго губернатора, опредѣлить Николая Ефимовича Мясоѣдова**), она сказала:

— Не оскорбляя его имени, думаю, что губернаторъ въ Москвѣ долженъ быть человѣкъ, извѣстный и знаменитаго рода, а не рядовой дворянинъ. Она назначила князя Петра Петровича Долгорукова***).

104.

Имперскій фельдмаршалъ принцъ де-Линь при дворѣ Екатерины II былъ въ числѣ избранныхъ и сопутствовалъ ей въ Тавриду. Государыня, вѣдая любопытство, съ какимъ онъ осматривалъ достойные предметы, часто разспрашивала его о многомъ. Случилось ему придти поранѣе другихъ въ эрмитажъ; императрица, шутя съ нимъ, спросила:

— Гдѣ былъ и что видѣлъ.

— „Сегодня я восхищался кадетскимъ корпусомъ и Обществомъ благородныхъ дѣвицъ, отвѣчалъ принцъ, но думаю, что можно бы соблюсти пользу съ экономіею.

— Какъ? спросила Екатерина.

— „Помѣстить ихъ въ одномъ зданіи и назначить для двухъ по одной кровати.

Государыня, усмѣхнувшись, сказала:

*) Род. 1752 г., ум. 26 дек. 1809 г. (во 2-мъ бракѣ женатъ былъ на Аннѣ Григорьевнѣ Козицкой, дочери статсъ-секретаря, Григорія Васильевича Козицкаго.

**) Род. 1750 г., дѣйств. тайн. совѣт. 12 дек. 1807 г., ум. 5 августа 1825 г.

***) Кн. Петръ Петровичъ Долгорукой род. 18 мая 1744 г., 30 дек. 1799 г. генералъ отъ инфантерій; ум. 25 февр. 1815 г.

— Предложите по старшинству вашей императрицѣ, если она согласится, тогда ей послѣдую.

105.

Во время пребыванія Екатерины II въ Москвѣ, за малымъ числомъ классныхъ чиновъ, отставные генералы приглашались на обѣды во дворецъ. По тогдашнему обыкновенію государыня, называя всѣхъ по имени и отчеству, подошла къ генераль-маіору Шестакову и спросила:

— Федоръ Матвѣевичъ, гдѣ вашъ домъ?

— „У Сергія, государыня“ (т.-е. на Большой Дмитровѣ), былъ его отвѣтъ.

— Да гдѣ же этотъ Сергій? продолжала она.

— „Противъ моего дома“ довершилъ простой генераль.

— Лучше бы не спрашивать, въ полголоса сказала государыня, отойдя отъ него.

(Отъ Николая Ефимовича Мясоѣдова, дѣйстви. тайн. совѣтника и сенатора).

106.

Во время годичнаго пребыванія двора въ Москвѣ, нерѣдко, въ то время, приглашали ко двору на обѣдъ не только служащихъ, но и отставныхъ генераловъ.

Императрица подошла къ отставному генераль-маіору Федору Михайловичу Шестакову и сказала:

— Я васъ до сихъ поръ (когда онъ былъ представленъ) почти не знала.

— „Да, матушка государыня, и я не зналъ васъ“, отвѣчалъ онъ простодушно.

— Вѣрю, возразила она, какъ и знать всякую вѣду.

107.

Баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ*), изъ числа лицъ составлявшихъ общество Екатерины, имѣлъ позволеніе приѣзжать въ Царское Село, въ назначенныя для него комнаты; онъ былъ извѣстный любитель музыки, то и находилъ тамъ готовые инструменты, съ приличными нотами. Вѣтви отъ нѣкоторыхъ деревьевъ передъ его окнами закрывали виды и ему показалось возможнымъ сру-

*) Сынъ барона Ивана Антоновича, былъ впоследствии дѣйстви. тайн. совѣтн., медицинской коллегіи президентомъ и кавалеромъ св. Александра Невскаго. Женатъ былъ на принцессѣ Бронъ, объ которой Екатерина такъ много говоритъ въ своихъ Запискахъ (русск. изд., Лондонъ 1859 г. стр. 91, 142, 180, 181 и 253). Д.

бить оныя, чего императрица не любила и сейчас замѣтила; она во время его отлучки входитъ въ его комнаты; разстроивъ инструменты и переѣшавъ ноты, удаляется. Черкасовъ отъ удивленія и досады внѣ себя. Наконецъ происшествіе объясняется и Екатерина со смѣхомъ сказала:

— Теперь вы понимаете, что досадно видѣть беспорядокъ въ любимыхъ вещахъ, и научитесь быть осмотрительнѣе.

108.

Екатерина, за какую-то неисправность, приказала своему камердинеру сдѣлать выговоръ истопнику, человѣку извѣстному своимъ поведеніемъ. Императрица, занявшись дѣлами въ своемъ кабинетѣ, чрезъ нѣсколько времени звонить въ колокольчикъ и спрашиваетъ объ истопникѣ.

— „Онъ уже наказанъ, матушка государыня“, отвѣчаетъ камердинерь.

— Что вы съ нимъ сдѣлали? спрашиваетъ государыня.

— „Отосланъ въ военную коллегію для помѣщенія въ военную службу“, отвѣчаетъ камердинерь.

— И слышать не хочу, продолжала Екатерина; за что такое жестокое наказаніе! Пошли за нимъ.

Чрезъ нѣкоторое время случилось тому подобное; государыня, встрѣтилась съ истопникомъ, который отъ страха поспѣшно удался. Екатерина, войдя въ комнату Марьи Савишны Перекусихиной со вздохомъ сказала:

— Доживу ли до того, чтобъ меня не боялись.

(Отъ гр. Мусина-Пушкина и отъ Перекусихиной).

109.

Въ царствованіе Елизаветы, Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, изъ низкаго званія, умомъ своимъ пролагая путь къ возвышенію, служилъ оберъ-секретаремъ въ сенатѣ; двоюродная сестра императрицы, вдова Марья Симоновна Чоглокова, рожденная Гендрикова, влюбясь, съ нимъ обвинчалась. Елизавета сказала:

— „Какъ отдать за подъячаго“, и пожаловала его въ оберъ-прокуроры; вслѣдъ за симъ Глѣбовъ сдѣлался извѣстнымъ наслѣднику Петру Федоровичу и его супругѣ, чрезъ благодѣтели своего Петра Ивановича Шувалова введенъ былъ къ нимъ въ общество. Онъ, подобно другимъ, ссужалъ ихъ деньгами въ недостаткахъ, то шуваловскими, то своими собственными, за что Петръ III возвысилъ его на степень генераль-прокурора и генераль-кригсъ-комис-

сара, а супруга оказывала уваженіе. По восшествіи на престолъ послѣдней Орловы, не любя Глѣбова, очернили его въ мнѣніи императрицы и поощряли ее въ разговорахъ дать почувствовать, что онъ нечестенъ.

— „Болѣе нежели извѣстно вашему величеству, отвѣчалъ Глѣбовъ, что и деньги, нѣкогда вамъ подносимыя, были приобрѣтены непозволительными средствами“.

Екатерина отскочила и ближайшимъ сказала: „не поминайте мнѣ Глѣбова, еще не встрѣчала подобнаго, который бы съ такимъ хладнокровіемъ сдѣлалъ мнѣ возраженіе“.

По комиссаріатской части за безпорядки преданъ суду и наказанъ запрещеніемъ вѣзжать въ обѣ столицы.

(Изустро отъ дѣйстви. тайн. совѣтника, бывшаго генераль-рекетмейстера Ивана Ивановича Козлова).

110.

Всѣмъ извѣстно, сколько великая Екатерина любила Россію, новое свое отечество и все русское: языкъ, одежду, обычаи и проч. Извѣстно также, что Александра Петровна Левшина *), воспитанная въ „Обществѣ благородныхъ дѣвицъ“, имѣла счастье съ перваго взгляда понравиться императрицѣ. Привязанность сія достигла до того, что государыня вела съ ней любопытную переписку, называя ее „черномазой Левушкой“. Государыня иногда нарочно приѣзжала въ „Общество“, чтобъ ея утѣшаться, и наконецъ при выпускѣ оттуда, пожаловала ее во фрейлины, гдѣ она пользовалась отличными милостями.

Въ подтвержденіе вышеписанному:—случилось въ Царскомъ-Селѣ въ обществѣ у императрицы всѣ заговорили однимъ французскимъ языкомъ; она, замѣтивъ сіе, сказала:

— „Мы русскіе и въ русскомъ селѣ, можемъ обойтись безъ иностраннаго языка и говорить на отечественномъ“.

Докладываютъ ей, что русскій языкъ не имѣетъ ни пріятности свойственной французскому, ни легкости къ свободному изъясненію и что нѣтъ возможности составить и одной шарады.

Екатерина, обратясь къ Александру Юрьевичу Нелединскому-Мелецкому, котораго по уму и познаніямъ называли *encyclopédie portative* спросила:

— Какъ вы думаете?

*) Род. 1758 г., вышла изъ Смольнаго монастыря (1 выпуска) въ 1776 г., пожалована въ фрейлины 28 іюля 1777 г. Замужъ вышла за князя Петра Александровича Черкаскаго, ум. 28 августа 1782 г.

Нелединскій вмѣсто отвѣта предложилъ слѣдующую шараду:

„Мое первое въ лѣсу (левъ), мое второе въ колесѣ (шина), а цѣлое здѣсь въ величайшей милости и уваженіи (Левшина)“.

Екатерина была откровенно довольна, много шутила и весь вечеръ занималась шарадами на русскомъ языкѣ.

(Отъ князя Николая Сергѣевича Волконскаго, выходявшагося въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Нелединскимъ).

111.

Екатерина, выходя въ необыкновенные часы изъ внутреннихъ комнатъ, нѣсколько разъ замѣчала, что многіе камеръ-геры и камеръ-юнкеры не являются на дежурство, за что всегда изъявляла неудовольствіе; въ Лазарево воскресенье, наканунѣ Вербнаго, вздумалось ей идти къ обѣднѣ и на тотъ разъ ни одного изъ нихъ не было на лицо, она разсердилась и сдѣлала гнѣвный выговоръ.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, вздумала проѣхаться (для сего употреблялась простая карета въ 4 лошади, съ двумя лакеями, въ сѣренькой ливреѣ). Въ такихъ случаяхъ всегда старшій придворный провожалъ ее до кареты; она, сходя съ лѣстницы, съ заслуженнымъ камеръ-геромъ, что былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, Александромъ Юрьевичемъ Нелединскимъ-Мелецкимъ, острымъ и смѣлымъ, съ досадою припоминаетъ ему утреннее происшествіе, приговаривая:

— Вамъ подавать бы примѣръ другимъ, вы всѣхъ старше.

Нелединскій съ улыбкой отвѣчалъ:

— „Государыня, кто могъ думать, что вы изъ субботы сотворите воскресенье!“

Екатерина засмѣялась и уѣхала.

(Отъ князя Николая Сергѣевича Волконскаго).

112.

Многіе опыты удостовѣряютъ, что духовныя особы паче мірскихъ склонны къ ссорѣ, злопамятны и мстительны; сіе можно видѣть изъ дѣлъ епархіальныхъ архіереевъ. Дмитрій Прокофьевичъ Трошчинскій, читая императрицѣ такое дѣло, въ которомъ ясно обнаружено жестокосердіе одного мѣстнаго архіерея, невольно содрогнулся; государыня, примѣтя сіе, сказала:

„Чему вы удивляетесь? инако быть не можетъ: къ намъ приставлено по одному бѣсу, а къ нимъ—по семи“.

(Отъ Николая Ефимовича Мясоѣдова, слышавшаго изустно отъ Дмитрія Прокофьевича Трошчинскаго).

113.

Графъ Александръ Андреевичъ Безбородко при обширномъ умѣ одаренъ былъ необыкновенною памятью.

Императрица Екатерина, намѣреваясь ѣхать въ Царское-Село, приказала, чтобъ заложенные экипажи были уже подвезены и ожидали ея выхода; въ сіе время отъ главнокомандовавшаго арміею противъ турокъ присланъ эстафетъ съ бумагами, требовавшими скорого рѣшенія; государыня раскрытіемъ пакетовъ и чтеніемъ оныхъ была удержана, потомъ, объяснясь съ Безбородкой, приказала изготovitъ отвѣты и слѣдующимъ утромъ въ назначенный часъ для подписанія привезти въ Царское-Село, а сама уѣхала. Въ тотъ же вечеръ вельможа сей на дачѣ по Невѣ давалъ маскарадъ, который съ ужинномъ и фейерверкомъ продолжался до зари; проводивъ гостей, онъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ. Когда надлежало идти въ государынѣ, спросилъ портфель съ приготовленными бумагами... и его нѣтъ, а посылать поздно!... Чтó же графъ сдѣлалъ? На-обумъ, очень скоро и удачно написалъ отвѣты. Екатерина не повѣрила и приказала послать за бумагами, а его у себя задержала. При повѣркѣ открылось, что съ небольшой переименованіемъ словъ, весь настоящій смыслъ сохраненъ въ точности. Императрица сказала: „вижу твое намѣреніе удивить меня необыкновенной памятью“.

(Отъ гр. Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина).

114.

Иванъ Ивановичъ Козловъ, не зная никакого иностраннаго языка, по уму и способностямъ сдѣлался извѣстенъ Екатеринѣ и взятъ въ генераль-рекетмейстеры. Заспоривъ по докладному дѣлу, разсердилъ императрицу, сказавъ:

„Я изготовлю указъ по волѣ вашего величества, но это будетъ явная несправедливость“.

Екатерина отвѣчала:

— „Вы незнакомы съ Сибирью, я посоветую туда съѣздить и прикажу выдать прогонъ“.

Козловъ, пораженный симъ словомъ, замолчалъ, а по возвращеніи въ домъ велѣлъ пустить изъ руки кровь. Екатерина, почувствовавъ жестокость своего гнѣва, чрезъ нѣсколько часовъ пишетъ на доскутъкѣ бумагу, чтобъ онъ приѣхалъ еще объясниться по извѣстному дѣлу. Онъ отговаривается невозможностію, но по вторичному повелѣнію, въ сюртукѣ, съ распоротымъ рукавомъ, ѣдетъ во дворецъ. Монархия съ веселымъ видомъ встрѣчая его, сказала: „Съ боль-

шимъ вниманіемъ, въ спокойномъ расположеніи духа разсматривала дѣло, по которому ты докладывалъ, и признаюсь, что огорчила тебя; но и ты долженъ признаться въ нетерпѣніи, не давая мнѣ времени одумываться... Помиримся, я согласна съ твоимъ мнѣніемъ". Онъ скончался 18 іюня 1788 года дѣйствит. тайн. совѣтникомъ, сенаторомъ и орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны кавалеромъ.

(Изустно отъ него).

115.

Азартныя игры, по временамъ указами запрещаемыя, при малѣйшемъ послабленіи снова появлялись, особенно у Орлова, Потемкина и другихъ.

Екатерина узнавъ, что у кавалергардскаго генераль-маіора Попова *) по ночамъ съѣзжаются для сего, спросила:

„Играете ли вы въ карты, Федоръ Ивановичъ?“ *)

— Играемъ государыня, отвѣчалъ онъ.

„Въ какую игру?“

— И въ ломберъ (L'ombre) играемъ.

„Вашъ ломберъ разорительный“, усмѣхнулась монархиня.

116.

Императрица, прогуливаясь пѣшкомъ, замѣтила на ближнемъ каналѣ во дворцу очень искусно изъ щепочекъ и палочекъ сдѣланную мельницу въ настоящемъ движеніи и полюбопытствовала узнать строителя; когда доложено было, что это занятіе караульнаго солдата, то пожаловала ему денежное награжденіе за искусство и сказала: „Прочитайте ему указъ, какъ должно поступать съ тѣми, которые на чужихъ водахъ строятъ мельницы“. Въ свитѣ находилась особа, имѣвшая тяжебное дѣло въ построеніи мельницы.

117.

Екатерина пзъ окошка увидя мальчика, ловившаго курицу, приказала привести его предъ себя. Мальчикъ дрожалъ отъ страха и сначала не отвѣчалъ ей на слова, наконецъ падая къ ногамъ признался, что хотѣлъ украсть для бабушки, самой бѣднѣйшей и болѣзненной женщины. Екатерина приказала виновнаго наказать трехдневнымъ арестомъ на хлѣбъ и водѣ, а бабушкѣ опредѣлила выдавать по курицѣ въ день.

118.

Одинъ бригадиръ во время полкового ученя небрежно дернулъ офицера за манжету и получилъ пощечину. Императрица разсматри-

*) Ни генерала, ни офицера этого имени во все царствованіе Екатерины въ кавалергардскомъ корпусѣ не было.

вала жалобу и опредѣлила: чрезъ профоса отплатить офицеру данную имъ пощечину, а бригадиру отказать отъ команды, потому что начальствовать не умѣетъ.

119.

Императрица сдѣлалась нездорова и скучна; графъ Никита Ивановичъ Панинъ, желая развеселить, доложилъ, что служащій при немъ Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ обладаетъ рѣдкимъ даромъ подражать всякому голосу, то не угодно-ли будетъ заняться. Фонъ-Визинъ въ комнатѣ, возлѣ почивальни, представилъ фельд-маршала графа Разумовскаго, вице-канцлера князя Голицына, генераль-прокурора князя Вяземскаго и Филиппа Алексѣевича Кара, спорившихъ за вистомъ, а г. Бецкаго, разсуждавшаго о казенныхъ заведеніяхъ: воспитательномъ домѣ, ломбардѣ и обществѣ благородныхъ дѣвицъ, бспрестанно, останавливая ихъ игру, такъ искусно, будто сами тутъ находились. Екатерина развеселилась, смѣялась и сказала фонъ-Визину, что остается довольна новымъ съ нимъ знакомствомъ.

(Отъ Ивана Ивановича Козлова).

120.

Графиня Браницкая, замѣтивъ, что императрица, противъ обыкновенія нюхаетъ табакъ лѣвою рукою, пожелала узнать причину.

Екатерина отвѣтила ей: „Какъ царь-баба, часто даю цаловать руку и нахожу непристойнымъ всѣхъ душить табакомъ“.

121.

Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ *) имѣлъ друга сенатора Михаила Григорьевича Собакина, который разсердясь на родного племянника, Петра Александровича Собакина же, вознамѣрился лишить его наслѣдства изъ 2 т. душъ состоявшаго. Со слезами просить Еропкина успокоить его старость позволеніемъ укрѣпить за нимъ судебнымъ порядкомъ все имѣніе.

Петръ Дмитріевичъ въ первомъ движеніи сказалъ: „Того ли ожидаешь отъ друга?... Ты безчестишь меня! Думаешь, что захочу воспользоваться мнѣ непринадлежащимъ?“... И разговоръ кончился ссорю. Еропкинъ, опаматовавшись, почувствовалъ неблагоразумный поступокъ, отяготившій совѣсть и опасаясь, чтобъ Собакинъ не упрочилъ

*) Генераль-аншефъ, кавалеръ св. Андрея, род. 24 іюня 1724, ум. 7 февр. 1806 г.

имѣнія такому, отъ котораго не послѣдуетъ возвращенія, поспѣшаетъ къ нему и говоритъ:

— Прости за дерзость, я одумался и принимаю даръ твой съ дружескимъ признаніемъ.

Съ укрѣпленіемъ имѣнія излились клевета и злословіе.

При послѣдовавшей кончинѣ оскорбленнаго дяди, Еропкинь посылаетъ сказать племяннику, чтобъ ѣхалъ на погребеніе; тотъ отвѣтствовалъ:

— „Ты наслѣдникъ, ты и погребай“.

Вторично сказано: что „ты неблагодарный законный наслѣдникъ“ — и на другой же день возвращено имѣніе.

122.

Графъ Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ *), при безпорядкѣ въ домѣ, имѣлъ какое-то неудовольствіе отъ полиціи, во время главнокомандующаго Еропкина **) и жаловался ему. Петръ Дмитриевичъ Еропкинъ отмалчивался и отвергивался. Наконецъ, у него же за многочисленнымъ обѣдомъ, Матюшкинъ опять началъ оправдывать своихъ слугъ, а Еропкинъ отвѣчалъ: „Перестань говорить, Дмитрій Михайловичъ, и людишки твои и дѣлишки твои—негодные“.

(Отъ Ив. Петр. Архарова, сидѣвшаго тутъ).

123.

Во время шведской войны при Екатеринѣ II, Сергѣй Петровичъ Румянцовъ ***), находясь посланникомъ при прусскомъ дворѣ ****), узналъ, что тамошній кабинетъ намъ не благопріятствовалъ и готовился помогать шведамъ, не только деньгами, но и войскомъ; на королевскія слова, что много дезертировъ, отвѣтствовалъ: „ваша армія дезертируетъ и съ пушками“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Род. 1725, ум. 1800. Женатъ былъ на княжнѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Гагариной, род. 1716, ум. 1804 (внукъ сибирскаго губернатора кн. Матвѣя Петровича Гагарина), статсъ-дамъ, а внослѣдствіи оберъ-гофмейстерины.

**) Еропкинъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ съ 28 июня 1788 по 19 февр. 1790, ум. въ 1805.

***) Сынъ Задунайскаго, ум. 24 янв. 1838.

****) Съ 1785—1788 года.

Гусарскія шалости.

1801 г.

Ордеръ господину генераль-маіору Ахтирскаго гусарскаго полку шефу и кавалеру Борчугову, № 199. Жительствующій въ городѣ Калугѣ, гвардіи прапорщикъ Петръ Демидовъ, въ письмѣ ко мнѣ отъ 8-го сего мѣсяца, прописываетъ оскорбительной для него поступокъ вашего превосходительства, причинившій страхъ всѣмъ въ его домѣ, а двумъ его дочерямъ и опасную болѣзнь отъ испугу произшедшую, когда ваше превосходительство 6-го числа нынѣшняго мѣсяца, въ третьемъ часу ночи, обще съ господиномъ гражданскимъ губернаторомъ и кавалеромъ Лопухинымъ, со многими ввѣреннаго вамъ полку офицерами, пѣсенниками и гусарами, всего болѣе ста человекъ, пришедъ къ окнамъ его дому, всѣ вдругъ съ барабаннымъ боемъ, лошками и трещотками произвели необыкновенной и нечаянной на то время шумъ, упоминая притомъ, что таковыя ночныя гулянья безпокоющія обывателей и прежде сего нерѣдко чинились, и просить имянно: „о таковомъ вашего превосходительства поступкѣ изслѣдовать и дерзновенность сію удержать, а тѣмъ совершенно облагодѣтельствовать не только его, но и всю тамошнюю обиженную вами публику“. Я не упоминая нынѣ о всей публикѣ, въ разсужденіи что жалоба сія приносится однимъ, предписываю вамъ: во-первыхъ увеселеніями своими ни въ какое время не причинять безпокойствія другимъ, воздерживая отъ сего, по долгу вашему, всегда и подчиненныхъ вамъ, за коихъ вы, какъ за себя, отвѣтствуете; а за смѣ имѣете мнѣ точное и обстоятельное, противу вышеписаннаго, прислать объясненіе.

Гр. Салтыковъ.

Апрѣля 11 дня, 1801 г. Москва.

Сообщ. Н. И. Павовъ.

Письмо цесаревича Константина Павловича.

1816 г.

Николай Николаевичъ *)! Я, славу Богу, доѣхалъ благополучно до С.-Петербурга и принять былъ такъ милостиво государемъ императоромъ, что даже сего никакъ незаслуживаю и, лучше сказать, государь изволилъ особенною своею ко мнѣ ласкою какъ будто бичемъ погонять, чтобы я болѣе еще старался хлопотать. Государь изволилъ

*) Новосильцевъ, императорскій комисаръ при совѣтѣ Царства Польскаго, впоследствии графъ, предсѣдатель государственнаго совѣта и комитета министровъ. Настоящее письмо цесар. Константина Павловича (за его подписью) характеризуетъ отношенія его къ Александру 1-му. **Кн. А. И.**

миѣ обѣщать отправить на дняхъ г. Бороздина къ вамъ и съ нимъ 50,000 руб.; вѣрьте, что я не задремлю и буду часто напоминать какъ наискорѣе, чтобы сіе было исполнено. Желая имѣть удовольствіе увидѣться опять съ вами поскорѣе, прошу принять увѣреніе моего, къ вашему превосходительству, всегдашняго особеннаго уваженія. Константинъ.

Мыза Стрѣльна, 11 іюля 1816 г.

Сообщ. кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій.

Генераль П. П. Липранди въ Крыму въ 1854 г.

Извѣстна пѣсня, приписываемая гр. Л. Н. Толстому: „какъ 8-го сентября“, шутка-сатира надъ дѣйствіями нашихъ генераловъ въ крымской компаніи. Въ ней, между прочимъ, читаемъ:

....А Липранди хотъ видаѣ,
Какъ французъ одолѣвалъ,
Руку не подаѣ.

.....
Князь сказаѣ: «ступай Липранди!»
А Липранди—«нѣтъ, атанде,
Я ужъ не пойду;
Туда умнаго не надо
А пошли-ка ты Реада,
А я посмотрю».

А вотъ письмо упоминаемаго въ этой пѣсни генерала Липранди отъ 20 декабря 1854, съ позиціи на высотахъ Ингермана *).

„Любезный братъ! Письмо твое отъ 14 ноября, чрезъ Форстадіуса я получилъ только вчера, батальонный командиръ его относится объ немъ какъ о хорошемъ офицерѣ, онъ участвовалъ въ дѣлѣ 13-го октября. Я къ тебѣ писалъ на счетъ приглашенія фельдмаршала; конечно, ты сдѣлалъ весьма благоразумно, что не поѣхалъ съ нимъ. Палаузовъ**) тебѣ расскажетъ подробно, какъ все было фельдмаршаломъ разстроено. Мы бы были въ Константинополѣ прежде, нежели англо-французы подъ Калафатомъ; я все подготовилъ для сей экспедиціи, въ моемъ распоряженіи было 35 тыс. войскъ, сверхъ того всѣ депутаты Сербскіе, Болгарскіе находились у меня и ожидали минуты, чтобы переправится за Дунай, у рѣч. Тимоны; все народонаселеніе востало бы и послѣдовало бы за мной; перевозочныя средства были готовы и я ожидалъ только разрѣшенія исполнить это, какъ вдругъ получаю повелѣніе князя Варшавскаго, что я нахожусь въ величайшей опасности, что австрійцы меня обходятъ и чтобы я немедленно

*) Рукою Ив. П. Липранди отиѣчено: «получ. 6 января 1855 г.».

**) Спиридовъ Николаевичъ.

отступилъ отъ Калафата и шелъ бы на соединеніе въ Бузео, удерживаясь отъ преслѣдованія турокъ въ Краевѣ и Слатинѣ. Послѣ такого приказанія я отступилъ и три мѣсяца ожидалъ обхода австрійцевъ и преслѣдованія турокъ, но ни тѣ ни другіе объ этомъ не помыслили, и я думаю, очень удивлялись нашимъ стратегическимъ соображеніямъ . . . *), что англійская кавалерія была такъ же мною уничтожена, всѣмъ этимъ дѣломъ распоряжался я, и, по моему проекту, оно было исполнено. Фрейлинской шифръ Машу очень радуешь. Очень сожалѣю о твоихъ страданіяхъ. Благодарю премного за молебны о моемъ здоровьи, которое держится довольно хорошо. Дѣла наши въ Крыму идутъ хорошо; кажется исходъ ихъ для союзниковъ будетъ тотъ же, какъ это было въ 12-мъ году. На штурмъ они не рѣшатся, а бомбардировкой ничего не сдѣлаютъ; а между тѣмъ мрутъ какъ мухи; погода ужасная; наши солдаты переносятъ непогоду и труды какъ нельзя лучше, поютъ пѣсни и горя мало,—построили землянки какъ подъ Тарутинымъ и всѣмъ довольны. Остаюсь многолюбящій твой братъ П. Липранди.

Сообщ. Н. П. Барсуковъ.

Поправки и дополненія.

Мы всегда съ большимъ удовольствіемъ помѣщаемъ получаемыя нами отъ сотрудниковъ и читателей «Русской Старины» поправки и замѣтки, по поводу напечатаннаго въ предыдущихъ книгахъ.

Вѣстѣ съ симъ убѣдительно просимъ нашихъ читателей сообщать и впредь свои замѣчанія, въ особенности если они заключаютъ въ себѣ исправленіе невѣрно или ошибочно переданныхъ въ нашемъ изданіи фактовъ. Ред.

I.

1) Тарасовъ очевидно писалъ свои записки, впрочемъ весьма любопытныя, на память и притомъ, когда память ему измѣняла: какъ могъ онъ узнать въ 1824 году въ Вологдѣ, что тамъ проживалъ поссорившійся съ генераль-губернаторомъ иркутскій архіерей подъ надзоромъ вологодскаго архіерея? Въ Иркутскѣ, съ 1814 года до самой своей смерти въ 1830 году, проживалъ и управлялъ епархіей преосвященный Михаилъ Бурдуковъ; а могъ-ли онъ поссориться съ генераль-губернаторомъ, можно судить потому, что если не спросившись губернатора (Трескина) онъ вздумаетъ бывало говорить проповѣдь и велитъ вынести изъ олтаря наложь, то Трескинъ свомандуетъ: „не надо!“—наложь убирается и проповѣдь не говорится. Очевидно

*) Двѣ строчки зачеркнуты.

Тарасовъ смѣшалъ Михаила съ Иринеємъ, который, какъ извѣстно, былъ привезенъ подъ конвоемъ въ Вологду, но уже въ 1831 году. Этотъ дѣйствительно не ладилъ съ Лавинскимъ; такъ, напр., находясь однажды на амвонѣ и замѣтивъ, что генераль-губернаторъ не снялъ перчатки, онъ схватилъ своего діакона за бороду и, приподнявъ его за бороду, шопотомъ, который раздался по всей церкви, сказалъ ему на ухо: „вели отъ меня этому..... собачью шкуру съ рукъ снять!“

2) На стран. 392, (Р. Ст. т. V) сравненъ Врангель съ истиннымъ камеръ-гаузеромъ; это опечатка вмѣсто Гаспаръ Гаузеномъ. Разказы о загадочной личности Гаспара Гаузена остались однимъ изъ первыхъ историческихъ воспоминаній моего дѣтства.

3) Приведенныя на стр. 432-й (т. V, Р. Ст.) слова императора Николая Павловича при пожалованіи кн. Бебутову Андреевской ленты совершенное повтореніе словъ императора Павла при пожалованіи капитанъ-лейтенанту Белле Анненской ленты, за камигуляцію Неаполя въ 1799 году.

т.

4-го марта 1872 г.

II.

Маршалокъ Пусловскій. Въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1872 г. т. V, стр. 381), въ статьѣ Д. К. Тарасова: „Воспоминанія моей жизни“, гдѣ говорится о приѣмѣ императора Александра Павловича, помѣщикомъ Пусловскимъ, на станціи Михавинѣ, я нашелъ неточности. Изъ уваженія къ изданію, заключающему столько драгоцѣннаго матерьяла для исторіи, я считаю нужнымъ исправить эти неточности по ближайшей извѣстности мнѣ положительныхъ данныхъ объ упомянутомъ помѣщикѣ и о самой мѣстности.

Авторъ называетъ Пусловскаго „губернскимъ предводителемъ дворянства и генераль-маіоромъ“; онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Когда онъ имѣлъ счастье встрѣчать государя (не въ Михавинской корчмѣ, а просто въ домѣ Михавинской почтовой станціи), Пусловскій не занималъ уже никакой должности. До того, онъ нѣсколько трехлѣтій сряду пробылъ Слонимскимъ уѣзднымъ предводителемъ (маршаломъ) дворянства, губернскимъ-же никогда не былъ. Въ военной службѣ онъ не состоялъ никогда, а потому и не былъ генераль-маіоромъ. Онъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и получилъ его въ награду за продолжительную службу по выборамъ, а главнѣйше въ ознаменованіе того, что въ 1812 году, не желая оставаться въ краѣ при вторженіи непріятельскихъ войскъ, онъ послѣдовалъ за россійскою арміею и находился при ней во все время кампаніи того года. Орденъ св. Анны 1-й степени былъ ему по-

жалованъ въ награду за разныя совершенныя имъ поставки по казеннымъ подрядамъ съ большою выгодною для казны и за значительныя пожертвованія въ пользу ея. Пусловскій, до самой своей кончины, носилъ старо-польскій костюмъ. Нарядный состоялъ изъ жупана (нагрудника), поверхъ котораго надѣвался кунтушъ (родъ кафтана покрывающаго колѣна), съ вылѣтами, (откидныя, разрѣзныя рукава); по кунтушу шелковый съ золотыми узорами кушакъ (пась), опоясывающійся нѣсколько разъ, къ которому привѣшивалась сабля въ богатой оправѣ. Галстука не было; жупанъ закрывалъ грудь, а изъ бѣлья видны были только воротнички, застегнутые запонкою съ дорогими камнями. Красные или желтые сафьянные сапоги до колѣнъ, поверхъ нижняго платья. Въ такомъ нарядѣ Пусловскій нѣсколько разъ представлялся государямъ въ Петербургѣ и бывалъ въ маскарадахъ, которые, въ прежнее время давались въ новый годъ при дворѣ.

Онъ вѣроятно принималъ императора и на Михайловской станціи въ подобномъ костюмѣ, а не въ „національномъ польскомъ мундирѣ“, какъ говорится въ „Воспоминаніяхъ Тарасова“. Общаго польскаго національнаго мундира никогда не существовало, а были мундирные жупаны и кунтуши разныхъ цвѣтовъ по воеводствамъ. Но по уничтоженіи прежнихъ воеводствъ, такихъ мундировъ ни Пусловскій, да и никто не носилъ и носить не могъ.

Осипъ Пржецлавскій.

7-го марта 1872 г.

III.

Фрейлина и статсь-дама Веригины. Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 года т. III, и IV, въ біографическихъ спискахъ Карабанова, въ числѣ фрейлинъ не помѣщены родныя мои тѣтки, дочери моего дѣда генераль-маіора, члена военной коллегіи Ѳедота Михайловича Веригина.

Наталя Ѳедотовна (въ послѣдствіи статсь-дама) была въ замужествѣ за дѣйств. тайн. сов. Сергѣемъ Ивановичемъ Плещеевымъ.

Марія Ѳедотовна была въ супружествѣ за тайн. сов. Михаиломъ Ивановичемъ Донауровымъ.

К. Веригинъ.

Ницца, 10-го марта 1872 г.

Опечатка. Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1872 г., т. V, стр. 480, строка 1-я: напечатано:... „Княгиня А. П. Гагариной“, читай:... „княгиня А. П. Гагариной“.

Л.

О подпискѣ на памятникъ Пушкину.

Мы получили отъ Сергѣя Оболенскаго деньги въ общій фондъ на памятникъ Пушкину, при слѣдующемъ письмѣ: „Гг. редакторы! Жители мѣст. Волочискъ, движимые чувствомъ глубочайшаго уваженія къ памяти нашего великаго поэта А. С. Пушкина, составили промежъ себя подписку, желая съ своей стороны участвовать въ сборѣ пожертвованій на сооружаемый ему народный памятникъ.

„Собранные 30 руб. 60 коп. имѣю честь при семъ передать въ распоряженіе редакціи „Русской Старины“, оторывшей у себя приѣмъ пожертвованій на этотъ предметъ“.

Присланныя деньги немедленно переданы Я. К. Гроту, члену комитета по сооруженію памятника Пушкину. Ред.

Мы получили отъ высочайше учрежденнаго комитета по сооруженію памятника Пушкина подробный отчетъ о ходѣ подписки на памятникъ Пушкина. Вотъ окончательные выводы этого отчета:

Пожертвованій, за время съ открытія въ апрѣлѣ 1871 года дѣйстви́тъ комитета по 1-е января 1872 года, поступило.	19,176 р. 96 ³ / ₄ к.
Затѣмъ въ теченіе января доставлено:	
а) наличными деньгами	1,472 р. 34 к.
б) квитанц. главного, губернскихъ и уѣздныхъ казначействъ	2,411 р. 61 ¹ / ₄ >
	<hr/> 3,833 р. 95 ¹ / ₄ к. *)
Итого.	23,060 р. 92 к.
По подпискѣ 1860 г. прежде собрано и находится въ государственномъ банкѣ съ процентами.	18,252 р. — к.
Всего по 1-е февраля 1872 г.	<hr/> 41,314 р. 92 к.

*) Въ томъ числѣ отъ ред. «Русской Старины» поступило 109 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОБЪ ИЗДАНИИ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ»

въ 1872 году.

Редакція «Филологическихъ Записокъ», вѣрная своей задачѣ, 10 лѣтъ, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, стремится къ преслѣдованію своей цѣли — служить выраженіемъ интересовъ науки и доставлять своимъ изданіемъ полезное пособіе при преподаваніи языка и словесности. Имѣя въ виду изслѣдованія и разработку разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ, въ особенности по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ, Редакція въ то же время не упускала изъ виду и текущихъ явленій изъ области специальныхъ ея предметовъ.

При этомъ Редакція спѣшитъ заявить во всеобщее свѣдѣніе для читателей «Ф. З.» и всѣхъ интересующихся изслѣдованіемъ и разработкою вопросовъ по филологіи, лингвистикѣ и словесности, что Петербургское Филологическое общество, въ общемъ собраніи своемъ, постановило избрать «Филологическія Записки» своимъ органомъ для помѣщенія въ нихъ протоколовъ его засѣданій, чтеній, сообщеній и сужденій, отчетовъ и т. п. Такимъ образомъ Редакція «Ф. З.», открывая страницы своего изданія для помѣщенія въ ономъ трудовъ этого почтеннаго общества, съ дѣятельностію котораго публика наша такъ мало еще знакома, — съ тѣмъ вмѣстѣ расширяетъ и свой кругъ дѣятельности, пріобрѣтая въ трудахъ общества особенный интересъ для читателей.

Въ истекшемъ году изданіе наше представило слѣдующія изслѣдованія и замѣтки:

I. О преподаваніи отечественнаго языка. Очеркъ общей исторіи языкознанія въ связи съ исторіей обученія родному языку. А. Н. Чудикова. — II. Звукъ а, отличительнѣйшая черта сербскаго вокализма, А. А. Кочубинскаго. — III. Филологическія наблюденія, замѣтки и выводы, ст. П. Мишурцаго. — IV. Отношенія гласныхъ звуковъ въ старославянскомъ языкѣ, М. А. Бюлосова. — V. Составители Кіево-Печерскаго патерника и позднѣйшая его судьба. Историко-литературный очеркъ покойной М. А. Викторовой, съ предисловіемъ И. Ю. Некрасова. — VI. Исторія русской женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ. Публичныя лекціи, читанныя въ Орлѣ А. Н. Чудиковымъ. (Три лекціи). — VII. Замѣтки о языкѣ вообще и о русскомъ въ особенности, В. И. Новожовскаго. — VIII. Замѣтки о происхожденіи нѣкоторыхъ словъ въ языкѣ, М. М. Шапира. — IX. О романтической поэзіи (изъ разбора нѣкоторыхъ сочиненій Жуковскаго), Е. Г. Говорова. — X. Труды М. А. Максимовича по русской филологіи и словесности, Н. М. — XI. Библиографія замѣчательнѣйшихъ сочиненій по языкознанію и словесности, а также библиографическое обозрѣніе, въ которомъ представлялись за каждое два мѣсяца извѣстія о текущихъ трудахъ и явленіяхъ изъ области филологіи и литературы. — XII. Дѣятеля новаго періода чешской литературы, Н. П. Задорцаго. — XIII. Югославяне. Литература югославянъ. Съ чешскаго, П. I. Поньрико. — XIV. Система языковѣднія, Гейзе. — Съ нѣмецкаго, М. И. Желтова. — XV. Наслосніе языка. Лекція Макса-Мюллера, съ англійскаго, А. Н. Чудикова. — XVI. Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна, съ французскаго, А. Н. Чудикова.

Въ 1872 году, будутъ помѣщены слѣдующіе труды:

1) Н. А. Давровскаго. «О Петровскихъ пѣсняхъ»; по поводу изд. пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ.

2) Чудинова, продолженіе и окончаніе «О преподаваніи отечественнаго языка». XIII и XIV главы, съ полнымъ библиографическимъ указателемъ сочиненій и статей по языку и словесности, вышедшихъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

3) Егоровъ—продолженіе и окончаніе публичныхъ лекцій «Исторія русской женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ». Лекціи 4, 5 и 6-я.

4) Новаковскаго. «Замѣтка о русскомъ правописаніи.»

5) И. Тѣна, Искусство въ Греціи. 5-й и послѣдній рядъ лекцій. Перев. съ французскаго.

6) Курціуса, Хронологическая послѣдовательность въ образованіи индоевропейскихъ языковъ, перев. съ нѣмецкаго.

7) По классической древности: переводы древнихъ комедій — Аристофана («Птицы») и Теренція («Братья») съ комментаріями, біографическими и библиографическими свѣдѣніями и обзорѣніемъ древней комедіи греческой и римской.

8) Кочубинскаго, рецензія на учебникъ старо-славянскаго языка у нѣмцевъ Лескіена (Handbuch der altbulgarischen Sprachen).

9) Біографія и литературно-научныя заслуги братьевъ Гриммовъ.

10) Гильтебрандта, рядъ очерковъ по языку, творчеству и литературѣ западнорусской въ связи съ исторіей и народнымъ бытомъ.

11) Въ каждой книжкѣ журнала, по прежнему, будетъ помѣщаться «Библиографическое обзорѣніе».

И наконецъ 12) смотря по обстоятельствамъ, предполагается помѣщать памятники древне-русской письменной литературы.

Кромѣ имѣющихся сотрудниковъ, намъ вновь обѣщали участіе Из. И. Срезневскій, А. Н. Веселовскій, О. Э. Миллеръ, А. С. Будиловичъ, Н. И. Стожовенко и др.

Съ цѣлю содѣйствовать большому знакомству нашего общества съ образцовыми произведеніями иностранныхъ литературъ, съ 1872 года, Редакціей «Филологическихъ Записокъ» будетъ издаваться, по одному тому въ годъ, особый сборникъ (совершенно отдѣльное изданіе отъ журнала), подъ редакціей А. Н. Чудинова, а именно: «Сборникъ классическихъ иностранныхъ писателей въ переводахъ русскихъ поэтовъ», содержаніе котораго составятъ избранные поэты Швеціи и Даніи, Франціи, Германіи, Италіи и пр.

Произведенія каждаго поэта будутъ снабжены объяснительнымъ историко-критическимъ этюдомъ о его литературной дѣятельности и библиографическимъ указателемъ лучшихъ о немъ изслѣдованій въ иностранной и русской литературѣ.

Со стороны Редакціи приняты будутъ всѣ мѣры относительно возможно тщательной обработки какъ содержанія этого изданія, такъ и его внѣшняго вида. Объемъ тома, приблизительно, будетъ состоять изъ 20 – 25 печатныхъ листовъ. Каждый томъ будетъ продаваться особо по 2 р. за экземпляръ. Подписчики «Филологическихъ Записокъ», желающіе приобрести этотъ «Сборникъ», пользуются уступкой 20%.

«Филологическія Записки» издаются въ Воронежѣ; выходятъ безсрочными выпусками: ПЯТЬ книжекъ въ годъ.

Подписная цѣна ПЯТЬ руб. въ годъ съ пересылкой.

Редакторъ-издатель А. Жовановскій.

ніа о Константинѣ Павловичѣ, о его развоѣ, о его отношеніяхъ къ полякамъ и русскимъ: «посѣщая госпитали, плѣнныхъ поляковъ одѣлалъ по червонцу, русскимъ же начево; послѣ пораженія русскихъ, хвалялся и спрашивалъ у нашихъ генераловъ: «какво мои дерутся?» и пр. И наконецъ, въ третьихъ: рапорты и записки Сторожениа, дающіе много весьма цѣннаго матеріала для исторіи польскихъ дѣлъ и такъ называемаго польскаго вопроса.

Санктпетербургъ. Изслѣдованія по исторіи, топографіи и статистикѣ столицы. Изданіе Центрального Стат. Комит. Томъ II и III.

Объ этомъ прекрасномъ изданіи, предпріятомъ директоромъ центрального статистическаго комитета П. П. Семеновымъ, мы уже имѣли случай говорить въ нашемъ журналѣ. Изъ вышедшихъ двухъ томовъ 2-й—посвященъ статистикѣ столицы, а 3-й—обнимаетъ собою топографію. Оба тома снабжены, помимо текста, подробнѣйшими и разнообразнѣйшими таблицами, планами и картами: все это, вмѣстѣ взятое, ставитъ почтенный трудъ центрального комитета на высоту современной статистической науки, и нисколько не уступая однороднымъ заграничнымъ изданіямъ, служитъ прекраснымъ образцомъ для дѣятельности и трудовъ мѣстныхъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ, которые могутъ отсюда усвоить себѣ усовершенствованные статистическіе приемы.

Скудость или, вѣрнѣе, почти совершенное отсутствіе въ нашей исторической литературѣ статистическихъ матеріаловъ по Петербургу за прошлое столѣтіе, побудили центральный комитетъ ввести въ изданіе отдѣлъ исторической, благодаря трудамъ и находкамъ П. Н. Петрова, которому поручена редакция этого отдѣла. Эта часть нынѣ печатается; въ нее войдетъ лѣтопись за первый періодъ исторіи столицы съ 1700 по 1738 г., затѣмъ—застройка города, т. е. земскій нарядъ рабочихъ для постройки Петербурга, строители съ проектами ихъ и дѣйствительное положеніе застройки въ первые тридцать пять лѣтъ существованія Петербурга, и наконецъ—населеніе города и его жизнь, куда войдутъ отдѣльными главами: числен-

ность и составъ населенія, городскіе доходы и благочиніе, промышленность и торговля, образованіе, нравственность, религія, администрація и внутренняя жизнь населенія. **Историческія бумага, собранныя К. И. Арсеньевымъ.** Издаѣ П. Пекарскій. СПб. 1872. м. 8°, VIII и 507 стр.

Академикъ Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ, какъ извѣстно, былъ наставникомъ русской исторіи Наслѣдника, нынѣ царствующаго Государя Императора. Для этой цѣли, Арсеньевъ занимался въ государственномъ архивѣ, при чемъ обращалъ вниманіе не только на извѣстія для исторіи двора и высшаго общества въ Россіи XVIII столѣтія, но и на такія событія, въ которыхъ главными дѣйствующими лицами являлись люди, ничѣмъ особенно не выдѣлявшіеся изъ нашего простонародья, но тѣмъ не менѣе имѣющіе значеніе для любознательнаго историка, какъ представители народа, его потребностей и умственнаго уровня въ данную эпоху.

К. И. Арсеньевъ, родившійся 12 октября 1789 года, скончался 29 ноября 1865 года. Послѣ него въ бумагахъ остались, между прочимъ, выписки изъ документовъ государственнаго архива. Сыновья его передали всѣ бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго ихъ отца, академику П. П. Пекарскому, который, отобравъ изъ нихъ часть историческую, привелъ въ порядокъ и издаѣ, по порученію Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. Ко всему этому П. П. Пекарскій приложилъ портретъ К. И. Арсеньева, подробное извѣстіе о его жизни и ученыхъ трудахъ и обстоятельное предисловіе.

Въ изданномъ сборникѣ отведено значительное мѣсто источникамъ, касающимся исторіи русскаго собственно народа въ XVIII столѣтія. Особенно интересны: многочисленные извлеченія изъ старинныхъ уголовныхъ дѣлъ; разсказъ царевича Алексѣя Петровича, какъ принималъ его въ Москвѣ Петръ Великій въ первое свиданіе послѣ вызова его изъ за-границы; новыя свѣдѣнія о Биронѣ; указъ Екаторыни I о преобразованіи разныхъ частей государственнаго управленія; описаніе Финляндіи послѣ 1764 года; и переписка гр. Чернышева съ іезуитскимъ провинціаломъ Черневичемъ.

АРХИВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

издаваемый временною комиссією для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при Бѣевскомъ, генер.-губернаторѣ. Часть первая: акты объ уніи и состояніи православной церкви съ половины XVII вѣка. (1648—1798). Томъ IV. 746 стр. цѣна 2 руб. Бѣевъ 1871.

О ПОДПИСКѢ НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1872 г., третій годъ изданія.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложенія, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, — **восемь рублей** за весь годъ, т. е. за 12 книгъ.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій проспектъ, 80); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына и д. Труаза, кв. № 12.

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеніевичу Семевскому**, или: — **Михаилу Ивановичу Семевскому**: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію «Русской Старины».

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолженія записокъ Болотова, Тарасова, Лагарпа, М. А. Бестужева, и архивовъ кн. Големищева-Нутузова, кн. Щербатова, кн. Мурадинъ, гр. Стальбергъ, свѣтлѣйшаго кн. П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина, — архивъ свѣтлѣйшаго князя Александра Аркадіевича Италійскаго графа Суворова-Риминскаго, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова. Также будутъ напечатаны записки: гр. Г. П. Чернышова, адмирала Колзанава, записки И. М. Горбачевскаго, кн. С. Г. Волконскаго (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Маевскаго, кн. Барлай-де-Толли, кн. А. А. Шаховскаго, партизана Дениса Давыдова, М. Н. Снобелева, В. К. Кюхельбенера (1831—1841 гг.); генерала Фельшнера, ак. жнв. А. В. Ступина (1776 — 1861 г.), бывш. попеч. Д. П. Рунича; бумаги акадѣмика Витберга; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790 — 1794 гг.; дневникъ кавкара 1818 г. въ Россіи; записки А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; Н. Ф. Опочинина (о 1831 г.); записки Н. В. Веригина и др. Письма Волынскаго и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. въ Пугачевщинѣ — А. Г. Пупарева; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Пикара (1782 г.); письма Елатеріи II; письма императоровъ: Павла I, Александра I, цесар. Константина; императ. Елизаветы Алексѣевны; Кулѣбина; гр. Аракчеева, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеновской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова, мнѣнія гр. Н. С. Мордвинова, письма графа Толя (1831 г.); 60 писемъ митроп. Евгенія Болховитинова; неизданныя бумаги А. С. Грибоѣдова, К. И. Батюшкова болѣе 80 писемъ), Г. С. Батеникова, Жуновскаго, Туманскаго, Языкова, Рытѣва, Пушкина, статьи В. Н. Каразина; сообщенія акад. А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина, П. Н. Щабальскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣляева, Н. С. Тихонравова. Г. Н. Гемнади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова, проф. Брикнера, Н. П. Дурова. Сообщ.: В. М. Мятлевъ; К. С. Сербиновича, кн. П. Д. Волконскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, М. И. Панова, Н. Н. Салифорткова, Ф. И. Опочинина, Д. И. Снобелева, И. П. Норнилова, К. П. Колзанава, Н. Ф. Крузе, гр. Э. К. Чавскаго, кн. Гагарина, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, бар. Ф. А. Бюлера, М. Ф. Бороздина, М. А. Веневитиновъ, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ и мног. др.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ третій.

М А Й.

1872 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ - Смоленскій: письма во время войны 1812—1813 г. Сообщ. Ө. К. Опочининъ	687	Вайко: 1. Кіевъ и 2 Смерть Чигиринскаго старосты. Сообщ. П. А. Ефремовъ	758
II. Письма Сталь къ княгинѣ Ек. И. Голенищевой - Кутузовой - Смоленской. 1812—1813 гг. Сообщ. Ө. К. Опочининъ	698	VI. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Историческіе рассказы и анекдоты, записанные П. Ө. Карабановымъ . (767) 2. Распоряженіе о кашаѣ дѣвидъ Смольнаго монастыря, 1802 г. (773) 3. Заѣздъ И. П. Нулибина . 1802 г. (773) 4. М. Ө. Орловъ, замѣтка Н. М. Орлова . (775) 5. По поводу изданія писемъ кн. Кутузова - Смоленскаго. (781)	
III. Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ на Кавказѣ въ 1826—1827 гг.: допесенія и письма. Сообщ. П. И. Вронн	706	VII. Некрологъ: А. Н. Аванасьевъ , † 1871 г. П. А. Ефремова	787
IV. Маіоръ, поэма П. А. Федотова 1846 г.	727	VIII. Библиографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ). Объявленіе.	
V. Н. Ө. Рылѣвъ : Стихотворенія: I. Къ Делін. II. Счастливая пережѣва. III. Нечаянное счастье. IV. Мстиславъ Удалый, дума. V. Михаилъ Тверской, дума. VI. Отрывки изъ поэмы «Нали-			

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки **А. Т. Болотова** 1738-1794 гг. **томъ третій**, ч. XVII, письма 165—174: Вытъ русскаго дворянства 1773—1774 гг.

При этой книгѣ приложены рисунки: 1) Домъ, въ которомъ скончался кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій въ 1813 г. и памятникъ ему въ Бунцлау. Рисовано съ фотографій, сообщ. вице-адмираломъ **Ө. Д. Нордманомъ**, гравировалъ академикъ **Л. А. Сѣряновъ**.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1872 г. Цѣна съ доставкой въ Петербургъ и Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города **восемь руб.**

Вслѣдствіе многочисленныхъ требованій „Русской Старины“ 1872 г. осталось немного экземпляровъ, печатается второе изданіе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

(Приложеніе: зап. Болотова съ л. 9—13, напечатаны въ печати В. Головина, Владимірская, д. № 15).

1872.

У-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Древняя русская исторія до монгольскаго вѣка. Сочиненіе М. Погодина. М. 1871. Сня. Тип. 4°. Томъ I и II (8 мѣнум. и 825 стр.); томъ III (рисунки, объясненія и указатели). Цена 25 р.

Первые два тома содержатъ въ себѣ текстъ, а третій, распадающійся на два отдѣленія, предлагаетъ: 1) атласъ историческій, географическій, археологическій (съ объясненіями) и 2) таблицы и указатели. Въ первомъ томѣ помѣщено посвященіе Государю Императору; изъ этого посвященія мы узнаемъ, что авторъ «ведетъ свой родъ изъ крѣпостнаго крестьянства».

За исключеніемъ «указателей», составленныхъ Н. П. Барсуковымъ, настоящее изданіе М. П. Погодина представляетъ, главнымъ образомъ, перепечатку своего и чужого: для первыхъ двухъ томовъ основаніемъ послужили «Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина о древней русской исторіи» (семь томовъ, 1848-1857); для атласа же взяты рисунки изъ изданій В. А. Прохорова, И. П. Корнилова, П. Н. Батюшкова, Карамзина, Уварова, Савельева и другихъ лицъ, изъ изданій ученыхъ обществъ и правительственныхъ.

Достоинства текста известны: они достаточно опредѣляются именемъ автора, его полувѣковой дѣятельностью—ученою, литературною и общественною. Что же касается атласа, то мы должны, къ крайнему нашему прискорбію, его причислить къ изданіямъ совершенно лубочнымъ; знакомые съ изданіями Прохорова, Корнилова и Батюшкова и имѣющие ихъ подъ рукою, пусть сравнятъ замѣствованные изъ сихъ изданій рисунки съ копіями М. П. Погодина. Столь небрежныхъ, безобразныхъ копій намъ не случалось видѣть.

Указатель хотя и представляетъ нѣчто новое въ настоящемъ изданіи М. П. Погодина, но, къ сожалѣнію, онъ разбитъ и составленъ по столькимъ рубрикамъ, что невольно рождается желаніе имѣть ко всему этимъ мелкимъ указателямъ и спискамъ еще одинъ общій, давнымъ-давно введенный на Западѣ и по-немногу вводившійся у насъ. Составъ этого указателя, недостающаго въ изданіи М. П. Погодина, весьма несложень: 1) лица, 2) мѣста, 3) предметы и рѣченія. Между тѣмъ, въ изданіи М. П. Погодина личный указатель разбросанъ въ одиннадцать рубрикахъ, мѣстный — въ пяти, и только предметный—въ одномъ. Большинство этихъ рубрикъ отличаются своеволіемъ и неосновательностію, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ рубрикъ отнесены не къ своему роду, въ неподлежащее мѣсто, наприм. изъ предметовъ, гдѣ бы по насущаему имъ слѣдовало быть, отнесены

къ мѣстамъ. На указатель мы останавливаемся потому, что дѣло составленія ихъ считаемъ весьма серьезнымъ, дѣломъ науки, требующимъ строгой, твердой и опредѣленной системы. Безъ учебно-описательныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, критическихъ указателей наука не можетъ успѣшно двигаться впередъ, въ особенности у насъ въ Россіи. У насъ занимающійся, наприм., съ исторіею, прежде чѣмъ приступить къ предмету своего изслѣдованія, долженъ перерывать всѣ бібліотеки, чтобы сколько-нибудь, благодаря слабымъ начаткамъ біблиографической науки въ нашемъ отечествѣ, ознакомиться съ литературою своего предмета, а потомъ, найдя нужная для себя изданія, еще долго, по отсутствію при нихъ хорошихъ и подробныхъ указателей, рыться въ нихъ. Вѣроятно, мы не ошибемся, если скажемъ, что, при отсутствіи у насъ бібліографіи въ обширномъ смыслѣ—какъ науки, на вышеупомянутые поиски тратится времени, до крайней мѣры, разъ въ пять болѣе чѣмъ бы слѣдовало. Вотъ почему мы такъ настойчиво желаемъ строгой, послѣдовательной, вполне-ученой системы для указателей.

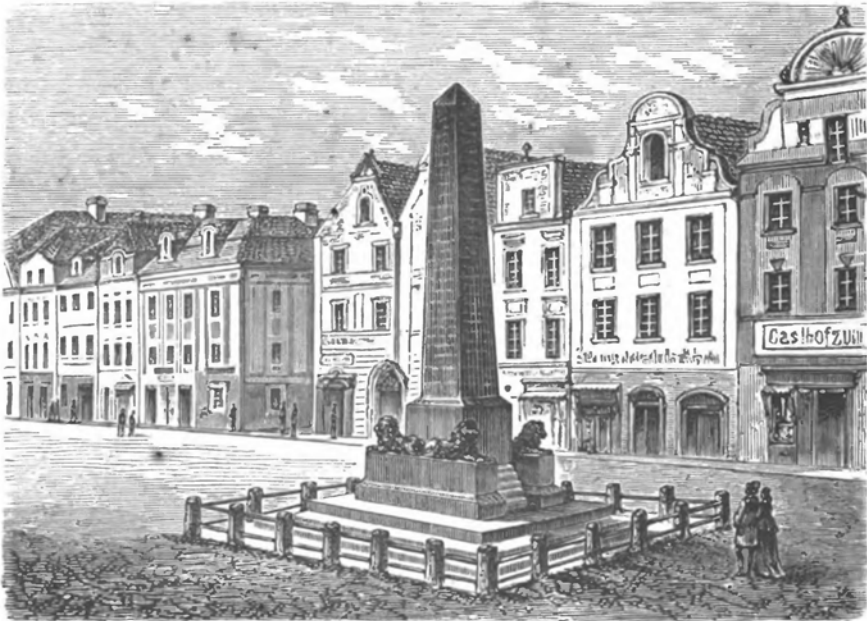
Возвращаясь къ изданію М. П. Погодина, къ его внѣшности, т. е. къ бумагѣ, приету, печати,—должны откровенно сказать, что все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ весьма многого желать, особенно—бумага; между тѣмъ цѣна, по истинѣ, ужасная—25 рублей! И за что? Впрочемъ, есть изданіе того же самаго, но безъ 3-го тома, въ осмужку, стоитъ 5 рублей; но по внѣшности оно не стоитъ и этихъ денегъ. Вообще мы искренно сожалѣемъ, что почтенный ученый, получивъ 10 т. побобіа отъ правительства на изданіе своего многолѣтняго труда, выпустилъ его столь неряшливо. Какимъ бы ни были недостатки этого изслѣдованія, оно все-таки заслуживало изданія болѣе опрятнаго.

Иезуиты въ Западной Россіи въ 1569—1772 годахъ. Соч. А. Демьяновича. Сиб. 1872. Тип. Головина, 8°, 226 стр.

Сочиненіе это—магистерская диссертация, написанная на прекрасную тему, данную проф. академіи М. О. Колядовичемъ, молодымъ ученымъ А. П. Демьяновичемъ. Сочиненіе это, обнимающее собою два столѣтія въ исторіи иезуитскаго ордена въ Россіи, пополняетъ пробѣлъ, оставленный сочиненіемъ покойнаго о. Морощина: г. Демьяновичъ, начиная ab origine, доводитъ свое изслѣдованіе вплоть до того пункта, съ котораго начинается уже далѣе разсказъ о. Морощина. Множество примѣчаній въ изслѣдованіи г. Демьяновича свидѣтельствуютъ, что авторъ достаточно ознакомился съ литературою своего предмета, и не только лите-

Домъ въ Бунцлау, въ которомъ скончался 13 апрѣля 1813 г.
кн. М. И. Голенщевъ-Нутузовъ-Смоленскій.

Памятникъ князю М. И. Голенщеву-Нутузову-Смоленскому въ Бунцлау.

Фотографія сообщ. вице-адм. Ф. Д. Нордманъ.

Гравировалъ акад. Л. А. Сѣряковъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 апрѣля 1872 г.
Типографія В. С. Балашева, Большая Сидовая, № 49-2.

АРХИВЪ
КНЯЗЯ М. И. ГОЛЕНИЦЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО,
(1745—1813)
нынѣ принадлежащій правнуку его **Ө. К. Опочинину.**

Ш *).

1812 г.

28-го декабря, Ораны. Сію минуту государь отправляетъ курьера въ Петербургъ. Жаль, что иногда не узнаешь заранѣе объ отъѣздѣ ихъ. Новаго у насъ то, что древняя прусская столица Кенигсберхъ занята Витхенштейномъ третьяго дня,—но безъ усилій. Одинъ авангардъ Витхенштейновъ подошелъ, и Магдоналдъ все бросилъ и бѣжалъ: все это слѣдствіе счастливыхъ дѣйствій главной арміи. Дѣтямъ благословеніе.

31-го декабря, (на границѣ герцогства варшавскаго). Сей-часъ, мой другъ, получаю твое письмо отъ 26-го. Тутъ и ода, которая, однако-же, всѣхъ другихъ слабѣе, и та строфа, на которую ты указываешь, тѣмъ неправильна, что я „вѣсилъ Москву не съ кровью воиновъ“, а съ цѣлой Россіей, и съ спасеніемъ Петербурга и съ свободою Европы. Записка въ твоёмъ письмѣ приложена. Объ ей я скажу въ другомъ письмѣ. Что касается до Катиньки, я объ этомъ давно уже думаю. Что касается до дѣль, (то) **), вотъ что можно сказать: видимостей нѣтъ, чтобы дѣла военныя испортились, ибо все дѣлается осторожно; что-же касается до политическихъ, то я, кажется, побо-

*) См. «Русскую Старину» изд. 1870 г., т. I, изд. первое, стр. 249 и 325; изд. второе, стр. 483; т. II, стр. 498; изд. 1871 г. т. III, стр. 49 и 201; изд. 1872 г. т. V, стр. 257 и 646.

**) «Го» слегка зачеркнуто, повидному Кутузовымъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. V. 1872. иль.

жусь, что ничего еще такова не вздумали, чего бы не надобно было непременно. Что Дашенька? Дѣтямъ благословеніе.....

Кн. Виртенберской здоровъ, и оба.

1813 г.

1-го генваря, 1813-го (на границѣ герцогства варшавскаго). Дай Богъ, чтобы тринадцатый годъ кончился такъ счастливо, какъ начинается. Сейчасъ ѣдетъ курьеръ. Я, слава Богу, здоровъ. Государь, слава Богу, съ самаго приѣзда ничѣмъ не пожаловался, хотя и не бережется никакъ... Сейчасъ получаю письмо твое отъ 28-го. Не знаемъ когда будемъ въ Варшавѣ, а ежелибудемъ, то неостановимсяи тебѣ, мой другъ, никакъ приѣхать будетъ не можно. Дѣтямъ благословеніе.....

3-го генваря 1813-го, въ герцогствѣ варшавскомъ. Сегодня, мой другъ, курьеръ поѣхалъ, и я не зналъ. Теперь это можетъ и часто случиться; иногда нѣсколько въ день отъ Государя, и не узнаю когда курьеръ ѣдетъ. И Фенчъ и Обрезковъ сегодня приѣхали.... Скажи, пожалуйста, что за дѣвица Бунина, которая оду писала? Хотя эта ода мнѣ мало принадлежитъ, но для чего не поблагодарить; только не знаю: кто, гдѣ и какъ зовуть?....

Пожалуйста, пришлите табакъ, ежели можно самаго того, что ты мнѣ купила при отъѣздѣ моемъ.

9-го генваря 1813-го, городъ Лисса въ Пруссіи. Сегодня отправлю князя Долгорукова, съ которымъ буду писать больше; я на прошедшихъ дняхъ былъ боленъ коликми, которыя у меня были прошлаго года въ генварѣ же мѣсяцѣ. У насъ все идетъ счастливо; сколько укрѣпленныхъ городовъ казаки на Вислѣ перебрали. Дѣтямъ благословеніе.

10-го генваря 1813-го, г. Лисса въ Пруссіи. Сейчасъ, мой другъ, получилъ твое письмо отъ 5-го числа и иеру при немъ; но ни Катинькина письма, ни лентъ егорьевскихъ не привезли. Не бойтесь, мы далеко не забѣжимъ; я вѣдь не моложе сталъ. Объ Либѣ самое трудное: сколько генераль-майоровъ его старѣе въ арміи служить, и не могу скоро собраться объ этомъ говорить..... Великій князь Константинъ Павловичъ имѣлъ начало горячки; но выпался и выздоровѣлъ. Къ дворянству петербургскому пишу съ сегодняшнимъ курьеромъ. Отъ казанскаго протопопа получилъ письмо; письмо прекрасно. Я дни три очень хворалъ; растался съ коликми. Теперь прощай, и завтра поѣду далѣе.

Вообразить нельзя какъ мы приняты въ Пруссіи: никогда ни прусскаго короля, ни его войска такъ не принимали. Объ королевѣ

многіе въ народѣ думаютъ, что она жива и спрятана въ Петербургѣ. Дѣтямъ благословеніе.....

Егорьевскую ленту получилъ.

11-го генваря 1813-го, Иоганштадтъ. Посылаю письмо къ Катеринѣ Александровнѣ Бибиковой; въ немъ другое къ Софѣ Гавриловнѣ Бибиковой и шифръ. Не знаю, гдѣ ихъ сыскать, и для того прошу тебя это имъ отправить. Я выздоравливаю; осталось нѣсколько кашля, который по утрамъ беспокоитъ. Но сегодня былъ у государя и поѣду къ нему обѣдать. Дѣтямъ благословеніе.....

Что дѣлаетъ больной Костинька и здорова ли Катинька? Я все думаю, что у ей коря не было.

13-го генваря, Иогансбургъ, 1813-го. Вчера, мой другъ, писалъ къ тебѣ съ фельдъегеремъ, а сегодня отъѣзжаетъ генераль Розень. Я слава Богу здоровъ, но еще поберегаюсь. Сегодня рожденіе Ели: Алексѣевны, но я у обѣдни не былъ и только что поѣду къ государю обѣдать. Въ заботѣ крайней я объ больныхъ нашихъ въ Петербургѣ. Вѣрно всѣ трое дѣти больны. Барклая ожидаемъ; я думаю мы съ имъ не поссоримся, тѣмъ болѣе, что и не вмѣстѣ будемъ жить. Дѣтямъ благословеніе.....

14-го генваря, Иогансбургъ 1813-го. Отправляю князя Голицына, объ которомъ уже такъ давно меня просятъ. Скажу тебѣ, мой другъ, что—я слава Богу, кромѣ маленькаго остатка кашля. Сегодня пріѣхалъ Волхонской и слава Богу, что дѣтямъ лутче; это меня очень беспокоило.

Сегодня расстаюсь съ государемъ на однѣ сутки, негдѣ бы было ночевать ему въ гаубтъ-квартирѣ моей, и завтра поѣдетъ фельдъегерь, который моего письма не возметъ. Дѣтямъ благословеніе.....

16-го генваря 1813-го, Виленбергъ въ Пруссіи. Отъ 9-го числа получилъ твое письмо, мой другъ, съ фельдъегеремъ, гдѣ ты пишешь, что послала трески, но ее не привезли. Я, слава Богу, здоровъ и здѣсь конечно все идетъ хорошо, какъ военныя, такъ и политическія дѣла. Слава Богу, что дѣти выздоравливаютъ. Не удивляйся, ежели иногда не получишь письма; бываетъ, что розно съ императоромъ. Дѣтямъ благословеніе.....

24-го генваря, близъ Вислы. Вчерась, мой другъ, я получилъ письмо твое отъ 15-го, и здѣсь прилагаю къ Александру Львовичу и благодарю его. Витхенштейнъ ушибъ руку и отъ того отъѣхалъ—было въ Кенигсбергъ; но теперь опять при корпусѣ. Было, можетъ быть, минутное неудовольствіе, какъ-то отъ Платова, и въ томъ Платовъ не виноватъ. Отъ Лизаньки и отъ Катиньки не имѣю давно извѣстія — съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Кудашевъ. Не задерживаетъ

ли онъ? Правда и то, что теперь нескоро и письма получишь: далеко ушли. Мы, то-есть корпусъ нашъ, подъ Варшавой и можно бы занять завтра: жители всѣ сего желаютъ. Но французы такъ много оставили болѣзней, что и нехорошо вводить много войскъ; а станутъ около, подъ самымъ городомъ. По репортамъ къ государю, чума въ Крыму совсѣмъ прошла, и я отъ этого покойнѣе. Выздоровливающихъ нашихъ цѣлюю.....

28-го генваря, 1813-го Плоцкъ на Вислѣ. Сейчасъ получилъ я ключи отъ Варшавы, которые отправятся съ генераль-адъютантомъ Васильчиковымъ, можетъ быть, завтра въ вечеру въ Петербургъ и при молебнѣ положены будутъ въ Казанской церкви. Варшаву занялъ Милорадовичъ. Войска велѣно расположить въ предмѣстїяхъ, а самого города не занимать. Французская партія рада очень, что мы ее защитимъ отъ буйства народа, который золь выше мѣры. Ежели что и произойдетъ между ими, то вина не можетъ пасть на войска наши, ихъ въ городѣ нѣтъ. Третьяго дня убили на улицѣ французскаго полковника за то, что французъ. Шестъ тысячъ больныхъ французовъ, которые бы заразили и нашихъ. Данцигъ блокированъ. Сегодня полученъ рапортъ, что выходила вылазка человекъ въ тысячу, но вся истреблена казаками и башкирами. Александръ Семеновичъ (Шишковъ) видно забылъ и ничего мнѣ не говорилъ объ Подобѣдовѣ. Дня два я его не видалъ, за недосугами. Объ Остерманѣ я къ тебѣ писалъ. Это письмо пойдетъ съ фельдъегеремъ, который сейчасъ ѣдетъ. Въ указѣ объ Софїи Гавр. сказано: „племянницѣ фельдмаршала кн. К. См.“

29-го генваря, Плоцкъ. Вчтася, мой другъ, писалъ къ тебѣ съ фельдъегеремъ; а это готовлю съ Васильчиковымъ, который, думаю, завтра поутру поѣдетъ. Сегодня поутру государь говоритъ мнѣ: „ты мнѣ всякой день сказываешь хорошія вѣсти, такъ и я что-нибудь скажу: О* — ленту, а Х* совсѣмъ прощень“. Объ Ѳедорѣ Петровичѣ (Опочининѣ), послѣ того, какъ къ тебѣ писалъ, я уже не говорилъ.... Подобѣдову тысячу рублей выдамъ и скоро пришлю его росписку, по которой деньги получишь. Сегодня было здѣсь молебствіе. Когда государь вышелъ къ разводу, объявилъ, что Варшава взята, ему закричали ура! Скоро очень я пришелъ и говорю ему: „сейчасъ получилъ, что крѣпость Пилау сдалась“; онъ меня обнялъ, и говорить: „мнѣ сейчасъ кричали ура, должно и тебѣ“. Закричали ура, и государь опять меня обнялъ. Гвардейскіе были симъ очень тронуты Дѣтямъ благословеніе.

.....Дашеньку, мой другъ, поздравляю и тебя и Анненскаго кавалера, и цѣлюю васъ.

31-го генваря, Плоцкѣ, 1813-го. Съ генераль-адъютантомъ Васильчиковымъ послалъ я, мой другъ, брилліантовыя вещи, которыя пожалуйста сохрани: табакерку, солитеръ, и часы и шпагу. Дѣтямъ благословеніе...

2-го февраля, Плоцкѣ. Сейчасъ получилъ твое письмо, отъ 25-го генваря, и письма отъ Федора Петровича. Теперь, кажется, его дѣло кончено. Я объ этомъ писалъ съ послѣднимъ курьеромъ..... Отъ Лизаньки вчера съ получилъ письмо изъ Севастополя. Тамъ болѣзни нѣтъ. Они собираются ѣхать на Кавказъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Благодарятъ тебя очень за Катиньку, что ты съ нею не строга. Въ Варшавѣ очень смиренны; элеганти только воюють фразами, сатируютъ множество, напримѣръ: „par votre conduite angélique vous avez la pretention de vous faire admirer“; другая: „à quoi nous réduisez vous à vous cherir comme nous détestons vos enemis“. Иная: „que ne suis-je venu au monde russe, j'aurais partagé votre gloire et je me serais rejouie de vos triomfes“. И это все самыя бѣшенныя патріотки. Но слово Бонапартиено, въ Варшавѣ сказанное Потоцкому, министру польскому: „au mois de septembre j'étais encore souverain du monde et je ne le suis plus, et après avoir souri, il ajouta: „tant la distance est petite entre le sublime et le ridicule. „Je désaprie à craindre Napoléon, mais un home qui dans cete circonstence peut encore dire cela n'est pas ordinére“ *). — Дѣтямъ благословеніе.....

4-го февраля, Кладова. У насъ все, слава Богу, хорошо. Послѣднія произшествія тѣ, что Воронцовъ разбилъ четырехъ-тысячный корпусъ и прогналъ его къ Познани. Винцинротъ поймалъ корпусъ Ревіе, который прежде былъ у Варшавы, и долго очень отъ насъ прятался, — у Калина его разбилъ, взялъ семь пушекъ, два знамя, генерала саксонскаго, Ностица, 36 офицеровъ и до двухъ тысячъ рядовыхъ. И гналъ ихъ день и ночь. Непріятель былъ тысячахъ въ пятнадцать. Они всѣ были съ Шварценбергомъ и въ Варшавѣ: оттого такъ цѣлы. Эту вѣсть привезъ Киренинъ, котораго я тотчасъ поздравилъ полковникомъ. Скажи объ немъ Маріѣ Алексѣевнѣ (которой отъ меня кланяйся), что онъ не только служить хорошо, но и ведетъ себя какъ красная дѣвка. Объ дѣвицѣ Буниной я сегодня просилъ, и государь приказалъ ей умножить пенсіонъ до двухъ тысячъ рублей. Объ этомъ я уже сказалъ и Александру Семеновичу. Можешь ей объ этомъ объявить и отъ меня поклониться. А все-таки я не такъ вѣсилъ Москву, не съ кровію воиновъ, а со

*) Орфографія французскихъ строкъ воспроизведена согласно подлиннику.

всю Россію. Отъ Аннушки получилъ письмо. Она ѣдетъ въ Петербургъ, а мужъ — въ Калугу. Они еще не получили послѣдняго моего курьера, которымъ они совсѣмъ разрѣшаются. Дѣтямъ благословеніе.

13-го февраля. Калишъ..... Здѣсь въ Калишѣ нѣсколько дней пробудемъ... Альбрехту выдумую какъ дать Владиміра, ему принадлежить; но очень трудно выдумать для Нилова. Велѣно разсмотрѣть Вязмитинову; какъ же это перемѣнить; хотя, впрочемъ и кажется, что онъ едва ли виноватъ, и потому можно будетъ попросить Вязмитинова. Жаль, что Варвара Ивановна, которая меня первый разъ попросила, и тутъ не могу сдѣлать.....

15-го февраля, Калишъ. Вчера получилъ, мой другъ, твое письмо, гдѣ ты пишешь о взятіи Варшавы. Варшава такъ занята, что отъ ней ни хлопотъ, ни бѣды не будетъ и такой исторіи сдѣлаться не можетъ, какой, какъ я слышу, боялись въ Петербургѣ.

Сегодня лучше извѣстіе: прусскій король подписалъ всѣ предложенія, отъ государя ему сдѣланныя. Это даетъ намъ тысячъ сто войска. Объ этомъ скоро будетъ публично въ Петербургѣ; здѣсь уже секрету нѣтъ. Благодарить Бога, а безъ нынѣшней кампаніи этого бы не было. Штуденты со всѣхъ университетовъ нѣмецкихъ разбѣжались, чтобы служить противъ французовъ, и носятъ на шляпахъ звѣздочки: бѣлая сѣверная звѣзда. Я всѣ эти дни нездоровъ былъ, все маленькія колики. Получила ли ты мое письмо, гдѣ я говорю, что Буниной государь умножилъ пенсію до двухъ тысячъ? Кажется все было сдѣлано и я отъ государя сказалъ Александру Семеновичу. Сказывала ли ты ей? Дѣтямъ благословеніе *)...

18-го февраля, Калишъ. Это письмо не знаю съ кѣмъ отправлю. ѣдетъ фонъ-Медемъ и фельдъегерь. Ты пишешь объ герцогинѣ виртембергской. Правда, что ея мужъ со мною очень хорошъ и претихой человѣкъ. Здѣсь товары дешевы и я уже прежде думалъ послать левантины, 74 копейки серебромъ локоть. Я все не могу совсѣмъ оправиться, все прихватываютъ маленькія колики и нѣсколько дней сижу дома, отъ дурной погоды, и государь всякій день у меня. Вчера я имѣлъ честь подписать трактатъ съ Пруссіей, а отъ нихъ подписалъ Гарденбергъ; но это еще не публично. Катиньку поцѣлуй за письмо...

22-го февраля, Калишъ. Вотъ вамъ еще хорошее извѣстіе: Берлинъ взятъ и войсками Гра: Витгенштейна занятъ. Кенигсбергъ также называется столицею Пруссіи; итакъ, вышедъ изъ предѣловъ своихъ

*) Бумага этого и слѣдующаго письма имѣетъ водяной знакъ: изображенъ левъ на дыбахъ, въ правой лапѣ у него мечъ, въ лѣвой звѣзда, должно быть сѣверная; на головѣ корона.

мы уже занимаемъ третью столицу. Непріятель въ Берлинѣ былъ въ пятнадцать тысячахъ. Изъ Дрездена, сказываютъ, выѣзжаютъ. — Поздравляю съ пріѣздомъ Аннушки и съ Мишинькой. Какъ ты, мой другъ, счастлива, что живешь съ ими, а я все свитаюсь окруженъ дымомъ, который называютъ славою; но къ чему постороннему не сдѣлаешься равнодушнымъ? Я тогда только счастливъ, когда спокойно думаю объ своемъ семействѣ и молюсь за ихъ Богу.

Табакъ, который былъ присланъ, очень хорошъ и прошу прислать нѣсколько жестянокъ.

Нѣсколько дней не выѣзжалъ, а сегодня даю государю балъ, и такъ какъ это въ другомъ домѣ, то выѣду. Вся болѣзнь въ томъ, что часто прихватываютъ колики, хотя весьма легкія.....

Аннушкино и Дашенькино письмо такія благодарныя, что я и не зналъ, что я такое для ихъ сдѣлалъ.....

25-го февраля, Калишъ. Поздравляю, мой другъ, съ фрейлиною. Нѣсколько дней назадъ, какъ развѣдывали сколько ей лѣтъ; а государь мнѣ сказалъ только вчерась: это за миръ съ Пруссіей. Кажется и стихи къ портрету Писарева очень ласковы. А къ тебѣ посылаю портретъ мой, въ Берлинѣ сдѣланный наизусть; въ нѣмецкой землѣ далѣе всякихъ манеровъ есть и по двѣ копѣйки по деревнямъ.

Забылъ по сю пору послать здѣшнихъ гостинцевъ; всѣ эти дни въ суетахъ. Послѣдній день масленицы былъ у меня балъ, дамъ до пятидесяти.

Вчерась отвезъ самъ принцу Александру Виртенбергскому третьяго Георгія и перваго Владиміра, и онъ очень радъ.

Объ Николки спрашивается, куда онъ отправленъ; думаю недалеко; это надобно узнавать чрезъ губернаторовъ. Изъ арміи какъ управляютъ, то уже и не заботятся гдѣ онъ; но скоро узнаю.

Хотѣлъ отправить левантиновъ, но курьеръ ѣдетъ и уже ночь, то и нельзя ни рассмотреть ни сторговать, пришлю съ будущимъ курьеромъ, такъ же и новой фрейлинѣ 500 р. на платье.....

1-го марта, Калишъ. Сегодня, мой другъ, думаю поѣдетъ курьеръ. Посылаю девять штукъ левантина. Только и есть хорошаго. Изъ этихъ штукъ можешь удѣлить дѣтямъ или Яхонтовой, которой кланяйся. Маленькой фрейлинѣ посылаю 500 р., на что ей понадобится. Кавопку еще не могъ отыскать; но вчерась слышалъ, что онъ въ Херсонѣ и велѣлъ точно справиться. Ты кажется еще писала объ Черепановѣ, которой обойденъ въ генераль-майоры? Онъ былъ въ компаніи при вагенбургѣ; а здѣсь производятъ только тѣхъ, которые въ сраженіяхъ отличились, и этихъ награждать больше нечѣмъ, по старшинству же ни одинъ не произведенъ. Вчерась произвели Кай-

сарова, также за отличность. Поблагодари Симеона за письмо, которое онъ писалъ съ Грейколсъ. Государь сегодня приобщался и говѣлъ по-христіански. Онъ отъѣдетъ, думаю, дня на три въ Бреславль. Вчера съ сюда пріѣхала madame Foldan къ мужу и очень меня удивила. Сказывала, что была у тебя, и не смѣла тебѣ сказать, что въ армию ѣдетъ. Объ Пизани вчера съ говорилъ. Государь взялъ къ себѣ и сказалъ: „я за это возьмусь“. Объ Валувѣ и не помню, что ты писала; объ Валувѣ напомни мнѣ. Сейчасъ получилъ письмо твое отъ 20-го февраля. Къ патриотическимъ дамамъ буду писать. А вы удивительные люди, что курьеръ не пріѣхалъ семь дней, вы и въ страхѣ. Вѣдь мы отъ васъ ушли за 1000 верстъ. Дороги сдѣлались похуже, такъ и разница курьеру дня три. Бунинной очень обязанъ за письмо. Аннушку благодарю за ея веселость.....

7-го марта, Калишъ. Сейчасъ изъ Бреславля ѣдетъ курьеръ въ Петербургъ, и государь за нимъ вслѣдъ. Онъ тамъ три дни гостилъ. Пріемъ былъ чрезвычайный и пруссаки безъ памяти. Король мнѣ отдалъ въ команду свои войски. Не смѣю задержать курьера, весьма наскоро отправленъ и государь долженъ сейчасъ пріѣхать. Съ будущимъ курьеромъ надѣюсь много писать объ дрезденскихъ праздникахъ. Наши на Эльбѣ и здѣсь все тихо. Дѣтямъ благословеніе...

11-го марта, Калишъ..... Мы сюда ждемъ прусскаго короля. Пришли, пожалуйста, нѣсколько, хотя три экземпляра, ежели есть, моихъ гравированныхъ портретовъ. Изъ Россіи пишутъ незнакомые и просятъ, а вотъ какъ въ Берлинѣ награвировали по распросамъ, посылаю; достану, да пришлю такихъ, что въ разныхъ костюмахъ и въ шубѣ; и Богъ знаетъ какъ; есть такіе, что и по двѣ копѣйки.....

Поведеніе нашихъ войскъ здѣсь всѣхъ удивляетъ и моральность въ солдатахъ такая, что и меня удивляетъ.....

12-го марта, Калишъ. У насъ опять радостныя вѣсти: Гамбургъ нашими войсками занятъ. Сегодня ѣдетъ курьеръ съ извѣстіемъ къ государынимъ, а завтра съ ключами генераль Бороздинъ. Вчера ихъ привезли, они превеликіе и я ихъ нечаянно принесъ къ государю и бросилъ въ ноги: Гамбургъ кланяется; это пришло вчера съ вечеру, а завтра молебень съ пушечной пальбою.

Чтобы у васъ все знали, посылаю три прокламаціи прусскаго короля своему народу. Духъ въ пруссакахъ такой, что надобно на всякомъ шагу удивляться. Дворяне, лучшихъ фамилій, служатъ рядовыми на свой коштъ въ солдатскихъ мундирахъ, и ежели замѣтятъ молодого челоуѣка съ руками и съ ногами дома, тотъ обругавъ на вѣки. Эти молодые люди, въ солдатскихъ мундирахъ, танцовали на балѣ при императорѣ и королѣ, и дамы лучшія и принцессы ихъ поды-

мають преимущественно. Сынъ твоей французенки здоровъ, но такая буйная голова, что должно было изъ Вильны услатъ далѣе; однакоже на дорогу дали денегъ. Къ Лизанькѣ послалъ нарочнаго, она теперь вмѣстѣ съ Катинькой. Гра. Остерманъ поѣхалъ, или поѣдетъ въ Егунъ къ водамъ, все еще у него не проходитъ. Сегодня у меня былъ большой столъ, весь дипломатическій корпусъ, Толстой, Бала., (шовъ?), Шишк.(овъ?), Аракчеевъ, и сколько было генераловъ. Скажи пожалуйста какъ Катинька приняла шифръ? Дѣтямъ благословеніе.....

Аглицкой клобъ увѣдомляю объ Гамбургѣ письмомъ.

14-го марта, Калишъ. Сіе пишу, мой другъ, съ генераломъ Бородинымъ, который везетъ ключи гамбургскіе. Ожидаемъ чрезъ пять дней короля прусскаго и готовимъ пріемъ и праздники; съ нимъ ѣдутъ братья и наслѣдникъ. Жаль, что не будутъ принцессы; говорятъ прекрасныя... Послали съ прошлымъ курьеромъ игрушекъ къ Костинькѣ *); не знаю довели ли?.....

16-го марта, Калишъ. Сейчас получаю, мой другъ, твое письмо отъ 8-го марта и удивляюсь, что ничего еще не пишешь объ Катинькѣ, то-есть объ фрейлинѣ. Неужто не было молебна объ занятіи Берлина? Объ Виземской буду дѣлать, объ Порашинныхъ тоже не забуду. Ждемъ чрезъ два дни сюда короля прусскаго, и я готовлю у себя илюменацію съ надписями и съ картинами. Арнфельдова сына можно будетъ отправить къ Витхенштейну. Дѣтямъ благословеніе...

17-го марта, Калишъ. Вчерась, мой другъ, получилъ два твоихъ письма, то-есть, при возвращеніи твоемъ изъ Тифина (Тихвина). Я очень чувствовалъ твой пріемъ тамъ и былъ тронутъ. Велѣлъ написать письмо къ головѣ. Я удивился, что ты ничего не говорила объ нашей фрейлинѣ, но мнѣ растолковалъ государь. Объ этомъ объявлено будетъ на молебнѣ, а тогда молебна еще не было. Сестрѣ Дарѣ Ларіоновнѣ государь пожаловалъ по смерти пенсію 2000 р. Дяковъ сегодня пріѣхалъ. Объ немъ позабочусь. Надобно, чтобы великій князь провѣдалъ, что мнѣ этого хочется, то онъ и будетъ просить. Яхонтовъ при дипломатической канцеляріи государевой. и ежели будетъ прилеженъ, то и выйдетъ въ люди. Дѣтей благодарю за приписку...

20-го марта, Калишъ. Сію минуту, мой другъ, прислали сказать, что курьеръ ѣдетъ. Вчерась получилъ отъ васъ письма объ фрейлинствѣ Катинькиномъ. Слава Богу, что это васъ порадовало. Шнейдеръ и Арнфельдъ пріѣхали. Къ Арнфельду прилагаю письмо. Денегъ, сколько можно, тотчасъ пришлю. На этихъ дняхъ пріѣдетъ Дишканецъ. У него всѣ счеты мои въ его рукахъ. Сегодня мы сус-

*) Константинъ Федоровъчъ Опочининъ.

тимся: завтра будетъ король прусскій и войски будутъ въ парадѣ. На сихъ дняхъ заняли Дрезденъ: вотъ и четвертая столица, и передовыя войски наши вышли уже изъ Пруссіи. Объ Канопкѣ насилу понялъ который, и буду заботиться объ немъ. Скажи ей, что я ее очень давно люблю, и напрасно она сумнѣвается, что я ее дѣла забуду. Объ Ѳедорѣ Петровичѣ вотъ отчего нѣтъ рескрипта: Шишковъ говоритъ, что тотъ изъ министровъ, который представляетъ, тотъ и заготавливаетъ рескриптъ. Стало-бы должно Гурьеву и прислать. Впрочемъ, здѣсь, ей-Богу, Александрѣ Николаевнѣ поклонятся 50 человекъ, которые безъ рескриптовъ..... Дѣтямъ и внучатамъ кланяюсь и цѣлую.....

Логину Ивановичу должно отвѣчать на письмо, надобно оправдаться.

22-го марта, Калишъ. Курьеръ еще не уѣхалъ. Вчерась король прусскій пріѣхалъ сюда въ три часа пополудни. Гвардія, гренадерскій корпусъ, кирасиры и нѣсколько артиллеріи были въ строю. Съ имъ никого нѣтъ изъ фамиліи. Удивительно, что говоритъ много по-русски; мнѣ передъ войсками наговорилъ большіе комплименты. Сегодня поутру былъ у меня съ визитомъ и я его принялъ. Въ Дрезденѣ наши приняты чрезвычайно, и въ вечеру дали итальянскую *la vestale*. Сказываютъ, оркестръ первый въ свѣтѣ. Не знаю еще, кого пошлемъ въ Петербургъ съ ключами, надобно генерала. Рескриптъ Опочинину велѣлъ у себя написать и поднесу къ подписеѣ, инако долго промѣшкають... Благодарю очень Костиньку, что увѣдомилъ, что бонъ-маманъ чашку разбила...

У меня сегодня балъ для короля, а билеты званые отъ имени одной дамы, для того, что постъ.

24-го марта, Калишъ. Пишу съ генераль-лейтенантомъ Бороздинымъ, который повезетъ ключи отъ Дрездена. Такъ какъ онъ долго, думаю, проѣдетъ, то я обо всемъ, что до бытности короля здѣсь касается, буду писать съ фельдъегеремъ, который его объѣдетъ. Грамоту, думаю, къ Опочинину, подпишетъ сегодня. Мы скоро, думаю, отсюда пойдемъ къ Дрездену...

25-го марта, Калишъ. Вчерась, мой другъ, писалъ къ тебѣ съ генераломъ Бороздинымъ; но такъ какъ эти господа тихо ѣздятъ, такъ ничего и не писалъ интереснаго. Король поѣхалъ очень доволенъ. Удивительно, какъ все у русскихъ переимеетъ, говоритъ по-русски и читаетъ. Я ему иногда рапорты посылаю по-русски. За день до отъѣзду прислалъ ко мнѣ государственнаго канцлера, который подалъ мнѣ отъ короля: чернаго и краснаго орла, сказавъ отъ имени короля, что онъ благодаритъ меня какъ востановителя Пруссіи, и

что ежели поможетъ Богъ утвердить все начатое, тогда желаетъ король имѣть меня своимъ согражданиномъ и утвердить за мною имѣніе въ Пруссіи. Я его благодарилъ такъ учтиво, какъ надобно, сказавъ однако же: *que l'Empereur Aléxandre né l'ésséra jamais manquer de rien, ni moi, ni mes enfans* *). Все это сказала я Государю. Орденовъ здѣсь больше никому не давалъ, чтобы не поровнять кого-нибудь со мною. Думаю сегодня пошлемъ рескриптъ Фед. Петровичу. Впрочемъ, и я еще на перваго Георгія не имѣю. Ей-Богу недосугъ. Забылъ сказать, что далъ король мнѣ табакерку 4800 талеровъ цѣною. Завтра выходимъ въ походъ къ Дрездену, гдѣ уже будемъ накануне Пасхи. Тамъ уже есть тысяча шестьдесятъ нашихъ войскъ. Цѣлую и благословляю дѣтей и внучатъ, которые тѣ же дѣти.....

28-го марта, Краточинъ. Вотъ вамъ опять молебень. Взята крѣпость Польская, Ченстоховъ,—гдѣ славный монастырь, явленный образъ и пр.;— да французской корпусъ, подъ командою генерала Морана, съ двѣнадцатью пушками, болѣе трехъ тысячъ человекъ, весь или побить, или взять. Я купилъ тебѣ, мой другъ, большой кусокъ на дворцовое платье, что-то бѣлое, съ серебряною битью; только очень хорошо. Бѣлаго гладкаго левантину въ Калишѣ не было, а впереди будетъ. Нельзя было матеріи послать: фельдъегерь везетъ знамены и всякую всячину. Съ будущимъ пришлю. Я очень радъ, что Катинька во дворцѣ понравилась, и воображаю ее съ хвостомъ. Соболева велѣно опредѣлить къ герольдіи. Нянюшкинъ сынъ ко мнѣ не явился, и ищу его какъ булавку. Онъ, сказываютъ, въ канцеляріи Балашова. Кейзерлингъ, объ которомъ гра. Ливенъ просила, опредѣленъ майоромъ въ кавалерію. Сегодня ты пишешь, что васъ беспокоитъ очень Данцигъ. Мы Данцига еще не думали брать; а мы его блокируемъ и моримъ съ голоду. Письмо къ Логину Ива. отдай и другое отошли къ Чихачеву. Дѣтямъ благословеніе...

31-го марта, Драхенберхъ, въ Шлезіи. Письмо твое, мой другъ, отъ 20-го марта, получилъ, гдѣ пишешь объ праздникѣ Дашинькиномъ и стихи Костинькины очень милы. Вы и меня въ слезы ввели; покой мнѣ нуженъ, я усталъ; какъ давно мнѣ покоя не было. Въ Шлезіи мнѣ очень пріятно какъ возвышаютъ дѣла наши. Сегодня дамъ съ двадцать стѣхались изъ далека и собрались передъ окошкомъ. Увидя наконецъ, что я долго не показываюсь, просили адъютантовъ, чтобы я подошелъ къ окошку; я ихъ позвалъ къ себѣ и слышалъ множество комплиментовъ, что онѣ пріѣхали видѣть своего избавителя, что имъ

*) (Переводъ): Что императоръ Александръ никогда не допуститъ нуждаться въ чемъ либо, ни меня, ни дѣтей моихъ.

теперь ненадобно смотрѣть на портреты мои, что мой образъ запечатлѣнъ въ сердцахъ ихъ. На улицахъ кричатъ: *vivat Kutuzow, vivat der grosse alte*, иные просто кричатъ *vivat unser grosfater Kutuzoff!* Этого описать нельзя, и этакого антузіазма не будетъ въ Россіи. Нестъ пророкъ честенъ во отечествѣ своемъ.

Посылаю новый маршъ, который нѣмцы поютъ. Голицынъ сегодня пріѣхалъ. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ Михайла Г. К. *).

Новая побѣда; Вице-король италійскій забить близъ Магдебурга.

11-го апрѣля, Бунцлау. Я къ тебѣ, мой другъ, пишу въ первый разъ чужою рукою, чему ты удивишься, а можетъ быть и испугаешься. Болѣзнъ такого рода, что въ правой рукѣ отнялась чувствительность перстовъ. Долго не ѣхалъ Дижканецъ, а потому нельзя было сдѣлать расчета въ деньгахъ; а теперь посылаю 10 т. тал. на уплату долговъ, 3 т.—Аннушкѣ и 3 т.—Парашенькѣ, — всѣмъ, кажется, по надобностямъ; — ты можешь требовать отъ меня еще. Я отсталъ отъ государя; онъ уже въ Дрезденѣ, а я еще за 17 миль отъ него. При мнѣ живетъ Вилліе, и король, проѣзжая, оставилъ своего лейбъ-медика. Въ Бреславлѣ при маленькихъ великихъ князьяхъ и великихъ княжнахъ живетъ Гуфландъ, которому также велѣно быть сюда, и я надѣюсь, пріѣдетъ онъ сегодня: это франкъ сѣверной Германіи. Прости, мой другъ.

Князь К. Смоленскій.

IV.

Письма Сталь къ княгинѣ Е. И. Голенищевой-Кутузовой-Смоленской.

Анна-Луиза Жермена Неккеръ, баронесса Сталь-Голштейнъ, родилась въ Парижѣ въ 1766 г. Дочь Неккера, она всегда сохраняла къ своему отцу восторженную любовь, доходившую до обожанія. Въ 1786 году она вышла замужъ за барона Сталь-Гольштейна, шведскаго посланника во Франціи. Онъ находился въ Парижѣ до 1799 года и умеръ въ 1802 году. Во время революціи, она, за нѣсколько дней до 10 августа 1792 года, составила планъ побѣга для Людовика XVI и не побоялась представить революціонному правительству защиту въ пользу королевы. Во времена Директоріи Сталь имѣла большое вліяніе при посредствѣ общества, которое у нея собиралось: она объявила себя противъ клуба Клиши, который стремился низвергнуть Директорію и содѣйствовала къ водворенію Талейрана въ общественной дѣятельности (1796). При Бонапартѣ значеніе ея пало. Сталь стала на сторону противной партіи, и была сослана за 40 миль отъ Парижа (1802). Она покинула Францію и отправилась въ Веймаръ, гдѣ изучала нѣмецкую литературу вмѣстѣ съ Гёте, Виландомъ и

*) Это послѣднее письмо, писанное ки. Кутузовымъ къ жевѣ собственно-ручно; слѣдующее уже за сямъ, предсмертное, писано рукою одного изъ приближенныхъ и только подписано дрожащею, слабѣющею рукою умирающаго.

Ред.

Шиллеромъ, пробыла годъ (1805) въ Женевѣ и въ своихъ помѣстьяхъ Коппе (въ Кантонѣ Во): Потомъ возвратилась во Францію, гдѣ пребываніе ея было терпимо; но тогда она возбудила къ себѣ неудовольствіе императорской полиціи намеками, которыми переполнила свой журналъ «*Allemagne*»; — все изданіе было уничтожено, пока журналъ еще находился въ печати, а Сталь запрещенъ выѣздъ изъ Коппе. Она бѣжала въ 1812 г. мѣста, вратившагося для нея въ тюрьму, и жила въ Вѣнѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Швеціи, наконецъ въ Лондонѣ, и вернулась въ Парижъ только послѣ окончательнаго паденія Наполеона, въ 1815 году. Сталь получила отъ Людовика XVIII—2,000,000 фр. въ видѣ отдачи долга отцу ея. Два года спустя, она умерла въ Парижѣ, 14 іюля 1817 года, по возвращеніи изъ путешествія по Италіи. Она вторично, но тайно, сочеталась бракомъ, съ однимъ молодымъ офицеромъ, де-Рокка, авторомъ «Записокъ о войнѣ Франціи и Испаніи» (Парижъ 1814). Сталь, одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ-писательницъ, отлично владѣла перомъ, но еще въ большей силѣ обладала даромъ краснорѣчія; окруженная самыми замѣчательными литераторами, художниками, учеными и дипломатами, она обсуждала всевозможные вопросы и въ сужденіяхъ ея видѣнъ былъ умъ обширный и самое разностороннее образованіе. Она много содѣйствовала распространенію новыхъ взглядовъ во французской литературѣ.

Произведенія ея замѣчательны по глубинѣ геніальнаго таланта, что рѣдко встрѣчается между женщинами; ея разнообразныя ученныя познанія соединяли въ себѣ остроуміе и глубокое знаніе свѣта; проза ея однако переходитъ слишкомъ часто въ лирической тоны, а слогъ иногда утомителенъ и напыщенъ. Вотъ сочиненія Сталь: «Дельфина» (1802), «Коринна» (1807), два знаменитые романа, особенно послѣдній, гдѣ, предполагаютъ, она хотѣла изобразить себя. «*L'Allemagne*», въ которомъ она говоритъ объ умственной жизни, нравахъ, литературѣ и философіи нѣмецкой, — все это въ то время весьма мало было извѣстно Франціи. «Разсужденія о французской революціи» (Парижъ 1818) и «Полное собраніе ея сочиненій», изданное ея сыномъ (Парижъ 1821).

Сынъ ея, баронъ Сталь, родился въ Коппе, въ 1790 году, умеръ въ 1827 году. Онъ исключительно занимался астрономіей и ему обязаны изданіемъ «Сочиненій его матери и Неккера».

Z.

I.

Княгиня! Завтра вечеромъ, если вы мнѣ позволите, я вознагражу себя за вчерашнюю утрату — я не могу уѣхать не выразивъ вамъ чувствъ, внушаемыхъ мнѣ вами и именемъ вашимъ.

Примите выраженія моего глубокаго уваженія. Н.-Сталь.

Четвергъ.

Подлинныя письма г-жи Сталь, буквально:

I. Princesse Demain soir si vous me le permettez j'irai me dèdomager de ce que j'ai perdu hier—je ne pourrais partir sans vous offrir l'hommage des sentiments que vous et le nom que vous portez m'inspirent. Agréez mes hommages respectueux Necker de Staël Holstein.

ce jeudi.

II.

Стокгольмъ, 28 сентября, нов. стила. (1812 г.)

Какъ глубоко тронута я, княгиня, письмомъ, которымъ вы меня удостоили. Что за битва, какую силу душевную обнаруживаетъ подобное дѣйствіе, сколько крови было пролито, но за такое славное дѣло! какъ должны вы были быть взволнованы, что за чудная ваша судьба! знать, что взоры всего свѣта обращены на главный предметъ вашей привязанности; быть любимой тѣмъ, кто вызоветъ всеобщее къ себѣ удивленіе, — вотъ лучшая участь, которая можетъ выпасть на долю женщины, но счастье это влечетъ за собой много тревоги. Умоляю васъ пишите мнѣ. Я также готова жертвовать своею кровью за нѣсколько вашихъ строкъ желаемого содержанія. Наслѣдный принцъ шведскій не разстанется съ картою сраженія при Бородинѣ и безпрестанно говоритъ о немъ съ восторгомъ, передайте это, княгиня, вашему знаменитому супругу. Мои подвиги ограничились очень тягостнымъ переѣздомъ моремъ—послѣ извѣстія о побѣдѣ князя Кутузова было бы слишкомъ грустно утонуть. Стокгольмъ не веселъ, когда пріѣзжаешь изъ Петербурга; я принесла большую жертву моимъ дѣтямъ, оставляя городъ, имѣющій такое большое вліяніе на Европу и Азію, и соединяющій въ себѣ всѣ прелести обѣихъ частей свѣта; я грущу о вашемъ блистательномъ дворѣ, я грущу... Но сынъ мой—адъютантъ наслѣднаго принца, старое же поколѣніе должно уступить молодому. Я надѣюсь васъ увидѣть, если имя ваше соединится съ именемъ лорда Веллингтона для освобожденія Европы. Между тѣмъ

Stockholm, ce 29 septembre n. stile.

II. Combien je suis touchée princesse de la lettre que vous avez daigné m'écrire quelle bataille quel effort de l'âme il y a dans une pareille action! Tant de sang mais pour une si belle cause: que vous avez du être emue quel sort que le vôtre! Voir dans le premier objet de ses affections celui que le monde regarde, être aimée de celui qui sera l'objet de l'admiration universelle c'est la plus belle destinée qu'une femme puisse avoir mais elle est bien mêlée d'inquiétude, de grace de grace écrivez-moi je donnerais de mon sang aussi pour quelques lignes de vous qui contiennent ce que je désire; le prince royal de suède a sous les yeux le plan de la bataille de Borodin et sans cesse il en parle avec enthousiasme dites le princesse à votre illustre époux — mes exploits à moi se sont bornés à un passage de mer très pénible et comme je venais d'apprendre la victoire du prince Kutusow j'aurais trouvé très triste d'être noyée — Stockholm n'est pas amusant quand on arrive de Petersbourg j'ai fait un grand sacrifice à mes enfants en quittant cette ville si influante sur l'Europe et l'Asie et qui réunit les agréments des deux parties du monde je regrette votre brillante et noble cour je regrette... mais mon fils est aide de camp du prince royal et il faut que les plus longs avenir passent les premiers j'espère vous revoir

обращаюсь къ вамъ, какъ къ вѣрному отголоску супруга вашего, съ просьбою передать ему выраженія моихъ чувствъ; вѣрьте также глубочайшей моей благодарности за ваше расположеніе ко мнѣ. Портретъ вами присланный мнѣ также дорогъ, какъ тотъ, который вы получили.

Примите, княгиня, выраженія моихъ чувствъ. Неккеръ Сталь-Гольштейнъ.

III.

Стокгольмъ, 5 октября (1812 г.).

Какъ благодарна я вамъ, княгиня, за ваше письмо; я уже думала что забыта вами, — это было бы естественно при такихъ обстоятельствахъ, но прискорбно для меня. Дѣйствительно князь, вашъ супругъ, былъ Фабіемъ въ отношеніи этого африканца; онъ дерзнулъ выждать, и ему удалось; дай Богъ однакоже, чтобы успѣхъ этотъ былъ полнымъ; такому человѣку какъ Наполеонъ, вселенная повинется, его силы неистощимы, онъ вызоветъ войска изъ Германіи и конечно соединитъ всѣ усилія, чтобы изгладить позоръ, испытанный имъ въ первый разъ въ жизни. Поддержите энергію вашего супруга въ минуту, когда, быть можетъ, успѣхъ ему измѣнитъ, — я увѣрена, что съ этой стороны онъ найдетъ опору и ему будетъ принадлежать честь измѣнить судьбу міра. Вы вполне достойны, княгиня, чувствовать энтузіазмъ, который должно возбуждать такое положеніе, — вообще на васъ лежитъ отвѣтственность войны. Я жду еще писемъ отъ васъ, хотя въ замѣнъ ихъ не могу дать ничего кромѣ удовольствія, которое онѣ мнѣ доставляютъ — но доставлятъ другимъ удовольствіе не бездѣлица, а вы такъ великодушны, что будете этимъ удовлетворены.

Madame si votre nom se réunit à celui de lord Willington pour affranchir l'Europe en attendant vous qui traduisez si bien votre époux s'oyez l'interprète auprès de lui de mes sentiments et daignez aussi croire que je suis profondément reconnaissante de vos bontés pour moi et qu'en fait de portrait celui que vous m'avez donné m'est aussi cher que celui que vous avez reçu — agréez princesse mon tendre hommage Necker de Staël Holstein.

Stockholm, le 5 octobre.

II. Combien je vous remercie princesse de la lettre que vous avez bien voulu m'écrire je me croyais oublié de vous et je le trouvais bien simple dans de pareilles circonstances mais je n'y avais pas moins de regrets — en effet le prince votre époux a été Fabius contre cet africain il a osé attendre et il a réussi — dieu veuille cependant que ce succès soit complet car c'est un homme, Napoléon, qui peut reprendre des forces en touchant la terre qui lui obéit — il va tirer des troupes de l'Allemagne et surement tous les efforts seront réunis pour réparer l'affront qu'il a reçu pour la première fois de sa vie — ranimez, bien toutes les puissances intellectuelles des votre époux dans un moment peut-être où le succès pourrait lui échapper — je suis convaincue qu'il sera se-

Стокгольмъ немного скученъ послѣ Петербурга, и если бы я не видѣла иногда наслѣднаго принца, едва ли могла бы привыкнуть къ однообразію здѣшной жизни. Братъ графа Ловенгьельма, человѣкъ большого ума, передастъ вамъ это письмо; прошу васъ принять его благосклонно и позвольте ему передать мнѣ подробныя вѣсти о васъ и о великомъ полководцѣ, на которомъ почіетъ судьба міра. Прощайте, княгиня, когда увижу я васъ? Я скорблю о Петербургѣ, о васъ и особенно о томъ умственномъ движеніи и воодушевленіи, съ которымъ жилось такъ быстро и такъ глубоко, — прощайте еще разъ, княгиня, прощайте, пожелайте мнѣ скорѣе васъ увидѣть.

6-го Я распечатываю письмо, чтобы поздравить васъ, княгиня Смоленская, какой славный титулъ, столь славно приобрѣтенный! Скажите генералу Кутузову, что наслѣдный принцъ шведскій восхищается имъ и будетъ содѣйствовать ему.

Боже мой, какъ завидую я вамъ, я не знаю судьбы болѣе прекрасной, какъ быть женою великаго человѣка! Будьте такъ добры сказать генералу Милорадовичу, что я готовлю ему лавровый вѣнокъ, какъ достойному сподвижнику своего полководца. Тысячу привѣтствій.

IV.

Стокгольмъ, 15 февраля (1813 г.).

Пользуюсь отъѣздомъ графа Ловенгьельма и поручаю ему передать

condé de ce côté et que c'est à lui qu'appartiendra l'honneur d'avoir changé le sort du monde — vous êtes bien digne princesse de sentir tout l'enthousiasme qu'une telle situation doit exciter vous rendez compte de la guerre: en général je vous demande encor de vos lettres, je sais bien que je ne puis vous donner en échange que le plaisir qu'elles me font — mais c'est quelque chose que de causer un grand plaisir et vous êtes assez bonne pour vous en contenter — Stockholm est un peu triste à côté de Petersbourg et si je ne voyais pas quelque fois le prince royal j'aurais de la peine à me faire à la monotonie de le séjour — un homme de beaucoup d'esprit le frère de c.-te de Lowenhielm vous remettra cette lettre accueillez le bien je vous prie et qu'il me rapporte avec détail des nouvelles de votre santé et de celles du grand général sur lequel repose le sort du monde adieu Princesse quand vous reverrai-je? je regrette Petersbourg et vous et surtout le mouvement d'ame cet enthousiasme qui faisait vivre si vite et si profondément — adieu encor Princesse, adieu et souhaitez moi de vous retrouver.

Ce 6 — je roue ma lettre pour vous féliciter princesse de Smolensk quel beau titre ainsi acquis! dites au général Kutusow que le prince royal de suède l'applaudit et le secondera — mon Dieu que je vous envie je ne connais pas de plus beau sort que d'être la femme d'un grand homme! Seriez vous assez bonne pour faire dire au général Milléradowitché qui je fait une couronne de lauriers pour lui car il a été le digne aide de camp de son général — mille hommages.

вамъ мою благодарность за память, которою вы меня почтили. Вашъ знаменитый супругъ повліялъ на судьбу міра, какъ никто со временъ Карла V—уговаривайте его не останавливаться, потому что перерывъ доставитъ Наполеону возможность возобновить свои усилія для истребленія рода человѣческаго; я не знаю, гдѣ находится теперь князь Смоленскій, какъ чувствуетъ онъ себя, послѣ всѣхъ своихъ побѣдъ; мнѣ кажется однако, что это прекрасное средство для здоровья.

Будьте столь снисходительны напомнить ему о моемъ существованіи и оставьте во мнѣ, княгиня, убѣжденіе, что вы по прежнему меня не забываете, даже и теперь, когда толпа людей добивается частицы вашей дружбы.

Тысячу привѣтствій Нев. Сталь.

V.

Стокгольмъ, 3 мая 1813 г.

Я приняла, княгиня, присланныхъ вами пѣвцовъ — они тутъ участвуютъ съ успѣхомъ въ комической оперѣ — но, чтобы воспѣть подвиги князя Кутузова пужны не пѣвцы, а поэты: я постараюсь, по меньшей мѣрѣ, какъ историкъ, воздать ему должное. Если вы сооблаговолите дать мнѣ вѣсти о себѣ и о немъ, адресуйте ихъ на имя графа Ливена въ Лондонъ — я лично себя надеждой быть тамъ черезъ мѣсяць. Путь, которой предстоить ему, быть можетъ, теперь труднѣе того, съ котораго онъ началъ, но надо довершить начатое дѣло,

Stockholm, ce 15 février.

IV. Je ne peux pas laisser partir le c.-te de Lowenhielm, princesse, sans qu'il vous porte tous mes remerciements pour le souvenir dont vous avez daigné m'honorer. Votre illustre époux a en plus d'influence sur le sort du monde qu'aucun homme depuis Charles quint—encouragez le à persévérer car la treve n'est pour Napoléon qu'une occasion pour renouveler ses efforts contre la race humaine—je ne sais pas où est maintenant le prince de Smolenski, comment sa santé se trouve-t-elle de ses victoires? Il me semble cependant que c'est un régime très sain; daignez lui rappeler mon nom et mandez moi princesse que vous continuez à vous intéresser à moi quand tant de gens se pressent pour avoir une place dans Votre amitié. Mille hommages Necker de Staël Holstein.

Stockholm, ce 3 mai 1813.

V. J'ai bien reçu princesse le messenger chantant que vous avez bien voulu m'envoyer et ils jouent ici l'opéra comique avec succès — mais il faut des poètes et non des chanteurs pour célébrer les exploits du prince Kutusow et j'espère m'en charger au moins comme historien—si vous voulez me donner de vos nouvelles et des siennes il faudra les adresser au c.-te de Lieven à Londres, car je me flatte d'y être dans un mois — la carrière qu'il reste à parcourir maintenant est peut-être plus difficile que celle par laquelle il a commencé, mais il faut terminer l'oeuvre qui se déférait par elle-même, si elle n'était pas achevée—sûrement le général Bonaparte ne rêve que la vengeance des succès

иначе оно можетъ уничтожиться само собой. Генераль Бонапарте вѣроятно только мечтаетъ объ отомщеніи за всѣ успѣхи генерала Кутузова. Прощайте, княгиня, имя ваше принадлежитъ исторіи. Позвольте поднести вамъ маленькое посланіе: портретъ наслѣднаго принца его украшаетъ, остальное немного серьезно, для того, чтобы васъ интересовать.

Примите еще разъ, княгиня, выраженія моего почтительнаго и вѣрнаго чувства. Н. Сталь Гольштейнъ.

VI.

Стокгольмъ, 20 мая 1813 г.

Вы испытали большое несчастье, княгиня, и съ вами вся Европа; если что-нибудь можетъ уменьшить вамъ жестокую утрату, такъ только чудный блескъ вашего имени. Фельдмаршалъ Кутузовъ спасъ Россію и ничто въ будущемъ не сравнится со славою послѣдняго года его жизни — сердце мое однако сжимается при мысли, что не увижу никогда человѣка, который былъ также великодушень, какъ и великъ. Я соболѣзую всей душой о вашихъ страданіяхъ, соблаговолите написать мнѣ нѣсколько строкъ на имя графа Ливена, вашего посланника въ Лондонѣ, я отправляюсь черезъ дня два въ Англію, гдѣ безпрерывно мнѣ будутъ говорить о вашемъ знаменитомъ супругѣ. Я буду гордиться тѣмъ, что видѣла, какъ онъ отправлялся на подвигъ самопожертванія.

du général Kutusow—adieu princesse dont le non est historique — permettez moi de vous envoyer un petit écrit à la tête duquel est le portrait du prince royal, le reste est un peu trop sérieux pour vous amuser, agréez encore une fois princesse mon hommage respectueux et tendre. Necker de Staël Holstein.

Stockholm, ce 20 mai 1813.

VI. Vous avez éprouvé un grand malheur princesse et l'Europe avec vous, mais si quelque chose peut adoucir cette cruelle perte c'est l'éclat prodigieux du nom que vous portez: le maréchal Kutusow a sauvé la Russie et rien ne pourrait dans l'avenir égaler la gloire de sa dernière année—mon coeur est serré cependant de ne plus revoir cet homme aussi bon que grand et je m'associe de toute mon âme à ce que vous devez souffrir, daignez m'écrire un mot chez M-r le comte de Lieven votre ambassadeur à Londres—je pars dans deux jours—en angleterre on me parlera sans cesse de votre illustre époux et je m'honorerai de l'avoir vu partir pour son auguste dévouement — daignez vous souvenir de moi Madame et comptez à jamais sur l'attachement que je vous porte et sur l'intérêt sensible que je joins à toute l'admiration que votre nom m'inspire — puisse l'Europe être délivrée par l'Héritage de gloire que le maréchal Kutusow laisse après lui! permettez moi, Madame, de pleurer avec Vous et de Vous demander encor une fois, comment Vous avez supporté cette douloureuse épreuve. Agréez mon hommage Necker de Staël Holstein.

Соблаговолите вспомнить обо мнѣ и вѣрьте въ мою глубокую привязанность къ вамъ и въ то живое участіе и удивленіе, которое внушаетъ мнѣ ваше имя; дай Богъ, чтобы преемственность славы, которую фельдмаршалъ Кутузовъ оставилъ по себѣ, освободила Европу.

Позвольте мнѣ оплакивать ваше несчастіе и еще разъ спросить васъ, какъ переносите вы это горькое испытаніе. Примите увѣренія моихъ чувствъ. Нек. Сталь.

Собщ. Э. К. Опочининъ.

ЕРМОЛОВЪ, ДИБИЧЪ И ПАСКЕВИЧЪ.

1826—1827.

Представляемые документы относятся къ эпизоду чрезвычайно важному въ исторіи Кавказа, и до сихъ поръ совершенно неизслѣдованному, именно къ удаленію знаменитаго Ермолова съ поста командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Донесенія генерала Паскевича и письма Дибича обрисовываютъ весьма ярко какъ эти личности, такъ и весь ходъ дѣла. Въ концѣ документовъ мы приведемъ мнѣніе изслѣдователя исторіи Кавказа Н. О. Дубовина о значеніи настоящихъ матеріаловъ.

Ред.

I.

Паскевичъ—императору Николаю.

Послѣ послѣдняго донесенія моего вашему императорскому величеству здѣсь важнаго ничего не происходило. Продолжавшееся холодное время, и бывшіе даже легкіе морозы, покрыли вновь горы Безобдала и Башъ-абарана снѣгомъ, и нѣтъ еще никакого признака подножнаго корма. Въ Ширвапѣ оный уже достаточно показывается, и въ послѣднихъ депешахъ изъ Карабаха упоминается тожь, что тамъ начинается проявляться трава.

Посему уже и дано повелѣніе войскамъ, составляющимъ отрядъ г.-л. кн. Мадатова, собраться къ 5-му числу апрѣля къ Ахугламу. Самъ кн. Мадатовъ отправился вчерашняго числа въ Карабахъ.

Равномѣрно надѣмся, что возможно будетъ собрать главный авангардъ подъ командою генер.-ад. Бенкендорфа 2-го къ началу апрѣля въ Джелакъ-Углу (Лоды), дабы быстрымъ по возможности нечаяннымъ наступленіемъ спасти армянскія селенія около Эривана и Эчмиадзина отъ разоренія; съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ онъ стараться достать провіантъ отъ Карскаго паши. Вообще надѣюсь, что въ провіантѣ не-

достатка не будетъ, но что касается до фуража, то единственная надежда имѣется на подножный кормъ.

Вслѣдствіе чего считаю, что собравъ теперь главныя силы прежде половины апрѣля мѣсяца къ Шулаверамъ, гдѣ я полагаю сдѣлать имъ смотръ, можно прибыть къ Эривану въ концѣ апрѣля, а къ Нахичевану къ половинѣ мая. Если тогда кн. Мадатовъ при соединеніи съ авангардомъ обезпечить доставку провіанта изъ Ахуглана и Гиргосъ (?), въ такомъ количествѣ, чтобы вмѣстѣ съ привезеннымъ отъ главныхъ силъ и найденнымъ въ землѣ имѣлось бы мѣсячное продовольствіе, то, по мнѣнію моему, ничто не помѣшаетъ наступать къ Тавризу, ибо транспортъ запасовъ изъ - подъ Эривана будетъ продолжаться, равномѣрно доставка онаго въ Нахичеванъ, и сверхъ того можно будетъ надѣяться на таковую доставку изъ Ахуглана, куда хлѣбъ привезенъ изъ Баку.

Изъ полученныхъ отъ г.-м. Краббе донесеній видно, что открывается надежда доставлять часть хлѣба и фуража водою вверхъ по Курѣ отъ Сальяна до Зардобъ, что самое можетъ имѣть успѣшное вліяніе на продовольствіе войскъ. Большіе снѣга въ Кавказскихъ горахъ замедлили прибытіе г.-интенданта Жуковского, но теперь я ожидаю его ежечасно, и надѣюсь, что присутствіе его также принесетъ ощутительную пользу.

Генералъ Ермоловъ не далъ мнѣ еще до сего времени никакого объясненія на записки мои по гражданской части, но я не могу по нынѣ переимѣнить прежняго мнѣнія, что есть упущенія довольно значительныя, но что доносы о злодѣйствахъ и преступленіяхъ, основанные только на слухахъ, ничѣмъ не доказанные и весьма часто даже по совершенному недостатку причинъ къ злодѣйскому поступку невѣроятныя, никакой вѣры не заслуживаютъ.

Начальникъ корпуснаго штаба г.-м. Вельяминовъ, вступилъ въ исправленіе должности. Онъ человекъ съ познаніями и здравыми военными мыслями, но кажется, по весьма холодному характеру и систематическому образу сужденій, болѣе склоненъ къ вѣрнымъ, нежели къ блистательнымъ дѣйствіямъ. Качество сіе было бы полезнѣйшимъ при главномъ начальникѣ весьма предприимчивомъ; въ нынѣшнемъ же положеніи дѣль, оно можетъ быть менѣе выгодно. Возведенный на него поступокъ, причинившій будто смерть казачьяго офицера, здѣсь никѣмъ не подтверждается; я о семъ снесусь съ атаманомъ донскимъ, ибо полагаю, что въ случаѣ выдумки должно также подвергнуть выдумщиковъ строжайшему взысканію, особливо въ краю, гдѣ по несчастію нахожу величайшую склонность къ выдумкамъ, укоризнамъ и клеветамъ самымъ злодѣйскимъ.

Флиг.-адъют. бар. Фридриксъ возвратился изъ Баку и представилъ слѣдственное дѣло; по разсмотрѣнїи онаго, я буду имѣть счастье представить объ ономъ вашему императорскому величеству.

На счетъ здѣшнихъ дѣлъ, все имъ мнѣ сказанное подтверждаетъ совершенно прежнее мое мнѣніе.

Марта 16-го дня, 1826 года.

Тифлисъ.

II.

Паскевичъ—Дибичу.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Изъ приложенной записки ваше высокопревосходительство изволите увидѣть, что оная меня должна была удивить; я, не смѣя представить простой разговоръ официальнымъ, не приложилъ оную при бумагахъ моихъ государю императору.

Все сіе загадки. Абасъ-Мирза воспользовался первымъ случаемъ, которымъ могъ объясниться съ человѣкомъ, который государю императору донесеть. Амбургеръ нечаянно въ разговорѣ со мною говори о войнѣ и отчего она произошла, сказалъ такую вещь, которая можетъ объяснить многое. Впрочемъ я можетъ быть и ошибаюсь и государевы министры про все это знаютъ: но я свой долгъ дѣлаю, посылая къ вамъ сію бумагу. Амбургеръ самъ удивляется этому.

Прилагаю также предписанія, данныя полковнику Реуту, изъ которыхъ вы увидите въ нѣкоторыхъ ордерахъ противурѣчїя, изъ которыхъ видно въ какомъ замѣшательствѣ были здѣшніе начальники.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. Иванъ Паскевичъ.

Декабря 10-го дня, 1826 года.

Тифлисъ.

III.

Исправлявшій должность російскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при персидскомъ дворѣ г. Амбургеръ, разговаривая о причинахъ нынѣшней войны, сказалъ мнѣ, что онъ находился при свиданїи Шаха съ княземъ Меншиковымъ и слышалъ какъ Шахъ говорилъ, что онъ всѣмъ собравшимся къ нему муламъ обѣщалъ ничего русскимъ не уступать, и потому не можетъ ничего намъ отдать безъ соотвѣтствующаго за то вознагражденїя.

Я отвѣчалъ г. Амбургеру: „удивляюсь, что князь Меншиковъ Шаху сего не предложилъ; ибо въ манифестѣ объявленїя войны сказано, что онъ имѣлъ повелѣніе сдѣлать даже нѣкоторыя уступки въ Талышинскомъ ханствѣ“. На сіе г. Амбургеръ мнѣ объявилъ, что онъ присутствовалъ на всѣхъ конференціяхъ кромѣ двухъ; но ничего не было

о семъ говорено; князь Меншиковъ не предлагалъ никакой уступки, а только настаивалъ, чтобы приняты предложенія, изъясненныя въ бумагахъ генерала Ермолова. При семъ г. Амбургеръ замѣтилъ, что хотя онъ и не былъ на двухъ конференціяхъ, но на послѣдней находился, на которой всѣ пункты были повторены; объ уступкахъ нашихъ ни слова не было упомянуто.

Г. Амбургеръ думаетъ, что если бы предложены были съ нашей стороны какія-либо уступки, то и война не возгорѣлась бы.

Не смѣя сей разговоръ мой представить официальнымъ, я полагаю однако же, что онъ заслуживаетъ вниманіе.

IV.

Паскевичъ — императору Николаю.

Его императорскому величеству генераль-адъютанта Паскевича рапортъ. Я имѣлъ счастье получить всемилостивѣйшій рескриптъ вашего императорскаго величества. Не знаю словъ какъ изобразить милости изліяныя вами, государь, на меня; жизнь моя для сего мала. Въ то же время я получилъ, по повелѣнію вашего императорскаго величества, отъ начальника главнаго штаба генераль-адъютанта Дибича предложеніе о кампаніи; оно совершенно сообразно съ мѣстными обстоятельствами и точно таково, какъ я въ моихъ предположеніяхъ думалъ представить вашему императорскому величеству.

Но теперь не знаю когда онъ можетъ быть приведенъ въ исполненіе; генераль Ермоловъ пишетъ ко мнѣ, что по приѣздѣ въ Тифлисъ онъ займется со мною объ ономъ. Но время уходитъ, а съ нимъ весьма опасное для здоровья нашихъ войскъ лѣто приближается.

Планъ Елизаветпольскаго сраженія имѣю счастье вашему императорскому величеству всеподданнѣе представить. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

Декабря 11-го ния. 1826 года.

Тифлисъ.

V.

Его императорскому величеству генераль-адъютанта Паскевича рапортъ. Ваше императорское величество простите великодушню, что прежде не писалъ, но это было по слѣдующимъ причинамъ:

- 1) Я не совершенно звалъ о всѣхъ безпорядкахъ въ войскахъ.
- 2) Я ничего не звалъ о здѣшней политикѣ.
- 3) Генераль Ермоловъ хотя и съ самаго начала показалъ недо-

брожелательство, но оное еще не объяснилось; но теперь окончивъ кампанію я пріѣхалъ въ Тифлисъ, и могу изложить все дѣло, то-есть: положеніе войскъ подъ литерою А; планъ кампаніи какой генераль Ермоловъ долженъ былъ-бы сдѣлать и чѣмъ оная кончилась подъ литерою Б; политическія дѣла подъ литерою С. Отношеніе генерала Ермолова со мною и всѣ неудобства, которыя я имѣлъ въ продолженіе кампаніи подъ литерою Д. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

Декабря 11-го дня, 1826 года.

Тифлисъ.

А. Положеніе войскъ. При распущеніи войскъ дѣйствующій отрядъ составлявшихъ, по предписанію ко мнѣ командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генерала отъ инфантеріи Ермолова, отъ 19-го минувшаго ноября за № 482-мъ на зимнія квартиры—я, желая узнать внутреннее ихъ положеніе, дабы могъ судить и о другихъ войскахъ, не бывшихъ въ томъ отрядѣ, ибо извѣстно, что всѣ войска, входящія въ составъ корпуса, въ одинаковомъ находятся положеніи, смотрѣлъ оныя инспекторскимъ смотромъ; что же при семъ случаѣ оказалось, обязанностію поставляю всеподданнѣйше вашему императорскому величеству донести:

1) Херсонскаго гренадерскаго полка нижніе чины не получали на сей истекающій годъ годовыхъ вещей и аммуничныхъ денегъ. Мундиры, состоящіе съ разныхъ сроковъ, находятся и съ 1822 года, частію съ половиннымъ только числомъ пуговиць—такъ ветхи, что отъ многочисленныхъ заплатъ не только не предохраняютъ отъ стужи здоровья людей, но даже отнимаютъ видъ солдата. Шинели съ 1823 года и многія уже совершенно къ носкѣ не годныя. Портупей вовсе на людяхъ нѣту; рапцы изорваны, ремней къ нимъ не было и носятъ оныя на веревкахъ и тесьмахъ изъ стараго холста устроенныхъ, равно и многія манерки веревками пристегиваются. Выучки нельзя требовать, ибо они ничего не знаютъ.

2) Грузинскаго гренадерскаго полка люди на сей годъ получили по одной парѣ сапожнаго товару, по другой пары и прочихъ вещей, какъ равно и аммуничныхъ денегъ не получали по сіе время. Мундиры большею частію съ 1821 года и почти въ одномъ положеніи съ мундирами херсонскаго полка, какъ равно и шинели съ 1823 года состоящія. Перевязи, портупей, рапцы и ремни къ нимъ, почти къ употребленію негодны. Нижніе чины сего же полка объявили, что 1825 года находясь они на работѣ въ городѣ Тифлисъ, не получали слѣдующихъ имъ денегъ за время съ 13-го сентября по 23-е октября того года.

3) 7-го карабинернаго полка нижніе чины не получали за 1825 и на сей 1826 годы рубашечнаго холста и фланскаго полотна на лѣтніе панталоны, равно на сей годъ аммуничныхъ денегъ и по одному сапожному товару. Мундиры, состоящіе въ семь полку съ 1824 года, хотя и прослужили узаконенный срокъ, но, какъ видно, стараніемъ ротныхъ командировъ сбережены, также и шинели, которыя состоятъ начальнаго срока съ 1823 года. Ранцовые ремни большею частію къ употребленію негодны, но прочая кожаная аммуниція, хотя и не въ отличномъ положеніи находится, но еще въ носкѣ быть можетъ употребляема.

4) Ширванскаго пѣхотнаго полка не получали люди годовыхъ вещей и аммуничныхъ денегъ на сей 1826 годъ. Мундиры и шинели, за прослуженіемъ положеннаго термина 1-го генваря сего 1826 года, пришли въ ветхость и чрезъ то нимало не способствуютъ къ сбереженію здоровья нижнихъ чиновъ. Вся вообще кожаная аммуниція, по совершенной ей негодности, не должна быть употребляема въ носку.

5) 41-го егерскаго полка не получали люди аммуничныхъ денегъ на сей 1826 годъ, а годовыхъ вещей какъ за сей, равно и за прошлый 1825 годы. Состоящіе при семь полку мундиры начальнаго срока съ 1822 года, за прослуженіемъ двухъ узаконенныхъ терминовъ, пришли въ совершенную негодность; шинели начальнаго срока съ 1823 года, въ необходимомъ случаѣ терпимы еще быть могутъ, кожаная же аммуниція, а особливо ранцовые ремни, приходятъ уже въ негодность.

6) Во всѣхъ вышепоименованныхъ полкахъ, за неполученіемъ годовыхъ вещей, какъ выше объяснено мною, почти всѣ нижніе чины болѣе одной рубашки, которую на себѣ носить, не имѣютъ и чрезъ то нуждаются крайне въ бѣльѣ.

7) Зимніе во всѣхъ полкахъ панталоны, какъ объявили мнѣ нижніе чины, выдаютъ имъ носить только тогда, когда бывають въ Тифлисѣ въ караулѣ, а въ прочее время сберегаются въ полковыхъ цейхаузахъ; люди же носятъ разнаго цвѣта брюки, покупаемые ими на собственныя свои деньги, и изъ старыхъ казенныхъ панталонъ передѣланные; но въ батальонѣ Ширванскаго пѣхотнаго полка и такихъ не было.

8) Подъемныя полковыя лошади, по старости оныхъ и по крайней худобѣ, совершенно къ походу не годятся, а конская сбруя по крайней ветхости оной, не должна быть даже употребляема.

9) Патронные ящики старые, давно бращенные и по послѣднему образцу не передѣланные; на мѣсто же провіантскихъ фуръ, кото-

рыхъ при полкахъ не было, имѣется въ каждомъ полку по нѣскольку повозокъ, самаго плохаго разряда, на которыхъ, для сбереженія сухарей отъ ненастной погоды, брезентовъ не имѣется,—сверхъ сего, по малому количеству и таковыхъ повозокъ, возится провіантъ на солдатскихъ артельныхъ лошадяхъ, которыхъ нижніе чины довольствуютъ фуражемъ на собственныя ихъ деньги покушаемымъ.

10) Нижегородскаго драгунскаго полка нижніе чины, хотя и не получали на сей годъ годовыхъ вещей, по по хорошему распоряженію бывшаго командира того полка генераль-маіора Шабельскаго, имѣютъ достаточное количество всѣхъ годовыхъ вещей; претензій никакихъ не объявили, но отозвались во всемъ довольными. Стрелецкія казенныя лошади, частію есть слабыя къ походу, но и то полагаю отъ бывшаго недостатка корму, сѣдла помые, потники хорошіе, муштуки и все къ сѣдламъ принадлежащее, въ довольно изрядномъ положеніи находится.

11) Донскаго казачьяго полковника Костина полка объявили люди, что они не получали жалованья за майскую треть сего 1826 года, равно за переѣздъ Кавказскихъ горъ подлежащихъ имъ денегъ. Положеніи, что имъ слѣдуетъ, по разнообразному отпуску каждаго года отъ ихъ начальниковъ, не знаютъ.

12) Донскаго казачьяго подполковника Молчапова полка показали казаки, что они не получали за майскую треть сего 1826 года жалованья, равно и подлежащихъ имъ денегъ за переѣздъ Кавказскихъ горъ. Полка же казачьяго генераль-лейтенанта Пловайскаго 3-го, бывшаго въ москъ отрядѣ, по случаю, что оный до распущенія войскъ на квартиры оставленъ въ Агджабетѣ, я не смотрѣлъ.

13) Кавказской гренадерской артиллерійской бригады 1-й батареіной роты, коей командиръ полковникъ Долгово-Сабуровъ, люди претензій никакихъ не показали; мундиры, равно и кожаная аммуниція на людей изрядная; лошади подъ оружіями и ящиками не отлично хороши, но къ походу надежны; состояція же подъ ротнымъ обозомъ лошади къ употребленію негодятся. Конская сбруя, хотя и старая, но содержится въ исправности, неусыннымъ стараніемъ командующаго сею ротою капитана Линденфельда. Сей же бригады при двухъ легкихъ нижніе чины состоящіе не получали на сей 1826 годъ аммуниционныхъ денегъ, по одной рубашкѣ и по одному сапожному товару; мундирная и кожаная аммуниція, равно артиллерійскія лошади и конская сбруя, соотвѣтствуютъ 1-й батареіной ротѣ. 21-й артиллерійской бригады, 1-й батареіной роты, подъ командою полковника Зенича состоящей, находящейся при 4-хъ орудіяхъ люди объявили, что они за 1825 годъ не получали аммуниционныхъ, дровяныхъ и свѣчныхъ

денегъ, равно на сей 1826 годъ аммуничныхъ же денегъ и годовыхъ вещей. Лошади артиллерійскія въ положеніи весьма незавидномъ и къ походу несовершенно надежны, а подъемныя вовсе негодятся, равно какъ и конская сбруя, въ необходимости только быть можетъ употребляема. Той же бригады 5-й резервной батарейной роты, коей командиръ подполковникъ Симчевскій, нижніе чины неудовольствованы на сей 1826 годъ годовыми вещами и аммуничными деньгами; мундиры старые, но изрядные, равно и кожаная аммуниція въ носкѣ еще быть можетъ употребляема, — лошади артиллерійскія совершенно негодны и сбруя конская старая. 22-й артиллерійской бригады, 5-й резервной батарейной роты, коей ротный начальникъ капитанъ Бергъ состоящіе при двухъ орудіяхъ люди не получали за майскую треть сего года жалованья; мундирная и кожаная аммуниція въ одномъ качествѣ съ аммуниціею въ вышеозначенныхъ артиллерійскихъ ротахъ состоящею, — лошади артиллерійскія весьма посредственныя, а сбруя конская старая.

14) Практическими ученіями никогда на квартирахъ артиллерія занимаема не была, о чемъ я при бывшемъ подъ городомъ Елизаветополемъ сраженіи удостовѣрился — кромѣ роты вѣрной полковнику Долгово-Сабурову, которая хотя не много училась, то-есть по два и четыре орудія, но въ дѣлѣ хорошо дѣйствовала.

Ваше императорское величество осмѣливаюсь утруждать всеподданническою моею просьбою, не наказывать сихъ войскъ начальниковъ — ибо весь корпусъ въ такомъ положеніи, — службы ихъ въ продолженіи сей кампаніи и храбрость подъ Елизаветополемъ заслуживаютъ милостиваго вниманія вашего императорскаго величества. Они не виноваты, что имъ позволяли, и никто за ними не смотрѣлъ. Они раскаиваются, что выступили въ походъ такъ дурно, ибо имъ не только было позволено, но даже и приказано выступить какъ-нибудь только поскорѣе; въ будущую же кампанію они исправятся: начальники одни виноваты, притомъ же тѣ, которые со мною сей трудный походъ сдѣлали. Припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, прошу взять ихъ раскаяніе въ милостивое ваше вниманіе и не отказать въ наградахъ заслуженныхъ въ Елизаветополѣ.

Причемъ всеподданнѣйше присовокупляю, что Крымскій пѣхотный 20-й дивизіи полкъ, который смотрѣлъ я 30-го минувшаго ноября въ городѣ Елизаветополѣ, найденъ мною: въ одеждѣ опрятнымъ, въ обмундировкѣ и пригонкѣ кожаной аммуниціи по новымъ образцамъ хорошимъ, вещи всѣ въ исправности; обозъ хорошъ и лошади надежны, люди выправлены довольно хорошо, въ церемональномъ маршѣ равняются хорошо, исключая, что шагъ немного боро-

токъ; офицеры довольно хорошо знают свое дѣло и одѣты безъ малѣйшаго отъ формы отступленія и хорошо. Генераль-маіоръ Тухолка, по приходѣ въ Елизаветополь, цѣлый мѣсяць весьма часто училъ ихъ, отчего они весьма поправились, какъ я слышалъ, противу прежняго.

При проѣздѣ моемъ городъ Елизаветополь, я смотрѣлъ состоящую тамъ гошпиталь, въ которой хотя находится больныхъ нижнихъ чиновъ до 300 человекъ, но вещей гошпитальныхъ имѣется только на сто человекъ, а прочіе въ бѣльѣ и другихъ вещахъ терпятъ недостатокъ, — хотя гошпиталь сія учреждается около двухъ мѣсяцевъ, но кроватей для больныхъ не построено и онѣ лежатъ на соломенныхъ тюфякахъ на полу постланныхъ; продовольствіе же производится хорошее.

Съ прибытіемъ моимъ въ Тифлисъ, занимаясь разводами, я нашелъ, что и сіи войска, стоявшія всегда на квартирахъ, въ такомъ же почти, какъ и бывшія въ моемъ отрядѣ, о коихъ выше изложено мною, находятся положеніи, выключая 2-хъ ротъ 8-го піонернаго баталіона. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

Б. О кампаніи нынѣшняго года. Кампанія кончена,—кампанія испорчена: послѣ Елизаветпольскаго дѣла, 17-го сентября я писалъ къ генералу Ермолову, что если я найду продовольствіе въ Карабахѣ, то пойду за Араксъ, а тамъ Агаръ и Тавризь близки. Непритель такъ разбить, что могли быть важнѣйшія послѣдствія. Генераль Ермоловъ зная, что я найду продовольствія, долженъ былъ: купить тысячу арбъ, наложить 6000 четвертей и ко мнѣ доставить; самому же ему съ отрядомъ, съ которымъ онъ находился на Гассан-су, идти на Нуху прямою дорогою чрезъ рѣку Куру: ибо по Курѣ около Гассан-су есть уже броды, хотя онъ мнѣ писалъ, что оныхъ нѣтъ; но я теперь возвращаясь сюда узналъ противное: притомъ вездѣ можно найти рыбацкія лодки, изъ которыхъ можно сдѣлать плоты.

Но вмѣсто того генераль Ермоловъ пошелъ на Тифлисъ и оттуда кругомъ чрезъ Кахетію, чѣмъ потерялъ три недѣли, слѣдственно онъ бы могъ быть, по прямой дорогѣ, въ Ширванъ въ началѣ октября—въ то самое время, когда полковникъ Мищенко гналъ предъ собою Ширванскаго хана, и появленіе отряда генерала Ермолова на Ширванскихъ границахъ заставило бы сего немедленно бѣжать за Араксъ.

Всѣ три отряда вмѣстѣ составили бы около 12 тысячъ подъ ружьемъ; подвезенный же на арбахъ хлѣбъ былъ бы достаточенъ для двухмѣсячнаго ихъ продовольствія: съ этими войсками идти за Араксъ—ибо что я предъзналъ, то и случилось. У Аббасъ-Мирзы войска разошлись, лично при немъ не осталось и 1000 человекъ

конницы, пѣхота же вся разсѣялась. Намъ бы со всѣми тремя отрядами идти на Агаръ черезъ Мишкинъ—дорога хорошая: въ Агарѣ мы нашли бы населенный край. Агаръ неважное, почти развалившееся укрѣпленіе—его взять, дабы сдѣлать сообщеніе короче черезъ Худо-аферинскій мостъ, гдѣ гарнизонъ Шушинскій, т.-е. пять ротъ 42-го егерскаго полка, могли бы стоять для коммуникацій.

Изъ Агара въ Тавризь дорога весьма удобная. Тавризь имѣетъ двѣ стѣны, наружная съ довольно глубокимъ рвомъ и башнями, на которыхъ выставляются орудія, внутренняя же стѣна не имѣетъ ни башенъ, ни рва: Тавризь блокировать; черезъ скорое наше появленіе тамъ ничего не успѣли бы приготовить къ защищенію: ибо войска разошлись по домамъ, но положимъ, что успѣли бы собрать тысячъ пять сарбазовъ; тогда воду отнять—ибо въ Тавризь нѣтъ рѣки, а только большія проводныя канавы и ручей, и весьма долго, если положить двѣ недѣли на отводъ воды. Тавризь въ нашихъ рукахъ есть такъ сказать сердце военныхъ заготовленій: тутъ Аббасъ-Мирза имѣетъ свои арсеналы, говорятъ до ста орудій, пороховые запасы, множество бомбъ и ядеръ, литейный заводъ, оружейная слесарня, и, по рассказамъ, до 20 тысячъ ружей: взявши сей городъ можно было бы съ орудіями въ ономъ завоеванномъ, идти брать Эриванъ; лафеты можно бы сдѣлать.

Окрестности Тавриза весьма населены, такъ что сказывали, что около 60 деревень находятся между Агаромъ и Тавризомъ; притомъ въ семь послѣднемъ около 30 тысячъ жителей, они дѣлаютъ свои запасы на всю зиму: нельзя чтобы не нашли продовольствія; но положимъ, чтобы сіе случилось, то къ необыкновенному нашему счастью, непріятель не истребилъ занасу на Курѣ возлѣ Зардоба, состоящаго въ восьми тысячахъ четвертей; итакъ, вотъ еще продовольствіе на три мѣсяца, а если бы уменьшить дачу хлѣба, какъ это я дѣлалъ, и прибавить по порціи мяса, то можно и четыре мѣсяца жить—выходить, что мы шесть мѣсяцевъ не нуждались бы въ продовольствіи, между тѣмъ въ это время подводы изъ Астрахани могли бы быть въ Бакѣ, отъ которой до Зардоба 200 верстъ.

Я увѣренъ, что вскорѣ по взятіи Тавриза непріятель просилъ бы мира, а особливо когда бы резервы подошли; если бы нѣтъ, то весьма легко было бы взбунтовать народъ противъ правительства, которое ненавидимо персіянами и обѣщавши независимость ханамъ подъ нашимъ покровительствомъ, какъ это было сдѣлано при Циціановѣ, который четыре провинціи симъ приобрѣлъ Россіи; но сего послѣдняго нельзя сдѣлать при генералѣ Ермоловѣ, который выгналъ трехъ хановъ, т.-е. Ширванскаго, Карабахскаго и Нухинскаго—говорятъ

худымъ обхожденіемъ своимъ; сія ханы распространили, что нельзя довѣрять русскому правительству: они обезкредитовали русскихъ въ Персіи.

Во всякомъ случаѣ мы имѣли бы большія выгоды на будущую кампанію, а непріятель, потерявъ орудія, порохъ, военные снаряды, арсеналь, не могъ бы ничего предпринять, теперь же опасно чтобы онъ не исправился: онъ не осмѣлится можетъ быть выйдти къ намъ въ поле, но укрѣпить города, посадить въ нихъ большіе гарнизоны, свезетъ туда запасы: притомъ же къ веснѣ все сами съѣдятъ, и мы мало продовольствія достанемъ—главнѣйшее же, убійственный климатъ лѣтомъ погубить насъ.

Циціановъ въ 1805 году пошелъ въ маѣ мѣсяцѣ подъ Эривань съ тремя тысячею пятистами человекъ подъ ружьемъ, въ дѣлахъ потерялъ до 700 человекъ подъ ружьемъ, и 1900 больныхъ, прочіе померли.

Въ концѣ ноября я получилъ повелѣніе стать съ отрядомъ у Курнъ въ Зардобу, дабы войска были для отдохновенія; я и думалъ, что оныя останутся до 1-го января или до 1-го февраля, и что оттуда будетъ движеніе; но къ величайшему моему удивленію я получилъ ордеръ распустить войска, потому что продовольствія нѣту.

Не прошло 3-хъ дней, получено извѣстіе отъ генераль-лейтенанта Мадатова, что непріятель собирается; для сего столь невѣрнаго извѣстія, и когда всѣ распоряженія сдѣланы, вдругъ опять новымъ войскамъ идти въ подкрѣпленіе; такъ что если взять, что распущено, и что опять велѣно новыхъ войскъ собрать—выйдетъ не болѣе 1000 разницы.

Сейчасъ получено, что пустой страхъ. Итакъ, что уже было рѣшено, чтобы деревни впереди Шуши лежащія, и которыя находятся между симъ мѣстомъ и Араксомъ, переселить, или чтобы оставить ихъ на зиму защищать собранною карабахскою кавалеріею, было оставлено: а люди наши, которые на зимнихъ бы квартирахъ должны были бы завяться постройкою годовыхъ и двухъ-годовыхъ вещей, опять по первымъ слухамъ, были тронуты съ мѣстъ, и можетъ быть это продолжится всю зиму.

Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

С. Политика генерала Ермолова. Честолюбіе здѣшнихъ начальниковъ дорого стѣитъ Россіи: честолюбіе Циціанова, который съ большими способностями, побѣдами и ухищреніями приобрѣлъ подъ покровительство Россіи четыре провинціи—стоило Россіи 10-ти-лѣтней войны; честолюбіе нынѣшняго начальника произвело новую войну—въ этомъ всѣ согласны; персіяне сіе утверждаютъ; Аббасъ-Мирза, къ коему я послалъ съ согласіемъ на его предложеніе о размѣнѣ плѣнныхъ, это утверждаетъ. Въ оригиналѣ съ переводомъ имѣю счастье

при семъ представить его отношеніе ко мнѣ и также манифестъ причины войны. Онъ какъ видно радъ былъ случаю объясниться съ человекомъ, который донесетъ вашему императорскому величеству. Если я смѣю сказать мое мнѣніе: то здѣсь вообще согласны въ томъ, что генераль Ермоловъ причиною войны разными ухищреніями. Угурлуханъ, ханъ елизаветпольскій, взятый въ семъ сраженіи, съ большимъ страхомъ мнѣ также это сказалъ, и потомъ обнадеженный въ секретѣ диктовалъ сіи показанія, которыя при семъ имѣю счастье представить.

Другіе персіане и татары слѣдующимъ образомъ объясняютъ возгорѣвшуюся войну: это правда, что мы начали войну, но мы 10 лѣтъ были къ ней приготовляемы, вида нерасположеніе къ намъ генерала Ермолова. Насъ заставили быть вооруженными—мы боялись нападенія; принуждены были содержать войско, страшась безпрестанно вашего нашествія; мудрено ли что мы захотѣли воспользоваться минутою, когда казалось намъ, что мы можемъ со всѣми преимуществами начать войну.

Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

VI.

Свѣденія о главныхъ причинахъ измѣны въ присоединенныхъ областяхъ, доставленныя Угурлуханомъ. 1) Съ 1805 года, по приведеніи княземъ Циціановымъ въ русское подданство хановъ карабахскаго, ширванскаго и шекинскаго, персидское правительство всегда старалось обольстить помянутыхъ хановъ къ измѣнѣ русскимъ и приверженности къ персіанамъ, въ чемъ по родству съ первымъ употребленъ былъ самъ Угурлуханъ; но всѣ они какъ по смерти князя Циціанова, такъ и въ 1812 году остались непоколебимыми въ вѣрности къ русскимъ и пренебрегли всѣми обѣщаніями персіанъ въ то время, когда ихъ извѣщали о взятіи Москвы *) и всегда послѣднія два ханства сами, а первое при маленькой помощи охраняли свои провинціи.

2) Въ 1807-мъ году генераль-лейтенантъ Джафаръ-Кули-Хана сдѣлали ханомъ наслѣдственнымъ въ Шекинской провинціи, за оказанныя имъ въ 1804-мъ году отряду князя Циціанова услугу, кои извѣстны были государю Императору и цѣлой Персіи.

3) Въ 1819-мъ году, по изгнаніи изъ Шекинской провинціи всѣхъ родственниковъ помянутаго Джафаръ-Кули-Хана и свиты его въ числѣ 300 семействъ, кои служили во все время бывшей персидской войны вѣрнымъ гарнизономъ города Нухи и цѣлой провинціи Шекинской,

*) Персіане, получая свѣдѣнія чрезъ англичанъ, всегда извѣщали о военныхъ дѣйствіяхъ Европы. П.

прибывшіе въ Персію люди явно говорили, что генераль-маіоръ Измаиль-ханъ отравленъ россійскимъ правительствомъ и жалованная государемъ грамота отъ наслѣдниковъ умершаго отнята силою посредствомъ штыковъ.

4) Мустафа, ханъ Ширванскій, видя таковой примѣръ сосѣда своего, Измаиль-хана, не довѣрялъ уже себя русскимъ и потерявъ всю надежду, ушелъ въ 1820-мъ году въ Персію; и во все время нахождения своего тамъ, ежегодно присылалъ къ знатымъ бекамъ ширванскимъ, чтобы они измѣнили русскимъ, но до 1824 года всегда получалъ отъ нихъ несогласіе, а въ семь году, когда посажены были въ желѣзы всѣ почти главные беки провинціи, по жалобѣ принесенной генералу Ермолову о самоуправствѣ и обидахъ, причиняемыхъ имъ комендантомъ, начали писать къ хану своему, а сей донеся шаху, просилъ объ освобожденіи ихъ отъ ига.

5) Генераль-маіоръ Мехти-Кули-Ханъ Карабахскій, пребывая всегда въ непоколебимой приверженности къ Россіи, по назначеніи начальникомъ въ Карабахѣ князя Мадатова, претерпѣвалъ отъ него многія оскорбленія, о коихъ онъ говорилъ публично шаху персидскому: сначала князь Мадатовъ страшалъ его ссылкой въ Сибирь, за что и дана ему отъ хана дарственная на имѣніе и крестьянъ; потомъ, желая совершенно истребить его, подсылалъ людей отравить его, и не имѣвши въ семь успѣха, приказалъ шушинскому татарину Насиру въ ночное время сдѣлать выстрѣлъ по полковникѣ Джафаръ-Кули-Агѣ, который и былъ раненъ. Поступокъ сей князь Мадатовъ приписалъ хану и приказалъ приближеннымъ его сказать ему, что онъ будетъ схваченъ и отправленъ въ Сибирь; и хотя ханъ, какъ и самъ говорить, въ рукахъ былъ русскихъ и Мадатовъ весьма легко могъ поймать его, но какъ видно опасался улики и чтобы ханъ не вывелъ всѣ дѣйствія его наружу. Мехти-Кули-Ханъ прибылъ къ шаху, все вышеписанное рассказалъ публично и извинялся, что такъ долго не разумѣлъ русское правительство.

6) По уходѣ своемъ Мехти-Кули-Ханъ освѣдомился, что многія селенія, довольно значущіе доходы приносящіе, по фальшивымъ документамъ вышли изъ казеннаго вѣдомства въ частныя руки и въ оныхъ по нынѣ остаются.

7) Угурлу-Ханъ въ 1821 году присылалъ къ князю Мадатову чловѣка своего Маса Бека, и предлагалъ, что если онъ принять будетъ, то перейдетъ съ 1000 семействами въ наши границы; но чловѣкъ сей прогнанъ былъ съ словеснымъ отвѣтомъ, что они не нужны и что и прочихъ хановъ выгоняютъ.

Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

О причинахъ войны. Секретныя показанія Югурлы-Хана, сына бывшаго Елизаветпольскаго владѣльца, взятаго въ плѣнъ на рѣкѣ Тертерѣ послѣ Елизаветпольскаго сраженія.

1) Всѣ чиновники персидскіе, бывшіе въ Грузіи и проѣзжавшіе чрезъ Тифлисъ, доносили Шахъ-Задѣ (т.-е. наслѣднику) Аббасъ-Мирзѣ и самому шаху, что генераль Ермоловъ относится на счетъ ихъ съ весьма дурной стороны и произноситъ въ публикѣ ругательныя слова.

2) Эриванскій Сардаръ неоднократно присылалъ письма, отъ генерала Ермолова и отъ полковника князя Севарсемидзева полученные, въ коихъ вѣлючены были вышесказанныя неприличныя выраженія, въ особенности отъ послѣдняго, о чемъ Аббасъ-Мирза съ приложеніемъ таковыхъ писемъ просилъ генерала Ермолова унять князя Севарсемидзева.

3) Когда началъ генераль Ермоловъ требовать новыя границы, съ сѣверной стороны озера Гокчи, и нѣсколько разъ по сему предмету посланы были къ нему чиновники, то и при сихъ чиновникахъ употреблялъ онъ часто неприличныя къ особѣ шаха и всей націи персидской слова; чиновники по возвращеніи доносили о семъ шаху и разглашали въ народѣ, отъ чего и духовенство персидское возстало и требовало отъ государя своего войны.

4) Въ прошлую осень, когда Мазаровичъ въ послѣдній разъ имѣлъ у шаха аудіенцію, то шахъ отвѣчалъ ему, что онъ государь и имѣеть дѣло съ государемъ, по прихотямъ же генерала Ермолова не дастъ ни аршина земли, а ежели нужна будетъ таковая малость русскому государю, то онъ и болѣе можетъ уступить; потомъ присланъ былъ къ генералу Ермолову въ Тифлисъ знатный чиновникъ: но онъ не былъ отправленъ на линію къ генералу Ермолову, съ генераломъ же Вельяминовымъ ему не позволено было вести переговоры.

5) Посланникъ сей возвратился и вслѣдъ за нимъ выступили изъ Тифлиса войска къ спорному мѣсту, гдѣ прогнавъ жителей, стали зимовать, а весной, когда Россійскій посланникъ прибылъ въ Тифлисъ, то впередъ посланъ былъ отъ него полковникъ Бартоломей. По приѣздѣ сего чиновника въ Тавризъ Шахъ-Задѣ получаетъ донесеніе отъ Эриванскаго Сардаря, что войска русскія перешли границу и на Абаранѣ строятъ крѣпость; Шахъ-Задѣ, будучи тронутъ симъ извѣстіемъ, тотчасъ призываетъ полковника Бартоломей и говоритъ ему, что русскіе съ одной стороны посылаютъ посольство, а съ другой войска, почему и высланъ г. Бартоломей, чтобы остановить работу. Онъ князя Меншикова встрѣтилъ на Араксѣ и по сему предмету взявъ отъ него бумагу къ русскому правительству прибылъ въ Тифлисъ, и хотя прекращено построеніе крѣпости, но всѣ войска оставались у озера Гокчи,

и когда началась война, то оныя 300 человекъ съ большою потерею отступили. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

Переводъ письма его высочества наследника персидскаго престола Аббасъ-Мирзы. Высокостепенному, высокопочтенному, высоковознесенному, высокоименитому, благоразумному, украшенному честію и дарованіями генералу отъ инфантеріи, генералу-адъютанту Паскевичу съ почтеніемъ объявляемъ:

Отъ высокопочтеннаго Казумбека, помощника полицеймейстера шушинской крѣпости, къ намъ отъ вашего высокопревосходительства присланнаго и изъ письма, къ коему приложена печать вашего высокопревосходительства, уразумѣли мы, что можно будетъ вымѣнять плѣнныхъ обѣихъ сторонъ. Доброе дѣло — возвратить свободу обоюднымъ плѣннымъ, и мы не только не считаемъ оное маловажнымъ и незаслуживающимъ переписки, но напротивъ признаемъ обязанностію обѣихъ сторонъ объ освобожденіи плѣнныхъ произвести окончательные переговоры, почему и предлагаемъ вашему высокопревосходительству плѣннымъ нашимъ сдѣлать имянной списокъ съ обозначеніемъ мѣста отечества каждаго; каковое распоряженіе сдѣлается и съ нашей стороны — и чрезъ то обѣ стороны могутъ достигнуть цѣли своей о вымѣнѣ плѣнныхъ. Написано въ мѣсяцѣ джамадиль-авалъ 1242-го года, что по разчисленію соотвѣтствуетъ ноябрю 1826 года.

Въ началѣ письма на правой сторонѣ приложена печать его высочества.

Оригиналъ сего письма удержанъ для могущихъ быть впредь сношеній о вымѣнѣ плѣнныхъ. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

Переводъ объявленія, приложеннаго къ письму его высочества наследника персидскаго престола къ его высокопревосходительству генераль-адъютанту Паскевичу. Объявляемъ: Письмомъ вашего высокопревосходительства, пріѣздомъ высокопочтеннаго Казумбека и объясненіемъ, сдѣланнымъ о вымѣнѣ плѣнныхъ обѣихъ сторонъ, доказывается вашего высокопревосходительства доброжелательство. Истинно сказать сей войнѣ и безпокойствамъ и тому, что столько людей съ обѣихъ сторонъ попало въ плѣнъ, не было причиною наше правительство, да и то можемъ признать, что не было на сіе согласія и министерства блестящаго російскаго правительства: истинною и главною причиною сему волненію и раздору были главноуправляющій генераль Ермоловъ и повѣренный въ дѣлахъ генераль Мазаровичъ, которыхъ обязанность была сохранять мирные договоры, а не начинать войны; подробности сего дѣла извѣстны всѣмъ бывшимъ тогда въ семъ краѣ. Генераль Меншиковъ, посоль блестящаго російскаго правительства, по пріѣздѣ своемъ, ихъ присвоенія и несправедливости

своими глазами видѣлъ и собственными ушами слышалъ. Изъ оныхъ вотъ одно: между тѣмъ, какъ посоль отъ одного великаго правительства прїѣхалъ къ другому съ грамотою и подарками, управляющій Бамбакскою провинціею, по приказанію генерала Ермолова, пришелъ съ пушками и солдатами на миракскія воды на землю, принадлежащую Эривани, и началъ строить крѣпость, что на возвратномъ пути видѣлъ самъ посоль. Упоминаемый посоль столько здѣсь говорилъ о дружбѣ, сколько они дѣлами своими подали поводъ къ враждѣ и чрезъ то не оберегли чести его величества великаго императора, своего государя и самодержца; сверхъ того среди мира, граница и въ другихъ мѣстахъ была безпрестанно переступаема по приказанію главно-управляющаго. Мы и чиновники верховнаго персидскаго правительства имѣли столь дружественное терпѣніе, что подробности того и описать невозможно. Мы и высокое персидское правительство не можемъ думать или подозрѣвать, чтобы блистательное россійское правительство на малѣйшее присвоеніе ихъ изъявило свое согласіе. Впрочемъ мы полагаемъ, что ваше высокопревосходительство, какъ чиновникъ отъ нѣсколькихъ правительствъ имѣющій знаки благоволенія, и въ короткое время могли все узнать; объявленіе же отъ министровъ нашего правительства изданное, можетъ послужить всему вышесказанному вѣрнымъ доказательствомъ. Написано мѣсяца джамадиль-авала 1242-го года, что по разчисленію соотвѣтствуетъ ноябрю 1826-го года.

Въ началѣ письма на правой сторонѣ приложена печать его высочества. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

Д. Отношенія генерала Ермолова со мною и всѣ неудобства, которыя я имѣлъ въ продолженіи кампаніи. Съ прїѣзда моего въ Тифлисъ я замѣтилъ, что генераль Ермоловъ не будетъ ко мнѣ расположенъ, и что всѣ непріятности, какія онъ только можетъ сдѣлать, я долженъ ожидать. Не смѣя предположенія представлять за истину, я удержался писать объ этомъ; притомъ же имѣя одну мысль идти противу непріятели какъ можно скорѣе, и дабы не подать ему ни малѣйшей причины противодѣйствовать, ибо общая польза проиграла бы, я вель себя откровенно съ нимъ, такъ что онъ это сказывалъ своимъ приближеннымъ; но лишь я выѣхалъ изъ Тифлиса, узналъ послѣ, что хитрости и недоброжелательство его ко мнѣ начались. Для лучшаго объясненія представляю выписку изъ журнала.

Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

10-го сентября. Я пришелъ съ частію отряда въ Елизаветополь, гдѣ соединился съ отрядомъ генераль-маіора князя Мадатова, кото-

рый увѣряетъ меня о вліяніи его надъ жителями сихъ провинцій. Онъ говоритъ мнѣ, что причиною возмущенія сихъ провинцій есть дурное управленіе русскихъ чиновниковъ, и многое не въ пользу генерала Ермолова. Посмотримъ. Онъ также говоритъ, что хочетъ ѣхать въ Тифлисъ, ибо не хочетъ быть провіантмейстеромъ, послѣ я его уговорилъ этого не дѣлать, какое высокомѣріе. Послѣ я узналъ, что это все играно было.

Соединивши весь отрядъ, я увидѣлъ безпорядки въ войскѣ; люди весьма дурно одѣты, не выучены. Майоръ 24-го егерскаго полка командуетъ 6-ю ротами 7-го карабинернаго, между тѣмъ какъ полковой командиръ вмѣстѣ съ баталіоннымъ находится при 4-хъ ротамъ въ другомъ мѣстѣ. Артиллерія составлена изъ разныхъ четырехъ ротъ, все это не выучено, кромѣ батарейной роты Сабурова, которая лучше другихъ; сія артиллерія находится подъ командою капитана, обозы очень дурно запряжены, лазаретовъ нѣтъ, шестидневный провіантъ въ нѣкоторыхъ батальонахъ на волахъ. Я у нихъ спрашивалъ, кто имъ сіе позволилъ, они отвѣчали что приказу не было, но словесное позволеніе. Люди ѣдятъ весьма дурно, ибо за симъ не смотрятъ, а порціи нѣтъ.

Такого роду смѣшенія войскъ въ такомъ неустройствѣ меня очень удивило, но не мудрено, ибо я узналъ, что войски здѣсь не знаютъ дивизионныхъ и бригадныхъ командировъ; инспекторскихъ смотровъ у нихъ хотя и бываетъ, но не настоящими командирами, и въ то время, когда люди бываютъ въ большомъ числѣ въ раскомандировкѣ, на сѣнокосахъ и прочее.

11-го сентября. Осматривая Елизаветопольскую крѣпость, она очень удобна могла бы быть къ защищенію, но совершенно брошена, говорятъ отъ того, что воды нѣтъ, вмѣсто того есть колодезь въ крѣпости, который совершенно брошенъ. Персіяне хотѣли его очищать, говорятъ, что вода въ немъ хотя не весьма хорошая, но въ нуждѣ можетъ служить.

Сего числа непріятель, оставивъ Тертеръ, перешелъ на Куракчай. Худое положеніе войскъ меня весьма беспокоитъ; я видѣлъ оныя на выбранной мною позиціи въ двухъ верстахъ отъ лагеря, и поставилъ такимъ образомъ, какъ они послѣ дрались въ Елизаветопольскомъ дѣлѣ. Нельзя себѣ представить до какой степени они невыучены, ибо многіе изъ нихъ не умѣли построиться изъ колонны въ каре, и изъ каре въ колонну все, что я отъ нихъ только требовалъ.

12-го сентября. Я опять вводилъ войски на позицію и сегодня уже всѣмъ отрядомъ дѣлалъ движеніе вправо, влѣво, впередъ и обратно; чѣмъ я занимался нѣсколько часовъ, и наконецъ они по-

няли, чего я хотѣлъ. Я примѣчаю, что начальники находятъ сіе ненужнымъ, но я принудилъ ихъ сіе исполнять. Слѣдное повиновеніе имъ не нравится, они къ этому не привыкли.

13-го сентября. День сраженія; оно происходило точно такъ, какъ я въ рапортѣ моемъ объяснилъ, прибавляя, что когда непріятель атаковалъ, я бросился въ резервъ, дабы заставить его идти и насилу могъ его подвинуть. Сохрани Богъ быть съ такими войсками въ первый разъ въ дѣлѣ. Оба фланга мои обойдены; я на лѣвомъ флангѣ поставилъ 6 орудій и полубаталіонъ Херсонскаго полка, и тѣмъ взялъ ихъ атаку во флангъ. Увидѣвъ, что пѣхота ихъ пустила батальный огонь, я велѣлъ 3-му дивизиону драгунъ атаковать ихъ во флангъ. Войски храбры, но не стойки, 2-я линія не выдержала 20 ядеръ и смѣшалась съ первою, ибо она была подъ крутизною. Ширванскій баталіонъ, ударивъ въ штыки, прорвалъ ихъ линію, другіе поддержали. Генераль-маіоръ Вельяминовъ это приказалъ. Князь Мадатовъ на себя взялъ чего не сдѣлалъ, а я не знавъ его, ему повѣрилъ. Всѣ сіи обстоятельства я гораздо позже узналъ и отъ того въ реляціи его хвалилъ. Но тутъ ихъ всѣ распоряженія кончились, ибо войски гнавшіеся за непріателемъ такъ разбрелись, что если бы непріятель имѣлъ резервъ, то мы могли быть разбиты, ибо нашъ центръ, гнавшійся, совершенно былъ разсѣянъ, когда наши фланги еще обойденныя дрались съ непріателемъ.

15-го сентября. Я получилъ предписаніе отъ генерала Ермолова весьма краткое, въ которомъ онъ отъ 9-го числа пишетъ, что если я буду имѣть сраженіе съ непріателемъ, то оно кончится однимъ ударомъ и непріятель будетъ разбитъ; итакъ, тотъ, который хотѣлъ вести оборонительную войну и безъ повелѣнія государя императора не пошелъ бы впередъ, теперь даетъ приказаніе столь смѣлое: я увѣренъ, что онъ противное думаетъ и можетъ статьяся другимъ иначе писать.

Тертеръ, 17-го сентября. Я рапортовалъ генералу Ермолову, что непріятель совершенно разсѣянъ, и что я пойду на Араксъ, а оттуда Агары и Тавризы близки. Тутъ приведенъ былъ ко мнѣ взятый въ плѣнъ Угурлу-Ханъ, названный персіянами Елизаветопольскимъ ханомъ; все, что впослѣдствіи я отъ него узналъ, я имѣлъ счастье представить государю императору, кромѣ секретныхъ пунктовъ, которые при семъ рапортѣ представляются.

18-го сентября. Войски двигаются впередъ по 30 и 35 верстъ, а мясной порціи нѣтъ. Князь Мадатовъ, которому я это говорилъ, отвѣчалъ мнѣ, что нельзя сего достать; я ему сказалъ, что это меня удивляетъ, ибо въ 15-ти верстахъ горы и тамъ есть селенія.

19-го сентября. Наскучившись его отказами, я послалъ отъ себя въ разныя стороны двухъ армянскихъ чиновниковъ; они обѣщаютъ, что найдутъ порцію для людей.

Лагерь на Кендоланѣ, 21-го сентября. Прибывши на сіе мѣсто я занялся продовольствіемъ, ибо только на три дня остается; нашли у жителей нѣсколько ячменя, а мельницы всѣ испорчены; порціи же мясной не имѣется.

24-го сентября. Нашли нѣсколько стоговъ ржи. Люди перемололи оную и тѣмъ нѣсколько дней питаются. Посланы команды на мельницы, дабы ихъ поправить; онѣ разбросаны на 25 верстѣ и всего оныхъ только 12, каждая мелеть отъ 4 до 8 четвертей. Князь Мадатовъ обѣщаетъ, что продовольствіе поправится. Посланный мною одинъ изъ армянъ купилъ сто штукъ скота, чѣмъ пища людей поправилась. Больные начинаютъ прибавляться.

Лагерь при рѣчкѣ Черакенѣ, 25-го сентября. Вода на Кендоланѣ была дурна, что заставило меня перемѣнить лагерь. Мельницы устроились и подвезено нѣсколько зерна.

27-го сентября. Я поѣхалъ въ крѣпость Шушу; дорога въ продолженіи 45 верстѣ весьма дурная и гористая. Большое было счастье, что Аббасъ-Мирза вышелъ мнѣ на встрѣчу, ибо если бы онъ оставался въ сихъ мѣстахъ, то невозможно было съ нимъ драться до большому количеству его пѣхоты. Артиллерія же моя не могла бы съ такою удачею дѣйствовать.

28-го сентября. Крѣпость Шуша расположена на одной изъ второстепенныхъ Карабагскихъ горъ. Имѣетъ въ окружности около 7 верстѣ, изъ которыхъ пять съ половиною неприступныхъ скалъ. Прочія же мѣста по высотамъ ограждены каменною стѣною въ 2½ аршина вышины съ башнями, составляющими фланговую защиту. Полковникъ Реуттъ имѣлъ 4 орудія полевыхъ, одно малое крѣпостное и два 38-ми-фунтовыхъ, весьма старыхъ, которыхъ онъ поставилъ на весьма дурныхъ лафетахъ, и которыми пугалъ персіянъ за 3 версты. Гарнизонъ былъ: 6 ротъ 42-го егерскаго полка, что составить на лицо около 1300 человекъ и 1500 армянъ, изъ 22 селеній, собравшихся для защиты крѣпости. Два случая спасли Реутта: во-первыхъ, 8-ми-дневное персміріе, а во-вторыхъ переводчикъ Аббасъ-Мирзы, Сергѣй Александровъ, астраханскій уроженецъ, тотъ самый, который наканунѣ сраженія пришелъ къ намъ съ извѣстіемъ, что Аббасъ-Мирза намѣревается атаковать. Онъ въ продолженіе сей осады былъ весьма часто посылаемъ Аббазъ-Мирзою къ полковнику Реутту, и весьма искусно находилъ время сказать ему, чтобы онъ не отчаявался, что русскіе не только не оставили Тифлиса, но даже подвиг-

гаются впередъ, и часто выдумывалъ сраженія въ пользу нашу. Когда же сдѣлалось перемиріе, то Аббасъ-Мирза позволилъ Реутту на мельницахъ молоть по 10 четвертей, при чемъ Александръ сдѣланъ былъ приставомъ; но онъ допускалъ вмѣсто 10 до 50 четвертей, чѣмъ въ послѣдствіи гарнизонъ поддержанъ былъ. Осматривая крѣпость, я весьма удивился, что генералъ Ермоловъ не считалъ оную за важную и оставилъ ее въ дурномъ состояніи, такъ, что Реуттъ принужденъ былъ въ продолженіи осады закладывать камнями мѣста, совсѣмъ развалившіяся, болѣе чѣмъ на 50 сажень. Я спрашивалъ причину, отъ чего она была въ такомъ дурномъ положеніи, мнѣ отвѣчали, что намѣреніе было строить крѣпость близъ Аракса, ибо Шуша находится въ горахъ. Итакъ, Елизаветополь брошенъ оттого, что находится въ долинѣ, а Шуша потому что въ горахъ.

Лагерь при Черакенѣ, 30 сентября. Пріѣхавши изъ Шуши я нашель, что подвозу никакого нѣтъ, и что продовольствія доставало только на два дни; я испугался, ибо уѣзжая изъ лагеря я полагалъ, что въ продолженіи 10 дней моего пребыванія въ сихъ мѣстахъ будутъ взяты мѣры для обезпечиванія продовольствія, но тутъ я узналъ, что есть недоброхотство или неумѣніе управлять; въ соли также начиналъ чувствоваться недостатокъ; я послалъ во всѣ стороны и нашли нѣсколько ямъ съ хлѣбомъ, но пока оное было смолото, нѣсколько дней хлѣбъ ѣли зерпомъ.

3-го октября. Я писалъ къ генералу Ермолову, что я не предвижу средствъ ни къ какому движенію, и прошу его прислать мнѣ на 300 арбахъ, т. е., двойныхъ большихъ подводахъ, 1,800 четвертей, чѣмъ могу отогнать непріятеля, который, какъ говорятъ, усилился.

Въ это время я получилъ рапортъ отъ моего дежурнаго штабъ-офицера, который пишетъ мнѣ, что онъ прибылъ въ Тифлисъ пять часовъ послѣ моего отъѣзда и что генералъ Ермоловъ, къ которому она на другой день явился съ просьбою, дабы его отпратить ко мнѣ, отвѣчалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать потому, что коммуникація невѣрна, тогда когда извѣстно, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ я ночевалъ 6-го сентября, то-есть въ 70 верстахъ отъ Тифлиса, никакой опасности не было. Подполковникъ Викинскій просилъ хотя двухъ казаковъ и одну казачью лошадь, онъ отказалъ ему, говоря, что у него нѣтъ казаковъ. На другой и третій день подполковникъ Викинскій приходилъ съ тою же просьбою къ генералу Ермолову, но онъ совершенно ему отказалъ. Генералу Ермолову угодно, чтобы я ни одного изъ чиновниковъ, ко мнѣ назначенныхъ, не имѣлъ при себѣ. Я писалъ объ этомъ весьма убѣдительно генералу Ермолову, представ-

лая, что никто не можетъ удержать чиновниковъ, ко мнѣ назначенныхъ, и просилъ ихъ ко мнѣ отправить, ибо безъ нихъ не могу обойтись.

5-го октября. Къ стыду русскихъ, я сегодня узналъ отъ грузина, армянина-переводчика, поручика Корганова, который со страхомъ объявилъ мнѣ, что я окруженъ шпионами и интриганами; что князь Мадатовъ въ тоже самое время, когда мнѣ дѣлаетъ увѣренія въ дружествѣ и въ рвеніи къ общей пользѣ, что онъ въ тоже время бранить меня, окруженный всѣми старшими чиновниками въ лагерѣ; что, вообще, говорить грузинамъ, армянамъ и татарамъ, что онъ тутъ командуетъ ими, а что генералъ Паскевичъ начальникъ однихъ войскъ; что мнѣ не должно ожидать большихъ пособій въ продовольствіи; что двумъ армянамъ, которые были мною посланы для покупки скота, онъ дѣлалъ выговоры, для чего меня послушали. Я оставшагося одного изъ нихъ въ лагерѣ спрашивалъ и онъ съ большимъ страхомъ подтвердилъ мнѣ это, ибо князь Мадатовъ извѣстенъ какъ человекъ, котораго мщеніе не имѣетъ преграды. Я бы сейчасъ принялъ мѣры, дабы его остановить; но я не имѣю никого, я одинъ, совершенно одинъ; и притомъ нельзя совершенно повѣрить двумъ армянамъ, которые можетъ быть имѣютъ свои виды. Въ это время Угурлу-Ханъ, который еще содержался въ лагерѣ, помощію того же переводчика Корганова представилъ мнѣ секретные пункты, которые теперь посылаю.

6-го октября. Прислано письмо отъ князя Меншикова къ английскому повѣренному, чтобы я переслалъ его къ персіянамъ. Генералъ Вельяминовъ совѣтывалъ мнѣ отдать князю Мадатову для пересылки чрезъ татарина.

7-го октября. Къ удивленію моему я увѣрился въ словахъ Корганова, ибо онъ самъ, который былъ раненъ въ дѣлѣ и лошадь подъ нимъ убита, также и всѣ армяне, которые были мною употреблены, не представлены княземъ Мадатовымъ къ награжденію, изъ которыхъ я одного особенно зналъ оказавшимъ услугу: когда непріятель былъ еще на Тертерѣ, то онъ два раза туда ходилъ и приносилъ о непріятелѣ извѣстія. Князь Мадатовъ въ это время былъ уже въ Шушѣ, — равномѣрно и генералъ Вельяминовъ отправился туда же для снятія плана сей крѣпости.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАІОРЪ,

ПОЭМА

ПАВЛА АНДРЕЕВИЧА ФЕДОВА.

1846.

ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ѲЕДОТОВЪ.

1815—1852.

Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ родился въ 1815 г., въ Москвѣ, и первоначальное образованіе получилъ въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1826 году. Въ 1833 г. онъ вышелъ, 18-ти лѣтъ отъ роду, первымъ ученикомъ, въ лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ прапорщикомъ. Могучая фантазія будущаго художника обнаруживалась еще въ корпусѣ. Онъ поражалъ своихъ товарищей необыкновенною памятью: ему стоило, напримѣръ, закрыть глаза, чтобъ вспомнить изложеніе учителя слово въ слово; воображеніе его также было чрезвычайно сильно: исторія являлась ему рядомъ драматическихъ сценъ въ костюмахъ и съ приличной обстановкою; глядя на карту Африки, онъ видѣлъ не одно только очертаніе береговъ, но ея роскошную растительность, ея неплодную Сахару со львами, змѣями, страусами и антилопами... Болѣе всего любилъ онъ рисованіе и музыку. Портреты товарищей и учителей, сдѣланные имъ въ корпусѣ, отличались замѣчательнымъ сходствомъ.

Поступивъ въ полкъ, Ѳедотовъ продолжалъ заниматься живописью. Сперва-было вздумалъ онъ посвятить себя военнымъ сценамъ, но скоро убѣдился, что это не его родъ. Гораздо болѣе удавались ему портреты, въ особенности великаго князя Михаила Павловича; онъ дѣлалъ ихъ акварелью на веленовой бумагѣ и отдавалъ для продажи въ магазинъ Даціаро.

Изъ числа его картинъ, изображающихъ военныя сцены, замѣчательны: „Французскіе мародеры въ русской деревнѣ“, „Переходъ егерей въ бродъ черезъ рѣку на маневрахъ“, „Вечернія увеселенія въ казармахъ по случаю полкового праздника“ и „Казарменная жизнь“.

Извѣстность Ѳедотова началась по слѣдующему случаю. Однажды великій князь Михайлъ Павловичъ, только-что возвратившись изъ-за границы, обходилъ лагерь. Солдаты толпились, лѣзли другъ другу на плечи, на пирамиды, чтобъ посмотрѣть на любимаго начальника, по-

слѣ его выздоровленія. Эти разнохарактерныя лица, этотъ живописный безпорядокъ представляли прекрасный сюжетъ для картины — и Өедотовъ воспользовался имъ. Картина вскорѣ была готова и поднесена его высочеству, который принялъ ее и пожаловалъ живописцу брилльянтовый перстень.

Ободренный такимъ успѣхомъ, Өедотовъ затѣялъ изобразить „Освященіе знаменъ въ обновленномъ дворцѣ“, но картина не была еще окончена, какъ наступилъ смотръ, назначенный великимъ княземъ. Өедотовъ на смотре попалъ въ числѣ избранныхъ, которымъ его высочество сказалъ, что его „дверь никогда не будетъ заперта ни для кого изъ нихъ“. На другое утро молодой художникъ былъ уже у генералъ-адъютанта Веймарна съ начатою картиною. Вскорѣ послѣдовалъ докладъ императору, и его величество разрѣшилъ „рисующему офицеру“ выйти въ отставку, когда пожелаетъ и посвятить себя живописи, съ содержаніемъ по 100 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ.

Но Өедотовъ не тотчасъ воспользовался даннымъ ему позволеніемъ выйти въ отставку; онъ хотѣлъ прежде испытать себя и оставилъ службу только въ январѣ 1844 года съ чиномъ капитана.

Съ этого времени Павелъ Андреевичъ исключительно предается живописи и работаетъ неутомимо. Образъ жизни его отличается замѣчательною простотою и регулярностью. Обыкновенно онъ вставалъ рано, и послѣ короткой прогулки, принимался за работу и не оставлялъ ее до 3 часовъ пополудни. Только послѣ этого времени принималъ онъ охотно посѣтителей. Въ бесѣдахъ бывалъ обыкновенно веселъ и любилъ рассказывать анекдоты, рассказывалъ-же мастерски. Вечеръ посвященъ былъ тоже болѣею частью работѣ, при чемъ обыкновенно Павелъ Андреевичъ дѣлалъ наброски карандашемъ; иногда-же бесѣдовалъ и изрѣдка ходилъ въ театръ, преимущественно въ раекъ. Читалъ онъ мало, за политикою не слѣдилъ и о критическихъ теоріяхъ имѣлъ весьма смутныя понятія. Особенно любилъ онъ Фонъ-Визина и Крылова, но къ Пушкину и Гоголю былъ холоденъ, а Лермонтова ставилъ выше перваго изъ нихъ. Изъ иностранныхъ писателей любимцами его были Бальзакъ, Вашингтонъ Ирвингъ и Байронъ.

Въ частныхъ отношеніяхъ своихъ Өедотовъ былъ весьма услужливъ и добродушенъ, и безъ памяти любилъ дѣтей. Въ немъ не было и тѣни зависти, столь свойственной многимъ художникамъ относительно ихъ собратій, и онъ всегда старался указать хорошія стороны всякаго произведенія. Но насколько снисходителемъ бывалъ онъ къ другимъ, настолько-же строгъ къ себѣ. Онъ до тѣхъ поръ передѣлывалъ свои картины, пока не оставался ими доволенъ. Однажды ему замѣтили, глядя на одно изъ лучшихъ его произведеній: „Какъ это

просто!“— „Да, будетъ просто, какъ сдѣлаешь разъ со сто“, отвѣчалъ художникъ.

Приступивъ къ выполнению какой-нибудь картины, онъ до тѣхъ поръ не считалъ ее законченной, пока она ни выражала даже въ малѣйшихъ подробностяхъ воплощенную въ нее идею. Такъ, для изображенія комнаты въ картинѣ „Сватовство майора“, онъ бѣгалъ нѣсколько дней по знакомымъ и незнакомымъ, пока наконецъ не отыскалъ случайно въ одномъ трактирѣ подходящей обстановки. Та же исторія повторилась при рисованіи отца невѣсты, купца Кулькова.

Не мудрено, что при такой добросовѣстности въ работѣ слава Федотова быстро росла. Когда была открыта выставка въ 1848 году, публика толпами тѣснилась у картинъ, выставленныхъ имъ; въ особенности привлекала къ себѣ „Сватовство майора“. Эта картина доставила Федотову званіе академика, а въ 1850 году ему назначено было выдавать изъ суммъ академіи по 300 руб. ежегодно.

Разумѣется, такое ничтожное пособіе не могло обезпечить художника, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ почти никакого состоянія и долженъ былъ помогать восьмидесятилѣтнему отцу и сестрамъ. Несмотря на то, онъ остался непоколебимо преданъ искусству и устоялъ отъ соблазна, жениться на одной богатой и красивой дѣвушкѣ, поклонницѣ его таланта, которая дала ему замѣтить, что для него она отказала бы всѣмъ женихамъ...

„Жизни не хватить любить двоихъ“, говаривалъ обыкновенно Федотовъ, когда рѣчь заходила объ этомъ эпизодѣ изъ его жизни. Онъ понималъ, что искусство требуетъ такого же исключительнаго поклоненія, какъ и любовь; но въ то же время вполне цѣнилъ благородный поступокъ дѣвушки, и съ измѣненіемъ обстоятельствъ надѣялся принести ей достойную жертву, а между тѣмъ продолжалъ усиленно работать, такъ что въ половинѣ мая 1852 года мастерская его была завалена начатыми картинами. Такія усиленные занятія не могли остаться безъ вредныхъ послѣдствій; тѣмъ болѣе, что къ этому присоединились болѣзнь глазъ и нервное разстройство, которое вскорѣ еще болѣе усилилось при полученіи извѣстія, что проданъ домикъ, въ которомъ онъ родился и что, такимъ образомъ, родные его остались почти безъ всякихъ средствъ къ существованію...

Результаты такого стеченія грустныхъ обстоятельствъ не замедлили обнаружиться: лѣтомъ 1852 года Федотовъ сошелъ съ ума. Пять мѣсяцевъ томился онъ въ страшныхъ страданіяхъ, хотя и узнавалъ друзей, и скончался 14 ноября 1852 года отъ водяной.

Тѣло его погребено на Смоленскомъ кладбищѣ, недалеко отъ могилы Асенковой. Наружность Павла Андреевича вполне выражала его

качества: энергическое лицо, маленькая, но превосходно сформированная голова, спокойный, пронизательный взгляд, добродушная, но не лишенная юмора улыбка — все показывало в нем труженика и тонкого наблюдателя.

Такъ преждевременно скончался одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ художниковъ, произведенія котораго, по мнѣнiю знатоковъ, напоминаютъ, какъ по замыслу, такъ и по исполненiю, Гогарта. Весьма вѣроятно, что талантъ его развился бы еще болѣе, а можетъ быть онъ сравнялся бы съ этимъ художникомъ, если-бъ прожилъ подолѣе, потому что не увлекался похвалами и продолжалъ учиться.

Оконченныхъ картинъ Федотова весьма мало: „Сватовство майора“, „Опасное положенiе бѣдной, но красивой дѣвушки“, „Утро послѣ пирушки“, „Разборчивая невѣста“ и „Вдовушка“. Изъ эскизовъ, оставшихся послѣ Федотова, особенно замѣчательны: „Старость художника“, „Смерть Фидельки“, „Послѣдствiя смерти Фидельки“, „Первое утро обманутаго молодого“, „Житiе на чужой счетъ“, „Крестины“ и „Магазинъ“. Всѣ эти произведенiя отличаются неподдѣльнымъ комизмомъ.

Но не въ одной живописи выражался юморъ Федотова, а также и въ поэзи. Изъ помѣщенныхъ нынѣ въ „Русской Старинѣ“ стихотворенiй Федотова читатели могутъ судить о степени его таланта. Самъ художникъ, какъ видно изъ его признанiя, не придавалъ большого значенiя своимъ поэтическимъ опытамъ, такъ что оставлялъ многiе стихи неотдѣланными. Огромному успѣху „Майора“ способствовала тогдашняя цензурность его и вѣрное изображенiе извѣстной части общества, которая средствъ къ жизни искала не въ трудѣ, но въ казнокрадствѣ, взяточничествѣ и богатой женитбѣ, а средствъ къ возвышенiю — въ обѣдахъ и родствѣ. Честная натура Федотова была глубоко возмущена такими явленiями и энергически заклемила въ безыскусственно-мѣткихъ стихахъ. О напечатанiи ихъ тогда нечего было и думать, поэтому понятно, почему Павелъ Андреевичъ, постоянно занятый живописью, не хотѣлъ отдѣлывать стиховъ и ограничивался чтенiемъ ихъ въ рукописи друзьямъ. Тѣ списывали и давали списывать другимъ; потребность въ сатирѣ была сильна, обличительная литература, въ особенности рукописная, господствовала въ обществѣ тайно, благодаря самому наглому цензурному произволу, и стихи Федотова заняли въ ней видное мѣсто. Долго скрывались они подъ спудомъ, и сколько намъ извѣстно, въ первый разъ появились въ печати только въ 1862 году въ „Русскомъ Словѣ“, гдѣ помѣщены однако только въ небольшихъ отрывкахъ.

Будемъ надѣяться, что читатели „Русской Старины“, имѣющiе

въ рукописи сочиненія Өедотова, не откажутся подѣлиться ими, при посредствѣ нашего изданія, съ обществомъ.....

Въ настоящей книгѣ мы помѣщаемъ лучшее и вполне законченное произведеніе Өедотова. Это его „Майоръ“, шутка-поэма—извѣстная всей грамотной Россіи въ многочисленныхъ спискахъ, многіе годы расходившихся по рукамъ. „Предисловіе къ читателямъ“—написано авторомъ вообще по поводу его стихотвореній, но оно всего болѣе соответствуетъ его поэмѣ, а потому и предпослано нами „Разсужденіямъ майора“. Эпилогъ поэмы составляетъ объясненіе къ картинѣ „Сватовство майора“, искусная поддѣлка автора подъ народный языкъ балаганныхъ раешниковъ.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ поблагодарить Василія Петровича Попова, взяшаго на себя трудъ возстановить болѣе правильный текстъ „Майора“ по нѣсколькимъ имѣющимся у насъ спискамъ; лучший изъ нихъ сообщенъ С. И. Турбинимъ, который снялъ его съ подлинника, принадлежащаго другу и товарищу Өедотова—П. С. Лебедеву. Приведенная выше біографическая замѣтка принадлежитъ В. П. Попову*).

Ред.

*) Свѣдѣнія о Өедотовѣ можно найти: 1) въ статьѣ покойнаго его товарища по полку А. В. Дружинина: «Воспомнанія о русскомъ художникѣ П. А. Өедотовѣ» («Современникъ» 1853 г., книга II); 2) въ «Москвитяинѣ» 1853 г., кн. V и 1854 г., кн. V; 3) въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1859 г., кн. I. ст. Можайскаго: «Воспомнанія о Өедотовѣ»; 4) статья А. Г. Витковскаго въ «Русскомъ Словѣ» 1862 г., книга IV). Въ «Художественномъ Листѣ» Тимма (1853 г., № 19) помѣщенъ хорошій портретъ Өедотова, съ замѣткой о немъ, извлеченной изъ статьи Дружинина. Другой портретъ находится въ «Портретной галлерей русскихъ дѣятелей» г. Мюнстера—біографическая замѣтка въ этой галлерей о Өедотовѣ составлена М. Д. Хмыровымъ (т. II, Спб., 1869 г., стр. 22). Кромѣ того, портреты Өедотова были еще: въ «Сынѣ Отеч.» 1864 г., также при «Очеркахъ» его (въ 6. листѣ); при «Пантеонѣ» 1854 г., кн. I, рис. на камнѣ П. Ивановъ. Въ «Пантеонѣ» же помѣщена статья о Өедотовѣ—В. В. Толбина; въ «Иллюстрированной газетѣ» 1871 г., № 1, помѣщенъ видъ памятника на могилѣ Өедотова и картина «Посѣщеніе его въ лечебницѣ на Пескахъ», съ статьей объ этомъ г. Маркова.

П. Е.

I.

Предисловіе къ читателямъ*).

Ктось ни былъ, добрый мой читатель,
 Вѣдь я не цеховой писатель,
 И въ полномъ правѣ васъ просить
 Къ моимъ стихамъ не строгимъ быть.
 Я свой давно съ перомъ, что въ шляпѣ**),
 А что писатель держитъ въ лапѣ,
 Съ такимъ почтеннѣйшимъ перомъ
 Я только шапочно знакомъ.
 Пишу, но блажь воображенья,
 Я пышнымъ словомъ сочиненья
 Не думалъ вовсе величать,
 А ужъ не то, чтобъ дѣзть въ печать.
 Не то, чтобъ вкусы нынѣче строги,
 Нѣтъ, просто мнѣ не по дорогѣ.
 Меня отецъ, судьба да мать
 Назначили маршировать

.
 Вотъ поводъ, кажется, резонный
 Мнѣ такъ въ поэзіи отстать.
 Не правда-ль? не угодно-ль встать
 Во фронтъ поэту записному,
 Да не угодно-ль пометать,
 Или начальнику иному
 Рапортъ стишками написать.
 Хоть будь вполнѣ литературно,
 Да не по формѣ—скажутъ: дурно!
 Начальникъ распечетъ—и правъ:
 Что сочинять гдѣ есть уставъ,
 Такой подробнѣйшій, полнѣйшій,
 Гдѣ каждый взглядъ и шагъ малѣйшій
 Все, все обдуманно давно.
 Тутъ съ васъ потребуютъ одно:
 Слѣное только исполненье
 И распевутъ за сочиненье!
 Иль пусть какой-нибудь поэтъ,
 Какого въ свѣтѣ выше нѣтъ,
 Слетаетъ къ бѣсу на расправу,
 То-есть на сутки на заставу!
 Займись тамъ выспренней мечтой,
 Да подорожной хоть одной
 Не просмотри, пренебреги,

*) Это «Предисловіе» впервые напечатано въ «Русскомъ Словѣ» 1862 г.

Ред.

**) Въ сороковыхъ годахъ офицеры носили трехугольными шляпы съ перомъ.

Ред.

Да на звонокъ не побѣги—
 Такого зададутъ трезвону, —
 Забудешь всѣхъ: и Аполлона,
 И девять музъ, и весь Парнассъ...
 Нѣтъ, некогда мечтать у насъ!

 Поэту надобенъ покой,
 А ужъ у насъ покой плохой!
 Для стихотворнаго народа
 Во всѣхъ видахъ мила природа,
 Ему мила и непогода:
 Онъ все поетъ—и дождь, и громъ,
 И снѣгъ, и бури, и мятели,
 Въ тудупцѣ лежа на постели,
 И можетъ чарочка при немъ!
 Легко такъ пѣть. Нѣтъ, въ нашей шкурѣ
 Попробуй гимны пѣть натурѣ
 Воспой-ка ручейки тогда,
 Какъ въ сапогахъ бурчить вода;
 Запой про дождь въ одномъ мундирѣ,
 Когда при строгомъ командирѣ,
 Деньщикъ твой, прогнанный въ обозъ,
 Твою шинель упряталъ въ возъ
 Иль въ сюртукѣ въ одномъ въ морозъ
 Постой, начальство ожидая;
 Тогда какъ пальцы замирая
 Не въ силахъ сабли ужъ держать—
 Изволь-ка въ руки лиру взять,
 Да грянь торжественную оду
 На полуночную природу!
 Нѣтъ, милый, рта не разведешь
 И волчью пѣсню запоешь!
 Поэтамъ даже сводъ небесный
 Такой покосъ даетъ чудесный,
 А намъ красавица лупа
 Напомнить только ночь безъ сна
 На аванпостахъ; ясный Фебъ—
 Луна и Фебъ—поэтамъ хлѣбъ,—
 А намъ отъ Феба—пыль да жарко,
 Намъ Фебъ злодѣй, коль свѣтитъ ярко,
 Онъ намъ не недругъ лишь, когда
 Вблизи холодная вода!
 А эти звѣзды, что высоко,
 Что поэтическое око
 Такъ брилліантами дарятъ,
 Намъ дальностью своей твердятъ,
 Что и до звѣздъ земныхъ далеко.
 Попробуй этихъ налови!
 Природа въ пышущей крови

Вдѣмаетъ сладкое броженье
 И шекотитъ воображенье;
 А намъ—намъ братъ ослѣпъ, оглохъ,
 Намъ это все къ стѣнѣ горохъ!
 Блаженство наше чарка въ холодъ
 Да ковшъ воды въ жару;— да въ голодъ,
 Горячихъ миска щей,— да сонъ,
 Да карточки,— а Аполлонъ
 И съ музами спроважеть вонъ.
 Потомъ еще всегда поэты
 На дѣлѣй свѣтъ свои секреты
 Твердятъ про сердце, про любовь—
 Поэты ею всѣ согрѣты,
 А можетъ сыты и одѣты,
 А намъ любовь мутитъ лишь кровь,
 Да только кровь, а сердце—дудей!
 Насъ не поддѣлѣ на пезабудки,
 На нѣжности: намъ идеаль —
 Намъ подавай-ка капиталъ.
 Затѣмъ подчасъ и мы же знаемъ,
 Не лично мы всегда прельщаемъ:
 Прельщаетъ чаще нашъ мундиръ,
 Россійскихъ барышень кумиръ!
 Смѣшно-жъ намъ безкормыстныхъ строить:
 Одно должно другого стоять!
 О совѣсти ни слова тутъ,
 Но если ужъ мундиръ берутъ
 Въ замѣнъ святой любви личной,
 Такъ ужъ умѣе взять наличный
 За это капиталъ. У насъ
 Примѣровъ всякихъ есть запасъ:
 Есть, точно, по любви женаты,
 Да что-жъ они, былые хваты,
 Теперь? кислотина! Ухваты,
 Горшки, пеленки на умѣ;
 Вѣкъ съ плачемъ о пустой сумѣ,
 Они, завидуя ворами,
 Скорѣ къ выгоднымъ мѣстамъ
 Бѣгутъ отъ горя отмываться,
 Казной за голодъ отъѣдаться;
 Межъ тѣмъ иной, какъ холостъ былъ,
 Глядишь, честиѣншимъ мадамъ слыль!...
 Выходитъ, что жена да дѣти
 Лишь только дьявольскія сѣти
 Безъ золота!... Такъ вотъ любовь!
 Ей тоже денегъ подготовъ,
 Не то—готовъ и скорбъ и слезы!
 Гдѣ-жъ тутъ поэзія, гдѣ розы?
 Тѣ розы вѣчныя, о коихъ такъ твердятъ?

- Любовь безъ денегъ, просто ядъ,
И ядъ тѣмъ болѣе опасный,
Что онъ на вкусъ такой прекрасный!—
Лизнешь— не хочется отстать!

.*)

Ну, вотъ и все, чѣмъ стихъ поэта
Питался отъ начала свѣта.
Еще пересчитаемъ вновь:
Природа, слава и любовь.
Иное, точно, кровь мутило,
Но не до рифмъ тогда намъ было:
Мутило съ желчью пополамъ!
Иное-жъ вовсе чуждо намъ.
Итакъ, окольною дорогой,
Терновникомъ, читатель строгій,
Я пробирался на Парнасъ
Съ дыривой обувью подъ часъ,
Такъ мудрено-ль, что я хромаю!
Свои ошибки самъ я знаю,
Какъ знаетъ пьяница свой грѣхъ,
Но этотъ грѣхъ родникъ утѣхъ—
Такъ диво-ль, что ему нейдется
И онъ, закаявшись, напьется.

Такъ вотъ, читатель мой, и я—
Мои стихи сперва друзья
Прочли, ужасно расхвалили
И самолюбію польстили.
А самолюбіе—тотъ-же хмѣль:
Щекочетъ сладко гордость. Миѣ-ль,
Миѣ-ль устоять отъ искушенья!
Миѣ надобля ужъ лишенья
Отъ всѣхъ утѣхъ; во всю миѣ жизнь
Карманъ кричалъ: правѣй держись!
А тутъ предстало даровое,
И тѣмъ оно милѣе вдвое—
И я давай писать, писать,
Давай вездѣ читать, читать
Вездѣ, и кстати-ль, и не кстати-ль.
Глядь—хвалятъ всѣ; подчасъ писатель
Въ кругу съ другими тутъ сидитъ,
Прищурясь на меня гладитъ,
Ноздря его презрѣньемъ пышетъ
И мыслить онъ: туда-же, пишеть!
Ревнивъ чернильный этотъ родъ!
Быть можетъ, самъ давно банкротъ

*) Здѣсь пропускъ въ нѣсколько строкъ, въ нихъ поэтъ говоритъ о славѣ.

Исчерпалъ весь ярлыкъ флаконный
 И нѣтъ ужъ влаги благовоной;
 Давно, давно ужъ пусть флаконъ
 А носъ все также держитъ онъ.
 Но мнѣ не страшны эти взгляды,
 Меня иные слушать рады.
 Писатель дуется, да пусть,
 За то иные наизусть
 Давно мои ужъ знаютъ строки;
 За мысль прощаютъ ихъ пороки.
 Пусть онъ съ причесаной строкѣй
 Добьется почести такой,
 Какъ я! Хоть я пишу не звучно,
 А сколько разъ собственноручно
 Мою смиренную тетрадь
 Почтили для себя списать
 Иныя, да какія дѣвы!
 Соперники, ступайте, гдѣ вы?
 Ступайте, всѣхъ васъ освищу!
 Всемирной славы не ищу:
 Мой кругъ—крыловскій муравейникъ,
 Лишь въ немъ хочу я быть затѣйникъ.
 На цѣлый свѣтъ не угодишь,
 Читатель мой, когда сравнишь
 Мои стихи съ плохими даже,
 Да только съ тѣми, что въ продажѣ—
 Найдешь въ моихъ большой порокъ,
 Но ты за тѣ ужъ внесъ оброкъ.
 Писатель нектаръ пьетъ, хотъ Геба
 Давно сидитъ сама безъ хлѣба
 И ужъ въ отставкѣ Ганимедъ
 Безъ пенсіона столько лѣтъ,
 А нектаръ все-же пьетъ писатель.
 Гдѣ-жъ онъ беретъ его, читатель?
 О добродушный! Гдѣ беретъ?
 Карманъ твой — Гебой сталъ впередъ
 И Ганимедомъ; стихъ же гладкій
 И не замѣтишь какъ украдкой,
 Туда за нектаромъ скользнулъ,
 И вонъ съ поживой улизнулъ.
 Такъ въ правѣ отъ стиховъ печатныхъ
 Ты строкъ потребовать опрятныхъ,
 А я—меня ты не купишь—
 Я въ цехъ печатныхъ не вступилъ.
 Читатель, вспомни, Бога ради,
 Мои стихи еще въ тетради,
 Еще не сжались подъ станокъ —
 Къ печатнымъ самъ я очень строгъ.
 Въ печать не лѣзу—знакъ смиренья—
 А это стоитъ снисхожденья!

II.

Размышления майора или поправление обстоятельств*)).

Вотъ майоромъ десять лѣтъ,
 А надежды нѣтъ, какъ нѣтъ
 Въ подполковники подняться:
 Всѣ смотрятъ мнѣ не вѣрятъ,
 Все робѣю на смотрахъ—
 Слово «смотръ» наводитъ страхъ—
 Просто хуже всякой бабы...
 Нервы, что ли, очень слабы.—
 Ужъ не знаю, а всегда
 На смотру, глядишь, бѣда...
 Позапрошлый годъ стояли
 Мы въ каре и все стрѣляли—
 Вдругъ командуютъ: «впередь!»
 Съ фланга мнѣ пришелъ чередъ—
 Ужъ не даромъ ненавижу
 Я каре. Засуетяся
 Позабылъ назначить фась,
 Гаркнулъ: «марши!» и что же вижу:
 Фасы, кто куда лицомъ,
 Какъ стояли, врозь крестомъ
 Дуютъ; только я шестомъ,
 Одурѣвъ, торчу въ срединѣ,
 Музыканты тоже врозь
 Кто куда, бѣда, хотъ брось!
 Не забуду и повинѣ
 Я объ этомъ тяжкомъ днѣ,
 Какъ тогда досталось мнѣ!

Прошлый годъ мнѣ въ построеньяхъ
 Лучше шло, чѣмъ на ученьяхъ:
 Я ошябся только разъ,
 Да и то дымъ пушекъ спасъ.
 Ну, я думалъ, въ добрый часъ,
 Чтобъ не сглазить! А предъ старшимъ
 Церемоніальнымъ маршемъ
 Намъ пройти ужъ ни по чемъ.
 Незамѣченный ни въ чемъ,
 Вѣрно, буду я представленъ:
 Подполковника схвачу,
 Такъ и дальше полечу.

*) Изъ этой шутки-поэмы приведены небольшіе отрывки въ «Пантеонѣ» 1854 г., № 1 и въ «Русскомъ Словѣ» 1862 г. Мы се печатаемъ безъ малѣйшихъ пропусковъ по нѣсколькимъ, имѣющимся у насъ спискамъ, подлѣтнейшей, окончательно отдѣланной редакціи П. А. Федотова.

И въ мечтахъ лечу, лечу!
 Вижу: армія большая,
 Всѣ колоннами идутъ
 И, знамена преклоняя,
 Всѣ мнѣ почестъ воздаютъ;
 Барабаны громко бьютъ,
 Громко музыка играетъ
 И народъ кругомъ зѣваетъ—
 Дамы такъ ко мнѣ, а я
 Такъ лорнирую свободно....
 Но постой, мечта моя,
 На яву идти повзводно.
 Все идти, идти, идти,
 Мѣрнымъ тактомъ землю бьютъ:
 Поле гладкое трясется,
 Гулъ далеко раздается,
 Эхо ближнихъ рощъ и горъ
 Дразнить музыкантскій хоръ;
 И отъ взводовъ крикъ несется:
 «Радъ стараться, ваше—ство!»
 И на лицахъ торжество.
 Взводъ цветнистой грядою
 Взводъ смѣняетъ чередою—
 Все впередъ, впередъ, впередъ....
 Вотъ подходит мой чередъ:
 Радъ и страшно: сердце бьется.
 Вдругъ по полю раздается
 Командирскій голосъ: «стой!»
 Барабановъ смолкнуть бой,
 Стихло все, остановилось—
 Все какъ въ землю пригвоздилось.
 И лишь только, тамъ и сямъ,
 Офицеры по рядамъ
 Потихоньку пробѣгаютъ
 И солдатиковъ равняютъ.
 Всѣ чего-то ожидаютъ,
 Всѣ боятся.... Но зачѣмъ,
 Для чего бояться всѣмъ?
 Есть одинъ, за всѣхъ несчастный:
 Это — я! о, рокъ ужасный!
 Такъ и есть: въ мой пятый взводъ.
 Прямо корпусный идетъ —
 Вотъ всевидящее око!
 Онъ замѣтилъ издали
 У каналы у одной
 Въ пятомъ заводѣ подъ сумой
 Съ табакомъ кисеть провлятый.
 Погубилъ меня взводъ пятый!
 Ждалъ схватить иль чинъ, иль крестъ.
 А попался подъ арестъ!

Пуще-жь всѣхъ годовъ мнѣ это
 Было вынѣшнее лѣто:
 Только третій боевой
 Какъ пойдетъ, хоть волкомъ вой.
 Зналъ претвердо на ученьи—
 Такъ не то: найдеть затмѣнье,
 А жолнера, поутру,
 Какъ просилъ я на смотру
 Подсказать мнѣ! но лукавый
 Все о Леленькѣ кудрявой,
 Видно, о своей мечталъ,
 Въ головѣ вертѣлся балъ...
 Молодость! А мнѣ отъ бала
 На несчастье такъ попало—
 Хоть въ отставку подавай!

Охъ, отставка! То-то рай!
 Никакихъ смотровъ не знай;
 Самъ себя лишь только знаешь.
 За себя лишь отвѣчаешь!..
 Какъ другимъ везеть—а я —
 Знать, такая колея!
 Больше-ль знаетъ Пятогрѣвъ,
 Иль умнѣй меня Михѣвъ?
 Ха, ха, ха!.. Или Рубцовъ
 Ужъ глупѣйшій изъ глупцовъ?
 А Зубаловъ съ красной рожей
 На говядину похожей?
 А Брушнапсъ? А Муано?
 Всѣ полковники давно!
 Какъ царьки, чай, поживаютъ,
 Да карманы набиваютъ
 Отъ полковъ! Одинъ лишь я —
 Просто дрянъ судьба моя!
 Всюду запятая, точки —
 Знать, родился не въ сорочкѣ.
 Нѣтъ, довольно! Рѣшено!
 Выйду! Ужъ пора давно
 На покой! Ей-ей обидно!
 Передъ фронтомъ стыдно врать
 А уставъ мудренъ! Мнѣ видно
 Нечего ужъ больше ждаты:
 Генераломъ не бываты!
 Да и что, ну, генераль?
 Эвѣй важный капиталъ!
 Что отъ этого прибудеть?
 И тогда начальство будеть
 Точно также замѣчать.

Вѣдь ужъ съ чиномъ не умнѣе
 Станешь: будешь также врать —
 А тогда еще стыднѣе!
 Хоть дохода и прибудеть,
 Такъ расходовъ втрое будетъ:
 Надо ужъ себя держать
 На вельможескую статью:
 Домъ и поварь, и нельзя же
 Обойтись безъ экипажа —
 Голь, какъ нынче, будетъ та же!

Вышелъ-бы, да вотъ бѣда,
 Чѣмъ прокормишься тогда?
 Пенсіонъ!.. Велико дѣло!
 А ужъ крѣпко надоѣло.
 Развѣ, къ штатскимъ перейти,
 Отъ смотровъ совсѣмъ уйти?
 Но и тамъ бѣда посюду:
 Въ штатской я надворнымъ буду —
 А надворный тамъ великъ:
 Тамъ надворный, безъ сомнѣнья,
 Ужъ начальникъ отдѣленья —
 Я-жъ еъ бумагамъ не привыкъ.
 Что-жъ я буду за начальникъ?
 Миѣ любой столоначальникъ
 Завернетъ вездѣ кавыкъ:
 Тамъ гдѣ взять—себѣ оставить,
 Миѣ-жъ бумажку онъ представитъ.
 Ту, съ которою бѣда —
 И распутывай тогда!
 А какъ дѣлать-то самъ не знаешь,
 Да въ законахъ не смѣгаешь,
 Не поможетъ важный чинъ
 И распутывай одинъ.
 По неволѣ каждой мошкѣ
 Поклонись три раза въ ножки,
 А не то—тебя подъ судъ
 Эти мошки упекутъ.
 Въ штатской важны чинъ и званье,
 Но важнѣй — законовъ знанье.

Впрочемъ есть еще мѣста,
 На которыхъ и спроста,
 Безъ особенной науки,
 Можно грѣть порядкомъ руки..
 Не объ жалованьи рѣчь,
 Совѣсть можно поберечь.
 Вѣдь такіе нынче годы,
 Говорятъ всѣ про доходы:

Напримѣръ, комиссарьятъ,
 Или провіантскій штатъ,
 Есть полиція, таможня —
 Вотъ ужъ тамъ такъ очень можно, —
 Только съ прочими дѣлись;
 А иначе—берегись!
 Чортъ возьми! Да я-бъ дѣлился,
 Да за то и самъ нажилъ.
 Этакъ-бы сначала домъ
 Въ пять этажей, да притомъ,
 Чтобы въ немъ всего биткомъ;
 Послѣ сбилъ бы помаленьку
 Въ хлѣбномъ мѣстѣ деревеньку;
 А хозяйствомъ править лѣвъ —
 Клялъ въ ломбардъ па черный день.
 Чистаганъ когда бы нажилъ,
 Я-бъ раскланялся и зажилъ,
 Какъ второй Сарданапалъ.
 И тогда, лишь сдѣлай балъ,
 Глядь, въ числѣ гостей пошаль,
 Съ увѣреніями въ дружбѣ,
 Тотъ, кто встарину по службѣ
 Со свѣту тебя сживаль.
 Принимая всѣхъ радушно,
 Я бъ забылъ великодушно
 Прошлое врагамъ моимъ:
 Я бы даже, на смѣхъ, имъ
 Задавалъ обѣды часто.
 Ваше-ство — тогда ужъ баста;
 Климъ Матвѣичъ, Петръ Ильичъ!
 Но имянно просто кличь!...
 Вотъ въ такому бы мѣстечку
 Приютиться человѣчку —
 Славно-бъ! Кто-жь добру не радъ!
 Только, вотъ что говорятъ,
 Что туда безъ денегъ врядъ
 Понадешь: подсунуть надо,
 Да въѣдь какъ! Исчадья ада
 Ужъ нельзя сказать берутъ —
 Чисто на чисто деруть!
 Единицными рублями
 Тамъ съ простыми нисарями
 Не поладишь: имъ на чай
 Ты полсотенки давай —
 Вотъ тогда онъ правду скажетъ,
 И вакавси покажетъ
 И научить какъ, кому,
 Сколько положить въ суму;
 Скажетъ все: когда кто въ духѣ,

Чтобы не было прорухи.
 Такъ, купивъ себѣ маршрутъ,
 Отправляйся выше; тутъ —
 Тутъ ужъ тысячи берутъ,
 Дальше ужъ десятки тысячъ —
 Вотъ бы всѣхъ на ковной высѣчь!
 По неволѣ, послѣ всякъ,
 Заплативъ за мѣсто такъ,
 Все вернуть скорѣй захочеть
 И какъ жадный волкъ наскочетъ.
 Вымѣщать все надъ казной.
 Вслухъ кричить: «казна богата
 Грѣхъ обидѣть ближнихъ, брата,
 У казны-жъ не грѣхъ украсть:
 Есть кому ее накласть;
 Коль казны и не достанеть,
 То министръ ее натянетъ
 Новый вымыслить налогъ,
 Министерскій умъ высокъ:
 Онъ изъ камня выжметъ сокъ —
 И казна опять богата...»
 Такъ, забывши все что свято,
 Разсуждается у насъ.
 Только, если въ добрый часъ
 Совѣсть какъ-нибудь разбудишь.
 Иначе совѣсьмъ разсудишь,
 И увидишь, что казна
 Не для кражи собрана.
 Сборы всѣ и приношенья
 На благія учрежденья
 Съ насъ правительство беретъ:
 Стало, кто казну дереть,
 Тотъ у ближнихъ деньги вкрадетъ.
 Пусть, кто хочетъ, душу гадить,—
 Мнѣ такихъ не нужно мѣсть:
 Совѣсть грозная заѣсть.
 Все терпѣннѣе залѣчимъ,
 Да притомъ подсунуть печѣмъ.
 Шарфъ на выжигу, темлякъ,
 Ну хоть два, хоть три, да знакъ.—
 Вотъ и все! Нѣтъ, съ этимъ дудки.
 Съ этимъ близъ трактира будки
 Не получишь. Вотъ мечтай;
 Замки строй и разсуждай!
 Нуль на нуль сто разъ умножи!—
 Все въ итогъ будетъ тоже!
 Всюду деньги! Даже въ рай
 Хочешь—депешки подай!
 Умирай безъ покаянья.

А когда есть состоянье,
 Лишь пожертвуй въ церковь влезай,
 Да побольше, что тут адъ—
 Ни почему! Весь въѣкъ молиться
 Будеть пастыр за тебя;
 А безъ денегъ за себя
 Самъ молись. Бѣда, какъ грянетъ,
 Да еще въ печальный часъ
 И застанеть средь проказъ—
 Бѣдный, кто тогда предстанеть
 Предъ судьей на небесахъ
 Выручать тебя въ грѣхахъ?
 Кто врата отворить рая?
 Чья молитва? Отпѣвая
 Пастыр самъ, какъ бы стыдился
 За твои грѣхи, свой гласъ
 Не возвыситъ такъ, какъ надо,
 Чтобъ тебя избавить ада;
 И безъ чувства надъ тобой
 «Со святыми упокой»
 Проворчитъ въ скороговорку,
 И въ червячую каморку
 Не проводитъ бѣдняка—
 Вишь отъ деревни далека.
 Громко, стройною волною
 Надъ богатымъ къ небесамъ
 Гимнъ отходный тотъ несется;
 Изъ кадила оніміамъ
 Вьется пышною, густою,
 Ароматною волною.
 Бѣднымъ оніміамъ иной:
 Имъ довольно, чтобъ кадило
 Только-только что чадило.

Деньги, деньги—счастья ключъ!
 Но, стой!... Надежды лучъ
 Не совсѣмъ угасъ покуда,
 Не совсѣмъ и мнѣ ужъ худо ¹⁾,
 Дай-ка, я за умъ возьмусь:
 Почему я не женюсь?
 Да, женюсь — и на богатой,
 Дамъ щелчекъ судьбѣ рогатой ²⁾.
 Какъ богатой мнѣ не взять!
 Иль невѣсть богатыхъ мало?
 Иль во мнѣ что не достало?
 Чѣмъ не мужъ я? чѣмъ не зять?
 Штабъ, густые эполеты,
 Шпоры, конь, усы,—а лѣта?...
 Что-жь, въ порѣ я, просто хватъ,

Ну, невозможно толстовать *) —
 Это возбудить почтенье—
 Хуже, если-бъ былъ худой:
 Скажутъ: вѣрно онъ больной,
 Иль дурнаго поведенья!
 Все, что надобно женѣ
 Ждать отъ мужа—есть во мнѣ *);
 Чинъ высокоблагородный,
 И притомъ собой дородный —
 Что-жъ еще? А для купчихъ
 Это кладъ, а не женихъ!

Кстати, слышалъ, у Кулькова,
 У подрядчика лѣснаго,
 У купца бородача,
 Скопидома богача,
 Хлѣбосола записного
 Ужъ назначенъ миллионъ
 Дочери.....

Когда бы онъ
 Отдалъ мнѣ его! Не худо *)!
 Аппетитненькое блюдо!
 Право, нечего зѣвать,
 Надо сваху засмѣять!
 А потомъ принарядиться
 Поновѣй, понадушиться *),
 Можно и духовъ достать
 Этакъ хоть у фраптовъ
 У бригадныхъ адъютантовъ.
 Взять у нихъ же орденокъ
 Да батистовый платокъ,
 Дн часы—на случай съ дочкой
 Какъ придется говорить —
 Пальцемъ баловать съ цѣпочкой
 И носочкомъ такту бить.
 Шарфъ надѣть, позвонче шпоры,
 Да поднявши плечи, грудь
 Эполетами тряпнуть,
 Да погромче въ разговоры...
 Посмотрю я, какъ тогда
 Мнѣ откажетъ борода!
 Не откажется отъ чести,
 Шутка-ли, къ майору въ тестя!...
 Слухи ходятъ о невѣстѣ,
 Что какъ будто-бы она
 Ничему не учена,
 Что ряба, что краснорука,
 Что глуха, что съ нею скука—
 Ничего! Всякъ чорта-бъ взялъ

Коль такой съ нимъ капиталъ!
 А Кулькова, хотъ красою
 И не славится большою,
 Да въ красѣ и толку нѣтъ:
 Будь теперь хотъ маковъ цвѣтъ ⁷⁾
 Будь она хотъ роза—все же,
 Вѣрно, будетъ въ сорокъ лѣтъ
 На ровесницъ всѣхъ похожа!
 Кто ихъ станетъ разбирать,
 Будетъ голову ломать,
 Кто изъ нихъ была косая,
 Кто кривая, иль прямая?
 А лишь только той и честь,
 У которой деньги есть,
 У какой попить, поѣсть
 Можно вкусно,—той и честь.
 Гдѣ хорошъ обѣдъ и вина,
 Гдѣ на славу въ именины,
 Въ праздники пиры даютъ—
 Всѣ туда съ поклономъ лѣзуть,
 Всѣ покушать даромъ падки;
 Да къ тому-жъ, какъ блюда сладки,
 Тамъ, посмотришь, не одинъ ⁸⁾
 Уплетаетъ господинъ,
 Позабывъ породу, чинъ,
 Выгоднымъ найдя смиренье,
 Позабывъ про вдохновенье ⁹⁾,
 Примирясь съ толпой, поэтъ....
 И кого, кого тамъ нѣтъ!
 Штука важная обѣдъ!
 И спроси у нихъ любого ¹⁰⁾,
 Хотъ профессора яного,
 Про хозяйку: что, умна-ль,
 Что, воспитана-ль, что, ловка-ль? ¹¹⁾
 — «Да друганъ есть едва-ль
 Ей подобная», всѣ скажутъ.—
 Сласти всѣмъ языкъ подмажутъ.
 И про насъ заговорятъ,
 Что такіе есть-ли врьдъ.

Сидоръ, Сидоръ! спишь? живѣе ¹²⁾
 Поликарповну скорѣе,
 Ну, что свахою слыветъ,
 Знаешь, гдѣ она живетъ?
 Марши! сыщи ее гдѣ хочешь,
 Ты не даромъ похлопочешь ¹³⁾,
 Да смотри, не будь глупцомъ:
 Баба станетъ обо всемъ,
 О жить-быть-моемъ

У тебя освѣдомляться,
 То смотри, ей не поддайся!
 Первое что спросить: чины!
 Отвѣчай, что господня
 Твой майоръ еще покуда,
 Но что въ годъ онъ худо-худо
 Будетъ полный генералъ —
 Побожись, что не совралъ.
 Бабѣ только-бъ побожиться,
 Да съ божбой перекреститься—
 Все за чистое сойдесть.
 Объ достаткѣ рѣчь пойдесть—
 Не проврись про кухню нашу,
 Что ѣдимъ мы щи да кашу.
 А скажи: «на дняхъ умереть
 Барскій дядя пребогатый,
 Что огромныя палаты,
 Что заводовъ, деревень,
 Что не счесть всего и въ день;
 Все тѣмъ заживо онъ править,
 То, мошь, все ему оставить,
 Что наслѣдникъ, мошь, одинъ
 У него мой господинъ.
 Что, мошь, добрь: солдатъ, вошь учить
 Онъ не бьетъ ихъ и не мучить;
 Въ ротъ хмѣльного никогда,
 Все питье квасъ да вода,
 Держить постъ и богомоленъ;
 И что имъ и царь доволенъ,
 И что, кажется, его,
 Господина моего,
 Царь къ себѣ въ министры прочить:
 И что, слышалъ, что одна
 Пребогатая княжна
 На него ужъ зубы точить;
 Да, вишь, баринъ-то не хочетъ;
 А что день и ночь ему
 Все вертится на уму
 Дочь какого-то Кулькова,—
 Можетъ быть, и нѣтъ такого.
 Побожись, что по ночамъ
 Бредъ мой часто слышалъ самъ.
 Вдругъ, мошь, вскрикнешь:
 «О, Кулькова,—
 О мой ангель, другъ!»

И, снова

Прихрапнетъ; потомъ опять —
 Да вѣдь за ночь-то разъ пять.
 Какъ въ горячкѣ! — Утромъ встанетъ

Такъ, глядишь, на немъ лица вѣтъ!
 Просто, страсть меня беретъ!
 То и жди съ ума сойдесть!
 Жаль, ей-Богу! баринъ славный,
 Не блажной, не своенравный,
 Къ службѣ ужъ такой исправный!
 По ученю, по уму
 Не уступить никому.
 Да чего, преосвященный,
 Разъ пріѣхавши къ нему,
 Говорить такъ въ слухъ ему:
 «Хоть ты, братецъ, и военный,
 А ужъ друга не оставь,
 Ты мнѣ проповѣдь поправь».
 Онъ вѣдь съ нимъ на ты, почтенный!
 Вотъ какъ! просто, какъ друзья!
 Значить, умъ! А нынче я
 За него весьма боюсь
 И тебѣ ужъ поклонюся,
 Препочтенная моя,
 Ты судьбою ловко мечешь,
 Холостую скуку лечишь
 И безденежья недугъ.
 Выручи, ужъ будь мнѣ другъ!
 Припаси ты намъ лекарство,
 Сбереги подпору царства!...»

Понялъ, Сидоръ? Ну, смотри,
 Бабѣ ты очки вотри!
 Ты, я знаю, какъ захочешь,
 Такъ на шею чорту вскочишь.
 Ты, я знаю, братъ, не глушь.
 Напримѣръ, откуда супъ
 Съ курицей у насъ являлся?
 Я тогда ужъ притворялся ¹⁴⁾
 И нарочно промолчалъ,
 Денегъ я вѣдь не давалъ,
 А казны едва ли нашей ¹⁵⁾
 Достаетъ на щи и кашу.
 Помнишь какъ-то простоквашу,
 А подъ соусомъ пѣтухъ,
 А въ мѣхѣхъ подушкахъ пухъ?
 Что? Нашелъ? Ну, знаю, ладно ¹⁶⁾!
 Ты всегда соврешь прескладно.
 Такъ поди-жъ, похлопочи,
 Тутъ вѣдь есть магарычи:
 Какъ женюсь, разбогатѣю
 Я тебя, братецъ, пригрѣю
 И наградою заслугъ

Ужъ не старый архалугъ
 Отдавать тебѣ; придется '!),
 Какъ у важныхъ баръ ведется,
 Въ гадунахъ ливрею шить
 Въ авсельбанты сварядить,
 Голодъ вынѣшній забудешь,
 У меня ты просто будешь
 Цѣлымъ домою заправлять,
 Да другими понукать,
 Да покрикивать и только!
 Любо? Хлопочи-жь, изволь-ка.

III.

Содержаніе картины: „Пріѣздъ жениха“.

Честные господа
 Пожалуйте сюда!
 Милости просимъ,
 Денегъ не спросимъ,
 Даромъ смотри,
 Только хорошенько очи протри.
 Начинается,
 Починается.

О томъ, какъ люди на свѣтѣ живутъ,
 Какъ иные на чужой счетъ жуютъ,
 Сами работать лѣнятся,
 Такъ на богатыхъ жепятся...

И вотъ извольте посмотрѣть:
 Вотъ купецкій домъ,
 Всего вдоволь въ немъ —
 Только толку нѣтъ ни въ чемъ:
 Одно нахвѣтъ деревней,
 А другое—харчевней.
 Тутъ за то одинъ толкъ:
 Что все взяли не въ долгъ,
 Какъ у васъ, иногда,
 Честные господа!

И вотъ извольте посмотрѣть:
 Вотъ самъ хозяинъ купецъ,
 Денегъ полонъ ларець...
 Есть что пить, есть что ѣсть,
 Ужъ чего-жь бы еще! Да взманила, вишь, честь:
 Не хочу, вишь, зятей съ бородами!
 И своя борода
 Мнѣ лихая бѣда,

По улицѣ всякій толкаетъ,
 А чуть-чуть подъ хвѣлькомъ,
 Да поди-ка лѣшкомъ —
 Глядь! очутишься въ будѣхъ,
 Да улицу прометешь сутки.
 А въ густыхъ будь-ко вять,
 Не посмѣютъ пасъ вять.
 Намъ, по крайности, дай хоть майора,
 Безъ того никому не отдамъ свою дочь!
 А женихъ тутъ какъ тутъ, и по чину точь въ точь.

И вотъ извольте посмотрѣть:
 Какъ жениха ждуть,
 Кулебяку некутъ,
 И заморскія вина первѣйшихъ сортовъ
 Къ столу несутъ.
 А вотъ и самое панское,
 Сирѣчь—шампанское—
 На подносѣ, на стулѣ, стоитъ.

И вотъ извольте посмотрѣть:
 Какъ въ парадѣ цѣлый домъ,
 Все съ иглочки въ немъ;
 Только хозяйка купца
 Не нампа, знать, по головкѣ чепца:
 По старинному въ сизомъ платочкѣ,
 Остальной-же нарядъ,
 У французенки влять
 Лишь вчеро, для нея и для дочкы!
 Дочка, въ жизнь, въ первый разъ
 Какъ бариния у насъ,
 И простуды не боясь,
 Плечи выставила на показъ.

Вотъ извольте посмотрѣть:
 Какъ въ лѣвомъ углу старуха,
 Тугая на ухо,
 Хозяйкина сватѣя, беззубый ротъ,
 Къ сидѣльцу пристаеъ:
 — Для чего, дескать, оиъ столько бутылокъ несеть?
 Въ домъ ей до всего!
 Ей скажи: отъ чего,
 Для чего, кто идетъ?
 Любопытный народъ!

А вотъ, извольте посмотрѣть:
 Справа, отставная деревенская пряха,
 Панкратьевна сваха,
 Безсовѣстная привираха,

Въ парчевомъ шугаѣ, толстая складомъ,
Идетъ съ докладомъ:
Что, дескать, женихъ изволить пожаловать.

И вотъ извольте посмотрѣть:
Какъ хозяинъ лавочникъ-купецъ,
Невѣстннъ отецъ,
Не сладить съ сюртукомъ —
Какъ онъ бьется, пытитъ,
Застегнуться спѣшитъ:
На распашку принять неучтиво!

А вотъ извольте посмотрѣть:
Какъ и наша невѣста
Не найдетъ, сдуру, мѣста.
«Мужчина чужой!»
— Ой, стыдъ-то какой!
Никогда я съ ними еще не бывала,
Коль и придутъ бывало,
Мать тотчасъ на ушко:
«Тебѣ, дѣвушкѣ, здѣсь не пристало!»
Вѣкъ, въ свѣтличкѣ своей я высокой,
Прожила, проспала одинокой;
Кружева лишь плела къ полотенцамъ.
Гость заводитъ, чай, рѣчь:
Ай, ай, ай, срамъ какой!
А тутъ нечѣмъ скрыть плечъ:
Шарфъ сквозистый такой!
Все насквозь, на виду—
Нѣтъ, въ свѣтлицу уйду!

И вотъ извольте посмотрѣть:
Какъ наша пташка хочетъ улетѣть,
Да не тутъ-то было! умная мать
За платье ее хватъ!

И вотъ извольте посмотрѣть:
Какъ въ другой горницѣ
Грозитъ новая картина горлицѣ
Какъ женихъ толстый, бравый,
Крутитъ свой усъ:
И, дескать, до денежекъ доберусь!

Теперь извольте посмотрѣть:
Разныя висятъ по стѣнамъ картины,
Начинается съ середины.
Посреди виситъ—
Мужъ съѣдъ и именованъ,
Хозяинъ добродѣтель чтитъ!

А по сторонамъ висятъ двое—
 Наши знаменитые герои:
 Одинъ, батюшка-Кутузовъ,
 Что первый отерылъ пятки у французовъ.
 А Европа, сначала,
 Ихъ не замѣчала!
 Другой,
 Герой,
 Кульневъ, которому, во славу и честь,
 Даже у нѣмцевъ вѣстѣ желѣзный есть *).

Вотъ извольте посмотрѣть:
 Тамъ-же, на правой сторонѣ,
 Иловайскій на конѣ—
 Казацкій хлопчикъ—
 Французовъ топчетъ!

А вотъ извольте посмотрѣть:
 На правой стѣнѣ хозяйскій портретъ,
 Въ золотую раму вдѣтъ;
 Хоть лицо и несхоже,
 Да книжка похожа!
 Значить—грамотный!

А вотъ извольте посмотрѣть:
 Подъ низомъ картины,
 Около середины,
 Сидитъ сибирская кошка:
 У ней-бы не худо, немножко,
 Нашимъ деревенскимъ поучиться:
 Почище мыться!
 Кошка рыльце умываетъ,
 Гости въ домъ зазываетъ.

А что, господа, чай, устали глаза?
 Не оставить-ли до другого раза?
 Извольте проститься и по домамъ расходиться.

П. А. Федотовъ.

*) Кульмскій.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Помѣщаемъ варианты, какіе мы встрѣтили въ другихъ спискахъ «Маіора»

- 1) «Не совѣмъ еще мнѣ худо...»
 2) «Дамъ толчокъ судьбѣ рогатой...»
 3) «Хоть немножко толстовать...»
 4) «Ждать у мужа — есть во мнѣ...»
 5) «Отдашь мнѣ его, не худо...»
 6) Этотъ и слѣдующіе, всего пятнадцать стиховъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ замѣнены двумя строками: «Поновѣй, орломъ явится,

И посмотримъ, какъ тогда...» и проч.

- 7) Въ другихъ спискахъ вариантъ: «Будь она хоть маковъ цвѣтъ
 Будь она хоть розанъ вѣжнѣй...»
 8) Вариантъ въ другихъ спискахъ: «Такъ посмотришь не одинъ
 Тамъ хлебаешь господнѣ...»
 9) Вариантъ въ другомъ спискѣ: «Тамъ забывъ про вдохновенье...»
 10) Вариантъ: «И спроси потомъ любого,
 Хоть профессора какого...»
 11) Въ другихъ спискахъ «Что любезна-ли, ловка-ль?...»
 12) Въ другихъ спискахъ читаемъ такъ: «Сидоръ, спишь?
 За Панкратьевной скорѣ,
 Вонъ, что сваю слыветъ...»
 13) Вариантъ: «Ты не даромъ прохлопочешь...»
 14) Этотъ стихъ въ другихъ спискахъ такъ: «Я тогда вѣдь притворился...»
 15) Этотъ и слѣдующій стихъ въ другихъ спискахъ замѣнены однимъ:
 «Деньги лишь на щи да кашу...»
 16) Въ другихъ спискахъ: «Что нашель? нашель, ну ладно!...»
 17) Въ другихъ спискахъ такъ: «Какъ теерь... тогда придется...»

Въ «Пантеонѣ» 1854 г., въ № 1-мъ, въ статьѣ г. Толбина о П. А. Федотовѣ (брошюра сообщ. П. А. Ефремовымъ) приведены выдержки изъ «Маіора», причѣмъ однако самымъ тщательнымъ образомъ выщипано цензурою все, что относится до военной службы, такъ что ни по названію шутки, ни по ея содержанію не видно, что всѣ разсужденія принадлежатъ никому другому, какъ маіору... Самое стихотвореніе приведено, какъ можно полагать, съ первоначальныхъ редакцій, почему есть длинноты ничего не прибавляющія въ художественномъ отношеніи, и потому самимъ авторомъ опущенныя въ позднѣйшихъ редакціяхъ, съ которыхъ мы напечатали поэму. Между прочими вариантами — въ первыхъ редакціяхъ—болѣе крупныя слѣдующія:

Къ стр. 746-й:

Шутка-ли, къ маіору въ тести!..
 Разъ, при мнѣ одинъ купецъ,
 Мужа дочери смѣкал,
 Какъ заботливый отецъ,
 Всѣ сословія слычая,
 Вотъ что вывелъ наконецъ:
 Выдать за купца—не худо;
 Да, не худо—но покуда

Хорошо дѣла идутъ!
 У купцовъ отъ оборота
 Долго-ль дѣло до банкрота?
 А коль чуть остерегись,
 Съ капитальцемъ поприжмись,
 Такъ бѣда—нѣтъ сплетнямъ счета!
 Только и звенить въ ушахъ:
 «Что торговля-де въ рукахъ
 Наша вся у иноземцевъ:
 Англичанъ, французовъ, нѣмцевъ
 И что наши де-купцы—
 Просто сущіе слѣпцы!»
 Вотъ какъ хочешь и вертись!..
 Впрочемъ, если попадися
 Зять—почетный гражданинъ,
 Ну, тутъ есть уже и льготы...
 Впрочемъ, все-же обороты;
 То-ли дѣло дворянинъ!

 Слухи ходятъ о невѣстѣ
 Таковы, что ей не къ чести,
 Да она, быть можетъ, тутъ
 Какъ ни въ чемъ—все Курозвонѣвъ
 Протрубилъ!.. охъ! я-бъ его!..
 У него вѣдь ничего
 Нѣтъ завѣтнаго... мотыжка,
 Пустомели, хвастунишка!
 Хуже нѣтъ его у насъ.
 А посмотришь, какъ подь-часъ,
 Носъ подыметъ, глазки съюзить,
 Зафиндонить, зафранцузить
 И съ презрѣніемъ на свѣтъ,
 Въ свой расколотый лорнетъ,
 По верхамъ глядитъ! О, я бы
 Вышколилъ его...
 Я довелъ бы до резона,
 Я-бъ ему убавилъ тона!
 Дурь бы въ немъ поунялась,
 Вишь что сбредилъ: будто разъ
 Сваха вдругъ къ нему явилась,
 Увѣряя, что въ него,
 До безумія влюбилась
 Дочь Кулькова, и его,
 Было сважь порученье,
 Звать въ Пассажъ на воскресенье
 И общанъ милліонъ!
 Будто-бъ и поѣхалъ онъ...
 Да взглянулъ—ряба, въ веснушкахъ,
 Да въ такихъ, какъ-будто мушкахъ

Носа, глазъ не разберешь!
 Двадцать пять на ней одѣжь...
 Двадцать пять!.. и всё на ватъ!..
 Вотъ какая въ перехватъ!
 Руки, плечи... но, скрѣпясь,
 Онъ, на этотъ будто разъ,
 Подмигнулъ ей, для потѣхи.
 Сваха видитъ: Есть успѣхи!
 И скорѣй къ нему опять...
 Тащить въ домъ представлять!
 Будто былъ онъ у Кульковыхъ,
 Да и тѣмъ достоинствамъ новыхъ
 Тамъ онъ въ дочкѣ ихъ открывать.
 То-есть: что бы ни спросилъ—
 Ни аза въ глаза не знаетъ!
 Книгу въ руки разбираетъ—
 По складамъ—не жди конца!
 Вверхъ ногами и читаетъ,
 Кличетъ тятенькой отца;
 Словомъ, ну, ужъ просто дура,
 На невѣсть карриатура!
 Будто онъ поклонъ и вонъ,
 Несмотрѣ на миллионъ!
 Видишь—партѣй такую
 Онъ разсорился-бъ съ роднею!
 Ухъ нахалъ!
 Словомъ, столько онъ болталъ,
 Лгалъ по поводу Кульковыхъ,
 Столько фразъ про нихъ суровыхъ
 Разызвонилъ распустить,
 И зачѣмъ все? Чтобъ отбить
 Всѣхъ другихъ, кому жениться
 Вдругъ охота разгорится;
 Чтобы тотъ, попасть къ нимъ въ домъ,
 Не развѣдалъ бы о немъ!
 Ужъ конечно-бъ осмѣили,
 Какъ узнали о скандалѣ,
 Съ каковымъ его Кульковъ
 Самъ прогналъ! А отъ долговъ...
 Самъ за все ужъ онъ хватался
 И къ Кульковымъ подбирался.
 Отъ чего-же бредилъ онъ,
 Что какой-то миллионъ
 Скоро, гдѣ-то, онъ достанетъ,
 Всѣхъ кушать въ шампанскомъ станетъ!
 Бредилъ мѣсяцъ или два,—
 Знать надѣялся сперва!..
 И тогда, про домъ Кулькова
 Никому изъ насъ ни слова.

А Кулькова, пусть красюю, и т. д. на стр. 747.

Къ стр. 749-й: Будущій женихъ, замѣтивъ, что Сидоръ какъ-то съумѣлъ подбить себѣ глазъ, совѣтуетъ ему затереть его чѣмъ-нибудь, взять на его счетъ въ аптеку лекарства, бранить его за небрежность и прибавляетъ:

Да и весь ты, точно блинникъ,
 Весь засаленъ, все въ дырахъ!
 Это въ счетъ идетъ у свахъ!
 Гдѣ-бъ достать все поновѣе?
 У кого-то есть ливрея—
 У женатыхъ? Попрошу!
 Дай, записку напишу. .
 — На!

Да, кстати, подстригись,
 Вишь, какъ-пудель.....

Наговоривъ многое, что Сидоръ долженъ говорить въ его пользу (стр. 748--749), женихъ прибавляетъ, чтобы онъ еще дополнилъ, что въ трудныхъ дѣлахъ:

Смотришь, пруть къ намъ за совѣтомъ;
 — Баринъ, молю, все первый въ этомъ.
 И, молю, диво-ли, когда
 Въ ротъ хмѣльного никогда!
 Даже трубочки не курить,
 Картъ и въ руки не беретъ!
 А гостей коль соберетъ—
 Съ ними только балагурить;
 Да и то, коли тогда
 Чуть о дѣвушкахъ нескромно
 Молодежь завретъ—бѣда!
 Для него и то скоромно!
 Въ обхожденіи ласковъ, простъ...
 Бѣдныхъ любить, богомоленъ...
 И что имъ весь свѣтъ доволенъ.....

Переходя къ Кулькову, майоръ напоминаетъ Сидору, чтобы тотъ не спуталъ имя:

А межъ тѣмъ:
 Кульковъ, Кульковъ!..
 — Затверди ты это слово,
 Тутъ вѣдь нѣтъ нѣмецкихъ словъ,
 Трудныхъ такъ для руссаковъ.
 Помни про кулекъ—не сбейся;
 Будешь говорить—не смѣйся.....

Говоря, что баринъ отъ любви «такъ и жди съума сойдегъ» (стр. 748), Сидоръ долженъ добавить:

Ну, потеря! Снять, пожалуй,
 У кого умишко малый;
 А вѣдь, онъ-то, по уму
 Не спустить-бы никому.
 Жаль, ей-Богу, баринъ славный, и т. д. на стр. 749.

Ред.

К. Θ. РЫЛѢВЪ*).

I.

Изъ юношескихъ его стихотвореній.

Въ подлинныхъ рукописяхъ К. Θ. Рылѣва, хранящихся у его дочери, находятся цѣлыя тетради со множествомъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ ранней молодости. Въ печати изъ нихъ появилось въ теченіе 1820 и 1821 гг. не болѣе 5 или 6, что указываетъ на осторожность и сдержанность поэта, не хотѣвшаго давать публикѣ слабыхъ произведеній своей молодости, хотя, какъ видно, онъ дорожилъ ими собственно для себя, ибо нѣкоторыя переправлялъ и переписывалъ по нѣскольку разъ. Въ числѣ такихъ многократно исправленныхъ и переписанныхъ стихотвореній находятся, между прочимъ, четыре, окончательно написанныя съ особеннымъ тщаніемъ на большомъ листѣ и съ подписями фамиліи, какъ это Рылѣвъ обыкновенно дѣлалъ съ предназначенными для печати стихотвореніями. Изъ нихъ напечатаны были въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1820 г. только первое и второе (Триолеть Наташѣ и къ Деліи), притомъ послѣднее безъ заключительныхъ стиховъ.

П. А. Ефремовъ.

1.

Къ Деліи.

Опять, о Деліа, завистливою судьбою
Надолго, можетъ быть, и разлученъ съ тобою!
Опять, опять одинъ съ тоскующей душой
Въ Пальмирѣ Сѣвера прекрасной,
Брожу въ уныніи, какъ сирота несчастной,
Питая мрачный духъ тоской!

Ничтожной славой ослѣпленный,
Жняще скромное и нѣги и оградъ,

*) См. «Русскую Старину» изд. 1870 г. т. II, стр. 524—526; изд. 1871 г. т. III, стр. 64—114, 485—525, 647; т. IV, стр. 80, 419, 562—571; изд. 1871 г. т. V, стр. 62—68; 270—282; 419—422; 640—646.

Жилище радостей—твой домъ уединенный,
Безумецъ промѣнять дерзнулъ на Петроградъ,
Гдѣ все тоску мою питаетъ,
Гдѣ сердце юное страдаетъ!

Почто молепіямъ твоимъ я не внимала;
Почто, о Делія, съ тобою не остался?
Ахъ, я-бъ съ тоской теперь и грустью не скитался,
Но въ хижинѣ твоей съ любовью обиталъ!
Въ сей хижинѣ, гдѣ я узналъ тебя впервые;
Гдѣ въ жизни первый разъ, съ потокомъ сладкихъ слезъ,
Въ часы для сердца дорогіе
Несмѣлимъ голосомъ «люблю» я произнесъ!
Гдѣ ты мнѣ на любовь любовью отвѣчала,
Гдѣ сладострастіе и вѣгу я вкушалъ,
Гдѣ ты въ объятіяхъ счастливица трепетала,
Гдѣ онъ мгновенія восторгами считалъ!

Ахъ, скоро-ли опять изъ шумной и огромной
Пальмиры Сѣвера, о мой безцѣнный другъ,
Въ часъ полночи въ твой домикъ скромный
Предстанеть нѣжный твой супругъ,
И ты въ объятія къ нему полунагая
Съ постели бросишься, вся въ радости, въ слезахъ,
И я забуду все — на трепетныхъ грудяхъ
Въ восторгахъ пылкихъ утопаю!..

2.

Счастливая пережѣна.

Свершилось наконецъ! Я Лидой обладаю
И за протекшія страданія мои,
Въ награду пламенной любви
Теперь въ восторгахъ утопаю!

Вчера, еще вчера, суровый бросивъ взглядъ,
Надежды Лидинька навѣкъ меня лишила,
И въ сердцѣ юномъ породила
Любви пренебреженной адъ!

Въ отчаяннѣ, въ тоскѣ, печальный и угрюмый,
Въ уединеніе свое я прибѣжалъ;
Въ умѣ рождались мрачно думы;
Я то вѣжалъ, то трепеталъ...
Вдругъ слышу голосъ я... и вижу предъ собою
Младую Лидиньку вечернею порою,
Въ слезахъ раскаивая, съ любовію въ очахъ,
Съ улыбкой горестной на розовыхъ устахъ!..
«Прости, что я не довѣряла,

«Мой милый другъ, любви твоей;
 «Но нынѣ я тебя узнала —
 «И предаюсь взаимно ей!»
 И съ тѣми вѣжными словами
 Вдругъ бросилась въ мои объятія она,
 И страсти пламенной полна,
 Къ моимъ устамъ касалася устами;
 Огонь любви въ очахъ ея пылалъ!
 Въ восторгахъ страстныхъ я и мѣлѣ и трепеталъ,
 И Лиду прижималъ
 Къ трепещущей груди дрожащими руками!

3.

Нечаянное счастье.

О радость, о восторгъ! Я Лиду молодую
 Вчера нечаянно узрѣлъ полунагую!
 Какое зрѣлище отрадное очамъ!
 Власы волнистыя, небрежно распущенны
 По алебастровымъ плечамъ,
 И перси дѣвственны, и ноги обнаженны,
 И стройный, тонкій станъ подъ дымкою одной.
 И полныя огня плѣнительныя очи,
 И все, и все — въ часы глубокой ночи,
 При ясномъ свѣтѣ лампъ, въ обители вѣмой!...
 Дыхавья перевести не смѣя, въ изумлѣньи
 На прелести ея въ безмолвьи я взиралъ —
 И сердце юное пылало въ восхищеньи;
 Въ восторгахъ таялъ я, и мѣлѣ, и трепеталъ,
 И взоры жадныя сквозь дымку устремлялъ!...
 Но что я чувствовалъ, когда младая Лила,
 Увидѣвъ въ хранилѣ меня между столпоу,
 Вдругъ въ страхѣ вскрикнула и руки опустила —
 И съ тайныхъ прелестей послѣдній смалъ покровъ.

Чтобъ не остановиться на этихъ юныхъ произведеніяхъ, приведемъ еще два изъ позднѣйшей эпохи, именно двѣ „Думы“, написанныя въ половинѣ 1822 и въ началѣ 1823 г., а затѣмъ помещаемъ два отрывка изъ поэмы, задуманной Рылѣевымъ уже въ позднѣйшее время.

II.

ДУМЫ.

1.

Мстиславъ Удалий.

Какъ тучи съ горъ текли Косогъ;
 На встрѣчу имъ Мстиславъ летѣлъ.
 Стеналъ поморя брегъ пологій,
 И въ полѣ гулъ глухой гремѣлъ.

Ужъ звукъ трубы на полѣ брани
 Сзываль храбрѣйшихъ изъ полковъ;
 Ужъ храбрый князь Тмутаракани
 Кипѣлъ ударить на враговъ.

Вдругъ, кожею покрытъ медвѣдя,
 Отъ вражьихъ отдѣлясь дружинъ,
 Явился съ налицей Редедя,
 Племень Косожскихъ властелинъ.
 Онъ къ войску шелъ, какъ въ океанѣ
 Валится въ бурю черныи валъ,
 И сталь, какъ сосна, на курганѣ,
 И громогласно провѣщаль:

«Почто кровавыхъ битвъ упорствомъ
 Губить и войско, и народъ?
 Рѣшимъ войну единоборствомъ:
 Пускай за всѣхъ одинъ падеть!
 Иди, Мстиславъ, сразись со мною:
 И кто въ сей битвѣ побѣдитъ,
 Тому владѣть врага странюю,
 Или отдать ее на щипъ!»

«Готовъ!» — Князь русскій восклицаетъ —
 И грозный сталь передъ бойцомъ,
 Съ коня — и на курганъ взлетаетъ
 Удамый, яснымъ соколомъ.
 Сошлись, схватились, въ бой вступили....
 Могучь и князь и великанъ!
 Другъ друга стиснули, сдавили;
 Трещать.... колеблется курганъ!..

Стоять — и мигъ счастливый ловятъ;
 Какъ вихрь крутятся.... прахъ летитъ....
 Погибель, надая, готовятъ,
 И каждый яростью кипитъ....
 Хравятъ молчаніе два строя,
 Но души вопиють въ очахъ:
 Смотря по перелѣнамъ боя,
 Въ нихъ блещеть радость или страхъ.

То русскій хочетъ славить Бога,
 Простерши длани къ небесамъ;
 То вдругъ слышна мольба косога:
 «О! помоги, Всевышній, намъ!»
 И вотъ князья, напрягли силы,
 Другъ друга ломать, льется потъ....
 На нихъ, какъ верви, вздулись жилы:
 Колеблется и сей, и тотъ....

Глаза, налившись кровью, блещутъ,
 Колѣна крѣпкія дрожатъ,
 И мышцы сильныя трепещутъ,
 И искры сыплются отъ латъ...
 Но вотъ — Мстиславъ изнемогаетъ —
 Онъ падаетъ!... конецъ борьбѣ...
 «Святая Дѣва!» — восклицаетъ:
 «И храмъ сооружу тебѣ!...»

И сила дивная мгновенно
 Влилася въ князя... онъ возсталъ,
 Рванулся бурей разъяренной,
 И новый Голиаѳъ упалъ!
 Упалъ — и сталъ курганъ горою...
 Мстиславъ широкій мечъ извлекъ,
 И придавивъ врага плетою,
 Главу огромную отсѣкъ.

2.

Михаилъ Тверской.

За Узбекомъ въ слѣдъ влекомый
 Кавгадыемъ Михаилъ,
 Въ край чужой и незнакомый
 Съ сыномъ юношей вступилъ.
 Мчался Терекъ быстрымъ бѣгомъ
 Межъ нависшихъ береговъ;
 Зрѣлись горъ хребты подъ сѣномъ
 Изъ-за сизыхъ облаковъ.

Станъ Узбековъ за рѣкою,
 На стени, въ глуши нестрѣль;
 Всюду войны толпою;
 Всюду гулъ глухой шумѣлъ.
 Ветхия рубищемъ покрытый,
 Съ мрачной грустію въ груди,
 Князь - страдалецъ знаменитый
 Сѣлъ въ цѣпяхъ на площади.

Несчастлица обступили
 Любопытные толпой:
 «Это князь былъ!» говорили,
 И качали головой.
 «Онъ обширными странами,
 Какъ Узбекъ нашъ, обладалъ;
 Онъ съ отважными полками
 Кавгадыя поражалъ!...»

Въ рѣчи вслушавшись чужія,
 Загрустилъ сивьяѣ князь;
 Вспомнилъ славу — и впервые
 Слезы брызнули изъ глазъ.
 «До какого униженья,
 Онъ мечталъ, потупя взоръ,
 «Довели насъ заблужденья
 И погибельный раздоръ!

«Тѣ, которыхъ трепетали
 Хитрый грекъ и храбрый ляхъ,
 Нынѣ вдругъ рабами стали
 И предъ ханомъ пади въ прахъ
 Я любилъ страну родную
 И пылалъ разрушить въ ней
 Налихъ бѣдъ вину прямую:
 Распри злобныя князей.

«О Георгій! ты винокъ,
 Ты одинъ тому виной,
 Если кровь сограждашь мною
 Пролита въ странѣ родной!
 Ты на дядю поднялъ длани;
 Ты въ душѣ былъ столь жестокъ,
 Что на Русь всю лютость брани
 И татаръ толпы навлекъ!

«Смерть свою давно предвижу;
 Для побѣга други есть —
 Но побѣгомъ не унизю
 Незапятнанную честь!
 Такъ! правъ чести не нарушу;
 Пусть мой врагъ, гонитель мой,
 Насыщаетъ въ злобѣ душу
 Лютымъ мщеньемъ надо мной!

«Пусть вымалываетъ казни!
 Твердъ я правъ въ душѣ своей,
 Смерть я встрѣчу безъ боязни,
 Какъ въ бояхъ слетался съ ней.
 Не хочу своимъ спасеньемъ
 На родимый край привлечь
 Кавгадыя съ лютымъ мщеньемъ,
 И Узбека грозный мечъ!» —

Подкрѣпленный сею думой,
 Приподнялся Михайлъ,
 И спокойный, но угрюмой,
 Тихо въ свой шатеръ вступилъ.

Кавгадымъ обольщенный,
 Между тѣмъ младый Узбекъ,
 Въ сердцѣ трепетный, смятенный,
 Смерть невинному изрекъ....

Ужъ Георгій съ палачамъ
 И коварный другъ царя
 Шли поспѣшными шагами
 Къ жертвѣ, злобою горя....
 Предъ иконою святою
 Михаилъ псаломъ читалъ:
 Вдругъ съ той вѣстью роковою
 Отрокъ княжескій вбѣжалъ....

Въ слѣдъ за нимъ убійцы съ крикомъ
 Ворвались въ густыхъ толпахъ:
 Блещеть гнѣвъ во взорѣ дикомъ,
 Злоба алчная въ чертахъ....
 Ворвались — и напали....
 Какъ гроза въ глухой ночи,
 Надъ упавшимъ засверкала
 Ятаганы и мечи....

Кровь изъ язвъ лилась струею....
 И пробилъ его конецъ:
 Сердце хладною рукою
 Вырвалъ дикій Романецъ.
 Князь скончался жертвой мщенья!
 Съ той поры онъ всюду чтимъ:
 Михаила за мученья
 Церковь празднуетъ святымъ.

III.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ: „НАЛИВАЙКО“.

1.

Кіевъ.

Едва возникнувшій изъ праха,
 Съ полуразвѣчанымъ челомъ,
 Добычей дерзостнаго лаха
 Дряхлѣеть Кіевъ надъ Днѣпромъ.

Какъ все изыѣчиво, не прочно!
 Когда-то роскошью восточной
 Въ страпѣ богатой опъ сіялъ;
 Смотрѣлся въ Днѣпръ съ береговъ высокихъ,
 И красотой изъ страпѣ далекихъ

Пришельцевъ чуждыхъ привлекалъ.
 На шумныхъ торжищахъ звенѣли
 Царь-градскимъ золотомъ купцы,
 Въ садахъ по улицамъ блестяли
 Великолѣнные дворцы.
 Среди хазаръ и печенѣговъ
 Дружиной витязей хранимъ,
 Онъ посмѣвался, невредимъ,
 Грозѣ ихъ буйственныхъ набѣговъ.
 Народамъ диво и краса,
 Воздвигнуты рукою дерзвой,
 Легко взносились въ небеса
 Главы обители Печерской,
 Какъ души иноковъ святыхъ
 Въ своихъ молитвахъ неземныхъ.
 Но ужъ давно, давно не видя
 Богатствъ и славы прежнихъ дней,—
 Всѣ Русь утратила постыдно
 Междоусобіемъ князей:
 Дворцы, серебро, врата златныя,
 Толпы гражданъ, толпы дѣтей —
 Всѣ стало жертвою Батны;
 Но Гедиминъ нанесъ ударъ:
 Прошло владычество татаръ!
 На мигъ раздался гласъ свободы,
 На мигъ воскреснули народы...
 Но Кіевъ на степи глухой,
 Дивить ужъ болѣ неспособный,
 Подъ властью лаха роковой,
 Стоитъ, какъ памятникъ надгробный
 Надъ угнетенною страной.

2.

Смерть чигиринскаго старосты.

Съ пищалью мѣткой и копьемъ,
 Съ булатомъ острымъ и съ нагайкой,
 На аргамакѣ ворономъ
 По степи мчится Наливайко.
 Какъ вихорь, бурный конь летитъ,
 По вѣтру хвостъ и грива вьется,
 Густая пыль изъ-подъ копытъ
 Какъ облако во слѣдъ несется...
 Летитъ... привсталъ на стременахъ,
 Въ туманъ далекій взоры топить,
 Узрѣлъ — и съ яростью въ очахъ
 Коня и нудить и торопить...

Какъ точка передъ нимъ вдали
 Чернѣеть что-то въ дымномъ полѣ;
 Вотъ отдѣлилась отъ земли,
 Вотъ съ каждымъ мигомъ болѣ, болѣ.
 И, наконецъ, на вышинѣ,
 Средь мглы сѣдой, въ степи пустынной
 Вдругъ показался на конѣ
 Красивый всадникъ съ пикой длинной...
 Казакъ коня быстрый погналъ;
 Въ его очахъ веселье злое...
 И вотъ — почти ужъ доскакалъ...
 Конь направилъ роковое,
 Настигъ, ударилъ — всадникъ палъ,
 За стремя зацѣпясь ногою,
 И конь испуганный пожчалъ
 Младого ляха подъ собою.
 Летить, какъ ястребъ, витязь въ слѣдъ;
 Коня измученнаго колетъ
 Или въ ребро, или въ хребетъ,
 И въ дальній бѣгъ его неволятъ.
 Напрасно ногу бѣдный ляхъ
 Освободить изъ стремя рвется —
 Делить, глотая черный прахъ,
 И слѣдъ кровавый остается...

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

Эпиграмма на исторіографа Н. М. Карамзина.

«Послушайте, я разскажу вамъ старину
 Про Игоря и про его жену,
 Про Новгородъ, про время золотое
 И наконецъ про Грознаго царя...»
 — Эхъ, бабушка, затѣяла пустое
 Окончи лучше намъ Илью Богатыря.

А. С. Грибоедовъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей
П. Ѳ. Карабановымъ.

VII *).

Царствованіе Екатерины II.

(продолженіе).

124.

Генераль-прокуроръ, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій и сенаторъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ заспорили во время присутствія въ сенатѣ. Вяземскій сказалъ: „Вы забыли, что я, по изреченію Петра Великаго, око государево“.—Нѣтъ, отвѣчалъ Панинъ: бѣльмо государево.

125.

Александръ Петровичъ Сумароковъ, имѣя тяжebное дѣло съ генераль-маіоромъ Чертовымъ, въ письмахъ къ нему подписывался: „Александръ Сумароковъ слуга Божій, а чертовымъ быть не можетъ“.

126.

Безпримѣрный въ щедрости своей, князь Николай Васильевичъ Репнинъ въ Варшавѣ имѣлъ при себѣ легационсъ-секретаря Якова Ивановича Булгакова**), которому и доставилъ возможность самому быть посланникомъ въ Царѣградѣ.

*) См. «Русскую Старину», изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587; 685—696; изд. 1872 г., т. V, стр. 129—147; 457—468; 670—680.

**) Род. 15 окт. 1743, ум. 7 іюля 1809, дѣйствит. тайнымъ совѣтн. и св. Александра Невскаго кавалеромъ.

Когда князь собирался отъехать къ арміи, замѣтилъ Булгакова въ задумчивости и не могъ исторгнуть признанія; онъ приказалъ жиду по всѣмъ маляерскимъ книгамъ тихо справиться о долгахъ своего секретаря, выкупилъ векселей его на 11 т. червонныхъ и препроводилъ ихъ при запискѣ подобнаго содержанія: „Долго занимался я, другъ мой, изысканіемъ настоящей причины твоей задумчивости; ежели отгадалъ, то буду очень радъ и утѣшенъ, но требую отъ тебя храненія тайны, да и завтра при свиданіи со мною не изъясняться“.

127.

Юрій Алексѣевичъ Николевъ, бывъ съ тверскимъ ген.-губернаторомъ Архаровымъ *) на отъѣздѣ полѣ съ охотою подъ Старицей, вздумалъ забавляться ружьемъ, и не понимая оное заряженнымъ, въ волоковое крестьянское окно нѣсколько разъ прицѣливался въ Архарова, и ружье осѣкалось; наконецъ Николай Петровичъ Архаровъ, взявши рукою за стволъ, отвелъ отъ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ, причинившій ужасъ, но безъ вреда. Николевъ упадаетъ безъ чувствъ и не внемлетъ гласу благодѣтеля своего, но опомнясь бѣжитъ въ церковь служить благодарственный молебенъ.

128.

Николай Петровичъ Архаровъ, бывъ московскимъ губернаторомъ, сказалъ въ разговорахъ преосвященному Платону, что онъ „Большой попъ“.

— „Конечно, отвѣчалъ владыко, я главный попъ или пастыръ, а ты—крупная овца“.

(Отъ Архарова).

129.

Извѣстный Дидеротъ, бывъ въ Петербургѣ, имѣлъ съ Платономъ, тогдашнимъ учителемъ Наслѣдника, разговоръ о вѣрованіи и началъ опровергать бггіе Бога. Нашъ первосвященникъ замѣнулъ его уста, сказавши по-латыни: „и рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“.

130.

Когда преосвященный Платонъ путешествовалъ въ Кіевъ, тамошній митрополитъ Серапіонъ приказалъ ученому протоіерею Левандѣ изготовить привѣтствіе, который и сказалъ: „привѣтствую тебя, владыко, тѣмъ, что такового архіерея намъ подобаетъ имѣти“.

*) Николай Петровичъ Архаровъ, генералъ-отъ-инфантеріи, род. 1742. ум. 6 янв. 1814 г.

131.

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, съ наслѣдствомъ послѣ князя Петра Ивановича Репнина же *), получилъ право на важный процессъ изъ 3 т. душъ съ князьями Лобановыми, въ пользу его оконченный; изъ арміи прислалъ довѣренность: „родовое имѣніе принять во владѣніе, а тяжёбое—возвратить Лобановымъ“. Рѣдкое великодушіе!

132.

Марья Павловна Нарышкина **), супруга оберъ-егермейстера, съ отличіемъ принятая у двора и никогда не встрѣчавшаяся съ противорѣчіемъ, просила графа Разумовскаго, какъ подполковника измайловскаго полка, кому-то дать чинъ унтеръ-офицера. Фельдмаршалъ отозвался, что правившій полкомъ младшій подполковникъ Александръ Ильичъ Бибиковъ ***) скорѣе можетъ исполнить и обѣщаль снестись съ нимъ. Бибиковъ, въ угодность жены, рожденной княжны Козловской, по заочности отъ Нарышкиной названной „шлюхой“, медлилъ исполненіемъ... Въ придворномъ театрѣ онъ вошелъ въ ложу къ графинѣ Брюсовой, сидѣвшей съ Нарышкиной; началось съ досадой объясненіе, относящееся къ Брюсовой, съ прибавкой русской поговорки: „царь жалуется, да псарь не жалуется“. Александръ Ильичъ отвѣчалъ: „у этого псазя много такихъ сукъ на сворѣ бывало“.

133.

За обѣдомъ въ Зимнемъ дворцѣ, Екатерина, привѣтствуя кн. Сергѣя Ѳедоровича Голицына ****), сидящаго подлѣ нея, сказала, что прошедшую ночь она провела спокойно, имѣя достойнаго капитана на караулѣ; кн. Голицынъ вставши благодарилъ за сына и за себя. Суворовъ, сидя по другую сторону императрицы, сказалъ: „Для чего ты не прислалъ котораго-нибудь изъ сыновей

*) Умеръ 1778, двоюродный братъ князя Николая Васильевича. Отецъ князя Петра Ивановича былъ женатъ на княжнѣ Марѣ Яковлевнѣ Лобановой, родной теткѣ кн. Ивана Ивановича Лобанова (род. 1731, ум. 1791), объ которомъ здѣсь говорится; поэтому князь Петръ Ивановичъ Репнинъ былъ двоюроднымъ братомъ и князя Лобанова.

**) Марья Павловна Нарышкина, рожденная Балкъ-Полева (род. 1730, ум. 28 мая 1793) супруга оберъ-егермейстера Семена Кярилловича Нарышкина (род. 5 апр. 1710, ум. въ Москвѣ 27 ноября 1775).

***) Род. 30 мая 1729, ум. 9 апр. 1774.

****) Род. 20 янв. 1748, ум. 20 янв. 1810. Женатъ былъ на Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардт (род. 12 марта 1757, ум. 2 мая 1815), племянницѣ князя Потемкина. У нихъ было десять сыновей.

подъ Варшаву за Георгіемъ крестомъ, и указывая на многихъ придворныхъ, бывшихъ при взятіи тамошнихъ укрѣпленій, въ томъ числѣ на князя Ивана Иван. Барятинскаго, похвалявшихся своими подвигами, заключилъ: „они даромъ получили“.

134.

Суворовъ позванъ былъ въ кабинетъ къ цесаревичу Павлу Петровичу, и войдя началъ проказничать. Великій князь остановилъ его: „Безъ этого мы понимаемъ другъ друга“... Суворовъ въ разговорахъ удивилъ остроуміемъ, а выходя побѣждалъ въ припрыжку и запѣлъ: „Prince adorable, despote implacable“. Кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ, встрѣтись съ нимъ, пересказалъ Наслѣднику, который сіе принялъ неравнодушно.

(Отъ кн. Ивана Михайловича Ухтомскаго,
слышавшаго сіе отъ великаго князя).

135.

При Екатеринѣ между военнослужащими вошло въ обычай ходить съ палками. Сіе не понравилось Суворову, и онъ отдалъ въ приказѣ, чтобы младшій къ старшему не смѣлъ являться съ палкою, а самъ никогда не имѣлъ оной въ рукахъ; слѣдовательно употребленіе палокъ скорѣ прекратилось. Между тѣмъ, увидя хромающаго съ палкою П. П. Турчанинова, Суворовъ сказалъ: „Помилуй Богъ, ты всѣхъ насъ старѣе“!

136.

Великій князь Павелъ Петровичъ, пріѣхавъ въ Вознесенскій монастырь, когда онымъ управлялъ жившій на обѣщанія преосвященный Сильвестръ (рѣдкій химикъ), былъ встрѣченъ въ св. вратахъ, и замѣтя звукъ разбитаго колокола, сказалъ архіерею: „Что вы не доносите матушекъ?“—„Онъ самъ просилъ за себя императрицу, при посѣщеніи обители, отвѣчалъ Сильвестръ; виновать ли я, что она не услышала его голоса, который громче моего“.

(Отъ графа А. И. Мусина-Пушкина).

137.

Стихотворецъ Василій Ивановичъ Майковъ, представленный Екатеринѣ II, заикнувшись началъ повторять всегдашнее свое изреченіе: „какъ сказать“. Князь Орловъ остановилъ его: „Скажи какъ-нибудь, государынѣ все равно“.

138.

Графъ Безбородко просилъ у Екатерины II позволенія стрѣлять изъ пушекъ на своей петербургской дачѣ. Государыня удивилась сей мысли, потому что онъ не служилъ въ арміи, но не отказала. Вскорѣ лейбъ-медикъ Рожерсонъ, играя въ вистъ, по привычкѣ началъ дѣлать ренонсы, а графъ приказалъ каждый разъ возвѣщать пушками. Сія шутка раздражила вспыльчиваго медика, и едва не дошло до драки.

139.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ чрезъ долгое время увидя своего сослуживца, нечиновнаго человѣка, спросилъ: „Таковымъ ли мерзавцемъ ты видишь меня, каковымъ я тебя нахожу?“—И вы... пострафли, отвѣтствовано.

140.

Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, по обстоятельствамъ находился отдаленнымъ отъ супруги своей, графини Екатерины Михайловны *), которая, бывъ примѣромъ постоянства, знала его невѣрность. По случаю какого-то праздника, она посылаетъ ему многіе подарки чрезъ адъютанта Нейгардта, тутъ же для его камердинеровъ и нѣсколько кусковъ на платье его любезной. Задунайскій, тронутый до слезъ, сказалъ о супругѣ: „Она человѣкъ придворный, а я—солдатъ; ну право, батюшки, если бы зналъ ея любовника, послалъ бы ему подарки“.

141.

Княгиня Анна Андреевна Урусова **) рассказывала Настасьѣ Михайловнѣ Салтыковой ***) , что дочь ея приучена спать въ холодной комнатѣ, и что для очищенія воздуха ставится ведро съ водою. Острая Салтыкова отвѣчала: „Хорошо что одна дочь; а какъ насъ было двѣнадцать, если бы для каждой по ведру, былъ бы погребець“.

*) Род. княжна Голицына, род. 1725 г., вступила въ бракъ съ гр. Румянцевымъ 1748 г., ум. 22 авг. 1779.

**) Княгиня Анна Андреевна Урусова, рожден. Волкова, была супругою генералъ-майора князя Александра Васильевича Урусова. Въ 1-мъ бракѣ была за генералъ-аншефомъ Николаемъ Ерофѣевичемъ Муравьевымъ. Ея единственная дочь отъ 2-го брака, княжна Софія Александровна (род. 1779, ум. 1801) была за гофмаршаломъ, барономъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ (род. 1771, ум. 1815); отъ этого брака не было дѣтей.

***) Анастасія Михайловна Салтыкова, дѣвица, дочь сенатора и камеръ-коллегіи президента Михаила Михайловича Салтыкова и супруги его, рожденной баронессой Шафировой.

142.

Василій Петровичъ Салтыковъ *), по назначавшейся мятежниками его предку коронѣ во время междуцарствія, часто величался правомъ на русскій престолъ. Однажды сказалъ Настасья Михайловнѣ Салтыковой: „Намъ, сестрица, можно имѣть карету съ короною“.—„У меня братъ (Борисъ Михайловичъ **) въ Сибири, а мнѣ ѣхать не хочется“, отвѣчала она.

143.

Екатерина II въ послѣдній прїѣздъ въ Москву посѣтила графа Орлова-Чесменскаго и сказала: „долго ли тебѣ жить въ такомъ домѣ?“ Хозяинъ отвѣчалъ: „Изволишь знать, матушка, русскую поговорку—не красна изба углами, а красна пирогами; у меня же ихъ много по твоей милости“.

144.

Князь Василій Михайловичъ Долгорукій-Крымскій не любилъ графа Захара Григорьевича Чернышева, но узнавши его невинную отставку и чтобъ избавить его отъ притѣсненія кредиторовъ, послалъ съ эстафетомъ довѣренность продать и заложить все свое имѣніе, если будетъ потребно. Необыкновенные люди забываютъ личности!

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Василій Петровичъ Салтыковъ, дѣйств. тайн. совѣтн., ум. 18 апр. 1807 г. Жена его, княжна Евдокія Михайловна Бѣлосельская. Родство его съ Анастасією Михайловною было довольно дальное: отцы ихъ были троюродными братьями.

**) Неизвѣстно, за что Борисъ Михайловичъ Салтыковъ былъ сосланъ въ Сибирь. Изъ переписки императрицы Екатерины II съ московскимъ градоначальникомъ, княземъ Михаиломъ Никитичемъ Волковскимъ, видно только, что вообще братья Настасьи Михайловны были люди безпокойные и неблагонадежные; такъ Александръ Михайловичъ Салтыковъ истратилъ изъ академическихъ суммъ 9,000 руб., и долги эти внесены были княгиней Бѣлосельскою, рожд. Наумовою, а Алексѣй Михайловичъ съ мѣсяць просидѣлъ въ петропавловской крѣпости. Что же касается до Бориса Михайловича, то государыня пишетъ, что «опъ нигдѣ не уживается».

О семействѣ Салтыковыхъ, Наумовъ и кн. Бѣлосельской упоминаетъ Болотовъ въ своихъ запискахъ (XVII часть, письма 172, 173 и 174). У кн. Бѣлосельской княземъ Сергіемъ Васильевичемъ Гагаринимъ, для имп. Екатерины II, куплена была волость Кіясовская, куда А. Т. Болотовъ опредѣленъ управителемъ. (См. «Рус. Ст.» изд. 1872 г. прилож. къ т. V).

Батанье дѣвицъ Смольнаго монастыря.

1802 г.

Ордеръ г. капитанъ-лейтенанту де-Ливрону. Завтнешній день имѣеть быть поѣздка благородныхъ воспитанницъ въ Академію художествъ. Почему рекомендую вамъ быть завтре утромъ въ 8 часовъ, въ Адмиралтейство къ дежурному совѣтнику, отъ котораго принявъ собранія на сей случай катера и шлюпки, отправитъ со оными къ Смолиному монастырю, гдѣ явится къ госпожѣ начальницѣ фонъ Адлербергъ. Когда же благородныя воспитанницы вступятъ на суда, препроводить ихъ на оныхъ до Академіи и обратно ежели приказано будетъ, со всею должною исправностію. Адмиралъ Балкъ.

18-го іюля 1802 года.

Сообщ. К. Ф. Де-Ливронъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КУЛИБИНЪ.

II *).

(буквально).

Любезныя дети мои, Семень, Павелъ и Дмитрей Ивановичи, — желаю вамъ отъ Бога всякихъ благъ всемъ веку и въ будущемъ. Предсимъ, писалъ я къ вамъ подробно о кончинѣ покойницы вашей матери, а симъ еще дополняю; хотя я, слава Богу, лежкою въ постеле нележу, но чувствую въ здоровье великую перемену, ибо раскаяние въ томъ что я неоставилъ покойную разрешится отъ бремени въ Петербургѣ, — чрезъ что непретерпела бы она тяжелымъ бременемъ въ дороге весьма много безпокоиства, а могла бы приехать по разрешеніи и выздоровленіи, чего бы и мне дождался было можно, что такъ скоро ехать и меня никто непринуждалъ; къ тому же, и лекарство, даваемое мною по предписанію лекаря, духъ мой весьма тревожить, таковыя воображенія и жалкость детей, находящихся въ глазахъ и заочныхъ, внутренность мою поражаютъ разными чувствіями боли; и если отъ сего, а паче по власти Божіей, воспоследуетъ и мне конецъ жизни, въ такомъ случаѣ (меня), какъ дети отца, по силе вашей поминайте, равно какъ и мать вашу, и просите Бога о отпущеніи греховъ нашихъ, а какъ останесся ты, Семень Ивановичъ, изво всехъ детей моихъ старшимъ братомъ, заповедаю тебе о сестрахъ и братьяхъ, прося Бога въ помощь иметь какъ отцу всевозможное къ воспитанію и благополучію ихъ ста-

*) См. «Русскую Старину» изд. 1372 г., т. V, стр. 583.

рание, а особливо почитать братьевъ не такъ какъ рожденныхъ отъ другой матери, а такъ какъ единоутробны, согласно тому, какъ и она имела старание воспитывать всехъ васъ равно, какъ своихъ детей родныхъ, за что тебя Богъ самаго неоставить. А къ тому довольно тебе известно, что сколько милосердія государь императоръ, обращая жалованья и пенсіоны за службу мужей женамъ и ихъ дѣтямъ, каковыхъ образцовъ есть довольно, то и ты можешь употребить такого роду прозбу для ближнихъ и родныхъ своихъ сиротъ, неимеющихъ помощи, прося къ тому пособия отъ моихъ благодетелей, а имянно Николая Сергеевича и Николая Николаевича, и другихъ, если кого разсудишь; о лекаре же, писанномъ предъ симъ въ письме, еще подѣтверждаю, чтобъ его не подозрѣвать и никакъ непорочить, а темъ болѣе не вредить души покойныя, колми паче ежели ево и ошибки притомъ не было, что многія утверждають, да и сказывать о семъ другимъ уже оставь, а храни сие единственно для своего сведенія; при всемъ томъ завещаю вамъ дети иметь въ сердцахъ вашихъ страхъ Божій, читать книги священнаго писанія, старатся на всякія добродетельныя дела, молится Богу съ чистосердечіемъ, прилежно, слагая персты такъ какъ я самъ и предки наши; въ прочемъ, давно я желаю жить тебѣ Семенъ Ивановичъ въ законномъ супружестве, чемъ ты сделаешь мне немалое удовольствіе, а особливо при нынешнихъ обстоятеляхъ, прискавъ подостовѣреннее соотвѣтственно нашему роду себе партию, стараясь притомъ въ выборѣ не отщетенныхъ выгодахъ богатства, а о душевныхъ невесты своея дарованіяхъ, на что тебе и решится даю Божіе благословеніе; когда я буду въ живыхъ, то о намереніи того меня предуведомь, можетъ быть Богъ приведетъ и опять меня съ вами быть въ месте здѣсь или въ Петербургѣ; во всемъ вышечисланномъ предаю васъ сохраненію всевидящаго Творца нашего и Бога, въ чемъ и остаюсь отецъ вашъ Иванъ Кулибинъ.

Сие письмо пишу я къ вамъ дети толко для вышереченнаго смертнаго случая, почему и должны вы иметь его до того время въ своей тайне, а за меня молитесь, чтобъ помогъ мне Богъ перенести такое нечаянное приключеніе и избавилъ отъ непрестаннаго унынія, тоски и печали.

Сообщ. И. О. Горбуновъ.

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ ОРЛОВЪ.

† 1842.

Замѣтка.

Въ шестомъ томѣ „Исторіи царствованія Александра I-го“, М. И. Богдановича, на страницѣ 427, въ изложеніи фактовъ, относящихся къ исторіи тогдашнихъ тайныхъ обществъ въ Россіи, къ крайнему прискорбію семейства и друзей покойнаго Михаила Федоровича Орлова, между прочимъ, напечатано:

„На совѣщаніяхъ уполномоченныхъ въ Москвѣ, большею частію происходившихъ у Фонъ-Визина, съ перваго же раза возникло разногласіе. Орловъ, тогда уже помолвленный на дочери генерала Раевского, желая во что бы ни стадо выйдти изъ тайнаго общества, привезъ письменныя условія, на которыхъ соглашался оставаться въ немъ. Въ этой бумагѣ онъ предлагалъ прибѣгнуть къ весьма преступнымъ средствамъ: завести типографію или литографію для печатанія статей противъ правительства и фабрику фальшивыхъ ассигнацій, что, по словамъ его, доставило бы обществу огромныя средства и послужило бы къ подрыву правительственнаго кредита. Такія предложенія изумили членовъ, которые отвѣчали Орлову, что вѣроятно онъ шутить, внося на ихъ обсужденіе столь неистовыя мѣры. Этому и нужно было Орлову, который тотчасъ воспользовался предложомъ разорвать сношеніе съ тайнымъ обществомъ и объявилъ, что оставляетъ его. Примѣру его послѣдовали: Глинка, князь Илья Долгоруковъ и другіе“.

Въ этомъ возмутительномъ разсказѣ, который впервые появился въ запискахъ, приписываемыхъ декабристу Якушкину, все, кромѣ факта, что М. Ф. Орловъ былъ помолвленъ на дочери Н. Н. Раевского, и что онъ присутствовалъ на московскомъ съѣздѣ членовъ Союза Благоденствія, состоявшемся въ началѣ 1821 года, съ цѣлю прервать съ нимъ всякое общеніе, — въ этомъ анекдотѣ, все прочее

вымыслено. Какъ сынъ покойнаго, я считаю священнымъ долгомъ возстановить истину въ ея настоящемъ свѣтѣ, и смѣло надѣюсь, что уважаемый историкъ славной Александровской эпохи не откажетъ мнѣ, и вообще роднымъ и почитателямъ честной памяти М. Ѳ. Орлова, въ своемъ для этого содѣйствіи. Если бы рассказъ, насъ смущающій, какъ и многіе другіе, остался зарытымъ въ брошюркѣ, напечатанной за границей подъ именемъ Якушкина, я можетъ быть и не отвѣчалъ бы на него иначе какъ молчаніемъ. Но, являясь на страницахъ изданія (по праву, предоставленному сочинителю пользоваться источниками и документами, до сихъ поръ недоступными для частныхъ лицъ), не лишеннаго въ глазахъ читателя нѣкотораго официального характера, и за почтеннымъ подписомъ г. Богдановича, молчаніе съ нашей стороны было бы преступно.

М. Ѳ. Орловъ не оставилъ послѣ себя записокъ, кромѣ извѣстнаго отрывка „О капитуляціи Парижа“. Преждевременная кончина его, послѣдовавшая въ 1842 году, не дозволила ему передать мнѣ подробности событій первой половины его жизни. Но нѣкоторые эпизоды онъ мнѣ сообщилъ изустно, а въ томъ числѣ, къ счастью, и эпизодъ, относящійся къ московскому съѣзду. Чѣмъ ограниченнѣе было число его рассказовъ, тѣмъ сильнѣе врѣзались они мнѣ въ память, и я передамъ здѣсь чтò знаю, со всей неизысканностію и искренностію первобытнаго повѣствованія.

Батюшка никогда не считалъ себя членомъ такъ-называемаго „Южнаго или Тульчинскаго общества“, и его развѣтвленій, начало коего онъ относилъ къ 20-му году, какъ равно и тѣхъ кружковъ, которые, подъ общимъ названіемъ Сѣвернаго Общества, произвели на вѣки печальный взрывъ 14 декабря, на столь долгое время остановившій нормальное развитіе нашего общественнаго сознанія. Еще менѣе былъ онъ въ соприкосновеніи съ сими послѣдними, такъ какъ съ 1817-го года, вслѣдствіе размолвки съ гр. Аракчеевымъ, по поводу тогдашнихъ польскихъ дѣлъ (онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ сторонниковъ карамзинскаго воззрѣнія), онъ впалъ въ относительную немилость, былъ удаленъ отъ службы при особѣ государя, и назначенъ начальникомъ штаба 4-го корпуса въ Кіевѣ.

Вмѣстѣ съ Н. И. Тургеневымъ, батюшка былъ однимъ изъ основателей Союза Благоденствія, de facto уже не существовавшаго въ концѣ второго десятилѣтія нашего вѣка, и котораго официальное (если можно такъ выразиться) уничтоженіе возвѣщено было на съѣздѣ въ январѣ 1821 года.

Основная мысль, и вмѣстѣ *prim desiderium*, основателей и молодежи, образовавшей Союзъ Благоденствія, было прекращеніе крѣпостной за-

вѣсности крестьянъ (а слѣдовательно и прочихъ сословій, въ переносномъ значеніи слова). Они справедливо и горячо вѣрили, что лишь уничтоженіемъ крѣпостного быта могло быть положено основаніе и созданъ залогъ всякаго правильнаго развитія и преуспѣянія отечества какъ на пути „прямого просвѣщенія“, такъ и въ области гражданско-й; постепенная морализація сословій, развитіе здравыхъ экономическихъ понятій въ обществѣ и грамотности въ народѣ (ланкастерскія школы), раздача наградъ и премій за честную и безкорыстную службу, и для всего этого, созданіе капиталовъ съ помощію членскихъ взносовъ, и тому подобное, — составляли программу дѣйствій Союза.

Задача моя не въ томъ, чтобы отнестись критически къ тому, что въ этой программѣ можетъ казаться замечательнымъ нѣкоторою непрактичностью или идеализмомъ, въ виду тогдашняго уровня общественнаго развитія въ Россіи. *Nul n'est prophète en son pays!* Этой аксіомѣ можетъ быть и слѣдуетъ приписать, что Союзъ съ самаго начала не составилъ плотнаго цѣлаго, не выказалъ ни единства, ни послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, и не достигъ никакихъ положительныхъ результатовъ, какъ ихъ почти не достигло и само правительство Александра I-го, за первыя двѣ трети его царствованія, какъ извѣстно, выказавшее столько мечтательной идеальности стремленій. Мнѣ достаточно заявить, что этой программѣ своей молодости отецъ мой остался вѣренъ всю жизнь, и служилъ ей гдѣ и какъ могъ: и на службѣ, и въ изгнаніи, и въ опальномъ своемъ бытѣ въ Москвѣ.

Спервоначала Союзъ распался на кружки, кажется весьма многочисленныя и многообразныя по своему нравственному достоинству, общая связь коихъ между собою была особенно слаба. Дѣятельность ихъ выразилась преимущественно въ словахъ, и во многихъ случаяхъ члены договаривались далеко за предѣлы полезнаго и даже невиннаго. Основной кружокъ (или дума, какъ говаривали) скоро распался по разнымъ отраслямъ службы и занятій каждаго члена, и Союзъ сохранилъ существованіе едва лишь не царикательное. Вскорѣ батюшка изъ Петербурга переведенъ былъ на службу на югъ (въ 1817 году) и тамъ пошелъ отрасли Союза въ томъ же разрозненномъ положеніи. Въ формальное общеніе съ ними онъ не входилъ, но обладалъ значительнымъ авторитетомъ и обаяніемъ надъ умами, вообще пользуясь довѣріемъ многихъ, конечно зная болѣе или менѣе, что говорилось и думалось вокругъ него.

Приливъ новыхъ мечтаній, понятій, организаціонныхъ данныхъ, совпавшій съ возвращеніемъ воронцовской арміи изъ-за границы, и раздражительное вліяніе наступившей аракчеевской реакціи, довели многихъ до горячечнаго состоянія. Освобожденіе крестьянъ, какъ

основаніе и ближайшая цѣль общаго дѣла, отступило на задній планъ; рѣчи, предложенія, планы, — стали смѣлѣе, необузданнѣе. Писались уставы, сочинялись конституціи; нервическіе темпераменты договорились окончательно до преступнаго. Раздумье, уже давно зародившееся въ батюшкѣ, наконецъ имъ овладѣло, и онъ ждалъ лишь удобнаго случая, чтобъ прервать съ измѣнившимися приверженцами Союза Благоденствія всякое общеніе. Съ этой цѣлю можетъ быть началъ онъ тогда же хлопотать о назначеніи себя начальникомъ дивизіи въ корпусѣ ген. Сабанѣева. Но между несчастными, предопредѣленными жертвами событій 1825-го года, были у него друзья, были люди имъ высокоцѣнимые; ему не хотѣлось безповоротно разорвать старыя связи, не попытавшись спасти хоть нѣкоторыхъ отъ ожидавшей ихъ участи; онъ надѣялся, можетъ быть, остановить потокъ страстей и увлеченій, взрывъ коихъ, по его убѣжденію, не могъ не отозваться пагубно на общемъ ходѣ дѣла. — Онъ медлилъ.

Въ концѣ 1820-го года онъ задумалъ жениться на дочери своего высокочтимаго начальника Н. Н. Раевского. Николай Николаевичъ былъ человѣкъ закала чисто римскаго, ума высокаго и еще болѣе возвышеннаго сердца (прочтите глубоко прочувствованный некрологъ его въ „Инвалидѣ“ 1829 года, написанный Ден. Вас. Давыдовымъ). Имя его, осѣненное „вѣчной памятью двѣнадцатаго года“, упоминалось Наполеономъ въ числѣ именъ самыхъ достойныхъ противниковъ; по положенію имъ занимаемому и нравственному его значенію, онъ числился въ ряду наиболѣе чтимыхъ государственныхъ дѣятелей Россіи. Его обожали войска, друзья и приближенные; его мнѣнія и совѣты принимались съ покорностью даже недругами; объ немъ сложились, и еще живы, легендарныя преданія. Нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе подобнаго человѣка не могло не утвердить М. О. Орлова въ его намѣреніи, и батюшка, не будучи еще женихомъ, но уже готовая сдѣлать предложеніе, поѣхалъ на съѣздъ членовъ отживающаго свой вѣкъ Союза Благоденствія, который и состоялся въ началѣ января 1821 г., въ Москвѣ, на Петровкѣ, въ домѣ однофамилицы его будущаго тестя, какой-то г-жи Раевской.

На съѣздѣ батюшка занялъ предсѣдательское мѣсто, отъ котораго отказался Н. И. Тургеневъ, вовсе даже не бывший въ первый день въ числѣ присутствующихъ. На этомъ фактѣ: что отецъ былъ предсѣдателемъ, и что Тургеневъ не присутствовалъ, я особенно настаиваю, такъ какъ я его именно слышалъ неоднократно отъ отца. Якушкинъ же о семъ умалчиваетъ, и даже говоритъ противное, и вообще рассказываетъ о съѣздѣ, какъ о какомъ-то частномъ совѣщаніи, или просто разговорѣ девяти лицъ на квартирѣ одного изъ участниковъ.

Торжественность и обрядность, не забудемъ, были въ обычаяхъ масоннама и вообще тайныхъ обществъ того времени. Съѣздъ уполномоченныхъ и членовъ Союза, о которомъ я всегда слышалъ какъ о довольно многочисленномъ, естественно не могъ обойтись безъ нѣкоторой обрядности и постановки.

Засѣданіе было довольно бурное. Послѣ двухъ или трехъ запальчивыхъ заявленій со стороны нѣкоторыхъ членовъ, батюшка выразилъ свои душевные убѣжденія; объявилъ, что направленіе, выразившееся въ засѣданіи, и неоднократно внѣ онаго, ставитъ его въ необходимость протестовать претивъ него; что оно совершенно извращаетъ цѣль и свойства Союза; что подобныя увлеченія положительно опасны для отечества, и могутъ завтра же каждаго довести до преступленія: что посему онъ, какъ членъ Союза, объявляетъ, что не можетъ слѣдовать по этому пути, отказывается отъ званія члена, и какъ одинъ изъ основателей Союза и предсѣдатель собранія, распускаетъ оное, убѣдительно совѣтуя всѣмъ, коимъ дорого отечество и общее благо, послѣдовать его примѣру. —

Его послушались многіе: Бурцевъ, кн. Долгорукій, одинъ изъ фонъ-Визинныхъ, Ф. Н. Глинка и другіе.

Впослѣдствіи я слышалъ отъ многихъ, даже отъ лицъ официально знакомыхъ съ дѣломъ, что мнѣніе батюшки было тогда же облечено въ форму письма, разошлось въ большомъ количествѣ экземпляровъ, и доставило многимъ ту точку нравственной опоры, которая имъ была необходима, чтобы разорвать ихъ связи съ тайными обществами.

Что было послѣ удаленія батюшки, мнѣ мало извѣстно. Союзъ Благоденствіи упразднился. Изъ обломковъ его образовались такъ-называемыя общества Южное и Сѣверное, и дѣятельность тайныхъ обществъ перешла на практическую почву заговора.

О заключеніи отца въ крѣпости, о слѣдствіи и судѣ, я тоже слышалъ мало. Не стану разбирать прочихъ анекдотовъ о немъ и о нѣкоторыхъ изъ моихъ родственниковъ, коими преисполнена книжка, напечатанная въ Лондонѣ подъ именемъ „Записокъ Якушкина“. Они по истинѣ не стоятъ разбора, до такой степени идутъ въ разрѣзъ съ нравственной характеристикой этихъ лицъ, какъ она извѣстна русскому обществу. На анекдотъ о московскомъ съѣздѣ я рѣшился отвѣчать лишь потому, что онъ получаетъ нѣкоторую санкцію отъ имени г. Богдановича.

Но если принять „Записки Якушкина“ за неподдѣльное его произведеніе, то рождается вопросъ: что побудило его написать эти 114 страницъ неточныхъ воспоминаній, часто сплетень, лишенныхъ всякой

хронологической точности, и даже всякой хронологіи, и иногда пропитанныхъ ядовитой неправдой? Про И. Д. Якушкина я слышалъ отзывы, какъ о человѣкѣ честномъ и добромъ въ сущности, но нервномъ, впечатлительномъ, и весьма способномъ къ страстнымъ увлеченіямъ; кромѣ того, какъ о единственномъ изъ декабристовъ, который вынесъ изъ ссылки чувство глубокаго озлобленія. Дѣйствительно, всѣ они, сколько я ихъ видѣлъ, поражали тѣмъ тономъ полнаго умиротворенія и задумчивости, воистину христіанской, съ какою они относились къ своему прошлому и къ настоящему. А многіе изъ нихъ пострадали не по винѣ: кто по молодости, кто просто какъ куръ во щи попался! Возьмите, на примѣръ, записки Басаргина! сравните ихъ съ записками Якушкина!

На это одинъ отвѣтъ: кто можетъ знать, какую форму, въ нервномъ и озлобленномъ человѣкѣ, могутъ принять воспоминанія сего міражъ 30-ти лѣтъ физическихъ и нравственныхъ страданій?—воображеніе — калейдоскопъ. Болѣе нѣчего возражать на слова человѣка, у котораго львиная, открытая, прямо русско-молодѣцкая натура М. О. Орлова (ссылаюсь на всѣхъ, кто его знаетъ и прежде и послѣ его изгнанія), является какой-то безпрестанно всѣхъ лобзающей личностію,—то самого Якушкина, при первой встрѣчѣ на большой дорогѣ, то его-же на прощаньи, то Петра Ал. Муханова за еще болѣе нелѣпое, чѣмъ гнусное охотничанье, будто бы на царубійство; и въ довершеніе всего, личностію прибѣгающей къ пошлой уловкѣ, чтобъ по добру по здорову убраться изъ неудобной компаніи, и избѣгнуть негодованія возмущенныхъ отступничествомъ сотоварищей.

Разгадка моего вопроса не заключается-ли наконецъ въ томъ, что повѣствуетъ самъ Якушкинъ нѣсколько строкъ ниже выписки г. Богдановича: „Послѣ чего (т.-е. послѣ совѣщанія, на которомъ Орловъ объявилъ, что выходитъ изъ общества) онъ (Орловъ) ни съ кѣмъ изъ насъ болѣе не видался, говорить Якушкинъ, и только уѣзжая изъ Москвы, въ дорожной повозкѣ, заѣхалъ проститься съ фонъ-Визинимъ и со мной. При прощаніи, показавъ на меня, онъ сказалъ: этотъ человѣкъ никогда мнѣ не простить„. На что Якушкинъ въ отвѣтъ пародируетъ письмо Брута къ Цицерону, а М. О. Орловъ бросается въ его объятія.

Дѣйствительно, Якушкинъ не прощаетъ никому своей неудачи и чтобъ на чемъ-нибудь ее выместить, не останавливается даже и передъ слѣдующей несообразностію: что люди, которые, какъ онъ самъ про себя повѣствуетъ, вызывались посягнуть на жизнь Александра Благословеннаго, лишили себя права, и не могутъ возмущаться сравнительно невинными предложеніями, каковыя онъ приписываетъ М. О.

Орлову—дѣлать фальшивыя ассигнаціи и завести тайную типографію. А между тѣмъ онъ же, Якушкинъ, обзываетъ эти предложенія „неистовыми“.

Н. М. Орловъ.

26 марта 1872 года.

Примѣчаніе. Настоящую интересную замѣтку мы получили отъ М. И. Богдановича, по просьбѣ котораго здѣсь ее и напечатали. Приводимъ примѣчаніе, сообщенное П. А. Ефремовымъ: «Около 1857 г. покойный гр. М. Н. Муравьевъ лично передавалъ мнѣ собственноручную записку М. Ѳ. Орлова, чтобы снять съ нея копію для отсылки ее И. Д. Якушкину, близкому родственнику Мих. Николаевича. Эта записка составляла, какъ на ней значилось, дубликатъ съ подавной М. Ѳ. Орловымъ въ Слѣдственную Коммисію о декабристахъ и палагала степень его участія въ тайномъ обществѣ. Сколько помнится, нѣкоторыя обстоятельства были положены въ запискѣ иначе, нежели какъ переданы они по преданію — Н. М. Орловымъ».

Для всесторонняго разслѣдованія исторической истины и для біографіи столь замѣчательнаго человѣка, какимъ былъ энергическій и высокопросвѣщенный—М. Ѳ. Орловъ, желательно, чтобы упоминаемая г. Ефремовымъ копія явилась въ печати. Не сохранилась ли она въ бумагахъ Е. И. Якушкина?—

Ред.

По поводу изданія писемъ князя Кутузова-Смоленскаго.

Въ № 97-мъ газеты „Русскій Миръ“ помѣщено заявленіе, въ которомъ генералъ-маіоръ Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой призналъ почему-то нужнымъ объявить, что онъ, какъ внукъ кн. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, унаслѣдовавшій часть его фамиліи, считаетъ себя вправѣ высказаться противъ оглашенія семейныхъ бумагъ знаменитаго полководца.

Вотъ сущность заявленія г. Кутузова-Толстаго. Чѣмъ оно вызвано, что собой знаменуетъ — признаемъ — не понимаемъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ настоящее заявленіе само по себѣ составляетъ уже довольно интересную черту нравовъ нашего времени, то на ней нельзя не остановиться.

Вотъ уже третій годъ въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1870—1872 гг.), между многими другими записками, воспоминаніями и матеріалами, относящимися къ новѣйшей отечественной исторіи, помѣщается собраніе бумагъ князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. Бумаги эти составляютъ драгоцѣнное достояніе его правнука, Ѳ. К. Опочинина, къ которому перешли отъ прабабки, княгини Е. И. Голенищевой-Кутузовой-Смоленской, и отъ родного отца его, Константина Ѳедоровича (Опочинина).

Г. Опочининъ свято чтить память своего прадѣда; въ его бібліо-

тежѣ соединено значительное число подлинныхъ бумагъ, знакомящихъ съ равностороннею дѣятельностью кн. Смоленскаго и множество книгъ и вещей, принадлежавшихъ Михаилу Илларионовичу и его сопровождавшихъ въ дипломатическихъ поѣздахъ, на поля битвъ и проч. Зная, что память о кн. Кутузовѣ дорога всей Россіи, г. Опочининъ не счелъ себя вправѣ держать подъ спудомъ бумаги, которыя проливаютъ яркій и притомъ самый благопріятный свѣтъ на нравственную личность великаго вождя. Вотъ почему, обнародовавъ на страницахъ „Русской Старины“ письма къ кн. Кутузову императрицы Екатерины II и Маріи Θεодоровны, императоровъ Павла и Александра Павловича, затѣмъ письма австрійскаго императора Франца I, г. Опочининъ напечаталъ въ нашемъ же изданіи обширное собраніе писемъ князя Кутузова къ его супругѣ. Если бы эти послѣдніе документы были исключительно семейнаго характера, то и тогда появленіе ихъ должно было бы вызвать только одну признательность.....

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь великихъ людей есть полное достояніе не одного ихъ потомства, а всего отечества. Вотъ почему въ Англіи, Германіи, Франціи и другихъ просвѣщенныхъ странахъ издавна обнародываютъ мельчайшія свѣдѣнія о знаменитыхъ народныхъ дѣятеляхъ; при этомъ въ печати воспроизводятся данныя для жизнеописаній этихъ людей не только изъ круга государственной или общественной дѣятельности, но и изъ частной ихъ жизни.....

Мы знаемъ, напр., въ кн. Кутузовѣ умнаго придворнаго, весьма искуснаго дипломата и замѣчательнаго полководца. Проигралъ ли бы онъ отъ того, чтобы мы, въ дополненіе ко всему этому, узнали въ немъ преданнаго супруга и въ высшей степени нѣжнаго, заботливаго, любящаго отца? А такимъ-то именно мы встрѣтили его въ письмахъ къ женѣ. Но письма кн. Кутузова далеко не ограничиваются чертами чисто семейными. Ихъ даже довольно мало, такъ какъ мы, по желанію владѣльца бумагъ, при печатаніи этихъ документовъ, выпустили весьма много подробностей, касающихся семейныхъ дѣлъ, сохранивъ лишь тѣ, которыя обрисовываютъ характеръ князя, либо знакомятъ съ его нуждами, такъ какъ послѣднія не могли не вліять на складъ его жизни. Затѣмъ, въ этихъ безыскусственныхъ, наскоро набросанныхъ грамоткахъ, верѣдько съ бивуака, съ полей битвъ, подъ гулъ пушечной пальбы или послѣ утомительнаго похода, заключается множество драгоценныхъ подробностей вполне историческаго значенія: въ этомъ отношеніи довольно указать на подробное описаніе штурма Измаила 1790 г., подробныя извѣстія о пребываніи посла въ Константинополь (1793 г.), о кампаніи 1805 г., о военныхъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ 1808 и 1811 гг., замѣтки о битвахъ и походахъ 1812 и

1813 г., отзывы о фельдмаршалахъ Каменскомъ и Прозоровскомъ, также о подвижникахъ отечественной кампаніи, о кн. Кудашевѣ, Фигнерѣ, Бенигсенѣ, Барклай-де-Толли и др., въ особенности множество чрезвычайной важности и интереса замѣтокъ и сужденій о Наполеонѣ и проч., и проч. И все это тѣмъ болѣе важно, что писано къ самому близкому, любезному другу — его женѣ, писано не для свѣта, слѣдовательно, вполне искренно. Въ этихъ письмахъ мы видимъ кн. Кутузова, какъ онъ есть, вполне живымъ человѣкомъ и приспосабливаемся къ нему, если это возможно, еще болѣе уваженіемъ.

И въ этихъ-то письмахъ г. Кутузовъ-Толстой видитъ что-то нехорошее, что-то позорящее имя его дѣда и сердится, зачѣмъ не тлѣютъ эти документы взаперти, зачѣмъ появляются они на свѣтъ Божій! Или г. Кутузовъ-Толстой не читалъ этихъ документовъ, или совершенно ихъ не понималъ.

Но недовольный письмами, г. Кутузовъ-Толстой еще болѣе негодуетъ, зачѣмъ они обставлены примѣчаніями „посторонняго лица“. По этому поводу мы должны объяснить слѣдующее: печатая на страницахъ „Русской Старины“ тѣ или другіе историческіе матеріалы, мы, независимо отъ объясненій, какія иногда предпосылаемъ имъ отъ себя, нерѣдко, какъ это читатели „Русской Старины“, безъ сомнѣнія, замѣтили, обставляемъ бумаги примѣчаніями специалистовъ. Слѣдуя этому правилу, мы сочли не лишнимъ сообщить письма кн. Кутузова (въ корректурѣ), И. П. Липранди, одному изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ участниковъ славной кампаніи 1812 г., и неутомимому изслѣдователю этой великой войны. Г-ну Липранди принадлежатъ обширные историко-критическіе труды объ этомъ времени и имъ же собрана единственная въ своемъ родѣ коллекція всего, что когда-либо было напечатано въ Россіи на всѣхъ языкахъ объ отечественной войнѣ.

Понятно, что замѣтки такого специалиста имѣютъ интересъ и значеніе. Но, помѣстивъ ихъ, мы не брали на себя отвѣтственности за нѣкоторые сужденія г. Липранди, съ которыми многіе, а въ томъ числѣ и мы, можемъ не соглашаться, таково, напримѣръ, его мнѣніе относительно дѣйствій подъ Тарутинымъ и Березиной (см. стр. 654, 656); но вопросы, которыхъ коснулся г. Липранди, издавна спорные въ нашей военно-исторической литературѣ; тѣмъ не менѣе, каждому, кто только знакомъ съ ней, хорошо извѣстно, что слава кн. Кутузова слишкомъ прочна, чтобъ ее могла колебать разность взглядовъ на тѣ или другія частности въ великой войнѣ 1812 г. Во всякомъ же случаѣ можемъ положительно увѣрить г. Кутузова-Толстого, что слава князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго такъ блестяща, такъ громка, что ни мало не нуждается въ его защитѣ.

Ред.
50

Къ исторіи русской цензуры.

Министерство военное. Департаментъ Инспекторскій. 5 мая 1848 г., № 371. Господину предсѣдателю комитета высочайше учрежденнаго въ 18 день августа 1814 года.

Для высшаго надзора за духомъ и направлениемъ печатаемыхъ въ Россіи произведеній, государю императору благоугодно было учредить комитетъ, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина.

Полученное нынѣ отношеніе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина № 29, въ которомъ выражена высочайшая государя императора воля: какого рода политическія статьи не должны быть помѣщаемы въ газетахъ, имѣю честь препроводить при семъ, въ копіи, къ вашему высокопревосходительству, для надлежащаго исполненія, въ дополненіе отношенія моего, отъ 20 минувшаго апрѣля № 192.

Предсѣдателю военно-цензурнаго комитета объ этомъ сообщено. Военный министръ князь Чернышевъ.

„Милостивый государь князь Алаксандръ Ивановичъ! Государь императоръ изволилъ замѣтить, что если настоящія событія на западѣ Европы возбуждаютъ, во всей мыслящей и благоразумной части нашей публики, одно справедливое омерзеніе, то необходимо всячески охранять и низшіе наши классы отъ распространенія между ними круга идей, нынѣ благодаря Богу, совершенно еще имъ чуждыхъ, а въ семъ отношеніи нельзя не обратить вниманія, что русскія газеты читаются и всѣми мелкими чиновниками, и на гостиномъ дворѣ, и въ трактирахъ и въ лакейскихъ, разсыпаясь такимъ образомъ между сотнями тысячъ читателей, для которыхъ все это свято какъ законъ, потому уже одному, что оно печатное. Въ такомъ смыслѣ нѣтъ, безъ сомнѣнія, ни какой пользы и надобности, чтобы эти многочисленные читатели, изъ коихъ самая большая часть стоитъ на низшей степени образованія и общественной лѣстницы, знали наприимѣръ, что въ Парижѣ тронъ выброшенъ въ окно и всенародно сожженъ, или читали тѣ комунистскія выходки, тѣ опасныя лжеумствованія, которыми теперь такъ обилуютъ заграничныя журналы?

Между тѣмъ его императорское величество изволилъ усмотрѣть, что въ политической части нашихъ газетъ являются иногда такія статьи, которыя, хотя онѣ и не содержатъ въ себѣ ничего прямо противнаго существующимъ цензурнымъ правиламъ, лучше и осторожнѣе было бы, при сихъ особенныхъ обстоятельствахъ времени, стоящихъ выше силы общаго закона, не оглашать на русскомъ языкѣ.

Такъ напримѣръ, въ 84 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (17 апрѣля) переведено, изъ французскихъ журналовъ, письмо гдѣ разсказывается разговоръ одного студента съ комиссаромъ временнаго правительства и, между прочимъ, помѣщены слѣдующія слова послѣдняго: „Пусть банкирскіе дома падаютъ; пусть погибаетъ торговля; тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе достигнемъ мы своей цѣли. Покуда останутся богатые, надобно будетъ стараться раззорить ихъ; теперь богачи—горсть людей безъ энергіи, которые страдаютъ и ничего не дѣлаютъ; ихъ нечего слушать. Да развѣ вы думаете, что работники не страдаютъ также какъ и богачи? Нѣтъ, потому что все у нихъ въ рукахъ и если бы они страдали, то страдали бы не долго“. Такъ и въ 82 № „Русскаго Инвалида“ (16 апрѣля), при описаніи Шлезвигъ Гольштинскаго возстанія противъ Даніи, напечатано: „Доказательства храбрости, представленныя студентами принесли бы честь самымъ старымъ солдатамъ. Юноши, никогда не обращавшіеся съ оружіемъ, дрались какъ львы. Вокругъ нихъ падали товарищи, скопленные картечью датчанъ; но они не отступали, пока не равенство силъ не заставило отложить въ сторону всякую мысль объ удержаніи позиціи. Храбрость студентовъ, по истинѣ, пристыдила кильскихъ егерей“. По мнѣнію его величества статьи въ родѣ первой могутъ способствовать постепенному вторженію и въ наше простонародіе того губительнаго образа мыслей, который обтекаетъ теперь Францію и Германію; а хвалебные возгласы студентамъ, въ родѣ помѣщенныхъ въ „Инвалидѣ“, могутъ опасно воспалить страсти и ложное любочестіе и въ нашемъ юношествѣ, хотя воспитываемомъ въ другихъ правилахъ, но не болѣе опытномъ и разсудительномъ нежели вездѣ. Отсюда ясно, какъ желательно бы было, чтобъ подобныя случаи не могли уже болѣе повторяться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ государь императоръ, обозрѣвая предлежащій вопросъ со всѣхъ его сторонъ, убѣдился изволилъ, что едва ли возможно предуказатыя какія нибудь общія, положительныя правила или постоянную раму для политическихъ статей въ Русскихъ газетахъ: ибо хотя главный вредъ заключался бы, конечно, въ передачѣ читателямъ такихъ разсужденій, или подробностей, которыя даютъ, или могутъ дать поводъ къ превратнымъ идеямъ, или опаснымъ примѣненіямъ, но иногда и простое сообщеніе голыхъ фактовъ (напримѣръ упомянутый выше о тронѣ), даже еслибъ изображать ихъ и въ яркихъ краскахъ того омерзения, коего они заслуживаютъ, оказывалось бы не менѣе вреднымъ и предосудительнымъ. Вслѣдствіе сего его императорское величество изволилъ полагать, что здѣсь можно и должно ожидать всего лишь отъ собственной прозорливости, отъ

высшаго, такъ сказать, такта тѣхъ лицъ, коимъ предоставлено предварительное одобрение политической части Русскихъ газетъ, прозорливость и тактъ которыхъ, конечно, невозможно и усомниться, когда лица сіи вполне ознакомлены будутъ съ образомъ воззрѣнія на сей важный предметъ его величества и увидятъ при томъ приведенные выше примѣры такихъ статей, которыя признаются предосудительными.

Для достиженія сей цѣли государь императоръ, имѣя въ виду, что цензура политическихъ въ газетахъ статей сосредоточивается въ главномъ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ: сообщить г. государственному канцлеру иностранныхъ дѣлъ объ изложенныхъ здѣсь мысляхъ его величества, для поставленія ихъ въ виду тѣхъ лицъ, на коихъ упомянутая цензура возложена, съ тѣмъ чтобы они имѣли впредь самое строгое, въ указываемомъ нынѣ смыслѣ, наблюденіе.

О сей высочайшей волѣ объявленной мною съ симъ вмѣстѣ графу Нессельроде, государю императору благоугодно было повелѣтъ мнѣ увѣдомить и ваше сіятельство, для обращенія особаго на сей предметъ вниманія.

Исполняя симъ изъясненную монаршую волю, прошу васъ милостивый государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности Дмитрій Бутурлинъ.

Вѣрно: Управляющій канцелярією старшій адъютантъ подполковникъ Соболевскій.

25-го апрѣля 1848 г.

Сообщ. А. М. Княжевичъ.

А. Н. АѦАНАСЪЕВЪ.

Болѣе полугодѡ прошло со дня рановойременной смерти Александра Николаевича АѦанасьева, одного изъ наиболѣе почтенныхъ труженниковъ русской науки, одного изъ честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, а между тѣмъ, многочисленныя „ученыя“ друзья покойнаго не дали до сихъ поръ сколько-нибудь связнаго біографическаго его очерка. Нѣсколько теплыхъ, задушевныхъ словъ сказаны были не этими друзьями покойнаго, а человекомъ ему далекимъ, очень мало знакомымъ съ нимъ, М. Ѧ. Де-Пуле (С.-Пет. Вѣд., № 298, окт. 29). Даже простое извѣстіе о смерти Александра Николаевича появилось едва-ли не черезъ мѣсяцъ послѣ кончины его и было предварено заявленіемъ иностранной печати, скорѣе чѣмъ русская, обратившей вниманіе на эту тяжелую потерю для нашей науки и литературы. Въ англійскомъ журналѣ „The Academy“, изданіи серьезномъ и очень скупомъ на некрологи, отводящемъ для нихъ мѣсто только въ случаѣ смерти особенно видныхъ дѣятелей науки, появился цѣлый столбецъ, посвященный извѣстію о кончинѣ А. Н. АѦанасьева. Вотъ что напечаталъ W. R. S. Ralston въ этомъ журналѣ, отъ 1-го ноября (20-го октября) 1871 г., № 35, ст. 491:

„Нѣсколько недѣль тому назадъ русская литература лишилась одного изъ наиболѣе достойныхъ своихъ дѣятелей. Преждевременная смерть Александра АѦанасьева оставляетъ въ рядахъ славянскихъ ученыхъ пробѣлъ, не легко пополняемый. Есть имена болѣе извѣстные въ русскихъ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ, чѣмъ было, или когда-нибудь было бы извѣстно имя АѦанасьева, но въ специальной области его дѣятельности никто его не превосходитъ. Какъ собиратель и комментаторъ русскихъ народныхъ сказокъ, онъ не имѣлъ соперниковъ и никто не сдѣлалъ, для общей пользы, такъ много, какъ онъ, въ дѣлѣ изслѣдованія богатаго собранія легендъ и пѣсень, превосходно сохранившихся у славянъ, которыми однако до недавняго времени такъ мало пользовались. Я получилъ изъ Россіи еще только простое извѣстіе о его смерти, поэтому набрасываемый мною очеркъ его жизни и трудовъ будетъ крайне не-

полонъ, но мнѣ хочется сказать хоть нѣсколько словъ о такомъ почтенномъ и честномъ ученомъ.

„Александръ Николаевичъ Аонасьевъ родился (21 іюля) 1826 г.; учился въ московскомъ университетѣ, а потомъ жилъ постоянно въ Москвѣ и занималъ тамъ должность секретаря городской думы. Нѣсколько времени тому назадъ, кажется, онъ отказался отъ этого мѣста, принявши на себя, или готовясь принять обязанности мирового судьи, въ новомъ учрежденіи. Но насъ болѣе интересуеетъ дѣятельность его, какъ критика и компилятора, что и было настоящимъ его призваніемъ. Мы считаемъ излишнимъ приводить полный списокъ его разнообразныхъ сочиненій и скажемъ только, что этотъ въ высшей степени трудолюбивый писатель, сообщалъ въ русскіе журналы, газеты и сборники огромное количество критическихъ статей, отличавшихся большими достоинствами, по исторіи, археологіи и славянской литературѣ, въ особенности - же о Россіи. Два наиболѣе важныя изъ его сочиненій, на которыя мнѣ хочется обратить особенное вниманіе, это его собраніе „народныхъ сказокъ“ и полный, исчерпывающій свой предметъ, трактатъ: „О поэтическихъ воззрѣніяхъ древнихъ славянъ на природу“.

„Первое изъ этихъ изданій, озаглавленное: „Народныя русскія сказки“, было окончено въ 1863 г. и появилось въ 8-ми частяхъ, которыя въ переплетѣ составляютъ 4 большихъ тома. Они заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ рассказовъ, заимствованныхъ изъ устъ русскаго крестьянина, и изданы крайне добросовѣстно, такъ какъ вездѣ, гдѣ представлялась возможность, указываются имена тѣхъ лицъ, которыя сообщали ему эти рассказы, а равно приводятся и названія мѣстностей, въ которыхъ они были записаны. Къ каждой части издатель присоединилъ критическія примѣчанія, чрезвычайно важныя и заключающія въ себѣ тѣ результаты, къ которымъ онъ могъ прийти, благодаря своей обширной начитанности на многихъ языкахъ и специальному знакомству съ славянскимъ народнымъ творчествомъ и мифологіею.

„Выше всякихъ похвалъ другое его сочиненіе: „О поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу“. Это богатый рудникъ для всякаго, кто желаетъ изучить настоящій предметъ, узнать множество легендъ, рассказываемыхъ въ разныхъ славянскихъ земляхъ о небѣ и землѣ, солнцѣ и лунѣ, о горахъ и рѣкахъ, громѣ и вѣтрѣ; кто желаетъ составить нѣкоторое понятіе о той точкѣ зрѣнія, съ которой древніе славяне глядѣли на жизнь и смерть; кто хочетъ ознакомиться съ понятіями славянскихъ крестьянъ на-

шего времени объ окружающей ихъ физической природѣ и о томъ духовномъ мирѣ, какой они себя представляютъ. Третій томъ этого, наиболѣе цѣнимаго нами труда и учености Афанасьева, былъ оконченъ только два года тому назадъ.

„Передо мной лежитъ экземпляръ этого тома, подаренный имъ мнѣ въ прошломъ году въ Москвѣ. Я провелъ съ нимъ очень короткое время въ его совершенно-русскомъ домѣ, стоявшемъ посреди такого обширнаго двора (даже можно сказать пустыря), что легко можно было подумать, будто находишься въ деревнѣ, а не въ столичномъ городѣ. Комната его со всей ея обстановкою была именно въ томъ родѣ, въ какомъ можно было надѣяться встрѣтить въ домѣ такого истиннаго ученаго — повсюду книги и вездѣ слѣды и указанія на литературный трудъ. Да и самую личность своей онъ выражалъ идею высокаго труженика, труженика не изъ матеріальныхъ выгодъ, но изъ сердечной любви къ своему предмету и изъ благороднаго желанія извлечь изъ тьмы и вывести на свѣтъ литературныя союзища, такъ долго скрывавшіяся въ малочитаемыхъ хроникахъ и другихъ неизвѣстныхъ памятникахъ, или же кроющіяся въ памяти народа, къ которой ученые обращаются еще менѣе. Въ то время, какъ я его видѣлъ, онъ казался исполненнымъ жизни и силъ; въ его наружности не было никакихъ признаковъ слабости или недуга, которые бы грозили ему смертию, а между тѣмъ, онъ умеръ около сорока шести лѣтъ отъ роду“.

Передавъ читателямъ этотъ очеркъ, считаю нужнымъ сдѣлать незначительныя оговорки. Афанасьевъ, по окончаніи курса въ университетѣ, служилъ съ 1849 г. по 1862 г. въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Это было лучшее время его литературной дѣятельности. Списокъ его сочиненій, статей и изданій, преимущественно за это время (напечат. въ № 11-мъ „Русскаго Архива“ 1871 г.) представляетъ до 150 названій, а ни одна статья или даже замѣтка Александра Николаевича не была лишена научнаго значенія и интереса! Въ 1862 г., благодаря назойливости г. Кельсиева, неожиданно-негаданно на нѣсколько минутъ появившемуся къ Афанасьеву, онъ долженъ былъ оставить службу и съ этого года началась тяжкая для него эпоха, въ которую было не до литературныхъ трудовъ и занятій, а шло дѣло о кускѣ хлѣба для себя и семьи. Большая часть мнѣмыхъ друзей его исчезла безслѣдно; литературный трудъ не оплачивался; какихъ-либо даже частныхъ занятій онъ найти не могъ, по независѣвшимъ отъ него причинамъ. Долго крушился онъ и все-таки не покидалъ своихъ любимыхъ работъ; драгоценная библио-

тека его была сложена гдѣ-то въ сараѣ, ибо не умѣщалась въ тѣсной квартирѣ; наконецъ, онъ вынужденъ былъ и ее продать. У насъ, гдѣ тысячи платятся любителями за негодныхъ эльзевировъ и турецкія рукописи, не нашлось покупателя для превосходно-составленной библіотеки, наполненной рѣдкостями, которыхъ не найдешь ни за какія деньги. Эти-то рѣдкости пошли прежде всего въ продажу порознь, а потомъ, такимъ же образомъ, распродались и другія болѣе цѣнныя книги и изданія. Послѣ цѣлыхъ годовъ лишений и послѣ долгихъ стараній, удалось наконецъ Аеанасеву получить мѣсто секретаря въ думѣ, съ небольшимъ жалованьемъ. Отсюда онъ перешелъ, черезъ годъ или два, секретаремъ въ мировой сѣздѣ, и хотя здѣсь содержаніе было немного больше, но за то дѣломъ онъ былъ, какъ говорится, заваленъ: въ пріѣзды мои лѣтомъ въ Москву, я рѣдко находилъ его дома, но утромъ, въ срединѣ дня и вечеромъ, постоянно могъ найти его въ помѣщеніи сѣзда. Въ послѣдніе два или полтора года чахотка быстро разрушила его организмъ. Въ это время онъ предполагалъ баллотироваться въ мировые судьи и для „ценза“ приобрѣлъ домъ, о которомъ говоритъ Ральстонъ, домъ дешевый и купленный на половину въ кредитъ. Впрочемъ, кажется, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, Аеанасевъ оставилъ свое намѣреніе, получивъ частное мѣсто болѣе спокойное и съ хорошимъ содержаніемъ. Но болѣзнь уже сдѣлала свое дѣло и честный труженикъ успокоился — въ могилѣ. Посланный врачами на кумысъ, онъ уѣхалъ изъ Москвы въ концѣ мая или въ началѣ іюня, а возвратился въ послѣднихъ числахъ августа совсѣмъ больной и 23-го сентября его ужъ не стало. Какъ человѣкъ, Аеанасевъ отличался крайней прямою, честностью и добродушіемъ; такихъ людей, какъ онъ, рѣдко приходится встрѣчать. Какъ ученый, онъ превосходилъ многихъ, которыхъ имена пользуются болѣе противъ него извѣстностью... За мѣтку нашу мы кончимъ знаменательными словами Де-Пула: „Было горемычное положеніе для нашихъ университетовъ — неоткуда было взять профессоровъ. Набирали кое-какъ и кое-кого, но обошли Аеанасева, который былъ бы украшеніемъ каждаго русскихъ древностей, литературы, исторіи, даже славянскихъ нарѣчій. Извѣстный ученый, сидящій въ Думской канцеляріи и продающій изъ крайней нужды свою библіотеку — и одновременно выгодно и прибыточно шествующія по проложенной имъ тропѣ разбогатѣвшія и разжиравшія посредственности полузнанія!“

П. А. Ефремовъ.

Отъ конторы редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

1) Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ, въ особенности казенныя учрежденія, выписавъ «Русскую Старину», до сихъ поръ не послали слѣдующихъ денегъ. Редакція долгомъ считаетъ увѣдомить, что если подписныя деньги не будутъ доставлены до 15-го іюля сего года, то съ 1-го августа прекратится таковымъ лицамъ дальнѣйшая высылка книгъ нашего изданія.

2) Весьма многія казенныя и общественныя учрежденія, выписывая «Русскую Старину» и присылая деньги, просятъ доставлять имъ по почтѣ квитанціи; считаемъ необходимымъ напомнить, что квитанціи высылаются въ томъ только случаѣ, **если отъ подписчика доставлена почтовая марка.**

3) Покорнѣйше просимъ извѣщать конторы наши о неполученіи какой-либо книги «Русской Старины» — непременно въ теченіи того же мѣсяца, въ которому относится книга и никакъ не позже слѣдующаго мѣсяца, только въ такомъ случаѣ возможна справка и удовлетвореніе жалобы.

4) Напоминается гг. **городскимъ подписчикамъ въ С.-Петербургѣ**, въ виду переѣздовъ многихъ изъ нихъ на дачи, заботиться своевременно доставкою ихъ новыхъ адресовъ въ конторы нашего изданія или принять мѣры, чтобъ приѣмъ книгъ «Русской Старины» на городскихъ квартирахъ гг. подписчиковъ былъ бы акуратенъ и книги не затеривались бы прислугою.

5) Небольшое количество, всего 97, оставшихся отъ подписки экземпляровъ, «Русской Старины» 1871 г., въ 12-ти книгахъ, съ приложеніями: записокъ, портретовъ, рисунка памятника и снимковъ съ писемъ, — продается въ Спб.: въ Редакціи «Русской Старины» и въ магазинѣ Базунова, а въ Москвѣ — въ магазинѣ Соловьева. Цѣна **восемь** руб. съ пересылкой.

Въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. **Записки А. Т. Болотова.** 1738—1771 гг., два тома. Спб., 1870—1871 гг., стр. 1002 и 1120, въ два столбца. (Это приложение въ «Русск. Стар.» 1870 и 1871 гг.). Цѣна въ отд. изданіи за оба тома **6 руб.**

II. **Записки М. И. Глинки.** 1804—1854 гг., въ четырехъ частяхъ. Спб., 1871 г., въ 8-ю д., съ рисункомъ памятника Глинки, съ апофеозомъ въ честь Глинки, рисунокъ академика **М. О. Микѣшина** и со снимкомъ съ предсмертнаго письма Глинки. Цѣна **2 руб.**

III. **Записки Екатерины Александровны Хвостовой,** рожд. Сушковой, 1812—1841 гг. Эти записки заключаютъ въ себѣ очерки быта высшаго русскаго общества и новыя данныя для біографіи поэта Лермонтова. Спб., 1871 г., въ 8-ю д., 260 стр. Цѣна **1 руб. 25 коп.**

IV. **Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія.** 1809—1831 гг. Новые рассказы очевидцевъ о бунтѣ поселянъ въ 1831 году. Подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта военныхъ поселянъ. Подлинная переписка гр. Аракчеева. Спб., 1871 г., въ 8-ю д. Цѣна **1 руб. 50 коп.**

V. **Записки Гавріила Ивановича Добрынина.** 1752—1823 гг., три части. Изданіе второе, значительно исправленное и вывѣренное по подлинной рукописи Добрынина. Спб., 1872 г., въ 8-ю д., 380 стр. Цѣна **2 руб. 50 коп.**

VI. **Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ,** сочиненіе капитана **Джона Перри,** переводъ съ англійскаго кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ **М. И. Семевакаго.** Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва, 1872 г., въ 8-ю д., 200 стр. Цѣна **1 руб. 50 коп.**

Это полный, безъ пропусковъ, переводъ сочиненія извѣстнаго инженера Перри, выписаннаго изъ Англій Петромъ Великимъ въ 1698 г. и проживающаго въ Московскомъ государствѣ до 1715 г. Въ книгѣ заключается много подробностей о состояніи Россіи въ 1698—1715 гг. Переводъ исполненъ съ англійскаго языка, съ весьма рѣдкаго Лондонскаго изданія 1716 г.

VII. **Сборникъ историческихъ актовъ XVII и XVIII вв. М. И. Семевакаго.** Москва, въ 8-ю д. Цѣна **50 коп.**

Примѣчаніе. Въ виду продолжающихся требованій на высылку книгъ: 1) «Дневникъ Корба о пребываніи его въ Москвѣ въ 1698—1699 гг. и о стрѣльчичьихъ казняхъ», издан. подъ редакціей **М. И. Семевакаго;** 2) «Взутъ военныхъ поселянъ въ 1831 г.». Спб., 1870 г., считаемъ необходимымъ объявить, что книги эти давно разошлись всѣ до послѣдняго экземпляра.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ **БОЛЕСОВА** и **МИХИНА**, ВЪ С.-ПЕ-
ТЕРБУРГѢ, ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, ПО НЕВСКОМУ, № 22, ПРО-
ДАЕТСЯ:

СВОРНИКЪ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Восемь томовъ; цѣна каждого отдѣльно: первыхъ двухъ по 2 руб., а осталь-
ныхъ 3 руб. На пересылку за 3 фунта каждого тома.

СОДЕРЖАНІЕ СВОРНИКА:

I ТОМЪ. Уставъ русскаго историческаго общества.— Рескрипты и письма
Екатерины II къ гр. А. Г. Орлову.— Бумаги изъ дѣла о самозванцѣ Тарака-
новой.— О мемуарахъ герцога Карла-Фридриха, отца императора Петра III.—
Письма Екатерины II къ принцу Нассау-Зигеню.— Бумаги изъ дѣла о генералъ-
прокурорѣ Глѣбовѣ и сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ.— Письма Екате-
рины II къ г-жѣ Жофрепъ.— Письмо Екатерины II къ преосвященному
псковскому.— Письмо Вольтера къ Екатеринѣ II.— Письмо маркиза Лафайета
къ Гримму.— Письмо гр. А. Суворова къ Турченинову.— Докладъ Екате-
ринѣ II относительно государственныхъ доходовъ.— Донесеніе Екатеринѣ II Дер-
жавина, Храповицкаго и Новосильцова о бюджетѣ 1744 г.— Вѣдомость о петер-
бургскихъ фабрикахъ и заводахъ 1794 г.— Письма графа Аракчеева.—
Учебныя книги и тетради великаго князя Александра Павловича.— Дневная
записка путешествія Екатерины II въ Могилевъ.— Переписка объ открытіи
въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата.

II ТОМЪ. Дипломатическія сношенія между Россією и Швецією въ первые
годы царствованія Александра I.— Новые документы по дѣлу Новикова.— За-
писка Поццо ди-Борго о себѣ самомъ, 1804 года.— Депеши гр. Литты, послан-
ника мальтійскаго ордена въ Петербургъ, 1796—1797 гг.— Выписка о государ-
ственныхъ учрежденіяхъ Екатерины II съ 1762 по 1769 г.— Извлеченіе изъ
бумагъ гр. Григорія Орлова.— Записка барона Димсдала о пребываніи въ Рос-
сіи.— Письмо императора Петра II.— Историческая записка барона Гримма
о преданности его Екатеринѣ II.— Законодательная комиссія при Петрѣ II.—
Записка Екатерины II къ гр. Ив. Чернышеву.— Мнѣніе адмирала Мордвино-
ва о публичныхъ библіотекахъ въ Россіи.— Письмо Н. Полеваго о циркулярѣ

ОВЪЯВЛЕНІЕ.

министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго.— Письмо Ѳ. Булгарина.— Докладъ сената Екатерины II по дѣлу о Голохвастовѣ.

III ТОМЪ. Записка Д. П. Троицкаго о министерствахъ.— Записка гр. У. Каподистріа о его служебной дѣятельности.— Письмо гр. У. Каподистріа Петро Бео, вождю спартаианскому.— Инструкція Екатерины II генералъ-маіору Ребиндеру.— Письма императора Александра I къ кн. Зенаидѣ Волконской.— Дипломатическіе документы для исторіи Россіи XVIII столѣтія изъ дрезденскаго архива.

IV ТОМЪ. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта Новаго уложенія, собр. и привед. въ порядокъ Д. Полъновымъ. Часть I (продолженіе см. ниже, т. VIII).

V ТОМЪ. Письма императора Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу.— Проектъ кн. М. Н. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ, 1775 г.— Бумаги кн. Н. В. Репнина.— Государственные доходы и расходы въ царствованіе Екатерины II.— Дипломатическіе документы для исторіи Россіи XVIII столѣтія изъ дрезденскаго архива.— Письма гр. П. И. Панина къ сыну его гр. Н. Панину.

VI ТОМЪ. Письма адмирала Чичагова къ императору Александру I.— Бумаги гр. П. И. Панина о Пугачевскомъ бунтѣ.— Государственные доходы и расходы въ царствованіе Екатерины II.— Бумаги кн. Н. В. Репнина.— Записка кн. А. Чарторижскаго, поданная Александру I въ 1807 г.— Дипломатическіе документы для исторіи Россіи XVIII столѣтія изъ дрезденскаго архива.

VII ТОМЪ. Бумаги Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, собраны и изданы съ высочайшаго соизволенія, по назначенію е. и. в. государя наследника цесаревича, академикомъ Пекарскимъ.— Здѣсь помѣщено болѣе четырехсотъ преимущественно собственноручныхъ бумагъ императрицы, съ 1744 по 1764 г. включительно. Часть I.

VIII ТОМЪ. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собр. и привед. въ порядокъ Д. Полъновымъ, Часть II (см. выше томъ IV).

ратурою печатною, но и рукописною; рукописи эти принадлежатъ Императорской Публичной Библиотекѣ. Источники, которыми пользовался почтенный авторъ, преимущественно латинскіе и польскіе.

Народныя сказанія. Сборникъ для юношества. Составилъ П. Полевой. Спб. Тип. Котомина, 1871. 16°, 8 нум. и 218 стр. Цѣна 75 коп.

Не только юноши, не только учащіяся, но и учителя, учительницы, все русское образованное общество съ большимъ удовольствіемъ приобрѣтутъ и прочтутъ это полезное изданіе П. Н. Полеваго, пополняющее весьма ощутительный у насъ недостатокъ знакомства съ произведеніями германской, романской и кельтійской народной литературы. Впрочемъ и самъ г. Полевой замѣчаетъ, что его точныя и сжатая изложенія богатаго матеріала народныхъ сказаній «могутъ быть пригодны даже преподавателямъ Исторіи и Словесности, какъ пособіе для ознакомленія учениковъ съ содержаніемъ тѣхъ произведеній, о которыхъ доселѣ приходилось поневоли только упоминать, и то вскользь, довольствуясь почти одними собственными именами и общими фразами».

Г. Полевой предполагаетъ издать три части «Сборника народныхъ сказаній». Въ первую, нынѣ вышедшую часть, вошли: 1) кельтійскія сказанія о бардахъ, 2) кельто-германскія легенды о феяхъ и вэльфахъ, и 3) финскія сказанія о герояхъ Калевалы. Въ первой части приложены три картинки, рисованныя художникомъ К. Бронемъ и превосходно вырѣзанныя на деревѣ известнымъ Л. Свряковымъ. Во второй части предполагается помѣстить: 1) изложеніе вышнѣйшихъ частей скандинавской Эдды, 2) англосаксонскую поэму — Беовульфъ и 3) кельтійскія сказки о богатыряхъ Круглаго Стола. Третья часть «Народныхъ сказаній» будетъ состоять изъ Пѣсни о Нибелунгахъ, англійскихъ сказаній о Робинъ-Гудѣ и романскихъ — о Сидѣ и Карлѣ Великомъ.

Желательно, чтобы ученый издатель обратилъ вниманіе на французскія «*Chansons de geste*» и на прекрасное изданіе Шарля Нодье французскихъ колядокъ — «*Noëls*».

Лѣсная глушь. С. Максимова. Спб. 1871. Тип. Плотникова, к. 8°. т. I (312 стр.) томъ II (334 и XXIX стр.) Цѣна 3 р. 50 к.

Имя автора, одного изъ первыхъ нашихъ этнографовъ-писателей, хорошо известно русскому читающему люду. Главная и исключительно таланту С. В. Максимова принадлежащая особенность заключается въ томъ, что онъ сумѣлъ примирить этнографію съ литературнымъ разсказомъ, живымъ, весьма своеобразнымъ и исполненнымъ иногда глубокаго интереса.

Въ первый томъ настоящаго изданія вошли десять очерковъ (Извозчикъ, Шведы, Сергачъ, Булыня, Маляръ, Колдунъ, Сотской, Вотяки, Нижегородская ярмарка, Послѣ ярмарки), я во второй — тоже десять (Повитуха, Знахарка, Крестьянскія посидѣлки, Дружка, Солдатъ Сысоевъ, Пяттерчикъ, Грибовникъ, Пастухъ, Японки, Китайки). Всѣ эти очерки принадлежатъ къ раннему періоду литературной дѣятельности г. Максимова.

Темныя и свѣтлыя стороны русской жизни, романъ П. Зарубина, Сиб. 1872. 2 тома.

Цѣна 3 р. 50 к. П. А. Зарубинъ хорошо извѣстенъ въ ученое мѣрѣ. Это тотъ самый механикъ-самоучка, который, выучившись цотчаслову отъ своихъ родныхъ грамотѣ по часослову, овладѣлъ впоследствии математическими науками до самыхъ высшихъ предѣловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ столляркомъ, плотникомъ, часовщикомъ, судознаниемъ на Волгѣ и землемѣромъ. За изобрѣтенные имъ инструменты удостоенъ Академіею Наукъ двухъ Демидовскихъ премій, а потомъ за изобрѣтенныя имъ же насосы, посредствомъ котораго вода можетъ подыматься на какую угодно высоту, пожалованъ лично Государемъ Императоромъ орденомъ Св. Владиміра и отправленъ, вмѣстѣ съ изобрѣтеніемъ, на Парижскую Всемирную выставку. Отъ часослова на чердакѣ до Всемирной выставки путь не малый! Много надо было видѣть, прожить, выстрадать. И вотъ настоящая книга есть плодъ наблюденій и жизненныхъ опытовъ автора. Онъ описываетъ именно ту среду, въ которой суждено было провести многострадальную жизнь его. За то какая искренность, какая правда во всей книгѣ! Первая часть состоитъ изъ описанія мѣщанскаго быта, гдѣ дичость, безобразіе и нравственное гніеніе этого быта доходитъ до ужасовъ почти трагическихъ; это самая обработанная въ художественномъ отношеніи часть; вторая посвящена Волгѣ—торговой, бурлацкой Волгѣ; эта, наиболѣе поэтическая часть книги, исполнена высокой прелести. Русской народъ выходитъ здѣсь живьемъ. Не даромъ И. С. Тургеневъ, читая разсказы г. Зарубина, выразился: мы пишемъ въ мужикахъ самихъ себя, тогда какъ у Зарубина выходитъ мужикъ самъ собою. Книга исполнена чрезвычайной занимательности, какъ потому, что описываетъ стороны русской жизни, намъ почти неизвѣстныя; такъ и потому, что быть этотъ рисуется не только очевидцемъ и свидѣтелемъ, но и умомъ большимъ, глубокомимъ и созерцательнымъ. Послѣ извѣстныхъ нашихъ мастеровъ, каковъ, наприм., Гоголь, народныхъ нашъ быть едва ли не первымъ Зарубиннымъ выводится съ такою неподдѣльною правдою.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г. третій годъ изданія.
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, взъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложенія, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается для **городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ **Александра Федоровича Базунова** (Невскій проспектъ, 30;) въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ **Ивана Григорьевича Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамилии и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у **Спаса-Преображенія, Литейной ч. въ д. Лисицына и въ д. Трута. кв. № 12.**

Въ послѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. записокъ Болотова, поч. лейбъ-хир. **Д. К. Тарасова**, академпка **А. Л. Витберга**, Лагарпа, **М. А. Бестужева**, и архивовъ кн. **Голицынова-Кутузова**, кн. **Куракиныхъ**, гр. **Станельберговъ**, кн. **Щербатова**, свѣтл. кн. **А. А. Италійскаго графа Суворова-Рымнинскаго**, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. **Суворова**, свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго**, **Шишкова**, **Бахтина**. — записки: гр. **Г. П. Чернышова**, адмир. **Колзакова**, **И. И. Горбачевскаго**, кн. **С. Г. Волконскаго**, (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевского**, кн. **Барилей-де-Толли**, кн. **А. А. Шаховскаго**, партизана **Дениса Давыдова**, **И. Н. Скобелева**; **В. И. Кюхельбенера** (1831—1841 гг.); генерала **Фельнера**, ак. жив. **А. В. Ступина** (1775—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича**; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790—1794 гг.; дневникъ кавалера 1818 г. въ Россіи; записки **А. И. Красовскаго**; **С. Н. Глинки**; **К. Ѳ. Опочинина** (до 1831 г.); записки **Н. В. Веригина** и др. Письма **Волынскаго** и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ пов. матер. къ **Щугачевщинѣ** — **А. Г. Пупарева**; письма гр. **Бестужева-Рюмина**, гр. **Паниныхъ**, **Сальдерна**, **Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II**; письма императоровъ: **Павла I**, **Александра I**, **цесар. Константина**; императр. **Елизаветы Алексѣевны**; **Кулибина**; гр. **Аракчеева**, гр. **Бенкендорфа** и **Дибича** о Семёновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова**, мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова**, письма графа **Толя** (1831 г.); 60 писемъ митроп. **Евгенія Болховитинова**; неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова**; **И. Н. Батюшкова** (болѣе 80 писемъ), **Г. С. Батенкова**, **Жуковскаго**, **Туманскаго**, **Языкова**, **Ряльева**, **Пушкина**, статьи **В. Н. Каразина**; сообщенія **акад. А. Ѳ. Бычкова**, **Я. Н. Грота**, **М. П. Погодина**, **П. К. Щербальскаго**; статьи: профес. **И. Д. Бѣльева** и **Н. С. Тихонравова**; **Г. Н. Геннадя**, кн. **Голицыныхъ**, **Е. П. Карновича**, **М. И. Лонгинова**, проф. **Брикнера**, **Н. П. Дурова**. Сообщ.: **И. С. Сербиновича**, кн. **П. Д. Волконскаго**, кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго**, кн. **Д. А. Оболенскаго**, **А. В. Заблоцкаго**, **Н. И. Панова**, **Н. Н. Селифонтова**, **Ѳ. И. Опочинина**, **Д. И. Скобелева**, **И. П. Корнилова**, **К. П. Колзакова**, **Н. Ѳ. Крузе**; гр. **Э. К. Чапскаго**, **А. П. Чеботарева**, **Г. И. Рѣпинскаго**; кн. **Гагарина**, **В. А. Краснокутскаго**, **А. В. Фрейганга**, **А. И. Петрова**, **М. И. Богдановича**, бар. **Ѳ. А. Бюлера**, **М. Ѳ. Бороздина**, **Н. Д.** и **Е. Д. Батышъ-Каменскихъ** и мн. др.

Въ составленіи и изданіи «Русской Старины» принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ и Археографической Коммиссіи —

Михаилъ Ивановичъ Семеновскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ третій.

І Ю Н Ъ.

1872 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки гр. Г. П. Чернышева 1672—1738 гг. Сообщ. Ө. К. Опочининъ	791	фирова, гр. Гаврилы Головкина, кн. Григорія Долгорукаго, Волынскаго и бумаги Мазепы	903
II. Георгъ Иоганнъ фонъ - Нейзерлингъ: секретныя депеши объ обидѣ посла Прусскаго Петромъ I и кн. Меншиковымъ 1707 г.	803	VI. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Письмо св. Дмитрія Ростовскаго. Сообщ. Ө. К. Опочининъ (952).	
III. Шутки и потѣхи Петра Великаго: собственноручно имъ написанныя чины избранія и поставленія князь-папы, шуточные посланія, указы, росписи и подлиски 1690—1725 гг.	845	2. Указъ Петра I-го о строеніи (953). 3. Распоряженія имп. Елисаветы о портретѣ Петра I (956). 4. Докладъ сената Екаторинъ II о памятникѣ Петра I (957). 5. Замѣтка М. Ө. Де Пуле о портретѣ Петра I въ Полтавѣ (958). 6. Преданіе о Сидоркиномъ курганѣ (962). Челобитная о характерѣ (965).	
IV. Распоряженія Петра I по кораблестроенію: письма его къ лейтенанту Пальчикову 1717—1724 гг. Сообщ. А. В. Пальчиновъ	893	VII. Солдатская сказка про царей русскаго и нѣмецкаго 1835 г., Ө. С. Чернышева	969
V. Птенцы Петра Великаго: письма кн. Меншикова, кн. Ромодановскаго, Т. Стрешнева, Курбатова, Брюса, Крюйса, К. Нарышкина, Андрея Матвѣева, барона Ша-		VIII. Библиографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ).	
		IX. Объявленіе.	

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1872 г. Цѣна съ доставкой въ Петербургъ и Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города **восемь руб.**

Вслѣдствіе многочисленныхъ требованій „Русской Старины“ 1872 г. **осталось немного экземпляровъ, печатается второе изданіе.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2.).

1872.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи, пятый выпускъ. Это альбомъ въ 18 хромолитогравированныхъ рисунковъ и томъ текста; вышелъ на дняхъ, продается у Вазунова, цѣна 5 р. Этому прекрасному изданію П. Н. Батюшкова мы надѣемся посвятить, въ одной изъ слѣдующихъ книгъ, особую статью.

Домашній бытъ русскаго народа въ XVI и XVII ст. Соч. Ивана Забѣлина. Второе изданіе, съ дополненіями. М. 1872. Тип. Грачева, 8°. Томъ I (XX, 372 и 263 стр.). Томъ II (VIII, 680 и 166). Цѣна 4 р. за томъ.

Въ первомъ томѣ излагается домашній бытъ русскихъ царей, во второмъ — русскихъ царицъ. О первомъ изданіи второго тома мы въ свое время заявляли («Русская Старина» 1870 г., томъ I, кн. 2). Высоко цѣня капитальный трудъ почтеннаго И. Е. Забѣлина, мы тогда же выразили желаніе увидѣть въ слѣдующемъ изданіи указатель предметовъ къ матеріаламъ, помѣщеннымъ въ приложеніи, а также побольше чертежей, снимковъ съ почерковъ царицъ, портретовъ ихъ, и т. п.

Теперь намъ пріятно заявить, что во второмъ изданіи, къ обоимъ томамъ приложенъ тщательнo составленный предметный указатель, хотя и простой, не описательный; что же касается чертежей и рисунковъ, то количество ихъ не убавилось и не прибавилось. Впрочемъ, это и понятно: составить указатель — было во власти И. Е. Забѣлина; относительно же увеличенія числа рисунковъ и снимковъ, которыми такъ богатъ архивъ оружейной палаты, встрѣтилось совершенно непонятное препятствіе. Принося благодарности начальнику московскаго архива министерства юстиціи, Н. В. Калачову, за его радужное вниманіе къ ученымъ изыскателямъ и обязательное содѣйствіе во всѣхъ запросахъ, И. Е. Забѣлинъ свидѣтельствуетъ, что онъ не встрѣтилъ со стороны лица, заведывающаго архивомъ оружейной палаты, въ которомъ хранится основной и богатый матеріалъ для нашихъ изысканій о домашнемъ бытѣ старинныхъ царей того содѣйствія, на которое, какъ намъ кажется, такой почтенный и трудолюбивый ученый, какъ И. Е. Забѣлинъ, вправѣ былъ разсчитывать. Мы, впрочемъ, надѣемся, что здѣсь имѣло мѣсто какое-нибудь недоразумѣніе и Г. В. Есиповъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго находится архивъ оружейной палаты, озаботится, чтобы этотъ архивъ сдѣлался вполне доступенъ для изслѣдователей и ученыхъ.

Во второмъ изданіи «Домашняго быта русскаго народа» особенно развить и дополненъ отдѣлъ матеріаловъ. Такъ, напр., въ первый томъ внесено новое описаніе

царскаго Измайловскаго дворца 1687 года со всѣмъ его хозяйствомъ, извлеченное изъ двухъ современныхъ рукописей, принадлежащихъ бібліотекѣ московскаго сельско-хозяйственнаго общества; современное описаніе дома князя В. В. Голицына и зимоваго патріаршаго двора въ Астрахани и другія дополнительныя свѣдѣнія извлечены изъ книгъ и столбцовъ московскаго архива министерства юстиціи.

Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. Исслѣдованія, замѣчанія и критическія статьи Ивана Забѣлина. Часть I. М. 1872. 12°. 4 вѣн., 566 и II стр. Ц. 2 р.

Извѣстный московскій меценатъ, г. К. Солдатенковъ, въ ряду многихъ полезныхъ изданій, предпринялъ печатаніе собранія отдѣльныхъ изслѣдованій и критическихъ статей И. Е. Забѣлина, разбланныхъ по разнымъ журналамъ въ теченіе цѣлой четверти вѣка. За это предпріятіе лица, занимающіяся исторіею и археологіею, будутъ особенно благодарны г. К. Солдатенкову. Въ первую часть вошло 18 статей и изслѣдованій, напр.: «Дѣтскіе годы Петра Великаго», «Характеръ начальнаго образованія въ до-петровское время», «Русская личность и русское общество накануне петровской реформы», «Царь Алексѣй Михайловичъ», и пр., и пр.

Отчетъ императорской публичной бібліотеки за 1870 годъ. СПб. 1872. 8°. 2 вѣн. и 221 стр.

Давно уже всѣми замѣчено, что отчеты здѣшней публичной бібліотеки — не сухіе, тощіе, оффиціальные отчеты, но весьма полновѣсные какъ по объему, такъ и по содержанію; что главныя и любопытнѣйшія данныя для отчета сообщаются изъ рукописнаго отдѣленія, находящагося въ главномъ завѣдываніи почтеннаго академика А. Θ. Бичкова, помощника директора бібліотеки.

1870-й годъ ознаменовался для бібліотеки весьма значительнымъ увеличеніемъ ея бюджета, именно: высочайше повелѣно въ продолженіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1871 года отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства по 75,500 р., изъ которыхъ 26,000 р. назначены на покупку и переплетъ рукописей и книгъ и на печатаніе каталоговъ.

Въ 1870 году бібліотека особенно много приобрѣла цѣнныхъ коллекцій, наприм.: 1) двадцать девять томовъ рѣдкаго собранія брошюръ и отдѣльныхъ листковъ, съ половины XVI до конца XVIII столѣтія, относящихся къ политической исторіи Швеціи или къ ея сношеніямъ съ другими государствами; 2) собраніе самаритянскихъ рукописей, купленное у караима Авраама Фирковича; 3) рескрипты императоровъ Павла I и Александра I къ Руянчу и пе-

ЗАПИСКИ ГРАФА Г. П. ЧЕРНЫШЕВА.

1672—1745.

Настоящія записки писаны собственною рукою родоначальника фамилии графовъ Чернышевыхъ, Григоріемъ Петровичемъ. Это былъ одинъ изъ любимѣйшихъ и храбрѣйшихъ сподвижниковъ, „птенцовъ“ Петра Великаго. Мужество свое Григорій Петровичъ доказалъ многими ратными подвигами и неоднократно полученными имъ въ битвахъ тяжкими ранами.

Прадѣды наши вообще не многословны: то были люди болѣе дѣла, нежели словъ. Записки Чернышева не что иное какъ подробный послужной его списокъ, съ приложеніемъ замѣтокъ о дѣтяхъ, рожденіи ихъ, чинахъ, женитьбѣ или замужествѣ, и т. п. Тѣмъ не менѣе, возстановляя совершенно точно разные факты въ жизни такого важнаго исполнителя предначертаній Петра Великаго, какимъ былъ Григорій Петровичъ Чернышевъ, замѣтки эти имѣютъ свой интересъ и значеніе. Въ такихъ же рамкахъ, извѣстныхъ читателямъ „Русской Старины“, — записки генераль-фельдмаршала кн. Никиты Юрьевича Трубецкаго (напечатанныя въ 1870 г., т. I, изд. первое и второе, стр. 1—27); но какъ ни кратки подобныя замѣтки, нельзя не пожалѣть, что лишь весьма немногіе государственные русскіе дѣятели прошлаго столѣтія оставили хотя такія записки.

Что касается до внѣшности рукописи Чернышева, то она довольно своеобразна: это тетрадка въ половину длины осьмушки. Составитель раздѣлилъ ее на нѣсколько графъ: въ первой—года отъ сотворенія міра, (мы ихъ опускаемъ), во второй—года отъ Рождества Христова; далѣе—замѣтки, потомъ графа: „сколькихъ лѣтъ былъ“, наконецъ есть еще рядъ годовъ (нами опущенныхъ) подъ заголовкомъ: „въ 738 году исполнилось“; по этой послѣдней графѣ можно видѣть, что замѣтки свои Г. П. Чернышевъ писалъ въ 1738 году, 66-ти лѣтъ отъ роду.

Любви къ отечественной исторіи Федора Константиновича Опочинина—мы обязаны сохраненіемъ настоящей рукописи и сообщеніемъ ее на страницахъ „Русской Старины“.

Ред.

51

I.

О рожденіи Григорія Петровича и о службахъ.

1672 г. Родился отъ Петра Захарьевича Чернышева, отъ матери Анны Аванасьевны Бердяевыхъ, генваря 21-го дня.

1688 г. Написанъ въ житѣе и въ стряпчіе, 16-ти лѣтъ.

1689 г. Въ стольники и посланъ въ Сибирскъ, Астрахань и въ другіе тамошніе города о рожденіи царевны Маріи Іоанновны съ богомольными грамотами, 17-ти лѣтъ.

1691 г. Въ бытность воеводы князь Данила Григорьевича Черкаскаго былъ въ Казани, въ свѣтлицѣ, судіею по 203 годъ, 19-ти лѣтъ.

1695 г. Нарядъ былъ съ бояриномъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ подъ Кизиеирмень и съ того наряду во 60 человекъ посланъ въ Азовской походъ, при коихъ войскахъ изволилъ присутствовать своею особою его императорское величество Петръ Первый и написанъ я съ другими въ есаулы къ боярину князь Борису Алексѣевичу Голицыну, и, при ономъ походѣ и при взятѣ каланчей, въ лѣвой бокъ копіемъ раненъ отъ кубанскихъ татаръ, 22-хъ лѣтъ.

1696 г. Определенъ въ Керенскъ воеводой и для разбору солдатъ и высылки изъ Шацка и изъ другихъ мѣстъ работниковъ для дѣла, между Волги и Дону, канала отъ верховья рѣки Камышенки до рѣки Илавлы и Дону, 23-ти лѣтъ.

1699 г. Октября въ 1-й день. Написанъ въ ученѣе въ солдаты, а изъ ученья определенъ къ генералу князю Репнину адъютантомъ, 27-ми лѣтъ.

Стали писать 1700-й годъ. Начатіе шведской войны и походъ подъ Нарву, которой въ тотъ походъ не взяли; было мнѣ 28-мъ лѣтъ.

1701 г. При генералѣ князѣ Репнинѣ съ полками посланъ въ команду саксонскаго генерала-фельдмаршала Штейна къ Ригѣ, и были вмѣстѣ съ саксонскими полками у Каканауса, и оной взяты на акордъ и Денамендъ шанцы; было мнѣ 29-ть лѣтъ.

1702 г. При объявленномъ же генералѣ, князѣ Репнинѣ, былъ при взятѣ Шлюссенбурха, которой, по жестокомъ бою, взяли на акордъ, октября 12-го дня, и при взятіи онаго города было 10-ть полковъ, и изволилъ присутствовать своею особою его императорское величество Петръ Первый (и изволилъ себя называть

преображенскаго полка бонбандирской роты капитаномъ), командовалъ полками бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Было мнѣ 30-ть лѣтъ.

А по взятіи Шлюссенбурха зимовали въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ и во Псковѣ.

1703 г., апрѣля 30-го дня. Пошли подъ Канцы и взяты, мая 1-го дня, на акордь, и по взятіи, мая 6-го дня, его императорское величество своею особою, съ нѣсколькими преображенскаго и семеновскаго полковъ солдаты, въ 30-ти лодкахъ, изволилъ ходить на взморье и о полуночи взялъ непріятельскихъ два корабля; (было мнѣ) — 31-нѣ годъ.

1704 г. Въ другой походъ къ Нарвѣ пришли и опредѣленъ, іюня 27-го дня, маэромъ, и порученъ мнѣ новой солдатской полкъ, которой комплектовалъ и мундировалъ, и обучалъ, и въ состояніе привелъ; кой былъ подъ именемъ генерала князя Репнина, а нынѣ зовется Тобольской; въ шанцахъ грачами въ лѣвое плечо раненъ, 32-хъ лѣтъ.

Того же году, августа 9-го дня, посланъ и шелъ на Брештъ со оными и съ другими командированными, за полковника, на приступъ къ Нарвѣ и раненъ въ голову камнемъ, а въ правую руку поколотъ шпагой.

И по взятіи штурмомъ, вшедь съ жестокимъ боемъ въ Вышъ-городъ, во всѣхъ пристойныхъ мѣстахъ поставилъ караулъ и непріятелей взялъ въ полонъ, между которыми и коменданта нарвской, генераль-маэоръ Горнъ, котораго послалъ семеновскаго полку съ поручикомъ Яковлевымъ къ генералу фельдмаршалку Агильвию; и того-жъ числа смѣненъ преображенскаго полка маэромъ, княземъ Голицынымъ.

Того же году, августа 15-го дня, по благодарномъ молебнѣ, посланъ въ Иванъ-городъ съ полкомъ, которой чрезъ договоръ принялъ, августа 16-го дня, и въ пристойныхъ мѣстахъ поставилъ караулъ; и того-жъ числа смѣненъ семеновскаго полку подполковникомъ, княземъ Голицынымъ, и того же августа 23-го дня пошли чрезъ Псковъ въ Полоцкъ и въ Польшу.

1705 г. Мая въ первыхъ числахъ пожалованъ подполковникомъ и посланъ въ Вильну, въ Вятской полкъ, кой былъ подъ именемъ генерала-маэора Шарфа, и со онымъ полкомъ посланъ въ Гродню.

Въ томъ же году, ноября въ первыхъ числахъ, переведенъ тѣмъ же чиномъ въ новой полкъ, которой рекрутоваль 3-хъ баталіоннымъ; и мундироваль, и обучаль, и въ состояніе привелъ я, и нынѣ зовется Нарвской; кой былъ подъ именемъ господина канцлера и кавалера графа Головкина; было мнѣ 33 года.

1707 г. Въ декабрѣ мѣсяцѣ пожалованъ полковникомъ въ тотъ же Нарвской полкъ, 35-ти лѣтъ.

1708. Мая въ первыхъ числѣхъ переведенъ въ московской 3-хъ баталіонной полкъ и съ двумя баталіоны онаго полку, съ сентября по декабрь, былъ въ блаквадѣ (блокада), въ Новогродкѣ Сѣверскомъ отъ шведскихъ войскъ, при которыхъ присутствовалъ своею особою королевское величество шведской Карлъ XII, и хотя отъ его величества, по многократнымъ присылкамъ, требовано города отдачи со обѣщаніемъ многихъ милостей и угрозамъ, однакожь, за помощію Божіею, по его волѣ не учинено; во мнѣ-жь чрезъ недѣлю присланы были солдатскіе бутырской, вологодской пѣхотные полки, драгунскіе азовской, да шквандронъ драгунъ московскаго полку, и декабря 1-го числа пошли изъ Новогродка къ Сумамъ; а изъ Сумъ, 1709 году, марта въ первыхъ числѣхъ, посланъ въ Ахтырку съ командованнымъ солдатскимъ полкомъ, да новыхъ солдатъ два полка, да казаковъ 1,000 человекъ, и былъ въ блаквадѣ отъ шведовъ по май мѣсяцъ; было мнѣ 36 лѣтъ.

Въ маѣ въ первыхъ числѣхъ пошелъ къ Апошнѣ и Полтавской баталіи, и былъ въ дивизіи генерала Аларта. Прежде баталіи посланъ съ 500 мушктеры и 180 гренадеры чрезъ рѣку къ непріятельскому лагеру для взятія языковъ, гдѣ взято съ 17-ть человекъ и возвратились счастливо, токмо съ нашу сторону, чрезъ стрѣльбу, ранили 2-хъ человекъ, и на полтавской — отправляя за брегадира, гдѣ пробить на мѣѣ кафтанъ въ двухъ мѣстахъ и лошадь ранена въ двухъ же мѣстахъ, и по окончаніи баталіи, іюня 30-го числа, пожалованъ въ брегадиры; и въ іюлѣ мѣсяцѣ посланъ съ солдатскими шестью, да съ однимъ драгунскимъ полками, съ 4,000 шведскими арестанты въ Москву; и отдавъ въ Москвѣ арестантовъ со объявленными семью полками, принявъ дополненіе къ командѣ своей рекрутъ, посланъ въ Нарву, въ команду адмирала графа Апраксина и отъ Нарвы въ Санктъ Питербурхъ пришли октября въ послѣднихъ числѣхъ; было мнѣ 37-мъ лѣтъ.

1710 г. Въ мартѣ мѣсяцѣ изъ Санктъ Питербурха подъ коман-

дою онаго-жь адмирала, графа Апраксина, посланы съ полками къ Выборху, и не дошедъ Выборха за 7-мь верстъ, марта 22-го числа посланъ я съ 2,000 казаками, да шквандронъ драгунъ, и взяли форштатъ, въ коемъ было шведскихъ 2 полка, и оныхъ выбили, и по прибытіи полковъ сдѣлали панцы.

И того-жь марта 27-го числа, посланъ съ 3-мя пѣхотными и съ 2-мя драгунскими полками и 600 съ новгородскими дворяны, и съ 1,000 казаками, да на лыжахъ солдатъ съ 50-ть человекъ, къ мѣстечку Лапстрандамъ, гдѣ нашли больше 1,000 человекъ финовъ, коихъ разбили, и пошли къ мѣстечку Веклаксамъ. И не доходя Веклаксъ, наѣхали 2 шведскіе шквандрона, гдѣ наша пѣхота неускорсла, и подъ моею командою, съ одними казаками, былъ бой. И оные побили, а ушло малое число; въ полонъ взяли одного поручика, рядовыхъ 26-ть человекъ.

И пришли къ Веклаксамъ, гдѣ было финовъ съ 2,000; коихъ разбили, а иные разбѣжались и возвратились къ Выборху; а марта съ 22-го апрѣля по 1-е число дѣланы апроши и начали въ Выборхъ бомбардировать, и мая, въ первыхъ числѣхъ, пришли изъ Питербурха водою въ судахъ гварди преображенской и семеновской полки, съ конями прибыли провіантъ и артилерія; а іюня въ 10-мь числѣ прибылъ своею особою его императорское величество Петръ Первый. И отъ многопушечной стрѣльбы и бомбардированія, іюня 14-го дня, въ Выборхѣ отдались на акордъ.

И по его императорскаго величества указу опредѣленъ я комендантомъ, и оставлено со мною 6-ть полковъ, и изъ разныхъ полковъ больныхъ и раненыхъ 1,800 человекъ. И былъ въ блаквадъ отъ непріятели въ томъ 1710 году, октября съ 1-го декабря по 4-е число, и непріятельская армия отступила декабря 10-го числа, а корабельной флотъ отошелъ декабря-жь 15-го числа; а въ то время осталось-было на гарнизонъ провіанту на 3 дни, и съ провіантомъ пришли отъ Кронштата шкуты декабря 23-го числа и за льдомъ не дошли Выборха за 16-ть верстъ, и для приводу означенныхъ шкутъ пиловали ледъ, и оные къ Выборху привели; было мнѣ 38-мь лѣтъ.

Да 1711 году, сентября съ 4-го ноября по 28-е число, и непріятельская армия отступила декабря 3-го числа, а корабельной флотъ отошелъ декабря 8-го числа, въ кое время на гар-

низонъ осталось-было провіанту на недѣлю и съ провіантомъ пришли отъ Кронштата шкуты, декабря 16-го дня; за льдомъ не дошли Выборга за 21 версту, и для привоу означенныхъ шкутъ плавали ледъ, и оныя къ Выборху привели. Было мнѣ 39-ть лѣтъ.

1713 г. Пошли войска изъ Кронштата на галерахъ, а мнѣ велѣно быть изъ Выборга подъ командою генерала-адмирала и кавалера графа Апраксина, при коемъ корпусѣ присутствовалъ своею особою его императорское величество, яко вице-адмиралъ, въ которой эшквдрѣ и мнѣ быть велѣно. И въ томъ же году, мая въ 9-й день, посланъ былъ съ 6-ю галерами и 13-ю островскими лодками къ Ельзенфорсу. И хотя изъ семи батарей отъ шведовъ и жестокая стрѣльба имѣлась, однакожь его императорскаго величества сщастіемъ изъ гавани взять съ разными товарами корабль, гдѣ отъ нашихъ непріятелей побито немалое число; а отъ непріятелей — нашихъ побито съ 19-ть человекъ, да ранено человекъ съ 30-ть, и галера, на коей я былъ, пробита изъ пушки въ 9-ти мѣстахъ.

И того-жь мая въ 10 день посланъ къ Ельзенфорсу-жь съ двумя прамами и съ бомбардирскимъ галиотомъ; и непріятельскія батареи сбили, гдѣ одинъ прамъ въ 5-ти мѣстахъ пробить и убито солдатъ 7 человекъ, да ранено 13-ть человекъ.

И того-жь числа, подъ собственною его императорскаго величества командою, опредѣленъ съ баталіономъ гварди (при коемъ былъ капитанъ, что нынѣ генералъ и кавалеръ Ушаковъ), и съ 6-ю полками къ Ельзенфорсу-жь на приступъ; а со всѣмъ корпусомъ генералъ-адмиралъ, генералы-лейтенанты Брюсъ и Голицынъ, генералъ-маэоры Бутурлинъ и двое Головиныхъ и бригадиры съ другую сторону; въ кое время непріятель въ ночи посадъ зажогъ, а самъ ушолъ, а гдѣ съ прамами и галерами бой былъ; непріятельскихъ тѣлъ сочтено 70-ть человекъ.

И въ томъ же 1713 году, мая 30-го дня, то-есть въ день рожденія его императорскаго величества, пожалованъ генераломъ-маэоромъ; (41-го года) и въ ономъ же 1713 году, октября 26-го дня, былъ нащастливо окончаемой баталіи у Пелкиного озера, и шли противъ непріятеля подъ командой генерала-лейтенанта князя Голицына, въ 6,000 человекъхъ плыли чрезъ озеро на плотахъ, кое ширины больше 3-хъ верстъ.

1714 г. Февраля 19-го числа (42-хъ лѣтъ), подъ командою генерала-

лейтенанта, князя Голицина, былъ насчастливно окончаемой баталіи у Вазы, на которой трижды раненъ, и одна пуля осталась и по нынѣ въ кости; и подо мною одна лошадь ранена, а другая убита.

Въ томъ же 1714-мъ году, декабря 6-го дня, опредѣленъ къ адмиралтейству въ команду генерала-адмирала и кавалера графа Апраксина оберъ-штеръ-криксь-комисаромъ, и имѣлъ въ командѣ, во всѣхъ мѣстахъ, военныхъ и адмиралтейскихъ служителей и отправлялъ военныя и адмиралтейскія дѣла, и приписные къ адмиралтейству города и уѣзды, оружейные и желѣзные заводы и фабрики, и въ небытность въ Питербурхѣ генерала-фельдмаршала князя Меншикова имѣлъ команду надъ обрѣтающимися въ Питербурхѣ и въ Кронштатѣ, и въ другихъ къ Питербурху принадлежащихъ городехъ, полевыми и гарнизонными полками, и вѣдалъ питербургскую полицію и учредилъ чрезъ Неву перевозы и изъ Кронштата водою, а къ Выборху сухимъ путемъ почты, и собиралъ и вѣдалъ академическую школу.

1722 г. Опредѣленъ (50-ти лѣтъ) для свидѣтельства и переписки всякаго чина мужеска полу людей, кромѣ дворянъ, вмѣсто двухъ генераль-маэоровъ Юсупова и Волкова, въ Москву и въ Московскую губернію.

1725 г. Мая 21-го дня (53-хъ лѣтъ) пожалованъ генераломъ-криксь-комисаромъ и дана кавалерія ордена св. Александра и посланъ въ Азовскую губернію губернаторомъ, и для осмотра транжампта и другихъ тамошнихъ мѣстъ, и былъ во оной губерніи, августа по 12-е число 1726 году.

1727 г. Опредѣленъ въ Лифляндію губернаторомъ (55-ти лѣтъ).

1730 г. Въ мартѣ мѣсяцѣ, по воспріятіи ея императорскаго величества высокомонаршескаго всероссійскаго престола, опредѣленъ къ присутствію въ сенатъ (58-ми лѣтъ).

Того-жъ году, апрѣля 28-го дня, то-есть въ день коронованія ея императорскаго величества пожалованъ генераломъ.

1731 г. Сентября 14-го дня опредѣленъ въ Московскую губернію генераломъ-губернаторомъ (59-ти лѣтъ).

1735 г. Августа 21-го дня, по всемилостивѣйшему ея императорскаго величества имянному указу, по прошенію, отъ службы уволенъ (63-хъ лѣтъ).

А о другихъ партиахъ и посылкахъ, и комисіяхъ, и писать оставляю.

II.

1710 г. По взятіи Выборга и по прибытіи оттуда въ Питербурхъ, въ 1710 году, женился (38-ми лѣтъ), взявъ Иванову дочь Ивановича Ржевскаго, дѣвицу Авдотью; вѣнчали въ крѣпости, въ деревянной церкви, во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла; отъ церкви ѣхали въ государевъ буерѣ, кой называется «Фаворитъ», а прочіе присутствующіе при томъ особы въ другихъ буерахъ, внизъ Невною, на Васильевской островъ, въ домъ его свѣтлости генерала-фельдмаршала князя Александра Даниловича Меншикова. И во ономъ домѣ былъ столъ; а послѣ стола, изъ дому его свѣтлости, дѣвицы государыни царевны Екатерина Иоанновна, Анна Иоанновна, отцами: свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, генераль-адмираль графъ Оедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, другою матерью свѣтлѣйшая княгиня, Дарья Михайловна Меншикова, Фоншнейдоръ Павелъ Ивановичъ Ягушинской, Шафировъ; изъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ 12-ть человекъ; братья были: канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, отъ гварди маоръ князь Василій Володимировичъ Долгоруковъ; сестры: Домна Андреевна Головкина, Сара Ивановна Брюсова.

Авдотья Ивановна родилась отъ Ивана Ивановича Ржевскаго, отъ матери Дарьи Гавриловны Соковинныхъ, февраля 12-го дня 1693 г.

Вышла замужъ за брегадира Григорья Петровича Чернышева, 1710 г.

Пожалована при дворѣ ея императорскаго величеста въ штатсъ-даму, марта дня 1730 г.

Наталья Григорьевна родилась въ Санетъ Питербурхѣ, апрѣля 5-го дня, то-есть въ четвертокъ по утру, уже разсвѣло, 1711 г.

Восприемникомъ былъ свѣтлѣйшій князь Александра Даниловичъ Меншиковъ, восприемница бабка ея, Иванова жена Ивановича Ржевскаго, Дарья Гавриловна выдана замужъ морскаго флота за лейтенанта князя Михайлу Андреевича Бѣлосельскаго, 1743 г.

Родился сынъ князь Андрей Михайловичъ.

По астрономическому — планета: луна, званіе: телець.

Петръ Григорьевичъ родился въ С.-Питербурхѣ, марта въ 24-й день, въ ночи, въ 11-мъ часу, то-есть въ понедѣльникъ, 1712 г.

Восприемниками были государь царь и великой князь Петръ Алексѣевичъ, графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ; восприемницами — государыня царевна Анна Иоанновна, царевна Еватерина Иоанновна.

Ноября въ 1-й день написанъ въ солдаты въ преображенской полкъ, 1715 г.

Въ адъютанты рангъ поручиковъ, декабря 14-го дня 1727 г.
Посланъ въ Парижъ іюля 29-го дня 1728 г.

Пожалованъ при дворѣ ея императорскаго величества въ камеръ-юнкеры, марта 22-го дня 1730 г.

Въ 1738 году, мая 26-го числа, то-есть въ пятницу, женился, взявъ ея императорскаго величества штацъ-фрейлину, дочь господина генерала и кавалера Андрея Ивановича Ушакова, Катерину Андреевну, и она продолжалась слѣдующимъ образомъ: въ 10-мъ часу пополудни, отъ двора ея императорскаго величества присланы съ экипажмейстеромъ 9 цуками заложенныхъ каретъ, и получа отъ родителей своихъ обыкновенное родительское благословеніе, присутствующими ея императорскаго величества оберъ-маршаломъ и кавалеромъ господиномъ графомъ Леволдомъ и адмираломъ и кавалеромъ графомъ Головинымъ, и другими знатыми особами препровожденъ въ лѣтній ея императорскаго величества домъ. Отъ ея императорскаго величества всемилостивѣйше пожалованъ, отпущенъ онъ къ вѣнчанію въ придворную церковь, въ провозденіи его свѣтлости наслѣднаго курляндскаго и семигальскаго принца Петра, ея императорскаго величества конной лейбъ-гвардіи подполковника и кавалера польскаго ордена Бѣлаго Орла, и другихъ знатныхъ персонъ.

Потомъ помянутая невѣста отъ ея императорскаго величества въ ту жь церковь препровождена ихъ высочествами государынями цесаревною Елисаветъ Петровною и принцессою Анною, вель ее его свѣтлость принцъ Карлъ Курляндской и Семигальской; по окончаніи вѣнчанія новобрачные ихъ высочествами государынями цесаревною и принцессою, и ихъ свѣтлостію обоихъ курляндскихъ и семигальскихъ принцовъ обратно приведены въ покои ея императорскаго величества, гдѣ новобрачнымъ и присутствующимъ

щимъ при томъ здѣшнимъ и иностраннымъ министрамъ представленъ былъ учрежденной столъ съ совершеннымъ удовольствіемъ; послѣ стола начался балъ и продолжался до 9-го часу пополудни; по окончаніи онаго новобрачные отъ ея императорскаго величества всемилостивѣйше отпущены преизрядною церемоніею, предъ которыми ѣхалъ гофъ-маршалъ и кавалеръ господинъ Шепелевъ съ маршалъ-штабомъ, и препровожжены его свѣтлостію принцемъ Гесенгомбургскимъ и его супругою, придворными и другими знатными, многими кавалерскими и дамскими персонами въ домъ ихъ, гдѣ новобрачные приняты отъ ихъ родителей, съ обыкновенною ихъ должностію, и представленъ имъ и при бывшимъ съ ними гостямъ вечерній столъ и конфекты. Напослѣдокъ сіе торжество благополучно окончалось, и въ домѣ-жъ ея императорскаго величества представленъ обѣдней столъ, и послѣ стола, въ 4-мъ часу пополудни, былъ балъ, гдѣ въ присутствіи изволила быть своею особою ея императорское величество и государыня цесаревна Елисаветъ Петровна и принцесса Анна, и его свѣтлость герцогъ и герцогиня курляндскіе и семигальскіе съ своею фамиліею, здѣшніе и иностранные министры, и продолжался до 9-го часу.

А на третій день изволили обѣдать у молодыхъ ихъ высочество государыня цесаревна Елисаветъ Петровна и принцесса Анна; курляндской и семигальской принцъ Петръ, ея императорскаго величества конной лейбъ-гвардіи подполковникъ и его свѣтлость принцъ Гесенгомбургской съ фамиліею, придворные и русскіе и иностранные кавалеры и дамы, и послѣ стола былъ балъ, и продолжался до 11-го часа.

Во всемъ выше объявленномъ отъ ея императорскаго величества къ новобрачнымъ показана особливая матерьяная милость; на другой день новобрачные ѣздили къ ея императорскому величеству и приняты милостиво, и ея императорское величество изволила пожаловать крестника своего благословить образомъ Казанскія Богородицы. •

Катерина Андреевна родилася отъ Андрея Ивановича Ушакова, отъ матери Елены Леонтьевны Какошкиныхъ октября 22-го дня 1715 г.

Пожалована при дворѣ ея императорскаго величества въ штацъ-фрейлины, апрѣля 18-го числа 1730 г.

Вышла замужъ двора ея императорскаго величества за камеръ-юнкера Петра Григорьевича Чернышева, мая 26-го дня, то-есть пятница, 1738 г.

Катерина Григорьевна родилася въ Питербурхѣ, сентября 8-го дня, то-есть въ среду, въ полдень, 1734 г.

Восприемниками были свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ; восприемницы — государыня цесаревна Анна Петровна и Елисаветъ Петровна, 1736 г.

Выдана замужъ московскаго полку за прапорщика Николая Кириловича Матюшкина, 1739 г.

Захаръ Григорьевичъ родился въ Москвѣ, марта 18-го дня, то-есть въ воскресенье, въ 12-мъ часу пополуночи, 1722 г.

По астрономіи планета солнце, званіе: Овенъ.

Восприемники были: братья его двоюродной Данила Ивановичъ Апачининъ, и родной, Григорій Григорьевичъ Чернышевъ; восприемницы сестры его родныя, Паталя Григорьевна, Катерина Григорьевна.

Пожалованъ дворяниномъ посольства и посланъ къ обрѣтающемуся при цесарскомъ дворѣ чрезвычайному посланнику камеръ-геру Ланчинскому, марта 10-го дня 1738 г.

Анна Григорьевна родилась въ Москвѣ, сентября 9-го дня, въ среду, за полчаса до свѣту, 1724 г.

Восприемникомъ былъ новоспасской архимандритъ Дороей; восприемница — царевна милитинская Дарья Арчиловна.

Иванъ Григорьевичъ родился въ Санктъ-Питербурхѣ, ноября 23-го дня, то-есть въ среду, въ 12-мъ часу, въ ночи, 1717 г.

По астрономіи планета Меркуіусъ, званіе Козерогъ.

Восприемникомъ былъ братъ его родной, Петръ Григорьевичъ; восприемница — сестра его родная, Наталья Григорьевна.

Восприемницы государыня цесаревна Анна Петровна, дѣвица Варвара Михайловна Арсеньева.

Написанъ при курляндскомъ дворѣ въ камеръ-юнкеры 1727 г.

Генваря 28-го числа, въ день рожденія ея императорскаго величества, пожалованъ въ оберъ-офицеры и написанъ въ астраханской пѣхотной полкъ поручикомъ, 1734 г.

Опредѣленъ къ его свѣтлости ландъ-графу Гессенскому и наслѣдному принцу Гессенъ-Гомбургскому, въ службѣ ея импера-

торскаго величества генералу-фельдцейхмейстеру и кавалеру въ адъютанты, рангъ капитанской, декабря 1-го дня 1736 г.

Генваря 1-го дня 1739 года пожалованъ артиллеріи капитаномъ, а того же мѣсяца, 14-го дня, отосланъ, для опредѣленія въ армію, въ военную коллегію.

Сію книжку о описаніи моихъ лѣтъ и о службахъ отдать сыну моему, Григорію Григорьевичу Чернышеву, для памяти и подписалъ Григорій Петровъ, сынъ Чернышевъ, своею рукою. 4-го декабря 1738 въ Санктъ-Петербурхѣ.

Сообщ. **Ө. К. Опочининъ.**

Примѣчаніе. Считаю не лишнимъ напомнить о значеніи, какое имѣли нѣкоторые изъ упоминаемыхъ въ этихъ запискахъ—Чернышевы: Петръ Захаровичъ, отецъ составителя записокъ, скончался въ 1689 г. въ чинѣ полковника регулярныхъ войскъ. Императрица Елисавета, оказывая особое вниманіе нѣкоторымъ изъ слугъ своего отца, возвела сына его, автора записокъ, Григорья Петровича Чернышева—въ графское російской имперіи достоинство (25-го апрѣля 1742 г.) и пожаловала ему тогда-же Андреевскую ленту. Онъ умеръ 30-го іюля 1745 г., оставя рядъ замѣчательныхъ сыновей: старшій гр. Петръ († 1773 г.), превосходный дипломатъ, былъ посланникомъ при дворахъ Датскомъ, Прусскомъ и Великобританскомъ, и посломъ при дворѣ Французскомъ. Графъ Захарій Григорьевичъ († 1784 г.), одинъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ въ Семилѣтнюю войну; при Екатеринѣ II—фельдмаршалъ, кав. св. Андрея, президентъ военной коллегіи, генераль-губернаторъ новоприсоединенной Бѣлоруссіи, и наконецъ главнокомандующій въ Москвѣ. Современники отзываются о Захарѣ Чернышевѣ съ величайшими похвалами. (Смотр. напр., въ «Истинномъ повѣствованіи» Добрынина, въ «Русск. Старинѣ», изд. 1871 г., т. IV, стр. 137, 188 и друг.). Графъ Иванъ Григорьевичъ († 1797 г.), генераль-фельдмаршалъ по флоту при императорѣ Павлѣ. Гр. Григорій Григорьевичъ, которому завѣщаны записки, служилъ бригадиромъ и умеръ въ 1750 г. О матери этихъ Чернышевыхъ—статсъ-дамѣ гр. Авдотѣ Ивановнѣ, см. извѣстіе въ «Спискахъ статсъ-дамъ и фрейлинъ» П. Ө. Карabanова («Русская Старина», изд. 1871 г., т. IV, стр. 482). **Ред.**

ГЕОРГЪ ЮГАННЪ ФОНЪ-КЕЙЗЕРЛИНГЪ,

Представитель короля прусскаго при дворѣ Петра Великаго.

1707.

Георгъ Юганнъ фонъ-Кейзерлингъ—представитель короля прусскаго Фридриха I при дворѣ Петра I—есть личность, которой суждено было занять въ частной жизни этого государя мѣсто личнаго его соперника. Извѣстно, что молодой Петръ около 1692 г. страстно полюбилъ Анну Ивановну Монсъ, одну изъ красавицъ Нѣмецкой слободы. Народная молва обвиняла ее въ томъ, что она «остудила» Петра къ его первой и законной женѣ—Авдотѣ Федоровнѣ Лопухиной. Царица была заточена въ монастырь и, какъ увѣрили современники, близка была возможность того, что Петръ женится на Монсъ; но онъ ли охладѣлъ къ ней, или измѣна молодой красавицы, полюбившей другого, была причиной того, что уже въ 1703-мъ году на фаворитку вложено домашній арестъ съ запрещеніемъ выѣзжать даже въ кирку. Между тѣмъ, въ 1705-мъ году начинается сближеніе государя съ безвѣстной прислужницей—Мартой (впоследствии Екатерина I), а въ слѣдующемъ году Анна Монсъ, ея сестра, Матрена Балкъ, и мать—получаютъ разрѣшеніе выѣзжать изъ-подъ ареста въ церковь. Усерднымъ ходатаемъ за Анну Ивановну—является фонъ-Кейзерлингъ, полномочный посолъ короля прусскаго, страстно влюбившійся въ бывшую фаворитку царя. Неостанавливаясь въ предствательствѣ у Петра за свою невѣсту,—а такую уже была Анна Монсъ,—фонъ-Кейзерлингъ выхлопоталъ ей и ея роднымъ, въ 1707 году, полную свободу, а одного изъ ея братьевъ, знаменитаго впоследствии по кровавой судьбѣ, Вильгельма Монса, успѣлъ опредѣлить въ русскую военную службу.

Всѣ эти хлопоты были нелегки: они сопровождались для Кейзерлинга длиннымъ рядомъ весьма существенныхъ непріятностей; съ одной стороны Меншиковъ, могущество котораго находилось на высшей степенн, создавая въ это время «фаворъ»—Марты,—не могъ безъ опасенія видѣть, что Кейзерлингъ хлопочетъ объ освобожденіи бывшей царской фаворитки, съ другой—и въ самомъ Петрѣ не могло не шевелиться чувство ревности къ человѣку, привязанность къ которому вытѣснила изъ сердца Анны Ивановны любовь къ нему.

Всѣ эти обстоятельства надо имѣть въ виду, чтобы понять причины той траги-комедии, героемъ которой сдѣлался Кейзерлингъ въ 1707-мъ году, въ Люблинѣ, гдѣ находилась въ то время главная квартира русской арміи, отданной Карла XII. Въ нижепомѣщаемыхъ депешахъ читатели найдутъ самый обстоятельный рассказъ Кейзерлинга о столкновеніяхъ его съ государемъ, также съ Меншиковымъ и ихъ приближенными. Рассказъ этотъ является въ де-

пешахъ, извлеченныхъ изъ главнаго импер.-королевскаго секретнаго архива въ Берлинѣ; это весьма живая, хотя и далеко непривлекательная картина быта и нравовъ двора Петра Великаго. Въ настоящихъ документахъ много чертъ для характеристики, какъ Петра, такъ въ особенности Меншикова; много подробностей для исторіи русской дипломатіи той эпохи, для опредѣленія условий и обстоятельствъ, въ которыя, волею-неволею, ставились при русскомъ дворѣ представители европейскихъ державъ; смѣльная развязка всей «трагедіи», та уступчивость, которую вынужденъ былъ проявить оскорбленный представитель короля прусскаго, доказываетъ, что уже въ 1707 году—слѣдовательно еще до полтавской вѣкторіи—Россія настолько была сильна, что Пруссія предпочла замѣть дѣло объ оскорбленіи ея представителя и удовольствоваться пустымъ чисто формальнымъ удовлетвореніемъ.

Тайный совѣтникъ Георгъ Іоаннъ фонъ-Кейзерлингъ не долго пережилъ обиды, вынавшія на его долю. Онъ скончался 11-го декабря 1711 года въ Столпе, на дорогѣ въ Берлинъ, уснувъ лишь за полгода до того достигнуть дѣли своихъ долготѣныхъ стараній: только 18-го іюня 1711 г. онъ сочетался бракомъ съ Анной Ивановной Мопсъ

Печатаемая вышѣ депеши Кейзерлинга писаны на нѣмецкомъ языкѣ, слогомъ своего времени, крайне неуклюжемъ, періодами чрезмѣрно длинными и смутными. Всѣ затрудненія для перевода преодолены однако Z*; независимо отъ перевода, мы признали необходимымъ напечатать и подлинникъ донесеній, вполнѣ сохранивъ орфографію *).

Ред.

I.

Люблинъ, 1707 года, 11-го іюля н. ст.

(Переводъ). Вседержавнѣйшій великій король, августѣйшій государь и повелитель! Всеподданнѣйше и всенижайше повергаю въ стопы вашею королевскаго величества донесеніе о происходившей вчера попойкѣ; обыкновенно сопряженная со многими несчастными происшествіями, она вчера имѣла для меня весьма пагубныя послѣдствія.

I.

Lublin, d. 11. Juli st. n. 1707.

(Подлинникъ). Allerdurchlauchtigster Grossmächtigster König, Allernädigster König und Herr! Ew. Königliche Majestät werde mit dem allerunterthänigstem Bericht, ich in tief-gehorsamstem respect fussfällig, wie nemlich der gestrige Sauf- tag, welcher ordinairement viel fatales mit sich zu führen pfeget, mir auch sehr funeste gewesen. Ew. Königliche Majestät werden allernädigst geruhen, sich der Historie, so von mir und einer gewissen Jungfer Mosen in Moscau (die man vor des Czaaren Maitresse halten wollen) in der ganzen Welt, wiewohl

*) Въ нашей обширной, составленной по архивнымъ матеріаламъ, монографіи: «Семейство Мопсовъ. Спб., 1862 г.» (тогда же вся книга разошлась) есть много подробностей, прекраснымъ дополненіемъ и объясненіемъ которыхъ могутъ служить настоящія депеши Кейзерлинга.

Ред.

Ваше королевское величество соблаговолило припомнить то, что почти всюду рассказывали въ искаженномъ видѣ обо мнѣ и нѣкоей дѣвицѣ Монсъ, изъ Мосевы—говорять, что она любовница царя. Эта дѣвица Монсъ, ея мать и сестра, лишеныя почти всего, что имѣли, содержатся уже четыре года подъ постояннымъ арестомъ, а ея тремъ братьямъ преграждена всякая возможность поступить на царскую службу, а также имъ запрещенъ выѣздъ изъ государства. Я, по несчастію, хотя невиннымъ образомъ, вовлеченный въ ихъ роковую судьбу, считалъ себя обязаннымъ, столько же изъ состраданія, сколько по чувству чести, заступиться за нихъ, и потому, заручившись сперва согласіемъ Шафирова и князя Меншикова, я взялъ съ собою одного изъ братьевъ, представилъ его царю и Меншикову, и былъ ими благосклонно принятъ.

Вчера же, передъ началомъ попойки, я, въ разговорѣ съ княземъ Меншиковымъ, намекнулъ, что обыкновенно день веселья бываетъ—днемъ милости и прощенья, и потому нельзя-ли будетъ склонить его царское величество къ принятію въ военную службу мною приведеннаго Монса. Кн. Меншиковъ отвѣчалъ мнѣ, что самъ онъ не рѣшится говорить объ этомъ его царскому величеству, но совѣтовалъ воспользоваться удобной минутой и въ его присутствіи обратиться съ просьбой къ царю, обѣщая свое содѣйствіе и не сомнѣваясь въ успѣшномъ исходѣ. Я выжидалъ отъѣзда польскихъ магнатовъ,—почти всѣ они присутствовали на пиру и, скажу кстати, выражали все время большую преданность вашему королевскому величеству; въ этомъ отношеніи особенно заявилъ себя епископъ Куявскій (Cujavien), упомянувъ о должномъ удовлетвореніи за ограбленныхъ (spolurten) московскими войсками подданныхъ вашего королевскаго величества. Когда же я обратился къ царю съ моею просьбой, царь, лукавымъ обра-

mit falschen Umständen, herumgetragen wird, zu besinnen. Weil nun gedachte Jungfer Monsen, sowohl als ihre Mutter und Schwester, nachdem man ihnen fast alles weggenommen, seit 4 Jahren im beständigem Arrest gehalten, auch ihre drey Brüder in alle Wege behindert worden weder in Ihre Czaar. Majestät Diensten treten, noch aus dem Lande gehen zu können; ich aber obschon unschuldiger, doch unglücklicher Weise in ihrem fatalen destein mit impliciret. und daher sowohl par charité als honneteté obligiret gewesen, mich ihrer nach möglichkeit anzunehmen, auch desshalb einen von den Brüdern, doch nur, sowohl auf des Schaphiross als des Prinzen Menschikoffs eigene Gutbefinden, anher mitgebracht, und beides bei Ihr. Czaar. Majest. und auch bei dem Prinzen Menschikoff introduciret hatte, solches auch von ihnen gar nicht übel genommen worden: So habe mit erwälntem Prinzen Menschikoff gestern, noch vor angegangenem Gesauf daraus gesprochen, dass weil dieser Tag doch ein jour de rejouissance wäre, und also auch wohl der gráce und clemence zu sein pflegte

зомъ предупрежденный княземъ Меншиковымъ, отвѣчалъ самъ, что онъ воспитывалъ дѣвицу Монсъ для себя, съ искреннимъ намѣреніемъ жениться на ней, но такъ какъ она мною прельщена и развращена, то онъ ни о ней, ни о ея родственникахъ ничего ни слышать, ни знать не хочетъ.

Я возражалъ съ подобающимъ смиреніемъ, что его царское величество напрасно негодуетъ на дѣвицу Монсъ и на меня, что если она виновата, то лишь въ томъ, что, по совѣту самого же князя Меншикова, обратилась къ его посредничеству, исходатайствовать у его царскаго величества всемилостивѣйшее разрѣшеніе на бракосочетаніе со мной; но ни она, ни я, мы никогда не осмѣлились бы предпринять что-либо противное желанію его царскаго величества, что я готовъ подтвердить моею честью и жизнью. Князь Меншиковъ вдругъ неожиданно выразилъ свое мнѣніе, что дѣвица Монсъ дѣйствительно подлая, публичная женщина, съ которой онъ самъ развратничалъ столько же, сколько и я (*capaille und Hure, das er sie so wohl als ich debauchirt hätte*).

На это я возразилъ, что предоставляю ему самому судить, справедливо-ли то, что онъ о себѣ говоритъ, что же касается до меня, то никакой честный, правдивый человѣкъ не обличитъ, тѣмъ менѣе не докажетъ справедливости возведеннаго на меня обвиненія. Тутъ царь удалился въ другую комнату, князь же Меншиковъ не переста-

ob es also bei Ihr. Czaar. Majest. nicht dahin zu bringen sein möchte, dass der von mir mitgebrachte Mons in Ihren Krieges-Diensten engagiret werden könnte. Worauf mir dann der Prinz Menschikoff diesen Bescheid gab, dass er selbst nicht wohl hiervon mit Ihr. Czaar. Majest. zu sprechen anfangen dürfte, ich sollte Sie aber nur selbst hernach bei guter Gelegenheit darüber in seiner Gegenwart ersuchen, so wollte er mich alsdann schon secondiren, nicht zweiflende dass es wohl reussiren würde. Nun verzog ich aber damit so lange, bis die polnische Magnaten, welche fast alle auch diesem Festin beigewohnt, und durchgehends viele Devotion vor Ew. Königl. Majest. zu tragen bezeuget haben, worin absonderlich der Bischof von Cujavien sich vor andern distinguiret, und auch wegen Befriedigung Ew. Königl. Majest. von denen Moscovitischen Truppen, spoliirten Unterthanen nachdrücklich Anregung gethan, weggefahren waren; da ich dann hernach Ihr. Czaar. Majest. über obiges anredete, welche mir aber (weil Sie schon von dem Prinzen Menschikoff vorher malitieuxement präoccupiret gewesen sein müssen) zur Antwort geben: Sie hätten die Jungfer Monsen vor Sich erzogen, und die aufrichtige Intention, selbige Ihnen zu vermählen gehabt, da ich Sie aber verführt und debauchirt hätte, so wollten Sie nunmehr weder von ihr noch von den Ihrigen das geringste mehr hören oder wissen. Wogegen ich aber in gehörigem respect einwandte, dass Ihre Czaarische Majestät sowohl mir als ihr unschuldiger Weise deshalb ungnädig wären, und dass Sie nichts mehr gethan, als nur, und zwar auf des Prinzen Menschikoff

валъ забрасывать меня по этому поводу колкими, язвительными насмѣшками, которыхъ наконецъ не въ силахъ былъ болѣе вынести. Я оттолкнулъ его отъ себя, сказавъ: „Будь мы въ другомъ мѣстѣ, я догадалъ бы ему, что онъ поступаетъ со мной не какъ честный человекъ, а какъ...*), и проч. и проч. Тутъ я, вѣроятно, выхватилъ бы свою шпагу, но у меня ее отняли незамѣтно въ толпѣ, а также удалили мою прислугу; это меня взбѣсило и послужило поводомъ къ сильнѣйшей перебранкѣ съ княземъ Меншиковымъ. Вслѣдъ затѣмъ, я хотѣлъ-было уйти, но находившаяся у дверей стража, ни подь какимъ предлогомъ не выпускавшая никого изъ гостей, не пропустила и меня. Затѣмъ вошелъ его царское величество; за нимъ посылалъ князь Меншиковъ. Оба они, несмотря на то, что Шафировъ бросился къ нимъ и именемъ Бога умолялъ не оскорблять меня, напали съ самыми жесткими словами, и вытолкнули меня не только изъ комнаты, но даже внизъ по лѣстницѣ, черезъ всю площадь. Я принужденъ былъ вернуться домой на ключъ моего лакея,—свою карету я уступилъ передъ обѣдомъ посланнику датскаго короля, рассчитывая вернуться въ его экипажѣ, который еще не прѣвѣзжалъ.

Теперь всенижайше повергаю благосклонному усмотрѣнiю вашего королевскаго величества все это происшествiе: оно для меня чувствительнѣе самой жизни. Высокопросвѣщенный умъ вашего королевскаго величества столько же, какъ чрезвычайное великодушiе и глуп-

eigene Veranlassung durch ihn selbst sich bei Ihrer Czaarischen Majestät erkundiget hätte, ob sie auch gnädigst erlauben wollten, dass sie sich an mich verheirathen dürfte: wobei aber weder sie noch ich, jemahlen den Sinn und die Kühnheit haben dürfen, mit Ihrer Czaarischen Majestät Missfallen etwas zu unternehmen, welches dann mit meiner Ehre und Darbietung meines Lebens selbst contestiren wollte. Der Prinz Menschikoff aber fuhr gleich mit dieser unvermutheten Beistimmung zu, dass sie eine Cønaille und Hure wäre, und das er sie sowohl als ich debauchirt hätte: dann aber dieses entgegengesetzte, dass ich dahingestellt sein lassen wollte, ob dasjenige, so er von sich selbst sagte, wahr oder erdicht wäre. Mir aber würde kein honnête homme die von ihm imputirte Bezüchtigung mit Wahrheit nachsagen, vielweniger aber selbige jemahlen erweisen können. Ihre Czaarische Majestät aber begaben sich darüber weg und in ein ander Zimmer, da indessen doch der Prinz Menschikoff mich mit gar anzüglichen und piquanten Worten, über diese Materie durchzuholen nicht nachliess, welches ich dann unmöglich länger verschmerzen konnte, und ihn mit der Hand von mir stieß, sagende: dass wann es an einem andern Ort wäre, ich ihm schon weisen wollte, dass er nicht wie ein ehrlicher Mann, sondern wie ein etc. mit mir handelte. Worauf dann auch wohl zu meinen Degen gegriffen haben möchte, wann mann mir selbigen nicht in dem Gedränge unvermerkt von der Seite genom-

*) Бравное слово опущено въ подлинникѣ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. V. 1872 г. июль.

бокая любовь къ правдѣ, коими восхищается и удивляется весь міръ, позволяютъ мнѣ надѣяться не только на милостивое снисхождение къ этому дѣлу, но и на правосудіе и возмездіе со стороны вашего королевскаго величества.

Клянусь Богомъ, что всѣ обстоятельства (species facti), изложенныя мною, совершенно вѣрны: всѣ польскіе магнаты, бывшіе на пиру, могутъ засвидѣтельствовать, что поведеніе и обращеніе мое были безукоризненны и что до ихъ отъѣзда (за нѣсколько минутъ до происшествія), несмотря на сильную попойку, я все время былъ трезвъ. Но положимъ даже (чего въ дѣйствительности не было), что я былъ пьянъ и произвелъ какое-либо безчинство, подвергать меня за это строгому аресту и бдительному надзору совершенно неумѣстно, и если бы я былъ частное приглашенное лицо, а не носилъ бы священнаго званія уполномоченнаго посла вашего королевскаго величества (то, что уважается даже самыми необразованными народами), то и тогда не слѣдовало обращаться со мной такъ постыдно и незаконно. Я не прошу о мести. Ваше королевское величество, какъ доблестный рыцарь, сами взвѣсите этотъ вопросъ, но я слезно и всепнижайше умоляю ваше королевское величество, какъ о великой милости, уволить меня, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, отъ должности при такомъ дворѣ, гдѣ участь почти всѣхъ иностранныхъ министровъ одинаково неприятна

men und auch meine Leute von mir zurückgehalten haben würde; welches mir dann gar heftig verdroß, und noch zu einem harten Wortenwechsel gegen den Prinzen Menschikoff veranlasste. Ich wollte mich auch darauf wegbegeben, die, vor den Thüren gesetzte Wache aber, welche die ganze Zeit über, was Nothwendigkeit halber es auch immer sein mögen, keinen von der Gästen hinaus lassen dürfen, liessen mich nicht passiren. Und wie darauf Ihre Czaarische Majestät nach welche der Prinz Menschikoff geschicket hatte, dazu kahmen, fuhren sie mich, ungeachtet ihnen der Schaphiroff in die Arme fiel und sie um Gotteswillen baten, sich nicht an mich zu vergreifen, mit harten Worten an, und liessen mich nicht nur zur Thür hinaus, sondern auch die Stiegen hinab, und über den ganzen Hoff-Platz hinaus stossen; da dann, weil ich Vormittags den königl. dänischen Abgesandten in meiner Kutsche hinaus gebracht hatte, und die seinige uns hernach abholen sollte, damahls aber noch nicht angekommen war, nur auf einen Klepper meiner Laquaien nach Hause reiten musste. Nun stelle Ew. Königliche Majestät diese gantze Sache, welche mir doch weit sensibler, als der Verlust meines Lebens selbst seyn könnte, ist, in allerdehnmühtigster Submission ich anheim, der allerunterthänigsten Zuversicht lebende, dass wie Ew. Königliche Majestät sowohl wegen ihres Erlauchtet hohen Verstandes, als auch ungemeiner Grossmuth und Liebe zur Gerechtigkeit von der ganzen Welt admiriret und adoriret werden, sie mir also auch mit ihrer hohen Clemenz, in dieser Affaire nicht zu entstehen, sondern gehörige Justitz und Reparation zu verschaffen, allergnädigst geruhen werden. Ich bezeuge mit

и отвратительна. Если ваше королевское величество соблаговолите согласиться, можно благонадежно поручить ваши интересы моему секретарю, уроженцу Кёнигсберга и вёрноподданному вашего королевского величества. Онъ смыслень въ дѣлахъ, обладаетъ уже нѣкоторою опытностью въ переговорахъ, и ему извѣстны всѣ мною здѣсь добытыя свѣдѣнія.

Если я осмѣлюсь, со всею моею вёрноподданническою преданностью, ради которой я готовъ жертвовать всѣмъ на свѣтъ и даже моею жизнью, высказать мое ничтожное мнѣніе, то я доложу, что нейтралитетъ, который ваше королевское величество соблюдали до сихъ поръ, не можетъ долѣе существовать, не повредивъ интересамъ вашего королевского величества; такъ какъ царь снова отступаетъ отъ границъ вашего королевского величества, то король шведскій съ родины двинется и заслонитъ васъ. Кромѣ затаенной злобы, ваше королевское величество никакой выгоды отъ царя ждать не можете, и ваше королевское величество имѣли бы самый законный поводъ къ нарушенію нейтралитета, какъ въ оскорбленіи, мнѣ нанесенномъ (что выражаетъ полное презрѣніе къ вашему королевскому величеству), такъ и въ томъ, что обѣщанія вознаградить вашихъ ограбленныхъ подданныхъ не исполняются. Я даже убѣжденъ, что не подвергся бы вчерашнему со мною обращенію царя, онъ могъ еще прежде въ Москвѣ такъ поступить со мною, если бы онъ не талъ противъ меня злобнаго негодованія, вслѣдствіе послѣдней моею

Gott, dass sich Species Facts dergestalt und nicht anders verhalte, und könnte ich auch wohl das Zeugniß von allen auf dem Festin gewesenen Pohnischen Magnaten haben, dass meine Conduite und mein Comportement daselbst ganz irreprochable, ich auch biss auf die Zeit, der erwehnte Magnaten wegfuhrten (so nur Augenblicks vorher geschah) ungeachtet gar starck getrunken worden, meines Verstandes noch vellig mächtig gewesen. Gesetzt aber auch (welches doch an sich selbst gar nicht ist) dass ich ganz voll gewesen wäre, und einen Excess begangen haben würde, so wäre ja diese Trunkenheit unumgänglicher Weise mit so scharf bestellter Wache und genauer Beobachtung angezwungen gewesen, und hätte man ja, wenn ich auch nur ein simpler Gast, und nicht mit Ew. Königliche Majestät heilig zu halten dem Character eines publicquer Ministri (welcher auch bei den ungezogensten Nationen selbst in grosser observantz zu sein pfeget) bekleidet gewesen wäre, nicht so schänd- und lästerlich verfahren sollen. Ich bitte eben um keine Vengeance wiewohl Ew. Königliche Majestät in comparable Equitat, darinnen von selbst zu decidiren wissen wird, wohl aber flehe Ew. Königliche Majestät um diese hohe Gnade, ich weh- und dehmütigt an, dass sie mich je ehe je lieber von diesem Hof, an welchem doch das Sort fast aller fremden Ministres gemeiniglich sehr wiedrig und unangenehm zu sein pfeget, zu rappeliren Allergnädigst geruhen wollten. In so ferne es Ew. Königliche Majestät allergnädigst vor gut befinden, so könnte schon

съ нимъ бесѣды. Легко можетъ быть, что случившееся со мной происшествіе преднамѣренно было отложено до отступленія царя отъ границы. Какъ будетъ царь обращаться со мной впослѣдствіи времени, и будетъ ли онъ стараться загладить свою гнусную вину, не знаю, ибо первымъ моимъ движеніемъ, по возвращеніи домой, было составить всеподданнѣйшее обо всемъ донесеніе вашему королевскому величеству и безотлагательно переслать письма черезъ курьера въ Варшаву.

Съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ и съ полнѣйшею покорностью буду ожидать всемилостивѣйшаго высочайшаго повелѣнія. Препоручая себя благоволенію и милости вашего королевскаго величества, пребываю со всеподданнѣйшей преданностью и непоколебимой вѣрностью до конца жизни своей, вседержавнѣйшаго, и проч. и проч. Георгъ Іоганнъ фонъ-Кейзерлингъ.

II.

Варшава, 1707 г. 13-го іюля

(Переводъ). Вседержавнѣйшій великій государь, августѣйшій король повелитель! Не далѣе какъ четверть часа тому назадъ получилъ я съ Люблинской почтой письмо тамошняго, вашего королевскаго величества посла, Кейзерлинга. Онъ пишетъ о томъ, какъ сильно опасается предстоящаго большого пиршества, устраиваемаго царемъ, въ день своего

mein Secretarius, welcher Ew. Königliche Majestät aus Königsberg bürtiger Vasall, und von vieler Dexteritaet ist, dabei auch alle meine hier habende Kundschaften weiss, und bereits die Routine in der Negotiation einiger massen gewonnen hat, Ew. Königliche Majestät hohes Interesse alhier wohl beobachten. Wann ich auch nach der unterthänigst-treusten Devotion, aus welcher ich Ew. Königliche Majestät alles auf der Welt auch mein Leben selbst schuldig bin, meine geringfügige Meinung tiefgehorsamst eröffnen darf, so finde es Ew. Königliche Majestät hohem Interesse gar nicht convenable zu sein, wann der Czaar sich einmal erst von Ew. Königliche Majestät Gränzen wiederum weiter entfernt und der König in Schweden sich Ihnen vorgesetzt haben wird, länger bei der bisherigen Neutralitet zu verbleiben, indem doch Ew. Königliche Majestät von dem Czaaren fast niemahlen mehr eine avantage wohl aber einen heimlichen Groll allezeit zu vermuthen haben würden, Ew. Königliche Majestät hätten auch die gerechteste Ursachen von der Welt dazu, sowohl wegen des mir jetzt zu ihren höchsten despect wiederfahrenen affronte als auch weil man Ihre spolierte Unterthanen ungeachtet aller promessen schwerlich dedomagiren wird. Ich glaube auch gewiss, dass mir das gestrige Traitement von dem Czaaren nicht begegnet wäre, weil er ja vorhin in Moscau viel ehender dargehalt verfahren können wann Er nicht wegen des jüngst mit ihm gehaltenen eutretiens einen cachirten Unwillen gegen mich geheget haben müste. Es könnte also diese mit mir passirte Sache wohl unmassgeblich bis zu des Czaaren retraite trainiret werden. Wie sich nun der Czaar weiter gegen mich geberden.

тезоименитства въ прошлое воскресенье, въ Якубовицахъ (Jacubowitz), въ полуверстѣ отъ города; опасается обычныхъ при подобныхъ пирахъ разгуда и безчинства, и какъ охотно откупился бы хоть дорогою цѣной, лишь бы не присутствовать на пиру; но бывъ приглашеннымъ генералъ-адъютантомъ его царскаго величества, онъ не могъ отклонить приглашенія, не подвергая себя опасности потерять всякое значеніе при томъ дворѣ.

Сію же минуту привезъ мнѣ курьеръ отъ него же прилагаемое всеподданнѣйшее донесеніе о случившемся съ нимъ бѣдствіи и ужасныхъ оскорбленіяхъ, которымъ онъ подвергся, умоляя переслать донесеніе безотлагательно. Упомянутый курьеръ рассказываетъ, что и датскій посланникъ долженъ былъ, нѣсколько дней тому назадъ, проглотить горькія пилюли: царь, получивъ отъ него въ подарокъ собаку, на ошейникѣ которой было вырѣзано имя блаженной памяти покойнаго короля Датскаго, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы дать понять посланнику, что насколько хороши были прежніе государи его націи, настолько нынѣ царствующій король никуда не годится; такимъ образомъ, названный посланникъ едва не подвергся тому же бѣдствію, въ какое попалъ, ради интересовъ вашего королевскаго величества, Кейзерлингъ, содержащійся, по повелѣнію царя, подъ арестомъ и бдительной стражей. Одинъ Богъ можетъ постичь суще-

und ob man diese abscheuliche faute zu repariren suchen wird, solches kann ich nicht wissen, weil ich dieses sogleich, als ich nach Hause kommen bin, an Ew. Königliche Majestät allerunterthänigst zu referiren, und meine Briefe durch einen Expressen bis nach Warschau abzuschicken, nicht unterlassen dürfen. Ich werde demnach Ew. Königlichen Majestät Allergnädigste hohe Ordre mit schmerzlichem Verlangen, in tiefster Submission erwarten, als der ich mich zu Ew. Königlichen Majestät hoher Huld und anbethbarer Gnade mit demüthigstem Fussfall empfehle und in allerunterthänigstem respect und unbrüchig-treuester Devotion bis an mein Lebensende verharre. Allerdurchlauchtigster pp. Georg Johann von Keyserling.

II.

Warschau, d. 13. Juli 1707.

Allerdurchlauchtigster Grossmächtigster König, Allergnädigster König und Herr! Indeme eben vor einer Viertelstunde meine Briefe von der Lublischen Post erhalten durch welche unter andern. Ew. Königliche Majestät dortiger Envoyé der von Käyserling mir geschrieben, wie sehr er das bevorstehende grosse Festin, welches der Czaar an seinem Namenstage verwichenen Sonntag in Jacubowice eine halbe Meile von der Stadt anstellen lassen, und die dabei gemeiniglich vorzugehen pflegende Debauchen und andere Desordres appresentirete, und wie er sich gerne mit was considerables abkaufen wollte, um demselben nicht mit beizuwohnen, jedoch solches nachdeme er dazu durch den

отвояніе такого народа, гдѣ не уважается ни величіе коронованныхъ лицъ, ни международное право и гдѣ съ иностранными сановниками обращаются, какъ съ своими рабами. Такъ какъ я принужденъ послѣдствовать отправкой вышней почты, то лишенъ возможности составить отдѣльное всеподданнѣйшее донесеніе о томъ, что происходило на минувшей недѣлѣ между конфедератами въ Люблинѣ.

Закончу всенижайшее свое посланіе приложеніемъ полученной мною копіи дневника (*Diarium per copiam*) секретаря Гольвеля (*Holwell*) и подлинное посланіе епископа Куявскаго (*Cujavien*). На послѣднее ваше королевское величество соблагovolите обратить вниманіе: конфедераты, несмотря на происходящее эти дни обнародованное междуцарствіе (*Interregnum publicisten*), ни мало не спѣшатъ выборами, но напротивъ, намѣрены отнынѣ согласоваться съ послѣдующими событіями, и нынѣшняя ихъ попытка къ публикованію междуцарствія (*pas in publicirung Interregni*) клонить къ тому, чтобы крайней мѣрой склонить шведскаго короля и короля Станислава къ скорѣйшему, разумному согласованію. Проектъ опубликованія междуцарствія (*Project der publication Interregni*) я также получилъ, но, по недостатку времени, не могу перевести съ польскаго, — не замедлю однако съ слѣдующей почтой переслать его со всею низайшею пре-

Czaarischen General-Adjutanten schon eingeladen, unmöglich evitiren könnte, wann er anders nicht allen seinen Credit bei selbigem Hofe verschertzen wollte, so kommet auch gleich von demselben ein Expresser ein, durch welchen er mir begehende allerunterthänigste Relation von dem grossen Unglück und recht cruellen disgusto, so ihm dabey arriviret, zu schleunigster Beförderung übersendet, und wie besagter Expresse berichtet, so soll auch dem dannemärkschen Envoyé einige Tage zuvor horribele Pillen zu verschlucken gegeben worden sein, indeme der Czaar aus Gelegenheit eines von demselben ihm geschenkten Hundes, auf dessen Halsband des letztverstorbenen König von Dänne-mark höchstseelichen Andenkens Namen gezeichnet gewesen, ihm zu verstehen gegeben, wie zwar die vorigen Könige von selbiger Nation gute Herren gewesen, der jetzt regierende aber um so viel weniger tauchte, und also letztgedachter Envoyé beinahe in eben dasselbe Unglück gerathen sein, was gleichfalls wegen Ew. Königliche Majestät allerhöchstem Interesse dem ermelten von Käyserling wiederfahren, welchem dem Czaar noch dazu den Arrest solle haben ansagen und zugleich eine Wache vor die Thüre stellen lassen. Gott ist es zu klagen, dass solche Nationen auf der Welt geben, die weder die Majestät der gekrönten Häupter, noch die allgemeinen Völkerrechte respectiren, und vor fremde characterisirte Personen, nicht viel bessere Consideration, als vor ihre Sclaven haben. Unterdessen da diese Post so eilig abfertigen muss, so habe auch zu derselben so viel mehr Beschleunigung mich mit Verfassung einer besonderen allerunterthänigsten Relation von demjenigen, so in verwichener Woche bei denen Confoederirten in Lublin vorgangen, nicht aufhalten und nur das vom Secretario Holwell überkommene *Diarium per Copiam*, des Bischofs von Cujavien

данностью, съ которой пребываю, вашего королевскаго величества, и проч., проч. и проч. Г. Ф. фонъ - Лёшѣффель.

III.

Люблинъ, 1707 г., іюля 16-го, н. ст.

(Переводъ). Вседержавнѣйшій, великій король, всемилостивѣйшій король и государь! Всенижайше повергая вашему королевскому величеству мое донесеніе, отъ 11-го числа сего мѣсяца, о случившейся со мною трагедіи, наканунѣ царскихъ именинъ, на пиру, въ 6 часовъ вечера, я составилъ его въ полночь и съ большою поспѣшностью, такъ какъ узналъ черезъ одного городскаго купца-нѣмца, что нѣкоторые польскіе магнаты намѣреваются послать курьеровъ съ вѣстью о происшествіи въ Варшаву и даже Бреславль. А потому, не желая откладывать ни минуты увѣдомленіемъ вашего королевскаго величества о всемъ случившемся, я отправилъ съ своимъ курьеромъ до Варшавы краткое донесеніе о происшествіи, какое могъ я составить въ короткое время и при помощи одной моей памяти, не имѣя еще возможности переговорить съ кѣмъ-либо о случившемся. Надлежитъ однако обратить вниманіе на слѣдующія упущенныя въ этомъ дѣлѣ обстоятельства и подробности: во-первыхъ, князь Меншиковъ первый началъ грубить

Schreiben aber in Originaliter in allertiefster Demuth beschliessen wollen, aus welchem letzteren Ew. Königliche Majestät in allerhöchsten Gnaden vornehmlich zu ersehen geruhen werden, wie die Confoederirte ungeachtet sie dieser Tage des Interregnum publicirten gleichwol mit der Election noch nicht zu präcipitiren, sondern sich hierunter nach den künftigen Evenementen zu richten gemeinet seyn, sie auch den jetzigen pas in publicirung des Interregni noch in der Hoffnung gethan, als ob solche extremitet den König von Schweden und den König Stanislaus so viel eher zu einem raisonabelen accomodement portiren würde. Das Project der Publication des Interregni habe zwar auch erhalten, aber solches unmöglich so bald aus dem Polnischen übersetzen können, so jedoch mit nächster Post in tiefster Demuth einzusenden nicht unterlassen werde, der ich in allertiefster devotion bin Allerdurchlauchtigster pp. G. F. von Löschöffel.

III.

Lublin, d. 16. Juli st. n. 1707.

Allerdurchlauchtigster Grossmächtigster König, Allergnädigster König und Herr! Da Ew. Königliche Majestät jüngsthin unterm 11 dieses ich die allerunterthänigste Relation von den, Abends zuvor, um 6 Uhr auf das Festin des Czaarischen Namens-Tages mit mir gespielten Tragoedie, demüthigst abgestattet habe, ist solches gleich nach Mitternacht, und zwar deshalb in höchster Eil geschehen, weil mich ein gewisser deutscher Kaufmann aus der Stadt avertiren lassen, das unterschiedene Polhnische Magnaten eben im Begriff wähen, ihre Expressen beydes nach Warschau als auch nach Bresslau mit dieser Zeitung abzusenden, wesshalb dann auch nicht einen Augenblick tardiren dürfen, Ew.

мнѣ непристойными словами, вслѣдствіе чего его императорское величество въ негодованіи удалился, тогда какъ я только возразилъ, что благородный человѣкъ не упрекнетъ меня въ безчестномъ поступкѣ, и тѣмъ менѣе никогда не докажетъ того; но когда князь Меншиковъ не переставалъ обращаться со мною съ насмѣшкой и презрѣніемъ и даже подвигался все ближе и ближе ко мнѣ, я, зная его всему міру извѣстное коварство и безразсудство, началъ опасаться его намѣренія, по московскому обычаю ударомъ „нодь ножку“ сбить меня съ ногъ—искусствомъ этимъ онъ упражнялся, когда разносилъ по улицамъ лепёшки на постномъ маслѣ, и когда впослѣдствіи былъ конюхомъ. Я, вытянутой рукой, хотѣлъ отстранить его отъ себя, заявивъ ему, что скорѣе лишусь жизни, нежели позволю себя оскорбить, и не считаю доблестнымъ человѣкомъ того, кто осмѣлится меня поворить.

Во-вторыхъ, когда тутъ нѣсколько офицеровъ насъ развели другъ отъ друга, его царское величество самъ обратился къ Меншикову съ словами: „Ты всегда затѣваешь то, чего самъ не понимаешь, и я долженъ отвѣчать за всѣ твои глупости, и потому совѣтую тебѣ помириться съ Кейзерлингомъ“.

Свидѣтелемъ этого происшествія былъ бригадиръ фонъ-Нетельгорстъ (Nettelhorst), состоящій на польской коронной службѣ; онъ все-

Königliche Majestät nur einen kurtzen Inhalt desjenigen so dabey vorgegangen, und wie viel mich dessen in der wenigen Zeit, da noch mit keinen Menschen aus der Sachen zu sprechen Gelegenheit gehabt, von selbst erinnern können, durch meinen bis nach Warschau geschickten Courier allerunterthänigst zu benachrichtigen. Es sind aber bei der Sachen noch diese Intervalla und Circumstantien zu bemerken: 1) wie der Prinz Menschikoff mich mit ganz unanständigen Worten zu brutalisiren angefangen; Ihre Czaarische Majestät auch selbst mit darüber geschöpften Unmuth von uns beiden weggegangen waren, ich ihm damals doch nur dieses entgegengesetzt, dass mir kein honnette homme etwas disreputirliches nachsagen, noch weniger erweisen würde, und als er darauf doch nicht nachlassen wollen, mich ferner anzüglich und dedaigneusement zu traitiren, auch mir immer näher auf den Leib trat, und ich wegen seiner weltbekannten Malice und Unbesonnenheit wohl zu besorgen hatte, dass er vielleicht intentioniret sein könnte, mir der moskowitischen Art nach, ein Bein unterzuschlagen, und mich also zu seinen Füßen zu legen (welche Kunst er noch zu der Zeit, da er erst Oel-Fladen auf der Strasse zu verkaufen herumgetragen, und nachmahls Stall-Jung gewesen, fertig erlernt hat, ich ihn nur mit ausgerecktem Arm und dem Zusprechen von mir gehalten, dass ich ihm versicherte, wie ich mir keinen affront anthun lassen, und viel ehendermein Leben verlieren würde, auch dass ich denjenigen vor keinen braven Mann hielte, der sich unterstehen würde mich zu prostituiren.

2) Dass wie wir hiernechst durch unterschiedene Officiers von einander ge-

нижайше прилагаетъ тутъ свое письменное свидѣтельство и готовъ, во всякое время, присягнуть. Статсъ-секретарь тайный Шафировъ на дняхъ признался (въ справедливости всего происшедшаго) датскому королевскому послу.

Въ-третьихъ, князь Меншиковъ собственноручно вытолкнулъ изъ комнаты и вдоль лѣстницы при мнѣ находившихся лакея и пажа (прочая прислуга отправилась домой съ экипажемъ). Потомъ, вернувшись, спросилъ меня, зачѣмъ я хочу съ нимъ ссориться?

На что я отвѣчалъ, что я не начиналъ ссору и никогда не начну ее, но не позволю никому на свѣтѣ оскорблять меня. Тогда онъ сказалъ, что если я не считаю его благороднымъ человѣкомъ, то и онъ меня таковымъ не считаетъ, что какъ я первый позволилъ себѣ его толкнуть, то и онъ можетъ меня толкать, что дѣйствительно онъ тутъ же и исполнилъ, ударивъ меня кулакомъ въ грудь и желая вывернуть мнѣ руку; но я успѣлъ дать ему затрещину и выругалъ его особливимъ словомъ *).

Тутъ мы схватились-было за шпаги, но у меня ее отняли въ толпѣ, какъ легко можно догадаться, по его же наущенію.

Въ-четвертыхъ, вслѣдъ за симъ его царское величество въ ярости подошелъ ко мнѣ и спросилъ, чтò я затѣваю и не намѣренъ ли я драться? Я отвѣчалъ, что самъ я ничего не затѣваю и драться не могу,

bracht worden, Ihre Czaarische Majestät Selbst zu Ihm gesagt haben: So fängst du allezeit an, was du nicht verstehst, und alles was du dann närrisches ausrichtest, das fällt auf mich, darum rathe ich dir, gehe hin und stelle Käyserling zufrieden. Welches Zeugniß der, in Crohn Pohlischen Diensten stehende Brigadier von Nettelhorst unterthänigst beigeschlossener massen, nicht nur schriftlich von sich gegeben, sondern dies auch allezeit mit einem Jurament zu bekräftigen willens ist, der geheime Etats-Secretarius Schaphiroff auch selbst solches dieser Tage gegen den königlich dänischen Abgesandten gestanden hat.

3) Dass der Prinz Menschikoff hierauf meinen, bei mir gehalten, einen Laquaien und Pagen (weilen die andern mit den Kutschen nach Hause gefahren waren) selbst mit eigener Hand zuvor zur Stuben hinaus und die Stiegen herunter gestossen, dann erst wieder zu mir gekommen, mich fragende: Warum dass ich doch mit ihm Händel haben wollte, und wie ich ihm darauf geantwortet, dass ich keinen angefangen, auch nimmer anfangen, mich aber auch von keinem Menschen auf der Welt affrontiren lassen würde; er zu mir gesprochen; dass ich gesagt hätte, dass er kein braver Kerl wäre, und so hielte er mich selbst vor keinen, und weil ich ihm zuvor gestossen, so könnte er mich auch stossen und wie er solches auch wirklich gethan, und mir mit der Faust auf die Brust gestossen, auch die Hand wieder ausrecken wollte, ich ihm dann allererst mit der Hand ins Gesicht gefahren; ihn vor einen etc. gescholten, auch so wie er gethan,

*) Слово оушено въ подлинникѣ.

потому что у меня отняли шпагу, но что если я не получу желаемого удовлетворенія отъ его царскаго величества, то готовъ, во всякомъ другомъ мѣстѣ, драться съ кн. Меншиковымъ.

Тогда царь съ угрозой, что самъ будетъ драться со мной, обнажилъ свою шпагу въ одно время съ княземъ Меншиковымъ; въ эту минуту тѣ, которые ужъ меня держали за руки, вытолкнули меня изъ дверей, и я совершенно одинъ попалъ въ руки мучителямъ или лейбъ-гвардейцамъ (Leib-garde) князя Меншикова; они меня низвергли съ трехъ большихъ каменныхъ ступеней, и мало того, проводили толчками черезъ весь дворъ, гдѣ я нашелъ своего лакея одного (пажъ поѣхалъ за экипажемъ).

Ваше королевское величество, обладая столь свѣтлымъ умомъ, разсудите сами по нижеизложеннымъ обстоятельствамъ, что не я, а князь Меншиковъ затѣялъ ссору, ибо: по первому пункту я не имѣлъ ни злобы, ни малѣйшаго неудовольствія противъ него, доказательствомъ тому могутъ служить всѣ мои всенижайшія донесенія, въ коихъ до сихъ поръ я не только не упоминалъ объ его ежедневныхъ глупостяхъ, но скорѣе писалъ о немъ только все хорошее. По второму пункту, ясно, какъ Божій день, что онъ началъ оскорблять меня непристойными словами, самъ же его царское величество въ томъ

zum Degen gegriffen, welchen man mir aber, und zwar wie leicht zu erachten, nur auf sein Anstiften schon in dem Gedränge von den Seiten genommen hatte.

4) Hierauf kamen nun Ihre Czaarische Majestät in grossester Furie zu mir und fragten mich was ich anfinde, und ob ich mich schlagen wollte, worauf ich dann geantwortet, dass ich nicht angefangen, auch mich nicht schlagen könnte weil man mir meinen Degen schon weggenommen; doch wäre ich, falls von Ihrer Czaarischen Majestät keine verhoffte Satisfaction haben sollte, wohl bereit, es an einem anderen Orte mit dem Prinzen Menschikoff allezeit auszuführen. Wonechst dann Ihre Czaarische Majestät drohende: dass sie mit mir fechten wollten, ihren Degen so wohl als der Prinz Menschikoff entblösset haben; ich aber von denen die mich schon in die Arme fest hielten, zur Thüre hinaus gestossen, und daselbst Mutter alleine denen Peinigern oder des Prinzen Menschikoffs Leib-Garde übergeben worden, welche mich dann nicht nur über drei hohe steinerne Stiegen hinunter gestürzt, und über den ganzen Hof, wo mich mein Laquai alleine (weil der Page, um den Wagen zu holen, weggeritten war) antraf, mit ofteren Stößen hinausbegleitet haben. Nun werden Ew. Königliche Majestät nach ihrem erlauchten hohen Verstande aus dem ersten und anderen Umständen von selbst allergnädigst beurtheilen können, dass nicht ich, sondern der Prinz Menschikoff die Händel angefangen, dann

1) so habe gar keinen Groll oder Chagrin gegen ihn gehabt, wie solches alle meine bisherige allerunterthänigste Berichte, da ich seiner täglich vorfallenden Thorheiten fast nimmer erwohnen, sondern vielmehr alles gutes von ihm schreiben wollen, erweislich machen. Und zum 2) prüffet dies mehr als Sonnenklar dass er mich zu brutalisiren angefangen habe, weil Ihre Czaarische Majestät

обвинилъ и требоваль, чтобы онъ помирился со мной. Третій же пунктъ ясно доказываетъ, что Меншиковъ не только не имѣлъ никакого нажѣренія мириться со мной, а напротивъ, хотѣлъ еще сильнѣе оскорбить, вытолкнувъ своеручно мою прислугу изъ дверей и снова обратясь ко мнѣ съ дерзкими словами. И можно ли было ожидать миролюбивыхъ попытокъ въ отношеніи меня отъ дерзкаго любимца, который никогда не уступаетъ даже самому царскому величеству, и какъ бы ни былъ неправъ, всегда оставляетъ за собой послѣднее слово. Что же касается четвертаго и послѣдняго пункта, то его царское величество и также князь Меншиковъ стараются увѣрить, что они непричастны отвратительному обращенію со мной и что оно случилось помимо ихъ приказанія. Но мой слуга, поджидавшій меня во дворѣ, готовъ присягнуть, что князь Меншиковъ самъ кричалъ въ окно, чтобы меня вытолкали со двора. Наконецъ, тутъ запырательство ни къ чему не служить, потому что по всѣмъ законамъ, тотъ, кто можетъ и долженъ отвратить зло, а между тѣмъ дозволяетъ его, самъ становится преступникомъ. Болѣе всего говорить въ пользу моей невинности то, что на слѣдующій же день князь Меншиковъ нѣсколько разъ присылалъ ко мнѣ своего генераль-адъютанта фонъ-деръ-Раупе (Raupе) и потомъ генераль-лейтенанта Ренне (Röppe) убѣждать меня, ни о чемъ

Selbst ihn dessen beschuldiget, und mich zufrieden zu stellen gerathen haben Aus der 3ten Passage aber wird wohl leichtlich erhellen, dass er keine Intention gehabt haben müsse, sich mit mir zu accomodiren, wohl aber das Uebel ärger zu machen, weil er meine Leute Selbst zur Stuben hinaus geschmissen, auch mich gleich mit sensiblen Worten aufs neue angegriffen. Und wie wäre es auch wohl zu praesumiren, dass ein so insolenter Favorit, welcher Ihrer Czaarischen Majestät Selbst, auch wenn er dass grösseste Unrecht von der Welt hat, nimmer mehr nachzugeben, sondern allezeit das letzte Wort zu behalten gewohnt ist, mit mir einige Mesures halten wollen. Was nun den 4ten und letzten Punct anbetrifft, so wollen zwar Ihre Czaarische Majestät, noch auch der Prinz Menschikoff gestehen, dass sie von dem mir begegneten abscheuligen Traitement etwas gewusst, noch weniger aber solches befohlen hätten. Hingegen aber will mein Laquai, der mich auf dem Hofe fand, darauf einen Eid ablegen, dass der Prinz Menschikoff selbst zum Fenster hinaus gerufen, man sollte mich vom Hof hinunter stossen. Und endlich würde auch in diesem Stück das Gegentheil mit dem Läggnen die Schuld nicht von sich ablehnen können, weil doch nach allen Rechten, derjenige, so böses verhüten kann und soll, solches aber unterlässt, selbst als der Verbrecher angesehen werden muss. Was aber noch am allermeisten vor mir und meiner Unschuld litigiret, ist dies, dass der Prinz Menschikoff des folgenden Tages darauf, durch vielmahlige Abschickung von seinem General-Adjutanten von der Raupе, und dann auch von dem General-Lieutenant Rönne, mich durchaus dazu bequehmen wollen, dass an Ew. Königliche Majestät ich nichts von diesem allem allerunterthänigst referiren, oder da es ja schon geschehen wäre, meinen Expressen durch unterlegte Pferde, so man mir zu

случившемся не доводить до свѣдѣнія вашего королевскаго величества; а если донесеніе уже послано, предлагалъ, съ помощью подставныхъ лошадей, вернуть моего курьера и обѣщалъ при этомъ, съ своей стороны, полное молчаніе и удовлетвореніе. Это требованіе я однако отклонилъ тѣмъ, что мнѣ невозможно не доводить до свѣдѣнія вашего королевскаго величества то, что вы должны узнать. Но до начала всѣхъ этихъ подсылокъ и искушеній (Tentamina) явился ко мнѣ одинъ майоръ собственнаго его царскаго величества полка, и объявилъ, отъ имени царя, что вслѣдствіе моего дурнаго поведенія вчерашній день, и того, что я обозвалъ князя Меншикова ругательнымъ словомъ, и тѣмъ опозорилъ домъ царя, я долженъ удалиться отъ двора его царскаго величества.

На это я отвѣчалъ, что всѣмъ извѣстно, что не я, а князь Меншиковъ началъ ссору, и я не произнесъ бы ругательнаго слова, если бы онъ меня не взбѣсилъ и не вынудилъ къ тому своимъ обращеніемъ. Я предоставлялъ на разсужденіе его царскаго величества: не равносильна ли вынужденная и подъ вліяніемъ насильственно произведеннаго во мнѣ охмѣленія происшедшая вспышка, при которой легко, быть можетъ, я погрѣшилъ противъ должнаго уваженія къ его царскому величеству, о чемъ сильно сокрушаюсь,— обращеніе, которому я подвергся? Я охотно принимаю повелѣніе его царскаго величества,

fourniren willens wäre, zurück berufen sollte, so wollte man ihrer seits auch schweigen und die Sache schon zu accomodiren suchen. Welche Zumuthung aber damit, dass es mir ganz unmöglich wäre Ew. Königliche Majestät davon nicht allerunterthänigsten Bericht abzustatten, weil sie es ja doch erfahren müssen, abgelehnet. Ehe aber noch diese Abschickung und Tentamina an mich geschehen; so kam ein Major von Ihrer Czaarischen Majestät Leib-Regiment zu mir, und deutete mir in Ihrer Czaarischen Majestät Namen an, dass weil ich mich gestern so übel aufgeführt, den Prinzen Menschikoff vor einen etc. gescholten, und also des Czaaren Haus beschimpft hätte, so sollte ich mich auch ihres Hofes enthalten, welchen ich dann damit begegnete: dass es ja nur allzu bekannt, wie nicht ich, sondern der Prinz Menschikoff die Händel angefangen, und dass ich nicht ehender gescholten, bis er mich vorher [ganz en rage gesetzt, und dazu unumgänglicher Weise forciret hätte. Doch stellte ich Ihrer Czaarischen Majestät Selbst zur gerechten Beurtheilung anheim, ob diese, mir abgenöthigte und nur bei angezwungener Trunkenheit vorgangene vehemence, wobei ich leichtlich wieder den, Ihrer Czaarischen Majestät schuldigen Respect sündigen können, und welches mir auch sehr leid wäre, mit dem Traitement so mir begegnet, einige Proportion hätte. Ich nehme also Ihrer Czaarischen Majestät Befehl so viel lieber und williger an, weil ich auch schon von selbst resolviret gewesen, mich gar nicht mehr an dem Hof, da mir eine so unerhörte Insulte und Beschimpfung wiederfahren, einzufinden; fals es mir nicht von Ew. Königliche Majestät, die ich davon schon allerunterthänigst benachrichtiget

тѣмъ болѣе, что самъ рѣшился никогда не являться ко двору, гдѣ вынесъ столько оскорбленій и грубыхъ выходовъ, развѣ только явлюсь тогда, когда на то воспослѣдуетъ особенное повелѣніе вашего королевскаго величества, которому все уже извѣстно. Майоръ старался-было увѣрить, что его царское величество ничего не зналъ о дурномъ со мной обращеніи стражи, и что я, конечно, получу должное за это удовлетвореніе; но я отвѣчалъ, что глубоко признателенъ за предложеніе, но никакого удовлетворенія принять не могу, не узнавъ сперва высочайшей воли вашего королевскаго величества по этому предмету.

Потомъ уже я догадался, что царь дѣйствуетъ съ намѣреніемъ меня смутить и побудить къ скорѣйшему примиренію, такъ какъ вскорѣ послѣ этого объясненія явились упомянутые выше послы и искушенія (Tentamina). Но я не желалъ и не смѣлъ скрывать это дѣло отъ вашего королевскаго величества, и потому царь вскорѣ рѣшился отправить къ вашему королевскому величеству курьера, въ лицѣ фонъ-Брукентала (Brukenthal), генераль-адъютанта князя Меншикова, въ прошлый вторникъ; но въ 12-мъ часу ночи мнѣ было еще разъ предложено примиреніе черезъ генераль-лейтенанта Ренне (Rönne). Нельзя полагаться на правдивость со стороны князя Меншикова, и потому легко могу себѣ представить, какъ много вымышленнаго поручено

hätte, ausdrücklich anbefohlen werden möchte. Der Major wollte zwar entschuldigen, dass Ihre Czaarische Majestät davon nichts wüssten, was mir von der Wache begegnet wäre, und versichern, dass mir darüber alle Satisfaction wiederfahren sollte, dem aber antwortete, dass ich zwar vor diese Offerte demüthigsten Dank sagte, doch könnte ich von mir selbst keine Satisfaction ehender annehmen, bis darin zuvor von Ew. Königliche Majestät allergrnädigst hoher Willens-Meinung informiret sein würde. Nun konnte ich gar wohl merken, dass Ihre Czaarische Majestät diesen pas nur in der Absicht thaten, um mich dadurch zu intimidiren, und so viel ehender zu den Vergleich zu bewegen, wie dann auch bald darnach, die vorhin erwehnte Abschickung und tentamina geschahen. Wie ich mich aber keinesweges unterstehen wollen, oder dürften, Ew. Königliche Majestät diese affaire zu verhehlen, so hat dieser Hof endlich auch resolviren müssen, einen Courier nämlich des Prinzen Menschikoff, General-Adjutanten, den von Bruckenthal deshalb am verwichenen Dienstag, da man mir doch nochmals noch in der Nacht um 12 Uhr durch den General-Lieutenant Rönne seinen Adjutanten ein Accommodement antragen lassen, an Ew. Königliche Majestät zu depechiren. Ich stelle mir nun wohl vor, dass weil man von Seiten des Prinzen Menschikoff, mit der Wahrheit nicht bestehen kann, diesem General-Adjutanten viel erdichtetes bei Ew. Königliche Majestät allerunterthänigst vorzutragen commitiret worden sein wird, wovon mir auch schon des Prinzen Menschikoff eigene Domestiquen confidente Nachricht gegeben haben. Es ist aber dies, meinem guten Gewissen, mit welchem ich Ew. Königliche

генераль-адъютанту всенижайше передать вашему королевскому величеству; кое-что я уже слышалъ объ этомъ черезъ довѣреннаго слугу князя Меншикова.

Видите Богъ, совѣсть моя чиста; все что я сообщилъ вашему королевскому величеству—сущая правда. Меня утѣшаетъ мысль, что высокопросвѣщенный умъ вашего королевскаго величества слишкомъ безошибочно пронидателенъ, чтобы какія-либо ухищренія и выдумки могли бы ввести васъ въ обманъ и вынудить ошибочное заключеніе, и потому всеподданнѣйше уповаю на великую милость и непоколебимую справедливость (aequitaet) вашего королевскаго величества и не сомнѣваюсь въ благопріятномъ для меня рѣшеніи. Тѣмъ не менѣе, препоручаю себя вамъ и благоволенію вашего королевскаго величества съ полнѣйшей покорностью къ вашему, государь, рѣшенію единственному, какъ волѣ Божіей, предъ которымъ я благоговѣю и которое признаю.

Я убѣжденъ, что многіе нѣмецкіе офицеры, слышавшіе и видѣвшіе все, охотно засвидѣтельствовали бы мой рассказъ, если бы не были на службѣ московскаго царя, и не подвергали бы опасности откровеннымъ признаніемъ свою честь и жизнь. Изъ постороннихъ же лицъ былъ только бригадиръ Нетельгорстъ (Nettelhorst), и тотъ находился вдали отъ происшествія. Правда, тутъ присутствовали нѣ-

Majestät, weiss Gott! nicht anders als die pure Wahrheit hinterbracht habe, der grösste Trost, dass Ew. Königliche Majestät geheiligt hoher Verstand von viel zu juster penetration ist, als das es jemahlen durch Künste oder Erdichtungen hintergangen, und in der gerechten Derision fehlend gemacht werden könnte, weshalb ich denn auch von Ew. Königliche Majestät anbethbaren hohen Hulden und inebanlabter aequitaet einer ganz favorablen Sentence in allerunterthänigster Zuversicht gewärtig bin, mich aber doch dabei ihrem hohem Willen und Wohlgefallen mit einer so völligen demüthigsten Resignation unterwerfende, welche nechst der Göttlichen, keine andere als Ew. Königliche Majestät souveraine Disposition über mich und über mein Leben selbst erkennt, und in unterthänigster Submission adoriret. Dies ist wohl gewiss, dass gar viele der deutschen Officierer, die alles mit angesehen und gehöret haben, mir gerne das Zeugniß von allen dem so bei dieser Gelegenheit passiret war, geben würden, wann sie nicht alle in Moscovitischen Diensten, und also auch in dem Hazard stünden, ihre Ehre und Leben durch ein aufrichtiges avouement verlihren zu können, von denen Fremden ist sonst keiner als der Brigadier Nettelhorst und zwar doch auch nur von weiten zugegen gewesen. Von denen Pohlen waren wohl auch der Cron-Unter-Canzler Schembeck und der Marchal von der Confoederation Döhhhoff damahls noch da; selbige aber haben zu der Zeit, so wie auch der königlich dänische Abgesandte, sich in dem grossen Saal, so weit entfernt befunden, dass sie entweder gar nichts, oder doch sehr wenig von dieser querelle sehen oder hören können. Die folgende Tage darauf, hat

которые поляки: коронный канцлеръ (Cron-uncercanzler) Шембекъ (Shembek) и маршалъ конфедератовъ (Marshal von der confederation) Денгофъ (Döhhhof). Но они, также какъ датскій королевскій посланникъ, были въ это время въ большой залѣ, столь далеко отъ мѣста происшедшей ссоры, что почти ничего, или очень мало, могли видѣть и слышать. Въ слѣдующіе дни князь Меншиковъ, видимо, старался склонить польскихъ магнатовъ на свою сторону, убѣждая ихъ высказываться въ своихъ письмахъ въ его пользу, и въ этихъ видахъ предлагая имъ (какъ мнѣ сообщилъ упомянутый бригадиръ Нетельгорстъ) различные подарки. Но, насколько мнѣ извѣстно, никто ими не прельстился, а всѣ соболѣзнуютъ о постигшемъ меня злополучіи, и жалѣютъ о существованіи столь чудовищныхъ московскихъ обычаевъ, которыхъ я сдѣлался жертвой. Они увѣряютъ, что сочувствіе ихъ по поводу этого скандальнаго происшествія не будетъ на сторонѣ двора. Всѣ они были приглашены прошлый вторникъ на свадьбу въ домъ генераль-лейтенанта Ренне (Rönne); но узнавъ, что его царское величество будетъ на свадьбѣ маршаломъ (marshal) и князь Меншиковъ будетъ на ней присутствовать, никто, кромѣ упомянутаго маршала конфедерации (marshal von der confederation), Денгофа (Döhhhof) и кульмскаго казначея (land kämmerer) Рыбинскаго, не принялъ приглашенія — такъ свѣжо еще потрясающее воспоминаніе! Князь

der Prinz Menschikoff ihme gar sehr angelegen sein lassen, die Pohnischen Magnaten dahin zu disponiren, dass sie in dieser affaire sich vor ihn declariren, und in seiner Faveur davon anßalle ihre Correspondenten schreiben möchten, zu welchem Ende er auch (wie mir der vormeldete Brigadier Nettelhorst en Confidantz berichtet) unterschiedene Praesenten offeriret haben soll, es hat sich aber, meines wissens, noch keiner dazu bewegen lassen wollen, vielmehr haben sie mir fast alle über diese Fatalität und unerhörter Moscovitischer Proceduren ihre Condolenz machen, auch versichern lassen, dass ihr Sentiment von dieser avanture gar nicht in Faveur dieses Hofes fallen würde, und die sie auch alle am jüngst-verwichenem Dienstag auf einer Hochzeit in dem Hause des General-Lieutenant Rönne eingeladen gewesen, dabei aber erfahren gehabt, dass Ihre Czaarische Majestät daselbst Marschal sein, und der Prinz Menschikoff gleichfalls dahin kommen würde, so hat von ihnen allen wegen der schreckende Fussstapfen, sich sonst keiner als gedachter Marchal von der Confoederation Döhhhof und der Culmischen Landkämmerer Rybiuski an bemeldetem Orthe eintinden wollen. Auf dieser Hochzeit hat der Prinz Menschikoff auch noch gegen den königlich dänischen Abgesandten, welcher solches auch allezeit zeugen will, erwehnet, dass wann ich nur nichts an Ew. Königliche Majestät referiret haben würde, so hätte die Sache gar wohl beigeleget werden können; woraus dann wohl abzunehmen, dass ihr eigen Gewissen sie des mir gethanen Unrechts überzeuget. Mir aber hat, nach der Ew. Königliche Majestät allerunterthänigst-schuldigsten Pflicht, gar nicht gebühren wollen, eine

Меншиковъ намекнулъ на этой свадьбѣ датскому королевскому посланнику, который готовъ подтвердить его слова, что если бы я не доносилъ вашему королевскому величеству, то ссору нашу можно было бы легко покончить; доказательство, что они сами чувствуютъ передо мною свою вину. Но мнѣ совсѣмъ неприлично скрывать отъ вашего королевскаго величества дѣло столь важное, какъ по моимъ обязанностямъ въ отношеніи вашего королевскаго величества, такъ и потому, что дѣло это произведетъ во всемъ свѣтѣ сильное впечатлѣніе, какъ нѣчто чудовищное, небывалое до сихъ поръ въ лѣтописяхъ исторіи.

Три дня тому назадъ, офицеръ царской службы, нѣмецъ, подозвалъ къ себѣ, на многолюдной улицѣ, одного изъ моихъ слугъ и сказалъ ему, что слышалъ, будто ссора наша прекращена, и царь меня удовольствовалъ великолѣпнымъ подаркомъ. Я самъ убѣжденъ, что дворъ имѣлъ это намѣреніе, но считалъ бы себя самымъ низкимъ человекомъ и недостойнымъ неоцѣненной милости и покровительства вашего королевскаго величества, если бы позволилъ себя ослѣпить даже всѣми сокровищами Москвы, и тѣмъ уменьшилъ бы авторитетъ и уваженіе, которыми такъ основательно пользуется во всемъ мірѣ ваше королевское величество. Царскій дворъ можетъ отречься отъ того, что происходило въ залѣ, гдѣ были только офицеры, состоящіе на царской службѣ, но онъ не можетъ отвергнуть то, что видѣли сотни сбѣжавшихся изъ города любопытныхъ обывателей и другихъ постороннихъ лицъ; какъ послѣ неистовыхъ толчковъ внизъ по лѣстницѣ и

Sache von der Consequence, und die gewiss in der ganzen Welt so viel grösseres bruit machen wird, als so was enormes in keiner Hundertjährigen Historie zu finden ist, cachiren. Vor dreien Tagen hat ein deutscher Officier vom Czaaren einen meiner Leute auf öffentlicher Strasse angerufen, und ihm gesagt, wie er gehöret, dass diese affaire verglichen, und ich von Ihrer Czaarischen Majestät mit einem gutem Praesent befriediget worden wäre. Nun glaube ich wohl selbst, dass man diese Intention bei Hof gehabt habe, ich müsste aber wohl der allerstrafmässigste Mensch von der Welt, und Ew. Königliche Majestät hochschätzbarster Gnade und Protection ganz unwürdig sein, wenn auch durch den Reichthum von ganz Moscau mich verblenden, und Ew. Königlicher Majestät hoher Autorität und bei der ganzen Welt in so grosser Consideration stehendem respect etwas derogiren mich bewegen liesse. Dann da der Czaarische Hof wenigstens dieses, welches mehr als 100, aus der Stadt, par Curiosité hinausgefahrene Bürger und Fremde gesehen, nicht so wie dasjenige so in dem Saale, wo keine andere als nur in Czaarischen Diensten stehende Officierer zugegen gewesen, nimmer läugnen kann, dass wie ich schon ausser den Hof auf der Brücken vorm Thore, und zwar in dem elenden Zustande gewesen, wegen der gewaltsamen Hinabstürzung von denen Stiegen und was dabey sonst vor Insolentien vorgangen waren, kaum Luft schöpfen zu können, und mich nur

других оскорблений, я, не переводя духъ, очутился внѣ двора, на мосту, передъ воротами и поджидалъ лошадь, за которой отправился мой слуга. Тогда пришли еще двое изъ лейбъ-гвардейцевъ (Leib-guarden) князя Меншикова; одинъ изъ нихъ, ругая меня самыми непристойными словами, два раза ударилъ меня кулакомъ въ затылокъ, и тѣмъ едва не сбиль меня съ ногъ. Все это можно было отлично видѣть изъ оконъ дворца, и однако никто не вступился за меня.

Неслыханный позоръ, которому подвергся министръ вашего королевскаго величества, такъ великъ, а нарушеніе международнаго права— есть преступленіе столь важное, что вызванный ими гнѣвъ вашего королевскаго величества будетъ совершенно основателемъ. Славою, которой пользуется ваше королевское величество во всемъ мірѣ, вы обязаны не рабской лести, но дѣйствительному достоинству вашихъ превосходныхъ качествъ; самое даровитое перо не въ состояніи воздать должную хвалу, за благо, которое ваше королевское величество совершаетъ ежедневно; посему, если одинъ изъ королей французскихъ такъ энергично вступился за своего посланника, подвергшагося въ Римѣ въ 1662 году позору, не столь еще ужасному, какой я перенесъ, что потребовавъ продолжительнаго возмездія, заставилъ loco delicti каяться и сохранить по себѣ долгую память, то, конечно, нельзя сомнѣваться, что ваше королевское величество, обладая еще болѣе отважнымъ духомъ и мужествомъ, тѣмъ скорѣе защититъ силу международнаго права и геройски потребуетъ возмездія за варварское преступленіе, совершенное въ ущербъ величію и славы вашего королев-

nach einem Pferde, so mir mein Laquai schaffen sollen, umgesehen; damahls noch zweene von des Prinzen Menschikoff Leib-Guarde gekommen, von denen der eine mich mit Nachruffung der garstigsten Scheltworte in den Rücken gestossen, auch zweimahl mit der Faust dergestalt ins Genicke geschlagen, dass ich fast zur Erden gestürzt bin, welches man doch alles aus denen Fenstern des Palais auch gar wohl gesehen, dabey aber sich im geringsten nicht meiner annehmen wollen; so ist diese Ew. Königliche Majestät Ministre wiederfahrne unerhörte Schmach so gross, und das Verbrechen an dem allgemeinen Völker-Rechte, so criminel, dass solche von Ew. Königliche Majestät eclatanter Hoheit nicht anders als das allerempfindlichste Ressentiment requiriren kann. Ew. Königliche Majestät haben ihren bei der ganzen Welt ausgebreiteten hochberufenen Ruhm nicht einer slavischen Flatterie, sondern bloss allein dem wahrhaften Verdienst ihrer unübertrefflichen Tugenden zu danken, und fällt es auch der geübtesten Feder viel schwerer, so viel Preiswürdiges von Ew. Königliche Majestät auszubringen, als sie täglich verrichten, daher dann nicht zu zweifeln, dass wenn ein König in Frankreich die, seinem Ministre Ao: 1662 in Rom wiederfahrne Schmach, welche doch nicht so abscheulich als diejenige, so mir angethan worden, so hoch aufgenommen, dass solche nicht anders als mit der allerzulänglichsten Satisfaction, und der darüber in loco delicti, aufgerichteten

сваго величества. Я не осмѣлился бы такъ подробно излагать свое мнѣніе на счетъ этого дѣла, если бы здѣшній дворъ не выказывалъ такое презрѣніе къ международному праву, нарушеніе котораго онъ ставитъ ни во что. Но несмотря на все вышесказанное, я со всею моею вѣрноподданнической преданностью всецѣло повергаю себя всемилостивѣйше вашей волѣ, даже и въ томъ случаѣ, если ваше королевское величество, въ виду своихъ интересовъ, не соизволяетъ требовать должнаго возмездія отъ его царскаго величества. Можно однако положи- тельно сказать, что если вашему королевскому величеству заблаго- разсудится явно выразить свое неудовольствіе по поводу этого проис- шествія, царь скорѣе уступитъ (zu kreize kriechen), нежели станетъ дѣйствовать противъ вашего королевскаго величества. Если ваше ко- ролевское величество желаетъ получить какую-либо выгоду со сто- роны Польши, и съ этой цѣлью пожелаетъ встать въ болѣе друже- скія отношенія съ шведскимъ королемъ и королемъ Станиславомъ, то вы не могли бы найти вашимъ дѣйствіямъ лучшаго повода, въ чемъ конечно согласится весь здравомыслящій свѣтъ. Всѣ сознаютъ, какъ необходимо развить въ этомъ дикомъ народѣ сознаніе необходимости свято соблюдать международное право, нарушаемое имъ такъ часто. Въ крайнемъ случаѣ ваше королевское величество можетъ, подѣ

Gedächtniss-Säule, gebüsst werden können, Ew. Königliche Majestät unvergleichlich hoher Muth und Helden-Geist, nicht weniger das allgemeine Völkerrecht protegiren, und das daran zum Nachtheil Ew. Königliche Majestät Gloire und hohem Ansehen geschehene barbarische Verbrechen, heldemässig behandeln werden. Ich würde mich wohl nicht unterstanden haben, eine so weitläufige allerunterthänigste Vorstellung in dieser affaire zu thun, wenn nicht die de- daigneuse Bezeugung dieses Hofes, da es ihr an dem inviolablen Völker-Rechte brüchig worden zu sein, fast gar nicht zu gereuen scheinete, dazu veranlassete. Doch bleibe ich in dem allen, bei der Ew. Königliche Majestät schuldigen unterthänigst-treuesten devotion, und wann es ihrem hohen Interesse nicht convenable zu sein scheinen sollte, von Ihrer Czaarischen Majestät eine genugsame reparation zu praetendiren, so stelle mich dann alle dem so Ew. Königliche Majestät über mich zu decretiren allergnädigst gelieben möchten, ganz gehorsamst und eigenthümlich dar. Dies ist aber wohl gewiss, dass wann Ew. Königliche Majestät nur ein öffentliches ressentiment über diese Begebnisse zu bezeugen geruhen wolten, der Czaar viel lieber zu Kreuze kriechen, als mit Ew. Königliche Majestät collidiren wollen wird und in so fern als Ew. Königliche Majestät doch etwas von Pohlen gewinnen und sich also mit dem Könige in Schweden und dem Könige Stanislaus fester zu setzen incliniret sein sollten, so könnten sie dazu nicht leicht eine gerechtere Ursache als diese finden welche von der ganzen raisonnablen Welt so viel mehr approbiret und gelobet werden würde, als bekant genug ist, dass d'iese barbarische Nation wohl nöthig habe zu besserer observanz des heiligen und schon oft von ihr gebrochenen Völker-

предлогомъ дальнѣйшаго необходимаго разслѣдованія, тянуть дѣло до того времени, пока царь не будетъ вынужденъ отступить, что навѣрное случится, когда король шведскій начнетъ наступленіе; тогда ваше королевское величество предприметъ мѣры сообразно обстоятельствамъ и самыя вѣрныя для своихъ интересовъ. Между тѣмъ, я вѣроятно уже буду отозванъ, равнымъ образомъ и фонъ-дербъ-Лихтъ (von der Licht) не можетъ долѣе оставаться при дворѣ вашего королевскаго величества, вѣроятно мой секретарь тутъ, а секретарь Волковъ, при вашемъ дворѣ, вступятъ въ отправленіе нашихъ должностей. Я хорошо знаю царя и его министровъ, и потому знаю, какъ они трусятъ даже передъ однимъ королемъ шведскимъ; они никогда не стануть въ враждебныя отношенія съ вашимъ королевскимъ величествомъ, и скорѣе согласятся на всякія миролюбивыя сдѣлки, чтобы только удержать теперешній нейтралитетъ вашего королевскаго величества.

На дняхъ получены здѣсь письма, писанныя даже ранѣе дня тезоименитства царя изъ пѣхотнаго отряда, находящейся при Остогги (Ostogn) и Ровнѣ (Rowna); въ нихъ сообщается слухъ о полученномъ будто-бы мною приказѣ отъ имени вашего королевскаго величества, обнародовать отозваніе (avocatorien) всѣхъ на царской службѣ нахо-

rechts angewiesen zu werden. Auf letzteren Fall könnte Ew. Königliche Majestät unmassgeblicher Weise in so lange bis der Czaar sich weiter zu reteriren gezwungen sein möchte, welches gewiss so bald, als der König in Schweden anmarschiren sollte, geschehen wird, wegen rechter Auslassung über diese affaire mit Vorschützung der noch nöthigen weiteren inquisition trainiren und dann hernach schon die sicherste und Ihrem hohen Interesse zuträglichste Mesures denen Conjunctionen gemäss nehmen, da ich indessen doch wohl rappeliret und auch der von der Licht nicht länger an Ew. Königliche Majestät Hof geduldet, wohl aber mein Secretarius hier und der Secretarius Wolkoff dort gelassen werden könnten. Der Czaar und seine Ministre, die ich alle zusammen gar wohl kenne, und auch wohl weiss wie bange ihnen anjetzo schon blos vor dem König von Schweden allein ist, werden sich nimmer unterstehen deshalb zu einiger Feindseligkeit gegen Ew. Königliche Majestät zu schreiten, sondern vielmehr wird man wohl dann gerne um nur Ew. Königliche Majestät bei der bisherigen Neutralität zu erhalten sich zu allen gebührenden Abtrag verstehen. Es sind nun schon einige Briefe und zwar von älteren dato als des Czaaren Namenstag gewesen aus und von der Moscowitischen Infanterie bei Ostoga und Rowna des Inhalts eingelaufen, als ob dort ein Gerücht gieng, dass ich von Ew. Königliche Majestät beordert wäre avocatorien aller ihrer in des Czaaren Diensten stehenden Vasallen zu publiciren, und obschon dieser Hof wohl weiss, dass sothane Zeitung falsch, so fänget man doch auch schon an zu sorgen dass solches vielleicht bald geschehen könnte. Ich pflege anjetzo mit denen Czaarischen Ministern kein ferneres Commercium, würde mich auch wohl schon nach Warschau

дящихся подданныхъ вашего королевскаго величества. Хотя дворъ знаетъ, что слухъ этотъ ложень, тѣмъ не менѣе начинаютъ беспокоиться, какъ бы онъ ни оправдался.

Я болѣе не вхожу ни въ какія сношенія съ царскими министрами. и переѣхалъ бы въ Варшаву, если бы сильная боль въ правомъ боку, вслѣдствіе низверженія моего съ высокихъ каменныхъ ступеней, оказавшаяся серьезнѣе, чѣмъ я предполагалъ, не принудила меня обратиться къ помощи придворнаго лейбъ-медика, другого доктора тутъ не имѣется. Богъ вѣсть, буду ли я въ состояніи предпринять завтра, или послѣ завтра, путь въ Варшаву, куда отправляется завтра вечеромъ его царское величество со всей своей свитой. Такъ какъ все происходило не въ предѣлахъ московскаго государства, но на нейтральной землѣ (*loco tertio*), я буду совершенно въ правѣ, подъ предлогомъ нездоровья, послѣ позорнаго обращенія со мной, продлить здѣсь свое пребываніе.

Дошло наконецъ до того, что его царское величество не только далъ письменное обязательство республикѣ возвратить, въ будущемъ 1708 году, къ Мартынову дню, недавно взятую крѣпость, со всей артиллеріей и военными припасами, но даже сейчасъ же отправленъ приказъ губернаторамъ Полоцка и Смоленска выдать старостѣ Огинскому, всегда державшаго сторону царя, литовскій гарнизонъ, взятый

hin verfügt haben, wenn mich nicht die im gewaltsamen hinunter stürzen von den hohen steinernen Stufen, gar hart blessirte rechte Seite, mit welcher es schlimmer als ich gemeinet, geworden, dazu obligirte, mich des Czaarischen Leib-Medici (weil doch sonst kein anderer alhier vorhanden) zu gebrauchen, und Gott weiss, ob ich auch noch Morgen oder Uebermorgen in dem Stande sein werde die Reise nach Warschau, wohin Ihre Czaarische Majestät nebst ihrer Hofstat auch Morgen Abends abzugehen gedenken, antreten zu können. Weil es auch hier nicht in des Czaaren Reiche, sondern in loco-tertio gewesen, so werde darin wohl nicht gesündigt haben, wenn nach der vorgegangenen schändlichen Action, mich hier, und zwar meiner Unpässlichkeit halber, länger aufhalten müssen. Nun ist es endlich auch dahin gediehen, dass nachdem Ihre Czaarische Majestät der Republicque nicht nur schriftliche Versicherungen gegeben, ihr die neulichst eroberte Festung Bichow auf das nechst kommende 1708 te. Jahr am Martini Tage mit der genommenen Artillerie und Ammunition zu restituiren. sondern auch sofort die Ordre an ihren Gouverneur zu Polotzko und Smolenzko geschicket, die in vorerwehnter Festung Bychow gefangen genommen Littauische Guarnison, in soweit selbige nicht schon würrklich in Moskowitische Diensten freiwillig getreten, deme beständigst des Czaaren Parthei haltenden Starosten von Samogitiën Oginski auszulieffern wie nicht weniger den Befehl an den kossakischen Feldherrn Mazepa haben stellen lassen, dass er die vor 5 Jahren in der Rebellion von der Republicque abgefallene. und von gedachtem Feldherrn Mazepa in Possession genomene Ukraine und darin hauptsächlich die Festung

въ плѣнь въ упомянутой крѣпости Быховъ (Bychow), если только онъ добровольно уже не вступилъ въ службу московскаго государства. Посланъ также приказъ гетману казаковъ, Мазепѣ, уступить республикѣ взятую въ свое владѣніе, пять лѣтъ тому назадъ; отдѣлившуюся въ моментъ возстанія Украинну, и особенно очистить крѣпость Бялюю церковь (Bialowiekow), въ которой и повелѣно водворить польскія войска коронной арміи (cron-armée).

Наконецъ всѣ здѣсь присутствовавшія сословія республики принуждены были рѣшиться обнародовать междуцарствіе (interregnum); такимъ образомъ, оно получило прошлый понедѣльникъ свою законность; актъ о семъ (das instrumentum) еще печатается, но на дняхъ, быть можетъ даже завтра, онъ будетъ всенародно возвѣщенъ герольдомъ (per tubam); сеймъ же (conselium) снова здѣсь собирается 11-го августа, чтобы обсудить и рѣшить о мѣрахъ, необходимыхъ для охраненія свободы Польши и основныхъ ея законовъ. Полководцы и другіе военные чины отираются въ польскую армію, которая сосредоточивается около Сандомира, оттуда двинется въ Краковъ, и съ этихъ пунктовъ будетъ наблюдать за движеніями непріятели, и по возможности противодействовать имъ. Прочіе же магнаты большею частью намѣрены здѣсь поселиться.

Предполагають, что коронные полководцы (cron-feldherrn) могутъ

Bialociekow evacuiren, und mit einigen Pohnischen Trouppen von der Kron-Armée beziehen lassen sollte; sich die allhier beisammen gewesene Stände der Republique auch einmahl zu dem Concluso, das Interregnum publiciren zu lassen bequehmen müssen, womit es denn auch verschieneu Montag seine Richtigkeit gewonnen, und lieget das Instrumentum davon anjetzo unter der Presse, welches dann in wenig Tagen und vielleicht noch Morgen alhier per tubam öffentlich bekannt gemacht, das Consilium aber den 11 Augusti wieder hieselbst reassumiret, und dann über die fernern, zur Conservation der Pohnischen Freiheit und der Reichs-Gesetze, nöthige Unternehmungen consultiret und resolviret werden soll. Die Kron-Feldherrn und andere Militair-Bediente, gehen zu der Pohnischen Armée, so bei Sendomir zusammen gezogen werden, und dann gegen Crakau marschiren sollen, um der Oerter die feindliche Monuments zu observiren und sich ihnen nach Möglichkeit zu widersetzen. Die übrigen Magnaten aber werden wohl meistentheils hier beständig verbleiben.

Man giebt vor, dass die Kron-Feldherrn wohl bis 250 Fahnen zusammen bringen könnten, doch dürften selbige mehrentheils nicht über 30 à 40 Mann stark sein. Den 14 dieses hat der Land-Cammerer von Culm Ihrer Czaarischen Majestät seine Division, bestehend aus 36 Pohnischen Fahnen, und aus 1000 deutsch mondirten Dragoner und Reutern zu Jacobowitz presentiret auch den Czaaren und seine Generalitaet, wie nicht weniger viele der Pohnischen Magnaten allda mit einer Mahlzeit bewirtet. Die mit Ihrer Czaarischen Majestät hieher gekommen gewesene 3 Dragoner Regimente, welchen noch 3 andere nach

собрать до 250 хоругвей; но силу каждой опредѣляютъ не болѣе, какъ отъ 30 до 40 человекъ. 14-го числа этого мѣсяца кульмскій государственный казначей (Land-Cammerer) представилъ въ Якубовицахъ его царскому величеству отрядъ изъ 36 польскихъ хоругвей и тысячу нѣмецкихъ конныхъ (mondirten) драгунъ и другихъ кавалеристовъ, угостивъ обѣдомъ царя, его генералитетъ, а также многихъ польскихъ магнатовъ. Сюда прибывшіе съ его царскимъ величествомъ три драгунскіе полка и еще три полка, прибывшіе вскорѣ послѣ приѣзда князя Меншикова, выступаютъ отсюда въ Варшаву, гдѣ предполагаютъ быть черезъ два дня и его царское величество; но всѣ эти полки слабы, потому что многія части ихъ откомандированы къ отряду генераль-лейтенанта Гейнске (Hainske). Полкъ генераль-майора Ренцеля (Rentzel) остается еще здѣсь и едва ли черезъ три-четыре мѣсяца кавалерія будетъ готова.

Недавно прибывшее сюда войско казаковъ, состоящее изъ отряда отъ пяти до шести тысячъ человекъ, должно также двинуться къ Сандомиру, чтобы быть ближе къ польской коронной арміи и поддерживать въ ней преданность царю. Хотя царь употребилъ всѣ усилія, чтобы склонить къ себѣ конфедеративную республику, и та видимо ему благоволила, но тѣмъ не менѣе, довѣрія другъ къ другу нѣтъ, а поляки всегда будутъ слѣдить съ которой стороны дуетъ вѣтеръ, и будутъ держать сторону сильнаго. Къ тому же, князь Вишневецкій (Wisnowiecki) объявилъ себя за Станислава; вслѣдствіе чего его цар-

des Prinzen Menschikoff Ankunft erfolgt waren, welche aber alle, weil viel davon mit dem Detachement des General-Lieutenant Hainske wegkommandirt worden, sehr faible sind, marchiren nun nachgerade von hier ab und gehen weiter hinauf gegen Warschau, woselbst sich Ihre Czaarische Majestät in dreien Tagen gewiss zu befinden vermeinen. Des General-Major Rentzels Regiment bleibt indessen alhier, und wird solches noch kaum in 3 à 4 Monathen mit aller nöthigen Mondirung zu Pferde gebracht werden können. Das neulich hier angekommene Corps der Cosaken bestehende aus 5 à 6000 Mann soll auch gegen Sendomir hinauf rücken, um der Pohnischen Kron-Armée so viel näher zu sein, und selbige so viel sicherer in des Czaaren Devotion zu erhalten. Denn obschon der Zaar alles mütliche gethan um die conföderirte Republique sich ihm zu obligiren, selbige ihm auch gute Mine machen, so trauen doch beide Theile einander gar nicht und werden die Pohlen woll allezeit den Mantel nach dem Winde hengen und sich vor die stärkste Parthei deklariren. Nunmehr soll sich auch der Fürst Wisnowiecki gänzlich vor die Stanislawische Parthei deklarirt haben, weshalb dann Ihre Czaarische Majestät nachmahlige Ordre an den General-Lieutenant Baur ergehen lassen, ihn in Littauen überall so weit er kommen kann, zu verfolgen, und seine noch übrige Fahnen aufzuheben. Von dem Aufbruch der königlich schwedischen Armée aus Sachsen höret man hier noch nichts gewisses, und weiss also dieser Hof noch deshalb keine rechte Me-

свое величество приказалъ генералъ-лейтенанту Бауру (Baur) сколько возможно преслѣдовать Вишневецкаго по всей Литвѣ, и отнять у него остальные хоругви.

Здѣсь еще ничего положительнаго неизвѣстно о выступленіи изъ Саксоніи арміи шведскаго короля, и потому дворъ еще не рѣшилъ, какія мѣры ему слѣдуетъ предпринять. Путешествіе въ Варшаву совершается, во-первыхъ, изъ любопытства, такъ какъ его царское величество, извѣздивъ всю Польшу, не видѣлъ еще ея главнаго города, а также и потому, что тутъ уже всѣ запасы и продовольствіе издержаны, и дальнѣйшее пребываніе было бы въ близкомъ уже времени невозможнымъ. На-дняхъ распространили при дворѣ слухъ о происшедшей будто-бы битвѣ въ Брабантѣ, между высокими союзниками (Hohe Allyrten) и королемъ французскимъ, при чемъ первые наголову (totaliter) разбиты, и даже самъ герцогъ Мальбрукъ убитъ. По этому поводу ясно было выражено пристрастіе къ Франціи, стараніемъ обнародовать эту вѣсть; но вчерашнія письма совершенно опровергли быстро распространившійся слухъ.

Сію минуту получилъ я печатную прокламацію (документъ) о рѣшеніи междуцарствія (das Instrument von dem concluro der Interregni); но возрастающая слабость не позволяетъ мнѣ продолжительнаго занятія, и потому я всеподданнѣйше прилагаю только копію съ прокламаціи на польскомъ языкѣ; вмѣстѣ съ симъ отсылаю еще другую копію секретарю посольства Лёльхöffелю (Löllhöffel)

suures zu nehmen. Die Reise nach Warschau geschieht auch nur erstlich aus der Curiosität, weil da Ihre Czaarische Majestät schon ganz Pohlen gesehen, sie diesen als den vornemsten Ort, auch gerne sehen wollen, und dann vors andere weil hier schon alle vivres und Fourage consumiret ist, und die längere Subsistenz fast unmöglich fallen würde. Dieser Tagen hat man hiehr bei Hofe die Zeitung haben wollen, als ob eine Bataille in Brabant zwischen die hohe Allyrten und König in Frankreich vorgefallen wäre, wobei die ersteren totaliter geschlagen, und auch der Duc de Marlboroug selbst geblieben sein sollte. Man hat dabei die Passion vor Frankreich durch fleissiger Publicirung dieser Nouvelle ziemlich blicken lassen, nun aber haben die gestrige Brife dies spargement gänzlich übern Hauffen gestossen. Gleich jetzo bekomme ich das gedruckte Instrument von dem Concluro des Interregni, weil aber meine jetzige mehr und mehr zunehmende Schwachheit mir keine fernere Arbeit gestattet, so habe nur in Pohlischer Sprache eine Copie davon allerunterthänigst beiggeschlossen, auch eine andere an den Legations Secretario Löchöffel nach Warschau übersendet, damit er selbige übersetzt Ew. Königliche Majestät unterthänigst zu schicken können. Uebrigens ergebe mich Ew. Königliche Majestät hoher Huld und anbethbarer Gnade mit dehmüthigstem Fussfall, und verbleibe in allerunterthänigstem respect und unbrüchig-treuer Devotion bis an mein Lebensende Allerdurchlauchtigster etc., etc. Georg Johann von Käyserling.

въ Варшаву, дабы онъ могъ переслать ее въ переводѣ вашему королевскому величеству. Впрочемъ препоручаю себя высочайшей милости и благоволенію нашего королевскаго величества, и припадая къ стопамъ вашимъ, пребываю съ всеподданническою преданностью и несокрушимой вѣрностью до конца жизни моей, вседержавнѣйшаго, и проч. и проч. Георгъ Іоганнъ фонъ-Кейзерлингъ.

IV.

(Переводъ). Вседержавнѣйшій, великій государь и пр. и пр. Всеподданнѣйше и всенижайше довожу до свѣдѣнія вашего королевскаго величества, что пережитыя мною непріятности почти совершенно заглажены и устранены, вслѣдствіе высочайшаго вашего желанія, и къ полному удовлетворенію вашего величества, а также къ общему удовольствію его царскаго величества, князя Меншикова и моего собственнаго, слѣдующимъ образомъ. Въ двухъ письмахъ, въ которыхъ я нашелъ полное себѣ удовлетвореніе и копіи которыхъ я тутъ же всеподданнѣйше прилагаю *), его царское величество и князь Меншиковъ признаютъ необходимымъ сегодня же совершить надлежащимъ образомъ военный судъ надъ лейбъ-гвардейцами (Garde-du-corps), преступленіе коихъ уже обнаружено; тотъ же, который меня дѣйствительно ударилъ, долженъ быть приговоренъ къ смерти, и приведенъ на мѣсто казни; въ то самое время, но никакъ не ранѣе, мнѣ снова будетъ дана аудіенція у его царскаго величества для принесенія благодарности за полу-

IV.

Warschau, d. 30. Aug. st. n. 1707.

Allerdurchlauchtigster Grossmächtigster König etc., etc., Ew. Königliche Majestät habe vorjetzt den allunterthänigsten Bericht ich tiefgehorsamst abzustatten, dass nunmehr meine, an diesem Hofe gehabte Verdrüsslichkeit, zuförderst nach Ew. Königliche Majestät allergnädigst hohen Gutbefinden und zu der selben völligen Zufriedenheit, so dann auch beides zu Ihrer Czaarischen Majestät und des Fürsten Menschikoff, als auch zu meinem Vergnügen, folgender massen, so gut als gänzlich geschlichtet und accommodiret ist. Nemlich es finden Ihre Czaarische Majestät und der Fürst Menschikoff in denen zweien Briefen, von welchen die Copeiliche Abschriften allerdemüthigst beischliesse, ich aber darin meine völlige Satisfaction, das heute ein ordentliches Kriegs-Recht über die Garde du Corps, derer Verbrechen nun schon offenbar, gehalten, und absonderlich der eine, welcher sich wirklich an mich vergriffen, zum Tode condemniret und auch zur Execution hinans gebracht werden soll, da ich dann nicht ehender, als zu derselben Zeit bei Ihrer Czaarischen Majestät wiederum meine Audientz nehmen, und mich dann vor die zulängliche Satisfaction bedancken,

*) Копіи этихъ при нашихъ документахъ не имѣется.

ченное удовлетвореніе и для испрошенія отъ имени вашего королевскаго величества помилованія ратнику, который впослѣдствіи долженъ будетъ явиться, также въ цѣпяхъ и оковахъ, во двору вашего королевскаго величества, благодарить меня за дарованіе ему жизни.

Никогда не добился бы я такого полнаго удовлетворенія, если бы въ началѣ уже успѣшилъ согласиться на примиреніе. Но я слишкомъ хорошо знаю духъ этого двора и этой націи, и съ намѣреніемъ отклонялъ до сихъ поръ отправленіе требуемаго письма къ князю Меншикову, хотя я вполне сознавалъ, что ничего не могло быть для меня удобнѣе и пристойнѣе, какъ написать приличное извиненіе за ссору, происшедшую отъ неумѣреннаго употребленія вина, и потому только лишь вчера отправилъ я письмо, чтобы тѣмъ придать ему еще большую цѣну и вынудить приговоръ тѣлохранителя къ смертной казни. Между тѣмъ, его царское величество въ продолженіи всего времени не переставалъ оказывать мнѣ свою монаршую милость, а князь Меншиковъ, особенно вчера и третьяго дни, съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшился написать требуемое письмо, не перестаетъ выражать, въ отношеніи меня, самое дружеское расположеніе, что подтвердить вашему королевскому величеству здѣшній секретарь посольства, въ неоднократныхъ всеподданнѣйшихъ своихъ донесеніяхъ.

Тайный государственный секретарь (der Geheime Etats-Secretair) Шафировъ прислалъ мнѣ сегодня связку писемъ къ фонъ-деръ-Лихту, сообщивъ мнѣ при этомъ, что въ нихъ заключается особое

und in Ew. Königliche Majestäts Namen um Pardonirung des Garde du Corps welcher hernach auch in Ketten und Banden auf Ew. Königliche Majestäts Hof kommen, und mir vor das geschenkte Leben danken muss, bitten werde. Es würde in dieser Sachen wohl nimmer eine so ample Satisfaction erfolgen, wenn ich mich gleich anfangs hätte accomodiren wollen. Ich kenne aber den Genie dieses Hofes und dieser Nation nur allzuwohl, und deshalb habe auch bisher noch immer über den verlangten Brief an den Fürsten Menschikoff, zu welchen doch bei mir selbst so viel williger gewesen, weil doch nichts billiger und gewöhnlicher, als dass wegen solcher bei übermässiger Trunkenheit entstandenen Händel, dergleichen honnete Explicationes gemacht werden, difficultet; und selbigen nicht ehender als gestern ausgeliefert, damit solches ein so viel grosseres Meritum haben, und dadurch die Condemnirung des Garde du Corps zum Tode so viel sicherer poussiret werden können. Ihre Czaarische Majestät haben mir indessen doch allezeit ihre unveränderte Gnade, und der Prinz Menschikoff absonderlich gestern und vorgestern, da ich mich zu den verlangten Brief resolviret, eine ganz beständige feste Freundschaft versichern lassen, wie davon auch Ew. Königliche Majestät alhieriger Legations-Secretair einen mehreren allerunterthänigsten Bericht abstaten wird. Der geheime Etats-Secretair Schaphirof, hat mir auch heute ein Paket Briefe an den von der Liht, mit dem Vermelden zugeschickt, wie Ihre Czaarische Majestät ihnen expresse be-

повелѣніе его царскаго величества, склонить сколь возможно ваше королевское величество на дозволеніе продлить мое пребываніе при дворѣ его царскаго величества. Вслѣдствіе чего прошу ваше королевское величество и впредь располагать мной по всемилостивѣйшему своему усмотрѣнію и волѣ своей; повергнувъ всецѣло свою жизнь служенію вашему королевскому величеству, высочайшая ваша воля будетъ принята мною всегда съ восторгомъ и покорностью вѣрноподданнаго. Такъ какъ тайный государственный секретарь Шафировъ, не говоря о его постоянномъ выраженіи преданности вашему королевскому величеству и неуклонномъ стараніи поддерживать хорошіи отношенія между вашимъ королевскимъ величествомъ и его царскимъ величествомъ, совершенно добровольно и успѣшно содѣйствовалъ къ прекращенію нынѣшней ссоры, то всенижайше предоставляю на высочайшее усмотрѣніе вашего величества, не найдете ли нужнымъ, въ знакъ милости и благоволенія вашего королевскаго величества, подарить ему теперь недавно милостиво обѣщанныхъ жеребцовъ для его завода, цѣна которыхъ была ему при этомъ объявлена въ 600 талеровъ. Если подаркомъ будутъ служить жеребцы, слѣдуетъ принять во вниманіе, что Шафировъ не можетъ ихъ принять иначе, какъ уведомивъ о томъ его царское величество; соотвѣтственную же сумму можно было бы безъ всякой огласки препроводить полковому квартирмейстеру, Лансону, въ Кёнигсбергъ, которому Шафировъ самъ мо-

fohlen Ew. Königliche Majestät gehorsamst zu ersuchen, dass sie mich länger an Ihrer Czaarischen Majestät Hof zu lassen geruhen möchten. Ew. Königliche Majestät haben demnach hierin nach dero höchstgnädigsten Willen und Wohlgefallen zu disponiren, und wie ich mich dero glorieusen Dienstleistungen in allerunterthänigst-treuester Devotion auf all mein Lebtag ohne reserve gewidmet habe, so werde auch Ew. Königliche Majestät souverainer hoher Ordre mich mit grössestem plaisir in allerunterthänigstem Gehorsam submittiren. Weil nun der geheime Etats-Secretair Schaphiroff nicht nur sonst jederzeit so viele Devotion vor Ew. Königliche Majestät bewiesen und zu Beibehaltung des guten Vernehmens zwischen Ew. Königliche Majestät und Ihrer Czaarischen Majestät jederzeit nachdrücklichst cooperiret, sondern auch zur Schlichtung dieser Händel ganz willige und viel vermögende Officia beigetragen hat, so stelle Ew. Königliche Majestät allergnädigst hohem Gutachten ich im tiefstem respect anheim ob es nicht nöthig wäre, dass ihm anjetzt, wegen der, von Ew. Königlichen Majestät vor einiger Zeit hochstgnädigst zu hoffen gegebener Beschäler zu seinem Gestüte, wovor ihm hiernächst aber das äquivalent nemlich 600 Thaler declariret worden, darin das Zeugniß von Ew. Königliche Majestät Höchstschätzbarster Huld und Gnade gegeben würde. Wofern es noch die Beschäler selbst sein sollten, so wird der Schaphirof selbige wohl nicht anders, als dass Ihre Czaarische Majestät mit davon wissen, annehmen dürfen, das äquivalent aber könnte ohne bruit an den Regiments-Quartiermeister Lanson in Königsberg

жетъ поручить покупку лошадей. Еще осмѣлюсь всенижайше просить, не соблаговолить ли ваше королевское величество пожаловать всемилоствѣйшій рескриптъ генераль-лейтенанту Ренену (Rönnen), какъ усердно содѣйствовавшему къ доставленію приличнаго удовольствія; хвалясь высочайшей милостью вашего королевскаго величества, я обѣщаль ему рескриптъ, который да будетъ дозволено мнѣ сообщить ему вмѣстѣ съ увѣреніемъ въ высокоцѣнной монаршей милости и благоволенія къ нему вашего королевскаго величества.

Все остальное, касающееся *Statum publicum*, находится еще въ прежнемъ положеніи, и вѣроятно измѣненія послѣдуютъ только тогда, когда узнаютъ что-либо подробное объ рѣшительномъ и дѣйствительномъ приближеніи королевской шведской армии. Хотя и поговариваютъ о томъ, что еще девять пѣхотныхъ полковъ должны прибыть сюда въ самое непродолжительное время, и что будто рѣшено, въ случаѣ появленія непріятели, не уступать ему переправу черезъ Вислу, я, однако, вполне убѣжденъ, что когда вся сила шведской армии двинется на Польшу, его царское величество, безъ сомнѣнія, отступить къ Литвѣ со всѣми своими регулярными войсками. Тутъ всѣ еще живутъ надеждой, что недоразумѣнія между ихъ величествами императоромъ и королемъ шведскимъ еще не прекратились, и что скоро обнаружатся новыя требованія со стороны Швеціи; въ этой увѣренности, тутъ начались распоряженія къ продолжительному

gezahlet werden, und würde dann der Schaphirof ihm selbst davor die Pferde erkauffen lassen. Ew. Königliche Majestät habe auch ich tiefgehorsamst zu ersuchen, dass sie allergütigst geruhen wollten, dero Höchstgnädigsten Rescript mit einiger gnädiger Expression des General-Lieutenant Rönnen, als welcher ein gar vieles zu Procurirung der zulänglichen Satisfaction mit grossem Fleisse beigetragen, und welches bei Ew. Königliche Majestät allerunterthänigst anzurühmen, ich ihme feste versprochen, erwehnen zu lassen, damit ich ihme solches daraus communiciren, und Ew. Königliche Majestät anbethbarer hoher Huld und Gnade denselben versichern könnte. Die übrige, den *Statum publicum* concernirende Dinge, sind noch alle im vorigen Zustande, und wird darin auch wohl nichts ehender, als bis man von dem ganz gewissen und wirklichen Anmarsch der königlich schwedischen Armée was naheres überkommen möchte, changiren. Mann giebt zwar vor, dass noch 9 Regimenter Infanterie in kurzem hieher kommen sollen, und dass man resolviret wäre, den Feind, falls er auch kommen sollte, die Passage über die Weichsel zu disputiren, ich halte es aber doch beständig davor dass woferne die ganze schwedische Macht nach Polen kommet Ihre Czaarische Majestät sich gewiss mit allen ihren regulirten Troupen nach Littauen retiriren werden. Mann will alhier noch immer der Hoffnung leben, dass es mit Beilegung der Differentien zwischen des Kayzers und Königs in Schweden Majestäten noch nicht so richtig, und dass wohl bald neue Präentiones schwedischer Seits an den Tag kommen würden, in welcher Confi-

пребыванію; всѣ близь-лежащія деревни переписываются, и уже приступлено къ раскладѣ для расположенія войскъ по квартирамъ; пѣхоту размѣщаютъ теперь же, а кавалерію будутъ размѣщать въ непродолжительномъ времени.

Князь Репнинъ, генераль московской пѣхоты, и въ отсутствіи фельдмаршала Шереметева главнокомандующій всѣхъ войскъ въ Литвѣ, прислалъ сюда вчера свое всеподданнѣйшее донесеніе его царскому величеству о томъ, что онъ уже рѣшительно отправилъ генераль-лейтенанта Баура (Baur) съ сильнымъ отрядомъ противъ князя Вишневецкаго и Сапѣги, съ тѣмъ, чтобы преслѣдовать ихъ до Гольштиніи и Курляндіи. Легко можетъ случиться при этихъ обстоятельствахъ, что московскія войска снова овладѣютъ Курляндіей, въ такомъ случаѣ, всеподданнѣйше прошу ваше королевское величество сообщить мнѣ свое мнѣніе о томъ: слѣдуетъ ли вновь дѣлать представленія относительно бывшаго секвестра этого герцогства, къ чему царь въ настоящую минуту склонится охотнѣе прежняго; что же касается моего вѣрноподданническаго и скромнаго мнѣнія, то я полагаю, что въ этомъ дѣлѣ выгоды вашего королевскаго величества не будутъ такъ вѣрны и существенны, какими онѣ были въ прежнія времена, и потому, быть можетъ, было бы разумнѣе дождаться при упомянутомъ случаѣ предложенія со стороны царя, нежели намъ самимъ ихъ представлять.

Здѣсь всякій день ждутъ приѣзда полководца (Cron-Feldherr)

der, ce man dann alhier alle Anstalt zu einem langeren Sejour machet, und werden auch alle hier herum gelegenen Dörfer angeschrieben, und schon die Repartitiones gemacht, dass die Infanterie sofort, und die Cavallerie auch in kurzer Zeit zu cantoniren anfangen soll. Der Fürst Repnin General von der Moskowitischen Infanterie und der auch jetzt in der Abwesenheit des Feldmarschalls Cheremetoff alle Truppen in Littauen en Chef kommandiret, hat mit gestrigem Brief an Ihre Czaarische Majestät hieher unterthänigst rapportirt, wie er bereits wirklich den General-Lieutenant Bauren mit einem starken Corps gegen den Fürsten Wiesnowicki und gegen den Sapieha detachiret habe, um selbige bis in Samogitien und Curland zu verfolgen. Wann sich es nun bei dieser Gelegenheit leichtlich zutragen könnte, dass die Moscowitische Truppen abermahls Meister von Curland werden, so habe Ew. Königliche Majestät ich mich allerdemüthigst erkundigen wollen, ob auf diesen Fall wegen des vorigten Sequestri dieses Herzogthums als wozu der Czaar nun wohl vielmehr als vorhin incliniret sein mochte abermahls einige propositiones thun solle. Nach meinem allerunterthänigstem treu- und gering-fägigen Erachten, halte davor, das diese affaire vor Ew. Königliche Majestät anjetzt nicht so sicher und avantageuse als wie sie wohl bei voriger Zeit gewesen wäre sein dürfte, und also würde es vielleicht auch wohl am allerbesten sein wann man ja auf obigen Fall lieber die proposition von dem Zaar erwarten, als ihm selbige thun möchte. Der Kron-

Синявскаго съ супругой, и надѣются узнать черезъ нихъ что-либо положительное на счетъ переговоровъ съ княземъ Рагоцкимъ.

Впрочемъ, препоручаю себя высочайшей милости вашего королевскаго величества, проч. и проч. Георгъ Іоганнъ фонъ-Кейзерлингъ.

А. Копія съ письма къ князю Меншикову (полные титулы). Если, напередъ, въ день празднованія тезоименитства его царскаго величества, въ Якубовицахъ, я, при излишней и вынужденной выпивкѣ, совершенно противъ воли, впалъ въ непріятное столкновеніе съ вашимъ сіятельствомъ, то въ настоящую минуту пользуюсь случаемъ принести чистосердечно свою повинную и увѣрить, что все случившееся меня тѣмъ болѣе огорчаетъ, что исключая этого обстоятельства, я всегда пользовался милостями и вниманіемъ вашего сіятельства, также какъ и я, съ своей стороны, всегда старался выразить должное вамъ уваженіе. Такъ какъ при вышеупомянутомъ безчинствѣ легко могли сорваться съ языка нѣкоторыя непристойныя выраженія, оскорбившія ваше сіятельство, то, не колеблясь, спѣшу повиниться въ томъ вашему сіятельству, тѣмъ болѣе, что слова эти были не умышленны, но только слѣдствіемъ недоразумѣнія и вспышки отъ избытка вина. И потому покорнѣйше прошу ваше сіятельство, послѣдовавъ обычному великодушію, милостиво предать полному забвенію эту ссору, и сохранить мнѣ высокочтимое мною благоволеніе и дружеское расположеніе; просьба моя тѣмъ убѣдительнѣе, что я съ

Feldherr Sieniawski wird zusammt seiner Gemahlin alhier täglich vermuthet, und glaubet man dass sie auch wohl etwas positives von der negotiation mit dem Fürsten Rogotzi mit bringen werden. Uebrigens empfehle mich Ew. Königliche Majestät hoher Huld und etc., etc., Georg Johann v. Käyserling.

A. Copia Schreibens an den Prinzen Menschikoff (Tot. Tit.). Wann jüngsthin da Ihre Czaarische Majestät Namenstag zu Jacobowitz celebrirt worden, ich bei übermässiger abgenötigter Trunkenheit ganz wieder meinen Willen mit Ew. Fürstliche Durchlaucht in einiger Verdrüsslichkeit verfallen, so habe nicht unterlassen wollen, deroselben hiemit aufrichtigst zu contestiren, dass mir solches um so vielmehr leid sei, weiln ich sonst sowohl allenahl von Ew. Fürstliche Durchlaucht alle Gnade und Höffigkeit genossen, als ich auch meinerseits Ihnen jederzeit allen schuldigen respect zu erweisen nicht ermangelt habe. Und woferne dann auch bei oberwehnter Unzeitigkeit mir einige unanständige Expressiones wieder Ew. Fürstlicher Durchlaucht entfahren sein möchten so trage so viel weniger Bedenken Ew. Fürstliche Durchlaucht deshalb um Vergebung zu bitten, weil solches gar nicht aus meinem Vorsatz, sondern nur aus blossem Missverstande und Uebereilung bei prävalirendem Weine geschehen sein müste. Ew. Fürstliche Durchlaucht werden demnach, so wie sie sonst allezeit grossmüthig zu sein gewohnt, gütigst geruhen diese Handel in gänzliche Vergessenheit zu stellen, mich aber noch wie vor im ihrer hochschätz-

своей стороны смѣю увѣрить, что пребываю съ прежними искренними и горячими чувствами и съ должнымъ уваженіемъ, и проч. и проч.

В. Копія письма къ его царскому величеству (полные титулы). Ваше царское величество выказывали во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ столь высокое великодушіе, а также всегда такъ снисходительно смотрѣли на проступки и вспышки, легко происходящія отъ выпивки, что я дерзаю и теперь надѣяться на милосердіе и благоволеніе вашего царскаго величества, и смѣю думать, что ваше царское величество смилуется и не подвергнетъ дальнѣйшему своему гнѣву то непріятное столкновеніе, которое произошло въ день празднованія высокаго вашего тезоименитства, между княземъ Меншиковымъ и мною, единственно вслѣдствіе недоразумѣній и вспышки, при разгоряченномъ состояніи, отъ слишкомъ неумѣреннаго употребленія хорошаго вина. вмѣстѣ съ тѣмъ смиренно смѣю увѣрить ваше царское величество, что какъ и прежде никогда не погрѣшалъ противъ подобающихъ вашему царскому величеству вѣрноподданническихъ чувствъ, такъ и теперь ни о чемъ на свѣтѣ столь не сожалѣю, какъ о совершенномъ въ тотъ день, вполне неумышленнымъ образомъ, проступкѣ моемъ, и потому съ удовольствіемъ смиренно въ немъ каюсь передъ вашимъ царскимъ величествомъ, и съ глубочайшимъ прискорбіемъ вспоминаю о проступкѣ, происшедшемъ вслѣдствіе чрезмѣрной выпивки. Тутъ же случилось и то обстоятельство, что нѣкоторые изъ лейбъ-гвардейцевъ не только столкнули меня со ступеней,

barer Huld und Affection conserviret sein zu lassen, absonderlich weil hiermit gehorsamst versichere, dass mit vorigter sincerer passion und verbundendstem respect beständigst hin verbleiben werde etc., etc.

В. Copia Schreibens an Ihre Czaarische Majestät (Tot. Tit.). Ew. Czaarische Majestät haben wie sonst in allen Stücken, also auch darin jederzeit ihre besondere hohe Grossmüthigkeit blicken lassen, dass sie die bei einer Trunkenheit leichtlich entstehende Fehler und Uebereilungen allezeit gnädigst zu übersehen pflegen, wesshalben ich dann auch zu Ew. Zaarischen Majestät hoher Huld und Gnade der demüthigsten Zuversicht lebe, dass sie gleichfalls diejenige Unzeitigkeiten, so an ihrem neulichst celebrirten glorieusen Namens-tage zwischen des Fürsten Menschikoff Durchlaucht und mir aus blossen Miss-verstand und Uebereilung bei überwiegender Hitze, des zuviel genossen guten Weins, vorgefallen, nicht in ferner Ungnade zu bemerken, hochst gnädigst geruhen werden, absonderlich da Ew. Czaarische Majestät ich wohl tiefgehorsamst versichern kann, dass wie ich sonst nimmermehr dem ihnen schuldigen unterthänigen respect manquiret habe, ich also auch niches auf der Welt höher bedaure, als dass an dem Tage, doch ganz unvorsätzlicher Weise, darin fehlen müssen: welches dann Ew. Czaarische Majestät mit eben so vielen plaisir demüthigst abbitten, als mit vielem Chagrin ich an diese aus übermässiger Trunkenheit begangene Faute gedencke. Wann es sich aber auch dabei zuge-

самымъ непростительнымъ и опаснымъ образомъ, но даже трое изъ нихъ пресѣдовали меня черезъ всю площадь до моста, и въ то время, когда я, еле очнувшись, послѣ такого насильственного низверженія, ждалъ только своего слугу, который долженъ былъ привести мнѣ лошадей, такъ какъ карета моя еще не возвращалась, одинъ изъ нихъ такъ сильно ударилъ меня два раза въ затылокъ, что я едва не свалился съ ногъ. Подобное насильственное обращеніе съ уполномоченнымъ (publiquen) королевскимъ министромъ неслыханно, и тѣмъ болѣе преступно, что священное международное право, признанное всюду всѣми иностранными министрами неприкосновеннымъ, оскорблено самымъ постыднымъ, и попирается самымъ грубымъ образомъ. Сама слава вашего царскаго величества требуетъ сильнаго возмездія на такое страшное насиліе, ибо покровительствовать и охранять международное право составляетъ первую и самую священную обязанность всѣхъ властей сего міра. И потому, смиренно льщу себя надеждой, что ваше царское величество поступите съ той любовью къ справедливости и съ тѣмъ несравненнымъ великодушіемъ, столь прославленнымъ всѣмъ свѣтомъ, не только вознегодуете на позоръ, мною перенесенный, но и даруете должное удовлетвореніе, въ видѣ примѣрнаго наказанія преступниковъ за оскорбленіе, сдѣланное въ лицѣ моемъ величію всемилоствѣннѣйшаго моего государя и короля, доставите мнѣ приличное удовлетвореніе, чтобы такимъ образомъ было даровано требуемое правосудіе, столь сильно стѣсненному *Juri gentium*.

tragen, dass einige der Garde du Corps mich nicht nur unverantwortlich- und gefährlicher Weise die Stiegen hinunter gestürzt, sondern auch ihrer drey mich über den ganzen Hof und bis auf die Brücke verfolgt, da dann derer einer wie ich mich doch kaum, wegen der gewaltsamen Herabstürzung besinnen können, und nur darauf gewartet, dass weil mein Wagen noch nicht ankommen war, mein Laquai mir sonst ein ander Pferd schaffen möchte, mich zu zweien malen von hinten zu, in das Genicke so sehr gestossen, dass darüber fast zur Erden sinken müssen. Wie nun eine solche geschehene gewalthätige Vergreifung an einen publicuen königlichen Ministre ganz unerhört, und so viel verbrechlicher ist, weil dadurch das heilige allgemeine Völkerrecht, welches fremde Ministre überall inviolable hält, auf eine schmählige Arth violiret und recht gröblich unter die Füße getreten worden; Ew. Königliche Majestät selbst eigner hohen Gloire aber so viel mehr daran gelegen ist, diese schreckliche Gewalthätigkeit auf das schärfeste zu ressentiren, weil ja dis die erste und heiligste Pflicht aller Puissancen auf der Welt sein muss, das allgemeine Völker-Recht zu schützen und zu handhaben. So lebe auch der demüthigsten Zuversicht, Ew. Czaarische Majestät werden nach dero weltgepriesenen Liebe zur Gerechtigkeit und incomparablen Grossmuth, diese mir geschehene Schmach nicht nur von selbst höchst desaprobiren, sondern auch durch recht exemplarische Bestrafung der Verbrecher, so wohl dem, in meiner Person beleidigten hohen Respect meines allergnädigsten

Это справедливое возмездіе не только укрѣпитъ неразрывными узами дружельбныя отношенія между всемилостивѣйшимъ моимъ государемъ королемъ и вашимъ царскимъ величествомъ, но оно придастъ еще болѣе блеску вашей славы, и обезсмертитъ ваше величіе и ваше имя, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, уже прославленные всѣмъ міромъ, и возбуждающія во мнѣ еще сильнѣе тѣ чувства преданности интересамъ вашего царскаго величества, такъ что вся моя жизнь будетъ выражать чувства самой искренней и усердной любви и вѣрно-подданнѣйшаго уваженія.

V.

3-го сентября 1707-го года. Варшава.

(Переводъ). Вседержавнѣйшій, великій король, всемилостивѣйшій король и государь! Вашему королевскому величеству уже было всеподданнѣйше подробно донесено; какимъ образомъ, въ день празднованія тезоименитства его царскаго величества, въ Якубовицахъ, произошли непріятности между царскимъ любимцемъ, княземъ Меншиковымъ и мной; хотя причиною тому было лишь личное столкновение, оно однако, при неумѣренномъ употребленіи вина, приняло такой серьезной характеръ, что я не только выбранилъ князя Меншикова жесткими словами; но даже рукой ударилъ его по лицу, а такъ какъ въ эту минуту вошелъ его царское величество и я не въ силахъ былъ преодолѣть *primos motus*; то послѣдствія легко могли

König und Herrn. gehörige Reparation wiederfahren lassen, und mir so zulängliche Satisfaction geben, dass hierdurch dem, so sehr geschmalerten Juri gentium erforderete Justice geleistet werden möge.

Dieses gerechtsame Ressentiment wird nicht allein die gute Correspondence zwischen meinem allergnädigsten Könige und Herrn und Ew. Czaarischen Majestät auf eine unzertrennbare Arth befestigen, sondern auch Ew. Czaarische Majestät hierunter interessirte Gloire und Reputation, die bisher bei der ganzen Welt preisswürdig gewesen, mit grössstem Lustre bezieieren und in unsterblicher Verehrung setzen, bei mir aber auch zugleich die allezeit die vor Ew. Czaarischen Majestät und Ihr hohes Interesse mit aller Dexterität erwiesene treue Devotion so sehr animiren, dass all mein Lebtag nicht anders, als mit sothanem sinceren und zeleusen passion in unterthänigste-tiefstem respect verbleiben werde etc., etc.

V.

Warschau, d. 3 September 1707.

Allerdurchlauchtigster Grossmächtigster König, Allergnädigster König und Herr. Demnach Ew. Königliche Majestät bereits von der, den 10 Juli zu Jacobowitz bei dem, an Ihre Czaarische Majestät Namens-Tage gegebenen Festin, zwischen dem Zaarischen Favoriten Fürsten Menschikoff und mir vorgelaufenen Verdrüsslichkeit, welche ob sie schon nur aus einer privat affaire hergeflossen, dennoch bei übermässiger Trunkenheit so chaude worden; dass ich

бы быть еще злосчастнѣе, если бы тутъ же не вытолкали меня изъ дверей; сбѣжавшаяся же за дверьми многочисленная прислуга князя Меншикова, къ несчастью, сочла своею обязанностью не только столкнуть меня внизъ по лѣстницѣ, но даже двое изъ тѣлохранителей упомянутаго князя дѣйствительно ударили меня нѣсколько разъ на площади, гдѣ не было никого изъ моей прислуги. Теперь же со смиреніемъ и преданностью спѣшу всеподданнѣйше донести вашему королевскому величеству, что по поводу этого неприятнаго столкновенія моего съ княземъ Меншиковымъ, послѣдовали съ его и съ моей стороны приличныя и при подобныхъ случаяхъ обычныя объясненія, и его царское величество даровалъ мнѣ полное и блестящее удовлетвореніе за обиды, понесенныя мною помимо его воли и вѣдѣнія, слѣдующимъ образомъ: было наряжено строгое слѣдствіе надъ тѣлохранителями для дознанія того, кто ударилъ меня; оказались двое виновныхъ, и ихъ, безъ дальнѣйшаго допроса, въ силу военнаго суда, произведеннаго на мѣстѣ, по приговору, — копію котораго подъ литерою А — всеподданнѣйше прилагаю, — 1-го сентября осудили къ смертной казни; но въ уваженіе того, что они дворяне, и хорошаго происхожденія, положено ихъ разстрѣлять (arquebusieren). Когда генералъ-лейтенантъ Ренне сообщилъ мнѣ этотъ приговоръ, и даже привезъ ко мнѣ на домъ его оригиналь, одобренный его царскимъ величествомъ и собственноручно имъ подписанный, и когда я съ своей стороны

den Fürsten Menschikoff, weil er Anlass zu diesen Händeln gegeben, nicht nur mit harten Worten an, sondern auch gar mit der Hand ins Gesicht gefahren, woraus dann absonderlich weil Ihre Czaarische Majestät auch dazu kamen, und ich doch die primos motus nicht zu überwinden gewusst, leichtlich größeres Unheil entstehen können, wann man mich nicht zur Thüre hinaus gebracht hätte; welches aber die draussen in grosser Menge dazu kommende Domestiquen des Fürsten Menschikoff so übel verstanden, dass selbige mich nicht nur die Stiege hinunter gedränget, sondern auch zween der Garde du Corps von erwehnten Fürsten sich unten auf dem Hofplatz, da keiner von meinen Leuten bei mir gewesen, mit einigen würcklichen Stößen an mich vergriffen haben, umständlich allerunterthänigst informiret worden, so habe dann nun auch Ew. Königliche Majestät ich in tiefgehorsamsten respect dehnütigst zu berichten, wie Ihre Czaarische Majestät mir wegen dieses wieder ihren Wissen und Willen geschehenen Affronts nachdeme zuvor meine mit dem Fürsten Menschikoff gehabte Unzeitigkeiten, durch eine von beiden Theilen erfolgte honnette und bei dergleichen Fällen allezeit gewöhnliche Explication, accomodiret worden, folgende ample und eclatante Satisfaction ertheilen lassen: es ist nemlich wegen der an mich geschehenen Vergreifung von denen Garde du Corps, ernstliche Inquisition geschehen, da nun ihrer zween als Thäter decuvrirt worden, so sind selbige sofort ohne weitläufigen Process, durch ein Standrecht, gemäss des in Copeilicher Abschrift sub Lit. A. allerunterthänigst beigeschlossenen Ur-

выразилъ ему свое одобреніе, онъ далъ мнѣ понять, что князь Меншиковъ весьма желаетъ видѣть меня, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и что если я соглашусь сейчасъ же, въ 5 часовъ пополудни отправиться къ князю Меншикову, то меня встрѣтятъ съ восторгомъ, со всею предупредительностью и со всѣми возможными почестями, и что тамъ увижу я и его царское величество. Такъ какъ князь Меншиковъ еще прежде прислалъ мнѣ привѣтствіе черезъ здѣшняго секретаря посольства вашего королевскаго величества Лёльгёффеля (Löllhöffel) съ увѣреніемъ въ непоколебимости прежняго своего дружескаго расположенія ко мнѣ, прибавляя любезно, что онъ боится встрѣчи со мной, то я рѣшился поѣхать, въ тотъ же день, въ назначенный часъ, впервые послѣ вышеупомянутаго горестнаго столкновенія, въ домъ князя Меншикова, гдѣ его царское величество почти всегда занимается судебными дѣлами (Cugalien). Едва вѣхалъ я въ ворота, какъ уже князь Меншиковъ вышелъ почти со всѣми здѣсь находящимися генералами на первую галерею своего дома, гдѣ и ожидалъ меня. Его гофъ-маршалъ, генераль-адъютанты и камеръ-юнкеры встрѣтили меня у кареты, генераль-маіоры Банъ и Гейне на лѣстницѣ, самъ же князь Меншиковъ ожидалъ меня нѣсколькими шагами далѣе, на вышеупомянутой крайней галереѣ, честь, которую онъ едва ли оказываетъ другимъ иностраннымъ министрамъ, даже при первомъ приѣмѣ

theils, den 1 September zum Tode, doch in Consideration dessen, dass sie Edelleute und von guter Extraction gewesen, nur arquebusiret zu werden, condemniret worden. Wie mir nun der General-Lieutenant Rönne dies ausgesprochen und mit Ihrer Czaarischen Majestät selbsteigener Unterschrift aprobirte Urtheil in Original in mein Haus gebracht, und meine Zufriedenheit darüber genommen, so hat er mir auch zu verstehen gegeben, dass der Fürst Menschikoff gar sehr verlangte mich wiederum je eher je lieber zu sehen, und wann ich also gleich Nachmittags um 5 Uhr zu den Fürsten Menschikoff kommen wollte, so würde mich derselbe mit allen Plaisir, Ehrbezeugung und Civilité empfangen, und Ihre Czaarische Majestät sich dann auch bei ihm einfinden: so bin dann auch, und zwar um so viel mehr, weil der Fürst Menschikoff mir auch ein gleich Compliment durch Ew. Königliche Majestät alhiesigen Legations Secretair Löllhöffel machen, und seiner unverruckten vorigen Freundschaft mit der obligeanten Expression: dass ihme recht bange, mich bald wiederum zu sehen, versichern lassen, noch an selbigem Tage auf obbemelte Stunde wiederum das erste mahl nach der obigen Facheusen Rencontre, zu den Fürsten Menschikoff, bei welchem Ihre Czaarische Majestät mehrentheils allezeit die Curialien anzunehmen gewohnt sind, hinauf gefahren, und war ich nur kaum durch das Thor hineingefahren kommen, da schon der Fürst Menschikoff auf die vorderste Gallerie seines Hauses im Beisein der meisten alhiesigen Generals Personen hinaus kam, und meiner erwartete; sein Hoff Marschall, General-Adjutanten und Hof-Junker empfangen mich bei meiner Kutsche, die General-

ихъ. Оффиціальныя наши привѣтствія выражали обоюдныя наши чувства дружбы и удовольствія снова другъ друга видѣть, но, спустя нѣкоторое время, проведенное вмѣстѣ въ комнатахъ, мы удалились (à parte) въ сторону въ одну отдѣльную комнату, и объяснились по поводу ссоры, происшедшей отъ неумѣренной выпивки. По общему нашему соглашенію, ссора эта не только будетъ предана полному забвенію, но даже послужитъ въ будущемъ къ подтвержденію нашего благорасположенія и дружбы. Въ это время вошелъ его царское величество, по своей привычкѣ, безъ всякой церемоніи, и смѣю всеподданнѣйше увѣрить ваше королевское величество, что давно не видалъ я его царское величество такимъ веселымъ и довольнымъ, какъ въ эту минуту: онъ обнялъ меня, и не позволивъ мнѣ вымолвить слова, поспѣшилъ сказать, что усталъ отъ восхода по лѣстницѣ, потому что чувствуетъ себя еще очень слабымъ послѣ перенесенной болѣзни. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовала веселая бесѣда, оживленная шутками его царскаго величества и князя Меншикова и продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока не пришли доложить князю Меншикову и его супругѣ, о приѣздѣ жены гетмана (Gross-Feldhergin) Синявскаго, накануне прибывшей сюда; вскорѣ вошла она сама; тогда его царское величество пошелъ одинъ со мной въ отдаленную галерею; тутъ я сталъ выражать свою благодарность за милостиво дарованное мнѣ

Majors Böhm und Heine aber an der Stiegen, und der Prinz Menschikoff selbst nur einige Schritte davon, auf oberwehnter äussersten Gallerie, welche Ehre er doch denen fremden königlichen Ministres auch bei der ersten Empfängniss kaum zu erweisen pflegt. Unser öffentliches Compliment bestand von beiden Seiten nur in der Freundbezeugung einander wiederum zu sehen, nachdem wir aber schon eine Zeitlang in dem Zimmer beisammen gewesen, und uns à parte in einem Fenster des abgetheilten Zimmers eloigniret hatten, so thaten wir einander die Explication über die, bei übermässiger Trunkenheit gehabte Händel, derer dann nimmer mehr gedacht, und die Affection und Freundschaft ins künftige so viel stärker und beständiger sein sollte. Hiernechst fanden sich Ihre Czaarische Majestät auch, und zwar wie sie gewonet ohne Ceremonie, bei uns ein, und kann ich Ew. Königliche Majestät wohl allerunterthänigst versichern, dass ich Ihre Czaarische Majestät in langer Zeit, nicht mit so vergnügtem und heiterem Gesicht, als damals gesehen. Sie umarmten mich auch sofort, und ohne dass sie mich ein Wort sprechen liessen, sagten sie gleich, dass sie so müde worden wären, die Stiegen hinauf zu steigen, weile sie nach ausgestandener Krankheit noch sehr schwach wären. Es wurde auch weiter von allerhand lustigen Dingen die Ihre Czaarische Majestät mehrentheils selbst, mit dem Prinzen Menschikoff schertzende, aufs Tapis brachten, so lange gesprochen, bis sich die Crohn-Gross-Feldherrin Sieniawski, so Tages vorher hier angelangt war, bey dem Prinzen Menschikoff und seiner Gemahlin anmelden lassen, und sich auch bald selbst bei ihm einfand, da dann Ihre Czaarische Majestät

такое полное удовлетвореніе, а также свои извиненія по поводу случившагося, но царь остановилъ меня слѣдующими милостивыми словами на нѣмецкомъ нарѣчій:

„Als Gott mine Seele kennt, ik silfst recht trurig darower gewest bin, doch wie alle tosammen voll gewesen sind, war Gott lof dat nu alles wedder got worden, un ik ju alle taid lew hab, un alles nicht mehr gedeneken“.

То-есть: „Самъ Богъ свидѣтель, какъ глубоко сожалѣю я о случившемся; но всѣ мы были пьяны; теперь же, благодаря Бога, все прошло и улажено; я уже забылъ о ссорѣ и пребываю благоселонно и съ любовью преданный вамъ“.

Затѣмъ государь спросилъ новыя газеты и снова удалился въ комнату князя Меншикова, куда и самъ князь возвратился, оставивъ жену гетмана (die Crohn Gross-Feldherrin) у своей супруги. Возобновившаяся бесѣда, при часто подносимыхъ кружкахъ вина, продолжалась весело до 7-ми часовъ вечера; потомъ мы перешли въ комнаты супруги князя Меншикова, гдѣ обѣдали за небольшимъ столомъ, такъ какъ приглашенные къ обѣду были только: его царское величество, жена гетмана, жена старосты, овдовѣвшая княгиня Радзивиль, князь Меншиковъ, его супруга, я, князь Долгорукій и генераль-лейтенантъ Ренне. Его царское величество все время не переставалъ

gantz alleine mit mir auf die hinterste Gallerie gingen, und wie ich mir vor die gnädige zuerkannte ample Satisfaction bedankte, auch meine Excuses wegen des passirten machen wollte, arrestirten sie mich mit dieser gnädigen Einrede in nieder deutscher Sprache: als Gott mine Seele kennt, ik silfst recht trurig darower gewest bin, doch wie alle tosammen voll gewesen sind, war Gott lof dat nu alles wedder got worden, un ik ju alle teid lew hab, un alles nicht mehr gedeneken. So viel sagend: Gott weiss, dass ich selbst über dieser Sachen recht traurig gewesen bin, wir waren aber alle truncken; Gott lob aber, dass nun schon alles beigeleget und verglichen; ich habe auch diese Händel schon vergessen, und bleibe auch mit Gnade und Liebe zugethan. Hierauf fragten sie nur nach die neue Zeitungen und verfügten sich wiederum in des Prinzen Menschikoff Zimmer, wohin er auch, nachdem er die Crohn-Gross-Feldherrin bei seiner Gemahlin zurückgelassen, zurückkahn. Das Entretien wurde hernach, auch bei zum öfteren umgehenden Razaden in aller Vergnügung bis 7 Uhr des Abends fortgesetzt da wir uns dann in des Printzen Menschikoffs Gemahlin Zimmer verfügten, und bei selbiger an einer kleinen Tafel, da nur Ihrer Czaarischen Majestät, die Crohn-Gross-Feldherrin, die Starostin von Golups verwittwete Prinzessin Radziviln, der Prinz Menschikoff, seine Gemahlin, ich, der Knees Dolhoruki, und der General-Lieutenant Rönne, mit zu Tische sassen, speiseten. Ihre Czaarische Majestät blieben die ganze Zeit über ohne Veränderung, bei der besten Laune der Welt, und wie ich auch hernach bei dem Abschied nehmen, in Ew. Königliche Majestät Namen um Pardonirung der Male-

быть въ наилучшемъ расположеніи духа, и когда потомъ при прощаньи я сталъ ходатайствовать отъ имени вашего королевскаго величества за преступниковъ, его царское величество предоставилъ все на благоразсмотрѣніе вашего королевскаго величества, сказавъ при этомъ, что хотя онъ и будетъ очень занятъ все утро слѣдующаго дня, но приказъ къ совершенію казни уже далъ, и я могу дѣйствовать, какъ мнѣ заблагоразсудится.

Вслѣдствіе сего, вчера, въ 10-ть ч. утра, цѣлый эскадронъ лейбъ-гвардейцевъ провелъ этихъ двухъ преступниковъ, въ оковахъ и цѣпяхъ, мимо здѣшняго дворца вашего королевскаго величества, по главнѣйшимъ улицамъ предмѣстій и города, до большой площади Краковскаго предмѣстья передъ такъ-называемомъ Казимирскимъ дворцомъ, гдѣ имѣютъ свое помѣщеніе его царское величество и князь Меншиковъ. Приговоръ былъ уже почти исполненъ: (московскій) русскій поцъ уже далъ преступникамъ свое наставленіе къ принятію смерти, уже благословилъ ихъ распятіемъ, уже даны были имъ свѣчи въ руки, глаза были повязаны и уже командиръ, майоръ Іоаннъ Котлеръ, скомандовалъ къ прикладу, какъ тутъ находившійся уже секретарь вашего королевскаго величества, Лёльгёффель (Löllhöffel), объявилъ помилованіе, привезенное генералъ-адъютантомъ князя Меншикова, фонъ-Брукенталемъ (Bruckenthal), и обнаруженное впоследствии

ficanten intercedirte, so stellte Ihre Czaarische Majestät alles in Ew. Königliche Majestät selbstgefällige disposition, sangende: dass sie zwar Morgen den ganzen Vormittag sehr occupiret sein würden, es wäre aber alles schon der Execution halber befohlen, und könnte ich dabei thun was mir gefallen würde. Hierauf nun sind gestern um 10 Uhr Vormittags die zwei Criminelle Personen in Fesseln und Banden von einer ganzen Esquadron der Garde du Corps Ew. Königliche Majestät allhiesigen Hof vorbey, durch die Vornehmsten Gassen der Vorstädte und der Stadt, bis auf den grossen Platz der Crakauschen Vorstadt, vor das sogenannte und Ihrer Czaarische Majestät auch des Fürsten Menschikoff Quartier gegenüber gelegene Casimirsche Palais geführt, auch die Execution schon wirklich so weit, dass die Maleficanten zuvor von einem Moscovitischen Pfaffen zum Tode disponiret, mit dem Kreuz gesegnet, und ihnen die Lichter in die Hände gegeben, die Augen verbunden, auch die Ordre zum Anschlag bereits von dem Commandirenden Major Johann Cotler ausgerufen gewesen, vollzogen worden, da dann Ew. Königliche Majestät mit hinaus gefahrener Secretarius Löllhöffel, den mitgebrachten Pardon, des Fürsten Menschikoff General-Adjutanten, dem von Bruckenthal bekannt gemacht, worauf dann auch selbiger in Ew. Königliche Majestät hohem Namen publiciret worden, und hat nachmahls die ganze Esquadron, diese Verbrecher auf Ew. Königliche Majestät Hof zu mir, woselbst auch der Königliche dänische Abgesandte Grund, und unterschiedene andere zur Mahlzeit gebethene Officiers, zugegen waren, gebracht, wo sie dann auf den Hof-Platz auf ihre Angesichter zur Erden ge-

отъ высочайшаго имени вашего королевскаго величества, и снова весь эскадронъ привелъ преступниковъ ко мнѣ, во дворецъ вашего королевскаго величества, куда прибыли въ то же время королевскій датскій посланникъ Грундъ (Grund) и разные другіе офицеры, приглашенные мною къ обѣду; тутъ виновные, на дворцовой площади, пали ницъ и со смиреніемъ благодарили за милостиво дарованную имъ вашимъ королевскимъ величествомъ жизнь. Потомъ, по моему требованію, они были освобождены отъ цѣпей и, по обычаю, угощены мною водкой, которую выпили во здравіе вашего королевскаго величества и его царскаго величества, командующіе же офицеры приглашены были мною къ обѣду. Я всеподданнѣйше остаюсь въ упованіи на высочайшее благоволеніе вашего королевскаго величества по поводу полученнаго мною, вслѣдствіе высочайшаго вашего желанія, такого блестящаго удовлетворенія и совершеннаго прекращенія недоразумѣній и непріятностей, происшедшихъ единственно отъ излишней выпивки, въ чемъ погрѣшили въ тотъ день даже сами лейбъ-гвардейцы.

Впрочемъ, препоручая себя высочайшему милосердію и благородному положенію вашего королевскаго величества, и припадая къ стопамъ вашихъ, пребываю со всеподданническими чувствами и непоколебимою вѣрностью до конца жизни моей, всепресвѣтлѣйшаго и проч. и проч. Георгъ Іоганнъ фонъ-Кейзерлингъ.

fallen, und vor das ihnen aus Ew. Königliche Majestät hoher Gnade geschenckte Leben, alleridelmühtigst gedankt haben. Hiernechst sind sie auch auf mein Verlangen der Fesseln entledigt, und die ganze Esquadron von mir, der Moscovitischen Gewonheit nach, auf Ew. Königliche Majestät und Ihre Czaarische Majestät hohes Wohlleben mit Brandtwein regaliret, die commandirenden Officiere aber bei mir zum Essen behalten worden. Ich lebe demnach der unterthänigsten Zuversicht, Ew. Königliche Majestät werden ihnen, diese ihrer hohen Ordre gemäss, erhaltene eclatante Satisfaction und dann auch die numehr geschehene gänzliche Beilegung meiner, nur bei übermässiger Trunkenheit, welcher die Gardes du Corps selbst an dem Tage wohl nicht eximiret gewesen, vorgefallener Verdrüsslichkeit und Desordre, allergnädigst wohlgefallen lassen.

Uebrigens ergebe mich Ew. Königliche Majestät hoher Huld und anbethbarer Gnade mit demüthigen Fussfall und verbleibe in allerunterthänigstem Respect und unbrüchig-treuester Devotion, bis an mein Lebensende Allerdurchlauchtigster etc., etc. Georg Johann von Käyserling.

ШУТКИ И ПОТЪХИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Петръ Великій — какъ юмористъ.

...Отрѣшаемъ васъ отъ шумства
и отъ кабаковъ, дабы не ходить!.
(Шут. посланіе князь-папы къ Петру).

Въ 1861-мъ году, въ весьма малораспространенномъ, почти неизвѣстномъ журналѣ «Свѣточъ» (кн. IX), помѣщено было нами собраніе подлинныхъ документовъ, ярко освѣщающихъ одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ въ характерѣ Петра Великаго: его юморъ. Документы эти, сочиненные и собственноручно написанные Петромъ, суть шуточные обряды избранія и поставленія Князь-Папы, шуточные возгласенія, грамоты, отписки, росписи церемоніаловъ, и т. п. Нынѣ, дополнивъ это любопытное собраніе матеріаловъ вновь найденными, мы считаемъ не лишнимъ воспроизвести всю статью изъ журнала, составляющаго едва-ли не библиографическую рѣдкость.

Позволяемъ себѣ надѣяться, что въ настоящее время, когда взглядъ на дѣятельность и характеръ Петра Великаго, вполнѣ выяснился, когда вновь открытые и обнародованные матеріалы устранили всякую односторонность въ сужденіяхъ о личности и царствованіи Петра, никто не заподозритъ насъ въ желаніи унижить этого величайшаго изъ монарховъ всей Европы XVII и XVIII вв. Никто, надѣмся, не осудитъ насъ за изданіе матеріаловъ, въ которыхъ все принадлежитъ самому Петру I, а потому, такъ или иначе, но есть достойное исторіи и подлежатъ ея критикѣ. Если-же сарказмъ шуточныхъ произведеній Петра Великаго бросаетъ темный свѣтъ на его забавы и развлеченія, то не нужно забывать, что Петръ, при всемъ своемъ гениі, былъ прежде всего человѣкомъ своего времени. Широкій, грубый разгулъ, которому предавался Петръ среди своихъ «птенцовъ»-сподвижниковъ въ часъ отдыха послѣ всеобъемлющей дѣятельности,—этотъ разгулъ не долженъ насъ поражать. «Богатырскимъ силамъ,—скажемъ словами историка Соловьева,—соотвѣтствовали страсти, не умѣренныя правильнымъ искуснымъ воспитаніемъ. Мы знаемъ, какъ могъ разнуздываться сильный человѣкъ въ древнемъ русскомъ обществѣ, не выработавшемъ должныхъ границъ каждой силѣ; могло-ли такое общество сдерживать страсти человѣка, стоявшаго на самомъ верху? Но одна наблюдательная женщина-современница отозвалась совершенно справедливо о Петрѣ, что это былъ «очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной человѣкъ»... («Исторія Россіи въ эпоху преобразованія». Соч. С. Соловьева, т. VI, М., 1868 г., стр. 259).

Ред.

I.

Всепаынянйшй соборъ.

Въ характерѣ великаго преобразователя Россіи, между прочими его особенностями, есть черта въ высшей степени интересная, рѣзкая, не ослабѣвавшая въ теченіе всей его жизни, и очень часто проявлявшаяся то въ письмѣ, то въ пиршествѣ, то въ какомъ-нибудь маскарадѣ, то наконецъ въ цѣломъ учрежденіи.

Мы говоримъ про юморъ Петра Великаго.

На эту особенность никогда и никто не обращалъ надлежащаго вниманія; а между тѣмъ, кто не согласится, что для полнаго и яснаго представленія характера Петра нельзя обойти ту его сторону, которая служила для него источникомъ удовольствія и отрады.

Прослѣдить всѣ случаи, въ которыхъ проявился юморъ Петра, нѣтъ возможности; намъ пришлось бы пересмотрѣть массу его писемъ, записокъ, государственныхъ и домашнихъ распоряженій. Въ громадной корреспонденціи Петра надо бы обратить особенное вниманіе на письма къ Ромодановскому. Сколько юмору во многихъ изъ нихъ, сколько насмѣшки злой и остроумной въ санѣ князь-кесаря, которымъ облечены были, одинъ за другимъ, оба Ромодановскіе! Въ лицѣ ихъ Петръ смѣялся надъ вышностью, надъ обстановкою, надъ атрибутами этого импровизированнаго имъ сана; князь-кесарю отводили первыя мѣста во всѣхъ церемоніяхъ, князь-кесарю отдавались особенныя почести, къ нему приближались иначе, съ нимъ не говорили, въ присутствіи его не сидѣли такъ, какъ говорятъ и сидятъ въ обществѣ простыхъ смертныхъ, однимъ словомъ, все, что Петръ находилъ въ своемъ царскомъ положеніи скучнаго, натяутаго—все представлялъ Ромодановскому; именуя себя „холопомъ и послѣднимъ рабомъ“ его, получая отъ него чины и повышенія, Петръ всю сущность власти удержалъ за собой. Ромодановскій, по одеждѣ, обычаямъ и роду своей жизни, былъ пародіей власти, это была подставная кукла, кукла весьма комичная. Но этого комизма не замѣчалъ онъ, не замѣчали и его окружающіе, мало замѣчали и потомки въ лицѣ писателей, останавливавшихъ свое вниманіе на личности князь-кесаря. Мы не говоримъ, чтобы Ромодановскій не имѣлъ власти, не имѣлъ другой дѣятельности, кромѣ постояннаго разыгрыванія своей невеселой роли государя, нѣтъ—ему предоставлена была значительная доля въ административномъ управленіи, еще бѣльшая доля въ совершеніи жестокостей, которыя, съ точки зрѣнія того вѣка, не должны поражать нынѣшняго изслѣдователя... А что за дѣятель былъ на отведенномъ ему полѣ князь Ѳедоръ Юрьевичъ! Въ поэтическомъ увлеченіи, въ

какой-то восторженности отъ кнута и застѣвка, онъ доходилъ до такого паюса, что поражалъ усердіемъ даже самого Петра..... Однажды государь рѣшился наконецъ намекнуть кесарю на то, что тотъ слишкомъ заработался:

„Звѣрь! Долго-ль тебѣ людей жечь?... Перестань знаться съ Ивашкою (т.-е. пьянствовать). Быть отъ него рождѣ драной“!

Впрочемъ, угроза какъ-бы противъ воли сорвалась у Петра; спустя четыре дня (31-го декабря), онъ вновь уже именуетъ себя и своихъ приближенныхъ: „холопами государскими“, и пишетъ къ Ромодановскому почтительное письмо.

Внимательно разсматривая подобныя письма и вникая въ отношенія переписывавшихся, нельзя въ то же время не послушать устныхъ бесѣдъ, разсужденій и замѣчаній Петра на торжественныхъ обѣдахъ; прослѣдить за нимъ въ его разъѣздахъ по Россіи и Европѣ; отправиться на всевозможныя свадьбы, крестины, маленькіе и большіе балы-ассамблеи и тому подобныя увеселенія, необходимшіяся безъ его присутствія; нельзя не полюбоваться на него въ походахъ, на бивуакахъ, въ сраженьяхъ; мало того, заглянуть два-три раза въ застѣнокъ, либо осторожно выйти, вслѣдъ за нимъ, на мѣсто казни... Будьте увѣрены, что во всѣхъ, самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ жизни Петра, при небольшой внимательности, вы найдете черты его юмора, его сарказма не всегда удачныя, но всегда замѣчательно бойкія и своеобразныя.

Но, не вдаваясь въ столь обширныя розысканія, мы прямо остановимся на „князь-папѣ“ и его „сумасброднѣйшемъ, всешутѣйшемъ и всепьяннѣйшемъ соборѣ“. Это учрежденіе есть созданіе петровскаго юмора. Съ молодыхъ лѣтъ до конца своей жизни Петръ постоянно измѣнялъ его уставъ новыми добавленіями и всевозможными варьяціями; къ нему обращался, когда хотѣлъ отпраздновать торжество побѣды, празднество міра, спускъ корабля, чье-нибудь тезоименитство, либо святки; къ нему-же обращался въ черныя минуты, чтобъ рассѣяться, освѣжиться, стряхнуть съ себя тяжкія думы и государственныя заботы.

Шутливыя записки, инструкціи, уставъ для „всепьяннѣйшаго собора“, „чины“, т.-е. обряды избранія и поставленія новаго главы, либо новаго члена—все это Петръ сочинялъ, составлялъ и собственноручно писалъ—все до послѣдней замѣтки. Собраніе этихъ документовъ есть цѣлая литература юмористическаго содержанія, матеріаль драгоцѣнный для знакомства съ духомъ времени, матеріаль необходимый для знакомства съ характеромъ Петра.

Но прежде нежели станемъ перечитывать произведенія бойкаго

(и кстати замѣтимъ, до крайности неразборчиваго) пера Петра Великаго, скажемъ нѣсколько словъ о времени основанія „сумасброднѣйшаго собора“ и о его первомъ предсѣдателѣ.

Государь очень рано возложилъ этотъ шутовской санъ на дядьку и перваго воспитателя своего, Нивиту Моисеевича Зотова.

Зотовъ былъ человѣкъ вполне ему преданный. Службное его положеніе состояло въ томъ, что онъ былъ начальникомъ ближней, походной канцеляріи государя и именовался: „Ближней совѣтникъ и ближней канцеляріи генераль-президентъ“. Старый, опытный излагатель царской воли — Зотовъ, далеко не пользовался такимъ значеніемъ, какъ молодой кабинетъ-секретарь Макаровъ и былъ сановникъ ума недалежнаго. Досуги отъ возложенныхъ на него должностей Зотовъ „со всеусердіемъ“ посвящалъ „служенію Бахусу и честному обхожденію съ крѣпкими напитками“; этою особенностью своего характера „тайный совѣтникъ“ Зотовъ пріобрѣлъ званіе князь-папы, т.-е. главы самыхъ отборныхъ пьяницъ и обжоръ.

Уже въ 1690-хъ годахъ государь въ письмахъ своихъ зачастую посылаетъ поклонны „всешутѣйшему“, и всешутѣйшій рано начинаетъ „благословлять“ одну изъ овецъ своей паствы. „Геру протодіакону П. А. (т.-е. Петру Алексѣевичу), пишетъ Зотовъ 23-го февраля 1697 года, со всею компанією посылаю миръ и благословеніе“!

Титулъ протодьякона, а еще болѣе слѣдующее письмо Зотова показываетъ, что уже въ эти года „соборъ всешутѣйшаго“ сформировался и получилъ тотъ видъ и назначеніе, которыя не измѣнялись до конца дней одинъ за другимъ опочившихъ отъ многопитія членовъ „шумнаго собора“.

„23-го февраля 1697 г. Нашего смиренія сослужителю, геру протодіакону П. А. со всею компанією о Господѣ здравствовать! Благодарствую вашей любви за возвѣщеніе путешествія вашего (за границей) при добромъ здравіи (о чемъ увѣдомленъ отъ азовскаго владыки), и впредь о семъ намъ вѣдомо чините. Зѣло удивляемся вашей дерзости, что изгнанную нашу рабыню, т.-е. масляницу, за товарища приняли, не взявъ у насъ о томъ свободы; только вѣдайте: есть при ней иные товарищи Ивашка (т.-е. пьянство) и Еремка (распутство), и вы отъ нихъ опаситесь, чтобъ они васъ отъ дѣла не отволокли; а мы ихъ дружбу знаемъ больше вашего. Сего числа поѣхали къ вамъ иподдіаконъ Готовцевъ и Бехтѣевъ, съ которыми наказано отъ насъ подати вамъ словесно миръ и благословеніе; а масляницу и товарищевъ ея отлучати: понеже при трудѣхъ такіе товарищи непотребны; а къ симъ посланнымъ нашимъ иподдіаконамъ будьте благопріятны.

При семъ миръ Божій да будетъ съ вами, а нашего смиренія благословеніе съ вами есть и будетъ. Smirenni Anikit власною рукою“.

Съ этого времени переписка смиреннаго Никиты съ Петромъ, не всегда смиреннымъ, велась большею частію въ одномъ и томъ-же родѣ, въ одномъ и томъ-же тонѣ; самыя остроты всешутѣйшаго зачастую цѣликомъ повторялись въ письмахъ различныхъ годовъ. Изъ нихъ видно, что годъ отъ году іерархія всепьяннѣйшаго увеличивалась новыми чинами; онъ имѣлъ достойныхъ сотоварищей; достойнѣйшіе изъ нихъ носили званія „Владыкъ“ различныхъ городовъ; ихъ окружали протодіаконы, діаконы и прочіе мелкіе чины.... Занятый въ обыкновенные дни различными дѣлами, всешутѣйшій соборъ только въ праздники, и въ особенно торжественные дни, являлся въ полномъ своемъ блескѣ.

Такъ, напримѣръ, въ извѣстной свадьбѣ царскаго шута, Шанскаго, въ 1702 году, соборъ былъ въ полномъ сборѣ. Свадьба совершена была съ выполненіемъ мельчайшихъ обычаевъ старины; опивали между прочимъ горячимъ виномъ, пивомъ и медомъ съ неотступными просьбами и поклонами. „Ваши предки, шутилъ Петръ, обращаясь къ поборникамъ старины, употребляли эти напитки, а старинные обычаи всегда лучше новыхъ“ и т. п. *).

*) Исторія Петра I, изд. въ Венеціи, переводъ въ Спб., ч. I, л. 268. Въ моей библиотекѣ есть современная интересная гравюра, изображающая эту свадьбу. На ней изображенъ пиръ въ большой двухъ-свѣтлой залѣ, съ восьмью зеркалами, большою люстрою посреди, изразцовою печкою въ лѣвомъ углу и большимъ образомъ распятія въ правомъ. Десять столовъ уставлены въ четыре линіи покоемъ; за отдѣльными столами на возвышеніи, въ глубинѣ зала, сидятъ именитѣйшія лица. Каждый столикъ пронумерованъ и внизу, подъ соответствующимъ номеромъ, мы находимъ слѣдующія объясненія: «Описаніе свадьбы остроумнотнаго Теофилакта Шанскаго, который державнѣйшаго великаго монарха многоутѣшный шутъ, смѣхотворецъ; бывшей (т.-е. свадьбѣ) 1702 г., февраля въ 1-й день, въ палатѣ бывшаго господина генерала Франца Лефорта: 1) Столъ, при которомъ сидятъ въ облаченіи, подобно монаршескаго, князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. При нихъ-же (съ лѣвой стороны), въ видѣ патріарха, Никита Моисѣевичъ Зотовъ. 2) При семъ столѣ: новобрачный Теофилактъ Шанскій. Царевни Сибирскій, Каспимовскій, да Тимоха. 3) При семъ столѣ ближніе бояра, етманъ, офицеры морскіе и земные, между которыми и самодержавнѣйшій монархъ. 4) Гдѣ сидятъ иноземцы торговые. 5) Гдѣ сидятъ окольничіе, думные дворяне и дьяки. 6) Гдѣ сидятъ дьяки, гости и иныхъ торговыхъ чиновъ. 7) Гдѣ сидятъ разныхъ чиновъ люди. 8) Гдѣ сидятъ дворовые люди. 9) Среди палаты пѣвчіе державнѣйшаго государя поютъ. 10) Поставъ съ серебрянной и золотой посудой».

Пирующихъ насчитывается болѣе 300 фигуръ съ прислугой, которая суетливо подаетъ кушанье. Фигуры сдѣланы очень грубо, за портретнымъ сходствомъ художникъ не гнался; по строгій исторической истинѣ событія, пред-

Главныя роли въ сатирическомъ спектаклѣ Петръ предоставилъ князю Ромодановскому и Никитѣ Зотову. Первый былъ въ одѣяніи русскаго царя XVII вѣка, послѣдній—въ облаченіи патріарха *). Это сопоставленіе двухъ именитыхъ лицъ въ двухъ различныхъ роляхъ вполне подтверждаетъ намъ, что титулъ князь-кесаря былъ приданъ Ромодановскому не столько изъ уваженія, какъ это увѣряютъ позднѣйшіе писатели, сколько изъ шутовства, ради насмѣшки; но съ княземъ шутить было опасно, смѣяться надъ его званіемъ и разсуждать о его значеніи мало кто рѣшался, и вотъ почему въ письмахъ, реляціяхъ и всевозможныхъ форменныхъ бумагахъ, либо о немъ, либо къ нему писанныхъ, мы нигдѣ не видимъ какой-либо остроты надъ его званіемъ, и только два-три слова, да общій тонъ нѣкоторыхъ къ нему писемъ Петра разоблачаютъ предъ нами настоящее значеніе сего званія.

Что касается до Зотова, то къ нему относились смѣлѣе; царскіе любимцы позволяли себѣ иногда шутить надъ нимъ, хотя не безъ риску, ибо, если въ вѣдѣніи Зотова не было застѣнка, въ рукахъ кнута, а на дворѣ медвѣдей, готовыхъ, по мановенію господина, помять дерзкаго (какъ это было пр. Ромодановскомъ)**), то за нимъ была власть ополить или не ополить лицо, его прогнѣвившее.

Вотъ что разсказываетъ по этому поводу Неплюевъ, хорошо знавшій Зотова. Полковникъ Блеклый имѣлъ съ князь-паной тяжбу; рѣшалась она въ сенатѣ. Блеклый былъ правъ; Яковъ Долгоруковъ обѣщалъ ему свое содѣйствіе, но, вопреки данному имъ слову, Блеклый былъ обвиненъ, и между прочими сепаторами, подписавшими неправый приговоръ, былъ Яковъ Долгоруковъ. Это обстоятельство поразило Блеклаго. Онъ съ негодованіемъ жаловался всѣмъ и каждому на такой странный поступокъ. „Что ты правъ, то я вновь повторяю.

ставилъ почти всѣхъ въ монашескихъ платьяхъ, съ капишонамп, откинутыми назадъ, но безъ клобуковъ. Столы покрыты яствами, высокими кубками съ виномъ и громадными канделябрами съ зажженными свѣчами; на первомъ планѣ можно отличить какую-то, должно-быть важную особу, которая нещадно деретъ за вихры брата-послушника—служу, вѣроятно за нерасторопность. Женихъ-карликъ чинно сидитъ за столомъ на правой сторонѣ, какъ объяснено подъ вторымъ номеромъ.

Петръ I, устраивая это забавное торжество всенародно, въ то же время печатаніемъ гравюры давалъ возможность всѣмъ отдаленнѣйшимъ жителямъ Россіи познакомиться съ юмористической затѣей.

*) Послѣдній-патріархъ Адріанъ незадолго скончался до этого: 16 ноября 1701 г.

***) О пересылкѣ его ученыхъ медвѣдей въ Спб. въ моихъ бумагахъ есть документъ 1720 г.

говорилъ Долгоруковъ, и совѣтую подать аппелляцію на сенатское рѣшеніе, а на меня челобитную къ государю“.

Блеклый такъ и сдѣлалъ. Государь разсмотрѣлъ тяжбу и нашель, что челобитчикъ правъ. Призываютъ Долгорукова. Петръ спрашиваетъ: какъ онъ могъ подписать такое рѣшеніе? „Блеклый правъ, а Зотовъ виноватъ,—вновь повторилъ правдивый сенаторъ,—но сильная рука Зотова превозмогла; нынѣ наступили святки, а онъ брата моего, по злобѣ на него, уже опоить *), то если бы я обвинилъ Зотова, мнѣ предстояла бы та же участь. А какъ ты, государь, заключилъ водкобоязливый савонникъ, передѣлаешь и насъ обвинишь, такъ не на кого будешь и сердиться Зотову“...

Этотъ владыка мощный, между прочими титулами, носилъ званіе всесвятѣйшаго. „Мы здѣсь, пишетъ государь въ 1705 г. изъ Митавы къ Головину, великое несчастіе имѣемъ, понеже господинъ Леингоптъ, яко Нарцисъ отъ Эхо, отъ насъ удаляется. Пожалуй, поклонъ отдай всесвятѣйшему и прочимъ, за котораго благословеніе всѣ до лица земли челомъ колотимъ, или бьемъ“.

Отъ военныхъ бурь, походовъ и непріятностей бивуачной жизни, государь, при первомъ досугѣ, спѣшилъ отдохнуть въ лонѣ любимаго собора; такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Головину изъ Минска, отъ 12-го марта 1706 г., дѣлая распоряженія о присылкѣ въ порубежный городъ Великія Луки желѣзныхъ пушекъ, дробовиковъ, ядеръ и дробі, государь тутъ же отмѣчаетъ: „Пожалуй, доложи, паче же побей челомъ, чтобы всесвятѣйшій (Зотовъ) извоилъ конечно къ празднику быть въ Нарву и съ собою взять (владыкъ) Казанскаго и Мусина (Пушкина); тако-жъ изволь имъ придать Гаврилу Меншикова, чтобъ скорѣе ѣхали, и конечно къ празднику стали въ Нарву“.

Скучалъ государь безъ собора, скучалъ и соборъ, въ лицѣ своихъ шуточныхъ представителей, безъ шумнѣйшаго протодьякона.

„Прелюбезнѣйшему сыну нашему и сослужителю нашея мѣрности, протодіакону Петру, миръ и благословеніе, и молитвы наши да будутъ съ вами!—такъ писалъ Петръ Бутурлинъ — государю:

„Понеже мы веселимся въ С.-Петербургѣ, однако-жъ мы имѣемъ печаль великую, что вапу святость не имѣемъ при себѣ въ милости, а коли-бъ милость ваша и святость нашей епархіи была персона при насъ, велие-бы веселіе.

„Пожалуй, отдай благословеніе отъ меня всешутѣйшему Киръ... Ни-

*) Дѣянiя Петра I-го, изд. 1843 г., т. XV, стр. 124—125.

китѣ Пресбургскому *), за Лузскому отъ великихъ Мытищъ и до..... патриарху и всему сумасбродному собору.

„Смиренный, царствующаго и великаго града С.-Петербурга, Ижерской и Кроншлотской Ингерманландіи, митрополитъ Петръ... благословеніе посылаю“ **).

(На оборотѣ: господину протодіакону Петру Михайлову).

Петербуржскимъ владыкою съ 1706 до 1717 года былъ Петръ Бутурлинъ. Этотъ сановитый и престарѣлый бояринъ принадлежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ и именитѣйшихъ фамилій въ Россіи. Его братъ палъ въ 1708 г. въ сраженіи подъ Лѣснымъ, въ чинѣ капитана гвардіи; его родные племянники были любимцы Великаго Петра: изъ нихъ Иванъ Ивановичъ, генераль-аншефъ и гвардіи подполковникъ, заявилъ себя, какъ искусный военачальникъ и суровый членъ розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи; другой, Александръ Борисовичъ—красивый, расторопный деньщикъ Петра, приближенное лицо къ цесаревнѣ Елисаветѣ, былъ впоследствии графъ, фельдмаршалъ и противникъ Фридриха Великаго. Двадцать девять Бутурлиныхъ въ 1699 году были богатыми помѣщиками.

Итакъ, на сторонѣ Петра Ивановича Бутурлина были: знатность рода, богатство, большія связи—и все это не спасло его, какъ жаркаго поклонника Бахуса, отъ ближайшаго участія въ „всепьяннѣйшемъ соборѣ“; да и не видать, чтобы онъ тяготился своимъ избраніемъ; напротивъ, изъ его писемъ видно полное довольство. Рано начавъ службу въ свитѣ всешутѣйшаго, онъ довольно быстро подвигался по іерархической лѣстницѣ шутовскихъ чиновъ. Мы встрѣчаемъ его въ 1702 году на потѣшной свадьбѣ князя Шанскаго; встрѣчаемъ здѣсь и супругу его въ костюмѣ русской царицы стараго времени; затѣмъ ни одно торжество, т.-е. ни одно пьянство не обходится безъ его участія. Съ основаніемъ Петербурга государь далъ ему большее назначеніе, сдѣлавъ его, впрочемъ отъ лица собора и предсѣдателя, „владыкой“ новаго города. Въ Петербургѣ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ окружилъ себя новыми членами: то были, по большей части, лица знатныя—по происхожденію, богатыя—по состоянію, вѣчно пьяные—по душевной склонности и царскому назначенію.

*) Пресбургъ, бывшій въ 1691 году стольнымъ градомъ Ромодановскаго, былъ не что иное, какъ земляное укрѣпленіе, сооруженное Петромъ близъ Преображенскаго села, подъ Москвою, для его юношескихъ военныхъ потѣхъ.

**) Привода подлинныя докѹменты отъ слова до слова, мы однако не считаемъ нужнымъ сохранять ореографію того времени, такъ какъ ея особенности всѣмъ хорошо извѣстны.

Чадолюбивый пастырь довольно часто извѣщаль государя о себѣ и о своемъ соборѣ.

„Сыну нашему и сослужителю, любезнѣйшему протодьякону Петру, миръ и благословеніе, и молитвы наши да будутъ съ вами!

„Понеже мы просимъ васъ, дабы приказали отписать о своей святости до насъ, чего желаемъ повсечасно слышать, (то) повторяемъ. Просимъ отдать отъ насъ поклонъ брату моему, всешутѣйшему князю-папѣ и духовнику Козьмѣ, архидьякону Гедеоу и всему шумному собору. При семъ я, смиренный, царствующаго и великаго града С.-Петербурга митрополитъ Петръ... благословеніе посылаю. Спб. 19-го іюля лѣта (? не означено)“.

Государь милостиво отвѣчалъ Бутурлину, и тотъ спѣшилъ благодарить за вниманіе, при чемъ давалъ отчетъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, не совсѣмъ для насъ понятныхъ, такъ какъ мы не отыскали еще всей коллекціи его писемъ:

„Сыну и сослужителю нашей мѣрности, протодьякону Петру, миръ и благословеніе и молитвы моей да будутъ вамъ!

„Благодарство за твое писаніе, изъ котораго выразумѣли, что скорое къ намъ пришествіе твое не будетъ; о семъ много имѣю печали. Разумѣю-же, что нѣсть вашего желанія къ намъ; причину показуешь намъ; (но) непріятнаго сосѣда (Карла XII) могъ бы, ваша милость, чрезъ другихъ удовольствовать (и) сосѣду воздати за его дѣло. Мы же долготерпѣливы суще; еще нивакого на кельи, и сады, и фонтанахъ (нападенія) не учинимъ. Аще ли же не имѣете нужды, коя бы возбранила прибытію къ намъ, то сотворимъ, еже писахъ въ первомъ письмѣ; (о) Алеутовыхъ внучатахъ, по прошенію ризничаго, учинимъ(?).

„Прошу вашего все.. ность, господине протодьяконъ, буди помощникъ и заступникъ, и обо мнѣ челобитчикъ всешутѣйшему патриарху: который крестьянинъ мой сбѣжалъ и получилъ монашескій чинъ, а нынѣ уже митрополитъ Казанскій *), прошу дабы по правиламъ отданъ былъ въ крестьянство, по прежнему. Смиренный Петръ... Ижерскій и С.-Петербургской. Съ Москвы 5-го января 1709 года“.

Годъ, означенный на посланіи, краснорѣчиво указываетъ на то, что даже во время войны съ Карломъ XII, въ борьбѣ тяжкой и упорной, когда всей Россіи грозила большая опасность, Петръ не измѣнялъ своему характеру.

Почти стоя предъ врагомъ, онъ обращаетъ взоръ къ пьянымъ

*) Эта просьба была не болѣе какъ шутка, и владыка Казанскій—ни кто иной, какъ одинъ изъ подчиненныхъ Бутурлину, членъ спб. пьянаго собора.

отцамъ, отвѣчаетъ на ихъ письма, и весело пробѣгаетъ ихъ курьезныя посланія. Отвѣчать однако на нихъ часто не позволяло время, не позволяли тяжкіе труды; тогда Бутурлинъ, пародировавъ папскія отлученія отъ церкви, посылалъ Петру за его молчаніе грозную грамоту:

„Отъ прешутѣйшаго и отъ пьянѣйшаго, отъ Петр... митрополита великаго царствующаго града Санктпетербурха и Эрмоландіи, и всѣхъ принадлежащихъ городовъ, любезнѣйшему нашему сыну и сослужителю нашей мѣрности, протодьякону Петру, миръ и благословеніе наше есть и будетъ съ вами!

„Послаше отъ насъ къ вамъ грамота и, по той грамотѣ, мы отъ васъ письма не получили, и за то отрѣшаемъ васъ отъ шумства и отъ кабаковъ, дабы не ходить. А объ насъ изволишь вѣдать, и мы въ частыхъ трудахъ во всеночной пребываемъ; а паче печалимся, что васъ при себѣ не имѣемъ. Пожалуй, отдай поклонъ брату моему меньшому *); (также) всепутнѣйшему Кирь... князь-папѣ Аникитѣ и духовнику Козьмѣ, и архидакону Гедеону, и дьяконамъ Александру, и Кіевскому Гаврилѣ, и С.-Петербуржскому дьякону Василью.

„При семъ смиренный царствующаго и великаго града митрополитъ Петр... и со служителями, миръ и благословеніе посылаю. Сентября въ 20-й день“.

Грамота отлучительная скрѣплена красною, вензелевою печатью и для полноты шутки писана на большомъ листѣ.

Случалось (да и не рѣдко) петербургскому владыкѣ провиниться; тогда онъ просилъ у „отлученнаго“ прощенія и заступничества, причемъ облекалъ свою просьбу въ грубую форму тогдашней юмористики.

„1708 г. февраля 15-го дня. Преосвященной Петро... корчага провинился въ томъ, что противъ своего обѣщанія, уже въ другой рядъ занялъ дворъ, противъ указу, и нынѣ въ томъ просить прощенія, съ такимъ закладомъ: ежели паки также провинится, то отдаетъ въ послуженіе, на нѣсколько времени, во всякую волю жену свою Аксинью Михайловну **), которую предъ тѣмъ въ крайнемъ угожденіи имѣлъ окольничій Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, несмотря на то, что она ему невѣстка была. Петръ Бутурлинъ“.

*) Вѣроятно, капитану гвардіи Борису Ивановичу Бутурлину, убитому подъ Лѣснымъ; слѣдовательно отлученіе отъ кабаковъ писано не позже 1708 г.

**) П. И. Бутурлинъ женатъ былъ впоследствии на графинѣ Аннѣ Еремѣевнѣ Зотовой, рожденной Пашковой (Род. Кн. ч. 2, с. 158); но кто была упомянутая здѣсь Аксинья Михайловна, была ли она первая жена Бутурлина, или онъ въ шутку ее называетъ женой—неизвѣстно.

†

„Нашія высокопочтенныя мѣрности: сыну и сослужителю, священно-протоіакону, всероссійскому императору, непобѣдимому Августу, великому государю, царю Петру Алексѣевичу и всему его христіюлюбивому воинству, обоихъ путей, какъ преславному флоту морскому, такъ и сухопутной арміи, отъ всемогущаго Бога, мира, здравія многолѣтнаго, со приумноженіемъ всякихъ благъ, всеусердно желаемъ, и наше благословеніе преподаемъ.

„Сего, настоящаго сентября 21 дня, отъ вашего величества, за подписаніемъ собственныя вашей руки, получили мы писаніе, и отъѣвное намъ неизреченныя радости о благополучной побѣдѣ на враговъ и о взятіи преславнаго града Абова, со всею финскою провинціею; о чемъ радостными душами Господа Бога молимъ, дабы и впредь оружіе ваше благословило, и на враги ваша побѣду даровало; и сею викторіею васъ поздравляемъ.

„А отъ великія радости, за преумножительныя ваши воинственныя труды, кую вамъ хвалу принесемъ? понеже ваше дѣло превосходить всякаго разума; но тоѣмо едино совокупно со святою церковію, еже поуть въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, и мы торжествуемъ днесъ спасеніе міру, яко всероссійскому народу, воскреси Христось, и нынѣ даруетъ всякихъ благъ исполненіе свободное и отъ враговъ нашихъ безстрашное житіе.

„При семъ просимъ и благонадежно ваше величество, и все воинство молимъ, для сей великой радости сотворите, яко же и мы сотворихомъ, чашу спасенія душевнаго и тѣлеснаго примите и имя Господне призовите; потомъ, утѣшенія ради, употребите по немалой красовуль отъ прилучившагося питія, и нашего смиренія не забывайте. За сіе и паки, благодаря Господа Бога, миръ и благословеніе всѣмъ вамъ преподаемъ. *Smigennii Anikit*, властною рукою.“

Изъ Москвы, сентября 22 дня, 1713.

На оборотѣ: „Всемиловитъ. государю, его царскому величеству“.

Читатель приведенныхъ документовъ можетъ быть замѣтитъ, что въ нихъ не видать собственно петровскаго юмора; всѣ эти письма не его руки, не его сочиненія; такъ, но они писаны въ духѣ и тонѣ Петровомъ, и, какъ ниже увидимъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первоначальная форма посланій Бутурлина и графа (съ 1710 г.) Зотова съ товарищи указана самимъ Петромъ; такъ по крайней мѣрѣ мы имѣемъ право думать, имѣя предъ собой цѣлый рядъ шуточныхъ объявленій и посланій, которыя составлялись отъ лица князь-папы, но всегда съ черновыхъ, собственноручныхъ писемъ великаго государя.

Кромѣ того, одинъ взглядъ на письма Бутурлина достаточно по-

казываетъ, что ихъ изложеніе, манера писавшихъ, вступленіе и заключеніе есть ни что иное, какъ пародія на русско-старинныя грамоты, разъясившіяся отъ различныхъ лицъ; подобную форму писемъ Бутурлинъ съ товарищи не иначе могли взять, какъ по указанію, либо изъ угрожденія государю.

А юморъ Петра проявлялся не въ одной только перепискѣ. Онъ заявлялъ себя въ поступкахъ громаднхъ и всенароднхъ. Къ числу подобныхъ проявленій Петрова юмора мы относимъ свадьбу князь-папы.

Къ этой свадьбѣ подалъ поводъ старикъ графъ Зотовъ тѣмъ, что вздумалъ отпроситься въ Москву съ цѣлю поступить въ монастырь. Петръ, вмѣсто этого, указалъ ему въ Москвѣ выбрать жену, 70-ти лѣтній старикъ былъ вдовъ. „Генералу-президенту Ближней канцеляріи“ и верховному жрецу Бахуса, любо показалось это предложеніе, и онъ поспѣшилъ обратиться къ государю съ слѣдующимъ письмомъ:

†

„Премногомилостивый государь, царь Петръ Алексѣевичъ! Доношу вашему величеству, яко самому Богу: получилъ я отъ вашихъ государскихъ устъ изведеніе ваше со утвержденіемъ истиннымъ, что въ монастырь меня отпускать и монахомъ быть не изволите; а указалъ мнѣ, для домоваго осмотра, имѣть въ супружествѣ жену, избравъ добрую, средовѣчную, дабы старость мою покоила; и нынѣ, по вашему царскому милостивому призрѣнію, для покоя старости моей, указано мнѣ пожить на Москвѣ до зимняго пути, а если, государь, въ сихъ числахъ обрящется жена, къ супружеству моему годная, позволъ, милостивый нашъ государь, мнѣ здѣсь въ Москвѣ супружество принять не разглашательное, и отъ разбивки злыхъ чловѣкъ петербургскимъ жителямъ сокровенное; а впредь, государь, мнѣ къ тому такого удобнаго времени не получить; а въ прїѣздѣ, государь, нашемъ въ Петербургъ, какую изволишь для увеселенія вашего государскаго публику учинить, то радостною охотою васъ, государя, тѣшить готовъ, только-бъ бабу супружествомъ изъ Москвы уволочъ, а безъ того никакая вдова съ женихомъ безъ супружества ѣхать не похочетъ, по замерзѣлому своему стыду.

„Сіе все да будетъ въ волѣ вашей государской, о семъ прошу вашего царскаго милостиваго извѣстія. При семъ благонадежно пребываю, и миръ и благословеніе вамъ преподаю. Smirennый Anikit, властною рукою“.

Изъ Москвы, октября 2 дня 1713.

„Пожалуй, государь, прикажи сына моего Конона отпустить къ Москвѣ, для свиданія съ братомъ его, Иваномъ, на одрѣ смертномъ“

лежаща, также и платьишкомъ обносился, дабы вновь что сдѣлать, и чтобъ меня засталъ на Москвѣ“.

На оборотѣ: „Великому государю, его царскому величеству“.

Свадьба была совершена въ 1715 году; мы не станемъ передавать ея подробностей, такъ какъ у Голикова напечатано довольно обстоятельное ея описаніе *), но нельзя не упомянуть объ этой интересной церемоніи.

Приготовленія къ ней начались еще въ сентябрѣ 1714 года.... Но здѣсь необходимо остановиться на слѣдующемъ характерномъ эпизодѣ. У Зотова отъ перваго брака были дѣти; изъ нихъ старшій сынъ, Коновъ Никитичъ, съ отличіемъ служилъ капитанъ-лейтенантомъ и исполнялъ многія важныя порученія государя. Свѣдавъ про предстоящую шутовскую свадьбу отца, Коновъ Зотовъ глубоко огорчился. Устрашила его мысль, что отъ новаго брака могутъ быть дѣти, которыя отгнѣсятъ его, и брата Ивана, отъ отцовскаго наслѣдства; быть можетъ обидѣло его и поруганіе, на которос, впрочемъ, мы какъ увидѣли, самъ старикъ Зотовъ напрашивался. Какъ бы то ни было, но Коновъ Никитичъ ударилъ государю слѣдующимъ челобитьемъ:

„Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Смѣлости иже приѣмлю въ приношеніи сего, не есть иная причина, только единое упованіе въ премилостивое призрѣніе вашего величества, яко суще образъ Божій, видимъ его неизмѣнно свѣтящася божескими добродѣтелями.

„Умилосердись, государь! предвари искушенію діавольскому, и хотящей намъ быти наглою напасти: подлежить убо сіе вашей премудрости и милости. Такимъ ли вѣнцомъ пристойтъ короновать конецъ своей жизни, яко нынѣ приведенъ отецъ мой чрезъ искушеніе! Смѣло называю искушеніемъ, понеже премудрость Соломонова таковыми гнушается, написавши, яко трехъ вещей возсмердѣ его совѣсть, изъ нихъ же гнуснѣйшее бысть предъ нимъ старыхъ прелюбодѣйство, суще умаленныхъ смыслу. По сей пунктъ отдаю послѣдній мой сыновской долгъ, душевнымъ плачемъ моля ваше величество, дабы изволеніе ваше причинствовало его совѣсти умному о себѣ расположенію.

„А что я вмѣняю себѣ въ напасть, и то есть, что онъ такъ долго не можетъ жить, какъ бы еще могъ безъ сей женитьбы продлить

*) Дѣянія Петра, изд. 1843 г., т. VI, стр. 277 — 290. Мы сочли не безынтереснымъ перепечатать въ прилож. (№ I) рассказъ Голикова, основанный на подлинныхъ документахъ.

свою жизнь. Я въ его здоровьѣ оной (мачихѣ) весьма не вѣрю, но чаю, что польстя себѣ наслѣдствомъ по смерти его всего, получить свободу, какъ можно будетъ радѣть; есть бо противъ природы желающему съ недовольствуемымъ жить: крайняя же моя погибель, что я отъ него ничего не имѣю, во опредѣленіе къ моей грядущей въ службѣ вашей жизни; конечно еще я вѣрю, что она для того идетъ въ замужество, чтобъ ей насъ, дѣтей его. лишить отъ Бога и отъ васъ, государя, достойнаго намъ наслѣдства, которымъ вы удостоили отца нашего, чая по немъ отъ насъ заслуги; для покоя старости его довольно будетъ, если укажетъ ваше величество брату моему, Ивану, быть при немъ, который такъ долгое время за его же волю коснѣлъ, и милости вашей былъ удаленъ; однако нынѣ, изволить говорить намъ отецъ нашъ: „я бы и радъ отречся моей женитьбы; но не смѣю царское величество прогнѣвать, столько-де стариковъ собрано для меня, и платья надѣлано.“ Все сіе разсудя, помилуй и его старость, и насъ сиротъ, которыхъ такъ долгое время изволилъ имѣть подъ своимъ кровомъ, хотя нынѣ одинъ изъ насъ и обнесенъ предъ вашимъ величествомъ, что надлежитъ до его настоящаго дѣла; понеже въ прочемъ предъ Богомъ и предъ вами, кто постоитъ или оправданъ можетъ быть, аще вся беззаконія наша назрите. А когда уже сему положено быть непремѣнно, то можешь показать Богоподобное милосердіе, приказать отцу нашему закрѣпить старую духовную, и пункты къ нашему равнораздѣленому и безвраждебному житію. Онъ изволить говорить, что „я-де васъ не оставлю,“ однако тому не вѣривъ, ибо онъ же говорилъ: „когда-де вы чрезъ волю мою по своему желанію производитесь, то вамъ такова чорта на шею навяжу, что вы своему животу не будете рады“.

„Я надѣюсь, что ваше величество не въ той образъ нашу фамилію милостиво призрѣлъ, дабы мы отъ пришедшія внезапно угѣснены и разорены были. А сію прискорбность держалъ на сердцѣ моемъ такъ долго, какъ могъ, нехотя быть въ лицѣ навѣтниковъ отцу моему, а нынѣ крайняя нужда и видимая напасть принуждаетъ тако дерзать предъ вашимъ величествомъ прямою совѣстію, яко предъ самимъ Богомъ, усмотрѣвая весьма, что онъ женится нарочно дая особливаго, намъ невѣдомаго его (аще и неповинны) немилосердія. Не прогнѣвайся, государь, что такъ дерзнулъ трудить ваше величество; помысли, государь, яко кійждо имать ожидать милосердіе отъ трехъ, отъ Бога, отъ царя, и отъ отца. Нынѣ отецъ меня, близко того, что оставляетъ; вы, государь, призрите, хотя и не заслужилъ вашего милосердія, но помилуй яко Богоподражательный царь. Его-жъ величества есмь вѣчный рабъ Кононъ Зотовъ“.

Спб., 14 генваря 1715 года.

Слезное моленіе Конона Зотова осталось не услышаннымъ. Приготовленія къ свадьбѣ продолжались безостановочно.

Еще въ декабрѣ государь сдѣлалъ смѣлѣе всѣмъ лицамъ, назначеннымъ въ свадебный маскарадъ, т.-е. осматривалъ ихъ курьезныя платья, экипажи и проч. Все до послѣдней мелочи было назначено самимъ Петромъ; по его повелѣнію, именитѣйшія лица, начиная съ его супруги до послѣдняго деньщика, всѣ должны были принять участіе въ потѣхѣ. Въ рукахъ у каждаго былъ какой-нибудь инструментъ: гудокъ, балалайка, мѣдныя тарелки, колокольчики, скрипицы, собачьи свистки, охотничьи дудочки, ворганы, трещотки, пузыри съ горохомъ и т. п. Въ числѣ „дамскихъ персонъ“ была „архіерейша“ Бутурлина въ нагольной шубѣ и лѣтникѣ; князь-игуменья Ржевская — въ шубѣ и тѣлогрѣбѣ. Приглашеніе гостей предоставлено было отборнѣйшимъ заявкамъ и совершалось по особому объявленію, составленному самимъ Петромъ. Въ этомъ документѣ *) много юмору; но большая часть саркастическихъ выходовъ теперь непонятна, такъ какъ неизвѣстны лица, противъ которыхъ онѣ направлены.

Молодые только по роли, а не по возрасту, были обвѣнчаны въ Архангельскомъ соборѣ девяностолѣтнимъ священникомъ. Въ храмъ и изъ храма процессія шла съ музыкою; къ дикимъ звукамъ свистковъ, гудковъ, тарелокъ и т. п. инструментовъ присоединился колокольный звонъ всѣхъ церквей. Почти весь январь 1715 года проведенъ былъ въ пиршествахъ, въ церемоніальныхъ прогулкахъ по улицамъ столицы, въ выпожденіи всевозможныхъ смѣшныхъ церемоній, на изобрѣтеніе которыхъ Петръ I былъ неистощимъ. Безчисленныя толпы народа тѣснились по улицамъ и площадямъ московскимъ; чернь, щедро угощаемая виномъ да пивомъ, по словамъ Голикова: „толико уважавшая достоинство патріарха, въ сіи дни съ великимъ смѣхомъ забавлялась насчетъ онаго“. (Изд. 1843, т. VI, стр. 289).

Если-бъ можно было перенестись въ эту толпу, побродить между зрителями, мы бы слышали, безъ сомнѣнія, не одинъ смѣхъ, не одно глумленіе. Нѣтъ! русскій простолюдинъ не могъ такъ скоро оторваться отъ завѣтныхъ преданій, не могъ такъ быстро отказаться отъ привычнаго уваженія патріарха, чтобы сочувствовать странной и несовсѣмъ понятной насмѣшкѣ надъ нимъ; были вѣроятно и въ толпѣ такія лица, которыя съ затаеннымъ недовольствомъ и ропотомъ смотрѣли

*) См. въ приложеніи, № I.—Голиковъ ошибочно говоритъ, что князь-папа, приглашенный на свадьбу, былъ Бутурлинъ. Бутурлинъ, какъ увидимъ ниже, возведенъ въ это званіе въ концѣ 1717 года, а до этого года, какъ самъ же Голиковъ на стр. 373 правильно указываетъ, Бутурлинъ именовался с.-петербургскимъ архіереемъ.

на таковыя шутки. Но высказывать недовольство было дѣломъ щекотливымъ: каждый берегъ и спину и голову, хулили и роптали одинъ на одинъ, за замкомъ, робко озираясь, нѣтъ ли извѣтчика; здѣсь же на улицахъ все покрывалось общимъ крикомъ пьянѣйшихъ изъ пьяныхъ: „Патріархъ женился! Патріархъ женился!“ Новые ковши вина и пива придавали еще болѣе восторженности, и лишь только одинъ возгласъ замиралъ, какъ раздавался новый крикъ: „Патріархъ женился! да здравствуетъ патріархъ съ патріаршей!“ *). И возгласы народа, подобно волнамъ морскимъ, переливаясь отъ толпы до толпы, долго не замолкали въ столицѣ россійскаго государства!....**).

II.

Чинъ избранія.

Въ концѣ 1717 года было зрѣлище не столь публичное, но не менѣе интересное: то были избраніе и поставленіе новаго князь-папы, на мѣсто умершаго Зотова ***).

*) Дѣянія Петра Великаго, т. VI, стр. 289.

**) Приведа въ приложеніи подробный разсказъ Голикова о свадьбѣ князь-папы и сужденія того-же писателя, основанныя на разсказахъ современниковъ, о причинахъ и дѣли этой потѣхи, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей на отзывъ о той же забавѣ историка Соловьева: «Свадьба Зотова заслужила особенное вниманіе: одни вооружаются противъ неприличія этого торжества, другіе стараются оправдать его, и вообще хотятъ видѣть здѣсь насмѣшку надъ патріаршествомъ, желаніе унижить санъ, который хотѣлось уничтожить. Но мы знаемъ, что это была просто игра въ короли, папы и патріархи, игра понятная при тогдашнемъ состояніи юнаго общества. Зотовъ назывался Кокуйскимъ патріархомъ еще тогда, когда настоящій патріархъ былъ въ Москвѣ, когда, по всѣмъ вѣроятностямъ, не западала еще мысль объ уничтоженіи патріаршества; теперь этотъ Кокуйскій, шутовской патріархъ вздумалъ жениться, и свадьбу его отпраздновали приличнымъ его званію образомъ. Если предположить, что Петръ хотѣлъ посмѣяться надъ патріаршествомъ, то надобно предположить, что онъ хотѣлъ посмѣяться и надъ своею собственною царскою властью, потому что у него былъ и шутовской пресбургскій король, впоследствии кесарь; со смертью старика Зотова шутовское патріаршество уразднилось, но остался князь-папа въ соответствіе князю-кесарю («Исторія Россіи въ эпоху преобразованія», С. Соловьева М., 1866 г., т. IV, стр. 284).

***) Зотова женили въ потѣшной свадьбѣ на Аннѣ Еремеевнѣ, рожденной Пашковой, въ первомъ замужствѣ за капитаномъ-поручикомъ Стремоуховымъ. Предчувствія Конона Никитича—о томъ, что у него съ братьями явится разладъ съ мачихой—оправдались. По смерти его отпа, сенатъ присудилъ вдовѣ—четвертую часть имѣнія; Коновъ Зотовъ обратился, въ 1719 г., съ просьбой къ Петру и просилъ защитить его «отъ обиды наглой, безбогобоязливой и безстыдной...» Любопытно, что А. Е. Зотова, овдовѣвъ вышла замужъ за новаго князь-папу П. И. Бутурмина.

Прежде всего для насъ въ высшей степени важно время, въ которое совершилось это торжество: то былъ декабрь мѣсяць 1717 года *). Государь въ лихорадочномъ нетерпѣніи ждалъ первенца-сына; царевича уже захватили сыщики, его везли въ отчину, для него готовилась роковая встрѣча. Страшась упустить жертву, Петръ посылалъ письмо за письмомъ, то къ царевичу, то къ Толстому и Румянцеву; первому посылалъ прощенія, позволялъ жениться на крѣпостной дѣвицѣ Евфросинѣ Ѳедоровнѣ; послѣднихъ-же всячески торопилъ привозомъ сына. И въ эту-то эпоху, въ виду безконечныхъ пытокъ и казней московскихъ, суздальскихъ, преображенскихъ, петербургскихъ, Петръ находить досугъ и исписываетъ цѣлыя листы бойко-юмористическими предписаніями о порядкѣ предстоящаго избранія и поставленія новаго князь-папы. Черновые списки переблѣваются; онъ просматриваетъ и выправляетъ переписанное, затѣмъ на новомъ спискѣ дѣлаетъ новыя поправки; такимъ образомъ по три, да по четыре раза переправлена и передѣлана имъ почти каждая записка, относящаяся до всепьянѣйшаго собора.

Избраніе новаго главы началось просьбой собора къ князь-кесарю: „Великій Г. К. Ц. имя. Извѣстно в. в., пишетъ Петръ отъ лица собора, что отецъ вашъ и богомолецъ **) в. князь-папа, всешутѣйшій Аникита отъ житія сего отъиде, и нашъ сумазброднѣйшій соборъ остави безглавенъ; того ради, просимъ в. в. призрѣти на вдовствующій престолъ избраніемъ Бахусоподражательнаго отца ***)“.

Князь-кесарь соизволилъ разрѣшить избраніе, послѣ чего приготовленія быстро начались:

„1) Сбору, приказывалъ Петръ, быть на старомъ дворѣ и оттуда итти церемоніею въ палаты.

2) Сдѣлать лаговицы (вѣроятно, мѣста для членовъ собора) по образцу, и обить аксамитами самой лучшей, лухской работы.

3) Окна забить войлоками до половины, снизу.

4) Надъ лаговищемъ у каждаго повѣсить по флагѣ или иному судну, которыя хозяинъ пришлетъ.

5) Въ дверяхъ сдѣлать бочку поворотную, чрезъ чтобъ подавать потребное.

*) Время избранія и поставленія новаго князь-папы обозначено въ письмѣ П. Бутурлина къ игуменѣ Ржевской: декабрь 1717 г. Церемонія совершалась при новомъ князь-кесарѣ, Иванѣ Ѳедоровичѣ Ромодановскомъ, возведенномъ въ это званіе по смерти отца, 17 сентября 1717 года.

**) Это слово въ подлинникѣ зачеркнуто.

***) На подлинникѣ замѣчено: «и когда соизволитъ. Потомъ доложить, когда элекція бытъ»; т.-е. Петръ отмѣчалъ, что нужно внести въ бѣловую просьбу, которой при дѣлахъ нѣтъ.

6) Караулъ для осмотра съ одною духовною особою (т.-е. съ членомъ шуточнаго собора).

7) Въ залѣ уготовить мѣсто для избранія и поставленія папы.

8) Камора, гдѣ быть архи-игуменъ и князь-игуменъ съ балами.“

Какъ дѣлательно хлопоталъ государь о предстоявшемъ торжествѣ, видно изъ его отрывочныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ на различныхъ бумагахъ; на примѣръ: „посовѣтовать — когда изберуть (папу), какой знакъ дать вмѣсто пушекъ“? Либо такого рода отиѣтки для памяти: „1) Докладъ. 2) Мѣсто. 3) Время. 4) Платья Макарову. 5) М... Яну (т.-е. Ивану Ромодановскому).“⁴

Уставъ или чинъ избранія долго занималъ Петра; онъ составлялъ и дополнялъ его раза четыре, — наконецъ уставъ выразился въ слѣдующей формѣ:

„I. Чинъ избранія. Собравшимся на старомъ дворѣ папы и сѣдшимъ архиереамъ: начинаютъ оныя пѣть пѣснь Бахусову, потомъ восходитъ князь, великій ораторъ, на высокое мѣсто и чинить предикю, увѣщевая, дабы прилежно просили Бахуса и не по какимъ фавціямъ, но ревностнымъ по ономъ сердцемъ избирали. И потомъ итти въ всѣмъ въ каменный домъ, по учрежденной конклавіи, по приложенному реестру.“

На реестрѣ и двухъ отдѣльныхъ спискахъ съ графою для числа участниковъ процессіи, порядковъ былъ обозначенъ такимъ образомъ:

„1) Весна *)	Ш Ш Ш
2) Сунодальные (пѣвчіе)	Ш Ш Ш Ш Ш Ш Ш
3) Пѣвчіе государевы	Ш Ш Ш Ш Ш Ш Ш
4) Подстѣнная братія	Ш Ш Ш Ш

*) Такъ назывались свистуны, набранные изъ различныхъ мѣстъ, мастера высвистывать по-птичьи. По свидѣтельству Нащокина, на свадьбѣ князя-шута М. А. Голицына, въ 1740, тверскіе ямщики безподобными высвистами являли весну. Объ этихъ же свистунахъ говоритъ Третьяковскій въ извѣстномъ стихотвореніи на дурацкую свадьбу, бывшую въ ледяномъ домѣ.

Архиереи по одному || I ||
	I	
	I	
	I	
	I	
	I	
	I	

„II. Пришедъ въ домъ каменный *), вышнимъ жрецамъ заключиться въ оной конклавѣ; дому князь-папину (т.-е. его служителямъ) въ другую; прочимъ чинамъ въ третій апартаментъ, а народу въ залу. И тако ношеденствіе сотворить, прилежно подвизаяся, яже о отцѣ Бахусѣ, дабы явилъ избраннаго подражателя себѣ, пастыря же намъ. И избираетъ трехъ персонъ кандидатовъ“.

Какъ видно изъ отдѣльной записки, это избраніе дѣлалось по особой просьбѣ цесаря: „Проводя отцевъ цесарь въ определенное мѣсто и поклонясь, прося (просить) ихъ о прилежныхъ людяхъ Бахусовыхъ и о исправленіи настоящаго дѣла, дабы избрали трехъ особъ; и потомъ заточаетъ ихъ двери замкомъ и печатью, и отходить.“

„III. Утру бывшу, его князь-цесарское величество придетъ на мѣсто свое и сядетъ; тогда изъ конклавѣ и прочихъ мѣстъ придутъ всѣ по чину, и поклонясь, сядутъ на своихъ мѣстахъ.

„Во утріе, въ часу (?), объясняетъ государь въ отдѣльной запискѣ, приходитъ князь-цесарь (къ) собраннымъ уже вѣ всѣмъ. И отверзаетъ двери къ отцѣмъ; и повелитъ исходити на учрежденныя имъ мѣста, и прочимъ съ ними; самъ же садится на свой тронъ; назначенные же поклоняются и отходятъ въ особое мѣсто“.

„IV. Пошлется отъ князь-цесаря и отъ собора ключарь къ архи-игуменѣ, дабы балы прислала къ князь-игуменѣ.

„V. Пришедъ князь-игуменья (съ) носящимъ за нею балы діаконосамъ съ музыкою и, поклонясь, сядетъ противу князь-цесаря; балы же поставятъ предъ нею на столѣ.

„VI. Избранные-же кандидаты да посадятся въ особой каморѣ на прорѣзанныхъ стульяхъ.

„VII. Тогда отъ собора посылаются папины архиіаконовъ, ключарь и протоіаконовъ свидѣтельствовать ихъ крѣпкимъ осязаніемъ. Они же осязая, воскликнуть: „Габеть, габеть, габеть—ѳорамень!“

„Князь-цесарь, объясняетъ государь въ особой запискѣ, повелѣваетъ служителямъ князь-папы осматривать избранныхъ; которые

*) Мы обозначаемъ разрядкой тѣ слова, которыя вставлены, либо измѣнены Петромъ на послѣднемъ, бѣловомъ спискѣ.

служителя, (по) его указу, осматриваютъ: еще совершенное естество имѣютъ? Сіе чинятъ тако: сѣдѣшу оному или онымъ на прорѣзанномъ стулѣ, и открытъ епанчею; тогда подъ покрывало протягиваетъ руку, ему-же (т.-е. кому-же) повѣрено отъ кесаря; и щупаетъ по подобію: и еще обряцетъ довольно, да возгласитъ вежгласно: „Габетъ, габетъ! еще-ли же ни то: нонъ габетъ“ *).

„VIII. По семь свидѣтельствѣ, архиерецы и протчіе сидящіе въ соборѣ идутъ по чину и берутъ балы, по единому, отъ руки князьигуменъи по два: бѣлое и черное, цѣлуя оную въ перси. Потомъ возгласитъ ключарь имя перваго кандидата.

„IX. Потомъ первая діакониса примааетъ ящикъ и ходитъ во взявшимъ балы. Они же по ряду кладутъ въ оной ящикъ: хотящій — въ бѣлой, а нехотящій — въ черной. И когда всѣ положатъ, тогда оныя принесетъ предъ князь-цесаря, гдѣ записываетъ (кто-нибудь) изъ его бояръ, кому повелитъ. И сіе творитъ на каждое имя по единожды, восклицая оное, предъ положеніемъ баловъ“.

*) Въ этомъ пунктѣ избирательнаго чина пародирруется обычай, нѣкогда существовавшій въ Римѣ при избраніи папы. «Возведеніе на престолъ римскаго первосвященника, рассказываетъ Вольтеръ, сопровождалось весьма странными обрядами, данъ тогдашней простотѣ и невѣжеству. Такъ, наприкѣръ избраннаго папу сажали на прорѣзной стулъ, называемый *Stercorarium*, потомъ на тронъ, крытый порфирю» и т. д. *Voltaire. Essai sur les moeurs, t. II.* Рассказываютъ, что этотъ странный обычай возникъ съ того времени, когда на престолъ папскій возсѣла женщина. Это была папесса Іоанна, будто бы возведенная на престолъ въ 855 году, подъ именемъ папы Іоанна VIII. Она была родомъ нѣмка изъ Майнца, называлась Гильбертою, и послѣ долгаго странствія въ монашескомъ платьѣ, пришла наконецъ въ Римъ. Здѣсь ея необыкновенный умъ и благочестіе привлекли къ ней вниманіе достопочтенныхъ отцевъ церкви, властію которыхъ и возведена она на тронъ первосвященника. Мнимый мужчина правилъ наслѣдіемъ ап. Петра и Павла 2 года, 5 мѣсяцевъ и 4 дня. Продарствовалъ бы и дольше, еслибъ только не забеременилъ отъ одного кардинала, которому, разумѣется, хорошо было извѣстно, какого пола былъ св. отецъ. Разрѣшеніе отъ бремени совершилось посреди Рима, во время крестнаго хода, при стеченіи безчисленнаго народа. Рассказываютъ, что мать-папа тутъ-же умерла, но другимъ-же, вскорѣ послѣ родовъ. Увѣряютъ, что обычай, осмѣянный Петромъ еще въ началѣ XVIII вѣка, сохранился и по настоящее время; говорятъ, что онъ былъ даже исполненъ при избраніи папы Пія IX, но что вѣрно — это то, что обрядъ удостовѣренія «въ годности папы» исполнялся еще въ XVII вѣкѣ, доказательство этого см. во II-мъ приложеніи къ настоящей статьѣ.

О папессѣ Іоаннѣ писано было много и въ стихахъ, и въ прозѣ; англичанинъ Егбертъ Гримъ посвятилъ разсказу о ней цѣлую книгу, въ которой приводитъ свидѣтельства 135 различныхъ авторовъ; но многіе писатели, даже нѣкоторые изъ протестантовъ, отвергаютъ существованіе мать-папы. Въ русской литературѣ позднѣйшихъ годовъ есть особое любопытное изслѣдованіе г. Бильбасова о папессѣ Іоаннѣ, изд. въ Кіевѣ, въ 1870 г.

Порядокъ баллотировки совершался однако съ большими церемоніями, нежели какъ изложено въ IX пунктѣ „чина избранія“. Въ дополнительной запискѣ государь постановилъ слѣдующее:

„Князь-цесарь повелѣваетъ принести яйца.... для выбора (они замѣняли шары), и служители раздають по два каждому; на каждое имя едино натуральное и другое обшитое, (также) и отцѣмъ, сидящимъ въ епанчахъ и... тайно держащимъ. Потомъ князь-цесарь осматриваетъ чашу (или ящикъ), покрытую и заключаетъ оную своею печатью. И повелѣваетъ гласити перваго имя. И носити на его имя, поднося чашу къ каждому. Отцѣмъ подобаетъ класти яйца, аще кого соизволяетъ, то натуральное (вѣроятно — куриное), аще-же кого не соизволяетъ, то обшитое да класть.

„Когда всѣ яйца уже положить, тогда приносятъ чашу предъ цесаря. Онъ же отверзаетъ предъ всѣми и сыплетъ на столъ предъ собою и раздѣляетъ, сколько натуральныхъ, и сколько обшитыхъ. И повелитъ записать. Потомъ паки пустую чашу заключаетъ, и равнымъ образомъ на другога имя и третьяго балотируетъ. Потомъ-же, когда уже на всѣ имена балотировано, тогда архидіаконъ велегласно читаетъ предъ князь-цесаремъ, сколько на кого вынялось. И на комъ болѣе натуральныхъ будетъ, тотъ да наречется“.

Затѣмъ по

X-му п. „чина“: „Когда изъ трехъ, на кого болѣе баловъ падеть, тогда по онаго пошлется ключарь и архидіаконъ. И приведши поставя (тѣ) прямо (предъ) лицомъ князь-цесаревымъ, среди собора. Первый изъ жрецовъ говоритъ рѣчь новоизбранному.

XI. „По окончаніи же рѣчи, одѣнуть его папиною мантиею, и (надѣнуть на него) шапку. А плѣшивые подѣмлютъ на главы свои, и несутъ на его престоль, и поютъ князь-цесарю и новоизбранному многолѣтіе.

XII. „Потомъ дѣлуютъ его всѣ въ руку, держащую орла *); такожь и въ..., подѣ лономъ. И піютъ изъ десницы въ знакъ присяги вѣрности закона.

XIII. „Потомъ приносятся столы князь-цесарю и новоизбранному, такожь архиереамъ и прочимъ знатнымъ; гдѣ никакая ядь (т.-е. кушанья) не становится, токмо оныя балы съ ихъ долгими и ихъ гнѣздами.

„И тако сотворившуся, посаждаютъ новоизбраннаго въ ковшь (громадныхъ размѣровъ). И провождаютъ всѣмъ соборомъ къ дому его.

*) Извѣстно, что этимъ именемъ названъ былъ чудовищной величины кубокъ, который должны были осушать сановники, а иногда и сановники въ видѣ шуточнаго наказанія за несоблюденіе нѣкоторыхъ обычаевъ, напримѣръ, за невниманіе къ князь-цесарю, къ князь-папѣ и т. п.

И опускають (князь-папу) въ чанъ, какъ и прежде бывало, наполненный пивомъ и виномъ *). И пиво изъ онаго, расходится **)*“.

За чиномъ избранія слѣдовалъ чинъ поставленія; это уже было какъ-бы посвященіе новаго главы на поприще многотрудное, въ сагѣ высокому и знаменательному. Обрядъ поставленія былъ важнѣе, значительнѣе обряда избранія, почему производился еще торжественнѣе; здѣсь было больше церемоній, одна другой своеобразнѣе, больше пѣли, больше говорили, наконецъ пили, пили и пили. Нѣкоторые мѣста сего чина, отъ перваго до послѣдняго слова, составленнаго „протодіакономъ шумнаго собора—Петромъ“, блещутъ неподдѣльною веселостію... Несмотря на чрезвычайную грубость формы, съ которой волею-неволею мириться, вспоминая время сочиненія, многія слова, обороты, цѣлыя рѣчи и предписанія до того остроумны, что даже и въ настоящее время срываютъ улыбку. Справедливость нашихъ словъ вполнѣ подтверждается текстомъ любопытныхъ документовъ.

III.

Чинъ поставленія.

1) „Когда всѣ уже собраны и садутъ на своихъ мѣстахъ, тогда приходитъ поставляемый. Предъ нимъ-же несутъ двѣ фляги, одна вызолочена, другая высеребрена; и два блюда—одно съ огурцами, другое съ капустой ***).“

2) „Когда придетъ предъ поставляющаго, тогда поклонится; и оныя дары, едино по другому, вручаетъ поставляющему, говоря краткій комплиментъ о своемъ поставленіи; потомъ сядетъ противъ поставляющаго.“

*) Отдѣльная записка Петра, приведенная выше, заключается слѣдующимъ варьянтомъ: «Два первые отъ сидящихъ отцовъ идутъ. И приводятъ нареченнаго предъ цесаря, который поздравляетъ ему, такожъ и вся. И поютъ многолѣтіе князь-цесарю и новоизбранному. Потомъ повелить (цесарь) на особомъ стулѣ близъ себя сѣсти оному (т.-е. новоизбранному). И потомъ бываетъ орличтаніе за радость избраннаго (т.-е. пьютъ). Когда же все совершится, тогда князь-цесарь повелѣваетъ новоизбранному и прочимъ идти къ столу, гдѣ во оцію поставляются яйца, бывшія на избраніи, прочее же ничто (?)».

**) «Чинъ избранія» имѣется въ нѣсколькихъ спискахъ, и каждый изъ нихъ представляетъ больше или меньше варьянтовъ.

***) Чинъ поставленія мало измѣнялся при приѣмѣ въ соборъ жрецовъ и другихъ меньшихъ членовъ; перемѣнились только нѣкоторыя слова. При представленіи цесарю о поставляемыхъ жрецахъ или владыкахъ говорилось: «приводятся бахусолюбивѣйшіе избранные (воминаты имярекъ), поставлятся бахусовозлюбленнымъ—городамъ». Цесарь отвѣчалъ: «Сила Бахусова да будетъ на васъ!»

3) „Тогда поставляющій вопрошаетъ его разныя вопросы и отвѣты. На что избранный и отвѣщаетъ. Потому поставляющій паки говорить *). Вопрошаетъ поставляющій: „что убо брате пришелъ еси и чего просиши отъ нашея немѣрности?“

4) „Отвѣщаетъ поставляемый: „еже быти сыномъ и сослужителемъ вашей немѣрности **).“ А ежели папа поставляется, то глаголетъ: „еже быти крайнимъ жрецомъ и первымъ сыномъ отца нашего Бахуса.“

5) Поставляющій глаголетъ: „Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою ***).“

Еще вопрошаетъ: „Како содержиши законъ Бахусовъ, и во ономъ подвизаешься ****)“?

6) Поставляемый отвѣщаетъ:

„Ей орла подражательный и всепьянѣйшій отче! Возставъ по утру, еще тьмѣ сущей и свѣту едва являющүся, а иногда и о полунощи, сливъ двѣ или три чарки, испиваю. И продолжающүся времени не иначе, но симъ же образомъ препровождаю. Егда же придетъ время обѣда, пью по чашкѣ не малой; такожде перемѣняющимся брашнамъ всякій рядъ разными питьями; паче же виномъ, яко лучшимъ и любезнѣйшимъ Бахусовымъ (питіемъ) чрево свое, яко бочку, добръ наполняю; такъ что иногда и ядѣмъ (кушанья), мимо рта моего носимымъ отъ дрожанія моего десницы, (въ) предстоящей въ очахъ моихъ мглѣ (не вижу). И тако всегда творю. И учити мнѣ прученныхъ обѣщаюсь. Инако же мудрствующія отвергаю, и яко чужды творю, и... матствую всѣхъ пьяноборцевъ. Но я же, (какъ) выше рѣхъ, творити обѣщаюсь до скончанія моей жизни, съ помощію отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, а иногда и съ мѣста не дви-

*) На одномъ изъ списковъ противъ этого пункта рукою Петра отмѣчено: «вписать вмѣсто сего подлинныя вопросы и отвѣты». Тѣ и другіе, имъ же составленные и пронумерованные, написаны на особомъ листѣ, съ котораго мы и переносимъ ихъ въ соотвѣтствующее мѣсто.

***) Варьянтъ: «Еже сумаслится въ бахусовозлюбленныхъ кабакахъ, имрекъ городамъ».

***) Въ другихъ спискахъ вмѣсто пьянство сказано обжорство. На приведенномъ нами списокѣ выставленъ 1721 годъ. Не только точно, но и приблизительно опредѣлить время составленія каждаго документа невозможно, такъ какъ на нихъ время не обозначено, въ печати же до сихъ поръ ничего или почти ничего не было о предметѣ настоящаго разсказа. Такъ, напримѣръ, трудолюбивый Голиковъ всего два или три упоминаетъ о Петрѣ Бутурлинѣ, и то сбивается и путаетъ факты. Безъ сомнѣнія, списки разбираемыхъ нами чино въ составлялись въ разное время, вслѣдствіе новаго избранія въ жрецы или въ папы, подновлялись, являлись вставки и пр.

****) Варьянтъ: «Како пьете? Явите своя сиршая?» и т. д.

земся, и есть-ли мы или нѣтъ не вѣдаемъ; еже желаю тебѣ, отцу моему, и всему нашему собору получить. Аминь *)“.

7) „Поставляющій глаголетъ: „Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою, затемнѣвающее, и дрожащее, и валяющее и безумствующее ты во вся дни жизни твоея“.

8) „Потомъ поставляемый клензнувъ (т.-е. упавъ на колѣни), ляжетъ персями, руками и главою на предлежащую делву; а жрецы поютъ пѣснь Бахусову.“

Какъ кажется, пѣснь эта ни что иное, какъ слѣдующее воззваніе, сохранившееся въ двухъ отдѣльныхъ замѣткахъ: „О всепьяннѣйшій отче Бахусе, отъ сожженныхъ Семиллы рожденный, изъ Юпитеровой... возвращенный! Изжателью винограднаго веселія, и проведенному оною сквозь огонь и воду, ради вящяя утѣхи возслѣдователямъ вашимъ! Просимъ убо тебя со всѣмъ симъ всепьяннѣйшимъ соборомъ: умножи сугубо и настави сего вселенскаго князь-цесаря Іоанна (Ромодановскаго) стопы во еже тещи вслѣдъ тебѣ! И не точію тещи сему, но и во власти сущихъ вести. Также да вси послѣдуютъ стопамъ твоимъ! И ты, всеславнѣйшая Венера, множа умножи отъ своего..... къ сею заднему! Аминь!“

9) „Потомъ поставляемый, вставъ, приходитъ къ поставляющему, гдѣ облачаютъ его архиереи во всѣ одежды, кромѣ шапки.

Облаченіе сопровождалось слѣдующими возгласами архиереевъ:

„При возложеніи одежды: „облачается въ ризу невѣденія своего!“

Возлагая наплечники: „возлагаю, яко жерны сельскіе о выи твоей!“

Өлягу возлагая: „сердце исполнено вина да будетъ въ тебѣ!“

Нарукавники возлагая: „да будутъ дрожащи рущѣ твои!“

Отдавая жезлъ: „дубина Диданавручается ти; да разгоняши людитвоя!“

*) Эта рѣчь нѣсколько разъ и весьма старательно передѣлывалась Петромъ Великимъ. Укажемъ на важнѣйшіе варианты противъ приведеннаго текста двухъ другихъ списковъ: «Иѣ орлоподражательный всепьяннѣйшій владыко! Вопрошенное тобою, по силѣ моей, исправляю. Аще егда утреннее, еже выше рѣхъ, еще не минуется, а обѣду уже настоящу времени, пью по чашкѣ не малой» и т. д. Послѣ словъ: «въ очесахъ моихъ мглѣ» — чит.: «паче же туща, чтобъ отъ оныхъ питей мозгъ мой и умъ непрестанно въ густыхъ туманахъ, и въ пьяной мглѣ пребываль» и т. д.

Въ другомъ спискѣ варианты значительнѣе: «Еще не точію утро единое, яко же изрекохомъ препровождаемъ, но въ полдни вяще испиваемъ; на вечеръ же великую смощницу употребляемъ. Такжеже въ среднощіе и въ первое, второе и третье кураташеніе творимъ. Яко мѣху или дельвѣ (т.-е. бочкѣ) надутися утробамъ нашимъ, оныхлѣти очесамъ, оснѣти лицу, траетися рукамъ и протчес. Сіе же общася не точію самимъ творити, по и врученнымъ намъ стадамъ также являти; противужемудрствующихъ отвергаемъ и... матствуемъ».

10) „Первый жрецъ помазуетъ крѣпкимъ виномъ главу его и около очей образъ круга, глаголя: „такъ да будетъ кружиться умъ твой, и тавіе круги разными видами, да предстануть очесамъ твоимъ отъ сего во вся дни живота твоего“. Тако-жъ (помазуетъ) обѣ длани, и четыре перста, ими-же и чарка пріемлется образомъ лученки, глаголя: „такъ да будутъ дрожати руцѣ твои во вся дни жизни твоей“ *).

11) „Потомъ налагаютъ руки архиереи; первый (изъ нихъ) читаетъ: „рукополагаю азъ пьяный сего не трезваго: во имя всѣхъ кабаковъ, во имя всѣхъ табаковъ, во имя всѣхъ водокъ, во имя всѣхъ винъ, во имя всѣхъ каразиновъ, во имя всѣхъ брагъ, во имя всѣхъ бочекъ, во имя всѣхъ ендовъ, во имя всѣхъ ковшей, во имя всѣхъ плошекъ, во имя всѣхъ чарокъ, во имя всѣхъ стакановъ; тако-жъ во имя вкупѣ собранныхъ канарейки, синицы, жаворонка, снигири, соловья, чайки, сойки, грача, лебедя, ворона, сокола, кречета, орла великаго, корабля и кита, носящаго ихъ“ **).

12) „Потомъ налагаютъ шапку, съ возгласомъ: „вѣнецъ мглы Бахусовой возлагаю на главу твою. Да не познаеши десницы твоей, ниже шуйцы твоей, во пьянствѣ твоемъ!“ Послѣ чего поетъ: аксіостъ!

13) „Потомъ сядетъ на свой престолъ и вкушаетъ орла; и прочимъ подаетъ. И тако оканчивается“ ***).

По желанію Петра, соизволенію князь-цесаря и большинству голосовъ членовъ собора, въ князь-палы избранъ былъ извѣстный уже намъ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, столь долго и безупречно правившій петербургскою епархіею пьяницъ, обжоръ и шутовъ.

Церемонія эта однако не могла быть совершена въ Петербургѣ; Петръ сиѣвши въ Москву, въ сердце Россіи, чтобъ кончить свое дѣло съ сыномъ: тамъ отрѣшить его отъ престола, тамъ зачать его судъ, тамъ наконецъ казнить главнѣйшихъ изъ его совѣтниковъ и друзей.

15-го декабря 1717 г. государь поскакалъ съ своею свитою въ

*) Варьянтъ: Поливая виномъ на главу, архиерей восклицаетъ: «помазуются помазаніемъ пьянства. Да буде выпу затемнѣвающее, и дрожащее, и безумствующее во вся дни жизни твоея».

**) Эти названія носили разнокалиберные сосуды, назначенные для питья; вѣроятно, они имѣли форму тѣхъ птицъ и животныхъ, имена которыхъ носили. При составленіи этого рукоположенія, Петръ Великій непрерывно вставлялъ новыя имена, перемѣняя порядокъ прежнихъ и т. д.; это видно изъ черновыхъ собственноручныхъ его замѣтокъ.

***) Приведенный нами списокъ поставленія имѣетъ много вставокъ и варьянтовъ; на важнѣйшія изъ нихъ мы указали.

Москву, за нимъ на другой день выѣхала государыня и дворъ ея. 23-го числа оба они были уже въ бѣлокаменной.

А 28-го декабря, со всею церемоніею и точнымъ выполнениемъ мельчайшихъ предписаній, данныхъ Петромъ, совершено было избраніе Бутурлина *).

Вскорѣ послѣ избранія, а именно 10-го января 1718 года, совершенно былъ обрядъ поставленія. Гдѣ былъ совершенно обрядъ—изъ документовъ не видно, но если судить по подписи Бутурлина на письмѣ 29-го декабря: „Прешбургъ“, то надо думать, что оно было совершено близъ Москвы, въ Преображенскомъ. Тамъ развлекался государь въ ожиданіи подвоза сына и его сторонниковъ.

О благополучномъ совершеніи важнаго обряда возвѣщено было длинною реляціею; въ ней подробно изложенъ весь порядокъ церемоніи. Сочиненіе это не было напечатано, но за то видѣнный нами списокъ переписанъ съ замѣчательнымъ искусствомъ уставцемъ, по линейкамъ, церковно-славянскими бueвами, между тѣмъ какъ всѣ остальные документы переписаны обыкновенной скорописью. Всѣ заглавныя литеры на этомъ спискѣ тщательно разукрашены киноварью. Безъ всякаго сомнѣнія, такая тщательная переписка сдѣлана была по волѣ Петра: въ этомъ видна его острота и насмѣшка надъ любимой имъ старинной орфографіею.

Вотъ эта интересная реляція **):

„О чинѣ князь-папы поставленія въ (отъ ?) епископы въ 1 недѣлю по крещеніи, января 10.

1) Повелѣно того дни жрецамъ, и всѣмъ прочимъ не освященнаго собора чинамъ съѣхатца на князь-папинской каменной дворъ полюдни въ 3-мъ часу.

2) Когда всѣ собрались въ князь-папинъ домъ, тогда въ князь-папинской палатѣ жрецы и другіе достойные сѣли на своихъ мѣстахъ.

Тогда посланные по новоизбраннаго отъ всего собора: ключарь старой, да кардиналъ протодіаконъ, и изъ уединенной его палаты, ввели его почтенно въ собранную палату.

Предъ нимъ несли двѣ фляги, наполненныя виномъ цѣлительнѣй-

*) Надо думать, что въ началѣ подобныхъ церемоній дѣйствующія лица были не много; въ противномъ случаѣ рождается вопросъ: какъ могли говорить затверженныя рѣчи, какъ не путались поставляющіе и поставляемые, въ то время, когда языкъ не ворочался и ноги плохо держали?

**) Она имѣетъ довольно много варьянтовъ противъ приведеннаго нами «чина поставленія». Притомъ здѣсь сведено все въ надлежащій порядокъ, между тѣмъ какъ тотъ списокъ составленъ нами по отдѣльнымъ вставкамъ, дополненіямъ, замѣткамъ и проч.

нимъ; едина фляга позлащенная, другая высеребрена, и два блюда—едино съ огурцами, другое съ капустою.

Поставили предъ его кесарскимъ величествомъ, на изрядномъ, постланномъ, аксамитномъ луковскомъ коврѣ.

3) Архижрецы на високомъ тронѣ сидѣли по степенямъ, справую и слѣвую стороны.

4) Тогда новоизбранный поклонялся его цесарскому величеству и жрецамъ сѣдящимъ трижды.

И вышепомянутые дары, едино по другомъ, подносили поставляющему, говоря краткій комплиментъ о своемъ поставленіи.

И потомъ сѣлъ на стулѣ прямо поставляющаго.

5) Тогда поставляющій вопрошалъ его: „что убо брате пришель еси и чесога отъ нашея немѣрности просиши?“

6) Тогда отвѣщаль поставляемый: „еже быти крайнимъ жрецемъ и первымъ сыномъ отца нашего Бахуса.“

7) Поставляющій глаголилъ: „пьянство Бахусово да будетъ съ тобою!“

8) Оный-же поставляющій еще вопрошалъ: „како содержиши законъ Бахусовъ и во ономъ подвизаешися?“

9) Поставляемый отвѣщаваль:

„Ей орла подражательный и всепьянѣйшій отче! Возставъ по утру, еще тмѣ сущей, и свѣту едва являющуся, а иногда, и о полунощи сливъ двѣ, или три чарки испиваю, и продолжающуся времени, не туне оною, но симъ же образомъ препровождаю; егда же придетъ время обѣда, пью по чашкѣ не малой, такожде перемѣняющимся брашномъ, всякой рядъ не пусть препровождаю, но каждой рядъ, разными питьями, паче же виномъ, яко лучшимъ и любезнѣйшимъ Бахусовымъ, чрево свое, яко бочку добрѣ наполняю, такъ что иногда и ядѣмъ мимо рта моего носимымъ, отъ дрожанія моего десницы, и предстоящей во очесахъ моей мглѣ; и тако всегда творю, и учить мнѣ врученыхъ общаюсь, инакоже мудрствующія отвергаю, и яко чужды и... матствую всѣхъ пьяноборцевъ; но якоже выше рѣхъ, творить общаюсь до скончанія моего жизни, съ помощію отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, а иногда и съ мѣста не движемся, и есть-ли мы или нѣтъ не вѣдаемъ; еже желаю отцу моему, и всему нашему собору получитьи. Аминь“.

10) Поставляющій глаголилъ:

„Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою затемнѣвающее, и дрожащее, и валяющее, и безумствующее ты во вся дни жизни твоея“.

11) Потомъ поставляемый кленкнувъ на колѣна и легъ, и пре-

клонился персями, и руками, и главою, на предлежащую делву, и тогда жрецы пѣли пѣснь Бахусову.

12) Потомъ поставляемый вставъ, пришелъ на высокій амвонъ къ поставляющему, гдѣ облачали его архижрецы во вся одежды его, кромѣ шапки.

13) Тогда же первый жрецъ помазывалъ его крѣпкимъ виномъ, на главѣ его, и около очей, образъ круга, глаголя: „такъ да будетъ кружитися умъ твой, и такіе круги, разными видами, да предстануть очесамъ твоимъ отъ сего во вся дни живота твоего“; тако-жъ и обѣ длани, и четыре перста, ими же чарка приѣмлетъ образомъ лученки, глаголя: „такъ да будутъ дрожать руцѣ твои, во вся дни жизни твоей“.

14) Потомъ налапали руки архижрецы, и первый читалъ рѣчь такову:

„Рукополагаю азъ старый пьяный сего не трезваго:

Во имя всѣхъ пьяницъ,
 Во имя всѣхъ скляницъ.
 Во имя всѣхъ зерщниковъ,
 Во имя всѣхъ дураковъ.
 Во имя всѣхъ шутовъ,
 Во имя всѣхъ сумазбродовъ.
 Во имя всѣхъ литровъ,
 Во имя всѣхъ водокъ,
 Во имя всѣхъ винъ,
 Во имя всѣхъ пивъ,
 Во имя всѣхъ медовъ,
 Во имя всѣхъ карашиновъ,
 Во имя всѣхъ сулеевъ,
 Во имя всѣхъ брагъ,
 Во имя всѣхъ бочекъ,
 Во имя всѣхъ ведеръ,
 Во имя всѣхъ кружекъ,
 Во имя всѣхъ стакановъ,
 Во имя всѣхъ чарокъ,
 Во имя всѣхъ картъ,
 Во имя всѣхъ костей,
 Во имя всѣхъ бирюлекъ,
 Во имя всѣхъ табаковъ,
 Во имя всѣхъ кабаковъ,
 Яко жилище отца нашего Бахуса.

Аминь!

15) Потомъ наложили на главу его шапку и пѣли: аксіось!

16) Потомъ оный новопосвященный сѣлъ на свой престолъ, на великую покрытую бочку, и вкушалъ вина изъ великаго Орла и прочимъ всѣмъ подавалъ, пѣвцы же въ то время пѣли многолѣтіе кесарю и новопоставленному.

И оное окончавъ, вси распущены въ дома свои, князь-папа же, разоблачася отъ своея одежды, пошелъ въ свои покоевы палаты, и остался въ томъ домѣ“.

По совершеніи чиновъ избранія и поставленія, новый князь-папа поспѣшилъ возвѣститъ подвластныхъ ему пьяныхъ вѣрнопоходанныхъ о своемъ восшествіи:

„Понеже, по соизволенію великаго государя князь-цесаря Іоанна (И. Ѳ. Ромодановскаго), и соизволеніемъ всего сумазброднаго собора избранъ есмь азъ недостойный митрополитъ на превысочайшій сей князь-папы престолъ, того ради подтверждаю свое обѣщаніе, еже изрекъ при хиротоніи моея *), предъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти тогда отцемъ моимъ, нынѣ же братомъ, великимъ господиномъ Кирь-Никитою Прешбургскимъ, Яузскимъ и Калужскимъ отъ самыхъ м..... предъ всѣмъ сумазброднымъ соборомъ. Нынѣ же къ прежнему обѣщаю еще, обѣщаюсъ вяще и вяще законъ Бахусовъ не точію исполнять, но и врученное мнѣ стадо денно и ношно тому поучать; еже да поможетъ мнѣ честнѣйшій отецъ нашъ Бахусъ, предстательствомъ антицесаревъ моихъ Милака (?) и Аникиты, дабы ихъ даръ духа былъ сугубъ во мнѣ. Аминь“ **).

Такимъ образомъ „всешутѣйшій и всепьяннѣйшій“ въ одно и то же время объявлялъ о своемъ восшествіи на князь-папинъ престолъ и подтверждалъ данный собору завѣтъ: оправдать ихъ лестный выборъ и пить, пить, да смотрѣть, чтобъ другіе пили до положенія ризъ. Но новопоставленный хотѣлъ, чтобъ всѣ ликовали по случаю его великаго торжества поставленія и потому спѣшилъ властною рукою разсыпать милости и возвысить въ высшія званія лицъ, ему подчиненныхъ.

Одну изъ первыхъ и самыхъ лестныхъ милостей удостоилась получить князь-игуменя:

„Всешумнѣйшая и всешутѣйшая мати, писалъ къ ней князь-папа, возлюбленная о Бахусѣ дщи!

„Объявляемъ вамъ, что сего мѣсяца, въ 28 день, изволеніемъ вселенскаго князь-цесаря и всего сумазброднаго собора, избранъ есмь я недостойный и въ 29 день возведенъ на высочайшій князь-папинъ престолъ; и понеже наша неумѣренность всегда паству свою добрѣ смотрѣти и во оной нещиса обѣщавъ, того ради и о васъ, яко древней, монах....не и великой наставницѣ не припомнилъ, но его величеству князь-цесарю и всему собору предъявилъ ваши подвиги,

*) Т.-е. когда поставлялся въ архидрецы.

**) Писано рукой Петра.

чего ради его величество и соборъ соизволи(ли). Азъ же, аще и тѣломъ отстоимъ, обаче духомъ присутствуя, данною мнѣ отъ Бахуса властію произвожду тя отъ степени князь-игуменьяной въ архи-игуменья, и яко присутствуя возглашаю: „аксіось, аксіось, аксіось!“ По учиненіи же вамъ сего возвышенія, на мѣсто ваше возведена монахиня, изъ дальнихъ пустынь пришедшая, Анастасія. Данъ въ Прешбургѣ. Мѣсяца декабря въ 28 день. 1717 года. Вселенскій князь-папа.

Петр...“ *).

Необходимо замѣтить, что князь-игуменья издавна уже была Ржевская, разбитая, смѣлая и угодливая старуха **). Съ этимъ титуломъ она нѣсколько разъ встрѣчается въ разсказѣ Голикова при описаніяхъ различныхъ церемоній. Въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ (№ III) мы приводимъ нѣсколько ея писемъ къ государю; кромѣ того одно изъ писемъ Ржевской, отъ 8-го іюля 1714 г. къ Петру о Шарлоттѣ-Софіи напечатано Устряловымъ (т. VI, стр. 322). На немъ также, какъ и на всѣхъ письмахъ Ржевской, подпись: „Князь-игуменья Санкт-питербургская, Бога молю и челомъ бью“. Фактъ любопытный: шутиху, бабу пьяную и грубую приставили къ жевѣ наслѣдника престола для надзора и тайныхъ доносовъ о ея поведеніи. Несчастливая Шарлотта нѣсколько разъ заявляла свое неудовольствіе, но надзирательницу не смѣняли.

Впрочемъ, нельзя думать, чтобъ новый архи-владыка былъ челоувѣкъ вполне милосердный и правитель слабый, нѣтъ: по инструкціямъ самаго государя, онъ долженъ былъ тщательно наблюдать, чтобъ весь его достойный штатъ былъ въ сборѣ и славилъ Бахуса питіемъ непомѣрнымъ. Нарушители сего строго наказывались; тѣ же изъ его подчиненныхъ, которые уклонялись отъ высокихъ обязанностей, тѣхъ, по особымъ предписаніямъ, вновь высылали ко двору князь-папы.

Такъ, напримѣръ, въ 1723 году всешутѣйшій представилъ слѣдующій:

„Реестръ архіереямъ, которые учинились ослушны святѣйшему

*) Черновой списокъ руки Петра, бѣловой — Бутурлина.

**) Князь-игуменья а потомъ архи-игуменья была Дарья Гавриловна Ржевская, дочь Гаврилы Петровича Соковнина, родного дяди, замученнаго Петромъ окольниковымъ, Алексѣя Прокофьевича Соковнина, пылкаго сторонника царевны Софьи. Анастасія, пожалованная званіемъ игуменья—есть княгиня Анастасія Петровна Голицына, дочь и наслѣдница знаменитаго боярина Петра Ивановича Прозоровскаго. Она родилась въ 1655 г., скончалась въ 1729 г., на 74 году отъ рожденія; была статсъ-дамою, носила портретъ Петра I-го и исправляла должность придворной шутихи. (См. «Русскую Старину», изд. 1870 г., т. I, стр. 507; т. II, стр. 479 и 482).

князь-папѣ и нынѣ обитаютъ въ Москвѣ своеволиемъ, также и прочіе, а именно:

Архіерси:

Федоръ Шереметевъ	.
Князь Юрій Щербатовъ	.
Матвѣй Колычовъ	.
Михаилъ Собакинъ	,
Князь Яковъ Лабановъ	.
Матвѣй Головинъ	+
Василій Ржевскій	.
Антонъ Савеловъ	.
Архидіаконъ Строевъ	.

Ключари: Иванъ Денисовъ, сынъ Субота, онъ же Даниловъ.
Федоръ Протасевъ.

Попы:

Князь Михайла Оболенскій	.
Иванъ Стрешневъ	.
Василій, онъ же Самойла Глѣбовъ	.
Діаконъ Левъ Воейковъ	.

Крестова попа Ивана Чирикова. Галагтена Бунакова.

Подписаль: Святѣйшій князь-папа и патриархъ Петро...“

Нечего и говорить, что представленный списокъ былъ составленъ и написанъ никѣмъ другимъ, какъ самимъ государемъ; имъ дѣланы отмѣтки противъ именъ ослушниковъ, по его же распоряженію писано 23-го апрѣля 1723 года, къ московскому вице-губернатору Воейкову о немедленной высылкѣ членовъ собора въ Петербургъ *).

Такимъ образомъ и тутъ, въ дѣлахъ шутовскаго собора, желѣзная рука Петра крѣпко тяготѣла надъ всѣми; князь-папа распоряжался собой и своими подчиненными не иначе, какъ по собственноручнымъ предписаніямъ и уставамъ своеобычнаго протодіакона. За то аристократическая гордость князь-папы совершенно была удовлетворена. Вокругъ него блистали представители древнѣйшихъ, знатныхъ и славнѣйшихъ фамилій, нѣкогда честь и гордость Россіи.

Вотъ составъ всепьяннѣйшей коллегіи по списку, далеко, впрочемъ, не полному:

„Архи-князь-папа.

При немъ служители: Протокопай . . . Мухановъ.

Духовникъ Принар...

*) Въ приложеніяхъ (№ IV) приводимъ образчикъ того, какъ люди стараго, до-петровскаго закала, старались уклоняться отъ участія въ шутовскихъ потѣхахъ.

- Архидіаконъ иди на . . . Строевъ.
 Протодіаконъ Пахомъ лихай . . . Михайловъ *).
 Діаконъ Іонъ попирай . . . Бутурлинъ.
 Ключари:
 Почяни . . . Апраксинъ.
 Ери . . . Хилковъ.
 Носи . . . Суббота.
 Ризничій изымай . . . Мусинъ-Пушминъ.
 Уставщикъ неэманъ . . . Рѣпининъ.
 Попъ Ософанъ . . . Шушеринъ.
 Діаконы:
 Посадникъ . . . Головинъ.
 Лови . . . Воейковъ.
 Ронъ . . . Роновъ.
 Дунъ на . . . Шемякинъ.
 Иподіаконы: Филаретъ ярится на . . . Прозоровскій.
 Посошники: медвѣдь . . . вытащи.
 Благочинной: Акопти . . . Юшковъ.
 Грозные: Сомни . . . Тургеневъ.
 Кречетникъ изымай . . . Колтовскій.
 Лопатчики: На . . . Палибинъ.
 Рвани . . . Губинъ.
 Розмахни . . . Васильевъ.
 Возьми . . . Тимашевъ.
 Комисарскій . . . Ключаревъ.
 Имай . . . Лихаревъ.
 Новгородскій подъячій паси . . . Козыревъ.
 Сибирской комендантъ Григорій Кашнинъ.
 Разлами . . . Трохапіатовъ.
 Дьяки: Иванъ Лосевъ.
 Осипъ Метлинъ“.

Конклавъ, кромѣ непремѣннаго засѣданія на всѣхъ полуторжественныхъ и торжественныхъ пирахъ, кромѣ участія во всѣхъ процессіяхъ и маскарадахъ, имѣлъ особья занятія. Онъ посвящалъ свои досуги на наѣзды къ разнымъ лицамъ. Предъ всшутѣйшими все и вся отворялось; хозяйева и хозяйки, едва-ли довольные, спѣшили однако оказать нежданнмъ гостямъ всевозможное гостепрѣимство.....

Неизвѣстность времени прїѣзда членовъ конклавіи естественно вводила въ издержки хозяйевъ, такъ какъ они всегда должны были

*) Т.-е. государь царь Петръ Алексѣевичъ.

быть готовыми къ ихъ встрѣчѣ. Вотъ почему всемилостивѣйшій князь-папа, со словъ государя, обнародовалъ слѣдующій указъ:

„Указъ всешутѣйшева и всепьянѣйшева князь-папы.

„Объявляетъ наша немѣрность, что мы иногда такъ утруждены бываемъ, что съ мѣста двинуться не можемъ; отчего случается, что не всѣ дома посѣтить можемъ, которые того дня обѣщали; а хозяйева оттого въ убытокъ входятъ, ради другаго приуготовливанія. Того ради, симъ объявляемъ и накрѣпко заповѣдуемъ, подь наказаніемъ великаго орла: дабы ядей никакихъ никто не готовилъ; но точію слѣдующее по семъ. А буде у кого соизволимъ трапезу снѣсть, и тому заранѣе будетъ указъ нашъ объявленъ.

„И для вящаго увѣренія, сей указъ нашею рукою подписали и великою Гавріиловскою печатью запечатать повелѣли“.

При указѣ приложено „объявленіе“ *): „что имѣть въ домѣ, въ оны же входимъ“:

„Хлѣбъ, соль, калачи, игра, сельди, окорока, сухія куры или зайцы, ежели случится; сыръ, масло, калбасы, языки, огурцы, капуста, яйца и шабашъ.

„Надъ всѣми же сими превозлюбленныя наши вины, пиво и меду, сего что вяще, то намъ угоднѣйше будетъ, ибо въ томъ живемъ, и не движемся, и есть ли или нѣтъ, не вѣдаемъ“.

Въ минуты, когда превозлюбленные напитки болѣе и болѣе оживляли перваго жреца Бахусова, когда языкъ его денеталъ бойче, рѣчь пересыпалась выраженіями болѣе фигурными, болѣе прынными, нежели слова „шумнаго протодіакона“, когда руки князь-папы двигались свободнѣе, въ подобныя минуты, казалось бы, что всешутѣйшій и всепьянѣйшій могъ бы возжелать власти неограниченной: начать крушеніе зубовъ вѣрноподанныхъ ошую и одесную, украшать очеса фонарями неподобными, тузить спины неповинныя и трепать за власы манеромъ, нещадно своеобычнымъ; однимъ словомъ, князь-папа могъ предаться полному разгулу властителя неограниченнаго, просвѣтителя самовластнаго, алчущаго не единаго назиданія словомъ, но и дѣломъ рукъ своихъ. Но нѣтъ! Все это провидѣлъ остроумный учредитель всешутѣйшаго собора и ограничилъ папскую власть даже и на время восторженнаго состоянія достойнаго главы собора.

Это ограниченіе состояло въ томъ, что заблаговременно отбиралась отъ новопоставленнаго слѣдующая подписка: „Всешутѣйшій князь-папа даетъ сіе письмо протодіакону, что во время шумства

*) Указъ и объявленіе написаны вчернѣ самимъ государемъ.

его, оному протоіакоу унимать словесно и ручно. И для того под-писалъ сіе письмо своею рукою и чинить по сему письму" *).

Всѣ уставы шутовской конклавіи пребывали въ полной силѣ до самой смерти Петра Великаго **).

Такъ, напримѣръ, въ августѣ 1723 г., въ маскарадной компаніи соборъ занималъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ длинной шутовской процессіи.

Въ интересномъ описаніи этого маскарада, напечатаннаго кн. М. А. Оболенскимъ (прилож. къ 3-й ч. Дневн. Берхгольца, изд. 1860), подъ № 46-мъ мы читаемъ: „Неусыпаемая обитель“: архимандритъ въ странномъ уборѣ, отъ гвардіи фендрихъ (прапорщикъ) Аванасій Татищевъ. Князь ярославскій отъ гвардіи фендрихъ Василій Нелюбохтинъ съ своею княгинею и со всею своей фамиліею и синклитомъ.

„При оной обители служащихъ всякаго званія въ разныхъ духовныхъ, арливинскихъ, въ нищескихъ и въ протчихъ странныхъ уборахъ, какъ мужеска, такъ и женска полу.

№ 50. Въ одеждѣ царской: князь-цесарь — князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій.

№ 51. Бахусъ: цѣвчій Кононь Карповъ.

№ 52. Архіереи: Ианикаандръ..., митрополитъ санктпетербургской; Морай..., митрополитъ кроншлоцкой и котливской, Тарай..., митрополитъ великаго Нова... и великихъ...; Ияковъ Прыткой..., митрополитъ дербенской и мидской; Гниль..., митрополитъ сибирской и тобольской; Вибабръ, митрополитъ рѣки охтинской и седмимельницкой; М... —, митрополитъ псковской и изборской, Ѳеофанъ Красной..., митрополитъ смоленской и дорогобужской; архидіаконъ Иди на... Строевъ; Ключарь Ѳормасовъ... Протасъевъ. Итого 10 человекъ“.

Въ числѣ знатнѣйшихъ дамъ были: „ея величество государыня князь-цесарева Ромодановская; архи-игуменья—Стрешнева, заступившая мѣсто покойной Ржевской; князь-игуменья—княгиня Голицына; госпожа адмиральша краснаго флага—Михайлова, т.е. императрица“, и проч.

*) Приведенная записка Петра подписана Зотовымъ: «Smirennuy Anikit» и проч.; безъ сомнѣнія, такіа-жъ подписки отбирались и отъ его славныхъ преемниковъ; впрочемъ, это было не болѣе какъ форма. Петръ, не выжидая никакихъ подписокъ, усмиралъ какъ словесно, такъ и ручно.

**) Въ дневникѣ Берхгольца 1721, 1722, 1723 и 1724-хъ годовъ, разсѣяно множество пренеприятныхъ подробностей о князь-царѣ, его соборѣ и участіи ихъ въ пиряхъ, всякаго рода празднествахъ и публичныхъ маскарадахъ. Мы не цитуемъ Берхгольца, такъ какъ дневникъ его напечатанъ на русскомъ языкѣ (Москва, 4 ч. 1857—1860 гг.) и извѣстенъ всѣмъ любителямъ отечественной исторіи.

Въ этомъ печатномъ спискѣ мы не находимъ князь-папи. Ревностное служеніе Бахусу сломило, наконецъ, его здоровье: опившійся и обожравшійся сановникъ всешутѣйшій слегъ въ постель и умеръ въ первой половинѣ 1723 года *).

На вдовствующій престолъ былъ избранъ новый князь-папа; но еще за мѣсяцъ до своей смерти Петръ Великій вновь былъ озабоченъ „чиномъ новаго избранія“. Объ этомъ свидѣтельствуесть слѣдующая помѣтка на одномъ изъ списковъ чина:

„Писано 19-го декабря 1724 года, а съ сего копія дана графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину въ 20-й день декабря 1724 года“ **).

*) Въ родословной книгѣ, изд. кн. П. В. Долгорукимъ (1855, ч. II, стр. 158, № 128), годъ смерти П. И. Бутурлина показанъ 1724-й; но это невѣрно, ибо въ сентябрѣ еще мѣсяцѣ 1723 г. государь принялъ на себя заботы о передачѣ деревень племяннику покойнаго, дельщику Александру Бутурлину. Петръ приказалъ сдѣлать справки въ помѣстьяхъ Петра Бутурлина: какимъ образомъ и по сколько собираютъ съ его крестьянъ подати и проч. Голицы, т. IX, стр. 449, 526; т. XI, стр. 488 и проч.

**) Вотъ опись документовъ того сборника подлинныхъ собственноручныхъ бумагъ Петра Великаго, на основаніи которыхъ преимущественно составлена настоящая статья:

«Реестръ нѣкоторымъ увеселительнымъ письмамъ о князь-папѣ и собора оваго, писаннымъ рукою государя императора Петра Великаго и другихъ:

«Объявленіе, какому быть прошенію къ князь-цесарю отъ собора отцевъ, о избраніи имъ въ отца князь-папу, л. 1. Чинъ избранія и съ оныхъ списки съ пополненіемъ, л. съ 3 по 18. Общаніе отъ князь-папы о законѣ и о содержаніи оваго, л. 18. Чинъ поставленія въ князь-папы чрезъ баллотированіе съ нѣкакимъ осязаніемъ; съ росписаніями рукоположенія и одежды, съ вопросами ко избранному, и отвѣтами его, и къ тому съ принадлежностями, л. съ 20 по 47. Два письма князь-папы къ протодіакону Петру, писанныя въ іюль и въ сентябрѣ мѣсяцахъ безъ годовъ, на которыя требовалъ себя отвѣтъ и увѣдомленія въ С.-Петербургъ, будучи и нишучись въ оныхъ митрополитомъ, л. 50—52. Подписка Петра Бутурлина извинительная съ написаннымъ въ ономъ (ежели впредь провинятся) не какимъ закладомъ, л. 53. Письмо отъ митрополита къ протодіакону Петру Михайлову, писанное съ Москвы, геваря въ 5 день 1709 года, л. 54. Письмо отъ него-жъ вышеупомянутому-жъ протодіакону, л. 55. Двѣ записки или загадки, л. 59—60. Нѣкоторая подписка Дмитрія Сибиряка, Афтамова Дубасова, князя Дмитрія Щорбатова, л. 61. Подписка князь-папы своему протодіакону, чтобъ во время шумства его, оному протодіакону унимать словесно и ручно (писано до окончанія рукою государя Петра Великаго), л. 62. Два указа князь-папы, всешумѣйшей мати, возлюбленной о Бахусѣ дщи; что произведена она отъ степени князь-игуменьи, въ архи-игуменьи (изъ коихъ первой руки е. и.), писанныя 1717 года, декабря въ 28 день, л. 64, 65. Два указа отъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго князь-папы: къ объявленію хозяевамъ, о щцѣхъ и пнтьяхъ, какія въ славленіи имѣтъ имъ въ домахъ своихъ (первый писанъ, а другой правленъ рукою его величества), л. 68—70;

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Разсказъ Голцкова о свадьбѣ князь-папоу.

(Дѣянія Петра Великаго, М., изд. 1792, т. I, стр. 232; изд. второе, М., 1838, т. VI, стр. 277).

Въ концѣ 1714 года начались приутовленія къ свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Моисеевича Зотова, называвшагося князь-папоу.

Читатели, конечно, не поскучаютъ, ежели я оную, яко достойную любопытства, опишу съ подробностями, какія только могъ я собрать; но прежде за нужное почитаю сказать, или паче повторить уже сказанное мною въ разныхъ мѣстахъ исторіи монаршей, что всѣ его величества забавы и шутки имѣли цѣлю своею какою-нибудь пользу и намѣреніе. Сія же забава, о которой мы говоримъ намѣрены, имѣла цѣлю своею весьма важный предметъ.

Мудрый государь, дабы мечтаемую папоу власть надъ христіанствомъ, и самую его особу въ болѣе привестъ у подданныхъ своихъ презрѣніе, наименовалъ бывшаго учителя своего, реченнаго г. Зотова, папоу; наряжалъ его смѣшнымъ образомъ въ его папскіе уборы, представлялъ многіе обряды папскіе въ такомъ же смѣшномъ видѣ, и проч.

Равнымъ сему образомъ приводилъ онъ мало-по-малу въ неуваженіе патріарха россійскаго. Мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, что великій государь, рѣшившись отъ самой смерти послѣдняго патріарха Адріана упразднить патріаршее достоинство въ Россіи, но что вѣдая привязанность народную къ сей верховной главѣ духовенства, предоставилъ оною времени, пока, то-есть нѣсколько предразсуден народныя придуть, такъ сказать, въ ослабленіе, наименовавъ между тѣмъ рязанскаго митрополита Стефана блюстителемъ патріаршаго престола.

Но наконецъ, видя, что народъ, дворянство и самыя даже знатныя особы все еще съ нѣкоторою терпѣливостію ожидали посвященія новаго патріарха: тогда-то уже монархъ, а именно, въ концѣ, минушаго года рѣшился открыться, что ожиданіе ихъ есть тщетно; онъ собралъ первѣйшихъ духовныхъ имперіи своей и другихъ знатныхъ особъ, объявилъ имъ, что онъ хочетъ быть однимъ начальникомъ россійской церкви, и предоставляетъ учредить духовное собраніе, состоящее изъ просвѣщеннѣйшихъ въ государствѣ особъ духовныхъ, дабы принимать ихъ совѣтъ въ дѣлахъ, до церкви касающихся, и съ которыми вмѣстѣ будетъ онъ стараться объ уничтоженіи вѣранныхъ въ церковь, къ великому соблазну народа, разныхъ злупотребленій, присовокупя къ тому, что сіе собраніе состоятъ будетъ подъ именемъ святѣйшаго синода, и которое откроется такъ скоро, какъ окончится настоящая война, и проч. А дабы къ

Реестръ архіереямъ и прочимъ, обитающимъ въ Москвѣ, которые учинились осудшны святѣйшему князь-папѣ, 1723 года, апрѣля 23 дня, л. 72. Роспись именная того собора сослужителемъ и ключаремъ, діаконамъ, поддїаконамъ, грознымъ, лампадчикамъ и другимъ между оными, л. 73».

Изъ всего сборника мы оставили безъ вниманія двѣ непонятныя загадки, да слишкомъ салную росписку членовъ всепьяннѣйшаго собора, князя Дмитрія Сибиряка, Автамона Дубасова и кн. Дмитрія Щербатова; документы эти не важны и не имѣютъ прямого отношенія къ нашему разсказу. Ред.

сему приготовить умы, то восхотѣлъ государь напередъ извѣдать мысли своихъ подданныхъ и о тѣхъ перемѣнахъ, которыя положилъ онъ учинить въ правленіи церковномъ; на сей-то конецъ того-жъ князь-папу преобразилъ въ патріарха; онъ одѣвалъ его иногда въ подобное патріаршему платью; сей послѣдній, когда представляющій патріарха садился на лошадь, держалъ стремя коня его, по примѣру нѣкоторыхъ царей россійскихъ, при возсѣданіи патріарха на коня въ назначенные дни *). Сему же концу соотвѣтствовала и выдумка монаршая толь смѣшной церемоніи свадебной сего мнимаго патріарха; итакъ, опишемъ мы оную.

Еще въ минувшемъ году, а именно 21 сентября, данъ былъ слѣдующій приказъ: «По указу великаго государя объявить нижеписаннымъ, чтобъ быть имъ на свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Моисеевича Зотова, все-свѣтнаго манера въ платьѣ каждаго манера по три человѣка, и въ томъ согласясь, и о платьѣ, кто какое возмнѣтъ сдѣлать, объявить государственному канцлеру и кавалеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину, сего сентября 22, дабы однимъ образцомъ больше трехъ платьевъ у другихъ не было, и конечно-бъ оное платье въ готовности было сентября къ 29 числу».

Сіе объявленіе касалось до обоего пола, и разослано ко всѣмъ знатымъ особамъ, гвардіи офицерамъ и другимъ чиновникамъ, имена которыхъ увидимъ мы ниже.

Всѣ тѣ, которымъ сіе сообщено, должны были подписаться, какое они себѣ избрали платье.

Октября 6 монархъ, прочтя подписку сію, многое перемѣнилъ и назначилъ именно кому, въ какомъ быть нарядѣ.

Декабря 10 того-жъ 1714 года его величество повелѣлъ всѣмъ сямъ въ назначенномъ имъ уборѣ быть на смотръ въ домъ секретаря Волкова, на Васильевскомъ острову. Но чтобъ народъ онаго не видалъ, то покрыться имъ епанчами, и проч., а головные уборы, не надѣвая на себя, такъ бы привезли. Князь Меншиковъ, сообщая сіе монаршее повелѣніе къ графу Головкину, заключаетъ такъ: «Также при семъ прилагаю роспись его царскаго величества собственноручи **), по которой извольте тѣмъ персонамъ объявить чтобъ каждый изготовилъ къ тому браку сани, а именно линей такія, какова у царскаго величества, на которой бы можно десяти персонамъ сѣсть, а на полозья крѣпко брать изъ адмиралтейства».

Въ силу сего повелѣнія и по разосланнымъ ко всѣмъ повѣстанамъ, въ показанный домъ явились къ монарху пополудни во 2 часу, декабря 12.

По осмотру должны были всѣ подписаться, въ какомъ кто платьѣ неотвѣнно явится въ назначенный день свадьбы.

Потомъ монархъ далъ всѣмъ слѣдующую роспись.

Реестръ, кому господамъ на свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Моисеевича Зотова быть въ какомъ платьѣ и съ какими играми.

*) Такъ описываетъ безымянный сочинитель исторіи Петра Великаго, въ Голландіи напечатанной; подобное же и служащее сему подтвержденіемъ слышалъ я и отъ стариковъ тогдашнихъ временъ Г.

**.) Роспись сія такова: «Реестръ линеймъ: жениховъ, царскаго величества, господина губернатора князя Меншикова, господина адмирала графа Апраксина, господина графа Головкина, господина графа Мусина-Пушкина, князя Якова Фёдоровича Долгорукова, князя Григорья Фёдоровича Долгорукова, митрополита новгородскаго, господина генерала Брюса, господина генерала Вейде». Г.

Женихъ въ кардинальскомъ.
Кесарь въ царе-давыдовскомъ.

Платъе гамбургскія буржистровъ.

Свѣтлѣйшій князь (Меншиковъ). Адмиралъ графъ Апраксинъ. Генералъ Брюсъ, генералъ Вейде. Графъ Фицтумъ. (Игра рылъ).

Рааной мамеры.

Господинъ вице-адмиралъ. Господинъ генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ. Господинъ Трубецкой. Господинъ Скляевъ. (Барабаны).

Въ китайскомъ.

Графъ Головкинъ. Князь Яковъ, князь Григорій Долгорукіе. Князь Петръ, князь Дмитрій Голицыны. (Дудочки).

Въ венецкомъ.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ. Генералъ князь Рѣпинъ. Князь Василій, князь Михайло Долгорукіе. Сава Рагузинскій. (Черныя удочки *).

Скорородкое.

Баронъ Шафировъ. Баронъ Левольдъ. Комендантъ Чемесовъ. Князь Григорій Прохоровичъ Долгорукій. (Палки скорородскія).

Архибишупское.

Алексѣй Петровичъ Салтыковъ. Тихонъ Никитичъ. Бояринъ Бутурлинъ. Окольниковъ Бутурлинъ. Андрей Корсаковъ. (Роги большіе).

Турское.

Господинъ Толстой. Господинъ Бестужевъ. (Тарелки мѣдныя).

Рудожопное.

Баронъ Лось. Фалкъ. Егужинскій. Макаровъ. (Цытра Скрыницы).

Нѣмецкое пастушье.

Цесарской резидентъ Блезръ. Господинъ Веберъ **). Господинъ Ахенбахъ. Голландскій резидентъ. (Флейты).

Ассесорское.

Генералъ Чернышевъ. Князь Алексѣй Черкасской. Василій Зотовъ. Иванъ Зотовъ. Кононъ Зотовъ. (Съ соловьями).

Въ волотѣ.

Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, яко маршалъ съ штатомъ.

Въ теряхкахъ.

Алексѣй Тимоѣевичъ Лихаревъ. Михайло Ивановичъ Глѣбовъ. Князь Петръ

*) По списку архивскому показано по парѣ свирѣлей.

Г.

***) Ганноверскій министръ.

Г.

Лукичъ Львовъ. Петръ да Никита Хитровы. Борися Ивановичъ Лихаревъ. Андрей Крефтъ.

Ся безъ игръ для того, что отъ старости своей не могутъ ничего въ рукахъ держать.

Въ вѣнцѣйномъ.

Господинъ Щукинъ. Иванъ Чередѣевъ. Иванъ Губинъ. (Съ урны).

Американское.

Князь Осипъ Щербатовъ. Алексѣй Волковъ. Авраамъ Веселовской. Левольдъ молодой. Лефортъ. (Виды деревянныя).

Дифляндское старорыцарское.

Господинъ Шлипенбахъ. Господинъ Ниротъ. (Верхи отъ флейтъ).

О ф и ц е р ы.

Однорядки.

Лутковский. Киселевъ. Ѳедоръ Синявинъ. (Гудки).

Д о к т о р ы.

Докторское. Красныя епанчи какъ въ процессіяхъ живеть.

Арескинъ, Блюментросъ, Поликола. (Книги).

Матросское.

Матвѣй Олсуфьевъ, Василій Олсуфьевъ. Янъ Кохъ. Данило Чевкинъ. Родионъ Кошелевъ. Дмитрій Шенелевъ. (Трещотки).

Охаби.

Царевичъ Сибирской. Князь Ѳедоръ Голицынъ. Папкратій Сумароковъ. Алексѣй Юшковъ. (Тулумбасы).

Въ охабяхъ.

Михайло Самаринъ. Князь Юръя Хилковъ. Степанъ Нелединскій. (Набаты).

Венгерское.

Касимовской царевичъ. Иванъ Родионовичъ Стрѣшневъ. Василій Глѣбовъ. Иванъ Пушенинъ. Князь Ѳедоръ Волконскій. (Сковороды).

Польское.

Ѳедоръ Бутурлинъ. Иванъ Потемкинъ. Ѳедосей Мануковъ. Петръ Тарбѣевъ. (Скрипцы).

Норвежскихъ мужиковъ.

Маршалъ Биберштейнъ. Цізерь. Будберхъ. Михайло Бестужевъ.

Балтыцкое.

Иванъ Строевъ. Иванъ И. Стрѣшневъ. Князь Оболенскій. Михайло Голещевъ. (Баладайки).

Въ шубахъ.

Князь Засѣвинъ. Семенъ Чебышевъ. (Газы).

Секретари.

Пасторское Лютерское.

Василій Степановъ. Петръ Курбатовъ. Андрей Остерманъ. Капитанъ Роде. Капитанъ Клутовъ. (Съ перелочными дудками).

Китоловные.

Баронъ Гизенъ. Секретарь Григорій Волковъ. (Пикульки).

Шипорское.

Генераль-маіоръ Головинъ.

Корабельные мастера:

Козенць. Броунъ. Най. Гаврило Меншиковъ. (Собачьи свисты).

Поповское.

Князь Юръ Щербатой. Иванъ Ржевской. Князь Михайло Шаховской (Па-
стухья рога).

Дьяки.

Въ армянскомъ.

Иванъ Молчановъ. Иванъ Позняковъ. (Флейты).

Въ японскомъ.

Александръ Докодовскій. Василій Казариновъ. Иванъ Ларионовъ. (Флейты).

Почтахионское прусское.

Семенъ Васильевъ. Лука Тарсуковъ. (Почтовые рожки).

Егерское.

Государь царевичъ. Оедоръ Глѣбовъ. Михайло Матюшкинъ. Князь Григо-
рій Юсуповъ. Герасимъ Кошелевъ. (Егерскіе рога).

Въ Никомскомъ.

Семенъ Салтыковъ. Князь Григорій Долгорукой. Князь Михайло Щербатовъ.
(Габон).

Въ Нѣмецкихъ кирейкахъ.

Капитанъ Соловой. Капитанъ Мавринъ. Капитанъ Тишинъ.
(Съ трубами).

Въ Тунгусскомъ.

Григорій Писаревъ. Богданъ Писаревъ. Петръ Татаринновъ. (Колокольчики).

Турецкихъ дровосѣзовъ.

Илья Орловъ. Василій Парсуковъ. Семенъ Пискарской. (Варганы).

О ф и ц е р ы м о р с к і е.

Трелемарокскіхъ мужиковъ.

Шхелтянъ. Сиверсъ. Змаевичъ. (Артиллерійскіе рога).

Гондулярскіе.

Василій Салтыковъ. Егоръ Пашковъ. Александръ Лукинъ. Алексѣй Леонтьевъ. (Новгородскія трещотки).

Ваурокоо.

Капитанъ Лихаревъ. Князь Г. Урусовъ. Капитанъ Сухотинъ. (Ложки съ колокольчиками).

Македонское.

Капитанъ Ѳедоровъ. Капитанъ Измайловъ *). Капитанъ Бредихинъ. (Святели черныя).

Въ обрыхъ крѣйкахъ.

Капитанъ Бахтіоновъ. Василій Головинъ. Алексѣй Бибииковъ. (Пузыри съ гоухомъ).

Въ бернардиномъ.

Аврамъ Бухольць. Ѳедоръ Митрофановъ. Капитанъ Карповъ. (Дудочки глиняныя).

Лопарское.

Подполковникъ Савенковъ. Маіоръ Аничковъ. Капитанъ-поручикъ Сивянинъ. (Горшки хивинскіе).

Шубы короткія на кыворотъ.

Ермолай Скворцовъ. Капитанъ-поручикъ Гослеръ. (Сиповья старинныя).

Въ матроскомъ.

Иванъ Кочетъ. Филипъ Пальчиковъ. Василій Шипиловъ. (Волянки).

Въ рудокопомъ.

Авксимъ Моляровъ. Шпаковской. Франць Кичилъ. (Органья трубы).

Рыболовное.

Маіоръ Заборовской. Капитанъ Дмитрій Лихаревъ. Капитанъ Ниянта Бегичевъ. (Одни литавры. Двое накръ) **).

Д а м с к і я о с о б ы.

Ея величество, въ фрисландскомъ, при ней восемь персонъ. Царица Марѳа Матвѣевна, въ польскомъ. Царица Праскевія Ѳедоровна,

*) По другому списку Румянцовъ.

**) Я имѣю у себя списокъ оригинальный; разрядной означенныя слова писаны, кажется, собственно его величества рукою. Я говорю кажется, ибо не смѣю заподлинно утвердить, но весьма однако же на его руку похожее; оный сообщенъ мнѣ отъ господина Курбатова.

въ польскомъ. Принцессы дѣти ея, въ шпанскомъ. Пять дѣвицъ (фрейлинь) въ шубахъ, въ лѣтникахъ и въ шубахъ нагольныххъ. Государыня царевна, въ польскомъ, при ней три дамы. Государыня кронъ-принцесса. Принцесса Фрисландская. Гофъ-дама фонъ-Брисеніенъ. Всѣ въ старонѣмецкомъ платьѣ. При нихъ три дамы въ страсбургскомъ. Княгиня Мѣвшикова, генеральша Брюсна, въ испанскомъ. Графиня Мусианъ-Пушкина, госпожа Головкина и госпожа Неронова, въ китайскомъ.

Супруги царевича Сибирскаго, Головкина, Чернышева и Пушкина, въ польскомъ.

Госпожа Архіереиша (Бутурлина), княгиня Оболенская и Хилкова, Суморокова и Чебышева, въ шубахъ и лѣтникахъ.

Госпожа-князь-игуменья (Ржевская) и госпожи Бутурлина и Глѣбова, въ шубахъ и тѣлогрѣяхъ.

Госпожи Стрѣшчева, Бутурлина, Волконская и Потемкина, въ венгерскомъ. Голенищева и Юшкова, въ новгородскомъ.

Въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ находится позывная къ сей свадьбѣ бумага; я оную здѣсь также помѣщаю, яко показывающую, что монархъ иногда любилъ шутить, и что въ самыхъ сихъ шуткахъ усматривается намѣреніе; вотъ она:

«Позвать вѣжливо, особливымъ стилемъ, не торопясь, тово, кто фамилією своею гораздо старѣе чорта (то-есть оберъ-корсницкаго Маразина-»).

«Лучшаго изъ пустыхъ хвастуновъ Бѣлохвастова, который, кромѣ души, весь въ заплатахъ».

«Тово, кто съ похмѣлья гораздо прытокъ,...и бѣлая дорогая».

«Тово, кто всѣхъ обидитъ смѣхами и хохотаньемъ».

«Сумозбродныхъ и спорливыхъ по именамъ, и немного ихъ и всѣ въ лицахъ».

«Древняго стариннаго архимастера; тово, кто немного учился и ничего не вѣдаетъ; тово, кто не любитъ сидѣть, а все похаживаетъ».

«Сосѣдовъ тѣхъ, которые по глазамъ и по платью не затѣйнаго содружества и сосѣдства, надъ всѣми бочками коменданта, и пьяницу, и ѣдуна, старова оберъ-боярина, старова князь-дворянина».

«Тово-бы не забыть, кто пятнадцать дней чижика пріпскаивалъ, да не смыскалъ; не знаю о томъ, можетъ-ли онъ и тѣ сыскалъ, куда онъ устремляется и куда гости призываются, и торжество готовится; тово человѣка, кто въ Аленѣ родился; тово, кто кушать пріуготовить умѣетъ; тово, кто не по слѣдъ борца сыскалъ».

«Къ тому брачному торжеству гости: Полковникъ Преображенской, полковника Преображенская, дѣти ихъ величествъ, великаго и великія, и со внуцаты немалыми».

Къ тому-жь звать:

«Государя князь-кесаря».

«Всепренеосвященнѣйшаго князь-папу *) архіоберъ скосыря».

*) Не должно сего князь-папу принимать за г. Зотова; сей другой былъ, и также именовался, по увѣренію нѣкихъ писателей, г. Бутурлинъ. Сіе послѣднее подтверждается и хранящеюся въ собственномъ его величества кабинетѣ запискою. Въ реестрѣ дѣлъ онаго записка сія внесена такъ: Нѣкоему сержанту гвардіи въ подтвержденіе, какимъ образомъ пожитки князь-папы Петра Иваювича Бутурлина описать и отдать.

Голызовъ.

«Тово, кто именуеть гостей, благороднаго Толстаго, благородныхъ Кантемировъ».

«Тово, кто неусмпаемаго сумозбродства президентъ; тѣхъ, которымъ со двора отлучиться нельзя (то-есть деньщиковъ)».

«Тово, ково князь чортъ Смоленской изъ яйца вынагъ хуже прежнаго, а и до того была Шпанская мушка, ни яманъ, ни яшн средней руки».

Чаятельно такову ю насмѣшку всѣ тѣ разумѣли, до кою она ясалася. Къ позыву опредѣлены четыре человекъ, которые были великіе занки.

15 января повѣщено всѣмъ, чтобъ по утру 16-го числа по выстрѣленіи изъ трехъ пушекъ, съѣхались мушьямъ въ домъ графа Головкина, а женщины въ домъ князь-игуменъи, въ платьѣ, изготовленномъ на бракъ для смотра.

А линия и сани болѣшія, въ чемъ дамамъ ѣхать, были-бы въ то же время къ тѣмъ домамъ, и стали на Невѣ противъ оныхъ, и чтобъ каждый былъ съ назначеннымъ всякому инструментомъ, а женскому полу имѣть дудочки красныя.

Въ день свадьбы весь сей кортежъ, въ предшествіи жениха, шествовалъ въ домъ канцлерскій съ своею музыкою. Знатныя ѣхали въ большихъ линейхъ, каждая о шести лошадахъ; такихъ-же было 16 линей для поѣзжанъ. Изъ онаго съ невѣстою шествовали въ церковь. Четыре престарѣлые человекъ (придають къ сему иностранные писатели) вели обрученную чету, и которые заступали мѣсто церемоніймейстеровъ; предъ ними шли въ скороходскомъ платьѣ четыре-же претолстые мужика, и которые были столь тучны и тяжелы, что имѣли нужду, чтобъ ихъ самихъ вели, нежели чтобъ бѣжать имъ предъ мнимымъ патриархомъ и его невѣстою. Самъ монархъ между поѣзжанами находился въ матросскомъ платьѣ. Собора Архангельскаго священникъ, вѣнчавшій обрученныхъ, имѣлъ болѣе 90 лѣтъ. Изъ церкви тѣмъ-же порядкомъ весь кортежъ сей слѣдовалъ, съ тою-же музыкою и тѣмъ-же порядкомъ *), въ домъ новообитчавшагося мнимаго патриарха, гдѣ имѣли и обѣденный столъ; молодые **) впродолженіе онаго непрестанно подчивали гостей своихъ разными напиткими. На другой день по утру тѣмъ-же порядкомъ, въ тѣхъ-же уборахъ и съ такою-жъ смѣшною музыкою весь кортежъ сей шествовалъ въ домъ сего князь-паны, или какъ на то время называли его, князь-патриарха; и съ пресмѣшными обрядами поднявъ ихъ, слѣдовали въ домъ адмирала Апраксина, а по другому списку вице-адмирала, въ которомъ отобѣдавъ, возили молодыхъ, въ предшествіи всего-же кортежа, по всему городу.

Въ первый день брака угощенъ былъ и весь народъ, стеченіе котораго было безчисленно; для него выставлены были многія бадби съ виномъ и пивомъ и разныя яства. Сей народъ, только уважавшій достоинство патриаршее, въ сіи дни съ великимъ смѣхомъ забавлялся на счетъ онаго ***).

Забавы сіи продолжались по самый февраль мѣсяцъ.

*) Иностранные писатели, въ числѣ коихъ и самъ бывшій въ семъ празднествѣ г. Блээръ, къ сему придають, что во время шествія кортежа, къ чрезвычайному шуму толь смѣшныхъ орудій присоединялся и колокольный въ церквахъ звонъ. Г.

**) Изъ коихъ первому полагають около 70-ти лѣтъ. Г.

***) Народъ говоритъ тогда съ великимъ смѣхомъ: Патриархъ женился! Патриархъ женился! Другіе съ ковшикомъ вина или пива кричали: «да здравствуетъ патриархъ съ патриаршеею», и проч. Г.

Читатели не оставятъ, надѣюсь, сдѣлать заключеніе о всей забавѣ сей монарха, толико впрочемъ исполненнаго твердости и благоговѣнія къ закону; а я съ своей стороны въ забавѣ сей ощущаю еще и послѣдній, такъ сказать, ударъ остаточному предрасудку, какой еще имѣли къ старинному мѣстничеству

II.

Удостовереніе въ годности папы.

При разборѣ бібліотеки Виленскаго Музея, между сваяннымъ въ уголѣ разнымъ печатнымъ хламомъ, найдена въ 1867 году латинская книга, весьма любопытная по своему содержанию, подъ заглавіемъ «Roma Triumphans», объ избраніи и посвященіи римскихъ папъ и въ особенности Климента X. Книга печатана въ 1645 году, и иллюстрирована многими рисунками. Въ числѣ другихъ обрядовъ и церемоній выбора и посвященія главы римской церкви, описывается здѣсь и та сцена, гдѣ римскій конялавъ удостоверяется въ «годности» избраннаго на папство. На приложенной къ тексту картинкѣ *) представленъ новозбранный папа, уже въ тройственной тиарѣ, стоящимъ въ «прорѣзномъ мраморномъ сѣдалищѣ», около его по обѣ стороны кардиналы; одинъ изъ нихъ стоя на колѣняхъ около сѣдалища, всунулъ руку въ сдѣланное съ боку отверстіе; отъ рта его идутъ слова: «Pontificalia habet» (первосвященническое имѣетъ) Приводимъ цѣликомъ латинскій текстъ книги объ этомъ обрядѣ съ русскимъ переводомъ.

«Послѣ сего (врученія папѣ ключей и цѣлованія ногъ) его понесли къ мраморному сѣдалищу съ отверстіемъ, находившемуся не въ дальшемъ разстояніи чтобы, поставивши его въ немъ, осмотрѣть его подовые органы, какъ объ этомъ я упоминаю уже на стр. 91. Никто да не сомнѣвается въ этомъ: известно достоверно, что мраморное сѣдалище съ отверстіемъ находилось въ латеранской базиликѣ, и мы сами многократно видѣли оное; также достоверно известно, что новозбранные папы, прежде чѣмъ допускаясь до свѣтской власти, были поставляемы въ этомъ сѣдалищѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и сами католики: *Platin & Sab. in vit. Joh. VIII. Stella sacer. Venet. ejusdem vit. Marian. Schot qui vixit circa annum 1000. Raph. volater. Anthropol. lib. 22 pag. mihi 794. Balaeus in vita Pontif. Petr. Greg. Tholoss. singtagm. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23.*

«Дѣвица изъ Майнца, по имени Ангелика, скрывшая свой полъ, за свою необыкновенную ученость и способности ума, по смерти Леона IV была избрана папою римскимъ, и названа Юанномъ VIII. Потомъ, отправившись однажды въ

Стран. 387. «Postea, ab usdem ad sedem Marmoream perforatam, quae non procul inde collocata fuit, portatus ut super eadem positus, ejus virilia attractarentur, veluti supra pag. 91 notavi. Nec dubitandum quin res ita habeat; etenim certissimum est, sellam illam marmoream & perforatam in eadem Basilica Lateranensi servari quam multoties nos ipsi vidimus. Certissimum quoque est, noviter creatos Pontifices ante, quam ad seculare regnum Lateranense admittantur, super eadem sellâ reponi & collocari, veluti salis probant inter alios, ipsi quoque Catholici. *Platin & Sabel.*

*) Фотографическій снимокъ съ этой любопытной картинки снятъ въ величину подлинника подаренъ въ нашу бібліотеку бывшимъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловымъ.

латеранскую базилику, между театромъ, называемымъ Колизеемъ отъ колоссальной статуи Нерона, и церковью св. Климента, родила и на томъ же мѣстѣ умерла отъ родовъ, на второмъ году своего папства, 1-го мѣсяца 4-го дня, около 857 года по Р. X. Platin in ejus vita Raph. Volat: anthrop. lib. 22 pag. m. 794. Balaeus in vita Pontif. Joann. Stell. in Joann. VIII Tholoss. syntagm. jur. univers. lib. 15 cap. 3 num. 23 Sabell. in ejus vita. Потому на этомъ мѣстѣ даже до нашего времени находилась ея статуя съ младенцемъ на рукахъ, и по этой дорогѣ къ базиликѣ намѣренпо никогда не ходятъ папы, хотя она короче другихъ и столь же удобна. И послѣ ея смерти опредѣлено было, какъ свидѣльствуютъ объ этомъ многіе, не возводить папу на первосвященническую кафедру, пока въ сѣдалищѣ съ отверстіемъ, нарочно для сего приготовленномъ, не опущаютъ его половыхъ органовъ. Platin & Sabell. dict. loc. & post eos Tholoss. syntag. jur. univers. lib 15, cap. 3, num. 23».

III.

Письма архи-игуменъи Ржевской.

1708 — 1717.

†

1) «Всемилюбвѣйшій государь полковникъ, поздравляемъ васъ съ полученною вашею вѣстореію, о которой увѣдомясь отъ васъ здѣсь, воздавъ хвалу Вышнему, съ удовольствіемъ веселились, а чѣмъ навпаче желаемъ добраго окончанія слышать, а по добромъ окончаніи ея желаю душевно очи ваши видать въ своей святой обители въ санктпетербургской.

Также прощу объ отданіи моего нижайшаго поклона его сіятельству принцу Меншикову и съ княгиней; а я къ вамъ другое письмо пишу, а отъ васъ къ себѣ ни одного не получу.

in vit. Joh. VIII. Stella sacerdos venetus, in ejusdem vita. Marianus Schotus, qui vixit circa annum 1000. Raphael. Volaterranus Antrop. lib. 22, pag. mihі 794. Balaeus in vita Pontif. Petrus Gregorius Tholoss. Syntagm jur univers. lib. 15, cap. 3, num 23».

Стран. 90—91. «Moguntina puella, Angelica nomine, sexum ementita, ob doctrinam singularem & alias ingenii dotes, mortuo Leone IV summus Pontifex Romanus est facta, & Joannes VIII nominata. Post modum vero compressa, dum ad Lateranensem Basilicam proficiscitur, inter Theatrum quod colosseum nominant a Neronis colosso, & S. Clementem peperit, eoque loco mortua est, pontificatus sui anno 2, mense 1, die 4, irca annum Christi 857. Platin in ejus vita. Raph. Voluter. Anthrop. lib. 22 pag. m. 794. Balaeus in vit. Pontific. Joann. Stell. in Joann. VIII. Tholoss. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23. Sabell. in ejus vita. Hinc eo loco, ad nostra usque tempora fuit ejus statua cum puero, & viam hanc, ad eam Basilicam tendentes consulto praetereunt & declinant rifices, licet ea brevior sit, nec minus commoda, quam aliae. Post ejus vero mortem, cautum est, veluti plerique scribunt, ne post illum tempus, summus Pontifex, in Pontificalem provehent cathedram, neve confirmaretur, quin prius in sella, ad id parata & perforata, existens, positusve, ejus virilia perspicerentur & attrectarentur. Platin & Sabell, dict. loc. & post eos Tholoss. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num 23». Sabell.

Многогрѣшная санктпетербургская игуменья съ сестрами Бога молю и челомъ бью».

Отъ Санктпетербурга, октября 2-го дня 1708 года.

На оборотѣ: «Всемилоствѣйшему государю».

†

2) «Дорогой нашъ батюшка господинъ, господинъ полковникъ. Поздравляю васъ съ презрядною викторією, какую ни праотцы наши не слыхали, а нынѣ за помощію великаго Бога и вашею премногою службою мы сподобились слышать.

И за такую нечаянную радость хвалу Богу воздали, и за ваше здоровье ей-ей изрядно веселились съ великимъ громомъ пушечнымъ.

Дай, дай Боже, намъ очи ваши видѣть въ твердомъ камени изъ Санктпетербургѣ и также при васъ веселиться.

Ей государь, вельми печальна, что я непорядована отъ васъ на письма, только за нынѣшніе труды служивые Богъ простить.

Также поздравляю свѣдѣйшаго князя господина, господинна Меншикова, съ тою же вышеписанною викторією, которою получили іюня 27-го.

Грѣшная игуменья санктпетербургская съ сестрами Бога молю и челомъ бью».

Отъ Санктпетербурга, іюля 17-го дня 1709 года.

†

3) «Всемилоствѣйшіи государь! У насъ въ царствующемъ Санктпетербургѣ, слава Богу, все благополучно. Истинно, всемилоствѣй государь, великую печаль имѣю, что отлучены отъ вашего величества и непрестанно прошу: Боже! дай ваше величество намъ видѣть въ добромъ здоровьи и во всякомъ счастливомъ случаѣ.

Доношу вашему величеству у домъ своемъ старомъ разорила, а новый не зачинала за малолюдствомъ рабочихъ людей, и если, государь, вы меня въ своей милости въ томъ моемъ строеніи оставите, и я совсѣмъ приду въ скудость.

Денегъ на палаты собрано семь сотъ восемьдесятъ рублей. Племянниковъ подписалъ девяносто рублей, не давъ ни копѣйки и неколи было ему считать: по отъѣздѣ вашемъ скоро побѣжалъ къ Москвѣ, и я чаю, что онъ въ такомъ мнѣніи, что ему вишь не быть въ Санктпетербургѣ.

Не мало печалюсь, что при нынѣшнемъ случаѣ не имѣю у себя мужа своего Ивана Ивановича; онъ бы управлялъ лучше меня.

Грѣшная монахиня санктпетербургская, князь-игуменья, Бога молю и челомъ бью.

Пожалуй, всемилоствѣйшіи государь, заступи свѣтлѣйшему князю, чтобы пожаловалъ на строеніе палатъ, что воля его надлежитъ».

Отъ Санктпетербурга, іюня 20-го дня 1712 года.

†

4) «Всемилоствѣйшіи государь! Иного къ доношенію не имѣю то, что у насъ въ царствующемъ Санктпетербургѣ все благополучно состоятъ.

Ваши государскія дѣти и внучата, а наши государи, слава Богу, въ добромъ здоровьи.

Отъ сердца желаю и прошу, дабы я не оставлена была милостивымъ вашимъ письмомъ властной вашей руки, въ чемъ бы имѣла въ болѣзни своей великую радость.

Довошу о себѣ, для великой болѣзни мужа моего, съ благословенія отца нашего князь-папы дерзнула изъ обители своей отъѣхать къ мужу своему и съ проѣздомъ въ пути была два мѣсяца и въ томъ прошу прощенья.

А мужу моему учинился параличъ и въ памяти помѣшаніе есть. Прошу милости, поблагодари свѣтлѣйшаго князя на письмѣ, что ко мнѣ добръ.

Грѣшная санктпетербургская князь-игуменья Бога молю и челомъ бью».

Санктпетербургъ, февраля 18-го дня 1717 года.

†

б) «Всемиловѣйшій государь! У насъ въ царствующемъ Санктпетербургѣ, слава Богу, все благополучно. Всемиловѣйшая наша государыня царица Екатерина Алексѣевна въ добромъ здоровьи, изволила пойтить въ Сарскую мызу.

Поздравляю васъ съ новополученнымъ чиномъ, котораго во истину съ немалымъ трудомъ воспріали; дай Боже и выше воспріять. Пожалуй, отдай услужный мой поклонъ вашему флагману, изволь ему попенать, что къ намъ не пишеть, во истину не диво въ дальнемъ разстояніи можно уничтожить.

Санктпетербургская князь-игуменья Бога молю и челомъ бью».

Августа 20-го дня.

И, если изволишь видѣть сіятельнѣйшаго адмирала, изволь, по своей ко мнѣ милости, ему попенать, что къ намъ не пишеть и въ томъ намъ печаль приносить!

IV.

Просьба дьяка Протопопова о шебытѣи въ машварадѣ.

1722.

Императорскаго величества въ кабинетъ. Довошеніе дьяка Алексѣя Протопопова.

Написая я въ машварадѣ а по указу изъ государственной юстицъ-коллегіи, президентъ спрашиваетъ многихъ дѣлъ и репортовъ, да къ тому-жъ многихъ прибудущихъ господъ и царедворцевъ противъ прошлыхъ гѣтъ, въ Москву непрестанна сдѣлаи и прочія крѣпости, по которымъ много нишущихъ крѣпостей, а у того дѣла я одинъ, а великія крѣпости безъ подписки моеи быть не могутъ, отъ чего я опасенъ, чтобы отъ того пошлинамъ утраты и въ дѣлахъ бы остановка и требующимъ писать волокити не было. О семъ требую его императорскаго величества указу. Дьякъ Алексѣй Протопоповъ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПЕТРА I ПО КОРАБЛЕСТРОЕНІЮ.

1717—1724.

А. В. Пальчиковъ доставилъ «Русской Старинѣ», для напечатанія на ея страницахъ, буквальную копию хранившаго въ его семействѣ собственноручныхъ писемъ императора Петра Великаго къ прадѣду его, преображенскаго полка роты бомбардирь-лейтенанту Филипу Петровичу Пальчикову и одного письма къ нему же императрицы Екатерины I; вмѣстѣ съ тѣмъ доставлена имъ для напечатанія біографическая замѣтка о Филиппѣ Пальчиковѣ, составленная по фамильнымъ документамъ. Съ искреннею признательностью за сообщеніе, мы полагаемъ, что оно вполне подходит къ составу настоящей книги, посвященной преимущественно Петру Великому и его времени. Ред.

Изъ фамильныхъ документовъ Пальчиковыхъ видно *), что Филиппъ Пальчиковъ былъ изъ дворянъ Болховскаго уѣзда, Угорскаго стана, гдѣ предки его владѣли недвижимымъ населеннымъ имѣніемъ, на службѣ уже въ 1700 году въ бомбардирской ротѣ преображенскаго полка, и притомъ собственнымъ государя корабельнымъ ученикомъ, а потомъ подмастерьемъ и мастеромъ искусства кораблестроенія **). Къ

*) Свѣдѣнія, въ этой статьѣ заключающіяся, почерпнуты изъ фамильныхъ документовъ и въ архивѣ преображенскаго полка, гдѣ до сихъ поръ сохранились формулярные списки бомбардирской роты императора Петра I, разныхъ годовъ. Въ спискахъ сихъ Филиппъ Пальчиковъ значится той роты унтеръ-лейтенантомъ въ 1721 г.; лейтенантомъ (поручикомъ) въ 1726; въ иныхъ изъ этихъ списковъ показанъ «числящимся при Адмиралтействѣ, откуда и жалованье получаетъ», и сверхкомплектнымъ (какъ Меншиковъ, Корсаковъ, Мельгуновъ, Вильбой, Репнинъ, показанныхъ въ однихъ съ нимъ чинахъ). О происхожденіи его означено въ нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ: «изъ шляхетства». Вообще же свѣдѣнія въ этомъ архивѣ скудны, ибо многое отъ того времени не сохранилось.

А. П.

**) Въ Петербургѣ существовала учрежденная Петромъ Великимъ морская академія, въ которой изучали искусство мореплаванія и кораблестроенія даже лица, находившіяся въ военной и гражданской службѣ, и по познаніямъ своимъ удостоивались степеней подмастерьевъ и мастеровъ, *contre-maitre*, *maître*, по-

этой должности и въ знакъ особаго довѣрія онъ былъ посылаемъ въ разныя верфи въ государствѣ: на Воронежъ, въ Вышній-Волочекъ и пр., находился съ государемъ и въ Голландіи; гдѣ пробылъ 1718-й годъ, получая отъ него разныя порученія, исключительно до кораблестроенія и флота относящіяся.

Изъ фамилныхъ же документовъ видно, что Ф. П. Пальчиковъ жалованъ государемъ въ разное время недвижимымъ населеннымъ имѣніемъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Московской, Владимірской, Тамбовской и Псковской, кубками золотыми и серебряными, образами—что до сего времени сохранилось въ его потомствѣ—и вообще осчастливленъ былъ частою царскою милостію, какъ самого государя, такъ и императрицы Екатерины I.

По кончинѣ императора Петра Великаго и императрицы Екатерины I, служебная дѣятельность Пальчикова прекращается, и онъ вскорѣ даже дѣлается жертвою личной вражды Бирова. Такъ, на примѣръ, въ 1735 году, по распоряженію адмиралтействъ-коллегіи, отправленъ въ Казань, для заготовленія и отправленія въ Петербургъ корабельныхъ дубовыхъ лѣсовъ, и въ Астрахань для строенія ластовыхъ судовъ, гдѣ и остается безъ жалованья до 1738 года, когда, по распоряженію той же коллегіи, увольняется вовсе отъ службы, но увольненія не получаетъ даже и по своемъ возвращеніи, не взирал на ходатайства и челобитныя въ сенатъ. Только впоследствии, при восшествіи уже на престолъ августѣйшей дочери Петра Великаго, онъ могъ снова обратить на себя монаршее вниманіе. Вслѣдствіе поданной имъ тогда челобитной въ высочайшій кабинетъ (во время завѣдыванія онымъ барона Черкасова), въ которой изъяснилъ свое положеніе и служебную дѣятельность въ Казани и Астрахани, „во время которой онъ достигъ приращенія казеннаго дохода въ три года болѣе 40 т. руб. сер., безъ отягощенія народнаго“ *), получилъ онъ въ 1742 г. указъ сената явиться въ Москву, куда въ то время изволила путешествовать императрица Елисавета Петровна; но повелѣнія этого онъ исполнить не могъ, ибо, находясь въ псковской своей деревнѣ, тяжело уже страдалъ отъ продолжительной болѣзни, отъ которой вскорѣ и умеръ.

Все писано собственною государя Петра Великаго рукою, исключая № 10-го, письма императрицы Екатерины I, и № 3-го къ Голо-

голландски *aggricbas, bas*. Самъ Государь поснялъ эти степени, а потому встрѣчаются въ нѣкоторыхъ историческихъ документахъ названія «собственныхъ государя учениковъ». Степени эти соотвѣтствуютъ какъ-бы ученымъ степенямъ современнымъ.

*) Подлинныя слова стариннаго фамилнаго документа.

вину, подписаннаго мастеромъ Петромъ Михайловымъ, въ которомъ только собственноручныя подпись число и годъ. Письма печатаются здѣсь буквально, съ подлинниковъ А. В. Пальчикова.

I.

Г. Палчиков

еще найми мастеров по сей росписи

1. Купар з двумя гизелями, чтоб бочки умѣли дѣлат

1. Кузнецъ з двумя гизелями, которой гвозди умѣет дѣлат

1. Карабелной кузнецъ, а такой уже у вас искалъ службы с остинской верфи

1. Кампасной мастер, а зѣлоб ізрядно із тѣх, которой нанят будет зейлмакар для мельких судов, понеже у них обыкновенно болшая часть зеймакоровъ компасы дѣлают

Доброй магниткамен без желѣза такой каковой для натирания кампасныхъ желѣз употребляют чтоб довольно былъ силен смотрѣт того чтобъ всѣ наветыя не стары были Петръ

із антверпена въ 2 д. апрѣля 1717

(Внизу рукою Пальчикова подписаю: «получено в Гаге апрѣля 7-го». На обратномъ листѣ писарскою рукою написано: «господну Палчикову» и государева печать, немного поврежденная).

II.

Господин Палчиков

доносител сего покажет вам Эверсъ на которой здѣлай машеть і парус такой которыя мы видели с тобою на ватаршхинахъ для пробы і чтоб скоряя сие здѣлат лабы до зимы пробоват Петръ

із питергофа въ 23 д. октѣбря 1717 г

III.

Превосходителяйшій господинъ Сарваеръ *).

Объявляю я нижеименованный что ученикъ архитектуры навались, Филиппъ Пальчиковъ, в сем художествѣ обретался четырнатцат лѣт. И от начала радѣтельно во ономъ градусъ по градусѣ восходилъ. Ктомууж блиско двухъ лѣтъ вкурсѣ морскомъ был для примѣчания погрешения в плаваніи, чего для объявляю что сей вышеименованный достоинъ быт подмастерьем, Петръ Михаиловъ.

Сарваеръ Головин

въ питербурхѣ въ 15 д. декабря 1717

(Разрядкой набрано писано собственною рукою его величества, письмо же—писарскою рукою; внизу собственноручная подпись Головина).

*) Соответствуетъ капитанъ-командору.

IV.

Господинъ Палчиковъ

Приважи въ удобномъ мѣстѣ гдѣ быт огорода вскопат земли повыше і чтобъ была добрая земля а нехуже чтобъ хотя сухой земли і привести і чтобъ изготovit сажень на десеть или менше дабы для пробы посадит каштановыхъ деревъ 40 которыхъ изъ ревели жду с часу на часъ

Петръ

изъ питербурха въ 7-й маія 1720

(Внизу, на оборотѣ, рукою Пальчикова написано: «получилъ 8-го маія; на оборотѣ листа писарскою рукою: «господину Палчикову»; государева печать во всей цѣлости).

V.

Господинъ Палчиковъ

на письмо твое отвѣтствую ватаршины чтобъ дѣлатъ в ладогѣ или гдѣ индѣ гдѣ торговые суды дѣлаютъ а не въ питербурхѣ і чтобъ сосновые а не дубовые для дѣла романовокъ і прочихъ определитъ шнака Чертежъ смотрѣлъ кажетца хорошъ Петръ

в преображенскомъ в 26 д. генваря 1722

(Внизу на оборотѣ рукою Пальчикова написано: «получилъ Гепъ-вара 30-го 1722»).

VI.

Господинъ Палчиковъ

сыщите буер нарочитой чтобъ былъ надеженъ в ходу і управъте ево соеъсемъ хорошенко, і приготоете ево вести сухимъ путемъ а куды і кому вестъ о томъ буду тебѣ вскорѣ писатъ а чей оной буеръ возьмете можете на ево мѣсто хозяіну дѣлатъ новой на мой счетъ ежели у васъ новова нѣтъ Петръ

отъ марциальныхъ водъ въ 20 д. февраля 1722

(Внизу на оборотѣ: «получилъ 24 го февраля 1722»).

VII.

Господинъ Палчиковъ

карабль которой зачинается дѣлатъ дѣлайте оному чертежъ (на книгѣ что пѣвѣчнѣ дѣлали) с чертежа что в модель камарѣ чѣрченъ і привѣжай немедленно с нимъ к москвѣ а суды которые велено пригото- витъ вамъ вручите для воски сему доносителю дабы симъ зимнимъ путемъ поставилъ ихъ к москвѣ также возми у мошкова три или четьрѣ трушкы зрительные и изъ лутчихъ астролябиі с трубками которое я всегда употребляю с подношками и цепь чѣмъ мѣреютъ ватаршас

которой былъ у Гутолова *) а не болшой такъже другое малое остро-
лябие і ватарпас із менших і привези с собою і книгу порошкею
для черчен'я **) карабля взапасъ.

Такъже возми у карабельных мастеров и у елагъманое наших
которые англиской нацыі и у приѣзжево экипажа купора на писмѣ
в какомъ рангѣ с которыми чинами в англиі карабельные мастера і
буде не согласно дадутъ сведи іхъ вмѣстѣ чтобъ междо себя поговорили
і все привези с собою Петрѣ

от марциалных вод въ 1 д. марта 1722.

VIII.

Господинъ Филипп

мнѣ недосугъ того для сего дѣя трудитес шпангоуты ісправляятъ
в ворштевену а на трассы вели дѣлатъ малы такъже на ахтрѣ ште-
вень для врубковъ трассамаъ малъ же только на трассы вели с прибав-
кою дѣлатъ пополнѣе либо по свидѣтельству сента которой самъ дѣ-
латъ буду что передѣлатъ случитца Петрѣ

IX.

Господин Палчикое

Побей челомъ господину директору і адмиралу невъскому чтобъ
прислали ботикъ сюды которой недавно на верои здѣланъ з гикабор-
томъ тѣмъ маниромъ какой взятъ в астраханъ Петрѣ

із петергоа въ 11 д. іюня 1723.

X.

Господинъ слѣпецъ;

По полученіи сего судно на которомъ я поѣду вели убрать хоро-
шенько, но в томъ я болѣе имѣю надежду на моего хозяина дорогова.
Ежелиже не такъ учинено будетъ то яко оставшия при мнѣ ты і вилбо'
не безъ награжденія Орловъ останется ***) такъже вели изготовить су-
довъ промоемъ свиту безъ нужды; императрица Екатерина.

москва 14 дня іюня 1724 году.

(На оборотѣ листа написано такъ: «Господину Палчикову, в вышнемъ волочкѣ»,
и остатокъ печати).

*) По связи всего письма трудно разобрать,—должно быть собственное имя

**) Буква и въ титлѣ.

***) Орлами назывались извѣстные кубки съ виномъ.

XI.

Господинъ Палчиковъ

Понеже завѣтра ежели вѣтръ не отменитца быт не чаю, а ден
должности нашей к мастеру с нашими *) итит того ради исправте і без
меня такъже ежели завѣтра будет противной же вѣтръ чтоб одну
качалку прислали сюды а другую переменя дроги такъже і коляску
в питергое Петръ

з заводое въ 31 д. октѣбря 1724.

(На оборотѣ листа «Господину Палчикову», и остаткы печати).

XII.

длина 85 о.	оут 2 80	оут 2 75	оут 2 70	оут 2 65	оут 2 60	оут 2 55	оут 2 50
ширина 24	23	22	20:7	19	17 ^{1/2}	16	14 ^{1/2}
глубина вынь труме 8	7 ^{1/2}	7	6 ^{3/4}	6 ^{1/2}	6 ^{1/4}	6	5 ^{3/4}
Погѣб флава 16	14	12	10	9	8	6	4
	с	п	о	л	у	б	а
	м	н	б	е	з	п	о
	л	у	б	а	м	н	б
	е	з	п	о	л	у	б

Отмѣтка Пальчикова: «Послѣдняя строка писана рукою монаршею».

XIII **).

М е м о р і а л ъ.

Подчеркнутое рукою государевою.

- 1) Ботикъ когда запоютца, бѣлит
прикрыть ли по мѣди бѣли-
лами;
- 2) Поправлятли старыя краски; поправлят кромѣ шпигеля
і гакаборта
- 3) рѣзба гдѣ пообилась попра-
витли красками. ***) незамат до меня

*) Иначе разобрать было невозможно: все письмо вообще чрезвычайно
связно.

**) Этого докладъ о починкѣ ботика Петра Великаго, «Дѣдушка русскаго
флота» — приведенъ уже былъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г., т. IV, въ
статьѣ О. О. Веселаго (стр. 465—466).

Ред.

***) Написано «противе второи» и вычеркнуто.

- 4) маштъ старойли будетъ или новой, ибо и новой дѣлаютъ, для того старой толстовать вверху; новой готове, а быт старому какое есть.
- 5) буквъ шприть надобноль; здѣлат в запас привязной.
- 6) олагъ новой дѣлатли и какой,—гюйсъ на буквъшприть дѣлатли а старыхъ одинъ штанъдартъ, одинъ гюйсъ; дѣлат наверху штандартъ а назади кеізерелагъ дѣлатъ.
- 7) Руръ старой узакъ ненадѣюсь чтобъ дѣйствителенъ былъ, къ старомуль здѣлат надѣлку, или новой здѣлатъ; здѣлат новой а к старому надѣлку приготовит а неприбиват і старова не трогат до меня.

ісправя все ѣхат вам сюды.

XIV.

Здѣлат чертежъ орегатам толко боку на кармѣ какъ пинкъ по-сему

длина по ісподней полубѣ . 107.

ширина . 30.

глубина вынтрынѣ . 13—6.

вышина изподней полубѣ отъ воды на сереткѣ . 3. а напереди назади по 4.

от полубы до полубы на сереткѣ і напереди . 6 — 6.

назади . 7.

бортъ на сереткѣ высотой 20 дуімоѳ.

ѳорштевен чтобъ былъ на галанскую манеру не очен круглъ только оба штевени не очен выстали изъ досокъ.

Сей чертежъ здѣлат футами аглинскими а после перевест на голанские і маштагъ голанской у оногъ здѣлат

1. Перво поднят і ісправит свивѣтелством *) шхерган впереди от миделя.

2. Намѣтит широту шхеръгана на линѣяхъ концы окол чертитъ круги

3. Начертит шпангоуты. 10 дл. I. і ошиенпис по чертежу.

4. Сенты два которые с черты положит противъ опуску.

Сие все сего дни здѣлат

*) Вся статья списана въ точности съ оригинала, но кажется въ оригиналѣ ошибки.

XV.

- 1) Старатца сыскат слюпсъ ботного мастера что галѣру показывалъ хотяб і лишнее дат а іменно до пяти сот талерей
- 2) машины чем вертат насосы і тянут машьты і протчее отдать Саловьеву чтоб отправил в питербурхъ или ревел с канвоєм такъже чтоб онъ за них оон рену заплатилъ денги
- 3) чтоб вычитца красит парусы
- 4) Хрущову подтврждаат для доставанья композиціи
- 5) ежели недорогогъ дастат бачера жорновы что краски мелют послат съ машинамиж

XVI.

Отцы

Адмирал

Княз меншикоѳ

Братья

сиверсъ

гордон

Матери

вице-адмиралша

кнеіна меншикова

Сестры

Паддонша,

сиверша

Ѳоршнейдер Мишукоеъ

бруцъ юм еорсъ

2 дочери оборсарваеровы

(На слѣдующемъ листѣ надпись, но не государя рукою: «свадьба была Івана Михайловича Головина ноября 8 дня 1719 года»).

XVII.

от досоеъ до досоеъ меж полубами.

От нижней до средней	{	назади . 7 — 6
		всредиѣ 7 — 0
		впереди 7 — 1
от средней до верхней	{	назади 7 — 2
		всредиѣ 7 — 0
		впереди 6 — 7
Ѳордекъ	{	назади 7 — 4
		впереди 7 — 0
Гюг	{	назади 6 — 6
		впереди 6 — 2

Бовенгют { назади 5—2
 { впереди 5—1

Помѣта Пальчикова: «Все собственною же рукою государевою».

XVIII.

для мѣлких судовъ яхтъ шлюбсь ботое яхтъ и буерое
маштъ макара чтобъ бомы і прочее умѣль зѣль макара
ропъ шлагера.

малера которой покрываетъ суды и бомы красками
столяра которой убираетъ на такихъ мелкихъ судахъ

(На оборотѣ рукою Пальчикова написано карандашемъ: «канатный мастеръ
в сардаме зѣль макар шпаренъ дамъ»).

XIX.

ширина между прямой половины і третьей доли отъ переди воснов(а) *)
края штевена

мѣсто машту заднему краю третей доли отъ переди.

мѣста бауту, отъ шерцоу гильзея отняе (половина **) столко ка-
сыми ісподней і наставя на верхъ і потомъ счестъ полотны въ оокѣ
и въ семъ наставленомъ гильзеиле і разчетши пополамъ то мѣста бауту.

(Внизу сдѣланы два неполныхъ чертежа карандашемъ и однимъ чернилами
собственною же государя рукою).

На слѣдующемъ листѣ государя рукою.

55 . 55	72	
12	23	
<u>110</u>	<u>65</u>	
55	160	
<u>660</u>	<u>2</u>	
	320 длинникъ	
	132	
	<u>33</u>	
	485	22
		<u>6</u>
7		132 попереш.
12		
<u>14</u>		
33 поперешники		длины всѣхъ стѣнъ . 490 сажень і с поперешниками.

*) Должно быть равносильно слову: «въ основаніи».

**) Слово «половина» зачеркнуто.

XX.

Осмотрѣт ежели інготы не вѣсѣ весма гънили на пѣриклад какъ антом то чинит по сему

1) всѣ гнилыя доски какъ полубныя такъ баргоуты и пѣротчїе перемнит такъже ежели балки і кнїсы кої згнили беременит же і сверхъ того катлерерсы положит до самой полубы верхним концомъ також буде нужда зовет слабости судна то и на полубѣ вбортамъ кнїсы положит а іменно по два в гротъ і оокъ маштамъ такъже вбухтъ бандахъ і у шпигеля которыя связки погнили перемънит же

единым словом такъ починит чтоб толко сей пут могъ исправит а не такъ чтобъ переїти барсеат *). Аріеръ-басъ Головинъ **).

(Письмо государя рукою, но подписало Головиннымъ).

XXI.

нерубить дуб

клен

ясенъ

ребину

калину

арешникъ

ели толстыя а іменно

в голову человѣчю і толше

олхи такой же мѣры не рубит

которыя прямы і хороши

а протчїе деревья рубит такъ же

олху і ел тонкую і кривую рубит же

і валят скорен'емъ.

(Внизу этой записки сдѣланы два неполныхъ чертежа карандашемъ и одїивъ чернилами рукою Петра, но что они означаютъ—понять трудно. Ред.

Сообщ. А. В. Пальчиковъ.

*) Все письмо писано почеркомъ очень связнымъ.

**) Аріеръ-басъ—Contre-maitre. Были аріеръ-адмиралы, т.е. контръ-адмиралы: басъ по-голландски значить мастеръ.

ПТЕНЦЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1701—1725.

Помѣщаемъ нѣсколько документовъ, относящихся до «птенцовъ», сподвижниковъ Петра Великаго. Это письма, донесенія и проч. документы, относящіяся до ихъ дипломатической, государственной или общественной дѣятельности. Предпосылаемъ имъ двѣ-три замѣтки г. В. Андреева:

«Письмо къ Шафирову нашего посланника въ Варшавѣ, кн. Гр. Долгорукаго, дѣда любимца Петра II, Ивана Долгорукаго, и обрученной невѣсты Петра II, Екатерины Алексѣевны Долгорукой. Внукъ и внучка, игравшіе впоследствии такую роль въ Россіи въ эпоху господства Долгорукихъ при Петрѣ II, воспитывались у дѣда въ Варшавѣ. Письмо, приводимое здѣсь, по чистотѣ слога хоть отчасти уступаетъ приводимому далѣе письму посланника въ Голландіи, послѣ бывшаго въ томъ же званіи въ Парижѣ, кн. Куракина. Стараніе кн. Долгорукаго придать какъ можно болѣе значенія одержанной «викторіи» доказываетъ, что Петръ I и его вице-канцлеръ, бар. Шафировъ, оставались и въ концѣ шведской войны вѣрными своей политикѣ, немедленно оповѣщать какъ западную Европу, такъ и Польшу, объ успѣхахъ, одержанныхъ русскими войсками.

Помѣщаемое ниже письмо бар. Шафирова изъ Турціи въ 1712 г. къ фельдмаршалу Шереметеву, извлеченное изъ черновыхъ бумагъ фельдмаршала, представляетъ собою документъ несомнѣнной исторической важности. Оно служитъ новымъ доказательствомъ, что прутскій миръ съ Турціею былъ очень ненадеженъ, несмотря на всѣ уступки, сдѣланныя Россіею. Турція искала предлога къ разрыву, и если бы не безумныя выходки Карла XII и не его поступки въ отношеніи султана, опасавшагося этого гостя какъ непріятеля почти съ самаго водворенія шведскаго короля въ турецкихъ предѣлахъ, то предлогъ можетъ быть и былъ бы найденъ и новая борьба съ Турціею явилась бы помѣхою планамъ Петра на сѣверѣ. Враждебныя отношенія Карла XII къ принявшимъ его туркамъ предотвратили это, но султанъ вообще держалъ себя высокомерно и считалъ себя вправѣ не допускать даже малѣйшаго движенія русскихъ въ польскую территорію. У Шафирова, заложника въ Константинополѣ въ вѣрности исполненія договора, были, по его словамъ, глаза и уши, всюду въ столицѣ султана, но при всемъ томъ только старанія голландскаго посланника помогли русскимъ уполномоченнымъ выхлопотать, чтобы русскія войска, выступавшія изъ Польши въ Померанію и которымъ не было другого пути обратно въ Россію, какъ чрезъ Польшу, могли пройти домой узкою половою польской территоріи вдоль Балтійскаго моря. О стараніяхъ голландскаго посланника въ этомъ дѣлѣ въ пользу русскихъ мы знаемъ тоже изъ другого

источника. Д-ръ Тейльсъ, состоявшій въ это время при голландскомъ посланствѣ въ Константинополь и принимавшій дѣятельное участіе въ самыхъ переговорахъ, напечаталъ послѣ брошюру объ этомъ предметѣ. Это тотъ самый Тейльсъ, о которомъ упоминаетъ Екатерина II въ своемъ письмѣ къ Храповицкому («Русск. Архивъ», 1866, стр. 71). Потомство его при Екатеринѣ II жило въ Россіи.

Изъ писемъ разныхъ лицъ къ кн. Меншикову четыре письма Брюса (10, 13, 14, 15), бросаютъ свѣтъ на исторію Петербурга въ первые годы по построеніи его. Шведская сила грозитъ возникающему Кронштадту и строящемуся Петербургу, а между тѣмъ уже являются товары изъ-за границы въ новые города, и Брюсъ шлетъ подарки, никогда нечуждавшемуся ихъ, Меншикову, отъ англійскаго торговаго гостя, прибывшаго въ Петербургъ. Но гостю надобно везти свои товары въ Новгородъ, въ Петербургъ (въ 1704 г.), очевидно, еще нѣтъ покупателя, и какъ мало все приспособлено въ новомъ городѣ къ приему иностранныхъ судовъ видно изъ того, что англійскій торговецъ теряетъ время въ ожиданіи подвоза нужной ему смолы съ олонеккой верфи, хотя за каждую педью перестоя онъ платитъ капитану корабля по 100 рублей.

«Письма Курбатова (9) и Сафонова (26) сообщаютъ нѣкоторыя подробности о военномъ хозяйствѣ того времени. Письмо Матвѣева (18) обращаетъ на себя вниманіе умѣренностью слога, замѣчательнаго даже по тогдашнему времени. Письмо Ершова (24) характеристической образчикъ тона и побужденій крѣпостотворцевъ — ханжей начала XVIII вѣка».

Помѣщаемые ниже документы печатаются съ копій, снятыхъ съ подлинниковъ, хранящихся въ архивѣ Академіи Наукъ. Сообщены они намъ покойнымъ библіотекаремъ Академіи П. П. Ламбинимъ. Почитая покойнаго, достойнаго и скромнаго труженика въ области русско-исторической библиографіи, приводимъ о жизни его, хотя краткое извѣстіе.

Петръ Петровичъ Ламбинъ род. 4 августа 1812 г. и по окончаніи курса наукъ въ 3-й с.-петербургской гимназіи въ 1833 году опредѣленъ учителемъ въ с.-петербургское Благовѣщенское училище, откуда въ послѣдующіе года перемѣщенъ послѣдовательно въ два другія уѣздныя же училища, преподавалъ исторію въ бывшемъ Дворянскомъ полку, переведенъ въ Ларинскую гимназію, а затѣмъ учителемъ во 2-й кадетскій корпусъ.

Въ 1843 г. П. П. Ламбинъ опредѣленъ библіотекаремъ по русскому отдѣленію библіотеки Академіи Наукъ и оставался на этомъ мѣстѣ до самой кончины своей, 5 іюня 1871 г. Всѣ, кому только случалось заниматься въ обширной библіотекѣ Академіи Наукъ, конечно помнятъ ту предупредительность, какую оказывалъ Петръ Петровичъ — въ сообщеніи библиографическихъ справокъ, въ отысканіи и выдачѣ книгъ. Память и библиографическія свѣдѣнія этого достойнаго человѣка были весьма обширны, а трудолюбіе и того богѣе. Академикъ А. А. Куникъ, предпринявшій подъ своимъ наблюдениемъ и на средства Академіи изданіе съ 1860 года обширнаго труда «Русская Историческая Библиографія», поручилъ его составленіе гг. Ламбинимъ.

Петръ Петровичъ и его братъ Борисъ Петровичъ Ламбины съ рвеніемъ и любовью принялись за этотъ сложный и кропотливый трудъ. Въ изданные до сихъ поръ восемь томовъ вошли указанія на книги, брошюры, акты, грамоты, статьи и замѣтки, вышедшія отдѣльными изданіями и разбросанныя въ массѣ русскихъ газетъ и журналовъ по части: русской исторіи, вспомоgetельнымъ наукамъ для русской исторіи, всеобщей исторіи и перечни повременныхъ и

периодическихъ изданій — за время съ 1855 по 1862 года величательно. За этимъ трудомъ смерть постигла П. П. Ламбина. Скромный работникъ — онъ умеръ, оставя по себѣ память человѣка честнаго, заботливо выполнявшаго свои обязанности.... «Русская Старина» обязана П. П. Ламбину сообщеніемъ на своихъ страницахъ нѣсколькихъ интересныхъ документовъ. Ред.

Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ *).

Письма къ нему разныхъ лицъ.

1702 — 1708.

1) Свѣтлѣйшій князю, мой издревле милостивый пріятель. Не могъ я оставить, еже бы вашему княжеству сіятельству, по должности моеѣ, не объявить безмѣрную радость моего печальнаго сердца; которую получилъ я о преславной вѣкторіи, отъ побѣдодателя Бога храбрѣйшему нашему монарху чрезъ счастливое оружіе, и мужественное сердце вась вѣрнѣйшихъ его слугъ, надъ шведскимъ львичищемъ, и всею его фаянтонвою прегордою арміею дарованной, въ вѣчную вашему имени славу, а намъ и нашимъ въ извѣстную отъ печалей нашихъ отраду.

Убо сею неслыханою вѣкторіею
Вашу княжескую свѣтлость
Прерадостно отъ сердца поздравляю
Да благословить всевышній Богъ
Царскаго величества оружію
Всеконечно непріятеля искоренить
И неправеднаго плѣнителя, праведно плѣнити.

А понеже сими малыми строками
Вашей княжой свѣтлости поздравити
Я недоволенъ, сего ради желаю отъ сердца
Видѣти ваши желательныя мнѣ особы
Во арміи самоприбытно, истинно вельми желаю.
И прошу царскаго величества на сіе о позволеніи;
А вашу свѣтлость о доношеніи.

всегда вашъ въ услугахъ усердный

Арчиль.

*) Многія изъ писемъ сохранились весьма плохо, отъ сырости мѣстами истлѣли, въ другихъ выцѣли чернила. Писавшіе—люди-дѣльцы, всѣ извѣстные сподвижники на разныхъ поприщахъ Петра Великаго. Нелетѣйливия грамотки этихъ «работниковъ» даютъ нѣкоторое понятіе о ихъ хлопотахъ, заботахъ и о ихъ дѣлѣ участіи въ общемъ ихъ дѣлѣ преобразованія Россіи. Ред.

2) Государь мой, Александръ Даниловичъ, здравствуй. За писаніе твое благодарствую, по которому увѣдомился о твоёмъ здоровіи (?), пожалуй и впредь (—) а я вѣдать желаю.

По указу великаго государя велѣно мнѣ купить лошадей въ драгунскіе полки и тѣхъ государь лошадей въ нынѣшнемъ повелѣлъ купить сколько, только цѣна немалая, развѣ впредь подешевле будутъ.

Тихонъ Стрешневъ.

Изъ Москвы.

Примѣчаніе. Письмо это почти истлѣло. Слова, набранныя разрядкой, написаны по смыслу и предположенію. Ред.

3) Свѣтлѣйшій княже и милостивый господине, господине! Всепокорнѣйшій вашей свѣтлости доношу сего іюля 15 дня передъ полднями видѣли, что шведскаго войска конницы тысячи 3 вышли по тому кобу отъ Могилева противъ Княжицъ дорогою, а знатно, что къ Шклову Вашей свѣтлости поздравляю и пребываю всепокорнѣйшій слуга Николай Инфлантъ челомъ бьетъ. Отдано іюля 20 дня.

Изъ подъ Брялева, іюля 15 дня.

4) Премногомилостивой государь и чадолюбивой отецъ, Александръ Даниловичъ. Извѣстно тебѣ государю буди, приѣхалъ я съ государевыми лошадьми подъ Слюсенбургъ, а по шведской сторонѣ ѣхать безъ провожатыхъ опасно, а камендантъ Василій Порошенинъ также сказалъ, что ѣхать опасно, а провожатыхъ безъ твоего указа дать не смѣетъ. Не позволишь ли государь тѣхъ лошадей проводить водою и о томъ о всемъ какъ изволишь, а другою дорогою за рѣками ѣхать было невозможно. Нижайшій рабъ твой, Андрей Чепелевъ, рабски челомъ бьетъ.

5) Государю Александру Даниловичу. Извѣствую тебѣ, государю. Дмитріева полку Ефремовича Бахметева казаки потравили въ Дудоровишнѣ сѣнныхъ покосовъ много и хлѣбъ травятъ лошадьми и дворянищъ, которому приказано высылать ихъ съ лошадьми вонъ и они высылки учинились ослушны.

Иванъ Матвѣевъ прислалъ изъ Кронъ-Шлота солдатъ въ Дятлинской погостъ на двѣ мызы, и на тѣхъ мызахъ два сада вишневыя, и онъ тѣ сады взялъ къ себѣ и караульщиковъ нашихъ согналъ, а поставилъ своихъ и о томъ, что ты государь укажешь. Рабъ твой Яковъ Римской-Корсаковъ.

6) Государю Александру Даниловичу. Послалъ я къ тебѣ, государю, въ Питеръ-Бурхъ пріемнаго сѣна тверскаго уѣзду 14 (г^д) возовъ, а вѣсомъ, напримѣръ, и съ дровнями 130 (с^д) пудъ. Прикажи, государь, то сѣно принять, а мужиковъ прикажи, государь, ко мнѣ

въ Копорье прислать для того, что у нихъ не все стѣно довезено. Рабъ твой Яковъ Римской-Корсаковъ кланяюсь.

7) Государю Александру Даниловичу. Послано къ тебѣ, государю, сосновыхъ верхушекъ тридцать семь четвертей. Рабъ твой Яковъ Римской-Корсаковъ.

8) Государь мой, Александръ Даниловичъ. Здравствуй на множество лѣтъ.... ты ко мнѣ писалъ, будто я по твоимъ.... письмамъ не выслалъ къ тебѣ Андрева, сына Винюса, и подлиннаго подметнаго письма, которое взято у подъячачаго Михайла Назарева, и извѣстно тебѣ будь по тѣмъ твоимъ письмамъ послалъ я съ нарочнымъ капитаномъ Андрева, сына Винюса, и подлинное подметное письмо съ Иваномъ Дмитриевымъ, сыномъ Рагульскимъ, апрѣля 28 числа, и чаю онъ замѣшался въ дорогѣ за подводами, а у меня ни за чѣмъ задержанія противъ твоихъ писемъ не бываетъ, только наши скорыя посылки задерживаются въ дорогѣ подводами и то не отъ меня. При семъ тебѣ, государю моему, желаю всякаго блага. Князь Федоръ Ромодановской.

Ст. Москвы. Мая.

9) Премилостивѣйшій ко мнѣ государь, Александръ Даниловичъ. Вседержавная Божія десница здравіе твое при всякихъ благополучныхъ поведеніяхъ желаю вседушевно, да сохранить въ лѣта многа.

Сего, государь, апрѣля дня 5 отпустилъ я въ Санктъ-Петербургъ съ солдатомъ пятнадцать мортиръ, которыя дѣланы на дворѣ бархатномъ по присланному съ капитанскаго двора образцу, а и достальныя въ указное число въ двадцать, сдѣлавъ, пришлю безъ медленія. Послано-жъ къ милости твоей сто тридцать палашей съ мѣдными золочеными ефесы черенья обвиняны мѣдною посеребреною проволокою, а чѣмъ подлинно перевивать о томъ, государь, въ письмѣ твоемъ было ненаписано. Трубъ, государь, мѣдныхъ зажигательныхъ и.... въ полторы образцовой сдѣлано... одну послалъ я къ милости вашей для и.... всемилостивѣйшему. А о посылкѣ до.... и къ нимъ прочихъ орудій благоволи, государь, прислать ко мнѣ указъ.

Ружья, государь, съ новообразцовыми багинеты отпущу сего апрѣля со 8 числа съ тысячу, а и достальныя векорѣ. Истинно, государь, въ дѣлѣ тѣхъ багинетовъ и въ придѣлкѣ къ фюзелямъ великую за необыкновеніемъ мастера приняли трудность. Многія не противъ образца ломаны и дѣланы вновь. Ей, государь, ежели бы не на Тулѣ въ дѣлѣ тѣхъ багинетовъ было пособство, не сдѣлать бы и дворѣ бархатномъ и въ полгода; и отъ того, государь, истинно въ оружейномъ дѣлѣ многая была остановка и къ милости твоей въ полки кривые багинеты даваны безъ придѣлки.

Въ указѣ, государь, изъ семеновскія приказныя палаты сего апрѣля 5-го дня писано, чтобъ послать въ Питербургъ тысячу сапоговъ, другую башмаковъ и въ оружейной, государь, палатѣ нынѣ сапоговъ только со сто, а башмаковъ, государь, ничего нѣтъ, и прежде не дѣлывано, а отпущено, государь, сапоговъ прежде сего въ Реновъ и Боуровъ полки, и кадетомъ тысяча семь сотъ пятнадцать паръ. Рабъ милосердія твоего убогій Алексѣй Курбатовъ земно кланяюся.

Апрѣля два 5, 1704.

10) Милостивый государь, Александръ Даниловичъ. Здравіе ваше при всякомъ благополучіи да сохранитъ десница Вышняго во множествѣ лѣтъ. Сегодня по отъѣздѣ вашему при себѣ отправилъ съ сотникомъ сто человекъ астраханцевъ конныхъ стрѣльцовъ, да съ ними 20 человекъ запорожскихъ казаковъ для провожанія, тако же и драгунъ, и приказалъ имъ идти къ Шлюсенбургу и явиться вашему превосходительству.

Да сего-жъ числа, въ 5 часу послѣ полудни, изъ обозу отъ Нарвы почтарь привезъ въ одномъ пакетѣ письмо и то письмо того-жъ часу не молчавъ послалъ къ вашему превосходительству. Вашей милости низайшій слуга Романъ Брюсъ.

Изъ Санктпетербурга, іюня въ 19 день, 1704.

11) Государь мой, Александръ Даниловичъ, здравствуй! Нововыѣзжіе иностранцы капитаны Томасъ Гамильтонъ, Яганъ Тилліевъ, поручикъ Давыдъ фонъ-Герсдорфъ, которые присланы къ Москвѣ по призыву тайнаго совѣтника фонъ-Паткуля, посланы изъ Москвы къ вашей милости и выписка объ нихъ послана при семъ письмѣ. Тихонъ Стрешневъ челомъ бью.

Изъ Москвы, іюня 20 дня 1704.

12) Моему господину генералу Меншикову, 23 числа іюня изъ корабля де-Фема (de Feme) за милю отъ острова Мудюскаго послѣднее мое писаніе было, которое, уповаю, во-время вашему превосходительству вручено.

Сіе служитъ вашему превосходительству объявить о росписи приятныхъ ткачей, которые съ флотомъ въ скорое время будутъ, о томъ прошу ваше превосходительство зѣло услужно заранѣе объ нихъ указъ учинить, кому тѣхъ людей принимать и заплату имъ чинить и о транспортѣ ихъ, и въ прочемъ, какъ вашего превосходительства изволеніе будетъ, куда имъ ѣхать, они суть добрые искусные люди, обѣщали мнѣ, когда всѣ матеріалы имъ даны будутъ на дѣло колесъ становъ и шерсти довольно, то въ годъ со 100 становъ въ дѣлѣ поставитъ могутъ. Между ими одинъ обрѣтается, который въ Голландіи изъ русской шерсти дѣлалъ работу, и сказывалъ мнѣ, что онъ можетъ нѣко-

тору ю руку сукна изъ нея дѣлать, что на Руси въ сорокъ алтынъ купится. Притомъ есть красильники, которые всякіе цвѣты могутъ красить. Дай Богъ, чтобъ вскорѣ за работу могли приняться. Понеже хотя въ началѣ убыточно будетъ, но въ послѣдующіе годы могу азъ часть къ великому прибытку и въ знатную прибыль его царскому величеству будетъ, и можно къ тому всѣхъ нищихъ и старыхъ гулящихъ людей употребить.

Я радуюся, что сіи люди подъ началомъ такого прилежнаго и охотнаго господина будутъ, которой призрѣнію, проторяжъ и издержкѣ и времени не дастъ туне пропасть.

При семъ посылаю списокъ съ росписи къ его высокографскому превосходительству господину Головину посланной.

И паки азъ повторяю свое прошеніе къ вашему превосходительству, чтобъ указъ заранѣе объ отправленіи помянутыхъ людей при-славъ былъ.

При сей компаніи есть у меня ствольной и замочный мастеръ, которой общается 6 или 8 человекъ учрежденно въ дѣлѣ держать, котораго будущей недѣли къ Москвѣ съ женатыми офицерами посылаю.

Обрѣтается у меня письмо къ вашему превосходительству отъ господина бургомистра Витцена и о томъ ожидаю вашего превосходительства указу, у себя ли оное держать, или на почтѣ къ вашему превосходительству отпустить.

Еще есть у меня связокъ чекулату къ вашему превосходительству посланною со мною отъ господина посла Андрея Артемоновича, и о томъ стану вашего превосходительства указу съ радостію ожидать, къ Москвѣ оной повезть или отдать кому или къ вашему превосходительству на почтѣ послать.

По поздравленію всеуслужному своею фамиліею и предъявленія подданной услуги съ объявленіемъ, что азъ пребываю правдиво вашего превосходительства весьма послушной слуга Корнелисъ Крейсъ.

Отъ города, іюня 30-го дня стараго стilia 1704 г.

13) Милостивой государь, Александръ Даниловичъ, здравіе ваше да сохранитъ Господь во всякомъ благополучіи на лѣта многа. Извѣствую вашему превосходительству: сего іюля 9 числа въ отдачу денныхъ часовъ прислалъ ко мнѣ съ вѣдомостію съ Кроншлота полковникъ Трейденъ поручика, племянника своего, Трейдена, что пришло къ Котлину острову непріятельскихъ судовъ съ 30, да при нихъ мелкихъ не малое число. И изъ нихъ одна шкуна выбѣгаетъ за островъ къ урочищу и Лисью Носу. А въ которыхъ мѣстахъ тѣ ихъ суды стоятъ посланъ къ вашей милости чертежникъ.

Да того-жъ числа къ Кроншлоту пришелъ англійскій корабль торговый. А по осмотру на томъ кораблѣ сукны и табакъ, и людей 11 человекъ, да 2 пушки малыя, и стоитъ за противною погоду и за тѣмъ къ Санктпетербургу нейдетъ.

Сего-жъ часу Бахметева изъ ажарскова и запорожскаго полковника со всею конницею; да съ ними изъ гварнизонскихъ полковъ съ майоромъ Болховскимъ 200 человекъ пѣхоты на казацкихъ лошадахъ къ Выборгу въ походъ отправилъ.

Въ Шлюсельбургъ для взятія артилеріи лодки посланы. Гамонтоль (Гамилтонъ?) къ Кроншлоту сего числа пришелъ. При семъ поворный и нижайшій слуга Романъ Брюсъ челомъ бьетъ.

Отъ Санктпетербурга іюля въ 9 д. 1704. Помѣта другою рукою внизу: «чертежа песмыскано».

14) Милостивый государь, Александръ Даниловичъ! Здравіе ваше да сохранить Господь во всякомъ благополучіи на многа лѣта. Сего іюля 10 числа по вѣдомости отъ Бахметева, недоѣзжая Сестры-рѣчки за 8 версть у каменной кирпичи съ генераломъ Майделемъ у нашей конницы былъ бой и люди наши отъ великой ихъ пушечной стрѣльбы понуждены уступать и отъ вышеимянованнаго урочища провозжали версть съ 20 и я по вѣдомостямъ отъ нихъ, что непріятель имъ силею гораздо приказалъ имъ вступить въ табары свои, и если непріятель поступитъ близко къ Санктпетербургу, опасно той конницѣ стоять на той сторонѣ. Если увижу самую нужду, прикажу имъ перебраться на его сторону.

Корабли непріятельскіе стоятъ въ прежнихъ мѣстахъ, а англійской пришелъ къ Санктпетербургу и капитанъ пасъ при себѣ имѣетъ за рукою королевича дац... генераль-адмирала англійскаго.

Гамонтона за вышепомянутую вѣдомостью удерж... въ Санктпетербургѣ.

Послалъ я къ вашему превосходительству смѣтку люд... что нынѣ въ гварнизонѣ. За симъ вашего превосходительства нижайшій и покорн.. слуга Романъ Брюсъ челомъ бьетъ.

Отъ Санктпетербурга, іюля въ 10 дня 1704.

15) Милостивый государь, Александръ Даниловичъ! Здравіе ваше при всякомъ благополучіи да соблюдетъ десница Вышняго во многія лѣта.

Покорственно благодарствую за милостивое писаніе ваше, изъ котораго мы съ великою радостію увѣдали о славной побѣдѣ надъ непріятелемъ и о счастлимомъ взятіи города Дерпта, которымъ поздравляя ваше превосходительство при усердномъ своемъ желаніи, дабы Всевышній Богъ наипаче исполнилъ желаніе ваше.

У насъ въ Санктпетербургѣ милостію Божіею все хранимо; въ подъѣздъ двѣсти человѣкъ конныхъ астраханцевъ послалъ по Выборгской дорогѣ, и тѣ посланные ѣздили до Сестры-рѣчки и видѣли непріятеля. Стоитъ за Сестрою-рѣкою, а мосты всѣ, которые до Сестры-рѣчки, были подрублены, а иные разметаны. Съ Кроншлота вѣдомости, что непріятельскіе корабли отошли изъ виду вонъ. Господинъ Гудфель прислалъ ко мнѣ съ корабля англійскаго 120 сулеекъ, половина сидеру, а другая пива, да пять сулеекъ—три съ оливками, да двѣ—съ каперсами, да сыръ англійскій, круглый, которое я послалъ къ вашему превосходительству съ сержантомъ на трехъ подводахъ.

Чертежъ, которой я напередъ сего послалъ къ милости вашей о строеніи рavelина и фосебрей изволь ваша милость приказать на томъ чертежѣ подписать, которымъ образцомъ поволишь строить и тотъ чертежъ ко мнѣ прислать. Князь Володимеръ Михайловичъ Долгорукой въ Санктпетербургъ пріѣхалъ, въ какому дѣлу поволишь ваша милость его приставить.

Господинъ Гудфель просить, чтобъ ему позволить табакъ и суены послать въ Новгородъ водою, а сукны, которыя есть все изъ недо-рогихъ трехъ цвѣтовъ красныя, зеленыя, Васильковыя. Вашего превосходительства нижайшій и покорственный слуга Романъ Брюсъ.

Отъ Санктпетербурга, іюля въ 24 день 1704.

16) Милостивый государь, Александръ Даниловичъ! Здравіе твое да сохранить Господь во всякомъ благополучіи на многія лѣта.

Сего іюля 30 числа подъячій Алексѣй Волковъ письма отъ милости вашей и городской чертежъ мнѣ отдалъ и по тѣмъ письмамъ и по чертежу, что надлежитъ управлять будемъ и чертежъ новой съ подлиннымъ описаніемъ всему строенію городскому немедленно пришлю.

Запорожскихъ казаковъ 200 человѣкъ сего іюля 31-го числа вышлю немедленно.

10 юфтей кожъ, купя въ ряду юфть по 2 рубля, по 10 послалъ къ милости вашей съ каптенармусомъ Конономъ Брызгаловымъ. А въ вазнѣ такихъ кожъ нѣтъ.

Тѣло Дмитрія Кузмича съ подобающею честью погребено противъ повелѣнія милости вашей.

Щербатовъ съ работными людьми по сіе число не бывалъ. А къ нему, чтобъ шель немедленно, послалъ нарочно почтаря съ письмомъ, и какъ придетъ провіанту Бестужева работныхъ 500 человѣкъ велю дать.

Поручиву Черкацкому жалованье, справясь, выдать велю.

У Гудфеля сукнамъ, взявъ образцы, послалъ къ милости вашей, цѣною просить по 25 алтынъ за аршинъ. А о табакѣ сказалъ, что

самой плохой и въ трубкахъ курить негоденъ. Просить, чтобъ ему послать тотъ табакъ въ Новгородъ. Великая ему въ томъ нужда. А смола съ олонецкой верфи по сіе число не бывала. А онъ о томъ зѣло скачаетъ, что задержался корабль и по договору за простой корабля платить капитану за всякую недѣлю по 100 рублей.

Сегодня я поѣду въ Кроншлотъ, и осмотра все тамошнее дѣло и состояніе вашему превосходительству учиню извѣстіе впредь. При семъ пребываю вашего превосходительства покорный и нижа.... слуга Романъ Брюсъ.

Отъ Санктпетербурга, іюля 31 числа 1704.

17) Милостивый мой государь, Александръ Даниловичъ! Здравіе твое, милостиваго моего государя, да соблюдетъ Господь Богъ всеблагополучно на многія лѣта.

Сего іюля въ Л. отпущено изъ Пскова къ вашей милости въ обозъ провіанту въ тридцати девяти судахъ, пять тысячъ семьсотъ сорокъ восемь четвертей муки ржанья. А проводить посланъ Иванъ Степановъ, сынъ Ушаковъ. А съ нимъ городскихъ стрѣльцовъ двѣсти восемнадцать человекъ. Вашего превосходительства униженный слуга Кирило Нарышкинъ. *

Изъ Пскова 30-дня іюля 1704.

18) Премилостивый государь мой, Александръ Даниловичъ. Покорнѣйшею моею должностію объявляя всегда готовность нижайшихъ моихъ вамъ, моему милостивѣйшему государю, услугъ и при семъ благополучномъ случаѣ не могъ преинуть, надѣясь вѣрно, что ваша особа сіе милостиво принять отъ меня соизволить.

При томъ же всенижайше васъ, моего государя, прошу, чтобы по вашему обыкновенному ко всѣмъ милосердію и отъ меня, слуги вашего, тѣ высокосклонныя милости ваши умалены не были и милосердное предстательство до всемилостивѣйшаго нашего царя и великаго государя было, и яко отческое призрѣніе на мои недостатки, о чемъ я пространнѣе честь себѣ имѣлъ до васъ, моего государя, прежде писать и милости просить съ господиномъ вице-адмираломъ Крейсомъ, чаю безъ сумнѣнія, что то мое письмо вамъ, моему государю, уже отъ него вручено, на что всежелательно ожидаю милостивѣйшаго вашего къ себѣ отвѣта.

Бывшей здѣсь дому вашего портной Степанъ Заленской д..... ученія того мастерства, и обучася тому, пожелалъ..... моего государя ѣхать отсюда опять къ Москвѣ, котораго..... вольствомъ на путь отправилъ отсюда, и вручилъ его..... иноземцу, бывшему здѣсь съ Москвы, Михайлу Остергардену, чтобы онъ его доведши вамъ, моему государю, объявилъ.

Впрочемъ вруча здравіе ваше покрову преблагатаго наивысочайшаго Бога, себя же предаю въ ваши, моего государя, превосходительныя милости, при вѣчныхъ, всепокорнѣйшихъ моихъ услугахъ, лицеземнымъ моимъ поклономъ всегда непремѣнно пребываю вамъ, моему премилостивѣйшему государю, обязательнѣйшимъ и низжайшимъ слугою Андрей Матвѣевъ.

Изъ Амстердама, іюля въ 31 д. 1704 г.

19) Мой милостивѣйшій государь и превысокій патронъ. Ваша алтесса, листъ отъ 31-го числа августа вчерась получилъ, по который покорнѣйшій прошу меня не позазрить, что я ваше алтесса доношу о пяти тысячь мондюрей, прошло году я за моремъ писалъ, токмо Брантъ и братъ мой въ томъ не могли ступить, понеже мы на поставленныя ружья толика числа денегъ замывали, что имъ то исполнять было нечимъ и того ради Брантъ къ ваше алтессу писалъ и просилъ, чтобы перешъ (прежде) стары счеты скончать и онъ мнѣ имянно заказалъ въ никакихъ новыхъ дѣлъ ступить, покажѣтъ стары счеты нескончаны и по нихъ раздѣланы, о томъ я ваше княжской свѣтлости въ 6а генварѣ и докладывалъ, токмо некакого изволенія на то и нынѣшнегодны письменны доклады не получили, едино Богъ свидѣтель, что мы во всякомъ сердцомъ радости желаемъ ваше алтесса изволенія исполнять, извольте вашъ алтессъ по премудрому своему разуму наша купецкихъ дѣлахъ разсудить, понеже толика числа собственны свои деньги не возвратили, но и подлинны счеты весь изскончали мы, во всемъ полагаюсь на ваше алтесса премилостивѣйшаго патронства.

Двѣ перемѣны вышиты платья про его царскаго величества, такъ же про ваше, алтессъ, и съ инымъ комнетнымъ мелочью высланы.

При семь вашего алтесса здравія Господу всемогущему предаю, себя же вручаю въ непремѣнной ваше алтесса милости и пребываю даже до моего гроба. Мой милостивѣйшій государь и превысокій патронъ вашего алтесса, покорнѣйшій рабъ.....

Примѣчаніе. Подпись истѣла, но какъ можно предполагать Jeonlow.

..... 11 сентября 1708.

20) Свѣтлѣйшій княже, во мнѣ милостивѣйшій. Послалъ я къ вашей свѣтлости два пакета писемъ, присланныхъ отъ генерала Рамзы а умедлились винны ради такой посланъ былъ съ оными письмами курьеръ отъ Дашкова, и на дорогѣ между Хвостова и Кіева лошадь его сбила, а оныя письма въ сумѣ у сѣдла привязаны были, и тое суму оборвала, и увѣдавъ я о томъ, посылалъ нарочно съискывать, и оныя письма найдены въ лѣсу, отъ Хвостова въ двухъ миляхъ.

При семъ остаюсь вашей свѣтлости всегдашнимъ слугою князь Дмитрій Голицынъ.

Изъ Кіева, 9 дня ...тября 1708 года.

21) Свѣтлѣйшему князю, мой государь и милостивѣйшій патронъ. Сего часу излучилъ я вашей свѣтлости милостивѣйшій листъ отъ 9-го сентября, на которой покорнѣйшии докладываю.

О трехъ тысячъ мельницъ желѣзныхъ ручныхъ я съ тремя разными кораблями къ господину Христофору Брандту сего дня пи.... тожмо прошу мнѣ извѣстить, на которую потребу тѣ мельницы годятся, чтобъ намъ въ томъ не смешениться, и того ради надлежитъ отъ вашей свѣтлости лица, также и къ господину Брандту прямо въ Амстердамъ писать.

Если ваша свѣтлость желаетъ, чтобъ мондюри изготовить, тогда прошу, не мѣшкавъ на мои докладны пункты, ко мнѣ, также и къ господину Брандту, ваше милостивѣйшее изволеніе писать. Радости тожмо желаю вашей княжской свѣтлости, изволеніе всякою вѣрностію исполнять, и въ томъ я до гроба своего пребываю, мой государь и милостивѣйшій патронъ, вашей свѣтлости покорнѣйшій рабъ Jenson.

Отъ города Архангельска, 30 сентября 1708 г.

22) Свѣтлѣйшій государь, князь Александръ Даниловичъ, милостивый. Присланъ къ намъ, въ Казань, великаго государя указъ, за приписаніемъ его самодержавныя десницы, велѣно Казань и другіе низовые города вѣдать окольнічему Петру Матвѣевичу Апраксину; но объ насъ опредѣленія никакого не учинено. Просимъ милосердную твою свѣтлость о милостивомъ твоемъ указѣ: гдѣ намъ повелить ваша свѣтлость быть, и въ какомъ опредѣленіи, чтобъ намъ, послѣднимъ твоимъ рабамъ, во изгнаніи и въ непорядкѣ не быть. Послѣдніи раби, Нивита Кудрявцовъ, Стеванъ Вараксинъ, просимъ твою свѣтлость, имѣя надежду, яко на Бога, припадая къ стопамъ ногъ твоихъ.

Сентября 10 дня 1708.

23) Премилостивѣйшій государь, римскаго и россійскаго государствъ, ижорскія земли свѣтлѣйшій князь, Александръ Даниловичъ. Доношу тебѣ, государь, купилъ на украшеніе вашего государева дому въ хоромы тридцать мендереи въ черныхъ большихъ двойныхъ рамкахъ, да большихъ столовъ и среднихъ и меньшихъ пятнадцать, да водки коричной доброй восемь анжирковъ, и что успѣю нынѣ водою отпущу въ домъ твой государевъ въ сукнами. Помаранцевой и лимонной водки также особно управилъ противъ прежняго и перво-

зимемъ отпустилъ въ домъ же твоей государевъ. Да для веденія отпустилъ къ тебѣ государь выписку о всѣхъ пришедшихъ корабляхъ къ городу и о товарахъ, явленныхъ о всѣхъ посполитно. Купчинѣ въ покупкахъ на дворцовый обиходъ съ прилежнымъ моимъ усердіемъ поможеніемъ, такъ же и въ покупкахъ суконъ и прочаго, что положено съ Яковомъ Симоновымъ купить, съ душевнымъ моимъ радѣніемъ услужить готовъ вашей князей свѣтлости, вашей пресвѣтлой милости низжайшій рабъ Степанъ Леонтьевъ.

Изъ Архангельска города, 1708, сентября дня 4.

Лекарства, которыя къ городу вывелъ господинъ Стелсъ, поставлены въ анбаръ, а въ которое время дастъ съ цѣною роспись, того-жъ часа деньги ему выдамъ, и о всемъ учиню по твоему государеву указу.

24) Премилостивѣйшій государь, свѣтлѣйшій князь. Какъ я вашей свѣтлости въ бытности своей въ Могилевѣ доносилъ, что въ новомъ судействѣ нашей суцѣй правдѣ станеть чиниться воровской, по зависти ихъ и погибели проискъ, такъ съ того времени въ канцеляріи нашей и дѣлается, а именно, которую подъ именемъ вашей свѣтлости, мы низжайшіи раби вѣрнымъ своимъ трудомъ собрали многую наличную денежную казну, невступно съ двѣсти тысячь, и тое казну въ новомъ судействѣ многую росписали въ такіе расходы, куды не надлежитъ, явно умышляя воровски, чѣмъ бы суцая моя вѣрная правда уничтожена, и у вашей милости озлоблена была, и такая воровская вѣдомость была сдѣлана еще до моего къ Москвѣ пріѣзду, а къ вашей свѣтлости послана-ль, того мнѣ невѣдомо, потому что я отъ всего отлучень, о чемъ къ вашей милости писалъ я прежь всего.

А нынѣ вѣдомо мнѣ учинилось, что къ вашей свѣтлости прислана вышеописанной воровской вѣдомости подобная такимъ же, по злой зависти челоуѣконенавистнымъ, и чуждыя славы и чести терзательнымъ, наружнымъ воровствомъ умышленная, о чемъ всеприлежно у тебя, государя, премилостиваго нашего отца, милости прошу, помилуй насъ сирыхъ и остереги свою государскую невинную въ томъ душу. Не изволь, государь, такому наружному воровскому подлогу и никакимъ на меня заочнымъ наговоркамъ безъ подлиннаго розыску вѣрять, а укажи, государь, мнѣ быть съ явными тому и другому ихъ воровству уликами, къ вашей свѣтлости въ походъ и Анисима Щукина до пріѣзду моего отпускать, государь, не вели, и о томъ ко мнѣ прислать указъ, а буде меня совершенная моя присмертная болѣзнь и не допустить, и я вмѣсто себя съ подлинною очисткою и съ уликами воровства ихъ пришлю товарища своего, для того,

что я, убогой, одержимъ злою болѣзною, которую при отбѣдѣ своемъ явственно видѣлъ онъ, Анисимъ, и именно сентября съ 8-го по сіе число съ постели не встаю, а малую отраду вижу, и ежели къ тому вашему указу хотя мало уздравлю, то всецѣнно жадною охотою самъ буду безъ всякаго перевода и умедленія, а ежели мнѣ Богъ дастъ безопасную отъ скорби отраду, то и до указу вашего какъ возможно съ великимъ поспѣшеніемъ поѣду, а буде онъ, Анисимъ, станеть у вашей свѣтлости отпрашиваться къ Москвѣ, московскими недосугами, не изволь, государь, ему въ томъ вѣрить, а вѣрно, государь, изволь быти весьма благонадеженъ, что и безъ него, Анисима, хотя-бъ его и вовсе не было, не убыточнѣе будетъ для того, что убыточнѣе его, Анисима, едва кто съищется-ль.

Да вѣдомо-жъ мнѣ учинилось, что онъ же, Анисимъ, къ вашей свѣтлости писалъ, что товарищи мои на Москвѣ съ нимъ у дѣль быти не таковскіе, и взять бы ихъ въ армію, а ему-бъ сдѣлать дякомъ совѣтника его, вѣдомаго каторжнаго вора, Василія Пѣнкина, которому за умышленною его воровскою, по явному розыскному дѣлу государевой казны, именно и за взятку, убытокъ довлѣеть безъ обѣихъ поздрей быти на каторгѣ, и къ вершенію то дѣло готово, только по той его, явной въ воровствѣ уликѣ, надобно его пытать въ нынѣшнихъ въ новыхъ воровствахъ и во многихъ взяткахъ, которыя уже весьма наружно.

А что товарищи мои при немъ, Анисимѣ, быти не таковскіе, и то онъ писалъ сущую правду, потому что по ихъ воровать и государевой казнѣ убытковъ чинить добрые мои товарищи не умѣютъ, а которой было сталь съ ними мало-по-малу свыкаться и въ ихъ блудни вступать, и оттого вашу свѣтлость оборонилъ самъ Богъ, о которомъ дѣйствомъ его Святаго Духа вложилось вашей свѣтлости и повелѣно ему нынѣ быти въ арміи, авось ему тамъ будетъ блудити не у чего, а блуднямъ ихъ привезу съ собою подлинныя дѣла, сколько достать смогу, потому что все отъ меня скрыто.

Не подиви, государь, на сію мою вышеписанную повѣсть.

Во истинну, какъ я предъ вашею свѣтлостію, всемилостивѣйшему государю во всемъ чинить правду обѣщался, въ томъ и стою и милости его, государской, и твоей отцовской, никогда не забуду, даже до смерти, и того ради воръ мнѣ не братъ, а блядь — не сестра.

И аще и одинаго на упованіи вселилъ мя еси, однако неотвратно имѣю въ правдѣ своей надежду на Его Всещедраго волю, потому на помазаннаго Его, и на вашу государскую, къ его царскому величеству безлицепріятную, сущую христіанскую вѣрность.

А что въ нынѣшнемъ вашемъ указѣ къ нему, Анисиму, писано

чтобъ у дворцовой вѣдомости била и моя закрѣпа, и чтобъ канцелярію онъ, Анисимъ, приказалъ изъ судей первому, и того всего по сіе число еще не учинено, да и учинить ему обонхъ тѣхъ дѣлъ невозможно, потому первое, вѣдомости ему такой, какая отъ него выше-помянутая отослана въ походъ и во мнѣ ее къ закрѣпѣ, принести имъ нельзя, для того, что та вѣдомость дѣлана утайкою воровски.

Другое въ сей канцеляріи ижорской приказать мнѣ невозможно, для того что наружны будутъ многія его непотребныя дѣла. Оканчиваю горькими просительными моими сиротскими слезами, вашей свѣтлости, еще и весьма ничтожный, обаче уновательнѣйшій рабъ униженный Василій Ершовъ.

Сентября дня 22, 1708.

25) Свѣтлѣйшій князь, милостивый отецъ, мой государь. За многую ко мнѣ послѣднему вашей свѣтлости милость, отслужити высокости вашей отцу моему, государю, николи могу, но точію всегда прошу Бога, дабы онъ Всемогущій исполнилъ всякое вашей свѣтлости требованіе, чего отъ него Вышняго требовати будешь. Чертежей, государь, нынѣ вашей свѣтлости, тако-жъ и иныхъ вѣдомостей не послалъ, того, государь, ради, что надѣюся видѣть вашу высокость. При семъ вашей свѣтлости послѣдній рабъ Матвѣй Гагаринъ кланяется м...

Изъ Смоленска, 23 дня сентября 1708.

26) Свѣтлѣйшій князь, Александръ Даниловичъ. Доношу вашей княжей высокой свѣтлости. Деньги съ Москвы изъ ижорской канцеляріи присланы, и принялъ я на лицо тысячу девятьсотъ девяносто три рубля двадцать пять алтынъ, четыре деньга. Мундировъ въ готовности на четыре полка. На пятый полкъ чегыреста пятьдесятъ кафтановъ. Да бьютъ челомъ, государь, портные мастера о прибавкѣ за шитье денегъ, для того, что дни стали малые, а свѣчей-де намъ изъ тѣхъ денегъ купить не на что, и уроку на недѣлю на человѣка по два кафтана шить не успѣютъ, ежели не сидѣть ночью, а я сначала дѣла и по сіе число даю имъ, портнымъ мастерамъ, за шитье по два алтына, по двѣ деньга отъ кафтана, закройщикамъ и подройщикамъ подкладки и двумъ человѣкамъ цѣловальникамъ, по шести денегъ на день, и того на тѣ же кафтаны по двѣ деньга. А прибавить денегъ за шитье, безъ указу вашей свѣтлости не смѣю. Донося вашей свѣтлости, всегда послушный рабъ Иванъ Сафоновъ.

Изъ Кіева, сентября 9 дня 1708.

27) Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь, мой отецъ. По повелѣнію, государь, царскаго величества прибрелъ въ Смоленскъ сего сентября дня 20, имѣю нынѣ въ Смоленскѣ жительство. Докучно прошу

вашу свѣтлость, дабы повелѣно мнѣ быти къ его царскому величеству во армию, зане отъ многихъ дней требую видѣти я, убогий, вашу высокую милость ост.... при... послѣдній рабъ вашей свѣтлости Матвѣй Гагаринъ.

Изъ Смоленска, сентября 11 дня 1708.

Баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ.

1712.

Экстрактъ съ писемъ барона Шафирова, писанныхъ изъ Константинополя въ октябрѣ мѣсяцѣ, а получены ноября 4-го дня сего-жъ 1712 году, въ селѣ Голубѣи: „Понеже непріатели наши непрестанно туркамъ внушаютъ, о вашемъ превосходительствѣ, будто изволите итти съ войски его царскаго величества въ Польшу, безъ всякой причины, и инныя многія лжи (такъ-жъ и нынѣ получилъ я отъ пріятелей своихъ здѣсь извѣстіе, что шведы переняли генерала Рена письма, въ которыхъ что писано, изъ того прилагаю выписку, а какъ тѣ письма въ шведскія руки попались, тому зѣло удивительно, и подали шведы, выписавъ изъ оныхъ писемъ при своихъ меморіалахъ салтану и визирю извѣстіе, и привели тѣмъ салтана и всѣхъ турковъ въ великое смущеніе, что не токмо дѣла наши были въ худомъ состояніи, но едва и миръ не разорвался), и если-бъ (естыли-бъ) не пришла на сихъ дняхъ вѣдомость изъ Польши отъ гетмана Сенявскаго и отъ посланнаго салтанскаго салагара, что войска царскаго величества съ того края вышли изъ Польши, то-бъ конечно миръ разорвался, и была-бъ начата война, а я не имѣю отъ вашего превосходительства никакова извѣстія, хотя и трудился по крайней мѣрѣ то обращать въ ложь, однако-жъ не могъ показать подлинно о вашемъ превосходительствѣ, гдѣ изволите обрѣтаться, и хотя нынѣ по вышеписанной вѣдомости изъ Польши о войскахъ дѣла наши начинаютъ приходить въ доброе состояніе, однако-жъ салтанъ великое имѣеть подозрѣніе о вступленіи вашего превосходительства съ войски царскаго величества въ Польшу (по вышеписаннымъ письмамъ господина генерала Рена), ибо непріатели наши непрестанно подтверждаютъ о томъ вступленіи заподлинно (съ войски) (sic). Я, вѣдая изъ того злыя слѣдованія, къ вашему превосходительству многократно писалъ, чтобъ не изволили-бъ того вступленія съ своей страны чинить прежде нежели подлинную вѣдомость не получите, что шведскія войска совершенно транспортомъ или инако въ Польшу войдутъ, чтобъ тѣмъ не показать съ стороны царскаго величества противности договору,

однако жъ о томъ и нынѣ вашему превосходительству подтверждаю и предлагаю: дабы не изволили ваше превосходительство прежде полученія подлинной вѣдомости отъ своихъ людей, а не отъ постороннихъ, что уже шведскій ожидаемый транспортъ (о томъ давно разглашено отъ нихъ) подлинно ко Гданску, или куда въ другія польскія мѣста пришесть,—въ Польшу вступать съ войски царскаго величества, когда уже подлинно о томъ увѣдаете, что оной транспортъ уже пришесть ко Гданску, или въ которыя иныя Польши мѣста, то тогда изволите вступленіе свое учинить, ежели указъ къ тому имѣете; однако жъ предлагаю, не въ указъ вашего превосходительства, чтобъ въ такомъ случаѣ тотчасъ изволите отъ себя писать къ визирю при письмахъ къ намъ съ нарочнымъ офицеромъ, что вы имѣете вѣдомость подлинную, что „уже шведскія войски въ Польшу вошли тому нѣсколько недѣль, и поляковъ противъ царскаго величества возмущаютъ, и иныхъ предельми, а иныхъ страхомъ и силою оружія принуждаютъ къ войнѣ противъ царскаго величества и оныя къ нимъ пристають, и противъ царскаго величества себя объявили, и такое ихъ злое намѣреніе къ войнѣ противъ царскаго величества явилось, и того ради вы получили указъ отъ его царскаго величества, по силѣ трактату учиненнаго съ блистательною Портою, вступать въ Польшу съ войски царскаго величества и дѣйствовать противъ оныхъ непріятелей; и тако вы, послѣдую указу и трактату, въ Польшу нынѣ вступаете въ такой нуждѣ, а не для инаго какого намѣренія, и что по выгнаніи тѣхъ непріятелей изъ Польши выступить указъ имѣете, и для того о томъ его превосходительству крайнему визирю объявить потребно благо-разсудили и уповаете, что блистательная Порта, видя такой правой поступокъ въ содержаніи всего по договору его царскаго величества съ салтановымъ величествомъ постановленному, то ни за какую противность принять не изволить, ибо ежели такого въ трактатѣ описаннаго случая отъ непріятелей (царскаго величества) вступленіяхъ въ Польшу и о возмущеніяхъ поляковъ не учинилось, то-бъ его величества войски никогда въ Польшу не вступили, какъ то ясно изъ того показалось, что по приѣзду отъ его салтанова величества посланнаго салагара, никого въ Польшѣ изъ войскъ царскаго величества не явилось, но отовсюду вышли, и что ваше превосходительство на то будете ожидать отъ Порты отвѣту“. И написавъ то письмо прислать ко мнѣ, за отворчетою печатью, чтобъ я его могъ прочесть визирю и вручить; и тогда уже, мой государь, изволите по самымъ подлиннымъ вѣдомостямъ, то вступленіе свое чинить, однако-жъ какъ можно въ дальнихъ мѣстахъ отъ здѣшнихъ краевъ, чтобъ изъ того не было никакаго туркамъ подозрѣнія; о чемъ я вашему превосходительству

и напредъ сего неоднократно писалъ; а ежели ваше превосходительство, не получа о томъ подлинной вѣдомости, что шведы въ Польшу вступили, изволите во оную съ войски царскаго величества войти, то извольте вѣдать, что турки, по полученіи той вѣдомости, въ одну недѣлю войну объявятъ, и разошлютъ указы къ походу раннему войскъ, а татарамъ и до зимы дадутъ волю, ибо салтанъ къ тому весьма склоненъ и ищетъ такой причины, такъ что и нынѣ (подъ однимъ тѣмъ письмомъ господина Г. Р.), по вѣдомостямъ отъ шведовъ и хана полученнымъ, едва визиря и муетія не скинулъ, и то и нынѣ объявилъ. И тако изволите потому ваше превосходительство разсудить, какое слѣдованіе изъ того вашего вступленія въ Польшу будетъ; чего необъявить я вашему превосходительству по должности своей не могу, въ чемъ могутъ мнѣ свидѣтельствовать господа сія, вашего превосходительства, Михаилъ Борисовичъ и Петръ Андреевичъ (Толстой), и Аврамъ Ѳедоровичъ. И изволите ваше превосходительство изъ того разсудить, коль противно то салтану, чтобъ войскамъ царскаго величества не быть въ Польшѣ, что въ сихъ числахъ выговаривалъ намъ визирь съ великимъ сердцемъ самъ и чрезъ медіаторовъ, будто: „нынѣ тѣмъ обманули, что не сказали при договорѣ, что войски царскаго величества имѣютъ идти изъ Польши въ Померанію, а оттуда и возвращенія инаго пути не имѣетъ, кромѣ Польшу, что противно договору“, и чтобъ мы конечно обязались письмомъ, что тѣмъ царскаго величества войскамъ изъ Помераніи, и въ Померанію себѣ сыскали иной путь, кромѣ Польши. И когда мы отъ того отговаривались, то объявили намъ всѣ, что примутъ за нарушеніе мира и объявятъ войну; и потомъ, по многимъ спорамъ и нашимъ домогательствамъ и переѣздамъ голландскаго посла, котораго мы къ тому упросили, едва возмогли къ тому склонить, что позволили на то, что однажды войскамъ царскаго величества изъ Помераніи, и то близъ Балтійскаго моря берегу, возвратиться назадъ, захвата Польши столь мало, безъ чего обойтись невозможно; а впредь во оную отнюдь не вступать. И въ томъ принуждены мы были дать за своими руками и печатями письма. И тако, государь, едва паки салтана укротили; а особливо помогла намъ та вѣдомость изъ Польши, отъ салагара присланная, о выступленіи войскъ царскаго величества. И нынѣ начали турки мыслить, о высылкѣ короля шведскаго инымъ путемъ не чрезъ Польшу; и ежели съ вашей стороны не преступленъ будетъ договоръ, вступленіемъ паки въ Польшу, хотя нѣсколько мѣсяцевъ, то чаю, мой государь, всему милостію Божіею добрымъ окончается, и оному королю конечно выслану быть, ибо салтану онъ уже скучилъ, и опасенъ онъ и самъ отъ него себѣ возмущенія. И того ради прошу ваше прево-

сходительство чрезъ блага и любовь ко отечеству, интереса его царскаго величества изволите въ семь дѣлъ поступить осторожно и до вступленія шведовъ въ Польшу во оную (вовсе не) вступать, дабы тѣмъ всѣ дѣла, паки къ доброму окончанію приходящія, не пришли во опроверженіе, ибо въ томъ вашемъ вступленіи война или миръ зависить и будутъ (а я вѣдаю, и изо многихъ обстоятельствъ вижу, что многіе вашему превосходительству совѣтуютъ на то вступленіе, ибо инымъ въ томъ есть интересъ). А ваше превосходительство по своему мудрому разсужденію то лучше разсмотрѣть можете, что потребно къ государственному интересу, и каково то будетъ, когда изволите вступить въ Польшу оборонять тотъ край, а свой оставите ко впаденію турковъ и татаръ праадеи, ибо конечно татары сея-жъ зими вреденія учинятъ, ежели вы въ Польшу, безъ причины въ трактатъ описанной, вступите. И прошу ваше превосходительство изволите приказать сего посланнаго моего швандронца отправить ко мнѣ немедленно, въ два или, по высшей мѣрѣ, въ три дни. И съ нимъ прикажи, мой государь, отписать ко мнѣ на прежніе мои, тако-жъ и на сіе подлинной отвѣтъ и увѣдомить меня о своемъ состояніи и о намѣреніяхъ, гдѣ нынѣ изволите обрѣтаться подлинно, чтобъ я, вѣдая о томъ, (могъ-бы) здѣсь противные о вашемъ превосходительствѣ слухи, опровергати и его царскаго величества интересъ остерегати. Такожь прошу, пожалуй, мой государь, и впредь неизволь меня оставить безъ вестія для лучшаго охраненія его (величества) интересовъ.

P.S. По написаніи сего, получилъ я отъ вашего высокографскаго превосходительства писаніе, отъ 4-го сентября, чрезъ офицера Трегубова; за которое благодарствую, и на то ваше превосходительство, по должности своей, доношу въ отвѣтъ, что о вступленіи вашемъ въ Польшу принадлежитъ и о томъ писано выше. Изволите изъ того разсудить, каково легко оное здѣсь приѣмлется, и что въ томъ состоитъ миръ или война; и то предаю тако въ ваше разсужденіе; а я по здѣшнему смотря, что долженствую, то объявлялъ, и знатно наши уже труды по се временные имѣютъ быть вотще и сидѣть будетъ намъ во эдикулѣ (т.-е. въ тюрѣмѣ) или индѣ и горше, ежели то ваше вступленіе учинится; но то-бъ намъ сносно, ежели-бъ изъ того польза государственная была, а то еще окончаніе войны безъизвѣстно (что-жъ ваше превосходительство изволите требовать извѣстія о вѣдомостяхъ, писанныхъ къ вамъ, незнаемо отъ какого агента Гудоновича, до воеводы русскаго, и тѣ письма вѣло мнѣ удивительно; и дивлюсь тому, кто вашему превосходительству такого изряднаго корреспондента рекомендовалъ? а каковъ есть господишъ воевода русскій Яблоновскій, я, чаю, что вашему превосходительству извѣстно, ибо онъ родной дядя Лешинскаго, и первой его

былъ министръ и совѣтникъ, и онъ дѣлалъ трактатъ съ королемъ Августомъ, когда оный принужденъ былъ корону оставить; и такого вора и злодѣя царскому величеству, чаю, едва въ Польшѣ есть, о чемъ царское величество зѣло извѣстенъ. И для того оный нарочно въ Польшѣ остался, чтобъ мутить только въ оной другими дувными бунтовщики; а принужденъ онъ былъ взять будто партію Августову для лица, потому что взять былъ онъ съ бискупомъ Хелминскимъ отъ Синявскаго людей въ полонъ и отпущенъ на паролъ; итакъ, видя, что негдѣ дѣться, сыскалъ себѣ амнистію, а понеже онъ въ своемъ письмѣ выхваляетъ агента Гудоновича, и потому знатно, что и онъ его же партія, и что извѣстіе ихъ явно (ложно), ибо, не знаю какъ можетъ то стать, что король Августъ, чрезъ Шпигеля и чрезъ стражника, трактовалъ съ турки, ибо тотъ Шпигель не генералъ, но его королевскій камердинеръ и бевдѣльный мужикъ, и здѣсь его нѣтъ; и о стражникѣ Августа, ваше превосходительство извѣстенъ), а у Порты отъ короля генералъ-маіоръ Голдъ (или Гольцъ?) и тотъ истинно тайный добрый человекъ и царскому величеству вѣрный, такъ хотя-бъ нашъ природный былъ, и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ можетъ, намъ служить—и о всемъ насъ увѣдомляеть, и подлинныя письма свои намъ кажетъ; а ежели поляки похотятъ съ турки сдѣлать согласіе, то могутъ чрезъ посла учинить, который будетъ сюда вскорѣ. Однакожь изволь, мой государь, вѣрить, что король шведскій съ Августомъ никогда не мирится; но мы, ежели такое трактованіе отъ нихъ будетъ, тотчасъ съ помощію Божіею увѣдаемъ, ибо имѣемъ вездѣ глаза и уши свои во всѣхъ здѣшнихъ углахъ. Но подлинно, что тотъ воевода русскій, для пользы шведскаго короля и своего племянника, Лещинскаго, свѣдаетъ лжу, дабы тѣмъ смутить царское величество съ королемъ Августомъ; такожь что и вѣдомость о транспортѣ его-жь, дабы насъ манить въ Польшу, вѣдая, что отъ того съ турки произойдетъ разрывъ мира; и того ради совѣтую вашему превосходительству отъ такого вора остерегаться, и ему ни въ чемъ не вѣрить; такожь и о Гудоновичѣ подлинныя мнѣ дать извѣстія, отъ кого онъ агентъ, и кто онъ такой? ибо чаю, что шведскій-же партизанъ, коли Яблоновскому другъ; и чаю потому подлинно, что ежели вышеписанныя господина генерала Рена письма шли чрезъ ихъ руки, то отъ нихъ оныя въ руки шведскія присланы. Извольте тако, государь, въ томъ прстеречь и его, господина генерала Рена, чтобъ онъ вѣрныхъ, а не такихъ корреспондентовъ имѣлъ въ посылкѣ своихъ писемъ, впредь осторожнѣе поступалъ, дабы въ руки непрятельскія непадали; а чаю, государь, что и о шведскихъ воинскихъ корабляхъ ваше превосходительство отъ нихъ же получилъ вѣдомости, ибо хотя-бъ недавно пись-

ма отъ господина резидента Дашкова и отъ гетмана Синявскаго, отъ 16-го сентября, имѣлъ письма, то во оныхъ о томъ ничего не писано, и не чаю тому быть прежде, но факціямъ непріятельскимъ, дабы туда волочь войско царскаго величества, какъ тѣмъ французской посоль въ уполномочилъ своихъ партизановъ-турокъ хвалился, что они то разглашали нарочно, чтобъ московскія войска тула поволочь; тако-жь и въ Бендерѣ вашъ посланной Трегубовъ слышалъ отъ наши и отъ другихъ, что они, конечно, чаютъ, что вы уже въ Польшу вступили; а все то по непріятельскимъ разглашеніямъ, ибо они чаютъ, что ваше превосходительство конечно по ихъ разглашеніямъ то учините, что все предаю вашему превосходительству въ разсужденіе, и ссылаясь на вышеписанное свое доношеніе; а мнѣ мнится, государь, что вашему превосходительству удобовѣрнѣе имѣть изъ Польши вѣдомости отъ господина резидента Дашкова или отъ одного своего русскаго вѣрнаго корреспондента. А каково ваше вступленіе полякамъ мило, то видѣлъ я изъ списка съ письма отъ гетмана Синявскаго къ вашему превосходительству писаннаго, который и я здѣсь отъ пріятеля получилъ, и ежели они тогда съ тѣмъ сюда отзовутся, что вы вступили, то сами разсудить изволите, какое дѣйство въ туркахъ то учинить и какъ ихъ противъ насъ возбудить. При семъ же изъ дубликату, которой при томъ письмѣ посланъ же декабря дня 4-го съ устюжскаго скасованнаго пѣхотнаго полку, съ сержантомъ съ Михаиломъ Анаковымъ до Риги, а изъ Риги велѣно послать чрезъ почту.

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

1712—1717.

1) Высокоблагороднѣйшій господинъ, высокороднѣйшій господинъ генераль-фельдмаршалъ и кавалеръ мальтійскій! Вашего высокоблагородія писаніе, писанное прошедшаго августа отъ 17-го дня, здѣсь получилъ, въ которомъ изволите писать, дабы я о здѣшнемъ поведеніи, а наипаче о транспортѣ ваше высокоблагородіе увѣдомлялъ по часту, а тѣ-бъ нисыма отсылать въ Врюславль *) до агента вашего высокоблагородія, крестьянина Негейбаура, и о семъ вашему высокоблагородію доношу: о прибытіи помянутаго транспорту, такожде и о умноженіи польской факціи—здѣсь вѣдомости никакой нѣтъ; и объ ономъ, отъ царскаго величества я имѣю указъ, въ которомъ мнѣ повелѣно, ежели помянутый транспортъ, гдѣ будетъ обрѣтаться или намѣренъ будетъ прибыть къ Гданску, того ради изготовилъ бы трехъ или че-

*) Можно читать также Бряславль.

тырехъ человекѣхъ офицеровъ-курьеровъ до вашего высокоблагородія, и отправлены оны были, ради наискорѣйшаго вамъ о томъ извѣстїя, одинъ за другимъ; и оное число курьеровъ было въ готовности, но токмо по сіе время все тихо. А нынѣ получилъ я отъ царскаго величества указъ, государь Эльбингъ отдать королевскаго величества польскаго присланному коменданту, который уже сюда и прибылъ, и во оный впустить ихъ гарнизонъ, а нашъ изъ онаго вывести; и я по оному его величества указу оному коменданту городъ отдамъ въ скорыхъ числахъ. Посланный отъ вашего высокоблагородія курьеръ, Веснинъ, сюда прибылъ сего октября 1-го дня, котораго я къ царскому величеству въ Карлсбадъ отправилъ сего-жъ октября 2-го дня. Вашему графскому высокоблагородію, высокоповедительнѣйшему господину, генераль-фельдмаршалу и кавалеру мальтійскому—вседолжнѣйшій слуга Федоръ Балкъ.

Изъ Эльбинга 3-го дня октября 1712 г.

2) Государь мой, Борисъ Петровичъ! Отъ 18-го августа ваше письмо, мой государь, я получилъ и за приобщеніе во ономъ благодарствую.

О себѣ вашему превосходительству доношу: указомъ его царскаго величества опредѣлено мнѣ быть при высокопочныхъ господахъ Штабахъ и при генеральномъ мирномъ съѣздѣ чрезвычайнымъ посломъ и полномочнымъ министромъ; о томъ мирѣ еще къ окончанію ничего не видимъ, токмо господа голландцы весьма къ тому склонность имѣють, и чають, что миръ будущей зимы учиненъ будетъ.

Что же принадлежитъ о продолженіи корреспонденціи, въ чемъ я отъ сердца служить готовъ и съ своей стороны оную содержать; по семъ пребываю, вашему превосходительству послушный нижайшій слуга—К. Куракинъ.

Изъ Гаги октября 20, 1712 г.

3) Высокопревосходительнѣйшій графъ, милостивой мой господинъ! Сего декабря 24-го дня ваше высокографское превосходительство изволили мнѣ письменно объявить, что вчерашняго числа подавъ вашему высокографскому превосходительству господинъ полковникъ Павловъ письмо, въ которомъ объявилъ губерніи Смоленской крестьянинъ его, пришедъ объявилъ ему, что къ отцу его нѣзакіе люди пришедъ говорили непристойныя слова; и то письмо и мужикъ присланъ ко мнѣ; а въ Смоленскѣ, въ приказной палатѣ, выше-писанной крестьянинъ сказалъ: „про вышеписанныя непристойныя рѣчи, говорилъ Артемонъ Сергѣевъ, сынъ Трухачевскій, брянской помѣщикъ, живеть въ томъ уѣздѣ, въ деревнѣ своей Долгой, а къ отцу-де его заѣзжалъ онъ, Артемонъ, ѣдучи на службу на Великія Луки,

какъ шли нынѣ полки къ Смоленску и въ то-де время чрезъ ихъ деревню Гари шли полки рязанскій, да владимірской конные, и тотъ-де Трухачевскій, самъ-четверть, былъ при тѣхъ полкахъ, а котораго-де именно того-де онъ не вѣдаетъ“. Ваше высокографское превосходительство благоволишь онаго Трухачевского съ товарищи приказать съиска . понеже онъ команды вашей высокографской милости. Вашего высокографскаго превосходительства слуга Петръ Салтыковъ.

Въ Смоленскѣ, дня 24-го декабря, 1712 г.

4) (Черновое письмо Шереметева). Благородный господинъ бригадиръ (къ Чернцову). По полученіи сего изволите ваше благородіе приказать въ своей бригадѣ съискать Артемона Сергѣева, сына Трухачевского, въ офицерахъ, или въ драгунахъ, или въ какихъ ни есть чинахъ, а помѣщикъ онъ брянской, и съискавъ прислать къ намъ за крѣпкимъ карауломъ, понеже не малой интересъ царскаго величества до него есть.

Помѣта: «Таково послано чрезъ почту декабря 26-го дня».

5) Высокородный и повелительный господинъ генераль-фельдмаршалъ и кавалеръ. Во извѣстіе вашему превосходительству, сего моменту получилъ я письмо изъ Гданска отъ Павла Готовцова, и при томъ письмо-жъ надлежащее до вашего превосходительства, которое къ сему сообщаю, а ко мнѣ помянутый Готовцовъ въ письмѣ своемъ пишетъ, что Францъ Вильбоу арестовалъ въ портѣ Гданскомъ судно, которое пришло съ желѣзомъ изъ Стокгольма. А надлежало оное купцу гданскому Вигману, который купецъ, прибравъ къ себѣ компанію и наговоря рыбаковъ на морѣ, былъ въ ночи отбить то судно. А понеже Францъ Вилбоу былъ остороженъ чрезъ нѣкоторый случай и прибавилъ къ тому времени больше солдатъ. А когда оной купецъ Вигманъ съ рыбаками и на рыбацкомъ суднѣ, въ ночи, по десятомъ часѣ, приблизился, тогда караульщикъ, отъ онаго судна часовой, окликалъ три раза, на что оной купецъ и рыбаки не отозвались и тотъ часовой по обычаю сталъ стрѣлять, и убилъ того самого купца Вигмана. А онъ, купецъ, былъ шведскій партизанъ. А которой магазинъ при Гданскѣ собирается и оный, надѣюсь, на нынѣшней недѣлѣ весь собранъ будетъ.

При томъ прошу ваше превосходительство, ежели изволите какіе имѣть новины; приказать меня увѣдомить. Высокоблагородный мой господинъ, вашего превосходительства всегдашній слуга князь Н. Репнинъ.

Апрѣля 30-го дня 1717 Торунь.

Его превосходительству Борису Петровичу графу Шереметеву.

Помѣта: «Получено мая 5-го дня въ Лешнѣ 1717 г.»

6) (Письмо Шереметева къ царю Петру). Всемилостивѣйшій государь! Трипливатный вашего царскаго величества указъ, отпущенный изъ Дюнкеркена апрѣля отъ 13-го, мая 3-го числа получилъ, на который вашему величеству я много доносить не имѣю, токмо во всякой готовности подтверждается, и куда случай покажетъ, то не въ долгомъ времени въ маршу можемъ вступить.

Писали ко мнѣ: генераль князь Репнинъ, да изъ Гданска Павелъ Готовцевъ, что Францъ Вильбоу арестоваль въ портѣ гданскомъ судно, пришедшее съ желѣзомъ изъ Стокгольма, а надлежащее оное купцу гданскому Вигману, который купецъ Вигманъ прибралъ къ себѣ компанію, и наговоря рыбаковъ, намѣренъ былъ въ ночи то судно отбить, но Францъ Вильбоу, будучи остороженъ, приставилъ къ тому времени больше солдатъ, и когда оный купецъ Вигманъ, съ рыбаками и на рыбацкомъ суднѣ въ ночи по 10-мъ часѣ приблизился, тогда караульщикъ съ онаго судна окликалъ три раза, на что онъ, Вигманъ, и рыбаки не отозвались, то караульщикъ стрѣлялъ и убилъ того Вигмана самого до смерти; онъ же, Готовцевъ, пишетъ ко мнѣ, что капоры шведскіе въ морѣ и близко обрѣтаются. Вашего величества нижайшій рабъ Борисъ Шереметевъ.

Изъ Лешни мая 7-го дня 1717 г. Черезъ Бетхера и гамбургскую почту приложено въ письмѣ графа Головина.

Гаврила Ивановичъ Головкинъ.

1713 г.

Мои государи, Петръ Павловичъ, Михаилъ Борисовичъ, Дмитрій Андреевичъ. Письма милости вашей, писанныя къ его царскому величеству, тако-жъ и ко мнѣ отъ 3-го ноября изъ Адрианополя, со всѣми приложеніями, я здѣсь въ сихъ дняхъ исправно получилъ и надлежащее къ его царскому величеству поднесъ, и о всемъ его величеству донесъ; и его царское величество подтвержденіе мирнаго трактата со стороны султанской изволилъ принять благопріятно *): токмо зѣло удивлятися извольтъ о неотпускѣ вашемъ для чего то турки чинять, понеже уже вся комиссія ваша окончилась и разграниченіе по трактату чинить указано; о чемъ я уже къ вашей милости писалъ неоднократно, а особливо въ послѣднемъ моемъ, съ котораго изволите обстоятельно выразумѣть; а нынѣ, по вышепомянутымъ послѣднимъ вашимъ письмамъ, указомъ его царскаго величества писалъ я къ господину генераль-фельдмаршалу, графу Шереметеву, въ под-

*) Отсюда до конца писано шифромъ.

тверженіе, чтобъ онъ, ради опредѣленія границы за Днѣпромъ, около Кіева, выбралъ немедленно двухъ человѣкъ изъ полковниковъ или и выше тѣхъ чиновъ знатныхъ и умныхъ людей, и велѣлъ бы тѣмъ комиссарамъ быть во всякой готовности, и когда турскіе комиссары о себѣ отзовутся, и тогда-бъ оныхъ, придавъ къ нимъ одного человѣка, взявъ отъ гетмана, и съ старшими, послать съ ними на сѣздъ въ равномъ числѣ людей и велѣлъ-бы тѣмъ комиссарамъ о той кievской границѣ опредѣленіе учинить такъ, какъ въ трактатѣ изображено, и чтобъ онъ, господинъ генераль-фельдмаршалъ, хотя на (время*) тогда въ Кіевъ пріѣхалъ для лучшаго въ томъ дѣлѣ (наставленія**) тѣхъ комиссаровъ. А прочее все разграниченіе отъ Дона до Днѣпра, хотя было прежде велѣно господину адмиралу графу Апраксину для того разграниченія послать отъ себя кого изъ знатныхъ же особъ, нынѣ указавъ его царское величество опредѣлить ту комиссію брату его, Петру Матвѣевичу Апраксину, который нынѣ стоитъ въ Харьковѣ, къ которому и указомъ его величества писалъ, чтобъ онъ выбралъ двухъ человѣкъ комиссаровъ изъ знатныхъ-же и умныхъ людей, немедленно послать въ новый транламентъ или въ Черкасской, придавъ къ нимъ, и съ старшими, двухъ человѣкъ отъ господина гетмана, которыхъ велѣно къ нему прислать, и давъ имъ наказъ, велѣлъ съѣхаться съ турскими комиссарами, а съѣхався, о томъ разграниченія опредѣленіе учинить во всемъ противу трактату, не прибавлявая ничего, и съ ними-бъ, комиссарами, на тотъ сѣздъ послать изъ драгунъ и донскихъ казаковъ столько, сколько съ турскими комиссарами будетъ людей, по согласію о томъ съ ними; и для перевода къ тѣмъ комиссарамъ велѣно къ нему послать, Борису Петровичу, переводчика турецкаго языка. Также и гетману съ старшиною велѣно послать канцеляристовъ знатныхъ латинскаго и польскаго языковъ; и каковыя къ тому разграниченію надлежащія списки къ Борису Петровичу посланы и таковыя-же и къ нему, господину Апраксину, для вписанія въ наказъ комиссарамъ и для лучшаго его извѣстія, посланы; и велѣно послать съ Москвы къ обимъ, къ Борису Петровичу и къ нему, Петру Матвѣевичу соболей и другой мягкой рухляди только на тысячу рублей, которыя велѣно имъ употребить при томъ дѣлѣ, по ихъ разсмотрѣнію. Тако-жъ велѣно ему, господину Апраксину, и самому ради лучшаго наставленія тѣхъ комиссаровъ быть въ близости, и ежели въ чемъ зайдутъ у нихъ съ турскими комиссарами споры, то бы и самъ къ нимъ прі-

*) Слово вставлено по смыслу, въ подлинникѣ край оборванъ.

***) Тоже.

ѣхалъ; и что будетъ у нихъ о томъ разграниченіи чиниться, о томъ велѣно имъ ко двору его царскаго величества писать, такожь и вашу милость о всемъ о томъ увѣдомлять. Понеже кievскому губернатору велѣно быть сюда, а тѣ турскіе комиссары, такожь и Абди-паша, по прежнему извѣстію о врученной ему въ томъ комиссіи, имѣютъ указъ пересылаться съ нимъ, какъ ваша милость пишетъ, того ради велѣно генералу-фельдмаршалу графу Шереметеву нынѣ отозваться отъ себя къ Абди-пашѣ, что онъ извѣстенъ, еже комиссія въ отправленіи комиссаровъ ради разграниченіи вручена отъ его салтанова величества ему, а съ его царскаго величества стороны, хотя прежде комиссія вручена была господину кievскому губернатору, но понеже велѣно ему, губернатору, для нѣкоторыхъ дѣлъ быть ко двору его царскаго величества, того ради ту комиссію о разграниченіи земель, что принадлежитъ за Днѣпромъ, около Кіева, изволилъ положить на немъ, господинѣ генералъ-фельдмаршалѣ; а отъ Дону до Днѣпра положено на ближнемъ бояринѣ Петрѣ Матвѣевичѣ Апраксинѣ; и что они, по полученіи вѣдомости о ихъ комиссарахъ, со стороны его царскаго величества комиссаровъ для разграниченія съ ихъ турецкими комиссары, вышлютъ, согласясь о мѣстѣ и о числѣ людей, чего-бъ ради онъ, Абди-паша, о томъ сносился и соглашался съ нимъ, съ господиномъ фельдмаршаломъ, и съ Петромъ Матвѣевичемъ. Соболей и мягкой рухляди его царское величество указалъ къ милости вашей послать съ Москвы еще на три тысячи рублей, взявъ изъ сибирскаго призазу, самую настоящую цѣною, безъ порчи бы всѣ; и о томъ я писалъ въ сенатъ и въ приказъ, чтобъ принявъ немедленно послали къ генералъ-фельдмаршалу графу Шереметеву съ нарочно посланнымъ; а къ нему писалъ, дабы онъ оныя принялъ, потому-жъ къ вашей милости отправилъ съ нарочно посланнымъ отъ себя безъ всякаго умедленія. Что же изволиете писать, дабы греческіе позитки и деньги, которые были у нихъ отобраны, промѣнявъ на червонцы, прислать къ милости вашей, и я о томъ, тако-жъ и о посылкѣ церковныхъ золотыхъ сосудовъ, по желанію іерусалимскаго патріарха, еще за многими, здѣсь приключившимися дѣлами, времени не (улучилъ) докладывать; но при удобномъ случаѣ его величеству донесу, и какой указъ его величества получу, о томъ къ милости вашей писать буду. Что же принадлежитъ о присылкѣ къ вамъ резидента или секретаря, который бы, по отъѣздѣ нашемъ, могъ быть у Порты, и, по указу его величества, посланъ дьякъ Лаврентій Протопоповъ, и велѣно ему быть при дворѣ турецкомъ секретаремъ и грамоты царскаго величества, по желанію вашему и по письму отъ де-

вѣтаго октября, посланы съ нарочно посланнымъ отъ господина генераль-фельдмаршала.

А что ваша милость писали въ письмѣ своемъ къ его царскому величеству, отъ 3-го ноября, о(бъ) осторожности отъ нападенія татарскаго, и я о томъ къ господину фельдмаршалу писалъ, и изъ того вашего письма экстрактъ послалъ, дабы онъ въ томъ имѣлъ осторожность.

О здѣшнемъ новаго нынѣ писать не имѣю чего, а что впредь явится годнаго къ вашему извѣстію писать не оставлю. Слуга вашъ Гаврило Головиннъ.

Таково первое посланіе изъ Санктпетербурга, декабря въ 13-й день 1713 г.

Князь Григорій Федоровичъ Долгорукой.

Изъ Варшавы, 20 іюня 1719 г.

Мой государь милостивой, Петръ Павловичъ (Шафировъ). Два склонныя письма вашего превосходительства, писанныя отъ 29 и 31 мая, сегодня съ почты, съ достойнымъ респектомъ, исправно получилъ, за которыя, тако-жъ и за сообщеніе вѣдомостей вашему превосходительству премного благодарствую и поздравляю съ высокою милостию его царскаго величества, что по заслугѣ своей изволили, ваше превосходительство, получить орденъ святаго апостола Андрея.

О счастливомъ случаѣ викторіей на морѣ взятыхъ кораблей хотя здѣсь давно была вѣдомость, однако же какъ возможно публиковать буду. Дай Вышній и впредь вездѣ счастье.

О здѣшнемъ поведеніи къ доношенію не имѣю, понеже нынѣ здѣсь все благополучно, токмо здѣшніе магнаты и шляхта ожидаютъ сейму. Ежели что въ то время отъ короля противу ихъ воли и правъ покажется. Вашего превосходительства служебно-должный князь Григорій Долгорукой.

Гетманъ Иванъ Мазепа.

1708 — 1710.

1.

Письмо Мазепы къ князю Меншикову.

Свѣтлѣйшій и превосходительнѣйшій, римскаго и російскаго государствъ, ижерскій княже, господине мій и особливый благодѣтелю. По указу его царскаго величества, всемилостивѣйшаго моего царя

и государя, послалъ я былъ компанію съ полковникомъ Гадацкимъ и съ полковникомъ Компанійскимъ для поимки главныхъ моихъ враговъ, реку же паче минаршихъ (понеже они не единой моею приватной головы ищутъ, но публичное въ народѣ возмущеніе учинить намѣриваются) Кочубея и Искру, которые всегда пребывая опасны, держали всюду тайную сторожу по дорогамъ, и когда посланныи мои съ компанією приближались къ маестности Кочубеевой, къ Дыганкѣ, въ полку полтавскомъ застаючій, тогда тыи враги перестережены отъ своей сторожи, прежде ушли были на Коломакъ, гдѣ нарочно въ насѣцѣ своей Искра сдѣлалъ для утечки крѣпость; а потомъ, видя послѣдующую себѣ компанію и провидя, что въ той Коломацкой крѣпости многояудной компаніи не могутъ оборонитца, побѣжали бы.... (..... *) ку Самари; но и тамъ, когда компанія раздѣлившись, зайшла б.... (истлѣло: было) имъ передъ, тогда они, оставивши тотъ, себѣ подлежащій путь, уб.... (истлѣло: убѣжали или убѣгли) въ мѣстечко Красный Куть, въ полку ахтырскомъ, не далеке отъ Колома... (Коломакъ) достаючое, гдѣ и теперь, подъ защищеніемъ полковника Ахтырскаго ... бываютъ. Я убо, при крайней моей немощи, и при близкой кончи.. (нѣ), служа его царскому величеству чрезъ многіе вѣку моего лѣта, вѣри. (ѣ), радителнѣ, непорочнѣ, и непретеновенно, опасаюся теперь, что пострадалъ отъ единомысленниковъ тыхъ моихъ враговъ, защищеніемъ отъ ихъ—народа тыранскою убійственною смертію, по..... и вѣчно достойныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца, когда Рославца, полковника Стародубовскаго, и протопопу Нѣжинскаго, которые были поѣхали на Москву съ подобными-жъ лживыми противъ антецессора моего, бывшаго гетмана, наносами, оттуду съ Москвы сковавъ, за карауломъ въ Батуринѣ прислано; и нынѣ уже за благополучнѣйшаго государствованія всемилостивѣйшаго нашего царя и государя, его царскаго величества, таковыхъ же моихъ враговъ, яко и сіи, чернца Соломона**), и недавнимъ временемъ (осмь тому годъ совершилося),

*) Бумага истлѣла; по смыслу можно предполагать: «побѣжали-было на рѣку Самари».

Ред.

**) Червецъ Соломонъ казненъ въ Батуринѣ, въ 1692 г. Онъ подозрѣвался Мазепою въ написаніи пасквилей, обвинявшихъ гетмана въ невѣрности, въ участіи въ Московскомъ заговорѣ. Несчастный былъ выданъ, отправленъ въ Москву, не могъ стерпѣть пытки, существовавшей тогда въ отечествѣ нашемъ, взялъ на себя вину и препровожденъ въ гетману на казнь жестокую, смертную.

Ред.

Забѣлу *), товарища войскового, клеветавшихъ на мя неправду, та-кожде съ Москвы скованныхъ въ Батурино на розыскъ и на судъ привезено; гдѣ по довольныхъ спыткахъ, достойную по дѣломъ своимъ, подлугъ правъ нашихъ войсковыхъ казнь воспріали. И хотя я въ образецъ себѣ теперь того не ставлю, паче же надѣюсь несумнѣнно, на неизр..... милость монаршую, всемилостивѣйшаго моего царя и государя, его царскаго величества, и вашей княжии свѣтлости особливаго моего патрона, на з.щипценіе (защипценіе) и предстательство, однако-жъ да узрять враги ми и ихъ злособошники и единомысленники, что мене всемилостивѣйшій мій ц... (царь) и государь, его царское величество, содержать при милости своей и вреднее обыкновеніе, при ненарушимыхъ правахъ войсковыхъ, милостиво сохраняетъ, и то узрѣвъ, да не дерзнуть противнаго жизни (истлѣло: или житія), и чести моей помышлять и исполнять, того ради и вторично покорнѣ вашей княжой свѣтлости, о помощъ, заступленіе, и полномощное ходатайство до его царскаго величества, всемилостивѣйшаго моего царя и государя, дабы его величество изволилъ повелѣть тыхъ мнѣхъ враговъ и всенародныхъ возмутителей, Кочубея и Искру, выдать на розыскъ и на очную съ посланными ихъ ставку, и прислать ихъ на судъ, или въ Кіевъ, или гдѣ онъ самъ, всемилостивѣйшій мій царь и государь, поводитъ.

Оное и паки вашей княжой свѣтлости прося, его-жъ непремѣнно-древней милости и благодѣтельской протекціи, себе самого навсегда вручаю, и пребываю до кончины житія моего, вашей княжой свѣтлости всѣхъ благъ истинный желатель, братъ и слуга Іванъ Мазепа гетманъ (далѣе истлѣло).

.....вастова року 1708.

2.

Замѣтки Мазепы.

„Въ 1710 г. іюля въ 25 день, по указу Петра Великаго, за скрѣпною князя Меншикова, изъ С.-Петербурга въ С.-Петербургскую канцелярію повелѣно: „Которыя писема Мазепинскія были въ походной канцеляріи, а нынѣ оставлены на Москвѣ, и тѣ разобрать и пересмотрѣть именно, и ежели въ коихъ явится какая нужда, и съ тѣхъ выписавъ и прислать тое выписку къ нему, свѣтлѣйшему князю“. По

*) Забѣла, бунчужный товарищъ, въ 1699 г. сдѣлалъ доносъ государю на Мазепу, «что гетманъ намѣревается измѣнить ему, сноситея тайно съ ханомъ Крымскимъ». Мазепа просилъ выслать клеветника въ Украину. Забѣлу пытали, онъ винился и приговоренъ былъ къ смерти, но лишень только имѣнія и 26 лѣтъ содержался подъ строгимъ карауломъ. Ред.

пересмотру писемъ, между ними оказались писанныя на латинскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ, греческомъ и татарскомъ языкахъ. Латинскія и польскія письма переводились переводчикомъ посольскаго приказа Матвѣемъ Бѣлецкимъ, нѣмецкія—переводчикъ Шпрингъ, греческія—переводчикъ Андрей Ботвинкинъ, татарскія—переводчики посольскаго приказа, Рамазанъ Тевкелевъ и Сулейманъ Тонкачевъ. Въ числѣ польскихъ писемъ оказалось писанное рукою Мазепы, содержание его, по переводу Бѣлецкаго, слѣдующее:

„Старикъ съ тѣломъ бесѣдуетъ:

„Видю бородѣ волосъ сѣдой, но молодая похоти, а смерть всегда стучить. Выйди душа изъ тѣла, уже время пришло тому, а ты паче угождаешь тѣлу проклятому“.

„Чимъ часто гасишь запалъ огня тѣлеснаго, тѣмъ больше разжигашь углие огня печельнаго“.

„Вѣдаешь всякому сотворенію, до времени дѣло служи, а ты лежишь по единой, какъ свинія, лужи“.

„Мерзкій блудъ есть старыхъ и мудрыхъ таковозданіе, а тебѣ старый бэдуну—конецъ, вѣчное мученіе“.

3.

Сатира, найденная въ бумагахъ Мазепы.

Въ польскихъ бумагахъ Мазепы оказалось неизвѣстно кѣмъ писанный по-польски: „Гласъ въ бездну низверженной вольности польской, со земляниномъ сіи есть со благородно сановитымъ мужемъ, на вопросы отвѣтъ дающей съ подземнаго камня трети словеса“ *).

Землянинъ. Изгибшая вольности ищуще азъ тебѣ странствующій землянинъ, пытаюсь себѣ, гдѣ ты сыскать, аще бы кто о тебѣ сказалъ?

Вольность. Какъ бы ты не зналъ.

Зем. И кого-жъ подъ землею набы глаголюща мертвымъ гласомъ, но и еще живуща не теперь юже искахъ. Во снѣ или на явѣ во очи ся являетъ, озлобленная вольность жалъ свои предлагаетъ. Отзовися и повѣждь о своей особѣ.

Вол. Азъ есмь въ семь гробѣ.

Зем. Кто-жъ ты въ подземную посадилъ темницу, да погибнетъ самъ прежде, нажеть ты деницу, да отдасть. Отзовися, дамъ ти со вѣтъ здравый?

Вол. Не твоей славы.

Зем. Вѣдъ же и азъ землянинъ здѣ для тои причины съ воеводства

*) Переводъ весьма плохой, что можно видѣть изъ того, что многія польскія слова введены безъ перевода.

присланъ есть, да съ двоима чины, о тебѣ даль быхъ совѣтъ—покинь той фрасунокъ?

Вол. Гнилый ратунокъ.

Зем. Болрская ти милость на судѣ поможетъ, нашу любовь о тебѣ совѣтъ лать возможеть, дадемъ помоща, стоить тобою причину.

Вол. Для того и гину.

Зем. И своимъ королевское величество умомъ защититъ тя силами, словомъ и разумомъ. Уповай нань; о тебѣ онъ вѣдь сожальтсѣ.

Вол. Самъ печалитсѣ.

Зем. Яко шведъ нань восталъ есть, того ты жалеешь, и сего ради тяжко зело печалеешь. Есть въ Польшѣ воевь на нихъ. Онъ уповать можетъ.

Вол. Дай-то, о Боже.

Зем. Не глаголю азъ съсѣхъ (?), едни бо по роду, другіе мечемъ помоща дадутъ и отраду; будетъ той, кто и шведу въ сердце задасть раны.

Вол. Чиждъ не гетмань.

Зем. И гетманомъ безъ вини зѣло печаливо, миръ бо ихъ не насытитъ, война-то ихъ жниво. Добрые оба война, суть въ нихъ счастья дары.

Вол. Что-жь егда стары.

Зем. Свѣтомъ (совѣтомъ) старыхъ—царства враговъ побѣждаютъ, отвѣтомъ исправленны и ихъ во вся срѣтають и шведъ проиграетъ; вольность же паки приступитъ.

Вол. Кто-жь мя заступитъ?

Зем. Разумъ-ли сенаторски не дасть тебѣ рады съ королемъ, для того сѣвши явны будутъ зрады, явна будетъ измѣна, кто противень злему.

Вол. Рцы то глупому.

Зем. Что курфистръ Брандебургскій отъ странъ иныхъ грядеть, великая-ли Польша сама не сбережетъ. За тя всякъ отъ нихъ крѣпко рѣчь будетъ расширять.

Вол. А панъ генераль?

Зем. И тымъ ся ты хвалити можешь, что трехъ въ себѣ король имѣеть Польша... дала тебѣ польскій, прусскій и шведскій честно явленіе.

Вол. Богоявленіе.

Зем. Литва кровію землю вездѣ оросила, дабы вскорѣ съ неволи вольность прорастила, князь Огинскій заранокъ поцей во презнїи.

Вол. Тья надежнїи.

Зем. Что въ Польши не хочешь надежды сложить, тыя страны кровь свою готовы излить за тя, и сохранена короля показали.

Вол. Тамъ мя продали. -

Зем. Кто-жь вѣсть не лучшая-ли ты вольности будешу? Слѣшилъ бо къ намъ король шведскій, да цѣла пребудешь, и близъ есть уже столицы, дабы тя заступилъ. Старопольская цнота еще въ насъ держится, врезныхъ воиновъ польскихъ образъ быти зрится Замоискихъ. Осолинскихъ, то и мы-жь такіе.

Вол. Он не такіе!

Зем. Не стоимъ ли во правдѣ мы королямъ своимъ, а они намъ воздати должны возность взаимъ. На всякаго у насъ лоне король уснуть можетъ.

Вол. Твердое ложе!

Зем. Что мати дѣлать имамы съ тобою, кую ти оборону дадемъ мы собою? изволь въ Краковъ съ королежъ, да мыслить о тебѣ.

Вол. Лучше о себѣ!

Зем. Да повелить на главу вооруженнымъ стати, въ томъ токмо я королю къ тебѣ спасати, тогда какъ въ собрани знову со кресты ходъ.

Вол. Правы будемъ!

Долго быхъ ся съ тобою словеса боранила
И скорбей бы моихъ азъ не изобразила,
Тымъ кончу, что па посмихъ есть всемирный данна
И какъ бы съ лицомъ збитымъ метлюю изгнаива,
Егда ради единой невѣсты совѣты
Вольности ужъ да побѣгнетъ. Влизко есть извѣту.

Артемій Петровичъ Волынский.

(Матеріалы для его біографіи)

1711 — 1718.

Матеріалы эти относятся къ первоначальной служебной дѣятельности А. П. Волынскаго, о которой въ біографіяхъ его имѣется весьма мало свѣдѣній.

Разсматривая собственноручныя его письма, нельзя не замѣтить преобладающаго «і», употребляемаго имъ вмѣсто «и». Это обстоятельство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почеркъ даютъ поводъ предполагать, что Волынский, родившійся вѣроятно на югѣ или юго-западѣ Россіи, учился или у униата, или іезуита, которые въ то время преимущественно занимались воспитаніемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ подтвержденіе такого предположенія можно указать еще на то, что Волынский въ своемъ письмѣ (№ 7) опредѣляетъ болѣзнь латинскими словами, тогда какъ современники его называли лихорадку «огневою» болѣзнью, и наконецъ употребляетъ кстати въ другомъ письмѣ (№ 9) латинское женогерозы (generosus), великодушный, щедрый.

Письмо его изъ Астрахани, 5 августа 1718 г. рѣзко рисуетъ его лич-

ность, и именно такъ, какъ охарактеризовалъ его покойный І. И. Шишкинъ въ біографическомъ очеркѣ («Отеч. Зап.», 1860 г., т. СХХVIII—СХХХ).

Къ свѣдѣніямъ, заключающимся въ сообщаемыхъ нынѣ матеріалахъ, мы можемъ добавить, что А. П. Волынской въ началѣ 1711 г., въ чинѣ ротмистра, былъ посланъ къ кн. Голицыну, кievскому губернатору, съ указомъ кн. Меншикова «о передѣланіи мундирунку въ генеральномъ шквадронѣ и о набраніи б ротъ». (Письмо кн. Голицына къ кн. Меншикову, 19 апрѣля изъ Богуслава). 20-го августа того же года Волынской отправленъ барономъ Шафировымъ изъ обояу турскаго къ государю въ Карлсбадъ, при чемъ Шафировъ снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ къ кн. Василію Владиміровичу Долгорукову, въ которомъ писалъ: «Въ надеждѣ вседневной вашей ко мнѣ милости, прошу привосителя сего господина ротмистра, Артемія Волынскаго, которой посланъ къ царскому величеству, милостиво выслушать въ какомъ мы бѣдственномъ случаѣ здѣсь обрѣтаемся и его величеству представить, чтобъ я не былъ здѣсь оставленъ за мою службунку, которую я при сочиненіи нынѣшняго мира показалъ... напомни, мой государь, великому государю и государынѣ царницѣ, дабы не допустили насъ до напрасной погибели, по которой потомъ, чрезъ послѣдствующую наки войну, вящее бѣдство приключится можетъ государству великому интересу, о чемъ о всемъ пространно писалъ и самому его величеству, и къ Гаврилѣ Ивановичу (Головину), и устно доведеть вамъ оны, господинъ Волынской». Велѣдствіе этого письма Волынской былъ отправленъ кн. Долгорукимы къ государю (письмо кн. Долгорукаго къ кн. Меншикову изъ Торунѣ 22-го сентября).

Исполнивъ порученіе Шафирова, Волынской отправился обратно въ Турцію, прибылъ въ Бендеры 13-го декабря, а 15-го числа отправился до Стамбула, какъ объявилъ каргопольскаго полку вахмистръ Петръ Безобразовъ, который былъ посланъ съ Волынскимъ до Бендеръ и возвратился оттуда 29-го декабря; путешествія эти, какъ видно изъ показанія того же вахмистра, были небезопасны: люди короля шведскаго и воеводы кievскаго (Орлика) непрестанно стерегли курьеровъ царскаго величества, имѣя указъ отъ короля шведскаго ловить ихъ, — и турецкимъ жонвоамъ приходилось вступать въ бой, при чемъ дѣло необходимо безъ убитыхъ и раненыхъ.

Наконецъ извѣстіе о заключеніи 25-го-лѣтняго мира съ Турціею и подлинный трактатъ привезены Петру Волынскимъ. Фельдмаршалъ графъ Шереметевъ высочайшимъ господамъ правительствующему сенату, въ Москву, 8 июля 1713 г., между прочимъ, доносилъ: «Сего числа отъ пословъ его царскаго величества изъ Адрианополя прибылъ генеральнаго шквадрона ротмистръ Волынской, да капитанъ Трегубовъ и подали мнѣ письмо, отпущенное изъ Адрианополя іюня 23-го дня, въ которомъ написано, что при помощи Божіей, они, послы, трактатами, съ крайнимъ визиремъ Али-пашею, того-жъ іюня 22-го дня раздѣлились и помянутой ротмистръ Волынской съ тѣмъ извѣстіемъ отправленъ отсюда къ его царскому величеству. А баронъ Шафировъ въ письмѣ къ графу Головину отъ 3-го іюля 1713 г., изъ Адрианополя, писалъ: «По заключеніи нынѣшняго двадцатипятилѣтняго мира между его царскаго величества и салтапомъ турецкимъ, со извѣстіемъ о постановленіи оного, двухъ курьеровъ, да съ раздѣленіемъ трактата съ крайнимъ визиремъ, съ тѣмъ подлиннымъ трактатомъ турецкимъ, и третьяго ротмистра отъ шквадрона господина Волынскаго отправили къ его царскому величеству».

Послѣднее порученіе доказываетъ, что Волынской уже въ это время успѣлъ

обратить на себя вниманіе Петра и заслужить его расположеніе. Извѣстно, что Шафировъ опасался, какъ будетъ принять Петромъ миръ и потому, вѣроятно, независимо собственнаго убѣжденія въ пользу Волинскаго, выбрали его въ настоящемъ случаѣ, какъ личность, которая правилаь государю.

Ред.

1. Устный приказъ Петра Великаго фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву, переданный А. П. Волынскимъ *).

1711.

Его царскаго величества устный приказъ къ сіятельѣйшему графу и повелительнѣйшему господину фельдмаршалу Борису Петровичу.

Ежели будетъ писать господинъ подканцлеръ баронъ Шафировъ о выводѣ войскъ царскаго величества изъ Польши, которыя обрѣтаются подъ командою вашего сіятельства, потому что его царское величество приказалъ поступать и войски свои изъ Польши выводить, противъ прежняго своего величества указу, а ежели король шведской еще одержался не выслать изъ Бендеръ, тогда, какъ возможно, чтобъ хотя полковъ пять или шесть кавалеріи при себѣ въ Польшѣ ваше сіятельство удержать поволити;

второе: повелѣлъ его царское величество во всякихъ дѣлахъ вашему сіятельству имѣть сообщеніе съ господиномъ подканцлеромъ барономъ Шафировымъ и во всемъ поступать, усмотря по тамошнему, ротмистръ Артемей Волинской доносилъ и подписался.

2. Письмо Волинскаго къ князю Меньшикову.

Свѣтлѣйшій князь премолюбивѣйшій государь. Во извѣстіе, государь, вашей свѣтлости покорнѣ доношу. Посланъ я былъ до царскаго величества отъ визиря изъ турецкаго лагеря съ прошеніемъ тѣмъ, дабы его величество противъ учиненныхъ трактатовъ соизволилъ приказать общаанное имъ отдавать скорѣе и отъ царскаго, государь, величества посланъ наки къ визерю съ отвѣтствіемъ изъ Карлсбада. Изъ турецкаго, государь, лагерю я поѣхалъ августа 20-го дня; но отъѣздѣ моемъ, государь, турки остались не дошедъ Дуная мили за полторы, король шведской у Бендеръ и воевода кievской Орликъ съ своими, государь, войски при немъ.

Болѣе, государь, того къ доношенію вашей свѣтлости не имѣю. токмо рабски предаюся въ сохраненіе милосердія вашей княжея свѣт-

*) Приказъ этотъ въ связи съ прутскимъ перемиріемъ. Въ условіяхъ перемирія постановлено: въ польскія дѣла дарю не мѣшаться. По проискамъ Карла XII, турки настаивали о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши, чего Петръ не желалъ исполнить.

Ред.

лости; вашея свѣтлости, всепокорный низжайшій рабъ Артемей Волынской.

Августа 20-го дня 1711 года *).

3. Письмо Волынскаго къ графу Борису Петровичу Шереметеву.
(буквально).

(Собственноручное). Премилостивыи государь мой, яко отецъ, Борисъ Петровичъ. Покорнѣ доношу во известіе вашему сиятельству. В Рашковѣ из Бендеръ отъ Махметъ-наши я себѣ полковника турецкова с конвоемъ получилъ, и с нимъ до Бендеръ доехалъ благополучно; в Бендерѣ нынѣ паша Исмайлъ, которой былъ у князя Димітрія Михайловича (Голицына) въ Самарѣ. А Махметъ-паша, которой былъ въ Бендерѣ, оной поехалъ въ Місюръ, также и те наши переименованы оба, которыхъ были съ воіскіемъ у Бендеръ. Вчерашняго, государь, дня, я у Исмайла-наши былъ, і о трудности проезда говорилъ, понеже на той сторонѣ Днестра ниже Рашкова въ деревне Соколѣ, да в деревнѣ Сохарнѣ полковникъ Розухатскіи воеводы киевскова ждалъ меня изъ Рашкова съ 400 человеками. и ежели-бы государь того дня не прішелъ конвоі, то уже онъ получилъ указъ от короля, чтобъ меня добывать ему и в Рашковѣ. Ежели-бы турки неускорілі полуднемъ; і наша о семъ хотелъ говорить королю также и о розбое нашихъ купцовъ говорить хотелъ и писать до Константинополя, а что побралі, то наградіть, и которыхъ прілічатца волохі области турецкой о техъ сказалъ, что будутъ караны. Которыѣ вретъ отъ царскаго величества или отъ вашего сиятельства поедутъ посланные, паша мнѣ говорилъ, чтобы ваше сиятельство имъ повелелъ задерживатца въ рашковѣ, а о себѣ-бъ прислалі известіе к нему; а онъ конвоі хотелъ ко всемъ высылать; а бес турокъ, государь, до границы турецкой проехать будетъ невозможно; да прі бытности своей Небогатой **) сказалъ, что бутто ваше сиятельство обѣщаль прислать наше презентъ, и мнѣ о семъ нынѣшней паша говорилъ, чтобъ о семъ до вашего сиятельства я писалъ. Вашего сиятельства, премилостиваго моего государя, покорный рабъ Артемей Волынской. Изъ Бендеръ я государь поехалъ декабрия дня 15.

Помѣта: -получено, в Кіеве декабрия 29 дня (на оборотѣ: «1713 годъ декабрь»).

*) Здѣсь очевидная ошибка въ числѣ: Волынской отправился изъ турецкаго лагеря 20-го августа 1711 г. и не могъ въ тотъ же день видѣть государя въ Карлсбадѣ, и кромѣ того, Петръ прибылъ въ Карлсбадъ (какъ это видно изъ письма полковника кн. В. В. Долгорукаго къ князю Мешникову изъ Торуні отъ 22-го сентября) 13-го сентября. Вѣроятно, письмо это писано Волынскимъ 20-го сентября, и ошибка послѣдовала въ перепискѣ.

Ред.

**) Подъячей Иванъ Небогато во находится при баронѣ Шафировѣ. Ред.
60*

4. Извѣстіе, сколько явилось недочету, въ присланной казнѣ съ ротмистромъ Артемьемъ Волинскимъ въ двухъ стахъ пятидесяти тысячахъ рублехъ *).

Въ поданной вѣдомости въ канцелярію шквдронца Герасима Глотова, у котораго по отъѣздѣ Михайла Бестужева, оная казна была во осмотрѣніи, между тѣмъ, что изъ оныхъ денегъ въ канцелярію отпущено, написано:

Декабря въ 10-й день 1711 году отдано въ канцелярію тысяча восемьсотъ рублевъ, а на бочкѣ, въ которой тѣ деньги были, подписано, что въ ней денегъ двѣ тысячи восемьсотъ рублевъ. И неявилось въ той бочкѣ противъ подписи тысячи рублевъ, а та-де бочка отпущена отъ генерала кривесъ-цалмейстера Петра Бестужева и везена изъ армии царскаго величества до турскаго обозу съ другою бочкою въ фурманѣ сына его Михайла Бестужева, которые по приѣздѣ въ турскомъ обозѣ ротмистръ Волинской принявъ осматривалъ и потому его осмотру еще тогда тотъ недочетъ тысяча рублевъ явился.

Генваря въ 10-й день 1712 году отдано двѣ тысячи девятьсотъ восемьдесятъ три рубли, а на бочкѣ, въ которой тѣ деньги были, подписано три тысячи рублевъ, и по осмотру явилось недочету семнадцать рублевъ, потому что одинъ мѣшокъ явился по ярлыку восемьдесятъ три рубли.

Генваря въ 11-й день отдано въ канцелярію двѣ тысячи восемьсотъ рублевъ, а на бочкѣ, въ которой тѣ деньги были, подписано, что въ ней денегъ три тысячи пятьсотъ рублевъ, и противъ подписи неявилось въ той бочкѣ семисотъ рублевъ.

Итого по той поданной вѣдомости въ трехъ бочкахъ недочету тысяча семьсотъ семнадцать рублевъ.

А на тѣхъ бочкахъ ярлыки и печати комиссарскіе или иные какіе были-ль, о томъ въ той вѣдомости не написано.

Да по приказу государственнаго подканцлера барова Петра Павловича Шафирова, генваря въ 22-й день 1712 году, остаточная казна за отдачею въ канцелярію по оное число, которая тогда была подъ надсмотромъ шквдронскаго капитала Архима Масунскаго, для того, что помянутой шквдронецъ Глотовъ былъ въ то время боленъ, осма-

*) Найдено въ черновыхъ бумагахъ фельдмаршала графа В. П. Шереметева. Къ сожалѣнію, другихъ свѣдѣній о недочетѣ не оказалось. Не эти ли деньги были посланы съ Волинскимъ и Михаиломъ Бестужевымъ барову Шафирову? (Письмо Петра къ Шафирову. См. «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи». Соч. А. Терещенко, ч. III. Вице-канцлеры, стр. 16: «Извѣстная къ вамъ почилка отправлена съ ротмистромъ Волинскимъ и Михаиломъ Бестужевымъ»).

тривана; а что по тому осмотру явилось недочету. то ниже сего написано.

Бочка, на днѣ написано слово S, да число въ ней деньгамъ двѣ тысячи семьсотъ рублей; а по осмотру въ ней денегъ двѣ тысячи шестьсотъ рублей, и противъ подписи неявилось ста рублей, а на той же бочкѣ на днѣ написано, при вышеписанномъ числѣ, сколько въ ней денегъ, что та бочка большой таможни цѣловальника Герасима, а чей прозваніемъ незнаемо, потому что письмо стерлось. Да въ той же бочкѣ явилась роспись. сколько въ той бочкѣ положено денегъ, въ которой написано то же число, что и на бочкѣ, двѣ тысячи семьсотъ рублей, счетовъ разныхъ счетчиковъ, и въ низу у той росписи написано приему цѣловальника Карчагина, а имя не написано, а кто тое роспись писалъ неозначено.

Бочка, на днѣ написано ЛД.. и что въ ней было денегъ три тысячи рублей, и изъ того числа вынята тысяча рублей, за тѣмъ въ остаткѣ двѣ тысячи рублей, и по осмотру въ той бочкѣ толикое число двѣ тысячи рублей, по той отмѣткѣ не сходно; а гдѣ и на что вышепомянутыя деньги тысяча рублей выняты, того на той бочкѣ ненаписано. И у сего жъ осмотру на тое бочку смотря подъячей Алексѣй Березинъ сказалъ: „та-де бочка отпущена отъ комиссара отъ князь Якова Кольцова-Масальскаго. и вышеписанную-де тысячу рублей изъ той бочки вынялъ онъ, комисаръ, князь Кольцовъ-Масальской при немъ Алексѣй Березинъ, и отпущена-де та тысяча рублей отъ него комисара къ генералу Адаму Вейду, сіе онъ, Березинъ, подлинно-де знаетъ, потому что при томъ комисарѣ былъ и къ той сказкѣ онъ, Березинъ, руку приложилъ“.

Бочка, на днѣ вырѣзаны слова А. М. и денежное число, что въ ней положено три тысячи рублей, а по осмотру въ ней денегъ явилось двѣ тысячи семьсотъ рублей и противъ подписи неявилось трехъ сотъ рублей; а тѣ наличныя деньги счетовъ: десять мѣшковъ на ярлыкахъ написано по сту рублей, въ мѣшкѣ бургомистра Федора Филатьева съ товарищи, за таможенною печатью, сто рублей—счетъ и печать игольнова ряду Семена Венедиктова; сто рублей мелочные счета и печать цѣловальника Павла Федотова, Мѣщанской слободы; сто рублей—счетъ и печать Мѣщанской слободы Петра Соколовскаго; сто рублей—счетъ и печать счетчика Ивана Петрова, Новгородскаго уѣзду, села Лыскова, 1709 году соляные; сто рублей счетъ—и печать верхняго желѣзнаго ряду, Фомы Иванова; два мѣшка, на которыхъ на ярлыкахъ написано по сту рублей въ мѣшкѣ, счетъ и печать игольнаго ряду, Терентья Никулаева; сто рублей обору таможеннаго 1710 году, счетъ и печать овощнаго ряду. Ивана Еремѣева; сто руб-

левъ счетъ и печать Мѣщанской слободы цѣловальника Павла Федотова мелочные, сто рублевъ таможеннаго сбора 1710 году, счетъ и печать ветошнаго ряду, Василя Григорьева, два мѣшка, на которыхъ на ярлыкахъ написано по сту рублевъ въ мѣшкѣ,бору большіе таможни 1710 г., счетъ и печать игольнаго ряду, Макара Михѣева; сто рублевъ—счетъ и печать Алексѣвской слободы, Давида Григорьева, за его печатью; два мѣшка, на которыхъ на ярлыкахъ написано по сту рублевъ въ мѣшкѣ, счетъ и печать конюшенной овчинной слободы, Дмитрія Лотова 1710 г., сто рублевъ—счетъ и печать счетчика солянаго ряду, Ермила Харитонова; сто рублевъ—счетъ и печать брашенинаго ряду, Ивана Григорьева.

Бочка, на днѣ вырѣзано слово Е. и денежное число двѣ тысячи пятьсотъ рублевъ. И по осмотру въ ней явилось двѣ тысячи рублевъ. и противъ подписи не явилось пяти сотъ рублевъ, а тѣ наличныя деньги счетовъ: четыре мѣшка, которыхъ на ярлыкахъ написано по сту рублевъ въ мѣшкѣ, таможеннаго сбора 1711 году бургомистра, Федора Семенникова. съ товарищи, счетъ и печать цѣловальниковъ Федора Сафонова, Федора Юрьева, Нефеда Аргемьева; сто рублевъ—счетъ и печать Мѣщанскія слободы Сидора Тимоѣева; сто рублевъ—счетъ и печать Хамовной слободы, Андрея Фляжниковъ: сто рублевъ—счетъ и печать шелковаго ряду, Петра Иванова, сына Меркулова: сто рублевъ—счетъ и печать ветошнаго лоскутнаго ряда, Василя Иванова, сына Слухова; сто рублевъ—счетъ и печать Садовой слободы, Ивана Герасимова; сто рублевъ—счетъ и печать Овчинной слободы, Григорья Никифорова; сто рублевъ—счетъ и печать игольнаго ряду, Ефима Андреева; сто рублевъ—счетъ и печать сапожнаго ряду, Николая Михайлова; два мѣшка, которыхъ на ярлыкахъ написано по сту рублевъ въ мѣшкѣ, счетъ и печать Таганной слободы Максима Васильева; два мѣшка, которыхъ на ярлыкахъ написано по сту рублевъ, въ мѣшкѣ,бору мытной таможни бургомистровъ Алексѣя Дѣева съ товарищи, печать мѣсячная 1710 году; сто рублевъ—сбору отдаточнаго двора 1710 году, счетъ цѣловальника Кожевницкой полусотни Антипа Иванова: два мѣшка, которыхъ на ярлыкахъ написано по сту рублевъ въ мѣшкѣ; счетъ и печать Дмитревской сотни Никифора Иванова: сто рублевъ отдаточнаго двора 1710 году, счетъ цѣловальника Баражской слободы Савелья Яковлева.

И того въ тѣхъ четырехъ бочкахъ недочету тысяча девятьсотъ рублевъ.

А тѣ бочки, по осмотру подъячаго Федора Сенюкова, при шквадронскомъ капитанѣ Архипѣ Ласунскомъ, у котораго оныя тогда были во осмотрѣніи, такожь при подъячемъ помѣстнаго приказу Алексѣѣ

Березинѣ и при шквадронцѣ Михаилѣ Арсеевѣ, да при драгунахъ гранодерскихъ полковъ Дорофеемъ Кобылицкомъ съ товарищи трехъ человекъ, явились безъ ярлыковъ и безъ печатей комиссарскихъ и цѣловальничьихъ, только за одними печатями государевыми, и тѣ зѣло помяты, а были-ль на тѣхъ бочкахъ такіе ярлыки и печати того знать не по-чему, для того, что отъ тѣхъ людей, кто оную у комиссаровъ принималъ и потомъ во осмотрѣніи въ турецкомъ обозѣ имѣли, о томъ вѣдѣніи въ канцелярію не подали.

Всего по сей запискѣ въ семи бочкахъ недочету три тысячи шестьсотъ семнадцать рублевъ, и понеже по приему явилось въ двухъ бочкахъ двѣсти рублевъ сверхъ подниси на нихъ лишнихъ, итого будетъ недочету три тысячи четыреста семнадцать рублевъ.

Письма А. П. Волынскаго изъ Персіи къ барону П. П. Шафирову.
(буквально).

1. (Собственноручное). Милостивоі Государь, моі отецъ Петръ Павловичъ. Всенекорнѣ доношу вашему превосходительству, что я прошедшаго сентября „26“ дня суда пріехалъ; откуда имель изрядную встречу, на которой какъ салтаны, такъ і все лутчіе (кромѣ самого Хаяна) съ 50 персонъ были, а прочіихъ около 3000 человекъ: потомъ „29“ дня былъ у меня Ханъ, у котораго после и я былъ, вчемъ хотя прежде і спорілі, однакожъ нанослѣдокъ уступілі: точію, какъ я віжу, ихъ zelo горді народъ. еще паче турковъ и требуютъ отъ меня себѣ такова почтенія, какъ власно отъ своего подданнаго (чемъ ихъ испортілі израиль Оріа *) для своей портікулярной пользы). Потомъ Ханъ бутто і дружбою ко мнѣ склоняется, но только на слѣвахъ, а не въ действіѣ, и ні для чего иного. только чтобъ я во всемъ ему уступалъ і делалъ по іхъ волі. хотя вчемъ и чести царскаго величества противно: и по істинѣ доношу, ежелибъ ихъ не умягчала одна прічина, то-бъ еще горше съ німі поступать турковъ. и говорятъ, что для дружбы ханскоі во всемъ мнѣ уступать можно: а мнѣ мнїтся. ежели здесь поступать слабо, то уже и тамъ, какъ въ чести, такъ і къ ползе нічего у нихъ не выиграть будетъ; ибо такіе имеютъ нравы. еслі покажется пріятельство, то уже хочеть и осілъ наложить, чтобъ во всемъ слушать, и такъ делать какъ они хотять; однакожъ, сколько можно, я с своей стороны явлюся к нимъ дружбою и желаніе къ тому показываю, точію моей пользы никакоі нетъ, и хотя и богата Персія. что уже і я віжу и могу сказать. что я такіхъ уборовъ у везірей не відалъ. какіе здесь у хана, также и лошадеі, однакожъ я, по істинѣ, и по се время живу за свої денги; и ежелибъ здесь не было

*) Израиль Оріа. См. «Ист. Рос.» С. Соловьева, т. XVIII, стр. 53—56.

прікащикомъ Матвея Григорьевича. у которыхъ я занимаю деньги. которыми и живу. а то-бъ по истинѣ мои умирать з голоду, ибо отъ здѣшнихъ еще і куска хлеба ихъ не відаль, чего я прежде и самъ не чаялъ; и хотя покусілся подарить отъ себя і не мало хана. но отъ него противъ того ні на одну копейку не получилъ, только свое потерялъ; и мню. что уже многие о мнѣ мнятъ, что и мнѣ досталась часть персідскаго богатства: тоцію свидѣтельствуюся Богомъ. что истинну доношу вашему превосходительству, яко отцу; а ежели буду жалованьемъ неопредѣленъ. не знаю чемъ впредь і жить буду: однакожь уже о томъ просить не смею. тоцію всепокоряѣ прошу ваше превосходительство показать ко мнѣ отческую свою милость въ томъ. чтобъ изволили прислать другимъ, которые при мнѣ остались, годовое ихъ жалованье. ибо мнѣ (какъ я вижу по поступкамъ здешнимъ). своимъ ихъ содержать невозможно. и впредь уже и ума моего нѣтъ. чемъ отъ долговъ своихъ і свободится; а нынѣ живу въ таковой скукѣ. что себѣ не радъ, понеже кто при мнѣ ні былъ все лежать болны, іс которыхъ умерлі капитанъ Вилетъ, да Алексѣй Бахтеяровъ *). да із людей моихъ 9 человекъ, а і досталныя многие при смерти. и теперь всѣхъ и десяти человекъ здоровыхъ не осталось; и какъ и вступілі в здешнюю проклятую область. то власно какъ въ пропасть, и воздухъ здешней еще многимъ тяжело турецкова, и я какоі болѣзни не имель. а здѣсь такою посетілъ Богъ, времяемъ такъ жестоко мучуся головою болезнью. что не даетъ свѣта видѣть. і когда схватить. то невозможно і перо в рукѣ удержать. и держітъ часа по два и больше, а в одно время целые суткі продержало и уже здѣсь такъ трі раза мнѣ было, а чаю, что живому не возвратіцца в свое любезное отечество и васъ, милостиваго моего отца, видѣть: здѣсь еще. слава Богу, прямова поветрія нетъ. однакожь у людей нашихъ. на многихъ была и нынѣ есть оebra малігна, а в иныхъ мѣстахъ великое поветріе, а паче за поветряломъ Гиланъ и Таврісѣ, где сказывають многие места от того запустелі; тоцію отъ сентября починаеть быть легче, и отсель уже теперь с купечествомъ поехали туда, а пржде ніково непускалі, и вездѣ того раді заставы поставлены былі. Я мню, еслібъ суда пріѣхать въ мач или въ июне, то чаю, чтобъ реткой із насъ живой осталсея, а і теперь не знаю отсель какъ и ѣхать. Ежели не дать времени, то болны помрутъ все дорогомъ, а здѣсь везде такіе прощасныя горы, которые блиско провадовъ; однакожь я в послѣднихъ дняхъ сего месеца надеюся отсель ехать: о турец-

*) Де-Вилетъ и Бахтеяровъ.—отправлены были въ свитѣ Волянскаго.

комъ посланникѣ и здесь прямої ведомості не могъ получить, понеже корреспонденція вся нынѣ за поветриємъ пресечена, и уже ізъ іспогані (Испагани) давно ведомості не імеють. однакожь чрезъ некоторыхъ слышаль, что за темъ будто присланъ, чтобъ персідское купечество все было обращено чрезъ турецкую область, того раді, что онъ нынѣ имѣеть со всемі хрістіяны войну, и чтобъ шахъ болше желалъ ему прібылі, а не хрістіаномъ; второе, которые прежде сего отъ шаха посылалося к салтану на всякой годъ по 40 таевъ сырцу в презентъ, а нынѣ уже того с сорокъ лѣтъ не посылаі, что за все годы заплатіть, также купцовъ турецкіхъ ограбілі разбойнікі, едущихъ въ области шаховой. у которыхъ пропало на нѣсколко тысячъ, чтобъ и тѣ убыткі заплатіть. — А заподлінно въ томъ я уверіть не могу; точію то проведаль, что присланъ не прямой посоль (какъ по іхъ обыкновеію называются чапаръ-элчи) и всего въ 50-ті персонахъ пріехали; а о обхождені іхъ, какъ я отъ здешніхъ слышу, великую анътіпатію с турками имѣють и не токмо имъ, но і закономъ іхъ мерзять, и которые и здесь въ области шаховой живуть в томъ законѣ и техъ ненавідять и великое несогласіе имѣють с німі, которыхъ здесь болшая часть точію все подлой народъ (называются сунлі).

Еще-жь я уведомілся, что шахъ начінаеть войну противъ індіанъ и сюда пріслай одного и своего дому знатнаго и бліжняго, которому велено наwerbenъ здѣсь „4000“ и прівести в Гиспоганъ, также и выные мѣста посланы. Прі семъ иного ко известію вашему превосходітельству доносіть не імѣю, точію о своемъ зломъ несчастіи, что я в такую бездну попался, гдѣ нечаю инова, кромѣ погібелі, чего нікогда я не мысліл. Понеже хотя немогутъ такъ явно страцать, какъ туркі, то уже инымъ образомъ подсылають, бутто з дружбы охраняють меня; а сказывають, что могутъ меня отравою уморіть здесь илі люты іхъ побьютъ людей моіхъ, прішедъ в домъ мой і разграбятъ мои вещи. ежелі противны моі поступкі покажутъ здѣшнімъ, а самі какую обіду ні сдѣлають жаловатся не велять, и все за бездѣлицу почитають, и говорятъ, что честному человекъу не надобно нікакіхъ противныхъ словъ слушать и худья слова все на вѣтеръ уходятъ. И правда, невозможно похваліть здешніхъ Кучукова постунакъ, которой бешенны дела делаєт, однако-жь невытерпчивому можно всякомъ взбесітца по іхъ поступкамъ; донесши сіе, всепокорнѣ прошу ваше превосходітельство содержать меня въ милостівой своей протекціи непременно по своему отеческому милостівому обѣщанію. Впрочемъ, всепокорнѣ прошу милостіво меня охраніть какъ въ невинності, такъ и в недоумѣніи моемъ въ чемъ лібо ізволіт усмотрѣть ізъ поступањъ моіхъ, что хотя

и погрешилъ, какъ молодой и необыкновенно человекъ, в томъ прошу прощенья, а во всемъ ссылаюся ко извѣстію вашего превосходительства на приложенную прі семъ записку, о которой чаю, что за множествомъ дѣлъ до рукъ графскихъ не дойдетъ, понеже..... не допуститъ (однако-жъ) милостиво оную посмотреть изволи́т, и что обрищется протівнаго, в томъ меня вразумитъ, дабы впредь исправнѣе поступать...

Примѣчаніе. Конецъ этого интереснаго письма утраченъ. Слова подчеркнутыя писаны шифромъ, два слова въ этой фразѣ нельзя понять или по ошибкѣ въ цифирѣ или потому, что онѣ писаны по другому ключу. Фраза до рукъ графскихъ не дойдетъ, относится къ капеллеру графу Головкину. Ред.

2.

(Собственноручно). Милостивоі государь мой отецъ, Петръ Павловичъ. Предъ сімъ, я до вашего превосходительства отсюда писалъ и о приезде своемъ доносилъ, съ которыхъ еще прилагаю прі сіхъ дубликатъ также и нынѣ всепокорнѣ доношу объ отъезде своемъ я сколько могъ старался; однакожъ видѣлъ, что день од дня промаминалі, а потомъ сказали, будто еще ожидаютъ из Гиспогані куріэра, которой отсюда с темъ посланъ, что я сюда пріехалъ и чаютъ в сіхъ дняхъ оттуды возвратітца; а вчера мнѣ объявилъ приставъ мой, что уже подводы все готовы, того раді надеюсь послѣ няті дней отсюда ехать *) о дорогѣ меня неоднократно спрашивали, по которой я хочу ѣхать чрезъ Гилянъ или Ардевилъ, или на Тавризы; я хотя и желалъ видѣть Гиляна, однако-жъ не хотѣлъ о томъ объявить; а сказалъ, что мнѣ нѣтъ причины въ томъ только бы гдѣ была дорога лучше, тогда они стали говорить, что на Гилянъ невозможно ѣхать, будто для повѣтрія; а какъ я призналъ, то они подозрительны въ томъ, а при томъ объявили, будто и шахъ о томъ писалъ къ нимъ, чтобъ чрезъ Гилянъ для повѣтрія не ѣздить, а ѣхать бы на Тавризъ; въ чемъ я упорно не осмѣлился говорить, дабы больше не навелъ суспиціи; но пропусъ нѣсколько дней, сталъ говорить, что я освѣдомился о таврискій дорогѣ, что оная зѣло гориста, и того ради я хочу ѣхать чрезъ Гилянъ; но они сказали, что невозможно отмѣнить указу шахова, и говорили отъ себя, будто та дорога лучше, точю то неправда, а усилить ихъ въ томъ не чалъ, понеже могли-бъ отговориться тѣмъ указомъ, а я бы явно на себя подозрѣніе навелъ; однакожъ я гнѣву отъ его величества зѣло опасенъ, дабы то не причтено было мнѣ въ мою олошность; о чемъ милостивоі мой отецъ васъ всепокорнѣ прошу, дабы в томъ милостиво меня изволили охра-

*) Отсюда до конца все писано цифирью.

нить; точію впредь не оставлю такъ, чтобы сія неосвидѣтельствована была дорога мною или инымъ кѣмъ, понеже когда увидятъ меня безъ подозрѣнія, тогда легко будетъ и сіе сдѣлать, ибо со временемъ могу нарочно послать о той дорогѣ, будто за какимъ дѣломъ туда или до Шамахи такова, который можетъ искусно описать, такъ какъ я нынѣ, и такъ буду дѣлать, чтобъ неприятели за противно. О поступкахъ здѣшнихъ не знаю, какъ донести, ибо временемъ поступаютъ ласково, а другимъ—какъ самые непріатели, и какія слова ни слышу отъ нихъ, то рѣдкіе, чтобъ фавции были, ибо сколько могу, то во всемъ пробую, и какъ видится, то они къ намъ середніе друзья, точію одинъ ихъ страхъ къ тому неволить; и какія дѣла будутъ впредь, и съ которыхъ что и стануть хотя дѣлать, только не ради дружбы, но для помянутой причины; и такой здѣсь лживой народъ и гордой, что чаю такихъ нигдѣ нѣтъ. і что ни говорятъ ничему невозможно вѣрить, и кто что больше солжетъ, то больше за политіку почитаютъ, а не в стыдъ. И я еще здѣсь по се время, кромѣ одного каландара (которой здѣсь государственные доходы вѣдаетъ), добраго человека почитаю что не нашель, і хотя прежде ханъ і показаль себя бутто дружбою, і обѣщалься многимъ дарить (къ чему он на словахъ все женозны *), понеже дома свої также і деревні, і сады все дарить, а із рукъ ихъ ничто нейдетъ, и я еще ни на полушку ни от каво не получилъ). А какъ уже я рассмотрѣлъ, то онъ только для своей гордості такъ трудился, чтобъ или дружбою, или-бъ такимъ обѣщаниемъ меня склонить к тому, чтобъ я его такъ почиталь, какое онъ имѣеть почтеніе отъ своихъ, а себя-бъ повелъ ніско, какъ больше ихъ испотвороваль Исраиль Ори, которой здѣсь назывался посломъ отъ трехъ государей, отъ его царскаго величества, і отъ цесаря, і отъ папы, чему здѣшние і вѣрили, а велі его, яко своего подданнаго, в чемъ онъ и уступаль имъ для своей прибылі больше (нежели храниль честь). і правда, какъ я слышу, чрезъ то і получилъ немалое багатство, однакожъ я такъ поступать не смѣю, хотя тѣмъ у себя і теряю не мало..... (конецъ утраченъ).

3.

Милостивой государь мой, отецъ Петръ Павловичъ. Вашего превосходительства милостиваго моего государя почтеннѣйшее писаніе, отъ 21-го марта, изъ Москвы отпущенное чрезъ куріера Нагаева (въ бытность мою въ Шемахѣ) прошедшаго іюня 4-го дня, въ цѣлости принять я получилъ; за которое вашему превосходительству низжай-

*) Великодупны.

шее благодарствую. И при томъ доношу, что я прошедшаго іюня 11-го дня выѣхалъ изъ Шемахи *), и хотя мнѣ до Каспійскаго моря отъ лезгинцовъ и отъ прочихъ варваровъ проѣздъ былъ не безъ страха, однакожъ знатно не смѣли напасть, увидя, что я съ осторожностію ѣхалъ и противъ несчастія готовъ былъ. Также и солдатъ имѣлъ при себѣ человекъ съ 150 (изъ тѣхъ, которые были на Красныхъ водахъ отъ князя Черкаскаго оставлены), которыми я и спасся, а то-бъ такъ не оставили: и тако, слава Вышнему, проѣхалъ невредно. А потомъ 25 того-жъ мѣсяца я берега персидскіе оставилъ, гдѣ надѣялся, что уже отъ всего несчастія моего убѣгну, но оное и въ морѣ меня сыскало, ибо гдѣ прочіе переѣзжаютъ въ 3 дня, а мы принуждены были качаться 22, и такіе были жестокіе штурмы, что хотя бы и въ октябрѣ развѣ-бъ въ ту-жъ пору. А суды у насъ кононачены по новому, вмѣсто смолы саломъ, понеже въ Астрахани и въ Казани смолы нѣтъ, и уже 3 года непочиниваны, однакожъ ни одно не погибло, что зѣло дивно. И тако слава Вышнему, я сюда въ Астрахань 18 іюля прибылъ, что по истиннѣ, милостивой государь мой, уже изъ головы моей-было вышло, и не мыслилъ того, что-бъ мнѣ любезное отечество видѣть, точію и здѣсь меня господинъ Чириковъ **) такъ пріятно принялъ, какъ сущій варваръ, и слышу, что на меня великіе въ небытность мою жалобы приносили, будто я чрезъ ваше превосходительство и Петра Андреевича (Толстаго) его царскому величеству о разореніи астраханскомъ внушилъ, и домогаюся себѣ губернаціи здѣшней, за что меня (какъ уже нынѣ вижу) и губилъ въ Персіи, но увидѣлъ, что я тамо не пропасть, то онъ уморилъ у меня здѣсь слона за день до моего сюда пріѣзду, такъ нагло, что онъ приведенъ къ нему на дворъ здоровъ, а вышедъ изъ двора его, сталъ тотчасъ тосковать, котораго и рвало зѣло много зеленою пѣною, и тако постѣ пяти или шести часовъ и умеръ (такого злодѣя на меня напустилъ Богъ). Я въ какихъ былъ напастѣхъ и разореніи, однакожъ желая услуги мои его величеству принести, по истиннѣ я сего звѣря содержалъ такъ и хранилъ какъ бы мое здоровье, и истинно издержалъ на него больше 1000 руб. (кромѣ того, что о немъ при дворѣ шаховомъ домогался). Однакожъ, какъ я вижу, что здѣсь иное государство, а не Россія, понеже что государю и государству противно, то здѣсь пріятно, и такія дикія дѣла дѣлаются, что и слышать странно, ибо

*) Въ біографическомъ очеркѣ І. И. Шишкина сказано, что Вольтинскій проживалъ въ Шемахѣ до 1-го мая 1718 г. Свѣдѣніе это Шишкинымъ заимствовано изъ рукописнаго сочиненія г. Буткова «Матеріалы, относящіяся къ исторіи Кавказа».

**) Оберъ-комендантъ астраханскій.

противъ христіанства и совѣсти (хотя-бъ и страхъ государя своего оставить) уже нынѣ здѣсь начали людей отлавать русскихъ на Кубань. а вмѣсто того дукowychъ лошадей и иноходцевъ берутъ, также которые прошлаго года татара съ Кубани приходили и разоряли въ Сибирской и прочіе уѣады, изъ тѣхъ лутчей приводецъ (именемъ Эльмурза) здѣсь въ юртахъ былъ, и къ Чирикову неоднократно пріѣзжалъ и съ сыномъ (а сынъ его отъ нашихъ драгуновъ былъ и раненъ), и привели къ нему изрядныхъ лошадей съ Кубани, но потомъ, когда здѣсь разгласилось о ихъ пріѣздѣ, отпустили ихъ паки на Кубань, и нѣсколько спустя, послали за ними гонять родственника ихъ юртавскаго мурзу Касая Тимбаева-жъ, который ихъ будто не настигъ, а поймалъ одну жену Эльмурзину, которая здѣсь нѣсколько сидѣла за карауломъ, а потомъ, сказываютъ, была отдана въ юрты на поруки, а нынѣ слышу, что и той здѣсь уже нѣтъ. Чаю я, что сіе вашему превосходительству зѣло удивительно будетъ, чему и я по истиннѣ удивляюсь, понеже когда случается мнѣ видать господина Чирикова въ церкви, то невозможно думать, чтобъ онъ былъ такой совѣсти, ибо непрестанно шепчетъ и очень тяжело вздыхаетъ, а кланяется всегда до земли. Однакожъ о дѣлахъ его какъ ваше превосходительство изволите разсудить, а и мнѣ кажется не хорошо; а прочихъ пакостей здѣшнихъ и описать невозможно. Стыжуся я вашему превосходительству о моемъ мнѣніи доносить, а по истиннѣ сумнѣваюся о здѣшнемъ благодѣтелѣ, чтобъ на меня не напустилъ татаръ или калмыковъ, когда я отсюда поѣду. Намѣренъ я ѣхать съ 15 августа со всѣми до Саратова вмѣстѣ: а въ рескриптѣ изволили написать, чтобъ мнѣ отсюда на легкѣ ѣхать, чего мнѣ нынѣ по истиннѣ, милостивой государь мой, невозможно учинить, развѣ растеряется. Паче же связали меня лошади, которыхъ я нѣсколько для его величества имѣю, также и для государыни царицы персидскихъ лошадей есть у меня шесть карепѣгихъ, и слава Богу, всѣ скоты здорово доведены (кромѣ тѣхъ, которыя съ Лопухинымъ посланы были); того ради намѣренъ я, что при себѣ имѣю проводить до Саратова, и тамъ уирава, оставляю кого при томъ и велю имъ иттить по возможности, а самъ наскоро поѣду, также и въ Москвѣ развѣ одну недѣлю умедлю. Богъ свидѣтель, что я и самъ не токмо желаю, но и вѣры нейму, что мнѣ ко двору доѣхать и хотя миролюбамъ и противенъ будетъ пріѣздъ мой, однакожъ, что чинить буди воля Божія, токмо дай всевышній, дабы я сподобился его величество видѣть. Также при томъ и ваше превосходительство, милостиваго моего государя, дай Боже здрава видѣть и съ радостію лобызать, яко родителя моего; нынѣ же прошу дабы изволили меня содержать въ неотемлемой отеческой милости и

вѣрить, что я есмь и пребуду даже до смерти, милостивой государь мой, вашего превосходительства вѣрный и покорнѣйшій слуга Артемей Волинской.

Изъ Астрахани, августа 5 дня 1718 года.

Р. С. Прошу ваше превосходительство показать ко мне отеческую милость, дабы отпущенъ былъ бѣзъ задержанія куріеръ сей, чтобъ онъ могъ меня встрѣтити хотя в Москвѣ.

Отрывки изъ собственноручныхъ писемъ Волинскаго, неизвѣстно кому писанныхъ.

1) Сего мѣсяца „6“ числа было здесь затменіе в мессецѣ, zelo удивительно и необыкновенно. Началось въ „7“ часу пополудни, сначала тмѣтца началъ, отъ северной стороны, такъ какъ і обыкновенное бываетъ, но потомъ, когда весь кругъ затмился, то сталъ такъ красенъ какъ самой огонь, і такъ временемъ являлось, в кругу какъ бы горело. Потомъ по срединѣ круга стало кроваво отъ верхняго края шіре, а к нижнему уже притомъ являлася по краямъ светлостъ (однакожъ ненатуральная), временемъ отъ севера, а временемъ снѣзу, которая казалася такъ какъ бываетъ первая четверть мѣсяца, а иногда мало не до самага верха оба конца сходились (что такъ болше случалось, когда та светлостъ покажетца снѣзу нежели отъ стороны), а между темъ накі zelo красенъ становился, кроме самой средины, однакожъ і та временемъ болше, а временемъ менше являлася, и тако стояло с полтора часа без мала, потомъ началъ свѣтлеть снѣзу натуральнымъ свѣтомъ только такъ равно, какъ бы было отрезано, и что болше стало прибавятца света, то та темность становилася кровавѣе и гуще, и такъ равно дошло до самага верха, что окончалось въ 10-мъ часу.

Случалось мнѣ пред симъ видать несколько разъ какъ и здесь видѣлі мы въ бытность свою в Кашані, однакожъ нікогда не токмо я и другіе такова (которое было нынѣ) не видѣлі....

2) Ещѣ прошу ваше превосходительство, чтобъ ізволі отписать к Травину о томъ, дабы поступалъ опасно, понеже онѣ в поступкахъ меры не знаютъ. Какъ я видѣлъ Кожина *), которой і того вратъ в Астрахані не оставилъ бугто царское величество намеренъ быть туда зімовать, в чемъ уже я ему возпретилъ и разсудилъ, а здесь тотчасъ пронестіе можетъ, что за самую правду примутъ, ибо и такъ в томъ подозрительны также, когда і измеривать поседеть, то лутче-бы на такомъ судне, которые употребляютъ для купечества, а здесь уже ихъ

*) Поручникъ Кожинъ, морской офицеръ, былъ посланъ въ экспедицію, отправленную въ 1716 г. подъ начальствомъ князя А. В. Черкаскаго, для изслѣдованія Аму-Дары и для осмотра рѣки золота. Ред.

знають, и чтобъ опаснѣе около береговъ ездить, а особливо бы подѣ темъ образомъ, что то с таваромъ судно; я удивляюся, что такіе пусто-головые для такіхъ дель посланы, і што віжу беду зделаютъ, ибо здешніе, какъ я віжу, такъ подозрителны, что еще паче нежелі турки; а въ самомъ море, то какъ хочеть можетъ ездить безъ всякаго подозренія, понеже не токмо инова ихъ судна ні лоткі не увідить; а о Кожинѣ, я думаю, что ему нельзя не пропастъ, понеже такіе безделіцы і шалості делалъ что описать нельзя, и почітають ево тамъ что онъ у „1“ первая персона, а онъ увідель то, и самъ себя также сталъ показывать, то онъ какъ можетъ ис такой высокой в портікулярную претворить себя персону, и я чаю какъ скоро туда пріедеть то ево и татарченка побеть досмерті я о томъ и ему говорілъ, что ево не унімаеть, но онъ имъ тамошніхъ жігелей всѣхъ травить, і што де-лаеть я дівлюсь какъ с рукъ сходить...

(Сообщ. П. П. Ламбинъ.

Объ обидахъ Волынскаго князю Мещерскому.

1724—1725.

Въ высокоучрежденный-правительствующій сенатъ, адмиралтейская коллегія доноситъ, а о чемъ, слѣдуютъ пункты: 1) Въ прошломъ 1724 г. марта 3 дня, адмиралтейская коллегія увѣдомилась, что обрѣ-тающійся при астраханскомъ портѣ мичманъ князь Егоръ Мещерскій, посаженъ былъ между дураками и собаками на кобылу, о чемъ къ капитану князю Урусову посланъ указъ, чтобъ онъ прислалъ въ кол-легію извѣстіе, оной Мещерскій за какія вины и отъ кого на кобылу посаженъ и по какимъ увѣзамъ, и въ которомъ числѣ тако штрафо-ванъ былъ. 2) Октября 26 дня 1724 г. капитанъ князь Урусовъ, поми-нутаго мичмана, князя Егора Мещерскаго, прислалъ въ адмиралтействъ коллегію прошеніе, въ которомъ написано: „въ прошломъ-де 1723 г. декабря 4 дня, въ Астрахань пришелъ онъ, Мещерской, къ астра-ханскому губернатору Волынскому въ домъ государевъ, для требова-нія въ принятіи отъ него остаточномъ морскомъ провіантѣ и пивѣ квитанціи, которой-де ему не даво, и оный-де губернаторъ бранилъ его всякою не потребною бранью; и онъ, князь Мещерской, отъ него пошелъ изъ хоромъ вонъ, а съ нимъ пошелъ плацъ-подполковникъ Нефловъ, и велѣлъ онъ, Нефловъ, солдатамъ (объявляя, что по при-казу губернаторскому), безъ всякой его вины посадить на деревян-ную кобылу, на которую сажаютъ за тайныя вины. И держанъ на кобылѣ съ четверть часа, того декабря 17 дня, былъ онъ, Ме-щерской, въ квартирѣ генераль-лейтанта и гвардіи маіора Матюш-

князя, и отъ него пошелъ къ бригадиру Шереметеву; и какъ онъ пошелъ отъ него, бригадира, а онъ губернаторъ, ѣхалъ въ каретѣ, и увидя его на дорогѣ, велѣлъ прапорщику князю Михаилу Уракову и людямъ его взять его подъ караулъ и вести къ себѣ въ домъ; и когда его къ нему привели, тогда по приказу его, губернаторскому, передъ нимъ штыкъ-юнкеръ Матвѣй Толстой и люди его ладонями (ладонми) били и сажю марали, и снявъ съ него кафтанъ, выворотили и надѣли на него вверхъ подкладкою, и посадилъ его съ собою ужинать и велѣлъ подать пивной стаканъ горячаго вина и заставилъ его насильно пить, и онъ-де не могъ столь много вина выпить, и за то велѣлъ людямъ своимъ бить его въ голову, которые и ударили тридцать пять разъ; и потомъ велѣлъ солдатамъ отвести его въ караульную избу и сажи съ него смывать, и кафтанъ скидывать не велѣлъ, и ночевать такъ подъ карауломъ; и декабря 18 дня, рано по утру, велѣлъ привести его къ себѣ и приказалъ плацъ-подполковнику Нефлову, вымазаннаго его и въ вывороченномъ кафтанѣ посадить съ дуракомъ Иваномъ Кузьминымъ (котораго онъ, Волынской, при себѣ держалъ) на деревянную кобылу и привязать къ обѣимъ его ногамъ по пудовой желѣзной гирѣ и по живой собакѣ задними ногами, и въ томъ-де ругательномъ мученіи держанъ онъ былъ на кобылѣ два часа; а онъ, губернаторъ, во время того его ругательнаго мученія былъ въ губернской канцеляріи; и вышедъ изъ канцеляріи, велѣлъ его съ кобылы снять и вести за собою; когда-жъ приведенъ за нимъ въ хоромы, тогда велѣлъ на ледъ насыпать соли и снявъ съ него штаны, посаженъ передъ нимъ, голымъ тѣломъ на ледъ, и держанъ на томъ льду часъ, и отъ того ругательнаго мученія весьма изнуренъ; а хотя отъ него, губернатора, руганья и больше сего есть, тожко всего упомянуть не можетъ, въ такомъ его руганіи". 3) Декабря 4 дня 1724 г. посланъ изъ адмиралтейской коллегіи къ губернатору Волынскому указъ, по которому велѣно ему о вышесписанномъ онаго, Мещерскаго, штрафованіи, прислать въ адмиралтействъ-коллегію отвѣтствіе. 4) Января 19 дня сего 1725 г. означенный губернаторъ Волынской, прислалъ въ адмиралтействъ-коллегію отвѣтствіе, въ которомъ написано: „онъ-де, Мещерской, подлинный дуракъ и пьяница и не токмо достоинъ быть мичманомъ, и въ квартирмейстры негодится, и компанса не знаетъ, и которые морскіе офицеры это знаютъ, по совѣсти и чести своей засвидѣтельствовать могутъ, что онъ подлинно таковъ и ни во что негодится; что же увидя въ немъ генераль-лейтенантъ Матюшкинъ, что онъ и глупъ и пьянъ, взялъ его къ себѣ въ домъ и былъ-де у него въ дуракахъ, гдѣ онъ многихъ офицеровъ бранилъ и нѣкоторыхъ диралъ за волосы, и бивалъ тутъ же, и его въ домѣ

бывали и сажеею марали, вино на голову ливаль и зажигали, и острижень былъ по-жидовски, и такъ-де живучи онъ въ домѣ у него, Матюшкина, увеселяя и браниль и его такую пакостною лаею, за что-де всякому челоуѣку вытерпѣть невозможно; однакожь-де то слыша, Матюшкинъ не токму ему воспрещаль, но еще тому и смѣялся; также-де и прочіе ему похлѣбствуя смѣялися; и понеже-де онъ собою тѣшить (бы) его, Матюшкина, и прочихъ не хотѣль, и ему, Мещерскому, объявить, что ему оная брань зѣло чувствительна, и онъ того не заслужиль, и хотя онъ, Матюшкинъ, на него будетъ и гнѣваться, однако-жь онъ такового руганія отъ онаго пьяницы и дурака терпѣть не будетъ; на что онъ, Матюшкинъ, сказалъ ему, что за дурака сердиться на него не будетъ. И тако (Волинскій) увидѣль, что онъ (Матюшкинъ) ему (Мещерскому) сатисфакціи никакой не учинилъ, принужденъ былъ поступать съ нимъ не такъ какъ съ унтеръ-офицеромъ, но какъ съ пьяницею и съ дракуномъ, котораго-де на деревянную кобылу и на льдину сажаль, понеже-де онъ, оставя свое доброе званіе, пошелъ добровольно въ дураки для того, и онъ тако учинилъ надъ нимъ, какъ надъ дуракомъ и непотребнымъ челоуѣкомъ“. Того ради высокоучрежденному правительствующему сенату, адмиралтействъ-коллегіи приносить свое мнѣніе, что онаго губернатора Волинскаго въ вышеобъявленныхъ учиненныхъ отъ него помянутому мичману князю Мещерскому обидахъ и ругательствѣ, надлежитъ судить, и рѣшеніе учинить по указамъ и регламентамъ, понеже онъ, Мещерской, заслужилъ и имѣетъ унтеръ-офицерскій рангъ и обрѣтается не въ командѣ его, Волинскаго; а хотя-бъ ему, Волинскому, отъ него, Мещерскаго, какія досады и показаны-бъ были, какъ онъ, Волинскій, отвѣтствуя, объявилъ, и о томъ надлежало-бы ему бить челоуѣ, и сатисфакціи своей искать гдѣ надлежитъ судомъ, а не собою и не вышеписанными ругательствами управляться. Послушные слуги (подлинное доношеніе за руками адмиралтейской коллегіи членовъ).

Въ 3 день мая 1725 г.

Въ журналѣ № 1970, въ протоколѣ листъ 131-й, № 1617.

Сообщ. С. И. Турбинъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Письмо св. Дмитрія Ростовскаго.

†

Честному отцу Θεологу о Господѣ радоватися.

Какъ тебе Богъ милуетъ; какъ домой доехалъ все ли здорово? Не потерялъ ли моего лѣтописа и читаешь ли его, и отцу Киріону (ему же низко кланяюся), даешь ли читати?

Послахъ въ лѣтопису малое приложенийце, прочти и положи на мѣстѣ подобающомъ и еще хотятъ быти нѣкая приложенія на нѣкихъ мѣстахъ. Да не очиннь долго у себе удержи, въ великій постъ (живи ли будемъ) присли, здравствуй *charissime*.

Всѣхъ благъ и спасенія чести твоей желаю. Дмитрій грѣшній.

Сообщ. **Θ. К. Опочининъ.**

Примѣчаніе. Письмо—на четвертушкѣ пожелтѣлой простой бумаги; оно тщательно оклеено атласомъ въ позднѣйшее время—для лучшаго сохраненія документа. На конвертѣ надпись руки **Θ. П. Опочинина**: «Своеручное письмо угодника Божія св. Дмитрія Ростовскаго и часть мощей его. Принадлежность двора его императорскаго величества пажа Константина Федоровича Опочинина».

Дмитрій Туптало, св., митрополитъ Ростовскій, р. 1651 г., ум. 1709 г. Знаменитый составитель «Жизнеописаній Святыхъ» (Четинхъ Миней)—славенъ добродѣтельною жизнью, искусствомъ проповѣдника и многими сочиненіями. Онъ основалъ семинарію въ Ростовѣ; имъ же, между прочими сочиненіями, написанъ: «Розыскъ или разсмотрѣніе о Брынской раскольничьей вѣрѣ».

Въ приведенномъ нами письмѣ—подъ именемъ «Лѣтописи»—святитель разумѣетъ составленную имъ, не задолго до кончины, «Библейскую Исторію».

Ред.

Указъ Петра I о строеніи въ Петербургѣ*).

Указъ всѣмъ жителямъ Санктъ-питербургскимъ.

Понеже здѣсь в Санктъ-питербурхе многия строитца не по указу, и не в указныхъ мѣстехъ, того ради повелѣваемъ симъ указомъ, дабы никто нигдѣ противъ указу отнюдь нестроился, а кому надобно строитца и тѣмъ являцца учиненному надъ строеньемъ оберъ-комисару князю Черкасскому и брать чертежи; а ежели кто станеть строитца не по указу и не противъ чертежа и тотъ лишень будетъ всего того, что построилъ, и сверхъ того взято будетъ штрафу за каждое жилие по десяти рублевъ в шпиталеть. Въ 14 день сентября 1715.

Петръ.

Сообщ. кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій.

Кладъ Александра Македонскаго и Дарія Персидскаго.

1703.

О пріѣзжемъ венгренинѣ: іюня 20-го писалъ къ великому государю изъ Кіева генераль-маіоръ Андрей Гулицъ:

Іюня 25-го пріѣхалъ въ Кіевъ венгринъ, города Караншебешъ, житель Михайло Ивановъ съ двумя сынами, съ Иваномъ и съ Моисеемъ, и въ распросѣ сказалъ, что ѣдетъ къ Москвѣ для нужныхъ дѣлъ тайнымъ обычаемъ, а для какихъ, того ему сказать невозможно, а скажетъ про то въ Москвѣ.

А на Москвѣ въ посольскомъ приказѣ тотъ пріѣзжій иноземецъ въ распросѣ сказалъ: „родомъ онъ волошанинъ, Седмиградскія земли, родился въ городѣ Кавраншебешъ, что нынѣ турки владѣютъ, а пріѣхалъ-де онъ къ Москвѣ для того же дѣла, для чего и напредъ сего, тому нынѣ назадъ лѣтъ шесть пріѣзжалъ и объявилъ на Москѣ; потому, что никому того дѣла не велѣно объявить и невозможно получить, кромѣ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и въ то время по его великаго государя указу, какъ онъ отпущень съ Москвы къ гетману и велѣно для того дѣла досмотрѣть, послать кого пристойно, и онъ, гетманъ, послалъ для досмотру того дѣла товарища его, а не его самого, и послалъ съ тѣмъ его товарищемъ такого небывалаго человѣка и тѣ люди межъ собою на дорогѣ ссорилися и билися и затѣмъ то дѣло въ то время совершения своего не воспріяло; а какъ онъ отпущень отъ гетмана, и пріѣхавъ въ домъ свой въ Дѣву по прежнему и почалъ промышляти о дѣлѣ своемъ по прежнему, чтобъ сыскать тотъ кладъ и ископалъ въ той горѣ, по откровенію

*) Объ исполненіи сего указа данъ былъ именной — оберъ-комиссару кн. Черкасскому. См. въ «П. С. З.», т. V, № 2932.

Божію, камень бѣлой, въ полторы сажени длиною, а шириною—саженъ съ пять и на той лещади вырѣзаны слова, и тѣхъ словъ никто не могъ прочесть,—кромѣ одного старца сербавина, сыскаль онъ знакомца и онъ прочесть, и сказалъ: что слова тѣ суть эллинскимъ языкомъ писанныя и тотъ старецъ прочитавъ, списавъ ихъ тѣ рѣчи всѣ, что на камнѣ написаны, сказалъ, что при семъ камнѣ въ сей горѣ лежатъ сокровища Александра царя и Дарія, и тотъ камень онъ, Михаилъ, разбилъ, а подпись списавъ отдалъ тому чернецу, кто прочесть и то услыша тутошныя жители сказали седмиградскому генералу графу Работину, и онъ-де посылалъ его за карауломъ къ цесарю въ Вѣну, и въ томъ-де его мучили разными муками и забивали за ногти его желѣзные гвозди, и онъ-де ничего имъ не сказалъ и цесарь-де посылалъ для того кладу на ту гору искать нѣмцовъ и венгровъ, и были съ нимъ на той горѣ, гдѣ то сокровище, на самомъ мѣстѣ три человекъ цесарскіе, и какъ они пришли на то мѣсто и ихъ взялъ вѣтеръ и разнесло ихъ и лошадей ихъ, невѣдомо куды, и послѣ того, собрався отложили до третьяго дня придти опять для того же исканія, и онъ межъ тѣмъ временемъ изъ-за караулу ушелъ и пришелъ въ Турской городъ Караншебешъ и взялъ съ собою двухъ сыновъ, Ивана да Моисея, а домъ его въ Дѣвѣ разорили и разграбили нѣмцы; и пріѣхалъ къ Москвѣ черезъ мултянскую землю, для того, что явился ему ангель, что тотъ кладъ кромѣ нынѣшняго московскаго великаго государя никому не дастся, и чтобъ онъ, великій государь, изволилъ послать свой государевъ указъ къ мултянскому нынѣшнему господарю, чтобъ онъ съ нимъ, Михаиломъ, послалъ своихъ людей, сколько къ тому дѣлу будетъ надобно, потому, что то мѣсто, хотя подъ владѣніемъ цесарскимъ, только близко горъ и рубежа Мултянскаго и для подлиннаго извѣренія съ Москвы своихъ людей человекъ двухъ или трехъ, и тотъ кладъ обрѣсти и вынять, а для подлиннаго увѣренія привезъ онъ съ собою двухъ сыновъ своихъ, и покажеть тотъ кладъ найдется, чтобы по та указалъ великій государь дѣтей его задержать на Москвѣ, а его для сыску того кладу отпустить, а которой старецъ съ покровенной доски того кладу подпись списалъ, и онъ обѣщалъ ему съ клятвою съ спискомъ той подписи быть къ Москвѣ подъ видомъ будто бы милостыни и ту подать для подлиннаго увѣренія объявить въ Москвѣ въ посольскомъ приказѣ, и тогда всякое дѣло явно будетъ, а тотъ-де старецъ Сербской земли, города Полавыи, имя ему Іоакимъ, собираетъ милостыню; хочетъ въ томъ городѣ вновь монастырь строить“.

Да тотъ же сербавинъ подалъ къ тому допросу въ дополнку

письмо, каково онъ написалъ о подлинномъ сысканіи того кладу, а въ немъ написано:

„Я объявляю князь Михайло, князь Ивановъ, сынъ Вольшанинъ вашему царскому величеству: въ прошлыхъ, государь, годахъ, жилъ въ венгерской землѣ, въ городѣ Дѣвѣ, а нынѣ я живу въ порубежномъ городѣ турецкомъ, который стоитъ между венгерскою землею и турецкою, имя тому городу Караваншебешъ, въ которомъ я родился; а есть мѣсто гора высокая, содѣланная царями Даріемъ и Трояномъ, въ которой выложена храмина каменіемъ, въ подобіе палатъ, на венгерской сторонѣ, близъ турецкія и мултанскія земель. разстояніе отъ Дѣвы города три мили турецкія, а отъ Караваншебеша 5 миль; около той горы есть деревни венгерскія въ разныхъ сторонахъ, мили по 3 разстояніемъ, дворовъ въ нихъ по 40 и по 50-ти, въ которыхъ зимуютъ воинскіе цесарскіе люди; и деревни есть венгерская разстояніемъ отъ горы 1 миля, дворовъ будетъ съ пять; близъ той горы двѣ рѣчки малыя, бродомъ будетъ человѣку по колѣно, текутъ по камню и шумъ той воды издалека слышится. та гора между тѣми двумя рѣчками стоитъ; по правую сторону течетъ рѣчка Поноричъ, которая течетъ сквозь ту гору своимъ прохожденіемъ; другая рѣчка называется отъ красна камня, на ней же былъ городокъ Дарія царя, а можно стоячи человѣку на той горѣ и человѣку будучи, гдѣ былъ городокъ, говорити и рѣчь разумѣти, таково есть не далеко; нынѣ то мѣсто пусто и поросло лѣсомъ дубовыми деревьями; отъ той же горы къ турецкой землѣ былъ городокъ великій Трояна царя. называсмый Гредище, разстояніемъ три мили. нынѣ разорено и тово пашенная земля и пашбище, а прежде того, около той горы были малыя и средніе городки жидовскіе, числомъ съ 40, и тѣ городки разорены изволеніемъ Божіимъ, и тѣ мѣста владѣніе венгерское и до нынѣ владѣютъ венгры, жители города Инидора, разстояніе отъ горы полъ-четверти мили, и въ древнее время, егда брашеся Александръ царь Македонскій съ цари Даріемъ и Трояномъ, и они, цари, положиша въ ту гору сокровище свое, бочки злотыхъ червонныхъ и слитки золотыя и оружія и конскія наряды безчисленное множество и свои царскія короны и каменія драгого и колесницу свою оставиша и змія великодѣланнаго златого, хоботомъ свіющагося, и во усѣхъ его учиненъ камень діамандъ, отъ котораго свѣтъ великій бываетъ, аки отъ огня, и болвана бога жидовска отъ злата содѣланнаго, и очи ему вставлены отъ камени діамандія, со многими приносящими ему дары златыхъ, а гдѣ колесница поставлена, стоитъ воинъ златъ и держитъ на златой цѣпи льва златаго пса ловчіяго, и жидовскій богъ сидитъ за трапезою предъ нимъ и

поставлены раби златыя и егда Александръ царь воинство царя Дарія и Трояна побѣди, тогда взя дщерь Дарія царя въ жену себѣ и потомъ повѣда ему Дарій и писаніе даде ему о положенномъ ихъ сокровищѣ. Мнѣ же явился ангель Божій во снѣ и вода мя, показуя мнѣ мѣсто и положенное сокровище и повелѣ мнѣ извѣстити, гдѣ есть православная христіанская вѣра, тоя благочестивыя державы царя; и послѣ того видѣнія ходилъ я и мѣсто нашель, и гдѣ ходять въ гору у вратъ камень поставилъ плоской, въ вышину 5 аршинъ, поперегъ — три, на немъ же написано эллино-греческимъ языкомъ, что сіе сокровище положено Александра царя, который всю вселенную пройде и многія государства покорилися ему, и то письмо прочте мнѣ сербскій іеромонахъ, и послѣ я то письмо стесалъ, чтобъ никто не прочелъ и съ тѣмъ іеромонахомъ положена у насъ великая клятва, отнюдь бы не сказати никому и потому, что хаживалъ я часто къ той горѣ, вмѣнилось помыслити о мнѣ венгерскимъ людѣмъ, будто кладъ знаю и сказали про меня цесарскому генералу и велѣли меня мучити, гвоздіе въ руцѣ мои вонзоша и два большіе мои зуба извергоша вонъ, — и же отнюдь не сказаль ему, памятуя явленіе святаго ангела и повелѣнное имъ объявити вашему величеству“.

А грамотѣ онъ не умѣетъ и къ тому письму руки не приложилъ.

Примѣчаніе. Выписано изъ писемъ дьяковъ посольскаго приказа къ боярину Федору Алексѣевичу Головину, во время отлучекъ его изъ Москвы съ Петромъ I, — хранятся въ москов. архивѣ минис. иностр. дѣлъ.

Сообщ. Г. В. Есяповъ.

Распоряженіе императрицы Елисаветы Петровны о портретѣ Петра I, пожалованномъ духовнику его Тимоѳею Надаржинскому.

1753 г.

Портретъ, которымъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь императоръ Петръ Великій всемилостивѣйше пожаловалъ бывшаго духовника Тимоѳея Васильева, сына Надаржинскаго, отъ онаго Надаржинскаго, по духовной, въ приданое отданъ былъ за дочерью бригадиру Лесевицкому и его наслѣдникамъ; а нынѣ оный содержится у отставнаго маіора Филиппа Надаржинскаго, а оный маіоръ жительство имѣетъ ахтырскаго полку въ селѣ Тростинцѣ; о семъ же портретѣ полковникъ Константинъ Лесевицкій просилъ, дабы отъ онаго маіора взять былъ на ея императорское величество.

„Изъ Кабинета ея императорскаго величества господину маіору Надаржинскому.

„Ея императорское величество указала: портретъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго, оспан-

ный каменьями, который отъ его величества пожалованъ былъ духовнику его величества и вашему дѣду, Тимоѳею Васильевичу Надаржинскому, и отъ него, по духовной, въ приданое отдавъ за дочерью бригадирю Лесевицкому и его наслѣдникамъ, а нынѣ имѣется у васъ, для привезенія котораго отправленъ при семъ нарочный кабинетъ-курьеръ, взявъ оный у васъ, привезть къ ея императорскому величеству. Того ради имѣете вы помянутый его величества портретъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ отъ его величества дѣду вашему пожалованъ и нынѣ у васъ находится, убравъ оный по надлежащему въ ящикъ, чтобъ въ дорогѣ попортиться не могъ, и, запечатавъ вашею печатію, для привозу сюда отдать помянутому кабинетъ-курьеру Языкову, о чемъ вышписанный ея императорскаго величества указъ для надлежащаго исполненія чрезъ сіе вамъ объявляется.

„Вышписанный портретъ ея императорское величество изволила требовать для посмотрѣнія, яко оной написанъ, и для сличенія его сходства съ великимъ императоромъ, ея родителемъ, и для того, что чрезъ посмотрѣніе не упомянется ли чьей работы сей портретъ? И ежели ея императорское величество изволить взять къ себѣ, то вы за оный удовольствованы будете, а буде не изволить взять, то обратно вамъ отдастся“.

2-го марта 1753 г.

Примѣчаніе. Объ этомъ же предметѣ дана была инструкція кабинетъ-курьеру Языкову, а также указъ изъ кабинета, отъ 18-го марта 1753 г., въ Бѣгородскую губернскую канцелярію. Портретъ былъ высланъ «исправно» и по осмотру его государыней, маіору Надаржинскому дано знать, «что онъ можетъ взять его обратно, приславъ для этого въ Кабинетъ «повѣренное лицо».

Сообщ. Жанъ-Жакъ.

Докладъ императрицѣ Екатеринѣ II отъ Сената о мѣстѣ для постановки монумента императору Петру Великому.

(По титулѣ). Отъ сената всеподданнѣйшій докладъ. Сенатъ и вся имперія, во изъявленіе вѣчной своей благодарности, и въ незабвенную наиподданнѣйшимъ потомкамъ память нѣкотораго славнаго и знаменитаго для благополучія Россіи происшествія, принявъ намѣреніе соорудить монументъ, осмѣливается всеподданнѣйше просить ваше императорское величество: да соизволите всемилостивѣйше объявить ему высочайшее свое соизволеніе, на которомъ мѣстѣ угодно будетъ вашему императорскому величеству поставить предпринимаемый вашимъ величествомъ монументъ государю императору Петру Великому, дабы по неизвѣстности о всевысочайшей вашего императорскаго величества на то волѣ, не избрать подъ сіе сооруженіе, которымъ и сенатъ и весь

народъ должнымъ себя почитаетъ, того же самого мѣста, кое можетъ быть и для прославленія безсмертныхъ дѣлъ государя императора Петра Великаго ваше императорское величество назначить соизволите. Графъ Петръ Шереметевъ. Графъ М. Скавронскій. Н. Панинъ. Петръ Панинъ. Николай Муравьевъ. Князь Алексѣй Козловскій. Николай Чичеринъ. Адамъ Олсуфьевъ. Василій Адодуровъ. Оберъ-секретарь Иванъ Артелѣевъ.

Примѣчаніе. Дѣло здѣсь идетъ о памятникѣ, поставленномъ императрицею Екатериною II на Петровской и Севатской площади. въ Петербургѣ. работы Фальконета, съ надписью: «Петру Первому — Екатерина II».

Сообщ. Жанъ-Жакъ.

Sonnet pour être lu le jour de l'inauguration de la statue de Pierre le Grand.

Du haut de se rocher, je gronde Falconet
 Qui m'a ressuscité, dans mon ancien azile,
 Le temps passé n'est plus, j'y suis fort inutile.
 Je m'ennuye souvent, je l'avoue tout net.
 L'on m'offre une épigramme, ou un mauvais sonnet,
 Croira-t-on m'obliger, me chantant dans la ville
 Par de vers qu'a produit une verve puérile,
 Il faut les apporter, à monsieur du monét (?).
 Ils pensent bonnement, que tout cela m'amuse
 Bien loin de les louer, je méprise leur muse
 Et vous, grand sculpteur, croyez vous m'humilier.
 Revenant aujourd'hui, j'adore Catherine,
 J'applaudirai toujours sa conduite divine
 Me croyant trop heureux d'être son écolier.

Inscription pour mettre au bas de la statue de Pierre le Grand, érigée à St.-Petersbourg.

Catherine Seconde au comble de sa gloire
 Ses ennemis vaincus, le front ceint de laurier —
 (Six règnes écoulés) du Grand Pierre Premier,
 Fit dans ce monument revivre la mémoire:
 Quand sous ses douces loix on allait l'oublier.

Сообщ. Жанъ-Жакъ.

Портретъ Петра Великаго въ Полтавѣ.

Въ день 200-лѣтняго юбилея со дня рожденія великаго преобразователя Россіи, все, относящееся до него, получаетъ особый интересъ; поэтому и лишній портретъ Петра Великаго, совсѣмъ неизвѣстный, или очень мало извѣстный, приобрѣтаетъ особенную цѣну. О такомъ портретѣ мы намѣрены сообщить вѣскольکو свѣдѣній читателямъ

„Русской Старины“. Портретъ этотъ принадлежитъ въ настоящее время полтавской военной гимназiи, посвящей прозванiе Петровской, преобразованной изъ кадетскаго корпуса того же имени, даннаго ему въ честь Петра Великаго покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ. Въ числѣ 18-ти портретовъ Петра, бывшихъ на „исторической выставкѣ портретовъ“ 1870 г., въ С.-Петербургѣ, въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, нашего портрета не находилось и ни одинъ изъ нихъ, сколько помнимъ, его не напоминаетъ.

Насколько извѣстно, имѣющiеся портреты Петра Великаго являются въ 4-хъ типахъ: 1) Кнеллера (1697), № 50-й на „Исторической выставкѣ“; 2) Амикони, № 121-й; 3) Натъе (Nattier), 1717 г., № 123-й. и 4) Ригò (Rigaud), 1717 г., № 125-й. Портретъ Кнеллера, англiйскаго художника, писанный въ Лондонѣ въ 1698 г. *) въ прекрасной гравюрѣ, приложенъ къ 1-му тому „Исторiи царствованiя Петра Великаго“ Устрялова. Портретъ Ригò знакомъ читателямъ „Русской Старины“ по отличной гравюрѣ Гретбача (Greatbeach), исполненной въ Лондонѣ и приложенной къ 1-й книжкѣ этого журнала за 1871 г.

Полтавскiй портретъ приписывается художнику Аржильеру (Argilliere), написавшему его съ натуры, въ Парижѣ, въ 1711 г. Портретъ этотъ купленъ покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ у княгини В. А. Репниной, за пять тысячъ рублей ассигнаціями, и подаренъ имъ въ 1840 г. петровскому-полтавскому кадетскому корпусу, въ первый же мѣсяцъ его существованiя (открытъ 6-го декабря 1840 г.). Объ этомъ высочайшемъ подаркѣ корпусъ былъ извѣщенъ полтавскимъ губернаторомъ. Просимую сумму, по предложенiю тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, полтавскiй губернаторъ вручилъ подполковницѣ Ю. И. Граве, живущей въ г. Полтавѣ, а портретъ былъ доставленъ губернатору мужемъ этой послѣдней, подполковникомъ Граве. изъ Одессы. Вотъ всѣ, какія мы могли собрать, официальные свѣдѣнiя о портретѣ. Княгиня Варвара Алексѣевна Репнина, рожденная графиня Разумовская, отъ которой прiобрѣтенъ портретъ, была супругой князя Николая Григорьевича Репнина-Волконскаго (см. „Рос. Родос.“ книга кн. П. Долгорукова, ч. I, стр. 273—274), умершаго въ 1844 г. и бывшаго малороссiйскимъ генераль-губернаторомъ съ 1816 по 1834 г. Князь Репнинъ, внукъ знаменитаго павловскаго фельдмаршала, князя Н. В. Репнина, извѣстнаго полководца, дипломата и масона, сынъ его дочери, княгини Александры Ник. Волконской, принявшiй, по волѣ императора Александра I, фамилію своего знаменитаго дѣда, будучи малороссiйскимъ генераль-губернаторомъ. имѣлъ свое мѣстопробыванiе въ

*) По каталогу г. Петрова, въ Утрехтѣ, 1697 г. (Катал. Ист. выст. нор., стр. 19).

гор. Полтавѣ гдѣ жилъ (въ теперешнемъ губернаторскомъ домѣ) съ пышностію вельможи прошлаго вѣка, оставивъ по себѣ до сихъ поръ добрую память въ воспоминаніяхъ полтавскихъ старожилонъ. Это былъ тотъ самый князь Репнинъ, который въ 1813—1814 гг. управлялъ королевствомъ Саксонскимъ, въ званіи вице-короля, или генераль-губернатора. Его же, въ ранней юности, мы видимъ при своемъ знаменитомъ дѣдѣ, въ Литвѣ, въ гор. Гроднѣ, въ блестящемъ обществѣ, собравшемся вокругъ послѣдняго польскаго короля, Станислава-Августа Понятовскаго, имѣвшаго тогда (1795—1797) пребываніе въ этомъ городѣ. Привычки молодости и послѣдующая его жизнь, частію обусловливаемая высокимъ служебнымъ положеніемъ, заставляли его жить выше тѣхъ средствъ, которыми онъ располагалъ; по крайней мѣрѣ, объ этомъ можно судить по необходимости продажи такой семейной драгоценности, какою несомнѣнно считался портретъ Петра Великаго, тѣмъ болѣе, что предварительно, какъ говорятъ, портретъ этотъ, уже запродаанный, предназначался для отправки въ Лондонъ, почему онъ и очутился въ Одессѣ, на рукахъ г. Граве, довѣреннаго лица княгини Варвары Алексѣевны. Такимъ образомъ, судя по слухамъ, портретъ Петра I былъ перекупленъ у княгини Репниной покойнымъ государемъ. Черезъ кого шла эта покупка, — мы не знаемъ; извѣстно только, что самъ князь Н. Г. Репнинъ-Волконскій жилъ въ это время за границей. Какъ достался Репнинымъ этотъ портретъ: приобрѣтенъ ли онъ фельдмаршаломъ Разумовскимъ, или княземъ Репнинымъ, послѣднимъ его владѣльцемъ, изъ дрезденской галереи? На эти вопросы могутъ отвѣчать только теперешніе потомки Репниныхъ, что, будемъ надѣяться, они и сдѣлаютъ. Какъ бы то ни было, по сначала фамилія Репниныхъ, а потомъ полтавскій кадетскій корпусъ и, въ послѣднее время, военная гимназія гордились тѣмъ, что они владѣютъ драгоценною рѣдкостію — портретомъ Петра Великаго, снятымъ съ натуры знаменитымъ французскимъ живописцемъ. Но, увы! оказывается, что эта гордость — самообольщеніе, вольное или невольное, и что подлинность портрета мнимая. Во-первыхъ, Петръ Великій былъ всего разъ въ Парижѣ и не въ 1711 году, какъ увѣряетъ офиціальный документъ, при которомъ былъ препровожденъ портретъ въ кадетскій корпусъ, а въ 1717 году, когда были сняты съ него портреты живописцами Натъе и Риго; въ 1711 же году, въ годъ прутскаго мира, Петръ, какъ извѣстно, былъ только въ Германіи, на карлсбадскихъ минеральныхъ водахъ, въ Дрезденѣ, Торгау, Торунѣ, Эльбингѣ, Кёнигсбергѣ и Мемелѣ (Голиковъ, Дѣянія, Т. V, 1711 годъ); во-вторыхъ, Николай Ларжильеръ (Nicolas de Largillière), 1656—1746, ученикъ Лебрюна (Lebrun), членъ парижской академіи, исто-

рический и портретный живописецъ, хотя и могъ видѣть Петра Великаго въ Парижѣ въ 1717 году (если только 1711 годъ принять за невольную ошибку Репнинныхъ, попавшую потомъ и въ официальные документы), но, какъ извѣстно изъ исторіи Петра, портрета съ него не писалъ. Какъ очевидецъ, могъ онъ воспроизвести этотъ портретъ по выѣздѣ изъ Парижа великаго царя; но въ такомъ случаѣ такая замѣчательная работа должна была бы попасть въ каталогъ произведеній Ларжильера, чего однако же мы не нашли, по крайней мѣрѣ по доступнымъ намъ здѣсь въ Полтавѣ источникамъ; при томъ же, какъ очевидецъ, Ларжильеръ не могъ въ 1717 г. 45-ти-лѣтняго Петра представить такимъ молодымъ, какимъ онъ является на полтавскомъ портретѣ, гдѣ великому преобразователю никакъ нельзя дать болѣе 33—35 лѣтъ. Могъ, пожалуй, Ларжильеръ воспроизвести этотъ портретъ и ранѣе 1717 г. по какимъ-нибудь, никому неизвѣстнымъ, оригиналамъ, голландскимъ или нѣмецкимъ, и это воспроизведеніе послѣ 1717 г., когда онъ увидѣлъ Петра, могло потерять въ глазахъ его, какъ и въ глазахъ его современниковъ, всякую цѣну, а потому и ушло за предѣлы Франціи; но все это—однѣ догадки, которыя подтвердить или опровергнуть могутъ лишь лица, специально знакомыя съ исторіей живописи вообще и иконографіей Петра Великаго въ частности.

Какъ бы то ни было, портретъ Петра Великаго, принадлежащій Петровской-полтавской военной гимназій, — прекрасная картина, работы несомнѣнно отличнаго мастера. Картина эта имѣетъ 2 аршина и 1 вершокъ высоты и 1 аршинъ 9½ вершковъ ширины. Фигура Петра изображена нѣсколько ниже колѣнъ. Лицо свѣжее, молодое, румяное; глаза большіе черные; выраженіе лица—необыкновенно приятное, улыбающееся, бодрое, но мягкое. Руки отличаются особенною нѣжностію, совсѣмъ не петровскія—мускулистыя и мозолистыя. Изображеніе лица и рукъ, дѣйствительно, напоминаетъ манеру Ларжильера, чрезвычайно отчетливо отдѣлявашаго эти вещи (Андреевъ, Живопись и живописцы, стр. 425). На картинѣ Петръ представленъ, кажется, стоящимъ на берегу моря, подлѣ прибрежнаго камня, о который онъ опирается небольшою зрительной трубой (или фельдмаршалскимъ жезломъ, — разобрать трудно); тутъ же на камнѣ лежитъ бокомъ его шлемъ съ перьями. Правая рука его подперта у бедра, гдѣ она поддерживаетъ набросанную на его плечи богатую мантію, подложенную соболями и крытую темнозеленымъ бархатомъ. Мантія застегнута пряжкой, оправленной драгоценными каменьями, и нѣсколько спустилась на правую сторону. Царь одѣтъ въ стальной панцирь, украшенный позолоченными или золотыми насѣчками; изъ-подъ панциря виднѣется короткая, выше колѣнъ одежда, вѣроятно, камзолъ;

какъ-будто вязанный. На шеѣ повязанъ бѣлый галстухъ; на головѣ надѣтъ короткій парикъ, если только не виднѣются натуральные, подрѣзанные въ кружокъ и нѣсколько вьющіеся волосы. Голубое, подернутое облаками небо и, кажется, виднѣющееся вдали море. нѣсколько свинцоваго цвѣта, дополняютъ фонъ картины, какой-то каменистый, безъ всякой зелени. Портретъ былъ реставрированъ, можетъ быть и не разъ. Въ настоящее время онъ высматриваетъ картиною какъ бы новой.

Портретъ помѣщается въ одной изъ залъ полтавской военной гимназіи *).

М. О. Де-Пуле.

Полтава.

Преданіе о Сидоркиномъ курганѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Липецка начинается чрезвычайно длинный рядъ укрѣпленій, который намъ удалось прослѣдить отъ гор. Усмани (Тамб. губ.) до границы Харьковской губерніи. Отъ Усмани укрѣпленія эти (валъ) тянутся, безъ перерыва, верстъ на 65; близъ города валъ пересѣкаетъ р. Усмань, впадающую въ р. Воронежъ. затѣмъ идетъ по дачѣ Усманскаго лѣсничества почти до самой р. Воронежа у села Чертовицкаго. Тутъ уже не надобился насыпной валъ (валы строились лишь въ „перелазахъ“, т. е. въ тѣхъ ровныхъ мѣстахъ, гдѣ возможенъ былъ набѣгъ татарскихъ полчищъ), такъ какъ натуральною защитой являлась р. Воронежъ съ чрезвычайно крутымъ правымъ (русскимъ) берегомъ; на берегу расположены были острожки Воронежскій и Тавровскій; затѣмъ рядъ шелъ правымъ берегомъ Дона съ крѣпостцами въ с. Сторожевомъ (Коротоякскаго уѣзда), Урывѣ (Корот. уѣз.), Дивьихъ горахъ (монаст. Дивногорскій); тутъ укрѣпленія переходили на лѣвый берегъ р. Тихой-Сосны съ крѣпостцами въ с. Ольшани (здѣсь сохраняются крѣпостные камни съ клеймомъ), Алексѣевкѣ и Усердѣ (Бирючен. уѣзда); затѣмъ опять берегомъ Сосны съ крѣпостцей близъ с. Успенскаго (слѣды крѣпости видны и теперь) вплоть до р. Оскола и по Осколу, со слѣдами укрѣпленій въ с. Югановкѣ, Волоконовкѣ, гор. Валуйкахъ и слоб. Уразовой; отъ крѣпостцы въ Усердѣ, вѣроятно для большей безопасности пологихъ береговъ р. Тихой-Сосны, насыпанъ былъ валъ (такой же, какой видѣнъ на Усманскомъ перелазѣ), идущій мимо гор. Бирюча, Филькина хутора и слоб. Ливенки или вѣрнѣе до крѣпостцы

*) Весьма точная копія съ этого портрета снята мѣстнымъ художникомъ г. Волковымъ и представлена на Московскую выставку. М. П.

въ дер. Полатовой; впереди валоу тянется всегда рядъ кургановъ, служившихъ скорѣе для пикетной службы (сторожевая), чѣмъ спеціально для погребенія павшихъ; такіе ряды кургановъ существуютъ передъ Бирюченскимъ валомъ, у деревень: Ильинки, Хлѣвища, Геязковой, Камышеватой, Злыдневой, Полатовки и Полатовой; передъ Усманскимъ же валомъ на перелазѣ у селъ и деревень: Завальской, трехъ Байгоръ, Голодовки, Луговатой, Абрамовки, Ждановой, Семеновки, Безгинки, Перовки, Покровской Хавы, Сухихъ Гаевъ, Витневки, Рождественской Хавы, Рыкани и Масловки. Одинъ изъ такихъ кургановъ, лежащій близъ села Перовки (Хавской волости, Воронежскаго уѣзда и губерніи), называется „Сидоркинымъ“. Никто изъ мѣстныхъ жителей не могъ мнѣ рассказать никакихъ подробностей объ „атаманѣ Сидоркѣ, пошедшемъ противъ царя Петра и здѣсь погребенномъ“. Толковали, что въ курганѣ искали клада, дорывались до чьихъ-то костей, но и кости не давались „выкладчику“ и уходили глубже и глубже въ землю. Наконецъ, совершенно случайно мы натолкнулись на ямщика (изъ г. Усмани) Василія Яковлева, который упомянулъ, проѣзжая мимо Сидоркина кургана, что слышалъ отъ отца своего „занятную исторію“ объ атаманѣ, и по просьбѣ нашей рассказалъ слѣдующее:

„Въ стародавніе годы ходилъ-гулялъ въ этихъ мѣстахъ Сидорка, разбойничій ватаманъ. Страху нагонялъ онъ великаго на Русь вплоть до самой Рязани и Тулы. Ни купцу, ни боярину проѣзда отъ него не было, а стоялъ онъ со своей дружинишкой вольною на Хавѣ на рѣкѣ, гдѣ она луку дала. Нашего брата христьянина одначе не трогалъ онъ, а награждалъ еще всякаго казною, дарилъ хлѣбомъ и одѣжей, да съ почестью по домамъ распускалъ. Какъ приѣхалъ къ Воронежу царь Петръ, такъ къ Сидоркѣ поклонъ послалъ: „Здравствуй, ватаманъ, на многія лѣта! спасибо тебѣ за твою правду, за то, что на Воронежѣ ты у меня порядки завелъ“. А допречь того Сидорка и взаправду, словно какой губернаторъ: чуть кто изъ начальства почнетъ неправду творить, да на чужомъ горбу ѣздить—тотчасъ и шлетъ къ нему Сидорка-ватаманъ: „выходи, дескать, на такое-то вотъ мѣсто, а не придешь, такъ и силкомъ (насильно) тебя приволочу заставляю“. Вотъ сичасъ придетъ начальство неправдивое—голову ему долой, да въ Питеръ и отнишетъ царю: „такъ и такъ, говоритъ, лишилъ я головы твою начальника, потому отъ него народу тягота была“.—„Выходи ты ко мнѣ въ Воронежю,—пишетъ царь Петръ;—я тебя, ватамана, награждать буду“. Вышелъ къ нему Сидорка.—„Чѣмъ мнѣ тебя, ватамана, награждать будетъ?“ спрашиваетъ царь.—„Нечѣмъ тебѣ наградить меня, говоритъ ватаманъ: казны у меня

больше твое, сила моя сильнѣе твоей: твоя силушка—неводюшка, моя силушка—охотушка. Довольно мнѣ отъ тебя награды—слово твое ласковое, я и тѣмъ счастливъ, что не слышу я плача, да вся христьянскаго“. Сказалъ ему царь Петръ спасибо и уѣхалъ подъ турку, да тамъ и померъ. И пошелъ съ той поры всякій недоглядъ, да недозоръ, да неправда — одинъ Сидорка у себя на Хавѣ, да на Вороньжи правдиво живетъ, христьянъ въ обиду не даетъ. И взбунтовались князья да бояре, да главные управители: „Не хотимъ мы Сидорку живымъ видѣть, онъ намъ упорство чинить, надо его за эту провинность живота лишить. Послали на Сидорку цѣлый полкъ солдатъ; и не въ охотку было имъ противъ Сидорки итти, да дѣлать нечего. Пошло тутъ побоище великое — всѣхъ-то солдатушекъ перебилъ Сидорка. Прислали бояре сто полковъ, и ихъ перебилъ Сидорка — никого не оставилъ вѣстей донести. Стосковались бояре, задумались: „Перебьетъ у насъ всѣхъ солдатушекъ Сидорка, и на сѣмена не оставитъ; за кѣмъ намъ тогда стоять будетъ?“ Собрали бояре тысячу полковъ съ конями, да съ пушками и пошли сами на Сидорку. Сидитъ Сидорка на бережку, на Хавѣ на рѣкѣ, и горькими слезами заливается. „Чую я смертушку лихую-безысходную; умереть мнѣ нонеча передъ вечеромъ. Придите ко мнѣ вы христьяне-народъ воронецкій! помогите мнѣ въ моей бѣдѣ!“ Пришли къ нему тогда всѣ христьяне съ-подъ Тулы, Рязани и Вороньжа и собралось у него рати — перечестъ нельзя. Пришли и полки съ-подъ Питера; становились полки въ степи, а подлѣ луки на рѣкѣ стояла рать Сидоркина. Захотѣли полки перечестъ рать Сидоркину — ей и смѣты нѣтъ. Бросили солдаты считать, стали считать анаралы, да и тѣ со счету сбилися — чихвирю не хватило. Вечеру стали снова считать анаралы, а солдаты стали для нихъ землю шапками таскать, и натащали гору цѣлую — на третьемъ мильонтѣ бросили, остальныхъ не видать — далеко рать раскинулась. Вечеру сошлись рати и боярская и Сидоркина, и былъ тутъ бой страшнѣйшій. Ложатся полки, какъ снопы въ полѣ, а Сидоркина рать все стоймя стоитъ. Сидорка топоромъ что въ лѣсу орудуешь. Семерыхъ анараловъ отдѣлалъ, къ восьмому подскакиваетъ; изловчился-приловчился, да какъ въ самое темя болтыхнетъ его, тотъ такъ и не капнулся. Поглядѣлъ Сидорка анаралу въ очи — анъ это братъ его родненькій. „Братецъ ты миленькій! какъ ты попалъ сюда?“ — „Видно доля моя такая горькая, говоритъ ему братъ: служить, такъ служить; стали меня на тебя посылать — и не хотѣлъ итти, да нельзя послушаться приказа царскаго, рѣшенья боярскаго“. — Какъ услышалъ эти слова Сидорка, обнялъ онъ брата своего крѣпко-на-крѣпко и возговорилъ своимъ ребятушкамъ таковы слова:

„Ой вы гої еси, ребятушки мои, народъ православный! Миѣ не жить у васъ, не служить миѣ вамъ—умирать пора, ужъ насталь мой часъ. Я помру тотчасъ—чуеть конецъ мое сердце богатырское. Ужъ копайте вы яму глубокую, зарывайте мой гробъ въ глубину земли; накладайте на верхъ тяжелъ-камушекъ; и до той поры лежать буду, покуда не пройдетъ на Руси беззаконіе да неправда, не станеть братъ руку поднимать на родного брата. Вы простите миѣ, народъ православный, всѣ грѣхи мои невольные и вольные, мои помыслы и слова мои, погребайте меня во сыру-землю—ничего у меня на Руси не осталось“. Воздохнулъ онъ одинъ только разъ и выпустилъ духъ изъ себя. Разошлись по дворамъ всѣ хрисьяне—ратъ Сидоркина, а Сидорку на томъ самомъ мѣстѣ поны погребли, гдѣ солдаты гору насыпали. Хотѣли - было бояре да князья вынуть тѣло Сидоркино, сжечь, да разметать по вѣтру; принимались они ту гору рыть, да не достали; разъ-быль ужъ совсѣмъ дорылись, да ушло оно въ землю, въ такую глубину, что и счесть нельзя. И до сей поры двѣ ямы на Сидоркиномъ курганѣ видны—изъ Питера приѣзжали, хотѣли тѣло Сидоркино выкопать“.

Пересказъ этотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, только приписанъ Сидоркѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ относится вѣроятно къ Стевкѣ Разину; про Разина тоже полагають, что онъ снова явится на Руси, когда неправда и беззаконіе уничтожатся въ его родинѣ, когда „ворону пища не будетъ“; теперь же Разинъ въ Жигулинскихъ горахъ спитъ и, просыпаясь, все спрашиваетъ у ворона: есть-ли ему пища на Руси; но пища еще есть и Разинъ снова впадаетъ въ сонъ богатырскій. Интересна причина смерти Сидорки: онъ умираетъ тогда лишь, когда братъ поднимаетъ на него руку; братъ этотъ разыгрываетъ здѣсь роль извѣстныхъ 2-хъ плачущихъ надъ тѣломъ Ставра богатырей, послушавшихся приказа Краснаго Солнышка; онъ умираетъ не отъ силы боярской, а отъ горя—сила не сломить Сидорокъ.

Владиміръ Майновъ.

Челобитная о характерѣ.

1721 г.

Всемиловѣйшій царь и государь! Служу я всеижайшій при дворѣ вашего величества, у огороднаго дѣлу, съ 1710 году, со всякимъ прилежаніемъ; а характеру *) и трактаменту никакого не имѣю. И нынѣ всемиловѣйшимъ вашего величества указомъ опредѣляются

*) То-есть, званія, положенія.

какъ гражданскіе, такъ и военныя и придворныя чины вновь, и для того сочиняется регламентъ.

Того ради, всемилостивѣйшій государь, прошу ваше величество дабы я, всенижайшій вашъ рабъ, по высокому вашему величества милосердію, удостоенъ былъ характеромъ, также и жалованьемъ вашего величества, чѣмъ бы я могъ съ домашними своими, по высокой вашего величества милости, пропитаніе имѣть. Вашего величества нижайшій рабъ Борисъ Неровъ.

1721 г. 8-го сентября.

Опечатки: На стр. 803, строка 15 снизу, напечатано: «Вильгельмъ Монсъ», читай: «Вилимъ Монсъ».

На стр. 970, строка 5 сверху, напеч.: «П. Я. Ефремовъ», читай: «П. А. Ефремовъ».

СОЛДАТСКАЯ СКАЗКА

ПРО ДВУХЪ ЦАРЕЙ, РОССИЙСКАГО И НѢМЕЦКАГО,

И О ТОМЪ,

КАКЪ ЦАРЬ РУССКОЙ, ПЕРЕШЕГОЛЯВЪ ЦАРЯ НѢМЕЦКАГО,

ПОСТУПИЛЪ СЪ НИМЪ ВЕЛИКОДУШНО.

Соч. О. С. Чернышева.

1835.

СОЛДАТСКАЯ СКАЗКА

про двухъ царей, Россійскаго и Нѣмецкаго, и о томъ какъ царь Русской, перещеголявъ царя Нѣмецкаго, поступилъ съ нимъ великодушно.

„Солдатская сказка“, весьма талантливая бездѣлка, извѣстна въ русскомъ обществѣ по множеству списковъ, ходившихъ по рукамъ. Она принадлежитъ перу Федора Сергѣевича Чернышева.

Воспитанникъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, Чернышевъ въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтїя поступилъ офицеромъ въ л. г. преображенскій полкъ. Въ 1835 г. были извѣстные Калишскіе маневры: Пруссія браталась съ Россіей. Въ безпрестанныхъ встрѣчахъ офицеровъ и солдатъ нѣмецкихъ и нашихъ войскъ, конечно являлись сравненія, шутки, насмѣшки, соревнованіе другъ противъ друга.... Плодомъ этихъ встрѣчъ и столкновеній явилась у молодого офицера Чернышева „Сказка“, нынѣ впервые появляющаяся въ печати. Принята она была всѣми съ большимъ интересомъ, разошлась въ безчисленныхъ копіяхъ. Разсказываютъ, что императоръ Николай Павловичъ — находилъ ее весьма забавною и что будто по его повелѣнію — она была налитографирована; авторъ пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта....

Военная карьера Ф. С. Чернышева была удачна. Прослуживъ долго въ гвардіи, онъ въ послѣдніе годы своей жизни, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, состоялъ председателемъ комиссіи для разбора рядчиковъ и рабочихъ. Эта комиссія была первымъ опытомъ въ Россіи гласнаго и устнаго судопроизводства. Умеръ Ф. С. Чернышевъ года два или три тому назадъ.

Что касается до его литературной дѣятельности, то лучшимъ произведеніемъ осталась „Солдатская сказка“. Были стишки, эпиграммы, экспромты — нѣкоторые удачны, остроумны, почти всегда нецензурны, относительно „клубничнаго ихъ свойства“, — но вообще талантъ автора разбился, какъ говорится, на мелкую монету...*).

*) Объ авторѣ «Солдатской сказки» Чернышевъ упоминаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» — Ф. М. Толстой, двоюродный его братъ. Изъ замѣтокъ г. Толстаго видно, что «Сказка» уже въ 1835 г. была весьма извѣстна въ кругу товарищей Чернышева. («Русская Старина», изд. 1871 г., т. III, стр. 444).

Печатаемъ „Сказку“ съ двухъ списковъ: одинъ сообщенъ Е. Я. Корневымъ, другой—исправнѣйшій—налитографированъ въ 1838 г., на александрійской бумагѣ, въ большую четвертку, на 26 стр. Списокъ этотъ принадлежитъ библиотекѣ Н. П. Дурова, которому мы и обязаны его сообщеніемъ; П. Я. Ефремовъ сообщилъ намъ такой же экземпляръ.

Бойкость стиха, веселость, необыкновенная смѣлость самыхъ превеличенныхъ и всегда вполнѣ народныхъ сравненій—вотъ достоинства этой сказки и права ея на то, чтобы выдти изъ забвенія.

Ред.

Становитесь въ круговую
Слушать сказку удалую!
Разскажу вамъ, не солгу,
Только чуръ ужъ ни гугу! —
Будетъ былъ, не небылица.....
Въ ротъ, въ комнатъ одной,
Въ полночь самую, порой
Треснетъ полъ, какъ ледъ зимой,
И заляжетъ половица;
Изъ-подъ ней въ сѣдыхъ усахъ,
Лѣзетъ котъ на трехъ ногахъ;
И журмча и мяуча,
Онъ колечкомъ хвостикъ вьетъ,
Сладко пѣсенки поетъ,
У него вѣдъ сказокъ куча:
Распотѣшитъ хотъ кого,
Котъ мнѣ кумъ, я весь въ него,
Что прислушалъ по-солдатски
Подѣлюся тѣмъ но-братски;
А кто сказку перебьетъ,
Или взыщется за слогомъ,
Котъ хвостомъ того убьетъ,
Чортъ повѣсятъ надъ порогомъ.

Жили были два царя:
Царь російскій, царь нѣмецкій.
Русскій царь—царь молодецкій;
Какъ румяная заря,
Свѣжъ лицомъ—и станомъ строенъ,
Какъ конь богатыря;
Смѣлымъ взглядомъ—Божій воинъ,
Подъ ногой дрожитъ земля.
Между плечъ—сажень косая,
Очи полны, бровь густая,
И что стѣны у Кремля
Грудь широкая, крутая;
Ну, ни въ сказкахъ не сказать,
Ни перомъ не написать.—

Царь нѣмецкій — царь пшеничный,
 И не боекъ красотой;
 Рыжій, низенькой, худой,
 Взглядъ куринный, пось брусничный,
 А душа вся въ пятачекъ;
 Руки фертомъ подь бочекъ,
 Грудь — что наша рукавица,
 Умъ — съ куриное яйцо,
 Въ жилкахъ — мутная водица,
 И какъ черствый хлѣбъ — лицо;
 Словомъ, чорту на потѣху!
 Но, политику храня,
 На нѣмецкаго царя
 Русскій царь сѣмотрѣлъ безъ смѣху;
 И, какъ слышно даже, встарь,
 Какъ-то, гдѣ-то, на походѣ,
 Какъ и съ нами на разводѣ,
 Поздоровался съ нимъ царь.
 Видя первенство большое
 Русскихъ славнаго царя
 Молодца-богатыря,
 Затаилъ мечтанье злое,
 Въ бусурманской злой крови
 Царь нѣмецкія земли:
 Диво выдумать такое,
 Славу русскихъ помрачить,
 И во что бы то ни стало,
 Чѣмъ бы, какъ бы ни попало
 Злое горе приключить,
 Срамнымъ срамомъ осрамить.

Пролетаютъ дни за днями,
 И нѣмецкій весь народъ
 Думу думаетъ — и вотъ
 Русскимъ счетомъ черезъ годъ,
 Къ нѣмцу съ добрыми вѣстями
 Лѣзутъ прямо во дворецъ,
 И кричатъ, глядя спѣсиво:
 «Царству русскому конецъ!.....
 Осраимъ его на диво!
 Отыскался молодецъ,
 Хочетъ замокъ оный построить,
 Замокомъ мизю заселить,
 Крышей облакъ раздвонить».—
 — «Ну, спасибо! Такъ и быть!
 Денегъ я не пожалѣю,
 Все отдамъ, что ни имѣю;
 Только-бъ русскому царю,
 Молодцу-богатырю,

Моему врагу, злодѣю,
Злое горе приключить,
Срамнымъ срамомъ осрамить».

Принялися за работы;
Ркоуть, мажутъ и стучать;
Годъ проходить, — и ворота
Замка дивнаго стоять;
Годъ,—другой летитъ, какъ птица.
Стала крыша ужъ видна;
Въ третій годъ на кончикъ шпича
Насадилъ каплуна.....,
Раздоволенъ царь нѣмецкій;
Свищетъ, пляшетъ и поетъ:
То присядеть, то вскочнетъ,
То какъ-будто конь турецкій,
Горло голову деретъ,
И, опѣсився не на шутку,
Наряжаетъ онъ посла,
И велитъ того-жъ числа,
Въ тотъ-же часъ и въ ту-жъ минутку,
Ѣхать къ русскому царю,
Молодцу - богатырю,
И отдать ему предъ трономъ
Харатейную съ поклономъ.

Пишетъ въ ней нѣмецкій царь:
«Русскій, славный государь!
У меня въ землѣ — все худо;
Но одно есть — замокъ чудо!
Въ день кругомъ не обойдешь,
Въ мѣсяцъ оконъ не сочтешь,
И не можетъ соколь-птица,
Долетѣть до верху шпича;
Крышу только увидать,
Надо шапку прежде снять,
А спину согнуть дугою;
Дивной рѣдкостью такою
Подвиги могу я васъ,
Осчастливьте много насъ,
Приѣзжайте, хоть на часъ!»

И досадно шибко стало
Сердцу русскаго царя,
Молодца - богатыря,
Ухо слыхомъ не слыхало,
Око видомъ не видало,
Столь огромнаго дворца.
Для царя же молодца

Лучше лечь костями въ могилу,
 Чѣмъ поддаться нѣмчурѣ;
 И Россіи зная силу,
 Назначаетъ при дворѣ
 Всѣмъ чиновнымъ собираться.
 Всѣ собрались. — «Радъ стараться»
 Въ вадомъ видно на очахъ.
 Не успѣлъ царь молвить слова;
 Не успѣлъ сказать: «здорово!»
 Ужъ кричатъ во всѣхъ концахъ:
 «Для тебя на все готова
 Русская твоя земля.
 Умирать-ли? Всякій лжеть,
 Денегъ, что-ли? Пусть привлекаеть
 Милость царская твоя,
 И свесемъ всѣ до рубля!»

— «Знаю я усердые ваше»,
 Говорить имъ царь въ отвѣтъ:
 «Ваша жизнь мнѣ солнца краше.
 А въ рубляхъ мнѣ нужды нѣтъ;
 У меня ли въ русскомъ царствѣ
 Деньгамъ почестъ отдають?
 Въ нашемъ славномъ государствѣ
 Куры денегъ не клюють;
 Не рубли, не жизнь, иное
 Вамъ усердые предствитъ.....
 Царь нѣмецкій насъ срамить.
 Мнѣ прислалъ письмо лжкое,
 Въ коемъ пишетъ, говорить:
 Что въ нѣмецкии далекой
 Замокъ выстроены высокой:
 Въ день кругомъ не обойдешь,
 Въ мѣсяцъ оконъ не сочтешь,
 И не можеть соколъ-птица
 Долетѣть до верху шпидца;
 Крышу только увидать
 Надо шапку прежде снвать,
 А спину согнуть дугою.
 Дивной рѣдкостью такую
 Хочеть насъ оны подивить;
 Просить крайне посѣтить.
 Побѣжай я въ край нѣмецкій
 Очи русскія срамить!»

— «Государь нашъ молодецкіи!
 Службу выкли мы служить;
 Это-жъ службишка пустая;
 Сутокъ пять, такъ и у насъ,

По-суворовски шагая,
 Убѣжить дворецъ изъ глазъ.
 Изрони царево слово,
 Прикажи отдать приказъ,
 И въ недѣлю все готово;
 Воля царска — Божій гласъ!
 Въ мигъ состроишь. — Ты-жъ, пожалуй
 Поѣзжай, да посмотри;
 Нѣмцу важно носъ утри,
 Царь насмѣшкою удалой».

И поѣхалъ царь на зовъ
 И безъ часу въ сто часовъ
 Доѣзжаетъ до границы;
 Видитъ пламенные шпицы
 Свѣтять въ небѣ далеко.
 Царь подѣхалъ; — высоко
 Замокъ выстроены чудесный;
 Но досады края видъ,
 Нѣмцу съ смѣхомъ говорить:
 «Звалъ меня ты, другъ любезный,
 Чудо-замокъ посмотреѣть;
 Да у насъ въ Россіи кѣтъ
 Курамъ строить вдвое выше;
 Хвастай нѣмецъ, да потише;
 Знай и совѣсть, знай и честь!
 Самъ подумай, чѣмъ дивиться?
 У меня солдатикъ есть,
 Здѣсь ему ни стать, ни сѣсть.
 А куда ужъ развалиться,
 Шалашишка замокъ твой!
 Что смотреѣть, пора домой;
 Мой дворецъ, такъ впрямъ отличенъ,
 Точно близокъ къ чудесамъ,
 Но я хвастать не привыченъ,
 Приѣзжай, увидишь самъ!»

Безъ восьми дней двѣ недѣли
 Былъ въ отлучкѣ бѣлый царь;
 Кони ухорьски легѣли,
 И въ саняхъ, какъ въ колыбели,
 Сидя думалъ государь:
 «Правду молвить, неучтиво
 Нѣмца поднялъ я на смѣхъ;
 Звалъ къ себѣ смотреѣть на диво;
 Ну, а если, да на грѣхъ
 Неудастся наше чудо?
 Что тогда? вѣдь больно худо!»
 Но вотъ ѣдетъ онъ скорѣй,

Сердце бьется веселѣй;
И къ Россіи заповѣдной
Подъѣзжаетъ нашъ отецъ;
Видитъ чудо: всталъ дворецъ;
Землю жметъ фундаментъ мѣдной,
Небо жжетъ златой вѣнецъ,
Шире моря-океана,
Крыша, словно безъ конца;
Стѣны будто изъ тумана —
Всѣ сибирскаго свинца;
По угламъ рѣзныя башни,
Окна въ нихъ сердолики;
А на шицахъ наши шашки,
Сестрорѣцкіе штяки;
Въ башняхъ странствуютъ солдаты,
При бедрахъ у нихъ булаты,
А въ рукахъ ковши, лопаты;
Въ зимній холодъ, для потѣхъ,
Загребаютъ въ небѣ снѣгъ;
Снѣгъ бросаютъ на долины,
И російскаго царя,
Молодца-богатыря,
Грудь и очи соколны
Превозносятъ въ небесахъ;
Солнце — мячикъ въ ихъ рукахъ,
Имъ солдатушки лихіе
Въ дни играютъ гуельне;
А съ молодушкой Луной,
Какъ съ подругой дорогой,
Разговоръ ведутъ и дружбу,
День и ночь несутъ ей службу:
Моютъ свѣжею водой,
Берегутъ лица румянецъ,
Трутъ кирпичикомъ, золой,
И зубкомъ наводитъ глянecъ;
Словно маленькой сестрой,
Новой тѣшатся луной.
Старой — плохо: тесаками
Рѣжутъ, крошатъ, чтобъ звѣздами,
Какъ потѣшными огнями,
Разукрасить неба сводъ,
Словно Питѣрь въ новыи годъ.
Пестры курочки рядами,
И по-взводно пѣтушки,
Золотыя гребешки,
Разноцѣтными хохлами,
Разноперыми хвостами,
Пыль на башенкахъ метутъ,
Клювомъ облака дерутъ,

Свѣжій дождикъ въ тучахъ пьютъ;
Куры пѣсенки поютъ
Съ неба звѣздочки влѣютъ.

Все хитро, умно, богато.
Спѣшно царь за зодчимъ шлетъ,
Благодарность отдаетъ,
И мѣшками сыплетъ злато;
Самъ велитъ секретарю
Къ некрещеному царю
Отписать письмо скорѣе,
Чтобъ онъ ѣхалъ, да живѣе,
Что его царь бѣлый ждетъ
Во дворецъ къ себѣ на мѣдъ.

Получивши приглашенье,
Царь вѣмедьей поспѣшилъ;
Собрать все свое имѣнье —
Все въ фурманку уложилъ;
Взялъ все войско — сотню счетомъ,
Всѣ — на пѣгихъ лошадяхъ,
Всѣ на сѣдлахъ и съ наметомъ,
Всѣ въ желѣзныхъ шишакахъ.
Самъ гофмаршалъ фонъ-дербъ-Херовъ,
Съ цѣлой парой пажей,
Впереди шелъ офицеровъ,
Чтобъ кричать: «держи правѣй!»
И безъ дня недѣля съ годомъ,
Путь-дорога имъ была;
Сказку сказываютъ ходомъ,
Скокомъ дѣлаютъ дѣла.
Скоро-ль, долго-ль, но походомъ
Царь вѣмедьей земли,
Весь измученный, въ пыли,
Усталой, худой и блѣдой
Подъѣзжаетъ наконецъ;
Видитъ ужасъ — не дворецъ!

Землю жметъ фундаментъ мѣдный,
Небо жжетъ золотой вѣнецъ;
Шире моря-океана,
Крыша, словно безъ конца;
Стѣны будто изъ тумана
Всѣ сибирскаго свища;
По угламъ рѣзныя башни,
Окна въ нихъ — сердолики,
А на шпицахъ наши шашки,
Сестрорѣцкіе штыки.
Въ башняхъ странствуютъ солдаты.

При бедрахъ у нихъ булаты,
 А въ рукахъ ковши, лопаты.
 Въ зимній холодъ для потѣхъ
 Загребаютъ въ небѣ снѣгъ;
 Снѣгъ бросаютъ на долины,
 И російскаго царя,
 Молодца-богатыря,
 Грудь и очи соколины,
 Превозносятъ въ небесахъ.
 Солнце — мячикъ въ ихъ рукахъ,
 Имъ солдатушки ляхіе,
 Въ дни играютъ гулевые;
 А съ мѣлодушкой Луной,
 Какъ съ подругой дорогой,
 Разговоръ ведутъ и дружбу,
 День и ночь несутъ ей службу:
 Мокотъ свѣжею водою,
 Берегутъ лица румянецъ,
 Трутъ кирпичикомъ, золою,
 И зубкомъ наводятъ глянecъ;
 Словно маленькой сестрой,
 Новой тѣшатся Луной.
 Старой — плохо: тесаками
 Рѣжутъ, крошатъ, чтобъ звѣздами,
 Какъ потѣшными огнями,
 Разукрасить неба сводъ,
 Словно Штеръ въ новый годъ.
 Пестры курочки рядами,
 И по-взводно пѣтушки,
 Золотые гребешки,
 Разноцвѣтными хохлами,
 Разноперыми хвостами
 Пыль на башенкахъ метутъ;
 Клювомъ облачки дерутъ,
 Свѣжій дождикъ въ тучахъ пьютъ;
 Куры пѣсенки поютъ,
 Съ неба звѣздочки влюютъ.

И лихо — хитрецо дѣло,
 Стало нѣмцу взоръ мутить;
 Лихорадкою бьетъ тѣло.
 И не смѣетъ говорить;
 Какъ и быть, бѣдникъ не знаетъ:
 — «Что?» (царь русской восклицаетъ),
 «Аль не дивно? Такъ внутри,
 Походи, да посмотри!»

Въ нѣмцѣ жизни не замѣтно.
 Стыдъ коверкаетъ ляцо.

Царь ведетъ его привѣтно
 На широкое крыльцо
 Черезъ гранитныя ступени,
 Въ малохитовыя сѣни
 Двери вскрылися собой;
 Такъ и блещутъ бирюзой!
 За дверями часовой,
 Въ ярко-вышитомъ мундирѣ;
 Всѣ кресты, какіе въ мірѣ,
 Можно вздумать и сочестъ,
 На груди его — всѣ есть;
 На рукахъ пятьсотъ павроновъ,
 Цѣлыхъ двѣсти золотыхъ;
 Остальные изъ басоновъ,
 Не простыхъ, а вышивныхъ;
 Въ каждомъ — два десятка клѣтокъ,
 Въ каждой клѣткѣ — сто замѣтокъ,
 Счетъ забранныхъ городовъ;
 Въ часъ не вымѣрять усовъ;
 А рукою богатырской
 (И подумать.... задрожить)
 Лондонъ городъ и Парижъ
 Зашвырнетъ за край Сибирской.....
 Изъ сѣней покоевъ рядъ,
 Поражаетъ нѣмца взглядъ,
 Блескомъ радуги чудесной;
 Всѣ блестятъ какъ сводъ небесный. —
 Черезъ нихъ рѣзнымъ поломъ,
 Шитымъ бисернымъ ковромъ,
 Въ залъ проходятъ танцевальный,
 Весь граненый, весь хрустальный;
 Стѣны, полъ и потолокъ,
 Искры, каждой уголокъ. —
 Все горитъ огнемъ хитрецкимъ,
 Смысломъ русскимъ молодецкимъ.
 Какъ поспѣлъ хрустальный залъ,
 Стало солнышко проситься,
 Посмотрѣть и подивиться;
 Зодчій промаха не далъ,
 (Какъ фельдфебель былъ удалъ),
 Солнце ввелъ и — залеръ залъ,
 И горитъ оно въ затворѣ.
 Русски дѣвушки въ уборѣ,
 Въ дымакахъ, словно въ облачкахъ,
 Всѣ въ торжковскихъ кушачкахъ,
 Всѣ въ газетныхъ башмачкахъ,
 Пляшутъ, вьются до упада,
 Шелку — кудри ихъ досада,
 Зубки — жемчугу не надо,

Щечки—розаны изъ сада,
 Вздохи—вешняя прохлада,
 Станъ и плечи, все подъ радъ;
 А изъ отблесковъ алмаза,
 Каждой вставлены два глаза;
 Да за то ужъ и горять!...

Видя дивности такіа,
 Нѣмецъ-царь: «Ахъ, да ахъ!...»
 Да вдругъ въ ноги чубурахъ,
 И кричитъ: «Ура, Россія!»
 А російскаго царя
 Молодца-богатыря,
 Проситъ бѣдный со слезами,
 Въ живѣ въ дому-отпустить;
 И клянется небесами
 Впредь навѣкъ покорнымъ быть.
 Дурь нѣмецкую забыть.
 Любить русскіе смиренье—
 Въ молодецку царску грудь
 Западаетъ сожалѣнье:
 Царь не сердится ничуть,
 Не бранить его нисколько.
 Щелкнулъ по носу—и только,
 Говоря: «Умиѣе будь!»

Самъ по-царски поступаетъ,
 Солнце въ отпускъ отпускаетъ,
 Чудныхъ дѣвушекъ лицомъ,
 Да солдата-воеводу
 Оставляетъ образцомъ,
 Православному народу;
 Остальнымъ же всѣмъ добромъ,
 Разукрашеннымъ дворцомъ,
 Какъ московскимъ калачомъ
 Подарилъ онъ бусурмана,
 Приказавъ начать другой.

Не видалъ еще я плана,
 Но прослышалъ стороной,
 (Знаетъ все мой котъ рассказчикъ)
 Будто первый былъ—образчикъ,
 А что въ новомъ на весь міръ,
 Царь задать желаетъ пирь.
 Боть сказалъ мнѣ подъ секретомъ.
 Что зиму смѣняютъ лѣтомъ;
 Что приказано царемъ—
 Воздухъ выстирать путемъ;
 Небо вывернуть, какъ шапку;

Солнце, радугу и громъ,
 И луну схватить въ охабку,
 Если можно—такъ добромъ,
 А не то—хоть я штыкомъ,
 По воинскому порядку;
 А изъ солнечныхъ лучей
 Сдѣлать яркую ограду
 Въ видѣ копій и мечей,
 За ограду—громъ въ засаду,
 Чтобъ въ обѣдъ отъ самыхъ щей
 Громъ гремѣлъ вплоть до сластей;
 Молнью по двору разбросить
 Въ видѣ розовыхъ песковъ,
 А вдоль дѣстницъ и половъ,
 Вмѣсто бисерныхъ ковровъ,
 Лентой радугу набросить;
 А молодушкой луной,
 Бѣлымъ, пѣжнымъ полу-свѣтомъ,
 Освѣтить одинъ покой.
 Вечеркомъ въ покоѣ этомъ,
 Будутъ трубочки курить.
 Сладкій медъ, валяясь, пить.....
 Ну, на славу угостить.
 Ширь, чтобъ все въ землѣ дрожало,
 Подъ водою-бъ все бѣжало;
 Жаль, людей на свѣтъ мало,
 И боится царь-отецъ,
 Пусть покажется дворецъ.....
 А? Каковъ нашъ молодецъ?
 Нѣмцу, гдѣ за нимъ тягаться!
 Ну, да что и говорить,
 Лучше сказку пояснять
 Поскорѣй, не то собираться
 Къ перекличкѣ намъ пора.—

Смирно! слушай пѣхтура!
 Въ службѣ царской отличаться.
 По присягѣ вѣкъ служить;
 Непрiателей губить;
 Злому злымъ и откликаться,
 Побѣжденному простить,
 И молить Творца земнаго,
 Не богатства золотаго,
 А священнаго добра.
 Вѣкъ царю! намъ — вѣкъ... Ура!!!

Отъ конторы редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

1) Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ, въ особенности казенныя учрежденія, выписавъ «Русскую Старину», до сихъ поръ не выслали слѣдуемыхъ денегъ. Редакція долгомъ считаетъ увѣдомить, что если подписныя деньги не будутъ доставлены до 15-го іюля сего года, то съ 1-го августа прекратится таковымъ лицамъ дальнѣйшая высылка книгъ нашего изданія.

2) Весьма многія казенныя и общественныя учрежденія, выписывая «Русскую Старину» и присылая деньги, просятъ доставлять имъ по почтѣ квитанціи; считаемъ необходимымъ напомнить, что квитанціи высылаются въ томъ только случаѣ, **если отъ подписчика доставлена почтовая марка.**

3) При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, по почтовымъ правиламъ,—слѣдуетъ вносить—64 к., при перемѣнѣ же иногороднаго на городской — 50 к.

4) Покорнѣйше просимъ извѣщать конторы наши о неполученіи какой-либо книги «Русской Старины» — непремѣнно въ теченіи того же мѣсяца, къ которому относится книга и никакъ не позже слѣдующаго мѣсяца, только въ такомъ случаѣ возможна справка и удовлетвореніе жалобы.

5) Напоминается гг. **городскимъ подписчикамъ въ С.-Петербургѣ**, въ виду переѣздовъ многихъ изъ нихъ на дачи, озаботиться своевременною доставкой ихъ новыхъ адресовъ въ контору нашего изданія или принять мѣры, чтобъ приѣмъ книгъ «Русской Старины» на городскихъ квартирахъ гг. подписчиковъ былъ бы акуратенъ и книги не затеривались бы прислугою.

6) Небольшое количество, всего 97, оставшихся отъ подписки экземпляровъ, «Русской Старины» 1871 г., въ 12-ти книгахъ, съ приложеніями: записокъ, портретовъ, рисунка памятника и снимковъ съ писемъ,—продается въ Спб.: въ Редакціи «Русской Старины» и въ магазинѣ Базунова, а въ Москвѣ—въ магазинѣ Соловьева. Цѣна **восемь** руб. съ пересылкой.

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Записки А. Т. Болотова. 1738—1771 гг., два тома. Спб., 1870—1871 гг., стр. 1002 и 1120, въ два столбца. (Это приложение къ «Русск. Стар.» 1870 и 1871 гг.). Цѣна въ отд. изданіи за оба тома **6 руб.**

II. Записки Я. П. Шаховскаго. 1705—1777 гг., волиціймейстера—при Биронѣ, оберъ-прокурора синода, генераль-крюгсъ-коммисара, генераль-прокурора и конференцъ-министра при Елисаветѣ и сенатора при Екатеринѣ II. Спб. 1872 г., стр. 325. Ц. **1 р. 50 к.**

III. Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожд. Сущевой, 1812—1841 гг. Эти записки заключаютъ въ себѣ очерки быта высшаго русскаго общества и новыя данныя для біографіи поэта Лермонтова. Спб., 1871 г., въ 8-ю д., 260 стр. Цѣна **1 руб. 25 коп.**

IV. Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія. 1809—1831 гг. Новые рассказы очевидцевъ о бунтѣ поселянъ въ 1831 году. Подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта военныхъ поселянъ. Подлинная переписка гр. Аракчеева. Спб., 1871 г., въ 8-ю д. Цѣна **1 руб. 50 коп.**

V. Записки Гавриила Ивановича Добрынина. 1752—1823 гг., три части. Изданіе второе, значительно исправленное и вывѣренное по подлинной рукописи Добрынина. Спб., 1872 г., въ 8-ю д., 380 стр. Цѣна **2 руб. 50 коп.**

VI. Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ, сочиненіе капитана Джона Перри, переводъ съ англійскаго кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ М. И. Семеваго. Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва, 1872 г., въ 8-ю д., 290 стр. Цѣна **1 руб. 50 коп.**

Это полный, безъ пропусковъ, переводъ сочиненія извѣстнаго инженера Перри, выписаннаго изъ Англии Петромъ Великимъ въ 1698 г. и пробывшаго въ Московскомъ государствѣ до 1715 г. Въ книгѣ заключается много подробностей о состояніи Россіи въ 1698—1715 гг. Переводъ исполненъ съ англійскаго языка, съ весьма рѣдкаго Лондонскаго изданія 1716 г.

VII. Сборникъ историческихъ актовъ XVII и XVIII вв. М. И. Семеваго. Москва, въ 8-ю д. Цѣна **50 коп.**

Примѣчаніе. Въ виду продолжающихся требованій на высылку книгъ: 1) «Дневникъ Корба о пребываніи его въ Москвѣ въ 1698—1699 гг. и о стрѣльцкихъ казняхъ», издан. подъ редакціей М. И. Семеваго; 2) «Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г.». Спб., 1870 г., считаемъ необходимымъ объявить, что книги эти давно разошлись всѣ до послѣдняго экземпляра.

ОГЛАВЛЕНІЕ РУССКОЙ СТАРИНЫ 1872 ГОДА.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ. ФЕВРАЛЬ. МАРТЬ. АПРѢЛЬ. МАЙ. ЮНЬ.

Записки и воспоминанія.

	СТР.
I. Записки гр. Григорія Петровича Чернышева 1672—1745 гг. Сообщ. Ѳ. К. Опочининъ	791
II. Письмо къ вельможамъ, правителямъ государства (около 1787 г.). Соч. сенатора кн. М. М. Щербатова.	1
III. Записки академика Александра Лаврентьевича Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ, 1813—1824 гг., записанныя съ его словъ А. И. Герценомъ въ Вяткѣ, 1836 г. Сообщ. Т. П. Пассекъ	16, 159 и 519
IV. Воспоминанія моей жизни, 1792—1866 гг. Записки поч. лейбъ-хирурга Дмитрія Клементьевича Тарасова. Гл. XII—XIV. 1824—1825 гг. Сообщ. А. Д. Тарасовъ	355
Поправки и дополненія въ «Запискамъ»: а) къ стр. 356. Епископъ Пензенскій Амвросій, 1824 г. Сообщ. Т. (480 стр.); б) къ стр. 376. Иркутскій архіерей Ирвиней, его странности. Сообщ. Т. (683 стр.), в) къ стр. 381. Маршалокъ Пусловскій. Сообщ. О. А. Пржецлавскій. (684 стр.).	

Указы, письма, донесенія, рассказы, замѣтки, преданія:

Царствованіе Петра Великаго.

I. Шутки и потѣхи Петра Великаго (Петръ I—какъ юмористъ). 1790—1725 гг.	845
---	-----

	стр.
II. Георгъ Иоганнъ фонъ - Кейзерлингъ, представитель короля прусскаго при дворѣ Петра Великаго: депеши посла объ оскорбленіи его царемъ и кн. Меншиковымъ 1707 г. Извлечены изъ секретнаго императорско-королевскаго архива въ Берлинѣ	803
III. Указъ Петра I о строеніи домовъ въ Петербургѣ. 1715 г. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій	953
IV. Петръ Великій — какъ кораблестроитель: письма его къ бомбардирь-лейтенанту Пальчикову. 1717—1724 гг. Сообщ. А. В. Пальчиковъ	893
V. Птенцы Петра Великаго: письма, донесенія и замѣтки его сподвижниковъ и современниковъ. 1702—1725 гг. Сообщ. П. П. Ламбинъ и С. И. Турбинъ.	903
а) къ кн. А. Д. Меншикову:—Арчила, Т. Стрешнева (2 письма), Инфланта, Чепелева, Римскаго-Корсакова (3 письма), кн. Ѳ. Ромадановскаго, Курбатова, Романа Брюса (5 писемъ), Крюйса, Кирила Нарышкина, Андрея Матвѣева, Еялова (2 письма), кн. Дмитрія Голицына, Кудрявцева и Вараксина, Леонтьева, Ершова, кн. Матвѣя Гагарина (2 письма) и Сафопова. (стр. 905—918).	
б) Баронъ П. П. Шафировъ: экстрактъ изъ его донесеній изъ Константинополя 1712 г. (918 стр.)	
в) Графъ Борисъ Петр. Шереметевъ: письма къ нему: Ѳ. Балка, кн. Куракина, Салтыкова, Репнина и два письма Б. Шереметева. 1712—1717 гг. (923).	
г) Графъ Г. И. Головкинъ: циркуляръ русскому послу въ Константинополь. 1713 г. (926).	
д) Кн. Григорій Долгоруковъ: письмо къ Шафирову. 1719 г. (929).	
е) Гетманъ Иванъ Мазепа: Письмо его къ кн. Меншикову (929); замѣтки найденныя въ его бумагахъ (931); сатира, переводъ съ польскаго (932).	
е) Артемій Петровичъ Волинскій: 1711—1725 гг. (934). 1) Устный приказъ Петра I, переданный Волинскимъ гр. Шереметеву (936). 2) Письма Волинскаго къ кн. Меншикову, гр. Шереметеву и къ барону Шафирову, и отрывки изъ писемъ Волинскаго неизвѣстно къ кому писанныхъ (936 и 941). Извѣстіе о недочетѣ въ 250 тысячъ руб. казенныхъ денегъ, присланныхъ съ ротмистромъ Волинскимъ (938). Объ обидахъ Волинскаго — мичману кн. Мещерскому (950).	
VI. Кладъ Александра Македонскаго и царя персидскаго Дарія, показаніе въ тайной канцеляріи. 1703 г. Сообщ. Г. В. Есиповъ	953

- VII. Письмо св. Дмитрія Туптало, митрополита Ростовскаго (1708 г.). Сообщ. Ф. К. Опочининъ 952
- VIII. Портретъ Петра Великаго находящійся въ Петровской военной гимназіи въ Полтавѣ. Замѣтка М. Ф. Де-Пуле. 958

Царствованіе императрицы Елисаветы.

- Распоряженіе о портретѣ Петра I. подаренномъ духовнику Надаржинскому. 1753 г. Сообщ. Жанъ-Жакъ 956

Царствованіе императрицы Екатерины II.

- I. Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей П. Ф. Карабаповымъ, о времени съ 1762 по 1796 г. 129, 457, 670 и 767
- II. Докладъ Сената о сооруженіи памятника Петру Великому. Сообщ. Жанъ-Жакъ 957
- III. Стихи и надпись къ памятнику Петру I (на французскомъ языкѣ). Сообщ. Жанъ-Жакъ 958

Царствованіе императора Павла.

- I. Указы и повелѣнія Павла I, с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. 1796 — 1797 гг. Сообщ. П. А. Мухановъ; примѣчанія М. Д. Хмырова 235
- Поправки къ примѣчаніямъ г. Хмырова: а) гр. Паленъ, (стр. 479); б) Левшина и Саблуковъ (480); в) князя А. П. Гагарина (685). Сообщ. г. Л.; г) П. А. Обресковъ. Сообщ. К. С. Сербиновичъ (стр. 480).

Царствованіе императора Александра I.

- I. Гусарскія шалости 1801 г. Сообщ. Н. И. Пановъ 681
- II. Распоряженіе о катаньѣ дѣвиць Смольнаго монастыря 1802 г. Сообщ. К. Ф. де-Ливронъ 773
- III. Игуменя Н. В. Шванвичъ, рожд. Гладкая: сатира на ея монастырскія порядки, 1807 г. Сообщ. А. М. Княжевичъ 474
- IV. Рѣчь Александра I въ Государственномъ совѣтѣ 1 янв. 1810 г. Сообщ. А. М. Княжевичъ 472
- V. Письмо цесаревича Константина Павловича. 1816 г. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій 681
- VI. Гр. Николай Семеновичъ Мордвиновъ. 1754—1845 гг.

- Мнѣнія, проекты и записки его по государственнымъ вопросамъ: 1) Трудопоощрительный банкъ. 2) Предложеніе комитету по Черноморской комерціи. 3) Мнѣніе относительно Крыма. 1802 г. Сообщ. гр. А. А. Мордвиновъ; предисловіе и примѣчанія проф. Кіев. универ. В. С. Иконникова. 33, 193 и 199
- VII. Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій:
- 1) Философскіе отрывки и афорисмы. Сообщ. академикъ А. Ѳ. Бычковъ 68
 - 2) „Дополненіе ко вчерашнему разговору“, посланіе въ стихахъ П. А. Словцова къ Сперанскому. 1796 г. Сообщ. П. И. Савваитовъ 80 и 469
 - 3) Отъѣвъ Аракчеева о Сперанскомъ, рассказъ от. Ильинскаго. Сообщ. П. И. Савваитовъ 470
- VIII. Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, рассказы изъ его жизни свящ. села Грузина, Ильинскаго. Сообщ. П. И. Савваитовъ. 470
- IX. Князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.
- 1) Письма его къ женѣ 1810—1813 гг. Сообщ. Ѳ. К. Опочининъ. 257, 947 и 687
 - 2) Письма баронессы Сталь-Гольштейнъ къ княгинѣ Е. И. Голенищевой-Кутузовой-Смоленской 1812—1813 гг. Сообщ. Ѳ. К. Опочининъ. 698
 - 3) По поводу изданія писемъ кн. Кутузова-Смоленскаго: отвѣтъ г-ну Голенищеву-Кутузову-Толстому. 781
 - 4) Потомки кн. Кутузова-Смоленскаго. Замѣтки Ѳ. М. Толстаго 346
- X. Иванъ Петровичъ Кулибинъ.
- Письмо его и завѣщаніе дѣтямъ 1802 г. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ 583 и 773
- XI. Михаилъ Ѳодоровичъ Орловъ (декабристъ).
- Бюграфическая замѣтка Н. М. Орлова. Сообщ. М. И. Богдановичъ 775

Царствованіе императора Николая.

- I. Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ: переписка ихъ и донесенія императору Николаю Павловичу о событіяхъ на Кавказѣ и о войнѣ съ Персіей. 1826—1827 гг. Сообщ. П. И. Врѣони. 706

	СТР.
II. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ: письма его къ кн. Бебутову 1835—1857 гг. Сообщ. А. П. Верже	431
Замѣтка о кн. В. О. Бебутовѣ, 1854 г. Сообщ. Т. (684).	
III. Партизанъ и поэтъ Денисъ Давыдовъ, 1784—1839 гг. Биографическій очеркъ В. Д. Давыдова	624
IV. Бар. Ф. П. Врангель, адмиралъ и ученый 1796—1870 гг. биографич. очеркъ К. Н. Шварца	389
Поправка, сообщ. Т. (684).	
V. Резолюція иркутск. архіеп. Ириней. 1830 г. Сообщ. А. И. Войцеховичъ; примѣч. Т.	477
VI. Подвигъ Вержбицкаго 1838 г., дополнительныя свѣдѣнія. Сообщ. В. Новицкій.	475
VII. Въ исторіи русской цензуры: распоряженіе предсѣдателя наблюдательнаго за печатью комитета, тайн. совѣтн. Бутурлина 5 мая 1848 г. Сообщ. А. М. Княжевичъ.	784
VIII. Письмо генерала Липранди изъ подъ Севастополя. 1854 г. Сообщ. Н. П. Барсуковъ.	682
IX. Фрейлина и статсъ-дама Н. Ѳ. и М. Ѳ. Веригины, замѣтка. Сообщ. К. Веригинъ.	685

Исторія русской литературы:

Русскіе писатели XVIII вѣка.

I. Иванъ Ивановичъ Хемницеръ.	
1) Биографическій очеркъ по рукописнымъ матеріаламъ, статья академ. Я. К. Грота.	215
2) Басни и сказки Хемницера по подлинной рукописи. Сообщ. Г. П. Надхинъ	585
3) Памятная, записная книжка Хемницера. Сообщ. Г. П. Надхинъ; примѣчанія академика Я. К. Грота.	601
II. Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ.	
Замѣтка о его сочиненіяхъ, профес. Казанск. университета Н. Булича	346

Русскіе писатели XIX вѣка.

I. Кондратій Ѳеодоровичъ Рылѣевъ: посланія, думы, поэма, сатира и ода.	
1. Юношескія стихотворенія: а) къ Деліи. б) Счастливая перемѣна. в) Нечаянное счастье (759).	

2. Посланія: а) К—у. 1820 г. б) Къ NN. 1822 г.; в) Вѣръ Николаевнѣ Столыпиной 1825 г. (65; 66 и 280).
3. Думы: а) Предисловіе (270); б) Мстиславъ Удалый (760); в) Михайль Тверской (762); г) Дмитрій Донской (640); д) Глинскій (271); е) Смерть Ермака (275); ж) Борисъ Годуновъ (642); з) Дмитрій Слѣзванецъ (644); и) Богданъ Хмѣльницкій (277); і) Артемій Волынскій (62).
4. Поэма: «Наливайко», отрывки: 1) Кіевъ. 2) Смерть Чигиринскаго старосты. (764).
5. Къ временщику. Подражаніе Персіевой сатирѣ: «къ Рубелію (279).
6. Видѣніе. Ода на тезоименитство его императорскаго высочества в. в. Александра Николаевича. 1823 г. (419).
- II. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.
- 1) Воспоминанія о Грибоѣдовѣ, П. А. Каратыгина (изъ его Записокъ) 423
- 2) Эпиграмма А. С. Грибоѣдова на историографа Н. М. Карамзина 766
- III. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
- Подписка на сооруженіе ему памятника . . . 348 и 686
- IV. Николай Васильевичъ Гоголь.
- 1) Мертвыя души, поэма Н. В. Гоголя: неизданные отрывки и варьянты. Сообщ. М. М. Бого-явленскій 85
- 2) Первый приходъ Гоголя къ Щепкину. Сообщ. В. И. Веселовскій 282
- 3) Воспоминанія о Н. В. Гоголѣ, Н. В. Берга . . . 118
- 4) Письмо Ѳ. В. Булгарина по поводу кончины Н. В. Гоголя. 1852 г. Сообщ. П. Щаповъ 481
- V. Михайль Юрьевичъ Лермонтовъ. Неизданныя стихотворенія, отрывки и письма.
- а) Стихотворенія: 1) Жалоба турка, 2) къ Нээрѣ (84), 3) «Его отецъ богатый былъ маринызъ» (286), 4) «Когда надеждѣ недоступный» (287), 5) Посвященіе, 6) Человѣкъ (288), 7) «Что толку жить!.. Безъ приключеній» (289), 8) Письмо (290), 9) Эпиграмма 10) Къ другу и 11) «Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!» (291).
- б) Письма: 1) Къ тетѣ, и 2) съ стихотвореніемъ «Поэтъ» (293) 3) къ в. в. Мпхангу Павловичу. 1840 г. (295).
- в) Приглашеніе къ читателямъ «Русской Старины» о присылкѣ рукописи стихотворенія «Казначейша» (296).
- VI. Василій Назаровичъ Каразинъ:
- Таврида и ея произведенія, 1842 г. Сообщ. Ф. В. Каразинъ 662

VII. Графиня Евдокія Петровна Ростопчина. „Насильный брак“, рыцарская баллада 1845 г. Сообщ. В. и В. Θ. Булгарины	296
VIII. Николай Алексѣевич Полевой. Письма по поводу его кончины, Л. В. Дубельта къ Θ. В. Булгарину. 1846 г. Сообщ. Т. А. Сосновскій	299
IX. Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ. Замятка о немъ К. С. Сербиновича	147
X. Ѳедоръ Сергѣевичъ Чернышевъ. Солдатская сказка про двухъ царей, російскаго и нѣмецкаго, и о томъ, какъ царь русской, переще- голявъ царя нѣмецкаго, поступилъ съ нимъ велико- душно. 1835 г. Сообщ. Е. Я. Кореневъ, Н. П. Ду- ровъ и П. А. Ефремовъ.	967
XI. Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ: Маіоръ, шутка-поэма. 1846 г.; предисловіе, В. П. Попова, примѣч. П. А. Ефремова	727
XII. Николай Ѳедоровичъ Щербина: Альбомъ его: шутки, эпиграммы, пародіи, надписи, посланія, 1854 — 1864 гг.	150
XIII. Александръ Николаевичъ Афанасьевъ † 23 сентября 1871 г. Биографическая замятка. Сообщ. П. А. Ефремовъ.	789
XIV. Въ память о П. А. Мухановѣ († 16 декабря 1871 г.). М. П. Погодина	335

Исторія русскаго искусства.

Михаиль Ивановичъ Глинка (композиторъ).

Письма и программы по поводу составленія либрето оперы: „Русланъ и Людмила“; предисловіе и примѣ- чанія В. В. Стасова. Сообщ. В. В. Ширковъ	300
2) Подписка на памятникъ М. И. Глинки	300

Русская археологія.

I. „Христіанскія“ и Русскія древности“, изданіе В. А. Прохорова 1871 г.	491
II. Доспѣхи Дмитрія Самозванца. Статья Е. А. Кемме- рера	330

Народная русская словесность.

	СТР.
Пѣвецъ былинъ, крестьянинъ, Т. Г. Рябининъ.	
Сообщ. А. Э. Гильфердингъ	497
Некрологъ: кн. П. П. Гагаринъ († 21 февраля 1872 г.)	518

Библиографическій листокъ о новыхъ книгахъ:

1. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Сергѣя Соловьева. Томъ XXI-й М., 1871 г., Унив. тип., 8°, 379, 11 и 2 нен. стр. Цѣна 2 р. (на оберткѣ I-й книги «Русск. Стар.» 1872 г.).
2. Умственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Книга для воспитателей Ш. Водовозовой. При книгѣ приложены: таблицы чертежей и сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ и подвижныхъ игръ съ народными мелодіями. Спб., 1871 г. Ц. 2 р. (тамъ-же).
3. Изъ русской жизни и природы. Разказы для дѣтей Ш. Водовозовой. Часть I, съ 10 картинами, рисованными на деревѣ Поповымъ—208 стр., ч. II—176 стр. Спб., 1871 г. Цѣна за обѣ части 1 р. 50 к.
4. Гусь. Его отношеніе къ православной церкви. Сочиненіе А. Э. Гильфердинга. Спб. Тип. Майкова, 1871 г., м. 8°, 2 нен. и 79 стран. (тамъ-же).
5. Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый П. Баргневимъ. М. Тип. Иогансона, 1872 г., 8°, 4 нен. 494 и 1 нен. стр. Ц. 3 р. (тамъ-же).
6. Второе прибавленіе (за 1870 годъ) къ систем. каталогу русскихъ книгъ, продающихся въ кн. маг. А. Э. Базунова. Составилъ В. И. Межовъ. Спб., Тип. Безобразова. 1872 г., 8°, 2 нен., VIII, LIX, XX и 80 стр., Ц. 1 р. 25 к. (тамъ-же).
7. Русскій календарь на 1872 годъ А. Суворина. 1-й годъ. Спб. Тип. Сущинскаго, 1872 г., б. 12°, 4 нен. IV и 432 стр. Ц. 1 р. (на оберткѣ 2-й книги «Русск. Стар.» 1872 г.).
8. Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ VII. Спб. 1871 г., XXXVI и 471 стр. Ц. 3 р. (тамъ-же).
9. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Н. Дубровина. Спб., 1871 г. Тип. Деп. Уд, книга I-я (XVI и 460), 2-я—(IV и 422), 3-я (IV и 451) (тамъ-же).
10. Историческія монографіи и изслѣдованія Н. Костомарова. Изд. Кожанчикова. т. XII-й. Спб., 1872 г., 462 стр. Ц. 2 р. 50 к. (тамъ-же).
11. Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. Часть I-я. М., 1870 г., Унив. тип., б. 8°, II, 568 и XXXII стр. Ц. 2 р. (тамъ-же)
12. Списокъ книгъ церковной печати, хран. въ библиотекѣ св. снвода. Изд. Архива св. снвода. Спб., Син. тип., 1871 г., 12°, 69 стр. (на оберткѣ 3-й книги «Русск. Стар.» 1872 г.).
13. Указатель къ «Православному Обзорѣнію» 1860—1870 гг. Состав-

- лень П. А. Вфремовичъ. М., Унив. тип., 1872 г., 8°, 2 неч. VI и 244 стр. Цѣна при выпискѣ журнала 75 к., отдѣльно 1 р. 25 к. (тамъ-же).
14. Матеріалы военно ученаго архива главнаго штаба: Томъ I, Изд. подъ ред. акад. А. Э. Вычкова, Спб., печ. Головина 1871 г. 4°, IV, 846 столб. и 28 стр. (тамъ-же).
 15. Бѣлорусскія пѣсни. Издакъ Петръ Везоковъ. Часть I. Вып. I. М., тип. Бахметева, 1871 г., 8°, LXXX, III, 176 стр. Ц. 1 р. 50 к. (тамъ-же).
 16. Любечъ, Черниговской губ., Городвицкаго уѣзда. Соч. Г. А. Мхлорадовича. М., въ 8 д., 160 стр. (тамъ же).
 17. Очерки внѣшней общественной жизни въ Россіи. Выпускъ 2 на юго-западѣ. Соч. кн. В. П. Мещерскаго. Спб., тип. минист. вн. д., 8° V и 450 (тамъ-же).
 18. Читенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ — за 1871 годъ. Четыре большихъ тома. Цѣна 6 р., съ перес. 7 р. 50 к. (на оберткѣ 4-й книги «Русск. Стар.» 1872 г.).
 19. Санктпегербургъ. Изслѣдованія по исторіи, топографіи и статистикѣ столицы. Центральнаго комит. статист., томъ II и III, (тамъ-же).
 20. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Издакъ П. Пешарскій. Спб., 1872 г., 8°, VIII и 507 стр. (тамъ-же).
 21. Архивъ юго-западной Россіи издаваемый временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, высочайше учрежденною при кievскомъ генераль-губернаторѣ. Часть I-я: акты объ униі и состояніи православной церкви съ половины XVII вѣка (1648—1798 гг.). Томъ IV—746 стр. Цѣна 2 руб. Кіевъ, 1871 г. (тамъ-же).
 22. Древняя русская исторія до монгольскаго ига. Соч. М. Погодина. М. 1871 г. въ 4-ю д. томы I и II (8 нечум. и 825 стр.); томъ III (Рисунки, объясненія и указатели). Цѣна 25 руб. (на оберткѣ 5-й книги «Руск. Стар.» 1872 г.).
 23. Иезуиты въ Западной Россіи въ 1569—1772 годахъ. Соч. А. Демьяновича. Спб. 1872. Тип. Головина, 8°, 226 стр. (тамъ-же).
 24. Народныя сказанія. Сборникъ для юношества. Составилъ П. Полевой. Спб. Тип. Котомина, 1871. 16°, 8 нечум. и 218 стр. Ц. 75 к. (тамъ-же).
 25. Лѣсная глушь. С. Максимова. Спб. 1871. Тип. Плотнокова, м. 8° т. I. (312 стр.), томъ II (334 и XXIX стр.) Ц. 3 р. 50 к. (тамъ-же).
 26. Темныя и свѣтлыя стороны русской жизни, романъ П. А. Зарубина. Спб. 1872 г. 2 тома. Ц. 3 р. 50 к. (тамъ-же).
 27. Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи. Спб. 1872 г. 5-й вып. одинъ томъ и альбомъ 18 хромофотографированныхъ рисунковъ. Изд. П. Н. Ватюшкова (на оберткѣ VI-й книги «Руск. Стар.» 1872 г.),
 28. Домашній бытъ русскаго народа въ XVI и XVII ст. Соч. И. Е. Забѣлина. 2-е изд. съ дополн. М. 1872 г. Тип. Грачева. 8°. Томъ I (XX, 372, и 263 стр.). Томъ II (VIII, 680 и 166). Ц. 4 р. за томъ (тамъ-же).

29. Опыт изучения русских древностей и исторій. Исслѣдованія, замѣчанія и критическія статьи И. Е. Забѣлкина. Ч. I. М. 1872 г. 8°. 4 нел., 556, и II стр. Ц. 2 р. (тамъ-же).
30. Отчетъ императорской публичной библиотеки за 1870 г. Спб. 1872 г. 8°. 2 нел. и 221 стр. (тамъ-же).
31. Въ память гр. М. М. Сперанскаго. Изд. Импер. публич. библиотекѣ Спб. 1872 г. Тип. II-го Отд., б. 8°. 2 нел., XXVIII, 855 и XXVII стр. (съ портретомъ). (Тамъ-же).
32. Списки архіереевъ и архіерейскихъ кафедръ Іерархіи Всероссийской, со времени учрежденія св. пр. Синода (1721—1871). Сост. Ю. Толстой. Спб. 1872 г. 8°. 4 нел., 153 и II стр. (тамъ-же).

Приложенія къ пятому тому «Русской Старины»:

- I. Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ. 1738—1794 гг. Томъ третій, части: XV, XVI и XVII. 1771—1774 гг., стр. 1—416 (съ приложеніемъ особаго заглавнаго листка).
 Это первая половина третьяго тома «Записокъ Болотова» должна быть выдѣлена изъ книгъ (1-й по 6-ю, 1872 г.), къ которымъ она приложена, и переплетена въ одну книгу со второю половиною (прилож. къ 7-й по 12-ю кн. 1871 г.). Въ концѣ третьяго тома «Записокъ Болотова» будетъ помѣщено подробное, особое оглавленіе книги, какъ сдѣлано при двухъ томахъ «Записокъ».
- II. Портретъ А. Л. Витберга, академика, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ. 1787—1855 гг. Гравироваль Ѳ. Г. Герасимовъ (прилож. къ стр. 16).
- III. Портретъ Т. Г. Рябинина, крестьянина Олонецкой губерніи, пѣвца былинъ, род. 1793 г. Съ фотографіи Н. Ѳ. Досса, гравироваль академикъ А. Л. Сѣряковъ (прил. къ стр. 497).
- IV. Рисунокъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ, проектъ академика Витберга. 1817 г. Гравироваль съ рисунковъ, сообщенныхъ Ѳ. А. Витбергомъ и художникомъ И. А. Ибердусовымъ,—академикъ А. Л. Сѣряковъ (прил. къ стр. 582).
- V. Рисунки: 1) Домъ въ Бунцлау, въ которомъ скончался, 13 апрѣля 1813 г., кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій; и 2) памятникъ кн. М. И. Голенищеву-Кутузову-Смоленскому въ Бунцлау. Гравироваль съ фотографій, сообщенныхъ вице-адмираломъ Ѳ. Д. Нордманомъ,—академикъ А. Л. Сѣряковъ (прилож. къ стр. 698).
- VI. Фрески на лѣстницѣ Киево-Софійскаго собора XI в. а) музыканты и плясуны, и б) княжеская охота. Съ рисунковъ В. А. Прохорова, исполнены въ его же литографіи. (прилож. къ стр. 496).
- VII. Собственноручное письмо кн. М. И. Голенищева-Кутузова о Бородинской битвѣ 1812 г., фотолитографическій снимокъ. (Прилож. къ стр. 269).

реписки Рунича съ некоторыми лицами (особенно любопытны два рескрипта императора Павла, знакомящие со взглядомъ этого государя на расколъ, взглядомъ, свидѣтельствующимъ о религиозной терпимости); 4) 346 писемъ графа В. А. Перовскаго, графа А. Толстаго, Середы, Глѣбова и Кудрявцева къ Я. В. Ханькову (особенно замѣчательно письмо графа Перовскаго, писанное незадолго до начала крымской войны: отъ проницательнаго взгляда графа не скрылось наше внутреннее неустройство и неподготовленность, и въ этомъ письмѣ гр. Перовскій является какъ-бы пророкомъ, предвидящимъ тѣхъ событій, которыя вдругъ разразились надъ нами); 5) собраніе дубликатовъ писцовыхъ книгъ; 6) початныя записки по дѣламъ государственнаго совѣта за прѣжніе годы, сколько можно было ихъ собрать, и всѣ ивѣщія выходить, начиная съ 1870 года; 7) 80 томовъ С.-Петербургскихъ Ведомостей съ 1728 по 1800 годъ; 8) одинъ изъ самыхъ древнихъ и драгоценныхъ памятниковъ мусульманской письменности, корабль Османа, писанный кумическимъ шрифтомъ (принесенъ въ даръ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ К. П. Кауваномъ), и пр. и пр. Общее число читателей, бывшихъ въ публичной библиотекѣ въ теченіе 1870 г. было 69,167 чел. (изъ нихъ 407 л. жен. пола).

Въ память графа Михаила Михайловича Сперанскаго. Изданіе Императорской публичной библиотеки. Спб. 1872. Тип. Вт. Отд., б. 8°. 2 вен., XXVIII, 855 и XXVII стр. (съ портретомъ).

1-го января нынѣшняго года, какъ извѣстно, была празднована столѣтняя годовщина дня рожденія графа М. М. Сперанскаго. Императорская публичная библиотека, получавшая въ даръ въ 1857 году отъ дочери графа Сперанскаго, Елисаветы Михайловны Фроловой-Багрѣвой, всѣ оставшіяся послѣ него бумаги, ученые труды и переписку, рѣшила издать въ свѣтъ дневникъ, веденный Сперанскимъ во время его перѣздовъ по Сибири, а также всей его переписки, хранящейся въ библиотекѣ, и некоторыхъ его сочиненій, какъ образцовъ того, чѣмъ онъ интересовался въ области науки, и чтѣ занимало его умъ въ свободныя минуты отъ дѣлъ государственныхъ; образцы философскихъ сочиненій Сперанскаго читатели видѣли въ «Русской Старинѣ», т. V, стр. 68—79.

Объемистый томъ, изящно напечатанъ и распадается на три отдѣла: 1) дневникъ; 2) переписка М. М. Сперанскаго съ разными лицами; 3) разныя статьи М. М. Сперанскаго и отрывки изъ его сочиненій.

Образцовый, въ издательскомъ отношеніи, трудъ исполненъ подъ редакцію академика А. О. Бычкова.

Списки архіереевъ и архіерейскихъ кафедръ іерархін Всероссійской, со времени

учрежденія св. пр. Синода (1721—1871)
Составилъ Юрій Толстой. Спб. 1872. 8°. 4 вен., 153 и II стр.

Трудъ Ю. В. Толстаго, исключительно предназначенный для справокъ, пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ особенную важность и долженъ быть признанъ весьма полезнымъ. Основаніемъ для «Списковъ» послужилъ извѣстный трудъ пензенскаго епископа Амвросія Орнатскаго, относительно свѣдѣній за минувшее столѣтіе. Но эти свѣдѣнія, хотя и почерпнутыя изъ помянутаго труда, получаютъ тѣмъ большую важность, что онѣ проверены и отчасти исправлены Ю. В. Толстымъ по хранящимся въ синодальномъ архивѣ документамъ; данныя за новѣйшее время взяты изъ архивныхъ документовъ. Ближайшими сотрудниками Ю. В. Толстаго были: Н. И. Григоровичъ и Н. П. Барсуковъ. Порядокъ, въ которомъ расположены «Списки», слѣдующій: 1) архіереи (числомъ 20), управлявшіе епархіями при учрежденіи Синода; 2) хиротонисанные, по учрежденіи синода (этотъ отдѣлъ расположенъ въ порядкѣ царствованія); 3) нынѣшніе іерархи по старшинству состоянія ихъ въ различныхъ степеняхъ архіерейскаго сана; 4) перечень епархій и викариатствъ въ последовательномъ порядкѣ ихъ учрежденія; 5) азбучная роспись епархіальныхъ и викарныхъ кафедръ, съ поименованіемъ епископовъ, занимавшихъ оныя. Къ концу приложенъ общій указатель епископовъ по именамъ. Было бы желательно, чтобы при второмъ изданіи «Списковъ», былъ приложенъ, помимо именнаго, фамильный указатель, т.-е. по прозвищамъ.

Трудъ Ю. В. Толстаго, какъ мы сказали,—важенъ, полезенъ и весьма удобенъ для справокъ. Нѣтъ сомнѣній, что почтенный трудъ этотъ вызоветъ искреннюю благодарность его составителю со стороны всѣхъ занимающихся отечественною исторіею; но, въ тоже время, является весьма естественное желаніе, чтобы Ю. В. Толстой продолжалъ свои изысканія въ этой области: судя по прекрасному началу, должно быть и такое же продолженіе. Впрочемъ, отъ Ю. В. Толстаго мы вправе ожидать такихъ же, и о томъ же «Списковъ» съ древнѣйшихъ временъ до 1721 года; во-вторыхъ, «Списковъ» монастырямъ и лицамъ, или управлявшимъ и управляющимъ. Наконецъ: къ каждому изъ этихъ трехъ «Списковъ» (одинъ изданъ, два—въ проектѣ) можно было бы сдѣлать приложенія, въ которыхъ имѣютъ быть собраны указанія на біографическія данныя, касающіяся каждого лица и разсѣяныя, Богъ-знаетъ, въ какихъ и сколько изданій; свѣдѣнія объ ученыхъ трудахъ, сочиненіяхъ и изданіяхъ каждого лица, а также о проповѣдяхъ и словахъ, сказанныхъ, и гдѣ-либо отдѣльно напечатанныхъ, и пр.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г. третій годъ изданія.
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложения, не менѣе 36 листовъ,— съ пересылкой г. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ исключительно въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамилии и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерціи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или черезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

За переѣзду адреса: городскій — 64 коп., а иногороднаго на городскій—50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у **Спаса-Преображенія, Литейной ч. въ д. Лисицына и въ д. Труда, кв. № 12.**

Въ послѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. записокъ Болотова, поч. лейбъ-хир. Д. И. Тарасова, академика А. Л. Витберга, Лагарпа, М. А. Бестужева, и архивовъ кн. Голицына-Кутузова, кн. Муравиныхъ, гр. Станельберговъ, кн. Щербатова, свѣтл. кн. А. А. Италійскаго графа Суворова-Рымнинскаго, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. Суворова, свѣтл. кн. П. М. Волконскаго, Шишнова, Бахтина, — записки: гр. Ф. П. Толстаго, адмир. Нолзанова, И. И. Горбачевскаго, кн. С. Г. Волконскаго, (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Маевского, кн. Барилей-де-Толли, кн. А. А. Шаховскаго, партизана Дениса Давыдова, И. Н. Скобелева, В. Н. Кюхельбенера (1831—1841 гг.); генерала Фельнера, ав. жинв. А. В. Ступина (1775—1861 г.), бывш. помеч. Д. П. Рунича; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790—1794 гг.: дневникъ вѣкаера 1818 г. въ Россіи; записки А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ф. Опочинина (до 1831 г.); записки Н. В. Веригина и др. Дѣло Волынскаго; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Пинара (1782 г.); письма Елатеріны II; письма императоровъ: Павла I, Александра I, цесар. Константина; императр. Елизаветы Алексѣевны; Нулибина; гр. Аракчеева, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеновской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова; мнѣнія гр. Н. С. Морданова, письма графа Толя (1831 г.); 60 писемъ митрон. Евгения Болховитина; неизданныя бумаги А. С. Грибоѣдова; И. Н. Батюшкова (болѣе 80 писемъ), Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Рылѣва, Пушкина, статьи В. Н. Каразина; сообщенія акад. А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина, П. И. Щербальскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣляева и Н. С. Тихонравова; Г. Н. Геннади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова, проф. Бриннера, Н. П. Дурова. Сообщ.: К. С. Сербиновича, кн. П. Д. Волконскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, Н. И. Панова, Н. Н. Селифонтова, Ф. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, М. П. Корнилова, Н. П. Нолзанова, Н. Ф. Крузе, гр. Э. Н. Чапскаго, А. П. Чеботарова, Г. И. Рѣпинскаго; И. П. Липранди, В. А. Краснопутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, Ш. И. Богдановича, бар. Ф. А. Бюлера, М. Ф. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ и мн. др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старини“ принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ и Археографической Коммиссіи—

Михаилъ Ивановичъ Семеновскій.